

Москва – Србија / Београд – Русија

МОСКВА – СЕРБИЈА БЕЛГРАД – РОССИЈА

Сборник докумената и материјала
1917–1945 гг.

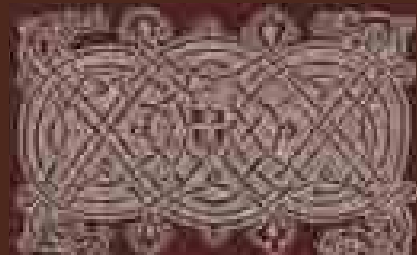

БРАТ - BRAT

МОСКВА – СЕРБИЈА / БЕЛГРАД – РОССИЈА
1917–1945 гг.

4

МОСКВА – СЕРБИЈА / БЕЛГРАД – РОССИЈА

МОСКВА – СРБИЈА / БЕОГРАД – РУСИЈА

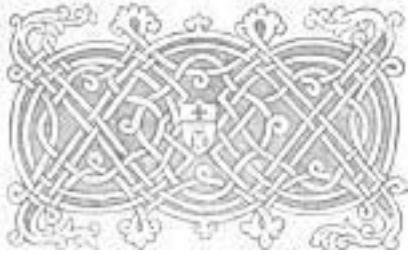
МОСКВА – СЕРБИЈА

Москва – Сербия / Белград – Россия

БЕОГРАД – РУСИЈА

В память о профессоре Мирославе Йовановиче
(1962–2014)

ББК 63.3(2)
М 82

Главное архивное управление города Москвы
Центральный государственный архив города Москвы
Архив Србије

Издатели / За издаваче

Ярослав Онопенко
Мирослав Перишић

Редакционная коллегия / Редакција

Ярослав Онопенко
(председатель)
Лариса Сгадлева
Юлия Гуляева
Татьяна Емельянова
Наталья Пузырева
Ирина Смирнова

Мирослав Перишић
(руководилац пројекта)
Горан Милорадовић
(председник редакције)
Татјана Суботин-Голубовић
Алексеј Тимофејев
Александар Рафаиловић
(секретар редакције)

Художественное оформление серии / Идејно решење серије

Драгана Лацмановић

Художник тома / Дизајнер тома

Анна Дикарева

На обложке: Фрагмент билета Лотереи объединенных русских офицерских обществ в Югославии. 1931 г. (НБС).

На корешке: Югославский орден «Партизанская Звезда», выкованный на Московском монетном дворе. 1944 г. (ЦГА Москвы).

На форзаце: Фрагмент приглашения на Новое кладбище в Белграде в память русских офицеров и солдат, павших на фронтах Первой мировой войны (НБС).

На заднем форзаце: Советская медаль «За освобождение Белграда». 1945 г. (ЦГА Москвы).

На корицама: Фрагмент лутријског лоза Обједињених руских официјерских друштава у Југославији. 1931. г. (НБС).

На рикни: Југословенски орден „Партизанска Звезда“, израђен у Московској ковници новца. 1944 г. (ЦГА Москве).

На предњем форзецу: Фрагмент позивнице за помен на Новом гробљу у Београду руским официјирима и војницима, палим на фронтима Првог светског рата (НБС).

На задњем форзецу: Совјетска медалја „За ослобођење Београда“. 1945. г. (ЦГА Москве).

ISBN 978-5-7228-0262-0
ISBN 978-86-80786-02-05

© Главархив Москвы, 2017
© ЦГА Москвы, 2017
© Архив Србије, 2017

Главное архивное управление города Москвы
Центральный государственный архив города Москвы
Архив Сербии

МОСКВА – СЕРБИЯ БЕЛГРАД – РОССИЯ

сборник документов и материалов

Том 4

Русско-сербские отношения.
1917–1945 гг.

МОСКВА – СРБИЈА БЕОГРАД – РУСИЈА

документа и материјали

Том 4

Руско-српски односи.
1917–1945.

Авторы-составители
/ Приређивачи

Алексеј Тимофејев
Горан Милорадовић
Александр Силкин

Москва – Белград / Москва – Београд
2017

Содержание / Садржај

Предисловие / Предговор

А. Силкин (Москва). Без России и Сербии:
русско-сербские отношения. 1917–1945
/ А. Силкин (Москва). Без Русије и Србије:
руско-српски односи. 1917–1945. 9

А. Тимофеев (Белград). Сербско-русские
общественно-политические отношения
в период национальной трагедии. 1917–1945
/ А. Тимофејев (Београд). Српско-руски друштвено-политички
односи у раздобљу националне трагедије. 1917–1945. 34

Г. Милорадович (Белград). Культурные связи крепче политических:
сербы и русские. 1917–1945 гг.
/ Г. Милорадовић (Београд). Културне везе јаче од политичких:
Срби и Руси 1917–1945. године. 54

Археографическое примечание
/ Археографска белешка 72

Документы и материалы российских архивов
/ Архивска грађа руских збирки

Раздел I. Участие югославян в Гражданской войне
в России на стороне белых

Глава 1. Йован Миланкович – последний дипломатический
представитель Сербии в России. 79
Глава 2. Сербский батальон в Северной области. 108

Раздел II. Русская эмиграция в Королевстве СХС 121

Раздел III. Югославская эмиграция в СССР

Глава 1. Югославыне-коммунисты в России
в годы Гражданской войны. 1917–1920 гг. 242
Глава 2. Югославский сектор
Коммунистического университета
национальных меньшинств Запада
им. Ю.Ю. Мархлевского 270
Глава 3. Коминтерн и «великосербская гегемония» 332
Глава 4. Судьба сербских коммунистов в Москве. 350

Раздел IV. Советско-југославские културные контакти.....	384
Раздел V. Вторая мировая война	449

Архивска грађа српских збирки
/ Архивные материалы сербских собраний

Део I. Руска револуција и грађански рат	
Глава 1. Деловање српских дипломатских претставништава	499
Глава 2. Добровољачки корпус у Русији	530
Глава 3. Руси и Срби у револуцији и грађанском рату.....	554
Део II. Руска емиграција у Југославији	
Глава 1. Друштвени живот	578
Глава 2. Политички живот	652
Део III. Међудржавни односи	
Глава 1. Односи са револуционим владама	708
Глава 2. Успостављање и прекид односа са большевцима	714
Глава 3. Успостављање односа са царистичком владом у Сибиру	736
Глава 4. Поновно успостављање односа Југославији и СССР-а.....	740
Део IV. Образовање	
Глава 1. Школовање Срба у Русији до краја грађанског рата	746
Глава 2. Утицај руских емиграната на српску просвету	764
Део V. Културни односи	
Глава 1. Везе руске и српске уметничке авангарде.....	772
Глава 2. Удружења и међусобне посете	786
Глава 3. Совјетски филмови у Југославији.....	801
Део VI. Црквени односи	
Глава 1. Црква и револуција	816
Глава 2. Руска православна црква (загранична) и Српска православна црква.....	826
Глава 3. Руска православна црква (загранична) у рату.....	846
Део VII. Партијски односи.....	860

Део VIII. Други светски рат у Југославији	
Глава 1. Руски емигранти и рат	877
Глава 2. Руси, окупацији и грађански рат у Југославији	890
Глава 3. Грађански рат међу србима и Совјетска Русија	906
Глава 4. Црвена армија и ослобођење источних предела Југославије	934
Перечень документов / Списак докумената	960
Именной указатель / Именски регистар.....	984
Список сокращений / Скраћенице	1002

Предисловие / Предговор

А. Силкин (Москва)

БЕЗ РОССИИ И СЕРБИИ:
РУССКО-СЕРБСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ. 1917–1945

А. Силкин (Москва)

БЕЗ РУСИЈЕ И СРБИЈЕ:
РУССКО-СРПСКИ ОДНОСИ.
1917–1945.

Рассматривая судьбу русских и сербов в первые десятилетия «короткого» XX в., профессор Белградского университета Мирослав Йованович отмечал, что «начало нового времени для обоих народов ознаменовано радикальным изменением форм их государственного существования. В революционном круговороте (1917) первой исчезла Российская империя. В свою очередь, по окончании Первой мировой войны (1918) сербская политическая элита во главе с династией Карагеоргиевичей добровольно растворила независимость и государственность Сербии в новосозданном государстве южных славян – Королевстве сербов, хорватов и словенцев. На исторической сцене появились Югославия и Советский Союз. Взаимные отношения в значительной мере утратили национальный атрибут. Наступила эра идеологии...»¹.

Произошедшие перемены поставили составителя, работавшего над четвертым томом настоящей документальной серии, перед очевидным затруднением. Его суть в невозможности следования «в фарватере» второго и третьего томов, освещавших двусторонние отношения на протяжении «долгого» XIX в. В результате революции и Гражданской войны прервались те традиционные социокультурные и политические связи, в которых важнейшую роль играла Москва – «инициатор сербского вопроса в общественном и политическом мнении России»². Не стало ни страны, ни ее общества, а «старая» столица превратилась в «центр мировой революции»...

Вышесказанное, однако, не может поставить под сомнение обоснованность «пролонгации» проекта «Москва – Сербия, Белград – Россия» на период 1917–1945 гг. Ведь в фокусе нашего внимания – очередной этап многовековой истории русско-сербских отношений. А они заслуживают рассмотрения безотносительно того, как менялись влиявшие на них факторы, как то: формы русской и сербской государственности, метаморфозы общества, статус и значение отдельных городов и т.д.

Подчеркнем, менялись, а не исчезали. Та же новая/старая столица в настоящей публикации фигурирует в разных ипостасях. В документах Коминтерна – как рассадник кадров для югославской революции (1941–1945) и как столица государства, сыгравшего главную роль в освобождении Сербии/Югославии от нацизма. В материалах Литературного музея, Союза писателей и ВОКС – как центр советской (но по-прежнему) русской культуры, интерес к которой способствовал распространению советского влияния. Что касается свидетельств о судьбе русской эмиграции в Сербии, преимущественно южнорусской по происхождению, то Москва присутствует, даже без упоминания ее, едва ли не в каждом из них. Для большей части беженцев значение «белокаменной» соответствовало ее месту в целом в русской истории и культуре. Именно Москва служила символом надежды на возвращение на родину тех, кто отправился в изгнание

из Малороссии, с Дона, Кубани и Кавказа³. Воистину, «Москва! Как много в этом звуке...».

Однако не об одной Москве речь. Концепция данного сборника в не меньшей мере, чем событиями в России, обусловлена югославянской метаморфозой Сербии.

СЕРБИЯ В ЮГОСЛАВИИ. 1918–1941

«Всего сорок лет спустя после обретения независимости (1878) сербская политическая элита возложила государственность Сербии и ее военные завоевания на алтарь нового государственного образования южных славян...»⁴ – так М. Йованович в уже процитированной нами работе характеризует образование Югославии – «переломное для современной сербской истории событие». И роковое, если принять во внимание его последствия.

В первые годы своего существования Королевство СХС во многом воспринималось современниками как увеличившаяся в размерах Сербия, от которой оно автоматически унаследовало династию, победоносную армию, административный аппарат и правоохранные органы, избирательное право, на основании которого прошли выборы в Учредительное собрание, политические партии, занявшие доминирующее положение в представительной и законодательной власти, и, наконец, саму конституцию⁵. Кроме того, при формальном разделении королевства на тридцать с лишним областей (с 1922 г.) каждый серб – будь то сербиянец⁶, черногорец или бывший австро-венгерский подданный – был уверен, что живет в обретенном «Душановом царстве», начало борьбе за которое положил Карагеоргий, а завершил принц-триумфатор Александр Карагеоргиевич⁷.

К концу 1930-х – началу 1940-х гг. убежденных в этом осталось немного. В частности, потому что в то время как Сербия по-прежнему отсутствовала на карте как территориальное образование, на ней появились Словения, а затем и Хорватия⁸, обособившие собственные «исторические земли» в соответствующих областях-бановинах. Показателен случай, имевший место на конференции югославских спортивных обществ, состоявшейся в начале 1941 г. В ходе собрания один из его хорватских участников заявил, что представленные сербские спортивные союзы, в отличие от хорватских, «не имеют права называться сербскими, так как *не существует ни Сербской бановины, ни Сербии* (курсив мой. – А.С.)»⁹. Что же произошло с ней за двадцать с небольшим лет?

В 1918 г. предполагалось, что образование Королевства СХС (1 декабря 1918 г.), в состав которого вошли Сербия, Черногория и населенные югославянами области бывшей Австро-Венгрии, будет в наибольшей мере способствовать воплощению «заветной мысли сербской» – объединению всех сербов под одним скипетром¹⁰. Идеологическим обоснованием создания

Югославии стал тезис о существовании «триединого народа сербов, хорватов и словенцев».

«Народное единство» подразумевало достижение единства государственного, то есть обустройства Югославии на строго централистской основе. «Объединившись, сербы, хорваты и словенцы должны устранить... все разделявшие их административные границы... Ибо Королевство СХС возникло не в результате соглашения, заключенного прежними государствами и областями. Оно воплощает волю сербов, хорватов и словенцев, которые, несмотря на три различных имени, суть один народ»¹¹, – такой логикой руководствовались две крупнейшие сербские партии – Народная радикальная (НРП) и Демократическая (ДП). Плодом их сотрудничества в правительстве и Учредительном собрании¹² стала конституция, принятая 28 июня 1921 г. Основным законом описывал королевство, поделенное на «области, образованные в соответствии с природными, социальными и экономическими критериями»¹³. В перспективе такое устройство должно было привести «к устранению всех особенностей менталитета и идеологии, нас (югославян. – А.С.) разделявших»¹⁴, и, более того, – к «формированию государственной идеи», которая бы пришла на смену «племенному сознанию»¹⁵.

Увы, политические реалии не оправдали оптимистических ожиданий. Унитаристские намерения сербов натолкнулись на неприятие официальной идеологии большинством словенцев и, что важнее, хорватов, представители которых отрицали легитимность как самого Королевства СХС (до 1925 г.), так и его конституции¹⁶. В конце 1920-х гг. Югославия оставалась все тем же разобщенным территориальным образованием, что и десять лет назад. Она по-прежнему де-факто делилась на шесть «исторических» правовых областей¹⁷, в которых действовало по пять разных уголовных¹⁸ и налоговых¹⁹ кодексов.

Причиной тому не только имманентно присущий любому многонациональному государству конфликт столицы и «окраин», но и давние противоречия внутри самого «централистско-унитаристского фронта радикалов, демократов, двора и генералитета». Нельзя сказать, чтобы перечисленные три фракции после принятия конституции не представляли себе объем деятельности, необходимой для консолидации королевства, однако сдерживать взаимную неприязнь ради ее осуществления они уже не собирались. Ущерб от этой конфронтации определялся обыкновением использовать любую проблему в качестве инструмента для достижения сиюминутных узкопартийных целей. Перманентно острый «национальный вопрос» предоставлял в этом отношении богатые возможности.

Сепаратистские устремления Загреба и Любляны в 1921–1929 гг. служили не столько объектом «терапии», сколько последним весомым аргументом междоусобной борьбы. Ее участники за формальную лояльность государству

и его законам, помощь в формировании парламентского большинства или устранении от кормила власти политического соперника расплачивались со словенскими и хорватскими «федералистами» приостановлением «реализации конституции», негласным разделом регионов на сферы влияния и, в результате, сохранением незримой границы, отделявшей Сербию от бывших австро-венгерских провинций. В 1930 г. последствия подобной тактики британский посланник в Белграде оценивал так: «Бесплодные партийные интриги, которым предаются белградские политики, сделали невозможным проведение каких-либо законодательных или административных реформ... За десять лет в Белграде было образовано двадцать пять кабинетов, и все они занимались мелким политиканством – главным развлечением на Балканах, – вместо того чтобы решать срочные проблемы государственного обустройства...»²⁰.

Победителем из вышеописанного противостояния вышел король Александр Карагеоргиевич, 6 января 1929 г. совершивший государственный переворот и установивший режим личной власти. Политические конкуренты монарха – сербские, хорватские, словенские и мусульманские партии – попали под запрет как подстрекатели «политических страстей», грозивших распадом югославянского государства. Выход из кризисной ситуации узурпатору виделся в упразднении конституции, роспуске парламента, а также в переименовании Королевства СХС в Королевство Югославия и его административно-территориальном переустройстве (что и произошло 3 октября 1929 г.). Девять «бановин»²¹ пришли на смену тридцати с лишним областям, образованным в апреле 1922 г.

И то, и другое разграничение, формально игнорировавшее исторический опыт межгосударственных и межэтнических отношений, осуществлялось с учетом потребностей сербов, как они виделись официальному Белграду. Оба раза границы проводились так, чтобы они в максимально возможном числе областей составляли большинство. Однако если в первом случае на территории Сербии «сохранялось прежнее административное деление, в рамках которого уже функционировала государственная власть»²², то проведенная спустя восемь лет реформа окончательно стерла контуры довоенного королевства с карты Югославии.

«Размывание» Сербии поставило интересы «сербства» – 39% населения страны – в зависимость от судьбы всего югославянского государства. Или, конкретнее, от главного фактора оной, а именно – состоятельности авторитарного режима, располагавшего монополией власти и осуществлявшего попытку последовательного воплощения догм «интегрального югославизма».

Результат этих усилий известен. На 1929–1934 гг. пришелся мировой экономический кризис – худший помощник в деле достижения единообразия разношерстного королевства. «В 1931–1932 гг., – писал процитированный выше

сторонний наблюдатель, – ситуация в Югославии... в экономическом, финансовом, а следовательно, и общественном плане развивалась от плохого к худшему... Экономический кризис стал одной из причин широко распространенного политического недовольства...»²³. Одним из его проявлений стало усиление именно тех тенденций, на преодоление которых и были направлены все усилия властей: «В решении главной внутренней проблемы страны не достигнуто сколько-нибудь значительного прогресса: не создана основа для добровольного сосуществования разных частей королевства... В Хорватии и Словении... неприятие белградского централизма выросло...»²⁴.

В этих условиях последним ресурсом устойчивости диктатуры оставалась харизма короля-триумфатора: «Если когда и существовали примеры того, что неразрывность цепи зависит от одного единственного звена, то это случай Югославии и ее монарха»²⁵. События, которые последовали за убийством Александра Карагеоргиевича, совершенным в Марселе 9 октября 1934 г.,²⁶ подтвердили проницательность наблюдения британского посланника, сделанного им в конце 1932 г.

Вставший у кормила власти князь-регент Павел Карагеоргиевич не рассчитывал личным авторитетом кузена, компенсировавшим постепенную утрату режимом социальной опоры. Как говорил сам Павел, «диктатура возможна была при короле, но губительна и нереализуема при регентстве»²⁷. Несмотря на то что период регентства (1934–1941), основой которого оставались правовые нормы «диктатуры», длился даже дольше ее самой, новый фактический глава государства был не в состоянии обеспечивать практическое применение принятых в 1929–1934 гг. законов. Из арсенала власти исчезли репрессии, ранее служившие средством давления на оппозицию и поддержания правопорядка в западных регионах страны. «В областях по ту сторону Савы полный разброд. Государственная власть в Хорватии агонизирует. Белград похож на человека, у которого болят ампутированные конечности», – констатировал в 1936 г. осведомленный современник²⁸.

К легальной деятельности вернулись все запрещенные 6 лет назад сербские и пречанские²⁹ «племенные» партии. Последние умело использовали центробежные устремления масс для их политической мобилизации и, следовательно, для усиления собственной позиции во взаимоотношениях с Белградом. Возобновилась практика 1920-х гг., когда участие Югославянской мусульманской организации (ЮМО) и Словенской народной партии (СНП) в центральном правительстве означало подконтрольность им административного аппарата в Боснии и Словении. Дороже остальных двору обошлась лояльность Хорватской крестьянской партии (ХКП), которая в августе 1939 г. добилась слияния Савской и Приморской бановин³⁰ в Бановину Хорватия, ставшую настоящим «государством в государстве».

Объединение хорватских областей, а также преференции словенцам и боснийцам-мусульманам осуществлялись в ущерб сербскому «племени». Так, более 800 тыс. его представителей нежданно-негаданно оказались в пределах бановины Хорватия, руководители которой не скрывали своих намерений в дальнейшем присоединить те районы Боснии и Воеводины, в которых имелось хорватское население, или на которые распространялось хорватское «историческое право». Перспектива противодействия этой экспансии выглядела проблематичной по двум причинам. Прежде всего, ввиду приверженности и двора, и его оппонентов из числа старых сербских партий иным приоритетам. Для обоих лагерей, оспаривавших право считаться «подлинным и законным представителем» сербов, стремление одержать верх друг над другом по-прежнему служило гораздо более весомой мотивацией, чем осознание необходимости четко определить границы Сербии в условиях «ползучей» децентрализации. При этом ее застрельщики – ХКП, СНП и ЮМО – воспринимались как союзники, способные обеспечить одной из сторон решающий перевес в этом неизбежном противостоянии.

Не меньшее значение имело отсутствие у регентства кредита общественного доверия, без которого было возможно ценой односторонних уступок добиться поддержки со стороны пречан, но не осуществить всеобъемлющую реформу политического и территориального государственного устройства. Поэтому вплоть до нападения Германии на Югославию (6 апреля 1941 г.) оставались нереализованными разрабатывавшиеся двором планы создания «Бановины сербских земель», а также продолжали действовать изданные королем Александром законы, не созывался распущенный парламент³¹.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. слабость режима, зависимость от сторонников «племенного» партикуляризма, лишенного поддержки тех, кто был заинтересован в усилении государства, обусловила «виртуальный» характер Сербии, само существование которой оспаривалось. Ее интересы на протяжении двадцати лет были заложниками непримиримой борьбы между различными фракциями белградского истеблишмента, к концу рассматриваемого периода дискредитировавшего себя в глазах населения: «Шумадия³² дезориентирована в политическом отношении. Можно сказать, что партийной и идеологической принадлежности больше не существует... Народ отрекается от своих партий и от своих бывших вождей, годами его обманывавших...»³³.

Свидетельством недееспособности сербской политической элиты можно считать успешность заговора, осуществленного группой высших офицеров 27 марта 1941 г. Устранив регентство и возведя на престол малолетнего Петра II – сына короля Александра, – военные не только показали, чего стоил «суверенитет династии», но и присвоили компетенции системной оппозиции, бессильной добиться легального перехода власти.

Новое правительство во главе с генералом Д. Симовичем подтвердило свою приверженность соблюдению подписанных ХКП и свергнутым режимом соглашений. В их тексте упоминалась возможность как изменения границ административно-территориальных единиц Королевства (в том числе и только что образованной), так и наделения оставшихся бановин теми правами, которые получила Хорватия.

Это обстоятельство служит основанием для гипотетических предположений относительно путей дальнейшего развития Королевства Югославия – в направлении «цивилизованной» федерализации³⁴, или дальнейшего обострения межэтнических отношений. Как нам представляется, реалии конца 1930-х – начала 1940-х гг. давали больше поводов для пессимистического прогноза сосуществования югославянских народов. Достигнутый результат распял аппетиты Загреба, в связи с чем хорватский *Drang nach Osten* выглядит ничуть не менее вероятным, чем консолидация оставшихся территорий вокруг Белграда. По этому вопросу показательна британская оценка соотношения сил сербского и хорватского руководства: «По любой проблеме, по которой сербские интересы не совпадают с хорватскими, хорваты, по-видимому, одержат победу»³⁵.

Нападение Германии в апреле 1941 г.³⁶ не дало реализоваться ни одному из возможных сценариев. Строя гипотезы, стоит помнить, что югославский кризис конца XX в. продемонстрировал, к чему может привести сербско-хорватское столкновение по поводу территорий, считающихся «безусловно» сербскими/хорватскими. Кстати, ситуацию начала 90-х гг. объединяло с концом 30-х гг. то, что в обоих случаях Загребу удавалось объединить и обособить области, на которые распространялось «хорватское историческое право», а перед Белградом стояла задача запоздалой реализации права сербского народа на подлинное национальное, а не формальное государственно-территориальное объединение.

Возвращаясь в начало 1940-х гг., отметим, что к этому времени дискредитация традиционного политического класса создала в Сербии благоприятные условия для массового восприятия простых и привлекательных лозунгов («всеобщего равенства», «справедливости и перераспределения», «борьбы с антинародным режимом» и т.п.), декларируемых некогда малочисленной и маргинальной Коммунистической партией Югославии (КПЮ). Массовая утрата доверия к «бывшим вождям» позволила ей перерасти в движение сопротивления, поначалу конкурировавшее с сопротивлением монархическим, а затем и развязавшее вместе с ним кровавую гражданскую войну.

Ее исход обусловила поддержка возглавляемых И.Б. Тито партизан со стороны Советского Союза. Утверждение новой власти в Белграде состоялось в результате освобождения войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов восточной

части Югославии вместе со столицей осенью 1944 г. Более подробно изложить события «Народно-освободительной борьбы» и «Социалистической революции» народов Югославии не представляется возможным в рамках настоящего очерка...

* * *

После образования Югославии и СССР, в которых «растворились» Сербия и Россия, произошло радикальное изменение условий взаимоотношений русских и сербов. Оно, по словам М. Йовановича, стало следствием «отказа от прежних внутри- и внешнеполитических приоритетов, а также смены фокуса внимания правящих элит обоих народов. Цепь событий – от Великого восточного кризиса (1875–1878) до Балканских войн (1912–1913) и Первой мировой войны (1914–1918) – привела к тому, что политика в отношении Турции, на протяжении столетий обуславливавшая общность интересов России и Сербии, перестала быть мотиватором двусторонних отношений. Теперь на них влиял главным образом общий контекст европейской и мировой политики. Новое время принесло иные приоритеты и интересы, суть которых составляла идеология»³⁷.

Другими словами, в интересующие нас годы Россию (СССР) и Сербию разделяли как очевидные идеологические противоречия, так и то обстоятельство, что они более не нуждались друг в друге, как раньше. Совместное стремление к национальному идеалу перестало объединять Белград, «успешно» его воплотивший, и Москву, подвергшую ревизии планы водружения русского «щита на вратах Цареграда». Неудивительно, что дипломатические отношения между двумя странами были установлены лишь в июне 1940 г.

В свете вышесказанного подбор документов по теме «Москва – Сербия... в 1917–1945 гг.» потребовал выявления конкретного сербского/югославского аспекта советской политики и явлений советской/русской действительности. Существуют работы отечественных и сербских исследователей, которые реконструировали и проанализировали следующие исторические сюжеты: роль югославын в Гражданской войне³⁸; судьбы русской эмиграции в Королевстве СХС³⁹ и коммунистов-югославын в Советском Союзе⁴⁰; югославское направление политики Коминтерна⁴¹; участие СССР и белоэмигрантов в событиях Второй мировой войны на территории Югославии⁴² и т.д.

Однако затронутая историческая проблематика, широкая по диапазону и глубокая по степени проработки, не может быть адекватно, с научной точки зрения, представлена в одном томе, который в этом случае стал бы по сути хрестоматией, вторичной по отношению к существующей историографии. По мнению составителя, на русско-сербские отношения вполне допустимо и даже весьма полезно взглянуть с оригинального ракурса, который позволил бы

«впрясть в одну упряжку» условных Аркадия Аверченко и Милована Джиласа. Для выбора подходящего «угла зрения» необходимо понимание сложного, то есть неоднородного характера интересующего нас феномена, формирование которого, по словам М. Йовановича, происходило на «различных уровнях исторического прошлого: в плоскости политики и дипломатии; духовных и церковных, общественных и культурных связей; относительно частых миграций из одной среды в другую; фрагментарных экономических отношений; и, наконец, в плоскости индивидуальных, личных контактов, связей и впечатлений...»⁴³.

Last but not least! Умножение знаний о том, что перечислено в последнюю очередь, станет нашим вкладом в восполнение общей картины. Свидетельства, отражающие взаимное восприятие русских и сербов, иллюстрирующие присущие им стереотипные представления друг о друге, описывающие частный опыт соприкосновения с инородной/родственной средой, в своей совокупности служат пониманию вектора и логики развития русско-сербских отношений. Их история без такого понимания была бы ничем иным, как банальным набором фактов.

Подчеркнем, вышеописанный подход не наше «изобретение». Мы позаимствовали его у А.Л. Шемякина и М. Йовановича, первыми обратившихся к инструментарию имагологии⁴⁴ при рассмотрении связей Москвы и Сербии, Белграда и России на протяжении XVIII–XX вв. Их усилия воплотились в русскоязычном двухтомнике «Русские о Сербии и сербах»⁴⁵ и изданной на сербском языке антологии «Сербы о России и русских. От Елизаветы Петровны до Владимира Путина (1750–2010)»⁴⁶.

Опираясь в концептуальном отношении на достижения старших коллег, в том, что касается содержания, мы старались избегать вторичности. Исключение составляют несколько документов, опубликованных ранее в ставших библиографической редкостью сборниках «Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.: Документы и материалы» (М., 1992) и «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х гг.» (Ч. 1–2. М., 2000–2003). Не публикуя опубликованное, мы «сэкономили» место для материалов, не введенных ранее в научный оборот или известных только узкому кругу специалистов. При этом, по-новому освещая перечисленные выше сюжеты, мы не ставили перед собой задачу раскрыть их целиком. «Доходчивости» изложения мы предпочли научную актуальность. Кроме того, сознательно не затрагивались некоторые исторические проблемы (русско-сербские церковные связи, деятельность Земгора в межвоенной Югославии и др.), которым должное внимание уделили наши белградские коллеги, подготовившие вторую часть настоящего тома.

Как уже было сказано ранее, Октябрьский переворот и последовавшие события положили конец тем особым связям между двумя народами, главную роль в которых играла Москва. В то же время вынужденное переселение в Королевство СХС нескольких десятков тысяч русских беженцев не дало прерваться традиционным русско-сербским отношениям. Их поддержанию в годы Гражданской войны служили контакты руководителей Белого движения с сербскими военными и дипломатическими представителями на российской территории. Важно отметить, что Королевство СХС единственное из союзников старой России официально признало правительство А.В. Колчака (в апреле 1919 г.) легитимной российской властью⁴⁷. Предыстория и последствия этого события отражены в публикуемой переписке югославского поверенного в делах Йована Миланковича с Временным сибирским правительством, Временным всероссийским правительством (Директорией) и Российским правительством (во главе с Колчаком). Материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фондах «Административный совет Временного сибирского правительства. Омск» (Ф. Р-131) и «Министерство иностранных дел Российского правительства. Омск» (Ф. Р-200), интересны и тем, что отражают противоречия между колчаковской администрацией, озабоченной проблемой мобилизации всех ресурсов для борьбы с большевиками, и сербскими официальными лицами, стремившимися уберечь себя и своих соплеменников, оказавшихся в Сибири, от участия в вооруженном внутрисибирском противостоянии.

О роли сербского батальона в событиях на Северном фронте осенью 1919 г. идет речь в корреспонденции командующего Северной армией генерала Е.К. Миллера и российского посланника в Белграде В.Н. Штрандтмана, хранящейся в ГА РФ в фонде «Отдел иностранных дел Временного правительства Северной области. Архангельск» (Ф. Р-17).

Еще до окончания Гражданской войны⁴⁸ в Сербию начали прибывать русские беженцы, из которых 44 тыс. человек выбрали новообразованное государство своим постоянным местом проживания. Столь массовое «соприкосновение» представителей двух народов не имело аналогов в многовековой истории обоюдных миграций. Неудивительно, что, по словам М. Йовановича, «на сербское общество появление русских эмигрантов, несомненно, произвело самое глубокое и долгосрочное воздействие»⁴⁹. Под таким имеется в виду прежде всего вклад в развитие сербской культуры, которому уделили должное внимание как современники, в том числе и представленные в данном томе, так и более поздние исследователи⁵⁰.

Не менее интересен, хоть и не столь подробно прояснен вопрос восприятия «пришельцами» сербской среды, ее культурных и ментальных особенностей. Весь спектр чувств и мыслей по этому поводу – от благодарности за

оказанное гостеприимство до осознания ошибочности изначальных стереотипов и глубины взаимных отличий – отражен в документах ГА РФ из фонда «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» (Ф. Р-5881). В письме М.М. Федорову деятель Конституционно-демократической партии Ф.И. Родичев описывает свое пребывание в Югославии летом 1919 г. Из той же коллекции – фрагменты мемуаров литератора Г.Я. Виллиама «Русская эмиграция в Сербии. Очерки» (1924) и генерала В.В. Буняковского «В эмиграции в Сербии» (1926).

Перу капитана второго ранга Б.П. Апрелева принадлежит датированный ноябрем 1920 г. анализ политической ситуации в Югославии⁵¹. Донесение из фонда «Русский военно-морской агент в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Белград» (Ф. Р-6817) содержит ряд ценных для современного читателя заключений о положении Сербии в Королевстве СХС и о проблемах его развития. Прийти к ним автору, в отсутствие глубоких знаний о стране пребывания, позволила его природная проницательность. Признаком ее наличия у Б.П. Апрелева можно считать созвучность его мнения сербским впечатлениям более ранних русских наблюдателей⁵².

Об адаптации беженцев к балканским реалиям первой половины 1920-х гг. с тонким юмором рассказывает бывший актер Московского художественного театра Ю.Л. Ракитин, публиковавший свои фельетоны в белградском «Новом времени»⁵³. Три из них мы выносим на суд читателя.

Творческий путь Ракитина, добившегося признания в Сербии в качестве театрального режиссера, – свидетельство того особого вклада эмиграции в развитие ее культуры. При этом русско-сербское взаимодействие в этой области не ограничивалось пределами Королевства СХС. Культурные связи объединяли Белград со всеми европейскими центрами русской эмиграции, о чем, в частности, можно судить на основании писем ученого и политика Милоша Московлевича, адресованных «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской (ГА РФ. Ф. Р-5975), проживавшей в 1920-е гг. в Чехословакии.

Одним из наиболее ярких эпизодов русско-сербского культурного сотрудничества стал Съезд русских писателей и журналистов, состоявшийся в столице королевства осенью 1928 г. Репортажи А.А. Яблоновского об этом событии, опубликованные в парижском «Возрождении», позаимствованы нами из фонда литератора (Ф. 1697) в Российском государственном архиве литературы и искусства. РГАЛИ также представлен материалами эпистолярного характера из фондов В.И. Немировича-Данченко (Ф. 355), А.Т. Аверченко (Ф. 32), А.С. Суворина (Ф. 459), И.А. Персиани (Ф. 2294).

Сфера искусства, науки и образования открывала перед беженцами наиболее широкие возможности интеграции в сербское общество. Впрочем, к этому стремились далеко не все эмигранты, многие из которых, считая свое

пребывание в Сербии временным, отказывались от югославского подданства в надежде на скорое возвращение в Россию. От лица тех, кто понял, что назад дороги нет, и нужно пытаться пустить корни в новом отечестве, пишут упомянутые выше Г. Виллиам и С.А. Кисловский⁵⁴. Оба автора, помимо того, что описывают противоречия «военно-консервативной» и «либеральной» фракций русской колонии в Югославии, воссоздают атмосферу Белградского университета, значительную часть преподавателей которого с начала 1920-х гг. составляла русская профессура.

Судьбу И.Г. Грицкат⁵⁵, рожденной в Белграде в 1922 г., можно считать результатом выбора ее родителей в пользу осознанной адаптации к новой среде. Соображения молодой супружеской пары, воспроизведенные дочерью-мемуаристкой, позволяют оценить особое положение русских в Сербии, отличавшееся от участи их соотечественников в Западной Европе и Америке: «Несмотря на всякие думы и толки в русской колонии, молодая чета твердо постановила осесть в Белграде. Они вынесли заключение, что если им и придется туго, из-за мещанства, скуки и мелких дразг, то все-таки будет не хуже, чем в парижских ночных кафешантанах, где бы мать, наверное, поступила тапершей, или в Берлине, где отец, предположим, сделался бы шофером такси... Здесь их не деклассировали, а это для них было главным. И тот, и другой после некоторого времени продолжали работать по своему призванию, в чинах, которые соответствовали их начальным службам в России»⁵⁶.

Наиболее ранние из документов, касающиеся эмиграции в обратном направлении – из Сербии, Черногории и югославянских земель Австро-Венгрии в Советскую Россию, – относятся к периоду Гражданской войны. Материалы югославских коммунистических организаций, аффилированных к ЦК РКП(б) и ее Московскому комитету, находятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде «Центральная федерация иностранных групп при ЦК РКП(б); Центральное бюро агитации и пропаганды при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б)» (Ф. 549. Оп. 6), а также в Отделе хранения документов общественно-политической истории Москвы (ОХДОПИМ). Из фонда П-64 взят датированный августом 1920 г. протокол заседания Югославянской секции⁵⁷ МК РКП(б), отражающий участие югославы в событиях на «польском и врангелевском фронтах» (ЦГА Москвы. Ф. П-64). Публикуемые документы корректируют картину, представленную в сборнике «Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.: Документы и материалы». Согласно ему, эмигрантские советы и бюро – едва ли не благотворительные организации, бескорыстно содействующие репатриации югославы и преодолевающие сопротивление властей Королевства СХС, равнодушных к судьбе своих подданных.

Личным делом В. Марковича в значительной мере исчерпывается наш интерес к видным деятелям Югославской компартии, большая часть которых не пережила большого террора. Более репрезентативны с точки зрения общей судьбы югославской колонии в Москве документы, в которых идет речь о фигурах второго-третьего плана и рядовых членах КПЮ, получавших образование в учебных заведениях при Коминтерне. Любопытен процесс превращения бывших рабочих и крестьян в «парработников», которым надлежало стать правящим классом советских Югославии, Польши, Германии и т.д. Эту метаморфозу позволяют проследить материалы Югославского сектора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) из собраний РГАСПИ (Ф. 529).

Образованный в 1925 г. сектор представляет интерес в силу своей двойственной природы. С одной стороны, он выглядит как «типичный» советский коллектив, имеющий профсоюзное и партийное руководство, встроенный в существующую общественно-политическую иерархию. Студенты, как и все иностранные коммунисты в СССР, были членами ВКП(б), получали новые «русские», «украинские» и, разумеется, «грузинские» имена и фамилии. При этом, по сравнению с остальными советскими гражданами, будущие партийные кадры оказались в большей степени сопричастными политике государства, которое не только неусыпно «пасло» их, но и использовало для решения своих задач. Так, участие в организации коллективизации, работа на промышленных предприятиях служили «практической» формой «изучения опыта русского пролетариата», составлявшего, по словам ректора КУНМЗ М.Я. Фрумкиной, смысл пребывания «эмигрантов» в СССР.

Студенты, оставаясь членами КПЮ, активно участвуя в раздираемой противоречиями внутрипартийной борьбе, охватившей и КПЮ, и ее представителей в Коминтерне, активно включились во внутрипартийную жизнь ВКП(б) – боролись с «фракционностью», «левым» и «правым уклонами», проводили «чистки», писали многочисленные доносы друг на друга и на вышестоящих товарищей, подвергались политическим репрессиям... То есть жили теми же чувствами, мыслями и заботами, что и все советское общество, моделью которого и предстает Югославский сектор КУНМЗ в публикуемых документах.

Что касается облика КУНМЗ как, собственно, образовательного учреждения, то он соответствовал представлениям большевиков о том, кто и чему должен учиться в «совпартшколе». «Это главным образом молодежь, у которой мало жизненного и партийного опыта, и нет никакой общеобразовательной подготовки»⁵⁸, – доклад Н.К. Крупской на II Всероссийском съезде совпартшкол и комвузов хоть и прочитан в 1923 г., но точно характеризует состав учащихся Югославского сектора конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. При этом безграмотность считалась едва ли не достоинством студентов,

которым не приходилось «изживать собственные мелкобуржуазные наслоения»⁵⁹. «Она неграмотна, малоподготовленна, не привыкла отвлеченно мыслить, работать над книгой, – продолжала характеризовать учащуюся молодежь Крупская, – но ее революционные переживания являются громадным плюсом. Они помогают ей овладеть часто очень тяжелым материалом. Молодежь, напрягая все свои силы... овладевает марксистским методом». Он и есть главное знание и умение «сознательных партийных работников» – «строителей с зорким глазом и твердой рукой, хорошо подготовленных, умеющих самостоятельно ориентироваться в окружающей действительности». Для того чтобы стать ими, достаточно «уметь писать, суметь прочесть любую книгу... уметь определенным образом подойти к вопросу».

Взяв из «общеобразовательных предметов только абсолютно необходимое», без всех прочих знаний «прекрасно можно было бы обойтись». Ведь они «для укрепления марксистского мировоззрения никакого значения не имеют». Да и некому было обучать «коммунистов-практиков». Ведь, как констатировал в 1926 г. журнал «Коммунистическое просвещение», «преподаватели совпартшкол – это обычно партработники, снятые с оргработы и в подавляющем большинстве не получившие систематической подготовки, особенно по педагогическим дисциплинам»⁶⁰. При этом следует отметить, что образовательный уровень видных деятелей КПЮ, преподававших в Югославском секторе и фигурирующих в публикуемых нами документах, был много выше, чем у студентов. Филип Филипович окончил Петербургский университет и стал профессором математики; Анте Цилица защитил диссертацию на философском факультете Загребского университета; Гргур Вуйович обучался социологии в Вене и т.д.

Отвлекаясь на время от КУНМЗ, отметим, что отражение отечественных реалий 1920–1940-х гг. в документах югославских коммунистов представляет не меньший интерес, чем, собственно, их судьбы. Ведь «сталкиваясь лицом к лицу с чужим, мы смотрим в зеркало, в котором узнаем самих себя. Мы задаем себе вопросы, которые без этой встречи не пришли бы нам в голову»⁶¹.

В этой связи показательны в равной мере и востребованность «первым пролетарским государством» вышеупомянутого В. Марковича, и его «конечная участь». За годы яркой карьеры эксцентричный нрав «профессионального революционера» оценили как югославские, так и советские психиатры. И тем не менее для всех окружающих, и в том числе для руководства Коминтерна, он оставался «старым проверенным коммунистом», «вождем партизанских отрядов», «пенсионером республиканского значения».

Только для органов НКВД ни звания, ни диагнозы не имели никакого значения. В 1937 г. Маркович был арестован, освидетельствован и отправлен на

«принудительное лечение», завершившееся, по-видимому, летальным исходом. Примечательно, что так же закончил свою жизнь и другой «старый большевик» – А.А. Сольц, который в публикуемых документах фигурирует как принципиальный противник В. Марковича⁶².

Как иллюстрация соотношения сил «маленького человека» и государственной тоталитарной машины ценны и документы о выпускнике КУНМЗ Стефане Богдановском⁶³ (настоящее имя – Светозар Йованович). Ему с момента прибытия в СССР приходилось, как и миллионам советских граждан, постоянно искать некую форму «мирного сосуществования» с властью, а следовательно, уступать ее давлению, идти на неизбежные «компромиссы с совестью». Первым в череде таковых стал отказ от собственной национальной идентичности, уже состоявшийся к этому времени для миллионов бывших подданных Российской империи. Выходец из восточной Сербии, в которой сербское население перемешано с румыноязычным влашским, при поступлении в университет в 1929 г. назвался сербом, но окончил его в 1931 г. не как представитель «господствующей нации», а как «угнетенный» румын.

От «большого террора» Богдановского уберегла «командировка» в Испанию (1936–1939), пришедшаяся на то время, когда была уничтожена большая часть его однокашников⁶⁴ и старших партийных товарищей. В страхе перед перспективой последовать за ними «интербригадовец» отрекается от жены, арестованной в его отсутствие органами НКВД и приговоренной к пяти годам лагерей. Увернувшись от «карающего меча революции», Богдановский тем не менее не перестал быть заложником политики советского руководства. В сентябре 1941 г. он разделил участь более чем полумиллиона солдат и командиров Юго-Западного фронта, оборонявших Киев и оказавшихся в немецком «котле» по вине Ставки Верховного главнокомандования.

Возвращаясь к теме КУНМЗ, отметим, что тот представлял собой явление выражено югославянское по характеру. Его проявлением служит и восприятие российской/советской действительности студентами, и особенности их личных отношений. Говоря о первом, следует отметить, что молодым коммунистам были присущи те же стереотипные представления о России, что и более старшим поколениям югославын. В 1876 г. русский доброволец не мог убедить сербских солдат в том, что русские мужики живут хуже их: «Сербь заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать...

– Знаете что, братики?.. у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют...

– Не истина! – крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится.

Так ничем и не уверишь серба в горькой правде вашего рассказа»⁶⁵.

Так же идеализировали далекую Россию и «внуки» тех солдат, которым «посчастливилось» увидеть ее воочию. Их впечатления передает М. Фрумкина: «Приезжают люди из-за границы и становятся ультралевыми. Они совершенно не ожидали видеть нищету, проституцию, беспризорных, в университете они видят тяжелую материальную нужду. Они попадают сначала в состояние глубокого разочарования»⁶⁶.

Что касается ситуации внутри сектора, то ее характеризовали привезенные разношерстными студентами с родины взаимные этнические фобии. Они брали верх над чувством пролетарской солидарности, без особого успеха приживавшимся в КУНМЗ. Пройдет совсем немного лет, и неизжитые межнациональные противоречия, приправленные идеологическим «соусом» сталинизма, станут главной отличительной чертой социалистической Югославии. Ее прообразом можно считать Югославский сектор, проницательную характеристику которого в 1929 г. дала М. Фрумкина: «С самого начала было видно, что этот сектор по составу представляет особенные трудности. Отражалось то, что Югославия состоит из семи отдельных стран. Чувствовалась разрозненность, была отчужденность, не было единства – это бросалось в глаза»⁶⁷.

Приметой титовского времени можно считать и догматический тезис о вине Сербии перед остальными «угнетенными» ею югославянскими народами, насаждение которого отчетливо прослеживается в документах КУНМЗ. Интенсивность антисербских настроений в нем позволяет оценить тот факт, что многие студенты скрывали свое происхождение, представляясь македонцами, черногорцами или румынами, как упомянутый выше С. Богдановский⁶⁸.

Что касается причин враждебности СССР в отношении Белграда в 1920–1930-е гг., то она объяснялась общим подходом к «империалистической» Версальской системе и ее «творениям». Особенно к тем, которые по формальным признакам воспринимались как «аналог» Российской империи, и в которых нашли убежище десятки тысяч белогвардейцев. Подобное отношение, сугубо идеологическое по своей природе, создавало плодотворную почву, на которой буйным цветом расцветала органическая сербофобия балканских коммунистов – представителей народов, не удовлетворенных исходом Первой мировой войны. Их сентименты не только «перехлестывали» границы официальной советской позиции, но и усиливали ее предвзятость.

Иллюстрацией могут служить два документа, датированные 1943 г. Первый – список исторических сюжетов для идейной обработки вербуемых военнопленных-югославян, в который Г. Димитров внес правку, придавшую ему явный антисербский оттенок. Второй – письмо замнаркома иностранных дел А.Е. Корнейчука В.М. Молотову, в котором выражается недоумение в связи с «нападками на сербов» в программах радиостанции «Свободная Югославия», вещавшей от имени Народно-освободительного движения во главе

с КПЮ. И тот, и другой материалы относятся к Секретариату генсека ИККИ (Ф. 495. Оп. 74).

Следует отметить, что в условиях разрыва традиционных русско-сербских связей и триумфа марксистской науки над «великодержавной»/«буржуазной» мнение хорватских, болгарских, македонских деятелей Коминтерна надолго стало фактором формирования представлений советских властей, а следовательно, и общества, о происходящем в Югославии. Так, любого послевоенного отечественного слависта, не занимавшегося Коминтерном, удивило бы, насколько современные исследования по истории южных славян в новое и новейшее время идеологически и содержательно вторичны по отношению к «истории родного края», которой обучали студентов КУНМЗ⁶⁹. Например, оценки советской историографией «реакционной фашистской диктатуры» Александра Карагеоргиевича, как под копирку, списаны с доклада секретаря ЦК КПЮ Милана Горкича, прочитанного им перед Югославским сектором через несколько дней после государственного переворота⁷⁰. До сих пор в работах отечественных специалистов можно встретить описания притеснения «великосербскими шовинистами» «несербских народов»⁷¹. Появлению этого атрибута мы, по-видимому, обязаны коммунистам-эмигрантам, не знавшим, что, в отличие от сербскохорватского, в русском языке нет места «нерусским», «ненемецким» или «неанглийским» народам⁷².

Секретариат Г. Димитрова, помимо указанных выше, представлен еще двумя документами, относящимися к периоду Второй мировой войны и позволяющими прояснить позицию Кремля в связи с гражданской войной в Югославии. Первый – адресованное И.Б. Тито письмо (1942), в котором генсек ИККИ убеждает его дифференцировать методы борьбы со своим злейшим врагом – Югославской армией в отечестве во главе с Драголюбом Михайловичем. Второй – стенограмма состоявшейся в Москве (1944) беседы функционера ИККИ Д.З. Мануильского и шефа Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова с генерал-лейтенантом Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии Милованом Джиласом, подробно отвечавшим на вопросы об истории сложных отношений коммунистов и четников.

Путь из оккупированной Югославии в Москву пролегал через Тегеран, в котором Джилас попал на спектакль актеров Малого театра. Две записки благодарного зрителя В.Н. Аксенову, несмотря на свою лаконичность, – яркий штрих к портрету будущего «диссидента», который в свою бытность коммунистическим вожаком ценил марксистскую «идейную чистоту» в искусстве. Письма хранятся в РГАЛИ, в фонде В.Н. Аксенова (Ф. 2403).

Возвращаясь к РГАСПИ, упомянем два письма из фонда И.В. Сталина (Ф. 558), датированные 1944 и 1945 гг. Первое – ответ советского лидера на послание председателя югославского эмигрантского правительства

И. Шубашича, приветствовавшего вступление Красной армии на территорию Сербии. Второе – выражение благодарности «генералиссимусу Советского Союза», отправленное исполкомами Белграда и Земуна в связи с годовщиной освобождения.

ГА РФ представлен в разделе, относящемся к периоду Второй мировой войны, несколькими документами. Два из фонда ТАСС (Ф. Р-4459) представляют собой пересказ статей иностранных периодических изданий – «Дэйли Телеграф» (1941) и «Нойе Орднунг» (1943). В первом воспроизводится интервью полковника сербской армии и министра лондонского югославского правительства Божина Симича, который в разгар битвы за Москву выражал уверенность в окончательной победе Красной армии. Во втором речь идет о реакции Сербской православной церкви на избрание Патриарха Московского и всея Руси в сентябре 1943 г.

В фонде председателя Всеславянского комитета А.С. Гундорова (Ф. Р-9564) сохранились многочисленные тексты его выступлений на официальных мероприятиях, не представляющие сколько-нибудь значимого интереса в отличие от публикуемых в настоящем сборнике набросков статьи, в которых воспроизводятся выдержки из речей И.Б. Тито на приеме, состоявшемся в Москве на следующий день после подписания советско-югославского Договора о дружбе (11 апреля 1945 г.). Любопытны рассуждения о том, что в ходе закончившейся на днях войны «худшим врагом» народов Югославии были не немцы, итальянцы и болгары, а «враги внутренние» – четники с усташами.

Реакция москвичей на подписанный договор отражена в информационных сводках московских райкомов партии из собраний ЦГА Москвы, им же были предоставлены личные письма майора госбезопасности В. Гаврикова (Ф. Л-290), оказавшегося в Белграде сразу после освобождения его советскими войсками. В гавриковских эпистолах – широкий спектр впечатлений и информации – от сожаления в связи с дороговизной кожгалантерейных изделий до восторга по поводу встреч с И.Б. Тито и неизбытного русофильства сербов. «На нас смотрят как на спасителей, “Матка Русь” для них самое священное...», – такова сформулированная им константа русско-сербских отношений.

Впечатлениями о Югославии в первые дни и месяцы после освобождения делится и И.Г. Эренбург, заметки которого опубликованы в «Известиях» от 11 ноября 1945 г. Писатель воспроизводит позицию советских властей, которые по мере того, как становилось ясно, что послевоенная Югославия войдет в сферу влияния СССР, перестали относиться к ней, как к «тюрьме народов». Откровенно антисербский подход сменился на «беспристрастный», согласно которому равного осуждения заслуживали все «реакционные» силы – сербские, хорватские, словенские – вне зависимости от национальной принадлежности. К слову сказать, руководствуясь именно этими соображениями, выше-

упомянутый А. Корнейчук критиковал редакцию «Свободной Югославии». Та придерживалась титовского, то есть, по сути, коминтерновского принципа, что худший из всех врагов – внутренний, а из внутренних – сербский.

О событиях Второй мировой войны на территории Югославии мы имеем возможность судить не только на основании советских документов. Драгоценное свидетельство – мемуары И.Г. Грицкат, в которых она описывает жизнь в Белграде накануне нападения Германии, разрушительный блицкриг, зверства гитлеровцев в Сербии и усташей в Хорватии, бомбежки сербской столицы и немцами, и союзниками, бегство четников и коллаборационистов в последние дни перед приходом Красной армии, бои за освобождение Белграда в октябре 1944 г., самосуд партизан над пленными солдатами вермахта и т.д.

В последнюю очередь публикуются документы, которые мы, начиная работу над сборником, и не рассчитывали обнаружить, принимая во внимание отсутствие дипломатических отношений между СССР и Югославией. Речь идет о советско-сербских официальных контактах в области культуры, поводом для которых стало возвращение в Москву в 1933–1936 гг. рукописей А.С. Пушкина и других русских и европейских писателей. В РГАЛИ, в фонде Государственного литературного музея (Ф. 612), хранится переписка В.Д. Бонч-Бруевича с сербским литератором и переводчиком Йованом Максимовичем, который, будучи специалистом по русской литературе, представлял интересы владельцев пушкинской «тетради Всеволожского»⁷³. Перипетии ее приобретения директор ГЛМ обсуждал с другими своими адресатами – советскими дипломатами В.С. Довгалеvским и Ф.Ф. Раскольниковым, известным русским славистом В.А. Францевым, а также с югославским премьер-министром Боголюбом Евтичем. Ему Бонч-Бруевич выражает признательность за «благодарное участие», оказанное, несмотря на неблагоприятный контекст международной политики. В полной мере масштаб события позволяют оценить статьи наиболее влиятельной сербской газеты «Политика» (1933–1934), предлагаемые вниманию читателей.

Следует отметить, что Советский Союз, даже с учетом непризнания его Белградом, неизменно привлекал внимание сербского общества, особенно его образованных кругов. Москва воспринималась ими не как очаг мировой революции, а как центр русской культуры. Свидетельством тому – корреспонденции Й. Максимовича и В.Д. Бонч-Бруевича, обнаруженные в материалах Иностранной комиссии Союза писателей СССР (Ф. 631).

Проявлением встречного интереса к сербской культуре и истории можно считать инициативу (хоть и не реализованную) публикации на русском языке биографии Николы Пашича, крупнейшего сербского государственного деятеля конца XIX – начала XX в. В 1938 г. с автором – итальянским политиком и историком Карло Сфорцей – вступил в переписку редактор журнала

«Интернациональная литература» Т.А. Рокотов. Помимо писем в сборник включен и отзыв на книгу Сфорцы, написанный советским историком-медиевистом З.В. Мосиной. Документы хранятся в РГАЛИ в фонде редакции журнала (Ф. 1397)⁷⁴.

Притягательность России в любом ее облики для сербской/югославской интеллигенции СССР пытался использовать в интересах своей внешней политики. Ее инструментом служило Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), фонд которого находится в ГА РФ (Ф. Р-5283). Для нас представляют интерес «Сведения о лицах и учреждениях, к которым можно обратиться ВОКСу при налаживании культурной связи с Югославией»⁷⁵ (1928).

* * *

Археографическая обработка документов российской части сборника была осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). В настоящий том включены преимущественно не публиковавшиеся ранее архивные материалы из московских и федеральных архивов: ЦГА Москвы, ГА РФ, РГАСПИ, РГАЛИ и РГВИА. Для более полного освещения темы были привлечены также материалы мемуарного характера из личных коллекций и публикации из эмигрантских, югославских и советских газет.

Документы, вошедшие в сборник, разнообразны по своему составу – от дипломатических представлений правительству адмирала Колчака до протоколов общих собраний Югославянской секции Коммунистического университета нацменьшинств Запада (КУНМЗ). Сгруппированные в пять разделов, они систематизированы по хронологии. Источники, созданные позднее описываемых событий (например, воспоминания), датированы по времени описываемых событий. Передача текста осуществлена с возможным приближением к оригиналу, с сохранением стилистических и языковых особенностей, что весьма характерно для документов, написанных югославскими студентами КУНМЗ, недостаточно освоившими русский язык.

Заданный объем издания не всегда позволял давать полностью текст документов. Все извлечения оговорены в заголовке предложением «из» с последующим отточием в тексте, заключенным в квадратные скобки. Пропущенные в документе слова, как и восстановленные по смыслу части слов, воспроизводятся также в квадратных скобках. Иногда явные описки и незначительные погрешности, понятные читателю, не исправляются, но чаще сопровождаются примечаниями: «Так в тексте».

Грамматические ошибки, опечатки, встречающиеся в оригиналах, исправлены без оговорок, в соответствии с современными нормами русского языка.

Курсивом выделен текст, вписанный или зачеркнутый автором документа, а также подписи-автографы под документом. Отсутствие подписи или невоз-

возможность ее дешифровать оговариваются в подстрочном примечании. Встречающиеся в документах резолюции или пометы воспроизводятся под подписями.

Каждый документ снабжен редакционным заголовком, который содержит общую характеристику источника (разновидность, автор, адресат, содержание, дата, место написания, грифы секретности, срочности). Авторские заголовки, за редким исключением, не приводятся.

Датировка дается по новому стилю; двойная датировка дается в тех случаях, если она присутствует в оригинале.

Каждый документ снабжен поисковыми данными со сведениями о подлинности, способе воспроизведения, наличии бланка организации и печати, а также ссылкой на предшествующую публикацию.

Научно-справочный аппарат состоит из предисловия, подстрочных примечаний к тексту, комментариев, именного указателя, списка сокращений и перечня публикуемых документов.

Составители выражают искреннюю признательность сербским и российским коллегам:

Мирославу Йовановичу, Горану Милорадовичу, К.В. Никифорову, А.Л. Шемякину, Р.П. Гришиной, Я.В. Вишнякову.

Особая благодарность за предоставление документов для публикации А.Б. Арсеньеву и Надежде Йованович (Богдановской).

Благодарим также руководителей и сотрудников российских архивов за помощь в работе над сборником.

¹ *Йовановић М.* Срби и Руси, 12–21 век : (Историја односа). Београд, 2012. С. 155, 156.

² *Кузьмичева Л.В.* Москва и сербский вопрос в 1804–1878 гг. // Москва – Србија, Београд – Русија : Документа и материјали. Т. 2. Друштвене и политичке везе 1804–1878. Београд: М., 2011. С. 39.

³ Так, на стене зала расположенного в г. Белая Церковь кадетского корпуса, среди офицеров и воспитанников которого москвичей, наверное, и не имелось, был изображен известный вид на Кремль со стороны Большого Каменного моста. Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус просуществовал на территории Югославии с 1920 по 1944 г. и был составлен из офицеров и воспитанников Киевского, Одесского, Полоцкого, Полтавского, Владикавказского, Донского, Сибирского и Хабаровского корпусов.

⁴ *Йовановић М.* Срби и Руси... С. 166.

⁵ Югославская конституция, принятая 28 июня 1921 г., во многом повторяла сербскую конституцию 1903 г.

⁶ Сербинец – житель Сербии в границах до 1914 г.

⁷ Regent Aleksandar Srpskoj vojsci // *Šišić F. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca*. Zagreb, 1920. S. 300.

⁸ Согласно территориальному разграничению от 1929 г., словенские земли входили в состав Дравской бановины. В 1939 г. населенные хорватами Савская и Приморская бановины были объединены в Бановину Хорватия.

⁹ Архив Југославије (далее АЈ). Ф. 38 (Централни пресбирор). Фасцикла 16.

¹⁰ О национально-объединительной политике сербского государства с начала XX в. и до окончания Первой мировой войны см.: *Шемякин А.Л. Сербия // Югославия в XX веке : Очерки политической истории*. М., 2011. С. 13–55; *Он же*. Первая мировая война. Рождение Югославии // Там же. С. 175–216.

¹¹ *Јовановић С. Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца*. Београд, 1995. С. 94, 95.

¹² Выборы в Уставотворную скупщину (Конституционное собрание) состоялись 28 ноября 1920 г.

¹³ Согласно тексту конституции, население области не должно было превышать 800 тыс. человек.

¹⁴ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца : Књ. 1. (Од I претходног до XXXVII редовног састанка). Београд, 1921. С. 11, 12.

¹⁵ *Јовановић С. Уставно право...* С. 98.

¹⁶ Только в 1925–1928 гг. Хорватская крестьянская партия, представлявшая большинство хорватских избирателей, не требовала отмены конституции и «федерализации» Югославии.

¹⁷ 1. Сербия; 2. Черногория; 3. Банская Хорватия со Славонией, Ликой, Кордуном и частью Срема; 4. Воеводина с Меджимурьем и Прекомурьем; 5. Словения с Далмацией и частью Истрии; 6. Босния и Герцеговина.

¹⁸ *Dobrivojević I. Državna represija u doba diktature Kralja Aleksandra*. Beograd, 2006. S. 101. (1. в Сербии, принятый в 1860 г.; 2. в Черногории – 1906 г.; 3. в Боснии и Герцеговине – 1879 г.; 4. в Хорватии и Славонии, а также Далмации и Словении – 1852 г.; 5. В Воеводине – 1879 г. Единый уголовный кодекс для всей Югославии был принят 1 января 1930 г.)

¹⁹ 1) Сербский; 2) Черногорский; 3) особый – в Боснии и Герцеговине; 4) Австрийский – в Словении и Далмации; 5) Венгерский – в Воеводине и Прекомурье. Единый налоговый кодекс для всей Югославии был принят в 1928 г. (подробнее см.: *Бецић И.М. Министарство финансија Краљевине Југославије : 1918–1941*. Београд, 2012. С. 85, 115).

²⁰ Цит. по: *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji : Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921– 1938*. Knj. 1. Zagreb, 1986. S. 499.

²¹ Дравская бановина со столицей в Любляне, Савская (Загреб), Приморская (Сплит), Врбасская (Баня-Лука), Дринская (Сараево), Дунайская (Нови-Сад), Вардарская (Скопье), Моравская (Ниш) и Зетская (Цетинье). Белград с близлежащими городами Земун и Панчево был выделен в особую административную единицу.

- ²² *Димић Љ.* Историја српске државности : Књ. 3. Србија у Југославији... Нови Сад, 2001. С. 116.
- ²³ *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji... : Knj. 2. Zagreb, 1986. S. 79.
- ²⁴ *Ibid.* S. 145.
- ²⁵ *Ibid.* S. 80.
- ²⁶ Југославски монарх и француски министар иностраних дела Луи Барту били убити у резултату заговора хрватских и македонских терориста (см.: *Eylan C.* La vie et la mort d'Alexandre Ier, roi de Yougoslavie. Paris, 1935; *Волков В.К.* Операција «Тевтонски меч». – М., 1966; *Он же.* Убиство краља Александра : Хитлерова завера. Београд, 1983; *Colombani R., Laplayne J-R.* La mort d'un roi : La vérité sur l'assassinat d'Alexandre de Yougoslavie. Paris, 1971; *Винавер В.* Југославија и Француска између два светска рата : (Да ли је Југославија била француски «сателит»). Београд, 1985; *Krizman B.* Ante Pavelić i ustaše. Zagreb, 1978).
- ²⁷ Цит. по: *Boban Lj.* Маџек и политика Хрватске сељачке странке 1928–1941 : Knj. 1. Zagreb, 1974. С. 175.
- ²⁸ *Јовановић-Стоимировић М.* Дневник. 1936–1941. Нови Сад, 2000. С. 35, 36.
- ²⁹ Термин «пречанин» користи се нама не у узком оригиналном његовом значењу (срб из Австро-Венгије), а у широком за значења југослава новоприпојених територија у целом.
- ³⁰ А такође одвојених рајона Врбаске и Дунајске бановине.
- ³¹ Последње парламентарне изборе у Краљевству Југославија одржани су у 1938 г.
- ³² Шумадија – централна Србија.
- ³³ АЈ. Ф. 37. Фасцикла 9. Л. 714.
- ³⁴ *Димић Љ.* Историја српске државности... С. 190, 191.
- ³⁵ Цит. по: *Boban Lj.* Маџек и политика Хрватске... : Knj. 2. С. 162.
- ³⁶ У резултату поделе Југославије Трећим рејхом и његовим савезницима Србија у квалитету немачке окупационе зоне први пут након 1918 г. појавила се на карти. По величини и бројности становништва она (без Баната) одговарала Краљевству Србија у границама до Балканских ратова 1912–1913 г. Остале српске земље у 1941–1944 г. налазиле су се под италијанском, бугарском и венгерском окупацијом. Свеопшти масовни терор у односу на српско становништво достигао велики размах у рајонима, заузетим Бугаријом, у италијанском протекторату «Велика Албанија» и у «Независном државству Хрватска», власти којима предузели су покушаје геноцида у односу на србе.
- ³⁷ *Јовановић М.* Срби и Руси... С. 156.
- ³⁸ Особито детаљно истражено учешће југослава у Грађанском рату на страни болшевика см.: *Очак И.Д.* Југославијски интернационалисти у борби за победу совјетске власти у Русији : (1917–1921). М., 1966; *Зеленин В.В.* Под црвеним знаменом Октобра : Југославијски интернационалисти у Совјетској Русији. 1917–1921. М., 1977; Југословенски добровољци у Русији 1914–1918 : Зборник докумената / Приред. Н. Поповић. Београд, 1977; *Jugosloveni u Oktobarskoj revoluciji : Zbornik sećanja Jugoslovena učesnika Oktobarske revolucije i građanskog rata u Rusiji 1917–1921 / Af. N. Popović.* Београд, 1977; *Учесће југословенских радних људи у Октобарској револуцији и грађанском рату у СССР.* Београд, 1979; *Вишняков Ј., Тимофеев А., Милорадовић Г.* Армија без државе. Од српског до југославанског добровољачког корпуса у Русији во времена Првог светског рата : Сб. докумената. М., 2014.

- ³⁹ *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; *Он же.* Россия в изгнании : Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии : [Сб.]. М., 1996. С. 27–45; *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии. Киев, 1998; *Јовановић М.* Русская эмиграция на Балканах : (1920–1940). М., 2005; *Арсенев А.* Самовари у равници : Руска емиграција у Војводини. Нови Сад; Футог, 2011.
- ⁴⁰ *Požar P.* Jugoslaveni – žrtve staljinskih čistki : Dokumentarna kronika. Beograd, 1989; *Симић П.* Тито – тајна века. Београд, 2009; *Бондарев Н.В.* Загадка Тито : Московские годы Иосипа Броза (1935–1937). М., 2012.
- ⁴¹ *Gligorijević B.* Kominternа, jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992; *Николић К.* Большевизација КПЈ 1919–1929. Београд, 1994; Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции : В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х гг. : Ч. 1–2. / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2000–2003.
- ⁴² *Popović N.B.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988; *Petranović B., Dautović S.* Jugoslovenska revolucija i SSSR : 1941–1945. Beograd, 1988; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945 : Документи и материјали. Београд, 1996; *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији : Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.
- ⁴³ *Јовановић М.* Срби и Руси... С. 23, 24.
- ⁴⁴ *Хорев В.А.* Имагологический аспект изучения культурных связей // Человек на Балканах глазами русских / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2011. С. 10–17.
- ⁴⁵ Русские о Сербии и сербах : Т. 1–2.
- ⁴⁶ Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина... (1750–2010). Београд, 2011.
- ⁴⁷ См. подробнее: *Јовановић М.* Сербия (Југославия) между большевиками и белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака // Русский сборник : Исследования по истории России. Т. 2. М., 2006. С. 293–312; *Поповић Н.Б.* Јован Миланковић, последњи српски дипломата у царској Русији // Српско-руски односи од почетка 18. до краја 20. века. Београд, 2011. С. 185–205.
- ⁴⁸ О сербской военной миссии в России в период Гражданской войны см.: *Ганин А.В.* Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый Цейхгауз. 2012. № 5 (49). С. 92–95.
- ⁴⁹ *Јовановић М.* Срби и Руси... С. 188.
- ⁵⁰ *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 : Писци, кружоци, издања. Горњи Милановац; Београд, 1990; Руска емиграција у српској култури XX века : Зборник радова. Т. 1–2. Београд, 1994;
- ⁵¹ См. подробнее: *Силкин А.А.* Внутриполитическая ситуация в Королевстве сербов, хорватов и словенцев глазами русского офицера : Начало 1920-х гг. // Человек на Балканах глазами русских : Сб. статей. СПб., 2011. С. 235–245.
- ⁵² Русские о Сербии и сербах : Т. 1–2.
- ⁵³ Материалы предоставлены А.Б. Арсеньевым (Нови Сад).
- ⁵⁴ Материалы предоставлены А.Б. Арсеньевым (Нови Сад).
- ⁵⁵ Материалы предоставлены А.Б. Арсеньевым (Нови Сад). Об И.Г. Грицкат см.: *Арсенев А.* Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009) // Руски алманах. 2009. № 14. С. 136–144.

- ⁵⁶ *Шемякин А.Л., Силкин А.А.* «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» : (Из русских записок сербского академика) // Славянский альманах : 2010. М., 2011. С. 420–421.
- ⁵⁷ Образована в марте 1920 г. См: *Поповић Н.Б.* Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921. Београд, 2005. С. 205.
- ⁵⁸ *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения : В 10 т. Т. 9. М., 1960. С. 129–132.
- ⁵⁹ Совпартшколы и комвузы : По материалам журн. «Коммунистическое просвещение» с доб. и примеч., при руковод. участии А.Ф. Рындица. М.; Л., 1926. С. 14.
- ⁶⁰ Там же. С. 71.
- ⁶¹ Цит. по: Срби у Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина... С. 13.
- ⁶² Одной из первых жертв советской «карательной психиатрии» стала лидер левых эсеров Мария Спиридонова, заключенная в лечебницу в 1921 г. по приказу Ф. Дзержинского.
- ⁶³ Документы о С. Богдановском предоставлены его дочерью Надеждой Йованович (Богдановской).
- ⁶⁴ Как, например, земляк Богдановского Е.Н. Киселев, автобиографию см. в разделе III наст. сборника (док. 85).
- ⁶⁵ *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878 гг. : Воспоминания и рассказы из событий последних войн : В 2 ч. // Русские о Сербии и сербах... : Т. 1. С. 193.
- ⁶⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 2. Д. 188. Л. 168.
- ⁶⁷ Там же. Л. 164.
- ⁶⁸ Подобная мимикрия препятствует точному установлению национальной принадлежности каждого из студентов, упоминаемых в документах, а также состава сектора в целом.
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 1–98.
- ⁷⁰ Там же. Д. 660. Л. 1–2 об.
- ⁷¹ *Романенко С.А.* Югославия : История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. М., 1999. С. 60, 61.
- ⁷² См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1306 а. Л. 4–6.
- ⁷³ «Тетрадь Всеволожского» с комментариями Б.В. Томашевского и статьей М.А. Цявловского, объясняющей ее происхождение, опубликована в следующем издании: *Летописи Государственного литературного музея* : Кн. 1. Пушкин. М., 1936; см. также: *Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826)* // Литературное наследство. Кн. 16–18. М., 1934. С. 825–843.
- ⁷⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1397. Оп. 2. Д. 157а. Л. 5–23.
- ⁷⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 2. Д. 223. Л. 1–18 об.

А. Тимофеев (Белград)

СЕРБСКО-РУССКИЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД
НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАГЕДИИ.
1917–1945

А. Тимофејев (Београд)

СРПСКО-РУСКИ
ДРУШТВЕНО-ПОЛИТИЧКИ
ОДНОСИ
У РАЗДОБЉУ НАЦИОНАЛНЕ
ТРАГЕДИЈЕ. 1917–1945.

„НЕМА ВИШЕ РУСИЈЕ, АЛИ НЕМА ВИШЕ НИ СРБИЈЕ...“¹

Историографија односа два народа и две државе у првој половини 20. века састоји се од више обимних монографија. Детаљно су истражена питања српско-руских односа у Првом светском рату и у Грађанском рату, о међуратном животу руске емиграције, о понашању Југословенског режима према руској емиграцији, као и питање руско-српских (совјетско-југословенских) односа у периоду Другог светског рата². Објављен је и низ зборника грађе на ову тему³. Ипак, ни на нивоу синтеза, нити на нивоу зборника грађе, не постоји целовити поглед на трансформацију односа два народа (и држава у оквиру којих су они углавном живели) у наведеном периоду. Додатни проблем представља и то што је за део ових радова доминантна парадигма вештачке („совјетске“/ „југословенске“) заједнице или апсолутне вредности комунистичке идеологије, што смањује објективност избора докумената и њиховог тумачења⁴.

Историја српско-руских односа пружа могућност оправданог коришћења придева „традиционалних“ – када се карактерише њихова дубина и јачина. Додуше, сам појам „традиционални партнер“ или „традиционални савезник“ у последње време се користи толико често за односе са толиким бројем земаља, да се скоро изгубио његов значај и смисао. Краће сагледавање хронолошких граница и општих праваца српско-руских односа неопходно је за оцењивање изворног значаја израза „традиционални односи“. Први примери контаката два народа почев од Средњег века представљају спорадичне догађаје везане махом за руска путовања на Атос (манастир Св. Пантелејмона „Русик“), или у Цариград⁵. Најпознатији од тих „издвојених“ случајева је пример младог Растка (Немањића), кога су руски монаси одвели на Атос. Ситуација се променила у другој половини XV века када је Московска Русија остала једина независна православна држава. Од тада „руско-српски / српско-руски односи“ имају свој непрекидан ток све до 1917. године. Политичка промена која се догодила била је у статусу руских и српских земаља, у порасту снаге руског монарха и у тешкој борби српског народа за „златну слободу“ и уједињавање свих српских земаља. У том процесу политичке повезаности долазило је и до директне везе руских и српских династија (од Ивана Грозног и његове баке Ане из рода Јакшића, која је живела на руском двору, све до Јелене Петровне Српске – супруге жртве Алапајевска – кнеза Иоана Константиновича Романов), али је најтрајнија веза била у односима сестринских православних цркви – РПЦ и СПЦ. Услед катастрофе Првог светског рата и његових последица дошло је до судбоносних промена и прелома у многим историјским процесима, па и у односима двају народа, Срба и Руса, као и генерално у њиховим животима.

Иницијална каписла овог прелома био је Велики рат 1914–1918. године, услед кога је дошло до уништавања националних држава руског и српског народа – Русија и Србија су нестале са политичке карте. Дошло је и до тектонских

геополитичких промена – стратешки значај Русије за Србију и Србије за Русију је увелико био деградиран. Југославија је имала много мањи стратешки интерес за СССР, а и СССР за Југославију. Румунија је, без икаквих правних основа, 1918. године окупирала руску провинцију Бесарабију, услед чега је Русија све до 1940. изгубила приступ Дунаву, а Југославија се све до 1938. више није граничила са крупним државама – геополитичким ривалима Москве. Идеологије двеју држава такође су се нашле у пуној супротности – агресивни месијански комунизам се налазио у потпуној супротности са интегралним југословенским национализмом. Москва је издала вишевековну традицију своје спољне политике и окренула се подржавању муслиманских и католичких народа при њиховом супротстављању православним народима на подручју великог Балкана – некадашње Османске царевине – све до краја 30-их година XX века. Тај заокрет у руско-српским међудржавним односима био је тим трагичнији, ако се сетимо да је управо претходни период био врхунац међусобног „зближавања, интензивне сарадње и руске заштитничке политике према Србији“⁶. Од свеопште симпатије према „малој, али јуначкој Србији“⁷ који су некад владали у Москви и знаменитог Српског црквеног подворја на зеленој и ушушкованој Сољанки, на истој адреси је почела да делује мрачна централа „Југословенског совјета радних и сељачких депутата“⁸, који су се бавили израдом инструкција о таоцима, њиховом држању у концентрационим логорима и погубљењу⁹. На предлог југословенских бољшевика међу таоце су, априла 1921. године, стављани „сви официри старе српске и црногорске војске, сви утицајни виши официри бивше аустро-угарске војске, сви бивши цивилни службеници (интенданци) српске војске који су деловали у Украјини и Сибиру и сви утицајни цивили из редова буржоаске и интелектуалне класе“¹⁰. После револуција и грађанских ратова, уместо „светлости православља“ нова бољшевичка Москва је на Балкан зрачила терористички дух Коминтерне¹¹. Ипак, услед деловања низа фактора, после таквог распада српско-руски односи су крајем периода који сагледавамо (односно крајем Другог светског рата) дошли до потпуног заокрета. Исти ти војници са црвеном звездом, који су марширали хиљаде километара из Москве до Београда, били су дочекани као ослободиоци. Њима нису хтели да се супротставе припадници ни једне од страна у грађанском рату који је током Другог светског рата поделио српски народ на три дела. Сагледавање природе и разлога ове трансформације представља основну тему нашег истраживања.

„ОВА НАША ЛУДА БРАЋА ИЗГЛЕДА НЕЋЕ СЕ ОПАМЕТИТИ, СТАЊЕ СВЕ ЦРЊЕ И ГОРЕ. ОВДЕ ЈЕ КАО И КОД ВАС СТРАХ И УЖАС“¹²

Улазак Русије у светски сукоб почетком светског рата су активно пропагирали исти људи, који су касније спремали државни удар марта (фебруара) 1917. године. У трећем тому зборника „Москва – Србија...“ објављена је бе-

лешка А.И. Гучкова министру спољних послова С.Д. Сазонову, у којој је лидер опозиције у Думи критиковао „слабост Цара“ и „издају Србије“, у случају ако се Русија не умеша у Велики рат и чак претио револуцијом уколико то не буде извршено¹³. Исти Гучков је био један од кључних аутора плана заснованог на катастрофалној идеји – збацивања са престола цара Николаја II усред рата¹⁴. А да, у случају сукоба са централноевропским германским силама, постоји опасност од револуционарних потреса, увиђали су опрезни руски политичари и пре избијања рата¹⁵. Да је улазак Русије у рат баш у лето 1914. године био последица велике личне везаности цара Николаја II за Србију, али и да је рат био разлог пада Русије у револуционарном вихору, истицали су руски емигранти, и то посебно они у Србији¹⁶.

Већ 6. (19) марта 1917. српски генерални конзул у Одеси М. Цемовић писао је Н. Пашићу о последицама драматичних промена у Русији по српску ствар „... до преврата, наша национална идеја имала је најискренијег заштитника у лицу цар Николе... С падом цара и с њиме старог бирокупатског апарата, разрушено је у знатној мери оно, што смо ми до сада радили и урадили у политичким круговима старог режима. Сад се мора рачунати с партијама, њиховим вођама и њиховим политичким програмима уколико се они додирују међународних питања уопште и наших напосе.“¹⁷ Без обзира на бројна обећања и изразе симпатија према Србији¹⁸, у односу руских власти према њој назирали су се одређени проблеми – изгледност сепаратног мира (или бар мира „без анексија“, тако драгог левичарским партијама), што је значило потпуну катастрофу за српске територијалне аспирације¹⁹.

После фебруарских (мартовских) догађаја 1917. године у Русији Србија је, очигледно, изгубила реалну руску залеђину на преговорима са земљама Антанте о будућности југоисточне Европе. Привремена влада нити је желела, нити је могла да има независно мишљење у преговорима са Француском, а поготово Енглеском. Ипак, у том тренутку је много озбиљнији био проблем Српског добровољачког корпуса у Русији. Његова судбина се сагледавала кроз југословенско питање и представљала је специфичан проблем на који такође није могла да не утиче ситуација настала падом династије Романов²⁰. Пре тога су у руским владајућим круговима на Нишку декларацију гледали као на манифест уједињења српских земаља, а Југославију су сматрали проширеном верзијом Велике Србије, што се поклапало и са погледима које је српска елита износила руским дипломатским представницима²¹. У игри је тада била и могућност очувања федерализоване и пацификоване Аустрије, што је могло да значи одређено територијално задовољавање Србије, уз очување хабзбуршке власти у јужнословенским католичким земљама²². У новим условима морала је да јача идеја „Југославије“ као равноправне државе три народа, уз све консеквенце, што није могло да не утиче на најкрупнију тадашњу борбену јединицу Србије –

Српски добровољачки корпус, који се налазио у Русији још од свог формирања 1916. године²³. Ту долази до стварања „дисидентског“ покрета, из кога је изашло више будућих припадника антидржавних организација – и усташке и комунистичке²⁴. Заправо, решавање судбине поданика српске краљевине и заробљених војника црно-жуте монархије (Срба, Хрвата и Словенаца) представљало је основни заплет српско-руских политичких односа из првог дела међуратног раздобља, које можемо условно назвати „Револуција и Грађански рат“.

То питање се решавало снагама српског дипломатског особља – посланства у Петрограду, конзулата у Одеси и Москви – који су се касније, са повлачењем главнине добровољачких трупа, померали све до Сибира и Далеког истока. У име српске краљевске дипломатске мисије од цара се, после абдикације 12.(25) марта, званично опростио српски војни конзул Б. Лонткевић. Николај II је тада рекао „да је увек имао симпатије за братски српски народ и да се нада... да ће српски народ остварити своје идеале, ... да се рат доведе до победничког краја“, поздравио је Александра Карађорђевића, распитивао се о добровољачком корпусу и молио да им се пренесе његов поздрав. На крају, цар је пружио представнику Краљевине Србије руку и рекао: „милостиви Бог нека заштити Српски Народ“²⁵. Српска краљевска дипломатска мисија убудуће је покушавала да се додвори Привременој влади певајући хвалоспеве „слободном руском народу“ и истичући не више „православну словенску идеју“, као пре, већ „демократски дух“²⁶.

После бољшевичке или, како су је на француски начин називали, „максималистичке“ октобарске револуције, дошло је до неизбежног затезања односа. Пре свега, то је изазвано проблемима насталим услед објављивања тајних планова будућих анексија и, уопште, позадине рата која није смела да се објављује док је Русија била члан коалиције противника Централних сила²⁷. Преговори о сепаратном миру су дошли на ред као остварење бољшевичког „декрета бр. 1“ – „Декрета о миру“ прихваћеног 26. октобра (8. новембра) 1917. године. Природно је да је Србија, чија је територија била окупирана, одбила да учествује у заједничким разговорима о миру и чинила све да отежа склапање сепаратног мира²⁸. Услед погоршавања односа између Антанте и Русије дошло је и до чувеног инцидента на дипломатском пријему, када је српски посланик М. Спалајковић директно увредио В. Лењина. Спалајковић је тада рекао: „Ви се усуђујете да говорите о издаји Савезника, Ви који сте за навек изгубили част? Ја вам пљујем у лице!..“ на шта му је, наводно, Лењин узвратио: „Схватам ваше очајање, али нашу политику диктира воља, да по сваку цену и што је пре могуће учинимо крај проливању крви у Европи.“²⁹ Интересантно је ипак да тај демарш Спалајковића није био урађен услед збацивања цара, Октобарске револуције, објављивања поверљивих српских меморандума или чак Брестлитовског мира. У конкретном случају М. Спалајковић је изразио подршку посланику Румуније

К. Диамандију, кога су бољшевици са комплетним особљем румунског по-сланства узели за таоца услед почетка румунске окупације руске провинције Бесарабије³⁰. Уосталом вероватно је ствар са румунским послаником била кап која је прелила чашу. Након што је 3. (16) марта 1918. најзад био потпи-сан Брест-Литовски мир са „ужасним и срамним условима“, који је послужио као разлог Грађанског рата и интервенције, српско дипломатско особље, које је већ било напустило јужне пределе Русије (где су Немци створили марионетску „независну државу Украјину“), напустило је и Петроград, и повуко се на исток и север Русије³¹.

После повлачења српске дипломатске мисије и војног особља на руске те-риторије под контролом Антанте, дошло је до активнијег мешања појединих српских официра и војника у Грађански рат на страни „црвених“ или „белих“, а пале су и прве жртве³². Паралелно са тим догађајима кристалише се и српски став, који је с временом постајао све чвршћи: без обзира на негативан однос према бољшевицима „нипошто не допустити употребу српске војске против Руса“³³. У међувремену, дошло је и до још једног отежавајућег фактора – при-падници царске породице (па и српска кнегиња Јелена Петровна) су се нашли у све тежим условима у Сибиру, што је изазвало забринутост српског краља и регента³⁴. Тајно погубљење царске породице, без судске одлуке, српски ди-пломати су оправдано оценили као гнусно „убиство“³⁵. Уосталом, и саме убице су своје дело са поносом квалификовале као убиство, које су ипак покушавали да прикрију од народа³⁶. Кораца ка спасавању кнегиње Јелене из бољшевич-ке тамнице изведени су уз активно залагање српске дипломатије и норвешке дипломатске мисије која је заступала српске интересе у Петрограду³⁷. Ипак, основни проблем који је српска дипломатија у Русији решавала 1917–1918. го-дине било је извлачење добровољачког корпуса, односно преосталих јединица те формације, и ихово пребацивање на Солунски фронт. Док је првобитна ева-куација преко Архангелска представљала релативно повољну варијанту тог пута, преостали су морали да крену на далек и тежак пут из Јарославља за Порт-Артур³⁸.

Повлачење Добровољачких јединица из Русије имало је више тешкоћа, које су изазвали сибирска клима, ратне несташице и опасности грађанског рата. Ипак, највећа опасност по младу државу, која се у мукама рађала на Балкану, била је инфилтрација бољшевичке идеологије, услед чега је морало да дође до филтрације повратника у посебном логорском систему³⁹. Добровољачке трупе су већ у мају 1917. толико „попримиле“ руски дух да су створиле свој војнички комитет, који је одлучио да ухапси команданта дивизије и његов штаб⁴⁰. После извлачења добровољачких трупа и других грађана Краљевине СХС са терито-рије под контролом бољшевика контакти српске владе са бољшевичком влашћу су се постепено гасили. Од завршетка Првог светског рата до краја Грађанског

рата у Русији (1919–1921) представници Београда су имали „дипломатску и војну мисију код адмирала Колчака у Западном Сибиру, генерала Деникина у Јужној Русији и [представништва] дипломатска и војна у Источном Сибиру, као и у Владивостоку“ чији је основи циљ био репатрирање свих сународника из Русије⁴¹. Непосредни раскид српске владе са бољшевичком владом десио се у лето 1918. године, када је у јуну дошло до раскида руско-српске телеграфске конвенције, а у августу чак и до хапшења чланова српске мисије у Москви и претње њиховим стрељањем. Слична ситуација била је и у Петрограду, где су бољшевици држали неколико српских официра као таоце, чији живот је био „у опасности у случају понављања каквог новог атентата“⁴². Дошло је и до упада наоружаних црвеноармејаца у просторије српског посланства у Петрограду, које је том приликом опљачкано.⁴³ Најзад су, 2. септембра 1919. године, и преостали чланови посланства Србије званично кренули из Русије за Београд, напустивши луку Архангелск, што је требало да значи дефинитивни прекид чак и индиректних односа. Међутим, спорадични контакти са представницима совјетске Русије били су ипак настављени. На пример, министар иностраних послова А. Трумбић је у августу 1920. у Лондону водио преговоре са представницима совјетске Русије⁴⁴. После конференција у Ђенови (1922.) и Лозани (1923.) дошло је до таласа признања совјетске Русије од стране низа водећих европских држава, што је подстакло и Београд да размисли о поновном успостављању дипломатских односа са Москвом. Ту идеју јавно је износио С. Прибићевић⁴⁵. Одређене кораке у овом правцу чинило је и српско министарство спољних послова, чији високи чиновник С. Пеливановић је активно радио на томе са Ф. Махиним, према успоменама секретара левичарске емигрантске организације Земгор М. Агапова⁴⁶. Без обзира на непостојање међудржавних политичких односа, у међуратном периоду постоје два активна друштвена феномена који су имали јасно политичко обележје и као таква могу да се посматрају као нека врста политичких односа (додуше са супротним предзнацима) – деловање Коминтерне и руске емиграције.

„НЕСТАЛО ЈЕ НАШЕГ АНЂЕЛА-ЧУВАРА, И СВУДА НАС РУСЕ СУ
ПОЧЕЛИ ДА ПРИТИШЋУ, А ПРЕ СУ ШТИТИЛИ“⁴⁷

Директно супротстављање успостављању односа са бољшевицима чинили су конзервативни српски кругови око краља Александра и патријарха Варнаве, који су представљали двојицу најзначајних заштитника руске емиграције у међуратној Краљевини. Руска емиграција, посматрана као социјална група или културни феномен који је повезивао руско и српско народ, привлачила је до сада пажњу више истраживача⁴⁸. Ипак, политички утицај и уопште само политичко деловање емиграције у Краљевини СХС/Југославији представља једно недовољно проучено питање.

Пре свега, морамо да констатујемо да политичко деловање емиграције није било монолитно и пре би се могло рећи да је имало хаотичну природу, али која је пак имала и неки заједнички вектор. Руска емиграција на Балкану, а поготово у Краљевини, била је претежно конзервативног карактера. Значајан број мушкараца је прошао рат и представљао је неку врсту остатака поражене беле армије, иако по професији нису сви они били војници. Богатије и либералније расположене масе емиграната су се концентрисале у Чехословачкој и Француској. Тај део су бољшевичке власти сматрале нарочито опасном и користиле су сваку прилику да у редове тих емиграната убаце совјетску агентуру⁴⁹. Скривена експозитура совјетских експоната у Београду формирана је 1924. године, под маском југословенског огранка Земгора⁵⁰. Интересантно је да је деловање Земгора било финансирано од левичарски расположених кругова југословенске владе, која је давала средства за добротворне и социјалне програме Земгора, али који је, истовремено, добијао одређени новац и из међународних фондова.

Друштвено-политички живот емиграната био је веома шаролик. Ванпартијска сталешка удружења (са најважнијим удружењем професионалне природе – Савезом руских војника – РОВС-ом) имали су неизбежно и политичку природу, без обзира на јавно декларисање супротног. Отворено политички карактер носиле су локалне емигрантске политичке организације и филијале светских емигрантских политичких покрета. Ипак, с тачке гледишта узајамних руско-српских односа, њихово деловање није било много значајно, јер су сва та друштва стварана због Русије и преуређења односа у њој.

За разлику од левичарског Земгора, који је намерно циљао на јачање руско-српских политичких односа, десничарски кругови руске емиграције махом су били опредељени за „живот на коферима“, па је и њихов политички утицај на локалну средину имао карактер нуспојаве. Посебно затворене у уске кружоке биле су организације прве генерације емиграната, које су врхунац своје активности имале 1920-их година. Организације друге генерације емиграната, која је стигла у Југославију у дечачком добу или се чак родила на Балкану, имале су нешто вижи ниво повезаности са локалним проблемима, али су такође биле далеко од локалне реалности. Чак и појаве које су по својој природи биле јавне (Музеји руских војних јединица), деловање легитимистичког Друштва чувања успомена на цара Николаја II, као и бројни дискусионни клубови посвећени садашњости и будућности Русије, били су према српском становништву веома херметична појава. Изузетак од тог правила био је „Руско-српски клуб“, који је почео своје деловање још за време постојања Србије и Русије, недуго после доласка на власт династије Карађорђевић, а служио је као нека врста читаонице за упознавање Срба са руском културом и политиком, а Руса са српским традицијама и дневнополитичким околностима. Ипак, веома је карактеристично схватање које је руски инжењер и архитекта из Београда С.Н. Смирнов

изнео у писму упућеном 1938. у Скопље, његовом другу С.А. Братцеву, који је имао присне везе са српском елитом Краљевине Југославије: „Никад не идем у Руско-српски клуб, али плаћам [чланарину], јер циљ је добар и служи будућности, а и срамота ме да ја, који сам дошао овде први пут 1899, не учествујем у томе“⁵¹. Клуб је стварно радио много активније 1920-их година, када се руско друштво надало скором повратку у Русију, а почео је замирати 30-их, када је збацивање большевика изгледало, а и било, много теже. Јачање идеолошких и политичких веза са локалним српским друштвом десно оријентисана већина руске емиграције у Југославији није сматрала примарним задатком. Поједине њихове брошуре и радови нису имали неки велики додир са ширим круговима политички активних људи.

Још једну руско-српску друштвено-политичку спону можемо јасно да уочимо у тадашњем деловању највеће хоризонтале односа два народа – у деловању Православне цркве⁵². Српска православна црква је са опрезом дочекала револуционарна дешавања 1917. у Русији⁵³, али је са РПЦ поделила срећу испуњења вековног сна – поновног избора руског патријарха⁵⁴. Српска црква је помогла сестринској цркви и у спасавању руских црквених јерарха и других свештених лица, почевши да размишља о тој узајамно корисној помоћи већ у јулу 1918. године⁵⁵. Положај који су они имали на канонској територији СПЦ био је јединствен. Краљевина (прецизније градић Сремски-Карловци) се претворила у верски центар руског народа 20-их година минулог века – седиште руске православне цркве у иностранству – РПЦ(з)⁵⁶. РПЦ(з) је била наследница, настала маја 1919. године, за време грађанског рата, Привремене више црквене управе на југу Русије (белогардејци). Подела Руске православне цркве (даље РПЦ) на Московску патријаршију (РПЦ МП) и РПЦ(з) одиграла се због Свезаграничног руског црквеног сабора, одржаног 8. (20) новембра 1921. године у Сремским Карловцима, који је упутио позив да се на руском престолу устоличи „легитимни православни цар из династије Романов“, уз помоћ стране војне интервенције или уз другу подршку коју би пружила било која светска сила. Владике РПЦ у Русији налазиле су се под директним притиском ВЧК – ГПУ и због тога су морале изричито да осуде одлуке и учеснике Карловачког сабора, али и да покушају да укину Привремену управу. Архијерејски сабор је 13. септембра 1922. наредио формирање Архијерејског синода РПЦ(з) под окриљем СПЦ-а. У РПЦ(з) су ушли не само епископи-емигранти отерани са својих катедри, него и део Руске цркве који се нашао ван домаћаја большевика: бројне парохије у западној Европи, епархија у Америци, две епархије на Далеком истоку: пекиншка и новоформирана далекоисточна епархија харбинска, као и значајна Православна духовна мисија у Палестини. Архијерејски сабор РПЦ(з) у Сремским Карловцима и Привремени Синод Московске патријаршије су 1927/1928. године раскинули све административне контакте. Последња веза између РПЦ(з) и РПЦ МП прекинута је 1936. године⁵⁷.

У оквиру црквених веза руског и српског народа чувале су се успомене на руску царевину и на последњег руског цара. Српски патријарх Варнава је 1930. године прихватио да буде Почасни Председник Друштва за успомену на Цара Николаја II. У Београду је никао храм Александра Невског, који је чувао успомене на монархе мученике Александра Карађорђевића и Николаја Романова. Стотине руских свештеника нашле су своје место у српским парохијама где су вршили литургије, али у проповедима и беседама нису могли а да се не дотакну несреће која је снашла Русију 1917. године. У том смислу има симболике у томе да су 1931. године привремени смештај у Београду нашле Малтешке реликвије Руске православне цркве – „честице дрвета Живоносног Крста Господњег, десна рука моштију Св. Јована Крститеља и чудотворна икона Пресв. Богородице Фалернске, коју је насликао св. јевангелист Лука“⁵⁸. Те светиње су за време Априлског рата 1941. биле склоњене у црногорске планине, где су, после низа перипетија, касније пронашле свој стални смештај и све до сада чувају јединство историјских српских земаља у цетињском манастиру.

Непосредни лични контакти, који су постојали, имали су значајни утицај у описаном контексту и били су препрека појави сентимената према совјетској Русији. Међутим, насилне смрти краља Александра и патријарха Варнаве 1930-их година пресекле су и ту везу. Стасала је нова генерација српских политичара и елите, која није имала додира са царском Русијом, јер је у културном смислу била оријентисана на Француску, а у политичком на Велику Британију. С друге стране, десничарска већина руске емиграције је услед традиционално блиских руско-немачких културних веза, симпатија према свим противницима болшевиизма и неразумевања империјалне природе нацизма и његових „источних планова“, са симпатијама погледала ка Немачкој⁵⁹.

Радило се, у ствари, о трагичном размимоилажењу између руске емиграције у Југославији и значајног дела српског народа, који је, вођен сећањем на догађаје из Првог светског рата, грчевито тражио излаз из трагичне ситуације која се у Европи створила услед новог буђења немачког империјализма. Б.Н. Полозов, пријатељ С.Н. Смирнова, писао му је 1. јуна 1940. године из Теслића у Београд: „...Одвратни дани, по целој држави иде активна комунистичка пропаганда, а наша полудела браћа са нестрпљењем очекују великог Словена – Стаљина“⁶⁰.

„ЧИТАЊЕ ОВИХ НОВИНА НАВОДИ НА ПРИЈАТНА РАЗМИШЉАЊА,
НА ПРИМЕР: КОЛИКО ЈЕ ЈОШ ОСТАЛО ‘НЕСТРЕЉАНИХ НИТКОВА’?...
АЛИ КО ЋЕ ДА ЗАКОЉЕ СТАЉИНА? ЗАР КЕРЕНСКИ?
У ТОМЕ НЕ ПРИМЕЂУЈЕМ НИКАКВУ СРЕЂУ“⁶¹

Деловање Коминтерне, КПЈ и ВКП(б) на српско-руске односе у међуратном периоду сигурно је имало одређени значај. Међутим, пун сплет тог деловања и веза у датом контексту је имао углавном индиректни значај. Српски комунисти

су тежили да се у упитницима попуњаваним унутар зидова ИККИ у Москви декларишу као „Хрвати“. У црвеној Москви и осталом СССР-у радо су штампали брошуре и књиге о „непријатељском и шовинистичко-великосрпском карактеру“ Београда⁶², што је испољавало ставове ИККИ о Србима⁶³. Уосталом, ни Руси нису били „близу срца“ челника ИККИ – Г.Е. Зиновјев је тражио да се „сасече глава нашег руског шовинизма“, а Н.И. Бухарин је Лењинову националну политику отворено тумачио као „постављање бивше велокодржавне нације у подређен положај и веће попуштање према националним захтевима мањих нација“⁶⁴.

Може се јасно уочити утицај руске револуције и совјетског искуства на будуће деловање српских (и југословенских) бољшевика. У крвавим вировима руског грађанског рата југословенски поданици аустријске монархије, „силовољци“ и „дисиденти“ Добровољачког корпуса, калили су своју нетрпељивост и револуционарну суровост према непријатељу. Од „партизанских република“ у Ужицу и Црној Гори 1941. године, па до ослобођења Београда и целе Шумадије 1944, у масовном таласу терора према⁶⁵ стварним и измишљеним непријатељима у Србији без сумње се назирао глобални образац: дивљање совјетске ЧК у доба црвеног терора 1918–1921. У методима и организовању борбе са политичким неистомишљеницима 1946, али и 1948, остао је неизбрисив траг политичких процеса стаљинистичког доба. Начин решавања националног питања путем поделе територије најбројнијег народа на више националних република, са додатним издвајањем из ткива централне републике двеју аутономија, је исти лењинистички приступ „федерализације“ који је на несрећу руског (а потом и српског народа) надвладао у чувеној дискусији о националном питању. Убрзана индустријализација на штету лаке индустрије и изградња снажне војске, у стопу праћене свемоћним апаратом тајне полиције – тај рецепт руских бољшевика користиле су после доласка на власт и вође КПЈ. Према сећању Д. Георгијевића, јануара 1920, у предграђу сибирског града Омска⁶⁶, поред других 16 Југословена у редове комуниста примљен је хрватски бравар и аустријски заробљеник Јосип Броз. Примлио га је „југословенски биро при одговарајућем комитету“ Сверуске Комунистичке Партије (бољшевика), једне од клице будуће КПЈ⁶⁷.

Историја деловања Коминтерне на Балкану представља једну веома посебну тему, далеку од нашег истраживања. Вође Коминтерне су у СССР-у пекле свој занат револуционара, а добијале су теоретска и практична знања политичке, војно-партизанске и безбедносне природе⁶⁸. Те школе и путовања имали су значај у међуратном периоду, када је КПЈ деловала о трошку совјетских „спонзора“, уз њихову кадровску контролу и стратешко усмеравање. Поготово су те школе добиле на значају за време Другог светског рата, када се, по рецептима „партије грађанског рата“, КПЈ борила против страних окупатора и домаћих

конкурената за освајање апсолутне власти⁶⁹. Тај совјетски утицај ипак је био скривен и, уз сву очигледност, није постао значајан део националног памћења два народа. Ипак, при узајамном упознавању много већи утицај (који је и до сада осетан у српским стереотипима/схватањима о Русији) имао је утисак који су на југословенску (па и српску) политичку емиграцију у међуратном СССР оставиле Стаљинове репресије.

Реални значај тих репресија, њихово схватање у савременом руском друштву или тадашњој емиграцији, представљају једну посебну тему, која је далеко од утиска који су ти догађаји оставили на југословенске комунисте. Репресије које су се распламсале у Совјетској Русији 1930-их година сигурно су изазвале осећај задовољства код значајног броја припадника руске емиграције и дела десно оријентисаног сегмента српског друштва, поготово код оних који су гајили мржњу према онима који су, према њиховом мишљењу, уништили Русију почетком XX века. Како да не буду срећни кад су видели да су у тој репресији пали и директни организатори убиства царске породице и њене шире родбине⁷⁰?! Упркос свему томе, они су итекако осуђивали ударце таласа репресија по обичним љдима (односно црвени терор 1920-их, пљачку села на прелому 1920-30-их година и дивљање према народним масама које су преживеле недаће револуције и које су 1930-их година биле далеко од политике).

Југословенски комунисти, међутим, најтеже су доживљавали репресију против бивших лидера СКП(б) – „лењинске гарде“ или, како су их још називали, „старих бољшевика“. Уосталом, и у самом Дому политичких емиграната у хотелу „Лукс“ у улици Тверскаја у Москви, где су живели страни комунисти, уочи хапшења је владала мрачна и песимистична атмосфера. Тај осећај шока и неверице у својим каснијим успоменама веома пластично је описало више југословенских комуниста, али најјезгровитији је опис који је оставио В. Беговић⁷¹. У тајновитим кабинетима официра НКВД-а, где су на силу били одвучени неугодни југословенски комунисти, или где су они сами понизно допузили са пријавама против партијских колега и другова, рађао се онај дух који је избио на површину 1948, када је дошло не само до партијског конфликта између две идеолошке државе, или два тоталитарна диктатора, већ и до тектонског прелома у односима народа којима су они владали, а чије последице су се осећале током наредних неколико деценија.

„БОГ СВЕТИ ЗНА КАКО И ШТА ЋЕ БИТИ.

УПАЛИ СМО У ЈЕДАН ВРТЛОГ, А ИМАЛИ СМО ЛЕПЕ ЖЕЉЕ И НАДЕ,
САДА НАМ НИШТА ДРУГО НЕ ПРЕОСТАЈЕ, ОСИМ ДА ЧЕКАМО КАКО
ЋЕ СЕ РАЗВИЈАТИ СИТУАЦИЈА ДАЉЕ“⁷²

Догађаји Другог светског рата су у Југославију стигли очекивано брутално и криво, али су свеједно изненадили миран „бели град“ и његово

становништво, где је био концентрисан и значајан део руске емиграције. Без обзира да ли су они спадали међу „дефанзивце“ („оборонци“) или „дефетисте“ („пораженци“), дакле да ли су сматрали да је потребно бранити Русију од свих спољних напада или спољном непријатељу препустити уклањање большевизма у Русији, без обзира да ли су симпатисали Немце или са гнушањем гледали на нацизам, страдали су у бруталном априлском бомбардовању и писали текстове своје последње воље под бомбама⁷³. Пролеће и почетак лета су у окупираном Београду прошли у бескрајим покушајима прилагођавања на новонасталу ситуацију⁷⁴. У другим крајевима окупиране и распарчане Југославије руска емигрантска заједница је преживела тешки усуд, посебно на подручју злогласне НДХ, где је у данима усташког дивљања 1941. године поред хиљада Срба страдало и неколико десетина руских емиграната.

Живот Србије и других делова Југославије у оквиру „Нове Европе“ представљао је нову кратку, али веома бруталну страницу историје руске емигрантске заједнице у западном делу Балканског полуострва. Током три године, 1941–1944, збило се више догађаја него у претходним годинама од смрти краља Александра. Дошло је до нагле промене у погледима руске емигрантске заједнице на политичку ситуацију у средини у којој су се налазили. У писмима појединаца и емигранатској дневној штампи ратног доба писало се о локалној ситуацији и политичким догађајима знатно више него пре тога⁷⁵. Додуше, и сами догађаји су били много агресивнији према емигрантима. Десетине њих су постале мета српских герилаца наклоњених далеко, непознатом спасиоцу – силном и моћном Стаљину као модерној еманацији снажне подршке коју су Срби, као и пре, очекивали од Русије. Каснија колаборација руске емиграције са Немцима индиректно је водила паду угледа не само емиграната већ и Руса генерално: „Срби су тим Русима дали надимак ‘ми тоже акупатори’ и терали спрдњу са њима“⁷⁶.

Нагли и оштар раскол који је руско друштво доживело услед Грађанског рата, почео је у српском и, уопште, југословенском друштву, да се понавља на неки изопачен, али ипак сличан начин. Све три стране у конфликту у српском друштву – просовјетске присталице Ј. Броза Тита, пробританске присталице Д. Михаиловића и пронемачке присталице М. Недића имале су сваки своју визију боље будућности Србије и Југославије. Свака струја је имала и своју варијанту српског русофилства. Имали су, најзад, и своју групу Руса – наравно, неједнаку по снази и значају за њихов поглед на свет. Екстремни десничари и левичари веома брзо су пронашли „своје“ Русе – антисемите и борце против светских завера и плутократа или присталице национализације имовине, социјалне правде и безрезервне борбе против империјалиста⁷⁷. Код припадника ЈВуО симпатије према реалним Русима и нису биле толико јасно истакнуте, иако нису ни негиране услед популарности политичког русофилства код ширих слојева српског народа. Поједини руски емигранти су пронашли своје место

у редовима сарадника ЈВуО и краљевске емигрантске владе, али су ипак били далеко од њихових симпатија. Официри и вође ЈВуО гајили су неузвраћену љубав према англосаксонским облицима демократије, било у изворно краљевској или прекоокеанској верзији. Посебну пажњу према Русима и Русији тај сегмент учесника српског грађанског рата испољио је тек крајем рата, због чега су најслабије разумели бујну снагу која је, упркос немачким напорима, у јесен 1944. године стигла на Балкан⁷⁸.

Крај Другог светског рата донео је руском друштву као целини крај менталне подељености и крај грађанског рата, јер све друге опције, осим оних повезанх са црвеном Москвом, више нису имале капацитета да понуде самосталну алтернативу развоја Русије. Руска емиграција се претворила у избеглиштво. Они више нису могли или нису хтели да се врате у Русију, док је „политичка алтернатива“ потпуно нестала у „Руском зарубежју“. Оно је сачувало само улогу чувара оног дела руске културе који није могао да опстане на подручју захваћеном „совјетским експериментом“. Ипак, руско друштво је увелико зацелило своју рану и јаз који га је поделио почео је да се смањује услед заједничког позитивног односа према резултатима Другог светског рата. Међутим, ситуација у Југославији и Србији била је потпуно супротна. Ослобођење источних предела Југославије од немачких снага довело је и до инсталирања монопартијске диктатуре по угледу на совјетску. На тај начин долази до даљег размимилажења у погледима руских војника и официра, опијених сличношћу руског и српског језика, и понашања локалног становништва⁷⁹. С друге стране, после нестанка немачког окупатора све очигледније су биле мане новог система, који је имао много сличности са првим годинама совјетске власти, што су пратила и бројна понижења „бивше великодржавне нације“.

„ХВАЛА МАЈЦИ РУСИЈИ НА ТАКВИМ САВЕТИМА,
АЛИ ЈЕ СРПСКИ НАРОД НЕ МОЖЕ ПОСЛУШАТИ
И НИКАД ЈЕ У ОВОМ НЕЋЕ ПОСЛУШАТИ“⁸⁰

Раздобље које се сагледава у овом делу вишетомне едиције докумената „Москва – Србија, Београд – Русија“ представља време између два завршетка Светских ратова. У том раздобљу се назире традиционална доминанта српско-руских односа, пријатељство и сарадња у годинама ратних недаћа. Без обзира на буру идеологије и геополитике, која је избила у првој половини 20. века у Европи, за период од 1917. до 1945. године можемо констатовати да ниједна политичка снага руског народа није водила рат против Србије, нити је неко српско политичко тело послало своје војнике у рат против Русије. Ипак, и Русија и Србија су нестале са политичке карте већ 1917–18. године. Ако је претходни период 1878–1917. био врхунац међудржавних контаката, онда период 1917–1945. представља врхунац међуљудских односа Срба и Руса. Долази

до неколико таласа масовних контаката два народа – српски добровољци и заробљеници су прошли Русију од Одесе до Архангелска и Владивостока, руски емигранти су дошли до у најмања места и оставили трага на најразличитије стране живота српског народа. Најзад, цео руски народ је прожела свест о нарочитој српској улози у организацији отпора немачком окупатору у „Новој Европи“, што је било посебно осетљива тема у суморним данима 1941–1945. године. После је дошло до контаката становништва источног дела Југославије са 300.000 црвеноармејаца, а то је превасходно био српско-руски контакт. Ипак, врхунац тих додира био је долазак руске емиграције и њено деловање у међуратном раздобљу, када је Србија постала центар њеног политичког (почетком 1920-их), и црквеног (1920-их и 1930-их) деловања. Као куриозитет морамо да поменемо и да је Београд био место где је у периоду 1941–1944. деловала највећа руска библиотека ван СССР, чему су доприњели Немци својом политиком „укрупњавања“ избегличких организација⁸¹.

Поред свега наведеног, у периоду 1917–1945. руско-српски односи су поново враћени у контекст односа два града – Београда и Москве, где су бољшевици поново преместили главни град. На крају тог периода поново је дошло до идеолошке блискости већине српског и руског народа, као и до једног новог периода идеолошке еманације из Русије, која је, уосталом, била веома далека од некадашњих идеолошких концепата. Ипак, управо ту се почео рађати и црв узајамног конфликта, који ће завадити Београд и Москву пар година по успешно завршеном Другом светском рату. Корени тог сукоба се без сумње налазе у последњим ратним годинама, али њихово објашњење сигурно заслужује једно посебно разматрање. У сваком случају, Срби и Руси изашли су из периода светских ратова са милионским жртвама, али и са свим својим етничким територијама окупљеним у оквиру јединствених држава; са ореолом светске суперсиле (или регионалне силе), али и без националних држава; ослобођени од јарма страних освајача, али са бруталним тоталитарним режимима на власти; као победници на папиру, али страшно осиромашени услед ратних разарања. У том драматичном периоду Срби и Руси упознали су се присније него икад пре током својих односа – од Св. Саве до 21. века, а клице тог упознавања клијају и расту и до наших дана. Успомене о данима заједничког борбеног отпора надмоћном освајачу у два светска рата и друштвено-културно прожимање услед феномена руске емиграције представљају трајну тековину у односима та два народа.

¹ НБС, ф. Смирнова, несређена грађа, писмо непознатог руског емигранта С. Смирнову. Фонд није дефинитивно сређен и зато наводимо само назив фонда.

² Маевский В. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии, т. 2, Нью-Йорк, 1966; Поповић Н., Југословенско-совјетски односи у Другом светском рату, Београд, 1988; М. Јовановић, *Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924*, Београд 1996; Косик В.И., Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века), Москва, 2000; Јовановић М., Руска емиграција на Балкану. 1920–1940, Београд, 2006; Милорадовић Г., Карантин за идеје. *Логори за изолацију „сумњивих елемената“ у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца (1919–1922)*, Београд 2004; Косик В.И., Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е годы). Москва, 2007; А.Тимофејев, Руси и Други светски рат у Југославији : утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945., Београд, 2011.

³ S. Clissold, *Yugoslavia and Soviet Union, 1939–1973: A Documentary Survey*, London, New York 1975; Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. (приредио Н. Поповић). Београд, 1980; *Советско-југославске одношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы*, Подгот.: В. В. Зеленин и др., Москва 1992; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Документи и материјали, Београд, 1996; *Москва – Србија, Београд – Русија. Документа и материјали: Том 3: Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917*, приређивачи А. Шемякин, Е. Иванова, М. Перишић, А. Тимофејев, Г. Милорадовић, Москва – Београд 2012; *Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны*. Сб. документов, Подгот.: Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г., Москва, 2014; Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата, прир. А. Тимофејев, Д. Кремић, Београд, 2014.

⁴ Релативност веродостојности историографије, па чак и објављених збирки извора насталих у доба монопартијског режима у вези догађаја минулог столећа приказала је новија публикација истраживача из водеће домаће архивске институције. О приступу прошлости. Пример једног историјског извора, пр. М. Перишић, Б. Мајданац, Београд, 2010.

⁵ А.А. Турилов, Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV–XVI вв., Москва – Србија, Београд – Русија: документа и материјали, том 1, Друштвене и политичке везе XIV–XVIII век, Београд/Москва, 2009, с. 79–80.

⁶ М. Јовановић, Срби и Руси, 12–21. век: историја односа, Београд, 2012, стр. 92–94. Види шире: Н.Б. Поповић, Србија и царска Русија, Београд, 2007.

⁷ Москва – Србија, Београд – Русија: документа и материјали, том 3, Друштвене-политичке и културне везе 1878–1917, Москва/Београд, 2012, с. 337.

⁸ И. Ољром, А. Добник и И. Милкић као представници „Југословенског савета“ су од 25. марта 1919. преузели „зграде 4/6 и 6 на ул. Сољанка од „бившег Српског подворја“. Уместо архимандрита Михаила за управника су поставили И. Ољрома. Исти су са знањем Л.М. Карахана преузели 19. марта 1919. и зграду српског конзулата у Москви. Советско-југославске одношения 1917–1941 гг., Москва, 1992. С. 68–69.

⁹ РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 39. Л. 22.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 39. Л. 23.

¹¹ Највећи комунистички терористички напади на Балкану почетком 20-их година су били: Видовдански агентат на регента Александра I Карађорђевића 1921, убиство бившег министра унутрашњих послова Милорада Драшковића 21. јула 1921, револуционарни терор за

време септемарског устанка 1923. у Бугарској, убиство генерала Константина Георгиева 14. априла 1925. и круна тих испада – експлозија у цркви Св. Недеље на Велики четвртак 16. априла 1925. услед које су погинула 134 човека, а рањено је око 500. М. Радев, Атенататът в Св. Недеља. Кървавият Велики четвъртък (стенографски записки по делото), София, 1925.

¹² АС, МИД-Пс, ПФ IV, р. 61, 1917, Писмо архимандрита српског подворја Михаила српском посланику М. Спалајковићу. Москва – Петроград 6.VI.1917.

¹³ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1432. Л. 1–2.

¹⁴ А.И. Гучков расказује... // «Вопросы истории», 1991, № 7/8. С. 205–206.

¹⁵ А. Тимофејев, „Предвиђање будућности или зашто је Русија ступила у Светски рат. Предратна белешка руског министра унутрашњих послова П.Н. Дурново о избијању Првог светског рата“, Историјске свеске, 2014 (11), с. 13–25.

¹⁶ У оквиру званичне манифестације посвећене преносу посмртних остатака руских војника и њиховом сахрањивању у заједничку гробницу 24. маја 1935, организатор свечаности је шокирао јавност, рекавши у свом говору: „Данас, сахрањујући ове кости, ми сахрањујемо не само кости наших погинулих војника, наше свете кости, него сахрањујемо и нашу руску глупост“, јер је сматрао да је Русија ступила у рат због Србије, која је доживела Голготу и нестала, а овајдиле су се само савезничке државе – Енглеска и Француска. Скородумовъ М.Ф., Шта треба да зна сваки Словен, а нарочито словенски политичар, Београд, 1939.

¹⁷ АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д III, 173–181.

¹⁸ АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д II, 123–125.

¹⁹ АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д III, 215–216.

²⁰ Милорадович Г., Тимофеев А., Вишняков Я., Армия без государства: от сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов, Москва, 2014.

²¹ Тимофејев А., Милорадовић Г., Србија или Југославија? Почетни концепт послератног разграничења Србије и Аустроугарске из 1915., Историјске свеске, 2014 (12), с. 413–420.

²² АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д III, 173–181.

²³ Јовановић И., Рајковић С., Рибар В., Југословенски добровољачки корпус у Русији: прилог историји добровољачког покрета: (1914–1918). Београд, 1954, с. 12–18; Поповић Н., Југословенски добровољци у Русији 1914–1918., Београд, 1977, с. 339–340.

²⁴ Милорадович Г., Тимофеев А., Вишняков Я., Армия без государства: от сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов, Москва, 2014, С. 83; АС, Ф.М. Спалајковић, д. 66.

²⁵ АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д II, 93.

²⁶ АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д II, 123–125; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1350. Л. 12.

²⁷ АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д I, 63; АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д I, 26; АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д I, 41.

²⁸ АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д I, 62.

²⁹ АС, НП, 2/III.

³⁰ Враћена је у састав СССР 1940.

- ³¹ АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I, р. 32/1918.
- ³² АС, МИД, ПО, 1918, Ф II, ДIV, 34.
- ³³ АС, МИД, Ф IX, ДV, 1918, 426ццц.
- ³⁴ АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I, р. 85/1918, АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I р. 131/1918, АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I р. 131/1918.
- ³⁵ АС, МИД, Пс, П-ПО, ф I р. 111/1918.
- ³⁶ Мясников Г.И. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова / публ. Б.И. Беленкина и В.К. Виноградова // Минувшее : Ист. альм. 18, М.; СПб., 1995, С. 7–191.
- ³⁷ АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I р 131/1918. АС.
- ³⁸ АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I р 64/1917.
- ³⁹ Г. Милорадовић, Карантин за идеје. *Логори за изолацију „сумњивих елемената“ у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца (1919–1922)*, Београд, 2004; „Концентрациони логор за антидржавне елементе“ Политика, 13. новембра 1920, бр. 4542, стр. 3.
- ⁴⁰ АС, МИД, ПЦ, 1917, Ф IX, ДV, 38.
- ⁴¹ АЈ, 354, Ф 2, 212–215.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 35. Л. 29.
- ⁴³ АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I р. 138/1918, АС, МИД, Ф IX, ДV, 1918, 436–439.
- ⁴⁴ АЈ, 334, Ф1, 689.
- ⁴⁵ В. Драговић, СССР. Савез Совјетских Социјалистичких Република, Београд, 1940, с. 99–123, 125–130.
- ⁴⁶ АС, ф. ММА, 8.
- ⁴⁷ НБС, ф. Смирнова, Писмо И. Новицког С.Н. Смирнову, Подгорица – Београд, 3.VI 1935.
- ⁴⁸ Маевский В., Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии, т. 2, Нью-Йорк, 1966; Тесемников В.А., „Российская эмиграция в Югославии (1919–1945)“, Вопросы истории, 10/1982; Бурић О., Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци, издања, Горњи Милановац – Београд, 1990; Писарев Ю.А., „Российская эмиграция в Югославии“, Новая и новейшая история 1/1991; Косик В.И., „Русская Югославия. Фрагменты истории 1919–1944“, Славяноведение, 4/1992; Руска емиграција у српској култури XX века, зборник радова, I–II, Београд, 1994; Јовановић М., Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924, Београд, 1996; Миленковић Т., Калмици у Србији, 1920–1944, Београд, 1998; Арсеньев А.Б. У излуцини Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду, Москва, 1999; Косик В.И., Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века), Москва, 2000; Јовановић М., Руска емиграција на Балкану. 1920–1940, Београд, 2006; Косик В.И., Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е годы), Москва, 2007 etc.
- ⁴⁹ ВА, П6, К265, Ф 12, Бр. 18/78; АЈ, 14, Ф 224, 291; АЈ, 507, МУД КЈ, Ф 2; НБС Ф. Смирнов, Јавни проглас Национално-Трудовог Савеза новог покољења о провокацији НКВД-а против Савеза у Београду.
- ⁵⁰ АС, ф. МАА, д. 8. У питању је организација руских емиграната са седиштем у Паризу, чија делатност се простирала на више држава: Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (1921–1946).

- ⁵¹ АС, МПС, Пов. р 8, 1917; АС, МИД-Пс, ПФШ, р. 84, 1917.
- ⁵² Детаљније докторат Р.Пилиповића, „Српска православна црква, Руска православна загранична црква, Московска патријаршија (1920-1940). Узајамне везе, утицаји и односи“, Београд, 2015.
- ⁵³ АС, МИД-Пс, ПФ IV, р. 61, 1917.
- ⁵⁴ АС, МПС, Пов. р. 8, 1917; АС, МИД-Пс, ПФШ, р. 84, 1917.
- ⁵⁵ АС, МПС, 1918, Из - В/1.
- ⁵⁶ Русская православная церковь за рубежом – Руска православна загранична црква.
- ⁵⁷ Андреев П.М., Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней, Джорданвиль, 1951; Граббе Г., Правда о Русской Церкви на Родине и за Рубежом, Джорданвиль, 1961; Граббе Г., Къ истории русскихъ церковныхъ разделений заграницей, Джорданвиль, 1992; Поспеловски Д., Русская Православная Церковь в XX веке, Москва, 1995.
- ⁵⁸ Неколико докумената о овом привременом смештају који се после 1944. претворио у трајно задржавање пронашли смо у несређеним фондовима. Архив СПЦ, несређена грађа; НБС, ф. С. Смирнов.
- ⁵⁹ А. Тимофејев, Црвени и бели. Руски утицаји на догађаје у Југославији 1941–1945., Београд, 2014, с. 28-66.
- ⁶⁰ НБС, ф. Смирнова.
- ⁶¹ Писмо С.А. Братцева С.Н. Смирнову Скопље-Београд, 15.III 1938. НБС, ф. Смирнова.
- ⁶² О Чехословакии и Югославии. Политчас. Беседа 13, Орел, 1922; Маркович С., Коммунизм в Югославии, Москва, 1923; Бошкович Б., Крестьянское движение и национальный вопрос в Югославии, Москва, 1929; Ёванович Р., Главняча. [Белградская тюрьма и белый террор в Югославии], Москва, 1929; Рапорт Югославского комсомола Марийскому комсомолу. 10 лет борьбы, Йошкар-Ола, 1930; Полетика Н.П., Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг., Ленинград, 1930; Воянский А.А., Зарево над Югославией, Москва, 1932; Хорватский В.Л., Пан-Европа и Дунайская федерация. С прил. карты и диагр, Москва, 1933; Петровский Б.Н., Положение и борьба крестьянства в Югославии, Москва, 1933; Драгутин С., По тюрьмам Югославии, Москва, 1934; Бошкович Б., Перед новым взрывом на Балканах (Итало-Югославские противоречия), Москва, 1934; Стиенский Р.М., Не забудем! [О гибели шести секретарей ЦК Югославск. комсомола], Москва, 1934; Наш подшефный (Комсомол Югославии), Смоленск, 1935; Лазаренко М.П., Комсомол Югославии, Москва, 1935; Броз-Тито И., Дюро Дьякович – секретарь ЦК Югославской коммунист. партии и канд. в члены ИККИ (биогр. справка), Чернигов, 1939.
- ⁶³ В. Gligorijević, *Kominternа - jugoslovensko i srpsko pitanje*, Београд, 1992.
- ⁶⁴ XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет, Москва, 1968. С. 613, 649–650.
- ⁶⁵ С. Цветковић, *Између српа и чекића: Репресија у Србији 1944–1953*, Београд, 2006.
- ⁶⁶ Око 135.000 људи живело је у Омску 1914. У Загребу је 1910. живело око 136.000 људи, а у Београду – 90.000. Железницом од Москве до Омска треба прећи 2.700 км, а од Москве до Београда – 2.400 км.
- ⁶⁷ Ђ. Ђурашковић, Сећања Д. Георгијевића, генерал-потпуковника ЈНА у пензији на сусрет у Атаманском хутору, „Комунист“, 24. мај 1957.

- ⁶⁸ АЈ, МГ, 2020, Сећања о Коминтерни К.Мразовића, делегата Пете земаљске конференције КПЈ одржане октобра 1940. у Загребу.
- ⁶⁹ А. Тимофејев, Црвени и бели. Руски утицаји на догађаје уЈугославији 1941–1945., Београд, 2014, с. 167–199.
- ⁷⁰ Стрељани су 1938–1941: А. Белобородов, Ф. Голошчекин, М. Лацис, Ј. Петерс. Успео је да побегне из земље 1928. али је пао у руке СССР 1945. Г. Мјасников, после чега је стрељан, а отровао се 1938. (у страху од хапшења) Ј. Јуровски.
- ⁷¹ АЈ, МГ, 2020. Сећања В. Беговића о Коминтерни и боравку у СССР.
- ⁷² ИАБ, ф. БдС, А-188, Писмо припадника колаборационистичке формације Руски заштитни корпус П.М. Авчинилова супрузи Л. Пешић Кржава – Панчево 5.1 1942.
- ⁷³ АС, ф. НА, 125.
- ⁷⁴ Преписка С.Н. Смирнова, НБС, ф. Смирнова.
- ⁷⁵ Исто.
- ⁷⁶ Милуновић М., Од немила до недрага, Београд, 1992, с. 29.
- ⁷⁷ А. Тимофејев, Црвени и бели. Руски утицаји на догађаје у Југославији 1941–1945., Београд, 2014, с. 64.
- ⁷⁸ А. Тимофејев., Руски антикомунисти и догађаји Другог светског рата у Источној Србији. 1941–1944. // Браничево у историји Србије, Београд, 2008, с. 355–365.
- ⁷⁹ ЦГА Москвы. Ф. Л-290. Оп. 1. Д. 8.
- ⁸⁰ ВА, ф. ЈВуО, к. 50, 15/2. Одговор Свесловенском одбору у Москви Извршног одбора Централног националног комитета.
- ⁸¹ Детаљно види у уводу у библиографију Качаки. Ј., Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији. Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције, Београд, 2003.

Г. Милорадович (Белград)
КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КРЕПЧЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ: СЕРБЫ
И РУССКИЕ. 1917–1945 гг.

Г. Милорадовић (Београд)
КУЛТУРНЕ ВЕЗЕ ЈАЧЕ ОД
ПОЛИТИЧКИХ: СРБИ И РУСИ.
1917–1945. ГОДИНЕ

О културним везама Срба и Руса у првој половини XX века постоји врло обимна литература, која са различитих аспеката прати уметничку књижевну и просветну сарадњу¹. Бројна компаративна истраживања нису до сада изнедрила једну синтезу укупних руско-српских културних односа, међутим, уколико се задржимо само на резултатима прва четири тома едиције Москва–Србија Београд–Русија², видно је да сарадња и размена та два народа на пољу културе представљају једну од константи историје њихових односа, барем од XIV века, иако су први контакти регистровани већ у XII веку³.

Међутим, култура се не може посматрати изоловано од свеукупних друштвених и политичких односа два народа. Између различитих слојева и аспеката узајамних односа постоје бројна преплитања и утицаји, који понекад погодују развоју културних веза, а понекад их отежавају или, чак, – прекидају. До почетка XIX века везе два народа су се готово у потпуности сводиле на област религије и културе⁴, да би, са избијањем Првог српског устанка у Османској царевини 1804. године и појаве Срба, а потом и Србије, као политичких чинилаца, попримили доминантно политички карактер⁵. То се временски поклопило са отпочињањем надметања Руске и Хабсбуршке царевине за превласт на Балкану, па је у руској јавности порастао интерес за православце са Балкана, поред осталих и за Србе. Културни односи Русије и Србије су се у таквом контексту испољавали, пре свега, кроз просвету и науку и обостране посете и путовања образованих људи. Био је то, за Србе, почетак откривања Русије, а за Русе – упознавање са Србијом⁶. То упознавање није било лако, а слике које су два народа стицала један о другом биле су мозаици идеала, чињеница, стеротипа, емоција, па и – заблуда⁷. Као најзначајнији појединачни догађај може се издвојити Етнографска изложба у Москви 1867. године, где су били представљени и експонати из крајева које насељавају Срби⁸. Скромно, али приметно снажење српско-руских културних односа, које карактерише средину XIX века, није друго трајао. Политика је убрзо показала своју моћ над културом.

Већ је речено да је период 1878–1917. година отпочео узајамним разочарањем Срба и Руса, услед различитих погледа на политичка збивања на Балкану у време Велике источне кризе⁹. После пропасти Санстефанског пројекта велике Бугарске кнежевине и примене решења која је донео Берлински конгрес 1878. године, дошло је до преоријентације српске спољне политике. Династија Оберновић се сасвим препустила „заштити“ моћне Хабсбуршке царевине, што је за последицу имало, поред осталог, готово потпуно прекидање културних и друштвених веза са Русијом. Дубока криза која је наступила није заобишла ни цркву. Русија је изгубила примат у школовању српске интелектуалне елите, који је задобила у претходном периоду. Осека која је тада наступила трајала је до пред крај XIX века, када краљ Александар Обреновић чини одређене покушаје да се односи нормализују. Међутим – прекасно.

Мајски преврат 1903. године значио је не само смену династија на српском престолу, него и промену српске спољне политике, што је имало одређеног утицаја и на сферу културе. Пред Први светски рат кренуо је нови талас одласка српске омладине на школовање у Русију, а унапређена је и општа културна сарадња, што се нарочито примећивало на пољу позоришне уметности. Балкански ратови су културне теме поново потиснули у други план, а довели су до наглог пораста политичке и војне сарадње Русије и Србије¹⁰. Међутим, ти ратови су били тек увертира за Први светски рат, који је довео до револуције у Русији и промене њене владајуће елите и идеологије. На месту Руске империје на политичкој карти Европе појавила се прва социјалистичка држава – Совјетски Савез. После рата, исцрпљена и тешко рањена Србија утопљена је у нови државни оквир – Краљевину Срба, Хрвата и Словенаца (СХС). Те две нове државе, треба ли рећи, биле су идеолошки и политички оштро супротстављене једна другој. Краљевина СХС је наставила политички курс који је Србија до рата имала према Русији, што је подразумевало пружање уточишта непомирљивим противницима бољшевика – руским емигрантима, као и формални прекид свих веза са узурпаторским режимом у Москви. Совјетски Савез одговорио је реципрочним мерама. Из такве ситуације логично би се могло очекивати поновно опадање, или чак потпуни прекид размене и сарадње на пољу културе. Међутим, период између два светска рата био је прилика да се на примеру српско–руских односа покаже како, у условима новог прекида политичких односа двеју држава, она тривијална максима по којој се „историја понавља“ – ипак не важи.

ПРОСВЕТА: СРПСКЕ ИЗБЕГЛИЦЕ И РУСКИ ЕМИГРАНТИ

У периоду 1917–1945. година сарадња на пољу просвете имала је два основна облика: школовање српских студената и деце-избеглица у Русији, и просветна делатност руских професора који су избегли у Краљевину СХС. Најпре, нису сви устаљени токови просветне сарадње били прекинути избијањем Првог светског рата, па чак ни током преврата и грађанског рата у Русији, иако су појединим ђацима и студентима нове околности знатно отежале живот и рад¹¹. Српски представници у Русији су бригу о избеглој српској омладини наставили и у врло тешким ратним условима, а уз помоћ руских власти ипак је некако организовано школовање, смештај и издржавање српске деце. Иако су српски службеници били понекад у ситуацији да се боре против појединаца и група, и Срба и Руса, који су покушавали да се окористе насталом ситуацијом, може се без претеривања рећи да су дореволюционарне државне структуре пружале неопходну помоћ деци и њиховим васпитачима све док нису биле сасвим уништене. Услед изузетно тешких околности, које су узимале данак и у здрављу и у децијим животима, последњи период њиховог боравка у Русији представљао

је борбу надлежних службеника за евакуацију деце из Сибира. Јер, ситуација у којој су се налазиле српске избеглице се протоком времена упорно погоршавала, што због разбуктавања грађанског рата у Русији, што због све неповољних климатских прилика, које су се током њиховог присилног путовања од Одесе до Владивостока све више заоштровале¹².

Период између два светска рата обележен је обновом и обогаћивањем културне размене између Срба и Руса, али на нове и неочекиване начине. Парадоксално, промене о којима је реч управо је тај рат и омогућио. Један аспект, који никада, ни раније ни касније, није постојао у историји руско-српских односа, јесте велики културни утицај који је бројна руска емигрантска колонија имала у Краљевини СХС/Југославији¹³. О њима као групи већ постоји значајна библиографија, која укључује и изворне текстове и резултате истраживања, због чега је документима који показују њихов допринос култури Југославије у овој књизи остављен релативно мали простор. Намера није била да се занемари та тема, али је приређивачима потпуно јасно да би се, макар и одабраном грађом о културном доприносу руских избеглица, могло попунити неколико томова попут овог који стоји поред нама. Изузетно квалитетне и нове материјале садрже два архивска фонда која су коришћена при настанку ове књиге – фонд М.И. Агапова (Архив Србије) и фонд С.В. Смирнова (Народна библиотека Србије). Међутим, радећи са том грађом, приређивачи су предност дали изворима за које су сматрали да имају превасходно друштвени и политички значај и пажњу су посветили темама које су мање осветљене него што је то културни допринос руских емиграната у Југославији. Идеја је била да се отворе нове области за нека будућа истраживања.

С обзиром да се међу придошлим Русима налазио велики број високообразованих људи, стручњака свих профила, уметника, инжењера и интелектуалаца различитих специјалности и интересовања, може се рећи да је то, у пуном смислу речи, била „прогнана елита“¹⁴. На њихов значај у новом окружењу скренута је пажња документима који говоре о доприносу позоришног режисера Јурија Ракитина, док новински чланци које је написао осветљавају његово виђење средине у којој се нашао¹⁵. Серијом репортажа Александра Јаблоновског о Конференцији руских писаца и новинара, која је одржана у Београду почетком октобра 1928. године представљене су културне везе између конзервативних друштвених кругова у Југославији и Руских избеглица. Све то је, наравно, имало и своју политичку димензију. Посебан значај том догађају дат је пријемима код краља Александра, чиме је наглашено и његово идејно и културно опредељење¹⁶. Са културним доприносом руских емиграната и њиховим доживљајем нове друштвене средине у којој су се нашли читалац се може упознати кроз записе Георгија Вилијама¹⁷, као и кроз сећања Ирине Грицкат¹⁸. Та два текста дата су у већим изводима јер покривају шири

избор тема и пружају увид у дужи временски одсечак боравка Руса у Краљевини СХС/Југославији.

Када је реч и документима српске провенијенције, у овом тому нарочито је истакнута позиција руских професора хуманистичких наука који су предавали у Југославији, односно њихов специфичан положај током окупације земље 1941–1945. године¹⁹. Они су, због везаности за службу у просветним институцијама, видљивији у архивској грађи од осталих руских емиграната и може се јасније проценити однос окупацијских власти према њима. Одабрана је углавном грађа из периода Другог светског рата, јер је о томе до сада мало писано²⁰. Наравно, треба бити свестан да се избором докумената у овој књизи тема културног доприноса руске емиграције не може потпуно осветлити, па овај одабир треба схватити само као указивање на неке аспекте њеног постојање и као подстицај да буде детаљније истражена. Једна од важних тема која је, услед ограниченог простора, морала бити сведена на минимум, јесте допринос руских архитеката и инжењера урбанистичком развоју Југославије, а пре свега Београда. Нека од најрепрезентативнијих здања, која су била и остала седишта државних институција у обе Југославије и у самосталној Србији, дело су руских емиграната. Решење је нађено у публикавању визуелног материјала који приказује неке резултате њиховог знања, рада и талента.

ЗЕНИТИЗАМ ИЛИ РЕВОЛУЦИЈА У КУЛТУРИ

Уколико се пажња усмери на културне односе у ужем смислу, кроз размену уметничких садржаја, може се приметити да су два главна облика у којима је савремена совјетска уметничка продукција стизала до својих конзументата у Југославији били авангардна уметност и филм. Дакле, један производ који је намењен претежно елити и други који представља уметност и забаву за масе. Те две модерне форме у којима су наставиле да живе старе културне везе представљају нешто ново у историји српско-руских односа и стога су интересантнији феномен него (тада већ традиционалне) везе у области просвете. С обзиром на дубоке идеолошке и политичке разлике које су тада постојале између Краљевине СХС/Југославије и Совјетског Савеза, у томе има и нечег парадоксалног. Иако те две државе једна другу нису признавале, због чега је 1940. године био осујећен покушај институционализовања те сарадње оснивањем *Удружења пријатеља Совјетског Савеза*²¹, међуратни период је ипак био обележен нарастајућим руским совјетским утицајем на културу Југославије.

Пре свега, треба имати у виду да Југославија, својом културном продукцијом, није могла да пружи адекватан реципроцитет, као и да је совјетска уметност у Југославију стизала упркос политичкој и идеолошкој цензури. Најзад, битна карактеристика тог времена је и идеолошки расцеп који се јавио у култури и друштву Југославије. Наиме, нису исти кругови југословенског друштва

били склони традиционалној и конзервативној култури коју су неговали руски емигранти, с једне стране, и модерној и револуционарној култури која је стизала из Совјетске Русије, с друге стране²². Идеолошка подела која је тада испољена у Југославији била је последица Октобарске револуције и наставила је да дели српско и југословенско друштво кроз цео међуратни период. Своју кулминацију та подела је доживела у грађанском рату 1941–1945, у коме су про-совјетске снаге окупљене око Комунистичке партије Југославије (КПЈ) одне-ле победу. Култура се, тако, може посматрати и као претходница политичких и друштвених промена, као нека врста сеизмографа који најављује пристижуће потресе. Али, знаке тог осетљивог уређаја треба умети прочитати на време²³.

Приликом упознавања југословенске јавности са тада врло актуелном совјетском авангардном уметношћу предњачили су Љубомир Мицић, вођа и идеолог авангардног уметничког покрета зенитизам²⁴ и уредник часописа *Зенит*²⁵, и његов брат, књижевник, сликар и ликовни, књижевни и филмски критичар, Бранко В. Пољански. Било је тада у тој држави и других часописа авангардног усмерења²⁶, али за објављивање најважнијих и најактуелнијих дела руске совјетске продукције били су потребни, осим доброг познавање те нове области уметности и поседовања личних веза, и спремност на ризик и жртву. У више бројева *Зенита* могу се наћи прилози руске совјетске уметности и афирмативно писање о бољшевизму и Руској револуцији. Због тога се уредник неколико пута сусретао са са судским тужбама, а часопис са цензуром, све док није угашен 1926. године, после текста М. Расинова „Зенитизам кроз призму марксизма“²⁷. У овом тому објављујемо неколико текстова из *Зенита* који добро осветљавају не само везе између појединих српских и руских уметника, него и посебан доживљај Руса и Русије који су они неговали. Већ у првом и другом броју *Зенита* Мицић је у два наставка објавио чланак Пролеткулт Анатолија Луначарског, народног комесара за просвету Совјетске Русије, што је тада била немала провокација власти и јавности²⁸. У Мицићевој збирци поезије *Антиевропа* у готово свакој песми помиње се реч „револуција“²⁹. Теме у вези Октобарске револуције увек су налазиле места у његовом часопису³⁰, а током пет година излажења у *Зениту* су објављена и бројна дела совјетских уметника: Мајаковског, Јесењина, Блока, Асејева, Лисицког, Маљевича, Петњикова, Родченка, Татљина и Пастернака, а часопис је обележио и неке совјетске јубилеје³¹. Мицић је 1926. године енергично тврдио да су се, до тада, у Краљевини СХС „најјасније испољила два фронта: леви фронт ЗЕНИТА и ЗЕНИТИЗМА – десни фронт: све друго“³².

Али, да би се било против тог „свега другог“, потребан је био искрен и фанатични занос главног уредника, који није био само просечан српски русо-фил³³, него човек који је сматрао да два словенска народа, Руси и Срби, имају нарочиту мисију да препоруде Стари континент у отпочну револуцију у сфери

културе. Мицић је 1921. године покушао да објасни своју улогу и сврху авангардног уметничког покрета који је основао: „Почетак великог столећа обележен је најжешћом борбом између Истока и Запада: ДВОБОЈ КУЛТУРА. Став зенитиста је против западне цивилизације. [...] Време је хероизма. Ми имамо хероизма! Зато: *ми можемо бити само пионири и деоници стварања једне нове свечовечје културе* коју собом носи *ИСТОЧНИК Човек с Урала, Кавказа и Балкана – рођен у колевци која се зове РУСИЈА*. Балкан је МОСТ између Истока и Запада. Он треба да је слободан на најисточнијој тачци за струјање и излаз преко нас на Запад, а затворен на најзападнијој против Запада. *Будимо стража против Запада!* [...] Политичка латинска концепција Запада уништила је Европу и сломила идеју Човечанства. Свечовечја *славенска* концепција Истока препородиће Европу и узвисити идеју Човека.[...] **Ми зенитисти** најпре треба да учврстимо **мост**... На њему биће борба за прелаз“³⁴. Те речи, објављене октобра 1921. године, имају посебну тежину ако се има у виду да је 29. децембра 1920. године влада Краљевине СХС донела декрет (тзв. *Обзнана*), којом је забрањено пропагирање комунизма и бољшевиизма, а да је 4. августа 1921. године донет и *Закон о заштити јавне безбедности и поретка у држави* (тзв. *Закон о заштити државе*) којим је забрањен рад КПЈ. У то време, све прокомунистичке активности у Краљевини СХС биле су посматране у контексту постојања и деловања новог типа државе – Совјетске Русије.

Зенитисти су постојано афирмисали совјетску културу и настојали да образовану јавност Краљевине СХС што боље упознају са уметничким кретањима у Русији, а потом и у СССР-у. Посебно значајан био је излазак тематског двоброја *Зенита* (бр. 17/18, септембар/октобар 1922), посвећеног „новој руској уметности“. Сматра се да је Иља Еренбург са Ел Лисицким припремио материјал за тај број³⁵, а њих двојица су написала и посебан чланак у коме објашњавају генезу и карактер те нове појаве у руској култури³⁶. Најзначајнији подухват зенитиста, који се односи на културну размену са Русијом, било је њихово учествовање на *Изложби револуционарне уметности Запада*, у Москви 1926. године³⁷. Поставља се питање какве контакте је Мицић имао са представницима совјетских институција и како их је успоставио? Јер, организатор те изложбе била је Државна академија наука о уметности (Государственная Академия художественных наук, ГАХН), под председништвом П.С. Когана³⁸.

Током сарадње на организовању изложбе Мицић је ступио у додир са разним личностима совјетске авангардне сцене, а са неким се сретао и касније. Са Владимиром Мајаковским се срео приликом његовог боравка у Паризу од средине октобра 1928. до краја априла 1929. године³⁹. Мицић је тада био у добровољном изгнанству у Француској, после забране његовог часописа. Тај сусрет је, према интерпретацији историчара уметности Зорана Маркуша, био врло интересант: „Када је Мајаковски последњи пут био у Паризу, посетио

је, заједно са Елзом Триоле, Мицића у хотелу и позвао га да присуствује рециталу његове поезије у 'Одеону'. То је, свакако, био знак пажње великог песника према уреднику часописа који је међу првима у свету штампао његову после-револуционарну поезију. Сусрет је био, према Мицићевим речима, врло топао, али после првог виђења Мајаковски се нагло охладио. Мицић ми је говорио да су у то били умешани прсти Еренбурга, који је Мајаковског непрестано 'држао на оку'⁴⁰. Једном другом свом познанику Мицић је крај тог сусрета описао још директније: „Изненада, на балкону хотела или ресторана појавио се Еренбург. Мајаковски је замукао. Рекао је само да је он агент НКВД. Састанак је био завршен"⁴¹. Ако се може судити према садржају *Зенита*, Мицићу су почетком 1920-их година врата руске авангарде била широм отворена, а отворио их је највероватније баш Иља Еренбург. Али, по наведеним сведочењима, Еренбург је крајем 1920-их година та врата за Мицића и затворио. Тих година у СССР-у авангардна уметност је умирала, а умирали су, један по један, и авангардни уметници, па и сам Мајаковски⁴².

Круг људи из Русије са којима је Мицић био у контакту посебно је занимљив. Осим са Еренбургом и Мајаковским, у Паризу су се Мицић и његова супруга Анушка срели и са Елзом Триоле, тада супругом познатог и утицајног француског надреалисте Луја Арагона. Њено девојачко име било је Ела Каган (Элла Юрьевна Каган, 1896–1970). Презиме је променила 1918. године удајом за француског официра Андре Триолеа, а 1928. године преудала се за Арагона. Арагон је тада приступио КП Француске и касније био један од најдоследнијих стаљиниста међу француским интелектуалцима⁴³. Е. Триоле је била млађа сестра Љиле Брик (Лиля Юрьевна Каган, 1891–1978), дугогодишње музе Мајаковског и супруге Осипа Брика, књижевника и сарадника НКВД⁴⁴. Елза Триоле је прва превела на француски песме Мајаковског у време док је с њим била у љубави, односно док песник није упознао њену старију сестру. Те личне везе, изгледа, никада нису сасвим прекинуте, а Мајаковски се кретао у круговима и троугловима које су чиниле његове бројне љубави и, ништа мање бројни сарадници совјетске политичке полиције⁴⁵. Стицајем околности, у тој мрежи се нашао и Љубомир Мицић. Парадоксално, иако ометан цензуром и прогоњен од власти Краљевине СХС/Југославије, он је у међуратном периоду успео много тога да уради и напише. Када су комунисти дошли на власт његова судбина је била запечаћена и он је био доживотно потиснут на друштвену и културну маргину⁴⁶.

СОВЈЕТСКИ ФИЛМ У КРАЉЕВИНИ СХС/ЈУГОСЛАВИЈИ

Интересантно је приметити да су, у периоду између два светска рата, Љ. Мицић и круг сарадника његовог часописа *Зенит* (В. Пољански, Б. Токин, Д. Алексић, М. Микац и други) спадали у изразите љубитеље филма, па су

и у својим текстовима настојали да афирмишу ту нову уметност. Књижевни часописи модерне оријентације препознатљиви су били и по својим прилозима о филму. Та склоност била је својствена и њиховим познаницима и сарадницима из СССР-а⁴⁷. Још је интересантније, донекле и изненађујуће, да су југословенски филмофили могли, од краја 1927. године, па до 1941. године, када је Југославију захватио Други светски рат, да у домаћим биоскопима прате и један део совјетске филмске продукције. У *Зениту* се често писало о филму, а један члан зенитистичке групе, Маријан Микац⁴⁸, наставио је 1930-их година да се професионално бави увозом и дистрибуцијом филма и филмском критиком⁴⁹.

Постоје одређени стереотипи о совјетско-југословенским односима у култури у међуратном периоду, који произлазе, пре свега, из чињенице да се две државе међусобно нису признавале. Други узрок заблуда је непостојање детаљних компаративних истраживања културних утицаја, а трећи селективан приступ аутора који су о тој теми писали у време социјализма. Наиме, приликом ретких осврта на међуратни период инсистирало се на примерима цензуре и репресије, а бројни одобрени филмови су „превиђани“, или им је оспораван значај и квалитет⁵⁰. Пошавши од таквих података, приређивачи овог тома су били немало изненађени када су се суочили са чињеницом да се на биоскопском репертоару у Југославији, у периоду од 1927. до 1941. године, налазило чак тридесетак совјетских играних и документарних филмова⁵¹. Наравно, ти филмови су претходно морали проћи филмску цензуру, која је имала неколико инстанци и укључивала је полицијске службенике и војне официре, а понекад и Дворску канцеларију. Никада нису били одобрени сви филмови кје су предлагали дистрибутери.

Познато је да је пре Другог светског рата на реперотару у Југославији доминирао амерички филм са око 50% учешћа, а совјетски је заузимао само симболичан проценат⁵². Зато је период од 1945. до 1950. године представљао тријумф совјетског филма на југословенском репертоару, али је потом следио пад. Има ироније у чињеници да су после сукоба југословенских и совјетских комуниста 1948. године увоз и приказивање совјетских филмова у Југославији поново били сведени на ниво из периода 1927–1941⁵³. Амерички филм брзо је повратио доминацију, а сва збивања које су се у култури догодила у том бурном периоду имала су своје извориште у политичким променама.

Интересантан је и случај забране приказивања ремек-дела совјетске уметности, Ејзенштајнове *Оклопњаче „Потемкин“*, 1926. године у Краљевини СХС. Тај филм је, пошто га је дистрибутер мало скратио на најосетљивијим местима и мало ублажио натписе, прошао полицијску и војну цензуру, али је, у последњем тренутку Дворска канцеларија интервенисала и забранила његово приказивање⁵⁴. Међутим, већ од идуће, 1927. године, почиње редовна дистрибуција разних других совјетских филмова, међу којима, наравно, није било дела са

експлицитним политичким и идеолошким порукама, али је било дела значајних редитеља: *Пут у живот Н. Ека*, *Пастир Костја (Веселые ребята)* и *Волга, Волга*. Г. Александрова, *Мињин и Пожарски*. В. Пудовкина, и други. Пораст учесталости приказивања совјетског филма у Југославији пратио је политичке промене у Европи, нарочито успон фашизма и нацизма, па су поред играних совјетских филмова касније на репертоар пуштани и документарни, који су носили јасну политичку поруку. Тако су у лето 1940. године Београђани гледали „филмски додатак“ под називом *Долазак првог совјетског посланика у Београд*, као и *Параду на Црвеном тргу*. Било је то, свакако, у вези са немачком окупацијом Француске и хитним успостављањем дипломатских односа Југославије и СССР-а.

Поред совјетског филмског утицаја у Југославији, треба поменути и допринос руских емиграната кинематографији њихове нове отаџбине. Њихов најзначајнији допринос филмској уметности Краљевине СХС пристигао је из тога што су после револуције стигли руски филмски стручњаци са професионалним искуством, који су деловали у Београду и Загребу. Неки од њих су учествовали у раду *Школе за кинематографију и глуму* у Загребу 1922. године, коју је похађало 77 ученика и ученица. Познати југословенски драмски уметници Божена Краљева, Дејан Дубајић и Ристо Зердески, као и спикер Радио Београда Јелена Билбија завршили су ту школу, у којој су професори били глумац Арменд Грохман; бивши наставник филмске школе у Кијеву Анатолиј Јурјевич Базаров и позоришни режисер Александар Александрович Верешчагин. Они су 1922. године снимили „школски филм“ *Страст за пустиловинама*, у коме је поред Верешчагина глумила и руска глумица Александра Љескова⁵⁵. Руски емигрант Александар Тихонович Герасимов је за *Школу народног здравља* у Загребу, у периоду 1930–1960. године, снимио и режирао преко стотину филмова, а 1933. је учествовао у снимању документарног филма *Кроз наше Косово*. За исту институцију снимао је документарне филмове и Базаров, а с њима је сарађивао још један емигрант из Русије, Сергије Тагач, који је до револуције радио као филмски сниматељ⁵⁶. Руски емигрант Александар Филипович Черепов је у Београду је 1931. године основао *Филмску школу*, а са својим ученицима је снимио играни филм *Авантуре доктора Гагића*, у коме је играла и руска балерина Олга Соловјева. Поред тога, Черепов је снимио и материјал за две комичне гротеске *Неспретни Буки*, који никада није био монтиран, а потом је радио као позоришни редитељ у Бањој Луци и Нишу, док 1944. године није напустио Југославију⁵⁷.

КУЛТУРНА САРАДЊА: ПОЈЕДИНИЦИ И УДРУЖЕЊА

Упркос прекиду политичких односа двеју земаља и деловању цензуре, појединци и мање групе су ипак путовали из Краљевине СХС/Југославије у Совјетски Савез, и то легално. (Они који су илегално боравили у СССР-у нису се много интересовали ни за уметност, ни за културу, него за револуцију)⁵⁸.

Исте 1927. године, док су се у београдским биоскопима вртели први совјетски филмови, једна група студената из Краљевине СХС је са одобрењем краљевске владе посетила прву земљу социјализма. Били су гости совјетске владе. После њих, поводом десетогодишњице Октобарске револуције, у Москви су боравили књижевник Драгиша Васић, новинар Владислав Рибникар и вајар Сретен Стојановић, а наредне године је у Москви на прослави годишњице Художественног театра гостовао директор драме Народног позоришта из Београда, Бранко Гавела. Посебно значајан био је долазак директора Централног музеја уметничке литературе, критике и публицистике у Москви (Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики Наркомпроса РСФСР), Владимира Бонч-Брујевича у Југославију 1933. године. Повод његовог путовања била је куповина једног Пушкиновог рукописа од приватног лица из Београда, али су у организовање трансакције били укључени совјетски опуномоћени представник у Паризу Валеријан Довгаљевски и југословенски делегат при Друштву Народа Константин Фотић. Подухват је успешно завршен и рукопис је доспео у СССР⁵⁹. Поред наведених, било је и других појединачних посета са одобрењем власти, а све оне су показатељ постепеног, иако неформалног, отопљавања односа двеју земаља. Али, формалног признавања совјетске власти и даље није било.

Тек дубоко промењене међународне околности – отпочињање Другог светског рата и капитулација Француске – покренуле су нове ветрове на Балкану, поред осталог и промену ставова југословенске дипломатије према СССР-у. Успостављања дипломатских односа између Београда и Москве охрабрила је групу угледних личности из Београда да августа 1940. године покрену иницијативу да се у Београду оснује Друштво пријатеља Совјетског Савеза. Како стоји у једном документу, „[п]рема поднетима правилима циљ Удружења је да нашу јавност на објективан начин обавештава о приликама у Совјетском Савезу, да успоставља и одржава пријатељске, привредне, књижевне, уметничке, научне и спортске везе између припадника и установа Совјетског Савеза и наше земље, као и да пропагира упознавање језика, културе и привреде народа Совјетског Савеза код нас“⁶⁰. Интересантно је да се територијални делокруг рада Удружења није односио на Дравску бановину и Бановину Хрватску, у којима су још раније биле поднете пријаве за регистрацију сличних удружења, већ само на осталу територију Југославије. То указује на координираност тог подухвата. Ипак, покушај регистрације Удружења 1940. године био је одбијен од стране Управе града Београда.

Међутим, крајем 1941. године, када је Југославија већ била окупирана, специјална полиција, која је сарађивала са Гестапоом, наредила је хапшења седамнаесторице покретача иницијативе да се оснује Друштво пријатеља Совјетског Савеза. Приликом саслушања једног од њих, професора универзитета

Синише Станковића, иследник се интересовао „[...] како је дошло до потписивања молбе за оснивање Удружења пријатеља Совјетског Савеза у Београду; да ли сте ви иницијатор, или од кога је потекла иницијатива за оснивање овог Удружења; да изложите позадину и мотиве акције за оснивање [...]“⁶¹. Очито, сматрало се да суштина тог подухвата није била културна сарадња, него политичка блискост, па је полиција трагала за симпатизерима Совјетског Савеза и Комунистичке партије међу несудђеним оснивачима. Да су том приликом били на правом трагу потврђује обнова те иницијативе већ почетком 1945. године, у тек ослобођеном Београду. Тада су се, на новом списку оснивача, нашла и имена осморице првобитних, из 1940. године⁶²: д-р Ивана Рибара, тада председника АВНОЈ-а⁶³; д-р Синише Станковића, тада претседника АСНОС-а⁶⁴; Миодрага П. Поповића, Светислава Мародића, Стевана Миловановића, Милоша Штиблера, Борислава Стојанкића, Раше Плаовића. Недостаје име д-р Симе Милошевића, који је погинуо у рату, као члан Извршног одбора АВНОЈ-а⁶⁵. Сви они, неки свесно, а неки можда и не, били су укључени у домаће и међународне политичке токове, који имају и своју јавну и своју тајну страну. Тајну страну, тог пута, могла је координисати само КПЈ.

О значају Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР-ом, које је мрежом својих подружница покривало целу државу, говори и чињеница да је било уско повезано са Свесовјетским друштвом за културну сарадњу са иностранством (ВОКС)⁶⁶. Југословенско друштво је своје извештаје, писане на руском језику, слало директно централи у Москву, практично функционишући као огранак ВОКС-а и делујући и правцу популаризације Совјетског Савеза, његове науке, културе, друштвеног устројства и система вредности⁶⁷. У годинама избијања совјетско-југословенског сукоба, 1948–1949, Друштво је за југословенске власти постало баласт, јер је претила опасност да постане политичка организација супротстваљена монополу КПЈ, па је његов рад тада прекинут⁶⁸. Претња коју су југословенски комунисти препознали у тој мрежи подружница која је покривала целу државу није била без основа. Према новијим истраживањима, ВОКС је од свог настанка, поред јавног имао и тајни, обавештајни део, који официјелно није постојао. Зато је на Западу ВОКС зматран за „бољшевичку агентуру“ и „замаскирану Коминтерну“⁶⁹.

* * *

Није једноставно објаснити руско-српске односе, а поготово је тешко дати једну заокружену дефиницију њиховог карактера. Чињеница је да они трају вековима и да имају своје успоне и падове, свој генерални континуитет и своје привремене дисконтинуитете. Природа њихових односа на пољу културе још је теже објашњива, јер зависи умногоме од збивања на политичкој сцени – понекад је у сагласју с њом, а понекад, као у међуратном периоду, меандрира, дели

се на рукавце, или, чак, тече у супротном смеру. Ипак, може се констатовати да два велика прекида многих континуитета у Европи, Први и Други светски рат, нису успели да трајно прекину културну сарадњу између Срба и Руса. И не само да је нису прекинули, може се рећи да је она очувала свој генерални континуитет упркос привременим прекидима и повременим недоследностима. Тада се показало, по први пут у историји руско-српских односа, да култура може да има свој самостални ток, који не зависи само од карактера политичких односа.

Истрајност културних веза, које су успеле да премосте прекид политичких односа Москве и Београда између два светска рата, доказује виталност културних односа и могућност њихове еманципације од центара моћи. Ипак, та могућност током историје није била често коришћена. Много је примера да сфера културе следи политику, или да јој служи. Период који то пластично показује био је управо онај који је отпочео 1945. године: тада су обе државе, и Совјетски Савез и Југославија, имале исту идеологију и исти тип власти, која је на сличан начин доживљавала културу и наметао исти модел односа према њој, па је и културна продукција у периоду који је тада почео била врло слична. Али, то је тако трајало само до следећег политичког преокрета, на који није требало дуго чекати: 1948...

¹ Јелачић, Алексије, *Русија и Балкан: преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља: 866–1940*, Београд [1940]; Васић, Павле, „Руски утицаји у српској уметности“, у: *Браничево* X, 1964; Радевић, Милорад, „Први Руси професори у Београду“, у: *Историјски гласник*, 1 (1965), с. 85–93; Ђурић, Остоја, *Руска литерарна Србија 1920–1941*, Београд, 1990; Стојнић, Мила, *Руско-српска књижевна преплитања*, Београд, 1994; Дамљановић, Дара, *Руски језик у Србији: уџбеници до 1941. године*, Београд, 2000; Јовановић, Мирослав, *Руска емиграција на Балкану 1920-1940*, Београд, 2006, с. 388–442; Вулетић, Витомир, *У руско-српском књижевноисторијском простору*, Београд, 2006, итд. Ако се тема руско-српских културних односа схвати на хронолошки шири начин, онда се наведена литература мултипликује...

² Културним односима два народа посвећене су уводне студије: Турилов А.С., „Културне везе Московске Русије и Србије од XIV до XVI века“, у: *Москва – Србија, Београд – Русија: документа и материјали*, том 1, Друштвене и политичке везе XIV–XVIII век, Београд/Москва, 2009, с. 79–115; Тимофејев, Алексеј, „Од традиције ка новом добу: друштвене, културне и економске везе Русије и Србије 1878–1917“, у: *Москва – Србија, Београд – Русија: документа и материјали*, том 3, Друштвене-политичке и културне везе 1878–1917, Москва/Београд, 2012, с. 51–62. У сваком тому се налази и избор историјских извора о тој теми.

³ Тема укупних српско-руских односа до сада је најпотпуније обрађена у књизи: Јовановић, Мирослав, *Срби и Руси 12–21. век (историја односа)*, Београд, 2012.

⁴ *Москва – Србија, Београд – Русија: документа и материјали*, том 1, Друштвене и политичке везе XIV–XVIII век, Београд/Москва, 2009.

⁵ *Москва – Србија, Београд – Русија: документа и материјали*, том 2, Друштвене и политичке везе 1804–1878, Београд/Москва, 2011.

- ⁶ Исто, стр. 324–369, 803–893.
- ⁷ Постоје два тематска зборника историјске грађе, који осветљавају питање како су се узајамно доживљавали Срби и Руси: Шемякин, Андей Л. (сост.), *Русские о Сербии и сербах*, Санкт-Петербург, 2006; Јовановић, Мирослав (прир.), *Срби о Русији и Русима: од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010)* – Антологија, Београд, 2011.
- ⁸ Извори о тој теми: *Москва – Србија, Београд – Русија 3...* с. 859–873.
- ⁹ А. Тимофејев, „Од традиције ка новом добу...“ с. 51.
- ¹⁰ Грађа о томе је објављена у: *Москва – Србија, Београд – Русија 3...* с. 306–333, 448–482.
- ¹¹ Архив Србије (АС), МПС, Ф 22, р. 10, 1918.
- ¹² АС, МПС, Ф 5, р. 5, 1917; АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I, р. 26/1918; АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф I, р. 131/1918; АС, МИД, Пс, П, Ф II, р. 8, 1918; АС, МПС, Ф11, р. 57, 1918; Московљевић, Милош С., „Наши ђаци у Русији“, *Наставник – лист професорскога друштва*, Београд, 1919, с. 79–84.
- ¹³ Према до сада најпоузданијим истраживањима, било је између 41.000 и 44.000 руских избеглица. Видети: Јовановић, Мирослав, *Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924*, Београд, 1996, с. 186.
- ¹⁴ Јовановић, Мирослав, „Прогнана елита: социјална структура руске избегличке колоније у Краљевини СХС“ у: *Годишњак за друштвену историју*, Год. 2, св. 3 (1995), с. 297–321.
- ¹⁵ АС, НП, 3775; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Ю.Л. Ракигин, „В Македонской глуши“, *Новое время*, 1923; Ю.Л. Ракигин, „Откуда все началось“, *Новое время*, 31 июля 1924. № 977.
- ¹⁶ РГАЛИ, С.В. „Русские дни в Белграде“, *Возрождение*, 1. октября 1928. № 1217; А. Яблоновский, „Как нас встречали в Белграде“, *Возрождение*, 2. октября 1928. № 1218; А. Яблоновский „Как нас встречали в Белграде“, *Возрождение*, 4. октября 1928. № 1220; „Русские дни в Белграде“, *Возрождение*, 5. октября 1928. № 1221; А. Яблоновский, „Русские дни в Белграде“, *Возрождение*, 7. октября 1928. № 1223.
- ¹⁷ Виллиам, Георгий, *Русская эмиграция в Сербии. Очерки*, Белград, 1924.
- ¹⁸ Грицкат, Ирина Георгиевна, *На зарубежной родине находится*, рукопис мемоара који се налази у поседу А.Б. Арсејева.
- ¹⁹ О руским професорима уопште видети више у: Јовановић, Мирослав, „Руски емигранти професори на факултетима и школама у Србији 1920–1941“, у: *Каталог изложбе „Руски емигранти професори на универзитету и у школама Србије“*, Београд, 1993.
- ²⁰ АС, Г-183, Г-ХП, 61, АС, Г-183, С-ХХI, 29; АС, Г-3, Ф 138, Пов. 51/42; АС, Г-3, Ф 207, 1065, АС, Г-3, Ф 765, 3426. До сада једино монографско истраживање о Русима у Југославији током Другог светског рата: Тимофејев, Алексеј, *Руси и Други светско рат у Југославији. Утицај СССР и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945*, Београд, 2011.
- ²¹ Историјски архив Београда (ИАБ), УГБ, Док. 117, 2; ИАБ, УГБ, Док. 117, 3–5.
- ²² О тој разлици видети и: РГАЛИ, Ю.Л. Ракигин, „В Македонской глуши“, *Новое время*, 1923.
- ²³ Постоје тумачења да је појава три утицајна авангардна уметника у Шпанији почетком XX века, П. Пикаса, С. Далија и Л. Буњuela била својеврсна најава грађанског рата 1936–1939. године. Видети: Крстић, Драган, *Психолошке белешке 1974–1975*, Београд, 1992, с. 238–239.

- ²⁴ О том покрету постоје две монографије: Маркуш, Зоран *Зенитизам*, Београд, 2003; Голубовић, Видосава, Суботић, Ирина *Зенит 1921–1926*, Београд, 2008.
- ²⁵ Сви бројеви часописа *Зенит* (1–43) доступни су у електронској форми на сајту: *Дигитална народна библиотека Србије*, http://www.digitalna.nb.rs/sf/NBS/casopisi_pretrazivi_po_datumu/Zenit (14.08.2015).
- ²⁶ Видети: *Српска авангарда у периодици. Зборник радова*, (ур. В. Голубовић и С. Тутњевић), Београд, 1996.
- ²⁷ Д-р Расинов, М, „Зенитизам кроз призму марксизма“, *Зенит* бр. 43, децембар 1926, с. 12–15. У питању је псеудоним, али се никада није сазнало чији.
- ²⁸ Lunačarski, A[natolij], „Proletkult“, *Zenit*, бр. 1, februar 1921, с. 11–12.; исто, бр. 2, mart 1921, с. 13–14.
- ²⁹ Мицић, Љубомир, *Антиевропа*, Београд, 1926.
- ³⁰ Горки, Максим, „Поводом револуције“, *Зенит*, бр. 34, новембар 1924, [13–14]; исто, бр. 35, децембар 1924, с. [11–12.]
- ³¹ Текст поводом Лењиновог педесетог рођендана: Троцки, Лав, „Лењин“, *Зенит*, 4/1924., бр. 26–33, 25–27.
- ³² Уредништво Зенита, „Филм једног књижевног покрета и једне духовне револуције“, *Зенит*, бр. 38, фебруар 1926, с. 37.
- ³³ Мицић се отворено супротствљао негативним ставовима о Совјетској Русији којима је непосредно после Првог светског рата обилovala домаћа јавност. Видети: Мицић, Љубомир, „Против југослаvensког антирусизма“, *Зенит* бр. 15, јуни 1922, с. 36.
- ³⁴ Мичић, Љубомир, „Дело зенитизма“, *Zenit*, бр. 8, октобар 1921, с. 2. Све речи које су на разне начине истакнуте у тексту наглашене су у самом извору.
- ³⁵ То је закључио историчар уметности З. Маркуш, који је, проучавајући историју зенитизма, месецима разговарао са Мицићем. Видети: Маркуш, Зоран, „Razgovori sa Ljubomirom Micićem“ 2, *Odjek*, 1–15. novembar 1971, с. 22.
- ³⁶ Еренбург, Иља, Лисицки, Ел, „Руска нова уметност“, *Зенит*, бр. 17–18, септембар – октобар 1922, с. 50–52.
- ³⁷ Видети: *Каталог выставки револуционного искуства Запада*, Москва 1926; *Зенит* бр. 43, децембар 1926, с. 9.
- ³⁸ Петар Семјонович Коган (1872–1932), руски историчар књижевности, књижевни критичар и преводилац, професор Московског државног универзитета (МГУ).
- ³⁹ Према преписци објављеној у: *Ljubav je srce svega. Prepiska Vladimira Majakovskog i Lili Brik 1915–1930*, (приредио: Jangfelt, Bengt); Beograd, 1988, с. 179–186.
- ⁴⁰ Маркуш, Зоран, „Razgovori sa Ljubomirom Micićem“ 2, *Odjek*, 1–15. novembar 1971, с. 22.
- ⁴¹ Skrobonja, Branislav, „Hasta la vista ili priča o Miciću“, *New Moment*, 4, 1995, с. 11.
- ⁴² О тој теми више: Милорадовић, Горан, *Лепота под надзором. Совјетски културни утицаји у Југославији 1945–1955*, Београд, 2012, с. 69–89.
- ⁴³ Г. Милорадовић, *Лепота под надзором...* с. 167.
- ⁴⁴ Како сматра Б. Јангфелт, „Осип Брик је радио једно време у ВЧК, највероватније у својству правног експерта. Судићи по потврди Политодела московског ГПУ-а, он је у тој орга-

низацији радио од 8. јуна 1920. до 1. јануара 1924. године (архив Лили Брик).“ ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, тј. политичка полиција. Видети: *Ljubav je srce svega...* с. 208.

⁴⁵ О кругу људи блиским Мајаковском и њиховим међусобним везама: Милорадович, Горан, „Роман Замятина „Мы“: между историей и утопией“, у: *Русский сборник IV*, Москва, 2007, с. 170–197.

⁴⁶ О Мицићевој судбини после Другог светског рата видети: Miloradović, Goran, „Od anarhizma do šovinizma: Drugi svetski rat i pripadnici avangardnog umetničkog kruga oko časopisa ‘Zenit’ – Ljubomir Micić i Marijan Mikac“, *Desničini susreti 2012. Zbornik radova*, Zagreb, 2013, с. 305–332.

⁴⁷ Мајаковски и Брикова су 1918. глумили у немом филму *Окована филмом (Закованная фильмой)*, у режији Н.В. Туркина, а по сценарију Мајаковског. Филм није сачуван у целини.

⁴⁸ Маријан Микац (1903–1972), хрватски књижевник и филмски делатник, припадник уметничке групе Зенит. Током Другог светског рата био је управник Хрватског сликописа, филмске куће Независне државе Хрватске, а после рата припадник усташке емиграције. Општитије: G. Miloradović, „Od anarhizma do šovinizma...“

⁴⁹ У овој књизи доносимо два његова текста о увозу совјетског филма у Југославију: Микац, Маријан, „Руски филмови код нас“, у: *Нова Европа*, бр. 3, март 1935, с. 88–91; исто, „Нови руски филмови“, у: *Нова Европа*, бр. 8, август 1935, с. 265–268.

⁵⁰ Ostojić, Stevo, „Filmske baklje Oktobra“, у: *Rat, revolucija, ekran*, Zagreb, 1977, с. 12–13.

⁵¹ Видети у овој књизи: *Списак совјетских филмова који су били приказивани на редовном биоскопском репертоару у Београду, од марта 1927. до априла 1941. године*. Табелу је, према филмском репертоару из дневног листа „Политика“, саставила Милана Живановић.

⁵² Kosanović, Dejan, *Kinematografija i film u Kraljevini SHS/Kraljevini Jugoslaviji 1918–1941*, Beograd, 2011, с. 37.

⁵³ У периоду 1945–1949. увожено је у просеку 44 совјетска филма годишње, у периоду 1950–1954 није увезен ни један, а 1955. увезено их је 18. Према: Г. Милорадовић, *Лепота под надзором...* с. 317.

⁵⁴ Видети: S. Ostojić, „Filmske baklje Oktobra“... с. 14–15.

⁵⁵ D. Kosanović, *Kinematografija i film u Jugoslaviji 1918–1941*... с. 64, 140.

⁵⁶ Исто, с. 71–72, 74.

⁵⁷ Исто, с. 99.

⁵⁸ О илегалном школовању и другим активностима југословенских комуниста у СССР видети: Центр хранения документов общественно-политической истории Москвы (ЦХДОПИМ) Ф. П-64. Оп. 2. Д. 287. Л. 10; Л. 12; Л. 40–41 об.; Л. 46–46 об.; Ф. П-88. Оп. 1а. Д. 241. Л. 119–121, 210; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 528. Оп. 1. Д. 658. Л. 65–69; Ф. 529. Оп. 1. Д. 649. Л. 46–46 об., 47; Л. 53–56.; Л. 85; Д. 651. Л. 4–4 об.; Л. 26; Д. 654. Л. 18; Д. 659. Л. 32–33; Д. 660. Л. 4; Д. 665. Л. 4; Д. 666. Л. 24–27 об.; Д. 668. Л. 13; Л. 21–23 об.; Л. 26; РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 670. Л. 18; РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 162. Л. 22; Оп. 2. Д. 188, Л. 7; Д. 189. Л. 116 об.; Д. 190. Л. 93; Д. 228. Л. 111; Д. 376. Л. 1; Д. 391. Л. 120; Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) Ф. 529. Оп. 1. Д. 649 (Југославски сектор). Л. 53; РГАЛИ Ф. 2829. Оп. 1. Д. 7; Д. 85. Л. 13. итд.

- ⁵⁹ Драговић, Вук, СССР. *Савез Совјетских Социјалистичких Република*, Београд, 1940, с. 123–124.
- ⁶⁰ ИАБ, УГБ, Док. 117, 2.
- ⁶¹ ИАБ, УГБ, Док. 117, 3–5.
- ⁶² Подаци према документу: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Ф. 8283. Оп. 17. Д. 530. Л. 15–16 об.
- ⁶³ Антифашистичко веће народног ослобођења Југославије (АВНОЈ) – привремено представничко тело које је КПЈ основала током рата.
- ⁶⁴ Антифашистичка скупштина народног ослобођења Србије (АСНОС) – привремено представничко тело које је КПЈ основала током рата.
- ⁶⁵ Извршни одбор АВНОЈ-а – привремена влада под контролом КПЈ.
- ⁶⁶ ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с границей (1925–1958).
- ⁶⁷ ГА РФ. Ф. 3283. Оп. 17. Д. 530. Л. 8–14.
- ⁶⁸ Опширније: Г. Милорадовић, *Лепота под надзором...* с. 201–217.
- ⁶⁹ Милорадовић, Горан, „Дупло дно: Културни, политички и обавештајни аспект односа ВОКС-а и Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР-ом 1945–1949. године“, у: *Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века*, Међународни научни скуп 23–25. септембар 2010, Београд, 2011, с. 284.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ПРИМЕЧАНИЕ
/ АРХЕОГРАФСКА БЕЛЕШКА

За разлику од претходних томова едиције Москва – Србија, Београд – Русија у овом 4. тому српска редакција је укључила документа нешто ширег круга архива. Разлог за то је лако разумљив, јер се ради о раздобљу за које је и количина сачуване грађе, али и број институција које ту грађу чувају, много већи. Као и пре, пажња је концентрисана на необјављену грађу, и то пре свега из Архива Србије (АС). Коришћени су фондови Министарства иностраних дела (МИД) Краљевине Србије, (грађа политичке и поверљиве архиве), посланства у Петрограду и конзулата у Одеси; Министарства просвете и црквених послова (МПс); досијеи српских просветних службеника и грађа просветних установа Србије из доба Југославије (Г-3, Г-183) који се чувају у депоу АС у Железнику; грађа Народног позоришта у Београду (НПБ) и фонд Безбедносно-информационе агенције (БИА). Поред тога, коришћена је и грађа из личних фондова АС, коју су оставили Никола Пашић (НП), Мирослав Спалајковић (МС), Никола Аранђеловић (НА) и брачни пар Марија и Максим Агапов (ММА), чија вредна заоставштина до сада није била објављивана, а ни сасвим сређена. Остали Архиви су коришћени тек у оној мери која је била неопходна за оцртавање комплетне историјске перспективе. Из Архива Југославије (АЈ) коришћени су фондови дипломатске провијенције: ф. 375, Дипломатска и конзуларна представништва Краљевине СХС у Русији 1919–1920; ф. 334 Министарства ино-

страних послова Краљевине Југославије; ф. 370 Посланство Краљевине Југославије у Турској; као и појединих државних органа и тела: ф. 507 Министарство унутрашњих дела (МУД) из фонда ЦК СКЈ; ф. 14 Министарство унутрашњих дела Краљевине Југославије; ф. 63 Министарство правде Краљевине Југославије; ф. 103 Емигрантска влада Краљевине Југославије; а такође и двеју друштвених организација: ф. 100 Масонске ложе у Југославији; ф. 724 Југословенски добровољци у Шпанском грађанском рату (МГ-2020) и лични фонд Вељка Влаховића (ф. 512).

С обзиром на постојање зборника докумената који совјетско-југословенске односе између светских ратова осветљавају из визуре комунистичке идеологије¹ као и бројних зборника грађе из историје Коминтерне², фондови АЈ су коришћени минимално. Сличан приступ постоји и у вези Другог светског рата, коме је већ посвећено волуминозно издање грађе сличне врсте³, па је пажња усмерена на сагледавање мање познатих тема и страна рата. У том смислу (као и за питање извлачења Добровољачког корпуса из Русије за време Првог светског рата) био је незаобилазан Војни Архив (ВА) из кога је објављено неколико докумената из фондова: Српска врховна команда (ПЗ); Ратне архиве дивизија и дивизијских области (П6); Југословенска војска у Отаџбини (ф. ЈВуО) и збирке немачких документа из Militärarchiv in Freiburg, чије фотокопије се чувају у ВА. Неисцрпни

извор информација о животу руске емиграције представља делимично сређена, али веома богата и обимна збирка инжињера, архитекте, археолога и несебичног организатора живота руске емиграције Сергеја Смирнова (ф. Р-699), која се чува у Народној библиотеци Србије (НБС). Коришћена су и појединачна документа из Историјског архива града Београда (ИАБ) из фонда Управе града Београда (ф. УГБ) и испоставе немачке политичке полиције која се бавила контролом главног града и већег дела „Недићеве Србије“ (ф. BDS). Слику живота емиграната донекле је комплетирана једним документом из Архива Војводине, из фонда Сергеја Троицког (ф. 522).

Неспорно најтрајнија константа у историји српско-руских односа, црквена, праћена је не само кроз државне, већ и на основу црквених архива. Директор Архива СПЦ, Р. Пилиповић, који тренутно ради на издвајању збирке „Росика“ и научној обради историје руско-српских црквених веза, омогућио је приређивачима увид у резултате његовог рада. Реномирани истраживач руске црквене историје М.В. Шкаровски издвојио је за публикацију у нашем зборнику неколико документа које чува Синодални архив РПЦз у Њујорку (Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке, СА). Из своје породичне архиве Д. Воронец је за овај зборник ставио на располагање своју свеску са дечачким успоменама на прве дане у ослобођеном Београду,

које дочаравају свет у коме су живела емигрантска деца. У српски део зборника увршћена су и два документа из Државне архиве Руске федерације ГАРФ, Ф. 3283 (ВОКС), пошто су то, фактички, документа српског порекла, која са осталим документима зборника чине хомогену целину.

У изузетним случајевима, када се радило о веома ретким и прецизним подацима, навођени су и чланци из часописа и новина „Нова Европа“, „Зенит“, „Наставник – лист професорског друштва“, „Београдске општинске новине“, „Политика“ и „Комунист“, као и неколико одломака из ретке (у време окупације 1941. скоро потпуно уништене књиге), коју је београдски новинар Вук Драговић објавио поводом успостављања дипломатских односа између Београда и Москве: *СССР. Савез Совјетских Социјалистичких Република*, Београд: Нолит, 1940.

Као и у претходним томовима ове едиције, и у овај том су укључена и она документа која се још увек налазе у фази сређивања, па она носе ознаку „грађа на сређивању“.

У текстовима објављених документа допуњене су све празнине које је било могуће допунити, разрешена је већина скраћеница, као и непотпуна имена и презимена. Нису разрешаване једино најчешће и општепознате скраћенице као што су итд. (и тако даље), г. (господин), год. (година), т.ј. (то јест) и слично. Разрешавање је било неопходно јер својевремено скраћивање речи није било стандар-

дизовано, свако је скраћивао по свом нахођењу, па би се читалац могао наћи у недоумици о чему или о коме се у тексту ради. Решења скраћеница и допуне дати су у угластим заградама: [...]. Када недостаје реч или је део текста нечитак у угластим заградама се налазе три тачке [...]. У облим заградама налазе се речи и реченице уметнуте од стране самих аутора извора. У свему осталом, распореду елементарних докумената (адресе, заглавља, потписи и сл.) настојали смо да очувамо изворну форму докумената. Изрази и фразе на страним језицима су преведени на српски, осим оних најпознатијих, као што су *status quo*, *P.S.* или *ad hoc*, који нису преводени. У рукописима се могу наћи и неке неубичајене комбинације језика и писама, па су тако поједини телеграми написани српским језиком, а немачким или француским латиничним алфабетом, или српским језиком, а руском ћириличном машином и сл. Сви такви извори су транслитеровани на српску ћирилицу. Сви документи из српских фондова који су написани на руском језику публиковани су на руском. Исто тако, меморандуми српских и руских докумената који су штампани на француском дати су изворно, без обзира на језик и писмо самог документа. С обзиром да је и у Русији и у Србији јулијански календар био коришћен до краја Првог светског рата, читалац треба да има у виду да

су документи из 1917. и 1918. године датирани по старом начину рачунања. Најзад, сва подвлачења, курзиви и наглашавања појединих речи великим словима, које су чинили аутори извора, сачувана су и у овом издању.

* * *

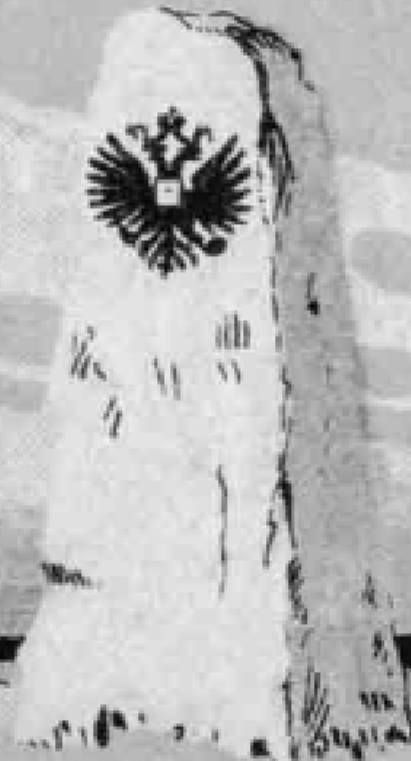
Уређивачки одбор српског дела зборника захваљује се на помоћи и свесрдној сарадњи приликом припреме грађе директору Војног музеја у Београду пуковнику Драгану Раденковићу, управнику Народне библиотеке Србије Ласлу Блашковићу, директору Архива Југославије Милани Милошевићу, директору Историјског архива Београда мр Драгану Гачићу, директору Војног архива пуковнику Милораду Секуловићу, као и колегама историчарима, архивистима и библиотекарима Александру Рафаиловићу, Љиљани Благојевић, Ани Кос-Вујовић, Владимиру Милосављевићу, Горану Судимцу, Марији Ненадић Милошевић, Маши Милорадовић, Душану Никодијевићу, Вуку Обрадовићу, Наташи Томић, Слободану Мандићу, Алексеју Арсењеву и Михаилу Шкаровском. Такође, захваљујемо се и колегама из Русије, Андреју Шемјакину, Олегу Ајрапетову, Јарославу Вишњакову, Михаилу Бјелову и Александру Силкину, који су својим саветима и подршком помогли приликом припреме докумената за објављивање.

 ¹ *Советско-југославские отношения 1917–1941 г.*, Москва, 1992.

 ² Нпр: *Komunistička internacionala : stenogrami i dokumenti kongresa*, Књ. 1–12, [pripremio] Institut za međunarodni radnički pokret, Gornji Milanovac 1981–1982.

 ³ *Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Документи и материјали*, Београд, 1996.

ПОГРАНИЧНАЯ

Т-ВО

ПЕНОВЫ

МОСКВА

Документы и материалы
российских архивов
/ Архивска грађа
руских збирки

Раздел I. Участие югославян в Гражданской войне в России на стороне белых

Глава 1.

ЙОВАН МИЛАНКОВИЧ – ПОСЛЕДНИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СЕРБИИ В РОССИИ

1

*Представление генерального консула Сербии Йована Миланковича¹
в Совет министров Временного сибирского правительства
о создании отдельного югославянского Добровольческого корпуса
на территории Сибири под чешским командованием*

5 августа 1918 г.*

Благодаря современному политическому положению в России на всем ее необъятном пространстве, в особенности в местностях, не занятых германцами, – Сибири и части России, подвластной Всероссийскому учредительному собранию², находится очень большое количество солдат сербохорватской и словинской** национальности, очутившихся вне своих военных частей.

Огромное большинство названных солдат как раньше, так, в особенности, и теперь желает находиться в своих частях, т.е. частях Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словинцев³. Меньшее число держится в стороне от названного стремления, придерживаясь выжидательной тактики, ставя (это относится к хорватам) известные политические условия в вопросе об их присоединении к общенациональному освободительному движению. И, наконец, самое незначительное число из наших солдат до того деморализовано хаотическими русскими условиями, что является нежелательным элементом в рядах нашей армии.

Представители Сербии в Сибири и в пределах России, находящейся под властью Всероссийского учредительного собрания, являются в данное время вполне изолированными от своего правительства – посланника и военного

* Датируется по штампу регистрации в канцелярии Совета министров.

** Так в документе. Здесь и далее следует читать «словенцев».

агента. Но любовь к родине, ее освобождению, к освобождению всего славянства повелительно указывает им следующее: всех солдат, сынов нашего троименного народа (сербов, хорватов и словинцев), рассеянных по необъятному лицу земли русской, собрать, не теряя драгоценного времени, в одно целое – крепкую, сильную воинскую часть, являющуюся неотъемлемою частицею уже существующего как боевая единица в России с 1916 г. Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словинцев.

Для достижения названной цели имеется только один путь, одно единственное средство: это помощь русских военных властей Сибири и Всероссийского учредительного собрания, наших братьев чехословаков и их армии в деле организации правильного и здорового продолжения работы Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словинцев в виде формирования наших воинских частей, как в пределах России, подвластных Всероссийскому учредительному собранию, так и Сибири.

Созданная при их содействии часть, состоящая из солдат одного и того же трехименного народа сербов, хорватов и словинцев, была бы опорой чешских и законных русских властей, без вмешательства, однако, в русские внутренние дела, следуя в этом деле по стопам находящегося ныне в России запасного батальона Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словинцев, законною частью коего она явилась бы.

В военном отношении это будет целое приобретение, в политическом – явление, вновь подтверждающее кровью доказанную истину, что сербы, хорваты и словинцы борются как сыны одного народа против поработителей – австро-германо-туранцев*, доказывая этим на деле югославянскую солидарность и тем самым выбивая из рук антиюгославянских и темных элементов всякое противонародное и противоосвободительное средство, как в смысле развращающей массы агитации, так и в смысле подпольных действий упомянутых элементов.

Основной план наш следующий:

1. Формируется воинская добровольческая часть (отделение запасного батальона сербов, хорватов и словинцев), впоследствии батальон, полк и т.д., состоящая из сербов, хорватов и словинцев и являющаяся прямым продолжением и частью уже существующих на территории России наших воинских единиц, т.е. запасного батальона Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словинцев.

2. Цель названной части: борьба за национальное освобождение южных славян – сербов, хорватов и словинцев – и объединение их в независимое свободное государство; борьба против наших общих врагов совместно со всеми

* Так в документе, имеются в виду турки.

нашими союзниками с целью освобождения нашего трехименного народа от центральных держав и их союзников.

3. Командование названной частью принадлежит офицерам сербской службы. Часть должно считать временно находящуюся под командой чешского главнокомандующего.

4. Члены трехименного народа (сербов, хорватов и словинцев) будут иметь своих представителей для связи и совместной работы с братьями чехами и русскими в целях набора добровольцев, взаимного ознакомления и информации.

5. Вновь поступающие в часть добровольцы дают письменное обязательство в виде честного слова во исполнение § 2.

6. Вооружение и содержание части относится к общесоюзным расходам для ведения войны, с указанием, однако, что и какие средства отпущены для названной части.

7. Немедленное осуществление части во всей ее полноте, равно и устройство целой сети в городах и центрах, наиболее населенных, сербских, хорватских и словинских агитационных и вербовочных пунктов.

8. Названная часть может быть употреблена как боевая против наших врагов лишь после поступления официальных данных о выступлении уже существующих в России наших воинских частей на русской же территории против Центральных сил⁴.

Названное официальное сообщение может исходить как от сербских, так и от союзных властей.

Командиром этой части назначается капитан сербской службы Миливой Маринкович⁵. Ему вменяется в обязанность командование и устройство упомянутой части со всеми вытекающими из этого полномочиями в смысле устройства и общения с чехословацкими и русскими военными властями.

Считая немедленное осуществление названной части явлением чрезвычайной важности, исполнение коего более чем необходимо, мы обращаемся к нашим братьям по крови и освободительным идеалам, русским и чехословакам, с призывом оказать нам то полное, должное и братское содействие в этом деле, проведение в жизнь которого одинаково важно как для наших братьев русских, так и для нас, членов троименного народа, так и для наших братьев чехословаков, а равно и для нашей общей светлой будущности.

Генеральный консул Сербии
Вице-консул
Капитан сербской службы
Капитан сербской службы

*Й.Д. Миланкович
Андонович
Мил. Й. Маринкович
Драгутин П. Костич*

Приписка в конце документа: «Копии настоя его заявления генерального консула Сербии разосланы на заключение 6 августа 1918 г. в Военное министерство за № 2018, в Министерство иностранных дел за № 2019».

Резолюция на первой странице: «По получении заключения от М[инистерства] ин[остранных] дел и Военного внести в Совет м[инистров]. [Подпись неразборчива]».

ГА РФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 342. Л. 1–2 об.
Подлинник. Машинопись.

2

Доклад товарища министра иностранных дел Временного сибирского правительства М.П. Головачева⁶ в Совет министров по поводу представления о создании югославянского Добровольческого корпуса, внесенного генеральным консулом Сербии Йованом Миланковичем

29 августа 1918 г.

По поводу представления сербского консула об организации на территории Сибири Добровольческого корпуса из сербов, хорватов и словенцев Министерство иностранных дел имеет честь представить следующие соображения:

1. Министерство иностранных дел не может не обратить внимания на то, что предполагаемый югославянский корпус согласно проекту должен находиться под командой чешского главнокомандующего. Таким образом, чехословацкая армия, пополняемая национальными войсками, непомерно увеличивается в ущерб Сибирской армии⁷, силы которой распыляются. При передаче различных национальных войск в распоряжение чехословацкого командования армия Сибирского правительства численно будет уступать находящимся на территории Сибири национальным войскам.

2. Равным образом нельзя оставить без внимания пожелание инициаторов, чтобы проектируемый корпус мог быть употреблен как боевая сила лишь после поступления официальных данных о выступлении уже существующих на русской территории югославянских воинских частей против Центральных держав. Таким образом, остается неясным отношение инициаторов к возможности обращения боевой силы югославян не против Центральных

держав непосредственно, а против их агентов и ставленников – большевиков. Кроме того, выступление югославянского корпуса ставится в зависимость от выступления югославянских сил в России. Сведений относительно этих сил в России в Министерстве иностранных дел пока не имеется. Вообще же положение проектируемого корпуса представляется странным: он по проекту формируется на территории Сибири, находится под чешским командованием, а выступление его зависит от выступления югославянских сил в России. К этому надо еще добавить, что ни чехи, ни поляки, находящиеся под чешским командованием, не предъявляют требований, подобных пункту 8 сербского представления. Содержание югославянского корпуса по проекту относится к общесоюзным расходам для ведения войны, но до установления контакта с союзниками эти расходы должно будет нести Сибирское правительство.

3. Министерство иностранных дел полагает, что до выявления нашего международного положения и до вступления в контакт с союзниками создание отдельного югославянского корпуса под чешским командованием представляется нежелательным, тем более что на очереди стоит сибирская мобилизация, и организация новой национальной армии в это время может только внести беспорядок в сибирскую мобилизацию.

Тов[арищ] министра ин[остранных] дел

Головачев

ГА РФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 342. Л. 18–18 об.
Подлинник. Машинопись.

83

3

Письмо Йована Миланковича в МИД Всероссийского временного правительства с сообщением о полученной телеграмме, подтверждающей его полномочия в качестве дипломатического представителя Сербского королевского правительства в России

№ 1020

31 октября/13 ноября 1918 г.
г. Омск

После освобождения большей части России и Сибири в течение прошлого лета с помощью братских нам чешскословацких и союзных армий я оказался в сей свободной части России и Сибири, на всем их огромном пространстве, единственным представителем Сербии и сербского народа.

Находясь в России с начала сего года, я знал, что здесь имеются многочисленные наши элементы, оставшиеся в России вследствие всемирной войны, и вообще по тем или иным причинам проживающие в настоящее время в ее пределах. Посему я считал своим долгом ни одной минуты не переставать заботиться о судьбе своих соотечественников и сородичей. В эпоху действительной и истинной свободы жить становится легче; даже тяжелые условия жизни, вызванные настоящей неслыханной кровавой войною, переносятся легче при условии торжества свободы. Находящиеся в России мои сородичи разделяли страдания и долю наших русских братьев, явившиеся следствием внутренних невзгод, постигших родную нам, горячо любимую землю русскую.

Теперь, когда имеются бесспорные признаки возрождения русского народа, мои сородичи радуются этому ото всей души и стараются по мере сил содействовать русским братьям.

Как только здесь [с]формировалась первая русская власть, я заявился и представился Временному сибирскому правительству как представитель Сербии. Временное сибирское правительство признало меня в качестве тако-го, в подтверждение чего я получил официальный акт от 24 июля 1918 г. за № 136 от Министерства иностранных дел в Омске.

На этом основании в качестве генерального консула, каким я был до начала войны в Будапеште, а с начала сего года – в Одессе и Самаре, я совершал вверенные мне дела при содействии русских властей, пользуюсь их всемерной поддержкой.

Обстоятельства развивались таким образом, что в скором времени мы имели счастье видеть и убедиться, что в свободной части России и Сибири положены здоровые основания будущей могущественной и братской нам свободной России: учреждена была всероссийская центральная власть, Всероссийское правительство, признанное всеми свободными российскими гражданами, так же как и всем цивилизованным миром.

С нетерпением я ожидал возможность общения с своим правительством, чтобы информировать его о всем том, что здесь происходит. Поэтому для меня было величайшим счастьем, когда 10 октября сего года я получил первую телеграмму Сербского правительства из Солуни (Салоники) через Харбин. Телеграмму эту честь имею при сем приложить*. Из этой телеграммы видно, что Сербское королевское правительство дает мне полномочие для дипломатического представительства Сербии в свободной части России и Сибири и предоставляет мне временно открыть во Владивостоке Сербское генеральное консульство.

Моя дипломатическая карьера начинает[ся] с 1894 г. и имеет за собою вот уже четверть столетия непрерывной деятельности в этом ресоре**. Считаю

* Телеграмма в деле отсутствует.

** Ресор – ведомство (серб.).

лишним подчеркивать, насколько я счастлив, что именно на мою долю выпала честь быть представителем Сербии здесь, в России, в этот исторический момент. Я благодарен судьбе, что в заключение моей карьеры имею великое удовлетворение такого рода.

Этим я, кажется, сказал все то, что имел сказать по этому поводу.

Прошу Всероссийское правительство благоволить принять меня в качестве представителя братской и многострадальной Сербии, оставшейся верною и непоколебимою сестрой наших союзников и родной дочерью матушки-России – во все дни великих испытаний. Заря новой Югославии занимается. Ее молодое государство под знаком свободы вырастает во весь рост, разбив окопы вековых врагов и угнетателей. Вместе с возрождением Великой России и мы, югославыне, т.е. сербы, хорваты и словенцы, идем навстречу великому нашему будущему. На этом месте торжественно заявляю, что всеми силами буду стараться быть верным выразителем желаний и чувств моего народа перед братьями-русскими. Прошу моих кровных братьев-русских принять меня и во всех отношениях оказывать содействие моей миссии.

Ј.Д. Миланкович,
дипломат[ический] представитель
и генеральный консул Сербии*

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 6–7.

Подлинник на бланке Сербского королевского консульства.

Машинопись. Подпись – автограф. Имеется печать консульства.

85

4

Докладная записка Йована Миланковича в 1-й политический отдел Всероссийского временного правительства о югославянских военных организациях на территории Сибири и необходимости координации их действий

№ 1071

1/14 ноября 1918 г.
г. Челябинск

О положении дела организации сербов, хорватов и словенцев
в освобожденной части России

К сожалению, мы имеем здесь фактически две югославянские организации, проводимые, во-первых, Временным югославянским национальным советом и, во-вторых, Югославянской комиссией при ОЧСНС⁸.

⁸ Здесь и далее в сербских документах сохранены особенности передачи текста с использованием латиницы.

I. Врем[енный] югослав[янский] национальный совет, выбираемый съездом делегатов югославянских военных и гражданских организаций⁹, имеет за собою военную часть в Челябинске, состоящую из добровольцев сербов, хорватов и словенцев, представляющую из себя спонтанное и естественное продолжение нашего добровольческого корпуса¹⁰, различаясь от него реформой присяги, которая не есть больше присяга монарху и даже не есть присяга государству, а есть только честное добровольческое слово сражаться за освобождение и объединение всех сербов, хорватов и словенцев. Эта военная часть в Челябинске, насчитывающая уже свыше 2500 человек, разрастается изо дня в день. К ней примыкают отдельные самостоятельно организовавшиеся отряды в разных городах и местах Сибири. Эта военная организация, а также поддерживаемый ею Временный югославянский национальный совет в России пользуются полным одобрением и покровительством моим, как официального здесь представителя Сербии.

II. Югославянская комиссия в Екатеринбурге имеет происхождение от чешкословацкой организации и возникла, очевидно, в связи с образованной вслед за июньским переворотом в Самаре Славянской комиссией по набору добровольцев из военнопленных и военнообязанных чехословаков, поляков, югославян и румын, временно входивших в состав чешкословацкой революционной армии. Инициаторами Югославянской комиссии в Екатеринбурге явилась группа из 36 лиц, работавших в свое время на разрушение помянутого выше добровольческого нашего корпуса. В июле месяце, по совету ОЧНСа, от имени той группы явились ко мне в Омск г-да Премужич и Пекла с предложением услуг для пополнения наших частей новыми добровольцами из военнопленных югославян. Я принял их искренне, отнесся к ним с доверием и обещал им содействовать, что изложено мною и в письменном виде. Мое желание было координировать деятельность этих лиц с деятельностью существовавшей уже здесь тогда официальной Сербской комиссии по набору добровольцев сербов, хорватов и словенцев при участии делегата Сербского правительства Блажо Рукавины¹¹. Вновь формируемые части должны были присоединяться к официальной сербской армии, как только это будет возможно. Обо всем этом я изложил подробно в имеющемся в распоряжении вашего Министерства иностранных дел моем ответе Временному югослав[янскому] нац[иональному] совету, последовавшем на поданный мне 25 сентября н.ст. запрос председателя совета Б.И. Јеремича¹². Из этого моего ответа, а также из других поданных Вам материалов ясно видно, что группа лиц из Югославянской комиссии криво*, скажу даже умышленно неверно, истолковала мое мнимое с ними соглашение, претендующее, по их мнению, даже на

* Криво – неверно (серб.).

значение какого-то договора. Во всяком случае, эта группа лиц, бесспорно, лично заинтересованных, превысила свои полномочия, про[воз]гласив впоследствии себя самовластно верховным органом всех югославян в России в качестве Югославянской комиссии при ОЧНС, на что я никогда никаким образом не давал своего согласия. Не считаясь с моими указаниями, комиссия эта отказалась подчиниться воле Союза югославянских делегатов, созванного впервые мною в Челябинске 8–12 сентября и состоявшегося вторично 3–5 ноября с.г. Югославянская комиссия, не желая субординироваться законно избранному органу помянутых выше съездов в лице Временного югослав[янского] нац[ионального] совета, а прибегая к протекторату ОЧНС, настаивает на отдельном своем существовании с независимыми от съезда полномочиями, своей собственной программой действий и самостоятельными средствами существования. Таким образом внося разъединение вместо объединения, комиссия вносит смущение в ряды добровольцев-югославян в России и вредит общему делу.

Мне известно, Врем[енный] югосл[авянский] нац[иональный] совет работает на ликвидацию такого, действительно крайне нежелательного, разлада и настаивает на строгой координации всех существующих здесь, в России, югославянских организаций. [С]формированный совет надеется достичь этого путем демократического волеизъявления народных югославянских масс здесь, в России, для какой цели советом созывается очередной съезд югославянских делегатов на 9 декабря н.ст., на этот раз в г. Томске. Декларация прошлого съезда и переизбранного им Врем[енного] югосл[авянского] нац[ионального] совета свидетельствует об искреннем желании единения и согласия, чего нельзя сказать о декларации так называемых югославянских революционеров в России, группирующихся вокруг Югославянской комиссии в Екатеринбургe.

Челябинск, 14.XI 1918.

Дипломатический агент
и генеральный консул Сербии

Ј.Д. Миланкович

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 1–2 об.
Подлинник на бланке Сербского королевского консульства.
Рукопись. Подпись – автограф. Имеется печать консульства.

5

Шифротелеграмма министра иностранных дел правительства адмирала А.В. Колчака¹³ И.И. Сукина¹⁴ поверенному в делах России в Белграде Б.П. Пелехину¹⁵ с просьбой регулярно информировать об отношении правительства Королевства СХС и его общественности к Белому движению и Российскому правительству в Омске

13 февраля 1919 г.

Ввиду установления прямой телеграфной связи Омск – Белград просим Вас начать регулярную информацию о настроениях Югославии, об отношении ее правительства и общественных кругов к национальному движению в России вообще и в частности к Российскому правительству в Омске.

Здесь все политические югославянские организации объединились и очень близки нам, искренне симпатизируют России. Образовался также Союз славянский, в который входят русские, югославы, чехословаки, поляки и карпаторуссы в целях тесного культурно-экономического союза всех славян.

Сообщите о составе Югославянского правительства.

Сукин

6

Телеграмма товарища министра иностранных дел правительства адмирала А.В. Колчака В.Г. Жуковского¹⁶ диппредставителю во Владивостоке В.О. Клемму¹⁷ с просьбой организовать беспрепятственный проезд Йовану Миланковичу из Маньчжурии в Омск

№ 118

4 марта 1919 г.

Прошу принять меры для беспрепятственного следования в Омск представителя Сербии консула Миланковича, вагон которого в настоящее время задержан на станции Маньчжурия¹⁸.

Жуковский

7

Телеграмма В.Г. Жуковского представителю правительства адмирала А.В. Колчака в Париже С.Д. Сазонову¹⁹ с просьбой обратиться в посольство правительства Королевства СХС²⁰ для подтверждения полномочий консула Йована Миланковича

№ 213

18 марта 1919 г.

г. Омск

В Омск прибывает из Владивостока сербский генеральный консул Миланкович, бывший ранее консулом в Одессе и Самаре. Благоволите запросить Веснича²¹, снабжен ли Миланкович полномочиями дипломатического агента при правительстве, возглавляемом адмиралом Колчаком. Для нас желательно установить более тесную связь с нынешним Сербским правительством и в связи с этим выяснить, насколько Миланкович пользуется доверием.

Жуковский

Приписка под телеграммой: «- том ☒ е запрошен Пелехин».

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 367. Л. 36. Отпуск. Машинопись.

8

Шифротелеграмма В.Г. Жуковского С.Д. Сазонову о состоявшемся приеме Верховным правителем России А.В. Колчаком генерального консула Королевства СХС Йована Миланковича

№ 55

5 апреля 1919 г.

г. Омск

25 марта Миланкович был принят Верховным правителем. В своей речи Миланкович говорил об огромной роли России для славянства и от имени сербов, хорватов и словенцев приветствовал Колчака как Верховного правителя России.

Речь Миланковича заключена [была] так: «Прошу принять меня в качестве дипломатического представителя Королевства сербов, хорватов и словенцев при Вашем Совете министров».

Только что полученная телеграмма Демидова²² намекает на возможность принятия королевичем Александром²³ почина в деле признания нашего правительства, о чем его высочество лично высказался Демидову.

Поэтому было бы весьма желательно иметь сведения о полномочиях Миланковича от нового правительства объединенной Югославии.

Жуковский

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 367. Л. 43. Машинопись.

9

Секретная телеграмма посланника в Афинах Е.П. Демидова министру иностранных дел правительства адмирала А.В. Колчака И.И. Сукину о намерениях Королевства СХС признать правительство «обновленной и объединяющейся России»

№ 246

8 апреля 1919 г.
Доверительно

Королевич-регент высказал мне пожелание, чтобы Омское правительство официально сообщило сюда о своем сформировании, вслед за чем оно будет официально же признано правительством Королевства сербов, хорватов и словенцев. Считаю такой взаимный шаг важным, как акт независимой и самостоятельной регламентации отношений обновленной и объединяющейся России с новым королевством, прошу о снабжении меня на сей предмет указаниями.

Демидов

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 367. Л. 53. Машинопись.

10

Секретная телеграмма С.Д. Сазонова временно управляющему МИД правительства адмирала А.В. Колчака В.Г. Жуковскому о необходимости взаимопризнания правительств России и Королевства СХС и аккредитации их представителей

№ 718

21 апреля 1919 г.

Горячо приветствую почин королевича Александра, придавая исключительное значение тесному единению между двумя братскими народами. Считаю для России существенным быть первой в деле признания Королевства сербов, хорватов, словенцев, для чего необходимо, конечно, единовременное признание последним Российского правительства²⁴, возглавляемого адмиралом Колчаком.

Благоволите высказаться в этом смысле перед правительством, указав при этом на необходимость взаимного аккредитования представителей, и испросить согласие на назначение Штрандтмана²⁵ посланником, о чем Трумбич²⁶ уже телеграфировал в Белград.

Сазонов

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 367. Л. 54. Машинопись.

11

Телеграмма Йована Миланковича С.Д. Сазонову с просьбой довести до сведения посланника Сербии в Париже Миленка Веснича о категорическом отказе союзного командования признать полномочия его как дипломатического представителя Королевства СХС в России

№ 73/2195

3 мая 1919 г.

Миланкович просит передать Весничу следующее:

Депешей министра-председателя № 105 [из] Салоник я уполномочен дипломатическим агентом Сибири, но здесь отрицают мои функции.

Ввиду весьма ответственных деликатных обстоятельств, безусловно, необходимо утвердить и расширить мои полномочия и строго определить отношения нашего здесь представительства к союзному командованию.

Миланкович

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 367. Л. 67. Машинопись.

12

Записка председателя Временного югославянского народного комитета²⁷ в России Божидара Еремича, направленная в МИД правительства адмирала А.В. Колчака, о препятствовании Верховного главнокомандования союзническими силами объединению сербских отрядов, находящихся в Сибири, в общееюгославянское войско

22 мая 1919 г.

г. Омск

Югославянские (сербско-хорватско-словенские) военные части организовались в Сибири и Приуралье начиная с августа месяца 1918 г. К приезду Верховного командующего союзническими силами в Сибири генерала Жанена²⁸ они насчитывали в общей сложности 5 тыс. штыков. От имени югославянской объединенной делегации председателем Временного югославянского национального совета в России Б.И. Йеремичем* и председателем Югославянской комиссии при ОЧСНС А. Премужичем подана была генералу Жанен[у]

* Так в документе. Правильное написание фамилии – Еремич.

23 января с.г. докладная записка (см. приложение)* с просьбой разрешить эвакуацию югославянских частей на Дальний Восток для окончательного их формирования в глубоком тылу. Эвакуация была разрешена частично. В настоящее время в Владивостоке имеется сербский отряд численностью около 1 тыс. человек. Челябинский же и томский полки остались на местах. Все наши части и отряды желают объединиться в одно общее югославянское войско на равных правах с остальными национальными войсками. Однако имеются признаки, что Верховное командование союзническими силами не считает для себя нужным содействовать такому стремлению сербов, хорватов и словенцев в Сибири. Мало того, оно пользуется всякими средствами без разбора, чтобы препятствовать единению югославыян в собственную национальную организацию. Между прочим, известный конфликт генерала Жанен[а] с дипломатическим представителем Королевства сербов, хорватов и словенцев, имевший место недавно в г. Омске, разыгрался именно на этой почве. В связи с своими выступлениями против г-на Миланковича генерал Жанен отдал приказ томскому югославянскому полку считать г-на Миланковича частным лицом, так же как и всех его сотрудников. Но в своей последовательности генерал Жанен с своим штабом зашли уже так далеко, что мы принуждены серьезно опасаться за последствия. По каким-то непонятным для нас соображениям союзническое Верховное командование в Сибири дает неожиданно новый ход отжившим уже свой век и с трудом ликвидированным интригам 1917 г., когда под влиянием русской революции и под давлением воинской дисциплины в Добровольческом корпусе сербов, хорватов и словенцев в России значительная часть югославянских добровольцев демонстративно ушла из сербской армии (так называемые диссиденты), где им не разрешалось политическое агитирование. Наши общие враги, безусловно, радовались тогда, хотя и частично, но все же чувствительному развалу Добровольческого нашего корпуса в России, бывшего ярким свидетельством единения нашего трехименного народа. Увы, теперь приходится в самом штабе союзной нам военной миссии, от нашей же собственной верховной команды – выслушивать в высшей степени странные и, с нашей точки зрения, крайне вредные взгляды, будто единение наших военных частей невозможно потому, что одни из них состоят из сербов, которые-де монархисты, другие же из югославыян, которые-де настроены республикански.

Будучи недавно в Челябинске, сам генерал Жанен задал солдатам и офицерам нашего полка вопрос: кто они – монархисты ли или республиканцы, сербы или же югославыяне. Подобные вопросы неминуемо вызвали недоумение и смущение наших солдат и офицеров. Ведь если бы на эти вопросы генерала Жанена был дан прямой ответ, то полк в Челябинске не мог бы ответить иначе,

* В деле отсутствует.

как: да, мы монархисты, ибо мы дали присягу королю нашему Петру. Конечно, 90% состава полка признали бы себя сербами, ибо они действительно сербы из Боснии и Герцеговины, Срема, Бачки и Баната; но это отнюдь не значит, что они не югославы, ибо под этим названием принято подразумевать всех сербов, хорватов и словенцев! Но вопрос неудобен и потому, что наш полк в Челябинске считается частью сербской армии, как ответвление запасного батальона помянутого выше Добровольческого корпуса; солдаты же и офицеры в нем все без исключения уроженцы югославянских земель бывшей Австро-Венгрии, т.е. той территории, которая вследствие национальной революции, вслед за разгромом Австро-Венгрии, образовала новое Югославянское государство²⁹ в собственном смысле, которое и присоединилось к Сербии. Таким образом, дилемма серб или югославянин – в лучшем случае непонятна простому солдату и затруднительна порою даже для интеллигента. Но этой дилемме придается в среде некоторых югославян в Томске еще особенное, можно сказать, прямо-таки болезненное значение. Условно в этом случае там подразумевается, в сущности, весьма деликатная дилемма, а именно: великосербская идеология, с одной стороны, и племенная федерация сербов, хорватов и словенцев на паритетных основаниях – с другой, с примесью сербофобства, болгарофильства и антидинастических стремлений. Как видно, вопросы крайне сложные и разрешимые лишь на родине – путем естественного процесса политической и экономической жизни всего народа в его целом.

Серб или югославянин? монархист или республиканец?! – на этот вопрос генерала Жанен[а], поставленный солдатам и офицерам нашего же югославянского полка в Томске, получили бы, может быть, иные ответы, чем в Челябинске. Это объясняется влиянием, которым до сих пор, к сожалению, пользуется в Томске малочисленная группа лично заинтересованных лиц, бывших диссидентов, сочувствующих донныне революционному порядку вещей и страдающих предрассудками о мнимой великосербской опасности для хорватов и словенцев. Такие страхи внушались особенно хорватам в бывшей Австро-Венгрии, ими пользовался девиз «Разделяй и владей»!

Вряд ли, однако, подобная идущая сверху пропаганда может рассчитывать на серьезный успех в солдатских массах. К ним никогда не привьется искусственно построенная рознь сербов-монархистов и югославян-республиканцев. Все же такое навязывание рассчитанной на невежество розни в среде одного и того же народа – вредно и преступно, особенно в войсках.

Сознательные наши элементы, наоборот, стараются направлять мысли солдат к общим для всего народа, в его совокупности, жизненным вопросам, разрешаемым на родине, к счастью, законным путем и без переворотов. А когда здесь, вдали от родины, замечается тенденция посеять расслабляющую нас рознь между сербами, хорватами и словенцами на почве политических

и национальных споров вместо единения в исполнении национального и солдатского долга, – мы должны протестовать.

Вредные тенденции революционного характера поддерживаются среди югославян в Сибири, как известно, сообщениями из большевистских и интернационалистических источников, распространяющих ложные сведения о переворотах в Сербии, об изгнании династии Карагеоргиевичей³⁰, о провозглашении советских республик в Югославянских штатах и т.п. Мы прекрасно знаем, что в малочисленном лагере бывших диссидентов Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев подобные вздорные известия воспринимаются весьма охотно и пользуются большим доверием, чем официальные известия французского радио, изо дня в день подтверждающего вполне нормальное развитие внутреннего порядка вещей на нашей родине.

Тем более мы затрудняемся понять Верховное командование союзнических сил в Сибири, когда оно предлагает нашим войскам смущающие вопросы, ничего общего не имеющие с исполнением солдатского долга. Также непонятно для нас оказывание внимания лидерам диссидентов помянутым командованием, тогда как официальный здесь представитель правительства сербов, хорватов и словенцев и его вспомогательный орган в лице Югославянского национального совета в России подобным вниманием не пользуются.

Во всяком случае, официальное здесь представительство нашего правительства заинтересовано в единении всех сербов, хорватов и словенцев в одну мощную и достойную нашего имени организацию. Потому мы всегда будем осуждать всякие тенденции, откуда бы они ни исходили, вызывающие разнь и трения среди югославян, тем более среди наших войск.

Правительство наше подчинило команде генерала Жанен[а] наши военные контингенты в Сибири, надеясь, что такое командование будет способствовать их организации и дисциплинированию. Но в данном случае должно искренно сомневаться в целесообразности применения принципа «Разделяй и владей».

*Председатель Югославянского
национального совета в России*

Б. Јеремич

При сем одно приложение*.

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 21–23.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

* В деле отсутствует.

13

Сообщение МИД правительства адмирала А.В. Колчака в Югославянский национальный совет об официальном назначении Йована Миланковича посланником при Российском временном правительстве в Омске, а В.Н. Штрандтмана – при правительстве Королевства СХС в Белграде

№ 120/2534

10 июня 1919 г.

г. Омск

Министерство иностранных дел в ответ на Ваше письмо от 4 июня 1919 г. за № 169 имеет сообщить:

1. Г-н Миланкович в настоящее время является поверенным в делах правительства сербов, хорватов и словенцев при правительстве адмирала Колчака.
2. Российское правительство имеет своим посланником в Белградском правительстве г-на Штрандтмана.
3. Между обоими правительствами, таким образом, установлены тесные* официальные отношения.
4. Обо всем этом поставлены в настоящее время в известность высокие комиссары Франции и Англии.

Ввиду изложенного, Министерство иностранных дел полагает, что все вопросы организационного и материального характера, возникающие у Югославского национального совета, должны разрешаться через поверенного Белградского правительства г-на Миланковича.

Товарищ министра иностранных дел
И.д. советника 2-го политического отдела

Жуковский
Язвицкий³¹

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 367. Л. 137.
Подлинник. Машинопись.

* В тексте ошибочно напечатано слово «точные».

14

Из записки поверенного в делах Королевства СХС Йована Миланковича в МИД правительства адмирала А.В. Колчака с уведомлением о получении от управляющего министерством В.Г. Жуковского подтверждения его полномочий в качестве диппредставителя королевства и с просьбой оказать содействие при переезде его семьи из Челябинска в Омск

№ 2366

8/21 июня 1919 г.
г. Челябинск

Честь имею вновь подтвердить, что мною с искренним удовлетворением получено уведомление господина управляющего Министерством иностранных дел (г. Омск, 30 мая 1919 г., № 106/2387*) о том, что от российского поверенного в делах при Королевском сербско-хорватско-словенском правительстве в Белграде получено извещение о назначении меня на пост поверенного в делах в Омске при правительстве адмирала Колчака и что соответствующие уведомления о моем назначении Министерство иностранных дел сделало представителям Англии и Франции. По поводу официального извещения Российского правительства о моих функциях в качестве дипломатического представителя Королевства сербов, хорватов, словенцев я могу только повторить сказанное мною тогда, когда я первый раз имел честь представиться Верховному правителю и Министерству иностранных дел, так же как и сказанное в моей телеграмме, отправленной Вам из Челябинска в ответ на Ваше сообщение.

Сербско-хорватско-словенское королевство, верно следуя традициям Королевства Сербии, будет и впредь отстаивать политику безусловной солидарности с интересами единой, великой России, для могущества которой не только королевское правительство с нашим трехименным народом, но каждый серб, хорват и словенец в отдельности – считают искренним долгом и естественной своей обязанностью делать все возможное и бороться изо всех сил. [...]

Несмотря на те трудные минуты, когда на Западе Европы решалась судьба государства, объединяющего весь народ сербов, хорватов, словенцев, мое правительство помнило свои обязательства перед Россией. Веское доказательство тому дал королевич Александр, престолонаследник и регент. Министерству известны шаги, предпринятые его величеством для должного признания и упрочения Российского правительства адми-

* В деле отсутствует. Сохранилась лишь телеграмма Миланковича от 31 мая 1919 г., подтверждающая получение телеграммы из Омска (ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 30–31).

рала Колчака. Министерству также известны шаги, предпринятые мною и находящимся в моем непосредственном ведении Югославянским национальным советом в России перед королевским правительством. Воссоздание и усиление России на благо славянского мира – вот лозунг, который я и мои здесь сотрудники ставим выше всего, зная, что того же самого девиза придерживается весь наш народ и наше правительство. К сожалению, наша работа встречала затруднения там, где меньше всего следовало ожидать. Иногда пускались в ход средства, поражавшие неожиданностью и невероятностью. Чтобы не вспоминать разных интриг и мистификаций, напомним лишь одно. Как раз в те дни, когда я ожидал окончательного оформления моих полномочий и увенчания моих трудов, я был вытеснен из Омска, увы, при участии русских властей. Кому это понадобилось? Чьи интересы не совпадают с вышеизложенными взглядами? Хочется думать, что все то все-таки было лишь печальным недоразумением! Министерству лучше, чем мне, известно, какие несправедливые, жестокие действия были допущены в Омске по отношению к дипломатическому представителю Сербии и под чьим давлением все то случилось. Мое правительство вправе потребовать от меня доклад о выполнении мною возложенной на меня миссии и о тех условиях, в каких мне пришлось работать. Я и мои здесь сотрудники, мы глубоко сознаем ответственность за нашу деятельность в исключительное время революции и войны, когда мы были оторванными от нашего отечества и предоставлены самим себе, руководясь исключительно здравым разумом и моралью врожденного нам патриотического чувства. Мы дадим отчет нашему правительству и нашему королю о всем.

В исполнение долга перед моим правительством и оставаясь последовательным моей программе, известной министерству, я имею намерение приехать вновь в Омск, забыв все те неприятности и бесчеловечности, вследствие которых я был вынужден покинуть его в начале мая сего года. Находясь сейчас в Челябинске, я нахожу удовлетворение в том, что моим пребыванием и влиянием в среде сербского полка имени погибшего под Казанью нашего героя, майора Благодича³² – я содействую сознательному исполнению нашими солдатами их долга в трудные для Уфимского направления дни. Надеюсь, что временно наступивший кризис минует вскоре: Челябинск, Златоуст, Уфа будут опять спокойны. Здесь, в Челябинске, имею намерение провести наш национальный праздник – Видов-день, день исторической битвы на Косовом поле (1389 г., 15/28 июня), после чего рассчитываю выехать в Омск, где сочту первым долгом быть у Верховного правителя. Во всяком случае, мне хотелось бы 29 июня/12 июля быть в Омске, в день св. Петра и Павла, день ангела моего короля. Этот день мои сородичи в Омске будут праздновать с особенной почестью, впервые после освобождения и объединения всех сербов,

хорватов, словенцев, торжествуя осуществление заветной мечты седого короля, бессмертного народного борца за свободу.

Имею честь просить министерство оказать мне услуги для того, чтобы мое намерение могло осуществиться.

Прошу исходатайствовать, предоставить мне соответствующий вагон, в котором я с моей семьей и служащими смогу жить и работать в Омске (на городской ветке). Для приемки вагона мною уполномочен председатель Югославянского национального совета в России инженер Б.И. Йеремич (Омск, Артиллерийская, 15, тел. № 9–10), которому я и дал необходимые указания.

Ввиду невозможности для меня правильного функционирования без непосредственной связи с Королевским правительством в Белграде, а также без необходимых финансовых средств – я, через посредство председателя Йеремича, уже имел честь обращаться к Министерству иностранных дел в Омске с покорнейшей просьбой содействовать мне в сношениях с моим правительством. Мое положение здесь является исключительным. Министерству известно, какими путями и при каких обстоятельствах я очутился на территории, освобожденной от ига большевизма. Министерству неизвестны многие другие затруднения, с которыми мне пришлось здесь бороться при исполнении возложенной на меня миссии. Но для министерства не может не быть понятным, почему именно ввиду единственно резонной программы для меня, как дипломатического представителя Серб[ско]-хорв[атско]-словен[ского] королевства, – я, будучи в России, последовательно обращаюсь к русским же властям за содействием. Я не смею сомневаться в том, что русская власть в самом деле находится в состоянии оказывать мне таковое. Если бы я в этом сомневался, я не счел бы себя вправе выступать. Для меня весь вопрос может быть лишь в том, как поступать, чтобы мои выступления не только по существу, но и тактически совпадали с интересами Российского правительства адмирала Колчака. Именно потому я и воздержался в свое время от шагов, которые могли бы осложнить отношения. Тем не менее я уверен, что правительство не откажется обеспечить мое функционирование в Омске в качестве дипломатического представителя, если, конечно, мое пребывание в России является желательным.

До тех пор пока мною не будет получен шифр и дальнейшие указания из Белграда, осмеливаюсь просить министерство любезно дать мне возможность и впредь сноситься с моим правительством через посредство российского поверенного в делах в Белграде. В частности, телеграммы, переданные министерству 13-го сего месяца председателем совета г-ном Йеремичем, прошу повторить от моего имени, согласно приложению*, если на них своевремен-

* В деле отсутствует.

но не получены ответы. Сим уполномочиваю и впредь инженера Йеремича, председателя Югославянского национального совета в России, как лицо официальное, пользующееся моим полным доверием, сноситься с министерством от моего имени и прошу оказывать ему такое же содействие, как и мне самому, за все время моего отсутствия в Омске.

Поверенный в делах Королевства
сербов, хорватов, словенцев

Ј.Д. Миланкович

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 47–49.

Подлинник. Машинопись. Имеется печать

Дипломатического представительства сербов, хорватов и словенцев в России.

15

***Письмо поверенного в делах Королевства СХС Йована Миланковича
Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку об
официальном утверждении его полномочий как диппредставителя
в России***

13/26 июня 1919 г.

г. Челябинск

Ваше высокопревосходительство.

По прибытии в Омск я имел честь в моей первой аудиенции в марте месяце сего года сообщить Вам мои мысли и чувства, задачи моей работы в качестве дипломатического представителя Королевства сербов, хорватов и словенцев при Совете министров Вашего высокопревосходительства.

Теперь, когда мои права и обязанности решением моего правительства расширены и официально утверждены, немедленно по признанию всероссийской власти в Вашем лице, Ваше высокопревосходительство, я спешу выразить свою большую радость и счастье, выпавшее на мою долю, быть по мере своих скромных сил на этом посту верным выразителем желаний и стремлений работы моего правительства и в то же время скромным сотрудником в Вашем великом патриотическом деле.

Позвольте мне, Верховный правитель, удалиться от всякой конвенциональной формы и выразить Вам свою искреннюю радость по поводу того, что в исполнение вверенной мне миссии я буду жить и работать среди вас, своих братьев, уверяя Вас и на этот раз, что находящиеся здесь, в свободной России и Сибири, сербы, хорваты и словенцы будут рады и желают и впредь по мере

своих скромных сил преданно исполнять свой долг по отношению к России и для блага всего славянства.

Поверенный в делах Королевства
сербов, хорватов и словенцев

Ј.Д. Миланкович

В приложении: копия отношения от 8/21 июня с.г. за № 2366 в Министерство иностранных дел*.

Резолюция на полях: «*Мин[истерство] ин[остранных] дел. Прошу ответить. Адмирал Колчак*».

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 54.

Подлинник. Машинопись. Имеется печать

Дипломатического представительства сербов, хорватов и словенцев в России.

Резолюция – автограф.

16

Письмо министра иностранных дел в правительстве адмирала А.В. Колчака И.И. Сукина Йовану Миланковичу с благодарностью за приветствие от братского народа и с пожеланием установления дружеских отношений с правительством Королевства СХС

№ 152

28 июня 1919 г.

г. Омск

Господин поверенный в делах.

По поручению Верховного правителя спешу передать Вам от его имени, что Ваше искреннее приветствие тронуло его. Он благодарит за выраженные пожелания и глубоко ценит присутствие здесь представителя братского народа сербов, хорватов и словенцев, участвующего в лице своих доблестных воинов в великом деле восстановления России.

Прошу также принять с моей стороны горячие пожелания установить дружественные и тесные отношения между Российским правительством и правительством сербов, хорватов и словенцев.

Примите уверения в отличном моем почтении и таковой же преданности.

Приписка под письмом: «Подп[исал] Сукин».

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 58. Отпуск. Машинопись.

* См. док. № 14 от 8/21 июня 1919 г.

Докладная записка Йована Миланковича в МИД правительства адмирала А.В. Колчака с объяснением сути развернувшейся кампании против него самого и против создания независимой югославянской военной организации

№ 2512

14/27 июля 1919 г.

г. Омск

Министерству известны те данные, которые со стороны недоброжелателей были использованы с целью запятнать доброе имя сербского войска в Сибири. Министерству также известно, что проступки безответственных, деморализованных элементов сербской национальности в Сибири, занимающихся, наравне с представителями иных наций, спекуляцией, ставились в вину мне, официальному представителю Сербии, впоследствии Королевства сербов, хорватов и словенцев.

С самого начала, как в г. Челябинске под моим руководством стала зарождаться самостоятельная сербско-хорватско-словенская национальная военная организация – как продолжение официального сербского войска в России, не входившая в состав чешкословацкой организации, – уже тогда со стороны заинтересованных организаций велась агитация для препятствования ее укреплению и развитию. Пускались в ход обвинения в большевизме, измене союзникам, национальном шовинизме, реакционерстве, повальной деморализованности, спекуляции низов и верхов и т.д. Использованы были для этого средства без разбора, преимущественно закулисные интриги. Апогеем явился поход против авторитета дипломатического представителя Сербии в моем лице, т.к. исключительно на этом авторитете основывалась самобытность организации сербов, хорватов и словенцев в Сибири. Я был обвинен в самозванстве и на основании мистификации заподозрен в спекуляции.

Такая агитация нашла себе живой отклик и поддержку среди кучки югославянской молодежи, бывших добровольцев Корпуса сербов, хорватов и словенцев в Одессе, которая в бурное время русской революции способствовала разрушению корпуса и деморализации наших войск в России, руководясь мотивами отчасти дисциплинарного, отчасти же политического характера. Это так называемые диссиденты, которые под конец поставили своей задачей бороться против престижа официальной Сербии и ее представителей. Хотя движение югославянского диссидентизма уже давно стало анахронизмом, все же психология некоторых его вожakov не изменилась до сих пор, в ущерб общенародным югославянским интересам в России.

Так или иначе, на почве недоброжелательности, антипатии, заинтересованности материальной или политической, порою даже на почве чисто личных недоразумений, но в особенности в вопросах командования, сформировалась здесь, в Сибири, в конце концов форменная кампания против официально-Сербско-хорватско-словенского (бывшего Сербского) представительства в лице моем и моих ближайших сотрудников. Кампания велась без разбора в средствах, забывая об ответственности перед надлежащим форумом, хотя и отдаленным, в смысле времени и пространства, но все же неминуемым. В этой кампании подали друг другу самые разнородные элементы, объединенные общностью интереса в отстранении официального здесь представительства Королевства сербов, хорватов и словенцев, руку.

К величайшему прискорбию, жертвою злостных интриг с разных сторон оказалось даже Верховное командование союзническими силами в Сибири, как уже достаточно известно Министерству иностранных дел. Не имея намерения возвращаться к этому большому вопросу, подлежащему рассмотрению нашей королевской военной миссией, обращаю внимание министерства на личность г-на Блажи Рукавины, сыгравшего в помянутой выше кампании весьма крупную, постыдную роль. Это необходимо во избежание могущих возникнуть недоразумений, т.к. г-н Б. Рукавина именует себя до сих пор уполномоченным делегатом Сербского правительства, пользуется печатью и находится в официальной связи с некоторыми здесь представительствами и учреждениями.

Г-н Блажо Рукавина, преподаватель гимназии, подпоручик сербской службы, был в числе других лиц хорватской народности в 1915 г. командирован министром-председателем Сербии Пашичем³³ в Россию для набора добровольцев в сербскую армию из военнопленных югославян. После ухода Добровольческого корпуса на Салоникский фронт³⁴ г-н Рукавина с согласия начальника Сербской военной миссии полковника Лонткиевича³⁵ переехал в Сибирь для продолжения своей деятельности в качестве эmissара. Однако в своей деятельности в вопросе югослав[янской] добровольческой организации в Сибири и Приуралье осенью 1918 г. г-н Рукавина пришел в конфликт со мною и другими компетентными лицами, так что я принужден был осудить его поведение и тактику. В результате г-н Рукавина заявил мне о том, что он временно слагает с себя свои полномочия, и поступил в чины русской контрразведки в Омске, бывшей под начальством полковника Зайчека³⁶.

Г-н Рукавина взял на себя задачу выслеживания деятельности руководителей югослав[янской] народной организации, имевшей центром г. Челябинск. Несмотря на то что эта организация основана была мною и пользовалась моим покровительством, все же г-н Рукавина эту организацию считал незаконной, в то время как сочувствие его склонялось в сторону другой, так называемой

югославянской революционной организации, находившейся под протекторатом Чехословац[кой] народной рады (Отдел для России).

Пока вопрос объединения* Черногории, Хорватии и Словении с Сербией еще не был окончательно решен, так же как и вопрос дальнейшего существования Австро-Венгерского государства – вполне понятным было уклончивое отношение некоторых югославын к представителю официальной Сербии. Но поведение и несогласованность со мною г-на Б. Рукавины, действовавшего здесь официально – в качестве уполномоченного Сербского правительства, – я называю преступным. Г-н Рукавина понимал свое призвание крайне произвольно, выбирая себе директивы смотря по обстоятельствам, руководился при этом исключительно личными симпатиями и антипатиями, отделяя интересы хорватского народа от интересов Сербии, снимал с плеч сербские поганы для того, чтобы потом, при изменившихся обстоятельствах, опять пришить их, сеял раздор между югославянами, интриговал против меня у союзников и оспаривал мои полномочия даже тогда, когда я уже официально был аккредитован при Российском правительстве адмирала Колчака. В дополнение ко всему этому я должен указать, что для своих козней против меня г-н Рукавина злоупотреблял состоянием на службе в русской контрразведке. Вместо того чтобы по велению патриотического чувства сообщать мне о злоупотреблениях с целью спекуляции деморализованных солдат сербской национальности, г-н Рукавина использовал подложные документы преступных лиц для профанации меня в качестве дипломатического представителя Королевства СХС, так же как и полка СХС в Челябинске. Пресловутый документ унтер-офицера Зорича, соучастника банды спекулянтов, организованной, как потом оказалось, русским генерал-майором С.И. Петиным³⁷, удостоверяемый мною бона фиде^{**}, демонстрировался повсеместно, показывался всем желающим. В результате бывший «югославянский комиссар» студент Амроз Премужич распространил в Томском югослав[янском] полку злостную против меня клевету, уж не говоря о том, что внушалось французской военной миссии в Омске.

Итак, г-н Рукавина действовал не только против интересов того государства, правительством которого в свое время он по доверию был командирован в Россию для набора добровольцев из военнопленных югославын, но работал также на унижении престижа представительства Королевства сербов, хорватов и словенцев, работая, таким образом, против собственных государственных интересов. За свои проступки г-н Рукавина, так же как и его сподвижники, будут привлечены к законной ответственности надлежащим путем. В свою очередь, к Министерству иностранных дел честь имею

* В оригинале – «присоединения».

** Искренне, добросовестно (*лат.*).

обратиться с покорнейшей просьбой благоволить принять к сведению изложенные выше отзывы и пояснения.

Поверенный в делах Королевства
сербов, хорватов и словенцев

Й.Д. Миланкович

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 96–97 об.

Подлинник на бланке поверенного в делах Королевства СХС в России.

Машинопись. Имеется печать Дипломатического

представительства Королевства СХС в России.

18

Телеграмма Йована Миланковича в МИД правительства адмирала А.В. Колчака о предстоящей командировке во Владивосток для встречи прибывающей югославянской военной миссии

№ 2560

10 августа 1919 г.

г. Омск

Чсть имею довести до сведения Министерства иностранных дел, что на днях уезжаю из Омска на Восток на встречу нашей военной миссии, прибытие которой ожидаю в самом ближайшем будущем, так как корреспонденция (письма) на ее адрес уже поступает во Владивосток.

На время моего отсутствия в Омске остаются в моей канцелярии г-да поручик Перич для консульских дел и исполняющий обязанности секретаря поверенного в делах Королевства сербов, хорватов и словенцев подпоручик Шуштершич, который будет иметь честь поддерживать на время моего отсутствия связь с русскими властями в г. Омске.

Доводя об этом до сведения министерства, честь имею просить не отказывать уведомить меня, благоволило ли министерство дать следствие моему ходатайству от 6/19 марта с.г. за № 2029*, в котором я сообщал о препятствиях, чиненных мне во время моей поездки из Владивостока в Омск со стороны разных начальников железнодорожных станций и их помощников, и просить министерство оказать содействие, чтобы мне не чинились препятствия и не затруднялась моя предстоящая служебная поездка.

Поверенный в делах Королевства сербов, хорватов
и словенцев в России

Й.Д. Миланкович

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 107.

Отпуск. Машинопись.

* Не публикуется.

19

Из аналитической записки и.д. советника 2-го политического отдела МИД правительства адмирала А.В. Колчака В. Язвицкого представителю России в Париже С.Д. Сазонову – о мерах по созданию славянской коалиции и югославянских союзов на территории Сибири

Не ранее сентября 1919 г.*

Принимая во внимание изменение политической конъюнктуры на западе от России и считаясь как с историческими задачами нашей родины, так и с ее силами и положением в переживаемый исторический момент, 2-й политический отдел базировался в славянском вопросе на следующих положениях.

1. Так как вся будущая западная граница России явится границей со славянскими государствами и эти государства будут своего рода буфером между Западной и Восточной Европой, то для России необходимо теперь же создавать самые тесные культурно-экономические отношения со славянством.

[...]**

6. Деятельная и энергичная работа России в этом направлении при правильном учете национальной психологии каждого члена славянской семьи сможет создавать возглавляемую ею славянскую коалицию.

Исходя из упомянутых положений, 2-й политический отдел организовал в Омске Союз славянский, объединивший русских, чехословаков, поляков и югославян на почве культурно-экономического сближения. В настоящее время подобные же союзы образовались в Томске, Иркутске, Харбине. Организуются учреждениями и частными лицами различные славянские курсы и общества в разных городах Сибири и в Приуралье.

[...]**

Югославяне

Югославянские части и организации, состоящие из сербов, хорватов, словенцев и незначительного количества черногорцев, вначале не были объединены и были очень деморализованы.

После целого ряда трений и взаимных интриг им удалось объединиться в Югославянском национальном совете, находящемся Омске. Но все же среди славянства остались, правда немногочисленные, так называемые

* Точная дата написания отсутствует; записка датируется по месяцу вхождения Язвицкого в должность специального представителя по связям со славянами.

** Опущено перечисление национальных особенностей, присущих полякам, чехословакам, болгарам, венграм и румынам, с анализом перспектив их объединения в Славянский союз.

*** Не публикуются аналитические справки о карпаторуссах и чехословаках.

диссиденты, агитирующие против подчинения династии Карагеоргиевичей и требующие республиканского правительства. При этом необходимо отметить, что большинство югославян во главе с Национальным советом и Миланковичем настроены русофильски и неприязненно относятся к французскому командованию за поддержку Францией Италии. Меньшинство так или иначе связаны с французами, рассчитывая на поддержку своих республиканских стремлений.

Это обстоятельство, а также [тот факт], что сербские части в Томске находятся на французском счете (около 2500 штыков), а сербские части в Челябинске находятся на русском счете (тоже около 2500 штыков), обострило отношения между генералом Жанен[ом] и г-ном Миланковичем.

Среди сербских солдат наблюдается спекуляторство* в больших размерах, чем у других славян, за исключением карпаторуссов, не чуждых стремлению легко нажиться.

Можно, однако, сказать с уверенностью, что с назначением официального представителя от Белградского правительства оздоровление югославянских частей пойдет очень быстро. Необходимо заметить, что значительное количество сербских солдат непосредственно подчинено русскому командованию и ведет себя вполне лояльно и дисциплинированно**.

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 77–77 об. Отпуск. Машинопись.

20

Секретная телеграмма российского посланника в Белграде В.Н. Штрандтмана управляющему МИД правительства адмирала А.В. Колчака о поступившем запросе из Сербии по поводу рекомендуемой кандидатуры на место отозванного посланника Йована Миланковича

№ 166

25 октября 1919 г.***

г. Белград. Лично. Доверительно

Товарищ м[ини]стра иностр[анных] дел (2гр.)илович**** просит меня выяснить, кому из находящихся в Омске югославян могло бы быть временно по-

* Так в документе. Имеется в виду спекуляция.

** Подпись отсутствует.

*** Получена 30 октября 1919 г.

**** Так в документе. Фамилия полностью не расшифрована.

ручено управление миссией в случае намеченного отозвания Миланковича, который возбудил неудовольствие участием в торговых операциях³⁸.

Штрандтман

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 154. Машинопись.

21

Секретная телеграмма российского посланника в Белграде В.Н. Штрандтмана в МИД правительства адмирала А.В. Колчака об отрешении от должности поверенного в делах Королевства СХС в России Йована Миланковича

№ 173

29 октября 1919 г.*

г. Белград

Ссылаюсь на свой № 166.

Министерство иностранных дел нотою уведомило, что поверенный в делах Миланкович отрешен от должности и что секретарю миссии в Вашингтоне Божидару Пуричу³⁹ приказано ехать в Омск, временно принять управление [в] качестве поверенного в делах.

Штрандтман

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 160. Машинопись.

22

Секретная телеграмма 2-го политического отдела МИД правительства адмирала А.В. Колчака российскому послу в Токио В.Н. Крупенскому⁴⁰ с просьбой запросить вновь назначенного посланника Королевства СХС Божидара Пурича о предполагаемом дне его прибытия в Россию

Декабрь 1919 г.**

г. Иркутск

Не откажите запросить Пурича, когда он предполагает выехать сюда и не едет ли с ним какой-нибудь военный представитель⁴¹. Благоволите также дать

* Получена в Омске 3 ноября 1919 г.

** Дата отправления телеграммы не указана.

ему понять, что продолжительное отсутствие сербского авторитетного представителя при правительстве (Миланкович давно в Харбине) нас ставит в затруднение. Необходимо выяснение некоторых вопросов, в частности связанных с эвакуацией союзных войск, в том числе югославянских.

ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 373. Л. 189. Машинопись.

Глава 2. СЕРБСКИЙ БАТАЛЬОН В СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

23

Телеграмма комиссара Штаба Беломорского военного округа⁴² Р.П. Куликова⁴³ наркомупо военным и морским делам Л.Д. Троцкому⁴⁴ с просьбой дать указание о дальнейшем пребывании сербского отряда в Архангельске⁴⁵*

№ 2447

27 июня 1918 г.**

г. Архангельск

По приказу наркома Кедрова⁴⁶ Архангельск, Архангельский район объявлен[ы] на военном положении, в связи с этим необходимо выяснить вопрос о дальнейшем пребывании сербского вооруженного отряда в количестве около ста человек, который должен выехать после освобождения горла Белого моря от льдов из Архангельска во Францию; первоначальное согласие на отправку через Архангельск сербских и других отрядов, направляющихся во Францию, дано наркомом Троцким. Данный вопрос усложняется прибытием сегодня 192 итальянцев, по словам французского консула, солдат, бежавших из германского плена.

Нарком Кедров во время пребывания в Архангельске дал указание на недопустимость пребывания сербского отряда. По предварительным сношениям и обсуждениям вопроса с французским консулом выяснилось: французский консул категорически настаивает на своем праве, основанном якобы на соглашении с центральной властью, о дальнейшем пребывании в Архангельске сербского отряда; снабжение продовольствием берут на себя – доставкой из-за границы. Соглашается разоружить сербских солдат при условии, что оружие будет запаковано, запломбировано и сложено на хранение во Французской

* Копия телеграммы была направлена В.И. Ленину.

** Принята в 1 ч 25 мин.

миссии. Офицеров разоружить не согласны. Дать разрешение на вывоз отряда из Архангельска консул не считает себя вправе. Мнение Совдепа по данному вопросу вполне согласуется с мнением наркома Кедрова о выезде отрядов из Архангельска и даже разоружении.

Ввиду общеполитической обстановки и международного положения, связанных с данным вопросом, просим немедленно дать указания, как поступить с сербским отрядом и, в дальнейшем, как поступать с другими отрядами, которые, по заявлению французского консула, должны прибывать.

Комиссар при командующем

Куликов

ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 741. Л. 189. Машинопись.

24

Телеграмма генерала Е.К. Миллера российскому посланнику в Белграде В.Н. Штрандтману с просьбой согласовать вопрос с правительством Королевства СХС об отправке на Мурманский фронт батальона сербских добровольцев взамен покидающих фронт формирований союзников

№ 1453

24 августа 1919 г.

Прошу срочно передать в Белград Штранд[т]ману*.

В состав союзных войск, оперирующих на Мурманском фронте Северной области, входит один запасный сербский батальон. Солдатам, из которых многие по несколько лет находятся на войне, обещано скорое возвращение на родину одновременно с эвакуацией английских сил. С уходом союзников для области создается весьма тяжелое положение ввиду сравнительной малочисленности русских войск по отношению к большому протяжению линии фронта и неблагоприятного впечатления, производимого на молодые формирования оставлением союзниками, в которых они видели надежную опору.

При таких обстоятельствах для обороны области имело бы серьезное значение, если бы взамен уходящего батальона были бы присланы сюда новые сербские вооруженные силы. Мы уверены, что наш призыв в критическую минуту за братской помощью не останется без отклика как у правительства, так и населения Сербии, связанной столькими узами с Россией, и *что*** найдется

* Телеграмма по причине прерванных с Сербией дипотношений направлялась в Белград через Российское посольство в Риме.

** Выделенные курсивом слова здесь и далее в документе были вписаны Е.К. Миллером.

достаточное число добровольцев, которые пожелают сменить своих уставших, заслуживших отдых товарищей.

Прошу Вас приложить все усилия к оказанию содействия в этом вопросе, имея в виду возможность доставления войск в Архангельск до закрытия навигации – до конца октября. Для Вашего сведения сообщаю, что сербские войска могут не потребоваться для активных действий, они главным образом нужны для поддержания порядка и несения охранной службы, кроме того, присутствию их придаётся большое моральное значение.

Кроме того, *очень прошу* также сохранить здесь, пока имеются сербские войска, военного атташе майора Павловича, присутствие которого может быть весьма полезно.

Генерал Миллер

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.
Опубл.: Красный архив. 1940. Т. 1 (98). С. 131.

25

Секретная шифротелеграмма российского посланника в Сербии В.Н. Штрандтмана главнокомандующему войсками Северной области генералу Е.К. Миллеру⁴⁷ по поводу набора сербских добровольцев для отправки их в г. Мурманск

№ 100

4 сентября 1919 г.
г. Белград

Спалайковичем⁴⁸ и мною сделано все в смысле Вашей телеграммы № 1453. Королевич-регент сказал мне, что будет немедленно приступлено [к] набору добровольцев на смену сербского батальона, как только англичане обеспечат их перевозку и содержание на прежних основаниях, и просил меня срочно телеграфировать Сазонову в Париж для выяснения вопроса с англичанами, что мною исполнено. Королевич считает полезным Ваше воздействие на Лондон на месте. Военному атташе Павловичу будет предписано остаться. Спалайкович выехал в Виши через Париж, где поддержит дело. Крупные наборы для действия вне страны при (о...их)* политических условиях невозможны.

Штрандтман, российский посланник

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 1. Машинопись.

* Так в документе. Слово не было расшифровано.

26

Телеграмма главнокомандующего войсками Северной области генерала Е.К. Миллера российскому посланнику в Белграде В.Н. Штрандтману с просьбой исходатайствовать разрешение у правительства Сербии на продление срока пребывания сербского батальона на Северном фронте до конца октября 1919 г.

№ 1610

22 сентября 1919 г.
г. Архангельск
Срочная

Прошу исходатайствовать приказание правительства, чтобы сербский батальон, находящийся [в] Мурманске, был предоставлен [в] мое распоряжение до конца октября для несения службы [в] г. Архангельске по обеспечению порядка. Обратный путь до Англии обеспечу.

Миллер

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

Рукопись на бланке главнокомандующего всеми русскими силами на Северном фронте.

27

Телеграмма генерала Е.К. Миллера В.Н. Штрандтману о необходимости получения приказа Сербского правительства об оставлении сербского батальона на Северном фронте до конца октября

№ 1645

26 сентября 1919 г.
г. Архангельск

Английское командование настаивает на отъезде сербского батальона из Мурманска 2 октября, ссылаясь на нежелание сербов ехать в Архангельск на октябрь. По сведениям сербских источников, это противоречит истине, сербы готовы помочь нам своим присутствием в Архангельске. Не может ли Сербское правительство дать командиру батальона срочно по телеграфу приказ поступить в мое распоряжение? Забота о содержании и обратной отправке до Англии – на русский счет и средства. Вопрос срочный и крайне важный для нас.

Миллер

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 4.

Рукопись на бланке главнокомандующего всеми русскими силами на Северном фронте.

28

Секретная шифротелеграмма В.Н. Штрандтмана генералу Е.К. Миллеру о согласии принца-регента Александра продлить срок пребывания сербского батальона на Северном фронте

№ 136

1 октября 1919 г.
г. Белград

В дополнение к моему № 133*. Лично передал королевичу-регенту Вашу просьбу об оставлении батальона в Вашем распоряжении до конца октября. Его высочество, осведомившись из показанной мною Вашей телеграммы о готовности сербов остаться, дал согласие и приказал телеграфировать своему военному агенту в Лондоне для сообщения командиру батальона, подтверждая вчерашнюю телеграмму (военного министра).

При этом он указал мне на желательность верного обеспечения, согласно Вашему обещанию, вывоза батальона из Архангельска в конце октября.

Штрандт[т]ман

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 5.
Машинопись.

29

Секретная телеграмма В.Н. Штрандтмана генералу Е.К. Миллеру об отправке военным министром Королевства СХС уведомления в Лондон о достигнутом согласовании вопроса в отношении сербского батальона

№ 133

2 октября 1919 г.**
г. Белград

В ответ на Ваш № 1610 и 14***.

Принимая во внимание Ваше сообщение о готовности сербов остаться до конца октября, военный министр сегодня срочно телеграфирует военному агенту в Лондоне, что с его стороны не встречается препятствий к переходу батальона в Ваше распоряжение на указанных Вами условиях.

Штрандтман

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 7.
Машинопись.

* В деле отсутствует.

** Телеграмма была расшифрована 5 октября 1919 г.

*** В деле отсутствуют.

30

Секретная телеграмма генерала Е.К. Миллера С.Д. Сазонову в Париж и В.Н. Штрандтману в Белград о взятых Временным правительством Северной области обязательствах по содержанию сербского батальона и доставке его в Архангельск

№ 1702

4 октября 1919 г.
г. Архангельск

Если английское правительство затрудняется взять на себя содержание сербского батальона и перевоз его из Сербии, то содержание может быть принято на счет Северной области. По доставке батальона в один из портов Франции или Дании он может быть перевезен [в] Северную область русским тоннажем.

Миллер

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.
Машинопись.

31

Секретная телеграмма В.Н. Штрандтмана заместителю председателя Временного правительства Северной области П.Ю. Зубову⁴⁹ о желательности награждения югославянских добровольцев медалями «В память освобождения Северной области от большевиков»

№ 186

4 ноября 1919 г.*
г. Белград

Ваша телеграмма 110 получена**.

Считал бы весьма желательным пожалование медалей югославянам безвозмездно.

Прошу телеграфировать отзыв.

Штрандтман

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.
Машинопись.

* Телеграмма была расшифрована 7 ноября 1919 г.

** В деле отсутствует.

32

Телеграмма заместителя председателя Временного правительства Северной области П.Ю. Зубова В.Н. Штрандтману о согласии безвозмездно наградить солдат-югославы медалью «В память освобождения Северной области от большевиков»

№ 2189

25 ноября 1919 г.
г. Архангельск

Правительство Северной области соглашается с Вашим заключением и предоставляет Вам выдавать медаль «В память освобождения Северной области от большевиков»⁵⁰ югославам безвозмездно.

Заместитель председателя Временного
правительства Северной области

Зубов

ГА РФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 66. Л. 9.
Машинопись.

¹ Миланкович Йован (1870–?) – сербский дипломат. Окончил факультет государственного права в Вене. На службе в МИДе с 1894 г. Служил в сербских консульствах в Яссах (1917), Одессе (1918), Омске (1919), Марселе (1921). Генеральный консул в Мюнхене. Чрезвычайный и полномочный посланник в Варшаве (1928). На пенсии с 1929 г. Опубликовал книгу «Успомене из Сибири 1918–1919. и пут океаном у домовину 1920» (Београд, 1926).

² Всероссийское временное правительство (Директория) было образовано в Уфе на Государственном совещании, которое после нескольких неудачных попыток состоялось 8–23 сентября 1918 г. по инициативе Съезда членов Всероссийского учредительного собрания в соответствии с пожеланиями союзников – Антанты и Чехословацкого корпуса, в то время успешно воевавшего против большевиков по всей Транссибирской магистрали. Ко времени формирования Всероссийского временного правительства, представлявшего собой компромисс левых (эсеров) и правых (кадетов) политических сил под председательством эсера Н.Д. Авксентьева, на территории охваченной Гражданской войной России еще летом 1918 г. действовало 25–30 различных правительств. Не сразу признали власть Уфимской Директории три русских правительства. Но из-за постоянных политических разногласий эсеров и кадетов (прежде всего насчет земельной реформы) 18 ноября 1918 г. группа офицеров в сговоре с кадетами совершила переворот, свергла правительство Авксентьева, и власть перешла в руки Верховного правителя адмирала А.В. Колчака (Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками и белыми генералами, или о дипломатическом признании Колчака // Русский сборник: Исследования по истории России : Т. 2. М., 2006. С. 304).

³ В ноябре 1915 г. в Одессе из австро-венгерских военнопленных – югославы, преимущественно сербов, образован Сербский добровольческий отряд. Позднее на его основе были сформированы 1-я и 2-я Сербские добровольческие дивизии, воевавшие на фронте в Добрудже. Летом 1916 г. обе дивизии вошли в состав Сербского добровольческого корпуса (с апреля 1917 г. – Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев), который до Февральской революции насчитывал около 40 тыс. человек. Гражданская война привела

к уменьшению численности корпуса, часть которого через Дальний Восток была перебросана на Салоникский фронт, а часть приняла участие в событиях в России (см. подробнее: *Вишняков Я.Ю.* Армия без государства : Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг. // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы : Очерки истории. М., 2015. С. 136–156; *Вишняков Я., Шмолев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны : Сб. документов. М., 2014).

⁴ Центральные силы, или Центральные державы – военно-политический блок государств, противостоявших государствам Антанты (Великобритания, Франция и Россия) в Первой мировой войне.

⁵ Капитан 1-го класса Миливой Маринкович командовал частью, затем, с 29 сентября 1918 г. по март 1919 г., – полком.

⁶ Головачев Мстислав Петрович (1893–1956) – сын известного сибирского историка и публициста П.М. Головачева. Присяжный поверенный. Приват-доцент Томского университета. Сибирский автономист. Товарищ министра иностранных дел Временного сибирского правительства (с 01.07.1918). Управляющий МИД Временного Всероссийского правительства (Директории) (до 01.11.1918). Профессор международного права Дальневосточного университета. Министр иностранных дел Временного приамурского правительства (1921). В эмиграции в Китае, Японии и США. Умер в Сан-Франциско.

⁷ Сибирская армия была создана по распоряжению Временного сибирского правительства в июне 1918 г. в Ново-Николаевске (ныне Новосибирск) под наименованием Западно-Сибирская добровольческая армия. Первоначально в ее состав входили несколько добровольческих отрядов, Ново-Николаевский полк, конный отряд и конвойная команда. К 26 августа в нее уже входили 3 корпуса: Средне-Сибирский, Степной и Уральский. После крушения Восточного фронта в октябре – ноябре 1919 г. остатки войск армии, разделенной в июле на 1-ю и 2-ю Сибирскую, отошли в Забайкалье, где продолжали борьбу против большевиков до ноября 1920 г.

⁸ Югославянская комиссия при Отделении Чехословацкого национального совета в России (апрель 1917 г.) создана летом 1918 г. Во главе ее стояли хорват Амброз Премужич и словенец Гашпар Пекле.

⁹ Съезд состоялся 8–12 сентября 1918 г. в Челябинске.

¹⁰ В ноябре 1915 г. в Одессе из австро-венгерских военнопленных – югославян, преимущественно сербов, образован Сербский добровольческий отряд. Позднее на его основе были сформированы 1-я и 2-я Сербские добровольческие дивизии, воевавшие на фронте в Добрудже. Летом 1916 г. обе дивизии вошли в состав Сербского добровольческого корпуса (с апреля 1917 г. – Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев), который до Февральской революции насчитывал около 40 тыс. человек. Гражданская война привела к уменьшению численности корпуса, часть которого через Дальний Восток была перебросана на Салоникский фронт, а часть приняла участие в событиях в России.

¹¹ Рукавина Блажо, член Сербской комиссии по набору добровольцев (сербов, хорватов, словенцев), направленной в 1915 г. Сербским правительством в Россию для вербовки добровольцев из числа военнопленных в сербскую армию.

¹² Еремич Божидар И. – председатель Временного югославского национального совета (1918–1919).

¹³ Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – российский военный и политический деятель, флотоводец, ученый-океанограф. Адмирал (1918). Участник Русско-японской

и Первой мировой войн. В 1915–1916 гг. командир минной дивизии Балтийского флота; в 1916–1917 гг. командующий Черноморским флотом. Вождь Белого движения. В 1918–1920 гг. Верховный правитель России, Верховный главнокомандующий Русской армии. В феврале 1920 г. расстрелян большевиками в Иркутске.

¹⁴ Сукин Иван Иванович (1890–?) – дипломат, секретарь посольства в Вашингтоне. В 1918 г. – в Омске. В ноябре 1918 г. начальник дипломатической канцелярии. До 2 декабря 1919 г. министр иностранных дел в правительстве Колчака. Затем эмигрировал в Китай, а в 1920 г. – в США.

¹⁵ Пелехин Борис Павлович (1883–1943) – поверенный в делах России в Белграде.

¹⁶ Жуковский Владимир Григорьевич (1871–1922) – русский дипломат, поэт, переводчик. В 1919 г. входил в состав правительства Колчака в качестве товарища министра иностранных дел. Одновременно исполнял должность председателя Комиссии по делам военнопленных. В августе 1919 г. временно исполняющий обязанности министра иностранных дел. В числе 24 бывших членов колчаковского правительства был осужден Сибирским чрезвычайным ревтрибуналом и приговорен к «лишению свободы с применением принудительных работ пожизненно».

¹⁷ Клемм Василий (Вильгельм) Оскарович, фон (1860–1938) – дипломат, бывший начальник Средне-Восточного отдела МИД России, чиновник в правительстве Хорвата. Эмигрировал в Пекин, где возглавлял Русский комитет. Умер в Берлине.

¹⁸ Маньчжурия – крупнейший сухопутный пограничный пункт на российско-китайской границе. Ныне город, находящийся в 4 км от границы и в 6 км от Забайкальска.

¹⁹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – российский государственный деятель, дипломат. В 1910–1916 гг. министр иностранных дел. С 1913 г. член Государственного совета. В 1919 г. министр иностранных дел Всероссийского правительства Колчака и Деникина, был членом Русского политического совещания, которое, по замыслу лидеров Белого движения, должно было бы представлять интересы России на Парижской мирной конференции.

²⁰ Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) – официальное название государства, возникшего 1 декабря 1918 г. в результате объединения югославянских территорий Австро-Венгрии (Словения, Хорватия, Славония, Далмация, Босния и Герцеговина, Воеводина) с независимыми королевствами Сербией и Черногорией. Во главе Королевства СХС стояла сербская династия Карагеоргиевичей. В 1929 г. оно было переименовано в Королевство Югославия.

²¹ Веснич Миленко (1863–1921) – сербский политический и государственный деятель, дипломат, доктор права. Член Радикальной партии. Посланник Сербии в Италии (1901–1902) и Франции (1904–1921, с перерывами). В 1920 г. премьер-министр Королевства СХС.

²² Демидов Елим (Элим) Павлович (1868–1943) – дипломат, посланник Временного русского правительства до февраля 1917 г. в Афинах. В Россию не вернулся.

²³ Александр Карагеоргиевич (1888–1934) – младший сын Петра Карагеоргиевича. С 1909 г., после отречения старшего брата Георгия от прав наследования, наследник престола, в 1914–1918 гг. принц-регент Сербии, в 1918–1921 гг. – Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1921–1929 гг. король Королевства сербов, хорватов и словенцев, в 1929–1934 гг. – Королевства Югославия. Погиб в Марселе в результате теракта.

²⁴ 19 мая 1919 г. премьер-министр Королевства СХС Стоян Протич официальной нотой уведомил Омское правительство о его признании в качестве законной российской власти. Дипломатическим представителем в Омске в ранге поверенного в делах был назначен

Йован Д. Миланкович. С российской стороны должность посланника в Белграде занял Василий Николаевич Штрандтман.

²⁵ Штрандтман Василий Николаевич (1873–1963) – российский дипломат. С 1911 г. служил в российской дипломатической миссии в Сербии. В июле 1914 г., после смерти посланника Н.Г. Гартвига, Штрандтман стал поверенным в делах России в Сербии. Во время Первой мировой войны вместе с сербской армией проделал путь через Албанию на о. Корфу. В 1919 г. там его застало назначение на должность посланника в Белграде, последовавшее после взаимного признания правительств в Белграде и Омске. После поражения Колчака Штрандтман остался во главе миссии как представитель правительства Деникина, а затем Врангеля. «В начале марта 1924 г. Королевство СХС, как и большинство других европейских стран, прекратило деятельность бывшей русской миссии. Но формально она даже тогда не была окончательно закрыта [...] миссия была переименована в Делегацию по защите интересов русских беженцев, которую Штрандтман возглавил. За делегацией сохранялось помещение русской миссии, а на фасаде здания продолжал оставаться императорский двуглавый орел и вывешивался флаг Российской империи» (Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 34).

²⁶ Трумбич Анте (1864–1938) – хорватский и югославский политический деятель, доктор права (1890). Основатель либерально-буржуазной хорватской партии (1905), председатель Югославянского комитета в Лондоне (1915–1918). В 1918–1920 гг. министр иностранных дел Королевства СХС.

²⁷ Временный югославянский народный комитет в России (ВЮНК) был создан в 1918 г. Скупщиной югославянских групп и организаций, состоявшейся 8–12 сентября в Челябинске. В своей деятельности ВЮНК руководствовался совместным курсом и предписаниями Королевского сербского правительства и Югославянского комитета в Лондоне. В феврале 1919 г. правительство адмирала А.В. Колчака открыло для финансирования деятельности ВЮНК ежемесячный кредит в 25 тыс. руб. под гарантии Югославянского государства.

²⁸ Жанен Морис (1862–1946) – французский генерал. С ноября 1918 г. – начальник французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А.В. Колчака. С января 1919 г. – представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. Занимал неблагоприятную, а затем и резко враждебную позицию по отношению к адмиралу А.В. Колчаку и Белому движению в целом. В декабре 1919 г. поддержал восстание против колчаковского правительства в Иркутске. Санкционировал выдачу Колчака эсерам, что впоследствии привело к его убийству.

²⁹ Речь идет о Государстве словенцев, хорватов и сербов, просуществовавшем с 29 октября по 1 декабря 1918 г., образованном из югославянских земель бывшей Австро-Венгрии. Прекратило свое существование в результате объединения с Королевством Сербия, решение о котором приняло Народное вече СХС.

³⁰ Карагеоргиевичи – княжеская (1842–1858) и королевская династия в Сербии (1903–1918), Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929), Королевстве Югославия (1929–1945, фактически до 1941). Ее родоначальник – Карагеоргий Петрович (1762–1817) являлся верховным вождем сербов во время 1-го сербского восстания 1804–1813 гг. Представители династии: Александр (князь Сербии в 1842–1858), Петр I (король Сербии в 1903–1918; король сербов, хорватов и словенцев в 1918–1921), Александр I (король сербов, хорватов и словенцев в 1921–1929; король Югославии в 1929–1934; принц-регент Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1914–1921), Петр II (король Югославии в 1934–1945), принц Павел (регент в 1934–1941).

³¹ Язвицкий В.Г. (по другим данным В.У.; полное имя и даты жизни неизвестны) – член партии «Единство», «Великорусского союза», член временного правления «Всероссийского национального союза» в Уфе (филиал Национального центра, созданного в 1918 г.). Советник политического отдела МИД правительства Колчака, чиновник особых поручений; был близок П.В. Вологодскому. В 1920 г. был арестован вместе с членами правительства Колчака, передан гражданской следственной комиссией в ведение Чрезвычайной следственной комиссии Политического центра (см.: Верховный правитель России : Документы и материалы следственного дела адмирала Колчака. М., 2003. С. 308–366). Дальнейшую судьбу его выяснить не удалось. Следует отметить неточность комментариев к имени «Язвицкий» в некоторых изданиях, где ошибочно приводятся биографические сведения о русском писателе и драматурге Валерии Иоильевиче Язвицком, о котором доподлинно известно, что с 1917 г. он работал в Наркомпросе, в 1918–1920-х гг. публиковал свои стихотворения в московских альманахах; в 1920 г. являлся членом совета Мастерской коммунистической драматургии (Масткомдрам), а его книги, начиная с 1921 г., регулярно выпускало издательство «Красная Новь».

³² Благодич Матия (1884–1918) – сербский офицер, майор. В Россию прибыл в 1916 г. Служил в Добровольческом корпусе сербов, хорватов и словенцев. Весной 1918 г. возглавил сербский батальон, вставший на сторону Чехословацкого корпуса. Погиб в ходе боев за Казань (август 1918 г.). В сентябре 1918 г. остатки батальона вместе с другими югославянскими частями вошли в состав полка им. майора Благодича, сформированного по инициативе Временного югославянского народного комитета в России.

³³ Пашич Никола (1844–1926) – виднейший государственный деятель Сербии (вкупе с Илией Гарашаниным и Йованом Ристичем) и Королевства СХС. По образованию инженер-строитель. В 1872 г. закончил Высшую политехническую школу в Цюрихе, во время пребывания в Швейцарии (1868–1872) сблизился с русской революционной эмиграцией. В 1878–1880 гг. служил общинным инженером г. Пожаревац. Являясь депутатом скупщины, объединил левую оппозицию и стал ее неформальным лидером. Участник социалистического движения Светозара Марковича. Основатель (1881) и бессменный руководитель Радикальной партии. В 1891–1926 гг. 22 раза занимал посты премьер-министра Сербии и Королевства СХС.

³⁴ Салоникский фронт – фронт боевых действий, возникший на территории Греции в ходе Первой мировой войны в октябре – ноябре 1915 г. Со стороны стран Антанты на нем первоначально были задействованы 5 английских и 3 французские дивизии под командованием генерала М. Сарайля. В 1916 г. был усилен двумя русскими бригадами и частями сербской армии, перебросенными с о. Корфу. С июня 1918 г. Салоникский фронт возглавил французский генерал Л.Ф. Франше д'Эспере. Незначительные тактические результаты были достигнуты на Салоникском фронте при наступлении в апреле 1917 г. Решительный перелом в положении на фронте был достигнут в результате наступления, начатого 15 сентября 1918 г. К концу операции болгарские войска и 11-я германская армия были разбиты, и 29 сентября Болгария капитулировала. Союзные войска прервали коммуникации между Германией и Турцией, получив возможность для нанесения флангового удара по Центральным державам, что послужило началом разгрома австро-германской коалиции.

³⁵ Лонткиевич Бранислав – сербский военный деятель и дипломат, полковник. В 1914–1917 гг. военный атташе Сербии в России и одновременно начальник военной миссии при Ставке Верховного главнокомандования.

³⁶ Зайчи(е)к Иосиф – участник восстания Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. Перешел на русскую службу. Агент военного ведомства. Руководитель контрразведки при штабе Колчака. В марте 1919 г. отправлен в отставку.

- ³⁷ Вероятно, Петин Степан Иванович (1861–1947) – офицер Кубанской сотни Собственного Е.И.В. конвоя, генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта. Эмигрировал в Китай (Харбин), затем в Америку.
- ³⁸ Миланкович объяснял появление слухов о его причастности к спекуляциям интригами французского генерала Жанена.
- ³⁹ Пурич Божидар (1891–1977) – сербский и югославский дипломат и политик. Председатель правительства (в Лондоне) и министр иностранных дел Королевства Югославия в 1943–1944 гг. На дипломатической службе с 1917 г. С 1919 г. – секретарь посольства Королевства сербов, хорватов и словенцев в Вашингтоне. В том же году в ранге поверенного в делах отправлен во Владивосток. Передача полномочий Миланковичем Пуричу состоялась 13 февраля 1920 г. 3 августа 1920 г. Пурич сообщил в югославский МИД: «Эвакуация закончена. Посольство ликвидировано, 12 августа отбываю в Америку» (*Поповић Џикола Б. Јован Миланковић, последњи и Српски дипломата у царској Русији // Српско-Руски односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011. С. 203*). В тексте документа фамилия указана с ошибкой: Путник.
- ⁴⁰ Крупенский Василий Николаевич (1868–1945) – российский дипломат. С 1916 г. посол в Японии. После Октябрьской революции 1917 г. оставался на своем посту в качестве «посла без правительства», т.к. большевистское правительство не было признано Японией. В годы Гражданской войны поддерживал антибольшевистские силы на Дальнем Востоке и в Сибири. В 1921 г. оставил должность посла и жил в Италии. С 1931 г. переехал во Францию.
- ⁴¹ Военная миссия Королевства СХС во главе с подполковником Жарко Мичичем прибыла во Владивосток 19 января 1920 г. В августе осуществлена эвакуация из Владивостока 648 сербских и югославянских военнослужащих, а также 393 гражданских лиц.
- ⁴² Беломорский военный округ, охватывающий территорию Архангельской, Олонецкой, Вологодской губ., островов Белого моря и части островов Северного Ледовитого океана, был образован декретом СНК 26 мая 1918 г. Управление округа с мая по июль 1918 г. находилось в Архангельске, а с 1 августа – в Вологде. Военно-политическим комиссаром штаба округа (26.05–15.08.1918) был назначен А.Д. Макаров. С вторжением английских, французских и американских интервентов 15 августа 1918 г. управление округа было расформировано. Беломорский военный округ был вновь создан в апреле 1920 г., после изгнания с Севера интервентов и белогвардейцев.
- ⁴³ Куликов Роман Петрович (1897–1918) – участник борьбы за установление советской власти на Севере, делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. Секретарь городского комитета РКП(б) в Архангельске (с мая 1918 г.), комиссар штаба Беломорского военного округа. Убит 18 июля 1918 г.
- ⁴⁴ Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940) – советский партийный, государственный и военный деятель. В первом Советском правительстве: нарком по иностранным делам (26.10/08.11.1917–08.04.1918); нарком по военным и морским делам (04.1918–30.12.1922); председатель Реввоенсовета (06.09.1918–26.01.1925), член ПБ ЦК РКП(б) и ИККИ. В феврале 1929 г. выслан из СССР, в эмиграции в Турции, Франции, Норвегии и Мексике. Убит в Мехико агентом советской разведки.
- ⁴⁵ По-видимому, речь идет о так называемом Сербском отряде в Северной России, сформированном в июле 1918 г. К тому времени основные части Сербского добровольческого корпуса были переправлены через Архангельск и Мурманск на Салоникский фронт. Выдвинувшийся с опозданием из Одессы Сербский запасной пехотный батальон был задержан в Самаре, официально расформирован и перебазирован в Архангельск. Там он и был

объединен с остававшейся в городе одной из батарей Сербского горного дивизиона. Сербский отряд в Северной России с июля 1918 г. и до своей эвакуации активно участвовал в боях с большевиками. 12 октября 1919 г. отряд был эвакуирован на морском транспорте «Воронеж» с прочими войсками интервентов (см.: *Купцов* *В.В.* Сербские национальные формирования в России во время Первой мировой войны и Добровольческий полк сербов, хорватов и словенцев им. майора Болотича в Челябинске в 1918–1919 гг. // *Гороховские чтения : Материалы 2-й региональной музейной конференции / Сост. Н.А. Антипин. Челябинск, 2012. С. 91–103).*

⁴⁶ Кедров Михаил Сергеевич (1878–1941) – советский партийный деятель. С ноября 1917 г. член коллегии Наркомата по военным делам РСФСР, комиссар по демобилизации. С сентября 1918 г. начальник Военного отдела ВЧК. С мая 1919 г. особоуполномоченный ВЧК в Вологде, затем на Южном и Западном фронтах. В 1920–1930-е гг. на различных должностях в Военной прокуратуре Верховного суда СССР, Госплане СССР и т.д. Арестован в 1939 г. На суде в начале июня 1941 г. оправдан. Расстрелян 28 октября 1941 г.

⁴⁷ Миллер Евгений Карлович (1867–1939) – генерал-лейтенант (1915). Руководитель Белого движения на Севере России в 1919–1920 гг. В 1892 окончил Академию Генштаба, служил военным атташе в европейских странах. Во время Первой мировой войны был начальником штаба 5-й армии, командиром корпуса. После Февральской революции выступал против развала армии, выборности командиров, прекращения войны. В 1917–1918 гг. находился в Италии, а затем во Франции. 1 января 1919 г. Миллер прибыл из Парижа в Архангельск, где был назначен управляющим иностранными делами правительства Северной области, а 15 января стал ее генерал-губернатором. С мая 1919 г., одновременно, главнокомандующий войсками Северной области – Северной армии, с июня – главнокомандующий Северным фронтом. С сентября 1919 г. Главный начальник Северного края. Опирался на поддержку британского военного контингента, который был эвакуирован в сентябре 1919 г. Одновременно прекратились поставки боеприпасов и вооружения из Великобритании, что поставило армию Миллера в критическое положение. Тем не менее после ухода англичан Миллер продолжил борьбу против большевиков, но уже 19 февраля 1920 г. был вынужден эмигрировать. Вместе с Миллером Россию покинули более 800 военнослужащих и гражданских беженцев. В эмиграции проживал в Париже. Член Русского общевойскового союза (РОВС). Председатель РОВС с 1930 г., после похищения генерала А.П. Кутепова. 22 сентября 1937 г. похищен и вывезен агентами НКВД в Москву.

⁴⁸ Спалайкович Мирослав (1869–1951, Париж) – сербский дипломат. Член Народной радикальной партии. Близкий друг короля Александра Карагеоргиевича. В 1913–1917 гг. посланник в Петербурге/Петрограде, в 1920–1924 гг. – в Риме, в 1924–1935 гг. – в Париже.

⁴⁹ Зубов Петр Юльевич (1871–1942) – земский начальник, товарищ городского головы Вологды (1918), член Временного правительства Северной области (1918–1920), заместитель главы правительства (1919), актер и поэт. В эмиграции – в Париже.

⁵⁰ Медаль «В память освобождения Северной области от большевиков» учреждена Временным правительством Северной области в июне 1919 г.

Раздел II. Русская эмиграция в Королевстве СХС

33

Из письма члена Славянской миссии русских общественных деятелей¹ Ф.И. Родичева² члену Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР М.М. Федорову³ – о впечатлениях от агитационной поездки по Югославии

Не позднее 23 июля 1919 г.*

Многоуважаемый Михаил Михайлович.

Только что вернулся из поездки по Югославии и нахожу оказию послать Вам письмо. Надо бы переписать и послать Вам вторые экземпляры раньше отправленных двух больших писем, но не успею. Дай Бог успеть написать последнее. Те письма: 1) от 2 июля о сербских делах и отношениях к нам, 2) о чешских и польских видах. Буду ждать другой okazji. [...]**

Рассказываю я Вам это для характеристики той среды, которая здесь представляет Россию, – убожество мысли, фантастические представления о жидомасонском заговоре, о революции русской, посеянной Америкой. Живое место в душах этих людей – ненависть к жидам, радость от погрома, ненависть к французам. На дне души – мечта о германце. Окружены эти люди еще редеющей ныне офицерской средой: офицеры, не ушедшие из Одессы с Добровольческой армией, ушли в Константинополь, оттуда – сюда. Они хотят ехать далеко-далеко, все к Колчаку через Владивосток, а пока ищут места без труда, но с хорошей оплатой, даровой провизией и насущного вина... Бог с ними, это жалкие, несчастные люди, но беда в том, что, глядя на них, сербы вынуждены сказать, что такова Россия, а глядя на реставраторов, не зададут ли они себе вопрос: так вот кто хочет владеть и руководить Россией? Я стою рядом с ними и присутствием своим и словами, которые в моих устах правда, а не ложь, отстаиваю Россию, и Деникина⁴, и Колчака от обвинений в реставраторстве, и в черносотенстве, и жидоедстве, и господчине...***

* Датируется по дню отправки автором дубликатного письма, посланного на случай неполучения предыдущего.

** Далее опущен отчет по пребыванию в Польше.

*** Так в тексте.

Большевизм здесь не пустой звук. Сейчас они, их агитаторы, выплывают на поверхность. Нашу поездку с нами делил большевистский агитатор; в Сараево, Мостаре, в Катарро⁵ были большевистские возгласы. [...]

В Катарро компания большевиков свистнула по нашему адресу. Свистевшего побили и арестовали во спасение от побоев. Но он был не один. И брат его, кельнер, подававший Челнокову⁶ кофе, защищал большевиков, желающих добра народу, большевиков, на которых нападают и клеветают только реакционеры и буржуи. В Мостаре сзади толпы, слушавшей нас, тоже говорили о реставрации и реакции. Беда, если бы это была правда. Обнаружение черносотенного лица русской колонии в славянских странах было бы неизбежным несчастьем. С этим можно и должно бороться. [...]

Не пишу Вам ничего сейчас о Сербии, о кризисе, о впечатлениях о Боснии, Далмации, Цетинье⁷. В бывших австрийских владениях, даже в Боснии, есть культура повыше сербской, но она, увы, господская в значительной мере. Она не разливается поровну по всей стране, как в прежней Сербии. Там это единство культурного уровня – великое благо. Вершины много ниже, бесконечно ниже и беднее русского уровня, но низ несравненно выше. Где нам называть себя старшими братьями?

Встречали нас с энтузиазмом, который все рос. Что может быть выше сараевского приема? А оказалось – мостарский, если не выше, то горячее, а дубровницкий великолепнее. А в Катарро – народная орация, никем не подготовленная, цветы, знамена, фейерверки, мужчины, женщины, дети, толпа детей кричит: «Живела* Великая Россия!» Свистнул кто-то. Уверяют, что это большевик. Ложимся спать утомленные счастьем. А на другой день в Цетинье нам загородили дорогу дети с цветами, забросали нас ими, влезли в автомобили. Потом, на улице, толпа взрослых и впереди городской голова читает речь. Я отвечал ему. И черногорцы хватают меня за руки, за ноги и несут до гостиницы. А потом дружба, рукопожатия, слезы, дамы, особо приветствуют – ученицы Русского института⁸. Тут нет большевиков, тут был русский патриотизм. – Праздник кончился.

И мы разругались. [...]**

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 516. Л. 1–2, 4–5.
Копия. Машинопись.

* Живела – да здравствует (серб.).

** Подпись отсутствует.

34

Из донесения военно-морского агента правительства адмирала А.В. Колчака капитана 2-го ранга Б.П. Апрелева⁹ «Политические партии в Королевстве СХС, их борьба, роль коммунистов, влияние событий в России, пресса, роль партий в деревне и городах. Борьба по созыву Учредительного собрания»

№ 417

9 ноября 1920 г.
г. Белград
Секретно

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев имелись следующие политические партии:

1) В Сербии – старорадикалы, младорадикалы (самосталцы), прогрессисты (напредняки)¹⁰, либералы (2 группы), республиканцы (только из интеллигентов), социалисты (коммунисты). [...]

В течение лета 1920 г., в ожидании выборов в Учредительное собрание¹¹, внутри партий шла усиленная работа по их группировке. Под влиянием этой работы спаялись два крупных буржуазных блока – радикалы¹² (консервативный блок) и демократы¹³ (прогрессивный блок). Эти две группировки не расходятся между собою в отношении взглядов на конституцию страны (конституционная демократическая монархия), но абсолютно расходятся в отношении многих вопросов внутренней политики. [...] В самое последнее время начала формироваться в Сербии земледельческая партия (Земльорадничка странка¹⁴), которая предполагает быть выразительницей исключительно интересов крестьянских масс. [...]

Главной политической силой страны являются радикалы и демократы, и от возможности добиться соглашения между ними или же кому-нибудь из них получить абсолютное большинство, в сущности, зависит все положение страны. [...]

Старорадикалы представляют из себя чисто сербскую партию, которая в свое время была очень радикальной в Сербии и проделала долгую эволюцию, придя, в конце концов, к правому крылу скупщины¹⁵. Она и выражена такими людьми, как Никола Пашич, Стоян Протич и др. По старику Пашичу можно судить ход эволюции этой партии; будучи в молодости горячим и увлекающимся, Пашич был другом Бакунина¹⁶, был вынужден бежать из Сербии, а между тем за свою долгую политическую жизнь он, в конце концов, так изменился, что сделался вождем сербского консерватизма и носителем национального идеала триединого народа¹⁷. Как сербская партия старорадикалы имеют солидные корни и в Воеводине¹⁸ (Срем, Бачка и Банат), где очень много

сербов. Бросив взгляд на прошлое этой партии, на ее национальный оттенок, мне кажется, можно сказать, что она представляет собой, собственно говоря, «сербских стариков», и именно в Сербии крестьянской, примитивной, где не было ни очень богатых, ни очень бедных людей, но где неугасимо тлелась искра национального сознания и веры в объединение со своими зарубежными братьями. Когда объединение состоялось, старорадикалы остались одиночками среди других политических партий. Представляя интересы сербских землевладельцев и владельцев сербских предприятий, они были слишком мелки для европейского масштаба, слишком консервативны и стары, чтобы приспособиться к новым идеям, охватившим общественную мысль. Вот почему старорадикалы оказались слишком малочисленными, чтобы смочь сыграть роль, руководящую в новом королевстве.

Приблизительно в таком же положении оказались и сербские самостальцы и напредняки, но зато спайка их с хорватскими и словенскими партиями оказалась много легче и естественнее. [...]

Как я упомянул выше, как радикалы, так и демократы поддерживают существующую ныне конституционно-демократическую монархию и, естественно, являются непримиримыми врагами коммунистов. Это чувство настолько определено, что мне лично пришлось слышать от одного политического деятеля – демократа – мнение, что коммунистический строй настолько противен идее государства, что они (демократы) смотрят на коммунистов просто как на шайку уголовных преступников, даже если бы коммунисты имели за собою большинство. Свое мнение он мотивировал тем, что если уголовное право карает убийство, воровство, насилие и пр., то совершенно логично, что следует карать и агитацию, как устную, так и в печати, идеи насилия, воровства и убийств. [...] Коммунистическая партия¹⁹ как в Сербии, так и в присоединенных областях выделилась из социал-демократической партии и официально представляет собою рабочий пролетариат, а в широком смысле – вообще трудящиеся массы. Будучи однородной по своей программе, эта партия крайне неоднородна по группам, которых она представляет, и, как будет видно ниже, пролетариата как такового за ней мало; не будь здесь разнообразных по духу, разнородных по культуре областей, не будь послевоенных экономических затруднений, о влиянии этой партии можно было, пожалуй, и не говорить. Разбирая роль коммунистов, необходимо начать с армии. Сразу по окончании войны коммунисты нашли много приверженцев среди бывших австрийских солдат, попавших в свое время в плен в Россию. Когда мне приходилось говорить с этими людьми, я часто слышал от них восторженные отзывы о революции в России и о том, как они мечтают, что такая же революция будет и здесь. Эти люди в большинстве привезли из России деньги, иногда очень большие; будучи осколками разгромлен-

ной австрийской армии, они в своей массе носили разложение, характерное для всякой армии, потерпевшей поражение, и питали глубокое отвращение к военной службе. Этот элемент был бы серьезно опасен, если бы оставался в войсках, но правительству весной этого года удалось наконец произвести демобилизацию, и весь этот элемент, рассосавшись по местам, имея деньги, по-видимому, быстро отошел от коммунизма.

В победоносной сербской армии почвы для коммунизма не было; однако страшная усталость после войны все-таки сказывалась на солдатах старого возраста и оставление их под ружьем вызывало недовольство, чем, конечно, коммунисты и воспользовались. Это тоже было устранено вышеупомянутой демобилизацией. Нынешняя армия набрана исключительно из молодых и вполне надежных, а чисто сербские части поражают как своей дисциплиной, так и внешним видом. Насколько я могу судить, в данную минуту вряд ли коммунистам удастся разложить армию королевства.

Далее надо отметить работу коммунистов среди фабричных рабочих. Правду говоря, я лично еще не видал здесь рабочего, который не был бы коммунистом. Все они с какой-то непонятной верой смотрят на Москву как на рабочий рай. Агитаторы коммунизма делают все, чтобы ни слова правды о Совдепии не проникало к рабочим. Это отсутствие знаний действительности в этой среде прямо поразительно. Слепо верят, что хлеб в Москве теперь стоит 3 руб. фунт, что дети всех рабочих учатся даром в отличных учебных заведениях, что все слухи о зверствах чрезвычайек есть сплошная ложь, и убеждены, что смертная казнь в России отменена, что Россия работает не покладая рук и что только английские, французские и прочие банкиры душат Россию совместно с русскими реакционерами. Насколько эта наивная вера здесь иногда бывает сильна, я приведу два факта, свидетелем которых мне пришлось быть лично: 1. Однажды в вагоне загородного трамвая ввиду перерыва тока мне пришлось остаться одному среди двух крестьян-сербов, одной сербки-крестьянки, кондуктора вагона и какого-то субъекта неопределенного вида в рабочем картузе, с шарфом на шее и в черной куртке. Среди разговора, который шел вообще о том, в каких странах какой порядок, кондуктор начал расхваливать Советскую Россию, приводя цифры дешевизны там жизни, справедливости и т.д., крестьяне протестовали, говоря, что коммунизм для России принес много зла, но под горячими доказательствами кондуктора сдали свои позиции, заявив, что из России вообще ничего плохого идти не может, даже если это коммунизм. В это время в разговор вмешался упомянутый субъект, оказавшийся русским рабочим из бывших военнопленных, побывавший в Москве, он страшно ругал большевиков и все советские порядки, доказывал, что он сам рабочий и сам потерпел от большевиков, ругал кондуктора, что он смущает бедных людей сплошной ложью

и т.д., и, несмотря на это, кондуктор ему, безусловно, не поверил, а крестьяне оставались в сомнении, кто из них прав. 2. Второй случай я наблюдал в кинематографе, где шла фильма*, изображающая парад Красной армии в Москве, зверства чрезвычайек и эпизоды из жизни Добрармии. Коммунисты согнали в театр своих приверженцев, желая сделать скандал. Характерно то, что в антракте, после того как на экране показывали раскопки сада Чрезвычайной комиссии и демонстрировали десятки изуродованных трупов, какой-то господин еврейского облика в огромных очках держал речь, в которой между прочим сказал, что «все это ложь, что трупы, которые вы видели, суть трупы убитых Врангелем²⁰ и специально сняты ради пропаганды контрреволюции». Начались неистовые крики: «Доле** контрреволюции», «Живели наши други руски радники***» и т.д. Конечно, аудитория была специфически подобрана, но нежелание этих людей верить даже своим глазам очень характерно. В рабочей среде других частей королевства коммунисты имеют также сильное влияние, и особенно в Словении. Однако надо иметь в виду то, что рабочий класс вообще здесь очень немногочислен, особенно в коренной Сербии. Сверх того, ясно видно то, что даже в этой среде влияние коммунистов прямо пропорционально агитации, идущей извне (из России и Австро-Германии), и зависит сильно от событий в России. Считать это влияние опасным для существования королевства, мне кажется, нет оснований.

Необходимо упомянуть еще о других слоях населения, где коммунисты или имеют своих приверженцев, или находят союзников. Как это ни странно, своих приверженцев они находят среди бедной интеллигенции (мелкие чиновники, служащие в разных частных учреждениях, и иногда даже среди офицеров). Этот «коммунизм», конечно, не активный и построен лишь отчасти на идеализации коммунизма при полном незнании его действительной сущности, а отчасти также просто благодаря тяготам жизни при мизерных окладах содержания. [...]

В крестьянской массе, за малыми исключениями, коммунисты никакой поддержки не находят, и даже те крестьяне, которые из симпатии к России считают, что большевизм в России хорош, к собственным своим коммунистам относятся отрицательно. Крестьяне здесь слишком крепкие собственники и слишком развиты политически, чтобы не знать определенно, чего они хотят. Вся эту страну, и особенно Старую Сербию²¹, можно назвать крестьянской страной. Здесь нет ни аристократии, ни класса богатой буржуазии, ни утонченной интеллигенции. Верхние слои населения Сербии – это те же крестьяне – с малоразвитыми вкусами, довольно грубые. В Хорватии и Словении, конечно,

* Так в тексте, языковая норма тех лет.

** Доле – долой (серб.).

*** Радники – рабочие (серб.).

верхние слои населения много культурнее, чем в Сербии, но пропасти между народом и ними (как это было у нас) нет. Вот почему во всем королевстве крестьянская масса в общем идет или за демократами, или за радикалами. Если же в ней наблюдается кой-какой интерес к коммунизму, то это происходит отнюдь не на почве классовой, а исключительно благодаря влиянию событий в России. Это влияние в различных частях королевства сказывается различным образом. В коренной Сербии крестьянское население, выросшее в национальном сознании и горячо любящее свою родину, совершенно естественно, хотя, может быть, смутно, в период европейской войны видело в наших большевиках предателей России и немецких шпионов. Поэтому все, что боролось в России против большевиков и немцев, понималось здешним крестьянством как «народная армия», и эта борьба вызывала симпатии и была понятна. Поэтому первые наши беженцы встречались населением как мученики, пострадавшие в борьбе с общим врагом. Население жалело их не только по простому чувству человечности, но и потому, что само на себе испытало, что значит быть изгнанным из родной страны. Несмотря на широкую агитацию большевиков, такое отношение, в общем, сохранилось среди сербских крестьян, только интенсивность этого чувства понизилась, т.к. как ни несчастны наши беженцы, в общем, по сравнению с примитивными сербами, они кажутся слишком утонченными и не способными к отсутствию комфорта, к которому сербы привыкли. Кроме того, история появления большевизма уже основательно забывается, а события в России летом этого года создали впечатление, что большевики уже не те, что они будто бы национальны и что русские беженцы как бы идут против своего народа. [...]

Белград, как столица, конечно, является центром политики, однако культурное влияние Загреба начинает сказываться все больше. Мне даже кажется, что вообще можно сказать, что политика, в широком смысле этого слова, все более начинает здесь делаться людьми и прессой новых земель и сама страна все более теряет специфический сербский облик и принимает совершенно новый характер.

Мы часто ошибаемся, даже в официальных документах считая эту страну Сербией, между тем как дух Старой Сербии все более вытесняется и заменяется новым духом Королевства СХС, отчасти напоминающим прежнюю Австрию и в этой своей части близко подходящим к Чехословакии.

Переходя к роли политических партий в деревне и в городах, необходимо еще раз подчеркнуть, что центр тяжести политической жизни страны лежал и лежит все время на борьбе между собою демократов и радикалов, причем ослабление этих двух партий во взаимной борьбе и происходящее в значительной степени от этого общее расстройство в стране усиливают и коммунистов, и другие мелкие партии, а равно вызывают к жизни кое-какие новые

группировки как беспартийных мусульман, [так] и земледельческую партию. Как я писал выше, в крестьянской среде главную роль играют демократы и радикалы. Обе эти партии, в сущности, и представляют сельское население страны. При нормальной парламентской жизни, казалось бы, эти две партии поочередно и должны были бы находиться у власти. Однако благодаря расстройству государства после войны, а главным образом благодаря отсутствию конституции страны²² и невероятно мелким интригам и розни между этими двумя партиями, получается то, что абсолютного большинства ни та, ни другая не имеют, и до сих пор у страны нет определенного политического курса. [...]

Причину этой розни и нетерпимости между радикалами и демократами, мне кажется, прежде всего надо искать в самой натуре народа. Партийность и невозможность видеть ближайших практических нужд из-за увлечения общими местами – это, по-видимому, недостаток, общий для всех славян. Достаточно, чтобы какое-нибудь дело, никакого отношения не имеющее к политике, начал делать радикал, как его немедленно критикуют и осмеивают демократы, и наоборот.

Второй причиной, осложняющей все, является отсутствие до сих пор постоянного государственного порядка. Страна до сих пор живет под временной конституцией, и Учредительное собрание, как в свое время и у нас, становится ясным, что еще не создано. Между тем нельзя «все вопросы откладывать до Учредительного собрания», жизнь идет, страна потрясена после войны, немедленно требуется наладить транспорт, торговлю, промышленность, отстроить города и т.д. Между тем обе правящие партии обессиливаются во взаимных спорах, большей частью по вопросам, которые не имеют никакого существенного значения и зачастую являются результатом просто личных раздоров. Из серьезных объектов споров между демократами и радикалами надо, прежде всего, сказать об избирательном законе для созыва Учредительного собрания. По этому вопросу происходили все министерские кризисы, которых было здесь так много. [...]

Капитан 2-го ранга

А релев

ГА РФ. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 89. Л. 131–150.
Подлинник. Машинопись.

Обращение российских общественных и политических деятелей, проживающих в Сербии, к председателю правительства Королевства СХС Николе Пашичу с просьбой принять и разместить покинувшие Россию части Русской армии

Не позднее июня 1921 г.*

Новый тяжкий удар постиг Россию. Перед остатками ее армии, выдержавшей немедленно после мировой войны всю тяжесть почти трехлетней борьбы с большевизмом, поставлена дилемма: ехать на неизвестное будущее в далекую и чуждую Бразилию или возвратиться под большевистское иго на смерть и издевательства. Этой дилеммы ни один любящий родину русский принять не может. Ее проведение в жизнь означало бы окончательное уничтожение и распыление тех сил, которые еще живы, хранят бодрость духа и веру в возрождение родины, живут традициями русского воинского долга и русской славы. Сохранение этих сил поэтому не только желательно, оно необходимо.

В среде русской эмиграции, как и везде, имеются политические разномыслия. Имеются они и среди нас, живущих в Сербии.

Но в этом вопросе мы единодушны: без различия политических оттенков представители всех крупных русских политических групп в Белграде с полной солидарностью решили обратиться в лице Вашего высокопревосходительства ко всему братскому сербскому народу.

В тяжелое для нашей родины время объединенный сербо-хорватословенский народ оказался добрым, неизменным и великодушным союзником и другом России. В трудную эпоху лечения ран, нанесенных войной, и строительства своей объединенной державы, требующих напряжения всех сил и средств, сербский народ проявил громадную отзывчивость к бедствиям нашего отечества и к нуждам десятков тысяч русских беженцев.

И в настоящий, безмерно тяжкий момент для России, мы обращаем свои взоры к тому же братскому народу. Мы верим, что он не допустит распыления и гибели той армии, которая в свое время самоотверженно боролась и за свое, и за сербское дело. Мы верим, что Королевство СХС найдет возможным дать на своей территории приют русским вооруженным силам, как бывшим добровольческим, так и казачьим, и поможет сохранить в организованном виде эти силы, находящиеся сейчас на Галлиполи, Чаталдже и Лемносе²³.

Мы не говорим ни о числах, ни о деталях. Мы можем сказать одно: мы уверены, что возрожденная Россия оценит все жертвы, приносимые для

* Датируется по содержанию: переброска уцелевших частей Русской армии из Константинополя в Сербию началась в июне 1921 г.

русского дела Королевством СХС, и сочтет первым долгом, долгом чести, возместить королевству все, что ему пришлось бы затратить для спасения Русской армии.

Эта армия, имеющая в своей среде ряд специалистов по разным отраслям знания, особенно техническим, на сербской территории может оказаться полезной и для страны, давшей ей приют. Для нас же эта многострадальная армия есть символ нашей столь же многострадальной родины и важнейший залог будущего возрождения России.

Россию и Сербию уже скрепили неразрывные узы братства. Пусть же эти узы будут еще теснее. Пусть будущая возрожденная Русская армия внесет в свою историю память о том времени, когда она нашла в Сербии приют и братское гостеприимство.

С этой просьбой от лица объединившихся в этом деле русских политических организаций в Сербии мы обращаемся к Вам, г-н председатель Совета министров, к Вам, неизменному другу России, и верим, что Вы сделаете все возможное для поставленной на край гибели Русской армии.

Две приписки в конце документа: «*бра ение од исано редставителя и вне артийного об единения об ественн олитически деятелей (ро . М. . убинский²⁴), [б ест]ва наѡионал-де ократов (ро . ѡ. ѡудченко²⁵), артии народной свобод (ро . А.В. Маклеѡов²⁶), у еренно- рав (В.ѡ Ветчинин²⁷) и рав (.В. Скар инский²⁸)».*

«*редставители Дона, Кубани и ѡерека в особой за иске рисоединилис,, к одатайству назв[анн] организаѡий с указание на особ е ну д казачества».*

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 1560. Л. 1–2.

Обращение – копия, машинопись; приписка – рукопись.

36–40

Из писем сербского ученого, филолога-русиста и общественно-политического деятеля Милоша Московлевича²⁹ в Прагу одному из лидеров партии эсеров, «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской³⁰, о сотрудничестве в ряде общеславянских изданий

10 июля 1921 г. – 30 апреля 1926 г.

36

10 июля 1921 г.

г. Белград

Многоуважаемая и дорогая Бабушка.

Только что получил Ваше письмо от 10 июня с.г., которое застряло в 3-й гимназии, преподавателем которой больше не состою, так как с ноября прошл[ого] года я являюсь членом Учредительного собрания.

Будучи занят сначала предвыборной борьбой, а потом работой в Конституанте* и редактированием органа своей партии, я, к сожалению, не успевал сотрудничать в «Воле России». Но я регулярно и охотно читаю ее, иногда перевожу подходящие статьи из нее и не думаю перестать быть ее сотрудником.

Писал бы Вам и раньше, но не знал, где Вы находитесь. В чешском посольстве мне сказали, что Вы живете в Ужгороде, но потом прочел в газете, что Вы читали какую-то лекцию в Париже. Видно, что годы и пространства Вам не мешают всегда и везде показать свою юношескую самоотверженность и трудолюбие.

С большой радостью и глубоким сочувствием я прочел Ваше воззвание к славянам об образовании издательства общеславянского журнала. И кому бы [не] начать это великое дело, если не Вам, проповедывающей всю жизнь свою любовь и солидарность между славянскими братьями!

Журнал этот должен быть зеркалом, в котором будут отражаться жизнь и стремление всех славянских народов. Потребность в нем ощущалась и раньше, но только после войны, после тяжелых испытаний и горьких уроков славяне убедились, что только познакомившись сначала друг с другом, они будут в состоянии образовать дружную и сильную семью, которая сможет осуществить задачи, предназначенные им историей человеческого прогресса.

Но все-таки я боюсь, что, может быть, момент для издания такого журнала неудобен, ибо сейчас все славянские народы находятся в фазисе внутреннего переустройства и обновления после войны, все они слишком заняты своими

* Конституанта – Учредительное собрание (серб.).

делами, вылечиваньем* ран, исканием новых путей. Это, по крайней мере, можно сказать про югославянский народ, в частности про сербов. Во-первых, у нас и до войны не хватало интеллигентных сил, теперь же их еще меньше, так что одни и те же люди должны принимать на себя массу обязанностей, что, конечно, вредно отзывается на деле. Во-вторых, в теперешних тяжелых экономических условиях и наши журналы, и газеты с трудом находят читателей, большинство которых читает, кроме того, французские, английские или немецкие издания – следствие пребывания до войны или после нее в соответствующих странах.

Со своей стороны я сделаю все, что могу: насколько мне дела позволят, буду сотрудничать в здешних журналах и газетах, буду помещать сочувственные отзывы, а между своими друзьями и знакомыми буду распространять журнал. Ваше воззвание переведу и пошлю во все редакции.

С сердечным приветом остаюсь преданный Вам

М.С. Московлевич

37

8 января 1923 г.
г. Белград

Многоуважаемая и дорогая Бабушка.

Как давно я Вас не видал, а как хочется повидаться с Вами и поговорить о горе не только России, но и всего славянства. Ну, Вы не забываете своих друзей, Вы с младенческой энергией и любовью зорко следите за развитием всех славянских народов. Ваши преклонные года не мешают Вам не только интересоваться судьбами своих славянских братьев, но и неутомленно работать пером и речью на междусобором познакомленью**, сближению и сотрудничеству всех славян.

Благодарю Вас за оказанное внимание ко мне, приглашая меня сотрудничать в газете «Дни»³¹ или найти подходящих корреспондентов. Посланных номеров «Дней» я не получил, но я иногда читаю газ[ету] «Дни» и слежу за симпатиями людей, издающих ее, зная их дела еще из раньше. До тех пор, пока не возникнет настоящая чисто крестьянская партия в России, правые эсеры мне ближе всех других. Я поищу хорошего корреспондента для «Дней», а и сам

* Подчеркнуто автором письма.

** Московлевич, хорошо владея литературным русским языком, тем не менее иногда в переписке допускает ошибки или неточности, или использует сербизмы в написании отдельных слов или фраз. В данном предложении следует читать: «неутомимо работать пером и словом для взаимного ознакомления...».

охотно принял бы на себя эту приятную обязанность познакомиться через «Дни» русских о своей родине, но боюсь, что мне другие дела не позволят посылать постоянные корреспонденции. Без сомнения, Вам известно, что у нас скоро будут парламентские выборы, поэтому в последнее время я очень занят и постоянно нахожусь на дороге. Вот почему и Вам раньше не успел ответить. Благодаря рождественским праздникам, я могу отдохнуть 2–3 дня и это время использую для приведения в порядок своей корреспонденции и других дел, раньше чем уеду на продолжительное время в свой избирательный округ.

Если до отъезда успею, напишу для «Дней» корреспонденцию о политической ситуации в Югославии и поищу корреспондента лучше меня.

Старая Европа умирает, это видно, и на место западных народов на сцене появляются славяне, которые дадут миру новое, демократическое общество. Все славянские государства переживают дни перерождения и приготовления для этой великой роли. Я Вам, дорогая Бабушка, желаю долгие лета, чтобы дожить [до] осуществления хоть одной части своих стремлений.

Всегда преданный Вам

М.С. Московлевич

38

24 августа 1924 г.
г. Варна

133

Многоуважаемая и дорогая Бабушка!

Надеюсь, что мое очень опоздалое письмо застанет Вас (если это не русское слово, оно значит «найдет») здоровой и бодрого духа, на пользу русского народа и радость всех нас, уважающих и любящих Вас.

Давно уже я должен был ответить на Ваше дорогое письмо и несколько раз собирался сделать это, но всевозможные дела и частые поездки не позволили мне ответить Вам обширным письмом, коротким же не хотелось. Сейчас я нахожусь с семьей в своей родной деревне, Варне, у своей матери (отец умер прошлого года) и братьев, чтобы некоторое время отдохнуть, раньше чем начнутся парламентские занятия.

Земля наша сейчас переживает тяжелый кризис, очень похожий на кризис России времени Временного правительства. Недавно ушло с власти реакционное правительство Пашича (который в молодость свою был под влиянием Чернышевского, Бакунина и Плеханова). Новое коалиционное правительство демократа Давидовича³² всецело зависит от Хорватской крестьянской республиканской партии Радича³³, которую диктаторски правит маньяк и алкоголик Радич,

человек неуравновешенного ума, безграничной амбиции и страшный демагог. Точно в то время, когда его партия дает согласие помогать, новое правительство «национального согласия», т.е. Радич, вводит в Москве свою «человеколюбивую и миротворную» партию в большевицкий Крестьянский интернационал³⁴, дает руку македонским бандитам, убившим Стамболийского³⁵ и готовившимся разрушить Югославию, и проповедь дикую ненависть против всего сербского! Неизвестно поэтому, что нам принесет завтрашний день.

Я удивляюсь Вашей бодрости и неутомимости в работе на межд[о]усобном познании славян. Содержание очерка о жизни сербского крестьянства мне очень нравится, и я бы с большим удовольствием и воодушевлением сам написал его, но, к сожалению, это сейчас невозможно. Переживаемый государственный кризис и партийная работа поглощают все мое внимание и время, так что мне для писания остается мало времени. Но я все-таки не забываю русских: сейчас я принимаю шаги для урегулирования русского беженского вопроса в Югославии. По возвращению в Белград я постараюсь найти кого-нибудь, который бы мог написать ряд статей по Вашему желанию. Может быть, это будет мой тесть, д-р Симо Троянович³⁶, известный наш этнограф.

Теперь у меня одна просьба для Вас. Отдыхая в деревне от политической усталости, я занят редактированием календаря «Село». Это не обыкновенный календарь, а альманах, целая энциклопедия; он должен пополнить недостаток полезных книг для крестьянства. Было бы очень желательным, если бы и Вы написали одну статью для отдела «Крестьянская культура». В этой статье Вы выльете свою любовь ко всем славянам и веру, что общий мир и человеческую культуру может осуществить только просвещенное всеславянское крестьянство. Если у Вас будет времени, прошу Вас послать мне статью самое дальше до конца сентября.

Посылая Вам сербский «поздрав»*, прошу Вас верить в мою неизменную преданность.

Ваш Милош С. Московлевич

39

8 января 1925 г.
г. Белград

Многоуважаемая и дорогая Бабушка!

Давно мы с Вами не разговаривали. Политическая деятельность, в которую я погрузился по горло, оставляет мне слишком мало времени для пере-

* Поздрав – привет, приветствие (серб.).

писки с добрыми друзьями. Я даже не помню, ответил ли я на Ваше последнее письмо, посланное мне вместе с статьей для календаря.

Календарь уже давно готов, но только сегодня посылаю Вам Ваш экземпляр. Я теперь больше нахожусь в провинции, чем в Белграде, потому что у нас сейчас идет предвыборная борьба. Вопреки конституции и парламентаризму, радикалы (собственно реакционеры) добились изборного мандата и стараются во что бы то ни стало получить большинство, иначе грозятся диктатурой. «Большевицкая опасность» их главный и почти единственный козырь, который они употребляют не только против Радича, но и против всей оппозиции.

Но их усилия будут напрасны. Радикалы переживают с своим вождем Пашичем последние дни. Они гризутся^{*} между собой и выступают почти везде расколотыми. То же наблюдается еще в большей мере у демократов, а также и у всех других партий. Союз земледельцев единственно появляется везде компактно, так что мы ожидаем, что 7 марта войдет в Скупщину вдвое больше депутатов С[оюза] з[емледельцев].

Мы тепер[ь] являемся главными противниками радикалов и в недалеком будущем займем их место.

Из календаря вы увидите, какая наша программа и организация и какие наши успехи. Я Вам буду очень благодарен, если найдете времени сообщить мне Ваше мнение о календаре.

Прошу Вас верить в мое искреннее уважение и принять мой сербский «поздрав».

Ваш Милош Ст. Московлевич

40

30 апреля 1926 г.
г. Белград

Глубокоуважаемая и дорогая Бабушка,

Прошло почти четыре месяца с тех пор как я получил Ваше милое письмо, которым Вы засвидетельствовали свою великую любовь к сербам. Ваше послание – статья – нашла глубокий отзыв в сердцах всех, кто прочел ее в столбцах газеты «Время» (не суворинское). Вам, наверное, послали тот номер газеты. Занят[ый] делами, я все-таки старался поместить где-нибудь эту Вашу статью, и когда это удалось, я был доволен и раньше не хотел Вам отвечать, а когда это было готово и я хотел писать Вам, дела в парламенте и в народе не позволили мне до сегодняшнего дня. Надеюсь, что Вы за это простите меня.

^{*} Грижење – грызня (серб.).

Пол[ь]зуюсь праздничным отдыхом и политической тишью, я спешу ответить Вам, пока есть время, так как завтра уже уезжаю в народ. [...]

А теперь, дорогая Бабушка, посылаю Вам мои лучшие пожелания к праздникам. Даст Бог, чтобы Вы праздновали Пасху еще много лет в своей освобожденной и счастливой родине.

Всегда преданный Вам

Милош Ст. Московлевич

ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 501. Л. 1–2 об., 4–4 об., 6–8, 11.
Автографы.

41

Из воспоминаний агронома-селекционера Института агрономических исследований в г. Нови Саде С.А. Кисловского³⁷ – о Белграде и годах учебы в Белградском университете

1921–1925 гг.

Студенческие годы

О Белграде того времени необходимо написать несколько слов: в двадцатых годах в городе жило около 200 тыс. человек. Состоял он преимущественно из одноэтажных домов. Многоэтажных было очень мало, их можно было перечесть по пальцам: дворец³⁸, «Москва»³⁹, «Лондон»⁴⁰, театр⁴¹ и др. Улицы, за исключением главной, которая была вымощена торцами, были покрыты булыжником – так называемой «турской калдрмой»*. В то время по улицам уже ходили трамваи, но линий было мало: главная линия – круговая – шла от Славии⁴² к вокзалу, оттуда к Калемегдану⁴³, на Дорчол, к памятнику Вуку⁴⁴, затем по Александровской и Белградской улице к Славии. Кроме этой, круговой, были еще линии к Топчидеру, к Вождовцу⁴⁵ и от Славии – через центр города к Калемегдану.

Собственно строгий центр Белграда располагался на сравнительно малом пространстве – от Славии до Калемегдана. Посередине находилась площадь Теразия⁴⁶ с большим «писсуаром»⁴⁷. От центра в разные стороны тянулись грязные, типичные ориентальные улицы – кварталы, носившие старые названия: Скадарлия, Палилула, Дорчол, Губеревац, Савский Венац, Душановац и т.д.

Эти кварталы состояли из маленьких, облупленных серых домиков с грязными дворами, загроможденными сарайчиками, уборными. Канализации не

* Турска калдрма – буквально: турецкий булыжник; булыжная мостовая (серб.).

было – помои выливали прямо на мостовую. Клозеты находились вне домов, во дворах. По ночам ездил ассенизационный обоз, распространяя во все стороны ужасное зловоние. Проф. Вагнер, который нам преподавал экономию, впоследствии с удовольствием вспоминал свою первую работу в Белграде, когда он на рассвете ездил на ассенизационной бочке и, сидя на козлах, с аппетитом ел только что выпеченный хрустящий хлеб.

Интересна была Балканская улица, она и сейчас идет от вокзала к «Москве»: на ней находилось несколько десятков маленьких лавочек-сарайчиков ремесленников, старьевщиков, антикваров. Такой же улицей была и улица Короля Александра. На ней тоже находились сотни маленьких лавчонок, где жидаы, македонцы продавали старые поношенные вещи и другую рухлядь. На Александровской улице находились и многочисленные трактиры-кафаны, народные кухни. Кроме того, на этой улице десятки лет строился парламент – Скупщина. Позади, немного в сторону, располагалось старое кладбище, где русские построили свою церковь, а дальше была каменоломня – Ташмайдан. От «дома чудес»⁴⁸ до Джерама⁴⁹ и дальше до Цветкове механе⁵⁰ находилось много пустырей, кое-где с отдельными домиками, как трактир «Липов лад», или будущий Студенческий дом. Трамвайной линии на Александровской улице в то время не было, а была невылазная грязь, которая осенью медленно с смедеревской⁵¹ стороны ползла в Белград. [...]

* * *

На территории трех городов: Белграда, Земуна и Панчева⁵² – на этом треугольнике осело около 30 тыс. русских беженцев – половина русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Немудрено, что в этих городах на каждом шагу можно было встретить представителей одесской (самой богатой), новороссийской и крымской эвакуаций. По улицам важно прогуливались бравые генералы: Экк⁵³, Барбович, Баратов, Шатилов, Казанович⁵⁴ и др. Щеголяли в полной форме при погонах многочисленные офицеры, и суетливо торопились облезлые, полинявшие русские дамочки.

В период от 1921 до 1925 г. (пока я учился в университете) Белград был на 90% русский город. В нем было с десяток русских ресторанов: «Русская семья», «Русский уголок», «Аквариум» и т.д. Много русских столовок: «Миши-благодетеля», Сенютовича, столовки около Русского посольства. Кроме того, на каждом шагу находились русские обжорки-кабачки («Миши-патлиджана» – бывшего мичмана, кабачок «Кубанский казак» и т.д.). В этих обжорках можно было, забежав и стоя у прилавка, на быстроту выпить 2–3 рюмки водки, закутить куском селедки, котлеткой или пирожком, которые каждый день поставляли русские дамы. Рюмка водки, кусочек селедки и пирожок – все это стоило 3 динара.

В русских больших ресторанах по вечерам играли балалаечные оркестры и пели русские певцы и певицы: Янчевецкая⁵⁵ («Занесло тебя снегом, Россия»⁵⁶), Морфесси⁵⁷ и др. В то же время на периферии, вне центра, в сербских трактирах-кафанах завывали шумадийские⁵⁸ песни: «Сунце жарко», «Ой Мораво, Мораво» или босанские севдалинки⁵⁹. После девяти часов вечера на улицах нельзя было никого встретить, кроме русских.

На старом кладбище была построена русская церковь – в ней впоследствии похоронили барона Врангеля.

Русские дети в Белграде учились в русской гимназии Плетнева⁶⁰, в других городах – в Белой Церкви и в Горажде – были русские военные кадетские корпуса-училища⁶¹, а в Новом Бечее и еще где-то – институты для благородных девиц⁶².

В университете на разных факультетах преподавали русские профессора (на агрономическом факультете из 35 предметов 32 преподавали русские).

Университет был переполнен русскими студентами. На первом курсе агрономического факультета в 1921 г. было 130 русских и только 17 сербских студентов. Для русских учащихся существовало несколько студенческих общежитий. Первый студенческий дом находился на Делиградской улице, около Звездары⁶³. Это были дрянные деревянные бараки, оставшиеся еще от австрийской оккупации. Этот студенческий дом вскоре был переселен в помещение старой типографии, она была рядом со строящейся Народной скупщиной. Через год и этот студенческий дом переселили на улицу Короля Александра, 256, возле ресторана «Липов лад». Кроме этого общежития был еще один студенческий дом на Сеняке. В этом доме владела монархическая, генеральская атмосфера.

В Белграде существовали две большие русские библиотеки. Одна – в Русском доме⁶⁴, а другая – в Земгоре⁶⁵. Библиотека в Русском доме располагала очень редкими и ценными книгами.

На поправке торцовой мостовой и на других мостовых, на постройке многочисленных новых домов, на починке дворца и других зданий, как муравьи, работали многочисленные русские. На улицах русские газетчики продавали газеты. Большинство газетных и табачных киосков принадлежало русским.

Опера шла на русском языке. Главные роли исполняли русские певцы: Лиза Попова⁶⁶, Роговская⁶⁷, Каракаш⁶⁸, Зиновьев⁶⁹, Юренев⁷⁰, Холодков, Марьяшеч и др. Балет был исключительно с русскими примадоннами. В Дrame – Драматическом театре – главным режиссером был Ракитин и играло много русских актеров. В Белград несколько раз приезжал на гастроли Московский художественный театр. Конечно, спектакли шли на русском языке. В Белграде жило много русских художников, скульпторов, архитекторов: художник Колесников⁷¹, брачная пара Браиловские⁷², скульптор Загороднюк⁷³ и др.

В городе большой популярностью пользовались русские врачи: Игнатъевская⁷⁴, Терebinский⁷⁵, Воронежский⁷⁶, Вербицкий⁷⁷, Бенцелевич⁷⁸ и др. В больницах половина персонала была русская.

Одним словом, в период 1921–1925 гг. – пока я учился – Белград был почти русский город. Живя в русском студенческом общежитии, слушая лекции, которые читали русские профессора, обедая в русских ресторанах, пользуясь русской библиотекой, наслаждаясь оперой на русском языке, ужиная в ресторанах под звуки балалаек и русских песен, невольно забывал, что нахожусь вдали от родины. Сербский элемент редко попадался на глаза, он только нарушал русскую атмосферу. [...]

* * *

Еще на кораблях, увозящих остатки побежденной армии Юга России после Крымской катастрофы, среди эмигрантов наметилось расхождение во взглядах на будущее. Установились как бы две, вернее, три группы. Первая – самая большая – крикливая, надменная, командующая, не желающая упустить власть из своих рук – генерало-офицерская. Эта группа желала и надеялась сохранить армию и продолжать борьбу с большевиками.

Вторую группу, тоже многочисленную, составляли усталые, забитые, инертные, потерявшие все надежды беженцы, которые готовы были тянуть лямку под все равно каким командованием.

Третья же группа – озлобленных, сравнительно малочисленных – состояла из молодых людей, окончательно, решительно отказавшихся повиноваться генерало-офицерской клике, не хотевшая больше принимать участия в генеральских авантюрах, а желавшая самостоятельно распоряжаться своей жизнью и, если возможно, продолжить учение, образование.

Впоследствии такие расхождения во взглядах на будущее ясно обозначились в так называемых русских колониях – в провинциальных югославских городах, в которых жили русские эмигранты. Управление русскими колониями находилось в руках генерало-офицерской группы, которая не хотела отказываться от командования. Обыкновенно председателем, секретарем, казначеем состоял кто-нибудь из офицеров. Правление колонии выдавало беженцам разные удостоверения и направляло характеристики о них «среским начальникам» (начальникам округов).

Правлению очень не нравилась и мешала группа «непослушных» беженцев, которая желала учиться или устраивать жизнь по своему усмотрению. Конечно, эту группу молодых правление трактовало чуть ли не большевиками и в своих донесениях так их и характеризовало югославским властям.

Эти расхождения были заметны и среди русских студентов в Белграде. Столица королевства была переполнена бездеятельными русскими офицерами,

ожидавшими возобновления борьбы с большевиками. Чтобы не терять времени и воспользоваться студенческим пособием, многие из них записывались студентами. Помимо них университет пополняли и кадеты, окончившие кадетские корпуса уже в Югославии. Этим военным студентам очень покровительствовала и на каждом шагу облегчала им жизнь монархическо-генеральская верхушка белградской эмиграции.

Между этими кадетско-офицерскими и «непослушными» студентами в Белграде существовала взаимная неприязнь, которая, собственно говоря, выражалась в игнорировании друг друга и писании доносов, ложных обвинений первой группы на другую.

Среди студентов «непослушных» выделялся Анатолий Шнэ. Родился он в Тифлисе и там уже начал учиться в университете. Это был подвижный, талантливый, любознательный молодой человек. Любил вращаться в обществе, участвовал в прениях на студенческих сходках. Он же и был одним из организаторов Студенческого артистического русского театрального общества – САРТО⁷⁹ в 1922 г. Анатолия особенно невзлюбила кадетско-офицерская группа, которая чуть ли не каждый месяц ложными доносами на него беспокоила Тарасевича, выдававшего в то время разрешения на проживание русских в Белграде, так называемые «дозволы». Результатом этих доносов в конце концов явилось то, что студент Анатолий Шнэ был вынужден покинуть Югославию. Впоследствии он окончил университет в Чехии, в Праге.

Вспоминаются еще два случая, два эпизода из жизни русских студентов в Белграде в 1921–1925 гг.

В русском студенческом общежитии на Сеняке – общежитии студентов кадетско-офицерской группы – произошло знаменательное событие: монархо-офицерские покровители заведующим общежитием назначили какого-то ревностного офицера. Этот заведующий общежитием, стараясь поддерживать воинский дух, ввел строгую дисциплину. Студенты довольно долго подчинялись такому режиму, но насмешки над ними группы «непослушных» в конце концов заставили проживающих в этом общежитии принять некоторые меры. Как-то ночью, подкараулив в темном углу своего заведующего, студенты набросили на него одеяло и избili. Избили так, что тот был отправлен в больницу. Виновников не нашли.

Второй эпизод. В 1924 г. в студенческой столовой, финансируемой Державной комиссией, был установлен дефицит – растрата в сумме 60 тыс. динаров (в то время это были большие деньги!). Заведовал этой столовой ставленник монархо-офицерских кругов. По поводу этой растраты была созвана студенческая сходка, на которой присутствовало около 200 студентов. Собрание происходило в доме на углу улиц Неманиной⁸⁰ и Князя Милоша⁸¹. В разгар речей и споров внук Льва Толстого Володя Толстой⁸², здоровый, с огненно-рыжей

бородой и с сучковатой, толстой палкой в руках, обратился к стоявшему рядом с ним студенту: «Коллега, надо предпринять то-то и то-то!» Тем стоявшим оказался некто Васильев, кажется, женатый на дочери сербского генерала. Этот жоржик* ответил Толстому: «Я вам никакой не коллега, а господин поручик!» Володя воскликнул: «Ах, так!» И хватил «жоржика» сучковатой палкой. Началась общая свалка. Такое побоище можно было видеть лишь в американских фильмах. [...]

* * *

В студенческом общежитии на Делиградской в каждом бараке было около 60 кроватей. Стояли они вдоль стен, а посередине находились две большие чугунные печи. Вечерами, вернувшись с работы – работал я на булыжной мостовой, – я блаженствовал в тепле, растянувшись на удобной, чистой кровати. Между тем подошла зима. Холод. Мороз. Уголь и дрова давно были истрачены, в бараках было холодно. Что делать? Где достать, раздобыть топливо? Одной дождливой ночью была сделана вылазка из барakov. Расставив сторожевые посты, остальные с пилами, с топорами срубили, свалили несколько деревьев на Делиградской улице. Добычу перенесли в дом. Акция была моментальная, на две-три недели мы были обеспечены топливом.

В начале весны этот студенческий дом был переселен в здание старой типографии. Она находилась в начале улицы Короля Александра, рядом с Народной скупщиной (парламентом). Поселили нас в больших комнатах. В той комнате, куда я попал, находилось 29 человек. Из окон нашей комнаты, через улицу, был виден вход в ресторан-столовку «Миши-благодетеля». Хозяин столовки был симпатичный старичок, бывший чиновник Русского посольства в Абиссинии. Когда наступали тяжелые дни и денег не было, отправлялись в эту столовку. У «Миши-благодетеля» тарелка жирного борща стоила 2 динара, тарелка гречневой каши 1 динар. Хлеб был бесплатный. Ешь... пока не набьешь желудок.

Вскоре для продолжения субсидии («размена») начались письменные коллоквиумы – экзамены. Сдавали экзамены из пяти предметов. Так как я не посещал лекций и ничего не учил, то я все эти предметы списал и получил удовлетворительные отметки. Субсидия автоматически была продолжена еще на один год.

Еще один год, а дальше будет видно. В первый год, на первом курсе, я редко присутствовал на лекциях. Один раз пошел послушать старика Андоновича⁸³. Андонович преподавал геодезию. Он принадлежал к той плеяде молодых студентов, которых Сербское правительство в восьмидесятых годах прошлого (XIX) века послало за границу для приобретения знаний, которые они должны

* Жоржик – пижон, франт, модник, неженка, сын богатых родителей.

были применить по возвращении в Сербию. За границу были посланы студенты разных профилей: Сима Лозанич⁸⁴, Андонович, Жуйович⁸⁵, Джорджевич⁸⁶ и др. По возвращении Андонович написал учебник геодезии. Эта книга имела 4 тыс. страниц. Андонович за каждую страницу получал от правительства гонорар по 10 пар⁸⁷. Рецепт того, как надо готовить клей для геодезических карт, в этой книге посвящено 35 страниц. Старик был типичный серб, с народным сочным жаргоном.

На этой лекции Андонович вызвал к доске Женю [Гибшмана]⁸⁸ и попросил его решить какую-то задачу. Женя что-то перепутал, тогда маститый профессор начал его ругать отборными сербскими ругательствами, упоминая солнце, бога и разные части человеческого тела. Я был поражен. Невероятно. Если бы этот выживший из ума старик посмел так ругать меня, то я бы не остался в долгу перед ним. Чтобы избежать подобного такого случая, я никогда больше не присутствовал на его лекциях. [...]

* * *

По возвращении с практики, в конце лета, в наше общежитие прибежал Вовочка Лиозин⁸⁹ и предложил мне и еще нескольким студентам работать у русских архитекторов, художников, скульпторов, которые заключили договор с правительством, чтобы в течение 14 дней украсить улицы города и собор для предстоящего венчания короля Александра с румынской принцессой Марией. Работа была спешная и очень хорошо оплачивалась. Начали работать, рабочий день иногда был и больше 14 часов. Я выделывал из папье-маше громадные щиты с сербскими гербами. Эти щиты потом размещали по улицам. Другие работали на декорации собора. В соборе перед входом в алтарь была воздвигнута палатка-балдахин, поддерживавшаяся двумя винтообразными колоннами. Колонны имитировали слоновую кость, а по углублению винта шла полоска из золотых роз. Эти колонны были настоящими произведениями искусства. За два-три дня до свадьбы, когда все уже было готово, в собор приехала принцесса Елена⁹⁰, сестра короля Александра. Войдя в церковь, она подошла к алтарю, к колоннам и... приказала все это убрать. Колонны ей напомнили виселицу – плохое предзнаменование. Приказание пришлось исполнить. На быструю руку переменили декорацию. Эти колонны впоследствии можно было видеть в оперном театре, когда шла опера «Аида». [...]

* * *

Подошла осень, уже вторая осень, как я жил в Белграде. Слякоть, грязь, холодно, падает мелкий дождь, а я ковыряю булыжник у полицейского управления – у «Главнячи»⁹¹, находившейся позади студенческого парка. Холодно, сыро – такое же серое и настроение. Я в зеленой английской шинели и в тя-

желых английских «танках». Около 10 часов утра неожиданно ко мне подошел хорошо одетый господин, в черном длинном пальто, в мягкой фетровой шляпе. Был он высокий, с маленькой бородкой, около 60 лет. Поздоровавшись, он начал разговаривать со мной. Из этого разговора сначала я ничего не понял, понял, что надо что-то рисовать (цртати). Я ответил ему, что не умею рисовать. В конце концов выяснилось, что рисовать-то будет он, ему нужна модель – натурщик. Если я соглашусь ему позировать, он за 4 часа будет мне платить 40 динаров. Работа же будет продолжаться около трех месяцев.

Это же удача! 40 динаров, а не 24, как я получал на мостовой. И 4 часа, а не 8. Я выразил свое согласие и спросил:

– Когда надо прийти к Вам?

– Завтра.

Вечером, заняв у коллег 10 динаров, отправился в баню, там хорошо вымылся – приготовился к позированию. Этот симпатичный господин был известный художник Глишич⁹² (академски сликар*). [...]

Три месяца я ему позировал. Картина изображала четырех солдат, плывущих на самодельном плоту. Это все, что осталось от военного транспорта, потопленного, взорванного подводной лодкой. Трое солдат в разных позах лежат без сознания, а четвертый, встав на одно колено, машет рубашкой, призывая на помощь. Все эти голые фигуры я по очереди изображал.

Приходил на работу к 8 часам утра, получал несколько раз на дню черный кофе, курил египетские папиросы хозяина, нагишом блаженствовал на кауче [тахте]. [...]

* * *

Живя в студенческом общежитии, окруженный студентами-агрономами, целыми днями слушая агрономические разговоры, посещая лекции и практические занятия, я постепенно начал втягиваться в мир агрономических интересов.

Прошла зима, и приближалась весна. Приблизились весенние коллоквиумы – экзамены. Эти коллоквиумы были только проверкой тех, кто учится, – для продления стипендии. Это уже были не письменные, а устные экзамены из основных агропредметов у русских профессоров, а у них без знания предмета невозможно было получить удовлетворительную отметку.

Подошел день коллоквиума по анатомии и физиологии домашних животных. Этот предмет преподавал Иван Павлович Марков⁹³. Грубый мужик с сербско-волжским диалектом – страх и трепет агрономического факультета. Придя на факультет, который находился на Добрачиной улице, войдя в здание, мы слышали звук пилы и удары молотка. Это Марков с ассистентом пилили

* Академски сликар – художник с высшим образованием (серб.).

и разбивали кости скелетов животных, чтобы мы по кусочку кости определяли, какая это кость и ее латинское название.

Нас, русских студентов, было около сотни, а сербов всего 17 человек.

Анатолий Шнэ еще в России учился на агрон[омическом] факультете и там сдал экзамен из анатомии и физиологии домашних животных. Зная это, мы недели за две до коллоквиума попросили его нам в аудитории, где стояли скелеты лошадей, коров, собак и других животных, прочесть лекции и научить нас латинским названиям разных костей и частей тела.

Анатолий охотно нам несколько дней преподавал, учил нас. Один раз во время таких студий дверь открылась, и в аудиторию заглянул доктор Марков. Внимательно посмотрел на Шнэ, тихонько закрыл дверь и удалился.

Через несколько дней начались коллоквиумы. Около 9 часов утра дверь кабинета Маркова открылась, вышел служитель Глущенко и сказал: «Господин Шнэ, пожалуйста на экзамен».

Прошло полчаса, прошел час, еще час, а Анатолия нет и нет. Наконец дверь отворилась, и появился красный, как вареный рак, Шнэ.

– Что такое? Что случилось?

– Провалился!

Тишина, изумление, а потом бурная реакция: около 80 русских студентов, ранее желавших сдавать коллоквиум по анатомии, спешно повернулись и побежали на Студеничку улицу в деканат, чтобы там переписаться, перейти с агрономического на лесной факультет. Там не было предмета «анатомия и физиология домашних животных», и там не преподавал Иван Павлович Марков.

Я же храбро остался, когда подошла моя очередь отвечать – хорошо отвечал и получил высокую отметку – девятку при десятибалльной системе. [...]

Экзамены

Все лето от утра до вечера мы серьезно готовились к осенним экзаменам. Это были уже не коллоквиумы для продолжения стипендии, а экзамены, которые шли в диплом. В этот осенний срок мы подали заявку на десять предметов. В эти десять входили такие основные науки, как ботаника, педология, энтомология, анатомия, физиология и обе химии.

В октябре на Студеничкой улице, в деканате, начались экзамены. Первый экзамен был ботаника. Ботанику преподавал декан Пера Джорджевич – по специальности лесник, а не агроном. Пера – солидный, важный, вежливый, не похожий на аборигенов, он скорее был настоящим европейцем. В 8 часов начались экзамены. Первые экзамены. Выходил служитель и называл фамилию. Студента в кабинете ожидала комиссия. За большим столом сидели Александр Стебут⁹⁴, Пера Джорджевич и Тимофей Локоть⁹⁵. С другой стороны стоял стул, на который садился сдававший экзамен.

Около 10 часов утра подошла моя очередь изложить мои познания. Мы, русские студенты, были во много раз в лучшем положении, чем студенты-сербы. Мы, готовясь к экзаменам, пользовались, помимо скриптов^{*}, и многочисленными русскими специальными книгами. Все мы прекрасно были подготовлены к предстоящим экзаменам. Ботанику, анатомию, физиологию, энтомологию отлично знали, знали и агросистематику, но очень боялись, что Пера как лесник будет нас спрашивать и лесничью систематику. Она же состояла из десятка тысяч латинских названий. Некоторые студенты, а в том числе и я, решили не учить лесной систематики.

Пера начал задавать мне вопросы – первый из морфологии, я ответил и чувствовал, что отвечаю хорошо. Второй вопрос – ответ правильный. Третий вопрос о размножении мхов – ответ отличный. Маленькая пауза, тогда Джорджевич спросил меня, что такое сейсмонастия^{**}, – я ему объяснил.

– Можете привести пример?

– Стыдливая мимоза – *Mimosa pudica*.

Джорджевич встал и с одобрением сказал: «Отлично». В моей голове молниеносно мелькнула мысль – вот случай избежать вопросов из систематики. Джорджевич сказал «отлично», как бы заканчивая экзамен. Я быстро поднялся, поклонился и направился к двери. Видел, как Пера протянул руку, чтобы меня остановить, но передумал. Я удалился и через 3 часа узнал, что экзамен сдал: получил высшую отметку – десять.

Первый экзамен, экзамен у декана. Десятка – невероятно! Большинство моих приятелей, сожителей по общежитию, едва получили восьмерку. Этот успех влил в меня уверенность, что сдам и другие экзамены и окончу факультет. Заряженный таким оптимизмом, начал сравнительно легко выдерживать экзамены. На экзамене по энтомологии много спорил с проф. Вагнером, защищая свое мнение. Одно время подумывал, что проваливаюсь, но какое было мое изумление, когда Вагнер, усмехаясь, поставил мне десятку. Он пытался сбить меня, но это ему не удалось.

Так я сдавал экзамен за экзаменом. Подошли экзамены по химии. Проф. Марков, преподавая физиологию животных, чувствовал и знал, что наш курс – студенты – плохо разбираются в химии, а особенно в органической, а он знанию химии придавал большое значение.

Экзаменаторами по неорганической и органической химии были два Лозанича – отец и сын [Миливое]⁹⁶. Старший Лозанич – Сима – был добродушный, симпатичный. Студенты, которых экзаменовал Сима, легче сдавали экзамены

^{*} Скрипта – размноженный конспект лекции (серб.).

^{**} Сейсмонастия – движение органов растений (например, листьев мимозы стыдливой) в ответ на прикосновение, сотрясение, легкий удар.

и получали лучшую отметку, чем те, которых экзаменовал молодой Лозанич. Я и по неорганической и органической химии попал к Симе, к старшему Лозаничу. Это была удача.

По неорганической химии, бодро отвечая об аммонии-сульфате и других удобрениях, получил восьмерку. На следующий день, тоже у старого Лозанича, сдавал органическую химию. Сима вспомнил, что я накануне у него получил восьмерку – обратился ко мне:

– Ну, герой (делия¹), знаешь ли ты и органику?

– Да, знаю.

– Скажи мне, что такое нафталин?

Я ему объяснил.

– А можешь ли нарисовать структурную формулу?

Я нарисовал. В нужных местах поставил двойные связи. Сима подошел к доске и с удивлением посмотрел на правильно назначенные двойные связи.

– Отлично, – поставил мне девятку.

Все, кто сдавал у молодого Лозанича, с трудом получали шестерку или семерку, не говоря уже о девятке или десятке. [...]

Щука

После окончания учебного 1922/23 г. летом нас никуда не послали на практику, а студенческое общежитие, находившееся в здании старой типографии, переселили за 3 км – на улицу Короля Александра, № 256. [...]

Проживая в общежитии, мы много времени теряли, отправляясь на обеды и ужины. Столовки были далеко, и поэтому группа 8–10 студентов-агрономов, в том числе и я, решили организовать приготовление еды в самом общежитии. Каждый из нас по очереди приготавливал для всех обед-ужин. Также каждый из нас, когда приходила очередь, мыл посуду.

Во дворе нашего общежития жила симпатичная собака. Имя ее было Щука. Эта Щука была помесь таксы и какой-то дворняги (джукелы). Она была низкого роста, но очень длинная. Когда подходила моя очередь мыть тарелки, Щука была моей главной помощницей – она начисто вылизывала остатки еды в тарелках и сковородках, и мне оставалось только сполоснуть посуду теплой водой.

Не знаю, от такого ли способа мытья посуды, но у меня с животом случилось что-то неладное. Я пошел в Красный Крест к доктору Бенцелевичу. Понес ему и образец продукта метаболизма. Бенцелевич просмотрел этот образец и выразил сомнение: может быть, у меня солитер. «Солитера надо выгнать, удалить», – и прописал мне пилюли из экстракта папоротника. Сказал, чтобы я их принимал, ел очень соленую еду и не пил воды.

¹ Делия – дословно: молодец, храбрец (серб.).

Придя от врача в общежитие, я с коллегами начал обсуждать способ лечения – надо есть что-то очень соленое и не пить воды. Что же может быть солонее, чем соленая селедка? Значит, надо ее есть, не пить воду. Но можно под селедку пить водку. Нашлось несколько желающих лечиться вместе со мной. Купили селедку, водку, все это с удовольствием съели и стали ждать результата. На следующий день я полчаса сидел над тазом с теплой водой, ожидая появления солитера, но он не пожелал появиться. Пришлось еще два-три раза повторить лечение, солитер так и не вышел. Вероятно, от алкоголя опьянел и погиб. Я же вылечился.

Из личного архива А.Б. Арсеньева
(г. Нови Сад, Сербия).

42

Письмо редактора газеты «Политика»⁹⁷ Миомира Миленовича А.Т. Аверченко⁹⁸ о временных осложнениях, связанных с пересылкой в Прагу для него двух фельетонов, напечатанных в «Политике», и часов

12 июля 1922 г.
г. Белград

147

Драги мој колега,

Прекусиноћ сам се вратио у Београд а јуче ми у Мин. Иностр. Дела рекоше, да још није било курира по коме би Вам могли послати Ваш часовник. Јер ја – полазећи на пут – замолио сам да га ми пошаљу како би га Ви што пре добили. На жалост, још није било прилике. Али ћу се ја потрудити да ових дана нађем макар и приватног путника, јер је ризично послати преко поште.

Од Вас сам добио само једно писмо^{*}, уочи мог поласка на пут, али не стигох да Вам пишем; пред тога рачунао сам да ћете одмах моћи добити часовник, дакле најлепши одговор који сте очекивали.

Овог тренутка добих Ваше писмо и хитам да Вас успокојим. Оба фелтона шаљем Вам сутра, јер данас је празнични дан – Петровдан – те је и редакција и пошта затворена, да се може предати рекомандирано.

Что касаетсја Вашего часовника и њега ћу послати по првом куриру. Можно бић Ви знате котораго Руса кои треба уехаћ од Белграда на Прагу пишите мне да ему вручим Ваш часовник.

^{*} Подчеркнуто автором письма.

Разумеете ли мој руски језик?.. Как поживајеће в Праги и когда мислите вернутсја в Белграде?

Много пријатељских поздрава од

*Мио ира Миленовића,
уредника «Политике»*

[P.S.] Ваш роман «Подходцев и други»⁹⁹ побудио очењ громадни интерес наше публике. М.

Ваш часовник из Софије ми је донео пуковник Недић¹⁰⁰ који Вас, као и г. Министар Ракић¹⁰¹, много поздравља.

Г-н Ракић сеи час мње посетил в редакцији. Он ујезаеет в Лондон на конференцију Совета Лиги народо̀в расправљатсја с Болгарским каналџи.

РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–2.

Автограф на бланке редакцији газетџи «Политика».

43

Уведомление редакцији газетџи «Политика», направленно в Прагу А.Т. Аверченко, о решении приобрести его новый роман «☒ утка мецената» и о согласовании с ним вопроса валютџи при перечислении гонорара

9 июля 1923 г.
г. Белград

По просьбе г-на директора «Политики» д-ра Рибникара¹⁰² спешу уведомить Вас, что редакция охотно приобретет Ваш новый роман «Шутка мецената», но г-н директор просит Вас сообщить ему, в какой именно валюте он может выслать Вам гонорар и на какой банк, ибо долларами он лишен возможности это сделать.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Сотрудник «Политики»

*А оллон Васильевич ☒ро кин*¹⁰³

РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 183. Л. 3.

Автограф на бланке редакцији газетџи «Политика».

28 августа 1923 г.

Всю свою жизнь стремлюсь на Запад и попадаю на Восток.

Вот и сейчас: я не только в Сербии, но на самой границе Македонии. Прimitив жизни, обращение сказываются во всем. Никто не говорит на «вы». В комнату входят когда и кто угодно, хорошо, если это наседка с цыплятами или индюшка; хуже – если цыганка, которая начинает шарить у вас на столе. Когда утром вас будит около кровати непрошенная молочница, это выводит из себя.

По наглости и навязчивости эти цыгане напоминают каирских арабов, только эти, пожалуй, еще грязнее и безобразнее.

«Просвещенные мореплаватели» употребляют стек в обращении с арабами; здесь же, в «дикой» Македонии, это культурное орудие не распространено.

Что удивительно приятно здесь видеть нашему русскому глазу, это какой-то подтянутый, изысканный вид наших офицеров, юнкеров, кадет и простых казаков.

Последние здесь на работах. Кроме того, здесь – русский лазарет, куда отовсюду присылают на лечение.

По-видимому, Галлиполи¹⁰⁶ сыграло свою оздоровляющую роль. Читаю как раз книгу Львова и Даватца¹⁰⁷ и вижу, какая разница между тем разъерошенным и разлохмаченным удальством, которое мы нередко видели за время Добровольческой армии, и той удивительной корректностью и подтянутостью, которая присуща даже здесь, в этом захолустье, нашим офицерам и солдатам.

В первый же день по приезде встретил свою белградскую знакомую, прославившуюся здесь повсюду своими прекрасными лекциями.

Как бы стесняясь встречи со мной, она сообщила мне, что здесь она по делу, что завтра же уезжает в Белград, а оттуда как можно скорей назад к себе, в Европу.

– Когда я думаю об аде, то, знаете, я представляю его себе в духе белградской беженской действительности... Ах, ужас, ужас. Как вы можете здесь жить?

Я слабо защищался, говоря, что в нашем положении лучше Белград, нежели Париж. Что нельзя сравнивать и т.д.

Она жалостливо посмотрела на меня, пошла в ванны... Тяжела наша жизнь здесь – это сущая правда, и свежему человеку кажется все еще тяжелее и страшнее.

Мы же привыкли, пообжились; но что я знаю твердо, хотя и не был после утраты России на Западе, что для нас во сто крат полезнее и ценнее жить здесь, хотя бы в этой македонской глуши или в скучном Белграде, чем слоняться по парижским бульварам на положении жалких нахлебников...

Здесь легче сохранить и не расплескать те драгоценные чаши с огненным амонтильядо¹⁰⁸, которые мы вывезли из старой России и которые так свято берегутся под этими белыми рубашками заброшенных сюда офицеров. Я верю, что мы не должны менять за чечевичную похлебку европейских благ наше Богом данное «славянофильство».

Углубляясь в себя, оглядываясь на прошлое и смотря на окружающее, на это дикое человеческое логовище, я яснее чувствую еще одну сторону нашего помрачнения – футуризм.

Ведь, в самом деле. Не мы ли искали, сами создавали и увлекались новым размахом нашего искусства и литературы, его новым влечением к грубой натуре, к грубому примитиву, к расчленению этих кусков природы и к сложению их снова в известной геометрической пропорции?

Не надо пугаться, а ведь футуризм, с его имажинизмом, супрематизмом, – все это, что ни говорите, а возврат к грубой природе вещей.

Ведь звериные вопли, мяукания и рыкания Маяковского, В. Каменского, Хлебникова, Шершеневича и Мариенгофа, все эти скульптуры Татлина, картины и декорации Экстер с привязанными к картинам вилками, разрушающие старую философию с заменой Канта горшком или сковородою, происходят от пресыщения. Человека расперло, и он мазанул, залаял по-собачьи. Наворотил себе монумент. «Подавай после трюфелей суточные щи с бужениной». После «White Star» сивуху из чайника в извозчищем трактире под утро.

Разве все это не пройдено нами? И еще вопрос, что изысканнее: здешняя ли селяцкая* музыка с необыкновенным количеством барабанов, флейт и труб или извращенный – европейский Jazz Band?

Эти мысли приходят мне в голову, когда я целыми ночами слышу пронзительные вопли этой азиатской мелодии.

Думаешь: хорошо, если бы они сыграли что-нибудь народное, «Тамо далеко»¹⁰⁹, например... Нет – они начинают с какого-то дикого восточного завывания, переходящего... в fox-trot. Помню, в детстве мы учили, что Иерихон был взят под звуки флейт. Вот это самое, наверное, играли тогда, думается мне.

И все больше и больше мне кажется, что нет разницы между утонченной мелодией Запада и дикими напевами Македонии. Мне снится, что я на Итальянском бульваре, там, куда помчалась моя утренняя собеседница...

Но что это? Просыпаюсь с ужасом – клопы!

* Селяк – крестьянин (серб.).

Вся иллюзия разлетелась. Утешаюсь тем, что, по преданию старожиллов, «стеници»^{*} мучили одну ночь и проезжавшего здесь нашего главнокомандующего.

Ю.Р.

Новое время (Белград). 1923. 28 августа.

45

Рассказ неустановленного автора «Из беженцев в “газды”»^{***} (Силуэт)», опубликованный под псевдонимом Поликарп Талдыкин¹¹⁰ в газете «Новое время»

22 ноября 1923 г.

Беженская белградская карьера станичника Совалева протекала, как водится, тяжело и мучительно. Не попал он в разряд счастливых английской эвакуации, числился по крымской. Размен^{***} получал с большим опозданием и долго не мог найти не только места или занятия, но даже и поденной работы.

Но постепенно это все пришло.

Самое ужасное было впереди.

То, что казалось вначале таким простым, естественным – найти одинокому человеку комнату или, вернее, помещение на ночь, даже не в центре, а на окраине, для бедного Совалева в то недавнее еще время в Белграде оказывалось совершенно невозможным. У всех в конце концов из этого что-нибудь выходило, а для Совалева это обращалось в трагедию. Все эти: «станови на издавање»^{****}, даже самые невзрачные, предназначались «за отменого самца»^{*****}. Совалев же был только «самац», но далеко не отменный.

Все комнаты, виденные Совалевым, были или дороги для него, или его еще новочеркасский вид так пугал хозяев, что они говорили: «Нема ништа»^{*****}.

Не помогали бесчисленные адреса, записочки во всех карманах.

Мы, все его знакомые, так привыкли к тому, что он всегда повсюду ищет себе комнату, что закидывали его записочками, адресами, планами, вырезками.

Принимал он все это без особой радости, бурча себе под нос: «Ничего у меня из этого здесь, на Балканах, не выйдет, не туда я попал. А если даже и вселюсь куда-нибудь, выживут фурии».

^{*} Стеница – клоп (серб.).

^{**} Газда – хозяин (серб.).

^{***} Размен – здесь: пособие для беженцев (серб.).

^{****} Станови на издавање – квартиры внаем (серб.).

^{*****} Отмен самац – добродетельный холостяк, одинокий мужчина (серб.).

^{*****} Нема ништа – ничего нет (серб.).

Эти совалевские фурии нам казались какими-то нереальными существами, и когда недавно газеты подняли шум и объявили «неделю о вампире»¹¹¹, мы все бросились к Совалеву, предлагая ему попробовать поселиться в опустошенном и разбитом доме и предпочесть вампира фуриям.

Каково было всеобщее удивление, когда наш несчастный приятель принял предложение совершенно серьезно и, сложив свои немногие «ствари»^{*} в небольшой чемодан, явился к зловещей «куће»^{**}, Босанска, бр.^{***} 61, желая там поселиться, но после долгих переговоров с жандармами был чуть ли не сам ими принят за вампира и отведен в Старую управу. На этом он не успокоился. Благодаря протекции одного русского, принимавшего близкое участие в ловле вампира, нашему Совалеву удалось водвориться в опустошенном и разбитом доме, где он благополучно прожил около недели.

Правда, у него была камнем разбита голова. Он никуда не мог выйти, так как дом был оцеплен и его могли принять за вампира. Но после выхода из босанского «форта Шаброль»¹¹² вспоминал это время с удовольствием, как самое мирное и спокойное в своей жизни.

Прошло несколько времени, вампир приутих, – мода на него прошла.

И Совалев должен был покинуть свою таинственную «кучу», так как в нее понемногу возвращались жильцы.

Но все же Совалев продолжал быть героем.

Его интервьюировали, как неустрашимого героя и победителя вампира.

Писарь местного квартала с ним снимался и пригласил его на ракию.

Мы все сгорали от любопытства, как он мог дойти до такого шага и что он видел в страшном доме на Босанской.

Вот что нам рассказал Совалев.

– Самое страшное, что когда-либо в своей жизни испытал – это квартирные хозяйки, сиречь газдарицы^{****}, пострашнее всякого вампира. Третий год му-чаюсь здесь, переезжая из комнаты в комнату.

Запрещают мне в моей комнате курить – от дыма портятся занавеси.

Запрещают умываться как следует – пол может испортиться от расплесканной воды.

Запрещают братья за медную ручку двери – медь тускнеет от частого прикосновения. Запрещают зажигать примус – копоть портит стенки.

Запрещают повесить на стену картинку, где изображена полунагая женщина – у хозяйки дочь или сын и на это смотреть не подобает.

^{*} Ствар – вещь (*серб.*).

^{**} Кућа – дом (*серб.*).

^{***} Број – номер (*серб.*).

^{****} Газдарица – хозяйка (*серб.*).

Была и такая газдарица, которая заявила, что она, несмотря на свои 45 лет, девица и не позволит такого срама.

Мне запрещают повесить на дверь мою визитную карточку, так как дом не мой, а мне полагается только внутренность одной комнаты. Наконец, не позволяют прийти домой днем, а только ночью.

Я уже не говорю о том, что мне было строжайше запрещено пускать к себе в комнату постороннего.

Наконец, чаша моего терпения переполнилась, когда хозяйка запретила мне храпеть по ночам. У вампиров я по крайней мере высypался, с храпом, в свое удовольствие, мне никто не мешал.

Правда, мне какой-то шальной камень проломил голову, но покой душевный не покидал меня ни одной минуты.

А это главное.

У вампира я не только сладко спал, но и вкусно ел и пил. Мне приносили во двор всякую снедь и ракию, как неустрашимому русу.

Хорошо пожил и отдохнул недельку.

Мы посмеялись рассказу нашего приятеля-станичника, поговорили, как полагается в таких случаях, что еще жив русский народ, что если бы жив был Гоголь, написал бы он еще один рассказ про казака, победившего нечистую силу... Все это было так заурядно и обыкновенно, что здесь можно было бы поставить точку.

Но чтобы разрушить теорию философа Бердяева «о мистическом устремлении русской души от вещественных ценностей к небу», мне приходится проследить дальнейшую судьбу моего станичника. Храброго Совалева после этого никто из нас долго не видал.

Просто как в воду канул.

В одно из воскресений, когда местная праздничная публика выходит на «корзо»*, сербы толкуются на Князь Михайловой улице, ну а русские – на [улице Князя] Милана, жмутся поближе к Славии, в такой парадный солнечный день многие увидели богатую свадьбу. Наш Совалев – жених во фраке, цилиндре, на извозчике с невестой-србкиней**, невеста в фате с букетом, как полагается, а за ними насчитали 24 фиакра. Совалев женится, да еще как!

В приданое получает новый дом и деньги в банке.

Но и это еще не конец. Недавно встретил я одного знакомого генерала, по обыкновению желчного, озлобленного.

Приехал в Белград из Константинополя. От Кемаля бежал или от чего другого, не знаю. Деньжонок там скопил.

* Корзо – место гулянья (серб.).

** Срб, србкиња – серб, сербка.

Встретились, зашли [в кафану]* «Код Шишка».

А он говорит мне:

– Ну и нравы у вас, похуже наших турецких. Полюбуйтесь, что пишет мне один господин, бывший в России.

Читаю:

«Милостивый государь! Предоставив вам в своем доме две комнаты, я не мог ожидать, что вы и ваша семья будете так бесцеремонны. Вы портите “завесе”, пропитывая их табаком и копотью примуса.

На полу постоянно разлита вода, что вызывает гниение досок. Затем на стенах развесили карточки – гвозди портят стены. Одна ваша картинка изображает каких-то сатиров; жена моя в положении и, проходя через ваши комнаты, может увидеть сие непотребное. Это влияет на ее нервную систему. Засим вам известно, что, сдавая вам комнаты, я предупреждал, что вы не вправе принимать гостей, а таковые были у вас дважды, в количестве трех человек, и нанесли столько грязи, что пришлось мыть полы; мало того, один из них валялся на кровати. Все это заставляет меня просить вас искать себе другое помещение. С почтением, Совалев».

– Каково это, а?

Да, подумал я, вот что значит – из беженца попасть в «газды»!

Я, конечно, узнал в корреспонденте нашего станичника Совалева.

«Мне отмщение, и аз воздам», как писал Лев Толстой перед «Анной Карениной».

Поликарп Талдыкин

Новое время (Белград). 1923. 21 ноября.

46

Статья Ю.Л. Ракитина «Откуда все началось», опубликованная в газете «Новое время»

13 июля 1924 г.

На днях исполнилось ровно 10 лет, как сербский патриот Принцип¹³ пустил пулю в австрийского наследного принца Франца Фердинанда.

Пусть политики, экономисты, социологи говорят, что война так или иначе все равно должна была разразиться над задыхающейся Европой; мы, мистики, смотрим на этот роковой выстрел как на новую эру, как на потусторонний сиг-

* Кафана – небольшой ресторан, трактир, каба́к (серб.).

нал таинственным силам решить проблему добра и зла, не разрешенную еще и до сих пор, после замирения, после войны и мира.

Когда бóльшая половина Европы еще не утихомирилась, когда дикая злоба людская еще бушует, только спрятавшись в подвалы, за стены домов, дворцов, замков, когда на бесчисленных конференциях люди не могут, не хотят, а главное, боятся договориться обо всем, потому что малейшая ясность, точка над *i* повлечет опять кровь, кровь без конца и края и не только для обессиленной Европы, но и для страшной, еще не израсходовавшей себя Азии. Выстрел гимназиста Принципа...

О! с тебя вечно будут начинать историки нашу эру, твое дерзновение будут петь поэты, ты послужишь темой драматургам, романистам и фильмам.

И это все случилось здесь, на этом узком, небольшом мосту, через мелкую, каменистую горную речку. Этот мост станет славнее Авиньонского, о котором нам пели в детстве гувернантки: «*Sur le pont d'Avignon*»*. Только там, в старом Авиньоне, на мосту веселились и танцевали, а на этом мосту пролилась кровь, и с нею поверглись в бездну наша старая культура, мораль и вера в добро и правду, а главное, наша великая Россия.

Я стою сейчас тихую ночью перед историческим местом, «откуда все началось», а в душе раскрывается какая-то особая психологическая археология. Шумит бесстрастно река, скользит лунный бубен по перистым облакам-барашкам над белыми минаретами, над садами, создавая чисто сказочный, восточный театральный ансамбль, во вкусе наших старых художников романтиков.

В каванах-башчах**, по ту сторону реки, далеко поют цыгане, а здесь, за моею спиной, вдруг неожиданно поднялось жалюзи, вспыхнуло электричество, засмеялись женские голоса и кто-то забарабанил модный fox-trot.

Две культуры – Азия и Европа, искусственно соединенные этим «мостом вздохов». Разве мы еще и теперь перестали вздыхать после войны, которая... и т.д.

Как раз перед этим мостом раскинулись огромные казармы короля Петра I, там сейчас помещается наш Русский кадетский корпус¹¹⁴. Сотни наших мальчиков и юношей воспитываются там под опытной и любящей рукой генерала Адамовича¹¹⁵, старого русского военного педагога.

Я имел удовольствие побывать здесь этой зимой во время моих гастролей в здешнем театре. Мне хотелось доставить кадетам удовольствие, и я целый вечер читал им. Читал им также стихи из их сборника. Я просил показать одного из авторов, поднялся один малыш, пожал мне руку.

* «*Sur le pont d'Avignon*» («На мосту в Авиньоне») – старинная французская народная песня, известна с XV в.

** Кавана – то же, что и кафана. Башча – (*серб.*, от турецкого бахче) – сад.

Генерал Адамович водил меня повсюду и показывал. Я на каждом шагу убеждался, что могут сделать дисциплина, порядок, а главное любовь, согревавшая эти неуютные, холодные казармы нашими старыми и молодыми русскими сердцами.

Ах, если бы Крупская и Луначарский с их новыми школами-ступенями заглянули случайно сюда... Они бежали бы отсюда, извиваясь точно Мефистофель от креста Валентина в «Фаусте», и ползали бы во прахе, точно Холодков¹¹⁶ и Марьяшец¹¹⁷ у меня на белградской сцене. Да, действительно, есть отчего поизвиваться – «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», духом и традицией покойного великого князя Константина Константиновича.

Это оценил бывший в одно время со мною ревизор, профессор Колюбакин¹¹⁸, а теперь, весной, и министр народного просвещения г-н Прибичевич¹¹⁹, благодаривший генерала Адамовича.

Идешь по Сараеву и чувствуешь себя точно на сцене.

Старая австрийская культура: огромные великолепные здания, асфальт, чудесные магазины, а рядом с этим турецкие живописные клетки с решетками. Повсюду кладбища. Вот где невольно привыкаешь к мертвецам. Они повсюду: и в парках, и в палисадниках, и на улицах.

Точно грибы торчат повсюду из земли белые каменные колонки с чалмами, фесками, с завитками-изречениями из Корана.

Запад вплотную подошел к Востоку, навалился на него, а на вид еще церемонится, еще уважает. Политика старой Австрии: всякие привилегии магометанскому населению и страшный гнет для сербов. Зато теперь понемногу и сербы вступают в свои права.

В театре играют на «экавщине»¹²⁰, выходят две сербские газеты, и на всех бесчисленных казармах, больницах красуется имя королей Петра или Александра. Главная торговля в руках испанских евреев, так [называемых] «шпаньолов»^{*}.

Повсюду видишь злобещих старых евреев в национальных пестрых шапочках на головах, точно бумажных лодочках.

Интересно отметить, что и русские здесь устроены много лучше, чем в Белграде.

Огромную популярность и практику имеет здесь наш известный петербургский доктор, лейб-педиатр высочайшего двора Иван Павлович Жегалов¹²¹, друг почти всех артистов, так называемый «Ваничка Жегалов», великолепный исполнитель романсов. Помню его выступления на вечерах у Н.П. Карабчевского¹²². Здесь он также и театральный доктор, а жена его играет на здешней сцене.

Бывший управляющий кабинетом его величества генерал Е.Н. Волков¹²³ организовал здесь, на Илидже, большое лесное предприятие, где работает также много русских.

^{*} Испанец (серб.).

Думал ли я там, в Петербурге, приходя каждое 20-е число за жалованьем во флигель Аничковского дворца, что буду гостить у самого управляющего Императорским кабинетом, и где – в боснийских горах, на лесопильном заводе!

Думали ли мы все тогда, что выстрел Принципа разбросает нас по всему миру, по всем частям света и отнимет у нас Россию...

* * *

Но чем может гордиться вся Босния – это своим изумительным курортом Илджией с серными источниками.

Это живописнейший, благоустроенный лечебный уголок с прекрасным парком, гостиницами, ваннами. Все содержится в образцовом порядке и чистоте.

Один недостаток, и, конечно, существенный – дороговизна.

Это чувствуется еще сильнее среди этих красот природы и среди европейского комфорта.

Сидишь на музыке, слушаешь меланхолический венский вальс, впадаешь в грусть... Единственный способ, чтобы успокоиться, – пойти и съесть мороженое или выпить кофе, но, тронув бумажник, грустно говоришь себе «нельзя». И тихо остаешься недвижимым...

А музыка так призывна, хочется быть и хорошо одетым, и молодым, и радостным, но... нельзя, нельзя...

Юрий Ракитин

Новое время (Белград). 1924. 31 июля. № 977.

157

47

*Из очерков писателя, поэта и переводчика Г.Я. Виллиама¹²⁴ «Русская эмиграция в Сербии» – о влиянии эмигрантов из России на культурную сферу жизни сербского общества**

1924 г.

г. Белград

Русская культура

Русской эмиграции в Сербии и вообще на Балканах выпала на долю роль, сыгранная в свое время гугенотами, бежавшими от религиозных гонений. Нет

* Рукопись (87 л.) представляет из себя общую тетрадь большого формата с трудночитаемым авторским текстом. Очерки состоят из 10 глав (при этом 4-я глава отсутствует): 1. Русский дом; 2. Чрезвычайка; 3. Свои сочтутся; 5. Русская культура; 6. Студенчество; 7. Русские актеры; 8. В околице; 9. Конец «двора чудес»; 10. Пошехонское раздолье.

пророка в своем отечестве: невысоко ценились у нас носители культуры!^{*} На чужбине оценили и использовали их лучше.

Отделенные от непосредственного соприкосновения с «русским морем» чуждыми им по языку, духу и быту государствами, «славянские ручьи» на Балканах, особенно их интеллигенция, всегда тяготели к русской культуре.

В Сербии и до революции хорошо знали Пушкина, Толстого, Достоевского и других наших классиков. Я имел случай наблюдать, что такие произведения Толстого, как «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», и другие им подобные, а также некоторые драмы Островского, в Сербии знали лучше, нежели наши широкие массы, правда не зная имен авторов.

Русская эмиграция явилась поэтому на подготовленную почву.

Нет той области науки, искусства, даже промышленности, где беженцы в Сербии не приложили бы с честью своих познаний! Достаточно указать хотя бы на то, что при разработке сербским Министерством юстиции в 1923 г. нового уголовного уложения самое деятельное участие в таковой принимал русский ученый-беженец – профессор уголовного права¹²⁵; что до передачи нового уложения в Народную скупщину министерство нашло нужным предложить его на просмотр Белградскому о[бщест]ву русских юристов!

Такое важное нововведение в молодом Королевстве СХС – официальное название Югославии после Версальского договора! – как общая и уголовная статистика, созданы и фактически руководятся русскими специалистами-беженцами. Другая, не менее важная, новелла^{**}, страхование рабочих, уже проведенная в жизнь, создана и разработана при ближайшем участии русских ученых и общественных деятелей. И, к слову сказать, разработана так, что удовлетворила пожелания работодателей и трудящихся, разнородных общественных групп и политических партий. Имена профессоров М.П. Чубинского, Иванцова¹²⁶, Вагнера¹²⁷ и многих других навсегда будут связаны с новым общественным устройством королевства, давшего им у себя приют.

Есть целые отделения министерств и поныне, где все, начиная с начальника и кончая курьером, русские. Русские занимают места начальников правительственных железных дорог, каменноугольных копей и многие другие ответственные посты государственной службы и муниципалитетов, требующие специальных технических познаний и большого практического опыта.

Отдел труда Державной комиссии¹²⁸ открыл в свое время десятки курсов прикладных знаний для русских беженцев, и страна получила достаточное количество техников-специалистов разнообразнейших отраслей. [...] Правда, не все из них смогли применить свои знания на практике – государственное

^{*} Публикуется переработанный автором впоследствии вариант первого абзаца главы.

^{**} Новелла – здесь: дополнение, новшество.

и культурное строительство страны идет медленным ходом, – но они имеются и могут быть использованы в любое время!

В области военной и технической авиации в Сербии первое место по праву принадлежит русским летчикам. Несмотря на мизерную плату – летчик получает всего до 28 динаров в день, – они и инструкторы авиации, и конструкторы, и пилоты! И даже после случая, когда несколько русских улетели на казенных аппаратах в Россию¹²⁹, сербы не могли возможным отказаться от их услуг!

В пустынных урочищах Македонии, в диких горах Черногории, где городки и поселки зимой бывают совершенно отрезаны от всего мира снежными заносами и обвалами, работают, при весьма тяжелых условиях, сотни русских путейцев, среди которых немало старых инженеров с очень высоким служебным стажем в прошлом. [...]

Медвежьи углы Старой Сербии, Македонии, охраняемые русскими пограничниками-врангелевцами от вторжения болгарских чет¹ и арнаутских набегов, углы с их первобытной, часто турецкой культурой – это подлинное царство ворожей, знахарей, шептунов – обслуживаются русскими врачами и женщинами-врачами, привыкшими работать в такой обстановке на службе у наших земств. Повсюду введены нами правильный санитарный надзор, систематическая борьба с эпидемиями. [...] Оздоровляются целые области. В дикой глуши открыты медицинские пункты – роскошь, еще недавно незнакомая даже большим центрам Сербии.

Недоразвившиеся, заброшенные, но богатейшие естественными ресурсами многочисленные курорты Сербии, представлявшие собой истинную мерзость запустения, реорганизованы русскими профессорами и приведены в культурный вид.

В сербских университетах, в лабораториях и семинариях при них работают десятки русских ученых. [...]

Целые местности, ранее принадлежащие Австро-Венгрии, но населенные славянами и покрытые сетью католических конгрегаций, ранее не имевшие православных пастырей, ныне обслуживаются нашими беженцами-батюшками; открыты стоявшие заколоченными церкви; пробуждается религиозное и национальное сознание среди почти безнадежно онемеченных местностей. [...]

К этому необходимо прибавить, что и рядовая масса беженцев, не могущая внести ничего в сокровищницу знаний и искусства, немало дала нового и полезного для местной отсталой жизни. В деревнях, не имевших понятия о правильном молочном хозяйстве, где до сих пор еще пашут и возят тяжести на молочном скоте, открылись образцовые молочные фермы, сыроварни, маслодельные заводы. [...]

¹ Чета – рота (серб.).

Русские беженцы наводнили города и местечки Югославии дешевыми и хорошими детскими игрушками, копиями мастерских изделий наших кустарей. В богатом и самом бедном доме вы найдете сейчас искусственные цветы, безделушки и украшения из дерева и картона, куклы, выжигание по дереву. На углах улиц Белграда всегда можно увидеть теперь окруженных толпой детворы людей в потертых шинелях и френчах, пускающих по тротуару автоматических черепах и крокодилов, продающих плюшевых обезьянок и деревянных клоунов.

Русские конторские счета произвели (правда, в одной только Сербии) форменный переворот в счетоводстве банков, правительственных учреждений, торговых предприятий.

Белград и Загреб, главные города королевства, ныне имеют сеть превосходных «млекарен», т.е. молочных, снабжающих чистым молоком и молочными продуктами целые кварталы. Появились в обращении адрес-календари по типу суворинских изданий «Весь Петербург» и «Вся Россия».

В Белграде, на восстановленной Теразии, около знаменитой кафаны «Москва», отдаленно напоминающей нашего «Филиппова», дежурить стали молодцы «красные шапки» – представители артели посыльных, выполняющие всякие поручения.

Пока трудно учесть все, что внесено в жизнь нашими культуртрегерами поневоле; но влияние их, несомненно, велико. И тем не менее приходится отметить некоторые отрицательные стороны, принесенные русскими.

Главная из них – это легкомысленное, едва ли не преступное отношение к семье и браку среди беженцев, разбивающее всякое понятие о морали и супружеской верности. В старой патриархальной Сербии, где гордый «мушкарац»^{*} с пренебрежением смотрит, как русский целует руку женщине, благодаря легкости процесса, упрощенного нашими отцами церкви на чужбине, беженцы с прямо-таки отталкивающей легкостью прибегают к разводам и повторным бракам при живых супругах! И это, к сожалению, не проходит без влияния на местные нравы! Плохим возмещением за это является светскость, внешний шик и пристрастие к новейшим косметикам, тоже принесенным сюда русскими.

По приезде в Белград, после строгого, выдержанного шика Лондона и кричащей пестроты и богатства континентального Перу нас поразила скромность и даже серость туалетов на людях и в витринах магазинов. Изящно одетые и умеющие себя держать русские беженки останавливали на себе внимание даже на улицах. С тех пор прошло три года. Старую «престоницу»^{**} Сербии теперь узнать нельзя! Неофитки моды далеко затмили своих учительниц.

^{*} Мушкарац – мужчина (серб.).

^{**} Престоница – столица (серб.).

Всюду настоящие парижские туалеты, альпийские тросточки на прогулках, кинг-чарльзы¹³⁰ и похожие на волков немецкие овчары в шикарных автомобилях, меха, драгоценности. Мужчины в галошах, дамы в меховых ботинках! И вместе с тем, само собою, нездоровая волна всяких танцулек, непристойных фокстротов и прочее и прочее, о чем лучше и не говорить.

Не обошлось без нежелательных явлений и в других областях русского влияния. Ведь кого только не выбросил девятый вал русской революции в зеленую Сербию!? Я не стану говорить о ряде темных личностей, обманувших доверие страны, сделавшей нам столько добра, и ради личных выгод топтавших в грязи достоинство русской интеллигенции и наше доброе имя. Были и такие...

Как бы то ни было, значения культурного влияния русской эмиграции отрицать нельзя. И тем не менее приходится наблюдать какую-то отчужденность и недоверчивость к русским не только со стороны людей общества, но даже и со стороны администрации.

И этим русская эмиграция обязана дискредитирующей, клеветнической деятельности тех русских, кто, сжигаемый жаждой мести и бессильной злобой ко всему, отмежевавшемуся от нашего черного прошлого, неумолимо стремится изображать в глазах власть имущих всех инакомыслящих как элементы, угрожающие безопасности государства, нас принявшего. А так как русская интеллигенция была взята «под сомнение» в своей благонадежности с незапамятных времен еще в России, то она и здесь незаслуженно продолжает носить на себе этот мнимый отблеск красного флага, иногда приносящий ей много ненужных страданий.

Студенчество

Право, предоставленное Королевством СХС, бесплатно обучаться в университетах страны русским беженцам, имеющим достаточный для этого ценз, надо рассматривать как величайшее благодеяние, оказанное нашей молодежи в изгнании. Нет ничего хуже неблагодарности. И тем не менее среди, главным образом, наших монархистов, существует до сих пор еще не выветрившаяся тенденция, что Сербия чем-то обязана царской России, а поэтому и им, монархистам, и что поэтому все, что она делает для русской эмиграции, делает как бы в возмещение прошлого. Может быть, поэтому наши верхи, а за ними и другие беженцы, усмотрели в благодеянии прежде всего выгодную синекуру для монархически настроенной молодежи. Настоящий очерк поэтому будет стремиться изобразить главным образом перипетии борьбы студенчества, отвечающего академическим требованиям, с теми, кто с благословения правых организаций и собственной непорядочности пошел в университет не за наукой, а как торговец в храм – за мелкими выгодами. Одновременно это была борьба и с засильем правых.

Известная часть русских студентов, поступивших в сербские университеты, не имела не только академических документов или аттестатов зрелости, но и вообще никаких. Сербские власти пошли навстречу этому неизбежному последствию Гражданской войны и экспатриации. Для приема в университет [...] было предложено предъявлять свидетельства, скрепленные удостоверениями русских полуофициальных учреждений, доказывавшими, что данное лицо действительно или окончило среднее учебное заведение, или училось уже в русском университете.

При управлении главноуполномоченного по делам беженцев существует особый учебный отдел, во главе которого до 1923 г. стоял бывший ректор Новороссийского университета в Одессе проф. Кишенский¹³¹, ныне уехавший в Прагу. Этому прославившемуся своей реакционностью в старой России профессору было предоставлено право выдавать свидетельства тем, кто их не имел. [...]

Удостоверения проф. Кишенский принимал или от профессоров, знавших просителя как своего слушателя, или от лиц, казавшихся ему достойными доверия. Таковыми были, помимо его единомышленников по политическим взглядам, обычно чиновные или титулованные беженцы. Индивидуализацией просителей профессор не утруждал себя: ручаются за него достаточно надежные люди, и довольно! Приносивших свидетельства нечиновных или неизвестных профессору поручителей он грубо отсылал. [...]

В результате такого образа действий учебного комитета сербские университеты, главным образом Белградский, оказались перегруженными студентами, совершенно не подготовленными к научным занятиям.

Вот те невеликие блага, ради которых многие без права на это домогались поступления в университет. Студенты имели бесспорное право на получение разрешения на жительство. Они получали размен от Державной комиссии даже и после лишения такового всех беженцев. Они могли жить в, правда, весьма и весьма непрезентабельных студенческих общежитиях и пользоваться скудной помощью благотворительных обществ всякого рода в виде бесплатных обедов и т.д. Ради этих благ русское начальство однажды пропихнуло в университет, при содействии того же проф. Кишенского, довольно большую группу гардемаринов не у дел, перевезенных из Дубровника; делались попытки такого группового наполнения чужого университета и с другой военной молодежью.

Когда стало очевидно, что братья-русы не только ничего не делают, но и не показываются без экстренных надобностей в аудиториях, профессура и университетское начальство начало подумывать о том, как избавиться от этого балласта. Белград город большой [...] в нем можно было с большей пользой и удовольствием убить время, нежели скучать в аудитории на лекции, читае-

мой на непонятном языке: сербский язык привилегированная часть беженцев называла «мужицким» и демонстративно не желала ему обучаться! Спасло русскую молодежь от генерального [отчисления] ее здоровое ядро, состоявшее преимущественно из старых студентов.

Это ядро организовалось в студенческий союз¹³², присоединилось к существовавшим в других странах студенческим организациям и добилось, по соглашению и при помощи профессуры, семестровых экзаменов – т[ак] называемых colloquium-ов для русских. Учебный отдел и проф. Кишенский были обойдены с тыла; и навстречу молодой организации пошла Державная комиссия, постановившая: студентам, не выдержавшим colloquium-а, прекратить выдачу размена!

Первый же colloquium дал блистательное оправдание системы проф. Кишенского: около 50% учащихся провалились с треском.

Лишение главной приманки – размена – заставило их совсем покинуть университет; однако далеко не всех! Притом, покидая университет, т.е. совершенно порывая с занятиями, они и не подумали оставить студенческие организации, столовые, общежития! Там они постепенно, пользуясь широким покровительством правых организаций, захватили всю полноту власти. Образовался даже какой-то союз в союзе: студенческое отделение Союза галлиполийцев¹³³. Картина получилась умильная: благонадежным, но не учившимся молодым людям оказывалось явное преимущество перед не столь благонадежными, но настоящими студентами. [...]

Только в самое последнее время студенческому союзу удалось очистить правление и после невероятных трудностей, продолжительной борьбы и случайной помощи со стороны повздоривших между собой квазистудентов удалось взять в свои руки столовую, прекратить злоупотребления, изгнать бесплатных нахлебников, не допускать бездельничающих в новое общежитие Державной комиссии и даже лишить их юридической помощи [...] т.е. фактически исключить всех, «не отвечающих академическому принципу»!

Материальная сторона жизни русского студенчества в Югославии более чем неприглядна. Особенно при сравнении с таковой студентов-сербов. Последние получают почти поголовно около 800 динаров «благодейния», получают деньги и провизию из дома, а местные живут без всяких трат у себя в семьях.

Кроме размена в 400–450 динаров в месяц – сумма, на которую в университетском городе прожить нельзя, – весьма немногие русские студенты имеют какую-нибудь службу с министерским окладом, отнимающую у них вдобавок большую и лучшую часть дня, предоставляя им заниматься учением по ночам. Большинство вынуждено заниматься мелкой торговлей; некоторые играют в хорах балалаечниками в ресторанах, кончая в 3–4 часа утра; служат таперами, комиссионерствуют, а известная, едва ли не большая часть дополняет

недостающее тяжелой физической работой на поденщине! Вот и судите, до научных ли трудов человеку, всю ночь до утра пробренчавшему на мандолине в угарном кабаке или протаскавшему с утра до ночи кирпичи. [...]

Плохо ли, хорошо ли, но настоящее студенчество работает; сдает зачеты, «испытывает»*, всевозможные чертежи; кончает университет, попутно овладевая языком, к слову сказать, необыкновенно трудным для изучения, ибо находится он в периоде образования, вроде русского языка послепетровских времен.

Но иногда даже железная энергия и незаурядное мужество не помогают. Кончит студент факультет, а деваться с полученным дипломом некуда. И поступает студент на другой факультет «продолжать образование». Чаще всего переходят русские на теологический факультет: для окончивших его заманчиво мерещится в будущем место священника с приходом где-нибудь в Хорватии или в Македонии. А там, что Бог даст! [...]

Русские актеры

Положение русских актеров в эмиграции мало чем разнится от того, что было до революции – по обе стороны рубежа России. Только что географически площадь передвижения сократилась – российских пространств в тесноте Старой Европы нет. [...]

Русская балерина, москвичка, познакомившая сербов с пластическим балетом¹³⁴, на вопрос мой о положении русского театра в Сербии сказала:

– Идет русское искусство! Идет не в лавровом венке, а в терновом венце!

И в этих словах – вся жуткая правда. Нелегко русскому актеру на чужбине, даже тем, которые устроились на казенной сцене.

Драматический театр в Сербии существовал и до превращения ее после Версальского договора в Королевство СХС. Есть у них свои прелестные вещи, особенно те, что так похожи на наши малороссийские постановки. Есть и силы свои. Кто хоть раз видел и слышал прелестную «Кощтану»¹³⁵, тот не забудет ее!

Другое, конечно, дело с оперой, балетом, с музыкальной драмой. Их в старой, до 1914 г., Сербии все равно, что не было.

Существовали, правда, всякого рода «певачке дружины»** и музыкальные «двораны»***, где главным образом дилетантами-любителями разыгрывались выдержки из опер, без ансамбля, декораций и бутафории. Не будь роковых событий в России, заставивших наших артистов [искать] новых мест, кто знает, ставились бы теперь «Сказки Гофмана», «Травиата» и «Фауст» в новой зграде**** Королевского театра в Белграде.

* Испит – экзамен (серб.).

** Певачка дружина – певческое общество (серб.).

*** Дворана – зал (серб.).

**** Зграда – здание (серб.).

С другой стороны, едва ли в какой-нибудь иной стране русский театр и его деятели нашли бы более подходящую почву для своей акклиматизации, нежели среди родственного нам по крови и духу сербского народа. [...]

Одним из первых русских сценических деятелей в Сербии оказался баритон Марьяшец. Первая опера с полным ансамблем, с хором и балетом – «Евгений Онегин» – была поставлена им [в 1920 г.].

С того времени прошло около четырех лет. То, что сделано за этот короткий срок русскими артистами в области оперы, балета, театральной техники, в буквальном смысле громадно: декорации писали русские художники-специалисты. На подмостках выступали крупные силы: наши бывшие императорские. Теперь уже можно сказать, что дело в белградском и других крупных театрах Сербии поставлено на прочных и серьезных основаниях.

Во многих областях сценической работы дело не обошлось, конечно, без борьбы. Бороться приходилось с косностью публики и с заматерелой рутинной. Та же балерина-босоножка рассказывала мне:

– Первоначально я выпускала своих босоножек в чулках и туфельках, в закрытых платьях, без малейшего декольте. Через год они танцевали уже босые, но все еще в платьях, и от моей школы отворачивались как от чего-то, оскорбляющего нравственность.

Впоследствии балет этой артистки выступал, по ее словам, «в том, в чем следует». И это уже никого не шокировало. Белградское общество постепенно дошло до сознания, что настоящее искусство не развращает, а, наоборот, создает и утверждает нравственную чистоту. Первоначально во вновь открытую школу поступали только дочери театральных сторожей и горничных, да и то ради субсидий, выплачиваемых ученицам правительством. Теперь туда охотно отдает своих детей интеллигенция. [...]

Русские сценические деятели, работающие на казенной сербской сцене, вряд ли вправе пожаловаться на свое материальное положение, исключая хор, состоящий почти исключительно из русских, которые получают мало и бедствуют.

Как это вышло, я не знаю, но в психике сербского интеллигентного общества, особенно среди лиц, посвятивших себя театральной и музыкальной критике, создалась аналогия между артистами – русскими беженцами и русским искусством. Русская Мельпомена, так много сделавшая для молодого сербского театра, создавшая его буквально из пустого места, тоже оказалась «беженкой», с которой можно иногда не очень-то считаться. Были статьи о русском искусстве, обнаруживавшие грубое непонимание его; стали сниматься с репертуара русские пьесы. Почти совсем исчез со сцены первенец сербской оперы «Евгений Онегин».

Помимо этого, неизбежно сказалось другое, роковое для всей русской эмиграции в Сербии – политика! Одного хорошего молодого певца¹³⁶,

талантливого тенора, только что закончившего свое образование в Италии, заподозрили в принадлежности к «жидам»; и он должен был уйти... Белградское «Новое время» тоже, конечно, вело свою линию: неугодных артистов замалчивали. [...]

Истинное искусство аполитично. Оно не может служить побочным целям, кроме тех, которые поставлены ему влекомым стремлением творчества к высшим формам жизни – если оно истинно! Но белградские монархисты сделали невозможное возможным и нашли случай внести в это дело «полезное» новшество.

В Сербии несколько раз дебютировали московские «художники»¹³⁷. Нечего и говорить, какую радость, какой душевный отдых они давали оторванным уже давно от всего родного беженцам. Сербская публика отнеслась к ним прямо-таки с трогательным пиететом. Спектакли «художников» посещал король. И вот во время их последних гастролей, когда они дали несколько новых пьес и превосходных инсценировок произведений Достоевского, белградские правые отблагодарили их по-свойски.

Я был на нескольких спектаклях «художников» во время их последнего приезда. Новый Королевский театр в Белграде был переполнен русскими. Беженцев узнать было нельзя: все подтянулись, принарядились, ободрились. Это была не беженская унылая, озлобленная толпа; это была публика наших первых представлений. «Художников» приветствовали без конца.

И вот после прощального спектакля, растроганная общим выражением симпатий тепло провожавших ее русских и сербов, г-жа Германова¹³⁸ уже на вокзале не удержалась и с грустным недоумением сказала одному из провожавших ее русских журналистов:

– Что только пришлось пережить нам здесь в этот приезд! Меня засыпали анонимными, бóльшей частью написанными по-французски, письмами. Нас упрекали и ругали за то, что мы ставили Чехова и «Село Степанчиково» и показывали чужим темные стороны нашей русской жизни, предавая национальное дело.

Конец «двора чудес»¹³⁹

С весны 1921 г. тихий патриархальный Белград был охвачен лихорадкой строительства. Вышел закон о застройке городских пустырей, хотя бы и принудительной, о налоговых преимуществах для многоэтажных домов, о государственной ссуде строителям, и старые низенькие «кучи» начали исчезать целыми кварталами, и на их месте вырастать скороспелые небоскребы. Сразу, почти из ничего, выросла мощная банковская деятельность и строительная спекуляция.

С ранней весны работа закипела. К строительной горячке присоединилось еще и муниципальное усердие по упорядочению и украшению города. Летом

должна была состояться свадьба молодого короля Александра¹⁴⁰. Весь Белград поэтому был изрыт глубокими ямами и завален горами строительных материалов и мусора.

По узким подъемам и спускам улиц древнего города (Белград основан еще при римлянах, а быть может еще и раньше) всюду громоздилась масса построек, пыхтели механические двигатели и сновали рабочие с тачками и носилками. Погонщики неистово орали на своих толстолобых волов; в раскаленном воздухе тучи пыли мешались с чадом передвижных асфальтовых котлов и испарениями известковых ям.

И тут же, среди выроставших как грибы после дождя каменных громад, среди рева новеньких, полученных по репарации грузовиков, вытеснивших милую скрипучую «колу»*, как небоскребы вытеснили мирные «колиби»** и «кучи», с той же лихорадочной поспешностью разбивались скверы и бульвары, насаждались цветы, деревья, строились тротуары и мостовые.

Изголодавшиеся на миниатюрном пайке в глухих колониях русские беженцы потоком хлынули в Белград, несмотря на воспрещение самовольно переменять место жительства. И вот среди немцев и мадьяров, выносливых босняков, арнаутов и чистеньких швабов*** с другого берега Дуная, с нежными личиками и сильными как у мужчин руками, в поте лица своего начали трудиться под палящим солнцем участники знаменитого «Ледяного похода»¹⁴¹ и не менее знаменитого сидения на «Голом поле»¹⁴². Академические значки, офицерские кокарды, терновые венцы, проткнутые мечом¹⁴³, студенческие фуражки с вылинявшими околышами, все это, разумеется, перепачканное глиной и известкой. В руках мотыги, лопаты, рукоятки носилок и тачек. В воздухе висела, не смолкая, ужасная славянская брань, и мирно поднимались и опускались заскорузлые, потрескавшиеся руки случайных работников, созидавших новую жизнь в чужой стране, после того как безжалостно разрушили этими же руками жизнь у себя на родине! [...]****

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 710. Л. 32–39, 41–46, 48, 51–57, 59–60, 70–71.
Автограф.

* Кола – телега (серб.).

** Колиба – лачуга, хижина (серб.).

*** Швабы – австрийцы (серб., разг.).

**** Подпись отсутствует.

48

*Поздравительное письмо писателя и драматурга Иво Войновича¹⁴⁴
Вас.И. Немировичу-Данченко¹⁴⁵ по случаю его 80-летнего юбилея*

8 февраля 1925 г.
г. Груж (Далмация)
Отель «Петак»

Velikoštovani Gospodine!

Vaša je slava i naša slava. Veliki Rus ne može drugo da bude nego i Veliki Jugoslaven. To ste Vi, velecijenjeni Gospodine, najbolje dokazali; za to nema čovjeka u Jugoslaviji koji Vas ne bi poznao i volio. Sve velike, nadzemaljske muke koje izraniše tijelo majke Rusije, čine nam svakog Rusa još bližeg našem srcu – a Vas pako, diku i ponos svog naroda, uzdižu u visine gdje samo nekoji čovječanstva caruju.

Svim srcem čestitam Vam moleći Boga da Vas uzdrži tako hrabra i zdrava e da ugledate spasenje Vaše i naše – i biva Vaskresenje Majke Rusije.

Vaš najodaniji

Ivo Vojnovič

РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 3. Д. 74. Л. 2.
Подлинник. Машинопись.

49

Из воспоминаний генерал-майора Генерального штаба В.В. Буняковского¹⁴⁶ – об управлении русскими колониями в Сербии, о быте и отношении сербов к беженцам из России

30 июля 1926 г.

В эмиграции в Сербии

Как только мы перетащили вещи и распаковались в нанятой комнатухе, и пообедав в кафане сербским столом, в коем не обходится без паприки (острый красный перец) и пасули (фасоль), я отправился в правление колонии регистрироваться и узнать состав ее, виды на получение заработка, условия жизни, отношение населения и т.д.

Оказалось, что во всех городках и местечках Сербии, где число беженцев превышало 25 человек, они образовывали колонию, возглавляемую правлением в составе председателя колонии, являющегося и председателем правления, состоящего из 5 членов и секретаря-казначея.

Должности председателя колонии и членов правления являлись выборными. Выборы производились закрытой баллотировкой всех лиц обоого пола, достигших совершеннолетия.

В городах с числом беженцев менее 25 человек правление возглавляется единолично выборным представителем колонии. Колонии обязаны были давать отчет буквально в каждом деле общему собранию беженцев, без коего не могли предпринимать никаких действий, причем беженцы, в свою очередь, имели право требовать созыва общего собрания, для чего достаточно было собрать известное небольшое количество подписей под заявлением.

Представитель колонии являлся лицом, через которое поддерживались сношения беженцев с местными властями, в свою очередь предъявлявшими через него свои требования к беженцам.

В данное время над колониями тяготели еще следующие власти: в Белграде находился главноуполномоченный по устройству русских беженцев г-н Палелог¹⁴⁷, с обширной канцелярией, обслуживаемой порядочным штатом служащих. [...] Наряду с этим органом власти к этому времени начала функционировать Державная комиссия по устройству русских беженцев, во главе коей стоял сербский председатель¹⁴⁸, а многочисленный штат служащих состоял почти исключительно из русских беженцев, причем почти все более или менее ответственные должности были заняты офицерами Генерального штаба.

Кроме того, еще до нашего приезда в Сербию, якобы для отстаивания интересов беженцев и направления деятельности правлений, было избрано бюро съезда беженских организаций, для чего в Белграде собрали по одному представителю от провинциальных колоний, которые совместно с беженцами в Белграде, Земуне и Панчево должны были выбрать трех лиц. [...] Кроме того, военные и морские чины колоний находились под учетом и должны были исполнять все распоряжения таких учреждений, как Управления военного и морского агентов¹⁴⁹, продолжавших существовать и тогда, когда Южнорусское правительство¹⁵⁰ ликвидировалось.

Но всего этого мало: существовала в то время и продолжала существовать после расформирования Южнорусского правительства Канцелярия русского посланника, возглавлявшаяся г-ном Штрандтманом.

Таким образом, «опекунства» у беженцев было более чем достаточно, но надо полагать, что для огромного процента беженцев наличие их ровно ничего не дало – вся суть была в Державной комиссии, финансировавшей беженцев и старавшейся приискивать работу физического характера. Может быть, кому-нибудь эти органы власти и приходили на помощь, но, вероятно, это делалось по знакомству, протекции или личным надоеданиям беженцев.

В тех же колониях, где я жил, и среди встречавшихся знакомых я не знаю никого, кто получил бы, по крайней мере, назначение на должность через

посредство лиц, возглавлявших эти учреждения. Не было видно со стороны этих учреждений и стремления урегулировать наше правовое положение, и из того, что я слышал от лиц, кои прибегали к содействию кого-нибудь из вышеуказанных лиц, видно было, что главное, занимавшее их, это было поддержание личных хороших отношений с сербскими властями, избегая всего того, что могло вызвать со стороны последних хотя бы тень недовольства. [...]

* * *

Хотя сербы православные, но отсутствие певчих и благолепия церковного служения вызвало желание русских беженцев иметь и свои церкви, и своих духовных пастырей, и свои хоры.

Русские церковные хоры образовывались даже в тех городах, где русских церквей и духовенства не было, и пели в сербских церквях, привлекая к посещению их интеллигенцию, обыкновенно вообще почти не посещающую церковных служб.

Во главе русского духовенства в Сербии стоял митрополит Антоний¹⁵¹. Под его председательством функционировал Архиерейский собор (или Совет), главной деятельностью коего являлось ведение бракоразводных процессов, т.к. количество русских приходов было ничтожно и в области руководства церковью деятельность его была незначительна, в то время как количество разводов было весьма велико. [...]

Хотя в Сербии, спустя 3–4 года после прибытия беженцев, осталось эмигрантов в 3–4 раза меньше, чем, например, во Франции, но количество разводов, судя по газетным объявлениям, обратно – превосходило в 3–4 раза количество таковых во Франции.

Если бы в России разводы давались так легко и в таком относительном к числу жителей количестве, то они бы исчислялись не только десятками, но сотнями тысяч, а то и больше в год.

Плата за разводы была установлена сравнительно высокая, причем за ускорение или обход каких-либо формальностей взималась дополнительная плата. [...]

Вполне понятно, что общество было вправе, наоборот, требовать принятия мер духовными пастырями к оздоровлению нравов, но, увы, это повело бы к значительному сокращению доходных статей Архиерейского совета, иначе ничем нельзя объяснить обилие разводов и упрощенность получения их. [...]

* * *

В том ведомстве, куда я поступил на службу, а именно Катастро*, находившееся в ведении Министерства финансов, первоначально собственно сер-

* Имеется в виду кадастровая служба.

бов на службе было очень мало, т.к. в Старой Сербии землемерных училищ не было. В Новой Сербии¹⁵², где катастарские работы были почти закончены, имелся порядочный штат землемеров, но большинство их занимало постоянные должности по Катастро у себя или перешло на службу по другим специальностям.

Только в первый год работы они в роли мелких начальников работали у нас, но с наступлением зимы уехали и больше не возвращались, почему в результате на 70–80 русских едва ли набралось человек 10 сербских землемеров.

В первый год основное наше жалованье не отличалось от такового, получавшегося сербами, но жалованье составляло лишь незначительную часть содержания, слагавшегося из так называемых сумм: на вздорожание жизни (на скупоћу*), теренской дневницы**, на наем квартиры. Вот здесь уже сразу была заметная разница, т.к. по закону мы были причислены к иностранным подданным (очевидно, закон только и мог быть издан для русских, так как подданных других национальностей на сербской государственной службе не было***). [...] Размер дневницы для нас был сокращенный по сравнению с сербами, равно как и додатак**** на скупочу, как будто мы должны были питаться хуже сербов. Но беда в том, что с теренской дневницей для русских происходили какие-то фокусы.

Первое лето нам выдали дневницу лишь за два м[еся]ца, а затем прислали бумагу, в коей сообщалось, что в ближайшие два месяца дневницы мы получать не будем, а затем снова она будет выдаваться, причем рекомендовалось «перетерпеть», а не уходить, т.к., вероятно, и за эти два м[есяца] она будет выдана. В результате мы не получили ни за эти два месяца, ни за следующие, в то время как сербы получили полностью. На наши просьбы нам заявили, что деньги уже были ассигнованы, но ввиду того, что потребовалась, вследствие осложнений в Венгрии, мобилизация одной или двух дивизий, деньги эти были взяты на расходы, ею вызванные. Между тем дневницы составляли половину жалованья.

В следующие годы дневница выдавалась в уменьшенном размере, хотя постановлением Генеральной дирекции Катастро мы были квалифицированы (не все, а часть, на основании полученного в России образования и успешности работы в Сербии), причем в бумаге, извещавшей нас об этом, говорилось, что мы имеем право на все «принадлежности», т.е. на все виды денежного довольствия, полагающегося квалифицированным землемерам (по-сербски – геометрам), но это оказалось лишь словами, так как в действительности мы

* Скупоћа – дороговизна (серб.).

** Теренска дневница – поденная плата за работу на местности; командировочные (серб.).

*** Подчеркивание автора.

**** Додатак – прибавка (серб.).

продолжали получать меньше сербов не только той же квалификации, но и так называемых «технических службеников». Между тем было ясно, что стоило бы нам оставить службу, как Катастро пришлось бы ликвидировать за отсутствием сербских геометров и начатые, поглотившие много средств работы бросить в незаконченном, а потому ничего не стоящем виде. [...]

* * *

Таким образом, для Сербии, из крошечного государства, понесшего огромные потери в Великую войну в мужском населении, превратившейся в державу с 12,5 млн жителей, а потому не имеющей достаточного количества собственных специалистов, наличие русских было в этом отношении благополучием – надо помнить, что русские «не отбивали хлеба», если можно так выразиться, а занимали вакантные должности: инженеров разных специальностей и техников; профессоров в университетах; преподавателей в гимназиях, преимущественно столь важного предмета, как математика; сельских учителей, топографов (своих у сербов было человек шесть); врачей; землемеров; судей; чиновников в разных канцеляриях; священников и т.д. Если же происходило по финансовым соображениям сокращение штатов, то совершенно справедливо в первую очередь «редуцировали», т.е. увольняли от службы русских, хотя последние при увольнении не получали двухмесячного жалования и пенсии, получавшихся сербами.

Касаясь вопроса о населении Сербии, я должен предупредить, что ознакомился ближе с таковым Старой Сербии, причем как городским, так и сельским. Представление о сербской национальности в России лично у меня, да и, вероятно, у большинства было иное, чем то, которое составилось у меня после 5–6 лет жизни в Сербии. Мы рисовали себе сербский народ как преисполненный запасом рыцарских чувств, в коих духовное начало значительно преобладает над материалистическим, и думали видеть в сербах родственные нам души.

Думалось нам, что это народ весьма религиозный, воинственный, стремящийся к просвещению и культуре, чающий объединения с родственными ему словенцами, хорватами и другими славянскими народностями, населяющими его территорию, мечтающий о духовных возможностях такого единения. Что же мы увидели? Почти полное отсутствие религиозности истинной, а не корыстной и преисполненной суеверия.

Церкви сербские, как в городах, так и в селах, пустуют – редко-редко зайдет в них пять-шесть старух да два-три старика, а чаще священник служит в абсолютно пустой церкви. Даже в местные большие праздники народу бывает мало.

На священника смотрят как на чиновника, выполняющего свои обязанности – молиться за всех, получая за это содержание, почему нередко на вопрос,

почему они не ходят в церковь, получаешь ответ, что зачем же им самим ходить, когда это дело священника по роду его службы.

Все обряды – погребения, свадьбы¹⁵³, крещения и пр. производятся «на рысях». Так, например, заупокойной литургии не служитя, а происходит лишь отпевание. Свадьба длится минут 10–15, и молебна служить не принято. Но за все требы¹⁵³ плата щедрая, и духовенство, особенно городское, живет богато.

Сами священники вне службы ведут образ жизни, ничуть не отличающийся от такового рядового обывателя.

Никакой заботы к созданию хоров певчих, улучшению благолепия храма и самих церковных служб ими не проявляется. Между тем по всему видно, что когда-то, находясь, вероятно, под турецким игом или тотчас по освобождении от него, на церковь делались щедрые пожертвования, так, например, в таком маленьком городишке, как Велико Градиште¹⁵⁴ с 3 тыс. жителей, была прекрасная каменная церковь с хорошим иконостасом и стенной живописью. Такая же церковь была в селе, удаленном от города на 8–10 верст, Браничеве.

Церковная служба происходит на церковно-славянском языке, но с примесью и сербского, причем с отчаянным завыванием (пением это назвать нельзя) дьячка. [...]

К смерти близких сербы относятся довольно равнодушно и стараются поскорее избавиться от присутствия покойника в доме, почему похороны производятся на следующий день после смерти, т.е. часто меньше, чем через 15–20 часов. Покойника принято поминать вином. Но к памяти умершего относятся с почитанием – служат парастас¹⁵⁵, посещают могилы, беря с собой ракию... Имеется и институт плакальщиц.

Таких душу раздирающих сцен, какие приходилось наблюдать часто в России при похоронах, здесь не бывает.

В сербских свадьбах огромную роль играет первый шафер, так называемый кум. Его обязанность по сербским обычаям заключается в том, чтобы принимать участие в дальнейшей жизни супругов, – он выбирает имена детям, крестит их, выводит в люди и пр., почитаясь близким – родным. [...]

* * *

Сербский народ в массе глубоко демократичен – в нем нет ни сословий, ни более или менее замкнутых каст по роду деятельности или специальностям.

Образование всем одинаково доступно, благодаря чему и на высших гражданских и военных должностях можно было наблюдать наряду с лицами, занимавшими такие высокие посты, родители коих тоже принадлежали к служилому элементу, лиц, родители коих и вся родня были простыми селяками или домовладельцами на окраинах городов.

¹⁵³ Речь идет об обряде венчания.

Отсюда и равное взаимоотношение, и нормальным явлением было, когда в кафане за общим столом можно было видеть и селяка, и чиновника, и офицера, не говоря уже о том, что приветствие за руку со старым селяком являлось неизбежным. Каждый чувствовал себя гражданином, равноправным в обществе и перед законом, проникнутым сознанием собственного достоинства. Это являлось следствием, с одной стороны, государственной системы, а с другой – того, что и имущественной разницы между рядовым чиновником, мастеровым и селяком, исключая небольшой процент бедняков в каждом селе, особенной не было. [...] Можно было часто видеть, как селяк заказывает в городе костюм за 1500 динаров или, не смущаясь ценой стерляди в 35–40 динаров кило, покупал рыбину в 2–3 кило.

Культурность и общее умственное развитие селяков, хотя далеко не поголовно грамотных, стояло выше, чем наших крестьян, особенно Центральной Черноземной полосы. То же можно сказать и про средней руки торговцев и мастеровых – горожан. Что же касается чиновного элемента и лиц свободных профессий, то их интеллигентность и культурность стоят, безусловно, много ниже, чем у нас. То же можно сказать и про рядовое офицерство.

* * *

В общем, сербы большой руки материалисты и духовные запросы их весьма ограничены. Почти все они, за малыми исключениями, в душе коммерсанты, любящие «деньгу», гонящиеся за ней, постоянно в разговорах сводящие их к «парам» (деньгам), стоимости того и другого, всякого рода сделок и т.д.

В них сильно развито чувство собственности, стремление обзавестись домишком с усадьбой, заняться торговлей... В общем, коммерция, экономия, служебная независимость являлись идеалом очень и очень многих. Вполне понятно, что это не вяжется с «высокими материями» и «полетом духа», не способствует и стремлению к возвышенному, идеальному.

К военной службе ни селяк, ни горожанин призвания не имеют. [...] Даже на офицерскую службу, весьма доступную, но вместе с тем сравнительно очень хорошо оплачиваемую, т.к. подпоручик получал содержание большее, чем, например, директор гимназии или член суда, стремились мало, и, как говорит директор местной гимназии, идут в военное училище по окончании 6-го класса преимущественно не рассчитывающие одолеть остальные два класса и университет, или же по соображениям имущественного характера. [...]

Несмотря на то что ни культурностью, ни умственным развитием, ни стремлением к саморазвитию в массе сербская интеллигенция не отличалась, она обладала большим самомнением: может быть, это рефлекс того обстоятельства, что Сербия выросла в такую большую державу, в которой им, стоящим в культурном отношении ниже (численно сербов значительно меньше),

чем население вновь присоединенных территорий, выпала руководящая роль в вопросах государственного строительства и управления. [...]

Кроме того, в массе интеллигенции не видно жажды к чтению: не говоря уже о женщинах, но даже мужчины, служащие или занимающиеся свободными профессиями, почти не занимаются чтением книг. [...]

Сербская женщина в селе – существо в значительной степени приниженное, она всегда в работе. Горожанки тоже работают «вовсю»; причем даже в состоятельных семьях выполняют буквально всю работу, вплоть до чистки сапог мужу. Однако это не мешает мужьям относиться к женам с большим уважением и любить их. [...]

В городах при женитьбе большую роль играет приданое, торгуясь за которое, женихование иногда растягивается на несколько лет, что отчасти указывает на то, что сильных чувств сербы чужды и ими больше руководит расчет.

Этим, вероятно, отчасти объясняется то, что сербы не прочь были флиртовать с русскими вдовами и барышнями, доводя дело до полного сближения, но уклоняясь от женитьбы, хотя бы это стоило им даже потери службы. В то время как русские, в общем, довольно охотно женились на сербках, причем бесприданницах. Так, в нашей среде служащих в Градиште в числе 20–25 холостых за первые шесть лет 12 человек женились на сербках, и ни один на русской!

Впрочем, может быть причиной тому разница в добродетелях сербской и русской девушек: по крайней мере, в Белграде очень ценилось иметь компаньонками русских дам и барышень, и последние, кончая здесь образование, мечтали о жизни в свое удовольствие, чего русские беженцы дать не могли, а сербы не находили для себя приемлемым, требуя от жен заботу о себе и детях прежде всего. [...]

* * *

Сербы, в общем, любят выпить, но в силу ли слабости их водки (ракии) и вина, в силу ли темперамента, но вино их веселит, а не располагает к буйству и дебошам, почему пьяных скандалов почти никогда не бывает, чего нельзя сказать про наших соотечественников. Но что у сербов очень развито, так это поминание мајки (матери) в еще более разнообразных формах, чем у нас в России, но чаще не как ругательство, непосредственно направленное против того или другого лица, а как выражение чувства недовольства, восклицания и пр., причем это можно услышать и от лиц более или менее интеллигентных, не стесняющихся при этом присутствия женского элемента, обыкновенно остающегося совершенно хладнокровным. [...]

Что же можно сказать про отношение к нам – русским «избеглицам» (беженцам)? [...] Прежде всего следует отметить, что в массе сербов отнюдь не приходилось наблюдать чувства признательности к нам как представителям государства, оказавшего помощь Сербии, без которой она никогда не обратилась бы в государство с 12–13-миллионным населением. Если еще кое-кто из власть имущих в душе сознавал это, то открыто не высказывал и не старался привить этого чувства благодарности массам. Чаще можно было встретить лишь проявление простого сочувствия к нам, как к много пережившим и много потерявшим из того, что сербами так ценится, т.е. материально обеспеченного положения, и ставшими, как часто приходилось слышать из их уст, «сиромохами» (т.е. бедняками). Но и здесь сочувствие это не носило глубокого характера, т.к. сентиментальные чувства чужды сербам.

Кроме того, многие сербы, имея превратное мнение о России прошлого и считая, что мы в массе принадлежали к классу угнетателей, ничего не делавших, а лишь получавших «деньгу», считали наше настоящее положение заслуженной нами самими карой Провидения.

Иные же, не веря тому, что говорилось и писалось о большевистской власти, ее сущности, отношении к нам, считали, что отъезд наш с родины, пришедшей советскую власть, вызван был нашим нежеланием подчиниться ей в силу стремления самим властвовать и занимать господствующее положение на родине.

Поэтому когда в газетах появлялись известия об амнистировании нас советской властью, многие вполне искренно поздравляли нас и задавали вопрос, когда же мы поедem в Россию.

Мы уже говорили, что сербская интеллигенция высокого мнения о себе, своих способностях и культурности, но, конечно, чувствуя в лице многих из нас превосходство над собой, как-то невольно впадала в соблазн унижить нас в глазах других. Поэтому часто наблюдалось гораздо более мягкое и снисходительное отношение к русским – менее культурным и образованным, чем наоборот; впрочем, этим, вероятнее всего, они реагировали на то, что видели в нас лиц, не могущих не признавать своего превосходства, почему, как думалось им, относившимся к ним несколько свысока.

Часто сербы проявляли большую терпимость и снисходительность к лицам, заведомо порочным и опустившимся, если они вели «друштво» (т.е. разделяли компанию) с ними по кафанам. Наоборот, к тем, кто держал себя корректно и не вел «друштва» не из гордости, а в силу того, что от этого не получал нравственного удовлетворения, отношение было холодным.

В общем, нельзя не признать, что сербы старого поколения как-то сочувственнее и теплее относились к нам, чем молодое [поколение], укрепившее свое положение уже после войны. Что касается до отношений различных

группировок населения, то можно сказать так: сельское население в массе относилось с известным почтением и уважением, однако не признавая нужным чем-нибудь поступиться из собственных интересов ради «сиромашних русов» (бедняков русских). Они очень ценили тех, кто держался с ними просто, и выражали свое удивление работоспособностью русских на службе у государства за ничтожное вознаграждение.

Городское население – торговцы, мастеровые, мелкие домовладельцы – определяли свое отношение с точки зрения платежеспособности того или другого «избеглица» и той политической партии, к составу коей они себя причисляли. Служащие в государственных учреждениях, рантье, лица свободных профессий держали себя по отношению русских вежливо, корректно, часто проявляли готовность оказать ту или другую услугу, но от знакомства домами как-то уклонялись – впрочем, у них и не принято взаимное гостевание.

Военная среда, кроме офицеров из бывших австро-венгерских, относилась очень хорошо, но ревниво оберегала армию от вступления в ее ряды русских специалистов, в коих не могла не видеть превосходства над собой. Только единицы были приняты в армию на рядовые офицерские должности, а остальные, в довольно значительном числе, – на должности военно-технических чиновников, с выполнением функций, отнюдь не отвечавших их специальности и объему военных знаний.

В конечном итоге мы отойдем недалеко от истины, если скажем, что характер отношений к нам лишь отчасти проистекал от той роли, какую играла Россия в судьбах Сербии, и от того, что мы – «избеглицы» – пережили за время войны и после нее, и что потеряли с эмиграцией из духовных и материальных ценностей, а главным образом, в силу общих свойств сербов и личных каждого из них в отдельности.

Так как сербам в массе чужды сентиментальность, чуткость души и сердечность, а близки характеру расчетливость, эгоизм и любовь к «парам», то этими свойствами главными образом и определялись отношения к нам.

Если же, с другой стороны, учесть состав русских беженцев, их образ жизни и действий, а также то, что в Сербии беженцев в процентном отношении было очень много и что имелись, главным образом в Новой Сербии, круги лиц, определенно натравливающих сербов против русских беженцев, не стесняясь заведомо ложно освещать значение нашего нахождения в Сербии и обобщая единичные факты преступности русских беженцев, в общем – к чести нас следует заметить – совершенно ничтожной, придется признать, что на лучшие отношения мы не были вправе и рассчитывать, благодаря Бога, что они сложились именно таковыми, какие были в действительности.

Что ждет нас впереди, конечно, неизвестно, но можно утверждать, что в Сербии не рассчитывали на то, что мы можем так долго засидеться в ней,

и немудрено, если мы, пришельцы, одной славянской крови, но разные по душе, моральным запросам и культурности, в конце концов просто надоедим сербам одним фактом своего массового присутствия. Но, Бог даст, понемногу произойдет слияние и более глубокое взаимное понимание, и за наш трудовой образ жизни и соблюдение во всем по совести интересов Сербской державы, как говорят, «все образуется» и условия нашего существования вне дорогой родины улучшатся.

Пугает лишь старость и потеря трудоспособности, т.к. мы не можем быть в претензии на сербов, потому что для нас созданы были все условия существования, хотя бы в богадельнях, между тем как наши «опекуны» совершенно не заглядывают в будущее и не уделяют этому вопросу должного внимания, занятые больше игрой в политику, полагая этим ускорить наше возвращение на родину, упуская, однако, из виду всю мизерность своей работы в этом направлении. Много прожито, много пережито, и, может быть, не удастся вернуться на родину...

Много лжи, много стремлений скрыть и замаскировать истину. В газетах – подлаживание, в словах – обман. Но будущий историк, будущий гражданин Великой России должен исходить из правды, правды и истины. Мы были объективны в фактической стороне изложения. В выводах могли и заблуждаться.

В. Буняковский

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 780. Л. 3–5, 9 об. – 10 об., 19–21 об., 27–29, 31–38.
Автограф.

50

Поручительство, выданное посланником Королевства СХС в Праге русскому литератору Вас.И. Немировичу-Данченко, направляющемуся с научными целями в Королевство СХС, с просьбой югославянским пограничным службам и госучреждениям оказывать ему всяческую помощь и содействие*

№ 3131/26

13 сентября 1926 г.
г. Прага

Preporuka

Poznati ruski književnik Gospodin Nemirović-Dančenko, koji je bio i kao dobrovoljac u našoj vojsci za vreme srpsko-turskog rata 1875. god., putuje radi naučnih studija u našu Kraljevinu.

* Документ, выдаваемый ведомством иностранных дел или диппредставительством за границей и дающий его владельцу определенные льготы при переезде через границу.

Umoljavaju se pogranične i ostale vlasti Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca, da Gospodinu Nemiroviću-Dančenko budu u svemu na ruci na njegovom putu, i ukažu prema potrebi svaku pomoć.

Poslanik*

РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 272. Л. 2.

Подлинник. Машинопись на бланке посольства Королевства СХС.

Имеется печать посольства.

51

Уведомление, направленное Министерством иностранных дел Королевства СХС И.А. Персиани¹⁵⁶, о зачислении его на должность переводчика в протокольный отдел министерства

№ 241

22 января 1927 г.

г. Белград

Министарству Иностранних Дела част је известити Вас, да сте решењем Господина Министра Иностранних Дела Пр. Пов. Бр. 241 од 21. овог месеца постављени за преводиоца у Одсеку за протокол овога Министарства са платом од 4000 динара месечно.

Умољавате се да изволите доћи у Министарство ради ступања на дужност.

По наредби Министра Шеф Персоналног Одсека

Д. Влад Којић

РГАЛИ. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

Подлинник. Машинопись на бланке МИД Королевства СХС.

* Подпись неразборчива.

52

Сопроводительное письмо журналиста и издателя М.А. Суворина¹⁵⁷ к номеру газеты «Новое время», посвященному дню рождения короля сербов, хорватов и словенцев Александра I, с благодарностью от русских беженцев, получивших приют в королевстве

17 декабря 1927 г.

Седьмой год издавая в Белграде петербургское «Новое время» и свято храня традиции моего покойного отца Алексея Суворина – испытанного друга Сербии, я счастлив засвидетельствовать Вашему величеству чувства глубокой благодарности за оказываемый в Вашей державе приют «Новому времени», мне и тысячам русских беженцев, благословляющих Ваше имя.

При сем дерзаю представить очередной номер «Нового времени», изданный ко дню рождения Вашего королевского величества.

С чувством глубочайшего почитания имею честь быть Вашего королевского величества

все реданнейший слуга Ми аил Суворин

РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6 а. Л. 1.

Отпуск. Машинопись. Подпись – автограф.

53

Письмо В.Н. ☒ трандтмана И.А. Персиани с передачей содержания письма вдовы С.Д. Сазонова А.Б. Сазоновой, признательной всем, кто выразил ей соболезнования по поводу смерти ее мужа, С.Д. Сазонова

15 января 1928 г.

г. Белград

Многоуважаемый Иван Александрович.

Мною только что получено от А.Б. Сазоновой¹⁵⁸ письмо, начало которого передаю дословно.

«От всей души благодарю всех наших коллег за доброе участие в моем горе и молитву за моего покойного мужа. Всеобщее сочувствие меня утешает и глубоко трогает, а Сербия в особенности сердечно отнеслась к его кончине. Великолепные венки е.в. короля Александра и Сербского правительства покрывают его могилу, а телеграммы их и г-на Спалайковича были из первых, мною полученных. Всем глубоко признательна».

Заканчивается письмо просьбой передать благодарность некоторым перечисленным сербским лицам и организациям, приславшим выражение соболезнования, адреса которых ей не известны, и добавлено: «а равно милому Персиани, адрес которого я не знаю, была очень тронута его письмом и участием».

Искренне Вам преданный

В. ☒ *трандт ан*

РГАЛИ. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.
Подлинник. Машинопись.

54–57

Из корреспонденций белградской газеты «Новое время», освещающих ход подготовки города к предстоящим русским зарубежным съездам: ☒ четвертому съезду ученых и Первому съезду писателей и журналистов

14–16 сентября 1928 г.

54

Из колонки главного редактора газеты – «К предстоящим съездам»

14 сентября

Мы стоим накануне двух событий, имеющих большое значение для русской эмиграции: мы имеем в виду два предстоящих в Белграде съезда – академический и союзов писателей и журналистов.

В основу обоих съездов положен один и тот же принцип. На нем встретятся люди разных политических воззрений, люди, которые на другом поприще могут быть врагами, но которые объединяются здесь, в Белграде, на почве общности их духовных устремлений и их профессиональных задач. [...]

В. Даватц¹⁵⁹

55

Сообщение о распоряжении правительства Королевства СХС предоставить всем делегатам Съезда писателей и журналистов бесплатный проезд в 1-м классе по всем маршрутам страны

15 сентября

Работа организационного бюро кипит в буквальном смысле слова. Правительство Королевства СХС широко идет навстречу Белградскому союзу русских писателей и журналистов¹⁶⁰. На днях было сделано распоряжение о выдаче всем делегатам съезда билетов 1-го класса по любому маршруту по всему королевству, дабы писатели и журналисты имели полную возможность ознакомиться с жизнью и бытом Югославии.

К.Ш.

56

Из информации «К съезду русских ученых» – о программе работ первого дня съезда

15 сентября

[...] Открытие съезда – в воскресенье, 16 сентября, в 4 часа дня в большом зале нового здания университета:

- Торжественное открытие съезда.
- Приветствия. Избрание почетных членов съезда.
- Речь Ф.В. Тарановского¹⁶¹ «Славянство как предмет историко-юридического изучения».
- Открытие Русского института в Белграде.
- Заседание публичное.

57

Воззвание Белградского городского управления к жителям столицы по случаю приезда русских ученых на съезд

16 сентября

По случаю приезда русских ученых на съезд в Белград, Городское управление города Белграда обратилось к населению со следующим воззванием, расклеенным на улицах столицы:

БЕЛГРАДСКИМ ГРАЖДАНАМ!

В день 16-го сего месяца в Белград прибывают представители науки и литературы братской нам России.

Белград должен показать, что он не утратил чувства благодарности, которыми наша нация обязана за свое существование и процветание славянской матери-России, в течение веков мощной нашей заступнице, и носителям русской культуры – нашим дорогим гостям.

Поэтому Белград должен как можно сердечнее и гостеприимнее приветствовать их конгресс, который открывается в этот же день, в 4 часа пополудни в торжественном зале нового университета.

Граждане призываются в знак выражения симпатии к дорогим гостям и русскому народу украсить в этот день свои дома флагами и на каждом шагу быть внимательными по отношению к ним, и этим сделать их пребывание в Белграде как можно более приятным.

Городское управление города Белграда

Новое время (Белград). 1928. 14–16 сентября.

58

Корреспонденция прозаика и публициста А.А. Яблоновского¹⁶² «Как нас встречали в Белграде» о радушной встрече участников Первого съезда русских писателей и журналистов за рубежом на Белградском вокзале, опубликованная в газете «Возрождение»¹⁶³

23 сентября 1928 г.*

В Белград мы приехали в одиннадцатом часу вечера и не без некоторого удивления увидели на вокзале большую толпу народа.

Это местные журналисты и молодежь сделали нам честь и пришли встретить нас.

Любезные, милые, предупредительные, они вырывали из рук наши чемоданы и наперебой спрашивали, чего мы хотим: спать, ужинать, пить чай, побриться?

По совести говоря, мы больше всего хотели спать, но, разумеется, мы очутились в ресторане, где нас ждала замечательная дунайская стерлядь и целая толпа русских – все друзей и знакомых, приехавших ранее. Писатели, журналисты, ученые, съехались «со всех городов зарубежной России», и встреча была шумная и радостная.

* Датируется по содержанию: организационное заседание делегатов съезда состоялось 24 сентября 1928 г.

– И Вы на съезд? Как хорошо!

– А мы ведь, пожалуй, лет десять не виделись с Вами?

– Позвольте, кажется, мы в Египте в последний раз встречались? Или в Константинополе? А Вы здорово поседели, голубчик!

– Да нет же, мы с Вами виделись еще при одесской эвакуации – помните, тогда у Вас еще чемоданы украли?

– Ах, да, да, да!.. Мои бедные чемоданы!

– Но Вы совсем без перемены! Право, только поседели.

Люди обнимались, целовались, засыпали друг друга вопросами, радостно смеялись. А ресторанная музыка гремела, и лакеи разносили блюда со стерлядью, и сербские журналисты засыпали нас вопросами, и соседи по столикам, незнакомые сербы, поглядывали на нас с сочувственными улыбками и подходили представиться и долго жали руки.

В ушах стоял шум, в глазах мелькали возбужденные, просветленные лица, и на сердце было тепло и радостно и чуть-чуть грустно...

– Завтра, господа, к одиннадцати часам пожалуйста в союз писателей!

Это председатель здешнего союза нам говорит.

А сбоку слышен голос с сербским акцентом:

– Вы раньше работали в «Русском Слове»¹⁶⁴, не правда ли?

– Завтра, господа, у нас будет организационное заседание, и Вам выдадут жетоны на бесплатный проезд по всем трамваям и автобусам!

А сбоку опять голос с акцентом:

– А теперь Вы работаете в «Возрождении»? Не правда ли?

Спать нас повезли в новенький, с иголки, Студенческий дом¹⁶⁵, недавно построенный королем Александром. Дом огромный, с бесчисленным количеством опрятных, светлых комнат, таких уютных, таких «студенческих» и милых, что приятно было на них смотреть. Никогда в России у русских студентов не было такого дома – в этом надо сознаться.

– А комнаты, господа, занимайте, какие кому нравятся!

Наутро я в первый раз увидел сербскую столицу при свете дня. Мне говорили, что Белград похож на наш Саратов и даже на Екатеринодар. Но это совсем не верно. Целые кварталы новеньких, вполне европейских домов, асфальт, автомобили, цветники, большие витрины магазинов, нарядные дамы. – Какой же это Екатеринодар?

Город лихорадочно строится. Новые дома вырастают как грибы, и все такие дома, которые могли бы стоять и в Париже – красивые, светлые, огромные.

На некоторых домах я заметил флаги и спросил у своего спутника, который приехал раньше меня:

– Вероятно, у них сегодня какое-нибудь национальное торжество.

– Нет, это флаги в честь русских писателей, по распоряжению городского самоуправления.

– Да что Вы говорите?

– Совершенно серьезно... Вот, прочитайте афишу!

С трудом прочитал я по-сербски широкий плакат и собственными глазами убедился, что мой спутник несколько не преувеличивает.

Действительно, это городское самоуправление приглашает население оказывать особое внимание и особую предупредительность «дорогим русским гостям», а на общественных зданиях вывесить национальные флаги...

Признаюсь, это меня и тронуло, и удивило.

Был ли в истории нашей литературы еще такой случай, чтобы в честь русских писателей вывешивались флаги?

В каком еще городе муниципальные власти вывешивали плакаты с приглашением оказывать «особое гостеприимство» писателям?

Или это только красивый жест гостеприимного городского головы?

Но нет. Мы вошли в трамвай, и кондуктор вежливо снял фуражку и спросил:

– Вы, господа, русские делегаты?

– Да, но у нас еще нет жетонов.

– Это ничего не значит.

И он не дал нам билетов, как мы ни настаивали, а только вежливо снял фуражку.

В другой раз я спросил у белградского прохожего, как мне пройти к университету, и он, вместо того, чтобы указать, только спросил:

– Вы русский делегат? Приехали на конгресс?

– Да.

– Так позвольте, я вас провожу в университет... Это недалеко. – И хотя шел дождик, прохожий не поленился и проводил, и мы долго жали друг другу руки.

Таковы были первые мимолетные впечатления от Белграда и сербов. Но дальше все пошло крещендо, и одно расписание наших дней в Белграде может дать вам полное представление о том значении, которое придают сербы нашему литературному съезду.

1. Торжественное открытие съезда в актовом зале университета и первая встреча с сербским обществом.
2. Банкет сербских журналистов.
3. Обед у министра народного просвещения.
4. Чай, предложенный сербскими женскими обществами.
5. Толстовский вечер.
6. Прием у короля и парадный спектакль.

7. Сокольский праздник¹⁶⁶.

8. Встреча с делегатами Международного конгресса защиты авторских прав.

И опять рауты, и опять банкеты, и опять соединенные литературные вечера.

Все дни расхвачаны. Нет ни минуты свободного времени. Некогда даже написать корреспонденцию...

Александр Яблоновский

Возрождение (Париж). 1928. 2 октября.

59

*Корреспонденция А.А. Яблоновского о первом дне работы Съезда русских писателей и журналистов, опубликованная в газете «Возрождение» под рубрикой «Русские дни в Белграде»**

25 сентября 1928 г.**

Съезд, или, как здесь говорят, – «конгресс» русских писателей и журналистов открылся в актовом зале университета. Зал вмещает до полутора тысяч человек, но билетов, еще задолго до «русских дней», было роздано две тысячи с лишним, и просьбы о пропусках не прекращались до последнего дня и даже до последней минуты.

Перед университетом стояла такая толпа, что нас, членов конгресса, проводили в актовое зал какими-то особыми, недоступными для публики путями. Когда мы вошли, зал был уже переполнен до последней возможности и даже сверх всякой возможности.

Море голов.

И внизу, в партере, и наверху, на хорах, люди сидели и стояли, тесно прижавшись друг к другу. А у всех входов еще слышался гул толпы, для которой не хватило мест...

Мы не ждали многолюдства, и оно взволновало нас. Какие-то невидимые токи струились от этого переполненного зала, от этих блестящих глаз и взволнованных голосов. Толпа заражала нас своим приподнятым настроением, и каждый из нас чувствовал, что в зале нарождается какая-то буря, которая вот-вот сорвется и вот-вот полетит над нашей головой ураганом.

И она сорвалась, эта буря...

* Собственного заголовка корреспонденция не имеет.

** Датируется по дню открытия съезда, 25 сентября 1928 г.

Когда на кафедре показалась всем знакомая серебряная голова старейшего русского писателя и нашего почетного председателя, В[ас].И. Немировича-Данченко, зал точно обезумел и раздался такой взрыв рукоплесканий, что слышно было, как дрожат стекла.

В[ас].И. Немирович-Данченко говорил прекрасно. О России свободной и о России поработанной, о славянской взаимности, о славянской свободе и о злой неволе, в которую попала старшая сестра славянства – Россия.

Напряженно, затаив дыхание, слушал зал слова оратора, и чувствовалось – совершенно ясно чувствовалось – что все эти люди любят Россию совсем так, как любит ее этот восьмидесятичетырехлетний старик с серебряной бородой, этот старейший русский писатель, который проливал когда-то кровь за сербов как доброволец сербско-турецкой войны.

Временами оратору не давали говорить. Снова и снова пронеслись по залу бури рукоплесканий и восторженные крики:

– Живео!

Особенно нежно и особенно любовно говорил В.И. о неволе русской литературы и об изгнании из России русских писателей.

Я видел слезы на глазах слушателей, видел взволнованные лица и блестящие, какие-то «верующие» глаза сербских женщин, устремленные в нашу сторону.

Когда потом, под гром рукоплесканий, наш председатель сошел с кафедры, в зале началась сплошная овация в честь русской литературы. Взволнованные речи, взволнованные голоса, бурные приветственные клики. Цветы, букеты.

Я в первый раз в моей жизни видел такое отношение к нашей литературе. На моей памяти ничего подобного не было даже в России. И тут впервые я охватил взглядом все значение, и всю роль, и всю власть нашей литературы над этими «чужими» умами.

Ведь сербы – это ученики России. Так же как и мы, они выросли на нашей литературе, и все дорогие нам имена в равной мере дороги и им. И даже, пожалуй, больше. Мы читали нашу литературу и любили ее, а сербы «веровали» в эту литературу и считали ее «святыми письменами», по ним учились, по ним чувствовали, по ним жили.

И оттого в этом огромном зале скопилось столько электричества. И оттого эти тысячи людей пришли поклониться нашей литературе и воздать ей хвалу и честь...

Стоя выслушал зал нашу приветственную телеграмму сербскому королю, и начались речи.

Мне трудно перечислить все, что говорилось в этих речах.

Мне трудно перечислить даже названия всех государственных и общественных учреждений, от имени которых эти речи произносились. Но

я отчетливо, совсем ясно чувствовал, что все речи слились в один бурный поток энтузиазма и что они льются от полноты благодарного сердца и чистой любви.

Первым говорил министр народного просвещения г-н Милан Грол¹⁶⁷.

Он напомнил аудитории об интимной близости русской литературы и славянского сознания, о бесспорной, громадной роли русских писателей в истории духовного роста сербов.

В теплых, сердечных словах он благодарил русскую литературу и пожелал русской эмиграции радостного избавления.

Потом от имени города Белграда говорил д-р Коста Кумануди¹⁶⁸, и мы снова услышали братские слова о желанном дне русского освобождения и о сербской благодарности.

– Мы переносим на вас ту вечную благодарность, которой мы обязаны России... – говорил д-р Кумануди.

От университета и академии наук говорил (по-русски) председатель Державной комиссии по русским делам д-р Белич¹⁶⁹.

Ласковый, теплый голос и задушевная искренность речи сразу захватили и увлекли огромную аудиторию.

Д-р Белич говорил о писателях как о созидателях духовных ценностей и строителях идейной жизни народов.

Это была одна из самых блестящих речей, которую оратор закончил так:

– Да здравствуют русские писатели и журналисты, разделяющие горькую участь всего русского народа! Да будут их усилия стократно вознаграждены, и да будет работа их плодотворна, чтобы новые Пушкины и новые Толстые народились на русской земле!..

О поработенной России, о цепях Интернационала говорил (и как горячо говорил!) и д-р Зелич, представитель Югославянского медицинского общества.

– Нет и не было в истории более крепкого, более верного и более вечного союза, чем тот, который существует между Россией и Сербией. Если наука – мозг страны, то литература – это ее сердце, где рождаются мысли человека – мысли о свободе. Пусть же русские люди почерпнут силу из сердца своих свободолюбивых сынов и друзей и встряхнут позорные цепи Интернационала. Да восстанет русский народ, великий, свободный и справедливый...

Я не могу перечислить всех речей, которые я слышал – их было так много, и все они горели таким ярким огнем любви и сочувствия к нашему горю. Но хочется (душа просит) отметить еще речь епископа Досифея¹⁷⁰ и г-жи Богданович.

Епископ Досифей – ученик Влад[имира] Соловьева¹⁷¹, горячий, страстный энтузиаст и верный друг России. Из друзей – друг.

Это очень просвещенный человек и оратор Божьей милостью. И он тоже говорил о нашей славе. И такой верой в Россию дышали его чудесные слова, что я видел слезы и на русских глазах.

После речи епископа, которого все русские ласково называют «наш Досифеюшка», стало особенно ясно, что съезд писателей в Белграде превратился в большое событие, и что это не столько съезд, сколько братание двух интеллигенций – русской и сербской.

Эта особенность съезда была подчеркнута и в речи г-жи Богданович¹⁷².

Г-жа Богданович – сербская писательница, выросшая на русской литературе и многим ей обязанная. Приветствовала нас по-русски и сказала всего несколько фраз. Но таким очарованием и такой теплой лаской повело от ее чудесных слов, что опять я увидел слезы.

Она говорила о том, как много, как бесконечно много сделала русская литература для сербской женщины и как благодарны ей именно славянские женщины. Речь свою г-жа Богданович закончила так:

– Пусть же наша любовь хоть немного смягчит вашу тоску по вашему далекому отечеству и поможет вам, наши дорогие гости и братья, чувствовать себя у нас как дома.

При этих словах г-жи Богданович сверху, с хоров, на нас посыпался цветочный дождь и весь зал опять загремел рукоплесканиями и приветственными кликами.

Но когда вслед за тем речи гостеприимных хозяев закончились, надо было отвечать на них. Надо было подвести итоги дня и благодарить за радушие и ласку.

Эту тяжелую роль, такую трудную и ответственную, президиум съезда возложил на вашего покорного слугу. Еще накануне решено было бесповоротно, что торжество открытия съезда должен начать писатель и закончить журналист (на съезде писателей и журналистов иначе оно и быть не может).

Должен сознаться, я терпеть не могу выступать публично, а говорить перед тысячами людей, да еще не от своего имени, а от имени съезда – да еще при такой обстановке – это для меня походило прямо на казнь. На лютую казнь.

Но общий энтузиазм, общее волнение зала заразили и меня, и я сам не знаю, откуда прыть взялась.

Конечно, я не забыл подчеркнуть, что все это торжество и вся эта честь никоим образом не относятся и не могут относиться к нам – делегатам съезда. Честь выпала на долю русской литературы и журналистики – мы же только случайные люди, выхваченные из литературной толпы.

Не берусь вам сказать, хорошо или дурно я справился со своей тяжелой задачей. Об этом не мне судить. Но не могу удержаться, чтобы не похвастать.

Когда я окончил свою речь, ко мне подошли наши эсеры, с нами вместе приехавшие из Парижа, и сказали:

– Примите поздравления от ваших врагов.

Я поздравление принял.

Александр Яблоновский

Возрождение (Париж). 1928. 4 октября.

60

Информация о мероприятиях, приуроченных к работе съезда русских писателей и журналистов, опубликованная в газете «Возрождение» под рубрикой «Русские дни в Белграде»

26 сентября 1928 г.*

Толстовский вечер¹⁷³

В актовом зале университета состоялся торжественный Толстовский вечер, организованный членами съезда русских писателей и журналистов.

Председательствовал Е.Н. Чириков¹⁷⁴.

Первые речи были произнесены сербскими литераторами: г-жой Милицей Богданович («Толстой и слава») и Душаном Николаевичем¹⁷⁵ («Фатализм в творчестве Толстого»).

Во втором отделении выступали проф. С.В. Завадский¹⁷⁶ и А.А. Кизеветтер¹⁷⁷.

Прием у сербских журналистов

Югославянское общество журналистов устроило чай в честь членов съезда. В оживленной беседе участвовали проф. Кизеветтер, редактор «Самоуправы»¹⁷⁸ Живанчевич, Йован Жуйович, епископ Досифей и др.

С.В.

Возрождение (Париж). 1928. 2 октября.

* Датируется по дню проведения мероприятий.

27 сентября 1928 г.*

Его величество (или по-сербски его величанство) король сербов, хорватов и словенцев Александр пожелал нас видеть у себя во дворце.

От маршала двора все делегаты съезда получили особые карточки с королевским гербом, где было напечатано: «По приказу его величества короля, маршал двора имеет честь просить такого-то (имярек) на чай, который состоится 27 сентября** в 17 часов во дворце.

Форма одежды – жакет».

При этой карточке была и другая, с программой концерта, и третья, где было указано, как, через какие ворота, следует проходить во дворец пешком и через какие въезжать.

Мы все отправились пешком, и так как нам еще накануне сообщили, что во дворце не очень будут настаивать на наших жакетах, то в дело пошли и черные пиджаки, и смокинги, недопустимые в это время дня.

В широком вестибюле дворцовые горничные (это были горничные, а не лакеи) помогли нам снять пальто, и тотчас же нарядные и очень любезные щеголи-офицеры (а может быть, это были чины гофмаршальской части – я не знаю) повели нас в приемный зал, где на хорах придворный оркестр чуть слышно настраивал свои инструменты.

Зал был двусветный, почти без мебели (несколько кресел по стенам) и освещен с потолка, но так, что ни одной лампы не было видно.

Одновременно с нами в зал вошли и делегаты другого конгресса (по защите авторского права), тоже работавшего в Белграде под покровительством короля.

Чины гофмаршальской части стали нас тасовать и перетасовывать.

Делегаты конгресса встали по правую руку от выхода, а мы по левую, причем нас разместили по городам: от Парижа, от Праги, от Берлина, от Белграда.

На первом месте, конечно, президиум съезда с В[ас].И. Немировичем-Данченко во главе.

Когда таким образом нас расставили окончательно, получились две черные цепочки – наша и иностранная, с совершенно свободным пространством посредине зала.

* Датируется по дню состоявшегося приема делегатов съезда у короля Александра I.

** В корреспонденции ошибочно указано 27 августа.

Мы недолго ждали выхода короля. Играл на хорах струнный оркестр (что-то русское играли), по залу неслышно скользили чины гофмаршальской части, и все разговоры как-то сами собой оборвались.

Говорили только шепотом, перебрасывались отрывочными фразами, и глаза всех невольно тянулись в ту сторону, откуда ждали выхода.

Не знаю, оттого ли, что я никогда не представлялся королям и никогда в жизни не беседовал с ними, но по себе я заметил, что ожидание королевского выхода вызывает в душе простых смертных какое-то особенное, лично мне совсем незнакомое чувство. Не то что волнение (никаких причин для волнения не было), а какое-то внутреннее напряжение и, так сказать, натянутость душевных струн. Очень может быть, впрочем, что у нас, русских, эта «натянутость струн» объяснялась нашей эмигрантской психологией. В глубине души мы все думали одно и то же:

– Как-никак, но ведь это единственный король в Европе, который просто, по-человечески заинтересовался нашей судьбой, захотел с нами познакомиться, поговорить, посмотреть нас поближе, позвать к себе чай пить. До сих пор иностранцы (большие и маленькие) говорили с нами только о визах, о нансеновских паспортах¹⁷⁹, о праве жительства и о более или менее срочном «выселении из пределов». А тут нашелся человек, который дружески протянул нам руку и обратился с лаской.

Короче сказать, это было первое слово приветия и, может быть, именно оттого так натянулись наши душевные струны, когда мы ожидали выхода короля.

Но вот, очевидно, и выход.

В напряженных позах застыли гофмаршалы, оборвались на полуслове все разговоры, какое-то волнение пронеслось среди придворных, и в зал вошел молодой, стройный, очень элегантный офицер в темно-синем мундире, с кавалерийской саблей, с приятным, красивым лицом и мягким ласковым голосом.

Король начал прием с делегатов конгресса по защите авторских прав, а мы ждали своей очереди и смотрели, с какой непринужденной простотой и элегантностью он это делает.

В глубине души каждый из нас, вероятно, ставил себя на его место и думал:

– А ведь я ни за что, ни за какие блага, не сумел бы так. Это, должно быть, очень трудно: обойти двести-триста человек, незнакомых, которых в первый раз видишь, с каждым поговорить, для каждого найти несколько любезных слов, и чтобы все это было как нельзя более кстати, и чтобы не было ни одного замешательства, ни одной ошибки, ни одного недоразумения.

Нам не было слышно, о чем говорит король с иностранными делегатами. Но я наблюдал за лицами и видел только два выражения.

Напряженное, подобранное лицо у тех, к кому король приближается, и тем напряженнее, чем ближе король. Но вот король приблизился, подал руку, заговорил, и никакого напряжения на лице уже нет, и вместо него засветилась радостная, даже счастливая улыбка.

Нашу делегацию король начал обходить спустя минут десять и начал, конечно, с В[ас].И. Немировича-Данченко.

– Вы – живая история Сербии, – сказал король старейшему русскому писателю. – Ведь Вы были добровольцем в Сербо-турецкую войну?

Очень долго, очень ласково улыбаясь, говорил король с В[ас].И. Немировичем-Данченко и все дивился, что время не имеет власти над нашим стариком.

Потом настала очередь других.

Подробно и тоже довольно долго говорил король и с нашим берлинским корреспондентом, проф. Боголеповым¹⁸⁰, и расспрашивал, как живет в Берлине. Расспрашивал с участием, с полным вниманием, входя в подробности.

Медленно подвигалась вперед очередь к нашей парижской группе.

Я стоял рядом с гг. Мережковским, Гиппиус и Куприным и все смотрел на короля. Вблизи стало видно, что первая седина уже засеребрилась в голове его, но глаза совсем молодые, ласковые, улыбающиеся. Мне не было слышно, о чем шел разговор с Д.С. Мережковским, но голос короля я слышал ясно:

– Нет, я говорю по-русски. Правда, за последние десять лет у меня было мало практики, и я делаю ошибки...

Тут с милой улыбкой вмешалась в разговор г-жа Гиппиус:

– Это нехорошо, король, что вы делаете ошибки. Это нехорошо...

Куприн поздоровался с королем по-военному:

– Здравия желаю, Ваше королевское величество!

– Здравствуйте, милый.

Король знает Куприна и любит его. С ним он говорил особенно тепло и все время улыбался.

Но вот и моя очередь.

Не знаю, кто сказал королю, что я работал когда-то в «Русском слове», но со мной он заговорил об этой газете и о моем товарище – журналисте, покойном Бойловиче (сербе родом). Я рассказал, какой это был милый человек и как преждевременно он умер, и король спросил:

– Он умер в самом начале войны?

– Да, Ваше величество, через несколько месяцев.

Вслед за мной, следующим в очереди, стоял редактор «Современных записок», г-н Руднев¹⁸¹, и, поздоровавшись с ним, король заинтересовался этим журналом и стал расспрашивать о подробностях. Г-н Руднев дал несколько объяснений.

Постепенно разговор стал принимать групповой характер, и простота обращения настолько ободрила всех, что королю стали даже задавать вопросы. В том числе и не совсем уместные.

– Как вы думаете, Ваше величество, скоро ли в России все это кончится?

Это было, конечно, не очень кстати сказано, но королям в таких случаях очень помогает ласковая улыбка и умение не замечать того, что не подлежит замечанию.

Когда король обошел всех и всех обласкал, со всеми обменялся словом и рукопожатием, нас пригласили во внутренние покои пить чай.

Короля за чаем уже не было, и мы на свободе делились своими впечатлениями.

И нужно ли говорить, какое впечатление произвел на всех нас этот милый, ласковый, такой простой и такой обаятельный человек.

Александр Яблоновский

Возрождение (Париж). 1928. 7 октября.

62

Сообщение газеты «Возрождение» под рубрикой «Русские дни в Белграде» о торжественном закрытии Первого съезда русских писателей и журналистов за рубежом и о состоявшемся вечере русской литературы

1 октября 1928 г.*

Закрытие съезда

В 11 часов утра 1 октября закрылся Съезд русских писателей и журналистов.

Заседание открыл речью В[ас].И. Немирович-Данченко. «“Где трое соберутся во имя Мое – там и Я с ними”^{**}», – цитирует В[ас].И. Немирович-Данченко Евангелие. – Здесь пять союзов собрались во имя России – и она была с ними. Люди самых разнообразных убеждений сошлись в братском единении – и дали всей эмиграции яркий пример того, что мечта об объединении может воплотиться в действительность: мы имеем теперь, можно сказать, “вселенский” союз русской заграничной печати».

* Датируется по заключительному заседанию съезда.

** Неточная цитата из Евангелия: «...ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

После речи председателя принимаются резолюции съезда, и стоя читается телеграмма его величества короля Александра, покрытая бурными аплодисментами.

Затем оглашаются приветствия съезда. Присутствующим – проф. А.И. Беличу и епископу Досифею – съезд устраивает овацию.

Оглашается приветствие съезда югославянскому народу.

Съезд посылает приветственные телеграммы отсутствующим по болезни И.[С.] Шмелеву, П.Б. Струве и телеграмму с пожеланием выздоровления – П.Н. Милюкову.

Под аплодисменты оглашается постановление съезда о выборе почетным членом Союза русских писателей и журналистов В[ас].И. Немировича-Данченко.

Председатель произносит заключительную речь с выражением благодарности за горячий братский прием.

В[ас].И. Немирович-Данченко передает патриарху пожелания скорейшего выздоровления и объявляет съезд закрытым.

Вечер русской литературы

В актовом зале нового университета состоялся вечер русской литературы.

Первым выступил В[ас].И. Немирович-Данченко, читавший рассказ о мулле Хасане.

Он был встречен бурными аплодисментами всего зала. С хор бросали цветы. По окончании автору была устроена настоящая овация.

После чего с успехом выступили Е.Н. Чириков (рассказ «Снегурочка») и З[инаида] Гиппиус (стихотворения).

С огромным воодушевлением был встречен А.И. Куприн, успевший стать всеобщим любимцем, прочитавший свой рассказ «Лесенка голубая».

После выступления А.И. Куприна акад. А.И. Белич прочел королевский указ о награждении русских писателей и журналистов орденами Св. Саввы.

Указ был встречен криками «Живео краль!» и бурными аплодисментами всего зала.

После перерыва произнес речь Д.С. Мережковский и прочел свой рассказ Б.К. Зайцев.

Большой успех выпал на долю А.А. Яблоновского, прекрасно читавшего проникнутые любовью очерки о детях.

После заключительного слова В[ас].И. Немировича-Данченко собравшиеся шумными аплодисментами приветствовали министра народного просвещения Милана Грола за все, что он сделал для русских эмигрантов, ученых, писателей и журналистов.

Возрождение (Париж). 1928. 5 октября.

Формулярный список священника Н.И. Арбузова, капеллана, настоятеля Барского прихода Браничевской епархии (Сербия)

27 мая 1931 г.

г. Сремски Карловцы¹⁸²

Сан, чин или звание, имя, отчество, фамилия, лет и [дата рождения], когда и чем награжден	Из какого звания происходит	Где получил образование, когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную		Холост или женат, кого имеет в семействе	
Священник Николай Иоаннович Арбузов – капеллан, настоятель Барского прихода, Браничевской епархии (Сербия); 52 года – родился 5 декабря 1878 г. Награды: награжден набедренником в 1909 г.; скуфьей – 1915 г.; камилавкой – 18 сентября 1920 г.	Сын священника		Годы	Месяц и числа	Жена – Мариамна Федоровна – 47 лет; родилась 17 февраля 1883 г. Дети: Серафим – 23 года, Иоанн – 19 лет, Наталия – 17 лет. Жена и дети находятся в Советской России
		Окончил полный курс Курской духовной семинарии	1902	Июня 5	
		Согласно просьбе, преосвященным Лаврентием, епископом Курским и Белгородским, рукоположен в сан диакона к Николаевской церкви села Никольского, Курской губ.	1902	Августа 6	
		В месте службы состоял законоучителем и учителем церковно-приходской школы с	1902	Сентября 1	
		по	1904	Марта 7	
		Согласно просьбе, преосвященным Лаврентием, епископом Курским и Белгородским, рукоположен в сан священника к Успенской церкви слободы Чернянки, Новооскольского уезда Курской губ.	1904	Марта 7	
		В месте службы состоял законоучителем и учителем церковно-приходской школы с	1904	Марта 15	
		по	1905	Ноября 30	
		Согласно просьбе, преосвященным Питиримом, епископом Курским и Обоянским, перемещен к Архангельской церкви слободы Михайловки, Дмитриевского уезда	1905	Ноября 30	
		В месте службы состоял законоучителем и учителем церковно-приходской школы и основной земской школы с	1905	Ноября 30	
		по	1919	Октября 26	
		Священником 7-го Донского кавалерийского полка с	1919	Ноября 28	
		Священником 2-го Одесского хирургического госпиталя Российского Общества Красного Креста с	1920	Марта 25	
		Священником Главного армейского эвакуационного пункта с	1920	Октября 1	
		В Сербии: настоятелем церкви в селе Рудная Глава, Поречкого среза, Краинского округа, с	1921	Января 15	
по	1927				
Согласно просьбе и канонскому отпуску своего епархиального архиерея епископа Емелиана Тимочкого, принят преосвященным Митрофаном, епископом Браничевским, в клир вверенной ему епархии с назначением капелланом, настоятелем Барского прихода, Пожаревачкого среза ¹⁸³	1928				

¹⁸² Так в документе. Следует читать – Пожаревачкого среза (уезда, серб.).

ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 323. Л. 4–6.
Копия. Машинопись.

64

*Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста
И.Г. Грицкат-Радулович¹⁸⁴ «На зарубежной родине» (1929–1944)*

1984 г.

Почему я, собственно говоря, забрала себе в голову написать вот это все? Ведь я решительно утверждаю, что у меня нет и никогда не было ни малейшего намерения опубликовать свое сочинение. Это было бы и негде, и вообще невозможно, и незачем; да и давать рукопись на прочтение я собираюсь лишь немногим лицам. [...]

Я писала и пишу все это, потому что [...] мне показалось, будто кому-нибудь станет интересно, как росла и развивалась русская девочка, девушка, приверженная двум родинам, носительница двух родных языков и двух культур. Каким способом формировалась русская личность, которой позже не совсем заслуженно... посчастливилось сделаться членом двух югославских академий и попасть в югославские энциклопедии [...] Одна из последних могикан послереволюционной эмиграции и поколения пока еще чистокровных эмигрантских детей, которая внесла не самую маленькую лепту в научную жизнь своей родной Югославии. [...]

Одним словом, от моих жизненных увлечений – а их было достаточно – отпочковалось это маленькое безумие: быть у себя, в Сербии, русской писательницей, ни для кого, для себя одной, для своего столового ящика. Писательство мое как было, так и осталось фантомным, вроде фантомного ощущения в медицине: нет ни малейшей перспективы – но чешется; нет надлежащего дарования – но зудит. Я даже не владею в совершенстве русским литературным слогом. И вот сижу одна на необитаемом берегу какой-то несуществующей русской литературы и симулирую писательский труд. [...]

Югославия и Россия!

Больше всех городов я всегда любила, естественно, свой город, в котором родилась (в год моего рождения в нем было всего 200–300 тыс. жителей), так

* Подпись отсутствует.

называемый Белый город, хоть и замызганный и замусоренный местами, с его духовной любознательностью, с его «политическими» талантами, высказываемыми в кофейнях и трактирах, где бравые повара, с тех пор как я помню себя, жарили чевапчичи¹⁸⁵ и шашлык. Этот мой город, который я бы не променяла ни на один другой, был, судя по историческим свидетельствам, разрушаем вражескими нашествиями около 40 раз, и, наверное, будет еще. [...]

В основы человеческого духа обыкновенно вложены родина, родственники, родной язык. Здесь же получились своеобразные сдвиги. Родина с отечеством не совпались, кровных родственников, кроме родителей, не было никаких. Родных языков оказалось два, и я применяла к самой себе сложные психологические тесты с целью уяснения, который же из них мой настоящий язык мыслей и чувств. Так это и осталось не совсем выясненным. Думаю я, считаю и сны вижу и на том, и на другом языке. Пожалуй, сербский является моим языком умственным («аполлонийским»), а русский – эмоциональным («дионисийским»)¹⁸⁶. Суждено нести две любви, а это представляет собой и богатство, и обременение, удвоение и раздвоение в одно и то же время.

Поэтому сложилась школа маскировки на всю жизнь, наука о неполном выявлении себя. Говоря по-сербски, дружа с сербами и будучи вполне предана им, я никогда не переставала знать, что я русская. Живя же с русскими, я постоянно чувствовала, что училась иначе, чем они, ходила в иные классы, разумела иное, а многого русского не разумела. Случалось, что одну из своих двух культур приходилось скрывать, по скромности, из чувства такта; случалось и наоборот, выставлять ее как щит перед напором чего-то чуждого. Мне казалось иногда, что я живу и дышу в каком-то переводе. [...]

Во всем воспитании и образовании, вообще во всем «становлении», как это теперь говорят, а раньше не говорили, – ненавязчиво, но неотъемлемо присутствовал еще один факт: мы живем в Сербии, но мы русские. Почему – это другое дело, об этом будем думать позже. Все кругом было сербское: газеты, надписи, улицы, ученицы, соседка, хозяйева, Святосавский садик, Врнячка-Баня¹⁸⁷. И любимцы трамваи определенно были сербами, и сам Белград был сербом, его нельзя было мыслить иначе. А наша жизнь – это русский остров в сербском море. В какой-то самой зачаточной форме вырабатывалось чувство, что влюбляться можно только в сербское, как в более отдаленное от себя, более непохожее, более увлекательное. Но любить возможно одно лишь русское, как свое. [...]

Была я пятилетней, и мы с матерью проводили лето на море. Отец писал из Белграда: «Дорогие мои! Сегодня мы с директором пошли к хозяину того дома, где я облюбовал квартиру. Директор спросил нового хозяина, имеет ли он

¹⁸⁶ Разумети – понимать (серб.).

принципиально что-нибудь против русских. Хозяин заявил, что русские ему ближе всех по духу, и вообще помазал^{*}, а потом прибавил невзначай, что он русских решил больше не пускать, так как они разводят грязь и переселяются шумно. Присовокупил, что не пускает и евреев и просит не держать собак. Но директор заверил его в нашей благонадежности по вопросу чистоты и в аккуратности при исполнении обязанностей, и он согласился сдать. Сегодня ночью я еще раз все обдумаю, а завтра пойду подписывать контракт. Принимая во внимание близость твоего музыкального училища, паркет, ванную комнату, кафельные печи и солнечную сторону, я решил спрятать национальную гордость в карман и взять квартиру». [...]

Запомнилось чувство нашего житья на каком-то собственном берегу, запомнилось наблюдательское отношение к окружающей нас жизни. Моим родителям был до того чужд малейший намек на гуртовое начало, что они никак не могли полностью включиться ни в эмигрантскую среду, ни в сербскую, ни в правые, ни в левые течения. [...]

Потом я все же спрашивала себя: не относились ли мои родители, может быть, слишком свысока к русской эмиграции? Их взгляды несколько не являлись результатом каких-либо сословных предрассудков. [...] Получалось же так, что они отворачивались от многого: и от монархических направлений умов и чувств, и от пылкого, зачастую очень талантливое дилетантства в симпатичных русских кругах, и от переживания провала и эмоционального надлома. Было не так уж много русских, которые бы совсем искренно нравились им, хотя бывали и такие. И если бы я теперь точно взвесила, над кем в общей сложности больше подшучивали мои родители в семейном кругу, кого чаще критиковали из своих знакомых – русских или сербов, – ответ, пожалуй, гласил бы: немножко чаще русских, чем сербов. Были ли они отступниками, конвертитам?¹⁸⁸ Они обособились, хоть и не изолировались; продолжали быть настоящими русскими людьми, но не сделались специфическими русскими эмигрантами.

Откровенно прибавлю: мои родители и не знали, или не сознавали всех ценностей, которые можно было найти среди русской эмиграции. Они мало соприкасались с отрицательным, но не соприкоснулись достаточно и с положительным. Русская интеллигенция за рубежом была в некоторых своих проявлениях мудрее, чем об этом говорили у нас за семейным столом. Мне потом казалось, что у родителей было широкое образование по общим вопросам, но они не очень интересовались актуальными русскими темами. [...]

Из ранних лет запечатлелось воспоминание об одном необыкновенном событии, о котором говорил весь Белград, если даже и не вся страна. Оно поразило меня. Однажды, в декабрьское утро, прибыла на поезде прямо из Москвы

^{*} Помазати – здесь: польстить (*серб.*).

семилетняя русская девочка Зоя. Одна. Она путешествовала шесть дней с дощечкой на груди, а на дощечке было написано, что она едет к папе в Белград. В руках у нее была коробка с едой и кукла. В грозный час родители оставили ее у бабушки в России, а бабушка обратилась к Международному Красному Кресту, чтобы найти Зоиных родителей и передать им дочку. Отец Зои был вскоре найден, но прошло три года, пока советские учреждения не выдали ребенку паспорт и разрешение на выезд...

В моей спокойной жизни наступила наконец великая перемена. Началось хождение в школу, началась общественная жизнь, заведенная навсегда. Родители считали, что обучение еще одному языку не повредит, а я уже училась французскому, и отдали меня в сербско-немецкую начальную школу. Школа находилась при лютеранской кирке. Таким образом я к семи годам начала говорить и читать на четвертом языке и в конце первого класса уже разбирала готический шрифт.

В нашем классе царила большая неразбериха касательно языков и познаний. Тут учились немецкие дети, едва понимавшие по-сербски, которых отдали сюда для того, чтобы они учились всему родному. Были маленькие сербы, не знавшие ни слова по-немецки и с трудом усваивавшие нагрянувшее к ним в жизнь чужезумие. Были также дети из смешанных браков, были еврейчики, два настоящих француза, которые вначале не говорили ни по-сербски, ни по-немецки и дружились только между собой. Был маленький грек Сакеларидис, маленькая румынка Недомачки, да мы с Игорем – представители великой державы Российской. Одни знали кириллицу, другие латиницу, третьи не знали ничего. Но общий уровень, или, скажем, средний, был довольно высок. [...]

На дворе в тот [1929] год стояла зима, какой не знали не только самые старые жители Белграда, но вообще еще не знала сербская история. Десятилетиями спустя ее вспоминали как непревзойденный и непревосходимый пример зимней стужи, ее описывали в сербской литературе. [...] Отец приходил со службы, через дверь заглядывал ко мне и рассказывал новости и слухи. Он говорил, что на улицах прекратилось автомобильное движение, что люди ходят гуськом по мостовой, а вокруг проторенных дорожек стоят снежные валы. Даже в королевском дворце, говорил отец, полопались водопроводные трубы; он тогда и побывал во дворце как сведущий инженер. По ночам ртуть опускалась до 30 градусов мороза. [...] К небывалым холодам присоединилась кошава – северо-восточный леденящий ветер, которым славится Белград. Кошава гремела оконными ставнями и рамами, как их ни притягивали, она слепила, сбивала с ног, рвала электрические провода и сносила черепицы с крыш; был один день, когда кошава разбивала стекла в трамваях – ураган такой силы надо себе представить вместе с 30-градусным морозом! Отец сообщал мне, что бед-

ные трамваи ходят без прицепов, едва плетутся. Над коньком крыши, которую я видела, дыбились, трепались, неистовствовали выюжные хвосты, снег лепмя лепил по оконным стеклам.

В газетах писали, что по окраинам города бегают волки, что каждый день в бедняцких лачугах, где люди не успевают отгребаться от снега, находят замерзших. В утешение пока еще живым прибавляли, что белая смерть не страшна для умирающего. Поезд «Симплон-Ориент-экспресс» стоял где-то на территории нашей страны много дней, заметный [снегом] через крышу. Какая-то гадалка предсказывала, что зима продлится 30 лет. Соседи выкапывали соседей из занесенных или разрушенных комнат; предпринимались спасательные действия, словно в Альпах после низвержения лавин. Когда в первой половине февраля градусник однажды показал 11 градусов под нулем, радостно заговорили о наступившей наконец оттепели. Пешеходы и повозки отправлялись в города Земун и Панчево по крепкому льду наших двух совершенно скованных рек. Но затем опять настали полярные, антарктические холода, и Белград затянулся белым покрывалом и вымер, как в ледниковый период. [...]

Мне ли писать о русской эмиграции, когда о ней столько уже написано, и написано людьми, обладавшими самыми обширными знаниями и сведениями, каких у меня вовсе нет!

Все же хочется рассказать кое о чем, придерживаясь собственного миропонимания, собственной памяти. Хочется рассказать то частное, что способствует воспроизведению тогдашней, навсегда исчезнувшей обстановки, и рассказать в том тоне и стиле, который был присущ нашей семье.

Многие говорили, что в Сербию переселилась душа старой России и что русских нигде так тепло не встретили, как здесь; а здесь проживали в те времена король Александр, министр Пашич, секретарь Академии наук Белич. Некоторые из сербов сочли русских эмигрантов симпатичным и полезным для себя явлением. Иные же рассуждали, что вовсе не нужно было давать приют и хлеб надменным чужеземцам, когда собственные рабочие и крестьяне нередко голодают; незачем было ютить у себя белую Русскую армию с ее бесчисленными генералами, с царскими знаменами, с главнокомандующим Врангелем, незачем было тратить деньги на разные сиротские дома и корпуса, раз из них вылуплялись позже аферисты, кутилы... вслед за тем – полицейские шпионы и гитлеровцы.

Однако душа старой России действительно переселилась сюда.

...Одни хозяева говорили: мы поставили их на хорошие должности, а они играют на руку самым реакционным, мрачным историческим течениям. Другие резонерствовали по-иному: русские эмигранты – наши граждане и должны исполнять установленные обязанности; наша же задача состоит в том, чтобы

дать им возможность проявить их собственные лучшие силы – для нашего же преуспеяния; в том, чтобы поощрять их к творчеству, побудить их самих покрывать все эти [рестораны] «Мимозы» и «Казбеки»...

Конечно, нельзя подходить ко всем с одинаковой меркой, с одинаковой строгостью. Некоторые из прибывших были зубры, иные были незаурядные интеллигенты, одни – поэты, другие – забубенные картежники, а иные, совсем потерявшиеся люди, поднимали на себя руки. Ведь и в России они уже различались: по складу ума там кристаллизировались и петербуржцы, и крыжопольцы, сусальные патриоты, надломленные провинциалы и истинные мудрецы. Даже в царской семье, с одной стороны, выявлялось недвусмысленное германофильство, а с другой стороны, великий князь Михаил Михайлович¹⁸⁹, племянник Александра II, женился против воли отца на дочери Пушкина и был чистопробным либералом и англофилом. Вся аналогия продолжала жить и в эмиграции.

Упрекать ли нам Эдуарда Владимировича Экка – самого старого из всех армейских генералов в Белграде (известного тем, как он расчесывал бороду в два острия), который на 85 году жизни с гордостью заявлял: «Я верно служил трем российским императорам и твердо надеюсь, что буду так же служить четвертому». В Белграде скончался в мае 1936 г.* Михаил Егорович Богушевский¹⁹⁰, который ровно 60 лет перед этим участвовал в Сербско-турецкой войне как боец в отряде генерала Черняева¹⁹¹. Возможно ли без светлого чувства вспомнить о нем? А генерал Селиванов, продававший газеты в белградских кабаках, провалился однажды в пустую клетку** лифта и так погиб. [...]

В Югославию прибыло около 80 тыс. русских эмигрантов: половина была гражданской эвакуации, половина – военной. В первые же годы здесь сгруппировались легитимисты¹⁹² и антилегитимисты, сплотилось Управление Владикавказской железной дороги, Общество служащих царской полиции и пр. Было, говорят, не более и не менее, как 23 политические организации, не считая благотворительных и церковных. Некоторое время спустя в Белграде объявился Сергей Палеолог, которому в начале мировой войны сулили губернаторский чин в аннексированном Константинополе (фамилия действительно была царьградская), а в Югославии он стал чем-то вроде губернатора здешней русской губернии.

Тогда как в других государствах всех военных, ушедших из России, сейчас же перевели на положение гражданских лиц, в нашей стране они оставались под командованием своих офицеров и штабов, и в Сремских Карловцах развевался флаг Верховного главнокомандующего Русской царской армии¹⁹³. В день отъезда Врангеля из этого городка [3 ноября 1926 г., в Бельгию] последний раз

* Ошибка автора. М.Е. Богушевский скончался в 1937 г.

** Так в тексте. Следует читать «шахту».

в мировой истории было спущено историческое знамя. В 1929 г. тот же Врангель был по собственному волеизъявлению похоронен под знаменами в белградской русской церкви.

Вспоминается и черносотенец Антоний, митрополит.

Создалась так называемая Державная комиссия по делам русских беженцев, которой югославское правительство отвечивало поистине тяжелые* годичные суммы из своей казны. Звенели еще отзвуки тех времен, когда интеллигенцию, людей, употребляющих свое образование на пользу ближнего (учителей, докторов, батюшек, студентов, гувернеров, даже профессоров, если не слишком прославленных), ставили ниже людей бездействующих или нживающих капитал нетрудовыми доходами, процентами, арендами. Мои родители – инженер и преподавательница музыки – отнюдь не считались среди русских сливок общества. А жили здесь и старые, изувеченные, ни к какой работе не пригодные люди. Их вина состояла лишь в том, что они не хотели нарушать воинской, в их понимании – божественной присяги, или же из чисто идеологических соображений подумывали о походе против своей покинутой родины. [...] Здесь беспощадно ссорились между собой, разветвлялись и расщеплялись, спорили о том, взойти ли на престол Кириллу Владимировичу¹⁹⁴ (за него стояло большинство, он провозгласил себя блюстителем престола), Николаю ли Николаевичу¹⁹⁵, Гавриилу ли Константиновичу¹⁹⁶ или же Дмитрию Павловичу¹⁹⁷. Были тут и какие-то русские народные движения, и русские народные ополчения. Следуя параграфам Дисциплинарного устава Императорской армии, перешедшим в устные предания, задумывали борьбу с Советским Союзом. Все это напоминало древнюю китайскую легенду о том, как воины, павшие на поле брани, еще три дня продолжали битву на небесах, не будучи в силах поверить, что битва проиграна и окончена.

Знаю я и о том, что здесь негласно формировались профессиональные объединения будущих пропагандистов и диверсантов – история позже назвала их террористами, – которым преподавали старые охранники и которых отсылали в новую Россию. С опытом Добровольческой и Крымской эпопеи хотели вторгнуться в судьбы Великой Отечественной войны наших сороковых годов; с военным образованием конца XIX столетия и с ранениями из Русско-японской войны думали освободить советскую державу; с именем царя Николая II на устах рассчитывали громить маршалов Конева и Тимошенко, как если бы доживающие свой век доблестные наполеоновы бойцы самоуверенно вмешались в дела Парижской коммуны.

Читала я и про артиста Всеволода Небо, выступавшего сначала в варьете, а позже назначенного в заведующие королевским птичьим двором. Как только Белград был занят немцами, он заделался агентом Гестапо и переменял

* Так в рукописи; т.е. значительные, весомые.

свою фамилию на Himmel. В пресловутый корпус¹⁹⁸ зачислялись не только из-за идеи. Достоверно знаю, что немецкую форму охранных отрядов надевали также из-за колбасы и угля, и не понимаю, какой стимул был более постыден: гакенкройцовская¹⁹⁹ ли идея, или колбаса в годину общенародного голода. Противно и печально. Бледнеющее противное все больше принимает окраску печального. [...]

Белоэмигрантская шваль, шушваль... Некоторые из них даже сами так думали о себе. Впрочем, не совсем уж они были никому не нужны. Нансеновская организация собиралась одно время поселить их в Уругвае и Парагвае, чтобы они там возделывали пустые земли, вроде как бывшие рабы.

Об ученых, врачах, о настоящих литераторах, о балеринах, художниках, пианистах, строителях и прочих светочах культуры я здесь не говорю, так как эта ветвь общерусского умственного и нравственного продвижения за рубежом слишком хорошо известна и ее и впредь будут еще изучать. [...]

В моей детской памяти запечатлелось многое из того, что не соответствовало нашей семейной атмосфере, что выделялось на фоне привычного быта, вызывая комментарии, шутки или же искреннюю жалость. [...]

Родители не отдали меня в русские школы, ни в приготовительную, ни в гимназию. Отец говорил, что для него сделался чуждым комплекс старинного этикета, молебнов, любительщины в преподавании балета, патриотического надрыва, культа березок. «Ах, березка, русское деревце!» – воскликнула однажды маленькая русская девочка, рожденная в Белграде, и побежала обнимать и целовать сливу. Родители также говорили, что не хотят делать из меня эмигрантку второго поколения. Они, вероятно, не во всем были правы, пересаливали, но я от этого во всяком случае не проиграла. [...]

В русской библиотеке бывали мы часто, потому что мои родители регулярно брали оттуда на дом книги. Они немножко следили и за советской литературой. [...]

Случалось бывать в Русском доме (построенном в начале 30-х годов) на различных представлениях – истинно художественных, любительских или попросту детских. [...]

В белградской русской церкви митрополит Антоний отслужил торжественную панихиду по зверски умученным и убиенным Романовым во дни 10-летия Октябрьской революции... А где-то в Европе была создана балетная труппа, состоявшая исключительно из русских барышень – носительниц княжеских титулов. Для европейцев это представляло собою эффектный аттракцион.

На окраине Белграда, в богадельне, где проживали старые и неимущие русские, при обращении тоже величали друг друга графинями и князьями.

Жили эти несчастнейшие люди в своеобразных кабинках, которые отделялись одна от другой дощатыми перегородками, не доходившими до потолка. Над входом в каждую кабинку была надпись (вроде названия животного на клетке) с именем благотворителя, делавшего пожертвования на данное лицо. Мать ходила туда как-то раз, чтобы разыскать нашего дальнего родственника Гербеля. Видела она там Марию фон Магнус²⁰⁰, дочку лейб-медика Александра II; видела и престарелую вдову одного из предводителей дворянства, коротавшую дни в одной кабинке со своей дочерью, тоже старой вдовой. Жил здесь и старик Орлов, потерявший в мировую и Гражданскую войну четырех сыновей. Гербель совершенно не заинтересовался нами. Он являлся олицетворением очерствелого, озлобленного горя, безысходного, беспросветного горя.

Сама я не забуду щемящего душу впечатления, которое произвела на меня жалкая конура княгини Шаховской. Мы с матерью побывали там однажды, потому что мать, прослышав о предельной нищете Шаховских, решила подыскать для княгини несколько уроков рояля. Про княгиню ходил слух, что она некогда была хорошей пианисткой.

В этом ни на что не похожем жилище, куда входить нужно было через погреб с дровами, густо заснованный* черной паутиной, каким-то образом помещался рояль; под роялем были сложены старые журналы и ботинки в тазу. В комнате воняло – это был какой-то особенный запах, напоминавший не то гречневую кашу, не то очень засаленные игральные карты, которые иногда именно так и пахнут. Повсюду лежало тряпье, из кресел лезли жесткие усы. Зашел разговор о деле, но княгиня вскоре перевела его на тему о жидах. Проклятые жиды – они поработили нашу родину, они предали скипетр поруганию... Вдруг за ширмой, которую мы в царившем подвальном полумраке сначала и не заметили, послышалось тяжелое стенание: там лежал лишенный употребления ног** князь Шаховской. Надтреснутый голос произнес укоризненно:

- Наталья, Наталья, ты не спросила гостей, ведь может быть, они евреи!
- Нет, мы не евреи, – успокоила его мать...

Все эти люди давным-давно покоятся на белградском кладбище. Мир, светлый мир всем им, горемычным!

...Много я про русских в Белграде не знала так, как следовало бы знать, чтобы о них писать. Лишь позже дошло до моего понимания, что здесь у нас существовал Союз русских писателей и журналистов, по почину которого в 1928 г. бы созван Международный съезд выдающихся русских литераторов-эмигрантов из всего мира. Позже лишь я полностью осознала, что в Белграде существовал русский театр, балет, жили прекрасные русские художники,

* Т.е. затканый.

** Так в тексте; имеется в виду: лишенный возможности ходить, обезноживший.

пели русские хоры, собирались литературные кружки, занимались своей полезной деятельностью многочисленные русские библиотеки и книжные магазины и что русские интеллигенты публиковали множество книг, учебников – даже манифесты своих художественных и литературных убеждений. Режиссер Ракитин из бывшей Александринки, в сущности, создал Белградский драматический театр. Во дворцовом хоре принца Павла выступали первоклассные русские певцы. Гремела балетная школа Поляковой.

Помимо направлений совсем ретроградных, возглавляемых престарелыми воинами, проникнутыми мечтой о возврате невозвратного, процветала отрешившаяся от превзойденных ценностей новая, но уже чисто эмигрантская культура, обособленная, которая по своим качествам почти не уступала иным цельным европейским культурам. А жили здесь и некоторые представители первого и уже оперившегося второго поколения, которые посвятили себя тому, чтобы вносить свой вклад не в призрачную царскую и не в эмигрантскую русскую культуру, а в сербскую и югославскую. [...]

Наши русские, высказывая свое возмущение в связи с революцией, много говорили, конечно, об уничтожении религии. [...]

Религиозные чувства русских в Югославии перекликались иногда с соответственными чувствами их сербских хозяев, которые, к слову будь сказано, далеко не все и не всегда отличались христианской убежденностью. Так, например, через десять лет после произошедшего поселения русских в городке Лесковац²⁰¹ сербы отслужили панихиду по Николаю II, объявили, что Николай был самым богобоязненным, самым благославным властелином в Европе, защитником славянства и сербов, и поэтому решили дружно направить резолюцию в Святой Синод с просьбой о канонизации Николая как сербского святителя, наравне с Неманей²⁰², царем Лазарем²⁰³ и другими. Не знаю, как была эта петиция принята в Синоде, знаю лишь, что от имени русского народа поблагодарил сербов за их почин председатель Союза русских офицеров Борис Романько-Романовский²⁰⁴. [...]

Я, наверное, не умею точно передать одного из главных моих убеждений, а именно: русская эмиграция жила в Югославии и хорошо, и полезно, и достойно своих талантов и знаний, и плоховато, и плохо, и грязно, и комично, и даже подчас жалко. Но в этой стране меньше всего выпало на ее долю оскорбления, меньше всего униженного, пошленького, тривиального, забуддыжно-кабацкого, постыдного прозябания. Поскольку русский человек здесь не наступал на мозоль местному человеку – а и местных ведь надо понять, бесчисленные захватчики боролись за их поля, судоходные реки и рудники, – этого русского человека принимали в большинстве случаев как друга, даже уважали в нем более маститого знатока, если он таковым являлся. К политически не провинив-

¹ Так в документе. Следует читать: «Священный».

шимся русским эмигрантам хорошо отнеслись даже югославские коммунисты после Второй мировой войны.

А кое-где на Западе русские поселялись в отдельных кварталах, вроде как негры, – например, в Нью-Йорке, где существуют русско-пуэрториканские улицы и где (после 50 лет пребывания в Америке) на прозвучавший телефонный звонок русские сразу отзываются по-русски, зная, что ни один американец не вздумает поболтать на досуге с русским знакомым. Один наш соотечественник в Париже предложил было свой инженерный опыт, но ему отрезали: не приносите сову в Афины²⁰⁵. И он заделался шофером. А наш приятель серб говорил нам однажды: «Ведь и вашу культуру в течение XVIII и XIX веков поднимали немцы, голландцы, французы и шведы, мы это знаем. По мере необходимости поднимайте и вы нашу». – Я даю, конечно, общую характеристику; исключений можно найти сколько угодно, и там, и сям. [...]

Мои родители полюбили Белград, потом Сербию, потом Югославию. Такой их совсем искренней, подразумеваемой любовью я объясняю тот факт, что взгляды и склонности у нас в семье в этом отношении всегда, как бы легонько, тянулись за взглядами и склонностями тех сербских кругов, в которых родители вращались. Отец и мать почти во всем, что касалось политики и истории, разделяли чувства белградской интеллигенции, тех так называемых мелких и крупных буржуев, дети которых учились у матери роялю, инженеров и их жен с отцовской службы, наших квартирных хозяев, соседей, моих крестных родителей, милых знакомых с летних каникул и тому подобных. Родители любили югославскую королевскую семью – хоть и не так пламенно, как некоторые другие русские, без экзальтаций. Потом прошли через все горнила испытаний, которые принесла нам война и немецкий захват, не отделяя своих чувств от чувств окружавших нас сербов. Затем вместе с теми же сербами приняли как свою судьбу вторичный приход коммунистов; никуда уже больше не эмигрировали, покряхтели, побранились, поюморизировали на этот счет в унисон с сербскими друзьями и вскоре свыклись и с этим обстоятельством, находя в нем даже некоторые преимущества, правда, не очень веские. [...]

Сербского, позже югославского короля Александра русские любили, потому что и он их любил. Несколько лет своего отрочества он учился вместе со старшим братом Джордже – Георгием – в Петербурге, в Пажемском корпусе²⁰⁶. В связи с этим одни наши русские друзья рассказывали, например, такое. Ездил он как-то раз, будучи мальчиком, в Сергиевскую пустынь, и там ему отшельники показывали мощи и прочие святыни. И вдруг Александр почувствовал, что у него по щеке что-то течет. Оказалось, что ему на лицо капнуло миро из лампы²⁰⁷.

– Понимаете, миро пролилось на ребенка в русской церкви! – вдохновенно говорила моей матери знакомая. – Так она представляла себе знамение, случившееся с будущим миропомазанным властелином всех сербов и белых русских*.

Родители мои выражали свои патриотические настроения немного в ином мажоре. Отец, скажем, говаривал:

– Хороший народ эти сербы. Вот хорваты и словенцы носят мелочь в портмоне, а все мои сослуживцы – просто в карманах, суют мятые сотни в брюки...

[Или:] – До войны в Сербии тоже были бордели, но в них занимались своей деятельностью немки, венгерки, а сербки почти никогда.

– Что это ты, папочка, говоришь такие вещи при Ирише! – останавливала его мать.

– Да вот, Васильевич сегодня рассказывал. Говорит, стоило два динара; если на всю ночь, тогда немного дороже. Подумать только, как динар с той поры девальвировался.

Мать тоже отдавала должное сербам и сербкам, имея в виду другие обстоятельства:

– Кружева, которые плетет сестра нашей прислуги, ничуть не хуже знаменитых брюжских кружев. Про Брюж²⁰⁸ знает весь мир, про Видосаву из Кривой Паланки не знает никто...

– Мне нравится здешняя непосредственность. Зашла я сегодня на почту, барышня в окошечке спрашивает меня: «Вы очень торопитесь, можете подождать, пока я схожу в уборную?»...

Наша футбольная команда играет за границей, передают по радио. На улице не все прохожие знают результат – глазами спрашивают друг друга, едущие в трамвае на пальцах показывают, кто кому и сколько мячей забил. Вот наша команда победила, так даже вышел экстренный номер «Времени», незнакомцы на улице читают, склоняясь головами над одной страницей. Потом, тут же подружившись и перейдя на «ты», идут вместе в кабак, чтобы отпраздновать радостный день. [...]

Убийство короля Александра 9 октября 1934 г. было первым поистине историческим событием, которое я пережила на своем веку. [...]

Мы все знали, что Александр плыл на корабле во Францию. Он высадился в Марселе, его там сначала приветствовали французы – старые воины с Салоникского фронта; он тут же наградил каким-то орденом какое-то знамя, потом сел в автомашину с министром иностранных дел Барту и, не проведя даже четверти часа на французской земле, пал жертвою террористического покушения вместе с министром²⁰⁹. [...]

Первой реакцией общественного мнения было: нет, не может быть, это только ложные слухи; не могли же его убить во Франции, в самой дружеской

* Речь идет о русских эмигрантах – участниках Белого движения.

стране! Затем поверили, поняли. В первые дни или недели говорили, что такая трагедия случается лишь раз в несколько столетий. Писали, что Александр был лучшим коронованным повелителем всех народов (то же самое незадолго перед этим, в этой же печати говорили про Николая II), что с его смертью перевернулась страница мировой истории. Францию и ее полицию ругали последними словами.

Осенний Белград погрузился в глубокий траур. Выглядел он действительно трагично, но смотреть на него было мне не грустно, а очень интересно в те дни. На всех домах выставили черные флаги – они развевались потом целых шесть месяцев. Прекратились всякая школа и служба, закрылись магазины. В витринах стояли портреты короля, вставленные в различные черные рамки, и ленты, убранные цветами. Кое-где рядом с его ликом ставили иконы, зажигали свечи. Поперек некоторых витрин, во всю диагональ, были натянута черные полосы, словно магазин, которому принадлежала витрина, был перечеркнут. Газеты, в сокращенных изданиях, выходили также с черным бордюром, и страшные слова в заглавиях напечатаны были невиданно крупным шрифтом. Люди на улицах ходили растерянные, многие прикрепили к рукавам или к отворотам пальто и пиджаков черные повязки. Ученикам и ученицам было приказано носить некоторое время такие повязки на рукавах, а служащие и военные не снимали их полгода. Трамваи двигались с черными флажками по бокам, черные тесемки были прилажены к вывескам и уличным фонарям.

В тот момент, который сочли [удобным] моментом [для] восшествия на престол одиннадцатилетнего Петра²¹⁰, начались залпы из всех орудий, прогремевшие 101 раз. [...] Усопшего официально объявили Королем – Рыцарем и Объединителем; к тому времени уже позабыли, что его отца хотели назвать Петром Великим-Освободителем – точно так же, как вскоре забыли и про Рыцаря, и про Объединителя.

Все, кто был обязан, в том числе и мой отец, ходили присягать новому королю еще за несколько дней до погребения прежнего. [...] Страна была полна самых необыкновенных слухов (гражданская война, война с Италией, война между сербами и хорватами и пр.), тогда как газеты полнились выражениями сочувствия, присылаемыми от сильных мира сего. [...] Извещали о похоронах Барту во Франции, на которых видное место занял венок короля Югославии Петра II. [...]

В тот день, когда окруженный почетом ребенок прибыл на поезде из Англии, где он до рокового дня учился в колледже, несметное число верноподданных, учеников, служащих, рабочих и просто зевак собралось перед вокзалом, чтобы восприветствовать мальчика в длинной не по росту шинели. [...]

Четыре дня спустя я в дневнике записала, что [...] в Белград прибыло мертвое тело погибшего короля. Пока печальная повозка с королем Александром

проезжала по улицам, люди на тротуарах становились на колени, закрывали лица ладонями и рыдали.

В нашей семье происходили тоже особые волнения, потому что моя мать, пылкая и впечатлительная по натуре, вместе со знатными русскими дамами принимала деятельное участие в некоторых протокольных делах. Не знаю, было ли это ее собственным почином, только помню, как она играла чуть ли не главную роль в том, что королеве Марии послали телеграмму с выражением соболезнования от русской эмиграции в Белграде. Еще энергичнее участвовала она в изготовлении серебряной ветки (изображавшей лавр), к которой была приделана лента и шкатулочка с русской землей. Под веткой прикреплена была дощечка с надписью «Незабвенному Королю – Рыцарю-Объединителю Александру I от русских женщин в Югославии». Думаю, что этот скромный дар возложили на его смертное ложе перед похоронами. Насколько помнится, вместе с матерью хлопотала обо всем этом и вдова генерала Алексева²¹¹, того, который был когда-то наместником на Дальнем Востоке. [...]

Самым драматическим зрелищем была, конечно, погребальная процессия, прошедшая через Белград. [...] Родители рассказывали, что на улицах стояли такие толпы, каких мир еще не видел. Перед орудием с лафетом, на котором везли короля, шли военные отряды – представители разных европейских войск; вели за уздечку лошадь убитого короля. За лафетом шли король Петр с матерью, затем остальные члены нашего и иностранных королевских семейств и другие знаменитости... В три часа после обеда, когда гроб на Опленце²¹² опускали в землю, остановились все средства сообщения, замолчали все люди, загудели фабрики, застреляли пушки, зазвонили все колокола в Югославии. Аэропланы, кружившие над Опленцем, засыпали его цветами. Так похоронили мы нашего короля. [...]

Чтобы закончить повествование о Караджорджевичах – или Карагеоргиевичах, как называли их многие русские, расскажу еще об одном члене этого семейства, с которым у меня случались сравнительно самые близкие встречи, с которым существовало даже своего рода шапочное знакомство. Это был обходимый в свое время официальным молчанием^{*} и вызывающий противоречивые слухи старший брат короля Александра, собственно, бывший легитимный наследник престола, которого еще в молодости упекли в места довольно отдаленные. Опишу мои встречи с этим чудаком, который после Второй [мировой] войны, живя на полной свободе под коммунистами, женатый и материально обеспеченный, бегал по белградским улицам с неизменным беретом на голове и с толстым портфелем под мышкой. Одно время белградцы видели его на мотоциклетке; некоторые уверяли, что случается видеть принца Георгия²¹³ даже с подсученными брюками. [...]

^{*} Так в документе. Следует читать: «обойденный официальным вниманием».

Мой наблюдательский зуд не давал мне покоя, и я упростила заведующего нашим магазином устроить как-нибудь так, чтобы я могла хоть по временам глядеть с близкого расстояния на знаменитого гостя. Хозяин пошел навстречу моей просьбе и произвел меня в библиотекарши, которая будто бы отныне будет каждый раз сама приносить принцу книги. [...]

Действительно, неприветливый принц начал относиться ко мне благожелательно, что заключалось почти единственно в неотвращивании [им] головы. [...]

Здесь, в магазине, удалось мне выслушать несколько рассказов из его позднейшей жизни. [...]

– С немцами я не водился, хоть они и выпустили меня из заточения, – говорил Георгий. – Гитлер предлагал мне взойти на вполне законный сербский престол, но я велел передать ему, что он такая же сволочь, как и мой брат, и что я с подобными лицами не желаю иметь дела. [...]

– Я всегда сам стоял в очереди за хлебом. Один раз в булочную важно вошел мальчишка, миновал весь наш хвост и стал у прилавка, нагло протягивая продовольственный талон. На него закричали. «Я могу брать хлеб вне очереди, – говорит мальчишка, – мой папа – профессор!» Тогда я не удержался и сказал ему: «Знаешь, парень, мой папа был король, а я все же стою тут и жду своего черед». Большинство в лавке не знало меня, посмотрели удивленно.

Про современную политику Георгий при мне, понятно, не говорил. [...] Хозяину магазина, который, не зная, как к нему обращаться, величал его «маэстро», он иногда выбуркивал кое-какие свои соображения.

– При Александре была тяжелая диктатура, при этих ничуть не лучше. Однопартийная система – это то же самое, что и одна лошадь на скачках... А кто этот лоботряс, заходивший только что в магазин?

– Это наш известный ученый такой-то, – отвечал хозяин, – к тому же знаменитый филателист.

– Филателисты все оболтусы. Александр был тоже филателистом... И что это за молодежь теперь развелась?

Когда [в 1972 г.] умер наш престарелый принц, глядевший вокруг себя волком, несчастливец и действительно не совсем уравновешенный [человек], об этом вполне прилично объявили в печати. Белградцы говорили потом, что в нашем городе за всю его историческую память спонтанно, без формальных распоряжений, собрались необозримые толпы народу только три раза: 27 марта 1941 г., когда после всего лишь двух дней расторгнут был союз с мощным Гитлером, затем на похоронах Георгия под коммунистами, да еще на дружеской встрече трех американских астронавтов. [...]

Итак, вернемся в старую Югославию, где на моих глазах кончались довоенные времена, угасала эпоха Караджорджевичей. Приезжал Геринг, побывал

на Опленце и, говорили, брался там с сербскими крестьянами, пока закусывал у полевой жаровни. [...]

Началась Вторая мировая война. [...] В начале 1941 г. и над нашей страной быстро сгустились тучи. Армия была поставлена на военную ногу. Сперва были только занятные вечерние маневры. На небесах в скрещение двух или трех прожекторов ловили маленький самолет. Потом пошли настоящие воздушные тревоги.

27 [марта] рано утром прислуге удалось купить газету, которая в тот день состояла всего из одного листа, и мы узнали, что в стране произошел переворот: свергнуты регент Павел²¹⁴ и его правительство, и на престол взошел несовершеннолетний король Петр II, воззвание которого к народу и к войскам было опубликовано в этом листе-газете рядом с его огромным портретом. Генерал, который с группой летчиков произвел государственный переворот, – [Душан Симович²¹⁵] – сделался премьер-министром. [...]

Давно уже чувствовалось что-то необыкновенное в настроениях народа²¹⁶, но все же новость была сенсационная. [...] Мы с матерью, не умываясь, одевшись наспех, вышли на улицу посмотреть, что творится, так как до нашего дома, стоящего в тихом дворе, доносился какой-то странный шум и гул. И как раз в это время по нашей улочке шла образовавшаяся где-то в центре города беспорядочная процессия. Впереди медленно ехал грузовик, разукрашенный флагами и зеленью. На шоферском кузове стоял мальчик – «сокол», державший в поднятых руках фотографию короля. Люди, тесно набившиеся в грузовике, выкрикивали лозунги и призывы вроде: «Да здравствует король!», «Долой Германию!», «Да здравствует союз с Советской Россией!», «Лучше гроб, чем раб!» и так далее. За грузовым автомобилем шла веселая сумбурная толпа, в которой отчего-то собрались почти исключительно гимназистки и кондукторы. [...]

Незнакомцы обнимались и целовались, все шли посередине улицы, поэтому автомобильного движения и не могло быть в этот достопамятный день. [...] На базаре царил величайший хаос. Один мясник, по-настоящему плача от радости, кричал в исступлении: «Покупайте, братья!» Кто-то горланил: «Всего-то будет у нас теперь в изобилии!» Другой продавец, более серьезного вида, распродал товар за бесценок и тихо говорил, что завтра, наверное, уйдет на войну.

Мы от вернувшегося раньше обыкновенного отца узнали, что разбито немецкое туристическое бюро, что какой-то мальчишка плюнул прямо в лицо немецкому послу, когда тот входил в церковь, чтобы присутствовать на благодарственном молебне по случаю восшествия на престол нового короля. [...]

Мимо нас проехал красный автобус, в котором и на котором стояло поистине непонятное количество людей, и эти люди почему-то бросали пустые

бутылки на тротуар. Вдоль главной улицы были расставлены скамьи, и на них сидели военные в касках, но не предпринимали ничего. Необузданным страстям позволено было изливаться. [...]

27 марта было ликование, но уже на следующий день народ сообразил, что после всех этих шествий, протестов, восторгов и киданий бутылок Германия не только не отдалилась, а, наоборот, жутко надвинулась. Наступали томительнейшие дни. Война стала вопросом суток.

Отец каждую свободную минуту слушал радио. По всем станциям «Великого рейха» сыпались угрозы [в адрес] маленькой безумной Югославии. В наших газетах начались какие-то опровержения, полуизвинения, замазывались некорректные инциденты. А мы благодарили судьбу за каждую спокойно проведенную ночь, хоть и спали с документами под подушками. Начались военные затемнения. Выходили брошюры о том, как следует вести себя в случае неприятельских налетов, и новый премьер-министр издал приказ оставаться всем у своих очагов и в случае крайности пожертвовать жизнью за родину. Несмотря на приказ, Белград быстро пустел. Видны были покинутые особняки с заколоченными окнами, не говоря уже о том, что на улицах становилось все меньше и меньше молодых мужчин. [...]

Под вечер по улицам бродило много народу; словно в трансе, бежали люди по магазинам, гуляли, сидели в кафе и за вынесенными на тротуар столиками; всюду царил какой-то необыкновенный гам, оживление; Белград переживал вспышку в своей предсмертной агонии, пел лебединую песню. Маленькая свободолюбивая, сумасшедшая страна билась в судорогах, простирала руки кходящему солнцу. [...]

На следующее утро начали наперебой взывать сирены, наполняя звуками всю поднебесную. Вслед за ними загревели бомбардировщики – и долгий ливень разрушительных и зажигательных бомб посыпался на наш беззащитный город. Конечно, в ту первую бомбардировку почти никто никуда не успел бежать; мы и не знали, что началась уже война, что немцы переправляются через Дунай. Они вообще войны нам и не объявили²¹⁷.

Вспоминается бомбардировка Белграда 6 апреля 1941 г. Мы сидели на скамейке в подвале, над нами гремело. Самолет устремлялся сверху вниз как бы прямо на наш дом, шум моторов и взвизги сбрасываемых по очереди снарядов становились все явственнее, обрывались все более громкими взрывами; гибли наши более отдаленные соседи, потом более близкие, еще более близкие. А я, как помешанная, опускала голову до колен и твердила про себя: «Господи, Господи, только не сюда, только не теперь!.. Господи!» Взывала я уже не про себя, а шепотом, в то время как вокруг меня начинали кричать и какой-то женский голос переходил в истошную истерику. «Господи, – почти приказывала

я Богу, неожиданно появившемуся тут среди нас в подвале, где раньше, рубя дрова, никто никогда не вспоминал о нем, – убереги! Убереги вот только сейчас, только вот от следующей бомбы, пусть она пролетит мимо, другая уже не залетит! Ведь я же будущим поколениям расскажу об этом, я все опишу, опишу, обещаю тебе – стоит спасти меня!»

Когда окончился первый налет и все пугающие звуки затихли вдали, мы украдкой, один за другим стали выбираться из темноты на теплую улицу. Над нею блестело солнце в красноватой от пыли и дыма пелене и чирикали оставшиеся в живых воробьи. [...]

В городе начинались неисчислимые пожары, и оттуда, как из жерла ада, бежал народ. Бежали в шубах, в пижамах, в тапочках на босу ногу, женщины бежали в сапогах и в мужских пиджаках, мужчины в тряпье, бежали с повозками и тачками, с младенцами и стариками на спинах, с чемоданами, котомками, велосипедами [...] тащили увечных в детских колясках, вели собак, несли клетки с чижамы, шли запряженные в телеги, будто лошади, с навьюченными на головы матрасами [...] волокли слепых и ненормальных... вопили, искали потерявшихся, голосили о погибших, окрикивали детей, причитали, ругались неопишескими словами, упоминали кто божье имя, кто чертово [...] как крысы, как саранча, как новая картина из нового Апокалипсиса. Все нутро города вылилось наружу, все пожитки, скарб и богатства, все больные, лежавшие десятилетиями за темными портьерами, – все это несло в тот день по тихой улице близ нашего дома, бежало в поля. [...]

Никто не понимал – когда была объявлена война, какие государства, помимо Германии, напали на Югославию, и почему же так немилосердно разгромляется Белград, раз его объявили открытым, то есть необороняющимся городом. Более того, никто и не интересовался таковыми вопросами. [...]

Наконец явился один из отцовских сослуживцев и сообщил, что служащие по водоснабжению собрались у сторожа одного из белградских бетонных водохранилищ под обсерваторией [...] что сам он приехал сюда за нами на автомобиле. [...]

Под бетонным водоемом находилось маленькое помещение с различными водораспределительными вентилями, клапанами и трубами. Туда нанесли разных скамеек, стульев, лавочек, банкетов и объявили эту конуру убежищем. [...]

[Однажды] мы с отцом, стоя на пригорке, смотрели на Белград. В необъятном зареве пылал мой город. Никто не мог организовать затемнения, как это предписывалось перед войной, да и незачем было: Белград был освещен как днем, его, бедного, было видно из полуторастокилометровой дали, и его в ту памятную ночь продолжали бомбить. Поднимался ветер. Я знала, что там сейчас не осталось ни одной живой души, что никто не тушит пожаров, и ветер переносит их с одной крыши на другую. Там царит невыносимый жар, библейский ад. [...]

На третий день мы с отцом предприняли рискованный поход до нашего дома. Дом уцелел, нас не ограбили. Почти никого из соседей мы в квартирах не застали. [...] Мы захватили теплые пальто, так как неожиданно начался холод, потом даже повалил мокрый снег. [...]

На меня произвела неизгладимое впечатление картина, увиденная на обратном пути. Одноэтажный особняк пострадал от бомбы, но эта бомба была, по-видимому, небольшая, и домик не упал, а был лишь разрезан пополам, как ножом. Одна из комнат осталась со своими тремя стенками, со всей непопорченной обстановкой, а четвертой стенки больше не было. В комнате, на хороших стульях – буквально как на сцене – скрестив руки или задумчиво облокотившись на скатерть стола, сидели четверо обитателей разрезанного домика. Они сидели жутко недвижимые, как будто кукольные. Прохожие останавливались и смотрели на них. Кто-то прошептал: «Да, кончилось все»; другой прохожий, взглянув на них, перекрестился. [...]

Одним из сильных впечатлений первых месяцев захвата был катастрофический взрыв боеприпасов в городе Смедерево, от которого пострадала не только железнодорожная станция с целым поездом пассажиров, пострадал не только город, но нанесен был ущерб даже знаменитой средневековой крепости, разрушить которую едва ли могло что-либо, кроме тысячелетий. В момент воспламенения затрясся весь Белград, а в нашей квартире сильно закачалась люстра. [...]

А взрыв в Смедерево, как было вычислено потом, по силе равнялся хиротимскому катаклизму.

Стреляли по ночам, где-то кого-то уводили из постели прямо на место казни, производили обыски. Два раза был обыск и в нашей квартире. Чьи-то тени перебегали через улицу в лунные ночи, партизаны добивались до самого центра города, поджигали гаражи и склады, распространявшие по всему Белграду запах гари. Они выхватывали из рук оккупантов своих начальников. Где-то глухо стучала подпольная типография, а в это время вешали заложников на столбах, и на следующее утро прохожие видели их висящими и качающимися над площадью. [...]

Отец решил отправить меня в Вену, в действовавший там университет, чтобы я не сидела зря, не теряла бы годы, пока Белградский университет оставался закрытым. Многие удивлялись, осуждали нашу семью, а больше всего неприятностей претерпела из-за этого я сама после войны. [...]

В [Венском] университете я тогда почему-то больше всего увлеклась изучением украинского языка, а верхом завоеваний, очень мало успевших проявиться, было то, что однажды, перед концом моего там пребывания, профессор предложил мне, начиная со следующего семестра, вместе с ним взяться за составление белорусской грамматики. К следующему семестру я больше не вернулась в Вену, хотя и собиралась, и мне потом было очень жаль оставленных

там карточек, сочинений и двух зимних платьев. Так закончилась эта моя экзотическая страница биографии.

Еще прибавлю, что на обратном пути [в Белград] через Хорватию, в сидячем вагоне, у меня были спутники, разговаривавшие между собой, и я не замедлила присоединиться. Какую ерунду – опаснейшую ерунду! – плела я тогда про братство сербов и хорватов, которое-де мы поддерживаем и обязаны поддерживать! Даже вспомнить страшно, да и стыдно теперь сознаться в такой безмерной ребячливости и неосведомленности. Почти никто из нас в те времена не мог составить себе точного понятия о политическом положении вообще и об этом пресловутом [Независимом] государстве хорватском²¹⁸. Одна из дам в купе пристально осмотрела меня и затем попросила тихо: «Когда приедете в Белград, сходите, пожалуйста, по такому-то адресу и передайте только одну фразу: Озрен погиб в Ясеновце»²¹⁹. Вернувшись домой, я пошла исполнить поручение. Тогда я первый раз и услышала название Ясеновац. Впустившая меня в прихожую женщина побелела и лишилась чувств, но ее сзади подхватили подбежавшие домочадцы. Я повернулась и ушла.

Была третья зима нашего безвременья. [...] На востоке немцы начинали свои медленные, но роковые и окончательные отступления; по свободным западным радиостанциям звенели слова скорой победы. У нас самих в разных концах страны вспыхивала все более организованная партизанская борьба²²⁰, и мы кое-что начинали узнавать о ней. [...]

В Югославии, в разных ее концах, повстанческие островки сливались в некие полусвободные территории. Передавали друг другу будто бы сказанные кем-то из здешних немецких офицеров слова: «Да, мы проиграем и эту войну и уйдем; но, уходя со сцены, мы так еще хлопнем дверью, такой моровой язвы напустим на вас, что вы долго будете нас помнить. Нужна будет третья мировая война, а не то что вторая, чтобы вы окончательно отделались от нашей мести». Наш русский знакомый-старичок прокомментировал боязливо: «Ой, заключат сепаратный мир со Сталиным, напустят коммунизма в Европу!»

А где-то недалеко, радостно торжествуя, готовились к последнему бою. Союзнические самолеты-бомбовозы все чаще перелетали над нашей страной, они плыли по небу медлительными, грандиозными соединениями на Венгрию, на румынские источники нефти. Был уже 1944 г. [...]

Новые происшествия надвинулись вплотную.

Теперь неприятели наших захватчиков громили их, где только могли, и они, уже будучи по существу нашими союзниками, вторично разбомбили несчастный Белград²²¹, изгоняя из него нашего врага. Получилось хуже, чем в первый раз, потому что первое разрушение продлилось меньше недели, а это продолжалось несколько месяцев. К тому же и мы были теперь оскудевшие и обнищавшие. [...]

Англо-американские бомбовозы летали над страной, часто и над нашими головами; город продолжал разваливаться. Наши инженеры, в том числе и мой отец, после каждой бомбардировки ездили в центр распоряжаться о починке труб. Нередко случалось, что звучал повторный сигнал тревоги, и опять летала над нами смерть – и мы не знали, что делается с нашими мужчинами, не говоря уже о том, что и своих квартир, оставленных в городе, могли лишиться в любую минуту. И несмотря на все это, несмотря на естественный страх за собственную жизнь, все жили в приподнятом настроении, выжидая конца ужасной войны. Оставалось еще немного, и всякий верил, что теперь-то уж судьба его пощадит.

В стране царил сумятица. Теперь с точностью знали как о двух типах союзников, так и о двух типах партизан: одних – лавирующих, выжидающих высадки на Балканах, других – радикальных, малознакомых и внушающих некоторый страх. Первые были, по-видимому, политически менее знающими, их безграмотная удаля позволяла им даже сниматься и брататься с неприятельскими солдатами, и их поведение становилось все более двусмысленным. А те, другие, по доходившим до нас слухам, были люди твердого закала, принципиальные и очень строгие, без расхлябывающих мыслей о демократических побряках: им было нечего терять, а выиграть они могли все.

Почти до последнего месяца не было известно, кто появится после ухода захватчиков. Западные союзники были только в небесах, и приводили в восторг их бодрящие речи на радиоволнах, но повергали в ужас рои их бомбовозов. А советские и симпатизирующие им собственные боевые отряды двигались по суше, надвигались. Кто-то рассказывал, как где-то православный сербский священник, с целой церковной процессией, с крестами и знаменами, отправился через кукурузные поля встречать Красную армию – представительницу великой православной матушки[-России]. Но им повстречался немецкий взвод, и все перепутавший, побросавший утварь в кукурузу крестный ход разбежался кто куда.

Сербская страна пережила уже один раз возвращение своего войска на родину, после победного окончания Первой [мировой] войны. В семьях наших знакомых жила свежая память о том, как отцы и братья после блестящего прорыва Салоникского фронта²²² и неудержимого, окрыленного наступления к северу входили в города на белых конях, и женщины и дети, выбегавшие на улицы, забрасывали их цветами и бумажными лентами. Ныне все это должно было повториться, хотя сверкающие в небе бомбардировщики и идущие от Сталинграда советские дивизии не сулили ни белых коней, ни лент. Англо-американцы, летая над дружеской измученной страной, сваливали на нее новые бесчисленные бомбы. Чтобы внести беспорядок и суматоху в ряды врага, они безжалостно разрушали пострадавший уже за три года до этого Белград, бомбили и другие города,

а по маленькому черногорскому городку Подгорице били 60 с лишним раз, пока не превратили его во вторые Помпеи. Но все это как-то прощалось, считалось необходимым; сербские мужички, узнав об освобождении Парижа, пели исковерканные до неузнаваемости французские песенки.

В миниатюрном масштабе, но в слегка затушеванной форме, политический ералаш творился и у нас – вокруг барака и в канцеляриях водопровода. Сидя на лавочке перед столом, установленном на чурбанах, и тихо беседуя с тем или иным, я узнавала что весь город (другие говорили: вся Югославия) полон сторонников Дражи Михайловича²²³, что его прихода все ждут, что все уже продумано и организовано, известно, кто какие места займет после освобождения. Однако все видели, что с красными партизанами – ныне уже регулярным югославским войском – наступает Советская армия. Некоторые почему-то все-таки ожидали Дражу (не то поджидали чудес и знамений, не то были просто глупы); другие верили лишь в то, что говорила ясновидящая мадам Годжевац. Почти каждое утро начиналось с того – слышал ли кто-нибудь прогноз мадам Годжевац на сегодня: будет ли бомбардировка, будет ли высадка в Греции? Положительно знаю, что и в канцелярии нашего водопровода, и во всем городском управлении имелись Дражины почитатели. Шептались о том, что министерства и иные учреждения работают теперь уже на него, готовятся к передаче власти мирным путем. На нашем базаре в центре города, куда мы иногда приходили из нашего загородного мирка, чтобы снабдиться, совсем открыто продавали фотографии короля Петра и его новоиспеченной жenuшки Александры, пока по улицам расхаживали немецкие солдаты. Это я видела собственными глазами. [...]

Наступила последняя четверть 1944 г. Немцы не уходили еще даже из Греции, но Советская армия была уже рядом... Однажды в тихий осенний вечер до нашего слуха донеслась бесконечно далекая, чуть уловимая орудийная стрельба, канонада, не слышанная нами еще с начала войны. Мы все стояли на полянке, как заколдованные, молчали; один молодой человек лег на землю, приложил к ней ухо: трепетным голосом он объявил, что, по-видимому, где-то двигаются танки или тяжелые орудия, что где-то что-то гроыхает... Это были опять они, наши, давно отделившиеся от нас, теперь уже под новым правительством: они двигались и освобождали нашу страну, вытесняя оккупанта, владевшего нами более трех с половиной лет. [...]

Помню, как мы с матерью... шли из нашего загородного пристанища назад, по направлению к центру, таща в руках и на спине наши хлипкие пожитки. [...] А то, что двигалось посередине улицы за город, за мосты – я описать не берусь. [...] Тут бок о бок уходили из столицы немецкие отряды, приверженцы профашиста Лѳгича²²⁴, эскадроны бородатых сторонников Дражи – не то воевавшие [с партизанами], не то не воевавшие против немцев; шел и какой-то

неопределенный народ, вся улица была запружена. А мы направлялись в наше новое прибежище, гораздо более неуютное. Наш дом пострадал во время англо-американских воздушных нападений еще хуже, чем во время немецких, и в нем эту зиму невозможно было проводить.

Итак, сопутствуемая неописуемым хаосом, артиллерийским обстрелом, шквальным огнем, продлившимся несколько дней, – снова перешагнула через наши головы роковая грань. [...] Красные отвоевали Белград²²⁵, освободили его, и все радовались их приходу, махали им из окон, с крыш и столбов. Ходили слухи о том, что коммунисты и Дража вступили в союз. Но начали выходить газеты, которых много дней не было, укрепилась новая власть, про Дражу замолчали так, словно невидимый дирижер дал знак оркестру, что ноту следует оборвать...

Военные действия еще продолжались. Был еще страшный Сремский фронт²²⁶, где пал жертвою цвет сербской молодежи; была невиданная, хоть и короткая свалка народов в той тихой, никому не известной словенской долине, где я и до войны, и после нее гуляла в одиночестве и собирала цикламены. [...]

От 15 до 20 октября 1944 г. на улице, где мы временно поселились, было, собственно говоря, междуцарствие. Перед окнами проходили советские отряды. [...] Я помахала было им с окна, но отец [...] предупредил, что улица еще может быть взята назад немцами и, следовательно, можно опасаться какого-нибудь доноса. После обеда 17 октября напротив нашего домишка югославские солдаты выстроили у стенки школы человек сорок захваченных немцев и расстреляли их из автоматов. Произошло это так неожиданно, что я, с интересом смотревшая на новых для меня партизан, не успела и сообразить, что происходит. Лишь когда один из немцев перед моментом смерти повалился в пыль и стал кричать: «Киндер, киндер! У меня есть дети!» – я поняла, отскочила; и тут же пулеметная очередь оглушила меня. [...]

20 октября вечером слышна была из центра города частая, гулкая пальба, похожая на какое-то мокрое хлопанье, и мы убежали в погреб. Это устраивали фейерверк по поводу освобождения столицы, а нам показалось, что опять стреляют по городу.

На следующий день на одной из площадей был уже организован первый митинг. Кто-то из новых правоверных спорол красный сатин с ватного одеяла, чтобы выставить на доме флаг. Ходили по квартирам и приказывали добровольно явиться на митинг. Мужчины не решались надевать шляп: не по-пролетарски. Вышли на митинг в беретках и в кепках, так как без головных уборов тогда еще не очень было принято ходить по улицам. [...]

Через два дня было объявлено, что упразднены квартирные платы – отныне люди будут пользоваться кровом над головой безвозмездно. В середине января спохватились и квартирную плату возобновили. Потом говорили, что больше не будет адвокатов, ибо не будет больше и уголовных дел: настал ведь

коммунизм. В первое время во всех учреждениях к входившим посетителям и просителям обращались на «ты». [...]

В начале ноября вышел строжайший запрет траты электричества в целях приготовления пищи и отопления. Позволено было жечь лампочки мощностью лишь в 25 ватт, и то только по одной лампочке одновременно на всю жилплощадь. [...]

Поезда, двигавшиеся по направлению к Югу, в Сербию, ходили без стекол, без освещения. К Северу же не было железнодорожного моста через Саву, и по тому мосту, который предназначался для автоперевозки и пешеходного движения, вместе с конной тягой пробирались тракторы, влекущие за собой целые вагоны, без рельсов. [...]

Оказавшись в конце 1944 г. в коммунистической стране, мы понятия не имели, что, согласно все еще имеющей силу конституции, Югославия продолжала быть королевством и что официальной формой нашего правительства было в то время регентство, замещающее отсутствовавшего короля... Выяснилось, что мы лишь следующей осенью будем нестесненно и тайно высказываться за политический строй, который нам наиболее угоден. [...]

С крестьян стали взимать огромные поборы, мобилизовывали их, отправляли расчищать дороги и разрушенные поселки. Поезда еще долго ходили с проломленными крышами, с лужами посреди купе, когда шел дождь. На площадях и перекрестках наспех сооружали памятники погибшим югославским и советским освободителям страны. [...]

С одной стороны, население находилось в каком-то делирии, трудовой подъем был такой, какого позже не бывало никогда, все искренне радовались окончанию захвата, окончанию нудного выжидания новых военных действий, бомбежек и смерти... С другой же стороны, царило порядочное недовольствие новым общественным устройством. Новой власти в то время приписывали все бедствия, все недостатки, нехватку продовольствия, электричества, угля и сравнивали нашу жизнь с некоторыми другими европейскими странами, где всего этого, по доходившим слухам, было достаточно.

В господствовавшей здесь бедности нашу власть все-таки нельзя было считать виновной, потому что Югославия была разрушена и опустошена так, как не было почти ни одно из государств, воевавших во Вторую мировую войну.

Из личного архива А.Б. Арсеньева (г. Нови Сад, Сербия). Л. 1–4, 107, 112–114, 118, 119, 185–187, 191–193, 240, 251–252, 260, 343, 347–356, 366–370, 382, 384–385, 391, 393–394, 402–404, 406–411.

Подлинник. Машинопись с авторской правкой. Часть рукописи опубл.: Фришкат-Иядулович И.И. На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. Т. 2. М., 2004. Т. 2. С. 511–544; И.И. Якин А.И., Силкин А.А. «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика) // Славянский альманах-2010. М., 2011. С. 419–461.

¹ Славянская миссия русских общественных деятелей во главе с князем Л.В. Урусовым, организованная в середине 1919 г., – одна из ряда делегаций, направленных Российским правительством Белого движения в славянские государства, образовавшиеся после распада Австро-Венгрии, для установления с ними сотрудничества не только ради политической поддержки, но и активной военной помощи (подробнее см.: *Žветков В.В.* . Белое дело в России. 1919–1922 : Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. Ч. 1. М., 2013). Формально самостоятельная, миссия находилась в непосредственном контакте с Особым совещанием при главнокомандующем ВСЮР А.И. Деникине.

² Родичев Федор Измаилович (1854–1933) – российский общественный и политический деятель, член Государственной думы I–IV созывов, один из лидеров Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). После Февральской революции – член Учредительного собрания. После Октябрьского переворота подвергся преследованиям со стороны большевиков. В сентябре 1918 г. выехал на Юг России. Участвовал в деятельности ряда антибольшевистских организаций: Совета государственного объединения России, Всероссийского национального центра. Член Особого совещания при главкоме А.И. Деникине. В составе Славянской миссии русских общественных деятелей посетил (с весны 1919 г.) ряд городов Королевства СХС, где агитировал за создание югославянских легионов для участия в борьбе с российскими большевиками, а также Грецию, Чехию и Польшу. В 1920 г. был представителем Добровольческой армии в Польше. В эмиграции жил в Париже, а затем в Лозанне.

³ Федоров Михаил Михайлович (1859–1949) – российский государственный и общественный деятель, управляющий Министерством промышленности и торговли в правительстве С.Ю. Витте (1906). После Октябрьского переворота присоединился к Белому движению. В 1919 г. член Особого совещания при главкоме А.И. Деникине. С 1920 г. в эмиграции, жил в Париже. Член Русского национального комитета. Основатель Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей.

⁴ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – русский военачальник и политический деятель, генерал-лейтенант (1916). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Один из основных руководителей Белого движения, его лидер на Юге России (1918–1920). В 1918–1919 гг. командующий Добровольческой армией. В 1919–1920 гг. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. Тогда же – заместитель Верховного правителя и Верховного главнокомандующего Русской армии адмирала А.В. Колчака. С 1920 г. в эмиграции.

⁵ Катарро (*итал.*) (Котор – *серб.*) – город-порт в Черногории, расположенный на берегу Которского залива Адриатического моря. Упоминается в римских источниках с I в. н.э. В средние века принадлежал Византии, Сербии, Венгрии, Боснии, Венеции, а в 1797–1806 гг. и 1814–1918 гг. – Австрии (Австро-Венгрии). С 1918 г. – в составе Королевства СХС.

⁶ Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – российский предприниматель и общественный деятель. Один из лидеров партии кадетов. Депутат II, III, IV созывов Государственной думы. В 1914–1917 гг. московский городской голова. После Октябрьской революции член антибольшевистского Правого центра (1917–1918). С 1919 г. в эмиграции в Югославии. Один из создателей Общества славянской взаимности (в Белграде).

⁷ Цетинье – город в Черногории. Первоначально – монастырь, основанный в 1485 г. Позднее – столица Черногорского княжества, а с 1910 г. – королевства. С 1 декабря 1918 г. – в составе единого Королевства сербов, хорватов и словенцев.

⁸ Имеется в виду первый на Балканах институт благородных девиц – Высшее девичье училище, открытое в Цетинье в 1869 г. при поддержке и субсидировании императрицы Марии Александровны (жены Александра II).

⁹ Апрелев Борис Петрович (1888–1951) – русский морской офицер (капитан 2-го ранга), писатель. Участник Первой мировой войны. После Февральской революции служил на французском флоте. В 1918–1919 гг. помощник морского агента в Японии. В 1919 г. был назначен морским агентом правительства Колчака в Италии и Югославии. К лету 1921 г. – в Белграде, в консульской полиции. Из Белграда переехал в Китай, затем в Сан-Франциско.

¹⁰ В 1901 г. в Сербской народной радикальной партии произошел раскол. Из нее вышла группа несогласных с курсом Николы Пашича младорадикалов, образовавших Независимую радикальную партию. Ее членов именовали самостальцами (т.е. «независимцами»). Сторонников же Пашича традиционно называли старорадикалами. Напредняцкая (прогрессистская; от серб. напредак – прогресс) партия Сербии основана в январе 1881 г. на базе кружка т.н. младоконсерваторов, группировавшихся вокруг газеты «Видело» («Свет»). Существовала до начала 20-х годов XX в.

¹¹ Выборы в Конституционное собрание (Уставотворную скупщину) состоялись 28 ноября 1920 г.

¹² Сербская радикальная партия – крупнейшая национальная политическая организация Королевства Сербия – была образована в 1881 г. (В Королевстве СХС партия называлась Народная радикальная партия сербов, хорватов и словенцев).

¹³ Демократическая партия образована в 1919 г. в результате объединения Независимой радикальной партии, Напредняцкой (прогрессистской) партии, либералов и сербской части Хорватско-сербской коалиции (1905–1918, Хорватия). Первый председатель – Любомир Давидович.

¹⁴ Имеется в виду Земледельческий союз, образованный в 1919 г. Лидер – Йован М. Йованович-Пижон.

¹⁵ Имеется в виду Народная скупщина – высший представительный орган у сербов. С середины XIX в. собиралась ежегодно для обсуждения текущих государственных дел. Апрелев имеет в виду Временное народное представительство (ВНП), функционировавшее с марта 1919 г. по октябрь 1920 г. ВНП – расширенный вариант скупщины Королевства Сербия, в которую влились депутаты загребского Народного вече СХС, воеводинской Великой народной скупщины в Нови Саде, черногорской Великой народной скупщины в Подгорице. В территориальном плане в состав ВНП вошли 62 депутата из Хорватии и Славонии, 16 – из Истрии и Далмации, 32 – из Словении, 42 – из Боснии и Герцеговины, 84 – из Сербии, 24 – из Воеводины, 12 – из Черногории, 24 – из Македонии, Косова и Санджака.

¹⁶ Апрелев ошибается. Пашич никогда не встречался с М.А. Бакуниным.

¹⁷ Югославянская идея, положенная в основание создания Королевства СХС, подразумевала существование «триединого народа сербов, хорватов и словенцев».

¹⁸ Воеводина – область в Австрийской империи, населенная преимущественно сербами. Была провозглашена на Майской скупщине 1848 г. в составе Срема, Баната, Бачки и Бараньи. В 1849 г. императорским патентом было создано Воеводство Сербии и Тамишкий Банат – особая сербская область, наделенная самоуправлением и территориальной автономией и включавшая в себя Бачку, Банат и Срем (но без южных районов по рекам Сава, Дунай и Тиса, составлявших часть австро-турецкого пограничья – Военной границы). В 1860 г. Воеводство было упразднено. В настоящее время Воеводина – автономный край в составе Сербии.

¹⁹ Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов) образована в 1919 г. в результате объединения социал-демократических партий Сербии, Боснии и Герцеговины,

Далмации, Хорватии и Словении. На выборах в Конституционное собрание партия стала третьей по числу полученных мандатов. В том же месяце ее деятельность была запрещена.

²⁰ Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – русский военачальник, генерал-лейтенант (1918), участник Русско-японской и Первой мировой войн. Один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны (1918–1920). Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (с апреля 1920 г. – Русской армии). С ноября 1920 г. в эмиграции в Константинополе. В 1922 г. вместе со своим штабом переехал в Сремски Карловци (Королевство СХС). В 1924 г. образовал Русский общевоинский союз (РОВС), объединивший большинство участников Белого движения в изгнании. В октябре 1926 г. Врангель покинул Сремски Карловцы и обосновался с семьей в Бельгии, в Брюсселе. В 1928 г. скоропостижно скончался в Брюсселе. В 1929 г. его прах был перезахоронен с воинскими почестями в русской церкви Святой Троицы в Белграде.

²¹ Понятие «Старая Сербия» объединяет области, служившие ядром средневекового сербского государства: Рашку, Косово и Метохию, Вардарскую Македонию.

²² Первая конституция Королевства СХС была принята в день св. Вида – 28 июня 1921 г. – и получила название Видовданской. Период с момента провозглашения Королевства СХС (1 декабря 1918 г.) до ее принятия назывался «временным государственно-правовым периодом». В это время действовало Временное народное представительство, а на всю территорию Югославии было распространено законодательство довоенного Королевства Сербия.

²³ После эвакуации Русской армии из Крыма в ноябре 1920 г. 1-й армейский корпус под командованием генерала А.П. Кутепова был размещен в районе г. Галлиполи (Турция). Донской корпус (под командованием генерала Ф.Ф. Абрамова) был отправлен в район Чатагджи (Турция), а Кубанский казачий корпус (под командованием генерала М.А. Фостикова) – на остров Лемнос (Греция). В конце 1920 – начале 1921 г. Франция и Великобритания заявили о прекращении финансирования Русской армии и намерении выдворить ее из района Константинополя. В апреле 1921 г. югославское правительство и король Александр согласились принять 12 тыс. солдат. переброска происходила с июня по ноябрь 1921 г. По договоренности с командованием Русской армии военнослужащие были направлены на строительство дорог и охрану границ королевства.

²⁴ Чубинский Михаил Павлович (1871–1943) – юрист, общественный деятель, публицист. Член партии Конституционных демократов. Специалист по уголовному праву, преподаватель Харьковского и Петербургского университетов. Во время Гражданской войны – член правительства гетмана Скоропадского. После его падения Чубинский – на стороне Деникина и Врангеля. В эмиграции проживал в Югославии. Профессор университетов Белграда и Суботицы. Член постоянного законодательного совета при Министерстве юстиции. Автор работ по сербскому уголовному праву.

²⁵ Рудченко Петр Иванович (1872–1931) – экономист, профессор Белградского университета, советник Министерства финансов Сербии.

²⁶ Маклецов Александр Васильевич (1884–1948) – юрист, профессор Харьковского университета, общественно-политический деятель. Состоял в партии кадетов. В эмиграции – с 1919 г. Профессор Люблянского университета (1926–1948).

²⁷ Ветчинин Виталий Георгиевич (1867–1925) – русский общественный и политический деятель, один из основателей Всероссийского национального союза. Член Государственной думы, последний херсонский губернатор (1916). В эмиграции с 1920 г. Жил в Белграде.

²⁸ Скаржинский Петр Васильевич (1881–1956) – последний волынский губернатор (1915). В эмиграции с 1917 г. Председатель окружного Совета объединенных монархических организаций в Югославии (1926). Председатель Высшего монархического совета (1940–1956).

²⁹ Московлевич Милош (1884–1968) – сербский ученый, филолог-русист, общественный и политический деятель. Переводил произведения М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др. Учился в Белградском университете у профессора Александра Белича. Преподаватель 3-й белградской мужской гимназии (1909–1911). В 1911–1912 гг. проходил стажировку в России. Участник Балканских войн и Первой мировой войны (в качестве переводчика). В июне 1917 г. направлен в сербское посольство в Петрограде, где его застали Февральская революция и Октябрьский переворот. Затем перебрался в Сибирь, где участвовал в создании Временного югославянского народного комитета. В 1919 г. вернулся в Белград. Свои впечатления от пребывания в России Московлевич описал в дневнике. Запись от 17 сентября 1917 г. гласит: «Сегодня вечером в Народном доме, на “Фаусте”, сборы от которого пошли в пользу Крестьянского фонда, впервые слушал старую “бабушку революции” Брешко-Брешковскую... Она обратилась к публике с нежными материнскими словами и советами...» (Московлевич М. У Великой Русской революции: Дневничке белешке. Београд, 2007. С. 77). В 1920 г. Московлевич – один из основателей Союза земледельцев. Избирался в состав Народной скупщины в 1920, 1923 и 1925 гг. В 1930-е гг. сотрудник Сербской королевской академии, профессор Высшей педагогической школы. Народный депутат Союзной и Республиканской скупщин (1945–1953), министр лесного хозяйства в правительстве Сербии (1946), чрезвычайный и полномочный посланник в Осло и Каире, а затем сотрудник Института сербскохорватского языка Сербской академии наук и искусств. Автор словаря сербскохорватского языка (1966) – первого после словаря Вука Караджича (1818).

³⁰ Брешко-Брешковская (урожд. Вериги) Екатерина Константиновна (1844–1934) – деятель русского революционного движения, одна из создателей и лидеров Партии социалистов-революционеров, в том числе и ее боевой организации. Неоднократно приговаривалась к каторге. В 1903–1905 гг. в вынужденной эмиграции. Участвовала в революции 1905–1907 гг. В 1907 г. выдана властям Е.Ф. Азефом. До Февральской революции – в ссылке. Поддерживала Временное правительство. После прихода к власти большевиков эмигрировала (1919). Проживала в США, во Франции, а с 1923 г. – в Чехословакии.

³¹ «Дни» – русская ежедневная (с 1928 г. – еженедельная) газета, издававшаяся с 1922 г. в Берлине, а затем, вплоть до 1933 г., в Париже. Издатель А.Ф. Керенский.

³² Давидович Любомир (1863–1940) – сербский (югославский) политический деятель. Один из основателей Самостоятельной радикальной партии. В Королевстве СХС – председатель Демократической партии.

³³ Радич Степан (1871–1928) – хорватский политик, создатель и лидер Хорватской народной крестьянской партии (1904), переименованной впоследствии в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (1920), а затем в Хорватскую крестьянскую партию (1925). В межвоенное время Х(Р)КП была самой массовой и влиятельной хорватской политической партией. С. Радич побывал в Москве в 1924 г.

³⁴ Крестьянский интернационал – международная крестьянская революционная организация, основанная на Конгрессе крестьянских организаций разных стран, состоявшемся в Москве в 1923 г. Ставил своей задачей включение крестьянства в революционную борьбу под лозунгом «Крестьяне и рабочие всех стран, соединитесь!».

³⁵ Стамболийский Александр Стоименов (1879–1923) – болгарский политический и государственный деятель. В 1919–1923 гг. глава коалиционного правительства Болгарии. Сторонник сближения с Югославией. Зверски убит во время государственного переворота 9 июня 1923 г., среди участников которого была террористическая «Внутримакедонская революционная организация», финансируемая итальянской дипломатией, рассматривающей болгаро-югославское сближение как угрозу своим планам на Балканах и в Адриатике.

- ³⁶ Троянович Сима (Симо) (1862–1935) – сербский этнолог, антрополог, директор Этнографического музея в Белграде, профессор университета в Скопье, член-корреспондент Сербской королевской академии.
- ³⁷ Кисловский Сергей Андреевич (1899–1995) прибыл в Королевство СХС 28 ноября 1920 г. Как и тысячи других беженцев с парохода «Сигед», он высадился в Груже – порте г. Дубровник. Вскоре он был распределен в русскую колонию в г. Апатин (Бачка), до 1918 г. входивший в состав Австро-Венгрии и населенный преимущественно немцами и венграми. Осенью 1921 г., поступив на агрономический факультет, Кисловский переехал в Белград. По окончании Белградского университета – агроном-селекционер в Институте агрономических исследований в г. Нови Саде.
- ³⁸ Имеется в виду так называемый Новый королевский дворец, построенный в центре Белграда в 1911–1921 гг. по проекту Стояна Тительбаха, в 1922–1933 гг. служил резиденцией короля Александра Карагеоргиевича.
- ³⁹ Здание гостиницы «Москва» было построено в 1906 г. страховым обществом «Россия».
- ⁴⁰ Известная белградская кафана «Лондон» располагалась на пересечении улиц Милоша Великого и Короля Милана.
- ⁴¹ Народный театр в Белграде располагается на площади Республики. Строительство здания (арх. Александр Бугарски) началось в 1868 г. по приказу князя Михаила Обреновича, находившегося под впечатлением от гастролей Сербского народного театра из г. Нови Сад. Закончено после смерти правителя (1868). Первый спектакль на новой сцене состоялся в октябре 1869 г. Современный вид здание театра приняло в результате реконструкции, предпринятой в 1922 г. по проекту Йосифа Буковаца.
- ⁴² Славия – площадь в Белграде, в 1,5 км от центра. До 1880-х гг. представляла собой заболоченное место, в котором жители города охотились на диких уток. Облагораживание территории начал шотландский предприниматель Фрэнсис Маккензи (1833–1895), именем которого названа одна из улиц, лучом отходящая от Слави.
- ⁴³ Калемегдан – парк рядом с крепостью в старой части Белграда, при слиянии Дуная и Савы. Название происходит от Кале мейдан (*тур.*) – «Замковая площадь». Делится на Малый Калемегдан и Большой Калемегдан. Теперь Калемегданом часто называют саму Белградскую крепость, которая в 1521–1867 гг. принадлежала Османской империи.
- ⁴⁴ Имеется в виду памятник Караджичу Вуку Стефановичу (1787–1864) – крупнейшему деятелю сербского национального возрождения, реформатору сербского литературного языка, алфавита и правописания. Положил начало научному исследованию сербского фольклора, языка, обычаев и Новой истории сербов. Ученый-самоучка, в 1814 г. издал первую грамматику сербского языка, в 1818 г. – первый сербский словарь.
- ⁴⁵ Топчидер – южное предместье Белграда, железнодорожная станция. Его название происходит от турецкого Тобджи-Дере – Пушечная (артиллерийская) долина. Вождовац – община, входящая в округ Белград.
- ⁴⁶ Теразија (*серб.*) – «фешенебельная» часть Белграда между дворцом и улицей князя Михаила. Свое название получила от водонапорных башен системы водоснабжения, построенной в XIX в. турками. Башни носили турецкое название «Теразие» – весы.
- ⁴⁷ Имеется в виду фонтан, сооруженный в 1860 г. по указанию князя Милоша Обреновича.
- ⁴⁸ «Дом чудес» – так назывался в Белграде многоквартирный дом, большинство жителей которого являлись беженцами из России. Название дом получил по аналогии с домами,

расположенными на окраинах средневековых европейских городов (Париж и пр.), заселенных нищими, бродягами и другими маргиналами общества.

⁴⁹ Джерам – один из старейших рынков в Белграде.

⁵⁰ Цветкова механа – район Белграда, названный по трактиру (механе), который принадлежал местному землевладельцу – Цветко Йовановичу.

⁵¹ Смедерево – город в северной Сербии, на реке Дунай. Основан как крепость в 1427–1430 гг. деспотом Джордже Бранковичем – внуком князя Лазара Хребельяновича.

⁵² Земун (Землин) – город в Воеводине (Срем). Расположен на месте впадения Савы в Дунай. В XV в. принадлежал деспоту Джордже Бранковичу. В XVI–XVIII вв. – в составе Турции. С XVIII по начало XX в. – пограничный пункт Австрии (Австро-Венгрии). В 1918 г. вместе со Сремом был передан Королевству сербов, хорватов и словенцев. Ныне Земун – один из районов Белграда. Панчево – город в Воеводине (Банат). Известен с IX в. под названием Панука.

⁵³ Эрк Эдуард Владимирович (1851–1937) – русский генерал, участник Русско-турецкой (1877–1878), Русско-японской и Первой мировой войн. В Добровольческой армии с 1918 г. В эмиграции – в Югославии. Начальник 4-го отдела РОВС, председатель Совета объединенных офицерских обществ.

⁵⁴ Барбович Иван Гаврилович (1874–1947), Баратов Николай Николаевич (1865–1932), Шатилов Павел Николаевич (1881–1962), Казанович Борис Ильич (1871–1943) – русские генералы, участники Русско-японской и Первой мировой войн. Участники Белого движения. Барбович и Казанович в эмиграции постоянно проживали в Югославии. Первый в сентябре 1944 г. выехал в Германию, где оставался до смерти. Казанович был председателем Общества офицеров Генерального штаба. Умер в русской больнице в г. Панчево.

⁵⁵ Янчевецкая Ольга Петровна (1890–1978) – русская оперная певица, исполнительница романсов. Во время Гражданской войны эмигрировала в Югославию. Выступала в белградских ресторанах. Пластинки с песнями и романсами в ее исполнении до и после Второй мировой войны выпускались в Югославии большими тиражами. Умерла в Белграде.

⁵⁶ Точное название «Замело тебя снегом, Россия» – романс на слова поэта и прозаика Ф.И. Чернова (1878–1940); музыка К.К. Штакельберга. Написанный в 1918 г. романс был своеобразным гимном русской эмиграции.

⁵⁷ Морфесси Юрий Спиридонович (1882–1949) – русский эстрадный певец. В эмиграции жил в Париже. Много гастролировал по Европе. В 1935 г. переехал в Югославию. Во время немецкой оккупации Югославии – в артистической бригаде Русского охранного корпуса. Бежал в Германию перед приходом советских войск. Умер в Париже.

⁵⁸ Шумадия – историческая область в центральной Сербии.

⁵⁹ Севдалинка – традиционная боснийская песня любовного содержания.

⁶⁰ 1-я русско-сербская гимназия в Белграде просуществовала с 1920 по 1944 г. Первый директор – В.Д. Плетнев.

⁶¹ С 1920 г. в Королевстве СХС располагались три кадетских корпуса: Русский кадетский корпус – в Сараево, Донской – в Билече (с 1926 г. – в Горажде), Крымский – в Белой Церкви. В 1929 г. Русский был переведен в Белую Церковь и принял в свои ряды кадет закрытого в том же году Крымского корпуса. В 1933 г. был расформирован Донской корпус. 1-й Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус действовал в Белой

Церкви до осени 1944 г. (см.: *Силкин А.А. Русские кадетские корпуса в эмиграции // Россия в изгнании : Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 215–247).*

⁶² В Югославии существовало несколько русских институтов благородных девиц. Среди них: Харьковский императрицы Марии Федоровны институт в Новом Бечее (1920–1932); Мариинский Донской институт в Белой Церкви (1920–1942).

⁶³ Звездара – район в центре Белграда.

⁶⁴ Русский дом им. императора Николая II был построен в 1933 г. по проекту российского архитектора-эмигранта В.Ф. Баумгартена. В нем разместились Русский научный институт, русско-сербская мужская и женская гимназии, музей императора Николая II, музей русской кавалерии, а также библиотека. После Второй мировой войны в здании размещался Дом советской культуры.

⁶⁵ Земгор – Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов – создан в 1915 г. в России для распределения военных заказов среди частных промышленных предприятий. С 1921 г. так стал именоваться созданный в Париже «Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей». Отделение Земгора в Белграде возглавлял Ф.Е. Махин.

⁶⁶ Попова Елизавета Ивановна (1889–?) – оперная певица.

⁶⁷ Роговская (Роговская-Христинич) Ксения Евгеньевна (Ефимовна) (1896–1961) – оперная певица (сопрано). С 1915 г. пела в Москве в опере С.И. Зимина, затем в театрах Ла Скала, Большом. В 1920 г. эмигрировала в Югославию.

⁶⁸ Каракаш Михаил Иванович (1887–1937) – лирический баритон. В 1908–1910 гг. учился в Санкт-Петербургской консерватории. В 1911–1918 гг. солист Мариинского театра. В 1921 г. с женой, Е.И. Поповой, выехал за границу. До начала 1930-х гг. пел в Белграде и Русской опере в Париже.

⁶⁹ Зиновьев (псевд., наст. фам. Гипс) Лев Борисович (1876–1927) – оперный певец (тенор). На белградской сцене пел (с короткими перерывами) с 1921 по 1926 г.

⁷⁰ Юренин Георгий Митрофанович (Матвеевич) (1891–1963) – оперный певец, баритон, солист Народного театра (1921–1928).

⁷¹ Колесников Степан Федорович (1879–1955). Учился в Одесском художественном училище (1879–1903), в Академии художеств у И.Е. Репина, В.Е. Маковского, А.А. Киселева (1903–1909). Жил в Одессе. С 1920 г. проживал в Белграде.

⁷² Браиловские Римма Никитична (1877–1959) и Леонид Михайлович (1867–1937) – русские художники, проживавшие в эмиграции в Латвии, Константинополе, в Белграде (до 1925 г.) и окончательно осевшие в Риме.

⁷³ Загороднюк Владимир Павлович (1889–1976) – театральный художник, скульптор. Окончил Одесское художественное училище. В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС. Работал в Народном театре (до 1944 г.). В 1949 г. эмигрировал в Австралию.

⁷⁴ В рукописи фамилия явно искажена. Среди женщин-медиков, работавших в Королевстве СХС, не встречается фамилии Игнатъевская (см.: *Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии : Биогр. словарь и анкеты (1918–1946) / Сост. М. Горинов-мл., М. Сорокина, Н. Петрович, М. Медакович, В. Радженович. М., 2012).* Вероятно, имеется в виду Игнатовский Александр Иосифович (1875–1955), терапевт, доктор медицины, профессор. Выпускник Военно-медицинской академии в Петербурге. С 1920 г. в эмиграции, сначала в Дубровнике, затем в Белграде. Один из основателей медицинского

факультета Белградского университета (1923), в 1928–1930 гг. – декан. Основатель и директор первой клиники внутренних болезней в Белграде.

⁷⁵ Терebinский Владимир Ипполитович (1878–1950) – врач, общественный деятель. В 1917–1920 гг. профессор Киевского университета. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, был консультантом в военном госпитале в Белграде, председателем правления колонии русских беженцев, членом Правления русских ученых в Королевстве СХС. В 1927 г. переехал в Париж.

⁷⁶ Воронцкий Владимир Александрович (даты жизни неизв.) – доктор медицины. Начальник русского госпиталя в г. Панчево.

⁷⁷ Вербицкий Федор Васильевич (1881–1971) – бактериолог, терапевт, доктор медицины. Профессор Саратовского (1911), затем Киевского (1914) университетов. После 1917 г. в эмиграции в Югославии. Личный врач короля Александра Карагеоргиевича. Товарищ председателя Общества русских врачей. В 1949 г. эмигрировал в Аргентину.

⁷⁸ Бенцелевич Анатолий Александрович (1882–1931) – военный врач, выпускник Военно-медицинской академии. Участник Первой мировой войны. С 1 февраля 1919 г. начальник Новороссийского тылового эвакуационного пункта. Эвакуирован в марте 1920 г. из Новороссийска. В Югославии с мая 1920 г.

⁷⁹ Студенческое артистическое русское театральное общество (САРТО) было организовано в Белграде в 1922 г. Его членами состояли: Анатолий Шнэ, Владимир Лиозин, Николай Фемелиди, Сергей Кисловский, Коломийцев, В. Сысоев, Случевский, И. Шуляк, Недабелюк, Дроздин, Федоров, Туган-Барановский, Сидоренко, Ирина Присылкина, Бойко, Величинина, Гладкова.

⁸⁰ Неманина улица – улица в Белграде (от площади Славия до железнодорожного вокзала). Названа в честь Стефана Немани (1113–1199) – великого жупана Сербии (1166–1196), основателя Сербского государства и родоначальника династии Неманичей (1166/68–1371).

⁸¹ Улица Милоша Великого (ныне Князя Милоша) – улица в Белграде (от бульвара короля Александра до района Сеняк). Названа в честь Милоша Обреновича (1780–1860) – князя Сербии (1815–1839; 1859–1860), родоначальника династии Обреновичей. Участвовал в Первом Сербском восстании, но не покинул Сербию после поражения. Возглавил Второе Сербское восстание 1815 г. Добился утверждения наследственным князем Сербии. В 1839 г., проиграв борьбу с внутренней оппозицией, был вынужден отречься от власти в пользу своего сына Михаила. В 1858 г. Свято-Андреевская скупщина, сместив князя Александра Карагеоргиевича, вернула Милоша Обреновича на престол.

⁸² Толстой Владимир Ильич (1899–1967) – внук Л.Н. Толстого. В эмиграции, в Югославии, проживал в г. Нови Бечей. Работал инженером-агрономом. В 1945 г. вернулся в СССР. Принимал активное участие в работе музеев Л.Н. Толстого в Москве и особенно в Ясной Поляне.

⁸³ Андонович Милан (1849–1926) – профессор Белградского университета, почетный член Сербской королевской академии. Основатель геодезии в Сербии.

⁸⁴ Лозанич Сима (1847–1935) – сербский химик, президент Сербской королевской академии, первый ректор Белградского университета. Докторскую диссертацию защитил в Цюрихском университете. Автор первых сербских университетских учебников химии.

⁸⁵ Жуйович Йован (1856–1936) – сербский (югославский) ученый и политический деятель. Основатель геологической науки в Сербии. В 1915–1921 гг. президент Сербской Королевской академии. Один из лидеров Сербской независимой радикальной партии.

- ⁸⁶ Джорджевич Пера (даты жизни неизв.) – профессор Белградского университета, декан сельскохозяйственного факультета (1920–1923).
- ⁸⁷ Пары – мелкая разменная денежная единица Королевства СХС (с 1920 г.), 100 пар равнялись 1 динару.
- ⁸⁸ Гишман Евгений Владимирович (1898–1984) – выдающийся агроном-селекционер Института сельскохозяйственных исследований в г. Нови Сад. Приятель С.А. Кисловского, с которым они вместе эвакуировались в 1920 г. из России.
- ⁸⁹ Лиозин Владимир Ф. (даты жизни неизв.) – актер, член Белградского художественно-драматического общества.
- ⁹⁰ Елена, принцесса Сербская (1884–1962) – дочь князя Петра Карагеоргиевича и княжны Зорки Петрович-Негош. Сестра Александра Карагеоргиевича. Жена (с 1911 г.) князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова, убитого большевиками в 1918 г. в Алапаевске.
- ⁹¹ Имеется в виду здание Главного полицейского управления.
- ⁹² Глишич Драгомир (1872–1957) – сербский художник-баталист, военный фотограф. В этом качестве участвовал в Балканских войнах и Первой мировой войне.
- ⁹³ Марков Иван Павлович (?–1944, по др. данным 1962) – профессор Белградского университета. Вел курс по анатомии и физиологии, зоотехнике.
- ⁹⁴ Стебут Александр Иванович (1877–1952) – русский ученый, почвовед, селекционер. Профессор агрономического факультета Белградского университета. Преподавал почвоведение и земледелие.
- ⁹⁵ Локоть Тимофей Васильевич (1869–1942) – русский ученый-агроном. Профессор агрономического факультета Белградского университета. Преподавал земледелие и селекцию.
- ⁹⁶ Лозанич Миливое (1878–1963) – сербский химик, профессор, декан философского факультета Белградского университета (1935–1937).
- ⁹⁷ «Политика» – сербская ежедневная газета, выходящая (с перерывами) в Белграде с 25 января 1904 г. и по сей день. Основатель – известный сербский журналист Владислав Рибникар (1871–1914) – погиб в Первую мировую войну, на фронте в Западной Сербии, 1 сентября 1914 г. После войны газета вновь стала выходить под руководством его брата – Слободана Рибникара.
- ⁹⁸ Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – писатель, журналист, издатель. Редактор журналов «Сатирикон» (1908–1913) и «Новый Сатирикон». В 1919 г. работал в газете «Юг России». В ноябре 1920 г. отплыл из Севастополя в Константинополь. Затем переехал в Софию, в Белград, а с 1922 г. окончательно поселился в Праге.
- ⁹⁹ Имеется в виду повесть Аркадия Аверченко «Подходцев и двое других», впервые опубликованная в Петрограде в 1917 г.
- ¹⁰⁰ Недич Милутин (1882–1945) на момент написания письма – военный атташе в Софии. Подробнее см. комментарий 34 в разделе V.
- ¹⁰¹ Ракич Милан (1876–1938) – сербский поэт, дипломат, академик Сербской королевской академии. В Министерстве иностранных дел с 1904 г. Служил в сербских консульских представительствах в Приштине, Скопье, Скадаре. Во время Первой мировой войны советник посольства в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене. С 1921 г. югославский посол

в Софии. С 1927 г. – в Риме. Опубликовал два сборника стихотворений. Объединение литераторов Сербии вручает поэтам награду, названную именем Милана Ракича.

¹⁰² Рибникар Слободан (1873–1924) – врач, директор газеты «Политика». Образование получил в Вене. В качестве начальника полевого госпиталя вместе с сербской армией участвовал во всех Балканских войнах 1912–1918 гг. После окончания Первой мировой войны возглавил редакцию «Политики», основателем которой был его брат Владислав.

¹⁰³ Еропкин Аполлон Васильевич (1865 – после 1928) – русский публицист, общественный деятель, депутат Государственной думы I и III созывов от Рязанской губернии. Председатель Рязанского губернского отдела «Союза 17 октября». В 1919 г. заведующий финансами Комитета содействия Вооруженным силам Юга России в Крыму. С 1920 г. в эмиграции в Греции. В 1921 г. переехал в Белград. В газете «Политика» сотрудничал с 1922 г. В 1926 г. был делегатом Российского зарубежного съезда в Париже от Русского комитета русских эмигрантов г. Земуна.

¹⁰⁴ Ракидин (псевд., наст. фам. Ионин) Юрий Львович (1882–1952) – актер МХТ, режиссер Александринского театра в Петербурге. С 1920 г. режиссер Народного театра в Белграде. Член Белградского русского драматического общества с 1925 г. Один из основателей Союза русских писателей и журналистов в Белграде, председатель Литературного кружка союза, член редколлегии журналов «Призыв» и «Россия». В 1947 г. переехал из Белграда в Нови Сад и возглавил новисадский Сербский народный театр.

¹⁰⁵ «Новое время» – русская эмигрантская газета, издававшаяся в 1920–30-е гг. в Белграде М.А. Сувориным – сыном А.С. Суворина, издателя «Нового времени» в Петербурге (1876–1917).

¹⁰⁶ Имеется в виду т.н. Галлиполийское сидение – пребывание эвакуировавшихся из Крыма частей Русской армии генерала Врангеля в окрестностях греческого (на тот момент) г. Галлиполи в 1920–1923 гг. С 1921 г. солдаты и офицеры начали покидать лагерь, отправляясь в Сербию и Болгарию, власти которых согласились принять русских беженцев.

¹⁰⁷ *Даватѝ В. ’* „, „*вов* “ . “ . Русская армия на чужбине. Белград, 1923. О В.Х. Даватце см. коммент. № 159.

¹⁰⁸ Амонтильядо – сорт вина, упоминая который, Ракидин отсылает нас к рассказу Эдгара По «Бочонок амонтильядо» (1846). В нем редкий и ценный напиток используется в качестве инструмента мести, которую герой рассказа расчетливо планирует и в конце концов осуществляет в отношении причинившего ему унижения и издевательства врага.

¹⁰⁹ «Тамо далеко» – самая известная сербская песня времен Первой мировой войны. Исполняется от имени солдата, оказавшегося на острове Корфу в результате отступления сербской армии из Сербии через горы Албании зимой 1915–1916 гг.

¹¹⁰ По мнению А.Б. Арсеньева, под этим псевдонимом публиковал свои статьи и очерки Ю.Л. Ракидин.

¹¹¹ Верящие в существование нечисти полагают, что последний случай «вампиризма» в Сербии имел место в 1923 г. в Белграде, где по адресу: ул. Босанская, 61, обитал вурдалак. Изгнать его удалось только после того, как в доме была отслужена литургия.

¹¹² «Форт Шаброль» – так парижане прозвали дом на улице Шаброль, в котором в августе – сентябре 1899 г. глава антисемитской лиги Жюль Герен с товарищами «держал оборону» против полиции, сопротивляясь аресту.

¹¹³ Принцип Гаврило (1894–1918) – член организации (1914) «Молодая Босния» (выступала за освобождение от австро-венгерской оккупации). По заданию организации убил в г. Са-

раево 28 июня 1914 г. австрийского престолонаследника – эрцгерцога Франца-Фердинанда. Умер в тюрьме.

¹¹⁴ 1-й Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус (1920–1944) в 1920–1929 гг. располагался в г. Сараево, позднее был переведен в г. Белая Церковь, в Воеводину.

¹¹⁵ Адамович Борис Викторович (1870–1936) – генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской войны, начальник Виленского пехотного юнкерского училища (1909). В Гражданскую войну – в Добровольческой армии. В 1920 г. назначен директором сводного кадетского корпуса, сформированного из остатков Киевского, Одесского и Полоцкого корпусов. По прибытии в Королевство СХС корпус стал называться Русским кадетским корпусом.

¹¹⁶ Холодков Павел Федорович (1888–1967) – оперный певец (баритон). До 1917 г. пел в Москве, в опере С.И. Зимина; в 1918–1919 гг. – в «белой Одессе». Эмигрировал в Югославию. Выступал в Любляне (1925–1928), Скопье (с 1949 г.), преподавал вокал.

¹¹⁷ Марьяшеч Евгений Семенович (1883–1953) – оперный певец (бас, бас-баритон), педагог, режиссер. Выпускник Петербургской консерватории. В Королевстве СХС с 1920 г.

¹¹⁸ Вероятно, Колюбакин Владимир Николаевич (1873–1944) – генерал-майор (1915), герой Первой мировой войны, участник Белого движения на Юге России. С 1920 г. в Югославии. Преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде.

¹¹⁹ Прибичевич Светозар (1875–1936) – сербский и югославский политический деятель. В 1910 г. лидер хорвато-сербской коалиции в Хорватском и Славонском соборах (Австро-Венгрия). В 1918 г. зам. председателя Загребского народного веча. Участник создания Королевства СХС. В 1918–1920 гг. министр внутренних дел. В 1920–1922, 1924–1925 гг. министр просвещения. В 1919 г. один из организаторов Демократической партии, из которой в 1924 г. вышел и основал Независимую демократическую партию. После установления в 1929 г. диктатуры короля Александра был вынужден эмигрировать (1931). Умер в Праге.

¹²⁰ Екавштина (*серб.*) – диалект сербского языка, присущий жителям центральной, южной и восточной Сербии, Воеводины и некоторых районов Хорватии.

¹²¹ Жегалов Иван Павлович (1873 – после 1924) – педиатр, доктор медицины, почетный лейб-медик (1901). Во время Первой мировой войны работал ординатором в Петроградском дворцовом госпитале. Эмигрировал в Сербию.

¹²² Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) – адвокат, общественный деятель, литератор, один из создателей Всероссийского союза адвокатов (1905), автор мемуаров «Что глаза мои видели» (1921).

¹²³ Волков Евгений Николаевич (1864 – ?) – генерал-лейтенант (1913), управляющий Кабинетом его императорского величества (1909).

¹²⁴ Виллиам Георгий Яковлевич (1874–1926) – русский поэт, писатель и переводчик. Писал под псевдонимами «Васильев Г.», «Коммонер» и др. Автор книг о Белом движении («Распад добровольцев, или Побежденные» (1923) и др.).

¹²⁵ Речь идет о М.П. Чубинском. Биографическую справку о нем см. в комментарии № 24.

¹²⁶ Иванцов Дмитрий Николаевич (1886–1973) – русский экономист. В эмиграции с 1920 г. Профессор Русского коммерческого института в Белграде. Один из основателей Русской академической группы. В 1923–1930 гг. профессор Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. До 1945 г. профессор Русского свободного университета в Праге. После Второй мировой войны жил в ФРГ и США.

¹²⁷ Вагнер Юлий Николаевич (1865–1945) – русский зоолог, энтомолог. Преподавал сначала в Петербургском университете, позднее был профессором университета в Киеве. После революции – профессор зоологии в Белградском университете.

¹²⁸ Государственная комиссия по приему и размещению русских беженцев в Королевстве СХС создана в июне 1920 г. «...Вскоре стала самой важной организацией в жизни эмигрантов, каковой и оставалась на протяжении всего межвоенного периода... В рамки ее деятельности входил широкий круг вопросов, связанных как с приемом и размещением беженцев, так и с финансированием, социальной защитой, приспособлением и интеграцией эмигрантов в новую среду... Государственная комиссия была смешанным сербско-русским учреждением, в которое входили выдающиеся деятели культурных и политических организаций русской эмиграции» (” ованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 285).

¹²⁹ В 1923 г. полковник И.А. Лойко (1892–1936), преподаватель Королевской авиационной школы, вместе с поручиком П. Качаном угнали югославский самолет, решив вернуться в СССР. Интересно, что И.А. Лойко с 1924 г. преподавал во 2-й школе военных летчиков в г. Борисоглебске.

¹³⁰ Кинг-чарльз – декоративная разновидность спаниелей, маленький спаниель.

¹³¹ Кишенский Дмитрий Павлович (1858–1933) – врач-патологоанатом, профессор (с 1902 г.), ректор Новороссийского университета (1913–1917). С 1919 г. в эмиграции в Белграде, с 1923 г. – в Праге.

¹³² Имеется в виду Союз русских студентов Белградского университета (1921–1941).

¹³³ Общество галлиполийцев – русская воинская организация, созданная в 1921 г. чинами 1-го армейского корпуса Русской армии генерала П.Н. Врангеля, расквартированными в г. Галлиполи и в лагерях на Галлиполийском полуострове. Входило в состав Русского общевоинского союза (РОВС).

¹³⁴ Имеется в виду Исаченко Клавдия Лукинична (1876–?) – танцовщица, преподавательница пластического танца. Руководила в Петербурге собственной школой-студией. С 1 сентября 1920 г. К.Л. Исаченко – руководитель т.н. Малой балетной школы при белградском Народном театре, с декабря – штатный сотрудник театра.

¹³⁵ «Кóштана» – музыкальная драма по произведению сербского драматурга Бориса Станковича (1876–1927).

¹³⁶ Речь идет о Викинском Александре Дмитриевиче, солисте оперного театра в Одессе. Пел в Белграде в сезоне 1921–1922 гг.

¹³⁷ В 1919 г. часть труппы Московского художественного театра во главе с В.И. Качаловым, будучи на гастролях, оказалась отрезанной от Москвы. После выступлений на юге России актеры отправились за границу. В 1921 г. были даны представления в Белграде, Загребе, Любляне, Праге и в других городах Европы.

¹³⁸ Германова (псевд., наст. фам. Красовская-Калитинская) Мария Николаевна (1884–1940) – русская актриса. По окончании Школы МХТ принята в его труппу (1902–1919). С 1919 г. в эмиграции; играла в театрах Праги, Парижа и др. После раскола «Качаловской группы» в 1922 г., в связи с отъездом части ее членов на родину, возглавила «Пражскую группу» невозвращенцев.

¹³⁹ «Двором чудес» было обыкновенное трамвайное депо. В депо ночью собирались все трамваи, ходившие по улицам Белграда. Оно состояло: из больших деревянных бараков, куда входили трамваи, из большого двора, засаженного деревьями, трех-четырёх доми-

ков и еще других хозяйственных построек. В то время в этом “дворе чудес” проживало несколько тысяч беженцев. Спали и ютились они под трамваями, деревьями, в сараях, столовках» (см.: *Кисловский С.А. Воспоминания 1920–1922 // Воспоминания и записки. Неопубл. рукопись.*)

¹⁴⁰ Свадьба Александра I Карагеоргиевича и румынской принцессы Марии (1900–1961) состоялась 8 июня 1922 г.

¹⁴¹ «Ледяной поход» – первый поход Добровольческой армии на Кубань (февраль – май 1918 г.), ее перемещение от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон. Целью похода было соединение с кубанскими белыми отрядами, которые, как выяснилось позднее, к тому времени уже оставили Екатеринодар.

¹⁴² Имеется в виду т.н. Галлиполийское сидение.

¹⁴³ Форму тернового венка, пересеченного мечом, имела награда Добровольческой армии – «Знак 1-го Кубанского (Ледяного) похода», выдававшаяся его участникам.

¹⁴⁴ Войнович Иво (1857–1929) – сербский и хорватский писатель, драматург. Родился в Дубровнике в аристократической православной семье, происходившей от знатного средневекового сербского рода Войновичей-Алтомановичей. Окончил юридический факультет в Загребе (1880). Начал публиковаться в 1880-е гг. В 1907–1911 гг. литературный руководитель театра в Загребе. Приверженец идеи народного единства сербов, хорватов и словенцев. В связи с этим во время Первой мировой войны подвергся репрессиям со стороны австро-венгерских властей. Член Сербской королевской академии (с 1924 г.). Среди наиболее значительных произведений Войновича: «Ekvinocij» («Полночь», 1895), «Дубровницкая трилогия» (1903), «Дама с зонтиком» (1912) и др.

¹⁴⁵ Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936), русский писатель, журналист. Брат Вл.И. Немировича-Данченко. Военный корреспондент во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны. За личное участие в боевых действиях на Шипке, под Плевной и во время зимнего перехода через Балканы был награжден солдатским Георгиевским крестом. Автор военных романов, сборника «Стихотворения» (1882), мемуаров «На кладбищах» (1921). Наиболее характерный для Немировича-Данченко жанр – описания его многочисленных путешествий. С 1921 г. в эмиграции в Германии, а затем в Чехословакии.

¹⁴⁶ Буняковский Всеволод Викторович (1875 – после 1926) – русский военный инженер, генерал-майор (1916). Окончил Николаевское инженерное училище (1895), Николаевскую академию Генерального штаба (1902). Участник Первой мировой войны. В 1914 г. начальник штаба 57-й пехотной дивизии. В 1915–1917 гг. преподаватель военных дисциплин. Участник Белого движения. Служил в Добровольческой армии. Эмигрировал в Югославию.

¹⁴⁷ Палеолог Сергей Николаевич (1877–1933) – бывший чиновник МВД, в 1920–1933 гг. возглавлял Управление правительственного уполномоченного по делам русских беженцев, основанное правительством Деникина. Формально управление было упразднено в 1922 г., однако на деле Палеолог, пользовавшийся финансовой поддержкой югославских властей, продолжал свою деятельность вплоть до смерти в 1933 г.

¹⁴⁸ Председателем Державной (Государственной) комиссии по делам русских беженцев в конце 1921 г. был бывший министр внутренних дел Л. Йованович, а с 1922 г. – профессор Белградского университета А. Белич.

¹⁴⁹ Последним российским военным агентом в Сербии был Виктор Алексеевич Артамонов (1909–1916). Во время Гражданской войны – представитель главнокомандующего

Вооруженных сил Юга России А.И. Деникина и главнокомандующего Русской армией П.Н. Врангеля.

¹⁵⁰ Южнорусское правительство – правительство, заменившее Особое совещание при главнокомандующем ВСЮР. Было создано А.И. Деникиным в марте 1920 г. после тяжелых военных поражений, которые понесли Вооруженные силы Юга России.

¹⁵¹ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович), митрополит (1863–1936) – российский религиозный деятель, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, магистр богословия, в 1890 г. был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии, в 1891–1894 гг. – ректор Московской духовной академии, в 1894–1900 гг. – ректор Казанской духовной академии, епископ, один из организаторов Союза русского народа, с 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий, первый председатель Архиерейского синода Русской православной церкви за границей. Похоронен в Белграде.

¹⁵² Под «Старой Сербией» Буняковский имеет в виду Сербию в границах до 1914 г. Под «новой» – все населенные преимущественно сербами области бывшей Австро-Венгрии, объединившиеся с довоенной Сербией в конце 1918 г.

¹⁵³ Треба – у верующих: богослужебный обряд, совершаемый по просьбе самих верующих (крестины, венчание, панихида и т.п.).

¹⁵⁴ Велико Градиште – город на северо-востоке Сербии (Браничевский округ), на берегу Дуная.

¹⁵⁵ Парастас – вечернее заупокойное богослужение.

¹⁵⁶ Персиани Иван Александрович (1872–1930) – русский дипломат. Сын Александра Ивановича Персиани – российского посланника в Сербии (1877–1895). В 1916 г. советник российского посольства в Риме. В 1926 г. поступил на службу в МИД Королевства СХС. В Белграде – член правления Русского музыкального общества.

¹⁵⁷ Суворин Михаил Алексеевич (1860–1936) – русский литератор, журналист, общественный деятель консервативного направления. Сын издателя А.С. Суворина. В эмиграции в Белграде возобновил издание газеты «Новое время».

¹⁵⁸ Сазонова (урожд. Нейдгарт) Анна Борисовна (1868–1939) – вдова Сергея Дмитриевича Сазонова, сестра Ольги Борисовны Нейдгарт (1865–1944) – жены П.А. Столыпина.

¹⁵⁹ Даватц Владимир Христофорович (1883–1943) – русский военный и общественный деятель, журналист, публицист, мемуарист. Профессор математики Харьковского университета. В эмиграции – секретарь югославского отдела Общества галлиполийцев. Редактор газеты «Новое время» (Белград).

¹⁶⁰ Союз русских писателей и журналистов в Белграде был образован 1 октября 1925 г. Председателем его стал бывший сотрудник газеты «Новое время» А.И. Ксюнин. Союз издавал свой журнал «Призыв», книги русских писателей-эмигрантов, проводил литературные конкурсы. Именно он и явился инициатором съезда русских зарубежных писателей. Вскоре после ноября 1937 г. союз прекратил свое существование.

¹⁶¹ Тарановский Федор Васильевич (1875–1936) – ординарный профессор Петроградского университета. С 1920 г. в эмиграции в Королевстве СХС. Профессор права Белградского университета. В 1931–1936 гг. издал 4 тома «Истории сербского права в государстве Неманичей». В 1933 г. был избран действительным членом Сербской академии наук.

¹⁶² Яблоновский (псевд., наст. фам. Снадзский) Александр Александрович (1870–1934) – прозаик, публицист. Выпускник Петербургского университета. Сотрудничал в журналах

и газетах: «Мир Божий», «Образование», «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Речь», «Киевская мысль» и др. Автор нескольких повестей и рассказов. В 1918 г. переехал из Москвы в Одессу. В 1920 г. с частями Добровольческой армии эвакуировался в Египет. В начале 1920-х гг. переехал в Берлин, а в 1925 г. – в Париж. Публиковался в газетах «Сегодня», «Руль», «Общее дело», но главным образом в «Возрождении», где был ведущим сотрудником в 1925–1934 гг. Работал в жанре политического фельетона.

¹⁶³ «Возрождение» – русская эмигрантская газета, выходившая в Париже. В 1925–1935 гг. выходила ежедневно, в 1936–1940 гг. – еженедельно. Издатель – А.О. Гукасов. Редакторы – П.Б. Струве (1925–1927), затем Ю.Ф. Семенов. Ведущий литературный критик – В.Ф. Ходасевич.

¹⁶⁴ «Русское слово» – газета, выходившая в Москве в 1895–1918 гг. Закрыта по решению Московского военно-революционного комитета.

¹⁶⁵ Студенческий дом им. короля Александра I построен в 1927–1928 гг. по проекту русского архитектора Г.П. Ковалевского. Расположен на бульваре Короля Александра, названном в честь Александра Обреновича (1876–1903).

¹⁶⁶ Сокольский праздник – праздник членов гимнастического общества «Сокол».

¹⁶⁷ Грол Милан (1876–1952) – сербский и югославский политик, дипломат, драматург и театровед. Многолетний директор Народного театра в Белграде. Деятель Демократической партии Югославии, ее председатель (1940–1946).

¹⁶⁸ Кумануди Коста (1874–1962) – сербский политик и ученый-правовед. Профессор права в Белградском университете. Член руководства Демократической партии. В 1920–30-х гг. регулярно входил в состав Югославского кабинета министров. В момент проведения съезда в 1928 г. Кумануди и был тем «гостеприимным городским головой», распорядившимся вывесить флаги в честь делегатов.

¹⁶⁹ Белич Александр (1876–1960) – сербский (югославский) ученый-филолог, академик (1906), ректор Белградского университета (1933–1934), президент Сербской академии наук и искусств (1937–1960). Изучение филологии начал в Великой школе (Белград), продолжил в Новороссийском (Одесса) и Московском университетах. Получил предложение работать на филологическом факультете Московского университета, но в 1899 г. вернулся в Белград, став доцентом Великой школы. С 1906 г. профессор Белградского университета (образован в 1905 г. на базе Великой школы). В 1905 г. основал журнал «Сербский диалектологический сборник», выходивший под его редакцией более полувека. Создал знаменитую лингвистическую школу. Почетный доктор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹⁷⁰ Досифей (Васич Драгутин) (1878–1945) – епископ Нишский (1913) и первый митрополит Загребский (1931). Выпускник Киевской духовной академии.

¹⁷¹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – русский философ, богослов, поэт, литературный критик. Стоял у истоков «русского духовного возрождения» начала XX в. Выступал за сближение христианских церквей.

¹⁷² Богданович Милица (даты жизни неизв.) – сербский историк, литературовед. Исследовательница жизни и творчества Л.Н. Толстого, которого она посетила в Ясной Поляне в августе 1910 г. В 1927 г. опубликовала монографию, посвященную писателю. Жила в Загребе, откуда, будучи сербкой, вынуждена была бежать во время Второй мировой войны. Последние годы жизни провела в Белграде.

¹⁷³ Вечер был посвящен 100-летию юбилею Л.Н. Толстого.

¹⁷⁴ Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) – русский писатель, драматург, публицист. В эмиграции жил в Праге. Был первым председателем правления Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии (1922), почетным членом Союза русских журналистов и писателей.

¹⁷⁵ Николаевич Душан (1885–1961) – сербский журналист, литературовед, драматург. Председатель Сербского объединения журналистов (1921) и Югославского объединения журналистов.

¹⁷⁶ Завадский Сергей Владиславович (1871–1935) – правовед, специалист по гражданскому праву. Профессор императорского Александровского лицея (1911–1917). В начале 1921 г. эмигрировал в Польшу. С 1922 г. жил в Чехословакии. Профессор русского юридического факультета в Праге. Председатель Русской академической группы (1929–1932). Член Совета преподавателей Русского народного университета, Союза русских писателей и журналистов и т.д. Член редколлегии альманаха «Ковчег». Председатель совета Русского заграничного исторического архива (РЗИА).

¹⁷⁷ Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – русский историк, публицист, политический деятель. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ученик В.О. Ключевского. Видный член партии кадетов. В 1922 г. выслан из России. В эмиграции жил в Праге. Профессор истории в Русском народном университете, в Карловом университете. Возглавлял совет Русского заграничного исторического архива. Председатель Русского исторического общества (1930).

¹⁷⁸ «Самоуправа» – общественно-политическая и литературная газета. Официальный орган Сербской народной радикальной партии. Выходила в Белграде в 1881–1883, 1886, 1903–1915 гг. Первый редактор – Пера Тодорович. Выпуск газеты возобновлен после окончания Первой мировой войны и создания Королевства сербов, хорватов и словенцев.

¹⁷⁹ Нансеновский паспорт – документ, заменявший беженцам их национальные или международные паспорта. Введен Женевской конференцией правительств в 1922 г. по инициативе Фрицьофа Нансена (1861–1930) – норвежского полярного исследователя и общественного деятеля, возглавлявшего в 1920–1921 гг. комиссию Лиги наций по помощи беженцам и военнопленным.

¹⁸⁰ Боголепов Александр Александрович (1886–1980) – русский ученый-правовед. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1915). В 1922 г. выслан из России в Германию. Ученый секретарь Русского научного института в Берлине (1923). Затем переехал в Чехословакию. Доцент Русского юридического факультета в Праге. После Второй мировой войны – в США. Председатель Русской академической группы в США (1966–1970).

¹⁸¹ Руднев Вадим Викторович (1884–1940) – политический деятель, член партии социалистов-революционеров. Городской голова Москвы (июль 1917 г.). После Октябрьского переворота организовал вооруженное сопротивление большевикам в Москве. В эмиграции с 1919 г. Один из редакторов журнала «Современные записки» (Париж).

¹⁸² Сремски Карловцы – городок в области Срем (Сербия), расположенный на берегу Дуная. С XV в. упоминается как венгерская крепость. С 1918 г. в составе Королевства СХС.

¹⁸³ Пожаревац – город в северной Сербии. Расположен в междуречье Дуная, Моравы и Млавы. Вошел в историю после заключения в нем в 1718 г. мирного договора между Австрией и Турцией (Пожаревацкий мир).

¹⁸⁴ Грицкат-Радулович Ирина Георгиевна (1922–2009) – известный ученый-славист, лингвист, специалист в области сербохорватского языка. Ученица Александра Белича. Академик Сербской Академии наук и искусств (1985). Автор 245 научных и мемуарно-

художественных сочинений. Родилась в Белграде в семье русских эмигрантов. Отец – Георгий Георгиевич Грицкат (1887–1957) – инженер. Мать – Зинаида Григорьевна (урожд. Черникова; 1889–1963) – преподавала игру на фортепиано. В настоящее время русская часть архива И.Г. Грицкат (в том числе и рукопись воспоминаний «На зарубежной родине») находится в коллекции А.Б. Арсеньева – авторитетного собирателя и хранителя памяти о русской эмиграции в Югославии, автора многочисленных публикаций по этой теме. Выражаем искреннюю признательность Алексею Борисовичу за любезно предоставленную возможность использовать данные материалы (об И.Г. Грицкат см.: *Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009) // Руски алманах. 2009. № 14. С. 136–144).*

¹⁸⁵ Чевапчичи – традиционное балканское блюдо – запеченные на гриле продолговатые котлетки из говяжьего фарша, смешанного с луком и приправами.

¹⁸⁶ Аполлоническое и дионисийское – философско-эстетические понятия, введенные Ф. Шеллингом для обозначения противоположных по характеру начал бытия и культуры. Истоком этих категорий являются два божества Древней Греции: Аполлон, воплощающий в себе разумное начало, и Дионис – начало инстинктивное.

¹⁸⁷ Врнячка Баня – город в центральной Сербии (Рашский округ); туристический центр и бальнеологический курорт с 7 минеральными источниками.

¹⁸⁸ Конвертиты – в Австро-Венгрии лица, переходившие из протестантизма или иудаизма в католичество.

¹⁸⁹ Великий князь Михаил Михайлович (1861–1929) – второй сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, внук Николая I. В 1891 г. за границей женился (морганатически) на внучке А.С. Пушкина Софье Николаевне, старшей дочери принца Николая Вильгельма Нассауского и графини Натальи фон Меренберг (дочери Пушкина).

¹⁹⁰ Богусhevский Михаил Егорович (1854–1936) – русский генерал. На службе с 1870 г. Командир 22-го пехотного Нижегородского полка (с 1910 г.). Уволен в чине генерал-майора (1912). После начала мировой войны возвращен на службу. Участник Белого движения. В эмиграции – в Югославии.

¹⁹¹ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – русский военный и общественный деятель, генерал-лейтенант (1882). Участник Крымской войны и боевых действий против повстанцев Северного Кавказа. В 1865–1866 гг. губернатор Туркестанской области; снят с должности за превышение полномочий. В 1873–1878 гг., совместно с военным писателем Р.А. Фадеевым, издавал газету «Русский мир». В 1876 г., вопреки желанию российского правительства урегулировать Балканский кризис дипломатическим путем, отправился в Белград, где был назначен командующим сербской армией во время Сербо-турецкой войны. В октябре потерпел поражение под Джунисом. Сербию спас ультиматум России Порте. В 1882–1884 гг. состоял туркестанским генерал-губернатором. С 1884 г. член Военного совета. С 1886 г. в отставке.

¹⁹² Монархисты-легитимисты – сторонники великого князя Кирилла Владимировича.

¹⁹³ В 1922 г. в Сремские Карловцы из Константинополя переехал со своим штабом П.Н. Врангель. Здесь же располагался Архиерейский синод Русской православной церкви за границей.

¹⁹⁴ Кирилл Владимирович (1876–1938) – великий князь, второй сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, внук Александра II. Окончил Морской корпус и Николаевскую морскую академию. Участник Русско-японской войны. С 1915 г. командир Гвардейского флотского экипажа, который он и привел 1 марта 1917 г. к зданию Государственной Думы, присягнув новому режиму. После Октября 1917 г. –

в изгнании. 31 августа 1924 г., на правах старшего представителя династии, объявил себя императором Кириллом I, что было отрицательно встречено значительной частью русской эмиграции. Особенно негативной была реакция армии. Умер в Париже.

¹⁹⁵ Николай Николаевич-младший (1856–1929) – великий князь. Генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904); генерал-инспектор российской кавалерии. Старший сын великого князя Николая Николаевича-старшего и великой княгини Александры Петровны Ольденбургской, внук Николая I. В 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами Российской империи. В 1915–1917 гг. наместник на Кавказе и командующий армиями Кавказского фронта. В эмиграции – во Франции.

¹⁹⁶ Гавриил Константинович (1887–1955) – второй сын великого князя Константина Константиновича. Жил в эмиграции в Париже.

¹⁹⁷ Дмитрий Павлович (1891–1942) – единственный сын великого князя Павла Александровича. Внук Александра II. Участник убийства Г. Распутина.

¹⁹⁸ Русский охранный корпус – военизированное формирование русской эмиграции в составе вермахта (с 1942 г.). Создан в 1941 г. по инициативе генерала М.Ф. Скородумова в оккупированной немцами Сербии с целью защиты русских эмигрантов от партизан-коммунистов. Корпус по большей части использовался для охраны тех или иных объектов – транспортных путей и т.п. В 1944 г. корпус прикрывал отход германских частей из Греции, сражаясь как с партизанами, так и частями Красной армии. В мае 1945 г. в Австрии остатки корпуса сдались англичанам.

¹⁹⁹ Гакенкрюц (*не .*) – крест с загнутыми под прямым углом (реже дугой) концами; свастика – символ фашистской Германии.

²⁰⁰ Среди лейб-медиков династии Романовых фамилия фон Магнус не значится (см. алфавитный список имен в кн.: “*а а етов Б.А. Тайны врачей дома Романовых. М., 2005*). Возможно, это фамилия в замужестве.

²⁰¹ Лесковац – город в южной Сербии. Расположен на р. Ветерница.

²⁰² Стефан I Неманя (1114–1200) – сербский правитель, основатель династии Неманичей. Отец св. Саввы Сербского. За несколько лет до смерти отрекся от престола и принял постриг. Умер на Афоне. Канонизирован Сербской православной церковью.

²⁰³ Лазар Хребельянович (1329–1389) – сербский князь и последний независимый правитель Сербии (1370–1389). Погиб на Косовом поле в битве с турками 28 июня 1389 г. Причислен к лику святых Сербской православной церковью.

²⁰⁴ Романько-Романовский Борис Стефанович (1870–1941) – генерал-майор, военный губернатор Батумской области (с 1909 г.). В эмиграции – в Югославии. Возглавлял Общество участников Великой войны в Белграде.

²⁰⁵ Сова – птица богини Афины, и, по поверью, в городе, носящем ее имя, совы должны были обитать в изобилии. Поговорка «Нести сову в Афины» имеет тот же смысл, что и русская поговорка «Ехать в Тулу со своим самоваром».

²⁰⁶ В 1899 г. княжич Александр Карагеоргиевич приехал в Санкт-Петербург и был зачислен в Императорское училище правоведения. После кратковременного пребывания в училище вернулся в Женеву, где проживал его отец – князь Петр Карагеоргиевич. Осенью 1905 г., после восшествия Петра Карагеоргиевича на сербский престол, он снова прибыл в Петербург и поступил в Пажеский корпус. В 1907 г., не выдержав северного климата, Александр вернулся в Белград, где продолжил обучение по программе корпуса, приезжая в Петербург только для сдачи экзаменов. «В 1910 г. королевич кончил полный

курс Пажеского корпуса по его программе, но так как он заканчивал его не в стенах корпуса, то не получил права носить пажеский знак, установленный 12 декабря 1902 г. по случаю столетнего юбилея корпуса» (Жанчин “А. На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 345).

²⁰⁷ Утверждение ошибочно: миро является ароматическим маслом, употребляемым в христианских обрядах – в «освящении» людей маслом после обряда крещения. В лампадах не используется.

²⁰⁸ Речь идет о городе Брюгге (Бельгия), прославившемся изделиями своих кружевниц.

²⁰⁹ Участие в подготовке «атентата» македонских и хорватских террористов, а также стоявших за ними Рима и Берлина, подробно изучено отечественной и зарубежной наукой (см.: Eylan C. La vie et la mort D'Alexandre I roi de Yougoslavie. Paris, 1935; Волков В.К. Операция «Тевтонский меч». М., 1966; н е. Убийство Краля Александра, Хитлерова завера. Београд, 1983; Colombani R., Laplayne J.-R. La mort d'un Roi : La Verite sur l'assassinat D'Alexandre de Yougoslavie. Paris, 1971; Винавер В. Югославија – Француска између два рата : (Да ли је Југославија била француски ° сателит“). Београд, 1985; Krizman B. Ante Pavelić i ustaše. Zagreb, 1978).

²¹⁰ Петр II Карагеоргиевич (1923–1970) – третий и последний король Югославии (1934–1945). Взошел на престол после убийства его отца Александра Карагеоргиевича, совершенного 9 октября 1934 г. в Марселе.

²¹¹ Алексеева Анна Николаевна (урожд. Пироцкая) – вдова Михаила Васильевича Алексеева (1857–1918) – генерала от инфантерии. М.В. Алексеев – участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской войн. В Первую мировую войну – начальник штаба армий Юго-Западного фронта, командующий армиями Северо-Западного, Западного фронтов, с 1915 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, с 1916 г. генерал-адъютант. В Гражданскую войну – создатель и руководитель Добровольческой армии. Скончался и похоронен в Екатеринодаре. В 1920 г. семья и сослуживцы вывезли прах Алексеева в Белград.

²¹² Опленац – холм неподалеку от города Топола в центральной Сербии. На Опленце находится церковь св. Георгия – мавзолеей династии Карагеоргиевичей.

²¹³ Георгий (Джордже) Карагеоргиевич (1887–1972) – старший сын Петра Карагеоргиевича и Зорки-Любицы, дочери черногорского монарха Николы Петровича-Негоша. В 1909 г., по причине психической неуравновешенности, был принужден к отречению от прав на наследование престола.

²¹⁴ Павел Карагеоргиевич (1893–1976), принц-регент Югославии (1934–1941) при малолетнем короле Петре II. Сын князя Арсена Карагеоргиевича (и княгини Авроры Демидовой), племянник короля Петра I и двоюродный брат короля Александра. Образование получил в Оксфордском университете (Англия). В 1923 г. женился на греческой принцессе Ольге. После убийства короля Александра возглавил регентство и стал фактическим главой государства. Свергнут 27 марта 1941 г. в результате государственного переворота, совершенного группой высших офицеров, объявивших королем несовершеннолетнего Петра.

²¹⁵ Симович Душан (1882–1962) – накануне Второй мировой войны начальник Генерального штаба Югославской армии, а затем командующий военно-воздушными силами Югославии. После переворота 27 марта 1941 г. – премьер-министр. Во время фашистской оккупации Югославии, с апреля 1941 г. по январь 1942 г., – премьер-министр Югославского эмигрантского правительства в Лондоне. В январе 1942 г. вышел в отставку. В 1945 г. вернулся на родину.

²¹⁶ Волнения в Белграде начались вслед за вестью о подписании 25 марта правительством принца-регента Павла протокола о присоединении Югославии к Берлинскому пакту (Германия, Италия, Япония). Демонстранты во многих городах страны шли под лозунгом «Лучше война, чем пакт». В такой атмосфере в ночь на 27 марта 1941 г. был произведен военный переворот, инспирированный командованием военно-воздушных сил страны во главе с генералом армии Душаном Симовичем. Путчисты отстранили от власти регентов во главе с Павлом и сместили правительство. На престол взшел малолетний Петр II. Правительство возглавил Симович. 6 апреля фашистские войска без объявления войны вторглись на территорию Югославии.

²¹⁷ Германо-итало-венгерское вторжение в Югославию началось 6 апреля 1941 г. 17 апреля Югославская армия капитулировала.

²¹⁸ Независимое государство Хорватия (НГХ) – квислингское марионеточное государство, существовавшее на части территории Югославии в 1941–1945 гг. Власть в НГХ принадлежала режиму усташей, проводившему политику геноцида в отношении сербского, еврейского и цыганского населения.

²¹⁹ Ясеновац – концентрационный лагерь в НГХ. В лагере, названном по городу, на окраине которого он находился, в 1941–1945 гг. уничтожены десятки тысяч сербов, евреев, цыган и хорватов. Точное число жертв лагеря не установлено до сих пор и является предметом политических спекуляций.

²²⁰ В Югославии в 1941–1944 гг. действовали два антиоккупационных движения. Руководителем первого (четнического или равногогорского), возникшего в мае 1941 г., стал полковник югославской армии Драголюб (Дража) Михайлович. Второе, возглавляемое КПЮ, приступило к активным действиям во второй половине лета 1941 г. Вооруженные формирования, которыми руководил Верховный штаб во главе с И.Б. Тито, назывались «народно-освободительными партизанскими отрядами». Четников, верных присяге королю Петру II Карагеоргиевичу, и коммунистов-партизан разделяли как идеологические противоречия, так и разный подход к борьбе с оккупантами. Первые полагали, что надо уклоняться от столкновений с ними, дабы избежать репрессивных мер в отношении мирного населения; кроме того, следовало беречь силы до тех пор, пока не сложатся условия для всеобщего восстания и освобождения. Вторые настаивали на немедленном выступлении. Летом – осенью 1941 г. имели место попытки сотрудничества четников и партизан. Однако уже в ноябре началось их вооруженное противостояние. Следует отметить, что в 1941–1944 гг. оба движения, стремившиеся одержать верх в междоусобице, запятали себя сотрудничеством с оккупантами. В конце 1941 г. немцы предприняли в Сербии наступление на территории, подконтрольные четникам и партизанам, руководство которых вынуждено было бежать в Боснию. В результате до начала лета 1944 г. коммунисты, в отличие от четников, не имели прочных позиций в Сербии, за исключением некоторых южных районов. В Боснии же партизанам в 1942–1944 гг., несмотря на карательные операции вермахта, итальянской армии и их югославских пособников (в том числе четников), удавалось освобождать и удерживать под своим контролем те или иные районы, в которых формировались параллельные органы власти. В конце 1942 г. было основано Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), которое в 1943 г. на своем втором заседании приняло на себя функции государственной власти. Королевское правительство было объявлено низложенным. С лета 1944 г., преодолевая сопротивление четников, партизаны прорываются в Сербию. Их итоговый успех был предопределен вступлением Красной армии на территорию Югославии. К этому моменту Тито заручился признанием не только СССР, но и западных союзников, а Михайлович растерял преимущества, которые давал ему статус министра эмигрантского правительства и командующего королевской армией. В сентябре 1944 г. король Петр призвал подданных присоединиться

к «Народно-освободительной армии под руководством маршала Тито». Последовал раскол и окончательный разгром четнического движения. Скрывавшийся сначала в Боснии, а затем в Сербии Михайлович был арестован в марте 1946 г.

²²¹ Бомбардировка Белграда началась 16 апреля 1944 г. («Кровавая Пасха»), когда 600 самолетов Великобритании и США бессистемно обрушили свой смертельный груз на целые районы города. В начале мая союзническая авиация снова бомбила Белград, уничтожив мосты и прилегающие к ним жилые районы. По разным оценкам, в Белграде погибло около 2 тыс. жителей и около 1 тыс. были ранены.

²²² См. коммент. № 34 к разд. I, гл. 1.

²²³ Михайлович Драголюб (Дража) (1893–1946) – сербский военный деятель, глава «равногорского» четнического движения (1941–1945), армейский генерал и начальник штаба Верховного командования Югославской армии в Отечестве, военный министр Югославского эмигрантского правительства. Главный противник Иосипа Броз Тито в ходе гражданской войны, разразившейся в Югославии во время ее оккупации Германией, Италией и их союзниками. Казнен по приговору суда Федеративной Народной Республики Югославия. 14 мая 2015 г. Высший суд Белграда реабилитировал генерала армии Драголюба Михайловича за отсутствием состава преступления.

²²⁴ Лџич Димитрий (1891–1945) – сербский политик, лидер югославского националистического движения Збор. Во время Второй мировой войны – пособник немецких оккупантов. Военизированным крылом Збора во время войны стал Сербский добровольческий корпус (СДК), подчинявшийся германскому военному командованию в оккупированной Сербии. В октябре 1944 г. СДК под напором Красной армии и партизан Тито отступил в Словению, где Д. Лџич погиб при невыясненных обстоятельствах 23 апреля 1945 г. Остатки СДК сдались англичанам.

²²⁵ Белград фактически был освобожден 20 октября 1944 г. советскими войсками совместно с частями Народно-освободительной армии Югославии в ходе Белградской стратегической наступательной операции 28 сентября – 20 октября 1944 г.

²²⁶ После освобождения в октябре 1944 г. Красной армией Белграда, Баната и Бачки немецкие войска сформировали в Среме фронт, дабы обеспечить отход своих войск из Греции, Македонии и т.д. Вермахту противостояли части 3-го Украинского фронта, а также Народно-освободительной армии Югославии, численность которой увеличилась в результате мобилизации, проведенной в освобожденной Сербии. Прорыв Сремского фронта осуществлен 12 апреля 1945 г.

Раздел III. Югославская эмиграция в СССР

Глава 1.

ЮГОСЛАВЯНЕ-КОММУНИСТЫ В РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1917–1921 гг.

65

Из заявления ст. врача 4-го полка 1-й Сербской дивизии, члена РСДРП(б) Гавриила К. Константиновича в Совет офицерских и солдатских депутатов¹ о фактах деморализации и разложения сербской армии в 1916–1917 гг.

30 апреля 1917 г.*

Секретно

Считаю своим священным долгом, как русский гражданин, осветить некоторые факты, которые имеют тесную связь с нашей демократической свободой и контрреволюцией.

Служа в сербской армии два года, я беспристрастно излагаю все, что касается 1-й и 2-й Сербских дивизий²: состав, цель и распадение. 1-я Сербская дивизия комплектована исключительно из австрийских подданных, пленных офицеров и солдат – чехов, хорватов, словенцев и сербов. Только высшие офицеры были сербские подданные. В состав ее входили элементы, полезные для славянства и врагов. Идея образования 1-й [Сербской] дивизии возникла в высших сферах у русского предательского самодержавного правительства с благословением Николая Романова, Алисии Гессенской³ и других немецких шпионов. Из сербов, страдающих манией величия, агитировали и собирали добровольцев: сербский консул Цемович⁴, Шаинович⁵, Спалайкович и др[угие], с целью претендовать перед союзниками [на то], что у них имеется сербская армия на Русском фронте.

Величайшим предательством для своего** отечества было пустить пленных австрийцев, без фильтрации и без никакого разбора, вооружить их в Одессе и пустить на фронт. Офицеры-добровольцы, высоко интеллигентные и образованные, преданные славянской идее, боролись храбро в Добрудже⁶ и получили русские и сербские ордена за храбрость. Гораздо хуже обстоит дело

* Дата регистрации заявления в Совете офицерских и солдатских депутатов 16 мая 1917 г.

** Здесь и далее подчеркнуто в документе.

с солдатами, но половина из них были негодные для борьбы. Среди офицеров и солдат, безусловно, были немцы и венгерцы, говорящие на сербо-хорватском языке. Это были австрийские шпионы. Под маской Сербской дивизии они входили во все области русской жизни, знакомились с генералами, русскими офицерами, дамами, узнавали все тайны нашей обороны – передвижение войск, снабжение, экономическое состояние страны, работы на оборону и т.д.

В Одессе 2 офицера-добровольца полетели на аэроплане, взявши массу документов, и прибыли в Австрию или Румынию. В 1-ю дивизию принимали добровольцев обманом или силою. Прямо с позиций из Галиции и Буковины тащали в Одессу, и здесь силою высшие сербские офицеры заставляли пленных принимать присягу сербскому королю Петру. Не желающих принимать присягу подвергали истязаниям сербской воспитательной командой-полицией, убийствам и террору. По рассказу офицеров-добровольцев, сербская полиция убила одного офицера, капитана-чеха, за то, что он отказывался присутствовать при истязании добровольцев. Русские власти об этом отлично знали, но ничего не предпринимали, т.к. 1-я Сербская дивизия находилась под высоким благоволением и милостью Николая Романова и Алисии Гессенской. Офицеры, которые издавали секретные приказы об убийствах и истязаниях добровольцев, не были привлечены к судебной ответственности. Было много жалоб со стороны добровольцев на высших сербских офицеров, но все это был «глас, вопиющий в пустыне». Вместо правды и суда их разжаловали и выслали обратно в плен, в восточные губернии.

Некоторые офицеры в Одессе занимались форменными оргиями разврата и пьянства, а некоторые солдаты били евреев и грабили магазины. Сам Николай Романов и Алисия Гессенская нарочно прибыли в Одессу изъяснить свою глубокую милость и благоволение 1-й Сербской дивизии. После известного времени из Одессы начали бежать некоторые офицеры и солдаты и неизвестно куда уходить. Когда приехали в Бендеры⁷, солдаты начали бежать в немецкие и болгарские колонии, переодевались и жили здесь, некоторые бежали в Румынию. Некоторых из них сербские военные власти ловили, били их и истязали, но это ничего не помогало, и солдаты бежали ежедневно. То же самое было в Болграде⁸, Рени⁹ и т.д. Легко им было бежать из Болграда, т.к. местные болгары переодевали добровольцев и куда-то посылали. После ухода Сербской дивизии из Болграда была открыта шпионская организация и арестовано было около 25 болгар. Город Болград был центром болгарского шпионажа: здесь жили и торговали болгарские офицеры генерального штаба, напр[имер] болгарский офицер Дренков и др. Эти болгарские офицеры благополучно уехали в Румынию, благодаря местным болгарам. Эти сведения сообщил мне один русский извозчик. Он говорил, что мы, русские, в рабстве здесь, и мы должны только говорить по-болгарски. Приехали в Добруджу и здесь каждый

день оставляли на дороге по 300–400 человек (солдат). Многие из них были туберкулезные, с пороком сердца, с грыжами, с ревматизмом и т.д. Без преувеличения можно сказать, что в 1-й Сербской дивизии из 12 тыс. штыков половина была неспособна к борьбе. Справедливость требует [отметить], что босанцы, герцеговинцы и личане¹⁰ храбро сражались. Многие солдаты оставляли позиции и ходили по деревням (румынским, болгарским и турецким) и форменно занимались грабежом, убийствами и насилиями женщин, например с. Кечи де-реси¹¹. Здесь около 300 солдат 2-го полка вставляли штыки под горла женщинам, мужчинам и требовали денег, кто не давал ничего, его били прикладами в грудь.

Посреди дороги видел одну турчанку, где она лежала и харкала кровью. Отвез ее домой и дал лекарства. Она говорила, что ее ударил сербский солдат за то, что у нее не было денег. Разговор между нами происходил на турецком языке. Здесь (с. Кечи де-реси) 3 солдата пулеметного отделения 2-го полка зашли в дом турецкого священника (имама), взяли его 12-летнюю девочку и отвели на 40 шагов в пустой дом, и здесь начали насиловать ее; турок приехал ко мне, плакал и сообщил мне об этом, я немедленно поехал, но солдаты удрали. Эти 3 солдата по очереди [ее] изнасиловали; около дверей стоял один с ножом в руках, чтобы никто не пришел. Девочка от страха была помешана...

Когда отступали из Добруджи, около 2 тыс. солдат оставили свои полки, грабили скот (овец, лошадей, коров) у несчастных румын, которые бежали от болгар, перешли Дунай, пришли в г. Браила¹² и здесь устроили форменный базар, продавали [награбленное] и нажили много денег. Начали пьянствовать в городе, и румынская полиция и казаки выгоняли [их] из трактиров. С этого дня была воспрещена продажа спиртных напитков. Некоторые полки, когда приехали на мост около Исакчи¹³, имели всего по 400 человек, а когда приехали в Измаил, собрались, то получилось около 2500 солдат на полк. Многие остались в Румынии и в окрестностях Рени. В Измаил тоже начали бежать по 10–15 человек в день, и тоже с винтовками, бомбами и патронами.

Русские дивизии...^{*} были пополнены и уехали обратно в Добруджу. Командующий армией генерал Сахаров¹⁴ потребовал, чтобы 1-я Сербская дивизия уехала на фронт. Но высшие сербские офицеры, генерал Живкович¹⁵ и др[угие], обратились к своему покровителю Николаю Романову с просьбой не ехать на фронт, и [он] желание их с радостью исполнил. Генерал Брусилев¹⁶ известил генерала Живковича в Одессе, чтобы 2-я Сербская дивизия уехала на фронт. Когда генерал Живкович обходил батальоны 2-й дивизии в Одессе, сказал [им]: «Помози бог юнаци» («Здорово, молодцы»^{**}), и весь батальон ответил ему: «Живео Франц Иосиф», «Живела Австрия» («Да здравствует Франц

^{*} Так в документе.

^{**} Перевод неточен. Дословно: «Бог в помощь, молодцы».

Иосиф». «Да здравствует Австрия»). Комментарии здесь излишни. После этого он ответил Брусилову, что дивизия не может ехать на фронт. Мало того, некоторые солдаты категорически заявили, что если их пошлют на австрийский фронт, то они свяжут всех офицеров и передадут австрийцам и сами сдадутся в плен. Вот почему 2-я дивизия стоит без дела больше года. Я спрашивал некоторых солдат, почему вы бежите из сербских полков 1-й и 2-й дивизий? Они единогласно отвечали так: 1) потому что в Австрии нам хорошо, и Франц Иосиф кормит наших женщин и детей; 2) что высшие сербские офицеры – звери, бьют нас так, что многие умирали, у многих руки и ноги сломаны палками; 3) список 1-й и 2-й Сербских дивизий (солдат и офицеров) кто-то из шпионов переписал или украл из штаба дивизии и отнес в Австрию. Вот почему в Австрии многих из наших семей убивали, сажали в тюрьму, а имущество наше конфисковали. Вот это и есть главная причина, что [надо] бежать из сербских полков.

Приехала 1-я Сербская дивизия в Вознесенск¹⁷. Здесь на Рождество и на Новый год началась такая пальба по городу и окрестностям, что жители подумали, что немцы пришли. Стреляли целых три дня. По рассказам одного офицера, израсходовано патронов около 100 тыс. Стреляли солдаты из 3-го и 4-го полка, было здесь и несчастных случаев. Из Вознесенска ежедневно начали бежать солдаты с винтовками, бомбами, патронами, бежали по 20, по 30 и выше в день. Куда идут, никто не знает. Я спрашивал некоторых солдат, почему, когда они бегут, берут с собою винтовки. О[д]ни говорят, что продают, а кому – неизвестно. Другие говорят, что они идут в Русскую армию... 2-я Сербская дивизия [во] много раз хуже, чем 1-я дивизия. Когда переводили ее из Одессы в Александровск, то по дороге много солдат умирало, т.е. из всякой роты по 75 человек. Одни говорят, что они бегут по разным направлениям: в Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую губернии и приморские города. Побежало из 1-й и 2-й Сербских дивизий больше 10 тыс. сербских солдат-добровольцев.

Отношение высших сербских офицеров к русской революции и вообще к русским

В Вознесенск приехал великий князь Сергей Михайлович, кажется, в январе, и передал около 600 Георгиевских крестов 3-му и 4-му полкам. Говорилось открыто, что рабочие будут устраивать в Петрограде и Москве бунты и что русские солдаты и казаки не будут стрелять в рабочих. 1-я Сербская дивизия должна была идти в Петроград, а 2-я – в Москву. Одни говорили, что дивизия пойдет из Вознесенска 10 января, другие говорили 10 февраля, но это была такая тайна, и мы ничего не знали, когда она пойдет.

За время стоянки 1-й дивизии (3-й и 4-й полки) в Вознесенске многие солдаты занимались форменным грабежом, насилием над русскими гражданами,

как в самом городе, так и по деревням. Это были не солдаты, а шайки разбойников и башибузуков¹⁸. Солдаты были плохо одеты и почти голодали. Злоупотребления ужасные, русские деньги отпускались, а солдаты по три дня ничего не ели. Спрашивал я солдат, почему многие солдаты крадут. Они откровенно говорили мне: у нас 2 дороги: умереть с голоду, или красть. Мы выбрали второе, т.е. красть и купить себе мало сыра и хлеба. Нам дают такой хлеб, что солдаты кушать не хотят. [...]*

Вообще многие высшие сербские офицеры ненавидят русских и относятся к русским гражданам с презрением. Добровольцы-офицеры, напротив, искренно любят русский народ и ненавидят самодержавный строй. Офицеры-добровольцы в Одессе стреляли в портрет Алисии Гессенской и за то были разжалованы и посланы на заточение где-то в Сибирь. Некоторые сербские офицеры высшие называют русских свиньями и другими оскорбительными словами. Они говорили: наш великий покровитель Николай II хорошо делает, что им свободу не дает. К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры – извозчики, а русские солдаты – глупые и идиоты и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры 4-го полка – известный чемпион-палач 1-й Сербской дивизии майор Хаджич¹⁹, командир 3-го батальона, подполковник Цветич, командир 2-го батальона, известный пьяница и развратник, священник Гиока-Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги. В моем присутствии и русского офицера пулеметного отделения русский чиновник Гладун говорил, что священник Гиока-Попович представил фальшивые счета на 6 тыс. руб. Этот священник устраивал форменные оргии [на берегу] Кугурлуя²⁰ (в Измаиле) и в Вознесенске. Вообще, этот священник великий ненавистник русских людей. Русский фельдшер 4-го полка г-н Троян будет свидетелем этого. В 3-м полку масса злоупотреблений (капитан Боровац, подпоручик Икраш и Овчинников). Писарь Красницкий из Австрии, работающий у заведующего хозяйством, может дать данные. Нужно произвести самую строгую ревизию в 1-й и 2-й дивизиях. В 4-м полку командир полка подполковник Цветич приказал заведовавшему экономическим отделением г-ну Барабашу купить на 600 руб. (казенных русских денег) одну бочку вина. Он и священник [Гиока-]Попович пьянствовали и устраивали оргии. Об этом есть расследования командира полка г-на Требинца, одного из самых лучших интеллигентных сербских офицеров. Некоторые сербские офицеры издевались над русскими гражданами, терроризировали и арестовывали за то, что они стояли за правду и истину и протестовали, когда они оскорбляли наше русское национальное чувство. 1-я Сербская дивизия наказывала и арестовывала русских граждан – офицеров, врачей, фельдшеров и т.д.

* Опущены 15 примеров грабежа и насилия.

К революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: арест нашего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа. И кто арестовал нашего покровителя? «Это сволочь – Совет рабочих и солдатских депутатов; скоро мы им покажем, в этой дряни (т.е. Совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3 тыс. шпионов», – кричал начальник штаба 1-й Сербской дивизии Белич. Свидетели могут подтвердить следующее: подпоручик 4-го полка г-н Хранилович и русин подпоручик Малащак, эти 2 офицера уехали в Русскую армию [в] Екатеринослав²¹. Ни один сербский полк не чествовал русскую свободу 1-го мая, [когда] были манифестации. Начальник штаба Белич издал ночью секретное предписание, в котором строго воспрещалось офицерам и солдатам участвовать в манифестациях 1-го мая и в этот день он назначил занятия далеко от города. Копия этого секретного предписания находится у меня. Майор Павлович – артиллерист, то же самое относится враждебно против русских солдат. В Елизаветграде²² имеется около 200–300 дезертиров 1-й и 2-й Сербских дивизий и живут при сербских беженцах. Некоторые из них грозили русским гражданам штыком.

На основании вышеизложенного прихожу к следующему заключению:

1. При контрреволюции некоторые высшие сербские офицеры с оружием в руках будут поддерживать ее и способствовать ее усилению.

2. В 1-й и во 2-й Сербских дивизиях находится в бегах 15 тыс. австрийских пленных, рассеянных по разным губерниям вблизи фронта и [в] большинстве вооруженных; они также могут способствовать контрреволюции вместе с врагами России и приверженцами старого режима.

3. Немедленно разоружить 1-ю и 2-ю Сербские дивизии, а всех офицеров (сербско-подданных) отправить на Салоникский фронт, а солдат отправить в Сибирь на работу.

Член Российской социал-демократической рабочей партии, старший врач 4-го полка 1-й Сербской дивизии

гражданин *Гавриил К. Константинович*

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 111–114. Подлинник. Машинопись.

Опубл.: *Вишняков Я.В.* Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России в 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 18. М., 2015. С. 433–488.

Протокол собрания всех южных славян в Москве, делегатов с фронта и агитаторов из провинции о создании Южнославянского совета депутатов и о наделении его исполкома правами и функциями бывшего Сербского генерального консульства в России

20 марта 1919 г.
4 часа дня
г. Москва

Присутствуют: гг. Година Карел, Вук, Бауер, Милкич²³, Мавер, Видневич²⁴, Паунович, Ольром²⁵, Година Милена, Година Амалия, Мар[ь]янович, Глумац, Райкович, Филипович, Добник, Гранич, Торош и Штимац.

Повестка дня:

1. Образование Совета южнославянских рабочих и солдат²⁶.
2. Превзятие в свою управу имущества южнославянского [Сербского] государства.
3. Превзятие под свою защиту всех граждан южнославянского [Сербского] государства и функций бывшего сербского консульства.
4. Разное.

Председателем собрания назначается т. Милкич, секретарем – т. Вук.

По обмену разных мнений, касающихся образования Совета южнославянских рабочих и крестьян, выяснилось, что совет нужен и что нельзя больше отлагать его образование. Условия революционного времени не позволяют неактивно вмешаться в разные закулисные проделки бывш[его] сербского консульства, которое, хотя официально ликвидировано, но все-таки еще существует и поддерживает южнославянскую (сербскую) буржуазию и националистическое студенчество, которое прячется за вывеской беспартийности и потайком собирается в разных домах, принадлежавших собственности южнославянских (сербских) граждан или собственности Сербского (южнославянского) государства. Осуществление в Советской России диктатуры пролетариата требует от южнославянского пролетариата, проживающего в России, и в особенности в Москве, чтобы и он взял в свои руки контроль над южнославянской буржуазией и защиту южнославянских граждан, проживающих в России.

Тов. Ольром предлагает выбрать совет от 5 членов. Тов. Милкич говорит о 7 членах. Принимается предложение т. Ольрома.

²⁶ Так в документе.

Кандидатами предлагаются товарищи: Милкич, Ольром, Добник, Глумац и Видневич. Кандидатуры этих товарищей принимаются единогласно.

После выбора совета предлагается резолюция т. Бауера:

«Общее собрание южных славян, проживающих в настоящее время в Москве, делегатов с фронта и агитаторов решает: выбранному общим собранием исполнительному комитету²⁷ Совета южнославянских рабочих и крестьян поручается, во-первых, взять в свое управление оба дома по Солянке, 6 и 4/6, принадлежавших Сербскому государству²⁸, и, во-вторых, все дома в Москве, которые принадлежат южнославянской буржуазии. Доходы всех домов отдаются в революционный фонд, из которого черпает свою поддержку революционная пропаганда в странах Югославии, и для защиты интересов рабочих и крестьян этой страны.

Взять в свои руки ведение и управление сербским консульством, насколько оно официально или неофициально, или под каким другим видом существует, взять на себя защиту граждан южнославянского государства и установить демократические сношения как с Югославией, так и с русскими властями и добиться своего признания».

Резолюция принимается единогласно. После некоторых менее важных дебатов о деятельности Совета собрание закрывается в 7 часов вечера.

Председатель собрания

И. Милкич

Секретарь

И. Вук

Л. Райкович, И. Ольром, А. Добник, М. Паунович,
И. Филипович, М. Мар[ь]янович, Б. Бауер,
З. Гранич, И. Мавер, Д. Видневич,
М. Глумац, М. Година, К. Година

С подлинным верно:

Ольром

Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.:
Сб. документов и материалов. М., 1992. С. 66, 67.

Отношение Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов в Наркоминдел с просьбой урегулировать с ВЧК вопрос об освобождении из Бутырской тюрьмы граждан Югославии

№ 59

23 апреля 1919 г.
г. Москва

Препровождая приложенную телеграмму*, полученную нами, Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов убедительно просит Народный комиссариат по иностранным делам подействовать на Всер[оссийскую] чрезвычай[айную] ком[иссию] в смысле немедленного освобождения означенных граждан Югославии, находящихся в Бутырской тюрьме в самых тяжелых условиях.

Совет ходатайствует об освобождении этих граждан, находящихся как югославыне под его покровительством и защитой. Совет ходатайствует об их освобождении под его гарантией, если не имеется налицо положительных и обвинительных контрреволюционных данных.

Гр. Бошкович был арестован 18 июля 1918 г. в г. Саратове; гр. Бабич арестован 5 октября 1918 г. там же. Там же арестованы Петрович, Яковлевич и Милованович, все три – бежавшие из австро-венгерского плена в Россию солдаты сербской армии. Все арестованные препровождены 23 октября 1918 г., вместе с арестованными сербскими офицерами и членами бывшей Сербской миссии²⁹ в Саратове, в Москву, в распоряжение Всер[оссийской] чрезвычай[ычайной] ком[иссии].

Все офицеры и члены означенной миссии (между ними, по слухам, и личный секар** принцессы Елены) давно выпущены на свободу и находятся у себя на родине. Только пятеро упомянутых солдат находятся все еще без предъявления каких-нибудь обвинений в Бутырской тюрьме. Там же находится и недавно арестованный гр. Гераси, о чем уповещен Народный комиссариат по иностранным делам отношением № 42, с дня 15 апреля с.г.

Югославянский совет убедительно просит предпринять самые срочные шаги для освобождения перечисленных граждан югославянского происхождения.

Ввиду того что совет еще [не] имеет своей печати, югославянская группа РКП своей подписью и печатью удостоверяет подписи президиума³⁰.

Председатель***

Секретарь

Управляющий делами

* Публикуется в приложении к документу. Дата отправки телеграммы отсутствует.

** Ошибка в тексте; следует читать «секретарь».

*** Подписи отсутствуют.

Телеграмма

Убедительно просим Вашего энергичного ходатайства к выяснению нашего не-
правильного ареста и немедленного освобождения.

Братское спасибо: Бошкович, Петрович, Гераси, Милованович, Яковлев[ич].
Коридор 16, комната 37.

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 11. Л. 6, 8.
Отпуск. Машинопись.

68

*Из протокола № 12 заседания Комитета Югославянской группы
при ЦК РКП(б) – о проведенных ВЧК арестах югославыян из числа
военнопленных и о самоликвидации одесской группы югославянских
коммунистов в связи с захватом Одессы белогвардейцами*

15 декабря 1919 г.
г. Москва

Присутствуют: тт. Милкич, Ольром, Видневич и Павич.

В качестве докладчика о [самоликвидации] одесской организации группы
присутствует т. Райкович. По вопросам, касающимся Югославянского совета,
в качестве докладчика присутствует т. Пешич.

Председатель – Милкич. Секретарь – Павич.

Порядок дня:^{*}

1. Доклад от Югославянского совета.
2. Доклад т. Райковича.
3. Список брошюр, предполагаемых к изданию в первой половине 1920 г.
4. Командировка одного члена [комитета] в Екатеринбург.
5. Разное.

[*Слушали:*]

1. *Тов. Пешич* сообщает, что из Уфы получено известие об аресте представи-
теля Югосл[авянского] совета в Австросовете³¹ т. Стойковича и о препровожд-
дении его в Самарскую чрезвычайную комиссию.

^{*} Пункты 3 и 5 не публикуются.

Постановляется:

Обратиться от группы и Совета в Самарскую ЧК с запросом о характере обвинения т. Стойковича и о производстве следствия в возможно кратчайший срок. [...]

[Слушали:]

2. Тов. Райкович докладывает о ликвидации одесской организации группы в связи с белогвардейским нашествием³². Большой части членов удалось выехать за границу, он же пробрался с красными отрядами в Советскую Россию. Все дела группы в Одессе на надежном месте сохранены.

Постановляется:

т. Райковичу представить доклад в письменной форме.

[Слушали:]

4. В Екатеринбург в агитационных и организационных целях, а также для выяснения причины массовых арестов югославян командировать агитатора Станишича. Вместе с т. Станишичем командировать т. Милана Радаковича³³, которому положение дел в Екатеринбурге хорошо известно.

*Ольром
Видневич
Павич*

Секретарь

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 1. Л. 61 об. – 62.
Подлинник. Машинопись.

69

Мандат Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) Милану Радаковичу на сбор документальных материалов о контрреволюционных действиях войск Королевства СХС при правительстве Колчака

№ 269

18 мая 1920 г.

Дан сей т. Милану П. Радаковичу в том, что ему поручено Ц[ентральн]ым югославянским бюро при ЦК РКП(б) собрать документальные данные исторического значения, характеризующие контрревол[юционные] действия югославян[ских] войск (Королевства сербов, хорватов и словенцев) в пределах Сибири при Колчаковском правительстве.

Ц[ентральн]ое югославянское бюро просит все полит[ические] и военные власти, имеющие данные документы, передать достоверные копии таковых т. Радаковичу под расписку для передачи их Ц[ентральн]ому югославянскому бюро.

Член бюро^{*}

Секретарь бюро

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 519. Л. 7.

Копия. Машинопись.

70

Из протокола № 10 собрания партячейки Югославянской секции агитации и пропаганды при МК РКП(б)³⁴ – о перевыборах бюро ячейки и обсуждение текущих дел^{**}

26 августа 1920 г.

8 часов вечера

Присутствуют: 9 членов, 15 кандидатов, 2 члена-гостя.

Председатель – Видневич³⁵. Секретарь – Шушак.

Порядок дня:^{***}

1. Чтение протокола № 9.
2. Перевыборы бюро ячейки.
3. Текущие дела.
4. Разное.

Порядок дня единогласно утверждается.

Слушали:

2. Перевыборы бюро ячейки.

Тов. Шушак говорит, что Комитет югославянской секции агитации и проп[аганды] при ЦК РКП(б) согласно постановлению общего собрания секции от 12 июля с.г. № 6 начал с 15 августа с.г. отдельно вести работу ячейки от секции, чтобы избежать путаницы. Ввиду окончания перерегистрации предлагает выбрать согласно уставу РКП новое бюро ячейки из трех лиц на один месяц.

^{*} Подписи отсутствуют.

^{**} Протокол был направлен в Городской райком РКП(б).

^{***} Пункты 1 и 4 не публикуются.

Кандидатами намечаются тт. Гргец³⁶, Кодрня³⁷, Томац³⁸, Верин и Игл. Переходят к голосованию:

т. Гргец – 9 голосов за;

т. Кодрня – 7 голосов за, 2 воздержались;

т. Томац – 6 голосов за, 3 воздержались;

т. Верин – 5 голосов за, 4 воздержались;

т. Игл – 2 голоса за, 7 воздержались.

Оглашаются выбранными тт. Гргец, Кодрня и Томац.

Постановили:

Избрано новое бюро ячейки в составе тт. Гргеца, Томаца и Кодрни.

Слушали:

За. Доклад т. Шушака о делегатском собрании Гор[одского] района РКП.

Постановили:

Доклад принимается к сведению.

[Слушали:]

36. Тов. Шушак предлагает на следующем общем собрании Югославянской секции вынести резолюцию протеста против империалистической политики Франции.

Постановили:

Предложение принимается, а для выработки резолюции назначаются тт. Сертич, Гргец и Верин.

[Слушали:]

37. Тов. Шушак говорит, что согласно отношению Комитета Гор[одского] района от 25-го восьмого месяца с.г. бюро ячейки Югославянской секции РКП выделило и откомандировало членов [бюро] тт. Седлара Якоба и Троха Драгутина комитету Гор[одского] района для отправки на польский и врангелевский фронты, и что мобилизованные товарищи уезжают завтра на фронт, а потому предлагает собрать для них среди членов и кандидатов в подарок табуку и папирос.

Постановили:

Принимается к сведению. Подарок табуку и папирос постановлено выдать из полученной месячной нормы для югославян, проживающих в коммуне, и выдать каждому из тов[арищей] по 1 фунту махорки и по 10 пачек папирос,

а в знак прощания с тов[арищами] собрание кличет^{*}: «Да здравствует Красная армия...».

[Слушали:]

Зг. Предлагается выбрать организатора субботников.

Постановили:

Выбран единогласно т. Туцакович.

Собрание закрывается с пением «Интернационала» в 11 часов ночи.

Председатель

Драг[утин] Видневич

Секретарь

Шушак

ЦГА Москвы. Ф. П-64. Оп. 2. Д. 287. Л. 46–46 об.

Подлинник. Машинопись.

71

Докладная записка президиума ЦЮБ при ЦК РКП(б)³⁹ в Политбюро ЦК о срочном прекращении эвакуирования бывших офицеров-югославын с территории РСФСР и помещении их в один из концлагерей и о согласовании с бюро любых санкций, касающихся эвакуации югославских подданных

№ 495

1 апреля 1921 г.

г. Москва

Дорогие товарищи,

В Югославии, как вам известно, в настоящее время одновременно происходит и страшнейший белый террор против Коммунистической партии Югославии и [создаются] новые формирования остатков контрреволюционных войск Врангеля.

Центральное югославянское бюро доводит до вашего сведения, что на территории РСФСР находится довольно большое количество югославянских офицеров, служивших даже в рядах колчаковской армии, и при разгроме таковой они сначала попадали в Сибирь, в тюрьмы, но постепенно наблюдается, что эти лица эвакуируются за границу, и таким образом им дается вторичная возможность – так, как это было при Колчаке, – организовать новые военные части

^{*} Кличет – радостно провозглашает (серб.).

из непросвещенных и темных югославянских масс против Советской России и против югославянских коммунистов Югославии.

Во избежание всего вышеизложенного Центральное югославянское бюро ходатайствует перед вами о срочном прекращении эвакуирования бывших офицеров-югославын (сербов, хорватов, словенцев), а напротив, сконцентрировании таковых в один из концентрационных лагерей, где они будут поставлены под строжайший контроль. А затем Центральное бюро Югославии просит сделать соответствующее распоряжение, чтобы вообще всякая санкция какой бы то ни было эвакуации югославянских подданных с территории РСФСР предварительно обсуждалась Югославянским советом, управляемым Центральным югославянским бюро, которому лучше всего известно о всех находяющихся на территории РСФСР югославянах, большая часть которых принимала активное участие при Колчаке.

Член президиума ЦЮБ**

Секретарь

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 35. Л. 29.

Отпуск. Машинопись.

72

Записка председателя Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов Драгутина Садурь в ЦЮБ при ЦК РКП(б) с просьбой направить опытного члена партии для отбора заложников из числа югославын, находяющихся в концлагерях, с приложением выписки из протокола заседания президиума Югославянского совета

№ 389

16 апреля 1921 г.

г. Москва

В смысле заседания президиума Совета от 9 апреля 1921 г., касающегося югославянских заложников⁴⁰, то Совет просит назначить одного опытного и более свободного товарища с целью пересмотра всех заключенных югославянских гражд[дан], находяющихся в концентрационных лагерях, для выбора заложников из заключенных. Вместе [с тем] Совет просит сообщить ваш взгляд на объявление заложниками таких граждан, которые находятся вне г. Москвы. По мнению Совета, объявленные заложниками должны быть концентрированы без исключения все в г. Москве.

Председатель

Секретарь

Садурь

Георгиевич⁴¹

* Подписи отсутствуют.

Выписка из протокола № 4 заседания президиума Югославянского совета
9 апреля 1921 г.

Слушали:

4. Вопрос о заложниках.

Постановили:

Войти в сношение с Центральным бюро о получении мандата о взятии всех арестованных офицеров на учет для выбора из них заложников.

Секретарь

Д. Георгиевич

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 39. Л. 20–21.

Подлинник. Машинопись. Имеется печать Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов в России.

73

Инструкция о порядке репатриации югославянских граждан, находящихся на территории РСФСР, направленная Югославянским советом в Москве в ЦЮБ при ЦК РКП(б) для ее утверждения и прпровождения представителям Югославянского совета в Петрограде и Новороссийске

№ 419

25 апреля 1921 г.*
г. Москва

Инструкция, выработанная с согласия ЦБ** Югославянским советом рабочих и крест[ьянских] депутатов в России, об эвакуации югославянских граждан (бывших австро-венг[ерских] в[оенно]плен[ных], граждан[ских] пленных, сербских и черногорских беженцев и военнообязанных), находящихся на территории РСФСР, для руководства и исполнения представителям Югославянского совета в г. Петрограде и Новороссийске

1. Считаясь с отсутствием нормальных сношений с Югославией и задержанием там русских военнопленных, Югославянский совет в согласии с Наркоминделом (отношение от 5 марта с.г. за № 12/937) полагает необходимым ограничить отправку в Югославию исключительно пролетарским элементом, возвращение которого признается желательным в политическом отношении.

* Датируется по сопроводительной записке.

** Так в документе, имеется в виду ЦЮБ.

2. Безусловно воспрещается эвакуировать нижеследующие категории югославянских граждан:

а) бывших офицеров, как австро-венг[ерских], так и сербских, а также одесских* и других добровольческих армий;

б) всех интеллигентов без исключения.

Примечание: интеллигенты, принадлежащие к РКП, должны на эвакуацию иметь особое на то разрешение от Югославян[ского] ц[ентрального] бюро при ЦК РКП;

в) всех бывших сербских и черногорских подданных без исключения.

3. Считаясь с существованием белого террора в Югославии и с гонением коммунистов, Югославянский совет решил набирать известных югославянских граждан в качестве заложников. Ввиду этого заложниками объявляются:

а) все офицеры старой сербской и черногорской армий;

б) все влиятельные высшие офицеры бывшей австро-венг[ерской] армии югославянского происхождения;

в) все бывшие поставщики (интенданты) сербской армии, действующие в районе Украины и Сибири;

г) все влиятельные гражданские лица, происходящие из буржуазного и интеллигентного класса;

д) все лица, приносящие вред идее советской власти.

4. Лицо, объявленное заложником, должно быть по возможности в короткий срок отправлено в распоряжение Югославянского совета в г. Москву для заключения в концентрационный лагерь.

5. Настоящая инструкция служит представителям Совета для неуклонного исполнения и руководства.

6. Все прежние инструкции и правила с момента получения данной инструкции теряют силу.

Председатель Югослав[янского] совета
Секретарь

*Садура
Георгиевич*

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 39. Л. 22–23.

Подлинник. Машинопись. Имеется печать Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов в России.

* Так в документе.

74

Сообщение ЦЮБ при ЦК РКП(б), направленное в президиум Югославянского совета, об утверждении им инструкции по эвакуации югославянских граждан и о выборе заложников из числа югославян – заключенных концлагерей

28 апреля 1921 г.
г. Москва

На Ваш № 419 от 25/IV* и № 389 от 16/IV** Ц[ентральн]ое югославянское бюро при ЦК РКП сообщает, что на заседании президиума от 25/IV, протокол № 11, пункт 7и, утверждена инструкция совета об эвакуации югославянских граждан, а на т. Садуру возложено войти в связ[ь] с ВЧК относительно пересмотра концентрационных лагерей для выбора заложников из среды заключенных югославян.

Член президиума ***
Секретарь

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 35. Л. 35.
Отпуск. Машинопись.

259

75

Заметка «К возвращению югославянских граждан на родину», опубликованная в газете «Правда»

5 мая 1921 г.****
г. Москва

Радиограмма Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов в России Правительству Королевства сербов, хорватов и словенцев в Белград

Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов в России настоящим обращает внимание Правительства Югославии на то обстоятельство, что в России (Сибири, Туркестане, на Украине и т.д.) еще до сих пор находятся

* См. док. № 73 от 25 апреля 1921 г.

** См. док. № 72 от 16 апреля 1921 г.

*** Подписи отсутствуют.

**** Документ публикуется по газете «Правда» и датируется по дню ее опубликования.

подданные вашего государства, как бывшие военные и гражданские пленные, так и бывшие сербские военнообязанные и беженцы, которые до сих пор не могут выехать из России к своим родителям, женам, детям и близким. Причиной всему этому служит слишком большое невнимание со стороны Правительства Югославии к нуждам своих подданных в России, которых мировая война, без всякого желания с их стороны, оторвала от родного края. Несмотря на двукратное приглашение Югославянского совета в России еще в апреле месяце 1919 г. помочь и [пред]принять шаги к возвращению югославянского элемента на родину, Правительство сербов, хорватов и словенцев не только не [пред]принимало шагов к эвакуации, но даже не уведомило о получении вышеозначенного предложения. Несмотря на это, Югославянский совет со дня своего образования принимал все возможные меры для облегчения жизни и возвращения на родину югославянских подданных, что ему всегда удавалось, и многие рабочие и крестьяне теперь находятся на родине. Но так как Правительство сербов, хорватов и словенцев упорно продолжало свою политику молчания и не [пред]принимало шагов к сближению с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой с целью обмена военнопленными и гражданами, то Югославянский совет стоит теперь перед фактом прекращения всякой эвакуации югославянских подданных.

В Москве в настоящее время находится чехословацкая миссия Красного Креста, которая делает все возможное для облегчения положения чехословацких граждан, и поэтому чехословаки без всякого препятствия свободно уезжают на родину. Также здесь находятся и другие миссии. Единственное государство, которое ровно ничего не сделало для своих граждан, это Королевство сербов, хорватов и словенцев, между тем как оно постаралось отправить из Сибири на родину офицеров и прочих привилегированных лиц, которые толкнули несчастную югославянскую массу в преступную войну против русского народа, а затем оставили эту массу на произвол судьбы и теперь благоденствуют на родине, а оттолкнутая ими масса до сих пор томится в плену. В то время, когда в России несколько тысяч югославянского элемента томятся и ожидают с нетерпением встречи со своими родными и знакомыми, Правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев не [пред]принимает никаких мер к улучшению быта югославян и отмахивается от них, между тем как несколько сот тысяч русских контрреволюционеров, которым вовсе не место в Югославии после того, как им не удалось навязать русскому народу иго капитала, – врангелевские войска гуляют по [нашей] родной земле, отнимая хлеб у родителей, жен и детей [тех], которые в настоящее время томятся в России.

Так как не в интересах Югославянского совета скрывать все это, то само собой понятно, что югославянский элемент озлоблен против такой политики молчания и умывания рук Правительства Королевства и требует, чтобы

немедленно были [пред]приняты шаги для удовлетворения их законнейшего требования, а именно эвакуации.

Ввиду всего вышеизложенного Югославянский совет считает своим долгом идти навстречу справедливейшим требованиям югославянского элемента, удовлетворение которых с момента настоящего уведомления всецело зависит от Правительства Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Югославянский совет надеется, что вопрос, затронутый в данном отношении, будет рассматриваться с гуманитарной точки зрения, но ни в коем случае не с точки зрения классовых интересов правящих сфер Югославии, и правительство немедленно начнет переговоры с РСФСР с целью обмена пострадавших, измученных людей, переживших кровавую войну и тоскующих теперь по родине.

Председатель Югославянского совета
Секретарь

Садура
Георгиевич

Правда. 1921. 5 мая.

Опубл.: Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. С. 115–117.

76

Служебная записка ЦЮБ при ЦК РКП(б) в конфликтный отдел ЦК⁴² с просьбой решить вопрос о правомерности пребывания югославян – бывших офицеров колчаковской армии в рядах РКП(б) и их использования на работе в качестве лекторов и переводчиков, с приложением списка бывших офицеров

19 мая 1921 г.
г. Москва

Ц[ентральн]ое Югославянское бюро при ЦК РКП(б) ходатайствует о выяснении политической неблагонадежности и их примазанности* к партии бывших офицеров колчаковской армии, являющихся в настоящее время членами РКП(б) в югославянских секциях.

[Из] здесь прилагаемой выписки [из] протокола № 15**, п[ункт] 3.1 о заседании президиума Ц[ентрально]го югославянского бюро от 16 мая, видно, упрекаются или обвиняются бывшие офицеры колчаковской армии, а теперешние члены РКП(б), занимающие должности лекторов в югославянской партийной

* Так в документе здесь и далее.

** Не публикуется.

школе и работающие почти год на переводах на югославянские языки коммунистической литературы и даже редактирующие эти переводы, в том, что они примазались к партии РКП(б), и им выражается недоверие отдельными членами президиума Ц[ентрально]го бюро. В то же время и в том же пункте принято предложение об использовании тех же лиц в качестве лекторов партийной школы по менее важным предметам.

Из той самой выписки протокола, пункт 3.3, видно, что лекторами партшколы назначены новые лица, несмотря на то что [было] постановлено и старых лекторов зачислять на чтение лекций по менее важным предметам.

Согласно же пункту 3.4 протокола принято предложение: для разбора* дела относительно примазанности к партии бывших офицеров колчаковской армии, для [принятия] принципиального решения, могут ли бывшие офицеры Белой армии состоять членами РКП(б), и для решения вопроса, подлежат ли они исключению из партии, – передать дело в конфликтный подотдел ЦК РКП(б).

На основании [решения по этому пункту**] для окончательного избежания всяких упреков и обвинений, направленных с каких бы то ни было сторон по адресу бывших офицеров, теперешних членов РКП(б), во избежание всех недоразумений и порождения различных по этому вопросу мнений как среди членов КП югославянских организаций, так и между членами самого президиума Ц[ентрально]го югославянского бюро – [потому] что все [это оказывает] вредное влияние на партийную работу среди югославян, – Ц[ентральн]ое югославянское бюро для информации, которая конфликтной комиссии послужит [подспорьем] для скорейшего обсуждения данного вопроса, препровождает на ваше рассмотрение имеющиеся документы***, характеризующие прошлое югославянского полка, входившего до разгрома колчаковской армии в ее ряды, так как в этом полку служили все бывшие офицеры-югославы, являющиеся в настоящее время членами РКП, которых и касается затронутый вопрос.

Образложение**** данного дела сводится к следующему: в настоящее время состоят членами РКП(б) и кандидатами 15 человек югославян, которые до разгрома колчаковской армии находились в ее рядах, т.е. в 1-м Югославянском революционном полку, входящем некоторое время в состав чешских войск

* В документе «для разобранья».

** В документе ошибочно «постановления».

*** Из приложений публикуется только одно: список лекторов, служивших в колчаковской армии. Опущены: выписка из протокола № 15 от 16.05.1921 г.; копия доклада командира Югославянского советского батальона; гисториат (историческая справка) о деятельности батальона; список сочувствующих, утвержденный представителем политотдела 30-й дивизии Сыркиным (см.: РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 30. Л. 60–63).

**** Образложение – мотивировка, обоснование (серб.).

в Сибири, и [которые] имели чин офицеров и занимали, насколько Ц[ентраль-но]му бюро известно, должности, как это указывается в прилагаемом здесь списке.

До организации югославянского полка некоторые из тех в списке указанных бывших офицеров-диссидентов – во время империалистической войны [воевавших в] существовавшем Сербском корпусе в Одессе – [с]формировали отряд за время [создания самарского] эсеровского правительства и даже принимали участие в боях против Красной армии в г. Самаре в 1918 г. в рядах чешской армии. Кто именно из в списке [по]именованных товарищей принимал участие в этих боях и, по слухам, даже получил боевое отличие за храбрость, Ц[ентральн]ое бюро не имеет данных, но все это можно узнать от самих товарищей – участников, т.к. они не могут этого отрицать.

Осенью 1918 г. при покровительстве чехов был организован югославянский полк, имеющий свой гарнизон в г. Томске, а осенью 1918 г. размещен для охраны железнодорожной магистрали в околицу^{*} Нижнеудинска. Насколько Ц[ентральн]ому бюро известно, полк как боевая единица не принимал никакого участия в боях ни с Красной армией, а также ни с партизанскими отрядами.

В январе 1920 г. при отступлении на восток чешских войск перешли на сторону советской Красной армии два батальона упомянутого югославянского полка со всей амуницией. Из этих двух батальонов был немедленно сформирован Югославянский советский батальон, который нес гарнизонную службу в г. Нижнеудинске. При каких условиях упомянутые батальоны перешли на сторону Красной армии, Ц[ентральн]ое бюро не имеет других письменных данных, кроме здесь прилагаемой копии гисториата Югославянского советского батальона, выданного партийным и советским организациям в г. Нижнеудинске, из которого явствует, что батальон перешел добровольно и принес пользу советской власти.

Прилагаемая к сему копия доклада командира Югославянского советского батальона^{**} может служить для информации.

Непосредственно по формировании Югославянского советского батальона, т.е. 2 февраля 1920 г., организовалась в нем коммунистическая ячейка кандидатов (сочувствующих) в числе 34 человек, из которых 9 человек бывших офицеров. Эта ячейка, согласно прилагаемому именному списку, была утверждена представителем политотдела 30-й дивизии т. Сыркиным.

В дальнейшем [из] ячейки поступило в ряды партии еще несколько бывших офицеров.

Так как Югославянский советский батальон вошел в состав дивизии им. 3-го Интернационала, а позднее произошло слияние его с 3-м батальоном

^{*} Околицы – окрестность, округа (серб.).

^{**} Не публикуется.

обороны ж[елезной] д[ороги] и [он] был переведен в Петроград, то кандидаты, состоящие в ячейке этого батальона, утверждались в члены партии посредством разных организаций.

С июля 1920 г. начали в распоряжение Ц[ентрально]го бюро прибывать отдельные члены и кандидаты данной ячейки как рабочего и крестьянского класса, так и из интеллигентов. Первых, т.е. рабочих и крестьян, Ц[ентральн]ое бюро принимало в существующую партийную школу, а интеллигентов (членов РКП) из бывших офицеров назначало лекторами в партийную школу и переводчиками коммунистической литературы. Так, лекторами в партийной школе состояли: тт. Верин (работающий в подполье); Смольчич, Шранцер и Шицер* были переводчиками и редакторами коммунистической литературы, а т. Шицер являлся некоторое время югославянским представителем при Наркомнаце.

В августе же 1920 г. Ц[ентральное] югославянское бюро ходатайствовало перед Реввоенсоветом Республики об открытии при двух московских пехотных курсах комсостава югославянского отделения, что и было разрешено для 150 человек курсантов. Большую часть курсантов Ц[ентральн]ое бюро получило из упомянутого 3-го батальона, а вначале начались занятия на этих курсах с большинством бывших офицеров колчаковской армии, из которых партийными являлись тт. Сертич, Харамия, Демарин, Вальгони, Луканович, Юстинич, Наядич и Грегориц. Занятия в югославянском отделении курсов комсостава начались в ноябре 1920 г. и продолжались без всяких приключений до марта 1921 г., когда были арестованы по ВЧК все лекторы, как партийные, так и беспартийные, – бывшие офицеры в колчаковской армии.

С тех пор или немного до этого начало [за]рождать[ся] недоверие к партийным лекторам (бывшим офицерам) на курсах комсостава.

С арестом лекторов, просидевших в заключении 3 недели, значительно застряло обучение на курсах комсостава, и только благодаря прибытию лекторов из провинции продолжились занятия.

Какие именно обвинения имелись против упомянутых лекторов и кто предъявлял** обвинения, Ц[ентральн]ому бюро неизвестно, а известно лишь то, что [они] подозревались в контрреволюционной связи с Владивостоком. Имеются ли другие обвинения, из-за которых партийные товарищи должны отвечать перед партией, можно узнать только от ВЧК.

Хотя еще с месяца октября 1920 г. несколько раз, даже и на партийных собраниях, со стороны отдельных товарищей [под]брасывались как лекторам

* В документе фамилия искажена – Шицель. Исправлена в соответствии с приложенным списком лекторов югославянской партшколы и лекторов курса комсостава и переводчиков коммунистической литературы, служивших ранее в колчаковской армии.

** В документе – «все делал».

партшколы, так и лекторам курсов комсостава упреки за то, что до вступления в партию [они] находились в колчаковской армии офицерами, Ц[ентральн]ое бюро не обращало внимания на это, считая бессознательным лекторам добрасываемый упрек, и тем более, что за время их пребывания в рядах партии не замечалось [за ними] никаких проступков, по которым возможно было бы убедиться, что они только примазались к партии, а не по своему убеждению вступили в наши ряды.

Но так как в последнее время, а именно по освобождении из-под ареста лекторов комсостава, повторились сомнения в их примазанности к партии и выражалось недоверие со стороны членов самого Ц[ентральн]ого бюро – по-видимому, лишь на подлоги* того, что они были офицерами колчаковской армии, занимали там высшие военные посты и принимали участие в боях с Красной армией, – и так как [необходим] принципиальный взгляд или, может быть, соответствующее постановление, как поступать в подобных случаях, т.е. могут ли бывшие офицеры после их добровольного перехода на сторону советской власти и после соответствующего стажа кандидата быть приняты в члены партии РКП(б), [а это] всем членам Ц[ентральн]ого бюро неизвестно, то оказалось необходимым сей вопрос дать на рассмотрение конфликтному подотделу ЦК.

Вследствие вышеизложенного, а тем более из-за того, что невозможно работать в таком невыясненном положении, создавшемся по этому вопросу среди членов президиума Ц[ентральн]ого югославянского бюро, а также и в интересах партийной школы, в интересах курсов комсостава и Югославянского книгоиздательского отдела, просим конфликтный подотдел предпринять срочные меры для выяснения вопроса, сводящегося главным образом к тому: 1) могут ли в прилагаемом списке указанные товарищи – члены и кандидаты РКП(б) – еще и далее оставаться в рядах нашей партии, несмотря на то что они находились в рядах колчаковской армии и что некоторые из них боролись с оружием в руках против советской власти, а то и против Коммунистической партии; 2) от лиц, сделавших на них донесения в ЧК, затребовать заявления о том, какие обвинения имеются против товарищей со дня их поступления в партию.

Ввиду спешности и так как все зависит от решения принципиального вопроса, просим возможно скорей рассмотреть данное дело и о своем заключении довести до сведения Ц[ентральн]ого югославянского бюро.

Если же решение затронутого вопроса не входит в компетенцию конфликтного подотдела, то просим препроводить его на обсуждение в Оргбюро.

Член Президиума**

Секретарь

* Подлог – основание, фундамент (серб.).

** Подписи отсутствуют.

Список лекторов Югославянской партийной школы и лекторов курсов комсостава и переводчиков коммунистической литературы, которые служили как офицеры в колчаковской армии

№ п/п	Фамилия и имя	Профессия	Официальный чин у Колчака	Какую занимал должность у Колчака	Когда поступил в РКП	Какую занимал должность в последнее время	Служил ли в Красной армии
1	Грегориц Павел	студент-медик	поручик	полит. пред. полка	2 февраля 1920 г.	лектор политграмоты на курсах комсостава	да
2	Юн Мирослав	учащийся	поручик	–	июнь 1920 г.	лектор на курсах комсостава, лектор партшколы	–
3	Смольчин Иосиф	студент	поручик	командир нестроевой роты	февраль 1920 г.	лектор партшколы, редактор и переводчик	да
4	Демарин Иосиф	учитель	подпоручик	пом[ощник] полковника, адъютант	февраль 1920 г.	лектор на курсах комсостава, лектор партшколы	да
5	Наядин Винко	студент	подпоручик	батальонный адъютант	март 1920 г.	лектор на курсах комсостава	да
6	Шицер Бранко	студент	поручик	–	февраль 1920 г.	лектор партшколы, журналист ЦЮБ и переводчик брошюр	–
7	Луканович Бруно	студент	поручик	полуротный командир	май 1920 г.	лектор на курсах комсостава	да
8	Харамия Виктор	студент	поручик	ротный командир	июль 1920 г.	лектор на курсах комсостава	да
9	Сертич Лука	юрист	майор	командир полка	февраль 1920 г.	лектор на курсах комсостава	да
10	Юстинич Николай	студент	поручик	командир роты	март 1920 г.	лектор на курсах комсостава	–
11	Верин Петр	учитель	поручик	батальонный адъютант	февраль 1920 г.	редактор и переводчик литературы	да
12	Саллер Антон	бухгалтер	поручик	полуротный командир	март 1920 г.	без должности	–
13	Илич Иван	учитель	подпоручик	батальонный адъютант	февраль 1920 г.	лектор на курсах комсостава	да
14	Вичевич Оскар	аптекарь	поручик	зав. полковой аптекой	март 1920 г.	на службе в [Нижне]удинске	да
15	Шранцер Франц	учащийся	–	–	октябрь 1919 г.	лектор политграмоты на курсах комсостава	да

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 30. Л. 65, 83–84.
Копия. Машинопись через 1 интервал.

77

Заявление Драгутина Видневича в ЦЮБ при ЦК РКП(б) об отказе работать в бюро до выяснения причин ареста сотрудниками ВЧК членом бюро

9 июля 1921 г.

г. Москва

[Из] справк[и], которую я получил при ВЧК относительно выяснения ареста членов⁴³ Ц[ентрально]го югославянского бюро, что тт. члены Ц[ентрально]го бюро арестованы по распоряжению ЦК РКП(б), т.е. [з]а подлоги и клевет[у], которые подали известные члены. Между тем в ЦК РКП(б), в конфликтном отделе, сказали мне, что им никакого распоряжения об аресте не последовало, из чего явствует, что в этом вопросе имеются грязные интриги. Вследствие того заявляю, что я не могу брат[ь] на себя ответственност[ь] за работу в Ц[ентрально]м бюро и не хочу вследствие того принимат[ь] участие в дальнейшей работе Ц[ентрально]го югослав[янского] бюро до тех пор, пока не будет выяснено положение и пока атмосфера в Ц[ентрально]м югослав[янском] бюро при ЦК РКП(б) не будет прочищена, и не будет видно, с кем имеем дело.

Кроме того, вследствие усиленной работы в типографии, испорченного здоров[ь]я, должен ехать[ь] поправляться.

Драгутин Видневич

Возвращаю выписку из протокола*.

С хорватского перевел секретарь ЦЮБ Томац.

РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 39. Л. 57.

Подлинник. Машинопись.

78

Из протокола № 6 заседания комиссии по чистке парторганизации Института красной профессуры – о прохождении чистки члена Компартии Югославии Плетикоса А.М.⁴⁴

13 октября 1933 г.

Присутствовало 75 человек членов РКП(б) и 20 беспартийных.

*Председатель – т. Вишнякова*⁴⁵.

*Члены комиссии – тт. Рудзис и Алиханов*⁴⁶.

* В деле протокол и выписка из него отсутствуют.

Плетикос: Член партии с 1923 г. Родился в 1898 г. в рабочей семье. Стал работать рабочим в арсенале. Потом учился в столярной мастерской. В 1917 г. работал в арсенале. В 1919 г. вступил в комсомол в Италии (в союз социал-молодежи). До 1921 г. работал в комсомоле в Италии. В 1921 г. поехал в Югославию в связи с разгромом комсомола и безработицей. В 1922 г. связался с Югославск[им] комсомолом. В 1923 г. вступил в партию. В 1924 г. приехал в СССР. Кончил Свердловский университет. Работал зав[едующим] АПО РК, пропагандистом, преподавателем краевых курсов партактива, затем учился в ИКП. В ИКП не только учусь, но и веду партработу. В борьбе на два фронта стал принимать участие после XIV съезда. С 1923 г. стал работать в кружках политграмоты. Я уже проходил чистку в этом году в Интернац[иональной] комиссии по делам Югославской компартии. Я там получил выговор за неизжитие фракционного подхода к вопросам партработы в Югославск[ой] КП. Там я принадлежал к левому крылу. Левые в Югославск[ой] КП не могли подняться до уровня стоящих перед Югосл[авской] КП задач и развернули фракционную беспринципную борьбу.

Вопросы

Алиханов: Где и когда вел фракционную работу?

Ответ: Я фракционную борьбу не вел. Я боролся с правыми. Но к бывшим правым у меня до сих пор отношение хуже, чем к левым. В этом смысле я виноват, что известные остатки фракционности у меня есть.

Карамихов: Тов. Плетикос, помимо позиции левых и правых, какую позицию занимали п[артийный] к[омитет] и основная масса членов партии?

Пред[седатель] комиссии вопрос отводит, т.к. работу Плетикоса в Югослав[ской] КП уже разбирали на чистке Югославск[ой] КП.

Алиханов: Расскажи о своей борьбе в Югославск[ой] компартии, когда ты уже был в СССР, т.е. о работе в среде югославск[их] эмигрантов.

Ответ: С 1928 г. я был в г. Горьком. Организацион[ной] фракционной работы не вел.

Алиханов: Ты вел фракционную работу, а здесь это затушевываешь.

Ответ: Я фракционной работы не вел.

Панкевич: Как приехал в СССР?

Ответ: По предложению партии.

Козлов: Что было у вас в группе?

Ответ: В группе было склочное отношение ко мне со стороны ряда товарищей, которые все время на меня нападали. Один тов[арищ] хотел с меня «сбить спесь», как он заявил. Это было склочное отношение ко мне. А я болезненно относился к критике моей работы со стороны этих товарищей.

Зинич: Имел ли связь с югославск[ими] троцкистами?

Ответ: Нет.

Зинич: Связан ли с югославск[ой] партией сейчас?

Ответ: Связан, помогаю партии, работаю в клубе югослав[ском].

Прения:

Белкин: Плетикос неплохой большевик. Работает упорно. Недостаток его тот, что хотя с него спесь и сбивали, однако все-таки не сбили. Он делал ошибки в докладах и выступлениях. Когда же его критикуют, он очень болезненно на эту критику реагирует и очень медленно, с боями свои ошибки признает. Надо ему свои ошибки признавать.

Коган: На педработе Плетикос работает добросовестно. В то же время имеет тесную связь с Югославск[ой] компартией.

Конькова: Плетикос неплохой большевик. Но его недостаток в том, что он, критикуя работу нашего кружка, сам мало сделал к повышению этой работы. Он у нас был руководителем кружка.

Плетикос: На проработе я работаю 6 лет. Но этот кружок, о котором Конькова говорила, я не любил и у меня было ликвидаторское настроение, так как члены кружка плохо относились к учебе.

Постановили:

Считать проверенным.

Председатель комиссии

Член комиссии

т. Вишнякова

✕. Рудзис

ЦГА Москвы. Ф. П-88. Оп. 1а. Д. 241. Л. 119–121, 210.

Подлинник. Машинопись.

Глава 2.

ЮГОСЛАВСКИЙ СЕКТОР КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ЗАПАДА им. Ю.Ю. МАРХЛЕВСКОГО

79

Отчет о работе Югославского сектора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского⁴⁷ за 1925/26 учебный год, представленный зав. сектором Брацаном Брацановичем⁴⁸ в ректорат университета

Июнь 1926 г.

Югославский сектор открыт в 1925/26 учебном году с 15 студентами.

Все студенты, за исключением одного, приехали из Югославии нелегальным путем. По причине трудного перехода югославско-австрийской границы студенты не могли приехать к началу учебного года, вследствие чего занятия начались позже, чем в других секторах, т.е. с 15 октября. Все студенты, ранее состоявшие членами КПЮ и ЮКСМ, в течение первого триместра переведены в члены ВКП(б) и ВЛКСМ, а также вступили в члены профсоюза просвещенцев. В течение учебного года выбыло из [университета] та по болезни три товарища. [...] В начале второго триместра был принят один товарищ, так что к концу отчетного года осталось 13 человек.

Состав студентов по социальному положению:

Рабочих	11 человек
Крестьян	2 человека

Итого: 13 человек

По партийности:

Членов ВКП(б)	12 человек
Членов ВЛКСМ	1 человек

Итого: 13 человек

По стажу:

С 1918 г.	1 человек
С 1919 г.	6 человек
С 1923 г.	3 человека
С 1924 г.	3 человека

Итого: 13 человек

По данным парторганизаций КПЮ, все студенты являются политэмигрантами из Югославии и активными работниками КПЮ и ЮКСМ.

Ход занятий в течение года

Начало занятий на первом триместре сопровождалось невероятными трудностями, а именно: в секторе не имелось абсолютно никакой литературы на родном языке, а самостоятельно пользоваться русской литературой студенты не могли, так как не понимали русского языка. О полном проведении лабораторного плана не могло быть и речи. Преподавателям по общественным дисциплинам пришлось в консультационные часы прибегать к коллективной проработке материала со всей группой и постепенно помогать студентам освоиться с русским языком и самостоятельной работой над книгой. Расчеты сектора на получение заказанной через «Международную книгу»⁴⁹ литературы на родном языке не оправдались, и литература не была получена ни в первом, ни во втором, ни в третьем триместрах. Хотя литература на родном языке по общественным дисциплинам в объеме преподавания в КУНМЗе очень бедна, все же по вопросам, касающимся изучения родного края, естественных предметов и родного языка, она является крайне необходимой и ее отсутствия в будущем году ни в коем случае нельзя допустить.

О присылке сектору книг член ИККИ т. Бошкович⁵⁰ договорился с соответствующими инстанциями, но для этого необходимо депонировать ему соответствующую сумму денег.

В течение первого триместра и первой половины второго триместра сектор имел немало трудностей с преподавательским составом. В начале учебного года взялись преподавать историю ВКП(б), госстрой и общественные отношения товарищи югославы, работающие в Коминтерне, но в начале работы второго триместра выяснилось, что эти товарищи, по не зависящим от них обстоятельствам, преподавать в КУНМЗе не могут. Пришлось искать новых преподавателей и замещать не приходящих, что, конечно, не могло не отразиться как на настроении студентов, так и на ходе самой работы. Со второй половины второго триместра и до конца учебного года занятия шли без всяких перебоев.

Результат учебной работы, несмотря на все трудности, удовлетворительный. Программа подготовительного курса по всем предметам пройдена полностью. По отзывам преподавателей и студентов, минимум по каждому предмету усвоен удовлетворительно. Этому способствовало сильное желание студентов учиться. Быстрое осваивание с русским языком повышало активность студентов к самостоятельной работе и облегчало постепенный переход к лабораторному плану. Непройденная часть программы первого триместра была пройдена во второй половине зимних каникул. Это представлялось возможным сделать, потому что студенты не были посланы на практическую работу и 6-недельный отдых был бы совершенно излишним.

Лабораторный план нельзя сказать, что применялся полностью, но стремление к нему как к наилучшему методу было и со стороны студентов, и со стороны преподавателей.

Все студенты, как обладающие способностями к науке и усвоившие более или менее программу подготовительного курса, переводятся на первый курс.

Работа парттройки

Парттройка проводила в жизнь все задания бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗа. Организовывала и проводила секторские собрания, но главная задача парттройки состояла в партвоспитательной работе среди студентов, недопущении среди них каких бы то ни было уклонов от партлинии и постановлений XIV партсъезда, что потребовало немало работы, т.к. товарищам, приехавшим из-за границы, не так легко было освоиться с условиями коллективной жизни в КУНМЗе, и в особенности с материальными условиями.

Помимо заданий бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗа сектором ежемесячно, а иногда и чаще организовывались секторские собрания, на которых ставились доклады по изучению экономического и политического положения в родном крае. В качестве докладчиков приглашались товарищи югославы, работающие в Коминтерне.

Нацуголок и нацбиблиотека

Неудачный заказ нацлитературы через «Международную книгу» лишил сектор возможности своевременно поставить нацуголок и библиотеку на должную высоту. Ввиду этого сектор обратился к соответствующим парторганизациям КПЮ, а также к Югославскому рабочему издательству в Чикаго, дабы посредством их получить необходимый материал для нацуголка и литературу для нацбиблиотеки. В результате этого в конце второго триместра было получено от Югославского рабочего книгоиздательства в Чикаго марксистской литературы и беллетристики на сумму около 90 долларов. Если КУНМЗ найдет возможным, а это крайне необходимо, депонировать т. Бошковичу сумму в 150 руб. (для этой

цели можно взять обратно задаток от «Международной книги» и израсходовать его по прямому назначению), тогда сектор получит в течение летних месяцев и литературу по изучению родного края, естественным предметам, родному языку, а также необходимый материал для нацуголка.

В Югославском рабочем книгоиздательстве в Чикаго печатается перевод «Истории ВКП(б)» на сербском языке, и сектору в скором времени будет выслано достаточное количество книг. Если сектор будет поддерживать связь с означенным книгоиздательством, то мы сумеем постепенно перевести на родной язык необходимую литературу по всем общественным предметам.

Практическая работа

По причине непонимания русского языка и неимения в СССР национальных меньшинств, студенты в этом году не были использованы на практической работе. В дни МОПРа⁵¹ большинство студентов по заданию МОПРа выступали как на здешних заводах, так и в провинциях.

Во время летних каникул все студенты вместе с зав. сектором едут в университетский совхоз, где будут знакомиться с низовым соваппаратом и вообще с работой среди крестьян.

Зав. сектором

Б. Брацанович

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 649. Л. 85–88. Подлинник. Машинопись.

80

Из протокола № 4 общего перевыборного собрания Югославского сектора КУНМЗ – отчет зав. сектором Брацана Брацановича по итогам работы секторской ячейки ВКП(б), прения по докладу, с приложением принятой собранием резолюции

9 ноября 1926 г.

Присутствуют: все студенты 1-го и подгот[овительного] курсов, зав. сектором т. Брацанович и преподаватель т. Цилига⁵².

Председатель – т. Саввич. Секретарь – т. Лаушевич.

Повестка дня:

1. Отчет о работе секторской тройки.
2. Перевыборы секторской тройки.
3. Текущие дела.

Слушали:

1. Отчет о работе нацпарттройки.

Тов. Брацанович: Работа секторской тройки за отчетный период сводилась к следующему: нацпарттройка исполняла все задания бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗа. Организовывались доклады на секторских собраниях, для докладов использовались т[оварищи] из Коминтерна. Были организованы газетные кружки для коллективного чтения и ознакомления студентов с советской действительностью и полит[ико]-эконом[ической] жизнью страны, а самое главное внимание было обращено на партвоспитательную работу и недопущение в секторе каких-либо уклонов от партлинии и решений XXV* партсъезда. Секторская тройка старалась всемерно ослабить и ликвидировать трения и ненормальности, имевшие место в прошлом уч[ебном] году, и сохранить сектор от распада. [...]

Прения:

*Тов. Санданский*⁵³ [...] заявляет, что т. Брацанович сказал тт. Богдановичу и Саввичу, что их считают сомнительными, а также и то, что обвинил тт. Никатова и Сундатова [в том], что они оппозиционеры, вследствие того что они получили от т. Вуйовича⁵⁴ пальто. Богданович и Саввич, – говорит Санданский, – вследствие издевательства над ними т. Брацановича не могли учиться. [...]

Тов. Каружа жалеет, что не может говорить о группировках в секторе, и говорит, что относительно русской партии и югославской партии различных мнений нет, и заявляет, что все намеки на существование оппозиционных группировок он считает неосновательными.

Тов. Сундатов говорит, что зав. сектором имеет «подлые» планы, которые он умеет ловко скрывать. То обстоятельство, что т. Никатов получил пальто от т. Вуйовича, не дает права говорить, что он [сторонник] русской оппозиции.

Тов. Никатов протестует против такого положения и требует удовлетворения.

*Тов. Ковалев*⁵⁵ подчеркивает, что в секторе еще есть остатки сектантства и что сектор своим сохранением обязан т. Брацановичу.

Тов. Артемов считает неправильным подход т. Брацановича, сказавшего ему, что он хочет идти на немсектор из-за жены.

Тов. Андреев говорит, что когда кто-нибудь протестует против чего-нибудь, то ему говорят, что он оппозиционер, и грозят сослать в Сибирь. [...]

*Тов. Суслов*⁵⁶ опровергает сказанное т. Андреевым и говорит, что люди, не понимающие простых вещей, не ищут товарищеского объяснения, а говорят по закоулкам.

* Опечатка. Имеется в виду XIV съезд ВКП(б), проходивший в 1925 г. с 18 по 31 декабря.

Тов. Шульгин говорит, что нет смысла говорить о материале, находящемся в стадии исследования, указывает, что надо говорить по существу о работе нацтройки, и подчеркивает нетоварищеский характер выступлений т. Сундатова.

Тов. Кривченко говорит, что тройка мало работала по комвоспитанию и имела плохую связь со студенческой массой.

Тов. Фркович протестует против личного характера выступлений т[оварищей], сводящихся к атаке на т. Брацановича.

Тов. Панькович говорит, что никакой здоровой критики не велось, и невыдержанность т[оварищей] доказывает слабость комвоспитания.

Тов. Секулич говорит, что не будет говорить о том, что у него «болит». Указывает на возмутительный случай с тт. Саввичем и Богдановичем. Кроме того, указывает на то, что т. Брацанович выдумал, будто кто-то из студентов болен триппером. Заявляет, что в оппозиции против т. Брацановича был и будет.

Заключительное слово берет *т. Брацанович*. Подчеркивает, что все выступления известной группы т[оварищей] имели характер организованного нападения на него и носят провокационный характер, приводя как пример распространение тт. Санданским, Биоковичем и Секуличем ложных слухов о том, что он, Брацанович, якобы говорил о тт. Богдановиче и Саввиче, что их считают сомнительными, а между тем здесь подтвердилось, что это неправда.

Распространение тт. Секуличем и Биоковичем [слухов], что т. Никатов, по мнению т. Брацановича, оппозиционер, является также сознательной провокацией. Распространялись ложные слухи, что т. Брацанович служит в ГПУ. В бою советского учреждения, каким является ГПУ, ничего похвального нет.

Уклонение членов секторской тройки от своих обязанностей [не] значит, что и он, [Брацанович], это должен был делать. Зав. сектором несет ответственность за сектор. *Тов. Каружа* в прошлом году вел кампанию против него. Все его выходки получили характеристику невыдержанного и недисциплинированного товарища. Поскольку в этом году т. Каружа обещает [ему] «вырвать глотку», могут быть приняты иные меры. *Тов. Сундатов* на основании ложных слов т. Санданского называет т. Брацановича подлым.

Вопрос о переходе на Немсектор не только т. Артемова, но и двух других т[оварищей], подавших об этом заявления, передан на разрешение ректора. Что причиной его перехода на Немсектор является его жена – это мнение группы, в которой учится т. Артемов. [...]

Тов. Брацанович, отвечая на выступление т. Секулича, говорит, что его выступления носили характер выступлений рыночной торговли и что он эти качества мог унаследовать от своей матери, которая действительно является рыночной торговкой.

Тов. Цилига предлагает выбрать комиссию для выработки резолюции. Предложение принимается.

Резолюция:

Общее собрание студентов Югославского сектора КУНМЗ, заслушав отчет т. Брацановича о работе нацпарттройки, констатирует следующее:

1. Работа секторской тройки в общем удовлетворительна.

2. Секторская тройка в своей работе придерживалась и проводила в жизнь директивы бюро партячейки. Проведение собраний, выбор докладчиков, руководство нацуголком, стенгазетой и т.д. были удовлетворительными.

3. Прошлогодня фракционная борьба внутри КПЮ отразилась и на взаимоотношениях студентов. Частичной причиной этого было слабое знакомство т[оварищей] с материалами III партсъезда⁵⁷, вызванное слабым поступлением этого материала.

На основании вышеизложенного общее собрание предлагает новой секторской тройке:

а) в дальнейшей работе поддерживать самую тесную связь с бюро ячейки ВКП(б) и строго придерживаться его директив;

б) как можно скорее привести в порядок и расширить библиотеку и оборудовать нацуголок;

в) следить за тем, чтобы все т[оварищи] студенты свое поведение и работу вели в духе решений III партсъезда, вынесенных по директивам Коминтерна и при сотрудничестве ВКП(б). Тройка должна твердо и последовательно проводить линию III съезда по ликвидации остатков фракционизма и всемерно препятствовать всякой тенденции группирования;

г) углубить и систематизировать работу по комвоспитанию студентов.

Кроме того, собрание констатирует, что выступления и способ критики некоторых т[оварищей] не были достаточно объективными и дали повод отвечающим т[оварищам] впасть, хотя и в меньшей мере, в те же ошибки. В интересах создания истинно товарищеской атмосферы в секторе необходимо прекратить подобные поступки.

[...]*

Председатель

Секретарь

Саввич

Лаушевич

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 649. Л. 46–47.

Копия, заверенная печатью КУНМЗ. Машинопись.

* Не публикуются: п. 2 – перевыборы секретаря тройки и п. 3 – текущие дела.

81

Из протокола собрания преподавателей и студентов 1-го курса Югославского сектора КУНМЗ – отчет преподавателей об усвоении студентами материала за первый триместр 1926/27 учебного года с обсуждением недочетов в работе сектора

20 декабря 1926 г.

Присутствовали: зав. сектором [т. Брацанович], все преподаватели и студенты 1-го курса.

Председатель – т. Асич. Секретарь – т. Лаушевич.

Повестка дня:

1. Итоги работы за 1-й триместр 1926/27 учеб[ного] года.
2. Текущие дела.

Отчетное собрание открывает *т. Брацанович*, который объясняет, что цель собрания состоит в заслуш[ив]ании отчетов преподавателей о работе, проделанной за 1-й триместр. Путем коллективного обсуждения недостатков нашей работы мы облегчим уч[ебной] части их устранение и обеспечим успешную работу в будущем. В прошлом учебном году не обсуждались индивидуальные успехи студентов, но в этом году сект[орская] тройка с преподавателями и уч[ебной] частью составила каждому студенту уч[ебную] характеристику, которая послужит к изучению студентов преподавателями и ко взаимному сближению одних с другими.

Отчетные доклады:

Русский яз. (*т. Соколова*): «Работа с книгой проходила удовлетворительно; прочитывались и прорабатывались темы о текущем моменте. Параллельно изучались грамматика и письмо». [...]

Родной яз. (*т. Шульгин*): «Центр тяжести был на работе с книгой. Студенты приучались составлять план и конспекты. По грамматике закончили имена существительные и местоимения».

Прения:

Тов. Санданский говорит, что было мало дискуссий, которые помогали бы студентам диалектически развиваться.

Тов. Биокович говорит, что преподаватели языков не давали возможности развиваться инициативе студентов, принося с собой план и работая по плану. [...]

Тов. Задворный: «Педагог должен иметь план, но он должен быть гибким. Педагог должен вызывать инициативу обучаемых и приучать их к коллективной работе».

Тов. Шульгин говорит, что он всегда будет работать по плану, ибо план – основа, исходная точка всех работ. Что касается дисциплины, то поддержание ее – дело сознательности самих студентов.

Математика (*т. № ари*): «В начале учебного года, пока повторяли прошлогоднее, было сравнительно легко, но с переходом на алгебру трудности увеличились. Т[оварищи] должны были решать задачи. Успехи группы в общем удовлетворительны». [...]

Прения:

Тов. Каружа говорит, что часто в часы математики нужно идти на завод или на другую обществ[енную] работу, и предлагает перегруппировать часы математики с часами биологии и химии, ибо в случае надобности предпочтительнее пропустить последние.

Тов. Биокович: «Студенты не решают задач дома и не активны на уроках». [...]

Биология и физ[ическая] география (*т. Задворная*⁵⁸): «Больше всего применялся лекционный метод. Студенты не читали ничего. Эксперименты посещали плохо. Т[оварищи] знали только то, что слышали на консультациях. Тов. Каружа никогда не посещал биологии и ничего не знал. Физ[ической] географией интересовались больше». [...]

Прения:

Тов. Каружа говорит, что не может изучать биологию. [...]

Тов. Биокович: «Отношения между преподавателями и студентами ненормальны: студенты до сих пор не отрешились от неправильных взглядов на преподавателя-женщину, с другой стороны, преподавательница очень нервна. Лаб[ораторный] план не может успешно применяться в биологии». [...]

Тов. Панькович: «Очень труден предмет биологии, изобилующий незнакомыми терминами на русском языке (учебников на родном языке нет). Лекции дают много, но не было попытки применить лаборатор[ный] план в пределах возможного. Товарищ преподавательница плохо подходила к студентам. Академическая неуспеваемость обуславливается неумелым подходом». [...]

Тов. Секулич: «Плохо относились к преподавательнице, видя в ней не женщину-человека, а женщину».

Тов. Санданский утверждает обратное.

Тов. Саввич указывает на конкретные случаи конфликтов, вызванных обоюдным непониманием⁵⁹.

Тов. Маркович: «Товарищ преподаватель относилась не ко всем студентам одинаково и имела неправильный подход, в частности, пристрастно отнеслась ко мне».

Тов. Богданович относительно физгеографии и биологии говорит, что отсутствие дисциплины было вызвано ошибочным мнением преподавательницы, что студенты весьма дисциплинированы.

Тов. Кривченко говорит, что он сказал, что не все студенты ненормально относились к преподавателю.

Тов. Панькович сравнивает занятия с цирком. Преподавательница была инициатором насмешек и т.д. Ей нужно изживать свою нервность и плохой подход.

Тов. Задворная: «Тов. Маркович говорит неправду. Никто так плохо себя не вел, как т. Маркович М[ирко]. Я не знала, что нельзя спрашивать мнения студентов о реферате. Тов. Маркович Ф[илипп] на конференции гримасничал. На меня была подана жалоба делегации, что я создаю фронт черногорцев против македонцев. Эта жалоба несостоятельна. Студенты должны идти навстречу преподавателю. Лаб[ораторный] план по биологии не применяется и на других секторах».

Принимается:

1) работу преподавателя считать удовлетворительной; 2) отношения между преподават[елем] и студентами были не совсем товарищескими, и этот недостаток необходимо изжить обоюдными усилиями, прежде со стороны студентов, а частично и со стороны преподавательницы; 3) взять курс на возможное применение лаб[ораторного] плана. [...]

Тов. Брацанович в заключение говорит, что положительная сторона дела состоит в том, что вся программа проработана удовлетворительно. Минус в том, что слабо проводится лаб[ораторный] план. Преподаватель не может применить лаборат[орного] плана, если студенты не идут ему навстречу. Отношения между студентами улучшаются. Отношение некоторых студентов к преподавательнице т. Задворной было несерьезное. На несерьезное отношение т. Марковича т. Задворная жаловалась сектору.

Председатель
Секретарь

Асич
Лаушевич

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 649. Л. 53–56.
Отпуск. Машинопись.

⁵⁹ Не публикуются отчеты преподавателей по экономической географии, физике, химии и истории общественных наук.

21 января 1927 г.

Присутствовали: кроме студентов Югославского сектора [КУНМЗ], два студента-югослава Свердловского университета.

Председатель – т. Носков. Секретарь – т. Фркович.

Прения:

[...] * Тов. Задворному был задан вопрос, является ли Черногория отдельной нацией.

Тов. Задворный отвечает, что на основании признаков, определяющих нацию, то есть язык, территория и экон[омическое] положение, черногорцы не являются сербами, а являются отдельной нацией.

*Тов. Бабич*⁶⁰ не соглашается с т. Задворным, что Черногория является отдельным народом, т.к. она не имеет таких особенностей, которые могли бы настолько ее отделить от Сербии.

Тов. Брацанович указывает, что признаки, выдвинутые т. Задворным при определении Черногории как особого народа, довольно слабы. Указывает на однородность языка и национальности сербов и черногорцев, на ее вечную экономическую зависимость от соседей, и что ее бывшая «независимость» не может служить аргументом ни для создания из черногорцев особого народа, ни препятствием, чтобы Черногория опять была независимым государством, т.к. мы стоим на принципе самоопределения, [вплоть] до отделения. Говорит об ошибочности позиции партии в деле игнорирования нацдвижения в Черногории в 1918–1922 гг. и правильности позиции партии в последующее время.

Тов. Биокович [...] говорит о неправильных взглядах тт. Бабича и Брацановича по вопросу о Черногории, т.к. не признавать Черногорию особым от сербов народом, значит нарушать директивы партии.

Тов. Ковалев утверждает, что Черногория является нацией и что взгляды тт. Брацановича и Бабича ошибочны.

Тов. Санданский говорит, что он прочитал довольно много литературы по нацвопросу и нигде не нашел, чтобы Черногорию или Македонию считали особой нацией. Если партия считает необходимым создать эти нации, то это

* Не публикуется п. 1 повестки собрания: доклад т. Задворного о политической ситуации и актуальных задачах КПЮ в национальном и аграрном вопросах страны, а также о прошедших в областях Югославии выборах.

надо поддерживать. Указывает, что партия в Македонии не использовала национальное революционное движение.

Тов. Брацанович говорит, что его выступление нельзя толковать как нарушение директив партии, как это хотелось бы гг. Биоковичу и Ковалеву, и что т[оварищи], которые думают, что партия может определять нации декретом, ошибаются.

Председатель

т. Носков

Секретарь

☒ .Б. Фркович

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 651. Л. 1-1 об.

Подлинник. Машинопись.

83

Из протокола общего собрания Югославского сектора КУНМЗ – доклад преподавателя университета П.А. Задворного об организации быта студентов и прения по докладу

28 марта 1927 г.

Присутствовали: все студенты сектора, зав. сектором т. Шульгин и преподаватель т. Задворный.

Председатель – т. Сацура. Секретарь – т. Лаушевич.

Повестка дня:

1. Доклад о быте студентов [т. Задворный].

Слушали:

1. Доклад *т. Задворного*.

Повод о поднятии вопроса о быте дан делом т. Филипповича. Буржуазный класс проводит жизнь в занятиях, отрицательных для социальной жизни. Он не выполняет никакой положительной и общественно полезной работы. Красивой формой своей жизни буржуазия прикрывает внутреннюю гнилость своего содержания. Формы буржуазной морали противоположны формам пролетарской. Но пролетарская мораль должна отличаться от буржуазной не только формой, но и противоположным содержанием. Отрицательные формы быта за время революций и Гражданской войны не могут считаться постоянным критерием морали пролетариата. Рабочий класс – коллектив, и его мораль должна быть проникнута духом коллективизма. Недопустима близость

с мелкобуржуазной стихией и связь с ней. Он должен быть освобожден от филистерства буржуазной морали, но для коммуниста женщина прежде всего – человек. Против краж, грубого отношения и т.д. нужно вести борьбу, помня, что старые недостатки не изживаются сразу, а путем долгой и терпеливой работы. Коммунистическая мораль прежде всего – естественность, революционность и классовые интересы.

Прения:

Тов. Иванов: «Всякие шутки имеют границы. Отмечаются безобразные шутки и безобразное отношение к женщинам».

Тов. Андреев: «Замечается оскорбительное отношение товарищей и упреки социал-демократическим прошлым».

Тов. Лаушевич заявляет, что некоторые студенты, ища женщин, возвращаются домой в 3–4 часа ночи. Теряют работоспособность. Рабские остатки прошлого должны жестоко изживаться.

Тов. Асич протестует против определения т. Лаушевича, считая, что если мужчина хочет использовать женщину как женщину, то и женщина хочет использовать мужчину как мужчину. Студенты некультурны вследствие плохого экономического положения.

Тов. Каружа считает, что некультурность может частично извиняться условиями, в которых товарищи прежде жили. Недостатки не изживаются насмешками, а товарищеской критикой. [...]

Тов. Биокович говорит о ненормальном отношении к женщинам. Неправ т. Асич, считающий вопрос о женщине вопросом личной жизни каждого. Амбиция и болезненное самолюбие некоторых товарищей доходят часто до абсурда.

Тов. Санданский также говорит о неуважении к женщинам. Товарищи, возвращающиеся в 3–4 часа ночи, начинают скабрзные и циничные разговоры. Ненормальное отношение к женщинам должно быть изжито.

Тов. Шульгин: «Критика недостаточна. Кроме критики нужно указать конкретный путь к изживанию ненормальностей. Поведение т. Иванова недопустимо. Осуждая безобразные поступки товарищей, он не смеет драться и скандалить. Одна из самых отвратительных отрыжек старого – это ругань. Она должна быть изжита».

Тов. Мишин считает, что мораль не нужно понимать трагически. В морали нельзя переходить в филистерство, ибо коммунистическая мораль прежде всего естественна. Половой вопрос стоит ненормально.

Тов. Силин: «С самого начала имело место нетоварищеское отношение. Мы, ядро рабочего движения, должны быть культурными. Доходило до ссор и драк. Недостатки изживаются товарищеской критикой».

Тов. Никатов: «Позорное явление наблюдается в университете: это кражи. Они стали массовым явлением. Толкотня в очереди в столовой уподобляет коммунистов козам. Некоторые студенты покупают женщин за деньги».

Тов. Ёрмолов: «Курение в комнатах часто служит причиной крупных ссор. Нужно курящих и некурящих выделить в отдельные комнаты».

Тов. Панькович: «Пролетариат после свержения буржуазии унаследовал частично буржуазную идеологию. Эти недостатки изживаются товарищеской критикой».

Тов. Анцупов считает, что некультурность частично извиняется тяжелыми условиями прежней жизни. Должно быть исправлено хотя бы то, что можно.

Тов. М. Маркович не соглашается с т. Асичем и говорит об отношении коммунистов к женщинам. Считает, что удовлетворение личных потребностей – нормально, и, возвратившись домой в 3–4 часа, товарищи не вредят мировой революции.

Тов. Такач констатирует отсутствие товарищеских отношений. Взаимные насмешки на почве шовинистского национализма недопустимы.

Тов. Фркович: «Если остальные товарищи недостаточно развиты, над ними нельзя смеяться».

Вопрос физкультуры стоит плохо. Некоторые товарищи смеются над физкультурой и физкультурниками. В двух секторах наблюдается национальный сепаратизм в столовой, выражающийся в группировании вокруг «национальных столов» – югославский и еврейский. Национальный дух должен быть заменен интернациональным.

Тов. Кривченко: «Экономика не всегда является решающим фактором для культурности. Культурность непосредственно связана с гигиеной и товарищескими отношениями. Существующие недостатки необходимо изживать через стенгазету и дискуссии о вопросах быта. В некоторых случаях полезно вмешательство вышестоящих органов».

Тов. Сорников рассказывает о случае драки и заявляет, что это явление позорно. Ножи и посуда в столовой грязны.

*Тов. Соловьев*⁶¹ считает вопрос междоусобных ненормальностей среди студентов важным. Но натянутость в отношениях изживается. Некоторые товарищи поддерживают ненормальности в отношениях студентов. Эгоизм среди товарищей – явление ненормальное. Наблюдается «провинциальный национализм».

Тов. Блаич: «Товарищи, говорящие о недостатках, сознают их, и это является залогом их успешного изживания».

Тов. Секулич говорит о гигиене, о пристрастности некурящих к курящим. Товарищи протестуют против курения, жалуются парторгу, что является мелочностью. Чистый воздух не может быть везде, ибо в коридорах и уборных не чистится. Нет досок в уборных. Студенты обладают амбицией.

Тов. Саввич: «Во многих комнатах не исполняется постановление о некуреннии. Воздух портится. Некоторые товарищи по амбиции не хотят выходить в коридор. В столовой югославы больше всех толкаются. Всякий недостаток должен быть указан заблаговременно».

Тов. Сацура говорит о ругательствах и матерщине. Купаться можно не в бане, а в университете, под душем.

Тов. Задворный (заключительное слово): «В силу прежних плохих условий нельзя требовать от товарищей моментального исправления. Товарищи, желающие быть культурными, могут быть культурными при всяких условиях. Наша материальная база вполне достаточна. Коммунист должен всегда и во всякой женщине видеть человека. Критика условий жизни в Сов[етской] России не должна быть односторонней и пристрастной. Шовинистско-националистический момент существует, но со временем будет изжит. Некоторое разочарование товарищей, приехавших в СССР, нормально, но его можно постепенно изжить. Настоящие большевики, кроме революционности и силы, весьма восприимчивы и культурны».

Постановили:

Просить бюро ячейки ВКП(б) организовывать чаще собрания, занимающиеся вопросами быта, причем было бы желательно всякий отдельный бытовой момент выделить в самостоятельный вопрос.

Председатель

Секретарь

Сацура

Д. Лаушевич

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 651. Л. 4–5.
Подлинник. Машинопись.

84

Заявление студентов Югославского сектора КУНМЗ в ЦК КПЮ о некоммунистических методах воспитательной работы зав. сектором Брацана Брацановича, приводящим к политическим распрям в коллективе

4 октября 1927 г.

Тяжелое положение, в котором находится наш сектор, заставляет нас обратиться непосредственно в Политбюро в надежде, что оно обратит свое внимание на этот важный для нашей партии вопрос. Мы верим, что Политбюро положит конец некоммунистическим методам и антипартийной работе, которая

здесь под маской коммунистич[еского] воспитания и чистой партийной политики проводится руководителем сектора т. Брацановичем. Тот печальный факт, что наш сектор, уже долгое время оставлен[ный] на произвол судьбы, сделал возможным то, что у нас появляются различные фракционные тенденции типа 1924–1926 гг., которые осуждены III Конгрессом^{*} и послеконгрессным пленумом ЦК нашей партии.

Отдельные нездоровые явления на нашем секторе отражали ту обстановку, то положение вещей, которые имели место до III съезда. Эти нездоровые явления, естественно, нельзя было автоматически изжить сразу после съезда. Брацанович, вместо того чтобы решительно и тактично вести работу в направлении изживания старых ошибок и распрей и сплочения студентов в духе решений съезда, начал, наоборот, систематически и преступно углублять распри и создавать новые фронты, что, между прочим, имело целью исключить тех, которые ему мешали. В то время, когда он, с одной стороны, вел явно фракционную работу и по-сектантски думал, будто III съезд означал смену одной фракции другой, – он, с другой стороны, стремился укрепить свое личное положение и посредством компрометирования студентов перед университетом и партией выставить себя незаменимым работником.

Делегация нашей партии на VII пленуме ИККИ⁶², ознакомившись с положением на секторе, вынесла определенное решение, которое, однако, не привело к консолидации положения на нашем секторе, ибо мы должны констатировать, что делегация, найдя методы Брацановича сектантскими и вредными и для сектора, и для партии, не предприняла необходимого шага для того, чтобы гарантировать сектор от антипартийной работы Брацановича. Последний это использовал и продолжал свою работу с еще большей дерзостью и вредом для партии и для сектора.

Когда приезжал сюда т. Бошкович, студенты обращались к нему и приводили ему конкретные данные о положении в секторе, прося его, чтобы он сам проверил их и урегулировал это дело. Тов. Бошкович, однако, отнесся к этому важному вопросу^{**} с абсолютным равнодушием. И именно с того времени работа Брацановича стала еще более вредна.

Прежний курс Брацановича на исключение был продолжен только с той разницей, что круг тех, которых он желал исключить из университета, расширился и на тех товарищей, которые еще раньше, до приезда делегации, высказывались за изживание ошибок методом коллективной работы в духе съездовских решений и против сектантского курса на исключение.

Первые шаги в деле подготовки нового материала на предмет исключения заключались в подделывании протоколов и речей отдельных студентов на

^{*} Имеется в виду III съезд КПЮ.

^{**} Здесь и далее текст подчеркнут в документе.

секторских собраниях, и на основе этих подделок эти студенты должны были предстать в качестве некоммунистических и ненадежных элементов. Подделка одного протокола была установлена перед целым сектором, так что и его личные сторонники должны были констатировать полное извращение протокола.

В качестве следующего средства с той же самой целью служила организация доносов посредством нескольких своих доверенных лиц. Это неосознательные, экономически зависимые (из-за квартиры или путевки для [поездки в] санаторий) товарищи, или таковые, которые приехали сюда из Югославии и не намереваются поехать туда и у которых личные моменты играют бóльшую роль, чем интересы партии.

Это имеет место в той большей мере, что они за свое поведение имеют формальные оправдания в том, что они думают, будто оставление Брацановича на его должности, а значит, и его курс, якобы и есть партийный курс.

Обвинения делаются из-за каждой мелочи с целью всех тех, которые с ними не согласны, представить как диких, некоммунистических элементов. Например, кто-нибудь из товарищей выскажется в критическом смысле против какого-либо недостатка, и сразу – заявление. Случается, что иногда кто-нибудь скажет и какую-либо глупость, однако методом тенденциозных заявлений ошибки не исправляются, а, наоборот, т[аким] обр[азом] люди сбиваются с толку. А здесь как-никак дело идет о товарищах, которые годами на деле доказывали свою преданность партии. Однако все превзошло заявление против двух товарищей из Мостара (из которых один 16 лет работает в рев[олюционном] движении), в котором они обвиняются в том, будто они на фабрике, где работают, выступали против соввласти. Свидетели установили ложность этого заявления, однако Брацанович не привлечен к ответственности клеветника.

На секторских собраниях Брацанович имеет обычай натравливать одних студентов против других, приписывая потом выступления отдельных товарищей антипарт[ийной] тенденции, и таким провокаторским методом он вызывает взаимное недоверие, ослабляет активность и мешает консолидации сектора.

Когда недавно студенты 1-го курса просили от проректора разъяснения, почему им дали четырех русских преподавателей, в то время когда имеется достаточно югославских товарищей, которые могли бы преподавать, Брацанович резко напал на т. Орешкина⁶³ со словами: «Здесь вам не диктатура Пашича, здесь диктатура пролетариата» и т.д. Это такой же метод, как когда в прошлом году он одному товарищу угрожал Сибирью. Не брезгает Брацанович даже угрозами физической расправы (как он угрожал тт. Ковалеву и Биоковичу), чтобы таким образом и разрешить спорные вопросы, если уж не хватает «аргументов идейного порядка».

Если Брацанович в отношении одной части студентов пользуется такими жандармскими и провокаторскими методами, то других он открыто защищает, если они сделают ошибку. Так, например, когда один товарищ, недавно приехавший из Югославии (т. Йованович), заявил, что решения Политбюро нашей партии о профвопросе представляют собой лишь кучу бумаг без всякой ценности, которые в Белграде даются только надежным фракционерам и т.д., тогда Брацанович, хотя он знал об этом, не привлек к ответственности этого товарища, не призвал его к порядку. Желая обеспечить свой антипартийный курс на секторе, Брацанович не ограничился обманыванием и компрометированием студентов. Он повел курс также на компрометирование и устранение тех преподавателей, которые ему не в милости. Вместо того чтобы усилить сектор югосл[авскими] преподавателями, которые здесь имеются с достаточной специальной и политич[еской] подготовкой, он приводит русских преподавателей.

Все студенты считают, что находящийся здесь Драгачевац⁶⁴ мог бы сделать много в деле консолидации нашего сектора. Но Брацанович препятствует приходу т. Драгачеваца на сектор, пользуясь при этом недостойнейшими интригами [против] человека, который в продолжение многих лет доказал свою беззаветную преданность партии, такого человека [он] третирует и отказывается вообще разговаривать с ним. Что это за партвоспитание студентов, когда испытанным революционерам не дается возможность работать на секторе, а люди, которые вообще никогда не работали в партии, распоряжаются судьбой сектора? Тов. Задворного, не одобряющего его сектантскую работу, он попытался сначала обвинить [в] получении фракционных писем, а когда эта попытка перед партячейкой была демаскирована, тогда он пытался устранить его из университета, не давая ему важнейшие предметы.

Если наша партия хочет сделать из нас хороших революционеро-ленинцев, она должна обратить больше внимания на эту единственную школу. Не надо думать, что достаточно того, что мы находимся здесь в рядах большевистской партии и что благодаря этому факту сами по себе мы станем хорошими большевиками. Нет! Мы слишком живем своей секторской жизнью и не может быть речи о такой большевизации, которая придет сама собой. Если партия хочет, чтобы мы стали выдержанными большевиками, она должна постараться дать нам хорошее большевистское руководство в секторе, ибо не надо забывать народную пословицу «Рыба воняет с головы». Наш сектор должен иметь такого руководителя, который будет способен воспитывать в духе ленинизма. Наш сектор должен, наконец, получить кадр преподавателей, которые соответствовали [бы] его нуждам.

Из всего этого видно, что Брацанович не способен руководить сектором и что в интересе партии снять его с этого места и заменить его человеком,

который как хороший педагог, политик и большевик обеспечил бы изживание сектанства и воспитание сплоченного большевистского кадра на нашем секторе.

Пора уже наш сектор, который сейчас представляет из себя арену междоусобных распрей, превратить в арену, где все будут друг с другом состязаться в лучшей подковке ленинизмом для того, чтобы по возвращении* возможно больше принести пользы и партии, и рабочему классу.

С товарищеским приветом:

1. Носков, 1-й курс	11. Биокович, 2-й курс
2. Каружа, 2-й курс	12. Санданский, 2-й курс
3. Сундатов, 1-й курс	13. Ревякин, 1-й курс
4. Орешкин, 1-й курс	14. Кузнецов, 1-й курс
5. Солодовников, 1-й курс	15. Секулич, 2-й курс
6. Соловьев, 1-й курс	16. Иванов, 1-й курс
7. Ковалев	17. Маркович М., 2-й курс
8. Анцупов	18. Никодимов, 1-й курс
9. Ермаков, 1-й курс	19. Маркович З., 1-й курс
10. Никатов	

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 652. Л. 53–54.
Копия, заверенная печатью КУНМЗ 03.07.1929 г.
Машинопись через 1 интервал.

85

Автобиография члена КПЮ, студента подготовительного курса Югославского сектора КУНМЗ Киселева Е.Н.⁶⁵, с просьбой принять его в ряды ВКП(б)

18 октября 1927 г.

Родился 16 июля 1898 г. в г. Пожаревце, Сербия – Югославия, в бедной рабочей семье. По окончании начального училища, двух классов гимназии и ремесленного училища я пошел в учение слесарному промыслу и, окончив таковое, начал работать на военных заводах в г. Крагуевце, а потом работал на заводах в Пожаревце, Смедереве и других городах. В Компартию Югославии поступил в 1919 г. и с тех пор по август 1927 г. работал в партии. Исполнял

* В копии ошибочно напечатано «по возмещении».

функции секретаря местного комитета КПЮ в г. Смедереве два года, т.е. все время, пока меня [не] выслали административным путем. Кроме того, исполнял разные парт[ийные] функции, несколько раз был арестован и административно высылаем полицией. Последний раз был арестован в г. Сараеве в 1925 г. по случаю проведения парламентских выборов и выдвижения ком[андных] кандидатур на место, [в] котором я и был как заместитель. В аресте просидел 30 дней и был выслан из г. Сараева. В СССР приехал по распоряжению ЦК Компартии Югославии для учебы в КУНМЗе. Прошу перевести меня в ряды ВКП(б).

Киселев Елисей Николаевич*

Приписка под автобиографией: «*Действительность изложенного в автобиографии подтверждаем:*

*Партпредставитель Коммунистической партии Югославии
в Балканском секретариате
Ответсекретарь Балканского секретариата*

*Драгачевац
Шмераль».*

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 654. Л. 18.
Копия. Машинопись. Приписка – автограф.

86

*Из протокола общего собрания студентов Югославского сектора
КУНМЗ – отчет студентов 3-го курса университета о прохожде-
нии летней практики в подшефном совхозе*

25 октября 1927 г.

Присутствовало 53 человека.

Председатель – Абатесов. Секретарь – Кейфиш.

Повестка дня:

1. Впечатления о летней практической работе (Носков⁶⁶ и Звягин).
2. Утверждение списка кандидатов в предметные комиссии**.
3. Текущие дела.

* В оригинале подпись и имя были напечатаны с ошибками: «Кисилев Енисей Николаевич».

** Пункты 2 и 3 из повестки дня не публикуются.

Слушали:

Доклад *т. Носкова*:

Товарищи, этим докладом я должен отметить впечатления, полученные на протяжении двухмесячного пребывания в совхозе, какая польза [от] нашей практической работы и замеченные положительные и отрицательные стороны как по вопросам самой работы студентов, так и вообще работы в совхозе и на селе.

Совхоз – это бывшее помещичье имение, которое в настоящее время, находясь в распоряжении нашего университета, используется как опора для проведения студентами на практике культурно-просветительной работы в селах, окружающих этот совхоз, – и меньше всего закреплением этого совхоза за университетом преследуются чисто материальные вопросы.

Если говорить о пользе практической работы, то надо сказать, что я лично и ряд других товарищей, не знающих русского языка, получили очень мало или почти ничего. Но зато имели возможность узнать жизнь русского селянина, русское село, о некультурности которого очень много говорилось. [...]

В отношении использования на физической работе можно также сказать, что по целому ряду причин таковая не проводится рационально, например, дают студенту какую-либо работу по мастерским, в то время как не имеется необходимых материалов, инструментов, благодаря чему приходится терять на работу в несколько раз больше времени, чем это было бы нужно. [...]

Питание было плохое, что объяснили дороговизной продуктов, в то время как на самом деле продукты дешевле, чем в округности Москвы. [...]

Ведение хозяйства в совхозе неудовлетворительное и неумелое, и не приходится удивляться размеру дефицитности. [...]

Постройкам, имеющимся в совхозе, также не уделяется внимание, благодаря чему многое разрушается. Большой дворец портится и придет в негодность, если не будет произведен соответствующий ремонт крыш, водосточных труб и входных ворот. Для этой работы можно бы использовать студентов, и необходимо только приобрести нужный материал для ремонта.

Тов. Звягин: [...] Что было сделано по шефству в селах? Я бы сказал, что сделано довольно много, хотя можно желать и больше[го]. Но без студентов не было бы сделано и того, что сделано. Нельзя согласиться с тем, что нужно посылать только тех товарищей, которые говорят по-русски, и правильно то, что каждый, не знающий языка, прикреплен к знающему, благодаря чему он имеет все же возможность ознакомиться с селом и его бытом. [...]

Хорошие результаты дала работа по обследованию животноводства, где удалось создать товарищество по животноводству и мелиорации также. Селяне в результате остались довольными. То же самое довольны и результатами измерения [жирности] молока. Поэтому я считаю, что шефская работа все же прошла успешно и для студентов и дала хорошие практические результаты.

Необходимо отметить, что среди югославов наблюдаются явления анти-семитизма и антилат[ыш]изма (приводит [пример], что ссылаются на непосещение работы евреями, и другой случай – о прогулке с латышами), а также то, что, мол, латыши занимают все функции. [...]

Председатель*
Секретарь

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 651. Л. 26–27.
Отпуск. Машинопись.

87

Заявление зав. Югославским сектором КУНМЗ Брацана Брацановича ректору университета М.Я. Фрумкиной⁶⁷ о необходимости рассмотрения на заседании секторской парттройки 15 заявлений студентов, обвиняющих друг друга во фракционности и других неблагоприятных поступках

29 ноября 1927 г.

Довожу до Вашего сведения, что в секторскую тройку поступили и не разобраны следующие заявления студентов:

1. Заявление Каружи против Стрелкова о том, что Стрелков в разговоре с ним и с другими студентами назвал резолюцию ПБ клочком бумаги.
2. Заявление Стрелкова против Каружи о том, что Каружа насильно обрабатывает новых студентов в фракционном духе.
3. Заявление Гукова о планах Каружи завоевать большинство студентов и обвинение С. Марковича⁶⁸ в совместной работе с полицией.
4. Заявление Силина против Каружи о распространении среди студентов слухов о получении резолюции, осуждающей деятельность двух членов ПБ, и о перенесении ПБ из Белграда в Загреб.
5. Заявление т. Кравченко против Каружи о разговоре последнего с беспартийными женщинами о работе КПЮ и о способе его приезда в Россию.
6. Заявление Силина против Драгачевца за оскорбление.
7. Заявление Богдановича против Каружи за фракционную работу.
8. Заявление Саввича против Каружи и Биоковича за оскорбление С. Марковича.

* Подписи отсутствуют.

9. Заявление Силина против Каружи за распространение клеветнических слухов о партии.

10. Заявление Гукова против Каружи о том, что он в присутствии нескольких студентов сказал, что все те, кто согласны с политикой С. Марковича, являются шпионами и что он это докажет.

11. Заявление Стрелкова против Мокаенко⁶⁹ о том, что Мокаенко* говорил студентам, что он, Стрелков, и Калевич выдали его полиции.

12. Заявление Попова против Мокаенко о распространении Мокаенко слухов, что секторская тройка выдвинула в ячейку кандидатуру шпиона.

13. Заявление Звягина против Заварзина, что ячейка ВКП(б) КУНМЗа защищает фракцию в Югославском секторе.

14. Заявление Носкова против Блаича за утверждение, что при голосовании за исключение Цанка Носков голосовал против исключения.

15. Заявление Орешкина против Андреева о том, что Андреев на собрании сказал, что Орешкин не рабочий.

В начале октября мною были созваны и обвинители, и обвиняемые, и в товарищеской беседе им было указано на недопустимость подобных взаимных обвинений. Моя попытка создать среди товарищей нормальные взаимоотношения не увенчалась успехом, в силу чего этот процесс был поставлен на заседании нацпарттройки от 14/X 1927 г., протокол № 2, и было постановлено все заявления передать в бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗа.

Согласно постановлению тройки, мною было предложено т. Юяну, ответств[енному] секретарю ячейки, принять студенческие заявления, но т. Юян указал мне на необходимость предварительного разбора этих заявлений секторской тройкой. Ввиду этого, все эти заявления еще находятся в секторе и еще не подверглись разбору.

О вышеизложенном уведомляю Вас для сведения.

Брацанович

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 162. Л. 22.
Подлинник. Машинопись.

* Написание фамилии дается по наиболее часто встречающемуся (варианты в других документах: Мокеенко, Макаенко, Мокоенко и др.); написание личной подписи также варьируется.

88–89

Из протоколов заседаний комиссии ЦК ВКП(б), КПЮ и Секретариата ИККИ⁷⁰ по улаживанию конфликта между студентами и преподавателями Югославского сектора КУНМЗ – выступления Бошко Бошковича и М.Я. Фрумкиной

22 апреля – 20 мая 1928 г.

Строго секретно

Присутствуют: т. Чернявский от АПО ЦК ВКП(б), т. Михайлов от Балканского секретариата ИККИ, т. Фридман от КПЮ, т. Малецкий от правления КУНМЗ и т. Граббе от бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗ.

В качестве переводчика т. Малышич.

По предложению т. Чернявского председательствование на заседаниях комиссии возлагается на т. Малецкого, секретарские обязанности – на т. Граббе.

88

Выступление члена Президиума ИККИ Бошко Бошковича⁷¹ об изменениях, происшедших в Югославском секторе после его отъезда за границу, и истоках конфликта

22 апреля

Тов. Бошкович: Еще в 1925 г. мы подняли вопрос в ЦК Югославской компартии о необходимости создания при КУНМЗе Югославского сектора. Благодаря содействию т. Молотова нам удалось открыть здесь сектор, и нужно было приступить к его организации, надо было подыскать зав. сектором. В это время приехал т. Брацанович, который находился на совработе в СССР. Ряд товарищей рекомендовали его заведующим, и мы остановились на т. Брацановиче. Тов. Брацанович много работал по организации сектора, и летом 1925 г. был открыт сектор. В 1925 и 1926 гг. сектор работал относительно хорошо, конечно, хорошо он не мог работать, ибо сразу все трудно наладить. Я тоже тогда работал в секторе. Пока я был здесь (1925–1926), не было никаких конфликтов, потому что я всячески помогал сектору. С тех пор как я уехал на работу за границу, положение в секторе усложнилось.

В апреле 1927 г. был пленум ЦК нашей партии, на котором я и был. В то время велась борьба в нашей партии – еще и до этого пленума в партии были крупные конфликты.

Потом приехал Задворный с женой, беспартийной. Тов. Задворный считал, что занял неподходящую роль, и на этой почве начались конфликты между Задворным и Брацановичем.

Студенты-эмигранты, члены партии, принимавшие участие во фракционной борьбе, перенесли эту борьбу в сектор. Так что мое общее впечатление таково, что этот конфликт находится в связи с фракционной борьбой, хотя это не совсем точное определение, но приблизительно так.

Теперь о т. Драгачевце. По постановлению IV пленума он был послан в СССР. Некоторые думали, что он должен быть заведующим сектором. Долгое время его положение было неясное, в конце концов Политбюро [КПЮ] осенью прошлого года прислало письмо с указанием, что т. Драгачевац является референтом в ландессекретариате⁷². Тов. Брацанович не имел никаких документов о том, кем являлся т. Драгачевац. Я писал в Политбюро, что с приездом т. Драгачевца положение усложнилось, но ответа не получил.

Тов. Брацановичу я часто помогал советами. В общем, фракционная борьба в нашей партии отразилась и на секторе, и ввела дезорганизацию в работу сектора.

89

Выступление ректора КУНМЗ М.Я. Фрумкиной о начале и причинах конфликта и работе по адаптации студентов-иностранцев к жизни советского общества

20 мая

Тов. Фрумкина: О том, что на Югославском секторе положение не совсем благополучное, было видно уже в начале 1926/27 г. Были моменты совершенно исключительные в самом секторе – это способ его комплектования. Мы получили сведения, что едут только те, которые могут получить средства. Были ли это средства местной организации, были ли это личные средства – ответа не добились, но факт, что поездкой их сюда в недостаточной степени руководил ЦК. Здесь был такой момент, которого не знали ни в одной партии.

Я сейчас не имею данных о социальном положении Югославс[кого] сектора, но должна отметить, что у них рабочими называются, напр[имер], ремесленники, и если разобраться, то окажется, что преобладающий состав

студентов – это ремесленники; промышленных рабочих немного. С самого начала было видно, что этот сектор по составу представляет особенные трудности. Отражалось то, что Югославия состоит из семи отдельных стран, куда входили части Австро-Венгрии, Сербии, Черногории и т.д. Чувствовалась разрозненность, была отчужденность, не было единства – это бросалось в глаза. [...]

Оказалось, что наши студенты не являются застрельщиками, а являются предметом обработки со стороны студентов Свердловского университета и Ленинских курсов. [...]

В 1927 г. (а раньше вопрос разбирался в Оргкомиссии) бюро яч[ейки] заслушало т. Рейса о положении в Югославском секторе. [...]

Бюро ячейки за прошлый год много раз занималось этим делом. Причем подход, на основе семилетнего опыта, был следующий. Приезжают люди из-за границы и становятся ультралевыми. Они совершенно не ожидали видеть нищету, проституцию, беспризорных, в университете они видят тяжелую материальную нужду. Они попадают *сначала*^{*} в состояние глубокого разочарования. Когда посылаем на русскую фабрику, они тоже приходят с настроением, что [там] плохо работают, везде волокита и т.д. Имеется интересный доклад югослава о работе в деревне – где получается картина тяжелого состояния деревни. Мы убедились, что это болезнь, которую должен пережить каждый приехавший из-за границы. При достаточно умелом воздействии эти настроения постепенно слабеют. И когда на секторе появляются второй, третий курс, когда начинается углубленная проработка вопросов, тогда наибольшие «опозиционеры», [выступающие] в начале [обучения], делаются в конце концов хорошими ребятами. Это мы имели на Немецком секторе, на Болгарском, это мы имели и на Югославском секторе. Мы привыкли не приходить от этого в ужас. Мы не предпринимаем репрессивных мер, мы прикрепляем всех к фабрикам и заводам в оргкомиссии, АПО, красные уголки, а некоторых только на физработу, посылаем в совхоз... мы считаем, что это лучше, чем репрессии.

Надо сказать, что их еще одна сторона поражает – это структура ячейки комвуза, где все-таки прав [у] ректора фактически больше, чем [у] какого бы то ни было хозяйственника на предприятии, где ректор является руководителем, хотя это не связано с формальным правом. Это тоже крайне поражает эмигрантов; у них есть разговоры, что ректор командует, что нет демократии, но постепенно это изживается. Так происходит во всех наших секторах. Репрессиями тут можно только испортить дело. Надо, чтоб они присмотрелись и привыкли. Обычно все это изживается. За 7 лет (кроме оппозиции 1923–1924 гг.)

* Выделенные курсивом слова и предложения здесь и далее вписаны в протокол, вероятно, М.Я. Фрумкиной.

университет в целом^{*} ни разу не был охвачен какой-либо бузой. Явления в отдельных секторах были и изживались. Это объясняется нашей осторожностью.

Наше отношение к преподавателям. Наш университет *по учебной линии* построен на началах национальных секторов, а *ячейка* – на основе *интернациональных парткружков*. *Воспитание работников для иностранных партий в наших условиях* – трудная вещь, она связана с бесконечным количеством препятствий, среди этих препятствий является самой важной опасностью отрыва от своего народа как эмигрантов, так и СССРовских нацменьшинчиков^{**}. СССРовские нацменьшинчики имеют ориентировку на общую работу, а у эмигрантов – другое: женятся, детей заводят и не хотят ехать обратно.

Поэтому у нас обе задачи все время одинаково стоят: одно – чтобы пребывание *иностранца* в СССР было использовано для максимального ознакомления с жизнью русского рабочего, русского крестьянина, изучения опыта русского пролетариата, чтобы заставить идти их на завод и видеть живую работу, с другой стороны, чтобы он никогда, ни на минуту не отрывался от жизни родного края или родного народа. [...]

Теперь о нашей структуре. Всеми делами у нас руководит единое бюро яч[ейки]. У нас нет цеховых, курсовых ячеек. Вся студенческая масса разбита по парткружкам, эти парткружки интернациональны. Мы *включаем в парткружок* студентов разных секторов, но одного курса. Это также есть единица общежития, это также единица профкружков. Эти парткружки имеют парторга, профорга. [...]

Вся партийная жизнь идет по парткружкам. Ребята прикрепляются на фабрики и заводы, причем не знающих русского яз[ыка] прямо посылаем к станку. Происходят совещания прикрепленных, есть староста, есть инструктор, которые обследуют работу на фабриках. Таким образом ведется работа.

Что касается сектора. Сектор не есть парторганизация, это только учебная организация, но для работы в секторе по партийным вопросам существует орган – секторская парттройка, которая занимается не только вопросами партийными, но и всякими секторскими вопросами. Протоколы парттроек сначала рассматриваются мной, потом идут в бюро ячейки, некоторые сведения принимаются к сведению, некоторые утверждаются.

Как тройка конструируется? Зав. сектором – постоянный ее член, второй – член бюро яч[ейки], который избирается *на общем собрании ячейки*, и третий выбирается общим собранием сектора.

Что делает парттройка? Парттройка заведует связью по линии национальной. Если ячейка в целом ведет работу по русской линии, то парттройка имеет связь с родным краем, с нацменьшинствами, но под контролем бюро яч[ейки].

^{*} Подчеркнуто в документе.

^{**} Так в документе. Имеются в виду нацменьшинства.

Парттройка заботится о нацуголке, распределяет на нацработу, во-первых, в Москве есть нацпрактика, во-вторых, на каникулы. Не меньше раза в месяц устраивает доклады по вопросам своей страны.

Зав. сектором еженедельно у меня должен иметь доклад, где он докладывает обо всем. Непосредственной связи с *партиями* [он] не должен иметь, а все должно проводиться через нас. [...]*

Члены комиссии**:

от АПО ЦК ВКП(б)

от Балканского сектора ИККИ

от КПЮ

от бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗ

от правления университета

Чернявский

Михайлов

Фридман

Граббе

Малецкий

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 188. Л. 7–8, 164, 168–170, 180–181.

Отпуск. Машинопись.

90

Из докладной записки ректора КУНМЗ М.Я. Фрумкиной в бюро президиума ЦКК ВКП(б) по поводу заявлений П.П. Драгачева, обвиняющего зав. Югославским сектором университета Брацана Брацановича в оппозиции к КПЮ

Не ранее 20 ноября 1928 г.***

Сов. секретно

На № Б-8723 от 22.X

[...]** Насколько я могу судить, в югославской партии были группировки: левая (к которой принадлежит т. Драгачевац) и правая (вождем которой является арестованный летом 1927 г. Сима Маркович); был, кроме того, и центр. Коминтерн взял курс на сотрудничество группировок. Эта линия была проведена III съездом Компартии Югославии (май 1926 г.).

* Опущены ответы М.Я. Фрумкиной на вопросы, задаваемые членами комиссии.

** Подписи отсутствуют.

*** Датируется по содержанию и по упоминаемой в конце докладной записки резолюции, принятой коммунистами сектора 20 ноября 1928 г.

**** Опущен абзац с объяснением причины, по которой Б. Шмераль, будучи руководителем Балканского ланддессекретариата, не смог сделать доклад в ИККИ о положении дел в Компартии Югославии.

Сима Маркович был избран секретарем партии, в его руках, по-видимому, был партаппарат; за ним стоит и белградская (столичная) организация.

Представителем юг[о]славской партии в Москве являлся до лета 1927 г. член ИККИ т. Бошкович, у которого, по-видимому^{*}, была полная согласованность в работе с руководящими органами ю[го]с[лавской] партии (он считался не сторонником Марковича, а центристом).

Вся организация сектора, назначение заведующего и преподавателей, вся работа Брацановича проходили в самом тесном контакте с т. Бошковичем. Важнейшие вопросы работы обсуждались на совместных совещаниях в составе тт. Брацановича, Бошковича и меня [...]

Таким образом, до лета 1927 г. т. Брацанович действует как лицо, обремененное доверием ЦК ю[го]с[лавской] партии. Все обвинения по отношению к его будто бы фракционной работе до этого времени могут иметь только один смысл: фракционную работу все время вел Бошкович, фракционную работу вел Сима Маркович и руководимый им секретариат ЦК ю[го]с[лавской] партии. Быть может, сторонникам т. Драгачевца и удастся это доказать при рассмотрении дела в ИККИ. Но в этом смысле Брацановича не за что наказывать, ибо нельзя наказывать человека за то, что он строго придерживался директив законных органов – представителя партии, члена ИККИ, которые всегда были согласованы с университетом. [...]

Нужно признать, что т. Брацанович не обладает достаточной гибкостью и тактом, нужными в таких трудных условиях, его педагогические способности невелики и не соответствуют трудности и сложности его поста. В этом смысле им были допущены педагогические ошибки (излишняя резкость) в отношении воздействия на недовольных товарищей. Он мог сказать какую-нибудь грубость, совершить бестактность (например, поносившему ему публично Секуличу он сказал, что объясняет его поведение тем, что он сын торговли. За это он получил от меня выговор и написал соответствующее заявление в бюро яч[ейки]). Он мог проявить излишнее усердие и прямолинейность в проведении директив, получавшихся им от т. Бошковича. Директивы Бошковича могли быть неправильные. Но от этого далеко до той системы преступлений, которую приписывает ему т. Драгачевац.

Летом 1927 г. т. Сима Маркович был арестован. Насколько я могу судить, это повело к изменению соотношения сил в руководящих органах партии, дав большинство бывшей левой группировке. В настоящее время мы имеем в югославской партии налицо жестокую борьбу двух группировок. Обе обвиняют друг друга в оппозиции, в родстве с русской оппозицией, во фракционности, в ошибках, в нарушении дисциплины. Имеется налицо и личная травля вплоть до обвинения в нечистоплотном отношении к деньгам и недопустимом

^{*} Здесь и далее подчеркивания в документе.

поведении в судебных процессах. [...] Тем не менее из моих бесед с некоторыми руководящими товарищами в ИККИ я сделала такой вывод, что ИККИ покуда не разрешает вопроса так, что вот это партия, а это – оппозиция, предатели, изменники, которых нужно отбросить в сторону. ИККИ хочет раньше выслушать две стороны и разобрать взаимные обвинения. [...]

Летом 1927 г. т. Бошкович уехал в Вену, а в качестве представителя Югославской компартии при ландессекретариате в Москву приехал т. Драгачевац. Между его положением и положением Бошковича разница была огромная. Бошкович – член ИККИ. Представительство партии при секретариате – это не есть представительство в ИККИ. По делам партий, не представленных непосредственно в ИККИ, нужно сноситься с соответствующими ландессекретариатами. Против приезда т. Драгачеваца в Москву секретариат ИККИ возражал. Об этом была послана т. Пятницким⁷³ соответствующая телеграмма, но она запоздала, и Драгачевац все же приехал. Уже во время пребывания Драгачеваца здесь Брацанович продолжал получать письма от Бошковича с указанием, чтоб по делам сектора сноситься непосредственно с Реммеле⁷⁴ (заменившим отсутствовавшего т. Шмерала) и чтоб не смущаться истерическим выпадам Драгачеваца. Правильно ли поступал Бошкович или нет, но еще в сентябре мне говорили в ИККИ (т. Пятницкий и затем Васильев⁷⁵), что положение Драгачеваца недостаточно выяснено, чтоб по делам сектора я имела дело со Шмералем⁷⁶ (который после 15-го должен был вернуться). Конечно, эта неопределенность положения создавала ряд неловкостей и тяжело влияла на т. Драгачеваца, но Брацанович в этом не виноват. Вопросы сектора были перенесены на Балканский [ландес]секретариат⁷⁷ с участием Драгачеваца, причем по всем вопросам секретариат принял предложение КУНМЗа. Тем не менее после этого т. Драгачевац продолжает настаивать на своих обвинениях.

Еще раз подчеркиваю, мне кажется, что по существу группировка Марковича допустила ряд серьезных ошибок и что группировка, которую представляет Драгачевац (большинство ЦК), правильно критикует эти ошибки. И если бы т. Драгачевац высказал эти свои взгляды перед студентами в спокойной, товарищеской форме, учитывая то, что ИККИ еще покуда рассматривает обе группировки как равноправные спорящие стороны и своего приговора еще не вынес, – то беды от этого не было бы никакой. Но т. Драгачевац, по-видимому, задался целью еще до решения ИККИ объявить перед студенчеством своих противников союзниками троцкистской оппозиции, сделать студенчество судьей в этом споре и добиться оргвыводов в секторе. Его заявлениям о том, что некоторые только что приехавшие студенты пренебрежительно отзываются о теперешнем Политбюро Юг[о]сл[авской] партии, можно противопоставить поступившие заявления о возмутительных обвинениях, выдвигаемых товарищами из меньшинства сектора против Симы Марковича (предательство,

работа с полицией). Те, которых делегация в прошлом году обвиняла во фракционности и которым делала предостережения, теперь получили поддержку т. Драгачевца и задним числом обвиняют во фракционности зав. сектором и секторскую тройку.

Тов. Драгачевац ведет настоящую травлю зав. сектором за то, что он в прежнее время старался сообразоваться с директивами официального представителя ИККИ т. Бошковича. Он обвиняет секторскую тройку, орган бюро ячейки, ведущей чисто деловую работу, в какой-то борьбе против Юг[о]славской партии. Он внес за эти два-три месяца в жизнь сектора неимоверное напряжение и значительно содействовал увеличению в нем склоки. Я не хочу его обвинять: он долго сидел в тюрьме, нервно расстроен, болезненно самолюбив и подозрителен; о нашей структуре, о наших порядках имеет самое смутное представление^{*} и куда совсем в них не разбирается. Намерения у него самые лучшие, он, безусловно, честный революционер. Но он нервнует сектор до последней степени. Пользуясь своим званием представителя партии (не при ИККИ, а в ландессекретариате, но ребята в этом не разбираются), он срывает в секторе всякую дисциплину, всякую деловую работу, все время обрабатывая меньшинство сектора в духе борьбы против руководства сектором. Если партия, которая еще в мае отклонила отставку т. Брацановича, потребует снятия т. Брацановича, мы не будем настаивать на его оставлении. Представитель партии мог бы об этом писать в Югославию, в ЦК ВКП(б), но организовать студенчество против заведующего, срывая этим дисциплину, – это путь неправильный и, по-моему, недопустимый.

Тов. Драгачевац отправил в Юг[о]сл[авский] ЦК письмо от 19 студентов^{**}, полное совершенно неправильных утверждений. Он обязан был предварительно передать письмо на заключение в бюро ячейки, и тогда легко было бы установить факты. Он этого не сделал, покрыл своим авторитетом утверждения о вещах, которые имели место еще до его приезда, и отправил письмо в Югославию.

На собрании сектора т. Драгачевац публично и ультимативно потребовал, чтоб председатели менялись (сначала от одной группировки, потом от другой). [...]

Нужно ждать решения ИККИ по вопросу политических разногласий. Нужно ждать организационных выводов ИККИ в связи с этим. А до тех пор прекратить травлю и просить т. Драгачевца не нервировать ребят и не мешать нам работать. Мы готовы с ним советоваться (и советуемся), дать ему читать у нас доклады по разным вопросам, но просим, чтоб до решения ИККИ не

^{*} Он считает, например, что ЦК Компартии Югославии имеет право безапелляционно предписывать КУНМЗ принимать на работу его кандидатов. (Примеч. автора.)

^{**} См. док. № 84 от 4 октября 1927 г.

делать студентов КУНМЗ судьями по югославским внутрипартийным делам и не предвосхищать решений ИККИ, а также не собирать групп студентов без ведома и согласия бюро ячейки и не посылать в Югославию непроверенных и не снабженных заключением бюро яч[ейки] обвинений.

Было бы весьма целесообразным по всем этим делам запросить т. Васильева (из Орготдела ИККИ), которому приходилось неоднократно разъяснять т. Драгачевцу необоснованность его притязаний и который провел беседу на нашем секторе⁷.

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 658. Л. 65–69. Отпуск;

Там же. Оп. 2. Д. 191. Л. 17–19 об.

Копия. Машинопись.

91

Из протокола общего собрания Югославского сектора КУНМЗ – о зимней практике в местных организациях МОПР и о состоянии учебного процесса в секторе

7 февраля 1929 г.

Повестка дня:

1. Об итогах зимней практики (т. Строганов).
2. О положении в секторе (т. Накванович⁷⁸).

Слушали:

1. Впечатления студентов о практической работе.

Наши товарищи были приняты на местах очень хорошо. Организации МОПР на местах содействовали нам достаточно. Настроение членов МОПРа в общем хорошее, хотя на собраниях наших [товарищей] имели место и меньшевистские выступления. Мы, как политэмигранты, представляли для масс большой интерес, хотя не все мы достаточно хорошо говорили по-русски.

Большинство членов МОПРа на местах недостаточно хорошо понимают классовые задачи МОПРа. [...]

Воспитательная работа очень слаба и бессистемна, особенно систематическая интернациональная пропаганда. Слаба связь с деревней. [...] Нерационально используется свободное время рабочих (на одном мопровском митинге

⁷ Подпись отсутствует.

было 12 докладчиков). Необходимо бороться против мопровских докладов во время обеденных перерывов.

Специфические недостатки: интерн[ационально]-восп[итательная] работа между нацменьшинствами слаба (Грузия, Азербейджан*), нац[иональный] момент мешает интерн[ациональному] воспитанию. [...]**

Постановили:

Принять к сведению.

Слушали:

2. О положении в секторе.

Тов. Накванович: О положении надо говорить в связи с военной диктатурой. Болезненное явление у нас – покидание университета. Агабеков и Стоянович работают и хорошо зарабатывают. Анцупов освободился на год от учения, Танненбаум тоже освободилась от учения. Тов. Евсеенко также не хочет заниматься, и его отослали обратно в Югославию. Тов. Бауман также освободился от учебы через врача и идет на производство. Тов. Никатов лечится в Одессе. Тов. Попов, Джебаридзе и Стрелков, по мнению доктора, недостаточно здоровы для умственной работы. Тов. Стрелков остается в университете и лечится. Тов. Попов поехал на юг. Тов. Джебаридзе остается в университете.

Эти явления вызвали недовольство студентов. Мы боролись против тенденции оставить университет и рассматриваем [ее] как дезертирство. Наша ошибка в том, что мы против нее не мобилизовали своевременно студентов. Теперь мы это будем делать.

После доклада ст[аршего] врача правление университета вынесло решение о согласовании вопросов об отпуске студентов на год.

За первый триместр можно констатировать недостаточное прилежание, опоздания и т.д.

Во втором триместре готовится чистка студентов. Студенты, академически не успевающие, будут устранены.

Тов. Никаноров не занимался в первом триместре. Он обещал во втором триместре хорошо учиться. Необходимо выяснить следующее: 1) что делать с теми, кто будет вычищен? 2) как бороться с недостаточным прилежанием?

Наши старые распри все-таки не изжиты на 100%. Об этом говорили некоторые товарищи-партийцы. По их мнению, группировки существуют скрыто и созываются также тайные собрания. Не думаю, что это так, но если мне товарищи так говорили, значит кто-то из студентов им говорил об этом. Это[го] не должно быть.

* Так в документе. Языковая норма тех лет.

** Прения по докладу не публикуются.

Конспирация в секторе нам необходима больше чем когда-либо. Некоторые студенты других секторов связывались с частными лицами, которые были после арестованы ГПУ. Нам эти вопросы необходимо рассмотреть и решить. [...]*

Председатель
Секретарь

Богданович
Лаушевич

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 660. Л. 4–4 об.
Отпуск. Машинопись.

92

Из обращения Югославского сектора КУНМЗ в Политсекретариат Исполкома Коминтерна⁷⁹ с требованием отстранить от должности ректора университета М.Я. Фрумкину

7 мая 1929 г.

Уважаемые товарищи!

Кризисы и нездоровые явления на отдельных секторах КУНМЗа следуют друг за другом. Все повторяются случаи ухода из университета студентов, доведенных до отчаяния режимом, господствующим в университете. Характерной чертой этого режима является такая система управления университетом и воспитания студентов, которая основные принципы и правила взращивания коммунистического актива заменяет механическим давлением, подрывом и выживанием [из университета] лучших революционных элементов, умышленным выпячиванием более слабых и невыдержанных и искусственным насаждением приспособленчества и даже карьеризма. [...]

Несомненно, вся эта система зажима и разложения, проводимая и руководимая самим ректором нашего университета т. Фрумкиной, в основе своей имеет политическую подкладку. Последняя и заключается во всей установке т. Фрумкиной, в ее оппортунистических тенденциях и навыках. Отсюда берут свое начало бюрократизм и протекционизм, глубоко обосновавшиеся у нас, отсюда исходит линия на поддержку правых и примиренческих течений и групп на заграничных секторах и хвостизм по отношению линии ВКП(б) в вопросах борьбы с правыми в ВКП(б), а в проведении самокритики – прямая борьба с последней. [...]

* Прения по докладу не публикуются.

И сейчас, чтобы обеспечить себя от свободной и здоровой критики во время предстоящей чистки партии и во время обследования университета со стороны комиссии ЦИКа, т. Фрумкина предприняла настоящий крестовый поход против Югославского сектора КУНМЗа, который она считает в данное время центром критики ее методов и политики ее. [...] К постоянным ее аргументам, сводящим всякую критику к склоке, личной ненависти и фракционности, добавляет она сейчас новый, не менее недобросовестный аргумент, стремящийся приклеить ярлык троцкизма к критикующим и подменить таким образом настоящий смысл вопроса. Вещая везде о борьбе со склокой и фракционностью, т. Фрумкина на самом деле поддерживает склоку, поддерживает везде правые группировки, подчас их даже искусственно создает, выдавая свою линию за линию партии, подменяя личными своими интересами интересы ВКП(б) и Коминтерна, и свою разрушительную работу демагогически прикрывает партийными лозунгами.

Тов. Фрумкина годами поддерживала правую группу на Югославском секторе не только против сторонников левой группы КПЮ, но и против антифракционно настроенных товарищей, утверждая, что эта группа партийная, а не правая. [...]

Мы изложили вкратце положение на КУНМЗе: режим нажима, мелкое политиканство, протекционизм, разложение; система механического воспитания, приводящая в лучшем случае к тому, что студенты пассивно принимают линию партии, но активно ее не понимают.

Мы изложили вкратце положение на Югославском секторе КУНМЗа, против которого режим склоки и поддержка правых группировок выросли в опасность раскола и разгрома сектора. Эту политику блока с правыми и разгрома сектора ведет т. Фрумкина в то время, когда правые в стране снова от партии все больше отдаляются, когда фашистская реакция в Европе и в Югославии громит наши организации и убивает лучших революционеров. Эта работа т. Фрумкиной, вызванная ее политическими симпатиями и личными интересами, противоречит не только линии Коминтерна, но и представляет прямое преступление по отношению к интересам революционного рабочего движения в Югославии, интересам революционного движения вообще.

В интересах единства и сплочения наших рядов и дальнейшей, более успешной работы университета в деле воспитания большевистских кадров, мы просим Политсекретариат ИККИ предпринять необходимые меры для снятия с руководства КУНМЗом т. Фрумкину, как человека, ни с какой стороны не соответствующего своему высокому назначению, и замены ее старым, испытанным большевиком, пользующимся авторитетом

в партии и в рабочих массах и могущим успешно противостоять* в период обострения классовой борьбы мелкобуржуазной стихии и псевдолевым и открыто правым уклонам.

Подписи: **

1.***	23. Хлебников И.П.
2.	24. Селезнев И.С.
3. Дарсула В.	25. Макарьянц П.Д.
4. Биокович И.В.	26. Снисарева [О.Д.]
5. Ревякин В.А.	27. Городецкий [Б.П.]
6. Дзюбин Г.Ф.	28. Маркович Стоя
7. Ермолов Н.А.	29. Макаров И.С.
8. Сундатов Т.Н.	30. Теодорович Ф.П.
9. Дроздов В.П.	31. Петрович Н.М.
10. Санданский Н.П.	32. Лазаренко М.П.
11. Довьяненко А.Н.	33. Орешкин П.М.
12. Давидовици С.С.	34. Маркович З[ара]
13. Кузнецов К.	35. Мгеладзе Ш.Г.
14. Соловьев В.К.	36. Иванов В.А.
15. Маркович М[ирко]	37. Фатанович [И.С.]
16. Сорокин А.П.	38. Протич М.И.
17. Голев А.Д.	39. Гранд П.И.
18. Солодовников Г.И.	40. Ногин П.И.
19. Сикорский П.Л.	41. Степанов
20. Лаврентьев А.Г.	42. Суслов В.Е.
21. Ковалев И.Б.	43. Задворный П.А.
22. Никодимов [И.С.]	

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 659. Л. 32–33.
Копия. Машинопись.

* В тексте документа ошибочно напечатано «противопоставить».

** В отдельных случаях не удалось проверить правильность написания фамилий и инициалов к ним, поэтому они даются в соответствии с машинописным оригиналом.

*** Первые две фамилии в списке отсутствуют.

Из показаний студента Польского сектора КУНМЗ Целинского в комиссию университета по обследованию политического климата в Югославском секторе – о его взаимоотношениях со студентом-югославом Н.А. Ермоловым

15 мая 1929 г.

Тов. Целинский: [...] Я очень близкий с т. Ермоловым⁸⁰. Он начал меня обрабатывать. По отношению вопроса о самокритике, о термидоре⁸¹ я выступал на кружке под его влиянием. Ермолов пошел со мной в гости у родственников моей жены. Тогда он начал со мной говорить о рабочем классе и о том, что не оппозиция пришла к партии, а партия к оппозиции.

После того как я женился, арестовали моего тестя как растратчика. Арестовали его, потому что я в корреспонденции в [газете] «Известия» раскрыл махинации кулаков о покупке земли и пр., в чем он вмешивался. Потому что я доносил на тестя, семья жены была в плохих [со мной] отношениях. У меня тогда по этой причине создалось особое настроение, что помогло тому, чтобы мог попасть под влияние Ермолова. Он говорил мне еще, что в Большой и в другие театры рабочие не попадают. Все мои выступления, характеризующие меня как колеблющегося, были под влиянием разговоров по этим вопросам с Ермоловым. [...]

По этим вопросам, по которым Ермолов со мной говорил, видно, что его взгляды троцкистские, но по его подходу ко мне – использовать каждую мелочь, чтобы меня натолкнуть на недовольство против соввласти, – тоже троцкистские. Он другим таких вещей не говорил, а только мне, потому что он знал, что я нахожусь в особом нервном состоянии.

Целинский

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 228. Л. 36.
Копия. Машинопись.

Из протокола общего собрания студентов-коммунистов Югославского сектора КУНМЗ – выступление М.Я. Фрумкиной о недопустимости антипартийной фракционной борьбы в Югославском секторе, развернувшейся в ущерб учебному процессу, и о принятии решения об исключении из ВКП(б) и университета ряда студентов сектора

14 сентября 1929 г.

Собрание открывается секретарем ячейки т. Деклава.

В президиум избирается нацтройка.

Председатель – т. Накованович. Протоколирует – т. Мишин.

Повестка дня:

Доклад т. Фрумкиной о решениях ЦК и ЦКК ВКП(б) по вопросу о Югославском секторе.

Председатель: Представляю слово для доклада т. Фрумкиной.

Тов. Фрумкина: [...] * Вас ЦК КПЮ прислал сюда учиться, для того чтоб потом пойти на партработу. И мы никоим образом не можем допустить, чтобы здесь у нас в университете вербовались люди для борьбы против ЦК КПЮ. Вы должны себе уяснить, что нынешнее рабочее руководство КПЮ пользуется поддержкой Коминтерна, и кто выступает против ЦК КПЮ, выступает и против Коминтерна. Товарищи, нам нужно вести борьбу против тех товарищей, которые не хотят учиться, которые вместо учебы занимаются политиканством. Вы обнаружили хорошие способности, вы могли бы сделать в учебе большие успехи, но учитесь вы мало, в этом вам нужно признаться. Мы расходуем на каждого студента в год 2 тыс. руб. За 4 года – 8 тыс. руб., это большая сумма, которую вы должны оправдать. Наша смета на ближайший год – 2 млн руб. Это для нашей страны огромная сумма, которую приходится отрывать от капитального строительства, от удовлетворения культурных нужд рабочих. Ваша основная задача есть учеба. Конечно, вы обязаны интересоваться жизнью вашей партии, но вы не призваны давать директивы ЦК КПЮ. Вы называете т. Горкича⁸² дезертиром, когда Коминтерн категорически заявляет, что он не является дезертиром. Это есть выражение недоверия Коминтерну. Если б русские рабочие знали, что отрывают эти большие деньги

* Начало доклада – обсуждение резолюции общего собрания Югославского сектора от 22/VI 1929 г. – не публикуется.

для того, чтобы выращивать таких работников, которые сеют недоверие к Коминтерну, они сказали бы, что они на это давать средства не хотят. Вы должны признать свои ошибки, не на словах, а на деле исполнять решения высших органов и подчиняться им.

Некоторые товарищи возмущаются решениями ЦКК, как, например, т. Лопачев, который ужасно возмущен, что исключили Богдановича из партии и Строганова из университета. Нельзя же отрицать факта, что правые в секторе заключили блок с левыми, участвовали в совещании во время выборов нашего кандидата в Моссовет с целью провалить кандидатуру представителя КПЮ т. Наквановича. Это был политический блок. Правые участвовали в выработке резолюции, направленной против ЦК. Вы обвиняли левых в троцкизме, а пошли с ними в блок, разве это не величайшая беспринципность? Поэтому, Строганова нужно было наказать так, как Богдановича, но и товарищи левые должны признать свои ошибки. Коминтерн указал, что и левые делали оппортунистические правые ошибки. А вы хотели, чтоб за вами признали монополию на революционный марксизм, и во имя этого вели отчаянную фракционную борьбу и блокировались с правыми? Нужно признать эту ошибку и покончить с этими методами.

Признать – это не значит отказаться от самокритики. Кто вам мешал выступить с критикой во время проверки Фрумкиной, а вы молчали. Один товарищ [из] Югославского сектора на вопрос, почему он не выступает, ответил: «Какая это чистка?» Вы должны сегодня честно осудить свои ошибки, нам нужно общими силами изжить фракционность на секторе. Исключенные из партии еще и после решения ЦКК проводят антипартийную работу. Но мы вам заявляем, что мы сделаем все для того, чтобы исправить сектор.

В дальнейшем мы никому не позволим вести разлагающую работу на секторе. Мы будем действовать решительно, не ожидая больше комиссий ЦК и Коминтерна, а будем брать всю ответственность на себя. ЦК нам указал, что мы медлили и проявили мягкость, больше этого не будет. Мы будем действовать решительно и добьемся вместе с вами, чтобы вы действительно подготовились здесь для революционной работы в Югославии, для борьбы за советскую Югославию*.

Председатель
Секретарь**

Н. Накванович

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 228. Л. 111–112.
Подлинник. Машинопись.

* Прения по выступлению не публикуются.

**Подпись отсутствует.

95–96

Заявления студента Югославского сектора Е.Т. Мокаенко в бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗ о содержании бесед с бывшим преподавателем университета П.А. Задворным

21–25 сентября 1929 г.
Сов. секретно

95

21 сентября*

10 сентября с.г. я был приглашен со стороны т. Задворного на обед и на разговор.

Во время обеда он начал спрашивать, как я живу, как работал в Ленинграде и вообще, как там проводится партийная работа в связи с чисткой партии и совпарата, имеется ли самокритика, отзывы [об этом] между рабочими и т.д. А потом, как относятся рабочие к расценке, имеют ли [место] недовольствия и т.п. Когда я ему ответил негативно, т.е. что самокритика и чистка проходят формально, что рабочие недовольны нынешней расценкой, зарплата уменьшается, рабочие нагружены разными тягостями (соревнование, повышение норм, борьба за качество, в то время когда зарплата уменьшается).

Когда он получил такой мой ответ, он начал откровенно говорить[ь], что он согласен со мной. Говорил, что его называли троцкистом потому, чтобы таким образом деморализовать Югослав[ский] сектор перед чисткой и таким способом доказать перед студмассой, что Югослав[ский] сектор и его борьба против правления университета была неправильна: компрометируя отделных товарищей, называя их троцкистами. Этот способ, по его мнению, не случаен, а это система, которая сейчас проводится в партии, а это все видно из заявления сорока одного, которое и направлено против [э]того. Они обрушились на нас не потому, что мы делали ошибки, а потому, что мы были настоящие революционеры, которые вели борьбу против этой системы в университете, на которой воспитываются бюрократы – студенты деморализуются, а нас компрометируют как троцкистов.

* Первое заявление Е.Т. Мокаенко публикуется с сохранением стилистических и орфографических особенностей оригинала (редакторская правка вносилась лишь в тех случаях, когда ошибки искажали смысл текста документа), в то время как второе заявление было полностью отредактировано секретарем бюро ячейки ВКП(б).

Дальше он говорил, что ВКП(б) капитулировала перед буржуазией, а это доказало [обсуждение итогов] X пл[енума] ИККИ, устроенное на Ленин[ских] курсах. XI пл[енум], наверное, будет подпольным, как и в буржуазных странах. В нынешнем периоде не существует революционной ситуации, а, наоборот, [идет] капитуляция рабочего класса перед наступлением буржуазии и фашизацией Европы. Фантастические рассказы распространялись о событиях в Жиллаве⁸³, на которые не реагировано забастовками, как при Ленских событиях. На Западе имеется полная капитуляция рабочего класса, кроме Германии. Бухарина сняли, а после этого начали борьбу против [н]его. Где тут гибкость[ь]? По вопросу кулака: когда начали борьбу против [н]его? Все это доказывает, что партия совсем устала и что она не имеет гибкости и энергии, которыми она располагала перед и во время революции.

Все это говорит о том, что партруководство ВКП(б) не в состоянии дальше работат[ь] и что система, на которой партия еще держится, не может долго продолжат[ь]ся. Это руководство нужно заменить новыми заграничными силами, которые, по его мнению, еще полны энергии и которые могут сохранить партию от гибели, в которую сейчас она попала.

Мокаенко ☒.Т.

По вопросам Компартии Югославии он считает что партруководство обанкротилось, а так [же] и партия в целом. Сейчас партии не видно, и ми не ощущаем ее работы. Партия [с]компрометировала себя в глазах масс, и потому нужно борот[ь]ся против нынешнего руководства и работать на постройке новой партии, а от нынешней партии нельзя больше ничего ожидать.

Мокаенко ☒.Т.

96

25 сентября, в 4 часа пополудни

Вчера, 23 сентября с.г., бывший преподаватель Югославского сектора, теперь исключенный из партии, Задворный П.А., назначил мне свидание у Чистых прудов в 2 часа дня. Я пошел туда. В долгом разговоре, который длился около трех часов, Задворный рассказал мне следующее:

«Среди студентов Югославского сектора существует в настоящее время паника: студенты боятся меня как троцкиста, признают, что мы сделали ошибки. Но дело не в этом. Они не видят основного, а именно, что, в сущности, во всем том, что происходило в университете, виновата не Фрумкина, не руководство

университета, а неправильная политика Коминтерна. Но сам Коминтерн тоже виноват в этом не столько, сколько ЦК ВКП(б) и его Политбюро, которое является гегемоном в Коминтерне. Наша борьба в университете велась именно против гибельной политики ЦК ВКП(б) и Коминтерна.

Политика Сталина ведет страну и партию к гибели. Так называемая индустриализация страны ведется за счет рабочего класса, коллективизация с[ельского] х[озяйст]ва ведется стихийно, без определенной базы, в результате чего коллективы разоряются. Самокритика также ведется только на словах, масса боится самокритики, все гнойники открываются сверху (смоленское, астраханское дела и т.д.). Чистка партии также устраивается только для троцкистов, а не для сталинцев. Исключаются из партии те, которые ведут борьбу против гибельной политики ЦК.

Небольшая группа сталинцев сконцентрировала в своих руках всю власть. Пленумы ЦК с 1926 г. проходят закрыто, в самом ЦК существует зажим со стороны группы Сталина – Молотова.

Из речи т. Каменева (не напечатанной, а находящейся в архиве), которую я достал, – говорил Задворный, – я убедился, что в Коминтерне борьба все время велась против левых, а не против правых. Новейшие издания сочинений Ленина, по сравнению с прежними, фальсифицированы. Это делается для того, чтобы в комвузах преподнести политику Сталина и его группы как подлинный ленинизм.

В результате такой политики мы имеем громадное недовольство рабочего класса и крестьянства и отрыв Политбюро от партийной массы.

Правые во главе с тт. Бухариным и Рыковым имеют громадные шансы на успех. За ними пойдет крестьянство – весь государственный аппарат в их руках, вокруг [н]их группируются все недовольные элементы страны, их безусловно поддержит также мировая буржуазия. Поэтому мы стоим перед очень важными событиями. *В самом непродолжительном времени неизбежен государственный переворот в нашей стране.* Правым симпатизировали также тт. Ягода и Трилиссер из ОГПУ, значит, победа правых вполне обеспечена».

На мой вопрос, какую позицию мы должны занять в этом перевороте, Задворный ответил, что победа правых даст больше свободы рабочему классу. «Я не верю, – говорил он, – чтобы т. Сталин мог пойти так далеко, как пошел Бухарин, поэтому наша задача заключается в том, чтобы использовать переворот для свержения диктатуры Сталина и захвата власти в свои руки.

Перед нами большая работа, поэтому неважно, что нас не пускают в страну. Если бы было такое положение, что я, отказавшись от своей подписи под заявлением «сорока одного», мог уехать в страну, я бы это сделал, чтобы там успешнее бороться с нынешним руководством КП Югославии. Но так как нас все равно

туда не пустят, то надо усиленно работать здесь, тем более что здесь назревают серьезнейшие события и мы свою роль революционеров выполним здесь».

Переписал на машинке секретарь бюро яч[ейки] ВКП(б) КУНМЗа

Деклав

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 190. Л. 93 (рукопись),
120–120 об. (машинопись, перевод с серб.).

97

Из протокола собрания студентов Югославского сектора КУНМЗ – отчеты студентов 3-го и 4-го курсов университета о весенней практике по проведению мероприятий, связанных с дальнейшей организацией коллективизации и ликвидации кулачества в обра-зованных подшефных колхозах

8 апреля 1930 г.

Председатель собрания – Нечаев.

Секретари – Дарсула и Заварзин⁸⁴.

Докладчик – Фатанович⁸⁵.

Повестка дня:

Отчет о практической работе студентов Югославского сектора в деревне.

Тов. Фатанович: 3-й и 4-й курсы в этом году поехали в деревню для помощи партии в деле ликвидации кулака как класса. Когда мы говорили о том, кто должен ехать в деревню, тогда, особенно у 4-го курса, проявилась мысль о том, что мы не способны для работы в деревне. Против этой мысли мы должны бороться. Недостатки у нас были и поэтому не могли дать много, имея в виду, что мы не знали условия русской деревни, а особенно местные условия. Вопреки тому, мы должны констатировать, что мы удовлетворили надежды университетских органов; что касается практической работы, можно сказать, что она была тяжелой работой, как и нелегальная работа.

Наша работа была в основном – укрепление уже организованных колхозов, работа по подготовке весеннего сева, на расширение посевной площади на 30%. В противовес лозунгу: «Расширение посевной площади» кулак выбросил лозунг: «Сокращение посевной площади». Вторая задача: сбор семян, т.е. создание сем[енного] фонда. При этом лозунге кулак дал другой [лозунг]:

«Продавайте семена». Третья задача: вокруг скота и инвентаря, т.е. сбор и обобщение скота и инвентаря, мы должны были бороться против агитации кулака и его лозунгов разбазаривания и убоя скота.

Мы должны были мобилизовать батрацко-бедняцкую и середняцкую массы вокруг задач коллективизации. Только там, где успели организовать батрацко-бедняцкие и середняцкие массы, только там мы успели выполнить задачи [по] ликвидации кулака как класса.

На нашу организацию масс кулак ответил контрреволюцией отсталых масс. На собраниях в деревне участвовали почти исключительно мужчины, женщин на этих собраниях почти не было.

Раньше чем обобществить рабочий скот, нужно разрешить массу мелких вопросов перед крестьянами, пока они не убедятся в том, что ты способен разрешить и другие, более важные вопросы. Благодаря активности наших товарищей мы успели выполнить эту задачу при помощи партработников на местах.

Наш основной недостаток заключается в том, что мы не поняли директиву партии от 6 января⁸⁶. Особенно, что касается насильственного коллективизирования. В этом вопросе мы делали определенные ошибки. У нас не было упорности в вопросах нажима по организации колхозов. Многие из наших товарищей не поняли, что во многих районах не существуют условия для создания коммуны. В этом мы делали ошибки. Многие из товарищей попытались это исправить, но не добивались этого с упорностью. Только тогда, когда мы получили статью Сталина⁸⁷, тогда мы начали проводить эту линию более упорно.

На первом месте мы убедились в том, что линия партии в вопросах коллективизации правильна. Там, где применялась линия партии, там колхозы выросли на основе организации бедняцко-батрацких масс. Мы убедились в том, что линия правых неправильна, и убедились в том, что хлеб, который получим, будет хлеб колхозов и индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств. Мы тоже на практике убедились в том, что теория Троцкого неправильна и что середняк стоит за советскую власть.

Убедились еще в том, что лозунг и практика ликвидации сельсоветов – это ликвидация советской власти.

Этот опыт даст нам возможность правильно проводить ту же задачу в Югославии при диктатуре пролетариата.

Прения:

Тов. Загорский: Доклад т. Фатановича вполне правилен – наша студенческая бригада поехала в Капский район. Мы должны были работать по разным линиям. Группа батраков и бедняков находилась под влиянием кулаков. Наш колхоз вначале был СОЗом⁸⁸. Затем мы получили задание перевести его

в артель. Мы приехали в деревню с неопределенными понятиями и должны были выполнять директивы местной ячейки. Основная моя ошибка была в обобществлении скота. Тов. Катанян дезертирски относился к работе. Этот человек не имеет смелости, энергии. Он говорит, что если бы здесь были немцы или американцы, то они расстреляли бы весь этот народ.

Тов. Богнина: Я была в болгарской деревне, где коллективизация была проведена на 90%. [На]завтра, по прибытии на место, мы организовали собрание бедноты и батраков. Раскулачили двух кулаков. Я еще работала среди женщин и комсомольцев.

Председатель сельсовета анархически настроен; он хотел раскулачивать кулаков и оставить их без рубашки и бить их. Кулаки раскулаченные начали проводить работу среди женщин. Уехавши, я узнала, что колхоз распался на 40%, потому что в деревне были оставлены попы и кулаки, которые вели антиколхозную агитацию. [...]

Тов. Катанян: В районе, где я работал, секретарь не читает «Правды» и не может давать хороших директив. Комсомол политически не существует. Мы делали ошибки. Делали собрания по МОПРу. Тов. Загорский в кооперативе требовал и кричал перед массой крестьян о том, чтобы ему дали продукты, как члену партии. Он выступал против кандидатур в члены сельсовета, не согласовывая свое выступление с ячейкой. Бился на собрании с женщинами, гнал людей с бедняцкого собрания. Мы должны спросить себя, может ли он быть членом партии. Он [хотел], чтобы ему давали каждый день молоко и кровать.

Я делал те ошибки, о которых писалось в газете. Загорский – авантюрист, ничего рабочего он в себе не имеет.

Тов. Линевиц: Подготовка бедняков к раскулачиванию была огромной. Через полчаса после собрания о раскулачивании мы имели уже 60 повозок во дворе школы. Кулаки имели опору в женщинах. При организации дет[ских] ясель в деревне кулаки говорили, что дети будут иметь печати на теле.

Тов. “укчаев: Вся наша работа проводилась в ударном порядке. Я приехал на место в момент объявления района районом сплошной коллективизации. Не было никакой подготовки бедняков. Этот район во время и после Октябрьской революции был контрреволюционным. При раскулачивании отдельные бедняки искали, чтобы кулакам вернулось имущество. Кулаки поджигали дома, убивали телят и т.д. [...]

Тов. Заварзин: Тов. Фатанович нас обвинил в том, что мы не поняли задач коллективизации и решений ЦК о добровольности коллективизации. Это неверно. Я работал в немецкой колонии. Там сектанты, которые организованно сопротивляются коллективизации. Мы проводили правильную партлинию и не провели на 100% коллективизации из-за того, что корни сектантской идеологии очень глубоки, и что раньше бедняки имели по 20 гектаров земли,

средняки до 50, кулаки 400. Там крестьяне получали из-за границы контрреволюционные газеты, которые ГПУ допускало. [...]

Тов. Маркович З.: Парторганизация в станице, где я работала, слаба. Первый день провели комсомольское, а потом беднячко-средняцкое собрания. Там раскулачивались и бедняки, и середняки. У бедняка отнимали единственную корову, потому что ходил в церковь. Мы все эти искривления поставили перед окр[уж]комом. Я работала с женщинами. [...]

Тов. Гуков: Я работал в Кабардинском округе. В парторганизации округа были ошибки. Я вел борьбу против ошибок в местных организациях окр[уж]ного комитета. Организация колхозов проводилась насильственно. «Кто не хочет в колхоз – хочет в Сибирь» – говорилось так. Там не велась массовая работа – и в том ошибка и причина распада колхоза. [...]

Тов. Лопачев: Я был в районе сплошной коллективизации на польской границе, в Пищенском районе. Среднее имение имеет 300 руб. дохода в год. Когда товарищи поедут в район, они должны помнить, что это пограничные районы. Колхоз в моем районе распался вследствие неправильной линии в религиозном вопросе. Там после организации колхоза насил[ьно] превращали церкви под амбары. Это использовали кулаки, тоже как использовали при помощи женщин свои семейные связи. При коллективизации записывались подушки, куры и т.д. Все эти безобразия начались на религиозной основе и они распространялись при помощи кулацкой агитации и на остальных районах. [...]

Тов. Довьяненко: Я работал в Молдавии, в деревне. Я получил такое впечатление, что эта вся деревня до последнего времени не знала о советской власти. Это в районе объясняют недостатком кадров. Поскольку это на границе, я предлагаю нашей ячейке, чтобы она командировала возможно большее количество товарищей на работу. Кулаки говорили о нас, что я богатый иностранный еврей и о другом товарище, что он бессарабский помещик. Проводили собрания с беднотой, середняками и женщинами. Затем хотели созвать общий сход, но получили отпор со стороны женщин. Когда мужчины решили вступить в колхоз, женщины пошли на Днестр и начали звать румын, что[бы] они их спасли от коллективизации, но с румынского берега ответили возгласами: «Да здравствует советская власть». Мы организовали 120 хозяйств, мы работали не только для количества, но и для качества, так как наш колхоз укрепился, 6–7 середняков были лишены избирательных прав, и это тормозило работу. [...]

Тов. Городецкий: На месте был уполномоченным. Проводил в двух сельсоветах раскулачивание, сбор сем[енного] фонда и т.д. Раскулачено 37, восстановлен только 1. Все это подтвердил окружком. Работа по раскулачиванию и сбору семфонда проводилась при помощи батрацко-бедняцкого населения. Во время хлебазаготовок были загибы. Два раза проводилась подворная проверка. Колхоз остался в целости благодаря правильной партлинии. [...]

Тов. Кузнецов: Я был в районе огородничества и садоводства (Кавказ). Коллективизировано на 80%. На собраниях бедноты приходили только середняки и зажиточные. Настроение крестьян хорошее. После статьи Сталина колхозы укрепились.

Тов. Дроздов: Район, где я работал, в Башкирии, это тот район, в котором почти не было перегибов. Мы формировали бригады самообследования. Бригады формировало само население. Организовали бедноту, а затем и середняков. Нам удалось собрать 70% семян. Были случаи распада колхозов из-за неспособности и неактивности организации населения вокруг колхозов. [...]

Тов. Протич: Когда я разговаривал с т. Мгеладзе, он сказал, что все крестьяне бегут из колхоза. Рассказывал о восстаниях, о которых он все знает. Он говорил, что парторганизации не были вправе взять быстрый темп. [...]

Тов. Фатанович: Комсомол был авангардом в коллективизации, но в предельных районах они были застрельщиками выхода из колхоза. Отлив объясняется непониманием линии партии со стороны низовых работников. Товарищи в прениях не сделали самокритики. Выступления тт. Катаняна и Загорского мы должны глубже проверить. Подворные обыски считаются превышением власти. Бедняцко-средняцкое собрание не имеет права постановлять о подворном обыске. [...]

Тов. Накванович: Первое, что можно констатировать: работа в деревне дала громадную пользу. Сектор в основном выполнил возложенные на него задачи, с некоторыми недостатками. [...]

Тов. Заварзин: В резолюции нужно констатировать, что студенты проводили в основном правильную партлинию в вопросах коллективизации.

Постановили:

Избрать комиссию для выработки резолюции: Заварзина, Лопачева, Фатановича и Наквановича.

Председатель
Секретарь

Накванович
Заварзин

Приложение

**Резолюция собрания студентов Югославского сектора
об итогах весенней практики студентов 3-го и 4-го курсов**

Заслушав доклад т. Фатановича и выступления практикантов, собрание констатирует:
1. Под руководством Ленинского ЦК ВКП(б), на базе индустриализации страны, с опорой на бедноту, в союзе с середнячеством, ведя сокрушительную борьбу с кулачеством, партия добилась колоссальных успехов в деле переустройства

с[ельского] х[озьяйства] на социалистических началах. Эти успехи партии дали возможность перейти к борьбе с кулачеством от политики его ограничения и вытеснения к ликвидации кулачества как класса.

2. Собрание констатирует, что в ряде мест были грубейшие извращения правильной линии партии, которые выразались в нарушении добровольности в колхозном строительстве, что лило воду на мельницу классового врага и привело в ряде мест до отлива их из колхозов.

3. Благодаря своевременной сигнализации этой опасности со стороны выступления т. Сталина в статье «Головокружение от успехов» и последовавшего постановления ЦК и правительства⁸⁹, эти извращения были в ряде мест прекращены, и там, где они прекращены, имеется обратный возврат в колхозы и прилив новых крестьян.

4. Собрание констатирует, что неверны обвинения правых оппортунистов и левых загибов, что партия отступила от своей генеральной линии в деле переустройства с[ельского] х[озьяйства]. Наоборот, собрание констатирует, что об отступлениях, как правильно выразился т. Сталин, могут здесь говорить лишь люди, считающие продолжение ошибок и искривлений наступлением, а борьбу с ошибками – отступлением.

5. Собрание считает, что лишь в непоколебимой борьбе со всеми правыми оппортунистическими шатаниями и левыми загибами мы сможем действительно продолжить успешную борьбу с кулачеством и закрепить за собой дальнейшие успехи в деле коллективизации.

6. Собрание констатирует, что посылка студентов Югославского сектора на весеннюю практику вполне себя оправдала и что студенты в основном справились с возложенной на них задачей, но вместе с тем имелись некоторые недостатки, которые обусловлены слабым знакомством наших студентов с русской деревней. Посылка наших студентов имеет огромное значение для них самих, и что они получили громадный опыт в работе нашей партии в деревне.

7. Собрание осуждает враждебные выступления тт. Катаняна и Загорского, которые выявили междуособную нетерпимость, и требует, чтобы бюро ячейки разобрало это дело.

8. Собрание единогласно выражает свое желание, чтобы правление университета в дальнейшем посылало на деревенскую работу всех студентов югославского сектора 2, 3 и 4-го курсов.

9. Что касается посылки 1-го курса на практическую работу, собрание предлагает правлению университета обсудить этот вопрос.

10. Собрание осуждает поступок т. Лаврентьева, который состоит в том, что он не считал своим долгом сообщить коллективу о сделанной им ошибке, состоящей в том, что он имел связь с женщиной из кулацкой семьи. Собрание предлагает бюро яч[ейки] разобрать дело т. Лаврентьева и осуждает его поступок.

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 666. Л. 24–27 об.
Подлинник. Машинопись.

Анонимное заявление, поступившее в бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗ и переведенное на русский язык зав. Югославским сектором Николой Наквановичем, о взглядах бывшего преподавателя университета П.А. Задворного на политику, проводимую ВКП(б), Коминтерном и КПЮ

3 мая 1930 г.
г. Москва
Секретно

В первый день, когда приехали Задворный и Ковалев с вокзала ко мне, они начали мне рассказывать о событиях в КУНМЗе. Первое мое впечатление было, что они пытались передо мною, как бывшим левым, представиться жертвами в борьбе, которая имела целью не только уничтожить правых около С. Марковича, но и правых в лице ЦК, избранного после письма Коминтерна. Разницы между С. Марковичем и партийным руководством они не делали. Бошкович, Горкич, Накванович и все прочие товарищи, которые работали здесь, в Москве, за границей и в стране, были, по их мнению, агентурой правых, вождь которых – С. Маркович. Товарищей, которые отмежевались от Ковалева и Задворного, они называют продажными и т.д., сотрудничество с теперешним руководством называют поддержкой С. Марковича. Это было в основном сказано в течение нескольких часов после их приезда.

Позже мы встречались еще несколько раз, и я имел возможность слышать их взгляды не только по югослав[ским] вопросам, но и по вопросам ВКП(б) и Коминтерна.

Они убеждены, что в ВКП(б) господствует диктатура, во главе которой стоит Сталин. Борьба против правых внутри ВКП(б) – это политика обмана, это – демагогия. В действительности борьба идет против этой части членства и бывшего руководства, которые действительно являются настоящими большевиками, революционерами и строителями партии, именно левоориентирующиеся, которые находятся интернир[ованными] в лагерях и тюрьмах ОГПУ (откровенно не сказал – о сторонниках Троцкого, – но это можно было только так понять). Наш партийный аппарат (ВКП(б)) – это бюрократический, разложившийся аппарат, в котором собрались продажные бандиты и чиновники. Политическая линия партии сводится объективно к тому, что поддерживает остатки капитализма, национальной ограниченности, забывает партии других стран, не верит в мировую революцию; это – политика постоянных компромиссов с капиталистическими

странами, неправильная политика в отношении к крестьянству в СССР и бесконечная цепь таких и тому подобных обвинений. На вопрос, не видит ли он какой-нибудь прогресс вообще, он отвечает: раньше мы имели хлеб, масло, мясо и т.д., а сейчас у нас не имеется ничего; это не прогресс, это – регресс, это – авантюра. Рабочие недовольны, рабочие возмущаются, рабочим надоело, они *не хотят молчать*^{*}, они начнут реагировать на все, что является честным, что не продалось в рядах ВКП(б), нам не надо только смотреть и отступать, а надо подготавливать массы (для чего, конкретно не указывал). Мы, иностранцы, не можем ограничиваться только Югославией, ибо, если не отменится нынешнее руководство ВКП(б), мы не будем в состоянии ничего сделать. Борьбу против правых в Югославии надо увязать с борьбой в ВКП(б) и в Коминтерне.

О Коминтерне: это – агентура Сталина, это – центр правых, там собираются бюрократы, кабинетные люди: Мануильский⁹⁰, Бела Кун⁹¹, Коларов⁹², Михайлов⁹³ и т.д.; это – не революционеры, это – с[оциал]-д[емократы], это – люди, до мозга защищенные оппортунизмом. Нам надо при отъезде в страну собирать все то, что является революционным, и вести борьбу против Коминтерна, ибо пока в Коминтерне эти (нынешние) люди, там будут господствовать Шмерали, Бошковичи и т.д. Надо связаться с западными странами и вместе вести борьбу (с кем конкретно в Германии, Франции и других странах, не указывал).

После статьи «Головокружение от успехов» Сталина и письма к колхозникам, они это называют переменной политики, слиянием с правыми в целом и перспективой неминуемого перехода правых в руководство ВКП(б).

Мне известно (об этом он мне несколько раз говорил), что у него (Задворного – *Нак[ованович]*) имеется секретный материал; он советовал мне читать эти материалы, но до сих пор я этого не делал. Когда проходила чистка партии в университете (КУНМЗ – *Нак[ованович]*) и он узнал, что (студенты) начали рассказывать все, что знали, он заходит ко мне и просит меня спрятать этот материал, ибо он ожидал обыска ОГПУ. Я тогда смеялся, не думая, что он имеет у себя что-нибудь серьезное. Об этом позже он мне говорил, но, если это нужно, я могу от него получить все это и прошу дать мне инструкции, что мне надо делать. Мне известно, что он имеет связь с Москвой и очень хорошо информирован о событиях (но с кем имеет эти связи, мне неизвестно, он об этом не говорит, но это может быть какой-то еврей или еврейка; на Ленинских курсах тоже имеет связь с одним югослав[ским] товарищем, но кто он такой, не знаю). Он собирается приехать в Москву на этих днях, но почему не приехал, не знаю.

^{*} Рукописная вставка Н. Наквановича.

Все это относится к Задворному. С Ковалевым я меньше говорил, и он идет еще дальше в непримиримой критике. Соловьев поддерживает их по всем вопросам.

Н.Н.

Перевел Накованович.

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 665. Л. 4–4 об.
Отпуск. Машинопись.

99

Из протокола собрания студентов Югославского сектора КУНМЗ – отчет студентов 2-го курса университета о результатах практической работы

16 февраля 1931 г.*

Владимиров: Я работал в коммуне среди югославцев и болгаров. Прорабатывали мы XVI партсъезд и украинский партсъезд, а также работал по линии МОПРа и Осовиахима, после был прикреплен в сельсовет и работал по пере-выборам сельсоветов. [...]

Зорич: Меня командировал Одесский район, и я работал по пере-выборам советов и по сбору финансовых средств. Перевыборы прошли очень удачно. [...] Я слышал, что из некоторых колхозов надо выгнать кулаков. Работать можно, но нужно проводить массовую работу в деревне. Я провел кампанию по сбору средств на оборону страны. Было собрано 13 тыс. руб. и кроме этого еще продуктами.

Николаева: Я работала в Болградском районе⁹⁴. [...] Организовала 5 кружков по проработке решений XVI съезда. Организовала кружок безбожников. Что касается хлебозаготовки, то она проводилась слабо. [...] Когда я приехала, не было 60% выполнения плана хлебозаготовок, а уехала – 64%. [...]

Яворский: Я работал в Донбассе на шахте «Американка»⁹⁵, получив от ЦК горняков мало указаний, всю работу проводил по своей инициативе. Полит-уровень рабочих очень слабый, потому что среди них не велась достаточная работа. Среди старых немецких рабочих замечаются остатки старых социал-демократических традиций, с ними нужно энергично обращаться. Проводил пере-выборы советов и [вел] разные беседы среди рабочих. Шахтеры-немцы очень слабо выступают, и когда выступают, говорят, что они за советы, но не за коммунистов. [...]

* Сведения о повестке дня собрания и о присутствующих на нем в документе отсутствуют.

Раич: Я работал в Благоевском районе⁹⁶ [...] в немецкой деревне, где нет ни партийн[ых], ни комсомольск[их] организаций, работа по перевыборам в сов[еты] была в самом разгаре. 80-процентное участие в перевыборах. [...] Парторганизация сельсовета слабая, партсобрания срываются, потому что [крестьяне] не хотят ходить [на них]. Нет плановости, нет организованности. В партячейке правый уклон. Одного обвиняли в союзе с кулаками, другой ходит в церковь, некоторые выступают с кулацкой агитацией. Ячейка ничего не предпринимает с этими проявлениями. По моей инициативе началась борьба против правой опасности. [По] подготовке сбора семян много было проведено раньше, чем получили директиву. Создан новый колхоз, коллективизировано на 90%. Исключено 2 зажиточных хозяйства. Кулацкая агитация есть. [...]

Председатель*

Секретарь

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 668. Л. 13–13 об.

Копия. Машинопись.

100

*Из протокола собрания студентов Югославского сектора
КУНМЗ – отчеты студентов 3-го курса университета о весенней
практике по вовлечению крестьян в колхозы*

321

25 марта 1931 г.

Председатель – т. Маслобоева. Секретарь – т. Брагина.

Повестка дня:

1. Итоги практической работы.
2. Разное.

Слушали:

Тов. Павлов: Я был на практической работе в Симферополе, в районе Евпаторийском⁹⁷, в колхозе семеноводч[еском]. Через две недели должны были быть посевы, а семена были собраны на 26%. Три года у них не было урожая. Собрать вовремя семена было невозможно, но все же мы собрали на 80%. Скот сдыхал с голоду. За короткий период сдохло больше 80 овец из-за того, что не было фуража. Мы обращались в район, но они нам не помогали, они только говорили: «нажимайте на колхозы», а колхозы имеют задолженность

* Подписи отсутствуют.

по несколько тысяч. Не только фураж, но ничего не удавалось собрать, чтобы улучшить положение колхозников. МТС выпускала трактора не совсем в порядке, трактористы молодые и не умеют хорошо работать. Керосин не экономят. Условия работы тяжелые.

Вопросы:

[...] *Тов. Петрович*⁹⁸: Как дело обстоит с коллективизацией, и что сделал ты?

Тов. Павлов: Когда я приехал, было коллекти[визи]ровано на 66%, а когда я уехал – на 78%. Коллектив[изация] была бы на 100%, если бы им давали фураж и семена.

Тов. Петрович: Каково выполнение хлебозаготовок?

Тов. Павлов: Выполнение на 100, 110 и 140%. [...]

[Слушали:]

*Тов. Протич*⁹⁹: Я работал в Западной области, в д. Машигина Гара¹⁰⁰. Это потребительский район. Они работали на промыслах, а крестьянство – побочно. Люди раньше занимались эксплуатацией. Много лавочников. Если зайти в любой дом, можно увидеть фотокарточки разных офицеров, жандармов и др. Со мной работал студент из Латсектора. Когда мы говорили крестьянам и даже беднякам о посевной кампании, о колхозах, то они говорили: делайте с нами что хотите, мы в колхоз не пойдем. Когда я говорил в сельсовете – они говорят, что у них кулаков нет, есть зажиточные, остальные бедняки. План не выполнялся, предсельсовета не принимал никаких мер, вообще там правый оппортунизм. Мы обнаружили 20 эксплуататоров-кулаков. Я подробности сообщу в ячейку, у меня много материала о политнастроении жителей. Настроение там не колхозное, и там колхоз только компрометирует колхозное строительство^{*}. Все находится в подкупности у кулаков. Я поставил вопрос, если они будут так относиться (халатно, преступно) к инвентарю, то мы будем их штрафовать. Тогда они стали лучше относиться. Была там растрата 300 руб., я сообщил в район, [что] нужно принять меры. Колхозники находятся в подчинении кулацкого элемента. Когда был отчет колхоза, то большая половина была за то, чтобы разойтись. Я хотел зажечь в них энтузиазм, но ничего не помогало, тогда я сказал, что землю придется отдать колхозу, а расчет произвести с теми, кто уходит, можно в конце года. Это подействовало на крестьян. Там недалеко граница, где были и работали вредители-меньшевики и, конечно, сказывается влияние их. Еще коллектив зависит от местных работников. Если район не ведет правильно работу, если нет руководства, то работа от этого страдает. Они зарабатывают на лесозаготовках и много

^{*} В документе – «строение».

прирабатывают. Я вместе с ними работал, чтобы ближе познакомиться и подойти к ним. Из партработников некоторые пьянствуют и дискредитируют нашу организацию. Я предложил району выслать одного работника из района, т.к. он имеет плохое влияние на бедняков и коллективизацию. Проводил каждый день собрания за исключением поста, когда все были пьяные. Надо изжить кулаков, которые прикрываются «тружениками» – работниками, как их называет предсельсовета.

Вопросы:

Тов. Макаров: Какие организации ты ставил в известность обо всем?

Тов. Протич: Я ставил в известность и парт[ийные], и районные организации.

Тов. Павлов: Делали ли вы суды над невыполнением разверстки?

Тов. Протич: Сначала их штрафовали, а 5 человек должны были судить.

Тов. Петров: Как вы знали – может ли выполнить он задание или нет?

Тов. Протич: Мы давали задания, которые они могли выполнять.

Тов. Воронцова: Ты говорил, что бедняки настроены против нас?

Тов. Протич: Да, они в течение месяца не могли уйти из-под гнета и влияния кулаков. Они и экономически, и политически зависят от кулаков.

Тов. Макаров: Что предприняли вы против того, что предсельсовета сказал, что нет кулаков, а кулаки есть?

Тов. Протич: Мы поставили в известность район, и меры будут приняты.

[*Слушали:*]

Тов. Петрович: Я коснусь о посылке нас на практработу. Нас мало ознакомили перед посылкой на практработу с новыми методами работы в деревне. В этом году большие изменения в работе и строительстве колхозов. Где я работал, там не совсем нужно было посылать [столько] работников, а послали двух человек. Я был в селе Сталино¹⁰¹. Это болгарский колхоз, существующий с 1929 г. Когда я приехал туда, коллективизация была на 65%, а когда уезжал – 91%. Коллектив надо было довести до 95%, а 5% – это элементы кулачества. Я начал вести работу по хлебозаготовкам и финансовым кампаниям.

Партийные и комсом[ольские] коллективы брали ставку на ликвидаци[ю] прорыва по заготовке. Колхозно-посевная площадь расширена на 32%, а некоторых культур и [на] 50%. Основная бедняцкая и середняцкая масса сделала поворот к строительству колхозн[ого] движения. Есть часть, которая находится под влиянием элементов кулачества, которые агитируют против колхозов. Масса, благодаря хорошей работе парторганизации, ведет против спекуляции и против тех, кто шел за кулачество, борьбу.

Мы делали обыски у злостных невыполнителей плана, были случаи, когда в первый день не обнаруживали хлеба, через два дня находили хлеб у него же. Были случаи, когда в ямы прятали хлеб. Многие даже не веруют в бога и сняли иконы, но не уничтожают их, мотивируя, что боятся, что придет старый строй и им придется ответить за то, что нет икон. [...]

Вопросы:

Тов. Богдановский: У кого вы делали обыски?

Тов. Петрович: У того, кто не выполнял план злостно.

Тов. Григорьев: Есть часть [бедняков], которая находится под влиянием кулаков, что вы сделали и как делали обыск и как отбирали?

Тов. Петрович: Под [их] влиянием наход[ятся] некоторые бедняки, которые не хотели платить налог, мы всячески старались агитировать их, предупреждали по несколько раз и, наконец, делали обыск.

[Слушали:]

*Тов. Тодорович*¹⁰²: Я работал в Молдавии, в [селе] Парканы¹⁰³. Там правый уклон и в партячейке, и в сельсовете. Были перегибы с беднотой, их облагали налогом. Мы организовали бригады. Кулаки имели большую задолженность, около 70 тыс. руб., и кулацкие дома покупали колхозы. Когда обыскивали кулаков, то из ям (иногда даже сами) вытаскивали хлеб и отдавали. Коллективизация была на 80%. Но состав коллектива был слаб. Они не сумели распределить работу. Провел собрание по посевной кампании, и поставили вопрос о переходе в коммуну. Мужчины согласились, женщины не хотели. По финналогу была задолженность около 12 тыс. [руб.]. Организовали [первичные организации] ОАХ¹⁰⁴, МОПР, читальню и кружок молодежи. Оппортунизм – на собрании постанавливали и писали одно, а в жизнь не проводили. Был [объявлен] выговор пяти партийцам. Их РИК послал на работу в другое село. Кулаки там ликвидированы, а подкулачники есть. Церковный комитет раскулачили, и они хотят вступить в колхоз, но сельсовет не дает согласия. Их не хотят высылать, но оставили без права. [...]

[Слушали:]

Тов. Морозова: Я работала в Благоевском районе. Прежде всего я познакомилась с положением на селе. Коллективизация [проведена] на 85%. Плохо дело обстояло с хлебозаготовками. Я работала в сельсовете Павлинка¹⁰⁵. Партячейка плохо развита, больше кандидатов партии. Меня послали в 2 деревни. В одной коллективизация [проведена] на 100%, а в другой – инициативная] гр[уппа]. Я обратила внимание на ремонт инвентаря. Кузницы не было, инвентарь неотремонтированный стоял под снегом. Провела 2 собрания с комсомольцами. Проверила семена. Потом меня перебросили в другую

деревню. Там коллективизации не было, была инициативная группа, которая хотела организовать колхоз. Моя задача была объединить крестьянство в колхозы. Я работала по сбору семян. Там было кулачество. Однажды ночью мы обнаружили, как крестьянин вез на базар хлеб продавать. Хлеб мы арестовали. Когда я уезжала, семена были собраны на 100%. В этом районе пропало много пшеницы из-за влияния кулачества и неорганизованности коллективного труда. Контрактацию по яровым посевам я провела на 100%. Организовали коллектив на 56%. Составили рабочий и производственный план. Подготовились к севу к 10 марта. Обобществили всех лошадей и начали приготавливать фураж. Я работала по хлебозаготовкам – провели на 100%. Никакая работа раньше не велась с беднотой. Вела работу среди женщин. По вечерам проводила собрания с женщинами и вообще. В районе коллективизация на 75–80%.

[Слушали:]

Тов. Бубнов: Я работал в коммуне Благоево. Работать приходилось с нацменами. Я считаю, что посылка целесообразна в коммуны. Я принимал участие во всех кампаниях, хлебозаготовках, по сбору финансов в коллективах. Хлебозаготовки были перевыполнены по некоторым культурам. Коллективизированы деревни на 42% были, когда я приехал, а когда уезжал – на 100%. Работа вначале была трудная. Мы проводили массовые собрания и индивидуальные обработки. Весь актив был разложен, и работа, которую бригада вела, срывалась. Одного уполномоченного сельсовета отдали под суд за контрреволюцию. Проводились обследования разных колхозов, раскулачивания и т.д. Все силы не могли использовать рационально. В отношении коллективизации – население понимает, и против нет никого, но руководства нет. [...]*

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 668. Л. 21–23 об.
Отпуск. Машинопись.

* Не публикуются прения по докладам. Подписи под документом отсутствуют.

Записка ректора КУНМЗ М.Я. Фрумкиной в АПО ЦК ВКП(б) о выпускниках Югославского сектора университета, бывших фракционеров Компартии Югославии, оставленных временно на работе в СССР, с приложением характеристик на них

12 мая 1931 г.*

Сов. секретно

Препровождая при сем характеристики на окончивших Югославский сектор КУНМЗа и оставленных покуда на работе в СССР тт. Катаняна, Лазаренко, Хлебникова, Киселева, Лаврентьева, Павлюченко, Селезнева, Соломатина, [Сорокина] и Загорского, прошу принять в сведению следующие обстоятельства.

Первые годы учебы этих студентов в КУНМЗ проходили в период, когда Компартия Югославии и ее ЦК раздирались беспринципной фракционной борьбой, и эта борьба переносилась в эмиграцию и в Югославский сектор. Почти каждый приехавший в Югославский сектор КУНМЗ товарищ или был готовым фракционером, или превращался в него под влиянием фракционной обработки. Имелись «правые», «центр», «левые». Левые подпали под влияние двурушников-троцкистов, которые использовали разногласия по югославской линии для втягивания левых в свою антипартийную, контрреволюционную работу. Весной 1929 г. троцкисты добились создания беспринципного правого блока против ЦК Компартии Югославии, а затем составили двурушнический документ, в котором под видом защиты линии партии проводилась травля руководства Компартии Югославии и ИККИ и руководства университета. Этот документ-платформу подписал 41 студент Югославского сектора (левая группировка). Оздоровление Компартии Югославии, с одной стороны, и активная работа бюро яч[ейки] ВКП(б) при помощи ЦК ВКП(б) и ИККИ привели к полному разгрому этих фракций. Троцкистские руководители этой группировки разоблачены, выброшены из партии. Другие, наиболее активные фракционеры, правые и левые, исключены из университета. Среди оканчивающих в настоящем 1931 г. – никого из тогдашних фракционных вождей нет. Проведенная чистка и партвоспитательное воздействие привели к оздоровлению сектора, к снятию всех подписей, к широкому саморазоблачению подавляющего большинства бывших фракционеров и полному изживанию большинством своих ошибок. Некоторые уже проверены на ответственной работе в стране. Значительная часть выходит из стен школы выдержанными

* Датируется по написанным одновременно, но не публикуемым в данном издании характеристикам на упоминаемых в записке студентов.

и заслуживающими доверия партийцами и будут использованы по назначению. Но у некоторых товарищей или еще проявляются остатки фракционных настроений, или относительно них нет еще достаточной уверенности в том, что эти настроения ими окончательно изжиты. Их надо проверить на работе в СССР. Оставляются на некоторое время в СССР и товарищи, нуждающиеся в закалке, в пребывании среди индустриальных рабочих.

Необходимо учесть, что колебания и фракционные действия подавляющего большинства возникли исключительно по линии борьбы югославских группировок, они сознательными троцкистами не были, а были опутаны троцкистами-*двурушниками*^{*}, умело использовавшими левые настроения, с которыми товарищи приезжали из страны и которые отчасти были реакцией на правооппортунистическую работу бывших вождей.

Ректор университета

Фрумкина

Приложение

Характеристики на студентов 4-го курса Югославского сектора КУНМЗ

10. Сорокин. Политически выдержан. Подписал троцкистскую «платформу со-рока одного», сразу и полностью изжил, отказался. Хороший товарищ. По учебной линии занимался добросовестно и дал хорошие успехи. Разбирается хорошо в задачах революционного движения. Умеет применять ленинский метод. Ленинизм усвоил хорошо.

15. Селезнев. Один из активных участников левой фракционной группировки, находился под сильным влиянием троцкистов и подписал троцкистскую «платформу со-рока одного», подпись снял, активно выступал против фракционеров, но неустойчив и может подпасть под непарт[ийное] влияние. На чистке получил выговор за фракционную работу. По учебной линии работал усердно и является одним из сильных студентов. Реком[ендован] на орг- и культпросветработу.

16. Соломатин. Был правым по вопросам КПЮ и своих фракционных настроений не изжил. На чистке за фракционную работу получил выговор. Недостаточно дисциплинирован. По учебной линии занимался хорошо и является академически сильным студентом, но основы ленинизма усвоил недостаточно. Низовая работа под руководством. [...]

Характеристики после обсуждения приняты единогласно.

Председатель

Павлюченко

Секретарь

Грей

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 670. Л. 18–18 об., 120–121.
Отпуск. Машинопись.

^{*} Здесь и далее подчеркивание в документе.

Из протокола собрания студентов и преподавателей Югославского сектора КУНМЗ совместно с активом югославских политэмигрантов – резолюция по итогам проведенной чистки партийных рядов

5 марта 1933 г.
Секретно

Резолюция

Собрание Югославского сектора при КУНМЗе совместно с эмигрантским партактивом в Москве* вполне одобряет работу комиссии по чистке и считает, что чистка, освободив КПЮ от чуждых, случайных и зараженных многолетней групповой борьбой фракционных элементов, сыграла крупнейшую историческую роль для оздоровления партии и для ее дальнейшей большевизации. [...]

Собрание отмечает, что группа членов партии под руководством исключенного из рядов партии Драгачевца как во время чистки, так и после ее окончания вела активную фракционную борьбу и создала свою конспиративную фракционную группу в Москве, направленную против партийного руководства, партийного представительства ИКК. Эта группа делала попытки расширить свою антипартийную деятельность на товарищей внутри СССР и за границей, а также перенести фракционную борьбу на родину. Собрание с негодованием осуждает преступную антипартийную борьбу исключенного из партии Драгачевца, который, с одной стороны, иезуитски, двурушнически уверял ИКК и партию в своей «верности» партии и КИ и в полном отказе от всякой фракционной работы, а с другой стороны, подлым способом вел подрывную работу против партии, организовав свою антипартийную группу, натравливая** молодых партийных товарищей против руководства и ИКК. Собрание считает нужным снять с него маску «честного революционера» и осуждает его как неисправимого фракционера, и призывает всех товарищей ликвидировать гнилой либерализм в отношении к таким антипартийным элементам.

Собрание считает, что чистка сделала решительный перелом в деле оздоровления партии и подняла ее авторитет в глазах рабочих масс, и призывает всех товарищей помочь партийному руководству в проведении в жизнь решений комиссии по чистке, которые имеют громадное директивное значение

* Основным пунктом повестки дня собрания был «отчет партийного представительства об итогах чистки (докладчик т. Митрович)» (РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 391. Л. 45).

** В документе употреблено слово «отравляя».

для всей нашей партии и в деле большевистского воспитания партийного членства в духе этих решений.

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 391. Л. 120.
Копия. Машинопись.

103

Из протоколов № 12 и 13 заседания комиссии по партийной чистке членов ячейки Югославского сектора КУНМЗ

17–19 октября 1933 г.

Председатель комиссии – т. Ангаретис¹⁰⁶.
Члены комиссии – тт. Бруцер-Пельше¹⁰⁷, Капырин.

Протокол № 12: отчет зав. сектором т. Митровича и проверка члена партячейки т. Козлова

17 октября

Отчет т. Митровича¹⁰⁸ (зав. сектором).

Наш сектор прошел чистку в прошлом году при ИККИ. Наш сектор до сих пор был поприщем фракционной борьбы. Сектор из этой чистки вышел оздоровленным, что дало возможность сдвинуть свою работу, как партийную, так и учебную. Политическое положение сектора, можно сказать, вполне здоровое. Остаткам фракционности был дан решительный отпор. Группа Драгачевца получила решительный отпор. Тов. Краснов проявил групповое настроение, но после чистки, благодаря решительному отпору, должен был сдать, что, несомненно, замечается на его работе.

Тов. Андреев пытался противопоставить линию партии линии Коминтерна. Я не смогу сказать, что он полностью и целиком изжил свои групповые остатки. Он был одним из руководителей правой фракции.

По академической линии мы в основном перестроились. Но все-таки имеют остатки еще старого метода в преподавании. Актуализация предметов, их связь с событиями в стране – в этом деле только делают первые шаги.

Одним из крупных недостатков является слабая грамотность, недооценка родного, а также и русского языка. С преподавательскими кадрами не все благополучно, например, преподавателя по ленинизму еще не имеем, здесь вина и учебной

части, и кафедры. Сектор берет курс создать, т.е. расширить, аспирантуру, создать свои преподавательские кадры. В прошлом году было принято три аспиранта, из них один был снят, а т. Силин просто не мог со своей теоретической способностью овладеть аспирантурой.

Соцсоревнование носило шаблонный характер. Соцдоговоры не проверялись, но после 1 мая дело сдвинулось значительно вперед.

Бытовая жизнь на секторе не всегда на должной высоте. Случай т. Хрибара известен всем – отношение к женщине, с которой ни один партиец не должен вступать ни в какие отношения.

Работа при нацуголке значительно улучшилась, но все-таки чувствуется то, что я как руководитель сектора не смог достаточно уделить внимания сектору.

Руководство сектором в основном справилось с работой, и сектор стал политически здоровым.

Проходят чистку:

1. *Тов. Козлов*: Родился в 1898 г. в Венгрии в средняцкой семье. В 1905–1916 гг. мальчиком работал в типографии. В 1916–1918 гг. – на войне, с 1923 г. в партии. Кончил КУНМЗ, теперь командирован в аспирантуру. Недостаток: трудно признаю ошибки. [...]*

Тов. Мокаенко: Я знаю Козлова в КУНМЗе. Он говорил, возвращаясь с практики, что рабочие в совхозе живут хуже, чем венгерские батраки в Венгрии. На прак[ической] работе после этого, на заводе, тоже говорил, что из-за того, что рабочие плохо живут, может грозить опасность во время войны, что рабочие не будут на нашей стороне, а наоборот. По-моему, он имеет карьеристские тенденции, это он показал на прак[ической] работе. Он говорил, что к т. Митровичу нельзя иметь доверие как к партийному представителю. Тов. Козлов имеет большие мины, его надо, по-моему, отправить на производство, а потом в аспирантуру.

Выводы комиссии по чистке ячейки:

Козлов Сергей Сергеевич, г.р. 1898, из крестьян-середняков (в анкете сказано, что из крестьян-бедняков), рабочий, студент КУНМЗа, член КПЮ с 1923 г., член ВКП(б) с 1931 г. (п/б № 2092783). По югославской чистке в 1932 г. югославский партстаж был сокращен с 1919 г. на 1923 г.

Постановление комиссии:

Считать т. Козлова проверенным. Обязать т. Козлова уточнить свою автобиографию.

Председатель
Протоколисты

Ангаретис
Губер, Лопачев

* Опущены вопросы, заданные членами партсобрания С.С. Козлову, и проверка еще девяти членов ячейки.

Протокол № 13: проверка члена партийной ячейки, кандидата в члены ВКП(б) т. Краснова

19 октября

11. *Тов. Краснов*: Родился в 1904 г., рабочий, родители – кустари. Кончил 4 года школы. С 14 лет работал на физической работе. С 1924 по 1926 г. служил в армии. В 1924 г. вступил в комсомол. В 1928 г. вступил в партию. Был арестован. В стране фракционером не был, симпатизировал левым. В Москве я делал ошибки во время учебы истории КПЮ. Я считал, что левые имеют заслуги в деле большевизации нашей партии. Эту ошибку я с трудом осознавал. Теперь я ее осознал, стараюсь изжить все эти остатки... В стране я работал с хорошими товарищами, которые принадлежали левой фракции. Я вел борьбу только против правых.

Вопрос: Делал ли ошибки во время практической работы?

Ответ: Не делал.

Вопрос: Были ли колебания у тебя на основе продовольственного обеспечения?

Ответ: Было трудное положение, кушать было нечего благодаря кулацкой агитации... У меня не было никаких колебаний насчет этого. Я требовал улучш[ения] питания, ибо угрожал срыв уборки. [...]*

Выводы комиссии по чистке ячейки ВКП(б)

при КУНМЗ Югославского сектора:

Краснов Владимир Николаевич, г.р. 1904, из семьи кустика, кустарь, студент КУНМЗа, член КПЮ с 1928 г., делал левые загибы по истории партии, долго настаивал на своих ошибках и только впоследствии отказался. Не член ВКП(б).

Постановление комиссии:

Для перевода в ВКП(б) т. Краснов должен представить рекомендацию Югославской секции.

Председатель
Протоколисты

Ангаретис
Губер, Лопачев

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 376. Л. 1–2, 10, 13, 23.
Копия. Машинопись.

* Опущены материалы проверки еще восьми членов партии.

Глава 3. КОМИНТЕРН И «ВЕЛИКОСЕРБСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ»

104

Из резолюции VI конференции Балканской коммунистической федерации¹⁰⁹ по югославянскому вопросу о проблеме национального угнетения, сербско-хорватско-словенском конфликте и о политике притеснения национальностей

Не ранее 26 ноября 1923 г.*
г. Москва

1. Национальный вопрос

Победа, одержанная Антантой над Центральными державами, разрушила практикуемую ими систему национального гнета, но лишь затем, чтобы заменить ее новой системой, не менее ненавистой и жестокой. Союзники и протеже крупных империалистических антантовских держав – сербская, румынская, чешская и словенская буржуазия – при помощи своих войск оккупировали крупные области, населенные другими нациями, отняв у них все права, кроме права безоговорочного подчинения их *своему*** господству, и проводят в отношении их политику жесточайшего гнета.

Мирные договоры – Версальский, Трианонский и Нейи[ский]¹¹⁰ освятили эту новую систему *национального гнета*, грубо нарушили право самоопределения наций и установили границы не на основании свободного выбора национальностей (воля болгарского народа в Царибродской*** области¹¹¹ была насиллована), а согласно интересам крупных империалистических держав и их вассалов, и в первую очередь сербской буржуазии и монархии.

Итак, вопреки утверждению защитников сербской гегемонии – Югославия – не продукт «национальной революции» и свободного волеизъявления населяющих ее народностей. Наоборот – это продукт вооруженной победы, одержанной крупными империалистическими антантовскими державами, и нарушения права самоопределения всех народностей, населяющих оккупированные сербской монархией и буржуазией области.

* Датируется по последнему дню работы VI Балканской коммунистической конференции, проходившей с 8 по 26 августа 1923 г. в г. Москве.

** Курсивом здесь и далее выделены слова, вписанные неустановленным лицом в текст резолюции.

*** Географические названия, данные в документе с искажениями, публикуются в исправленном виде.

Таким образом, освободительная борьба угнетенных национальностей по необходимости становится борьбой против империалистических договоров, освящающих факт их порабощения империалистической буржуазией и сербскую гегемонию, а потому югославский пролетариат должен бороться против империалистических договоров плечом к плечу с пролетариатом международным.

2. Сербско-кroatско¹¹²-словенский конфликт

Извлекая для себя пользу из победы, одержанной союзниками, и воспользовавшись их армией, опираясь на контрреволюционную роль национальных советов, сербская буржуазия и монархия навязали всем другим нациям свою грубую гегемонию. Выражением этой опирающейся в международном масштабе на империалистические мирные договоры гегемонии служит монархическая и централистическая Видовдановская конституция¹¹³ и вся политика белградского правительства, где явно преобладают интересы сербской буржуазии и монархии. Против этой политики гегемонии и гнета все сильнее и сильнее начинают восставать угнетенные национальности. Обладая в Югославии численной политической и экономической силой, кроатские и словенские народности борются все сильнее и сильнее, группируя вокруг себя все прочие народности. Можно сказать, что это сопротивление сербской гегемонии объединяет все классы кроатского и словенского народа. Но кроатская и словенская буржуазия готовы признать монархию, а вместе с тем и сербскую гегемонию, если только *им* сделают за это политические и экономические уступки (областная автономия, оставляющая *в силе* классовое господство). Что касается широкой народной массы, то она, наоборот, решила бороться против сербской гегемонии, вплоть до полного осуществления права самоопределения.

В интересах и прямой долг революционного пролетариата Югославии – поддержать угнетенные народности в их борьбе против сербской гегемонии и за право самоопределения, вплоть до *окончательного* разрешения этого вопроса. Коммунистическая партия будет стараться вовлечь в эту борьбу все трудовое население Сербии, [разъ]ясняя ему реакционный характер этой гегемонии и монархии.

Разумеется, что в своей борьбе против сербской гегемонии Югославская коммунистическая партия должна парировать маневры кроатской и словенской буржуазии, стремящейся к компромиссу с буржуазией сербской в интересах защиты собственных классовых интересов ценой предательства интересов и стремлений широких масс. Перед лицом этих маневров, производимых буржуазными партиями, старающимися использовать массу, чтобы в нужный момент отвести ее в сторону и развязать себе руки для сделки с сербской буржуазией и монархией, коммунистическая партия должна показывать массам угнетенных народностей, что отстаивать их интересы и их права

¹¹² Так в документе. Имеется в виду «централистская».

к самоопределению *удастся* лишь в дружной борьбе всей *этой* массы рука об руку с пролетариатом.

Добиваясь этого, Югославская коммунистическая партия не *остановится* на теоретических выкладках, а поведет энергичную кампанию против гнета и за освобождение угнетенных народностей и предложит единый фронт всем организациям, борющимся за право самоопределения народов. В первую голову Югославская коммунистическая партия обратится к Кroatской республиканской крестьянской партии¹¹⁴ и предложит ей отказаться от своей расплывчатой пацифистской политики и, вопреки желанию некоторых играющих в ней руководящую роль элементов, не служить игрушкой в руках буржуазии, всегда готовой предать интересы массы, а вступить в энергичную массовую борьбу – лицом к лицу с революционным пролетариатом.

В Словении коммунистическая партия непрестанно будет разоблачать двуликую политику клерикалов, всегда готовых предать интересы массы, как только сербская буржуазия и монархия пойдут на уступки словенскому духовенству и крупной буржуазии. Коммунистическая партия непрестанно будет стремиться к образованию единого фронта для борьбы против сербской гегемонии рука об руку со всеми рабочими и крестьянскими организациями в Словении и будет призывать их освободиться из-под влияния буржуазных партий и объединиться с революционным пролетариатом. [...]*

3. Национальные меньшинства

Мирные империалистические договоры отдали во власть эксплуатации со стороны сербской буржуазии компактные массы мадьяр, немцев и румын в северном воеводстве, турок, албанцев, болгар и ароманов¹¹⁵ – в числе македонской добычи¹¹⁶. Македонская проблема будет освещена в особой резолюции. В этой же резолюции под национальными меньшинствами мы будем *разуметь* лишь мадьяр, немцев и румын.

В отношении их сербская буржуазия держится политики жесточайшего национального гнета, и недовольство этих народностей, *разумеется*, весьма велико. Но и здесь не мешает пролить свет на позорную роль мадьярской, немецкой и румынской буржуазии. Вместо того чтобы действительно вести энергичную борьбу против этой империалистической и фашистской политики гнета, практикуемой сербской буржуазией, буржуазные партии этих национальных меньшинств связались с Радикальной партией Сербии, этим яростным защитником политики гегемонии. Они изменили всем справедливым требованиям массы, той массы, большинство которой составляют рабочие и крестьяне, и стали бороться исключительно за требования имущих классов.

* Опущены лозунги, выдвинутые Компартией Югославии, определяющие основные направления борьбы за право самоопределения народностей.

Этой политикой они ослабили позицию других угнетенных народностей в их борьбе против гегемонии сербской буржуазии и монархии.

Коммунистическая партия должна разоблачать политику этих буржуазных партий и апеллировать к народным массам, раскрывая им глаза и толкая их на объединение с революционным пролетариатом и трудящимися массами других угнетенных народностей.

РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 24. Л. 82–87.

Копия. Машинопись.

Опубл.: Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х гг.). В 2 ч. Ч. 1. М., 2000. С. 163–166.

105

Из стенограммы заседаний VII конференции Балканской коммунистической федерации¹¹⁷ – доклад секретаря президиума БКФ члена ЦК БКП Г.М. Димитрова¹¹⁸ о работе президиума и выступление члена ИККИ Н.И. Бухарина¹¹⁹ с критикой правого уклона в КПЮ в решении национального вопроса

9 июля 1924 г.
г. Москва

335

Заседание 1-е

Димитров: По национальному вопросу на VI Балканской конференции обнаружилась большая неясность, царящая в различных партиях. [...]

Политика по национальному вопросу встречала едва ли не наибольшие затруднения в Югославии, где имелась сильная оппозиция, отрицавшая существование национального вопроса в Югославии и создававшая для президиума большие затруднения в вопросах работы болгарской и югославской партий в Македонии. [...]

По отношению к Югославии президиуму пришлось провести дискуссию с представителями оппозиции, продолжавшуюся целую неделю. В югославской партии имеется оппозиция против Центрального комитета; представителями ее являются [Коста] Новакович*, Сима Маркович (сейчас в тюрьме) и Николович**. Они в партии занимали определенно правое место.

* В стенограмме ошибочно дается «Новикович». В СССР Коста Новакович жил под псевдонимом Петр Петрович Драгачевац.

** Так в документе. Лицо осталось неустановленным.

Тов. Маркович, а вслед за ним т. Новакович совершенно не признают существования национального вопроса в Югославии. Таким образом, оппозиция возникла вначале лишь по национальному вопросу, а затем захватила и организационный вопрос.

Тов. Маркович проводит особую точку зрения о том, что, хотя Югославия создана лишь в результате войны, она все же представляет союз национальностей, образующих единый народ. Такой союз он считает даже необходимым в интересах роста прогрессивных сил в стране. Он считает свои воззрения чисто марксистскими и не отдает себе отчета в том, что они противоположны марксизму. Он за конституцию; утверждает, что партия должна бороться за конституцию, которая дала бы полное равноправие различным национальным меньшинствам Югославии. К этому сводится один из существенных пунктов его программы. Он находит, что в Югославии все конфликты, все обостренные вопросы имеют лишь политический характер, но что в них нет ничего национального.

Тем не менее президиуму удалось созвать конференцию, на которой были выработаны принципы реорганизации общей работы различных партий Македонии.

Надо сказать, что товарищи из оппозиции, и особенно т. Маркович, всегда выражают особую точку зрения относительно общих условий Югославии, да и всех Балкан в целом.

Он этих условий не считает революционными, наоборот, скорее контрреволюционными, и из этого, по его мнению, следует, что партия должна лишь собирать силы, заниматься пропагандой, но не пускаться в авантюристические выступления.

На конференции, в которой участвовал президиум, эта точка зрения была признана чисто социал-демократической, реформистской. Он и т. Новакович заявили также, что в Югославии Коммунистической партии нет, а есть только группа коммунистов.

Президиум старался узнать, как далеко простирается влияние этих товарищей на массы. [...]

Бухарин: Я буду говорить весьма осторожно, так как я недостаточно знаком с событиями, протекающими в Болгарии.

Если считать, что сейчас на Балканах мы имеем революционную обстановку, если революция становится вопросом нынешнего дня, то ясно, что Болгария будет революционным центром, а Югославия – контрреволюционным. Этот момент для нас является самым важным; вопрос сводится к тому, каким образом можем мы дезорганизовать контрреволюционные силы Югославии.

Это мы должны ясно понять и обсудить.

По существу, если мы не сможем парализовать контрреволюционные силы югославского государства, то революция на Балканах будет разбита.

Следовательно, мы должны принять все меры и напрячь все усилия к тому, чтобы сломить силы контрреволюции^{*}.

Отсюда ясно, что если т. Маркович действительно проводит точку зрения, изложенную здесь т. Димитровым, то мы должны сказать, что эта точка зрения не только ликвидаторская, но прямо контрреволюционная. Линия т. Марковича могла иметь место только до войны, но после нее нельзя больше говорить о том, что производительные силы страны развиваются в той же мере, как и возникающие здесь конфликты. Эта идеология лишь подкрепляет капиталистическое империалистическое государство.

Но мы должны стремиться к разрушению капиталистического государства, и балканские страны должны сделать то же, что было сделано по отношению к империалистическому государству России. Русская революция помогла и всем сепаратистским элементам Финляндии и поддерживала все движения за отделение здесь и в других местах. То же самое нужно сделать во всех империалистических государствах Балкан, и прежде всего в Югославии.

Во всяком случае, идеология т. Марковича и его адептов – не наша идеология. Она контрреволюционная. И самым важным является сейчас вопрос об идеологической ориентации, которую мы должны установить по отношению к Югославии. Ради этого мы не должны останавливаться ни перед какой хирургической операцией, если она окажется необходимой, т.е. если нам придется совершенно разойтись с т. Марковичем и его адептами, ибо их идеология есть не что иное, как идеология буржуазии^{**} Сербии. [...]

Какова должна быть наша позиция в этом вопросе? Нашими основными лозунгами и здесь должны быть по возможности самые радикальные: отделение, независимость всех республик и т.д., так как нам необходимо поддерживать национальные конфликты.

Впоследствии мы разберемся. Прежде всего мы должны добиться гегемонии Коммунистической партии. Что потом? Ну что же, остается снова обратиться к примеру Советской России, где Коммунистическая партия едина и прекрасно руководит всеми независимыми республиками. [...]

РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 39. Л. 7, 9, 12–14.

Копия. Машинопись.

Оубл.: Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции.

Ч. 2. М., 2003. С. 58–60, 62–63.

^{*} Курсивом выделены слова, вписанные карандашом над текстом стенограммы.

^{**} Далее зачеркнуто слово «Великой».

17 октября 1926 г.

Присутствовали: все студенты Ю[го]с[лавского] сектора, студенты Свердловского университета, зав. Югослав[ским] сект[ором] КУНМЗ т. Брацанович, преподаватель КУНМЗ т. Цилига и студент [Международных] Ленинских курсов т. Волков.

Председатель – т. Панькович. Секретарь – т. Лаушевич.

Повестка дня:

1. Доклад об эконом[ическом] и полит[ическом] положении в Югославии.
2. Разное*.

Слушали:

1. Доклад *т. Цилиги* об экономич[еском] и политич[еском] положении в Югославии.

Докладчик говорит прежде всего об экономическом положении. В 1919–1920 гг. югославской буржуазии угрожали две опасности: инфляция и революция. Последнюю буржуазия устранила «обзнаной»¹²⁰, первую – дефляцией. Сейчас все отрасли югосл[авского] хозяйства находятся в состоянии тяжелого и длительного кризиса. Кризис в сельск[ом] хозяйстве был вызван открытием русского хлебного рынка, с которым Югославия не могла конкурировать. Положение крестьянства ухудшается, кроме кризиса, еще нажимом налогового пресса. Югославский бюджет базируется на косвенных налогах, которые составляют 83% всех госдоходов.

Югославия имеет более миллиона наемных рабочих, из которых индустриального пролетариата около 700 тыс., и из них 200 тыс. безработных. Безработные никакой поддержкой от государства не пользуются, 8-часового рабочего дня фактически не существует. Индустрия, существующая внутренним рынком, умирает из-за потери крестьянством покупательной способности. Пассивное сальдо и дефицит в бюджете ведут к падению денег, а вместе с тем и к обострению общего кризиса народного хозяйства.

Дальше докладчик переходит к обрисовке политического положения. Прежнее единовластие сербской буржуазии сменилось полосой компромиссов с представителями буржуазии других наций. Причины капитуляции

* Не публикуется.

радикальской партии¹²¹ кроются в нажиме хорватской крупной буржуазии, желающей принять участие в прибылях, и безвыходном положении крестьянства, склоняющегося на путь открытого восстания. Радич выбрал путь капитуляции, и результатом явилось коалиционное правительство, ставящее своей задачей распределение прибылей между всей буржуазией и являющееся единственной формой правительства, способной удержать власть. Сербская буржуазия, которая и в коалиционном правительстве играет главенствующую роль, разделилась на два лагеря, выражающихся в группировках радикальных партий. Одна часть, во главе с королем и двором, является сторонником коалиции, другая, возглавляемая Пашичем и не понимающая экономической подоплеку происходящего, жалеет о тех временах, когда одна сербская буржуазия имела монополию эксплуатации, и хочет эти времена возвратить.

Другие партии большого значения не имеют, но, принимая участие в борьбе главных группировок, способствуют обострению политического кризиса. [...]

Постановили:

Принять к сведению.

Председатель

Секретарь

Панькович

Лаушевич

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 649. Л. 38.

Отпуск. Машинопись.

107

Из протокола собрания Югославского сектора КУНМЗ – доклад секретаря КИМ Милана Горкича о последствиях военного переворота в Югославии

17 января 1929 г.

Докладчик: Нам уже известно о военном перевороте в Югославии¹²². Там мы имеем теперь самую реакционную фашистскую диктатуру в истории абсолютных монархий. Она не была неожиданностью ни для юг[ославского] раб[очего] класса, ни для нашей партии, которая этот переворот предсказала полгода тому назад. По целому ряду признаков партия видела, что кабинет Короща¹²³ будет сброшен, [что] Крестьян[ско]-дем[ократическая] коалиция¹²⁴ капитулирует и военная диктатура [будет] неминуема.

Сербская буржуазия пыталась консолидировать эк[ономическое] положение страны за счет рабочих и крестьян. Хозяйственный кризис длится уже 3 года. Все попытки стабилизации были безжизненны. Баланс был и будет пассивным.

Промышленность развивается только военная. Экономическая зависимость от крупных капит[алистических] государств усиливается благодаря займам. Буржуазии нужны были новые займы, а их англ[ийские] и франц[узские] капиталисты могли дать только при условии военной диктатуры.

В стане буржуазии не было единства, об этом свидетельствуют выстрелы Рачича¹²⁵. Буржуазия была поделена на 2 лагеря, боровшихся за дело в прибылях от эксплуатации крестьянских масс. В то же время шел процесс распада внутри самих буржуазных партий. Диктатура объединила финансовую буржуазию всех партий и национальностей. СДС* коалиция¹²⁶ диктатурой была поделена на 3 группы:

1. Прибичевич – группа крупных банкиров.
2. Мачек¹²⁷ – связь с королем.
3. Пернар – остался верен принципам национальной борьбы.

Огромную ответственность за диктатуру несет СДС коалиция, которая препятствовала всякому движению масс против военной диктатуры своим лозунгом: «За короля и народ».

Военная диктатура – шаг по указу Англии и Франции, вводящих Югославию в антисоветский блок и войну против СССР.

Антисоветский блок на Балканах идет в двух направлениях: 1) за устранение местных противоречий между государствами, 2) введение одного и того же режима во всех балканских странах. Югославия примирена с Италией, Болгарией, Грецией и Албанией. Примирена Румыния с Венгрией. Король перед провозглашением диктатуры был в Париже, где санкционировал переворот. Английский посланник был в Загребе и вел переговоры с вождями оппозиции, предлагая все, кроме независимости. Когда же с ним не согласились, он рекомендовал королю диктатуру. Теперь Югославии обещан крупный заем на «поправку хозяйственного положения».

Диктатура в Югославии не кратковременна. Она длительна и может быть покончена только вооруженным восстанием пролетариата, одна партия не будет представлять собой режим. Наоборот, режим будет использовать все партии. Он будет опираться на хорошо подобранный милитаризованный аппарат.

Национальное угнетение не уменьшилось бы с вхождением в кабинет Мачека или другого вождя СДС. Коалиция полностью капитулировала под давлением королевского сапога.

Дальнейшая перспектива зависит от правильности оценки. Диктатуру надо рассматривать как последний шаг сербской буржуазии. Это хорошая перспектива революционизирования масс и вовлечения их в вооруженное

* Аббревиатура дается на латинице. Следует читать «КДК».

восстание. До последнего могло бы дойти даже и в том случае, если бы у нас не было компартии.

Основной смысл диктатуры – подготовка войны против СССР. Курс нашей партии должен быть на препятствие этой подготовке. [...]

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 660. Л. 1–2 об.
Отпуск. Машинопись.

108

Из записки информатора Коминтерна под псевдонимом «Андрей» в Орготдел ИККИ о терроре, установившемся в Югославской армии по отношению к нацменьшинствам, с приложением инструкции ЦК КПЮ по агитработе в армии и на флоте

22 декабря 1929 г.
Секретно

Вряд ли найдется еще армия в мире, внутренний режим которой достиг такой дикости и жестокости, какой он достиг в Югославии. Систематический голод, отсутствие воды на маневрах и маршах, изувечивание и избивание солдат, невероятнейшие выдумки унтер-офицеров в целях надругательства над солдатами (лай на лампочку, знаменитый «путь и телефон в Америку» и т.д. и т.п.), неслыханная ругань (мертвой матери и сестры и т.п.), уборка лошадиного навоза голыми руками, невыносимый режим, особенно для албанцев, македонцев, венгров и др[угих] угнетенных народов и нацменьшинств, многочисленные самоубийства солдат – все это только некоторые из многих зол, от которых страдают солдаты Югославской армии.

Вопреки свирепому террору, докладам офицеров против коммунизма, запрещению читать какие бы то ни было газеты и т.д., процесс революционизирования армии непрерывно усиливается. Цифровых данных у меня нет, но из бесед, которые мы имели со многими товарищами, вышедшими из армии, можно установить с полной несомненностью, что число дезертиров увеличивается, что все чаще глухой ропот переливается в пока что большей частью индивидуальные вспышки, в избивания и даже убийства офицеров и унтер-офицеров со стороны отдельных солдат, что случаи агрессивного поведения солдат, особенно черногорцев и далматинцев,

* Опущены прения по докладу. Подписи отсутствуют.

происходят очень часто и что в связи со всем этим все больше падают дисциплинарные, каторжные и даже смертные приговоры. [...]

Андрей

Приложение

Из инструкции для работы партийных организаций в армии и во флоте*

1. Значение антивоенной работы

В связи с движением рабочих и крестьян и угнетенных народов против великосербской военно-фашистской диктатуры, которая, начавшаяся с прошлого года, расширяется во всех странах Югославии, проникает все глубже недовольство также и в армию, которую диктатура рассматривала и до сих пор рассматривает как одну из наглядных опор. Мятеж офицеров и унтер-офицеров в г. Марибор, точно так же целый ряд движений солдат других гарнизонов показывают, что в армии имеются чрезвычайно благоприятные условия для развития движения против диктатуры. [...]

Успешная борьба за низвержение великосербской военно-фашистской диктатуры, как успешная борьба против империалистической войны и империалистической интервенции, невозможна без систематической работы в армии. Цель этой работы есть завербовать солдат на совместную борьбу рабочих, крестьян и угнетенных народов против диктатуры, организовать борьбу для ежедневной потребности солдатских масс, укрепление отпора солдат против шиканации [придинок] со стороны офицеров и унтер-офицеров, пропагандировать идею братания на случай войны с солдатами неприятельских стран, точно так же и переход на страну Рабоче-крестьянской Красной армии, – все это должно быть направлено для ослабления военной дисциплины и расшатания армии. К этой работе нужно приступать немедленно с большой энергией и осторожностью всем партийным организациям и комитетам. [...]

ЦК КПЮ

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1407. Л. 16, 66.
Копии. Машинопись.

* Публикуется только 1-я часть инструкции, состоящей из 10 развернутых пунктов: п. 2. Работа с допризывниками; п. 3. Организация связи с казармами; п. 4. Создание ячеек в казармах и на военных кораблях; п. 5. Форма и содержание работы партийных армейских и флотских ячеек; п. 6. Руководство местного комитета и покраинского комитета; п. 7. Конспирация в работе; п. 8. Печать и отчетная работа; п. 9. Работа между отпускниками, резервистами и полувоенными организациями; п. 10. Организация Союза комсомольской молодежи и работа в армии.

1928–1934 гг.

Тема 3. Српска револуција почетком 19. века

1928/29 школск. г.

1928. г.

[...] Први устанак (1804–1813), који је букнуо у доба посљедњих акција велике француске револуције, представља широки масовни сељачки покрет под руководством ситне (сељачке) буржоазије. Овај покрет поставио је био за циљ остварење потпуног националног ослобођења револуционарним путем. После угушења овог устанка, избија после две године нови устанак. Руководећој буржоазији успева да уз помоћ руског апсолутизма своди брзо овај покрет на пут компромиса и концесија, са револуционарног на реформистички пут. Резултат тога је била ограничена аутономија Србије под династијом Обреновића. Али је монополистичка политика династије Обреновића присилила буржоазију да ступи на пут свргнућа Обреновића у интересу слободног развитка капитализма (1842 г.) искориштавајући код тога незадовољство сељачких маса.

343

Тема 3. Припремање и увођење војнофашистичке диктатуре у Југославији

1932/33 школск. г.

30 маја 1932. г.

Москва

Celokupni kurs srbijanske imperialističke buržoazije sastojao se u tome da ona sebi osigura lavovski deo u eksploataciji proletariata i ogromne mase seoskog stanovništva u Jugoslaviji. U tu svrhu ona se služila svim sredstvima, počev od takozvanih legalnih formi (preko raznih zakona) ne bacajući se pri tom ni otvorenih ubijstava, kad je dolazila u pitanje njezina vlast koja joj osigurava eksploataciju. Da se zadovolje nezasićeni apetiti srbijanske buržoazije, stvoren je ogroman birokratsko-militaristički aparat, koji je cedio sve životne sokove proletariata i siromašnog seljštva Jugoslavije. Taj proces isisavanja nije prošao glatko bez borbe. Sve peripetije kroz koje je morala da prodje srbijanska imperialistička buržoazija nisu ništa drugo nego odraz borbe proletariata i ugnjetenih naroda sa srbijanskom imperialističkom buržoazijom. Kao posljednje sredstvo u toj borbi, da joj se osigura eksploatacija jeste uvodjenje vojno-fašističke diktature, a to označava ujedno i posljednji etap vladavine srbijanske imperialističke buržoazije. Za

proletariat, radne mase i ugnjetene narode u Jugoslaviji jedini izlaz iz situacije leži u pripremanju oružanog ustanka pod rukovodstvom KPJ, obaranje vojno-fašističke vlade i uspostava demokratske diktature proletariata i siromašnog selštva. [...]

Sastavio Andrejev¹²⁸

Pregledao Nakovanovic

Tema 5. Rast kapitalizma i njegove imperijalističke tendencije 1903–1912. g.

1934/35 školsk. g.

5 oktobra 1934. g.

Moskva

Srbija do 1903. g. bila je zemlja uglavnom sa sitnom seoskom privredom i vrlo neznatnim razvojem industrije. Dinastija Obrenovića pretvorila je najrentabilnije grane trgovine i narodne privrede u državnu, t.j. svoj dinastički monopol.

Austrijska opasnost sa severa, turska s juga, naročito nepovoljan geografski položaj Srbije – odrezanost od mora uticali su na pretvaranje Srbije u Austrijsku polukoloniju. 80% izvoza – a Srbija je bazirala ceo svoj budžet na izvozu poljoprivrednih proizvoda – išlo je preko austrijske granice. Na tu politiku, koja je smetala brzi proces kapitalističkog razvitka Srbije, nije mogla ravnodušno da gleda srpska buržoazija zastupana u Radikalnoj stranci. Ojavavajući svaki dan, ona je gledala u dinastiji Obrenovića prepreku za svoj razvitak i akumulaciju. Radi toga, da promeni politiku Srbije, srpska buržoazija, a uz pomoć vojne klike Crna ruka skinula je dinastiju Obrenovića i dovela svog eksponenta, u dinastiji Karadjordjevića, u zemlju.

Od tog momenta, Srbija je pošla putem brzog kapitalističkog razvitka i ekspanzivnih težnja. [...]

Srbijanska buržoazija razvijala je kako u Srbiji, tako i u susednim slavenskim krajevima nacionalni pokret pod glavnom parolom Oslobođenje Srba izpod tuđeg (turskog i austriskog) iga. U toj paroli motivisala je srpska buržoazija svoju imperialističku politiku, koja je dobila svoj puni izraz u budućim ratovima (Balkanski i Evropski rat). [...]

Zadanje sastavio Andrejev

Tema 6. Balkanski ratovi (1912–1913)

1934/35 školsk. g.

5 oktobra 1934. g.

Moskva

Berlinski ugovor 1878 nije rešio balkansko pitanje nego je to pitanje još jače zaoštrio. Slavenski narodi Bosne i Hercegovine potpali su pod vlast austrijske buržoazije. Balkanski ratovi takodje nisu rešili to pitanje, jer je i Makedonija bila razgrabljena medju srpskom, bugarskom i grčkom buržoazijom. Balkan koji u

nacionalnom pogledu predstavlja nacionalitetni mozaik biće slobodan i balkansko pitanje biće konačno rešeno tek posle pobedonosne proleterske revolucije na Balkanu.

Balkanski ratovi, koji su bili prologom imperialističkog rata, bili su ujedno i imperialistički ratovi. Najbolji dokaz za to je drugi balkanski rat (između Srbije, Grčke i Rumunije s jedne i Bugarske s druge strane).

Relativno laganoj pobedi balkanskih buržoazija u balkanskom ratu išli su na ruku i makedonski seljaci, koji su stenjali pod igom vojno-feudalnih odnosa. No makedonski seljaci brzo su uvideli da su oni pali iz jednog u drugo ropstvo. [...]

Zadanje sastavio Andrejev

Tema 8. Stvaranje imperijalističke Jugoslavije

1934/35 školsk. g.

25 oktobra 1934. g.

Moskva

Koncem 1915. g. Srbija a Crna Gora bile je pregažena od Austro-Ugarske, Njemačke i Bugarske vojske. Srbijanska buržoazija zajedno sa svojom vladom i vojskom evakuirala se na otok Krf u Jadranskom moru. 1916. g. bila je međunarodna politička i vojna situacija vrlo teška za Antantu. Zato je srpska buržoazija požela separatne pregovore sa Austrijom. Za dobar hod pregovora srpska buržoazija je organizovala Solunski proces, osudila na smrt vodje Crne ruke i time požela da ispunjava austrijski ultimatum iz 1914. g. samo da spase svoju samostalnost pred pobedom centralnih sila. Francuska i engleska buržoazija protivila se osudi Crne ruke jer im je tada bilo još neizvjesno, kako će se svršiti rat i u slučaju poraza ostao im je jedini izlaz da Srbija plati ceh, a vodja Crne ruke – ubijeni pukovnik Dimitrijevič – trebao je Antanti kao svjedok u optužbi protiv srpske vlade.

Za slučaj pobeđe Antante srbijanska buržoazija povela je pregovore i sa predstavnicima hrvatske buržoazije, koja se zatekla za vreme rata u inostranstvu. Posle dugih pregovora i kao reakcija na majsku deklaraciju u Bečkom parlamentu (dr. Korožec) postignut je sporazum t.zv. Krfskom deklaracijom kojim je još onda omogućena hegemonija srbijanske buržoazije i dinastije, a koju je naročito pomagao francuski imperijalizam.

Zadanje sastavio Andrejev

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 36, 60, 62–63, 65–66.

Копии. Машинопись.

Не позднее 4 января 1930 г.*

Правый уклон

Еще на первом – объединительном съезде 1919 г.¹²⁹ наша партия стояла на точке зрения за единый народ¹³⁰, несмотря на то что Югославия является многонациональным государством. И сербская буржуазия, которая вела и еще теперь ведет политику угнетения по отношению к другим национальностям в Югославии, стала на точку зрения, что сербы, хорваты и словенцы – один народ. Сербская гегемонистическая буржуазия создала эту теорию, чтобы легче могла прикрыть свое гегемонистическое угнетение и чтобы могла оправдать [и] эту теорию, [и свою] централистскую политику.

А тогдашние руководящие товарищи стали тоже на эту точку зрения, что объединение этих трех народов идет в направлении исторического прогресса, а так как коммунисты не могут быть против исторического прогресса, потому что [иначе] они тогда оказались [бы] реакционными. Таким образом, политическая линия сербской гегемонистической буржуазии совпадала с политической линией в нац[иональном] вопросе. [...]

В дискуссии, которая развернулась в нашей партии по этому вопросу в 1923 г., С. Маркович, лидер правого уклона, свел [...] национальный вопрос в конкурентную борьбу между буржуазией. [...]

Конкурентная борьба между буржуазией была, но не это составляет сущность национального движения в Югославии. Прежде всего это не была борьба между двух буржуазий, а это борьба между всех народов против сербской гегемонистической буржуазии. Вот что составляет моторную силу национального движения в Югославии.

Крестьянство в Югославии не получило землю, которая была обещана с первых дней жизни в Югославии. Бедная аграрная реформа, которая [была] проделана сразу после объединения, проделана из-за того, чтобы втереть очки недовольному крестьянству, которое только что возвратилось с фронта, пока буржуазия не расправится с рабочим классом. Спустя несколько времени и эта земля была отобрана от крестьянства. Крестьяне несербской нации получили очень мало земли с проведенной реформой. Только получили те крестьяне несербской нации, которые активно помогали великосербскому режиму. Кроме

* Датируется по отложившейся в деле учебной программе по истории классово-борьбы в Югославии и КПЮ, составленной для студентов 3-го курса КУНМЗ, одна из подтем которой (п. 6ж) была посвящена обострению правой опасности в КПЮ (см.: РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 43).

того, в областях угнетенных наций сербская буржуазия переселила надежные сербские элементы, чтобы в этих областях закрепить свои позиции. [...]

Налоговую систему сербская буржуазия урегулировала так, что новые области, которые приключились* к Сербии, платят больше налогов, чем платят налоги в Сербии¹³¹. [...]

Кроме того, сербская буржуазия прямо занималась воровством в вновь приключенным областям к Сербии. Сразу после «освобождения» сербская буржуазия начала отбирать скот у крестьян во время так называемого клеймения скота в 1920 г.¹³² Насильственно отбиралась и мебель со стороны сербских офицеров и чиновников. Еще больше, и самый нынешний король Александр принимал «подарки» из ворованных вещей...

В финансовой политике сербская буржуазия совершила так называемое маркирование кронских знаков, от которых взимала 20% стоимости с возвратом, и до сегодняшнего дня не получена народом эта сумма обратно. После этого совершен обмен крон на динары в соотношении 4:1, и все это главным образом легло на спину рабочих и крестьян и одной частью – на мелкую городскую буржуазию¹³³. Крупная буржуазия угнетенных народов не была затронута этой принятой мерой со стороны сербской буржуазии, потому что она свои деньги вложила в промышленность и другое недвижимое имущество.

Если к этому еще прибавить сербизацию несербских областей и приезжание сербских чиновников в несербские области, выбрасывание несербских чиновников с государственной службы, гегемонию сербов по всему фронту, тогда получается полная ясная картина сербской гегемонистической политики. Это все показывает, что не было никакой конкурентской борьбы между двух буржуазий, как это говорит С. Маркович, а борьба всего народа с сербской гегемонистической буржуазией. Из этих небольших примеров видно, чем была и остается сущность национальной борьбы в Югославии. [...]

Гегемонистический режим сербской буржуазии в Югославии уничтожит только пролетарская революция, которая будет развиваться под руководством КПЮ. Если заменить власть исключительно гегемонистической партией сербской буржуазии, на ее место придут партии мелкой буржуазии; это еще не означает, что перестанет существовать сербская гегемонистическая политика, а просто [произойдет] изменение исполнителей под нажимом масс, которые будут и дальше проводить политику сербской гегемонистической буржуазии. [...] Крупная буржуазия не [вы]пускает из своих рук руководство политикой, а лишь она использует все партии, которые ей могут послужить для проведения ее политики. И когда все парламентские средства

* Так в документе. Имеются в виду области, объединившиеся с Сербией в соответствии с Версальским мирным договором 1919 г.

исчерпнут, и когда буржуазия своими старыми методами не может владеть, тогда он [режим] вводит фашистскую диктатуру, и никогда не [вы]пустит власть добровольно из своих рук. Власть можно только насильным путем из ее рук вырвать. [...]

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 147, 149, 152–154, 168–169.
Копия. Машинопись на папиросной бумаге.

111

Из аналитической записки «КПЮ и национальные требования хорватов и других народов в Югославии» ст. референта Исполкома Коминтерна по балканским странам В.В. Громова¹³⁴ в Секретариат ИККИ – о господствующем положении сербов в Югославии

№ 77/13

22 марта 1939 г.
Секретно

Национальное угнетение в Югославии*

Югославия является многонациональным государством. Господствующая нация – сербская – составляет лишь 39% всего населения. В созданном после мировой войны Королевстве сербов, хорватов и словенцев великосербская буржуазия заняла гегемонистическое положение. Хорваты (их больше 3 1/2 млн) потеряли свою, хотя и куцую, автономию (у них был свой хорватский собор – вроде парламента), которой они пользовались в бывшей Австро-Венгрии с 1868 г. Словенцы (их около 1 млн 300 тыс.), пользовавшиеся в Австро-Венгрии некоторыми свободами, тоже были поставлены в новом государстве в подчиненное положение. Черногорцы (их около 250 тыс.) потеряли свою государственную независимость. Македонцы (их около 800 тыс.) были лишены всех своих национальных и культурных прав и свобод и подвержены жестокой денационализации. То же самое можно сказать и по отношению албанцев в Косово (их 600 тыс.). Магометанское славянское население в Боснии и Герцеговине (насчитывающее около 1 млн), как и венгерское население в Воеводине (больше 1/2 млн), сильно ограничены в своих национальных и культурных правах. В сравнительно лучшее положение поставлено немецкое национальное меньшинство (около 600 тыс.). Имеются также и другие нацменьшинства: румыны в Южном Банате (400 тыс.), турки в Македонии (около 150 тыс.), евреи (150 тыс.), болгары в Цариброде

* Опущена часть справки, посвященная хорватскому вопросу.

(100 тыс.) и другие, национальные и культурные права которых также сильно ущемлены.

Вся политика господствующей великосербской буржуазии (экономическая, финансовая, административная и культурная) на протяжении 20 лет была направлена к угнетению и ограблению несербских народов. В несербских областях население оплачивает на 20–75% больше налогов. Индустриальная камера¹³⁵ в Загребе в январе с.г. в своей резолюции констатирует, что и теперь Загреб по сравнению с Белградом платит в четыре раза больше государственных налогов («Политика» от 26.01.1939). С помощью государственной табачной монополии в Македонии население подвергается настоящему колониальному грабежу. Все решающие должности в государственном аппарате находятся в руках сербов. Государственные служащие из несербских национальностей составляют меньше одной трети всех служащих. Средняя цифра неграмотного населения в Югославии составляет 44,6%. Среди магометанского, македонского и албанского населения, однако, эта цифра поднимается на 50–90% («Обзор» от 17.01.1939).

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1306 а. Л. 4–6.
Подлинник. Машинопись.

Глава 4. СУДЬБА СЕРБСКИХ КОММУНИСТОВ В МОСКВЕ

БОГДАНОВСКИЙ СТЕФАН

112

Обязательства члена КПЮ и ВКП(б), добровольца-интернационалиста Стефана Богдановского, взятые им на себя перед отправкой на войну в Испанию*

20 сентября 1936 г.
г. Москва
Сов. секретно

В связи с предстоящей моей поездкой я обязуюсь:

1. Категорически отрицать мою какую бы то ни было связь с Коминтерном.
2. Категорически отрицать, что прибыл с территории СССР.
3. Ни в коем случае не иметь при себе ничего, могущего в какой бы то ни было степени доказывать мое отношение к Коминтерну и пребывание на территории СССР.
4. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не вступать в связь с советскими людьми и не обращаться к советским учреждениям за границей.
5. Ни в коем случае не вести никакой корреспонденции с кем бы то ни было из находящихся на территории СССР.
6. Семье и своей партийной организации (если член ВКП(б)), сказать, что мобилизован своей партией для работы в стране. Ни в коем случае не указывать, куда отправляюсь, и не уславливаться об адресах за границей.
7. Мне известно, что никаких конкретных заданий по какой бы то ни было политической работе мне не дано.
8. По прибытии на территорию...** я обязан явиться в полное распоряжение Центрального комитета партии. Как доброволец, обязан выполнить беспрекословно любое поручение и обязанность в рядах действующей армии, оставаясь на посту до тех пор, пока [не] буду отозван.
9. Я обязуюсь быть примерным бойцом, подчиняющимся военной дисциплине, образцом пролетарской скромности, не пользующимся никакими привилегиями и преимуществами, относиться с величайшим уважением к со-

* Подробные биографические сведения см. в док. № 113 и 116.

** Пропуск в документе для вписания страны назначения.

ратникам по борьбе, не позволяя себе никакого, ни малейшего акта, могущего задеть национальное достоинство других бойцов.

Мне известно, что за нарушение этого обязательства я поставлю себя вне рядов компартии.

Богдановский

Из личного архива дочери Стефана Богдановского
Надежды Йованович (Богдановской).
Копия. Машинопись.

113

Автобиография Стефана Богдановского (Йозефа Бареша), написанная им при постановке на учет в Компартии Испании*

26 июля 1938 г.
г. Барселона

Приехал в СССР в 1928 г. и вступил на университет – КУНМЗ. В 1929 г. на университете в Югославском секторе была фракционная борьба троцкистов и правых оппортунистов. Так как я не участвовал ни в одной фракционной группировке, троцкисты воспользовались этим моментом, ибо я вел борьбу как с одними, а также с другими уклонистами, фракционисты подали ложное заявление против меня в комиссию по чистке партии, был исключен из партии и районной контрольной комиссией был восстановлен.

Окончил университет в 1931 г. и был направлен на пропагандистскую работу на Кузнецкстрой, где проработал в прокатном цеху как пропагандист 5 месяцев. В феврале 1932 г. был вызван культпропом ЦК ВКП(б) из Кузнецкстроя и направлен на партийную работу в Молдавскую ССР.

В Молдавии работал [в] Главлите Молд[авской] АССР¹³⁶, в Наркомпросе, а затем был назначен обкомом партии секретарем обкома МОПРа за Молдавию. Так как был снят с учета в горкоме Кузнецкстроя по указанию ЦК ВКП(б), а не был снят с учета в первичной парторганизации, ибо меня не освободили с работы, а дали один месяц внеочередного отпуска на вызов [в] ЦК, то первичная организация прокатного цеха считала меня дезертиром и исключила из партии.

ЦК ВКП(б) на основе личного командирования и моей жалобы за неповинное** исключение из партии восстановил в ряды ВКП(б).

* Йозеф Бареш – псевдоним, взятый Стефаном Богдановским по прибытии в Испанию.

** Так в документе. Следует читать: «безвинное».

Из Молдавии приехал в Москву, где работал на электростанции с апреля 1933 по декабрь 1933 г. С декабря 1933 по февраль 1936 г. работал в культмассовом отделе секретарем партийной организации и инструктором КМО Сталинского района. С февраля 1936 г. до отъезд[а] из СССР работал инструктором социального обеспечения Сталинского района.

Во время исключения из партии оба раза был восстановлен без никакого партийного взыскания.

В сентябре 1936 г. был вызван вторым представителем Югославской секции в Коминтерне, Флейшером¹³⁷, передал короткую автобиографию ему, а затем был вторично вызван секцией в Коминтерн для разговора об отъезде в Испанию в присутствии тогдашнего представителя нашей партии – Горкича, где мне предложили уехать сюда в Испанию, на что я был согласен.

В Испанию приехал 20 октября 1936 г., а 10 ноября уехал на фронт как солдат. Участвовал в боях на Центральном фронте, два раза на Гвадалахарском фр[онте], в Уэске¹³⁸, а затем заболел и ушел в больницу. По возвращении из больницы был назначен комендантом военлагеря им. Лукача¹³⁹ и [лагеря] «Вил[л]а-Маруха», где и работал до приезда в Каталонию.

Бареш Йозеф

Из личного архива дочери Стефана Богдановского
Надежды Йованович (Богдановской).
Копия. Машинопись.

114

Письмо Стефана Богдановского первой жене, Р.Я. Розенцвайг, по прибытии из Испании

9 мая 1939 г.
ст. Монино Московской области

Здравствуй, Рива!

Приехал я 18 дней тому назад из командировки, и вот пока отдыхаю. Сегодня я был в НКВД узнать насчет твой дела, так как для меня большая неприятность, но ничего не поделаешь[ь], раз так, надо было узнать[ь], где находишься и на сколько осуждена, и за что. Мне товарищи в НКВД сообщили, где ты находишься и на сколько осуждена – [на] 5 лет, но не могли мне сказать[ь], за что, что меня очень интересует, и, с другой стороны, подавала ли ты жалобы о пересмотре прокурору твой дела. Вот это меня интересует. Если не подала до

сих пор, надо это сделат[ь], ибо я ничего не смогу сделат[ь], а [тебе] самой это надо сделать.

Если у тебя есть возможности, напиши мне, в чем обвинялась, чтобы я знал. Напиши, что делаешь[ь], работаешь[ь], и какая работа по твоей специальности. Если работаешь[ь], надо активно взяться за работу как по специальности, а также и по политической линии, ибо ты находишься в своей стране, а не в буржуазной, и если согрешила, то в условия[х] диктатуры пролетариата надо отвечат[ь] за свои ошибки, [ты] это должна знать. Я 13.VI 1939 г. уезжаю в санаторий на Кавказ, оттуда буду писать. Все что написал, не думай, что я хочу упрекат[ь] тебя, что осуждена, нет, а просто поучит[ь], как всегда, ибо ты меня прекрасно знаешь[ь], что я человек суровый и всегда стою на свое[м]... У детей я был, они хорошие... О них не думай, они живут хорошо...

Привет от меня.

Богдановский

Из личного архива дочери Стефана Богдановского
Надежды Йованович (Богдановской).
Копия. Машинопись.

115

Заявление Стефана Богдановского в Исполком Коминтерна об оказании содействия в переводе его детей на свою фамилию

Не позднее 19 сентября 1939 г.*

Во время моей специальной командировки осталас[ь] в Москве моя бывшая жена, член ВКП(б), политэмигрантка, уроженка из Бессарабии (Румыния), Розенцвайг Рива Яковлевна¹⁴⁰.

В март[е] или апрел[е] месяце 1938 г., мне точно не известно, моя бывшая жена была арестована органами НКВД и осуждена в ма[е] месяце 1938 г. на 5 лет тюрьмы.

До приезда из командировки мне ничего не было известно о жене. По приезде, через органы НКВД, я узнал, что она осуждена на 5 лет.

Я считаю, как чл[ен] ВКП(б), что органы НКВД правильно поступили в отношении моей бывшей жены в ее наказание, как мо[его] личн[ого] враг[а]

* Дата на документе отсутствует. Датируется по упоминанию в служебной записке отдела кадров Исполкома Коминтерна от 19 сентября 1939 г. (см. след. документ) о поданном Богдановским заявлении об аресте его бывшей жены.

и враг[а] народа, а поэтому со дня ее ареста не считаю ее как свою жену, а как моего врага и врага народа.

Дети – сын и дочь, находящиеся в настоящее время в 1-м Интернациональном детск[ом] дом[е] в Иваново, носят фамилию Розенцвайг. Я прошу ИККИ содействовать мне через ЦК МОПР перевести детей на мою фамилию, чтобы дети по фамилии не были связаны с матерью, и воспитать детей, отбросить всякую мысль о матери.

Богдановский

Из личного архива дочери Стефана Богдановского
Надежды Йованович (Богдановской).
Копия. Машинопись.

116

Из служебной записки отдела кадров ИККИ в Управление кадров аппарата ЦК ВКП(б) с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении партбилета, сданного после спецкомандировки С.П. Богдановского, – характеристика Богдановского

19 сентября 1939 г.

Секретно

Тов. Богдановский Стефан Павлович член ВКП(б) с февраля 1929 г. В сентябре 1936 г. он был нами командирован по гр. «А»¹⁴¹, откуда он возвратился в мае 1939 г.

Партбилет его за № 1201371 сдан вам по списку № 16 29 октября 1936 г.

Просим рассмотреть вопрос о выдаче т. Богдановскому С.П. партбилета, урегулировать вопрос с партвзносами и оказать содействие в устройстве его на работу. До командировки он работал в Москве в Сталинском райсовете в качестве инструктора по социальному обеспечению.

Ниже сообщаем о нем подробные данные:

Богдановский Стефан Павлович (Бареш Иосиф) (наст. имя и фамилия Йованович Светозар), родился в 1897 г. в деревне Мириево (Югославия)¹⁴² в семье крестьянина-бедняка. Румын¹⁴³, бывший югославский подданный, сов[етский] гражданин. Образование: окончил три класса начальной школы и КУНМЗ. По специальности рабочий-кожевник. С 1919 г. член КП Югославии. Член ВКП(б) с 1929 г. [...]

В 1914 г. мобилизован в сербскую армию, был на фронте.

В 1915 г. попал в плен в Австро-Венгрию, там находился до 1918 г. После возвращения из плена служил в сербской армии до 1919 г.

С 1919 г. по 1928 г. работал в качестве рабочего-кожевника и был секретарем профсоюза кожевников до 1921 г. С 1923 г. был председателем областного Союза кожевников. С 1925 г. по 1928 г. – секретарь областного Комитета КП Югославии. В 1928 г. работал в Белграде в фирме по покупке и продаже домов и имений. Вследствие угрозы ареста по решению партии в ноябре 1928 г. эмигрировал в СССР.

С 1928 по 1931 г. учился и окончил КУНМЗ. В характеристике КУНМЗа указано, что т. Богдановский в фракционной борьбе КПЮ не участвовал, но сочувствовал правым¹⁴⁴. В 1929 г. во время партчистки в КУНМЗе на него было подано заявление о том, что, когда он работал в Белграде по покупке и продаже домов и имений, он занимался наймом рабочих и обманывал их в отношении зарплаты. Комиссия по чистке постановила исключить его из партии за несопоставимую со званием коммуниста работу по вербовке рабочих, сводившуюся к их обману и спекуляции на их безработице, за мелкобуржуазную идеологию. При рассмотрении его дела в Бауманской районной контрольной комиссии обвинение это не подтвердилось, и он был восстановлен в партии.

С 1931 по 1932 г. работал в Сталинске¹⁴⁵ [на] Кузнецкстрое в качестве пропагандиста.

В 1932 г. по вызову ЦК ВКП(б) был направлен как знающий румынский язык на работу в Главлит молдавского Наркомпроса, где проработал с марта по август 1932 г. С этой работы был снят и направлен на работу в качестве секретаря Областного комитета МОПРа Молдавии. [...]

С декабря 1933 по 1935 г. работал в Сталинском райсовете г. Москвы секретарем культмассового отдела.

С 1935 по 1936 г. работал в Сталинском районе г. Москвы директором школы трудновоспитуемых детей при кроватной фабрике.

С марта 1936 г. работал в Сталинском райсовете г. Москвы в качестве инспектора отдела социального обеспечения.

В сентябре 1936 г. он был ИККИ командирован по гр. «А», где с октября 1936 г. был сначала рядовым в балканской роте [батальона] им. Тельмана¹⁴⁶, затем отделенным командиром* и помкомроты. С октября 1936 по февраль 1937 г. участвовал [в боях] на Мадридском, Гвадалахарском и Арагонском фронтах. После болел ревматизмом. С августа 1937 г. был начальником лагеря им. Лукача и затем в лагере «Вилла Маруха», где перевоспитывались деморализованные элементы из интербригад. С июля 1938 г. был командиром роты 129-й интербригады. В августе 1938 г. медицинской комиссией был признан

* Так в документе. Имеется в виду командир отделения.

непригодным к военной службе на фронте. С 20 октября 1938 г. по 23 января 1939 г. находился в Сагоро¹⁴⁷ в ожидании эвакуации из Испании, затем вновь вступил в интербригаду, был назначен заведующим пекарней. 8 февраля 1939 г. вместе с частью перешел во Францию, находился в лагере Сен-Сиприен¹⁴⁸, откуда он приехал в СССР 20 мая 1939 г.

По линии КП Испании имеется отзыв о том, что поведение т. Богдановского на фронтах было хорошее. Будучи начальником лагеря им. Лукача и лагеря «Вилла Маруха», где перевоспитывались деморализованные элементы из интербригад, он очень хорошо справился с этой трудной и ответственной задачей.

Находясь в командировке по гр. «А», прислал оттуда 19 фотокарточек со снимками различных мест фронта и на обороте каждой карточки написал, какая это местность и что за здание. Карточки были в письме, адресованном его жене, Розенцвайг Риве Яковлевне. Весной 1937 г. она арестована органами НКВД. Об этом факте – аресте его жены – он нам написал заявление.

Имеет в СССР двух детей. В данное время живет в доме отдыха ЦК МОПР под Москвой¹⁴⁹.

Зав. отд[елом] кадров ИККИ

Гуляев¹⁵⁰

Из личного архива дочери Стефана Богдановского
Надежды Йованович (Богдановской).
Копия. Рукопись.

117

*Из последнего письма Стефана Богдановского его второй жене,
написанного перед вторжением в Киев фашистских войск*

2 сентября 1941 г.
г. Киев

Здравствуйте, мили мои. Только что получил долгожданное от вас письмо от 25.08.41. Из письма вижу, что Борисоглебск¹⁵¹ не так плохо по сравнению с военным временем, ибо то что там, в других местах, не лучше, а даже хуже. [...] Ты пишешь, чтобы я взял вещи и продукты. Ты не поняла мое письмо. Как я могу освободиться, ведь я считаюсь военнообязани, об освобождении ни речи не может быть, тем более, когда стоит вопрос [о] борьб[е] не [на] жизнь, а на смерт[ь]. Мы приняли решение бороться за Киев до последнего человека. У нас с каждым днем растет народное ополчение. И все

новое и новое пополнение Красной армии, так что моего приезд[а] до окончания войны, если останус[ь] живим, не ожидай¹⁵². Я знаю, что тебе тяжело, но что смогу делать, придется помучиться, сознательно переносить все трудности войны. Надеемся, что скоро будет решительный удар по фашистским бандитам, и приедете обратно домой. [...] О себе я не буду писать, пока что мы сейчас считаемся фронтовая линия. И, как мне передали, мы включены в части Красной армии фронтовой полосы, зарплату будем получат[ь], как командиры Кр[асной] армии, как мне передали, около 600 руб. в месяц. [...] Так вот, мили друг, крепи себя, и вы вместе не падайте духом. И [надо] быть стойкими до конца¹⁵³. [...]

Твой Стефе

Из личного архива дочери Стефана Богдановского
Надежды Йованович (Богдановской).
Копия. Машинопись.

МАРКОВИЧ ВУКАШИН

118

Заявление инструктора ВЦИК Вукашина Марковича¹⁵⁴ в ЦИК III Интернационала¹⁵⁵ с просьбой выдать мандат на право агитации среди народов Западной Европы и Америки

10 декабря 1919 г.

В последние три года я по всей России организо[вы]вал среди разных наций партийные группы, ячейки, митинги, лекции и партийные школы между китайскими, афганистанскими*, корейскими, бухарскими, киргизскими, татарскими, башкирскими, турецкими, югославянскими, польскими, украинскими и русскими рабочими и крестьянами, а также и среди военнопленных венгерцев, немцев, французов, англичан, чехов и др.

Приходилось много раз выступать на общих интернациональных митингах в пользу образования ЦИК Ком[мунистическо]го III Интернационала. В настоящее время ЦК партии меня командирует в Политотдел поезда «Красный Восток» для агитации среди народов Востока и организации партийно-агитационных школ. С этой целью мне оказывает поддержку ВЦИК, Президиум которого дал мне соответственный мандат.

* Так в документе.

После работы на Востоке я буду просить отправить меня с таким [же] заданием на Запад и в Америку.

Поэтому прошу ЦИК III Ком[мунистическо]го Инт[ернациона]ла дать мне мандат на право агитации и организации партийно-агитационных школ среди народностей всех стран.

Лектор-агитатор, инструктор ВЦИК,
партбил[ет] № 5033

В. Маркович

Адрес: Здесь. Тверская, 36. Дом Ком[интерна]
([гостиница] «Люкс»), комн. 157.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1903. Л. 1.
Автограф.

119

Из записки члена КПЮ и ВКП(б) Брацана Брацановича и члена ИККИМ Милана Горкича в Балканский секретариат Коминтерна с просьбой о содействии в организации побега Вукашина Марковича из Югославии в СССР

Не ранее марта 1926 г.*
Сов. секретно

358

Тов. Маркович родился в 1871 г. в бедной крестьянской семье в с. Стиена, племя Пипери¹⁵⁶ Подгоричского округа в Югославии (Черногория). [...]

В раннем возрасте он в своих стихотворениях клеймил гнет наследственной аристократии во главе с тогдашним князем Николаем Петровичем¹⁵⁷ и указывал на необходимость непримиримой борьбы народа для свержения этого гнета. [...] Ввиду постоянного преследования со стороны черногорских властей т. Маркович был вынужден покинуть страну, [в 1892 г.] т. Маркович попал в Россию, он сначала стал ярким противником славянофильской политики, которую царское правительство применяло по отношению Балкан. Познакомившись в России с рабочими организациями, т. Маркович стал в них принимать живое участие. В 1904 г. он поступил в Харьковский ветеринарный институт. Революция 1905 г. застала т. Марковича в означенном институте, и в таковой т. Маркович принимал самое активное участие. [...]

В Октябрьской революции т. Маркович также принимал активное участие, и его революционная деятельность известна Коминтерну и ЦК РКП(б) (т. Пятницкий, Зиновьев, Сталин).

* Датируется по содержанию документа № 120 от 8 июля 1942 г., в котором сообщается о том, что побег из Югославии был осуществлен в марте 1926 г.

По случаю мобилизации членов партии из Югославии в 1921 г. т. Марковичу было предложено уехать в Югославию, что им и было сделано.

Приехав в Югославию, т. Маркович активно работал среди крестьянских масс в Черногории. Узнавши о его коммунистической пропаганде, белградское правительство в июле месяце 1921 г. арестовало т. Марковича¹⁵⁸ и отправило в Белград, где он был освобожден под условием больше не заниматься пропагандой и агитацией за идеи коммунизма, и вернулся в Черногорию. Спустя некоторое время по возвращении из Белграда т. Маркович поднял вооруженное восстание крестьян Пипери и отчасти Белопавличи и с красным знаменем с надписью: «Вся власть Советам» двинулся на ближайшие жандармские станции и города, но благодаря слабой организации рабочих в городах этому восстанию было суждено потерпеть неудачу. Под сильным напором правительственных войск часть повстанцев сдалась, а часть во главе с т. Марковичем отошла в горы и продолжала вести партизанскую войну. [...]

Тов. Маркович согласился на ведение переговоров о сдаче, и когда окружной начальник дал письменное ручательство, что ни т. Маркович, ни кто-либо из его товарищей не будут привлекаться к ответственности за свою революционную деятельность, он в 1924 г. сдался, но был горько обманут и на третий день после сдачи арестован. После ужасных пыток, будучи скован в цепях по ногам и рукам, и всех издевательств со стороны властей, т. Маркович был отправлен в сумасшедший дом, где пробыл около года. В массах черногорских крестьян т. Маркович пользуется большой популярностью, особенно как борец против сербского угнетения.

В марте месяце этого года т. Марковичу посчастливилось бежать из сумасшедшего дома, и вот уже несколько месяцев, как томится по пещерам Черногории, не имея возможности ни работать, ни выехать за пределы Югославии. Его жизни угрожает опасность, а его положение безвыходное. Поэтому просьба содействовать его освобождению путем оказания ему материальной помощи для бегства (через товарищей из КП Югославии) и указаний соответствующим инстанциям Югославии.

К сему

Горкич М.М.

член ИККИМ, партбилет

№ 788868

Брацанович, один из соучастников его

партизанской группы, член партии

с 1918 г., партбилет № 696847

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1903. Л. 43.

Подлинник. Машинопись.

8 июля 1942 г.

Маркович Вукашин Миличев родился в 1871 г. в с. Стиена, племя Пипери (Черногория, Югославия), в семье крестьянина-бедняка. По национальности черногорец. Советский гражданин. Образование высшее. Знает сербский и русский языки. По профессии ветврач.

Член ВКП(б) с 1903 по 1921 г. Член КП Югославии с 1921 по 1927 г. По рекомендации КП Югославии был переведен в ВКП(б). [...]

В 1897 г. был вынужден покинуть [свою] страну. В России познакомился с рабочим революционным движением и начал принимать участие в рабочих революционных кружках в Петербурге, а затем в Харькове. [...]

Революция 1905 г. застала Марковича в Харьковском институте, где он был одним из организаторов студенческих и рабочих собраний и митингов. [...] Путем переписки с товарищами в Черногории и Сербии вел агитацию против существующего там режима.

В Октябрьской революции также принимал активное участие.

В 1921 г. был направлен в Югославию по мобилизации членов партии из Югославии. [...] Спустя некоторое время Маркович поднял вооруженное восстание крестьян племени Пипери. Ввиду слабой организации правительственными войскам удалось подавить восстание, часть повстанцев сдалась, а другая часть во главе с Марковичем отошла в горы и продолжала вести партизанскую войну. [...] В 1924 г. сдался властям. Маркович подвергся пыткам и затем был отправлен в дом для умалишенных.

В марте 1926 г. при помощи товарищей ему удалось бежать. В сентябре 1926 г. с разрешения партии прибыл в СССР. Был признан политэмигрантом. До 1932 г. работал на заводе «Серп и молот» в Москве. По рекомендации представительства КП Югославии при ИККИ был переведен в ВКП(б).

По данным от 1936 г., проживал в Москве, Сокольническая, д. 9, получал персональную пенсию.

В 1936 г. при проверке партийных документов у него был задержан партбилет до выяснения.

В заключении бывшего представительства КП Югославии при ИККИ от 7.VIII.1936 г. указывается, что Маркович является старым проверенным коммунистом. Был вождем партизанских отрядов в Черногории. Среди народных масс Черногории был очень популярен.

В настоящее время психически больной.

По непроверенным данным, якобы в 1937 г. Маркович был арестован органами. [...] Установить точно, был ли арестован органами НКВД Маркович или находился в доме для умалишенных, не представляется возможным.

Тов. Власов и Дравич (сотрудники аппарата ИККИ) утверждают, что Маркович действительно был психически больной.

Белов¹⁵⁹

Новик

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1903. Л. 29–32.
Подлинник. Машинопись.

121

Из биографической справки, составленной ст. оперуполномоченным отдела КГБ при СМ СССР Губановым, – о состоянии здоровья Вукашина Марковича

13 сентября 1963 г.

Секретно

В прошлом – профессиональный революционер, член РСДРП с 1903 г. [...] Неоднократно обращался с письмами в адрес ЦК ВКП(б) и Советского правительства по самым различным вопросам¹⁶⁰.

В мае 1937 г. был задержан НКВД СССР и направлен на судебно-психиатрическую экспертизу.

Как указано в акте медицинской комиссии от 11 мая 1937 г., Маркович «страдает душевным заболеванием в форме параноидной шизофрении с выраженным систематизированным бредом преследования и переоценки своей личности...».

По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 27 июня 1937 г. Маркович В.М. был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. [...]

Ст. оперуполномоченный отдела КГБ
при Совете Министров СССР

Губанов

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1903. Л. 40.
Подлинник. Машинопись.

122

*Автобиография революционера, поэта и писателя Радуде Марковича (Стийенского)*¹⁶¹

1950 г.

Родился в 1900 г. в бедной семье в Черногории (племя Пиперы, с. Стийена). До 1917 г. я жил у родителей, занимался сельским хозяйством. В 1918 г. поступил учиться в Подгорицкую гимназию, жил у своего дяди на окраине города.

С 1917 г. связался с социал-демократической партией в Подгорице. В 1919 г. первый раз был арестован на 15 дней и исключен из подгорицкой гимназии за сочинение и пение революционных песен и за распространение листовок и писем, которые я получал из России от моего дяди, старого большевика¹⁶². После освобождения из-под ареста товарищи-коммунисты помогли мне устроиться работать в филиал Черногорского банка в Подгорице, где я работал чернорабочим, печником, занимался уборкой помещения, разносил почту. В свободное время продолжал самостоятельно учиться, и в конце учебного года экстерном сдал за четыре класса гимназии.

В 1919/20 учебном году я был принят в педагогическое училище в Даниловграде, где я проучился всего три месяца, так как снова был исключен из училища за распространение революционной литературы, а также за организацию и работу в кружке под названием «Основы ленинизма». В конце учебного года опять сдал экзамен экстерном за первый класс педагогического училища.

В том же 1920 г. был принят в члены КПЮ – Коммунистической партии Югославии. Секретарем этой партийной организации в Черногории был т. Спасое Распопович.

В 1921 г. я принимал активное участие в вооруженной борьбе крестьян, восставших с лозунгом «Вместе с Советской Россией за свободу и демократию! За Советскую Черногорию!». После подавления восстания я ушел в партизаны и участвовал в партизанской борьбе. По решению партийной организации я легализовался и поступил в богословско-учительскую школу на Цетинье, где был арестован через несколько дней после поступления. В тюрьме я просидел тринадцать месяцев как активный участник крестьянского восстания, но за недоказанностью вины не мог быть предан суду и выпущен на свободу под надзор полиции.

В 1923 г. я сдал экстерном экзамены за второй и третий классы педагогического училища в Даниловграде. Вскоре после этого я был снова арестован и сидел во временной тюрьме в Подгорице семь месяцев, после чего был освобожден на поруки. Два члена нашей организации дали мне денег и советовали поехать в Сербию и там закончить образование. Это были Радован Пулевич и Божо Николич.

С рекомендацией т. Спасое Распоповича я отправился в г. Пирот (Сербия) для связи с партийной *организацией** и для окончания образования. Вскоре после *установления* связи с партийной организацией мне секретарь партийной организации посоветовал немедленно покинуть г. Пирот и поехать в Крагуевац, так как партийная организация в Пироте была провалена. Мне помогли уехать и дали рекомендацию. В Крагуевце я связался с партийной организацией и сдал [экзамены] на аттестат зрелости при педагогическом училище.

В 1926 г. был призван в армию, в школу резервников-подофицеров в Сараеве. Через месяц-полтора, на первых маневрах, когда я вел среди солдат в часы отдыха большевистскую пропаганду, меня подкараулил офицер нашей части, *уже имевший сведения обо мне как коммунисте*. Прямых улик против меня для предания суду не было, но чувствуя во мне политического врага, *в наказание заставил меня* стоять под холодным душем полтора часа. *В результате* я получил острый ревматизм и *пролежал в больнице два месяца* и [был] отправлен домой в Черногорию.

Вскоре по прибытии домой я снова был арестован в декабре 1926 г. и сидел в тюрьме до 3 марта 1927 г., до побега. Партийная организация Черногории дала мне специальное задание ехать в Белград, затем в Загреб, где я жил нелегально, и по заданию компартии организовал бегство из тюрьмы моей сестры, Стои Маркович, которая была осуждена на 20 лет за участие в вооруженном восстании крестьян. По решению ЦК КПЮ я и моя сестра эмигрировали в СССР.

С 1927 по 1931 г. я учился в 2-м Московском университете¹⁶³ по историческому факультету. В 1931–1932 гг. учился в Институте красной профессуры¹⁶⁴ в Москве. В 1932–1933 гг. был мобилизован в антипропагандистскую группу ЦК ВКП(б). С 1934 г. я был освобожден от всех других работ для литературной работы. Был принят в Союз писателей СССР. За время пребывания в Советском Союзе я написал и издал следующие книжки:

1. «За Советскую Черногорию». (Очерки). 1934 г.
2. «Не забудем!» (Очерки о комсомольцах Югославии). 1934 г.
5. «Колхозная оратория». (Поэма). 1936 г. [...]**

* Здесь и далее в документе курсивом выделены слова, вписанные Радуле Марковичем.

** Всего в списке 27 названий книг.

Кроме того, написал киносценарий «Борьба югославских партизан»; перевел на сербский язык Гимн Советского Союза. Во время Отечественной войны был в Москве, был первым диктором «Свободной Югославии»¹⁶⁵, писал статьи и агитационные стихи, был активным членом Всеславянского комитета и корреспондентом «Правды».

По окончании войны, в 1945 г. уехал в Белград как корреспондент «Правды», но после столкновений с Джиласом и Мошей Пияде¹⁶⁶ получил приказ преподавать русский язык в 6-й мужской гимназии, откуда был переведен на Цетинье, в Высшую педагогическую школу как преподаватель русского языка и русской литературы, где я проработал до объявления резолюции Информбюро¹⁶⁷, за которую я голосовал, и был исключен из титовской партии, снят с работы и арестован. Но после сообщения Московского радио о том, что неизвестна судьба черногорского поэта Стиенского, для опровержения этого сообщения меня выпустили из тюрьмы под домашний арест.

После моего категорического отказа подписать клеветническое письмо против советских писателей, обратившихся с призывом к народам Югославии, мне надежные товарищи сообщили, что меня ждет арест, и я бежал в горы, затем нелегально перешел албанскую границу. В Албании мне дали паспорт на имя Василий Лук Полоска, визу на въезд в СССР. Из Дуррацо на советском теплоходе «Мичурин» приехал в Одессу. Связавшись с Союзом писателей, я получил деньги на проезд в Москву. Сейчас пишу книгу о страданиях народов Югославии под гнетом фашистской титовской клики.

До отъезда в Югославию я прожил в Советском Союзе как советский гражданин, а в Югославии я не принял югославского подданства, несмотря на угрозы репрессиями, так как считал и считаю себя гражданином моей второй родины – Великого Советского Союза, где я получил высшее образование и где я имел возможность написать свои книги.

Сост[авлена] в 1950 г.

РГАЛИ. Ф. 2829. Оп. 1. Д. 85. Л. 13–17.

Подлинник. Машинопись с авторской правкой.

Колхозна ораторија

Поема

I

Старац колхозник:
 Хеј, ћутите птице мале,
 Ви сте младе и нејаке,
 Појте дјецџ заљубљеној.
 Држите језик за зубима
 Када старци с вама зборе!
 Какав наћин?
 Какав народ?
 Триста тридест и три года
 Од рођења
 Мог је прошло;
 Видио сам земље многе
 Дивне људе
 И народе. [...]

Нашу земљу
 Цијелу прошло;
 Сретао сам
 У народу.
 Мрачне апсе и обраде,
 Бич тирјана
 И окове,
 Глад и болест,
 Студ и муку,
 И рад тешки,
 Робијашки,
 Подлост власти,
 Суд неправде...
 Најзад ево овдје доћох
 Жељом своје кољијевке
 И тихого мога Дона
 И овдје сам,
 Миле птице.
 Аманетну ријеч чуо
 Од Илића Владимира.

Домовина
 Моја мила
 Живот ми је
 Даровала.
 Но како ћу
 Благодарит
 И чим могу
 Дароплатит?
 Дар је богат
 И драгоцјен,
 А ја стар сам и немоћан.
 Славуји:
 На слабост се немој жалит,
 Драги друже,
 На то орлу
 Непристоји
 Да се тужи.
 Ти мож. радит,
 Можеш живјет,
 И не горе
 Него твоја браћа млађа,
 Што у селу пјесму оре. [...]

Старац колхозник:
 Тако је, птице,
 Клонути не треба!
 Ја чувам
 Колхозне овце
 И говеда.
 Ја прегледам
 Рад у пољу,
 И бригаде,
 Све што народ мој имаде: [...]

Од младежи ја се поштујем;
 Сви јунаци и хероји

* Работа над поэмой была начата автором в 1936 г., а дорабатывалась вплоть до 1957 г. Рукопись состоит из двух частей и представляет из себя две большие общиe тетради с авторской правкой.

Мене знаду,
Прву чашу они увијек
Мени даду.
Ја их волим ко синове
Ми смо њима
Обавезни
И животом
И са срећом.
Повјерена власт је њима –
Снага наша.
Они храбро саломише
Власт контраша.
У колхозу
Данас раде у бригаде. [...]

Пјесма црвенога партизана Михаила

Њ вановиЋа Безрученко

(сада служи у ватрогасној дружини):

Три године
Борба је трајала,
Тек четврте
Врага отјерасмо,
Потјеросмо
Низ Дон
До Ростова,
До Одесе
И Новоросијска;
Бродовима
Одатле пођоше
Стамбулу се граду повукоше...
Алџда видиш
Нашу домовину:
Земља драга
Сва је рушевина.
Врћети се
Престали млинови,
Иструлила
Крила вјетрењача,
Пуста поља
Коровом обрасла.

Одмох смо се
Дали на посао,
Колективе наше
Уредисмо.
Тврду земљу
Плугом поорасмо,
Заједничо
Имање средисмо
Као што нас је
Стаљин научио...
И сабрасмо
Богате плодове.
Сад живимо
Не мож. Боље бити,
Немамо се
На што пожалити.
Сваког лета
Ми смо богатији.
Све се у нас множи
И све расте.
Сваки дан нам
Соколи челични
Пошту носе
Из Москве поносне;
Свако јутро
Имамо новине,
А у вече
Слушамо концерте
Наше Москве –
Ростова –
Кијева.
А тракторе наше
Не мож пребројити.
Коње наше не мож заморити,
Младу траву
Не мож покосити,
С омладином
нашом наученом
у науци се
не мож такмичити... [...]

РГАЛИ. Ф. 2829. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–25, 35–36.

Автограф с авторской правкой.

Опубл.: Стийенский Радуле. Колхозная оратория.

(Пер. с сербохорв. и пояснения к пер. А.А. Штейнберга.) М., 1936.

- ¹ Совет офицерских и солдатских депутатов образован в начале марта 1917 г. Был политически ориентирован на Временное правительство. В Петрограде и на местах образование и деятельность Совета происходили без санкции высшего командования Действующей армии (см.: Гребенкин *И.Н.* Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новая и новейшая история России. 2014. № 3).
- ² 1-я Сербская добровольческая дивизия (4 трехбатальонных полка) была сформирована 20 октября 1916 г. В январе 1917 г. в Одессе началось формирование 2-й одноименной дивизии, которая позднее вместе с остатками 1-й, понесшей тяжелые потери на фронте, была развернута в Сербский добровольческий корпус (в него также входили 3 отдельных арtdивизиона, Сербский горный арtdивизион, технические и другие подразделения и части).
- ³ Имеется в виду российская императрица, жена Николая II, Александра Федоровна, в девичестве Алиса Гессен-Дармштадтская (1872–1918).
- ⁴ Цемович Марко П. – генеральный консул Сербии в Одессе (1917). Выпускник Киевской духовной академии (1898) и юридического факультета Петербургского университета (1903). До Первой мировой войны служил в сербском посольстве в Петербурге.
- ⁵ Шаинович Милан – представитель сербского правительства в России.
- ⁶ Добруджа – историческая область между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря. Северная Добруджа входит в состав Румынии, Южная – Болгарии.
- ⁷ Бендеры – город на юго-востоке Молдавии, на р. Днестр.
- ⁸ Болград – город в Бессарабии с преимущественно болгарским населением. Основан в 1821 г. после присоединения Бессарабии к России. В настоящее время – районный центр Одесской области.
- ⁹ Рени – районный центр Одесской области, Украина.
- ¹⁰ Личане – уроженцы Лики – исторической области в Хорватии.
- ¹¹ Кечи де-реси – село в Болгарии.
- ¹² Браила (Брэила) – город в Румынии, на р. Дунай.
- ¹³ Исачка – город в Румынии, на правом берегу Дуная.
- ¹⁴ Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) – генерал от кавалерии. В Первую мировую войну – командующий 11-й армией Юго-Западного фронта (1915) и Дунайской армией (1916), помощник командующего Румынским фронтом. После Февральской революции отстранен от командования. Погиб в Крыму в 1920 г.
- ¹⁵ Живкович Михаило (1856–1930) – сербский генерал, военный министр (1908–1909). Возглавлял оборону Белграда в 1914–1915 гг. Командующий частями сербских добровольцев в России с 1916 г.
- ¹⁶ Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант. Во время Первой мировой войны – командующий 8-й армией Юго-Западного фронта (1916), верховный главнокомандующий (май – июнь 1917), затем военный советник Временного правительства.
- ¹⁷ Вознесенск – город в Николаевской области, Украина.
- ¹⁸ Башибузук (*ист.*) – в XIX в. солдат нерегулярных частей турецкой армии. Разговорное – разбойник, головорез.

¹⁹ По-видимому, имеется в виду командующий дивизией полковник Стеван Хаджич (1868–1931), в 1920-е гг. получивший чин армейского генерала и неоднократно возглавлявший военное министерство Королевства СХС.

²⁰ Кутурлуй – придунайское озеро в Одесской области, в 12 км от г. Измаила.

²¹ Екатеринослав – до 1926 г. название г. Днепропетровска, Украина.

²² Елизаветград – до 1924 г. название г. Кировограда, Украина.

²³ Милкич Илия (1884–1968) – один из создателей и руководителей Сербской социал-демократической партии. В России – с февраля 1919 г. После создания КПЮ (1919) ее представитель в Исполкоме Коминтерна, участвовал в работе I–III конгрессов Коминтерна. Позднее перебрался в Вену и отошел от политики. Умер в Белграде. В документе ошибочно написано: Милькич.

²⁴ Видневич Драгутин (1891–1924) – член Социал-демократической партии Хорватии и Славонии с 1909 г. Во время Первой мировой войны военнотрудовой австро-венгерской армии; попал в русский плен. Служил в 1-й Сербской добровольческой дивизии. С мая 1918 г. член югославянской группы РКП(б). Умер в Москве от туберкулеза.

²⁵ Ольром Иван (1893 – ?), член югославянской группы РКП(б) с сентября 1918 г. С середины 1920 г. возглавлял партийную школу при Центральном югославянском бюро. С 1921 г. на партийной работе в Сибири.

²⁶ По документам проходит разное написание Совета: Югославянский совет рабочих и солдатских депутатов и Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов. Образованный 20 марта 1919 г. на общем собрании югославян, живущих в Москве, делегатов с фронта и агитаторов, Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов, с согласия Наркоминдела взявший на себя функции бывшего Сербского генерального консульства, главным образом занимался эвакуацией военнопленных. В июне 1919 г. центр Совета был перенесен в Киев, а в Москве осталось филиальное отделение; такое же отделение было организовано в Одессе, откуда эвакуировали через Черное море. Но с наступлением Деникина центр был снова переведен в Москву, где в конце сентября вошел в общую Федерацию иностранных советов, куда вошли венгры, германцы, чехи, поляки и другие народности (см.: РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 92. Л. 24–24 об.).

²⁷ В исполнительный комитет (президиум) совета вошли: серб Илия Милкич – председатель, словенец Антон Добник – секретарь, хорват Иван Ольром – управделами, а также хорват Драгутин Видневич и серб Милан Глумац.

²⁸ 25 марта 1919 г. Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов направил письмо в НКВД РСФСР о взятии им в свое ведение домов в Москве, принадлежавших Сербскому государству:

«Имеем честь довести до Вашего сведения, что Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов берет с сегодняшнего дня в свои руки все дела, касающиеся домов 4/6 и 6 по Солянке (Сербское подворье), принадлежавших Сербскому (в настоящее время объединенному югославянскому) государству, предварительно опечатав бывшее помещение архимандрита сербского Михаила и назначив управляющего делами т. Ольрома управляющим означенных домов.

Председатель

Секретарь

Управляющий делами

И. Милкич

Добник

Ольром».

(См.: Советско-югославские отношения. 1917–1941 : Сб. документов. М., 1992. С. 68.)

²⁹ В начале июля 1918 г. в Екатеринбурге были арестованы принцесса сербская великая княгиня Елена Петровна (1884–1962), супруга Иоанна Константиновича, отправившаяся в ссылку за мужем (впоследствии убиты вместе с семьей императора Николая II), и сопровождавшие ее офицеры и члены Сербской миссии: помощник военного атташе Сербской миссии майор Жарко Константинович Мичич, писарь штаба 1-й Сербской дивизии, состоящий на службе миссии фельдфебель Милан Божич, рядовой Георг Абрамович – военнослужащий, состоящий в миссии, и секретарь Сербской миссии, инженер путей сообщения, управляющий делами князя Иоанна Константиновича и княгини Елены Петровны Сергей Николаевич Смирнов (1877–1938). Елена Петровна была освобождена во второй половине декабря 1918 г. (до того находясь в заключении в Перми, а затем в Москве), майор Мичич и солдаты – 13 ноября 1918 г., а С.Н. Смирнов, приложивший большие усилия для освобождения принцессы и ее отъезда на родину, – 28 ноября 1919 г. За спасение сестры король Сербии наградил С.Н. Смирнова орденом Белого Орла на шею и 10 тыс. франков. (Подробнее об аресте см.: [Вук Ю.А. Претерпевшие до конца: Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. Ч. 4. СПб., 2013. \(Окно в историю\); Убийство членов Дома Романовых в Алапаевске \[электронный ресурс\] / Фонд памяти новомучеников Императорского дома Романовых // fund-memory-romanov.mega.ru/page/ubijstvo-velikih-knyasej-v-alapaevske. Дата обращения: 28.08.2015\).](#)

³⁰ Югославянским советом рабочих и крестьянских депутатов была также направлена копия отношения с текстом телеграммы (№ 59 от 23 апреля 1919 г.) в Югославянскую группу РКП(б) с просьбой поддержать ходатайство Совета об освобождении югославянских граждан, заключенных в Бутырскую тюрьму (см.: РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 11. Л. 6).

³¹ Австросовет – новое наименование Австро-венгерской миссии по делам военнопленных, принятое в декабре 1918 г. В ноябре 1919 г. вместо Австросовета были учреждены Венгерский, Чешский, Югославский и Румынский советы, объединившиеся в Фединсовет (Федерацию иностранных советов), который был подотделом Центробежплена и просуществовал до 1921 г.

³² Одесса была захвачена белогвардейцами 24 августа 1919 г.

³³ Милан Радакович в 1919 г. был одним из руководителей крупной подпольной прокоммунистической организации, которая действовала в так называемом 1-м Сербском королевском партизанском отряде, базировавшемся в Екатеринбурге.

³⁴ Югославянская секция Московского комитета РКП(б) образована в марте 1920 г. (см.: [Поповић Н.Б. Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921. Београд, 2005. С. 205\).](#)

³⁵ Видневич Драгутин (1891–1924) – член Социал-демократической партии Хорватии и Славонии с 1909 г. Во время Первой мировой войны военнослужащий австро-венгерской армии; попал в русский плен. Служил в 1-й Сербской добровольческой дивизии. Член Югославянской группы РКП(б) с мая 1918 г.

³⁶ Грџец Йосип (1892–?) – югославский коммунист, член РКП(б) с февраля 1920 г. В декабре 1920 г. вернулся в Югославию для установления связи с ЦК КПЮ.

³⁷ Кодрня Милан (1893–1946). Родился в Загребе. Член РКП(б) с апреля 1918 г. В 1919 г. был избран в комитет югославянской группы при РКП(б), затем в президиум ЦЮБ при ЦК РКП(б). Активно работал в военной комиссии Федерации иностранных групп. В 1921 г. исключен из РКП(б). В СССР оставался до конца Второй мировой войны, затем вернулся в Югославию.

³⁸ Томац Михаило (1887–1958) – югославский коммунист. Офицер югославянского полка «Матия Губец». Затем перешел на сторону красных. Член РКП(б) с февраля 1920 г. Остался жить в СССР.

³⁹ Центральное югославянское бюро (ЦЮБ) было образовано на базе сформированной в конце 1919 г. коммунистической группы при ЦК РКП(б), состоящей из военнопленных югославын, по воле случая оказавшихся в России после Первой мировой войны. В феврале – марте 1920 г. группа из 55 человек (из них в Москве проживало 24 человека) была преобразована в Центральное югославянское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) (утверждено ЦК 5 марта 1920 г. – см.: РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 92. Л. 22–24 об.). В него вошли И. Милкич, М. Кодрня и др. Секретарем, ведавшим всеми делами бюро, являлся В. Шенгок. Занималось бюро главным образом репатриацией югославын на родину. В этой работе ему активно помогал Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов в России. ЦЮБ при ЦК РКП(б) существовало вплоть до сентября 1921 г.

⁴⁰ Заложников-югославын, о которых идет речь в публикуемом документе, очевидно, было невозможно использовать для шантажа «врагов советской власти» внутри России. Однако они могли пригодиться в случае установления контактов с властями Королевства СХС, которым от имени Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов неоднократно отправлялся призыв начать переговоры о судьбе оказавшихся в России югославын.

⁴¹ Георгиевич (псевд., наст. фамилия Бугарски) Димитрие (1892–1959) – югославский коммунист. Попал в Россию во время Первой мировой войны как австро-венгерский военнопленный. Находился в лагерях для военнопленных в Сибири. Служил в 1-й Сербской добровольческой дивизии. После Октябрьского переворота участвовал в установлении власти большевиков в Екатеринославе, служил в 1-м Югославянском коммунистическом полку. Член РКП(б) с 1919 г. С 1921 г. член Президиума Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов в Москве. В 1920–30-е гг. проживал в СССР. В 1937–1939 гг. участник гражданской войны в Испании. С 1944 г. комиссар 1-й Югославской бригады, сформированной в основном из пленных военнослужащих хорватского легиона и переведенной в состав Народно-освободительной армии Югославии. После окончания Второй мировой войны находился на различных должностях в Югославской народной армии в чине генерал-подполковника.

⁴² Конфликтный подотдел входил в состав Организационно-инструкторского отдела ЦК РКП(б), образованного в мае 1919 г.

⁴³ Имеются в виду, в частности, Драгутин Садура и Милан Кодрня.

⁴⁴ Комиссия по чистке членов партии в Институте красной профессуры работала с 5 октября по 26 ноября 1933 г. За этот период чистку прошли 127 человек. Плетикос Антон Маркович (1898–1938). Хорват, родился в Италии, член ВКП(б). После учебы в Институте красной профессуры – преподаватель Смоленского пединститута. Арестован в 1938 г., тогда же осужден за контрреволюционную деятельность в период Гражданской войны, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁴⁵ Вишнякова Прасковья Ивановна (1887–1967) – в 1922–1930 гг. член Донской областной и краевой контрольной комиссии, сотрудник аппарата ЦК партии. В 1924–1930 гг. член ЦКК ВКП(б).

⁴⁶ Алиханов Георгий Сергеевич (псевд., наст. имя и фамилия Алиханян Геворк Саркисович) (1897–1938). С 1931 г. на работе в аппарате ИККИ. В 1937 г. зав. отделом кадров Коминтерна. Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁴⁷ Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ) – учебное заведение Коминтерна, работавшее в 1922–1936 гг. Учрежден декретом СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. Первый ректор – Юлиан Мархлевский. Университет состоял из различных секторов: еврейского, латышского, польского, немецкого, югославского, болгарского и т.д. Закрыт в 1936 г.

⁴⁸ Брацанович Брацан (1893–1929) – югославский коммунист. Черногорец. Участник Балканских войн 1912–1913 гг. Член КПЮ с ноября 1918 г. Один из основателей Компартии в Черногории. В СССР – с 1923 г. В 1924 г. помощник управляющего на Моршанском Госконзаводе. С августа 1925 г. заведующий Югославским сектором КУНМЗ. В 1928 г. направлен в Югославию в качестве инструктора ЦК КПЮ и секретаря обкома партии в Сербии. Арестован в августе 1929 г. в результате провала белградской ячейки КПЮ. В тюрьме подвергался пыткам. Застрелен 27 сентября 1929 г. при попытке к бегству (см.: *Ћвановић Н.* Прилог биографији Брацана Брацановића // *Istorijski zapisi*. Titograd, 1969. № 1–2).

⁴⁹ «Международная книга» – всесоюзное внешнеторговое объединение. Основано в 1923 г. Просуществовало до 2013 г. Осуществляло операции по экспорту из СССР и импорту в СССР книг, альбомов, плакатов и других непериодических изданий, газет, журналов, а также их копий.

⁵⁰ Бошкович Бошко (псевд., наст. фамилия и имя Филиппович (Филипович) Филип) (1878–1938) – один из руководителей Сербской СДП, а затем основателей и руководителей КПЮ. Учился в Петербурге, член РСДРП с 1905 г., участвовал в революции 1905–1907 гг. В Сербию возвратился в 1912 г. В 1920 г. избран в Конституционное собрание. За коммунистическую деятельность осужден на два года. По выходе на волю вновь избран (на 3-й конференции КПЮ в январе 1924 г.) в состав руководства Компартии. С июля 1924 г. член ИККИ; с 1926 г. член, затем кандидат в члены Президиума ИККИ. Работал в Балканском ландессекретариате. С середины 1924 г. эмигрант в СССР, Австрии, Германии. В Москве работал в Международном аграрном институте (с 1932 г.) и КУНМЗ. В 1929–1932 гг. – в составе заграничного руководства КПЮ в Вене. С 1932 г. работал в Москве. В 1938 г. репрессирован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

⁵¹ МОПР – Международная организация помощи борцам революции. Создана в 1922 г. по решению IV конгресса Коминтерна. Оказывала материальную помощь осужденным революционерам. В 1932 г. в МОПР входило 70 национальных секций, в которых числилось 14 млн членов (9,7 – в СССР), плативших взносы. До 1936 г. МОПР, как и НКВД, выдавала разрешения на въезд в СССР. В международном масштабе действовала до Второй мировой войны. Советская секция МОПР работала до 1947 г.

⁵² Цилица Анте (псевд., наст. фамилия и имя Задворный Петр Алексеевич) (1898–1992) – один из руководителей Хорватской социал-демократической партии и КПЮ (член ЦК и ПБ КПЮ), член Балканского бюро Коминтерна. В 1926 г. вступил в ВКП(б). В СССР жил в 1926–1935 гг. Преподаватель Югославского сектора КУНМЗ (с 1926 по июнь 1929 г.). В 1929 г., как и большая часть руководства КПЮ, выступил на стороне левой оппозиции в ВКП(б), был исключен из ВКП(б) и отправлен из Москвы в Ленинград, где преподавал в Рабоче-крестьянском университете им. Зиновьева. 21 мая 1930 г. арестован за участие в организации югославской группы политэмигрантов, симпатизирующих левой оппозиции, исключен из КПЮ и сослан (3 года провел в Верхнеудинском изоляторе, затем был переведен в Енисейск). В 1935 г., благодаря организованной на Западе кампании за его освобождение и своему итальянскому гражданству, Цилица добился выезда из СССР. Жил во Франции, сотрудничал с Троцким. В декабре 1941 г. Цилица, вернувшийся в Хорватию, был арестован и год провел в концлагере Ясеновац. После Второй мировой войны жил в Риме; в конце жизни возвратился в Хорватию (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 227. Д. 443. Л. 107).

⁵³ Санданский-Оровчанац (псевд., наст. фамилия Пантич) Николай (1905–1938). Македонец, родился в г. Велес. Член ВКП(б), член КПЮ. Арестован и расстрелян в 1938 г. До ареста проживал в Москве, работал зам. директора медфармкомбината. Реабилитирован в 1963 г.

⁵⁴ Имеется в виду Воислав Вуйович (1897–1936) – сербский коммунист, первый секретарь Коммунистического интернационала молодежи. В Москве работал в ИККИ (до 1926 г.). В 1927 г. исключен из ВКП(б) по обвинению в принадлежности к троцкистско-зиновьевской оппозиции. В 1930 г. реабилитирован, восстановлен в партии. Референт Балканского секретариата ИККИ, преподаватель КУНМЗ. В 1935 г. снова арестован. Расстрелян в 1936 г. Воислав – средний из трех братьев Вуйовичей, оказавшихся в 1920-е гг. в Москве и занимавших высокие посты в КПЮ, КИМ и ИККИ. Гргур (1901–1937) и Радомир Вуйовичи (1895–1938) также расстреляны как участники «троцкистско-зиновьевского заговора». Реабилитированы решением Военной коллегии Верховного суда СССР в 1957 г.

⁵⁵ Ковалев Иван Борисович (псевд., наст. фамилия и имя Драгич Станко) (1898–1938). Хорват, родился в г. Прозор (Босния и Герцеговина). Член КПЮ с 1919 г. Секретарь Загребского горкома партии, член ЦК КПЮ (1926). В Москве с 1926 г., студент КУНМЗ. Член ВКП(б). В 1929 г. исключен из университета и из партии, отправлен в Ленинград, где работал токарем-металлистом на заводе «Электросила». В 1930 г. арестован вместе с группой югославских коммунистов, находящихся в СССР, по обвинению в троцкизме. Отправлен на 3 года в Верхнеудинский изолятор, откуда был выслан в Саратов. Бежал из ссылки, пытаясь вернуться на родину. В 1934 г. был пойман на советско-польской границе и отправлен на Соловки, где и погиб в 1938 г.

⁵⁶ Сулов В. (псевд., наст. фамилия и имя Хеберлинг Стефан) – деятель КПЮ. До приезда в СССР в середине 1920-х гг. был членом Комитета коммунистической организации Воеводины (г. Нови Сад). В начале 1930-х гг. арестован за сочувствие объединенной оппозиции в ВКП(б) и отправлен в ссылку на Урал (см.: Архив Л.Д. Троцкого : Т. 8. [электронный ресурс] // www.lib.ru/trockij/archive-trotskogo-t8.txt_pse 40, 23. Дата обращения 25 марта 2016 г.).

⁵⁷ Имеется в виду III съезд КПЮ, проходивший в Вене с 14 по 22 мая 1926 г.

⁵⁸ Имеется в виду жена Анте Цилиги – Люба Цилига (даты жизни неизв.), жившая в СССР под псевдонимом Задворная. Родилась в Македонии (г. Прилеп). Девичья фамилия Влчева. В СССР находилась с 1926 г., преподавала в КУНМЗ физическую географию и биологию. В 1928 г. переехала в Вену.

⁵⁹ Студенты Югославского сектора КУНМЗ неоднократно обращались к зав. сектором Брацановичу с письменными заявлениями, обвиняя Задворную в том, что она «с весьма острой критикой выступает против теперешнего отношения, называя Россию азиатской страной и другими неприличными именами», и «скверно влияет на студентов» (см.: РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 652. Л. 8).

⁶⁰ Бабич Иван Юрьевич (1888–1938) – студент КУНМЗ. Серб. Арестован и расстрелян в 1938 г. До ареста проживал в Москве. Работал начальником цеха на заводе.

⁶¹ Соловьев Виктор (псевд., наст. фамилия и имя Дедич Мустафа) (1898–1939). Родился в г. Високо (Босния и Герцеговина). Занимал пост секретаря профсоюза в г. Мостаре. В КПЮ вступил в Загребе, где работал в трамвайном депо. В 1926 г. арестован. Вышел на свободу в 1929 г. и эмигрировал в СССР. Студент КУНМЗ. Подписал платформу «сорока одного», после чего был исключен из КУНМЗ и ВКП(б). Арестован в 1930 г. по обвинению в троцкизме вместе с группой югославских коммунистов, находящихся в СССР. Отправлен в Верхнеудинский изолятор. С 1933 г. отбывал ссылку в Западной Сибири (с. Колпашево Нарымского края). Расстрелян предположительно в 1939 г.

⁶² VII расширенный пленум ИККИ состоялся в Москве 22 ноября – 16 декабря 1926 г.

⁶³ Орешкин Павел Михайлович (1906–1938). Словенец. Арестован и расстрелян в 1938 г. До ареста проживал в Москве. В его заявлении в бюро ячейки КУНМЗ от 27 сентября

1927 г. о произошедшем говорится следующее: «После нашего письменного обжалования насчет русского преподавателя т. Брацанович, увидев меня, обратился так грубо и нетоварищески ко мне с словами: Что вы думаете устраивать здесь забастовку? Знаете ли вы, что здесь диктатура пролетарията, а не диктатура Пашич-Прибичевича? Имеете в виду, что здесь вы не можете делать, что вам захочется. За таких как вы здесь не имеется места! Из этих слов [видно], во-первых, что мы как будто здесь, в Комунив[ерситете], не имеем полного права творит и предлагат лучшего преподавателя, которы бы преподавал на родном языке. Это желание не было только мною подписано, но и всех тов[арищей] из нашей группы, с исключением двух или трех. Во-вторых, видно, что т. Брацанович мне не считает не только рабочим, но и в данном случае комсомолцем и претит мне диктатуром пролетарията, как будто я либо фашист, либо монархист» (см.: РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 162. Л. 12–13).

⁶⁴ Драгачевац Петр Петрович (псевд., наст. фамилия и имя Новакович Коста) (1886–1938). Родился в г. Чачак (Сербия). Один из основателей Сербской социал-демократической партии и КПЮ (1919). Член ЦК КПЮ. Делегат IV и VI конгрессов Коминтерна. Один из лидеров левой фракции в КПЮ. В 1926 г. в Югославии был осужден на 5 лет заключения. В 1927 г. бежал из тюрьмы и эмигрировал в СССР, вступил в ВКП(б). Представитель КПЮ при Балканском ландсекретариате ИККИ. Работал в ЦК МОПР. Долгое время находился в Германии. В 1932 г. исключен из ВКП(б). Арестован в 1938 г. и расстрелян в 1939 г. Реабилитирован в 1958 г.

⁶⁵ Киселев Елисей Николаевич (псевд., наст. фамилия и имя Яничиевич Павле). Окончил КУНМЗ в 1931 г. В 1931–1932 гг. проживал в Самаре. В 1932–1938 гг. – в Москве; работал инструктором отдела кадров в НКПС. Арестован НКВД в 1938 г. Расстрелян в 1940 г. Реабилитирован в 1956 г. (см.: Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 1. Оп. 2. Д. 2208).

⁶⁶ Носков Петр Иванович (1894–?). Серб. Член ВКП(б) с 1926 г. Окончил КУНМЗ в 1929 г. Направлен на партийную работу в Югославию, где был убит (см.: РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 679. Л. 14).

⁶⁷ Фрумкина Мария Яковлевна (псевд., наст. фамилия и имя Лившиц Малка Янкелевна) (1880–1943) – советский партийный и государственный деятель, участница еврейского социал-демократического и коммунистического движения. Один из лидеров левого крыла Бунда, член руководства Еврейской секции РКП(б). Принимала участие в подготовке и издании на идиш сочинений В.И. Ленина. Автор биографии Ленина на идиш. Проректор и ректор КУНМЗ (1922–1936). В 1938 г. арестована, осуждена на 8 лет. Умерла в лагере близ Караганды.

⁶⁸ Маркович Сима (1888–1939) – сербский, югославский коммунист. Родился в г. Крагуевац (Сербия). Доктор математических наук (1913), профессор Белградского университета (1914). Первый секретарь КПЮ (1920–1928). Член Исполкома Коминтерна (1921). Лидер «правого» крыла КПЮ, разделившегося по национальному вопросу и проблеме территориального устройства Югославии. В 1929 г. исключен из КПЮ. Неоднократно был арестован югославскими властями и приговорен к тюремному заключению и ссылке. В 1935 г. бежал в СССР. Восстановлен в партии. В Москве работал в Институте философии АН СССР. Арестован в 1938 г. Расстрелян в 1939 г. Реабилитирован в 1958 г.

⁶⁹ Мокаенко Елисей Титович (наст. имя Воислав, фамилия неизвестна) (1907–?). Родился в крестьянской семье в Меленци (Банат). Серб (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 12675). Член ВКП(б) с 1929 г. В 1930 г. переведен из КУНМЗ на Ленинские курсы. Впоследствии направлен в Югославию, где был арестован.

⁷⁰ Речь идет о Конфликтной комиссии, работавшей с 17 апреля по 21 мая 1928 г. Заседания ее не стенографировались. В ходе работы было оформлено два протокола: первый

(17 апреля 1928 г.) – организационный и второй, охватывающий период с 19 апреля по 20 мая включительно и раскрывающий содержание каждого из заседаний. В апреле состоялись 4 заседания, в мае – 10. В деле имеется список опрошенных (44 человека) (см.: РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 188).

⁷¹ См. коммент. № 50.

⁷² Речь идет о региональных секретариатах, назначаемых политсекретариатом Коминтерна. Представляли собой постоянные комиссии, организованные по географическому принципу.

⁷³ Пятницкий (наст. фамилия Таршис) Иосип (Осип) Аронович (1882–1938) – советский политический деятель; в 1928–1935 гг. член ИККИ и член Президиума ИККИ.

⁷⁴ Реммеле Герман (1880–1939) – один из руководителей Компартии Германии, член Президиума Исполкома Коминтерна.

⁷⁵ Васильев (Гольберг) Борис Афанасьевич (1889–1937) – в 1928–1934 гг. зав. Орготделом ИККИ, руководитель Постоянной комиссии политсекретариата ИККИ.

⁷⁶ Шмераль Богумир (1880–1941) – один из основателей Компартии Чехословакии (1921), член ее ЦК. В 1921–1929 гг. и с 1935 г. – член Исполкома Коминтерна.

⁷⁷ В Балканский ландсекретариат входили Болгария, Югославия, Румыния, Албания, Греция и Турция (в 1928 г. добавился Кипр).

⁷⁸ Накованович (псевд., наст. фамилия Ковачевич) Никола (1890–1967) – черногорский революционер и политик. В СССР проживал с 1928 г.; был представителем Югославии в Коминтерне. В КУНМЗ исполнял обязанности руководителя Югославского сектора. В 1930–1931 гг. входил в состав комитета КПЮ за границей (Вена). С 1934 г. пребывал в США как представитель КПЮ при Американской компартии. В Северной Америке – до конца Второй мировой войны. По возвращении в Югославию – член ЦК КПЮ. Входил в состав правительственных и высших партийных органов Черногории.

⁷⁹ Обращение в дальнейшем получило название «платформа сорока одного».

⁸⁰ В РГАСПИ сохранилась биографическая справка: «Ермолов Николай Александрович, г.р. 1906, рабочий-столяр, образование низшее, член ВКП(б) с декабря 1926 г., п.б. 0072085, с 1920–1926 гг. член компартии Югославии. В настоящее время слушатель КУНМЗ» (см.: РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 2. Д. 228. Л. 103).

⁸¹ Термидор – имеется в виду контрреволюционный переворот (по государственному перевороту во Франции 9 термидора (27 июля) 1794 г.). «Термидором» Л.Д. Троцкий называл инициированный И.В. Сталиным процесс обюрокращения компартии и отстранения народных масс от управления государством.

⁸² Горкич Милан (псевд., наст. фамилия и имя Чижински Йосип) (1904–1937) – югославский коммунист (с 1919 г.), чех по национальности. В Москве – с 1924 г. Работал в Балканском секретариате Коминтерна, занимал должности в руководстве КПЮ, Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи. Часто ездил в Европу с партийными заданиями. С 1930 г. представитель Коминтерна в Компартии Великобритании. С 1932 г. секретарь ЦК КПЮ. В основном работал в коминтерновских ячейках за рубежом. В 1935 г. делегат VII конгресса Коминтерна, избран в Исполком Коминтерна. В 1937 г. вызван в Москву, арестован, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁸³ Жилава – тюрьма для политзаключенных в Румынии, близ Бухареста. Известна своими крайне тяжелыми условиями содержания, пытками и истязаниями заключенных, что неоднократно приводило к бунтам заключенных.

- ⁸⁴ Заварзин Федор Петрович (1903–?). Серб. Член ВКП(б) с 1927 г. КУНМЗ окончил в 1930 г. Направлен на партработу в Югославию. Арестован. Заочно исключен из партии «за недостойное поведение» (РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 679. Л. 14 об.).
- ⁸⁵ Фатанович Иван Степанович (1902–?). Член ВКП(б) с 1929 г. В 1930 г. направлен на партийную работу в Югославию. Убит.
- ⁸⁶ Имеется в виду подписанная И.В. Сталиным директива ЦК ВКП(б) парторганизациям о хлебозаготовках, разосланная 6 января 1928 г. (см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : Документы и материалы. Т. 1. М., 1999. С. 136, 137).
- ⁸⁷ Имеется в виду статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», опубликованная в «Правде» 2 марта 1930 г.
- ⁸⁸ СОЗ – товарищество по совместной обработке земли.
- ⁸⁹ Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении».
- ⁹⁰ Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) – член РСДРП с 1903 г. В 1920–1923 гг. член Политбюро ЦК КП Украины. В 1923–1939 гг. член ЦК ВКП(б). С 1921 г. член ИККИ. В 1924–1943 гг. член Президиума, секретарь ИККИ. С 1929 г. ответственный за поддержание связей между руководством партии и Исполкома Коминтерна.
- ⁹¹ Кун Бела (1886–1939) – член СДП Венгрии с 1902 г. В 1916 г. военнопленный в России, где вступил в РСДРП. Стал одним из организаторов и руководителей компартии Венгрии. В 1919 г. нарком иностранных дел и нарком военных дел в Венгерской советской республике. С 1921 г. секретарь ИККИ, с 1924 г. член Оргбюро и Бюро Секретариата, с 1926 г. член Президиума ИККИ. В 1924–1926 гг. возглавлял Агитпропотдел. Репрессирован и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.
- ⁹² Коларов Васил (1877–1950) – деятель болгарского и международного коммунистического движения. Секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии (1919). В 1922–1929 гг. член секретариата ИККИ, в 1922–1943 гг. член Президиума ИККИ. В СССР – с конца 1923 г. В 1928–1929 гг. возглавлял Балканский секретариат ИККИ. В 1928–1939 гг. председатель Исполкома Крестьянского интернационала и директор Международного аграрного института в Москве. В 1939–1943 гг. представитель БКП в Коминтерне. В сентябре 1945 г. вернулся в Болгарию. В 1947–1949 гг. был заместителем премьер-министра и министром иностранных дел, в 1949–1950 гг. – премьер-министром Болгарии.
- ⁹³ Михайлов (псевд., наст. фамилия и имя Леви Рубен) (1900–1986) – деятель болгарского коммунистического движения. В СССР – с 1925 г. Работал в загранбюро БКП и в Коминтерне. В 1949–1970 гг. член ЦК БКП.
- ⁹⁴ Имеется в виду Болградский район Одесской области.
- ⁹⁵ Шахта «Американка» (шахта 18, поселок Новый Донбасс, ныне г. Снежное) – самая большая для того времени – была заложена в 1927 г., а в 1930 г. частично сдана в эксплуатацию. Наименование получила в честь технологии разработки, применяемой в США. На шахте работали 96 рабочих-немцев, прибывших туда в июле – августе 1930 г.
- ⁹⁶ По-видимому, имеется в виду Ивановский район Одесской области, в котором находится с. Благоево.
- ⁹⁷ Евпаторийский район с райцентром в г. Евпатории был образован в январе 1921 г. в составе Евпаторийского уезда по постановлению Крымревкома от 8 января 1921 г. об упразднении волостной системы.

⁹⁸ Петрович Иван Маркович (1903–1938). Черногорец. Арестован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1955 г. До ареста проживал в Москве и работал пропагандистом на фабрике «Мосбель».

⁹⁹ Протич Миленко Иванович (1899–1938). Серб. Арестован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1963 г.

¹⁰⁰ Населенного пункта с таким названием не существовало. По-видимому, имеется в виду деревня Машугина Гора, которая в 1929–1937 гг. входила в Западную область, состоявшую из Брянской губернии и частей нынешних Калужской, Смоленской, Тверской областей, а также Великолукского округа Ленинградской области.

¹⁰¹ Сталино – болгарское село Ивановского района Одесской области. До 1930 г. называлось Катаржина. С 1960 г. и по настоящее время – Червонознаменка.

¹⁰² Тодорович Михаил Иванович (1893–1938). Серб. Родился в Банате (Воеводина). Арестован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁰³ Парканы – болгарское село в Слободзейском районе Приднестровской Молдавской республики.

¹⁰⁴ Имеется в виду первичная организация Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим), основанного в 1927 г.

¹⁰⁵ Павлинка – село в Благоевском районе Одесской области.

¹⁰⁶ Ангаретис (псевд., наст. фамилия Алекса) Зитмас Ионович (1882–1940) – один из руководителей компартии Литвы. С 1921 г. представитель КП Литвы в Коминтерне. В 1926–1935 гг. секретарь Интернациональной контрольной комиссии.

¹⁰⁷ Бруцер Луиза (1888–?) – преподаватель КУНМЗ, методист Наркомпроса, с 1935 г. зам. директора Московского государственного института иностранных языков. В 1938 г. арестована, приговорена к 8 годам ИТЛ. По возвращении проживала в Латвии.

¹⁰⁸ Митрович-Вуйович Григорий (Грегор) Дмитриевич (псевд., наст. фамилия и имя Вуйович Гргур) (1901–1938) – член КПЮ (1919), секретарь Союза коммунистической молодежи Югославии. В СССР приехал в 1924 г. Работал в ИККИ. В 1926 г. направлен в Королевство СХС. В 1928 г. арестован вместе с другими югославскими коммунистами. Освобожден ввиду недоказанности вины. Корреспондент ТАСС в Вене. По возвращении в Москву – зав. Югославским сектором КУНМЗ. Работал в Исполкоме КИМ. В 1932–1934 гг. представитель КПЮ в Коминтерне. В июле 1937 г. арестован НКВД. Расстрелян в октябре 1938 г. Реабилитирован в июне 1957 г.

¹⁰⁹ Балканская коммунистическая федерация, в которую входили компартии Болгарии, Югославии, Румынии и Греции, была в 1920 г. преобразована из Балканской социал-демократической федерации (1910) с присоединением ее к Коминтерну. В ее задачи входило объединение усилий трудящихся балканских стран в борьбе против империалистического угнетения и создание федерации рабоче-крестьянских республик. БКФ было проведено несколько коммунистических конференций. В ее работе принимал деятельное участие Георгий Димитров. В начале 1930-х гг. федерация прекратила свое существование.

VI конференция БКФ проходила в 1923 г. в Москве. На ней были рассмотрены национальный, аграрный и организационный вопросы, а также вопрос о международном положении. Большое внимание было обращено на решение национального вопроса, т.к. в компартиях Балканского региона этот вопрос решался по-разному, и особенно – в Югославии. По нацвопросу, впрочем как и по другим, для каждой страны были приняты отдельные резолюции в соответствии с особенностями развития каждого из балканских государств.

- ¹¹⁰ Версальский, Трианонский, Нейский, а также не упомянутые в документе Сен-Жерменский и Севрский мирные договоры формально завершили Первую мировую войну 1914–1918 гг. В исторической литературе они более известны под названием Версальская система мирных договоров.
- ¹¹¹ Царибродско, Босилеградско, Струмилишко – области северо-западной Болгарии, перешедшие по условиям Нейского мирного договора 1919 г. к Югославии. Их население вследствие этого должно было перейти в югославское подданство, лишившись болгарского.
- ¹¹² Кроатский (*устар.*) – то же, что хорватский.
- ¹¹³ Имеется в виду Видовданская конституция Королевства сербов, хорватов и словенцев, принятая 28 июня 1921 г., в день св. Вида. Действовала в стране вплоть до установления в январе 1929 г. режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича.
- ¹¹⁴ Партия образована в 1904 г. как Хорватская народная крестьянская партия братьями Анте (Антуном) и Степаном Радичами. В 1918 г. не признала легитимности создания Югославии. Тем не менее приняла участие в парламентских выборах 1920 г., а также во всех последующих избирательных кампаниях. В 1920 г. изменила название на Хорватскую республиканскую крестьянскую партию. В 1925 г. лидер партии С. Радич признал Видовданскую конституцию и, следовательно, монархическое устройство государства, в результате чего партия была переименована в Хорватскую крестьянскую партию. Участвовала в формировании югославского правительства в 1925–1927 и 1939–1941 гг. В остальное время – в оппозиции. Х(Р)КП в межвоенный период – наиболее массовая хорватская политическая организация.
- ¹¹⁵ Ароманами назывались влахи, проживавшие на македонских землях.
- ¹¹⁶ В результате Балканских войн 1912 и 1913 гг. Македония была разделена между Сербией (Вардарская), Грецией (Эгейская) и Болгарией (Пиринская). Малая часть Македонии также досталась Албании.
- ¹¹⁷ VII конференция БКФ проходила 9–18 июля 1924 г. в Москве, сразу после закрытия V Конгресса Коминтерна. Основными вопросами повестки дня ее работы были: 1) доклад о деятельности Президиума БКФ (Димитров); 2) доклады отдельных партий; 3) доклад о положении на Балканах и задачах балканских компартий и БКФ (Милютин); выборы в ЦК и Президиум БКФ.
- ¹¹⁸ Димитров Георгий Михайлович (1882–1949) – деятель болгарского и международно-коммунистического движения. Секретарем Президиума БКФ был избран в декабре 1923 г. С 1926 г. – член ИККИ. В 1929–1933 гг. один из руководителей Западноевропейского бюро ИККИ. Главный обвиняемый на Лейпцигском процессе 1933 г. о поджоге рейхстага. В 1935–1943 гг. генеральный секретарь ИККИ. С 1946 г. председатель Совета министров Народной республики Болгария. С 1948 г. генеральный секретарь ЦК БКП.
- ¹¹⁹ Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – экономист, советский партийный и государственный деятель, академик АН СССР (1929), член Политбюро ЦК РКП(б) (1924–1929). В 1919–1929 гг. член Исполкома Коминтерна.
- ¹²⁰ Обзнана – объявление (*серб.*). Так стал называться запрет деятельности Коммунистической партии Югославии, о котором было объявлено 29 декабря 1920 г.
- ¹²¹ В 1925 г. Хорватская республиканская крестьянская партия во главе со Степаном Радичем признала легитимность создания Королевства СХС, отказалась от идеи республиканства и вступила в правительственную коалицию с сербской Радикальной партией.

¹²² 6 января 1929 г. король Александр Карагеоргиевич установил режим личной власти, упразднив действующую конституцию, принятую в 1921 г., распустив парламент и запретив партии. Во главе правительства был поставлен один из лидеров организации офицеров «Белая рука» генерал Петар Живкович (1879–1947).

¹²³ Корощец Антон (1872–1940) – католический священник, один из лидеров Словенской народной партии; возглавлял последнее коалиционное парламентское правительство (27 июля 1928 – 6 января 1929 г.), распущенное в результате государственного переворота, осуществленного королем.

¹²⁴ Крестьянско-демократическая коалиция образована в 1927 г. из представлявших Хорватию Хорватской крестьянской партии и Самостоятельной демократической партии.

¹²⁵ 20 июня 1928 г. член Радикальной партии и депутат Пуниша Рачич (1886–1944), серб из Черногории, во время заседания парламента убил двоих и ранил троих депутатов Хорватской крестьянской партии, включая ее лидера Степана Радича, который вскоре умер от осложнения после полученного ранения. Разразившийся после этого политический кризис стал непосредственной причиной государственного переворота, предпринятого Александром Карагеоргиевичем.

¹²⁶ Имеется в виду Крестьянско-демократическая коалиция.

¹²⁷ Мачек Владко (1879–1964) – председатель Хорватской крестьянской партии (с 1928 г.).

¹²⁸ Андреев Борис Николаевич (псевд., наст. фамилия и имя Масларич Божидар) (1895–1963) – деятель Югославской компартии (с 1919 г.). Серб. Родился в Хорватии (Австро-Венгрии). После начала Первой мировой войны добровольцем вступил в ряды сербской армии. Ранен на Салоникском фронте. Марксизмом увлекся во Франции, где находился в качестве стипендиата сербского правительства. По возвращении в Югославию несколько раз подвергался арестам, приговаривался к тюремному заключению и ссылке. Бежал за границу. В эмиграции в СССР в 1929–1936 и 1939–1945 гг. Учился, а затем преподавал в КУНМЗ. Делегат VII конгресса Коминтерна. В 1936–1939 гг. участник гражданской войны в Испании. С декабря 1939 г. референт секретариата А. Марти в ИККИ. С июня 1941 г. редактор югославской редакции во Всесоюзном радиокомитете. В 1946–1948 гг. председатель Всеславянского комитета в Белграде. Член ЦК Союза коммунистов Югославии. Член партийного руководства и правительства Хорватии.

¹²⁹ Объединительный съезд, в котором приняли участие делегаты Сербской социал-демократической партии, Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины, Социал-демократической партии Далмации, а также Социал-демократической партии Хорватии и Словении, состоялся в апреле 1919 г. в Белграде. На съезде было принято решение об образовании Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов).

¹³⁰ Имеется в виду югославянская идея, подразумевающая существование «триединого народа» сербов, хорватов и словенцев.

¹³¹ Единый налоговый кодекс в Королевстве СХС был принят в 1928 г. До этого в стране действовали пять различных налоговых законодательств, унаследованных от королевств Сербия, Черногория, а также Австро-Венгрии. Именно с этим, а не с «эксплуататорскими» намерениями сербов, связан тот факт, что в различных исторических областях, вошедших в состав Югославии, размер налогообложения был неодинаковым.

¹³² Инвентаризация крупного рогатого скота осуществлялась в интересах югославской армии на случай войны с Италией, претендовавшей на ряд областей, вошедших в состав Королевства СХС, что стало причиной массовых волнений в хорватских областях.

¹³³ «Маркирование» австро-венгерских крон (наклейка на банкноты знака соответствия – марки), имевших хождение в югославянских областях Австро-Венгрии, было связано с бесконтрольной эмиссией, осуществлявшейся Австро-Венгерским банком в конце 1918 – начале 1919 г. Ежедневно в Венгрии печаталось 18 млн, а в Австрии – 100 млн крон. Значительная часть этой денежной массы попадала на югославский валютный рынок, что способствовало его дестабилизации. Решение об обмене крон на динары в соотношении 4:1, принятое 18 января 1920 г., стало предметом полемики как среди экономистов – современников событий, так и среди более поздних исследователей истории Королевства СХС (см.: *Бецић* [Б]. Министарство финансија Краљевине Југославије 1918–1941. Београд, 2012. С. 357–378).

¹³⁴ Громов Владимир Васильевич (псевд., наст. фамилия и имя Поптомов Владимир) (1890–1952) – член Болгарской коммунистической партии (тесных социалистов) с 1919 г. В 1923 г. участник Сентябрьского вооруженного восстания, приговорен болгарским судом заочно к смертной казни. В 1924–1934 гг. секретарь ЦК Объединенной внутренней македонской революционной организации. В 1935–1940 гг. старший референт по балканским странам в ИККИ. В 1940–1942 и 1943–1944 гг. редактор Издательства литературы на иностранных языках. В 1942–1943 гг. редактор Отдела печати ИККИ. После войны – член Политбюро ЦК КПБ, заместитель председателя Совета министров Болгарии.

¹³⁵ Индустријална камера (*серб.* Индустијална комора) – промышленная палата.

¹³⁶ С ноября 1924 по август 1940 г. Молдавия являлась автономной республикой в составе Украинской ССР. 2 августа 1940 г. была образована Молдавская ССР.

¹³⁷ Флейшер (псевд., наст. фамилия Гржетич) Стефан Петрович (1896–1937), хорват – член КПЮ, представитель КПЮ при Коминтерне. Жил в Москве. В 1937 г. был арестован и приговорен к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной троцкистской организации. Реабилитирован в 1963 г.

¹³⁸ Уэска – город в испанской провинции Арагон. Во время гражданской войны в Испании в районе Уэски шли ожесточенные бои между революционной армией и сторонниками Франко.

¹³⁹ Специализированный лагерь, созданный в 1937 г. для заключения бойцов интербригад, злостных нарушителей воинской дисциплины, получивший имя генерала Лукача (М. Залки). Таким же лагерем был «Вилла Марука», упоминаемый далее.

¹⁴⁰ Розенцвейг (псевд., наст. фамилия Грудман) Рива Яковлевна (1905–1988) – по истечении срока заключения была освобождена из лагеря и проживала под Сыктывкарком. Реабилитирована в 1955 г., после чего вернулась в Москву.

¹⁴¹ Группа «А», куда входили интернационалисты, прибывающие в Испанию из СССР, была предназначена для участия в активных боевых действиях, включая проведение подрывных операций. Группы «Б» не существовало.

¹⁴² Мириево – село Браничевского округа (община Жабари) Сербии.

¹⁴³ Фамилия Йованович однозначно указывает на сербское происхождение ее обладателя. При поступлении в КУНМЗ Стефан Йованович назвался сербом, взяв псевдоним Богдановский (РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 662. Л. 31), однако в дальнейшем, по-видимому, счел, что выгоднее считаться представителем не «господствующей нации», а «угнетаемого» романоязычного влашского меньшинства (на момент окончания университета значился румыном). Браничевский округ, откуда родом С. Йованович, – место компактного проживания владх. Соседство и возможное родство с ними, вероятно, и обусловили знание им влашского/румынского языка.

¹⁴⁴ См. характеристику, выданную Богдановскому по завершении учебы в КУНМЗ: «Богдановский в фракционной борьбе в КПЮ активно не участвовал, сочувствовал правым, ошибки свои признал. Хороший, дисциплинированный партиец. Тов[арищеские] отношения хорошие. Прогресс хороший. Работал усидчиво. Теоретически подготовлен. Рекомендуются на партию в большое промпредприятие в целях большей пролетарской закалки» (РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 668. Л. 45).

¹⁴⁵ Сталинск (Кузнецкий) – название г. Новокузнецка (Кемеровской области) в 1932–1961 гг.

¹⁴⁶ Батальон им. Э. Тельмана входил в состав 12-й интербригады под командованием М. Залки (генерала Лукача), сформированной в ноябре 1936 г. из числа первых прибывших в Испанию интернационалистов.

¹⁴⁷ Сагоро – испанский курортный город на Средиземноморском побережье Коста-Браво.

¹⁴⁸ Сен-Сеприен – французская коммуна, расположенная непосредственно на границе Франции и Испании (департамент Восточные Пиренеи). На прибрежной полосе коммуны в 1939–1940 гг. французскими властями был создан лагерь для интернированных лиц, куда направлялись бежавшие от гражданской войны в Испании. В основном это были республиканцы-интернационалисты, пытавшиеся спастись во Франции от франкистов. В лагере, где содержалось около 90 тыс. заключенных, условия были крайне тяжелые. Большинство людей были вынуждены спать прямо на земле и жить впроголодь.

¹⁴⁹ Вскоре после возвращения из Испании Стефан Богдановский был направлен на работу в Киев, где повторно женился. На Украине его застала война.

¹⁵⁰ Гуляев Пантелеймон Васильевич (1903–1956) – член ВКП(б) с 1921 г., зав. отделом кадров ИККИ (1938–1941).

¹⁵¹ Борисоглебск – районный центр Воронежской области.

¹⁵² 15 сентября 1941 г. немецко-фашистские войска прорвали фронт и окружили большую часть сил Юго-Западного фронта. 19 сентября советские войска оставили Киев.

¹⁵³ По информации дочери Богдановского от первого брака, Надежды Йованович (Богдановской), он, как и многие другие коммунисты, мобилизованные после нападения Германии, не успел эвакуироваться, попал в окружение и был выдан немцам местными жителями. Некоторое время содержался в концлагере в Киеве. Обстоятельства смерти Стефана Богдановского неизвестны. Иные сведения содержит список пропавших без вести, составленный Свердловским районным военкоматом г. Винницы. Согласно документу, предоставленному в наше распоряжение внуком Стефана Богдановского, Александром Богдановским, «связь прекратилась в августе 1941 г.; по свидетельским показаниям сослуживцев, Стефан Богдановский погиб в районе г. Борисполя в составе уже войск Красной армии».

¹⁵⁴ Маркович Вукашин (1874–1943) – деятель русского революционного и международного коммунистического движения. Родился в Черногории в крестьянской семье. С 1892 г. находился в России. Получил высшее ветеринарное и медицинское образование в Киеве и Харькове. В частях Красного Креста в составе Сербской армии участвовал в Балканской войне 1912–1913 гг. В 1914 г. как военврач был на Юго-Западном фронте в рядах Русской армии. В русском социал-демократическом движении с 1903 г., за революционную деятельность неоднократно подвергался преследованиям со стороны царского правительства. После Февральской революции 1917 г. был избран в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. В 1917 г. из Петрограда ездил по поручению В.И. Ленина как большевистский агитатор на фронт. С 1918 г. активный участник Гражданской войны, вел

работу среди иностранных военнопленных. Маркович – один из основателей и первый руководитель созданной в мае 1918 г. при РКП(б) Югославской коммунистической группы, главный редактор ее печатного органа. Принимал активное участие в создании Коминтерна. С весны 1921 г. в Черногории был одним из руководителей крестьянского восстания. В апреле 1925 г., после года тюремного заключения в Цетинье, бежал в Австрию, а летом 1926 г. – в СССР. В 1930-х гг. работал в Академии наук (Москва). В 1938 г. репрессирован. Реабилитирован посмертно.

¹⁵⁵ III Интернационал (Коммунистический интернационал, Коминтерн) – организация, объединявшая компартии различных стран в 1919–1943 гг. Создана по инициативе В.И. Ленина. Первый глава Исполкома Коминтерна (ИККИ) – Г.Е. Зиновьев (1919–1926); последний – Г.М. Димитров (1935–1943).

¹⁵⁶ Пиперы – одно из черногорских племен, праотцом которого считается некий воевода Пипо. Его брат Васое считается «основателем» племени Васоевичей. Населяют область к северу от Подгорицы, между реками Морача и Зета.

¹⁵⁷ Имеется в виду Николай I Петрович-Негош (1841–1921) – князь и король (1910–1918) Черногории.

¹⁵⁸ По результатам допросов В. Марковича белградская полиция составила о нем следующее заключение, вошедшее под № 864 в справочник сведений об «опасных агитаторах» и прочих деятелях запрещенной коммунистической партии, предназначенный для внутреннего пользования Отдела государственной безопасности Министерства внутренних дел Королевства СХС:

«Маркович Др. Вукашин – врач, родом из Черногории. Воспитанник русской большевистской школы. Комиссар по югославским вопросам в России. Фанатичный большевистский агитатор. Один из основателей югославской партии в России и член югославянского совета в Москве. Недавно вернулся из России и на допросе признался, что является близким другом Троцкого. Его предупредили, чтобы он здесь не занимался агитацией, однако он тем не менее, целую ночь по приезде провел среди своих родственников, рассказывая им о большевистском режиме и восхваляя его. Когда его привлекли за это к ответу, заявил, что мы ничего не смеем с ним сделать, так как наши граждане, все еще находящиеся в России, взяты в заложники, дабы обеспечить ему свободу передвижения по нашему королевству. В настоящий момент Маркович находится под арестом в Полицейском управлении города Белграда. Вообще говоря, больной патологический тип (согласно рапорту от 1919 и 1921 гг.). Р. Бр. 2142» (А). Ф. 14. 2. 17360–17369).

¹⁵⁹ Белов (псевд., наст. фамилия Дамянов) Георгий (1892–1958) – деятель болгарского коммунистического движения. Член КП Болгарии в 1919–1958 гг. В 1925 г. эмигрировал в СССР. В 1926–1944 гг. член ВКП(б). В 1937–1942 гг. зам. заведующего, в 1942–1943 гг. зав. отделом кадров ИККИ. В сентябре 1944 г. вернулся в Болгарию. В 1937–1938 гг. Г. Дамянов составил для НКВД сотни справок и характеристик с замечаниями типа «не пользуется политическим доверием», «сомнителен с точки зрения знакомств» и др.

¹⁶⁰ Сохранившиеся документы, на наш взгляд, вполне объясняют возникновение необходимости психиатрической экспертизы:

Заявление Вукашина Марковича в ЦКК ВКП(б), ЦКК Коминтерна

1929 г.

Укусила... меня бешеная собака, 1929 г. В мае месяце проф. Констанцев в Симферопольском Пастеровском институте делал мне подкожные антирабические («противобешенство») впрыскивания. Он не подозревал, что я ленинец-большевик, и каждый раз, когда вонзал мне иглу в живот... с большой иронией говорил: «Маркс дурак, а Ленин, хотя и не дурак, но подлец и бандит»... «Сталин идиот»...

– А как Бухарин? – я его спросил.

– Ничего, теперь он лучше стал.

[...] Когда Констанцев узнал, что я Вукашин Маркович, он ужаснулся. Через несколько дней его сын стреляет в мое окно, а проф. Констанцев на мой протест публично агитирует, что Вукашина Марковича преследуют бредовые идеи... Не удивило меня отношение ко мне проф. Констанцева, но меня поразила связь и осведомленность между проф. Констанцевым и проф. московскими Залкиным и Ганушкиным. ...а мне известно, что тот же проф. Ганушкин московский писал сербскому правительству в Югославии, что Вукашин Маркович страдает бредовыми идеями ленинизма, большевизма и коммунизма. [...]

Заявление Вукашина Марковича в Центральный комитет III Интернационала

18 февраля 1920 г.

Тов. Бухарин на митинге распространяет взятую у кого-то злостную клевету обо мне как о порочном коммунисте. Я на одном митинге... предупредил т. Бухарина, что эти слухи являются результатом гнусного покушения шпионов Антанты (сербов) оклеветать меня... и, несмотря на это предупреждение, т. Бухарин язвительным и оскорбительным тоном упрекал товарищей, зачем они допустили меня присутствовать на митинге... Когда я подошел к т. Бухарину... тогда т. Бухарин стал меня порочить перед членами ЦК III Интернационала, что я якобы издеваюсь над трупами Розы Люксембург и Карла Либкнехта, и тут же настроил против меня [одного из руководителей Коминтерна] т. Руднянского, указывая на меня пальцем с повышенным тоном: «Вот еще с кем имеете дело». Тогда т. Руднянский, стиснув деревянную палку своей правой рукой, стиснул зубы, вытаращил глаза, поднял руку с палкой и, приняв угрожающую позу, громко крикнул: «Я вас избью, вы сумасшедший человек».

Размышляйте как хотите, товарищи, но такие поступки даже милого, симпатичного т. Бухарина по-моему омерзительны с точки зрения товарищеской, коммунистической. [...]

Заявление Вукашина Марковича в ЦКК ВКП(б), ЦКК Коминтерна

Октябрь 1929 г.

1929 г., месяца октября, 25 дня, я зашел в ЦКК ВКП(б) в кабинет т. Сольца с целью получить ответ на мою жалобу по поводу разгрома левыми и правыми оппортунистами Югославии большевистского ленинского ядра на Югославском секторе западного университета. Это был мой третий приход к т. Сольцу, так как я предварительно два раза перед последним разом просил Сольца пересмотреть дело югославское... Два раза Сольц был сдержан по отношению ко мне, соглашался со мной, что ректор Фрумкина путаница, оппортунистка и скрытная, старая бывшая контрреволюционерка, но, сердобольно сожалея о недостатках Фрумкиной, все-таки т. Сольц настаивал все ей простить и оставить в покое... Третий раз я явился к Сольцу, протянул ему свою руку, но – увы, Сольц разъяренно стиснул зубы, сжал кулаки... потом их поднял вверх и со всей силой буддыхнул кулаками об стол: «А, ты опять пришел, а кто ты... А я позову сейчас милицию», – и подобно злому тигру в клетке стал Сольц бегать туда-сюда по комнате, угрожая мне арестом...

Балканская политика нелегка, балканскую политику нельзя вести [ни] через... Руднянского, ни через большого истерий Сольца. [...]

Если, товарищи, считаете, что мое мнение... неправильно... вызываю вас на самокритику, на соревнование по ленинской диалектике. [...]

Итак, с ленинским, большевистским, коммунистическим приветом,

Ваш друг

Вукашин Маркович

1929 г.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 1903. Л. 2, 5, 6.

¹⁶¹ Стийенский (псевд., наст. фамилия Маркович) Радуле Иванович (1901–1966) – черногорский поэт, писатель. Этот псевдоним был придуман для него переводчиком и поэтом А.А. Штейнбергом, переводившим на русский язык произведения Радула Марковича

(Стийенского), по чьему доносу в 1937 г. Штейнберг был осужден и репрессирован в первый раз.

 ¹⁶² Имеется в виду Вукашин Маркович.

 ¹⁶³ 2-й Московский государственный университет – высшее учебное заведение, существовавшее в 1918–1930 гг. Создан на основе Московских высших женских курсов, впоследствии неоднократно подвергался реорганизациям. В 1930 г. разделен на три самостоятельных вуза.

 ¹⁶⁴ Институт красной профессуры – высшее учебное заведение при ЦК ВКП(б), существовавшее в 1921–1938 гг. Реорганизован в Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), а в 1946 г. – в Академию общественных наук при ЦК КПСС.

 ¹⁶⁵ «Свободная Югославия» – одна из радиостанций Коминтерна, осуществлявшая вещание с ноября 1941 по январь 1945 г. Первоначально размещалась в Уфе, а с 1942 г. – в Москве. Осуществляла пропаганду в пользу Народно-освободительного движения Югославии.

 ¹⁶⁶ Пияде Моша (1890–1957) – деятель Югославской компартии, художник. С 1921 г. член Исполкома КПЮ. С 1925 по 1939 г. в заключении. С октября 1940 г. член ЦК КПЮ. В годы войны – один из организаторов партизанского движения. В 1943 г. избран председателем президиума Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ). С 1948 г. член ЦК и Политбюро ЦК партии (позднее Исполкома Союза коммунистов Югославии). С 1953 по 1957 г. председатель Союзной народной скупщины Югославии.

 ¹⁶⁷ Имеется в виду резолюция Информационного бюро коммунистических и рабочих партий «О положении в Коммунистической партии Югославии» от 29 июня 1948 г., подвергшей деятельность КПЮ резкой критике, где прозвучали обвинения в «отходе от марксизма-ленинизма, интернационализма, в переходе на путь оппортунизма, национализма и откола от единого социалистического фронта борьбы против империализма». В тот же день пленум ЦК КПЮ выразил резкий протест, отвергая все обвинения. В конечном итоге это привело к разрыву отношений между СССР и Югославией вплоть до 1954 г.

Раздел IV. Советско-югославские культурные контакты

124–125

Списки югославских общественных организаций, учреждений и отдельных лиц, собранные сотрудником ВОКСа¹ В. Поступальским для возможного установления научных и культурных контактов*

28 сентября – 2 октября 1928 г.

124

Сведения личного характера об отдельных представителях югославской интеллигенции, подготовленные Югославским сектором КУНМЗ

28 сентября

1. Директор университетской библиотеки при Загребском университете доктор Фрањо Фанцеф** – по национальности словенец. Он, по всей вероятности, охотно приобрел бы для университетской библиотеки БЭС и особенно сочинения Плеханова.

2. Чурчин² (*Ćurćin, Ћурћин*)*** – редактор двухнедельника «Нова Европа». Журнал издается в Загребе, но фактически является сербским по направлению. Журнал выпустил 3 номера, специально посвященных Советской России. Материал для них дали левые эмигрантские круги (левые эсеры и проч.). Чурчин имеет определенные организаторские способности и сумел хорошо поставить журнал. По словам заведующего Югославским сектором КУНМЗа, Чурчин, наверное, использовал бы материал о Советской России. Он любит выказывать себя крайне либеральным и прогрессивным деятелем. Будет крайне польщен, если ему будет показано, что его знает Советская Россия.

* Личность не установлена.

** Так в документе. Правильно – Фанцев.

*** Курсивом в списках здесь и далее выделен текст на сербском языке, вписанный рукой В. Поступальского.

3. Он находится в соперничестве с издателем месячника «Књижевна Република»* (журнал, близкий к коммунистам) Мирославом Крлежей³ (коммунистом) – самым видным хорватским литератором нашего времени, автором книги «Пут у Русију»**. Он был лично в СССР. Чурчин в пике Крлеже мог бы использовать материал Советской России.

4. Томашич (Томашић) – редактор журнала «Союз хорватских учителей в Загребе»*** («Савез Хрватских Учительски Друштава»). Написал на смерть В.И. Ленина прекрасную сочувственную статью. Расположен к Советской России.

5. Проф. Фердо Шишич⁴ (Фердо Шишић) – профессор истории университета в Загребе.

6. Проф. Альберт Базала⁵ (Загребский университет) – мелкобуржуазный политик, один из руководителей интеллигентской хорватской партии. Занимается историей и философией.

7. Слободан Йованович⁶ (С. Јовановић) – профессор истории и, кажется, декан правного (юридического) факультета Белградского ун[иверсите]та. Работает над вопросом о сношениях и связях России с Сербией на протяжении XIX в. Очевидно, был бы благодарен за присылку соответствующих материалов.

Перечисленные 7 лиц, по мнению зав. Югославским сектором КУНМЗа, могли бы откликнуться на шаги ВОКСа. Вообще он считает культурную связь с Югославией возможной.

Из научных учреждений Югославии следует остановиться на:

1. Српска Краљевска академија⁷ (Белград) и
2. Югословенска академија (Загреб), и особенно на библиотеках при трех университетах (Белград, Загреб, Любляна), с которыми возможен обмен книгами и т.д.

Сведения собрал через зав. Югосл[авским] сектором КУНМЗа

В. Поступальский

* «Књижевна Република» – «Литературная республика» (серб.).

** «Пут у Русију» – «Дорога в Россию» (серб.).

*** Правильное название журнала – «Союз хорватских учительских обществ в Загребе».

2 октября

I. Литературные общества

Они объединяют квалифицированных читателей, а своим руководящим ядром имеют писателей. В культурной жизни Югославии имеют прочные корни, потому что литература здесь не является достоянием широких масс, а культивируется лишь верхушкой общества. Члены обществ вносят вступительный взнос в размере 50–100 руб. и получают в течение года несколько книжек избранной югославской или (реже) иностранной литературы.

Основные и старейшие из таких обществ следующие:

1. *Srpska Književna Zadruga, Beograd* – [Сербское литературное общество¹⁰ (Белград)]. Год основания 1892. Издает ежегодно 6–7 книг изящной литературы. По составу общество заполнено средней интеллигенцией.

2. В Хорватии ему аналогично *Matica Hrvatska, Zagreb* – [Матица Хорватская¹¹ (Загреб)]. Год основания 1842.

3. В Словении ту же роль играет *Matica Slovenska (Ljubljana)* – [Матица Словенская (Любляна)]. Год основания 1864.

II. [Объединения студенческие и школьные]*

Ferijalni Savez (Beograd) – [Каникулярный союз¹² (Белград)] имеет почти самостоятельные центры – филиалы в Загребе и в Любляне. Это объединение студентов средних школ. Но сюда примыкают также студенты трех югославских университетов. По характеру этот союз приближается к профессиональному объединению студенчества. Своей целью союз ставит разные виды культурнической работы, как то: проведение летних экскурсий и т.д.

III. [Объединения журналистов и писателей]

Югословенско Новинарско Удружење – Объединение югославских журналистов¹³. Центр находится в Белграде, но можно обращаться в местные центры Загреба и Любляны. Руководство принадлежало в недавнее время средним элементам мелкой буржуазии. По-видимости, этот союз демократического направления.

* Заголовки II–IV – редакционные.

Друштво хрватских книжевника – Объединение хорватских литераторов¹⁴. Издает журнал «Савременик».

IV. [Объединения преподавателей средних школ]

1. Професорско Друштво Краљевине СХС¹⁵ (Белград) – Объединение преподавателей средней школы, в основном по характеру сербское.

2. В Хорватии, в Загребе, ему соответствует Друштво Хрватских Средношколских Професора – [Объединение хорватских преподавателей средней школы].

3. Югословенско Учительско Удружење (Белград) – [Объединение югословенских учителей¹⁶] и

4. Савез Хрватских Учительских Друштава (Загреб) – [Союз хорватских учительских обществ].

Эти союзы объединяют учительство низшей народной школы, наиболее радикальное.

Под профессорами в Югославии понимают преподавателей средних школ, а не только высших.

V. Савез Јавних Намештеника (Загреб) – Союз чиновников и государственных служащих Югославии.

Печать:

- В Любляне:
1. «*Jutro*», газета – орган демократов.
 2. «*Slovenec*» – орган крестьянской клерикальной партии.
- В Загребе:
1. «*Obzor*» – орган крупной хорватской буржуазии.
 2. «*rват*» – орган мелкобуржуазной интеллигенции.
 - 3 и 4. «*ародни Вал*» и «*Слободни Дом*» – органы крестьянской хорватской партии Радича.
 5. «*Zagreber Tageblatt*» (на нем. яз.) – это буржуазная газета, рассчитанная на иностранцев.
- В Белграде:
1. «*Политика*» – крупный буржуазный орган, близкий правительственным сферам.
 - 2 и 3. «*ово Време*» и «*Самоуправа*», обе газеты радикальные.
 4. «*Правда*» – орган демократов.
 5. «*овост*» – орган земледельческого союза, т.е. правой крестьянской партии.
 6. «*Борба*» – легальный орган, издается в Загребе. Фактически руководится компартией.

Органы революционных красных профсоюзов следующие: «Организовани Радник» в Белграде и «Организовани Радник» в Загребе. В Любляне издается «Единост» («Единство»).

Сведения о лицах и учреждениях, к которым можно обратиться ВОКСу при налаживании культурной связи с Югославией

1. Проф. доктор *Грушић*¹⁷ – профессор истории и директор Музея Южн[ой] Сербии в г. Скопле (*Музеј Јужне Србије*). Кроме того, [он] председатель Научно-исследовательского об[ществ]а, там же. Российская ассоциация н[аучно]-и[сследовательских] институтов общ[ественных] наук¹⁸ (РАНИОН), при посредстве проф. 1-го МГУ Селищева, установила с ним связь, на которую он пошел очень охотно, прислав торжественный адрес за подписью ряда его коллег, крайне благожелательный. Он пользуется большим весом и влиянием в ученом мире Сербии.

2. Д[окто]р *Rajko Nachtigal*¹⁹ – ректор университета в Любляне (*Ljubljana*). Он же председатель научного об[ществ]а при ун[иверсите]те. Проф. А. Селищев характеризует его как «большого любителя России».

3. *Милош Московлевич* – профессор гимназии, депутат скупщины (Белград). К дореволюционной России был расположен крайне горячо. Каково его теперешнее отношение к СССР, А. Селищев сказать затрудняется.

4. Ившич (*Ившић*)²⁰ – директор библиотеки Академии наук в Загребе.

Книжные магазины и издательства:

1) Б. *Вијановић* (Београд);

2) *Гоце Кон* (Београд);

3) *Милан В. Брајер* (*Milan V. Breier*), к[ни]ижар и антиквар (Београд).

Эти большие и лучшие магазины Белграда высылают в продолжение ряда лет литературу и каталоги проф. Селищеву. От них же получают книги для РАНИОНа;

4) Библиографическое общество в Белграде издает свой бюллетень, где имеются все сведения о книжных новинках Югославии, как сербских, так и хорватских. Адрес его: *Beograd, Izdanje Knjižarnice Franje Vacha*.

азвание бюллетеня:

Bibliograf[ija] i Popis novih knjiga i periodičnih publikacija u Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca (Bibliographe du Royaume des Serbes, Croates et Slovenes).

Кроме университетов в Белграде, Загребе и Любляне, надо иметь в виду недавно открытый университет [в] Субботице, на юге Сербии²¹.

Из больших журналов надо отметить: 1. «Српски Книжевни Гласник»²² (Белград). И в Загребе – «Савременик». Это лучшие периодические журналы в Югославии.

Сведения собрал через проф. 1-го МГУ А.М. Селищева

В. Поступальский

2.X 1928 г.

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 223. Л. 1–3 об.

Подлинник. Машинопись с правкой и дополнениями В. Поступальского.

126

Из отчета, представленного в ВОКС начальником лесоустроительных работ 2-го района Уральской области Драгомиром Миловановичем, о результатах месячного пребывания в Югославии и о перспективах налаживания культурных контактов с югославской интеллигенцией

20 марта 1929 г.

г. Пермь

Месяц в Югославии

После 18-летнего перерыва мне удалось в январе с.г. посетить свою родину – Сербию. Не теряя за весь этот промежуток времени связь с Сербией, я был в курсе ее политического и культурного развития. Тем не менее посещение родины, значительно расширившей теперь свои границы и превратившейся в самое большое государство на Балканах – Югославию, и общение с родными, знакомыми и с множеством культурных людей дало мне возможность более глубоко познакомиться с Югославией.

Должен сознаться, что долголетнее мое пребывание в России, в особенности за период времени с момента революции, сильно повлияло как на мое развитие, так и на психологию, образ мышления, идеологию и даже на родной язык, который, как мне заявляли в Сербии, сильно отдает русским мягким выговором. Во многом мы с сербами и хорватами не понимали друг друга.

В Югославии я был принят чрезвычайно сердечно и внимательно.

Общшения между Югославией и Россией почти нет. Несколько лиц, посетивших за последние годы Россию (доктор Васич, Йованович, Стойанович, Дмитриевич, Гавела, Крлежа и др.), известны наперечет. Но приезд в Ю[гославию]

серб, проживающего в России более 20 лет и усвоившего русскую культуру лучше, нежели свою, западную, – явление почти единственное.

Неудивительно, что, несмотря на мое желание в силу политических условий Югославии остаться незамеченным, я невольно сделался предметом широкого внимания, и беседовать со мною нашлось так много желающих, что я должен был одно время покинуть Белград и уехать к родным в провинцию, где, однако, я натолкнулся на еще больший интерес и к моей персоне, и беседе со мной.

Не имея возможности отречься от бесед, я должен был в Белградском университете прочесть лекцию о России (на сербск[ом] языке), положим, самого наивного характера – «Природа и люди приполярной России», которая была посещена необыкновенно для университета полно и прослушана с исключительным интересом. На следующий день в газетах был дан подробный отчет о моей лекции с оригинальными комментариями^{*}. После этого интерес и желание беседовать со мною еще больше усилились, и я должен был посетить многих профессоров университета, редакции газет и журналов и устроить несколько бесед с профессорами лесных факультетов Белградского и Загребского университетов, а также Пражского в Чехословакии (своих коллег по профессии). [...]

Суммируя свои впечатления о посещении Югославии, я могу сказать следующее: после осуществления давнишней мечты всех южных славян – объединения их – можно было бы ожидать значительно больше[го] подъема в экономической и культурной жизни, чем он на самом деле есть. Объединение сербов, хорватов и словенцев есть эпоха, величайший момент в их жизни, который должен был дать толчок к гражданским факторам жизни новой страны. Что же на самом деле получилось?

Десятилетний период времени от объединения и до сих пор прошел в борьбе за власть различных политических партий, вокруг чего вертелась почти вся жизнь страны. Политическая борьба выродилась в чудовищные формы коррупции, протекционизма и полного морального развала, до того, что 6 января с.г. король должен был провозгласить *coup d'état*^{**}, своим декретом аннулировать все «достижения» десятилетнего периода и повести страну по примеру Муссолини новым путем.

Должен сказать, что, приехав в Белград накануне переворота, я был свидетелем событий и той реакции на столь рискованный шаг, которой его встретила общественность страны. Терроризированные в течение 10 лет

^{*} Перевод одной из газетных заметок, сделанный Д.А. Миловановичем, публикуется в приложении к документу.

^{**} *Coup d'état* – государственный переворот (*фр.*). Вписанные автором слова и фразы здесь и далее выделены курсивом.

политиканством, коррупцией и протекционизмом «широкие» (по сербским понятиям) слои общества, в особенности мелкая и средняя буржуазия, встретили акт короля довольно сочувственно. Однако до конца своего пребывания в Югославии (15 февраля) ни слуха, ни голоса народа – крестьян (селяков), ни рабочих слышно не было. Молчали и политические деятели в ожидании, что дальше будет. Станным лишь кажется, что некоторые вновь назначенные министры, до вчерашнего дня вожди и деятельные члены политических партий (католический поп Корошец, Воя Маринкович²³, мухамеданин* Спахо²⁴, Н. Узунович²⁵ и др.), полностью расписались под королевским декретом о зловредной для государства акции политических партий. Это является наилучшей характеристикой нравственных устоев политических деятелей Югославии.

В таких условиях, естественно, экономическая и культурная жизнь Югославии не могла развернуться, как бы это подобало молодой стране.

Имея возможность близко столкнуться с самыми разнородными слоями населения Югославии, я вынес впечатление некоторой неудовлетворенности у большинства людей и желание найти выход из создавшегося тупика, а главное – мечту о новых течениях, с жадным поглядыванием в сторону России.

Югославская, и в особенности сербская, интеллигенция сильно измельчала. Почти вся свободная часть дня проводится в кафе и ресторанах, где за чашкой черного кофе, бокалом пива или вина проводятся долгие часы в пустой болтовне, в сплетнях и в политических разговорах. Культурных учреждений очень мало, а если они и есть, то посещаются крайне редко. В музеях Белграда, действительно весьма слабых, я даже в праздничные дни встречал лишь по несколько человек, а то и никого. Убийственную статистику дает одна газета о посещаемости Народной библиотеки в Белграде, упавшей на значительный процент по сравнению с прошлым годом. В городе с 300-тысячным населением, в столице и культурном центре молодого государства, оказывается, храм книги посетило за год всего около 3600 человек и воспользовалось не более 47 тыс. книг. Как курьез сообщил мне один из профессоров университета, что кабинетской библиотекой за год пользовалось книгами всего два студента.

Молодежь, в особенности студенческая, живет без высших идеалов, мало занимается наукой и книгой. Корзо-гулянье** по улице и знаменитому Калемегдану (чудесному парку над Савой и Дунаем, вокруг древней римской крепости *Singidunum* – Белград) – вот где можно чаще всего и больше всего видеть расфранченную учащуюся и даже гимназическую молодежь. Белградскую студентку трудно отличить от демомондки***: короткое платье, шелковые чулки,

* Имеется в виду магометанин.

** Корзо-гулянье – вечернее гулянье по улицам (серб.).

*** Так в документе. Имеются в виду «демимонденки» – дамы полусвета.

разукрашенное помадами и шминкой* до безобразия лицо, разговор о балах, о танцах, платьях и кавалерах, мечта выйти богато замуж – вот занятия белградской студентки.

Наука и культура развиваются в очень ограниченных кругах, если не сказать единицами. К моему величайшему удивлению, большая корпорация близких мне специалистов, насчитывающая более сотни работников в министерстве и среди профессоров университета, имеющая свое научное общество, собирается всего раз-два в году и то, скорее всего, [чтобы] разобраться в профессиональных делах. Мало научно-технических корпораций, где бы прорабатывались вопросы, как это делается в наших русских обществах.

Более приятное впечатление производит очень красивый, чистый и культурный город Загреб, в котором крепко сохранились традиции и следы австрийской культуры.

Городское, в особенности столичное, население Югославии, несмотря на свое демократическое происхождение и такие же принципы государства, за последние годы помешано на аристократизме и желании подражать великосветским английским, французским и бывш[им] русским аристократам и плутократам. В Белграде лучшими считаются джакей-**, ауто- и аэроклубы, где проводится время исключительно в дансингах, в роскошных туалетах. Бывают балы, на повестках которых значится: «Для г[оспод] мужчин обязательная одежда – фрак». (Даже смокинга нет.) И это в демократической стране, где высшая чиновничья ставка (зарплата) достигает всего 6 тыс. динаров²⁶ (100–120 долларов, 200–250 руб.). Спрашивается, откуда находятся деньги для столь «люксовой» жизни и поводов. Если поговорить с чиновником – отцом семейства, то услышите одни лишь жалобы на финансовое положение, увидите беготню за деньгами, перманентные долги и, конечно, то казнокрадство (коррупцию), которое столь прочно свило себе гнездо в бюрократическом мире Югославии. Иначе жить невозможно.

Современную русскую действительность сербы и почти вся Европа никак понять не могут. Вузы, ВСНХ, ЖАКТы, ЗАГСы, пятилетний перспективный план, *не только* по одним странным воззваниям***, но и по существу *им непонятны*. Стоит, *однако*, более серьезно поговорить на одну из вышеуказанных тем, как сама идея, «конструкция» и действительность этих организаций становятся им ясными и даже приемлемыми.

Периодические кризисы, которые Россия теперь временами переживает, но которые отражаются на экономическом и культурном развитии страны не столь пагубно, как об этом пишется в заграничной прессе, трезвым людям

* Шминка – наложение на лицо косметики (серб.).

** Так в документе. Имеются в виду жокей-клубы.

*** Так в документе. Следует читать: «названиям».

понятны, когда учитывается изолированность России от остального мира. Напротив, вызывает удивление то, что и при таких тяжелых условиях все-таки страна добилась больших успехов и мечтает и творит смелее, чем любая страна мира.

Между тем в Югославии имеются исключительные условия для наилучшего экономического и культурного процветания страны. Богатейшая земля, на диво смысленый, красивый, «благородной» души народ (едва ли где есть столь[ко] красивых, изящных и стройных женщин, как в Югославии, в частности в Белграде) – все это создает условия для наилучшего преуспевания во всем. Увы, создавшиеся политические условия не дали стране развернуть все свои возможности, и она находится в плену страстей политических.

Неудивительно, что еще сохранившиеся чуткие натуры ждут нового переживания, мечтают о подлинной культурной жизни и с каким-то очарованием смотрят туда, на север, – на «родную Россию». Неудивительно, что они с таким интересом прислушивались к моим рассказам о жизни и культурной работе в России.

До настоящего времени в Югославии, как и в большей части Европы, о России имеются самые дикие представления. О ней пишутся самые отвратительные сведения из «достоверных» источников. Можно удивляться, как этим сведениям мало-мальски трезвый и разумный человек верит.

Когда я взывал к логике разума, мне отвечали: «Но ведь так пишут в газетах». Даже люди, подолгу раньше жившие в России, не могут освободиться от газетного дурмана.

Как раз в бытность мою в Югославии, в одной из сербских газет («Время») печатались письма английского корреспондента Эшмит-Бартлетта, побывавшего в Москве, под названием «Загадка России»²⁷. Чего-чего там нет: и о голоде, и о безработице, и о восстаниях в деревнях, а когда я окружающим говорил, что в это же время и я был в России и в Москве, и что всего этого нет, что это отъявленная ложь, инсинуация, на меня подозрительно смотрели. Однако, убедившись, что мой костюм и ботинки сделаны в России, поколебались верить англичанину, как оказалось – большому врагу славянства. Кризис в снабжении городского населения хлебом и маслом, деревни – чаем и другими колониальными товарами толковался как полное их отсутствие. Мое заявление, что деревня, которую я прилично знаю, в настоящее время живет значительно сытнее прежнего, что у нее аппетиты куда выше, что она с жадностью раскупает все, что появится в лавках, что она имеет больше культурных запросов, чем раньше, что она, наконец, доказала ложность прежних представлений о ее якобы большой религиозности, что она, если и не всегда и не во всем приемлет советскую власть, все-таки не променяла бы ее на другой образ правления, – все это было откровением для скептиков.

В своих рассказах о России я старался быть объективным и беспристрастным, не скрывая и худших сторон нашей действительности.

Для всех было откровением, что я не коммунист и даже что мне в партию было бы нелегко вступить. В Европе царит убеждение, что все, кто служат в России, должны быть коммунистами. Почему же все-таки членов Коммунистической партии имеется сравнительно немного, стало им ясно лишь после моих рассказов о процедурах при приеме в партию и о чистке. Так, в Югославии, да и вообще в Европе, членом партии может быть каждый и даже лица с подозрительной репутацией, которые, собственно, больше всех и агитируют за свою партию.

Ошеломляющее впечатление произвели мои рассказы о тех моральных требованиях, которые компартия предъявляет своим членам, о том, что есть «партмаксимум», и что не член партии может получать больше жалованья, чем член. Эффект должен быть понятен, если иметь в виду политическую борьбу в Югославии, смену чиновников и прерогативы членов властвующей партии, коррупцию и казнокрадство. [...]

Но когда я начинал рассказывать о культурном и промышленном подъеме в России, о том увлечении, с которым сейчас каждый работает, о грандиозном размахе Академии наук, о сотнях ее экспедиций, о новых институтах, лабораториях, об огромном потоке книг и научной разработке всех вопросов техники и жизни, о театрах, о рабочей аудитории и просвещении деревенских масс, о масштабе грядущего строительства, о Волховстрое, Днепрострое, о «миллионах» и «гигантах», глаза слушателей разгорались, и многие из них с [во-]одушевлением пожимали мне руку и просили указать способ, каким образом можно приехать в Россию и упиться всем тем, о чем я рассказывал. [...]

Большая часть югославской интеллигенции, как и всей Европы (в чем я убедился во время пребывания в Австрии, Чехии и в Польше), не верит брехням официальной печати и с восторгом и вожделием смотрит на те великие эксперименты, которые в настоящее время имеют место в России – желание всех вкусить возможно больше от новой русской культуры, запоем читать книги из России, которые так редко и так трудно достаются, побывать в России и воодушевиться тем пафосом творчества, о котором им я рассказывал.

Но, конечно, «братушки»-славяне все еще представляют «матушку»-Россию по-старинному; они все еще думают и надеются на заступничество мощной братской державы в случае конфликта с муссолиниевской Италией, в случае какой-либо эвентуальной* невзгоды.

Желаниям передовой интеллигенции Югославии необходимо всеми мерами пойти навстречу. Утерянную культурную связь необходимо возможно скорее и неотложно восстановить, связаться с научными обществами

* Возможной при соответствующих обстоятельствах.

и организациями, приглашать их на наши научные съезды, все чаще и чаще привлекающие иностранных ученых и работников.

* * *

Особо следует сказать несколько слов о русских эмигрантах в Югославии. Их здесь немало, в одном Белграде насчитывается не менее 10 тыс. русских. Нет города в Югославии, где бы не было хотя бы несколько русских семейств. Большинство из них потеряло тот острый колорит белогвардейщины, о котором у нас здесь пишется. Борьба за насущный хлеб заставила их бросить бряцание шашками и оружием и искать в повседневной реальной работе забвения и утешения. Большинство из них устроилось на службу, даже те, которые никогда не служили (например, жены бюрократов, офицеров, бывшие светлейшие княгини, баронессы и «графья»), пользуясь исключительным покровительством сербского правительства и короля Александра. В одном из последних декретов о сокращении непомерно разбухших штатов (редукция чиновников) говорится о преимуществах военных инвалидов и русских «избеглица» (эмигрантов). На улицах Белграда, в трамваях, в театрах русская речь слышится как что-то обыкновенное. Чиновника «руса» сразу и легко узнать по его мягкому выговору. Многие магазины (в особенности молочные), кафе и рестораны содержатся русскими, и в них «на все руки мастера», русские же, показывают свое искусство в танцах, игре, акробатике, шутках и даже в представлениях на сербском языке. Они научили почти всю Европу петь «Волга, Волга – мать родная...».

Значительную роль сыграли русские в культурном развитии Югославии. В средних и высших учебных заведениях немало русских профессоров (Чубинский – юрист, Игнатовский – клиницист, Стебут – почвовед, Елачич²⁸ – историк, братья Слатины²⁹ – музыканты и др.). Многие из них приняли сербское подданство и считают себя сербами. По крайней мере, так они пишут в своих книгах и статьях. Исключительную роль сыграли русские в развитии оперы и балета в Югославии. До сих пор лучшими солистами считаются русские. Достаточно просмотреть программу «Спящей красавицы» в Белградском театре, поставленной, кстати сказать, весьма хорошо, по образцу Мариинского театра, чтобы убедиться в этом; кроме одной-двух сербских фамилий, все остальные русские.

Лучшие здания в Белграде (министерства – лесов, финансов, морское) построены русскими архитекторами (Васильев³⁰, Баумгартен³¹) в торжественном неоклассическом стиле довоенной России. Конечно, немало и отрицательно-русского элемента имеется в Югославии. Бывшие люди научили демократов-сербов роскоши, разврату, аристократизму. Бывшие сийательства являются гувернантками и учительницами французского и английского языков югославской плутократии и учат их ненавидеть современную Россию.

Лишь изредка можно видеть на улицах генерала в обветшалом пальто и поблекших погонах или бравого казака в черкеске и башлыке, гордо доживающих свой век. Все остальное приспособилось или приспособляется, смеется над чванством «императорских» приспешников и работает как вол в кино, в оркестрах, на службе, в университете, ибо русский должен быть «дупло» (вдвойне) лучшим работником, чтобы заслужить внимание и признание.

Надо удивляться, откуда у русских эмигрантов столь много умения и знания жизни. Они на все руки мастера.

Молодежь учится в гимназиях, университетах и в специальных вузах и считается лучшей по преуспеванию. По окончании образования одни поступают на государственную службу, другие уезжают в Америку, Африку и Австралию (в особенности из чешских учебных заведений).

Двенадцатилетнее пребывание в изгнании отрезвило большинство эмигрантов, многие соскучились по родине и очень бы рады вернуться назад, с увлечением слушая рассказы о возрождении России.

Если так мало теперь говорится о современной России, то ее прошлому уделяется много внимания. Выходит много книг о прежней России, переводятся Мережковский, Чехов, Толстой, Достоевский. Немалое влияние на современную югославскую литературу имеют русские писатели, в частности за последнее время – Блок, Есенин, Маяковский.

Недавно состоялась в Белграде съезд русских писателей (Мережковский, Гиппиус, Бунин, Чириков, Куприн и др.) и [съезд] инженеров.

Куприн уже приспособился к сербской жизни и сделался завсегдаем кабачков и кафе с цыганами.

Кино изобилует русскими фильмами, но немецко-американского происхождения. Между ними некоторые могут соперничать с оригиналами из России, напр[имер] «Волга-Волга». Но большинство сильно отдают развесистой клюквой (нашумевшие «Патриот» с Янингсом в роли Павла, царевича, «Царский курьер» и т.п.). Удручающее впечатление производит фильма «Великая Россия», составленная из кусков царских и военных парадов, начиная с коронации Николая II. Всем школам была показана эта глупейшая картина и вызвала недоумение молодежи: «Разве в этих длинных белых платьях и есть Великая Россия?» – спрашивали меня школьники.

20 марта 1929 г.

Д. Милованович

Милованович Драгомир Аврамович, начальник лесоустроительных работ 2-го района Вралоласти, г. Пермь.

**Заметка «Лекция о России в Белградском университете» из сербской газеты,
переведенная Драгомиром Миловановичем**

Не позднее 15 февраля 1929 г.*

В середине января с.г. в Белградском университете состоялась лекция Д.А. Миловановича, ученого-лесоведа, сотрудника Управления лесами НКЗ, начальника лесозащитной экспедиции по изучению лесов Севера на тему «Природа и люди приполярной России» (лектор не имел возможности сказать что-либо о современном состоянии России). Д.А. Милованович после восемнадцатилетнего перерыва посетил в этом году свою родину, Сербию.

Лекция привлекла огромное число слушателей, профессоров университета, студенчество и передовую интеллигенцию и была заслушана с напряженным вниманием. Лектор поделился с аудиторией своими работами и приключениями из многолетних экспедиций по исследованию Севера и Сибири, столь необыкновенных для сербской публики.

В подробных газетных отчетах говорится с большим интересом о всем, что касается России.

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 223. Л. 7–17.
Подлинник. Машинопись.

127

Информация, направленная в ВОКС Драгомиром Миловановичем по результатам его поездки в Югославию, о возможности налаживания обмена научной и художественной литературой с югославскими учеными и литераторами

25 марта 1929 г.
г. Пермь

Как я уже лично говорил с т. Кариди, желательно было бы помочь сербским и хорватским ученым и литераторам вступить в более близкую культурную связь с Россией, тем более что с их стороны имеется сильнейшее желание к этому.

* Дата публикации и название газеты Д.А. Миловановичем не были указаны. Датируется приблизительно, по дню его отъезда из Югославии.

В настоящее время непосредственно корреспондировать с ними, а тем более посылать книги и журналы является почти невозможным из-за строгих цензурных условий Югославии. Конечно, чисто научные книги, может быть, и будут доставляться адресатам, хотя были случаи возвращения даже таких научных трудов, как, напр[имер], «Лесоустройство» проф. Орлова.

Тем не менее эту связь можно иметь через одного из молодых сербских коммунистов, проживающего в Вене (Австрия), Константина *Атанасиевича*^{*}, учившегося в Москве.

Он готов исполнить всякие поручения в вышеуказанном смысле и имеет возможность легко передавать книги и журналы корреспондентам в Югославию^{**}.

Во время моего пребывания в Югославии я имел много бесед с передовой интеллигенцией. Все они жалуются на почти полное незнание культурных условий и развития России и очень просили писать им и посылать книги, которые им помогут в правильном освещении в литературе культурных условий России.

1. В первую очередь следовало бы послать для Бора Продановича, корреспондента самой распространенной газеты «Политика» в Белграде, новейшую русскую литературу-беллетристику для перевода на сербский язык и, в частности, несколько драматических произведений (пожелания писателя Крлежи) для постановки на сцене. Напр[имер], «Рельсы гудят» Киршона, «Разлом» Лавренева, «Высоты» Либединского, «Шахтер» Билль-Белоцерковского.

Бора Проданович весьма интересуется культурным развитием России.

2. Яша Проданович³² (*Belgrad*), старый политический деятель Сербии, республиканец, очень интересуется детской литературой и просит прислать ему книг для использования и [составления] библиографии.

3. Редактор медицинского журнала «Лекарь» доктор Сретенович (*Belgrad*) очень желает давать в своем журнале сведения о русской медицине. К сожалению, книг почти не имеет и пользуется случайными сведениями из немецких и французских журналов; просит присылать ему в обмен медиц[инские] журналы и популярные книги, в особенности из области общественной медицины.

4. Двое из лучших газетных работников Белграда – д[окто]р Драголюб Йованович³³, проф., и Кружеваны жалуются на недостаток текущей литературы из области общественной жизни. Им можно посылать книги через ред[акцию] «Лекаря» (Белград).

5. Редактор журнала «Учитель» Драгутин Михайлович (Сербия, Крагуевац) широко пользуется русской педагогической литературой и помещает сведения о русской школе в своем журнале. Желает обмениваться книгами и журналами.

^{*} Курсивом выделен текст, вписанный от руки Д. Миловановичем.

^{**} Почтовые адреса, приводимые в справке здесь и далее, не публикуются.

6. Проф[ессор] университета в Белграде доктор Тихомир *Георгиевич* (*Академия наук*) очень просит доставить ему новейшую литературу о татарах (история, переселение), необходимую ему для изучения переселения татар на Балканы.

7. Проф[ессор] университета доктор Иосиф Бален (Белград) (деканат) просит присылать ему лесоводственную^{*} литературу.

8. Лесоводственный журнал «*Šumarski List*» [«Лесная газета»] (Zagreb) просит в обмен литер[атуру] из лесоводства.

9. Проф[ессор] ботаники Кошанин³⁴ (Ботаничка Башта) хотел бы получить литературу, в частности из Ботанического сада и ботанического кабинета Ак[адемии] наук, в обмен на свои издания.

10. Проф[ессор] М. Кашанин³⁵, директор Музея современ[енной] уметности (художества) (Белград), просит издания по музейному делу в обмен своих изданий.

11. Вук Драгович, сотрудник газеты «Политика», восторженный поклонник новой России, нуждается в литературе *по обществоведению*.

Многие медицинские работники хотели бы ближе ознакомиться с постановкой здравоохранения в России, очень бы хотели приехать на съезды медицинских работников. Приглашения следует направлять через редакцию журнала «*Лекарь*» (*Belgrad*) доктору Сретеновичу или через Академию наук. В частности, многие из них просили меня по этому поводу поговорить лично с т. Семашко и передать ему их привет (проф. Ж. Петкович и др.). Если т. Семашко имеет времени и желания по этому делу поговорить со мною, прошу сообщить мне. Когда я буду в Москве, вероятно, в конце апреля месяца, я ему изложу все пожелания сербских медицинских работников.

Если ВОКСу понадобятся какие-либо спешные информации, прошу обратиться к т. Горкичу или написать мне в г. Пермь.

На посылаемых в Вену книгах через проф. Михаила Динича необходимо отмечать согласно этому списку, кому [они] направляются.

Д. Милованович

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 223. Л. 3–6.

Подлинник. Машинопись с авторской правкой.

^{*} Так в документе (здесь и ниже). Правильно: «лесоводческую».

Переписка Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики (Государственного литературного музея) по поводу находящихся в Сербии рукописей русских писателей, в том числе А.С. Пушкина, а также публикации из сербских газет на эту тему

128

Письмо зав. редакцией «Литературного наследия» И.Е. Зильберштейна³⁶ переводчику и литературоведу Йовану Максимовичу³⁷ о желании Центрального литературного музея приобрести рукопись пушкинских стихотворений

14 октября 1933 г.
г. Москва

Многоуважаемый г-н Максимович.

Некоторое время тому назад я узнал в Ленинграде, в Академии наук, о Вашем предложении – передать хранящуюся у Вас рукопись пушкинских стихотворений. Мне были показаны также присланные Вами фотографии, из которых явствует, что исправления на этой рукописи сделаны, безусловно, рукой Пушкина.

От имени вновь организуемого в Москве Центрального литературного музея³⁸ сообщаю Вам, что этот музей согласен приобрести находящуюся у Вас рукопись. Поэтому прошу Вас нам сообщить ту сумму, которую Вы считаете нужным за нее получить.

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам один из последних номеров нашего журнала, посвященный Гёте³⁹. Наподобие этого тома мы сейчас подготовляем к печати пушкинский номер. Настоящим украшением этого пушкинского номера явилось бы опубликование рукописи пушкинских стихотворений, хранящихся у Вас. В ближайшие дни выходит в свет № 9–10 нашего журнала, посвященный русской литературе XVIII в. В декабре же выйдет специальный том «Лит[ературного] наследия», посвященный Салтыкову-Штедрину. В этом томе, между прочим, будет опубликована библиография переводов Штедрина на иностранные языки, – в частности, здесь указаны Ваши переводы Штедрина на сербский язык.

С большим нетерпением буду ждать Вашего ответа на это письмо.

С искренним уважением,
заведующий редакцией

И. Зильберштейн

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 3.
Отпуск. Машинопись.

Письмо Йована Максимовича И.Е. Зильберштейну о возможной стоимости рукописи пушкинских стихотворений и о готовности содействия в деле возвращения ее на родину

23 октября 1933 г.
г. Белград

Многоуважаемый т. Зильберштейн. Мне очень трудно отозваться на Ваше желание определить сумму, на кот[орую] бы музей мог приобрести пушк[инскую] рукопись^{*}. Трудно, потому что не я владелец ее, а молодой человек – рукопись сейчас у него, – которому с разных сторон внушают, что за рукопись он должен и может получить цену, какую, может быть, можно было получить до войны в Англии, Америке и, кажется, в России. Недавно нашелся посредник, кот[орый] обещал продать в Америке. Пока оттуда придет ответ, прошу поторопиться; предложите, пожалуйста, цену самую высшую, для Вас возможную. (Ему говорят о полутора тысячах или о тысяче долларов). Я буду стараться влиять на владельца и, насколько возможно, приблизить его ко всякой Вашей цене. Возможно, что мне удастся заставить его (затрудняюсь найти подходящее русское слово, выраж[ение]) согласиться с Вашей ценой. Но повторяю: поторопитесь, ибо возможно, что будет поздно, и драгоценная рукопись попадет (окажется) в руках, куда ей попасть не следовало бы^{**} и где ее трудно будет интересующимся видеть и пользоваться ею. С тех пор как на мое письмо в академию (Ленинград) от 01.VII три с половиной месяца не приходит ответа, он очень нетерпелив, тяжело уговаривать его, потерял надежду, что в России можно продать, и я тяжело решаюсь вступать с ним в разговор по эт[ому] вопросу. Прошу верить, что это все дословно, правда. Повторяю: насколько будет возможно, буду оберегать Ваши интересы, ибо рукописи место в Москве.

С искренним уважением

Йован Максимович

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 6.
Копия. Машинопись.

^{*} Не принятое в русском языке сокращение слова рукопись (ркп.), употребляемое Йованом Максимовичем в переписке, здесь и далее раскрыто и дается в соответствии с правилами русского языка.

^{**} Подчеркивания автора.

№ 612

27 октября 1933 г.
г. Москва

Глубокоуважаемый коллега!

Мне давно уже известно, что Вы прислали письмо в Академию наук по поводу тетрадки Пушкина, которая когда-то принадлежала Всеволожскому⁴¹. Мне сообщили и содержание Вашего письма, и Ваш адрес.

Вам, может быть, известно из газет, что в Москве мы устраиваем громадный Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики, который утвержден нашим центральным правительством, и директором которого назначен я. Это большое научно-исследовательское учреждение уже имеет колоссальный архив, в котором нами собрано более 200 тыс. архивных номеров, причем нами приобретен громадный новый архив Пушкина, очень много иконографического материала, касающегося Пушкина и его эпохи, а также архивы Бартенева, Барсукова, Погодина, Лернера и др. У нас очень большой отдел современников Пушкина: письма Жуковского, Языкова, Веневитинова, Рылеева, декабристов, Лермонтова, Грибоедова и многих других. [...]

Само собой разумеется, что мы все с чрезвычайной радостью готовы приобрести у Вас эту тетрадку Пушкина, о которой Вы писали и которая находится в руках Обрадовича.

Будьте любезны оказать нам всяческое содействие в приобретении этой ценной рукописи, которая является для пушкиноведения чрезвычайно ценным материалом. На заседании нашей фондовой комиссии, куда входят лучшие пушкинисты, это сообщение о найденной тетрадке Пушкина вызвало всеобщую радость, и через меня все наши ученые, входящие в эту фондовую комиссию, просят Вас обязательно уберечь эту тетрадку для России, куда она должна вернуться после своего долгого отсутствия.

Кстати, позвольте мне просить Вас обратить внимание Ваше на наш Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики, и я буду очень рад войти с Вами в непосредственные письменные отношения и надеюсь, что Вы не откажете нам в Вашем содействии, участии и совете в деле организации этого нового культурного учреждения, которое будет находиться в нашей столице.

Очень вероятно, что в Сербии среди Ваших друзей и знакомых сосредоточены те или другие автографы русских писателей, общественных деятелей и деятелей искусства. Такие рукописи, письма, дневники, мемуары мы охотно

будем приобретать и будем благодарны Вам, если Вы укажете, к кому нужно об этом непосредственно писать.

Также, если Вам известно, что в каких-либо музеях Вашей страны находятся русские автографы или рукописи, не откажите сообщить нам об этом, и мы будем просить у надлежащего начальства этих учреждений разрешить нам зафотографировать эти рукописи, как мы фотографируем их сейчас в Париже, Берлине, Праге, Лондоне, Варшаве и других городах Западной Европы. Позвольте просить Вас не отказать ответить на это мое письмо возможно скорее. Вам, вероятно, будет вполне понятно наше всеобщее волнение и нетерпеливое ожидание Вашего ответа, который, мы надеемся, будет благоприятен.

Я вчера послал Вам телеграмму по этому поводу и надеюсь, что Вы ее уже получили, а теперь шлю это мое письмо.

Позвольте от всего сердца пожелать Вам всего наилучшего.

Директор Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики

Влад[имир] Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 8–9.

Копия. Машинопись.

131

Письмо владельца рукописи пушкинских стихотворений Миодрага Обрадовича В.Д. Бонч-Бруевичу с просьбой вести переговоры о покупке рукописи непосредственно с ним

30 октября 1933 г.

г. Белград

Господин директор.

Ссылаясь на сегодняшнюю телеграмму г-на профессора Максимовича касательно рукописи Пушкина, я имею честь уведомить Вас, что собственником ее является нижеподписавшийся, в чьих руках она находится, г-ну же профессору Максимовичу было лишь передано поручение на продажу. Следовательно, я прошу Вас в дальнейшем соблаговолить обращаться ко мне непосредственно для завершения продажи.

Примите, г-н директор, уверения в моих лучших чувствах.

Миодраг Д. Обрадович

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 14.

Перевод с фр. яз. Машинопись.

*Письмо В.Д. Бонч-Бруевича полпреду СССР во Франции
В.С. Довгалевскому⁴² с просьбой о кредитовании недостающей
суммы на покупку рукописи пушкинских стихотворений*

№ 685

1 ноября 1933 г.
г. Москва

Дорогой товарищ.

Экстренно пишу Вам это письмо по чрезвычайно важному делу, касающемуся нашего Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, к которому Вы, вероятно, пламенно присоединитесь. Можете себе представить, какое нам привалило счастье: знаменитая тетрадка Пушкина с его автографами, которую он когда-то проиграл в карты Всеволожскому и которая совершенно исчезла с горизонта и считалась утерянной, вдруг нашлась в Сербии у одного чиновника министерства внутренних дел, который когда-то ее приобрел.

В Белграде живет известный литератор Максимович, Йован Максимович, великолепно знающий русскую литературу и считающий себя по полному праву другом всех наших культурных начинаний и учреждений, он немедленно сообщил нам об этом и прислал фотоснимки 10 страниц с этой рукописи, которые были подвергнуты самому тщательному анализу самых выдающихся пушкинистов, которые единогласно признали, что это именно и есть та знаменитая тетрадь Пушкина, которую он проиграл в карты Всеволожскому.

Владелец этой рукописи чиновник Обрадович согласился ее продать за 1500 долларов. Мы давали меньше, но понизить цену не удалось, так как иностранцы заинтересовались этой рукописью и повысили ему цену до этой суммы.

Я только что получил радиотелеграмму от Максимовича, текст ее такой:

«Владелец настаивает [на] 1500 долларов, считая 57 динаров продажа. Выплачивать динарами. Белград. Отвечайте немедленно».

Я тотчас же ответил Максимовичу телеграммой, что мы согласны на 1500 долларов, причем, как видно из телеграммы, они считают стоимость доллара 57 динаров.

Теперь возникает вопрос о немедленной выплате этих денег и получении этой рукописи. Прежде всего о деньгах. Совсем недавно Наркомпрос для нашего музея в Ваш счет в полпредство в Париже перевел 800 руб. золотом. Не знаю, истратили ли из них что-нибудь на покупку материалов для нашего музея или нет. Кроме того, у меня здесь имеется почти такая же сумма на нашем счете, которую я постараюсь перевести как можно скорее к Вам, но жду А.С. Бубнова⁴³, который должен на этих днях вернуться из Турции, ибо он

является распорядителем валютных кредитов, и, конечно, он будет совершенно согласен с высылкой Вам этих денег. Кроме того, у меня имеются небольшие суммы денег в различных других полпредствах за границей, которые я сейчас же попрошу переслать Вам.

А теперь обращаюсь к Вам с самой настоятельной просьбой: будьте настолько добры сделать распоряжение кредитовать нас той суммой денег, которую нужно дополнительно добавить к деньгам, которые имеются у Вас для нашего музея, чтобы получилась сумма 1500 долларов, считая [за] доллар по 57 динаров.

Я обязуюсь перед Вами, и Вы, наверное, поверите мне, что я свое обязательство исполню, в самое ближайшее время пополнить все то, что наш музей Вам таким образом задолжает, но сейчас надо спасти подлинную рукопись Пушкина, до сих пор никому не известную, а то она уйдет к иностранцам. Я полагаю, что в средствах полпредства найдется такая незначительная сумма, а если паче чаяния этого сделать нельзя, прошу Вас помочь, чтобы нам занял ВОКС или какое-либо другое советское учреждение, лишь бы сейчас же купить эту рукопись.

О Вашем решении прошу мне телеграфировать.

Теперь возникает вопрос, как взять эту рукопись? Вам, конечно, все это виднее. Но я лично думаю, не нужно ли нам из Парижа или из Праги послать совершенно верного человека сейчас же в Белград получить эту рукопись от этого Максимовича, адрес которого^{*}:

Если паче чаяния поехать кому-либо из нашей публики в Белград нельзя, в силу того что нет дипломатических сношений между этими странами, то надо будет придумать какой-либо другой способ переброски этой рукописи и уплаты этих денег, что Вам, конечно, виднее и в чем Вы в тысячу раз опытнее меня, но только, повторяю, здесь нельзя медлить ни одной минуты, так как об этой рукописи начинают болтать во всем мире и какие-нибудь миллиардеры американские ради собирания коллекции могут перешибить нас, заплатив бóльшую сумму.

Я не буду сейчас ни одной минуты спокоен, пока не получу от Вас положительного ответа и сведений [о том], что Вами предпринято, хотя бы в двух словах – телеграммой. На Вас теперь смотрит решительно вся наша общественность и ждет, что именно Вы примете самое горячее участие в этом деле и можете нам вернуть в наше обладание эту величайшей культуры драгоценность.

Крепко жму вашу руку.

Директор ЦМЛ

[...]**

Влад[имир] Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 25–26.

Копия. Машинопись.

Оубл.: Литературная газета. 2013. 10–16 июня.

^{*} Пропуск в тексте.

^{**} Опущена фраза о прилагаемой к письму доверенности.

Письмо В.Д. Бонч-Бруевича Йовану Максимовичу о безоговорочном согласии приобрести рукопись А.С. Пушкина и о технической стороне осуществления купли-продажи

№ 681

1 ноября 1933 г.
г. Москва

Глубокоуважаемый Йован Максимович.

Телеграмму Вашу я получил и ответил Вам, что мы согласны заплатить 1500 долларов за эту рукопись Пушкина. Очень прошу Вас быть на страже наших интересов, потому что я полагаю, что Вы, так великолепно знающий русскую литературу и любящий ее, поймете больше, чем кто-либо, мои чувства, которые одушевляют меня, и мое желание, чтобы эта рукопись во что бы то ни стало была у нас в Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики. И, таким образом, чтобы она вернулась наконец на родину нашего гениального поэта. Было бы в высшей степени досадно для нас, славян, если бы рукопись нашего гениального писателя очутилась бы в руках американского или какого-либо иного коллекционера и была бы на долгие годы уложена под ключ в несгораемый сейф того или другого человека, совершенно равнодушного к интересам литературы как таковой, лишь собирающего коллекцию автографов так же, как собирают коллекцию марок и других и т.п. прочих знаков.

Я знаю наверно, что Вы одушевляетесь такими же чувствами, как и мы, и потому все мы здесь твердо убеждены, что судьба этой рукописи находится в дружеских крепких руках и что Вы поможете нам изжить это маленькое время, пока мы переведем Вам деньги, а Вы выдадите нашему доверенному рукопись.

Теперь возникает вопрос, кому и где мы должны уплатить за эту рукопись и каким образом можно будет ее получить. Мне кажется, что лучше всего было бы, если бы кто-либо из нашего посольства в Чехии или Париже пришел бы к Вам с моим письмом за получением этой рукописи и вручил бы Вам чек на получение денег в Вашем банке.

Если Вы этот план одобряете, сейчас же сообщите мне об этом или напишите так, как Вы находите лучшим это сделать.

С нетерпением жду от Вас письма и думаю, что Вы поможете нам и в дальнейшем [в] приобретении рукописей для нашего Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики.

Крепко жму Вашу руку. Всего Вам наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад[имир] Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 10–10 об.
Отпуск. Машинопись.

7 ноября 1933 г.
г. Белград

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич.

Не знаю, что Вы будете думать обо мне: Вы так волнуетесь, беспокоитесь – понятное дело – а я молчу, не отвечаю, присылаю только иногда телеграммы на ненадежный адрес: Jurgazobedinenie* (можно ли так? – так дешевле). Мало пишу Вам не потому, чтобы дело с манускриптом** было не улажено – рукопись Пушкина для вас окончательно, бесповоротно обеспечена, она ваша***, – но потому, что я лично слишком занят и почти физически и морально исчерпан неотложным, спешным литературным делом – 21-го с.м. празднует наш народ 100-летие от рождения нашего величайшего поэта и обществ[енного] деятеля Змая Ј. Јовановича⁴⁴, и мне поручено в Матице Сербской⁴⁵ держать речь о нем – как человеке (жизнь его экземплярна, как украшение для Плутарха была бы годна) и литераторе. Приготовление к этой речи и возня и борьба с сумасбродом, игроком и нахалом, кот[орый] норовит продать манускрипт первому попавшемуся, даже и не коллекционеру – идут параллельно несколько уже месяцев *crescendo*, и в последнее время, когда тот требовал манускрипт обратно и, наконец, обманом взял, доходило до тяжелых минут, кот[орые], если бы я не отдал рукописи, могли окончиться несчастьем.

Зная его раньшие проделки: продажу домашних драгоценностей за гроши, семья в последнюю минуту догадалась отнять от него манускрипт. Узнав это, я тотчас пошел к ним и с помощью моего сына – архитектора, знатока законов и практического, делового человека – уладил дело окончательно. Вчера вечером мой сын вел с ними и с их адвокатом окончательные переговоры – о цене, способе и средствах выплаты и т.п., составили в черновике контракт, сегодня он будет юридически отредактирован, а завтра и подписан. Семья (владельцы) состоит из четырех членов: мать, две дочери и ненадежный сын, к[оторый] в настоящее время**** исключен из ведения переговоров. Мать и дочери (манускрипт сейчас бесповоротно в их руках и владении) люди порядочные, честные – раз дали слово, все улажено, не будут менять – это исключено.

* Жургазобъединение.

** Сокращения типа: MS (манускрипт), \$ (доллар), fcs (франк) в публикуемых письмах Йована Максимовича раскрыты в соответствии с правилами русского языка.

*** Здесь и далее в переписке – авторские подчеркивания.

**** Следующее за этим слово «почти» автором в письме было зачеркнуто.

Как я Вам писал, оказалась маленькая моя ошибка в определении монеты для выплачивания. Когда они сказали свою цену (причем просили моего совета), я ее перевел (или лучше: выразил) долларами, не вспомнив всего того, что сейчас творится в эконом[ической] и финан[совой] жизни в Америке. Когда мне несколько лет т[ому] назад нужно было знать цену (стоимость) доллара, он был 57–58 наших динаров. Но он – незаметно для меня – давно уже падает – сейчас он [составляет] 37 дин[аров], Рузвельт будто бы согласен, чтобы он упал даже до 50%, значит семья Обр[адовичей] бы таким образом получила не больше половины той суммы, кот[орую] они имели в уме, требуя свою цену (т.е. вместо 57 от доллара – не больше 28!).

Выражен[ная] франц[узскими] франками, их первоначально задуманная и искомая цена была бы 1 доллар = 25,33 франка, т.е. вместо 1500 долларов они требуют 38 тыс. (тридцать восемь тысяч) парижских франков.

Уверяю Вас, что тут нет и помину о том, что они будто бы пользуются тем, как Вы дорожите этим манускриптом, – об этом они ни слова не знают – Ваши письма я им не показываю, – но это та же, раньше задуманная цена, только выражена другими словами. Полагая, что Вам доллар лучше знаком, чем динар, я недавно выразил цену этим способом. Жалею, что я сегодня нездоров – это видно из внутреннего и внешнего вида моего письма, – иначе я бы в целости переписал свое письмо, кот[орое] Вам по этому случаю вчера написал, но оно слишком обширно, и я не в силах, да и нет времени его переписывать. Надеюсь, что Вы мне поверите, что в этой перемене доллара на франки нет ничего...* (затрудняюсь фразой) беспорядочного, это прямо моя ошибка: будучи занят своей речью о 100-летию поэта, я здесь в вашем деле не был в возможности углубляться во все мелочи... Ведя переговоры с ними, я всегда обращал внимание и силы на то, чтобы обеспечить для Вас манускрипт – а все остальное считал неважным, несущественным.

Мне совестно переда[ва]ть на почтамт это письмо в таком беспорядочном состоянии, но имея в виду [то], как Вы беспокоитесь, что вы все сейчас переживаете, посылаю Вам его.

Мы здесь тоже думали, что Вы нам пришлете своего доверенного из Праги или другой столицы, – но об этом будем говорить, когда я поправлюсь здоровьем – это будет сейчас, завтра. Так как я не считаю себя довольно практическим в этом деле и, кроме того, весь поглощен празднеством 100-летия, а попросил сына составить план насчет этого. Это он сделает с адвокатом владельцев манускрипта.

Вы требовали от меня фотогр[афические] снимки с манускрипта. Я тогда прислал в академию только такие страницы, на кот[орые] Обр[адович] согласился. И сейчас думаю, что семья не согласилась бы присылать другие. Кроме того, это были бы новые издержки – а их и до сих пор было довольно.

* Отточия в документе.

Пожалуйста, просите академию в Ленинграде, чтобы они Вам снимки прислали. Не понимаю, зачем они это уже не сделали. Ведь это я не присылал не им, но Вам – т.е. покупателю и тому, кому это нужно.

Они своим трех- или четырехмесячным неотвечанием нанесли мне много хлопот и неприятностей и чуть было не «упропастили»^{*} все: манускрипт чуть не попал в ненадлежащие руки. 4 месяца не отвечали, я уже не знал, что придумывать, как гипнотизировать Обр[адовича], чтобы оставить рукопись у меня и не продать первому встретившемуся. Прошу передать академии мою просьбу уступить Вам эти снимки – логично они Ваши.

Очень жалею, что не уполномочен прислать Вам 18-ю стр[аницу] манускрипта, где под стихами, озаглавленными «Платонизм» («Я знаю, Лидинька, мой друг»), четким, энергичным, самодовольным, вдохновенным почерком написана фраза (8 слов) в высшей степени интересная, конститутивная** для установления характера Пушкина. Молодые писатели приходили посмотреть, было очевидно похоже, что желают поклониться святыне. Обращаю внимание Ваше, что на 3–4-м листа[x] он очень нежно, поверхностно делал отточия карандашом, кот[орые] очень легко резинкой отстранил, то же и №№ страниц. Но мне кажется, тут еще 2 карандаша: Пушкина и еще кого-то. Но ваши специалисты это больше моего оценят.

Очень жалко было и будет расставаться с драгоценностью – но радуюсь, что манускрипт возвратится на родину. Душе Пушкина будет легче. На волоске висело, что попадет Бог знает куда. Субъект был очень тяжелый, особенно когда ответ из академии получил, и он усомнился, что я вообще там и не писал.

«Кончаю – страшно перечесть», – должен сказать с Татьяной Лариной – еле держу перо в руках. Радуюсь общению с Вами, с Вашими сотрудниками, остаюсь преданный Вам

Јован Георгиевич Максимович***

Две приписки к письму: карандашная, внизу первого листа письма: «Иногда ответ не будет приходить быстро, но Ваше письмо (заказное) шло сюда 8 дней, а *expres* – 6 дней. Иногда и в том вина»; написанная чернилами на полях третьего листа письма: «Телеграммы дороги и для меня, и для владельцев; прошу уведомить, можно ли адресовать просто – *Jurgazobedinenie* – я отослал Вам уже две такие телеграммы. Получили ли Вы их?»

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 32–35 об.
Автограф.

* Упропасти – загубить (серб.).

** Определяющая (лат.).

*** Два последних абзаца, со слов «Очень жалко», написаны на отдельном листке вдвое меньшего размера, очевидно, вырванном из блокнота.

135

Письмо Миодрага Обрадовича В.Д. Бонч-Бруевичу о расторжении им контракта с проф. Йованом Максимовичем – посредником при продаже рукописи А.С. Пушкина

8 ноября 1933 г.
г. Белград

Господин директор.

Моим письмом от 31-го прошлого месяца я имел честь уведомить Вас, что я являюсь собственником рукописи Пушкина и что г-ну Максимовичу была поручена лишь ее продажа. Вследствие того, что я до сих пор не получил ответа на мое письмо, я опять спешу просить Вас сообразоваться обращаться непосредственно ко мне по поводу этого вопроса, а не к г-ну Максимовичу, с которым я был вынужден порвать контракт на комиссию, так как условия г-на Максимовича были преувеличены. Весьма вероятно, что мы выиграем гораздо больше при непосредственном общении. Г-н Максимович не показал мне Ваших писем и телеграмм касательно дела рукописи, желая помешать мне вступить с Вами в непосредственный контакт, кроме того, он скрыл от меня Ваш адрес.

Вследствие изложенного я имею честь предложить на Ваше рассмотрение нижеследующую цену за рукопись – 85 тыс. (восемьдесят пять тысяч) динаров в югославской валюте, выплачиваемой мне здесь, в Белграде, или, если Вы это предпочитаете, в представительстве дружественной Вам страны.

Я прошу Вас решить этот вопрос как можно скорее, если это дело Вас интересует, так как у меня есть и другие интересные предложения.

Соблаговолите принять, г-н директор, уверения в моем глубоком уважении.

Миодраг Д. Обрадович

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 37.
Перевод с фр. яз. Машинопись.

№ 771

9 ноября 1933 г.
г. Москва

Милостивый государь.

Я только что получил Ваше письмо, в котором Вы так любезно уведомляете меня, что собственником рукописи Пушкина являетесь Вы, а что проф. Максимовичу была только поручена ее продажа. Я очень рад был этому подтверждению, так как мне это было очень хорошо известно от проф. Максимовича, и также я особенно радуюсь тому, что мы теперь с Вами вступили в непосредственные отношения.

Сейчас необходимо подумать, как произвести расплату* денег 1500 долларов за пушкинскую рукопись, которая находится у Вас. К сожалению, до сих пор в Югославии нет нашего посольства, потому здесь все труднее, чем в других странах. Пожалуйста, Вы подскажите нам, как лучше сделать. Может быть, Вы одобрите наш план, чтобы эту рукопись переслать дипломатической или страховой почтой в Париж, в югославское посольство, с Вашим приказом, чтобы ее выдали полномочному представителю нашего посольства, которое уплатило бы одновременно 1500 долларов. Это было бы самое простое и лучшее. Деньги для Вас у нас все приготовлены в Париже в нашем посольстве. [...]**

Коли же Вам план передачи этой рукописи покажется непрактичным или неудобным, или по каким-либо причинам он Вами будет отрицаться, тогда скажите, как нам лучше сделать.

Может быть, заплатить через банк Вам в Белграде при вручении этой рукописи Пушкина, которую Вы передадите в банке в присутствии проф. Максимовича, который с нами вел по этому поводу переписку.

Если Вас этот план выплаты денег через банк устраивает, то также немедленно сообщите мне об этом в Москву и нашему посольству в Париж.

Коли же, наконец, Вы предложите какой-либо третий план, то также сообщите мне о нем в Москву и в наше посольство в Париж.

Я очень благодарю Вас за Ваше настоящее славянское отношение к литературной ценности нашего общего гениального писателя, который чтим и любим как живущими у нас в СССР, так и живущими в Вашей прекрасной стране Югославии. [...]***

* Так в документе. Имеется в виду: выплату.

** Опушен неразборчиво написанный от руки адрес посольства.

*** Опушен абзац, содержащий стандартное для писем музея предложение дальнейшего сотрудничества.

Позвольте мне от всего сердца пожелать Вам всего наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад[имир] Бонч-Бруевич

P.S. Пожалуйста, простите меня, что я пишу Вам по-русски, не прибегая к французскому языку, на котором мне писать труднее, так как глубоко убежден, что Вы, предки которого так были близки к нашей литературе, хорошо поймете наш общий славянский язык, как и я довольно хорошо понимаю, когда мне приходится читать древние языки Сербии и других наших братских народов, населяющих Балканский полуостров.

Влад[имир] Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 42–43.

Отпуск. Машинопись. Подпись – автограф.

137

Письмо В.Д. Бонч-Бруевича Йовану Максимовичу о согласии оплатить покупку пушкинской рукописи стихов в валюте, оговоренной владельцем

№ 797

14 ноября 1933 г.

г. Москва

Глубокоуважаемый Йован Георгиевич.

Я ужасно был рад получить от Вас и открыточку и большое письмо, помеченное Вами 7 ноября, которое пришло ко мне сегодня, 14 ноября. Рад прежде всего потому, что так случилось, что мне пришлось войти с Вами в литературное общение, а я думаю, что у нас найдется очень много общих интересов в той литературной области, на которую и Вы и я потратили столько времени из нашей сознательной жизни.

Меня очень трогает особая Ваша щепетильная заботливость о рукописи Пушкина и такое же, как наше, сердечное желание, чтобы она вернулась к себе на родину. Вы, пожалуйста, не думайте, что Вы ошиблись в указании количества денег, которые мы должны платить за эту рукопись. Я очень хорошо понял Вашу первую телеграмму, в которой говорилось, что они просят 1500 долларов, считая 57 динаров за доллар. Это сразу мне указало, что считается в старом курсе. Раз они перевели на франки, пускай так и будет, я об этом сообщил в Париж, откуда будет расплата, и сейчас им это подтверждаю. Я очень рад, что Вы занялись вопросом, каким образом произвести расплату в обмен на

получение рукописи. Жду с нетерпением от Вас официального уведомления, чтобы сейчас же сделать так, чтобы обе стороны почувствовали себя вполне удовлетворительными.

Вы пишете, что Вам некогда переписывать Ваше большое письмо, которое Вы написали мне. Вот это очень жаль. Я буду Вас очень просить выбрать время и прислать его мне, потому что и то письмо, которое Вы мне прислали, доставило мне много радости при чтении, и я думаю, что Вы не лишите меня такой же радости при чтении того большого письма, которое Вы написали мне и еще не отправили. Пишите мне лучше всего по моему личному адресу; адрес на Журнальное бюро для меня менее удобен, т.к. те телеграммы, которые Вы посылали туда, очевидно, для меня, они считают полученными ими самими. Это, конечно, мелочь ничтожная, но гораздо лучше, чтобы у нас были с Вами прямые отношения.

Как жаль, что Ваше правительство до сих пор не установило с нашим нормальных отношений, – если бы они были, то, конечно, представители нашей литературы и общественной деятельности были бы у Вас на столетнем юбилее известного деятеля Йовановича, на котором Вы будете произносить речь, которую я буду Вас просить прислать мне хотя бы в газетной вырезке.

Я очень благодарю Вас за присланные вырезки из газет по поводу Пушкина и те некоторые фотографии, которые Вы мне прислали, и буду очень рад, если на будущее время Вы не откажете мне прислать вырезки из ваших газет, касающиеся русской литературы и больших событий литературной жизни вашей страны. При нашем музее мы будем составлять громаднейшую библиотеку и, конечно, соберем решительно все, что только имело отражение наших писателей в братских славянских литературах. Здесь Вы не откажете, наверное, нам помочь в самом тщательном подборе сербской литературы. Если по этому поводу у Вас или у Ваших литературных друзей имеются какие-либо литературные работы, пожалуйста, пришлите мне их. Я очень рад был также видеть Вашу фотографию и, таким образом, когда пишу Вам, я как бы пишу лицу, мне знакомому, т.к. передо мной Ваш портрет.

Крепко жму Вашу руку.

Директор ЦМЛ

Вл[адимир] Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 49–49 об.

Копия. Машинопись.

Из письма Йована Максимовича В.Д. Бонч-Бруевичу – о предложении сделать страховой экземпляр (фотокопию) с рукописи А.С. Пушкина с перечислением лиц и организаций в Югославии, с помощью которых можно выйти на след рукописей русских писателей, находящихся за рубежом

21 ноября 1933 г.
г. Белград

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич.

Все эти дни мне и Вам надо было отвечать, и мне было важнее спрашивать – но не хватило ни досуга, ни моральных сил. Если я буду сейчас об этом последнем распространяться, то опять не окончу письмо – поэтому перейду к делу.

Очень Вам благодарен за присылку внутренне и внешне роскошной книги о Гете. Это для нас, всю жизнь живущих Россией и веря[щих] в нее как Достоевский («Дневник писателя», 1880¹ г.), – это для нас сейчас как моментальный, хоть и короткий, но сильный свет молнии в темноте. Бог знает что пишут о России – но на основании этого и кой-чего другого видим и почти твердо знаем, что Россия очень скоро всю разовьет свои огромные, единственные в мире силы. Это должно быть – это необходимо нужно нам, славянам, да и всему миру, который задавится и уже давится без спасительного славянского и русского гения.

Не знаю, прав ли я, но считаю нужным обратить Ваше внимание на сие: манускрипт Пушкина будет сейчас таскаться от Белграда до Парижа, а там от Парижа до Москвы. Если бы это был какой-либо другой предмет, можно бы согласиться на риск, да тут единственная, неповторяемая вещь – если даже одна миллионная возможности несчастья, не следует рисковать.

Ваш уполномоченный пусть возьмет манускрипт с собой в Париж, но нельзя ли на случай чего-нибудь Пушкина обеспечить (застраховать) так: мы тут уже сфотографировали в свое время половину манускрипта – у моего сына архитект[ор]а очень хороший, дорогой аппарат (Zeiss), он сам владеет им изрядно. Не согласитесь Вы, когда манускрипт будет уже в руках Вашего доверенного, чтобы мы сняли и остальное – на каждый случай! «Злу не требало!» – говорим мы, сербы (т.е. дай Бог, чтобы это в несчастье не понадобилось!). Я сберег раньшие негативы, буду с любовью и бережливостью хранить и остальные до Вашего востребования, до скорого времени, когда это будет легче и прямее перевозить в Россию. Если Вы должны будете отказаться от

¹ Здесь и далее в письме авторские подчеркивания.

этого, я не обижусь – но думаю, что это почти обязательно надо сделать. Так наш манускрипт будет вне всякой опасности, а негативы и копии – Ваши. Я и до сих пор был очень скуп и неподатлив относительно их, а в будущем, когда это Ваше, это не будет существовать ни для кого[-либо], ни для меня. Будет, если желаете, в трезоре* у моего сына, который человек экземплярной** честности.

* * *

Еще об одном надо было Вам писать, но сейчас вряд ли уже не поздно. Не могу входить в подробности, так как даже и воспоминание об этом больно влияет на мои нервы. [...]**

Как Вы увидели из присланной Вам на днях книги нашей академии, у нас с 1800 [по] 1925 г. переведено и писано о русских писателях очень много. После Вашего приглашения сотрудничать у Вас я вспомнил, что у нас кроме этих переводов и статей (Essay) будут и другие – материальные следы интенсивного общения с русскими писателями. На днях я говорил с нашим ученым-геологом и очень культурным человеком Жуйовичем (был министром иностранных дел, амбасадором**** в Лондоне). Он как молодой студент в Швейцарии был близко знаком с Бакуниным – оттуда социализм пошел и в Сербию – потом был часто в обществе Тургенева, был у него в Бужевале, и я во время войны имел в руках экземпляр, кажется, «Записок охотника», на котором Тургенев своей рукой написал, что дарит книгу Йовану Жуйовичу. Книга тогда была у австрийского офицера, он ее унес в Загреб, я знаю его; легко можно разыскать адрес и, м.б., достать обратно.

Когда у нас около 1870 г. переводили Тургенева ([в] 1912 г. я перевел «Записки охотника»), один переводчик просил позволения от И.С. Т[ургенева] [и] получал как будапештский студент письма от И.С.Т. Думаю, что они хранятся до сих пор в имущей интеллигентной семье в г. Новом Саде (семья д-ра Илии Вучетича⁴⁶, адвоката).

Матица Сербска, членом литературного отделения которой я состою, в своем журнале, выходящем с 1826 г. до настоящего дня («Летопис Матицы Сербской»), очень много следила за русской литературой и наукой****. Возможно, что в ее музее и архиве найдутся следы.

[В] 1867 г. был в Москве Всеславянский съезд⁴⁷. Там было несколько наших выдающихся обществ[енных] деятелей. Некоторые из них пострадали

* Так в документе. Имеется в виду – «сокровище» (пер. с фр. и англ. яз.), т.е. «тайное имущество, недоступное для посторонних».

** Т.е. образцовой.

*** Опущено описание весьма сложных и тяжелых для автора взаимоотношений с владельцем рукописи Миодрагом Обрадовичем.

**** Амбасадор – посол (серб.).

***** Тогда у нас литераторы писали по-русски, или наполовину по-русски. (Примеч. автора на полях письма.)

от австрийского правительства из-за речей, кот[орые] там беседовали (в панславистском духе). Этот съезд и их речи были тогда так популярны, что я помню, в моем раннем детстве был у нас в доме на стене фотографический снимок участников съезда. Кажется, что одну такую фотографию, потрудясь, можно достать и сегодня. Я ее и видел где-то в офиц[иальном] учреждении.

Наши два крупные поэта: Лукиан Мушицкий⁴⁸ и владетельный князь Черногории, владыка Петр Петрович Негош⁴⁹ воспитывали свой талант на Державине. Существует ода Мушицкого «На прибытие сочинений Державина в Шишатовца 21.III.1816 г.» (имя монастыря, где он был настоятелем). Но это не был обычный монах, а очень передовой ч[елове]к, воспитанный на Гердере⁵⁰, Rousseau, Kant-е, Шиллере. А Негош, кот[орый] привез из СПб философскую и литературную библиотеку в свою резиденцию Цетинье, был прямо гениальный человек. Следовало бы искать в Шишатовце и Цетинье следов.

Когда Влад[имиру] Соловьеву, философу, не позволила русская цензура печатать свое «Оправдание добра», он пришел к нам в Загреб, тут оканчивал и печатал это сочинение⁵¹, жил чуть ли не 2–3 года, если не больше, и подружился очень с нашими литераторами. Можно найти в Загребе человека, кот[орый] будет исследовать, осталось ли что.

А наш государственный архив в Белграде переполнен свидетельствами, документами о сербско-русских отношениях. Очень возможно, что там будет, кроме политического, и литературного материала.

Делая перепись (реестр?) библиотеки нашего поэта Йовановича Змая после его смерти [в] 1904 г., я нашел между его книгами:

«Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенных по полит[ическим] причинам в период 1873–[18]77 гг., осужденных и ожидающих суда».

Мотто: стихи из V. Hugo (Châtiments). Женева. Типография газеты «Работник», 1877 г.⁵²

Я был в доме поэта свой, почти домашний человек, просил вдову, и она мне уступила эту книгу. Она сейчас у меня – пойдет в музей Йовановича, когда устроится.

Если Вы желаете иметь важнейшие сербские и хорватские переводы ваших авторов – это можно собрать. Хотя я сам много переводил, но сейчас у меня нет лишних экземпляров. Когда нужно дарить кому-нибудь или иначе – должен покупать. Вы можете видеть из присланной Вам библиографии, кого и что переводили – почти всех. Я Вам могу выбрать лучших переводчиков и составить сбор их. Надо мне ставить на распоряжение соответствующую сумму, и мы Вам это пришлем. Очень возможно, что не будем долго ждать за регулярными связями с Россией.

Не могу больше. Когда окончим эту Голгофу с Обр[адовичем] – отдохну, поправлюсь и рад буду продолжать разговор и сотрудничество в Вашем деле.
Уважающий Вас

Й. Максимович

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 63–63 об., 65–67 об., 70.
Автограф.

139

Из письма сотрудника Полпредства СССР во Франции Мерле директору ✉ МЛ В.Д. Бонч-Бруевичу – об отправке диппочтой в Москву писем И.С. Тургенева и о согласовании всех вопросов по доставке пушкинской рукописи из Белграда в Париж

25 ноября 1933 г.
г. Париж

Дорогой товарищ, с настоящей диппочтой отправляю Вам 56 писем Тургенева, за которые, согласно условию, заплатил 3 тыс. франков. [...] Тов. Довгалеvский, который по болезни лично Вам не пишет, сообщил мне сегодня следующее:

В Женеве он говорил о деле белградской рукописи Пушкина с Фотичем⁵³, постоянным делегатом Югославии в Женеве. Фотич снесся немедленно по телефону с мининделом Йевтичем⁵⁴ и обещал т. Довгалеvскому дело с рукописью уладить. Принципиально решено, что в Белграде рукопись у Обрадовича возьмет мининдел, даст для проверки Максимовичу, а затем отправит в Париж диппочтой в Югославское полпредство, которое, со своей стороны, передаст рукопись непосредственно т. Довгалеvскому за уплатой 38 тыс. франков. Так как у т. Довгалеvского суммы в 32 тыс. франков, недостающей для уплаты, нет, то он просит Вас срочно ее нам перевести.

С искренним товарищеским приветом

Мерле

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2943. Л. 19.
Подлинник. Машинопись.

*Письмо Йована Максимовича и Миодрага Обрадовича
В.Д. Бонч-Бруевичу об окончательной стоимости рукописи
пушкинских стихотворений и месте ее выплаты владельцам*

25 ноября 1933 г.

г. Белград

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич.

Будучи уверены, что Вы, равно как и мы, желаете, чтобы продажа и покупка пушкинской тетради чем скорее осуществилась, считаем нужным обратить Ваше внимание на следующие факты: в продолжение трех-четырех дней мы получили от Вас два, только на вид различных, решения относительно способа и средств платежа. В одном из них, адресованном Максимовичу, Вы изъявили согласие платить франц[узскими] франками. Во втором письме, адресованном Обрадовичу, Вы прислали согласие заплатить динаров 85 тыс. Как выше сказано, в обоих этих решениях существенной разницы нет, так как мы в наших письмах постоянно условляли следующие монетарные реляции*:

1 доллар = 57 динаров = 25,33 фр[анцузских] франков, т.е. 2,25 динаров = 1 фр[анцузскому] франк[у]. Так как цена за рукопись уже раньше была утверждена долларов 1500 – то значит, что Вы должны заплатить 1500 x 25,33 = 38 тыс. франц[узских] франков.

Относительно места платежа, то [так] как Вам безразлично, где он совершится, нам возможно принять только первое из Вами предложенных мест, т.е. Белград, – решение, единственно для нас возможное и приемлемое. Одновременно просим совершить платеж исключительно франц[узскими] франками, наличными деньгами, в сумме франц[узских] франков 38 тыс. (тридцать восемь тысяч).

В случае Вашего согласия, просим сообщить нам телеграммой и дать немедленно нужные распоряжения относительно приема и платежа рукописи.

Уважающие Вас

*Йован Максимович
Миодраг Обрадович*

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 72.
Подлинник. Машинопись.

* Так в документе. Имеется в виду соотношение валют.

20 декабря 1933 г.

г. Белград

Пушкинови „београдски“ рукописи

Совјетска академија жели да прикљући ове текстове осталој грађи о великом песнику.

Септембра месеца „Политика“ је објавила вест о постојању рукописа руског песника Пушкина у Београду. Томе је посвећена сва дужна пажња. Прикупљени су и публиковани сви подаци које су притежаоци Пушкиновог рукописа, г.г. Обрадовић и Максимовић били вољни да нам ставе на расположење.

Написи које је „Политика“ тада посветила овом питању нису остали без одјека. Руска јавност, у Русији, заинтересовала се за „београдске Пушкинове рукописе“ и, у колико смо обавештени преко најмеродавнијих, преко данашњих власника тих текстова, Совјетска академија изразила је готовност па и сагласност у погледу једне позамашне откупне цене, да до тих драгоцених прилога за историју руске културе дође.

И избегличка руска штампа није се оглушила. Она данас, с малим закашњењем, истина, о томе пише. Прелазећи преко извесних скроз неумесних жучности познатог емигрантског књижевног критичара Владислава Ходасевића⁵⁵, руковођени искључиво побудама да публику, обавештену преко нашега листа, држимо и даље обавештену о судбини Пушкиновог рукописа пронађеног у Београду, ми поклањамо пажњу и овом Ходасевићевом напису.

„Пушкиновјед“ Ходасевић одриче др. Максимовићу сваку компетенцију да о Пушкину говори и уписује му у грех искључиву бригу да рукопис не изгуби од своје комерцијалне вредности. „Зато је Максимовић не испуштајући дословце рукописа из руку, дозволио професору Погодину и репортеру српског листа „Политике“ да се с њим летимице упознају“.

Овакво мишљење г. Ходасевића тиче се првенствено, дабоме, професора Максимовића.

Ходасевић поклања нарочиту пажњу последњој страници Пушкиновог рукописа и имену Фјодора Туманскога, песника и дипломате, с којим се Пушкин упознао у Одеси, и који је 1853, као руски консул, умро у Београду, на основу чега је др. Максимовић претпостављао да је овај рукопис доспео у руке Туманског у времену Пушкиновог боравка у Одеси (1842) па из власништва Туманскога у власништво г. Обрадовићевог деде.

Ограђујући се, донекле оскудношћу података који му стоје на расположењу, он изражава сумњу да су уопште ови рукописи доспели у Београд преко Одесе и сматра да су ови текстови преписи Пушкинових стихова, написаних пре изгнанства из Петрограда, и може бити касније исправљени. На основу списка који је „Политика“ у факсимилу објавила, у коме се налазе песме писане за време песниковог боравка и на северу и на југу Русије, писац књижевне кронике париског „Возрођења“ закључује, да је овај рукопис Пушкин спремао за штампу, по повратку из прогонства. Он одбија претпоставку да то може бити радна свеска у којој је Пушкин дотеривао своја дела.

У вези с тим, Ходасевић износи неколико занимљивих појединости: почетком 1820, непосредно пред изгнанство, Пушкин је спремао за штампу збирку својих ситних песама, па је затим и рукопис и ауторско право напола продао, а напола прокоцкао, за хиљаду рубаља, Никити Всеволожском, своме пријатељу, човеку богатом и великом карташу. Боравећи на југу, у један мах и сам Пушкин је мислио да је Всеволожски издао књигу. (Ту Ходасевић наводи писма Пушкинова брату.) У међувремену Пушкин добија писмо од Ј.Н. Толстоја, који му јавља да рукопис још није штампан, али да кнез А.Ј. Лобанов-Ростовски предлаже да га изда у Паризу. У одговору на тај предлог, Пушкин указује, да је то за тренутак неоствариво, делимично из финансијских разлога, на које се Ходасевић не осврће, а делимично из разлога техничких. „Међу мојим стиховима, – вели Пушкин, – неки морају бити изостављени, многи преправљени, а сви наново сређени и зато ми је неопходно потребно прегледати свој рукопис“.

Из овога Ходасевић закључује да је Пушкин сматрао за немогућно да састави своју збирку без рукописа који се налазио код Всеволожског а да никаквог другог преписа својих песама у том времену није имао. Из даље Пушкинове преписке види се да је успео да добије од Всеволожског свој рукопис тек марта 1825, кад је већ боравио у Псковској губернији. Другим речима: кад је Пушкин напустио Одесу (30. јула 1824.) није код себе имао рукописа као овај београдски и, према томе, за време свога боравка у Одеси тај рукопис нити је могао коме поклонити нити га на други који начин уступити.

Признајући да је између Пушкиновог писма Толстоју и његовог одласка из Одесе прошло две године, и да је Пушкин, за то време, могао рукопис добавити и поправити га, а затим га дати Туманскоме или коме другом, Ходасевић остаје ипак при своме гледишту.

Претпоставку да је рукопис директним путем доспео у руке Обрадовића, који је трговао с Русијом, и претпоставку (коју је изразио професор Погодин), да је Пушкин овај рукопис поклонио, за успомену, Амалији Ризнић приликом свога одласка из Одесе 1824, Ходасевић одбацује као невероватне. И то гледиште правда: „Уистини, муж Амалије Ризнић био је србин пореклом. Али он је у ствари био Илирац, родом из Трста, и жена његова никакве везе

није имала са Србијом. Она је била италијанка (или италијанска јеврејка), па је дошла из Бећа у Одесу, а затим напустила мужа и отпутовала у Италију, где је ускоро и умрла. Никакве везе она није имала с Београдом и са Србима. Али то није све. Заљубљујући се у такве жене као што је била Ризнићка, Пушкин нимало није волео да пред њима иступа у својству песника. Поклонити за успомену вољеној жени целу свеску својих концепата – сувише је опречно његовим светским схватањима, а било би заиста и одвише нескромно. Треба додати, да је Амалија Ризнић живела у Русији око годину дана и да руски, разуме се, није знала. У тим околностима Пушкинова свеска рукописа није могла бити њој поклоњена“.

На страну Ходасевићев тон биографија Амалије Ризнић, оваква какву је он износи, у многоме је извитоперена.

Расматрајући чињенице Ходасевић закључује: да су београдски рукописи Пушкинови, рукописи које је у своје време Пушкин прокоцкао играјући с Севоложским, а да поправке и допуне на томе рукопису Пушкин није додао за време боравка у Одеси, већ у марту 1825, живећи у Михајловском.

Ово своје мишљење емигрантски критичар поткрепљује вестима совјетских листова, према којима совјетска влада намерава да купи београдски Пушкинов рукопис „који је некада био својина Севоложског“.

Не дајући ни најмањи лични прилог који би допринео да се расветли пут и начин како је Пушкинов рукопис доспео у Београд, Ходасевић доста смело и потпуно произвољно претпоставља да се тај рукопис налазио у Русији још крајем прошлога века „а можда и касније“.

Споменућемо непроверене али пикантне примедбе Ходасевића, да се име Кочубеј на ишкрабаној страни свеске не односи на јунаке „Полтаве“ већ на грофицу Н.В. Кочубеј, у коју је Пушкин био заљубљен пред своје изгонство. Исто такву пикантерију претставља и мишљење Ходасевића да латиницом исписано име „Елеонора“ треба да се односи на грофицу Воронцову. Али то су појединости о којима, разуме се, првенствено руски истраживачи на пољу културне историје треба да се изјасне.

Свој чланак Ходасевић завршава горким жаљењем што Пушкинов рукопис одлази у Русију.

И ово, тако исто, ствар је у коју ми не можемо да улазимо.

В.Д.

Политика. 1933. 20 децембра.

27 декабря 1933 г.*
г. Белград

Рукопис је уручио г. Миодраг Обрадовић, лично, Совјетској Амбасади у Паризу.

Судбина „београдских“ Пушкинових рукописа дефинитивно је решена. Свеска Пушкинових песама, с примедбама, цртежима, шкрабањима по ивицама, отпремљена је у Русију, где ће бити придружена осталом обилном материјалу који се односи на Александра Сергејевића Пушкина.

Ми смо се у више махова навраћали на ову ствар. Ми смо, први, у јавности о њој проговорили. Отуда се намеће у дужност да употпуњимо наше информације.

„Београдски“ рукопис Пушкинов откупљен је од његовог привременог притежаоца г. Миодрага Обрадовића.

Откупио га је Централни музеј уметничке литературе, критике и публицистике у Москви.

Откупна цена: 38 000 француских франака, или нешто око 125 000 динара.

Рукопис Пушкинов предат је Совјетској Амбасади у Паризу на дан 27 децембра 1933, у уторак. Благална Совјетске Амбасаде, примајући рукопис, исплатила је доносиоцу (г. Миодрагу Обрадовићу, лично) уговорену суму.

У овом часу, вероватно, Пушкинов „београдски“ рукопис на путу је за Москву, ако већ није и стигао.

То би, у главном, био суштински део података о судбини овог документа. Неће бити без интереса, међутим, да се осврнемо и на другу страну ове ствари, зањимљиву иако, коначно, за сам рукопис мање важну.

У породици Обрадовића, која се књигом бавила у колико се то сматрало за неку обавезу у просечној грађанској балканској породици, овом рукопису никад се није придавао некакав значај. Лежао је иза редова лепо повезаних књига, будући неутледан, и тек кад би се у великом спремању чистила с њега прашина о њему би се говорило. Па и то реда ради.

Тек негде у јануару прошле године Миодраг Обрадовић дошао је на мисао да би се ствар могла уновчити. Па како је у једном ужем кругу професор Максимовић радо сматран као зналац руске књижевности, а од недавно и као „пушкиновјед“ (професор Максимовић није сам да претендује на ову титулу) рукопис је однесен њему на проучавање.

* Датируется по дню передачи рукописи А.С. Пушкина в Посольство СССР в Париже.

Ово проучавање отегло се прилично. Више него што је трајало стрпљење г. Обрадовићево. И тако, пре једно седам месеци др. Максимовић је писао Ленинградској Академији, која је тада, изгледа била на распусту и писмо је дуго остало без одговора.

Како је ствар доспела да сазнања Владимира Дмитријевића Бонч-Брујевића, директора Централног музеја уметничке литературе, критике и публицистике, (који Музеј је једно одељење Народног Комесаријата просвете – скраћено Наркомпроса), није нам познато. Стоји да се Бонч-Брујевић одазвао најпре др. Максимовићу, а касније и Обрадовићу лично. У овим писмима совјетски научник је од првога дана изражавао готовост да „београдски“ рукопис откупи за свој музеј, што се, с обзиром на разне околности више комерцијалног карактера, остварило тек пре неколико дана.

У једном од тих писама (под датумом 9 новембра) Бонч-Брујевић пише Миодрагу Обрадовићу између осталог: „...потребно се размислити на који начин да се изврши исплата суме од 1500 долара (толико је у том часу било уговорено) за Пушкинов рукопис који се код вас налази. На жалост, до данас у Југославији немамо нашег посланства, зато је у том погледу све теже него у другим земљама. Изволите нам указати како је боље урадити. Можда ћете одобрити да нам тај рукопис пошаљете дипломатском или препорученом поштиљом у Париз, на Југословенско посланство, с вашим налогом да се уручи опуномоћеном претставнику нашег посланства, које би истовремено исплатило 1500 долара. То би било најпростије и најбоље. Новац за вас спреман је у нашем посланству у Паризу. Ако желите да урадите овако како вам пишем...“ и тд [...]

О предаји рукописа г. Обрадовић нема богзна шта да каже.

Пошто је телефонски обавестио Совјетску Амбасаду о свом доласку са чекао је да буде позван. На телефонски позив пошао је у улицу Гренел, ваздашњи дворач руског претставништва у друштву с чиновником југословенског одељења за штампу у Паризу г. Лукачевићем.

Нису ушли кроз капију над којом су укрштени срп и чекић, већ кроз једна мала врата, споредна, за публику.

Совјетског Амбасадора г. Довгалевског нису видели. После неколико минута чекања, проведених у разгледању туристичких проспеката намењених посетиоцима, примио их је један од функционера амбасаде (ако се г. Обрадовић не вара, шеф одељења за штампу или његов помоћник).

Совјетски дипломата понудио је своје госте цигаретама, па како су те цигарете изазвале извесну њихову радозналост поклонили им је по једну кутију (са сликом Кремља, натписом „Москва“ и златним писком).

Г. Обрадовић је сматрао за дужност да своме совјетском сабеседнику саопшти резултате стручног испитивања рукописа од стране др. Максимовића, али очигледно ствар није могла нарочито да занима совјетског дипломату, јер

је одмахнуо руком и рекао: „Ах, господине, ми врло добро знамо све што се односи на тај рукопис. Пушкин га је прокоцкао кад му је у игри нестало готових пара“.

Истом приликом Обрадовић је чуо да је томе рукопису изгубљен сваки траг тек године 1850. дакле на једно тридесет година пре но што је Обрадовићев деда, лиферант локомотива и шатора за војне потребе, путовао у Русију.

Ништа подробније о самоме рукопису од г. Обрадовића нисмо могли сазнати.

Чули смо само како је потписао признаницу, која му је враћена док није одведен на горњи спрат амбасаде, у благајну, да прими новац и преда рукопис.

На расстанку дотични совјетски функционер рекао је г. Обрадовићу да је као официр био на Солунском фронту, да је познавао једнога Обрадовића... Али бивши власник Пушкиновог рукописа био је, ваљда, узбуђен па се није ни сетио да тај Обрадовић може бити његов рођени стриц.

Дан касније воз је однео Миодрага Обрадовића у Београд, где је и др. Максимовић, за своје стручно посредовање, добио лепу награду.

А „београдски“ Пушкинов рукопис отпремљен је у Москву, у Централни музеј уметничке литературе, критике и публицистике при Наркомпросу.

В.Д.

Политика. 1934. 12. јануара.

143

Из писма В.Д. Бонч-Бруевича сараднику Полпредства СССР у Паризу Мерле – о полученим рукописима А.С. Пушкина

№ 1483

4 јануара 1934 г.
г. Москва

Уважаемый товарищ.

Только сейчас получил я от Вас и письмо Довгалецкого, и Ваше письмо, и отчет бухгалтера, и рукопись Пушкина. Не знаю, как и благодарить Вас за столь быстрое исполнение этого, одного из *огромнейших** достижений в области нашей социалистической литературной культуры за все последние многие десятилетия. Я тотчас же вызвал наших пушкинистов, которые были потрясены и глубоко обрадованы рассмотрением этой рукописи Пушкина, где впервые устанавливается канонический текст многих произведений, которые до

* Курсивом выделены вписанные от руки слова.

сего времени печатались по неправильному тексту. Причем целый ряд произведений в этой тетрадке оказался совершенно до сих пор неопубликованным в сочинениях Пушкина. [...]*

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2943. Л. 27.

Отпуск. Машинопись с правкой В.Д. Бонч-Бруевича.

144

Письмо В.Д. Бонч-Бруевича Йовану Максимовичу с просьбой ответить на вопросы, касающиеся истории рукописи пушкинских стихотворений

№ 2279

1 февраля 1934 г.
г. Москва

Многоуважаемый *Йован Максимович*.

Вы, вероятно, знаете, что рукопись, которая хранилась у *М.Д.*** Обрадовича, в настоящее время нами приобретена и находится здесь, в Москве.

Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за Ваше такое столь отзывчивое и прекрасное отношение по поводу *приобретения этой рукописи*.

Рукопись эту мы будем публиковать самым тщательным образом. Историю этой рукописи пишет проф. М.А. Цявловский⁵⁶.

Прошу Вас сообщить мне, не имеется ли у Обрадовича или у Ваших друзей и знакомых, *или у Вас самих* каких-либо литературных материалов, имеющих касательство к нашему Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики, мы все охотно приобретем.

Для лучшего и подробного написания истории этой пушкинской рукописи мы сформулировали следующие вопросы, на которые я и прошу Вас нам сейчас же ответить:

Кто из членов семьи Обрадовичей первоначально владел рукописью (его имя, годы жизни)? Когда и при каких обстоятельствах получил он эту рукопись от умершего 5 июля 1853 г. в Белграде Федора Антоновича Туманского⁵⁷, служившего в этом городе последние годы своей жизни консулом?

Кто владел рукописью после смерти лица, получившего рукопись от Ф.А. Туманского?

* Опущена чисто финансовая часть письма. Помимо этого, утрачен конец письма с подписью автора; авторство установлено по почерку во внесенной им правке.

** Здесь и далее слова, выделенные курсивом, вписаны в письмо неизвестным почерком.

Кто были эти лица, их имена, годы жизни?

Почему лицо (его имя), продавшее рукопись ЦМЛ, только в 1933 г. обратилось к Й. Максимовичу с просьбой содействовать этой продаже?

Не имеется ли в семье Обрадовичей преданий о том, что рукопись была в пользовании известного русского ученого академика Якова Карловича Грота⁵⁸ (1812–1893), несколько раз бывавшего в Праге, имевшего там знакомых и, возможно, приезжавшего и в Белград?

Я буду Вам очень благодарен, если Вы мне пришлете эти сведения как можно скорее. Если на какие-нибудь вопросы не сможете ответить, не беда. Ответьте на то, что знаете. Очень хочется историю этой рукописи написать возможно полнее и лучше.

Всего Вам наилучшего.

Директор ЦМЛ

Влад[имир] Бонч-Бруевич

Адрес музея: Москва, 31. Рождественка, 5, 1-й этаж. ЦМЛ.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 82–82 об.
Отпуск. Машинопись. Подпись – автограф.

145

Письмо члена Славянского института в Праге слависта В.А. Францева⁵⁹ В.Д. Бонч-Бруевичу о возможной принадлежности рукописи пушкинских стихотворений к коллекции русских автографов, хранящихся в Архиве Сербии

22 октября 1934 г.
г. Прага

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Когда я прочел заметку о р[укопи]си, содержащей стихотв[орения] Пушкина, в белградской газете «Политика» и узнал, что на одном из листов имеется упоминание Ольхина⁶⁰, я пришел к мысли, что эта рукопись принадлежала когда-то к той серии русских автографов, к[ото]рые хранились в Сербск[ом] госуд[арственном] архиве под общим наименованием «Письма знатных книжевника». Я их рассматривал в архиве летом 1912 г., и у меня есть где-то список важнейших русских автографов этого собрания. Коллекция принадлежала серб[скому] полковнику Влајковићу⁶¹; в ней были и письма Ольхина к нему. Ольхин – б[ывший] дипломат, лицеист по

образованию. О Влајковиче есть биография в одном из серб[ских] календарей, но точно указать не могу сейчас ни года, ни названия календаря. Скажу, что, между прочим, в собрании Влајковича были 2–3 автографа Мицкевича (отрывок из лекций о Курбском и две маленькие записки); их я в копии передал когда-то г. Vrtel-Wierczinsk-ому⁶², ныне библиот[екарю] в Познани), и он их напечатал в «Ruchu Literackiem»⁶³ (Warszawa). Думаю, что, связывая занимающую Вас рукопись (с поправками Пушкина?) с собранием Сербского госуд[арственного] архива, я стоял на верном пути, но я не собирался проследить, как она могла стать собственностью г-на Обрадовича или за ним стоящего лица. Припоминаю, что в «Политике» при описании р[укопи]си сказано, что имя Ольхин заклеено (на обороте листа), но ясно просвечивает, если лист р[укопи]си поднести к свету.

Вот все, что я могу Вам ответить на Ваше письмо. В роли следователя я выступать, конечно, не могу, но за сообщенные факты ручаюсь.

Если найду свою записную книжку 1912 г. со списком русских автографов Белградского арх[ива], дополнительно пришлю важнейшие указания и название календаря, где б[ыла] помещена биография полк[овника] Влајковича.

Желаю успеха Вашим общим усилиям!

Вл[адимир] Францев

22.X 1934, понед[ельник] – Ваше письмо от 28 июля! странствовало по Праге: было в немецком унив[ерситете], попало в руки лица, меня знающего, и было препровождено в унив[ерситет] чешский, где я его вчера получил.

Приписка В.Д. Бонч-Бруевича наверху первого листа письма: « .П. ж улкову⁶⁴. К Пушкинской рукописи. В.Б.». Копия верна: Вл. Бонч-Бруевич.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 84–84 об.

Копия, заверенная В.Д. Бонч-Бруевичем. Машинопись.

Письмо В.Д. Бонч-Бруевича премьер-министру Югославии Николе Узуновичу с просьбой оказать Государственному литературному музею помощь в получении от Госархива Сербии дополнительных сведений о прежних владельцах пушкинской рукописи, а также описи хранящихся в архиве автографов русских писателей, с разрешением сделать впоследствии с них фотографические копии

№ 8548

25 ноября 1934 г.
г. Москва

Ваше превосходительство.

Обращаюсь к Вам с письмом от нашего Литературного музея. Чувствую, что могу это сделать, так как тот вопрос, который я Вам сейчас изложу, не может не быть близок и родственен Вам, как руководителю одного из великих славянских народов.

При благосклонном участии югославского правительства некоторое время тому назад, через нашего полпреда во Франции, благодаря его сношениям с югославской делегацией в Лиге Наций и, как я думаю, не без Вашего непосредственного участия, мы приобрели ценную для нас и, думаю, для всех славян, рукопись гениального нашего поэта А.С. Пушкина у серба Обрадовича, живущего в Белграде. В настоящее время эту рукопись мы печатаем; наши лучшие литературоведы, профессора наших университетов трудятся над ней уже несколько месяцев, чтобы ее как следует оформить, понять и изучить и дать к ней научные и исторические комментарии.

В рукописи мы обнаружили несколько текстов А.С. Пушкина, до сих пор не напечатанные, и множество поправок к тому каноническому тексту, которым мы до сих пор обладали.

В истории хождения этой рукописи по различным странам не все ясно. Нам очень хотелось бы установить совершенно точно, каким образом она из Одессы перекочевала в Сербию, где она и сохранялась.

При тщательном изучении всех палеографических свойств, пометок, начертаний, надписей, мы пришли к заключению, что эта рукопись должна была некоторое время находиться в Сербском государственном архиве, в том отделе, который имел общее наименование «Писма знатних књижевника». В этом отделе Сербского государственного архива сохранялись и сохраняются различные автографы, написанные на русском языке. В этот архив входила большая коллекция, ранее принадлежавшая сербскому полковнику Влайковичу. В ней были письма некоего Ольхина, чиновника Министерства иностранных дел русской службы, бывшего дипломата и лицеиста по образованию.

На той части рукописи Пушкина, которой мы теперь обладаем, мы встретили пометки, упоминания имени Ольхина, причем это имя заклеено бумажкой, но если эту страницу посмотреть на свет, особенно на электрическую лампочку, то эта фамилия совершенно ясно выступает. Присутствие этой фамилии наводит нас на мысль, что именно эта рукопись Пушкина когда-то входила в коллекцию сербского полковника Влайковича, и именно в тот отдел, где находятся письма Ольхина к нему – Влайковичу.

Нас очень интересует, не осталось ли в этой коллекции еще несколько листов этой рукописи, так как при детальном рассмотрении той рукописи, которую мы купили, совершенно ясно указывается, что части рукописи нет.

Также нам очень интересен список всех автографов, находящихся в этом отделе Сербского государственного архива. Мы знаем, что там имеются письма Ольхина, 2–3 автографа Мицкевича, отрывок из лекции о Курбском, две маленькие записочки, которые впоследствии были опубликованы в «Ruchu Literackiem» (Warszawa), и целый ряд других рукописей.

Было бы ужасно приятно, если бы Вы сделали распоряжение составить опись этих автографов.

Я не знаю, могу ли я просить Вас [еще] о том, что мы были бы чрезвычайно благодарны, если бы Вы разрешили нам впоследствии сделать фотографические снимки с этих рукописей, которые так необходимы для наших научных изысканий. Но, конечно, самое главное и первое – это получить все сведения, касающиеся пушкинской рукописи, которую мы приобрели от Обрадовича, а сведения об архиве Влайковича нам необходимы, чтобы знать окружение этой рукописи. Письма Ольхина нас особенно интересуют, так как, почему знать, может быть он в них и сообщил что-либо Влайковичу об этой рукописи.

Пожалуйста, извините меня, что я побеспокоил Вас этим моим письмом, но прекрасно зная внимательное и чуткое отношение сербов к нашему гениальному поэту – А.С. Пушкину и всем исследованиям, касающимся его, я надеюсь, что и на этот раз Вы не откажете помочь нашим научным изысканиям и тем самым протянуть через Пушкина нам братскую руку помощи в деле совместного научного изучения одной из интереснейших проблем нашей русской и, думаю, всеславянской культуры*.

Примите, Ваше превосходительство, мои уверения в глубоком моем уважении к Вам.

Директор Литературного музея

Влад[имир] Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2955. Л. 1–2.

Отпуск. Машинопись.

* Ответ Государственного архива Сербии на письмо см.: док. № 148 от 30 октября 1935 г.

Заметка «Новая литературная находка в Белграде: обнаружена коллекция рукописей И.С. Тургенева и других русских и иностранных писателей», опубликованная в газете «Политика»

4 февраля 1935 г.
г. Белград

Пронађена је збирка рукописа Тургенјева
и других руских и страних писаца

Сопственик збирке је г. Јурије Штирмер, син последњег руског царског
претседника владе, сада земунски грађанин

Београд је град неочекиваних књижевних налаза. Не тако давно пронађено је у Београду право књижевно благо: Пушкинова свеска. Прошле године је њу купила Русија за музеј по не малој цени.

Јуче смо могли да видимо нов налаз који претставља велики интерес, како за Русе тако и за странце. Реч је о колекцији писама и аутографа последњег руског царског министра-претседника Бориса Штирмера⁶⁵. Један део те колекције удова претседника владе изнела је из Русије, и после њене недавне смрти драгоцену збирку налази се сада у рукама њеног сина г. Јурија Б. Штирмера, који живи у Земуну.

Засад смо могли да подробно разгледамо само „руски“ део колекције. Основни њен део је „Тургенјевски“: два Тургенјевљева писма и једна његова белешка. Писма носе датум „Париз, 1882. године“. У једном од тих писама је и париска адреса Тургенјева; како изгледа на тај се датум односи и белешка. Рукопис је карактеристичан за Тургенјева, и ту је пуни потпис чувеног писца. На жалост тешко је установити личност адресата, јер ова Штирмерова колекција само је делимично породични архив, а већи је део аматерска колекција, и садашњи њен власник не може да да никакво објашњење о личности адресата.

Писмо и белешка Тургенјева гласи:

„Поштована госпођо, Александра Владимировна,

Ви желите да знате моје мишљење о Вашој причи: дозволите ми да се користим тиме што немам част да вас познајем лично, па да будем с Вама сасвим отворен. Прочитао сам само две прве свеске: али је већ то било сасвим довољно да би ме убедило да је аутор још сасвим неискусан и да не треба да мисли о објављивању свога рада. Он чак веома мало зна руски језик, чему као доказ служе многобројне граматичке грешке, које сам ја дозволио себи да исправим. Како с Вама говорим у трећем лицу – сматрам за дужност да посаветујем аутору да прво савлада језик, а после да се постара да се удуби у карактере и ситуације; особито да, као чуму, избегава описивања природе,

која су неподношљива, кад нису одлична, и у сваком случају морају бити што је могућно краћа и сажетија.

Књижевни рад је веома заметан и тежак; сто пута је боље ништа не писати него писати осредње и бледо.

Надам се, поштована госпођо, да се нећете много жалити на мене због моје отворености; али, понављам, сматрам за своју дужност да Вам кажем сву неулепшану истину“.

У овом писму дами која жели да постане књижевница све је типично интересантно за великог Тургејева: и рафинирано учтив тон писма и немилосрдан суд који он изриче. Занимљиво је и то да такав фини песник природе као што је Тургејев саветује „избегавати, као чуму, описе природе који су неподношљиви кад нису изванредни“ и мишљење да је „сто пута боље ништа не писати него писати осредње и бледо“.

Не мање драгоцена је и кратка белешка: „У одговор на Ваше писмо, дозволите ми да кажем да поезија није управо никоме и ни у којем веку потребна, – она је луксуз, али луксуз приступачан свакоме, чак најсиромашнијем: у томе је њен смисао и лепота и корисност“.

Овај парадокс речи необично је карактеристичан и за стил и за идеје Тургејева.

Друго једно писмо Тургејева кратко садржи срећан пут некој „поштованој госпођи“, која са враћа у отаџбину.

„Тургејевљевом“ делу колекције припада аутограф на нотама – почетак неке италијанске арије – и потпис на француском Полине Виардо – „У успомену миле госпође ☐ вове (старемајке Јурија Штирмера), Дрезден – 27. маја 1847. године“. Као што је познато, Виардо је певачица с којом је више година био у вези Тургејев. На истом је листу, ниже, аутограф Луја Виардо, мужа певачице.

* * *

Нарочито је интересантан одломак већ пожутеле хартије, на коме је ова шаљива посланица, написана читко, гушчим пером, рукописом који је такође русима врло познат. Посланица је у стиху, али ћемо је ми превести у прози:

„По Вашој вољи, ми ћемо сутра код Вас да ручамо. Али како је тешко ушима да слушају француске речи од тако уважених дама, са дивним разумом и душом! Време је већ да будемо своји, да говоримо на руском и да Русију волимо!“

То је ☐ ержавин, песник епохе Катарине Велике, претеча и учитељ генијалног Пушкина... Занимљиво је да у шаљивим стиховима устаје ☐ ержавин против француског језика, који је у то време руско друштво знало много боље но свој, руски се језик сматрао за груб, прост, и против таквог мишљења устајали су још песници и писци претече ☐ ержавина. Али борбу за руски језик успео је да дефинитивно добије тек Пушкин.

* * *

У „руски“ део архиве улазе још шаливи стихови познатог писца графа Сологуба (1844); француски стихови једне од малобројних руских песника прошлог века грофице Ростопчине „Тугованка жене на њену судбину“; стихови Ф. Берга „Машта“; два француска писма и енглески стихови кнегиње С. Јашвиљ; кратка белешка чувеног московског митрополита Филарета и по-словно писмо Борису Штирмеру велике кнегиње Јелисавете Маврикијевне, жене великог кнеза Константина Константиновића, претседника Руске академије наука у пензији.

* * *

У „страном“ је делу архиве кратка песмица Виктора Ига са његовим потписом, два писма Диме Сина и превод од Диме Оца и једне песме Њермонтова; аутограф чувеног композитора Берлиоза и један редак увод у „Погибију Фауста“, Росинијево писмо на италијанском језику.

У овој се збирци налазе још два француска писма чије ауторе треба тек дешифровати.

Цела је збирка одлично очувана и то јој придаје несумњиво велики интерес.

Политика. 1935. 4 фебруара.

148

Сообщение миссии Чехословацкой республики в Москве, направленное в ГЛМ, об ответе Государственного архива Сербии директору музея В.Д. Бонч-Бруевичу об истории приобретенной рукописи А.С. Пушкина и о наличии в архиве автографов русских писателей

№ 7701/35

30 октября 1935 г.
г. Москва

Ваш директор г-н Владимир Бонч-Бруевич обратился письмом за № 8548 от 25 ноября 1934 г. к председателю правительства Королевства Югославия с просьбой доставить ему сведения о рукописях А.С. Пушкина, которые находятся на территории этого государства.

Государственный архив в Белграде на этот запрос сообщает, что у него была большая коллекция автографов различных русских писателей, которая когда-то принадлежала сербскому полковнику Джоке Влайковичу, но что она

во время мировой войны затерялась. Государственный архив сообщает дальше, что просмотрел все свои коллекции рукописей, но что между ними автографов А.С. Пушкина и русских писателей вообще нет.

Миссия имеет честь известить об этом для сведения.

За посланника

✉ Пелья

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2955. Л. 3.
Подлинник. Машинопись.

149

Письмо В.Д. Бонч-Бруевича полпреду СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольникову⁶⁶ с просьбой провести переговоры с белградским антикварным магазином о реальной стоимости выставленной на продажу коллекции автографов с приложением перечня предлагаемых документов

№ 1733

15 апреля 1936 г.
г. Москва

Дорогой Федор Федорович.

Вот такая у меня просьба: в Белграде, как Вы увидите из прилагаемой при сем копии письма, продаются очень интересные автографы. За них запросили очень высокие цены, но мне пишут, что они, конечно, только запросили, как всегда делают сербы, и с ними надо очень сильно торговаться.

Я очень хотел бы просить Вас – хотя сейчас меня взяло сомнение, что в Сербии у нас нет нашего представительства, – не найдете ли Вы способ войти с ними непосредственно в переговоры и дотолковаться до определенной суммы. Я думаю, что за всю коллекцию надо дать не более 1 тыс. французских фр[анков], может быть с какой-нибудь маленькой надбавкой. Во всяком случае, выскажите мне Ваше мнение по этому поводу.

Копию письма при сем Вам посылаю.

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом.

Директор Гослитмузея

Влад[имир] Бонч-Бруевич

**Перечень документов, выставленных на продажу белградским книжным магази-
ном Акционерного общества «Полет», с указанием их стоимости**

17 января 1936 г.

г. Белград

В ответ на Ваше письмо от 28 декабря 1935 г. под № 18174 шлем Вам перепись и цены документов, находящихся у нас.

A. Dumas (fils) – 2 письма (по 2 стр.) a frcs. frs. 150 –	300	150*
A. Dumas (pere) перевод с рус. на фр. яз. стихов Лермонтова «Le blessé»	700	200
V. Hugo – афоризм в стихах (5 рядов)	350	100
Pauline Viardot – 1 ряд нот, посвященных Aime Leroff 22.V 1847, и один испанский афоризм, подписанный Louis Viardot	300	150
Великая княжна Елизавета Маврикиевна – письмо на 3-х стр., в кот[ором] она рекомендует ген. Геринта (1916)	500	50
Comte Villefrans – письмо на 3-х стр., написанное в Париже 6.XII 1872	150	50
Митрополит Филарет – письмо в 5 рядов 10.VII 1853	300	50
Ф. Верт – стихи	250	75
Соллогуб	300	75
Княжна Яшвилл – письмо (2 стр.) и перевод стихов Гете на фр. яз. На том же листе стихи на англ. яз. (9 рядов)	300	100
Тургенев – письмо (5 рядов)	150	50
Тургенев – афоризм о поэзии	300	50
Тургенев – письмо, кот[орое] содержит его критику (34 ряда)	1000	75
	<hr/>	<hr/>
	1225	

* В письме не объясняются числа, означающие стоимость автографов. Можно лишь предположить, что первое из этих чисел – первоначальная цена, запрашиваемая магазином, а второе число – реальная стоимость, которую можно заплатить, поторговавшись.

2 письма нам неизвестного автора, чьи фотографии прилагаем и просим Вашу правильную оценку, если они Вас интересуют.

За все 1000 ф[ранков].

В.Б.Б.

Шлем Вам искренний привет и ждем скорого ответа

Д. Биба

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2936. Л. 12, 34–34 об.

Письмо – отпуск. Перечень – копия. Машинопись.

150

Из письма В.Д. Бонч-Бруевича Ф.Ф. Раскольникову – напоминание о предложении белградских антикваров Акционерного общества «Полет»

№ 1936

9 мая 1936 г.

г. Москва

Дорогой Федор Федорович.

Ко мне обратился из Белграда представитель книжного магазина г-н Биба, который живет по адресу *Beograd Woulf Tshika Loubina b.b.*, по поводу автографов русских писателей, о которых я Вам сообщал в письме⁶⁷, поспавши подробный перечень этих автографов. Очень бы хотелось их приобрести. Пожалуйста, сообщите, удалось ли Вам сделать какие-нибудь шаги по этому поводу и возможно ли это для Вас. Не хотелось бы их упускать. [...]”

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом.

Директор Гослитмузея

Влад[имир] Бонч-Бруевич

Приписка В.Д. Бонч-Бруевича на полях: *«По-сербски адрес звучит так: Beograd, Ulica Ćika Ljubina b.b.»*.

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2936. Л. 13.

Отпуск. Машинопись.

⁶⁷ См. приписку В.Д. Бонч-Бруевича.

⁶⁸ Опущены два предложения личного характера.

151

Письмо В.Д. Бонч-Бруевича Ф.Ф. Раскольникову в ответ на телеграмму о достигнутой договоренности с белградскими антикварами и о решении финансовых вопросов, связанных с приобретением автографов

№ 2294

14 июня 1936 г.
г. Москва

Дорогой Федор Федорович.

Я только сию минуту получил от Вас телеграмму и рад, что Белград покорен. Там, конечно, торгуются продувные шельмы, а потому надо получить все, согласно списку, который я Вам послал, а может быть и еще что-либо. Также, как и Вам, я им писал о расчете на французские франки, а не на швейцарские: имейте это в виду, ибо швейцарские франки почти в пять раз дороже французских. Очень буду счастлив, когда эти автографы будут в Ваших руках.

Прошу Вас истратить деньги полпредства, чтобы сейчас же получить эти письма: я только 2 часа тому назад говорил с А.С. Бубновым, который сам сказал мне, что сегодня подписывает переводы на Париж и Прагу в валюте – довольно значительные: три тысячи рублей золотом. Как только получу от Вас известие, что сделка состоялась, я тотчас же напишу в Парижское полпредство Вам эти деньги прислать и Вас не подведу ни в чем. Андрей Сергеевич Бубнов сегодня высказал ту мысль, что надо, чтобы наши полпредства за границей в экстренных случаях затрагивали бы деньги из полпредских фондов, а мы вдогонку все отдадим.

Крепко жму Вашу руку.

Директор Гослитмузея

Влад[имир] Бонч-Бруевич

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2936. Л. 16.
Отпуск. Машинопись.

152

*Из письма полпреда СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольников
В.Д. Бонч-Бруевичу – об отправке в ГЛМ коллекции автографов,
приобретенных у белградских антикваров*

30 июня 1936 г.
г. София

Дорогой Владимир Дмитриевич!

Посылаю Вам автографы, купленные в Белграде. Биба сам приезжал в Софию, чтобы мне их передать. Я их внимательно проверил, и все оказалось в порядке.

Очень интересно одно письмо Тургенева и его афоризм о поэзии. Всего – 14 документов, известных Вам по переписке. В левом верхнем углу каждого автографа стоят инициалы Ю.Ш. На мой вопрос Биба объяснил мне, что это инициалы бывшего владельца, у которого он купил всю коллекцию, – Ю. Штюмера, сына бывшего председателя Совета министров царской России. Этот сын сейчас живет в Югославии. [...]*

С дружеским приветом.

Ф. Раскольников

P.S. Как обстоит дело с моими статьями? Мне очень хочется писать на историко-литературные темы, но редакции наших толстых журналов таких материалов не печатают, а «Звенья» выходят очень редко.

Ваш Ф.Р.

437

РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2936. Л. 21–21 об.
Отпуск. Машинопись.

153

Письмо итальянского историка Карло Сфорца⁶⁸ редактору журнала «Интернациональная литература»⁶⁹ Т.А. Рокотову⁷⁰ о возможности опубликования в СССР нескольких глав из его книги «Пашии и Югославия: 50 лет войн и дипломатии»

19 февраля 1938 г.

Уважаемый мсье Рокотов!

По этому адресу – наиболее постоянному – я получил Ваше письмо. Но я не получил ни номера, посвященного 20-летию Октябрьской революции, ни других изданий, о которых Вы мне пишете.

* Опущен фрагмент текста о предстоящем отпуске в Москве.

Очень буду благодарен, если Вы будете любезны выслать их мне вторично. Вы спрашиваете меня, над чем я работаю в настоящее время. Я заканчиваю этюд о «Пазике^{*} и союзе югославян: 50 лет войн и дипломатии»⁷¹.

Это историческое свидетельство, которое прежде всего стремится к правде. Оно дает новые доказательства преступной глупости, проявляемой кабинетами Вены и Петербурга по отношению к Балканам. С советской точки зрения, Вам будет интересно узнать, что я привожу там слова старого Пазика, заявившего мне, что, на его взгляд, восстановление старого строя в России невозможно.

Посылаю Вам оглавление. Книга выйдет на чешском, на английском и других языках.

Если Вы желаете печатать исторические труды, даже когда они не советского происхождения, я с удовольствием рассмотрю предложение о заключении договора на издание этой книги на русском языке.

Преданный Вам

Карло Сфорца

РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 693. Л. 6.
Перевод с фр. яз.; Л. 2. Автограф.

154

Отзыв сотрудника журнала «Историк-марксист» З.В. Мосиной⁷² на отрывок из книги Карло Сфорца «Пашич и Югославия: 50 лет войн и дипломатии», написанный по просьбе редакции журнала «Интернациональная литература»

Не позднее 31 декабря 1938 г.**

По теме работа Карло Сфорца представляет, несомненно, большой интерес для советских читателей. История славянских народов до сих пор мало освещалась в нашей периодической печати. Поэтому представляется действительно очень соблазнительным использовать работу, дающую исторические портреты сербских политических деятелей, к тому же написанную итальянским антифашистским автором.

Сильной стороной автора является его личное знакомство с сербскими деятелями описываемого периода. В главе о Пашиче наибольший интерес

^{*} Так в документе (ошибка переводчика); следует читать: «Пашиче».

^{**} Отзыв не имеет даты. Датируется приблизительно, по ответному письму, направленному Карлу Сфорца редакцией журнала «Иностранная литература».

представляет описание встречи автора с Пашичем и их бесед. В главе о короле Александре Обреновиче⁷³ также имеются отдельные интересные места мемуарного характера.

Однако в смысле фактического исторического материала рецензируемые главы дают очень мало. В своих выводах и оценках автор исходит не из тщательного изучения исторических материалов, а из личных впечатлений и бесед. Его оценка исторических деятелей получает поэтому глубоко субъективный характер.

В тех случаях, когда автор правильно подмечает те или иные факты либо черты в характере, он совершенно беспомощен объяснить их происхождение. Так, говоря о Пашиче, автор указывает, что этот политический деятель был свободен от того недостатка, который замечали у Жиолитти, у Пуанкаре и Ллойд Джорджа, у которых было будто бы «инстинктивное» опасение сделать что-либо такое, что могли бы использовать к своей выгоде их преемники. «Ничего подобного не наблюдалось у Пашича, – утверждает автор, – у него идея служения своей стране выступала всегда очищенной от такого сорта предвзятости». Это положение автора представляется в общем правильным, но оно остается не объясненным и поэтому ничего не дает читателю.

Портрет короля Александра Обреновича лишен какого бы то ни было политического значения. Автор хотел показать в короле человека, да к тому же несчастного. Это подход психолога, но не публициста и не историка. В этой главе собран пестрый материал, в большинстве случаев скорей анекдотического характера.

Если по двум рецензируемым главам судить о всей книге Карло Сфорца, то вряд ли можно будет признать ее полезной для советского читателя.

З. Мосина

РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 2. Д. 157 а. Л. 5–5 об.
Копия. Машинопись.

Письмо редактора «Интернациональная литература» Т.А. Рокотова Карло Сфорца о принятом редакцией решении по поводу публикации в СССР глав из его книги «Пашич и Югославия: 50 лет войн и дипломатии»

31 декабря 1938 г.
г. Москва

Позвольте принести Вам свои извинения в связи с задержкой вопроса о печатании присланных Вами по моей просьбе глав из Вашей книги.

Когда мы ознакомились с ними, то увидели, что по своему характеру они далеки от литературных проблем, которые рассматривает наш журнал, поэтому мы снесли с другим журналом, историческим, выходящим в Советском Союзе, и лишь недавно получили его заключение по этому вопросу. Редакция журнала «Историк-марксист» сообщила нам, что тема Вашей работы представляет большой интерес, но последние две главы, представляющие из себя фрагменты работы, не представляют интереса для читателя их журнала. Они бы хотели ознакомиться с книгой в целом, что позволило бы им подробно разобрать ее на страницах журнала, поскольку вопрос об истории славянских народов представляет в настоящее время исключительно большую важность.

Простите, что мы затрудняем Вас перепиской по этому вопросу, но, зная Вашу симпатию к нашей стране, мы надеемся, что Вам будет небезынтересно узнать и мнение о Вашей работе советских специалистов, работающих в области истории.

Разрешите уверить Вас в моем совершенном почтении и уважении*.

РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 2. Д. 693. Л. 23.
Отпуск. Машинопись.

* Подпись отсутствует.

- ¹ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) – общественная организация, основанная в 1925 г. для ознакомления общественности СССР с достижениями науки и культуры зарубежных стран и для популяризации культуры народов СССР за границей.
- ² Чурчин Милан (1880–1960) – сербский поэт, публицист, переводчик. Родился в г. Панчево, который до 1918 г. принадлежал Австро-Венгрии. В 1904 г. защитил в Вене докторскую диссертацию на тему «Сербская народная поэзия в немецкой литературе». В 1920–1941 гг. издавал в Загребе журнал «Новая Европа», посвященный общественно-политической и культурной проблематике.
- ³ Крлежа Мирослав (1893–1981) – хорватский писатель, член КПЮ (1919–1939). Издатель журналов «Пламен», «Книжевна република», «Данас», «Печат». Его эссе «Поездка в Россию» о посещении СССР было опубликовано в 1924 г. и в 1925 г. было переведено на русский язык.
- ⁴ Шишич Фердо (1869–1940) – югославский историк, действительный член Югославской академии наук и искусств с 1910 г.
- ⁵ Базала Альберт (1877–1947) – доктор философии, основатель журнала «Философия и психология» (1927).
- ⁶ Йованович Слободан (1869–1958) – выдающийся сербский правовед, историк и политик. Автор работ по государственному праву, истории Сербии XIX – начала XX в. Председатель Сербской королевской академии (1928–1930), ректор Белградского университета. Основатель и председатель Сербского культурного клуба (1937–1941). Вице-премьер правительства генерала Д. Симовича, совершившего государственный переворот 27 марта 1941 г. Премьер-министр югославского правительства в эмиграции в 1942–1943 гг.
- ⁷ Сербская королевская академия была основана в Белграде в 1886 г. Под этим названием просуществовала до 1947 г. С 1948 г. – Сербская академия наук, а с 1960 г. – Сербская академия наук и искусств.
- ⁸ В 1918 г. был образован 2-й Московский государственный университет. Поэтому старый МГУ (современный МГУ им. М.В. Ломоносова) стал именоваться 1-м.
- ⁹ Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1942) – российский, советский лингвист. Занимался проблемой македонских говоров. Окончил Казанский университет (1910), приват-доцент кафедры славянского языкознания. Профессор Иркутского (1918–1920) и Казанского (1920–1921) университетов. С 1922 г. – заведующий кафедрой славянских языков 1-го МГУ. Работал в Институте языка и литературы РАНИОН (закрыт в 1931 г.). В 1931–1932 гг. – в Московском НИИ языкознания при Наркомпросе. Арестован в 1934 г. по делу славистов. Осужден на 5 лет. Освобожден досрочно. После освобождения работал в Московском институте философии, литературы и истории, Московском государственном педагогическом институте, Московском городском педагогическом институте.
- ¹⁰ Сербское литературное общество основано 29 апреля 1892 г. Первым председателем избран историк, филолог и политический деятель Стоян Новакович. Его заместителем – поэт Йован Йованович Змай.
- ¹¹ Матица Хорватская – литературно-научное, просветительское учреждение, созданное в 1842 г. с целью издания и распространения книг на хорватском языке. Основатели – деятели хорватского иллиризма: Янко Драшкович, Иван Мажуранич, Иван Кукулевич-Сакцинский.
- ¹² Каникулярный союз – объединение школьных учителей и учеников, основанное в 1919 г. Способствовало организации ознакомительных поездок школьников по стране во время каникул.

¹³ Югославское объединение журналистов (Југословенско новинарско удружење) было образовано в 1921 г. в результате слияния Сербского общества журналистов с аналогичными организациями Королевства СХС. Первый председатель – Душан Николаевич.

¹⁴ Ассоциация хорватских писателей была основана в 1900 г. в Загребе.

¹⁵ Профессорское общество Королевства СХС основано в 1920 г. с целью подготовки реформы школьного образования и унификации программ средних школ. Имело отделения в Загребе, Сараево, Любляне и Сплите. Общество заботилось о материальном благосостоянии учителей. Выпускало «Вестник Профессорского общества Королевства СХС». Первый редактор – Яша Проданович.

¹⁶ Объединение учителей Югославии, основанное в Белграде в 1921 г., объединяло учителей начальной школы. Имело отделения в Загребе, Сараево, Любляне и Сплите.

¹⁷ Груич Радослав (1878–1955) – сербский историк и теолог. Основатель музея Южной Сербии. В 1930–1937 гг. – профессор и декан философского факультета в Скопье. С 1937 г. – профессор богословского факультета в Белграде. Член-корреспондент Сербской королевской академии. Организатор музея Сербской православной церкви в Белграде.

¹⁸ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук существовала с 1924 по 1930 г. Создана с целью контроля над работой научных учреждений, в которых наряду с марксистами продолжали работать «буржуазные» ученые. Во главе ассоциации стоял президиум, председателем которого до 1927 г. был М.Н. Покровский.

¹⁹ Нахтигаль Райко (1877–1958) – словенский филолог, славист, исследователь старославянских языков, древнерусской литературы и русского языка. Один из организаторов университета в Любляне; в 1927–1928 гг. – его ректор.

²⁰ Ившич Степан (1884–1962) – югославский филолог, профессор Загребского университета, в 1940–1943 гг. – его руководитель.

²¹ На самом деле г. Суботица находится на севере Сербии, на границе с Венгрией.

²² «Сербский литературный вестник» – наиболее значительный сербский литературный и общественно-политический журнал. Издавался в Белграде в 1901–1914 гг. и 1920–1941 гг. Первые издатели и редакторы журнала после Первой мировой войны – Богдан Попович и Слободан Йованович.

²³ Маринкович Воислав (1876–1935) – сербский, югославский политический деятель. В довоенной Сербии – один из деятелей Напредняцкой партии. В Королевстве СХС – один из основателей Демократической партии. Поддержал установление «диктатуры» короля Александра Карагеоргиевича в 1929 г. Многолетний министр иностранных дел. Непродолжительное время возглавлял правительство (1932).

²⁴ Спахо Мехмед (1883–1939) – видный боснийский политик, лидер Югославской мусульманской организации. Многократный член югославского правительства.

²⁵ Узунович Никола (1973–1954) – сербский политический, государственный деятель. Член Народной радикальной партии. Будучи доверенным лицом короля Александра, помогал ему отстранить от руководства кабинетом министров собственного партийного лидера – Николу Пашича. В период диктатуры – министр и глава правительства (1934).

²⁶ Милованович, по-видимому, заблуждается. Известно, например, что И.А. Персиани, сын посланника в Сербии А.И. Персиани, в 1927 г. был зачислен в штат МИДа как переводчик с жалованьем в 4 тыс. динаров.

- ²⁷ Английский журналист Э. Эшмит-Бартлетт посетил Россию в 1928 г. Его книга «Загадка России» (« \boxtimes e Riddle of Russia») в 1929 г. вышла в Лондоне.
- ²⁸ Елачич Алексей Кириллович (1892–1941) – историк. Потомок сербских переселенцев в Россию в XVIII в. До революции – приват-доцент Киевского университета. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, где преподавал сначала в Люблянском университете, затем в университете в Скопье.
- ²⁹ Слатины: Илья Ильич (1888–?) – пианист, дирижер, композитор, педагог. В 1912–1918 гг. – дирижер оперного и оркестрового отделения Московской консерватории. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. Один из первых оперных дирижеров в Белграде (1922–1923). Основатель музыкального трио «Слатин», один из основателей Русского музыкального общества в Белграде (1932). Преподаватель пения в Русско-сербской гимназии (1929–1931). Владимир Ильич (1889–1947) – скрипач. Один из основателей оркестра Белградского радио. Руководитель хора учительской школы в Белграде. Александр Ильич (даты жизни неизв.) – виолончелист.
- ³⁰ Васильев Алексей Алексеевич (1901–1991). В эмиграции с 1920 г. (Дубровник, затем Белград), учился в художественной школе, после – на архитектурном отделении Белградского университета. Сотрудничал с архитектором Г. Самойловым.
- ³¹ Баумгартен Василий (Вильгельм) Федорович (1879–1962) – военный инженер и архитектор, генерал-майор Белой армии; офицер Югославской армии. В Белграде по его проектам построены многие крупные здания – Военное министерство, Русский дом им. Николая II и многие другие.
- ³² Проданович Яша (1867–1948) – сербский политик и ученый. В молодости – последователь Светозара Марковича. Член Радикальной партии. В 1901 г. вышел из нее и стал одним из основателей Самостоятельной радикальной партии. Яростный противник Николы Пашича. Один из основателей Республиканской партии (1919). После прихода к власти коммунистов – член временного правительства Демократической федеративной Югославии, заместитель председателя правительства Федеративной Народной Республики Югославия.
- ³³ Йованович Драголюб (1895–1977) – сербский политический деятель, профессор юридического факультета Белградского университета (1920-е гг.). Председатель Народной крестьянской партии. В годы режима личной власти короля Александра и Регентства – активный сторонник союза сербской и хорватской оппозиции. Во время Второй мировой войны поддерживал партизан. После утверждения власти коммунистов подвергся репрессиям, как сторонник парламентской демократии.
- ³⁴ Кошанин Неделько (1874–1934) – сербский ботаник, профессор Белградского университета, член-корреспондент Сербской королевской академии.
- ³⁵ Кашанин Милан (1895–1981) – сербский историк искусства, литератор. Директор Музея князя Павла и Галереи фресок в Белграде (1935–1944).
- ³⁶ Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988) – советский литературный критик, литературовед, искусствовед, коллекционер русской живописи. Один из основателей и редакторов сборников «Литературное наследство».
- ³⁷ Максимович Йован (1864–1955) – сербский литератор, переводчик. Два года изучал славистику и немецкую литературу в Будапештском университете. Диплом защитил в Вене, где и увлекся русской литературой. Тема докторской диссертации – «Роль Пушкина в формировании русского реализма». Работал гимназическим преподавателем в разных городах Сербии. Автор рассказов для детей. Перевел на сербский язык произведения

Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, пьесы А.Н. Островского и т.д. Для постановки в Белграде, в Народном театре, Максимович перевел с русского 15 драматических произведений. Именем Йована Максимовича в современной Сербии названа премия, которую его потомки и Объединение литературных переводчиков Сербии раз в два года вручают за лучший перевод на сербский язык произведений русской литературы. Несколько литературоведческих произведений посвящено выдающемуся сербскому поэту Йовану Йовановичу Змаю, с которым Максимович был хорошо знаком.

³⁸ Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики организован в 1933 г. С 16 июля 1934 г., после объединения с Литературным музеем при Всесоюзной библиотеке СССР им. В.И. Ленина, – Государственный литературный музей.

³⁹ Речь идет о выпуске № 4–6 «Литературного наследства», посвященном творчеству И.В. Гете (М., 1932). Издание было основано по инициативе И.С. Зильберштейна в 1931 г.; являлось органом РАПП и Института литературы и языка Комакадемии, затем АН СССР. За 1931–1988 гг. вышло в свет 98 продолжающихся томов научных изданий по вопросам литературы и общественной мысли.

⁴⁰ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель, писатель. Соратник В.И. Ленина. С 1895 г. член социал-демократического кружка, позже вошедшего в «Московский рабочий союз». В 1896 г. эмигрировал в Швейцарию, организовывал пересылку в Россию революционной литературы и полиграфического оборудования. После знакомства с В.И. Ульяновым (Лениным) стал активным сотрудником «Искры». Учился в Цюрихском университете. В 1905 г. вернулся в Россию. Участвовал в подготовке вооруженного восстания в Санкт-Петербурге. Неоднократно был арестован, но серьезным репрессиям не подвергался. В 1917 г. член Исполкома Петроградского совета. Управляющий делами Совета Народных Комиссаров с 1918 до октября 1920 г. Одновременно в декабре 1917 г. – марте 1918 г. был председателем Комитета по борьбе с погромами, в феврале – марте 1918 г. – членом Комитета революционной обороны Петрограда. Принимал активное участие в национализации банков, в подготовке переезда советского правительства в Москву в марте 1918 г. После смерти Ленина отошел от политики. Автор сочинений по истории революционного движения в России, истории религии, этнографии и литературе. Инициатор создания и первый директор (1933–1945) Государственного литературного музея в Москве. В 1945–1955 гг. – директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

⁴¹ Всеволожский Никита Всеволодович (1799–1862) – камер-юнкер (1818), титулярный советник (1823). Один из основателей литературного общества «Зеленая лампа» (1820–1822), куда входил А.С. Пушкин, с которым Всеволожского связывала дружба. Они оба служили в Коллегии иностранных дел. Весной 1820 г. Пушкин «полупродал, полупроиграл» Всеволожскому рукопись своих стихотворений, уже подготовленную к печати. Обратная она вернулась к поэту только в 1825 г. Эта рукопись, за которой утвердилось название «тетрадь Всеволожского», легла в основу издания «Стихотворений Александра Пушкина» 1826 г. Позже тетрадь затерялась (см.: *Жерейский* Ю.А. Современники Пушкина. М., 1999).

⁴² Довгалевский Валериан Савельевич (1885–1934), советский государственный деятель, дипломат. Член Коммунистической партии с 1908 г. В 1913 г. окончил институт в Тулузе, инженер-электрик. В революционном движении с 1904 г. В 1906 г. был арестован и в 1907 г. осужден на вечное поселение, но в 1908 г. бежал за границу. В 1908–1910 гг. секретарь большевистской группы в Льеже, затем член большевистской группы в Давосе. В 1911–1914 гг. секретарь большевистской организации в Тулузе. В 1915 г. вступил во Французскую социалистическую партию, примкнув к ее левому крылу. В июле 1917 г. возвратился в Россию и был призван в армию. После Октябрьской революции –

в Красной армии. С мая 1921 г. нарком почт и телеграфов РСФСР, в 1923 г. заместитель наркома почт и телеграфов СССР. В 1924–1926 гг. полпред СССР в Швеции, в 1927 г. – в Японии, в 1928–1934 гг. – во Франции.

⁴³ Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – советский политический деятель. В 1929–1937 гг. – нарком просвещения РСФСР.

⁴⁴ Йованович Змай Йован (1833–1904) – выдающийся сербский поэт-романтик. Врач по образованию. Издавал литературные, политические и детские журналы. Первым из сербских поэтов писал стихи для детей. Переводил на сербский язык стихи венгерских, немецких и русских поэтов (в том числе поэма «Демон» М.Ю. Лермонтова).

⁴⁵ Матица Сербская – старейшее сербское научное, литературное и просветительское общество, прообраз Академии наук. Основано в 1826 г. сербскими просветителями и меценатами в г. Пешт. В 1864 г. центральные учреждения Матицы были перенесены в г. Нови Сад. Занималось организацией и поддержкой научных исследований в области сербского языка, литературы, истории и этнографии, изданием книг, журналов и газет.

⁴⁶ Вучетич Илия (1844–1904) – сербский политический деятель в Австро-Венгрии. Писатель, адвокат. Активный член Объединенной омолоды сербской – сербского тайного общества, имеющего целью объединение и независимость всех частей народа Сербии. Один из руководителей Народной партии (С. Милетича). Перевел на сербский язык роман «Дым» И.С. Тургенева, с которым состоял в переписке.

⁴⁷ Имеется в виду Всероссийская этнографическая выставка (Московский славянский съезд), устроенная весной 1867 г. по инициативе Московского славянского комитета. В ней приняли участие представители зарубежных славянских народов. Те из них, кто состоял на государственной службе в Австро-Венгрии, подверглись по возвращении гонениям – увольнениям без права на пенсию. По замыслу организаторов, выставка должна была продемонстрировать языковое, культурное, историческое и духовное единство русских и зарубежных славян.

⁴⁸ Мушицкий Лукиан (1777–1837) – сербский религиозный деятель и поэт. Обучался в г. Новом Саде, Сегедине и Пеште. После завершения образования – администратор митрополии в Сремских Карловцах, архимандрит монастыря Шишатовца, епископ Плашский. Первым среди сербов начал писать стихи в духе и стиле псевдоклассической европейской поэзии. Автор четырех сборников лирических стихотворений патриотического, моралистического и дидактического содержания.

⁴⁹ Петр II Петрович Негош (1813–1851) – правитель Черногории (1830–1851) и митрополит Черногорский и Бердский, выдающийся сербский поэт. Племянник по отцу митрополита Петра I Петровича, в соответствии с завещанием которого принял постриг и встал во главе Черногории. В 1833 г. совершил поездку в Россию (повторно – в 1837 г.), где был посвящен в сан епископа Черногорского и Бердского. В 1834 г. утвержден российским Синодом в сане архиепископа, в 1844 г. – митрополита. Основал в столице Черногории г. Цетинье типографию и школу. Автор нескольких сборников стихов.

⁵⁰ Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803) – немецкий философ, историк культуры.

⁵¹ Ошибка автора письма: В.С. Соловьев был в Загребе в 1880-е гг., а его работа «Оправдание добра» вышла в 1897 г. В Загребе же была издана «Философия Библейской истории» (1886), позже переработанная в книгу «История и будущность теократии».

⁵² Мотто (*книжн.*) – афоризм, изречение, используемое в качестве эпитафии. «Les Châtiments» («Возмездие») (1853) – сборник стихотворений В. Гюго о перевороте 1851 г. и приходе к власти во Франции Наполеона III.

⁵³ Фотич Константин (1891–1959) – сербский (югославский) дипломат. Чрезвычайный посланник и полномочный министр Королевства Югославия в Вашингтоне (1935–1944).

⁵⁴ Евтич Боголюб (1886–1960) – сербский (югославский) политик, государственный деятель. Министр двора (1929–1932), министр иностранных дел Королевства Югославия (1932–1935), председатель Совета министров (1934–1935). Сопровождал короля Александра Карагеоргиевича во время роковой поездки в Марсель в октябре 1934 г. Перед смертью монарх якобы прошептал Евтичу: «Храните мою Югославию». Лидер Югославской национальной партии. Член правительства генерала Душана Симовича (27 марта 1941 – январь 1942). Во время немецкой оккупации Югославии – член югославского правительства в эмиграции. Умер в Париже.

⁵⁵ Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) – русский поэт, критик, мемуарист, историк литературы. В эмиграции с 1922 г., сначала в Берлине, а с 1925 г. в Париже. В 1937 г. в Берлине опубликована книга Ходасевича «О Пушкине».

⁵⁶ Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947) – советский литературовед, пушкинист, доктор филологических наук. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета. Исследовал жизнь и творчество А.С. Пушкина. Редактор и автор комментариев ко многим произведениям сочинений поэта. Редактор и комментатор собрания сочинений Л.Н. Толстого.

⁵⁷ Туманский Федор Антонович (1799–1853) – поэт, дипломат, современник А.С. Пушкина. Служил в Министерстве иностранных дел Российской империи. В 1820-х гг. Туманский был консулом в Яссах, откуда часто приезжал в Кишинев, где жил тогда Пушкин. К этому времени относится «Ответ Ф.А. Туманскому», написанный Пушкиным в Кишиневе по прочтении одного из стихотворений Туманского. Последние годы жизни Туманский провел в Белграде, куда назначен был консулом и где скончался в 1853 г.

⁵⁸ Грот Яков Карлович (1812–1893) – российский филолог, профессор Гельсингфорсского университета (1840), академик (1858), вице-президент Российской Императорской академии наук (1889).

⁵⁹ Францев Владимир Андреевич (1867–1942) – славяновед и историк, доктор славянской филологии, член-корреспондент Российской академии наук по Отделению русского языка и словесности с 1915 г., с 1921 г. – академик. Преподавал в Донском и Варшавском университетах, Карловом университете в Праге. От звания академика отказался. В 1927 г. принял чехословацкое гражданство, после чего был исключен из состава Академии наук СССР. С 1930 г. – член Славянского института.

⁶⁰ Ольхин Александр Александрович (1839–1897) – дипломат, мировой судья, присяжный поверенный и политический ссыльный, поэт. Окончил Александровский лицей, поступил на дипломатическую службу. Был консулом в Варне. В 1865 г. вышел в отставку. Участвовал как адвокат в ряде крупных политических процессов (процессе нечаевцев и др.). Сотрудничал в газетах «Начало» и «Земля и воля».

⁶¹ Влайкович Джордже (1831–188?) – офицер австрийской и русской армий (1851–1855), полковник сербской службы. В 1848 г. сражался против венгров в рядах сербских добровольцев под командованием Стевана Петровича-Кничанина. Участник Крымской войны в составе русской армии. Потерял ногу при обороне Севастополя. Награжден Георгиевским крестом. Вышел в отставку в звании капитана, после этого возвратился в Сербию. Один из активных членов Объединенной омолодины сербской. Участник сербского восстания в Боснии (1875), сербско-турецких войн (1876 и 1878). В 1879 г. вышел в отставку в чине полковника. Свое немалое состояние завещал потратить на образовательные цели.

- ⁶² Вртел-Верчиньский Стефан (1866–1963) – польский библиотекарь и библиограф, историк польской литературы, профессор университета им. Адама Мицкевича в г. Познани. В 1927–1937 гг. исполнял должность директора библиотеки университета в г. Познани.
- ⁶³ «Ruch Literacki» («Литературное движение») – ежемесячный научно-литературный журнал, издаваемый в Варшаве в 1929–1939 гг.
- ⁶⁴ Чулков Николай Петрович (1870–1940) – русский ученый-архивист, библиограф, историк Москвы. Один из редакторов многотомного «Русского биографического словаря», составитель картотеки «Московский некрополь». Автор ряда статей в сборнике «А.С. Пушкин в Москве» и в путеводителе «Пушкинская Москва» (1937).
- ⁶⁵ Штюмер Борис Владимирович (1848–1917) – российский государственный деятель, действительный статский советник, обер-камергер двора Е.И.В. (10 ноября 1916), Председатель Совета министров Российской империи (20 января – 10 ноября 1916). С 3 марта по 7 июля того же года – министр внутренних дел, а с 7 июля – министр иностранных дел. После Февральской революции арестован, скончался в тюрьме Петропавловской крепости. Его сын, Штюмер Георгий (Юрий) Борисович (1880–?) – надворный советник, советник Симбирского губернского правления (1913–1914), вице-губернатор Курской губернии (1915–1917).
- ⁶⁶ Раскольников (наст. фамилия Ильин) Федор Федорович (1892–1939) – советский военный и государственный деятель, дипломат. Участник революции и Гражданской войны. Заместитель наркомвоенмора Троцкого по морским делам (1918), член Реввоенсовета Республики. Командующий Балтийским флотом (1920–1921). Полпред СССР в Афганистане (1921–1923), Эстонии (1930–1933), Дании (1933–1934), Болгарии (1934–1938). В апреле 1938 г. вызван в Москву. Предвидя неминуемый арест и расстрел, бежал с семьей в Париж. В 1939 г. Верховный суд СССР объявил Раскольникова «вне закона». По одной версии, он был убит агентами НКВД, по другой – покончил с собой.
- ⁶⁷ Речь идет о письме, отправленном Ф.Ф. Раскольникову 15 апреля 1936 г. См. док. № 149.
- ⁶⁸ Сфорца Карло (1872–1952) – итальянский политик, дипломат, историк. Поверенный в делах в Китае (1911–1915), Сербии (1915–1918). Министр иностранных дел (1920–1921). Посол во Франции (1922). Ушел с государственной службы после прихода к власти фашистов. С 1927 г. – в вынужденной эмиграции во Франции, США и других странах. Вернулся в Италию в октябре 1943 г. В 1945 г. возглавил Национальный совет (переходный парламент), а в 1946 г. был избран в Учредительное собрание и вступил в Итальянскую республиканскую партию. В 1947–1951 гг. вновь возглавлял Министерство иностранных дел.
- ⁶⁹ «Интернациональная литература» – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходил в Москве в 1933–1943 гг. До 1935 г. – орган Международной организации революционных писателей. С 1955 г. снова стал издаваться под названием «Иностранная литература».
- ⁷⁰ Рокотов Тимофей Арнольдович (1895–1945) – ответственный редактор журнала «Интернациональная литература» в 1938–1939 гг.
- ⁷¹ В оригинале: «Pasic et l'union des Yougoslaves: cinquante ans de guerres et de diplomatie». В 1937 г. книга вышла на сербском языке в Белграде (*Сфорца Карло. Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене*), годом позже была опубликована (на франц. яз.) в Париже.
- ⁷² Мосина Зоя Васильевна (1898–1953) – советский историк-медиевист, сотрудник Института истории АН СССР. Специалист по Генриху IV. Печаталась в журнале «Историк-

марксист». Член редколлегии журналов «Историк-марксист», «Исторический журнал», «Вопросы истории», «Средние века».

⁷³ Александр Обренович (1876–1903) – король Сербии (1889–1903). Вступил на престол после отречения своего отца, короля Милана. В 1893 г. приказав арестовать регентов и членов кабинета, провозгласил себя совершеннолетним. В 1894 г. отменил либеральную конституцию 1888 г., в 1901 г. принял новую, учреждавшую в Сербии Сенат, часть членов которого назначалась монархом. 29 мая 1903 г., в результате офицерского заговора, был зверски убит вместе с женой – королевой Драгой. С его смертью династия Обреновичей пресеклась. На сербском престоле были восстановлены Карагеоргиевичи.

Раздел V. Вторая мировая война

156

Из сообщения ТАСС – об интервью югославского полковника Божина Симича газете «Дейли телеграф энд морнинг пост» и его высокой оценке Красной армии и ее Верховного командования*

25 ноября 1941 г.
Секретно

Лондон. 25 ноября. «Дейли телеграф энд морнинг пост»¹ помещает беседу с югославским полковником Симичем², который дает высокую оценку Красной армии. Симич был в Москве с марта по июнь нынешнего года. Он сказал корреспонденту газеты, что всегда был высокого мнения о Красной армии, и заявил в Москве, что Красная армия удивит всех и даже иностранные дипломатические круги в СССР, так как, по общему мнению, Советский Союз должен был потерпеть поражение в течение первых же трех недель. Симич заявил, что ему пришлось уже сталкиваться с русской армией. «20 лет назад, – сказал он, – я временно был командиром старой русской армии. В те дни русские солдаты были великолепным материалом. Однако сейчас, когда я столкнулся с русскими солдатами и офицерами, я был поражен большим улучшением их подготовки. В отношении общего развития нынешний русский солдат стоит намного выше царского солдата.

Что касается советского Верховного командования, то я не понимаю, как кто-нибудь мог сомневаться в его способностях. Поскольку признано, что молодые германские генералы имеют преимущество перед старыми «опытными» генералами союзников, нет основания сомневаться в способностях русских генералов только по причине их молодости. Почему молодой состав Верховного командования является большим преимуществом в Германии и большим недостатком в России? В конце концов, Красная армия имела в своем распоряжении на 10 лет больше, чем германская армия, для подготовки своего Верховного командования».

* Материал взят из тематического досье «Югославия: Сербия и Хорватия» «Вестника иностранной служебной информации ТАСС».

Симич сказал далее, что он неоднократно говорил своим друзьям в Москве о том, что если они, посещая театры, аплодируют советским артистам, если они видят, что русский пролетариат поднял искусство на огромную высоту, то почему же военная профессия в СССР не может иметь гениев?

Какаясь развития нынешней войны, Симич сказал, что при вторжении во Фландрию были использованы приемы русской стратегии времен русско-польской войны 1922 г. Немцы попробовали применить те же приемы во время первого наступления на Смоленск, но, к величайшему изумлению Гитлера, это не удалось.

Симич добавил: «Немцы не ожидали, что русские могут выработать новый метод оборонительной войны. Но русские это сделали, и это было концом молниеносной войны. Сильная оборона и то обстоятельство, что немцы отогнаны на юге на 60 миль, разъярили их, и они жалуются на то, что русские воюют “не по правилам”. Хотя я уже сказал, что СССР имел на 10 лет больше, чем Германия, для подготовки; следует учесть, что Верховное командование начало широкое перевооружение армии только в 1939 г. Доказательством чрезвычайно высокого морального состояния Красной армии является то, что она выдерживает напряжение четырехмесячного отступления. Если бы Германия находилась под таким нажимом в течение всего трех недель, даже на чужой территории, она бы развалилась на части».

ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 584. Л. 12–13.
Ротапринт.

157

Рекомендации генерального секретаря ИККИ Георгия Димитрова генеральному секретарю КПЮ Иосипу Броз Тито³ о развертывании кампании в защиту политической платформы народно-освободительного движения в стране

1 июня 1942 г.

ВАЛЬТЕРУ*

1. Разоблачать перед народом предательские действия четников – конкретно, документально и убедительно, конечно, необходимо. Но в настоящее время политически целесообразно было бы сделать это в форме обращения к югославскому правительству, подчеркивая, что борющиеся югославские

* Вальтер – псевдоним Иосипа Броз Тито.

патриоты с правом ожидают от него поддержки и недопущения того, чтобы действующие от его имени разные лица вонзали нож в спину народно-освободительной партизанской армии, когда она сражается против полчищ оккупантов. Это значит разоблачать, но не переходить пока в прямую атаку на само правительство.

2. Надо развернуть широкую политическую кампанию против пособников оккупантов на основе необходимости единой борьбы сербов, хорватов, черногорцев, словенцев против общего врага. Эту кампанию вести таким образом, чтобы разделять, а не объединять всех четников против партизанской армии. Ваша тактическая линия в этом отношении должна быть – часть людей четников отвоевать на свою сторону, другую часть нейтрализовать, а самую злостную часть беспощадно уничтожать.

3. Очень важно было бы наряду с выступлениями от имени Верховного штаба и отдельных штабов партизан организовать также и выступления (с листовками и пр.) известных общественных и политических деятелей Югославии против пособников оккупантов и в пользу Народно-освободительной партизанской армии, в пользу боевого единства югославских патриотов, без различия политических убеждений и прежней внешне-политической ориентации (просоветской или проанглийской).

4. Следовало бы добиться создания национального комитета помощи освободительной войне югославского народа⁴ из известных патриотических сербских, хорватских, черногорских и словенских деятелей, который выступал бы в стране и за границей в защиту политической платформы борьбы Народно-освободительной партизанской армии.

Просьба обсудить эти наши советы и сообщить нам Ваши соображения, а также конкретные мероприятия, которые предпримете в этом направлении.

Димитров

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 595. Л. 23.
Копия. Машинопись.

Записка зам. министра иностранных дел СССР А.Е. Корнейчука⁵ генеральному секретарю ИККИ Георгию Димитрову о недостатках в транслируемых на Югославию материалах радиостанции «Свободная Югославия» с предложением мер по повышению их информативности

3 января 1943 г.*

Сов. секретно

Радиопередачи станции «Свободная Югославия» после опубликования решений 2-го заседания Антифашистского веча народного освобождения Югославии⁶ построены целиком на материале этих решений. Начиная с 29 ноября радиостанция довела информацию о заседаниях Антифашистского веча, о его составе и о решениях. Самостоятельных политических информации или статей радиостанция передавала очень немного. Из 18 радиопередач, имевших место в декабре, только 3 были самостоятельными политическими передачами, а остальные были посвящены текстуальному изложению документов, принятых на заседании Антифашистского веча (деклараций, решений и т.д.), или информациям хроникального порядка без каких-либо политических выводов. В декларации Антифашистского веча, опубликованной радиостанцией 17 декабря, дана краткая характеристика истории освободительной войны народов Югославии за 2 с половиной года (главным образом с момента начала советско-германской войны), причем в этой декларации подчеркивается, что «в течение 2 с половиной лет героической борьбы против оккупантов и их прислужников выкорчеваны остатки великосербской гегемонии**, разбиты попытки внести в наши ряды вражду и взаимное недоверие, уничтожены остатки реакционного сепаратизма, тем самым созданы не только моральные, но и общеполитические и материальные условия для создания братского демократического федеративного сотрудничества наших народов Югославии, основанные на равноправии народов».

В этой же декларации резко критикуется «клика, удравшая за границу и называющая себя югославским правительством в Лондоне», причем обращается внимание, что в составе этого правительства «остались самые заядлые великосербские элементы во главе с Драже Михайловичем (хотя он формально не является членом правительства) и Петром Живковичем»⁷. Декларация также резко выступает против короля Петра и подчеркивает, что «во имя короля Пе-

* Записка была отпечатана в двух экземплярах. Первый экземпляр направлен министру иностранных дел В.М. Молотову, второй – Г. Димитрову.

** Подчеркивания здесь и далее в документе.

тра и монархии великосербские и другие реакционные элементы организовали и совершили самые подлые деяния против собственных народов». Следует отметить, что в декларации не подчеркнуты задачи борьбы против хорватских реакционеров-сепаратистов, вследствие чего создается впечатление о борьбе лишь против великосербских элементов при затушевывании борьбы против хорватских реакционеров. Эта установка декларации нашла свое отражение и в дальнейших передачах радиостанции «Свободная Югославия». Так, в передаче от 19 декабря радиостанция, комментируя решения Антифашистского веча, передавала: «Усилия кучки великосербских реакционеров и усташей-изменников разбить единство наших народов встретили упорное сопротивление огромного большинства нашего народа».

В передаче от 27 декабря радиостанция вновь говорила, повторяя по существу декларацию Антифашистского веча: «На протяжении двух лет героической борьбы против оккупантов и их лакеев искоренены все остатки великосербской гегемонии, разбиты все попытки внести в наши ряды споры и взаимное недоверие и уничтожены все остатки реакционного сепаратизма». В передаче от 29 декабря радиостанция полемизировала с критикой, идущей от недичевцев⁸ и павеличевцев⁹, которые, стремясь внести раскол, говорят о сербской или хорватской гегемонии в рядах народно-освободительного движения. Радиостанция передала: «Недич и его наместнические банды до иступления кричат о том, что якобы в народно-освободительном движении и его органах находятся одни хорваты, которые хотят уничтожить Сербию и сербское имя». «А его соратник Павелич и его усташские бандиты кричат о том, что якобы в народно-освободительном движении нет вообще хорватов, кроме нескольких заблудившихся, а только сербы, которые хотят хорватам навязать свою великосербскую гегемонию». В ответ на эту пропаганду недичевцев и павеличевцев радиостанция вновь передала выдержку из декларации Антифашистского веча о борьбе с великосербской гегемонией и реакционным сепаратизмом (о последнем, однако, декларация и радиостанция не считали нужным сказать, что это хорватский реакционный сепаратизм).

Таким образом, радиопередачи «Свободной Югославии» лишь повторяют положения, выдвинутые в декларации Антифашистского веча, и очень слабо комментируют и разъясняют эти решения. Тезис о великосербском засилье в Югославии и о необходимости борьбы с ним подчеркивается достаточно сильно. Вопрос же о борьбе против хорватского реакционного сепаратизма почти не освещается, и, во всяком случае, этот вопрос не расшифровывается. Слабым местом всех радиопередач «Свободной Югославии» является неконкретность всей пропаганды. Нет ни одной яркой иллюстрации борьбы сербского, хорватского, словенского народов за свое освобождение, нет совершенно обращения к историческому прошлому сербского и других народов. Общей

редакцией руководит т. Влахович¹⁰ (черногорец), сотрудниками же редакции являются Дурдеев (серб), Дравич¹¹ (хорват), Самородич (серб), Лозич (серб).

Чтобы улучшить эти радиопередачи и устранить всякие поводы к обвинениям в нападениях на сербов, мне кажется, следует провести следующие мероприятия:

1. Начать регулярные передачи, характеризующие героическую борьбу сербского народа против немцев и героическое прошлое сербов. Дать характеристику выдающихся деятелей – сербов, вошедших в состав Антифашистского веча и Народно-освободительной армии.

2. Выступая против Михайловича, следует подчеркивать не столько его великосербский шовинизм, сколько его предательскую роль в отношении освободительного движения Югославии вообще.

3. В ближайших радиопередачах также следует разъяснить необходимость борьбы против реакционного хорватского сепаратизма, назвав его конкретных носителей.

4. Улучшить программу радиопередач в сторону большей конкретности материала и более живого изложения, подчеркивая братство сербского, хорватского и словенского народов Югославии.

А. Корнейчук

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 598. Л. 1.

Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

159

Из сообщения ТАСС* – об опубликовании газетой «Ново време» воззвания к сербскому народу премьер-министра «правительства народного спасения» Милана Недича об опасности коммунизма

2 ноября 1943 г.

Секретно

Берлин, 1 ноября. Как передает Германское информационное бюро, газета «Ново време» поместила воззвание Милана Недича к сербскому народу. В воззвании Недич указал на опасность коммунизма и рассказал о той позиции, которую сербы занимают в связи с этим. «Сербы, – говорится в речи Недича, – противники коммунизма и желают оставаться сербами. Большевизм не имеет ничего общего ни с сербским духом, ни с сербской культурой. Сербский народ будет до последнего бороться против коммунизма за свою семью, родину и веру

* Материал взят из тематического досье «Сербия: Сербия – Недич» «Вестника иностранной служебной информации ТАСС».

своих предков. С отвращением наблюдает сербский народ за антиморальными, фальшивыми переговорами между кровожадными большевиками и крупнейшими капиталистами. Сербь больше не хотят быть бессловесным стадом, которое можно бросить в пасть дикому большевистско-азиатскому чудовищу. Непобедимая немецкая армия будет следить за тем, чтобы не возникли новые дипломатические авантюры англо-американцев и большевиков. На сегодня, – подчеркнул Недич, – в Сербии имеется только сербский антикоммунистический и антибольшевистский фронт. С коммунистами-большевиками мы будем бороться до полного их уничтожения».

ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 2466. Л. 91.
Ротапринт.

160

Из сообщения ТАСС – о негативной реакции гитлеровского журнала «Нойе Орднунг»¹² на отношение сербского православного духовенства к избранию Патриарха Московского и всея Руси¹³*

7 ноября 1943 г.

Секретно

Стамбул, 7 ноября. «Нойе Орднунг» выступил 24 октября с нападками по адресу представителей сербского православного духовенства, которое «благоклонно отнеслось» к избранию Патриарха Московского и всея Руси. Поводом к выступлению послужило то, что одно высокопоставленное духовное лицо в Белграде на вопрос корреспондента журнала «Нойе Орднунг» о том, каково отношение Сербской православной церкви к коммунизму и к избранию нового русского патриарха, уклончиво ответило, «что церковь политикой не занимается». Гитлеровский журнал «поражен» тем фактом, что Сербская православная церковь заняла такую пассивную позицию в этом вопросе. «Более того, – пишет журнал, – среди сербских православных священников имеются элементы, которые даже радуются восстановлению Патриаршего престола в Москве и выражают эту радость совершенно открыто. Особого удивления заслуживает то обстоятельство, что Сербская церковь, которая раньше принимала участие во всех политических актах, теперь заявляет, что политика ее не интересует».

ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 2466. Л. 68.
Ротапринт.

* Материал взят из тематического досье «Сербия: Сербия – Недич» «Вестника иностранной служебной информации ТАСС».

План политбесед, разработанный по указанию Георгия Димитрова для 1-й югославской бригады¹⁴ и направленный им после утверждения уполномоченному СНК СССР и Ставке Верховного командования по иностранным военным формированиям на территории СССР Г.С. Жукову¹⁵

29 ноября 1943 г.*

План бесед для югославской воинской части

Тема 1. Создание Югославского государства

Роль югославского комитета¹⁶ в борьбе за освобождение югославских народов. – Корфская декларация¹⁷. – Организация Народного Веча в Хорватии и Словении в 1918 г. Национальная борьба хорватов за федеративное устройство Югославии. – Национальное неравноправие в Югославском государстве. *Великосербская политика и ее катастрофические результаты**.*

Тема 2. Германия – исконный враг южных славян

Германская политика «Дранг нах Остен». – Угнетение хорватов и словенцев. – Аннексия Боснии и Герцеговины. – Нападение на Сербию в 1914 г. Зверства австро-венгерских оккупантов в 1914–1918 гг. *Политика «разделяй и властвуй» Германии (натравливание южных славян одних против других – специально болгар и югославов).*

Тема 3. Гитлеровская Германия и Югославия

Попытки насаждения фашизма в Югославии. – Создание «пятой колонны». Павелич и усташское движение. – Стоядинович – Цветкович – Лиотич – Недич. – Договоры, которые Гитлер и Муссолини заключили с Югославией и вероломно их нарушили. Предательство фашистских наймитов Гитлера в отношении национальных интересов Югославии.

Тема 4. Народное движение против фашизма

Попытка сплочения всех прогрессивных сил страны. – Югославские добровольцы в Испании. – 27 марта 1941 г. – Подлинно народные партии и народные представители. – Роль рабочего класса и коммунистической партии в антифашистском движении.

* Датируется по резолюции Г. Димитрова.

** Курсивом в документе выделены дополнения Димитрова, внесенные синим карандашом. 1-я тема «Уроки нашей истории» и 9-я – «Югославские добровольцы в России» Димитровым были перенесены в самый конец плана и им же перенумерованы.

Тема 5. Нападение Германии на Югославию

Причины войны. Причины быстрого поражения югославской армии. Попытка Германии натравить братские народы друг на друга. – Зверства немецких оккупантов. Бомбежка Белграда. Истребление словенцев. – Гитлеровская Германия – самый лютей враг югославских народов.

Тема 6. Создание так называемого независимого хорватского государства

Предательская национальная политика усташей. «Римские договоры» и продажа Далмации. – Продажа Меджумуря¹⁸. – Угнетение сербов в «новой Хорватии». – Хорватия – придаток и орудие гитлеровской Германии. Усташские организации – филиалы гитлеровских организаций.

Тема 7. Нападение гитлеровской Германии на СССР и отношение народов Югославии к этому нападению

Исконное братство с русским народом. – Почему народы Югославии снова взяли за оружие. – Уверенность народных масс в силе и несокрушимости Красной армии. – Роль СССР и Красной армии в национальном освобождении Югославии.

Тема 8. Народно-освободительная война народов Югославии

Массовые восстания. – Создание партизанских отрядов. – Создание Народно-освободительной армии. Единство тыла и фронта.

Тема 9. Народно-освободительная армия

Организация. Командный состав. Тактика и стратегия.

Тема 10. Народно-освободительное Антифашистское вече

Программа. Руководители. Сплочение всех демократических народных сил. – Конгресс в Бихаче. – Отклики в стране и среди югославской эмиграции в Америке на создание веча. – Подлинное единство и братство всех югославских народов. Народно-освободительные комитеты, на которые опирается вече. Антифашистский Союз женщин. – Антифашистский Союз молодежи. *Роль женщин и молодежи в народно-освободительной борьбе Югославии.*

Тема 11. Предательская роль сербской** реакции

Четники Михайловича и их борьба против объединенного народа. – *Прагматизм сербского Квислинга – генер[ала] Недича.*

¹⁸ Слово вписано вместо зачеркнутого «копия».

** «Сербской» вписано Димитровым вместо зачеркнутого «югославской».

Тема 12. Разбор отдельных операций Народно-освободительной армии
Форсирование Дрины. – Разоружение итальянской армии. – Взятие Тузлы. – Отражение 5-го наступления оккупантов. – *Нынешние бои против врага.*

Тема 13. Непрочность наемных войск Павелича и Недича
Переход домобранцев* на сторону Народно-освободительной армии. – Жандармская роль. – Изолированность от народа. – Полная зависимость от немецких оккупантов.

Тема 14. Уроки нашей истории
Иллирийское движение. – Наполеоновские войны. – Штросмайер. – Крестьянское движение за освобождение из-под гнета спахий и турецкого ига. – Национально-революционное движение в разных областях нынешней Югославии. Боснийское и Герцеговинское восстания. Роль гайдуков и ускоков (партизан) в освободительной борьбе.

Тема 15. Югославские добровольцы в России
Добровольческие полки в русско-прусской войне. – Югославские полки в Красной армии в 1917–1920 гг. – Образ героя Гражданской войны Дундича. – Нынешние добровольцы – наследники традиции и славы югославских добровольческих полков.

Резолюция наверху первого листа плана: «Тов. Белову. Исправьте и пошлите т. Жукову Г.С. 29.11.43».

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 598. Л. 43–46.
Подлинник с правкой Г. Димитрова;
Л. 38–42. Копия. Машинопись.

162–163

Записи, сделанные генерал-лейтенантом Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии Милованом Джиласом¹⁹ в Книге для почетных гостей советского посольства в Тегеране после концерта, данного советскими артистами для югославской военной миссии

11 апреля 1944 г.
г. Тегеран

* Домобранец, здесь – военнослужащий фашистской армии в Хорватии во время Второй мировой войны (серб.).

162

Руководиоцу бригаде В.Н. Аксѐнову²⁰

Бригада Московских истакнутих уметника, 11.IV 1944. године у совјетском посланству задивила је све нас својим иступом, тако да смо осећали извесну тугу што у нашој земљи и још нема таквих уметника – али нам је дала и полет и веру да ће и наши народи после победе над заједничким непријатељем подићи и културу своје земље угледајући се у мајсторство, идеју чистоју и народни дух великих совјетских уметника.

Генерал-лајтант НОВ и ПОЈ

Милован Јилас

163

Совјетском уметнику Всеволоду Николајевичу Аксѐнову као доказ на дубоких осећања које у мени изазвале речи које је он рекао на вечери у Совјетском посланству у Техерану 11.IV 1944. године.

Када је узео мисли, осећања и речи мога народа и рекао их у име совјетског народа и совјетских уметника.

Генерал-лајтант НОВ и ПОЈ

Милован Јилас

459

РГАЛИ. Ф. 2403. Оп. 1. Д. 209. Л. 1–1 об.
Копия. Машинопись.

164

Из стенограммы совещания замзавотделом Международной информации К ВКП(б) Д.З. Мануильского и зав. Управлением пропаганды и агитации К Г.А. Александрова²¹ с членом Верховного штаба НОАЮ Милованом Джиласом²² – о партизанском движении в Югославии против оккупантов

12 мая 1944 г.

Тов. Джилас: Еще до нападения Германии на Югославию нашей партии было известно, что отношения между Германией и Югославией обостряются. Тогда мы поставили вопрос о союзе с СССР. Это был основной вопрос, ибо мы

представляли это дело таким образом, что союз с СССР будет охранять независимость нашей страны²³. Германия уже вторглась в Румынию, Болгарию, поэтому ясно было, что Югославия не может остаться незанятой, и мы еще перед войной поставили вопрос о союзе с СССР. Этот лозунг у нас приняли хорошо, потому что все чувствовали национальную угрозу со стороны немцев, национальную опасность чувствовали.

Немцы напали на Югославию. Никакой серьезной борьбы не было, это был парадный марш. Немецкие войска прошли через Югославию торжественным маршем. Была незначительная часть легких танков, артиллерии было мало, но все-таки была. Никакого боя с немцами и итальянцами не было. Незначительные бои были у границ Черногории с итальянцами, и словенцы оказали незначительное сопротивление немцам на р. Драва. Это продолжалось несколько дней²⁴. Серьезного сопротивления немцам оказано не было. Предательство было развито сверху донизу. Правительство сбежало²⁵. Особенно хотел драться сербский народ, словенцы, черногорцы тоже хотели драться, у хорватов были пораженческие настроения, кроме рабочих в Загребе.

Наша ошибка состояла в том, что мы думали, что значительная часть офицерского состава, связанная с Генштабом, будет оказывать сопротивление немцам. Это оказалось неправильным. Они в большинстве оказались предателями. Еще перед войной у нас существовала связь с некоторыми офицерами, внутри армии [также] существовала партийная организация. Мы имели значительное влияние в некоторых гарнизонах.

Мануильский: Среди младшего офицерского состава или старшего?

Джилас: Как правило, среди младшего. Имели влияние в запасной офицерской школе и в других частях. Значительная часть наших членов партии была в армии, но во время войны, когда немцы быстро прорвались, так все изменилось, связь с членами партии, находившимися в армии, быстро потерялась, и мы не могли использовать то, что имелось. Мы считали, что Югославия будет сопротивляться месяц-полтора, что даст возможность укрепить и развернуть организации, связаться с людьми, но немцы быстро вошли. Мы сразу дали директиву, и наши члены партии на местах хорошо поняли, как надо работать во время этого распада. Мы организованно забирали винтовки, пулеметы (пушки невозможно было забирать) и прятали.

Мануильский: Население забирало?

Джилас: [Оно] тоже забирало, и мы забирали. Так, в Черногории мы успели забрать примерно 50 тыс. винтовок, 200 легких пулеметов, 5 млн патронов. Это было начало. Затем мы стали создавать наши военные комитеты²⁶ в больших городах и районах. В задачу военных комитетов входило: организовать

косяк – мелкие отряды, роты – подобрать командные кадры, оружие, узнать, где находятся вражеские гарнизоны, и вообще работать в этом направлении.

Через месяц после оккупации немцами Югославии нам было видно, что немцы идут против Советского Союза. Об этом нам рассказывали немецкие офицеры и солдаты. Правда, одни говорили, что будут идти на Россию, другие говорили, что не будут. Один немецкий генерал среди буржуазных элементов говорил, что будут идти на Советский Союз и [сделают это так же легко], как нож [входит] в масло.

Нужно отметить важный момент. В Белграде было построено два понтонных моста, так как железнодорожные были разрушены; один мост в направлении Будапешта, другой – в направлении Загреба. Эти два моста вели прямо на Румынию. Таким образом, немецкие моторизованные части шли в Румынию. Это было ясно, причем артиллерию, которую они взяли у югославской армии, перебрасывали по этой дороге, да и не только артиллерию. Они собрали по всей стране артиллерийские снаряды, их было очень много, и сосредоточили их в г. Смедерево²⁷ на Дунае, там есть крепость, расположенная в направлении к Румынии. Там произошел сильный взрыв.

Мануильский: Это дело ваших рук?

Джилас: Нет. Неизвестно, как это случилось. ЦК тоже не знает. Там весь город был разрушен.

Александров: В печати об этом ничего не было сказано.

Джилас: В начале войны в печати об этом проскальзывало.

Когда ТАСС сделал заявление перед войной о том, что будто бы немецкие войска на границе Советского Союза находятся, что это ложь, что этого желают враги Советского Союза и Германии, и когда немцы не опровергли это заявление ТАСС, то сразу стало ясно, что немцы пойдут против Советского Союза. Точно, когда немцы нападут на Советский Союз, не знали, но это чувствовалось.

Когда началась война с Советским Союзом, ЦК в это время был [уже] в Белграде²⁸, собрался нелегально. До этого немцы коммунистов не очень преследовали, не так сурово с ними обращались: поймут, посадят в тюрьму, а с этого дня начались преследования всех левых людей.

Александров: Кому-нибудь* удалось скрыться?

Джилас: Руководящие кадры были на нелегальном положении в городе.

Мануильский: Все были в городе?

Джилас: Нет, например, в Сербии мы еще перед войной знали, что имеется группа офицеров, которая на бумаге [разрабатывает планы] по созданию каких-то военных организаций; [сейчас эта группа] живет в лесах и скрывается от немцев; целью этой группы является не драться против немцев, а после

* В оригинале – «некоторому народу».

войны организовать власть так, чтобы коммунисты, которые будут участвовать в разгроме немцев, не [смогли бы] использовать [ее в свою пользу]. Мы поручили нашим партийным товарищам связаться с этой группой и узнать, чего хочет эта группа, что думает?

Были и крестьяне в лесах, которые боялись немцев, чтобы они их не перевезли в Германию как военнопленных. Поэтому, как только немцы входят в деревню, крестьяне убегают в лес. Это было в Сербии. Мы посылали туда своих партийных товарищей, чтобы они поработали с крестьянами. Такого рода военные организации перед войной Германии с СССР мы начали создавать.

Когда началась война [против СССР], мы организационно были значительно подготовлены. На бюро ЦК мы решили выпустить воззвание к народу²⁹, разъяснить, что надо бить немцев, перерезать коммуникации, организовывать диверсии, разрушать все и начинать борьбу с немцами. До этого воззвания мы в ЦК тоже решили провести разъяснение среди народа, чтобы не помогать немцам, саботировать их транспорт, чтобы крестьяне не работали на немцев, вели борьбу против них, чтобы военная индустрия тоже не работала на немцев.

Мануильский: Имели успех с этой пропагандой?

Джилас: Имели. Это была подготовительная работа, которая продолжалась два месяца, т.е. 6 апреля немцы напали на Югославию, а 22 июня – на Советский Союз. Затем мы организовали политический бойкот немцам, например, в кафе, на улицах не обращали никакого внимания на немцев, организовывали население против немцев. Перед войной мы на немецком языке выпускали листовки, в которых говорили немцам: «Зачем вы пришли в нашу страну?...» и [все] в этом роде. [...]

До** нападения Германии на Советский Союз мы стояли в Белграде и нервничали. Когда Германия напала на Советский Союз, мы собрали ЦК и решили послать людей в Черногорию, в Хорватию, чтобы там развернуть работу (в Черногории начались сборы 13 июля и продолжались дальше): в Сербии начались в июле месяце, в Боснии начались сразу бои, в Словении начались бои маленькими силами, тоже сразу, устраивали засады на дорогах, взрывали поезда и т.д.³⁰

Надо сказать о борьбе всего народа под руководством коммунистов против усташей. Усташа – это фашистская организация Павелича³¹, очень свирепая.

Мануильский: Главным образом в Хорватии.

Александров: Эта националистическая фашистская организация, массовая организация?

* Опущены две фразы о пренебрежительной реакции немцев на эти листовки.

** Вписано Милованом Джиласом вместо зачеркнутого «после».

Джилас: У них всего насчитывалось 70 тыс. Это одновременно была военная организация, например, как чернорубашечники в Италии³². По всей стране их тысяч 70. Павелич партии не имеет, он имеет только эту военную организацию.

Мануильский: Какой социальный состав этих усташей?

Джилас: Большинство молодежи, обыкновенно из люмпенских элементов городов и деревень. Есть часть крестьянской бедноты.

Александров: Продажные?

Джилас: Трудно определить, социальный состав очень пестрый. Имеется значительная часть студентов, мелкобуржуазной интеллигенции. Их было около 70 тыс., сейчас осталось тысяч 20–25.

Александров: Народ не идет к ним?

Джилас: Сейчас особенно не идет. Они оказались страшно жестокими*, уничтожали целые районы сербского населения. [...]** Там было убито несколько видных товарищей, партийная организация была ослаблена.

Мануильский: Сейчас все восстановлено?

Джилас: Сейчас там опять есть партийная организация, работает делегат ЦК.

Восстание шло, в общем, хорошо. Еще с самого начала войны нам на пути борьбы против оккупантов встал государственный аппарат – жандармерия.

Александров: Полицейский аппарат сохранился, и немцы его не трогали?

Джилас: Этот аппарат, который был в Хорватии раньше, переселился в Сербию, все пришли в Сербию, и этот аппарат встал у нас на пути. Например, если мы делали засаду, то жандармерия, [узнав об этом], сообщала немцам. Поэтому отношения с этим аппаратом начали обостряться. Еще такой пример. Когда немцы пришли, они начали контролировать по книгам, сколько у крестьян земли, сколько продукции, чтобы взять хлеб, т.к. они должны регулировать распределение продуктов; тогда мы начали сжигать все вместе с этими книгами, чтобы немцы не имели контроля. Жандармерия начала поднимать винтовки, оказывать нам сопротивление, отбирать у нас оружие, которое нам было необходимо для борьбы с немцами.

Таким образом тогда действовал Недич, который работал с немцами. Он не имел организованных сил, имел в основном эту жандармерию.

Мануильский: Какую роль в прошлом играл Недич?

Джилас: Он всегда был ближе к немцам, в политике не был известен. Он был военным министром Югославии, а потом его отстранили.

Мануильский: Он, вероятно, стал немецким шпионом?

* В оригинале – «суровыми».

** Опущен текст о начальном этапе борьбы с фашистами в Словении, Черногории, Македонии и Болгарии.

Джилас: Это известно. У него есть брат [Милутин] – генерал армии³³. *Недич*^{*} командовал во время [мировой] войны, о нем знали еще раньше, что он сторонник Германии. Во время войны ему все-таки дали одну армию, но он ее сдал немцам.

Драже Михайлович был профессором** тактики в генштабной школе, он полковник.

Мануильский: Как военный он способный?

Джилас: Тот, кто у него учился, говорит, что как профессор он неплохой. Сейчас, во время войны с нами, он военных качеств не обнаруживает.

Александров: Как он всплыл, как появился?

Джилас: Третья группировка в Сербии была Дражи Михайловича. Михайлович считал себя врагом немцев, но он говорил, что время для борьбы не пришло. Немцы применяют суровые репрессии против населения, а он говорит, что время не пришло для борьбы, что, если будем сейчас драться, мы уничтожим Сербию, поэтому должны ждать, когда союзники высадятся на Балканах. Начались вражда, политическая спекуляция, которая на практике показала, когда стали драться с немцами, что это деморализовало население, и сразу же натолкнулись на эту же линию Недича. Недич тоже говорил, что нам нужно быть друзьями с немцами и не надо толкать Сербию в огонь и кровь. *В теории Дража* являлся сторонником англичан, *а на деле – немцев*. Когда началась война с немцами, он не мог остаться нейтральным, начал создавать свою военную организацию. Отношения между нами и Михайловичем были трудные от начала.

Мануильский: Враждебные?

Джилас: Нет, но трудные. Немецко-фашистские элементы находили защиту у Михайловича. Они ночью убивали наших незаметно, а где и заметно. *Он имел связь в кругах, [вращающихся] около Недича. [...]*^{***}

В Белграде был создан Генштаб³⁴ во главе с Тито. [Началось] серьезное преследование, немцы арестовали массу людей. В Белграде оставаться долго и работать было нельзя, потому что был большой контроль, и ЦК выехал из Белграда в конце августа или начале сентября.

Мануильский: Перебрались в партизанские отряды?

Джилас: Да. Там все было подготовлено, [уже] существовала часть освобожденных [от немцев] районов. Когда перебрались, решили создать освобожденную территорию, выгнать немцев из юго-западной части Сербии. Так и сделали. [Освободили] Ужицу, Чачак, Лозницу и ряд других городов. Таким

* Курсивом выделена правка М. Джиласа, сделанная от руки карандашом.

** В сербском языке профессор и преподаватель – синонимы.

*** Опущены три предложения, касающиеся конфликта, возникшего у Дражи Михайловича с одним из его бойцов.

образом, имели значительную свободную территорию³⁵. В это время и в Черногории существовала освобожденная территория, и в Боснии тоже. В Герцеговине еще не было поднято восстание, но с помощью Компартии начали создаваться отряды.

Мануильский: С кем был ваш офицерский корпус?

Джилас: Известная часть этого офицерского корпуса находится у нас.

Мануильский: Младшие офицеры?

Джилас: Младшие. Генерала нет ни одного. Есть полковники и то редко. Обыкновенно капитаны, младший офицерский состав. По сравнению с Михайловичем мы имеем незначительную часть. Основная часть у Дражи Михайловича и Недича, часть у Павелича, часть в плену в Германии. В Германии находятся в основном запасные офицеры. Мы два раза пробовали лично с Михайловичем заключить соглашение.

Мануильский: В какое время это было?

Джилас: В сентябре месяце 1941 г.^{*} Мы хотели заключить соглашение, чтобы объединить это движение.

Мануильский: Лично с ним вел переговоры Тито?

Джилас: Переговоры вели два товарища. *Тито и еще один*³⁶. И с ними 5–6 человек. Больше никого не было. У них [четников] были большие силы.

Мануильский: Рискованная операция.

Джилас: У нас были разногласия по вопросу о том, какая будет власть на освобожденной территории. Мы считали, что власть не должна принадлежать старому полицейскому аппарату, а должна быть выбрана из народа, [что надо] создать народно-освободительный комитет.

Мануильский: От идеи советской власти с самого начала отказались?

Джилас: Отказались. И было бы смешно говорить о советской власти в такой период войны.

Мануильский: Это оттолкнуло бы народ.

Джилас: Оттолкнуло бы массы от национального движения. У нас были в отдельных районах левые загибы, но речь идет о линии в целом.

Таким образом, наше предложение Михайловичу сводилось к тому, чтобы создать народно-освободительный комитет, создать одну армию, причем наши не настаивали^{**} в вопросе о том, кто возглавит^{***} верховное командование – Михайлович или кто другой. Это не было вопросом разногласий. Наши считали, что штаб должен быть один: несколько наших людей и несколько от Михайловича. Потом, на освобожденной территории, – с этим тоже не согласился Михайлович – наши предлагали создать координационный штаб, послать наших

^{*} 1942 г. исправлен Джиласом на 1941.

^{**} В оригинале – «не мешали Михайловичу».

^{***} В оригинале – «будет иметь».

офицеров для связи, и чтобы Дража Михайлович дал своим людям распоряжение участвовать в борьбе.

Мануильский: Сколько приблизительно в сентябре 1941 г. было вообще вооруженного народа [у вас] и сколько у Михайловича?

Джилас: Трудно сказать в целом по стране, потому что движение быстро росло и спадало. В Сербии примерно 15 тыс. партизан, и все имели оружие. Михайлович, может быть, имел 2–2,5 тыс., а может быть, и меньше, но он успел мобилизовать [население], и самое большое у него было 5–6 тыс. Наши отряды были разбросаны по всей Сербии.

Мануильский: Движение началось в Сербии?

Джилас: Хорошо организованное движение – в Сербии.

Мануильский: Чем объяснить, что Сербию потеряли? Сербия для вас и сейчас проблема.

Джилас: Как проходила мобилизация? В каждом освобожденном городе, по соглашению, было наше командование и командование Михайловича, каждое мобилизовывало где и кого хочет. Как они работали? Четники, например, говорили крестьянину, что ты солдат короля Петра, ты дал присягу, если ты пойдешь в партизаны, тебя сейчас же мобилизуют, а если войдешь в нашу партию, то будешь сидеть дома и ожидать, когда мы тебя найдем нужным призвать. Это нравилось крестьянам. А мы организовывали людей только на добровольной основе, кто хотел пойти в партизаны. Конечно, крестьян больше устраивало сидеть дома и ждать.

В сентябре месяце появился* английский офицер с двумя нашими капитанами. Они приплыли** на подводной лодке к берегу Черногории и заявили, что хотят идти в Сербию³⁷. Мы их приняли хорошо. Они пожелали идти к Михайловичу, [куда мы] их проводили, перебросили. В это время столкновения уже начались. До этого времени в Восточной Боснии дрались с усташами и все были едины. Потом – одни [стали] драться с нами, другие – против немцев, третьи были нейтральными, четвертые грабили крестьян, и только организованной силой были партизаны в Сербии.

Мы освободили один район, забрали фабрику и сразу организовали работу³⁸. В банке взяли 45 млн руб.^{***} Там был филиал национального банка. Мы согласились дать Михайловичу денег, винтовки, патроны и своих людей. Мы дали ему 5 тыс. винтовок, патронов. *Деньги*, не знаю, дали ли, но было соглашение дать 5 млн динаров. Несмотря на это, они все время останавливали наши поезда, отнимали у наших людей винтовки, разоружали партизан.

* В оригинале – «пришел».

** В оригинале – «подъехали».

*** Так в тексте.

Александров: Отношения с Михайловичем обострились?

Джилас: Да. По-моему, этот [английский] офицер привез инструкцию, потому что сразу после этого началась популяризация Михайловича как национального героя.

В сентябре или октябре месяце мы уже созвали Совет партизанских командиров Югославии и Сербии по обмену опытом по ряду вопросов, как то: о необходимости иметь знамя и по другим политическим вопросам. Это дало серьезные результаты. На этом совещании был создан Верховный штаб. Решено было создать его в Сербии. Там начали издаваться брошюры, газеты и *орган борьбы Коммунистической партии [газета] «Борба»*.

Наши узнали, что Михайлович готовит нападение и что он начал мобилизацию крестьян под лозунгом драться против усташей, которые уничтожают сербов. Все это они делали тайно, но наши узнали. Поэтому нам пришлось некоторые отряды, которые были удалены, приблизить на всякий случай.

Особенно обострились отношения, когда в одном городе они убили коменданта нашего *отряда*.

Мануильский: Это в каком месяце?

Джилас: В конце октября.

Мануильский: Когда началась война, когда открыто начали драться?

Джилас: В конце октября.

Александров: Они осуществили нападение на вас?

Джилас: Осуществили³⁹. Мы узнали о готовящемся нападении, поэтому некоторые отряды, которые были в [глубине] Сербии, мы решили [сконцентрировать в одном месте]^{*} на тот случай, если четники нападут, чтобы мы могли дать им битву. Когда они пошли в наступление, то мы их разгромили, и от них ничего не осталось. Партизаны их гнали до штаба Михайловича, где у них оставалось несколько деревень, которые потом были окружены. Тогда Дража Михайлович, и англичанин тоже, [стали] говорить – не надо драться между собой. Это остановило наше наступление. Тито поставил^{**} условие создать комиссию, виновников привлечь к ответственности. Наступление было остановлено, но у населения [осталось]^{***} тяжелое впечатление.

Александров: Друг с другом стали драться.

Джилас: У нас было свыше 100 пленных офицеров Михайловича. Мы долго дискутировали, потом *Тито* решил отпустить их, чтобы не обострять вопроса.

Мануильский: Связь в итальянской армии имели?

^{*} В оригинале – «приблизить».

^{**} В оригинале – «дал».

^{***} В оригинале – «было».

Джилас: Имели для разведки офицеров, но серьезной работы не вели. Мы взяли в плен много итальянцев, но не помню, чтобы нашли [среди них] хотя бы одного члена Итальянской компартии.

Мануильский: Что с пленными делали?

Джилас: Немцев расстреливали, итальянцев нет.

Мануильский: Итальянцы меньше свирепствовали?

Джилас: Трудно сказать, [но] все-таки меньше. Свирепствовали итальянские чернорубашечники. Такая сволочь есть в каждой армии.

Мануильский: Вы считали^{*}, что Михайлович связан с немцами [и] англичанами?

Джилас: Прямо сказать нельзя, есть заявления отдельных людей.

Мануильский: Не подсказал ли этот [английский] гость план нападения [четников на партизан], а потом выступил в качестве примирителя?

Джилас: Может быть, он знал все это. После этого нападения он приехал к нам в Верховный штаб. Он чувствовал, что он английский офицер и ему ничего не будет сделано. Но ему все было ясно. Одновременно с этим немцы начали огромное наступление четырех дивизий против нас. Мы только покончили с Михайловичем⁴⁰, а немцы уже пошли на нас. Мне кажется, что немцы [думали]**, что Михайлович держится крепко, а мы покончили с ним в несколько дней.

Мануильский: Что, его солдаты плохо сражались?

Джилас: Это были крестьяне, мобилизованные в большинстве для борьбы с устахами. Они встретились с партизанами и не хотели сражаться.

Мануильский: Были случаи перехода на вашу сторону?

Джилас: Наши разбили их, взяли в плен *только* у г. Ужице 600^{***} человек и [от]пустили домой этих крестьян. Взяли значительную часть офицеров и тоже отпустили.

Когда немцы пошли в наступление, офицеры Михайловича бросили лозунг легализоваться⁴¹, т.к. немцы все, что находили в лесах, уничтожали.

Михайлович своей собственной армии не имеет, может быть, [есть] отдельные группы, но по существу его армия сейчас влилась в армию Недича. Михайлович живет там полулегально.

Мануильский: Немцы знают, где он?

Джилас: Наверное, знают. Они знают, где он живет, и его не трогают, а если узнают, где находится партизанский отряд, приходят 10–15 штурмовиков и расправляются.

Мануильский: Всех [партизан] вывели из Сербии?

Джилас: Вывели. Это было приблизительно в конце декабря месяца [1941 г.].

^{*} Подчеркнуто Джиласом.

^{**} В оригинале – «ожидали».

^{***} Цифра 300 человек, взятых в плен, исправлена была Джиласом на 600.

Мануильский: Когда мы уже начали свое наступление?⁴²

Джилас: А мы свое отступление.

Мануильский: В самое тяжелое время, когда немцы двигались на Москву, какое у вас было настроение?

Джилас: Хорошее. Мы были уверены, что Москву не возьмут.

Мануильский: Почему у вас была такая уверенность?

Джилас: Это трудно сказать. Я никогда не сомневался, что Россия не может пасть. Если коммунист говорит крестьянину, что война будет год и кончится, то крестьянин говорил, что Россия пасть не может, – это я знаю, но война может быть больше года. Коммунисты не сомневались и народ не сомневался, что Россия не падет.

Я помню, мы слушали по радио вашу речь⁴³. Это было в лесу, Тито был. Тогда шли бои под Сталинградом, и вы сказали, что не отдадим немцам Сталинград. Мы говорили – раз большевики сказали, что не отдадут, значит, не отдадут. Ваша речь была напечатана, пользовалась огромной популярностью, и все говорили, что [немцы] Сталинград не возьмут.

Александров: Сведения регулярно шли отсюда, знали о положении дел на фронте?

Джилас: Все знали.

Мануильский: Вы Москву слушаете регулярно?

Джилас: Больше «Свободную Югославию» и Лондон.

Мануильский: Они принимают наши передачи и передают на «Свободную Югославию».

Джилас: Даже и Михайлович говорил, что Россия не пропадет. Когда мы с ним еще не сталкивались, он говорил, что в России, может быть, будет не совсем большевистский режим, а демократический, но немцы Россию не возьмут. В этом смысле он высказывался.

Мануильский: Куда вы двинулись?

Джилас: В Восточную Боснию. Когда мы смотрим назад, мы считаем, что допустили серьезную ошибку – не вывели крупные партизанские отряды из Сербии.

Александров: Это армия, которую надо было сохранить.

Джилас: Мы считали, что партизаны успеют отступить*, но немцы бросили крупные силы. Недич помогал подавлять народ. Наши находились в лесу, питания не было. Незначительная часть спаслась, [почти] все погибли. Из 1500 человек *Валевского отряда*⁴⁴ спаслось человек 100.

Мануильский: Вы считаете ошибкой, что не вывели крупные части?

Джилас: Ошибкой. Наши военные признают это. Гражданская война разбивается, причем идет под лозунгом не против союзников, даже не против Советского Союза, а против коммунистов.

* В стенограмме: «могут двигаться».

Александров: Это дело рук немцев.

Джилас: Ясно.

Александров: Сколько осталось примерно вооруженных людей?

Джилас: Несколько тысяч не погибло, примерно 5 тыс. Значительная часть разошлась по домам, часть немцы взяли в плен.

Мануильский: Немцы расстреливают партизан?

Джилас: Как правило, расстреливают. Когда на нас напал Михайлович, не все партизанские отряды знали, что началась вражда между нами, поэтому в тех районах, где не была налажена быстро связь, Михайловичу удалось в одном месте разоружить 300 партизан. Политкомиссар заявил, что этого не может быть, между нами и Михайловичем есть договор. Но их всех разоружили и передали немцам, которые всех расстреляли. Пользуясь неясным положением, комиссар допустил большую политическую ошибку. Конечно, его расстреляли.

Когда мы пришли в Черногорию, все эти люди, которые говорили, что еще не наступило время, начали вести предательскую работу. То же самое в Восточной Боснии, когда началось наступление на нас с помощью итальянцев. Это был самый тяжелый период для нас – весна 1942 г. – в политическом отношении. Весна 1942 г. – это не был трудный период в политическом отношении, он был трудным в военном отношении. Немцы успели окружить нашу ударную группировку во главе с Верховным штабом.

Мануильский: Весной 1942 г. приблизительно в каком районе окружили?

Джилас: Не успели окружить, только гнали.

Мануильский: Какими родами войск [немцы] действуют? Моторизованными частями действуют?

Джилас: Моторизованными частями редко, обыкновенно пехотой с помощью танков.

Мануильский: Противотанковые ружья у вас были?

Джилас: Были сербские и немецкие, [но] это против «тигров» слабо.

Мануильский: Горная артиллерия есть?

Джилас: Есть. Гаубицы есть. Зенитной артиллерии нет, зенитных пулеметов тоже нет.

Когда началось наступление Михайловича на нас, мы создали 1-ю Пролетарскую бригаду, затем 2, 3, 4, 5-ю и т.д.⁴⁵ Эти бригады оказались образцовыми.

Мануильский: Из кого они состояли?

Джилас: 1-я сербская бригада состояла в большинстве из рабочих, 2-я – тоже, потом – разные: часть рабочих, часть крестьян.

Александров: Вы проводили мобилизацию?

Джилас: Принудительную мобилизацию не проводили.

Мануильский: Как решали вопрос со снабжением продовольствием?

Джилас: У нас основной принцип – добровольность, но организована эта работа крепко, вокруг сбора продуктов развертываются пропаганда и агитация. Когда этого не хватает, проводим реквизицию.

Мануильский: Население не ропщет?

Джилас: Где наши крепко работают, там население не ропщет.

Мануильский: У вас немцы резали население?

Джилас: Резали.

Мануильский: Итальянцы резали?

Джилас: Итальянцы [вы]резали обыкновенно мужское население. Усташи особенно много резали. Четники тоже резали, особенно мусульманское и всякое другое население. Сколькo вырезали всего населения, трудно сказать. Партизан, [которые были] под командованием *Тито*, погибло свыше 100 тыс., партийных работников погибло свыше 10 тыс.

Мануильский: В боях погибли?

Джилас: Не только в боях, часть расстреляли. Населения погибло приблизительно свыше 1 млн.

Мануильский: Сколькo погибло от рук врага, сколькo от агентов?

Джилас: Больше от врага. Сколькo, сказать трудно. Самые хорошие наши работники погибли в боях с Михайловичем, потому что его люди имели возможность заходить в тыл.

Мануильский: Как вы решаете проблему с ранеными?

Джилас: Те раненые, которые могут передвигаться во время вражеского наступления, идут с армией. Для тяжелораненых под землей создавали госпитали, причем хорошо замаскированные. С ними остается обслуживающий персонал, главным образом члены партии и комсомольцы – врачи и медсестры. Раненые находятся в таком госпитале дней 10. Как только кончается наступление, они оттуда выходят. В тех районах, где нельзя организовать такие госпитали, раненые живут в деревнях.

Мануильский: Часто такие госпитали проваливались?

Джилас: Нет. Раненые редко попадают [к] врагу. Было два случая. Когда отступали от Сербии, 120 человек погибло.

Мануильский: Как с медперсоналом?

Джилас: Мало специалистов. У нас есть школы медсестер, девушки идут охотно.

Мануильский: Женщины участвуют активно, как бойцы?

Джилас: Участвуют, но мало. Раньше, когда были в партизанских отрядах, участвовали. Как правило, женщины на вспомогательных работах используются. Есть и офицеры-женщины. Сейчас в Югославии, если с военной точки зрения характеризовать, положение неплохое.

Мануильский: С перспективой на улучшение?

Джилас: Армия все время растет, но для того, чтобы развернуть крупные операции, и чтобы освобожденные районы можно было окончательно закрепить, чтобы враг не мог их занять, нужно тяжелое вооружение.

Мануильский: Вы сейчас фактически ведете оборонительную войну?

Джилас: Есть и наступательные бои, но нам нужно вооружение.

Мануильский: С городами в тылу связаны?

Джилас: Связаны, особенно с большими городами. Существуют небольшие партийные организации. Крупные организации возможно организовать, но опасно. Люди идут в партию.

Мануильский: Сколько у вас членов партии?

Джилас: Свыше 40 тыс.

Мануильский: Комсомольцы* у вас есть?

Джилас: Свыше 100 тыс.

Мануильский: Из 40 тыс. большинство крестьян?

Джилас: В большинстве крестьянская беднота.

Мануильский: Как решаете проблему с кадрами?

Джилас: Готовим на кратких партийных курсах – месяц-полтора. Проходят «Вопросы ленинизма». Вспомогательная литература – «История ВКП(б)». В армии созданы кружки. Самая любимая книга – «История ВКП(б)».

Мануильский: Возрастной состав парторганизации?

Джилас: Большинство 20–30-летние. В армии членов партии примерно 25 тыс., остальные в тылу.

Мануильский: У вас система комиссаров есть?

Джилас: Да.

Мануильский: Проблему офицерских кадров как решили?

Джилас: Есть офицерская школа, где проходят теоретические вопросы. Она рассчитана на месяц-полтора. Если [кто-либо] окончит школу, никакого звания не получает**.

Мануильский: Сколько у вас газет?

Джилас: Трудно сказать, около 100, большинство мелких. Центральная газета «Борьба» сейчас не выходит, нет хорошей типографии. У нас центральный орган «Борьба» и «Пролетер». «Пролетер» выходит редко, чаще и не нужно, потому что это партийный орган, когда нам нужно что сказать, мы его выпускаем***. Бумагу достаем таким образом: когда занимаем город, берем бумагу, если она принадлежит врагу, дело ясное, если типографии – платим.

* Надписано Джиласом вместо зачеркнутого «комиссары».

** Предложение было отредактировано Джиласом: слово «звания» вписано вместо зачеркнутого «чина» и зачеркнут конец фразы «пока в бою не был».

*** Это предложение переставлено нами, т.к., по-видимому, произошел сбой при перепечатке стенограммы. В документе оно было помещено после фразы, вписанной Милованом Джиласом, объясняющей решения АВНОЮ. См. конец документа.

Мануильский: Динарами платите?

Джилас: Зависит от района.

Мануильский: Свои деньги есть?

Джилас: Нет, только облигации займов.

Мануильский: Имеете 100 газет, какой [у них] тираж?

Джилас: Трудно сказать. По формату – начиная от тетрадок и кончая вашей центральной газетой. У нас есть свой человек, партийный работник в Загребе, который организует доставку бумаги, но вообще с бумагой плохо. С типографиями в Хорватии хорошо.

Мануильский: С литературными силами как?

Джилас: В Словении хорошо. В ЦК плохо с этим, потому что Верховному штабу приходится передвигаться в трудных условиях, плохо с питанием и т.д., а в Хорватии условия хорошие, там есть журналисты, видные писатели. Все, что хорошее, – на нашей стороне.

Александров: Сейчас влияние Михайловича в народе незначительное?

Джилас: Влияние Михайловича неопасно, опасно то, что он может являться центральной фигурой. Сейчас устали убедиться, что немцы проиграли войну, и им надо спасать свою жизнь, поэтому они сплачиваются с Михайловичем, потому что Михайлович опирается на круги Англии и Америки. В этом смысле он опасен. Его армия – самая плохая армия в Югославии, потому что не имеет программы.

Александров: С королем покончено?

Джилас: [Покончено]**. *Объясняет решения АВНОЮ*⁴⁶.

Мануильский: Каково ваше влияние на рабочий класс?

Джилас: Кроме нас, другой партии серьезной у рабочего класса нет.

Мануильский: Профсоюзов нет?

Джилас: Нет.

Помета Милована Джиласа красным карандашом под стенограммой: «Точно все не написано».

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 607. Л. 22–42.

Стенограмма. Машинопись с правкой Джиласа;

Л. 1–21. Копия. Машинопись.

⁴⁶ В оригинале «собираются вместе».

** Вместо слова «покончено» Джиласом была вписана публикуемая фраза.

165

Телеграмма И.В. Сталина премьер-министру королевского правительства в Лондоне Ивану “убашичу”⁴⁷ с благодарностью за приветствие по случаю вступления Красной армии на территорию Югославии

30 сентября 1944 г.

Ваше приветствие от 7 сентября по случаю вступления Красной армии на территорию Югославии получил. Я не мог ответить тотчас же, так как Красная армия в то время не думала еще вступать на территорию Югославии. Теперь, когда с разрешения Национального комитета освобождения Югославии⁴⁸ Красная армия переступила границу Югославии и вступила на территорию последней, хочу выразить Вам благодарность за Ваше теплое приветствие.

Разрешите пожелать Вам успеха в Вашем деле и полного освобождения Югославии от немецкого гнета.

И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 847. Л. 40.
Копия. Машинопись.

474

166–169

Письма члена советской военной миссии в Югославии майора В.Н. Гаврикова⁴⁹ жене и дочери из освобожденного от немецко-фашистских войск Белграда

30 октября – 26 ноября 1944 г.
г. Белград

166

30 октября

Здравствуй, моя милая!

Пишу из Белграда – столицы братской для нас республики. Жив, здоров, чувствую себя хорошо. Поздравляю с наступающим праздником 27-й годов-

щины Великой Октябрьской социалистической революции, а также с радостным событием для москвичей – снятием светомаскировки. Я помню, что этого момента ты всегда ждала с нетерпением. [...]*

За меня совершенно не беспокойся. Живу хорошо, много интересного и полезного для меня встретил я в Югославии. Живу среди наших друзей, которые вместе с КА рука об руку дерутся против немецких захватчиков. [...]

Целую всех вас, а дочку целую много, много раз.

Остаюсь любящий вас

Вася

167

Не ранее 30 октября**

Здравствуйте, мои дорогие, милые!!!

Поздравляю Вас с 27-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и желаю всем Вам здоровья и всяческого благополучия.

Очень жалею, что эту дату я не могу отпраздновать вместе с Вами, но и здесь, далеко от Вас, в другой стране, я помню о Вас.

Здесь почти как дома. Всюду встречают приветливые, улыбающиеся лица мужчин, женщин, детей. Дети особенно понимают и любят Красную армию. Везде и всюду мелькают красные звездочки. Звездочки – на головных уборах, на груди, на автомашинах, на стенах домов, тротуарах.

Только два месяца прошло, как я выбыл из Москвы, но этот период дал понять, как дорога родина, как прекрасна Москва и какую притягательную силу она имеет для всех людей. [...]

Еще раз поздравляю с праздником и желаю здоровья.

Целую мою доченьку крепко, крепко и жду от нее письма. [...]

В.

* Во всех публикуемых пяти письмах опущены детали личного характера, касающиеся непосредственно семьи В.Н. Гаврикова.

** Письмо без даты. Датируется условно, по предыдущему письму из Белграда.

Не ранее 30 октября – не позднее 4 ноября*

Здравствуй, милая!

[...] Ты упрекаешь меня, что я не о всем пишу и что письма сухие. Это возможно, т.к. не все можно писать в условиях, в каких я нахожусь, и кроме того, перечислять все, что я тебе посылаю, даже неудобно, если письма могут проходить какой-либо контроль. [...]

Работы, дорогая, очень много, и кроме того, я попал в совершенно новую обстановку. Но интересного и полезного столько, что вряд ли кто в жизни может все это пережить. Каждый день переживаю трогательные моменты зарождения новой Югославии. Посылаю карточку вождя югославского народа маршала Иосифа** Броз Тито, которого не только видел и вижу, но и с которым разговаривал, что трудно забыть.

Дорогая Кируся! Надеюсь, что скоро увидимся. Как только наладится жизнь, ты должна приехать ко мне вместе с Ирочкой. Для тебя это будет так же интересно и полезно.

Привет всем другови. Мою милую дочку обнимаю и целую тысячу раз.

Остаюсь любящий Вас отец и муж,

В.

Привет всем в квартире.

476

26 ноября

Здравствуйте, мои дорогие!!!

[...] Дорогая Кируся! Жизнь в Югославии, в частности Белграде, совсем другая, чем в Крайово, Бухаресте и других районах Румынии, где мне пришлось быть. Румыния – это боярская страна, страна небольшой кучки богатых и громадного числа нищеты. Так как я и мои друзья имели кое-какие средства, то мы могли кое-что купить, а в Белграде почти ничего нет. Этот город затронут войной почти так же, как Воронеж, Ростов, Харьков, Киев и другие наши города. Все очень дорого, но народ – герой, народ верит в прекрасное будущее, и, я думаю, скоро оно настанет. Город возрождается быстро, и, я думаю, к Вашему приезду, а это будет обязательно и к этому ты должна быть готова, т.е.

* Датируется по следующему письму (не публикуется), написанному 4 ноября 1944 г.

** Так в документе.

быть настроена на путешествие вместе с дочкой. К этому времени в Белграде будет русская школа и Ирочка будет, конечно, учиться. Жить в Белграде будет, конечно, легче, чем в Москве, т.к. получаемая мною зарплата дает право на приличную жизнь за границей. При желании и ты будешь работать, но не по своей специальности. [...]

Пальто себе не купил, и пока в Белграде это сделать невозможно. Учти, что здесь не Румыния. Югославия была очень богатая страна, красивая страна, но сейчас здесь прошла неумолимая война, и в Белграде 3 года хозяйничали немцы. На улицах города еще много разбитых советских и немецких танков, чувствуется еще дыхание войны, еще много свежих могил наших доблестных бойцов и офицеров и партизан.

Работаю очень много, жизнь очень и очень скучная, и долго жить одному нельзя. Вопрос о приезде семей к нам стоит очень серьезно. И очевидно, временем для приезда явится весна 1945 г. Жить будет скучновато, так как не всегда будет удобно вести себя так, как это мы все делаем в нашей родной Москве. Здесь для иностранцев (т.е. для нас) есть определенные правила, которые нужно неуклонно выполнять, чтобы быть достойным гражданином своей родины.

Кира! Я очень прошу тебя еще раз прислать фотокарточку Ирочки вместе с тобой. Представь себе, я имею фото, где Ирочке 4 года 3 месяца.

Кируся! Не обижайся, что пишу несвязно, голова забита очень многими и очень важными вопросами, которые я еще никогда не встречал. Все приходится делать, осваивать, изучать заново. И не скрою, работать очень трудно. Несмотря на это, я очень поправился, пожалуй, лучше, чем когда-либо. Если не ошибаюсь, прибавил в весе 5–6 кг. Питаюсь хорошо, но фруктов ем меньше, чем в Румынии. Здесь в свободной продаже до сего времени имеются яблоки, груши, виноград. Виноград сейчас стоит 360 динаров, т.е. 3 руб. 60 коп. килограмм, очень много хорошего виноградного вина.

В Белграде постепенно открываются магазины. Модная большая сумка (кожаная, красивая) стоит 18 тыс. динаров, т.е. 180 руб., раньше, т.е. до 1940 г., она стоила в Белграде 500–600 динаров. Ботинки раньше стоили 120–130 динаров, сейчас 12–15 тыс. динаров. Но это, конечно, временное явление, и скоро всего будет много, т.к. Югославия маленькая страна и ее насытить товарами легко, но народ терпеливый, как и наши ленинградцы, москвичи, уральцы.

Дорогая! Испытываю большое удовлетворение, что я попал в Югославию и, чем могу, помогаю нашему братскому прекрасному народу. Здесь чувствуешь себя как дома. Везде, где бываешь, слышишь только одно: «Здрaво, друже» (Здравствуй, товарищ). Все стены домов города имеют надписи «Живео маршал Сталин» (Да здравствует маршал Сталин), «Живео Црвена армија» (Да здравств[вует] Красная армия), «Живео братске русский народ», «Живео маршал Југославије друг Тито» и т.д.

Пока все. Целую всех вас. Целую маму, т[етю] Соню, и всем большой привет. Привет всем по квартире.

Мою милую дочку целую тысячу раз и с нетерпением жду ее в Югославию. Здесь она будет много кушать фруктов, в частности, винограда.

Передай ей мое письмо.

Остаюсь любящий Вас

Вася

P.S. Я изучаю с профессором сербский язык. Очень мало говорю. Читаю свободно и понимаю. До виджения^{*}, мои милые.

Посылаю газеты, которые выходят в Белграде после его освобождения. По ним можно судить, что такое Югославия^{**}.

ЦГА Москвы. Ф. Л-290. Оп. 1. У.д. 8^{***}.
Автографы.

170

Информация Таганского РК ВКП(б) в МГК ВКП(б) о проведении бесед и митингов на предприятиях района в связи с подписанием Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией⁵⁰

13 апреля 1945 г.

С большим удовлетворением встретил сообщение о заключении советско-югославского договора коллектив 1-го ГПЗ. Днем в цехах прошли беседы, на которых рабочие выражали большую радость по поводу этого события и заявляли, что будут работать еще лучше, чем раньше. Стахановец, кузнец Гончаренко, сказал: «Договор с Югославией будет способствовать быстрейшему разгрому врага и поможет быстрее восстановить народное хозяйство после войны. Югославский народ показал себя в войне мужественным и непреклонным. Дружба с этим народом является правильным делом, вот почему этот договор воодушевляет нас на новые трудовые дела. Сегодня за смену я дам еще больше продукции, чем за прошлый день». Выполняя свое обязательство, т. Гончаренко выполнил норму на 163%.

Вечером и ночью на заводе прошли митинги (11 митингов^{****}), которыми было охвачено 5200^{*****} человек. Один за другим выступали стахановцы, привет-

^{*} Довиђења – до свидания (серб.).

^{**} Продолжение переписки см. док. № 173 от 7 мая 1945 г.

^{***} Номер дела указан условно, т.к. личный фонд В.Н. Гаврикова находится в обработке. По этой же причине не указываются номера листов.

^{****} Курсивом здесь и далее в документе выделены слова, вписанные рукой зав. отделом пропаганды и агитации Таганского райкома партии О. Кремневой.

^{*****} Вписано вместо напечатанного ранее 4800.

ствуя советское правительство и лично т. Сталина, и брали на себя повышенные дополнительные обязательства.

Бригадир молодежно-фронтовой бригады механического цеха № 2 т. Барановская сказала: «Я знаю, что выражу мнение всего коллектива, если скажу, что мы, рабочие, приветствуем от всей души наше правительство и лично т. Сталина за его мудрую политику, обеспечившую нам победу. Дружба советского народа с Югославией поможет быстрее разгромить врага. Я беру на себя обязательство выполнять план на 200% и призываю весь коллектив цеха встать на стахановскую вахту».

Стахановец, токарь этого же цеха т. Стролова, в своем выступлении заявила: «Югославские партизаны, как и все советские люди, мужественно сражаются с немецкими захватчиками, их героическая борьба сливается с нашей борьбой и приближает час победы. Договор с Югославией поможет быстрее разгромить врага. Я приветствую т. Сталина – нашего вождя и полководца за его мудрую политику и беру на себя обязательство встать на стахановскую вахту и давать ежедневно не менее двух норм».

Также с большим подъемом прошли митинги в автоматном цехе и в кузнице. Бригадир комсомольско-молодежной бригады автоматного цеха т. Чуйкин, выступая, сказал: «Договор с Югославией мы приветствуем от всей души. Беру на себя обязательство сегодня сверх плана дать 40% нормы. Наша бригада вся встает в честь этого замечательного события на стахановскую вахту».

Выступивший на митинге инициатор предмайского социалистического соревнования на заводе знатный кузнец т. Крупочкин горячо приветствовал заключение договора и сказал: «Наш договор с Югославией будет нерушим. Под подписью т. Молотова я кладу свой труд^{*} и обязуюсь свои предмайские обязательства перевыполнить с честью». Тов. Крупочкин, работая на тяжелой ковочной машине, норму выполняет до 200%. *За первую декаду он дал 6 тыс. поковок, что составляет сменный выпуск целого пролета сверх плана.*

С большим подъемом прошел митинг на фабрике № 18. Все, как одна, работницы фабрики пришли во 2-й цех. С напряженным вниманием они слушали сообщение об этом важном политическом событии. *Присутствовало 430 человек.*

Работница Старкова из 1-го цеха заявила в своем выступлении: «Этот договор как молот ударит по голове фашистских банд, никогда больше славянские народы не допустят возможной агрессии со стороны Германии. Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что мы все, как одна, приветствуем подписание договора с Югославией. Я призываю вас, товарищи, досрочно выполнить предмайские социалистические обязательства».

^{*} Так в документе.

Тов. Филимонова, работница 3-го цеха, заявила, что мудрая внешняя политика нашего государства всегда была направлена на дружбу всего славянского народа и их совместную борьбу против фашистской Германии. Этот договор не только обеспечивает совместную решительную борьбу за окончательный разгром фашистской Германии, но и обеспечивает дружественную совместную борьбу по обеспечению длительного и прочного мира в послевоенный период. Тов. Филимонова сказала, что 3-й цех в предмайском соревновании досрочно выполнит свои обязательства.

Тов. Львовская, секретарь партбюро, свое выступление посвятила политическому значению договора и роли нашего государства в борьбе за окончательный разгром врага.

В заключение собрание приняло горячее приветствие т. Сталину, как вождю и вдохновителю советского народа, организатору побед нашей героической Красной армии.

В 22 часа 30 минут прозвенел звонок в цехах швейной фабрики № 4 им. И. Смирнова, и 350 работниц дружно собрались на митинг, посвященный договору о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Югославией.

С напряженным вниманием работницы заслушали сообщение открывшей митинг секретаря парторганизации фабрики т. Маловой о результатах пребывания в Москве председателя Совета министров Югославии маршала И. Броз Тито и министра иностранных дел г-на И. Шубашича, а также и текст договора.

Выступившие мастера тт. Ильин и Мутовкина такими словами приветствовали заключение договора: «Борющийся народ Югославии наиболее близок нам, – говорит т. Мутовкина, – ибо на протяжении четырех лет он так же, как и мы, не прекращал упорной борьбы против немецких захватчиков. Недалек час окончательного разгрома фашистской Германии».

Работницы приветствовали маршала И. Броз Тито и славили нашу доблестную Красную армию и ее мудрого руководителя великого Сталина.

Присутствующие на митинге с большим удовлетворением отметили, что договор с Югославией является новым важным шагом в развитии и укреплении дружбы между народами великого Советского Союза и многонациональной Югославией и вкладом в дело длительного и прочного мира после окончательного разгрома Германии.

Зав. отделом пропаганды
и агитации Таганского РК ВКП(б)

О. Кремнева

ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 39. Д. 88. Л. 23–25.

Подлинник. Машинопись.

Из информации отдела пропаганды и агитации МГК ВКП(б) – о ходе обсуждения на предприятиях и в учреждениях Москвы договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией

Не ранее 13 апреля 1945 г.*

На предприятиях и в учреждениях всех районов Москвы 12 апреля проходили митинги, читки и беседы о подписании договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Югославией. Читки газет в этот день выливались в оживленные беседы об Югославии, о героической борьбе югославского народа, о его вожде Броз Тито, о значении договора с Югославией.

Все трудящиеся Москвы с большим воодушевлением приветствуют и одобряют договор о дружбе с Югославией, приветствуют т. Сталина за его мудрую политику, обеспечивающую нам победу над врагом.

На митинге на 1-м ГПЗ бригадир молодежной бригады т. Барановская сказала: «От всей души приветствую мудрую политику нашего правительства и лично т. Сталина, обеспечившую нам победу. Дружба советского народа с Югославией поможет быстрее разгромить врага и создать прочный и длительный мир».

Рабочий завода «Каучук» т. Зайцев говорил: «Я глубоко тронут подписанием договора с Югославией. Это еще шаг для дальнейшего укрепления нашего могущества в международной политике».

Работница фабрики № 18 (Таганский район) т. Старкова: «Этот договор как молот ударит по голове фашистских банд, никогда больше славянские народы не допустят новой агрессии со стороны Германии».

Мастер т. Рыбаков на заводе № 70 (Москворецкий район): «Договор с Югославией меня очень радует. Я уверен, где бы немцы ни находились, как бы они ни готовились к новой войне – могучие и крепко спаянные славянские народы всегда будут тем утесом, о который разобьется агрессор любой страны».

Старший мастер т. Гришин завода № 45: «Мудрая сталинская политика привела к созданию прочного союза между народами СССР и ряда других стран для борьбы против фашизма». [...]

Работницы Колосова, Кудрявцева фабрики «Рот-Фронт», слесарь Леонов (1-я Образцовая типография) говорили: «Одобряем подписание договора о дружбе, так как Югославия наиболее близкая и демократическая страна».

* Датируется по содержанию.

Наладчик т. Мальцев (завод № 70) говорил: «Я хочу заверить наше правительство, что советский народ удовлетворен этим договором. Тов. Сталин может быть уверен, что мы этот договор всемерно поддержим. Я обязуюсь выполнять свое задание на 150% в честь этого договора».

В своих выступлениях рабочие предприятий Москвы выражают чувства большого уважения и доверия к югославскому народу и маршалу Тито.

Наладчик Мальцев (завод № 70): «Маршал Тито блестяще боролся и борется с фашистами. Мы уверены, что Югославия выполнит подписанный маршалом Тито договор...»

Токарь-стахановец т. Бычков (завод ВАРЗ): «Героический народ Югославии не капитулировал и, несмотря на огромные трудности, боролся и победил». [...]

Пушкин – начальник смены, завод № 751 (Тимирязевский район): «Югославия – один из лучших наших друзей на Западе». [...]

Тов. Медведева О.С. – зам. главного врача Гортубинститута (Сокольнический район): «С чувством глубокого удовлетворения и большой радостью услышала я сообщение радио о заключении договора СССР с Югославией. Вместе со всеми сынами горячо любимой моей родины привыкла я ценить маршала Югославии Иосифа Броз Тито за его горячую любовь к своему народу, за его большой талант полководца, за его чисто братское отношение к народам СССР, за его любовь и глубокое уважение к нашему великому вождю т. Сталину. Он непрерывно обращался за помощью, за советом. У меня появилась надежда, что этот договор поможет обоим странам ускорить полный разгром фашистской Германии. Договор поможет в послевоенное время укрепить экономическую и культурную связь между обеими странами. Много пролито крови, крепко спаявшей братские славянские народы. Пришло время обоим народам закрепить свою братскую дружбу длительным договором о взаимной помощи». [...]

Обсуждение договора Советского Союза с Югославией на предприятиях Москвы вызвало новый трудовой подъем, что нашло свое отражение в выступлениях рабочих, в принятых на митингах резолюциях и приветствиях т. Сталину. Вот некоторые примеры их выступлений:

Мастер Рыбаков на заводе № 70: «Подпись т. Молотова под договором я хочу подкрепить своими обязательствами. Обязуюсь к 1 Мая дать 115% своего задания». [...]

На заводе СВАРЗ в 21-м цехе мастер Козлов заявил: «Моя смена работает неплохо, об этом все знают. Подписание договора с Югославией воодушевляет нас на лучшие трудовые подвиги. Свои обязательства к 1 Мая мы перевыполним». Токарь Матюшина говорила: «Хотя я работаю неплохо, однако такие важные события требуют от нас еще лучшей работы. Я от всей души привет-

ствую договор с Югославией и обязуюсь улучшить свою работу. Мои подруги меня поддержат, и дружной работой мы обеспечим выполнение первомайских обязательств». [...]

И так было на большинстве предприятий во всех районах Москвы.

Вместе с этим необходимо отметить, что отдельные рабочие неправильно понимают наши отношения с Югославией и делают ошибочные выводы. Например, на заводе № 699 (Фрунзенский район) профорг СГМ беспартийный т. Русин сказал: «Пройдет немного времени и Югославия станет нашей союзной республикой».

В Наркомместпроме беспартийная, отв. исполнитель т. Коршунова также говорила о том, что Югославия под нашим влиянием через год-два станет нашей братской советской республикой.

На заводе № 30 (Фрунзенский район) и в 1-й Образцовой типографии (Кировский район) задавался вопрос: почему второй пункт договора своей формулировкой допускает возможность новой агрессии со стороны Германии, если на Крымской конференции решено было окончательно разоружить Германию?

На многих предприятиях рабочие интересовались биографией маршала Тито, политическим строем Югославии до войны, ее историей и т.д. Далекое не все агитаторы могли дать ответы на эти вопросы*.

ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 39. Д. 88. Л. 6–10.

Копия. Машинопись.

172

Из черновиков статьи «Маршал Тито и славянское движение» председателя Всеславянского комитета генерала-лейтенанта А.С. Гундорова⁵¹ – о выступлениях Иосипа Броз Тито на приеме Всеславянского комитета

Не ранее 13 апреля 1945 г.**

4. В речи на приеме Всеславянского к[омите]та⁵² 13 апреля 1945 г. маршал Тито ярко показал, как славянские народы жили «маленькими островками» в неславянском море, их всегда старались поработить и использовать в своих целях более сильные нации... Для достижения захватнических целей завоеватели разжигали между ними междоусобную борьбу». Теперь это

* Подпись отсутствует.

** Датируется по содержанию.

изменилось. «Сейчас, когда война идет к концу, мы видим славянские народы не только освобожденными, но и сплоченными между собой... Война доведена до победного конца благодаря Красной армии, благодаря гениальному руководителю Красной армии, вождю советского народа т. Сталину...» «Это... исторический поворот. Он имеет огромное историческое значение. Вот Югославия – многонациональная страна. Еще недавно она жила в междоусобной вражде. Предатели натравливали ее народы друг на друга – сербов на словенцев, мусульман на православных и т.д. А сейчас эти народы живут в дружбе. Они вместе проливали кровь против общего врага – немцев. Вчера здесь, в Москве, подписан договор о взаимопомощи между Югославией и великим Советским Союзом. Этот документ означает осуществление вековых стремлений народов Югославии. Для народов Югославии этот день будет самым счастливым днем, ибо этот договор означает осуществление тех задач, ради которых они пролили много своей крови». [...]*

Тито во второй речи на этом приеме говорил: «Болгария пошла вместе с немцами в этой страшной войне для народов Югославии. Болгарские войска вошли в Черногорию и Сербию... А разве в самой Югославии не было врагов Югославии? Их было немало...» Он вспомнил Недича, Павелича и Рупника⁵³. «Почему же должен быть один критерий к тому, что происходило в Болгарии, и другой к тому, что происходило в Югославии?... Почему они худшие враги? По-моему, наоборот – хуже тот враг, который нашелся в самой Югославии». [...]**

ГА РФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 138. Л. 3.
Копия. Машинопись.

173

Из письма В.Н. Гаврикова жене и дочери из освобожденного от немецко-фашистских войск Белграда – об окончании войны^{***}

7 мая 1945 г.
г. Белград

Моя милая, единственная Кируся!

Это письмо пишу в день, когда по радио объявили, что война окончена. Вообще эти дни для меня были такие, что описать их трудно. [...]

* Опущен текст о болгаро-югославских отношениях.

** Опущен текст, касающийся непосредственно Болгарии. Подпись отсутствует.

*** Начало переписки см.: док. № 166–169 за 30 октября – 26 ноября 1944 г.

По тону моего письма ты можешь судить о моем настроении в дни, когда весь мир ликует, когда пал Берлин (2.V), в дни, когда завершается война, в дни празднования 1 Мая, в дни, когда здесь, в братской для нас Югославии, было невозможно появляться на улице, не попав в объятия самых простых людей, начиная от детей и кончая стариками, в дни, когда можно все время плакать от радости за нашу родину, за Красную армию, за нашего Сталина. [...]

Сейчас только что приехал из одной деревни под Белградом, где был вместе с членами посольства на открытии памятника нашим бойцам, павшим в борьбе за Белград. На нас смотрят как на спасителей, «Матка Русь» для них самое священное. [...]

Пока никто из жен наших товарищей в Белград не приехал, кроме сотрудников посольства.

Не разочаровывайся, если не попадешь в Югославию. Сейчас здесь жить в несколько раз трудней, чем в Москве. На рынках и в магазинах нет ничего. А главное, тебе будет здесь очень скучно, в чем я уже убедился, глядя на некоторых жен из посольства. [...]

Целую вас всех и от души поздравляю с концом этой проклятой войны.

Ваш Вася

ЦГА Москвы. Ф. Л-290. Оп. 1. У.д. 8*.
Автограф.

174

Телеграмма исполнительных народных комитетов городов Белграда и Земунa Генералиссимусу И.В. Сталину с благодарностью за освобождение от немецко-фашистских захватчиков

23 октября 1945 г.
г. Белград

Торжественное заседание Исполнительного народного комитета г. Белграда и Исполнительного народного комитета г. Земунa, собравшееся по случаю годовщины освобождения Белграда и Земунa, шлет Вам, великий Сталин, поздравления от всего нашего переполненного счастьем сердца и выражения нашей вечной благодарности за прекрасный подвиг Красной армии – освобождение Белграда, – скрепивший вечное братство между народами Советского

* Номер дела указан условно, т.к. личный фонд В.Н. Гаврикова находится в обработке. По этой же причине не указываются номера листов.

Союза и народами новой Югославии Тито. Вечная слава и спасибо бойцам Красной армии, павшим за освобождение Белграда! Вечная благодарность великому Советскому Союзу и его гениальному вождю Генералиссимусу Сталину!

Исполнительный народный комитет г. Белграда
и Исполнительный народный комитет г. Земуна

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 865. Л. 19.
Машинопись. Перевод с сербохорв. яз.

175

Из очерка Ильи "ренбурга"⁵⁴ «Второе рождение», опубликованного в газете «Известия», – о нарождающейся после освобождения от фашизма новой Югославии

11 ноября 1945 г.

Новый послевоенный день для Европы, освобожденной от фашизма, кажется туманным утром. Над развалинами еще кружат птицы ночи, не роса, а слезы выедают глаза. Мы наблюдаем в разных странах томление, некоторую неуверенность, порой растерянность. Югославия потрясает приезжего неподнятостью, той высокой улыбкой счастья, которую мы видим на лице человека, охваченного вдохновением. Пусть только не подумает читатель, что война пощадила эту страну. Тот, кто видел Белоруссию или Украину, поймет скорбную повесть Лаки или Боснии, где больше пепла, чем домов, больше могил, чем людей. Не потому сияет Югославия, что она укрылась, отсидела, не потому, что сберегла свой скарб. Нет, она все отдала делу свободы. В муках, в великом страдании она нашла себя. Для одних война была торжеством открывшихся им прежде идей, для других – разгромом, для третьих – спортивным матчем, для четвертых – делами. Для Югославии война была вторым рождением.

Чем была Югославия до войны? Одним из самых отсталых государств Европы, игрушкой в руках международных дельцов, заповедником отечественных мракобесов, ставкой в игре чужих игроков. Даже шведы и швейцарцы распоряжались в Белграде как у себя дома. Народ жил отлученный от знания, и в некоторых областях Боснии грамотеев было наперечет. Управляли страной короли, ненавистные своим подданным, управляли с помощью партий, которые, несмотря на громкие наименования, вряд ли могут быть названы партиями; это кланы гангстеров с адвокатскими дипломами. Дух былой Югославии понимаешь, разглядывая архитектуру Белграда. Я сказал бы, что столица этого

государства построена в американско-балканском стиле – помесь небоскребов и хибарок.

Народы Югославии долгое время жили под чужеземным игом. Это иго было различным. Одних угнетали турки, других – немцы, третьих – мадьяры, угнетенные помнили о своих угнетателях и не знали тех, кто угнетал их братьев. Прошлое разъединяло. А в новом народы Югославии не нашли нового. Было механическое объединение без того духовного цемента, который создает единство государства. Великосербские националисты притесняли хорватов, а хорватские националисты мечтали о нелепой и явно опереточной «независимости». Заседания парламента прерывались выстрелами. Споры в корчмах кончались поножовщиной. Босняков, исповедующих мусульманство, довели до того, что они порой называют себя «турками». Македонцам отказывали в простейшем праве разговаривать на родном языке, их искусственно делили на сербов и болгар, восстанавливая друг против друга.

Западные демократы снисходительно говорили о «бравых сербах», умиляясь тому, что в Белграде существует «бульвар Пуанкаре», при этом они усердно стригли «медных» овец, «цинковых» баранов⁵⁵. Постепенно западных серболобов стали вытеснять немцы. Они забирали кожи, хлеб, табак, свиней. А взамен давали эрзацы. Они прибрали к рукам торговлю, так что американский хлопок приходил в качестве немецкого через Гамбург. Они не зевали и в политике, пользуясь растерянностью западных демократий, они выставили свою кандидатуру на место попечителей, твердо рассчитывая стать господами. В Хорватии они нашли сепаратистов, так называемых усташей; в Сербии туземные фашисты поняли, что по бульвару Пуанкаре далеко не уедешь, и стали строить глазки Гитлеру. Патриоты заполняли тюрьмы. Босые и оборванные крестьяне хмуρο молчали.

Казалось, все было готово для раздела, и, несмотря на вспышку народного негодования в апрельские дни сорок первого года, несмотря на мужество солдат и офицеров, немцы быстро разломали шаткую государственную машину. В Загребе появился Павелич, может быть самый ничтожный из всех квислингов⁵⁶. Словения была поделена между Германией и Италией. Сербов немцы обирали без особых государственных церемоний. Расчет был прост. Хорваты режут сербов, сербы убивают босняков, а немцы торжествуют. Расчет был прост, но он оказался неправильным. В дело вмешался народ.

Настоящая война Югославии против захватчиков началась именно тогда, когда Гитлер думал, что эта война закончена. О геройстве югославских партизан писали очень много. Мы знаем сотни рассказов о пастухах, которые уничтожали танки, или о девушках, которые зимой через ледяные перевалы гор выносили на себе раненых. Эти рассказы великолепны, даже если и не на высоте самого материала. Я опасюсь только одного – рассказы о мужестве отдельных

людей несколько заслоняют сущность происшедшего – из-за деревьев не видно леса. Ведь храбрецы были и в других странах, а между тем эпопея Югославии исключительна. То, что произошло здесь, нельзя назвать борьбой отдельных партизанских отрядов, это было воистину восстанием народным. Против захватчиков восстали не смельчаки, против захватчиков воевала вся нация. Теперь, когда иные зарубежные лицемеры пытаются скрыть от своих сограждан роль Югославии в войне против Германии, я вынужден сослаться не на подвиги замечательных девушек, а на цифры.

Я вынужден напомнить, что в 1943 г. Народно-освободительная армия Югославии сражалась против 650 тыс. фашистских солдат, причем из 35 вражеских дивизий 11 были немецких. В 1944 г. в Югославии было 13 немецких дивизий. За время войны Югославия поставила на ноги 1 млн 400 тыс. бойцов, а потери ее превосходят 300 тыс. убитыми. Маленький народ Черногории, насчитывающий всего 300 тыс. душ, потерял на войне 85 тыс. Югославы сразили 450 тыс. фашистов. Народно-освободительная армия Югославии обеспечила союзникам высадку в Сицилии и Италии, ускорила разгром врага.

Неужели у человечества столь слабая память, что можно полгода спустя после заключительных боев у Триеста забыть героев Югославии?

Люди, желающие во что бы то ни стало повернуть назад колесницу истории, мечтают о старой Югославии. Скажу сразу: таких людей куда больше за пределами страны, чем в самой стране, а те из них, которые имеются в стране, рассчитывают не на свою страну, но на помощь извне. Однако вряд ли можно запугать газетными статьями народ, которого не запугали немецкие танки. Этот народ, воюя, не только отстоял свою землю. Он собрал свое государство. Не за короля он проливал кровь, не за владельцев медных и цинковых копей, не за белградских политиков, мечтающих снова взять страну под опеку, и не за какого-нибудь Мачека⁵⁷, который, удрав из Загреба вместе с немцами, попал в Париж, а затем стал сотрудником некоторых английских газет. Нет, народ Югославии не жалел крови, чтобы создать свой дом, в котором он хозяин. Новая Югославия родилась в боях, ее пеленали горные туманы Боснии и Черногории.

Все знают, что югославы хорошо воевали. Следует подчеркнуть и другое – воюя, они созидали. Первые чертежи новой государственности были созданы под вражеским огнем. Откладывая на час оружие, люди намечали проекты законов. Слово «федерация» написано кровью всех народов Югославии. Впервые в истории хорваты умирали за сербов, и сербы спасали хорватов. Впервые в истории мусульмане Боснии и Герцеговины почувствовали себя югославами. Впервые в истории несчастный македонский народ признан народом, а не опиской, из-за которой сербы должны были враждовать с болгарам. На освобождаемой от немцев территории тотчас возникали сотни школ. Это было

и освобождение от навязанной народу тьмы. Партизаны несли с собой не только автоматы, но также книги, циркуль и глобус. В лесах работали типографии. Среди гор читались лекции. «Патронов и карандашей» просили горцы Боснии. С Народно-освободительной армией был весь цвет страны. [...] Между двумя боями архитекторы чертили проекты новых городов. Так в борьбе создавались и государственность, и культура.

Вот почему преисполнены радости лица людей на этой истерзанной земле. Здесь много, очень много горя и столько здесь нужды, что ее и не опишешь. Здесь можно увидеть босых солдат и голодных стариков, и бездомных детей. Дорого заплатил народ за свою свободу. Но ни в одной другой стране, освободившейся от фашизма, не найти такого подъема. Я видал парад 20 октября в годовщину освобождения Белграда. Перед маршалом Тито прошла настоящая регулярная армия. Трудно было поверить, что эта армия создана в столь короткий срок. Как и поэты, народы знают часы вдохновения – тогда невозможное становится возможным. Такие часы переживает теперь Югославия. [...]

Известия. 1945. 11 ноября.

¹ В 1937 г. британская газета «Дейли телеграф» (основана в 1855 г.) объединилась с «Морнинг пост» (1772). В 1969 г. изданию возвращено прежнее название.

² Симич Божин (1881–1966) – полковник сербской армии, посол Федеративной Народной Республики Югославия в Париже и Анкаре. Выпускник военной академии, участник Майского переворота 1903 г., в результате которого был убит король Александр Обренович с супругой и на сербский престол взошел Петр Карагеоргиевич. Во время Первой мировой войны был командирован в Одессу для набора солдат в сербскую армию из числа пленных австро-венгерских военнослужащих. Участвовал в создании югославянской Добровольческой дивизии. На Салоникском процессе заочно осужден на 18 лет заключения. Поэтому Симич остался в России до 1918 г., затем скрывался в Европе – Австрии, Швейцарии, Франции. В Югославию вернулся только в 1936 г. Был восстановлен в прежнем воинском звании. В правительстве Душана Симовича – министр без портфеля. Член официальной делегации, отправившейся в Москву с целью подписания Договора о дружбе между Югославией и СССР (5 апреля 1941 г.). Поддерживал отношения с советской военной разведкой. Во время немецкой оккупации – министр югославского правительства в изгнании. После Второй мировой войны – на дипломатической службе.

³ Тито; Броз Тито, Иосип (1892–1980), деятель югославского и международного рабочего движения, государственный и политический деятель СФРЮ. В начале Первой мировой войны за антивоенную пропаганду арестован и направлен на фронт. Весной 1915 г. тяжело ранен и попал в русский плен. В Петрограде участвовал в июльской демонстрации против Временного правительства, арестован и выслан на Урал. В октябре 1917 г. вступил в Красную гвардию, вел революционную работу среди крестьян. В сентябре 1920 г. возвратился на родину, вступил в КПЮ, вел нелегальную партработу. В 1928 г. был арестован

и осужден на 5 лет каторжной тюрьмы. В 1934 г. вышел из заключения. В этом же году избран членом ЦК КПЮ и Политбюро ЦК КПЮ. В 1935–1936 гг. находился в Москве, работал в Коминтерне, входил в делегацию КПЮ на VII конгрессе КИ. В 1936 г. нелегально возвратился на родину. В декабре 1937 г. возглавил КПЮ, на V конференции КПЮ (октябрь 1940 г.) избран генеральным секретарем ЦК КПЮ. Во время оккупации Югославии фашистскими захватчиками (1941–1945) – верховный главнокомандующий НОАЮ и партизанскими отрядами Югославии. 30 ноября 1943 г. был избран председателем Национального комитета освобождения Югославии. В 1943 г. Тито было присвоено звание маршала Югославии, а в ноябре 1944 г. – звание Народного героя Югославии. В мае 1945 г. был назначен председателем Совета министров, министром обороны и верховным главнокомандующим вооруженными силами ДФЮ. В августе 1945 г. избран председателем Народного фронта. В ноябре 1945 г. возглавил правительство ФНРЮ.

⁴ Национальный комитет освобождения Югославии был создан 29 ноября 1943 г. на освобожденной от фашистов территории по решению 2-й сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии. Являлся первым временным революционным правительством народной Югославии. Руководил борьбой против фашистских захватчиков, организацией и развитием различных областей хозяйственной и культурной жизни, боролся за международное признание демократической федерации Югославии.

⁵ Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) – украинский, советский писатель, академик АН СССР (1943). Пятикратный лауреат Сталинской премии. Председатель правления Союза писателей УССР (1934–1941 и 1946–1953). Во время войны – политработник Политуправления Юго-Западного фронта. В 1943–1944 гг. зам. наркома иностранных дел СССР. В 1944 г. нарком иностранных дел УССР. Член Всеславянского комитета.

⁶ Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) было образовано в 1942 г. как высший политический представительный орган, объединивший все патриотические силы Югославии на платформе борьбы с фашистскими оккупантами и их пособниками. На 1-й сессии, созванной 26 и 27 ноября 1942 г. в г. Бихаче (Босния), были созданы народно-освободительные комитеты, выполнявшие функции народной власти. Руководство комитетами взял на себя Исполком АВНОЮ. На 2-й сессии, состоявшейся в г. Яйце (Босния) 29–30 ноября 1943 г., АВНОЮ было преобразовано в верховный законодательный и представительный орган. Был создан Национальный комитет освобождения Югославии во главе с Иосипом Броз Тито.

⁷ Живкович Петар (1879–1947) – сербский (югославский) военный и государственный деятель, армейский генерал (1930). Военную академию закончил в Белграде. Участник Майского переворота 1903 г. (открыл изнутри ворота дворцового парка). Основал тайную офицерскую организацию «Белая рука», близкую к престолонаследнику Александру Карагеоргиевичу, и стал его ближайшим конфидентом. В январе 1917 г. был назначен командиром королевской гвардии. В 1923 г. получил чин дивизионного генерала. В 1929–1932 гг. председатель правительства Югославии, затем министр армии и флота в кабинетах Н. Узуновича, Б. Евтича и М. Стоядиновича. С 1941 г. в эмиграции.

⁸ Имеются в виду сторонники Милана Недича. Недич Милан (1878–1946) – сербский военный и государственный деятель, генерал, министр обороны Югославии (1939–1940), в августе 1941 – октябре 1944 г. премьер-министр марионеточного коллаборационистского Правительства национального спасения Сербии, созданного после оккупации Сербии немецкими войсками. По окончании войны отдан под суд по обвинению в военных преступлениях. Покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

⁹ Речь идет о сторонниках Анте Павелича. Павелич Анте (1889–1959) – с 1927 г. депутат Народной скупщины; в 1929–1941 в эмиграции в Италии. Основатель и лидер хорват-

ской террористической фашистской организации усташей (1930). Один из организаторов убийства короля Александра Карагеоргиевича (1934). Глава марионеточного квислингского Независимого государства Хорватия (1941–1945). Инициатор геноцида сербов, евреев и цыган в НГХ. После войны бежал в Аргентину. Умер во франкистской Испании.

¹⁰ Влахович Велько (1914–1975) – югославский партийный и государственный деятель. Член КПЮ (1935). Участник гражданской войны в Испании. Служил в Балканской интернациональной бригаде. С 1939 г. – в СССР как представитель Союза коммунистической молодежи Югославии при КИМ. Секретарь ИККИМ. Вернулся в Югославию в 1944 г. Член ЦК КПЮ, Политбюро, секретарь ЦК КПЮ. Герой Социалистического труда, Народный герой Югославии.

¹¹ Дравич Альберт (псевд., наст. фамилия и имя Салай Джуро) (1889–1958) – югославский общественно-политический деятель. Член КПЮ с 1919 г. В СССР – с 1930 г. Представитель КПЮ в ИККИ. В 1940–1942 гг. редактор югославской редакции в Издательстве литературы на иностранных языках. Референт отдела печати ИККИ. Вернулся в Югославию в 1944 г. Член Политбюро ЦК КПЮ.

¹² «Нойе Орднунг» – хорватский еженедельный журнал, издававшийся в Загребе в 1941–1945 гг.

¹³ Состоявшийся 8 сентября 1943 г. в Москве собор епископов избрал Патриархом Московским и Всея Руси Нижегородского митрополита Сергия (Старгородский Иван Николаевич, 1867–1944), который был местоблюстителем Патриаршего престола с 1936 г. (после смерти патриарха Тихона).

¹⁴ 1-я югославская бригада – военное подразделение Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии, основу которого составили солдаты и офицеры хорватского легиона, попавшие в советский плен под Сталинградом. Помимо них в бригаде служили югославские партизаны-антифашисты, югославы, иммигрировавшие в Советский Союз до войны, а также сербы, мобилизованные в трудовые батальоны рейха и оказавшиеся в СССР. Формирование бригады началось в сентябре 1943 г. в лагере под Коломной. В июне 1944 г. она была принята в состав Красной Армии. Временно подчинялась командованию 2-го Украинского фронта. С октября 1944 г. перешла под командование НОАЮ.

¹⁵ Жуков Георгий Сергеевич (1907–1978) – сотрудник органов государственной безопасности. В годы Великой Отечественной войны – Уполномоченный СНК СССР и Ставки Верховного командования по иностранным военным формированиям на территории СССР.

¹⁶ Имеется в виду Югославянский комитет.

¹⁷ Корфская декларация подписана на о. Корфу 20 июля 1917 г. премьер-министром Сербии Н. Пашичем и председателем Югославянского комитета А. Трумбичем. Предусматривала объединение после Первой мировой войны Сербии и югославянских земель Австро-Венгрии в независимое государство (под эгидой династии Карагеоргиевичей). В августе 1917 г. к Корфской декларации присоединился Черногорский комитет национального объединения.

¹⁸ Правильное название Меджимурье (Међимурје) – историческая область между реками Мура и Драва, на северо-западе Словении. Административный центр – г. Чаковец.

¹⁹ В апреле 1944 г. Милован Джилас во главе миссии Верховного штаба НОАЮ вместе с генералом Велимиром Терзичем, направляясь через Тегеран в Москву, посетил советское посольство, где им был оказан радушный прием. (Более подробную справку о Джиласе см.: док. № 164 от 12 мая 1944 г.)

²⁰ Аксенов Всеволод Николаевич (1902–1960) – советский театральный актер, заслуженный артист РСФСР (1947), лауреат Сталинской премии первой степени (1948). Работал в Малом театре с 1920 по 1946 г. (с перерывами). Выступал на сцене как профессиональный чтец. Вел курс мастерства художественного слова в Театральном училище им. М.С. Щепкина.

²¹ Александров Георгий Федорович (1908–1961) – советский государственный и партийный деятель, доктор философских наук (1939), академик АН СССР (1946), кандидат в члены ЦК КПСС (1941–1956). В 1938–1939 гг. заведующий редакционно-издательским отделом Исполкома Коминтерна. В 1939–1940 гг. заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), одновременно в 1939–1946 гг. директор Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). С 1940 по 1947 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С 1954 по 1955 г. министр культуры СССР. Автор большого числа работ по философии.

²² Джилас Милован (1911–1995) – югославский политический деятель, историк, публицист. Член КПЮ с 1932 г. В том же году был арестован и 3 года провел в тюрьме. С 1937 г. член ЦК КПЮ (с 1940 г. член исполкома ЦК), соратник Иосипа Тито. Во время Второй мировой войны активно участвовал в создании партизанских отрядов, с 1942 г. член Верховного штаба Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии; входил в состав Президиума Антифашистского веча народного освобождения Югославии (с 1943 г.). С 1948 г. секретарь Исполнительного бюро ЦК Союза коммунистов Югославии. В 1953 г. один из четырех вице-президентов Югославии, председатель Союзной народной скупщины. Выдвинув тезис об отмирании партии в начале 1950-х гг. и считая, что ведущая роль в государственном управлении должна принадлежать не компартии, а системе самоуправления, в 1953–1954 гг. выступил с рядом критических статей в адрес компартии. В январе 1954 г. по решению 3-го внеочередного пленума ЦК СКЮ за «антимарксистские, антиленинские ревизионистские устремления» М. Джилас был смещен со всех партийных и правительственных постов и в марте 1954 г. исключен из партии. Начиная с января 1955 г. и до декабря 1966 г. неоднократно подвергался судам, арестам и тюремному заключению. В 1970–1986 гг. был лишен права покидать Югославию. Автор книг «Новый класс» (1957), «Беседы со Сталиным» (1961), «Несовершенное общество» (1969).

В апреле – июне 1944 г. Джилас находился в Москве в составе военной миссии Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ), возглавляемой генерал-лейтенантом Велимиром Терзичем. Деятели югославского партизанского коммунистического движения прилетели в Москву 12 апреля 1944 г. Незадолго до этого, 24 февраля 1944 г., в Югославию прибыла советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Н.В. Корнеевым. Л.Я. Гибианский о пребывании Джиласа в Москве пишет следующее: «Он имел несколько бесед со Сталиным и Молотовым, во время которых обсуждались проблемы положения в Югославии, стратегии и тактики КПЮ и руководимого ею движения, отношений НКОЮ с западными союзниками, политико-дипломатической поддержки, которую Советский Союз в тогдашней ситуации мог оказать революционной югославской государственности, и той военной помощи, которую СССР был в состоянии предоставить ее вооруженным силам... Основной повседневной задачей военных миссий стала практическая организация переброски в Югославию партизанским силам советской помощи вооружением, боеприпасами, различным снаряжением» (см.: *Гибианский Л.Я.* Возникновение новой югославской государственности // Югославия в XX веке : Очерки политической истории. М., 2011. С. 464).

²³ Советско-югославский договор о дружбе и ненападении был подписан 5 апреля 1941 г. в Москве председателем СНК и наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и уполномоченными королевского правительства Югославии М. Гавриловичем, Б. Симиичем и Д. Савичем. Договор не вступил в силу, так как не был ратифицирован Югославией,

которая подверглась нападению со стороны фашистской Германии, Италии, хорватской Венгрии и Болгарии уже на следующий день, 6 апреля.

²⁴ 6 апреля немецкие войска вошли в Югославию, 13 апреля был занят Белград, а 17 апреля 1941 г., по сообщению Германского информационного бюро, «в 12 часов остатки югославской армии сложили оружие без всяких условий. Капитуляция вступает в силу с 12 часов 18 апреля» (ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 584. Л. 241).

²⁵ Правительство и король Петр II 15 апреля покинули Югославию, уехав сначала в Афины, а затем в Каир.

²⁶ 15 апреля 1941 г. в Загребе состоялось заседание Политбюро ЦК КПЮ, на котором были приняты важные решения: о подготовке вооруженного восстания против немецких захватчиков и начале партизанской войны. Для этого был сформирован Военный комитет, во главе которого встал Иосип Тито. В дальнейшем были приняты меры по формированию региональных военных комитетов, в обязанности которых входило обеспечивать восставших боеприпасами, оружием, медикаментами. Комитеты занимались вербовкой партизан, организовывали курсы обучения солдат, врачей и командного состава.

²⁷ Смедеровскую крепость XV в. немецкие оккупанты использовали для временного хранения трофейных боеприпасов югославской королевской армии, собранных тыловыми службами немцев со всей восточной части Югославии (Сербия и Македония); их планировали затем вывезти для дальнейшего использования (всего было 1 тыс. вагонов с боеприпасами). 5 июня 1941 г. боеприпасы взорвались. Была уничтожена значительная часть крепостных сооружений, железнодорожная станция и другие городские сооружения. При взрыве погибло около 2500 человек и ранено более 5500, в городе, насчитывающем в то время 14 тыс. жителей, было уничтожено 70% жилого фонда. Причины взрыва так и остались неизвестны.

²⁸ ЦК КПЮ переехал в Белград во второй половине мая 1941 г.

²⁹ В день нападения Германии на СССР, 22 июня 1941 г., ЦК КПЮ обратился к народам Югославии с воззванием, призывавшим подняться на борьбу против фашистских оккупантов.

³⁰ 4 июля 1941 г. на очередном заседании Политбюро ЦК КПЮ было принято решение начать вооруженное восстание, утвержден план партизанской войны. Для реализации этого плана каждый из членов политбюро направлялся в одну из стран, составляющих Югославское государство: в Сербию – 7 июля, в Черногорию – 17 июля (был отправлен М. Джилас), в Словению – 22 июля, в Хорватию, Боснию и Герцеговину – 27 июля, в Македонию – 11 октября.

³¹ Усташи – фашистская организация хорватских националистов (1929–1945). Основана за границей Анте Павеличем (центры в Италии, Австрии, Венгрии и др.).

³² Чернорубашечники – вооруженные отряды Национальной фашистской партии в Италии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Партия была организована Бенито Муссолини.

³³ Недич Милутин (1882–1945) – младший брат Милана Недича, армейский генерал в Королевстве Югославия. Участник Первой мировой войны. После войны – военный посланник в Болгарии, Франции и Италии. Затем – министр армии и флота. Во время вторжения немцев в Югославию командовал 2-й группой армий. 10 апреля 1941 г. был арестован немцами в Белграде и отправлен в концлагерь. По настоянию его брата Милана был освобожден; однако Милутин отказался принимать участие в политической жизни Сербии. По сообщению военно-информационного агентства, в октябре 1944 г. он перебрался в Австрию, а в 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

³⁴ Имеется в виду Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии во главе с Иосипом Тито, созданный ЦК КПЮ 27 июня 1941 г. (с сентября 1941 г. переименован в Верховный штаб, затем – в Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии).

³⁵ Осенью, с конца августа и по октябрь месяц 1941 г. включительно, партизанскими отрядами были освобождены большие территории Югославии. К концу августа была создана так называемая Ужицкая республика, занимавшая большие территории Западной Сербии и Шумадии. В Черногории партизаны освободили $\frac{3}{4}$ территории своей страны (правда, ненадолго). В Западной Боснии действовала Дрварская республика.

³⁶ Первая встреча Иосипа Тито и Дражи Михайловича состоялась 19 сентября 1941 г. в с. Струганик, неподалеку от Равна-Горы; помимо Тито в переговорах участвовал его соратник, впоследствии секретарь ЦК КПЮ, Сретен Жуйович. Речь шла о совместных действиях против немцев. Вторая встреча, состоявшаяся в с. Браичи в ночь на 27 ноября 1941 г., еще больше выявила существовавшие разногласия. Михайлович предложил, чтобы партизаны передали под его контроль Ужице и Чачак, но Тито отклонил это предложение (подробнее об этом см., напр.: *Матенин* ' .В. Иосип Броз Тито : Гл. 19. М., 2012; *Тимофеев А.Ю.* Четники : Королевская армия. М., 2012).

³⁷ Эмигрантское правительство в Лондоне для того, чтобы иметь реальное представление о размахе освободительного движения в Черногории и Сербии, направило туда свою делегацию. Делегация прибыла в Которскую бухту на подводной лодке в составе нескольких югославын – представителей югославского правительства в изгнании и британского офицера капитана Д.Т. (Билла) Хадсона (по-видимому, «Билл» – разведывательный псевдоним) (см.: *Ландер И.А.* Негласные войны : История специальных служб. 1919–1945 : В 2 кн. Кн. 2 : Т. 1. Одесса, 2007).

³⁸ Речь идет об освобождении г. Ужице 23 сентября 1941 г., который затем стал столицей Ужицкой республики (Сербской Красной республики). В Ужице находился Народный банк, в котором было устроено бомбоубежище, а в другой части банковских хранилищ был оборудован оружейный завод; работали также предприятия, в частности табачная фабрика. Наряду с партизанами в освобождении города участвовали и отдельные подразделения четников, по некоторым данным, именно им сдались немецкие войска, занимавшие Ужице (см., напр.: *Тимофеев А.Ю.* Четники : Королевская армия. М., 2012).

³⁹ 2 ноября 1941 г. четники внезапно напали на столицу Красной республики – Ужице.

⁴⁰ В начале ноября 1941 г. четники предприняли нападение на партизан в районе г. Чачак и в бою у с. Либич были разбиты. Столкновения четников с партизанами имели место также у гг. Иваница, Пожега и др.

⁴¹ С ведома Михайловича значительная часть четников, дабы избежать преследований со стороны немцев, вступила в подконтрольные правительству М. Недича военизированные формирования, из которых в 1942 г. были сформированы Сербская государственная стража и Сербский добровольческий корпус.

⁴² Имеется в виду Московская битва (30 сентября 1941 – 20 апреля 1942 г.).

⁴³ Предположительно, имеется в виду приезд Д.З. Мануильского на Сталинградский фронт и его речь 14 октября 1942 г. с приветствием от Центрального комитета ВКП(б) командирам и политработникам 62-й и 64-й армий. Установить, транслировалось ли это выступление по радио, невозможно. Вполне вероятно, что речь была передана по радио Коминтерна, которое работало круглосуточно, в том числе и на Югославию.

⁴⁴ Речь идет о значительном партизанском отряде, воевавшем в лесах в непосредственной близости от г. Валево, расположенном в Западной Сербии.

⁴⁵ 1-я Пролетарская народно-освободительная ударная бригада была сформирована по приказу КПЮ 21 декабря 1941 г. С разрастанием партизанской войны вширь возникла необходимость в реформировании армии и создании более крупных как по количеству, так и по вооружению боевых единиц – бригад. Первая бригада состояла из 6 батальонов и включала 1199 бойцов. Количество бригад увеличивалось по мере расширения боевых действий по стране. Бригады должны были действовать на достаточно большой территории и быть способными на самостоятельные акции против оккупантов.

⁴⁶ На 2-й сессии АВНОЮ, состоявшейся 29–30 ноября 1943 г. в г. Яйце (Босния), было принято решение о запрещении королю Петру II Карагеоргиевичу возвращаться в страну, а также о лишении Лондонского эмигрантского правительства всех прав законного правительства Югославии.

⁴⁷ Шубашич Иван (1892–1955) – югославский, хорватский политик. В 1930-е гг. один из лидеров Хорватской крестьянской партии. В 1939 г. назначен баном бановины Хорватия после подписания Соглашения Цветковича-Мачека. В 1941 г. член правительства генерала Д. Симовича в эмиграции (в Лондоне). Во время войны в основном находился в США. С июня 1944 г. премьер-министр правительства в эмиграции. В том же месяце отправился на о. Вис для переговоров с Иосипом Тито. По итогам встречи было подписано Висское соглашение, смыслом которого стало признание королевским правительством Антифашистского вече народного освобождения Югославии и Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ).

⁴⁸ Советские войска вступили на территорию Югославии 29 сентября 1944 г., согласно сообщению ТАСС – временно и «для развития боевых действий против германских и венгерских войск в Венгрии». Перед этим советское командование «обратилось за разрешением к НКОЮ и Верховному командованию НОАЮ», а те согласились «удовлетворить просьбу», но выдвинули «условие», что в районах расположения частей Красной армии будет действовать гражданская администрация НКОЮ. И советское командование приняло такое «условие». Подобная искусственная версия, не имевшая ничего общего с действительностью, была призвана, с одной стороны, завуалировать тот факт, что ввод советских войск направлен прежде всего на установление руководимого коммунистами политического режима в самой Югославии. А с другой стороны, эта версия имела целью оказать силам во главе с Тито, наряду с прямой военной помощью, политическую поддержку созданием международно-правового прецедента, что вступление иностранных войск на югославскую территорию возможно лишь с согласия НКОЮ и командования НОАЮ» (см.: *Гибианский Л.В.* Восстановление независимой Югославии и утверждение коммунистической власти // *Югославия в XX веке : Очерки политической истории.* М., 2011. С. 497–498).

⁴⁹ Гавриков Василий Никитич (1912–1990) – уроженец Воронежской губернии, выпускник Воронежского государственного университета (химический факультет). С началом финской войны (1939) был призван в ряды РККА в офицерском звании, а после ее окончания направлен в органы НКВД, где, будучи специалистом-химиком, занимался обеспечением секретности и охраной в разработке и производстве советского ядерного оружия. Годы Великой Отечественной войны провел в Москве, а в 1944 г. в составе военной миссии был командирован в Югославию, где пробыл около двух лет. Вернувшись в Москву, оставался на работе во внутренних органах, дослужив до воинского звания полковника.

⁵⁰ 11 апреля 1945 г., во время визита в СССР правительственной делегации Демократической Федеративной Югославии во главе с Иосипом Тито, был подписан советско-

югославский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве; был заключен на 20 лет с возможностью продления на 5-летние периоды по согласию сторон. Вступил в силу немедленно по подписании. Документ стал «первым договорным оформлением отношений в рамках начавшего формироваться блока СССР и тех восточноевропейских государств, где при ликвидации гитлеровского господства стала утверждаться руководимая компартиями так называемая народная демократия (*Гибианский Л.В.* Восстановление независимой Югославии и утверждение коммунистической власти // Югославия в XX веке : Очерки политической истории. М., 2011. С. 507). Однако уже в 1948 г. дружественные отношения между Югославией и СССР были нарушены.

 ⁵¹ Гундоров Александр Семенович (1895–1973) – генерал-лейтенант, председатель Всеславянского комитета. Член РСДРП с 1915 г. Участник Гражданской войны. Обучался в Военно-инженерной академии в Ленинграде, которую возглавил в 1937 г. В 1941 г. избран председателем Всеславянского комитета, призванного объединить славян в борьбе с нацизмом.

 ⁵² Всеславянский комитет – антифашистская общественная организация, ставившая целью борьбу с фашизмом в славянских странах. Официальной датой создания комитета считается 5 сентября 1941 г., когда в Москве состоялось учредительное собрание представителей славянских народов, проживающих в СССР, хотя начало его деятельности связано с первым Всеславянским радиомитингом, проходившим в Москве 10 и 11 августа 1941 г., лейтмотивом которого стал призыв к объединению всех славянских народов для борьбы с фашизмом и помощи Красной армии в борьбе с общим врагом. Председателем Всеславянского комитета был избран генерал-лейтенант Красной армии А.С. Гундоров. Одним из органов комитета стал журнал «Славяне» (1942–1969 гг., затем – «Советское славяноведение»).

Всеславянский комитет просуществовал до марта 1947 г., затем был преобразован в Славянский комитет СССР.

 ⁵³ Рупник Леон (1880–1946) – словенский офицер австро-венгерской и югославской армий, армейский генерал (1937), наиболее видный словенский пособник стран оси во время оккупации ими Словении (1941–1945). Градоначальник Любляны (1942), глава администрации Люблянской провинции (1943), командующий Словенским домобранством. Перед окончанием войны бежал в Австрию. Выдан новым югославским властям. Осужден и расстрелян в 1946 г.

 ⁵⁴ Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – советский писатель, публицист и общественный деятель, лауреат Сталинской премии (1941, 1948) и международной Ленинской премии мира (1952). Автор эпических романов «Падение Парижа» (1941), «Буря» (1946–1947), сборника публицистических статей «Война» (в 3 т., 1941–1944), цикла воспоминаний «Люди, годы, жизнь» (в 6 кн., 1961–1965), повести «Оттепель» (1954–1956) и др.

 ⁵⁵ Имеются в виду иностранные концессии на добычу медных и олово-цинковых руд.

 ⁵⁶ Квислинги – изменники, предатели, сотрудничающие с национальным врагом. Название получили по имени В. Квислинга (1875–1945), лидера фашистской партии Норвегии, содействовавшего в 1940 г. захвату Норвегии фашистской Германией.

 ⁵⁷ Мачек Владко (1879–1964) – председатель Хорватской крестьянской партии (с 1928 г.), первый заместитель премьер-министра Королевства Югославии в кабинете Д. Цветковича (1939–1941), затем – в кабинете Д. Симовича. Стремясь не допустить втягивания Хорватии в войну, он вел тактику «умеренного коллаборационизма»: с одной стороны, призывал хорватский народ к поддержке установившегося режима Анте Павелича, с другой – делегировал своего представителя в эмигрантское правительство. В 1945 г. эмигрировал сначала во Францию, затем в США.

ЛЮБОВЬ И ЦЕНТЪ ИЗ СВАТОЙ ОУЧЕНАКЪ

ИЗ МИСЪ ПЕРВЫЙ КОРПУСЪ ЗНАЕНАКЪ

ДОУВЕЖЕНАКЪ

№ 1732

Издаиѣ
Общества В. Кадетъ
ПЕРВАЮ корпусу

1732

Княгиня Елена Петровна Романова (Карагеоргиевич) в штабе сербской добровольческой дивизии. 1917 г. (ВМ)

Принцеза Јелена Романов (Карађорђевић) у посети штабу српске добровољачке дивизије, 1917. (ВМ)

Первая добровольческая дивизия сербов, хорватов и словенцев на пути из Вознесенска на фронт. 1917 г. (ВМ)

Прва добровољачка довизија Срба, Хрвата и Словенаца на путу из Вознесенска на фронт, 1917. (ВМ)

Сербские добровольцы и русские офицеры в Ярославле. Сентябрь 1917 г. (НБС)

Српски добровољци и руски официри у Јарослављу. Септембар, 1917. (НБС)

Сербские офицеры на Мурманской железной дороге. 1918–1919 гг.
(Архив университета штата Мичиган)

Српски официри на Мурманској железници 1918–1919. (Архив Универзитета Мичиген)

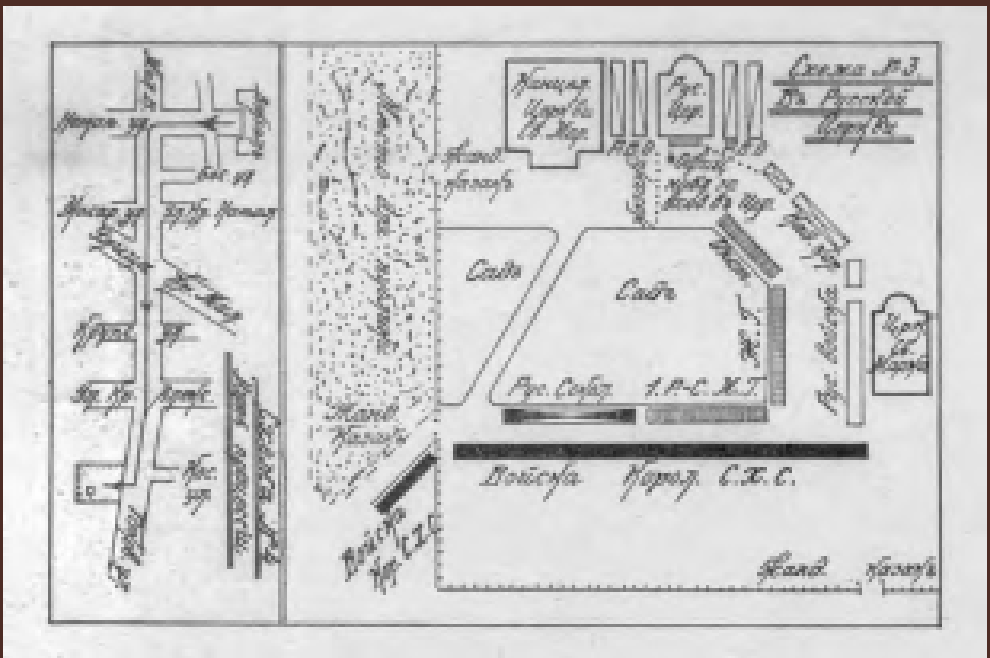
Воззвание к сербам, хорватам и словенцам окружной Самарской коллегии по формированию РККА, 1918. (АС)

Позив Самарског колегијума за формирање Црвене армије упућен Србима, Хрватима и Словенцима, 1918. (АС)

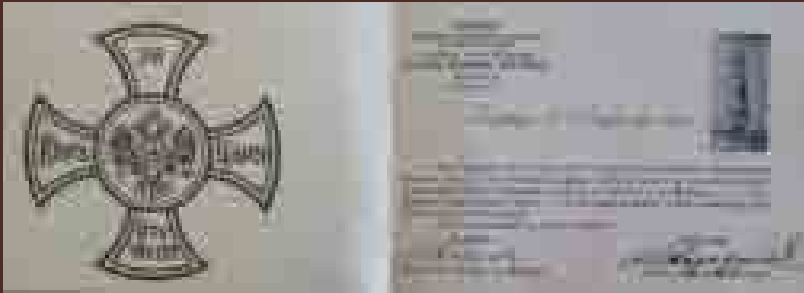
План руского участка на Новом кладбище в Белграде, 1930 (ИАБ)

План руске парцеле на Новом гробљу у Београду, 1930. (ИАБ)

Церемониал торжественного перенесения праха генерала П.А.Врангеля 6 октября 1929 г. в Белграде (НБС)

Церемонија свечаног преноса посмртних остатака генерала П.А.Врангела 6. октобра 1929. у Београду (НБС)

Приглашение на поминальную службу у русской братской могилы на Новом кладбище в Белграде в память о русских офицерах и солдатах, павших на фронтах Первой мировой войны (НБС)

Позив за учешће на парастосу руским официрима и војницима палим на фронтovima Првог светског рата, који ће бити одржан у руској костурници на Новом гробљу у Београду (НБС)

Торжественно перенесение праха генерала П.А. Врангеля. Белград, 6 октября 1929 г. (НБС)

Свечани пренос посмртних остатака генерала П.А. Врангела 6. октобра 1929. г. у Београду (НБС)

Штаб Земгора в Белграде на улице Теразии, 7. В центре – Ф.Е. Махин, 1924/1925 г. (АС)

Штаб Земгора у Београду у улици Теразије, 7. У средини групе је Ф.Е. Махин, 1924/1925. (АС)

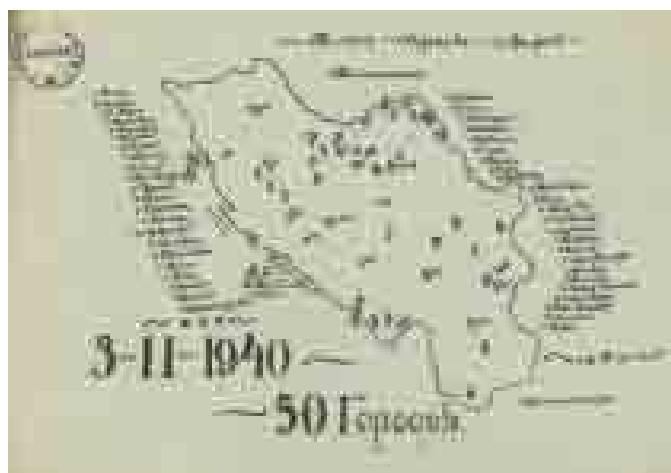
Русские эмигранты на строительстве железной дороги в Сербии (ВМ)

Руски емигранти на изградњи железничке пруге у Србији (ВМ)

Экзаменационная комиссия Русского кадетского корпуса в Королевстве СХС (НБС)

Испитна комисија Руског кадетског корпуса у Краљевини СХС (НБС)

Карта-схема расположения отделений русской организации скаутов в Югославии. 1940 г. (АС)

Карта-шема простирања одреда руске организације извиђача (скаута) у Југославији, 1940. (АС)

Директор Русског кадетског корпуса у Краљевини СХС
ген. Б.В. Адамович (справа) у знамени корпуса (НБС)

Директор Руског кадетског корпуса у Краљевини СХС
ген. Б.В. Адамович (десно) код заставе корпуса (НБС)

Встреча Ф.М. Шаляпина на перроне вокзала г. Нови Сад.
11 апреля 1930 г. (ЦГА Москвы)

Дочек Ф.М. Шаляпина на перону железничке станице
у Новом Саду. 11. априла 1930. (ЦГА Москве)

Проект Дома русской культуры Николая II на улице
Королевы Наталии. Белград. 1932 г. (ИАБ)

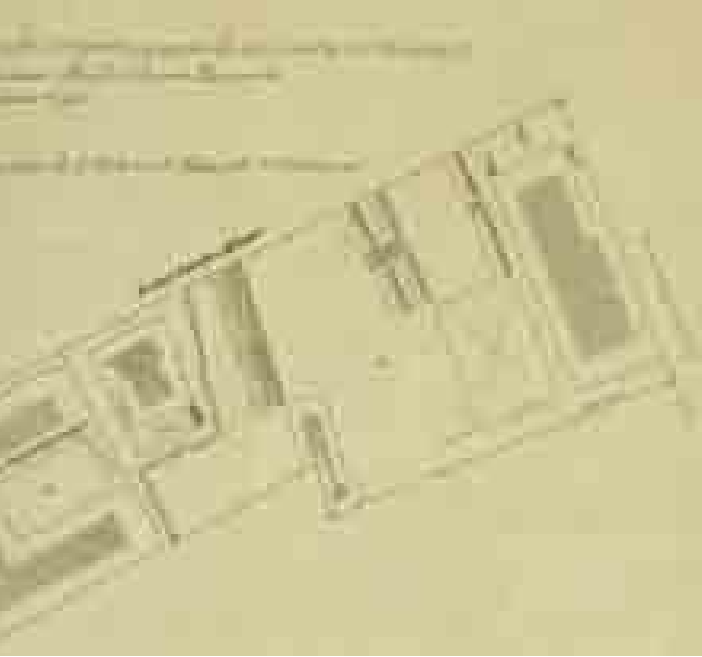
Пројекат Дома руске културе Николаја II у улици Краљице
Наталије у Београду, 1932. (ИАБ)

Обложка журнала «Зенит»
№ 17–18, посвященного русскому
абстрактному искусству в СССР.
1922 г. (НБС)

Насловна страна часописа „Зенит“
бр. 17–18, који је посвећен руској
апстрактној уметности у СССР,
1922. (НБС)

План русского государственного участка между улицами Косовке девойке, Королевы Наталии и Короля Милана, со зданием русского посольства, 1932 г. (ИАБ)

План руске државне парцеле између улица Косовке девојке, Краљице Наталије и Краља Милана, са зградом руског посланства, 1932. (ИАБ)

Ю.Л. Ракидин (Ионин). 1930-е гг. (Личный архив А.Б. Арсеньева)

Ј.Л. Ракидин (Јонин). 1930-е. (Лични архив А.Б. Арсеньева)

Балерина М.П. Оленина-Драгович. Белград, не позднее 1941 г. (ЦГА Москвы)

Балерина М.П. Оленина-Драговић. Београд, не касније 1941. (ЦГА Москве)

Здание Исполкома Коминтерна в Москве, на Воздвиженке. 15 октября 1954. Фото Н. Грановского (ЦГА Москвы)

Зграда Извршног комитета Коминтерне у Москви на улици Воздвиженка. 15. октобра 1954. Фото Н. Грановски (ЦГА Москве)

Административный корпус Исполкома Коминтерна в Ростокино. Москва, 1930-е гг. (ЦГА Москвы)

Административна зграда Извршног комитета Коминтерне у кварту Ростокино. Москва, 1930-е. (ЦГА Москве)

Проект общежития студентов Коммунистического университета нацменьшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ). Страница из журнала «Строительство Москвы» №6 1929 г. Архитектор Г.М. Данкман (ЦГА Москвы)

Проект студентского дома за полудни Коммунистического университета национальных машина Запада «Ю.Ю. Мархлевский» (КУНМЗ). Страница из часописа «Строительство Москвы» №6 1929. Архитекта Г.М. Данкман (ЦГА Москвы)

ОБЩЕЖИТИЕ СТУДЕНТОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НАЦ. МЕНЬШИНСТВ ЗАПАДА

Вопросы жилищного строительства в СССР являются одними из важнейших. В настоящее время в стране наблюдается острый недостаток в жилых помещениях, особенно в городах. Для решения этой задачи необходимо принять срочные меры по увеличению жилищного строительства. Одним из путей решения этой задачи является строительство общежитий для студентов высших учебных заведений. Это позволит не только решить жилищную проблему студентов, но и воспитать у них привычку к коллективному образу жизни.

В настоящее время в СССР существует несколько типов общежитий. Наиболее распространенным является общежитие с общими комнатами. В таких общежитиях студенты живут в больших комнатах, в которых размещены несколько кроватей. В каждой комнате есть общий стол, шкаф и другие предметы мебели. Кроме того, в общежитии обычно есть столовая, библиотека, клуб и другие помещения.

Одним из преимуществ общежитий является то, что они позволяют студентам экономить средства на проживание. Кроме того, общежития способствуют развитию дружеских отношений между студентами и помогают им лучше подготовиться к занятиям.

В настоящее время в СССР ведется активная работа по строительству общежитий для студентов. Это позволит решить жилищную проблему студентов и способствует развитию высшего образования в нашей стране.

Гостевой билет участника Седьмого конгресса Коминтерна на имя Ф. Вальтера (И.Б. Тито). Москва, 1935 г. (РГАСПИ)

Легитимација Ф. Валтера (Ј.Б. Тита), учесника Седмог конгреса Коминтерне. Москва, 1935. (РГАСПИ)

Карикатура «Бегство из рая: – Слава богу, что мы освободились из советского рая! Масса бывших советских граждан предпочла покинуть свои очаги, чтобы только не испытать опять счастье большевизма». Недељни преглед, № 3. Белград, 1943 г. (НБС)

Карикатура „Бекство из раја: – Хвала богу, да смо се ослободили совјетског раја! Маса бивших совјетских грађана волела је више да напусти своја огњишта, него да поново буде ‘усрећена’ од большевизма“. Недељни преглед, бр. 3. Београд, 1943. (НБС)

Похорони советских офицеров 75-го стрелкового корпуса – майора И.И. Калашникова, лейтенантов А.С. Шаталина и В.Х. Нариньяна, зверски замученных в плену у немцев. Село Малая Каменица (Восточная Сербия), 27 сентября 1944 г. (ВМ)

Сахрана совјетских официра 75 стрељачког корпуса – мајора И.И. Калашњикова и поручника А.С. Шаталина и В.Х. Наринјана, заробљених и зверски мучених од Немаца. Село Мала Каменица (Источна Србија), 27. септембра 1944. (ВМ)

Советские танки Т-34, подбитые во время освобождения Белграда. 1944 г. (ВМ)

Совјетски тенкови Т-34, уништени током ослобођења Београда, 1944. (ВМ)

Памятник павшим советским бойцам на площади Республики в Белграде, установленный в ноябре 1944 г. В 1951 г. снесен (открытка) (НБС)

Споменик палим совјетским борцима на Тргу Републике у Београду постављен новембра 1944. г. Уклоњен 1951. (разгледница) (НБС)

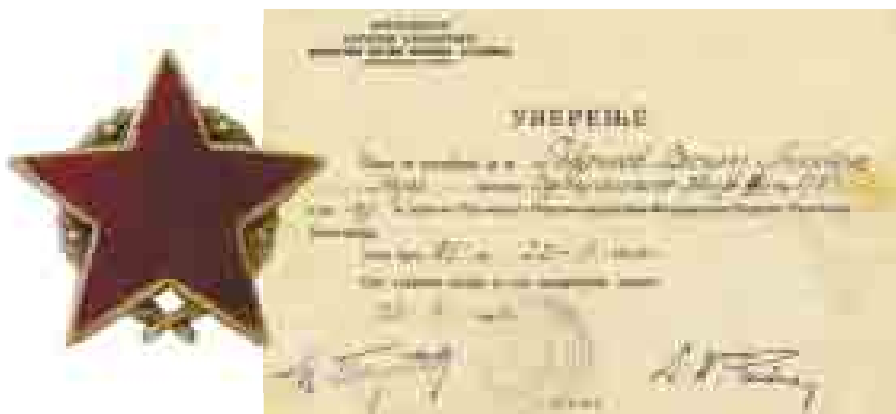
Газета «Политика», посвященная торжествам по случаю 27-й годовщины создания Красной Армии. На фото – выступление генерал-майора А.Ф. Киселева. Белград, 24 февраля 1945 г. (ЦГА Москвы)

Лист „Политика“, посвећен прослави 27. годишњице оснивања Црвене армије. На фотографији – говор генерал-мајора А.Ф. Кисељева. Београд, 24. фебруара 1945. (ЦГА Москве)

В.Н. Гавриков. Белград, февраль 1945 г.

В.Н. Гавриков. Београд, фебруар 1945.

Югославский орден «Партизанская Звезда», выкованный на Московском монетном дворе, с удостоверением к ордену. Вручен В.Н. Гаврикову. Белград, 22 февраля 1946 г. (ЦГА Москвы)

Југословенски орден „Партизанска Звезда“ израђен у Московској ковници новца и сведочанство о ордену урученом В.Н. Гаврикову. Београд, 22. фебруара 1946. (ЦГА Москве)

Советская медаль и удостоверение к медали «За освобождение Белграда», врученные В.Н. Гаврикову. 18 января 1947 г. (ЦГА Москвы)

Советска медала „За ослобођење Београда“ и сведочанство о њој, уручена В.Н. Гаврикову 18 јануара 1947. (ЦГА Москве)

Архивска грађа српских збирки
/ Архивные материалы сербских
собраний

Део I. Руска револуција и грађански рат

Глава 1. ДЕЛОВАЊЕ СРПСКИХ ДИПЛОМАТСКИХ ПРЕТСТАВНИШТАВА

1

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском министру иностраних дела Н. Пашићу о аудијенцији кнегиње Јелене код цара Николаја II и царевом одликовању добровољца потпоручника Л. Ловрића

Министарство Иностраних Дела
Политичко одељење
Отправљен 25.II у 20 сати 30 мин.
Примљен у 26.II у 10 сати
Лично

Ономад цар позвао Кнегињу Јелену¹ на доручак ради саопштења утиска са пута. За последња три месеца царица постала сасвим седа. Цар је добро расположен и најбоље се изразио о нашем корпусу и генералу Живковићу² који ужива опште уважаење и симпатије. Српски престиж код цара још се више уздигао у упоређењу са Румунима у којима цар потпуно разочаран. Цар дирнут рефератом Кнегиње Јелене предао јој лично орден Св. Ђорђа IV степен за п[от]поручника другог пука добровољачке дивизије Србина католика Луја Ловрића који изгубио оба ока у Добручи од непријатељске бочне ватре јер Румуни бегством открили наше крило. Велики Кнез Ђорђе Михајловић³ говорио цару и генерал Гурку⁴ да треба штедети наш корпус. У том смислу Кнегиња Јелена писаће Гурку а Министар Иност[раних] Дела руски такође се заузима. У свему радим у споразуму са њом за нашу општу ствар и њен патриотизам заслужује признање сваког Србина. Кнегиња Јелена постаје све више симбол крвне и политичке везе између нашег народа и Русије. Тактична и ретке интелигенције она врши улогу на најкориснији начин по нашу отаџбину.

[Мирослав Спалајковић]⁵

№. 168.

На полеђини: 28.II [19]17. Пов. №. 1064. Петроград.

Спалајковић извештава да је Цар одликовао преко принцезе Јелене п[от]поруч[ника] Луја Ловрића крстом Св. Ђорђа IV степ[ена].

Саопштити Њ.Кр.В. Наследнику целу депешу и предложити наследнику да саизволи одликовати Кнегињу Јелену нашим орденом, који он одреди, а осим тога да изволи одликовати п[от]пор[учника] Лују Ловрића.

Прочитао у седници [Никола П.] Пашић⁶

Consulat Serbe Salonique

За М[инистра] Унутр[ашњих] Дела. Петроград јавља: //

Молим саопштите наслед[нику] престола и умолите га да изволи одликовати Кн[егињу] Јелену орденом који он одреди. Умолите Министра Војног одликовати Ловрића нашим ратним орденом по могућству Карађорђевог звездом.

[Никола П.] Пашић

Експ. 28.II 1917. Мартинац

АС, МИД, ПО, 1917, ФIХ, ДII, 84

2

Извештај српског генералног конзула у Одеси М. Цемовића српском министру иностраних дела Н. Пашићу о политичком стању у Русији после Фебруарске револуције, с обзиром на српско и југословенско национално уједињење и пропагандни рад у Русији

Сербское Королевское Консульство

Господину Николи П. Пашићу
Председнику Министарског Савета,
Министру Иностранних Дела и т.д.

Пов. No. 230.

6. марта 1917. г.

Господине Председниче,

Доста добро познавање прилика у Русији налаже ми дужност, да колико могу придонесем својим опажањима и мислима, да се оријентишемо у новим приликама у колико су оне овога тренутка разумљиве и то искључиво с гледишта наших националних интереса.

Нишка скупштинска одлука⁷ о стварању уједињене Србије, Хрватске и Словеначке, примљена је била у Русији, апсолутно у свима круговима, као

шовинистички акт Србије. Потребно је било дуго времена и много тешкога рада, да се у Русији схвати идеја Југославије.

До јуче, до преврата, наша национална идеја имала је најискренијег заштитника у лицу цар Николе.

Љубав, истинита љубав бившег цара према Србији и српском народу припомогла је, да виша бирократија акцептира идеју Југославије. С падом цара и с њиме старога бирократског апарата, разрушено је у знатној мери оно, што смо ми до сада радили и урадили у политичким круговима старога режима.

Сад се морамо рачунати с партијама, њиховим вођама и њиховим политичким програмима у колико се они додирују међународних питања у опште и наших напосе.

Однос партија у Думи према нашем питању био је разнолик, али ни код једне групе није био довољно јасан и одређен. Реакционари, они што носе надимак „черносотенци“⁸, игнорисали су и до рата и за време рата, сва питања словенска.

Дали ће ова странка сад пропасти или ће на идућим изборима ојачати при доласком убеђених цариста, незна се, али на њу никад нисмо могли рачунати и неможемо рачунати ни ми ни други словенски народи ако би се она бројно ојачала на изборима.

Партије лево од прогресиста такође се нису интересирале до сад питањима међународне политике, па дакле, ни словенским питањима. Али ипак у социјалистичким издањима у Русији често се сретају врло симпатични чланци за Србију. Руским социјалистима, који незнају ни наше социјалне прилике ни безначајну улогу наших социјалистичких представника у Скупштини и политици, – необично је импоновала програмна доследност наших социјалиста у Скупштини за време овога рата.

Сад се на ове симпатије морамо обазирати. И у литератури, научној и белетристичкој, и у политици и у Думи⁹ социјалисте имају врло јаких преставника. Социјалиста револуционар А.Ф. Керенски¹⁰ после А. Гучкова¹¹, најјачи је стуб револуционарне владе и овога тренутка, после Родзјанка, најпопуларнија личност у Русији.

Колико познајем социјалистичку идеологију Руса, мени се чини, да ће они одиграти врло важну улогу у питањима међународне политике, штитећи начела правичности и права малих народа. Задобити људе за нашу правичну ствар, као што су Кропоткин, Плеханов, Керенски, Чхеидзе, Бурцев и други, значи у овим тренутцима много, врло много¹². У овој идеалистичко-револуционарној грозници, која ће, можда, трајати дуго, и после рата, ови ће људи бити идејно јачи од људи Миљукова¹³.

Од умерених партија, највише се интересирају словенским питањима оба крила националиста, уз које су се прибили остаци старе словенофилске школе. Њихов је програм јасан и одређен: „Словенски потоци треба да се слију у руско море“.

У Јануару 1915. године народни посланици и сенатори из ове групе позвали су ме били, да их у њиховом клубу упознам с нашим питањима и били су изненађени што и ја, подгревам словенски „сепаратизам“ истицањем нашег програма о Југославији.

Страхујући за опстанак Русије и бројно немоћни да утичу на ток државне политике, они су просто до сад игнорисали ову страну њиховог програма. То сте Ви могли уочити апсолутним дезинтересирањем словенским питањима од стране раније ватреног поборника словенске политике графа Владимира Бобринског¹⁴, вође левог крила националиста.

Центар думски, октобристе, такође су за време рата потпуно игнорисали наше питање. Кад знамо, да је душа и срце октобриста, Ал. Гучков, онда је довољно знати његове погледе на пољско питање, да разумемо однос странке према осталим словенским питањима. Он је против аутономије Пољске, – он је за потпуно разграничење Русије и Пољске. Нека остали Словени уређују своје ствари како хоће, ми имамо да водимо бригу о Русији и руском народу, – то је основно гледиште на словенска питања вође октобриста.

Уставно – демократска странка, кадети, напротив, врло се интересирала словенским питањима за време овога рата. Ово се најбоље да схватити, кад се констатује, да је у кадетској странци П. Миљуков оно што сте Ви у Радикалној странци, – све.

Ја П. Миљуква доста добро познајем, јер сам са њиме пријатељовао и полемизирао и као што знате из мог ранијег извештаја, пре два месеца, у Децембру, с њиме опет разговарао о нашим стварима. Он је у Думи створио био за себе монопол опозиционарне дипломатије и у целој Русији влада једнодушно убеђење, да је П. Миљуков најкомпетентнији човек у питањима међународне политике.

Његово бугарофилство с којим смо имали сви толико много посла, а услед стицаја прилика, ја понајвише, даје нам кључ да се упознамо са његовим убеђењима о руским интересима на Балкану. По моме мишљењу он је присталица политике покојног Игнатијева¹⁵ и његових сарадника у балканским питањима.

Није то било давно, у Августу 1915. године, он је написао под својим подписом у „Рјечи“ знаменити чланак о политичком тестаменту бугарског екзарха Јосифа¹⁶. Јосиф је, бајаги, завештао, да Бугарску треба ујединити с Русијом. Био сам убеђен, да је он чланак о тестаменту просто измислио и са овом мојом претпоставком прећутно, у разговору, – сложио се био ондашњи бугарски посланик Мацаров. Независно од ове претпоставке, тенденција целога чланка била је, да убеди читаоца, да је ова мисао једино тачна – правилна – како с бугарског, тако и с руског гледишта.

Супротно Гучкову, он је за аутономију Пољске. Рецимо да он неће захтевати анексију Бугарске, али, сумње нема, да ће он, ако само могне, из Бугарске створити руску балканску Пољску.

По реду долази странка прогресиста, оцепљено од кадета крајње ново крило. Они се врло симпатично односе к нама и нашим идеалима, нарочито њихов вођ Јефремов, али су они бар за сада, врло слаби.

Најопаснији су, разуме се, по нашу ствар погледи самога Миљукова. Једна од три могуће његове комбинације о Бугарској – анексија, аутономија или протекторат – чини непотребним с гледишта руских интереса стварање снажне Србије-Југославије.

Оваква комбинација о Бугарској привременог диктатора спољне политике неизбежно ће охрабрити националисте и с њима старе словенофиле о стварању једне словенске државе. Оживеће неминовно и она струја у Министарству Иностраних Дела, која је и досад била против идеје Југославије и жеља, да Русија створи словенску федеративну Аустрију под заштитом Русије.

Као што сада, у првим данима револуције, одређују правац новом политичком курсу две странке – октобристе и кадети – тако ће бити и даље. Превласт једне или друге странке у политичким пословима зависи у најближој будућности од избора, који, по смислу манифеста будућег цара, треба да буду скоро.

Изборну прогнозу, нарочито у оваквим приликама, тешко је чинити, али ипак са извесном резервом рачунам за потребно да Вас упознам са шансама једне и друге странке.

Уставно-Демократска Странка има највише одређености и страначке дисциплине, она је од свију странака најбоље организирана. То је, на првом месту, – академска странка. Универзитети и леви део интелигенције на њеној су страни. Уз њу су били и до сада Јевреји, а у новим приликама биће у толико пре. Пошто ће бити опште право гласања, странка Миљукова сигурно може рачунати на осам милијуна Јевреја у Русији. У старом режиму Миљуков би могао рачунати и на пољске гласаче, колико их има сада у Русији, али у новим приликама Пољаци ће се разбити у две групе: на оне, који желе да одрже државну унију с Русијом, и оне, који ће бити за пуну самосталност. Другим речима: једни ће поћи уз Гучкова, други уз Миљукова. Трећи је елемент на који сигурно могу рачунати кадети – балтијски Немци и све немачке колонисте. Миљуков је и до сада бранио Немце у Думи против изузетних закона о њиховим поседима.

Октобристе су врло слабо организовани као партија. Њих је одржавао до сад њихов умерени либерализам. У не-руским народима они нису имали својих присталица и неће их имати. Два су чисто руска елемента, који су до сад одржавали „Савез 17. Октобра“: трговачко-индустријски и племићски.

Оно што је Миљуков у академским круговима, то је Гучков у трговачко-индустријским руским, не јеврејским, круговима. Као личност, Гучков је у сваком погледу далеко изнад Миљукова. То је човек, који се не повија по ветру и не лавира у политици, човек велике енергије и јаке интелигенције. За време

рата, до преврата, својим радом у „Војно-промишљеном Комитету“, задобио је за себе и војне кругове. Као министар војни и морине импоноваће на изборима целокупном руском, национално-руском, становништву.

Однос Миљукова и Гучкова карактерише најбоље сам Миљуков у своме првом револуционарном говору 2. Марта: „А. И. Гучков за сво време трајања Государствене Думе био је мој политички непријатељ. Али, господо, он је сад мој политички пријатељ. Треба и према непријатељу бити правичан, јер је Гучков у трећој Думи приступио к преуређењу руске војске, коју је био дезорганисао манџурски неуспех... Ја и Гучков људи смо различитих типова – ја сам стари професор, који је навикао да предаје лекције, а Гучков је човек акције“.

Родзјанко¹⁷ је стао на челу октобрита у Думи због тога, што је Гучков на последњим изборима у Москви пропао.

Родзјанко је тип доброг Руса и старог руског дворјанина. Он је и типичан либерал руског племства. Руско племство, либерално и конзервативно, против је кадета због њиховог знаменитог аграрног пројекта, по којем земља има да се разда сељацима. Појава октобристе Родзјанка на челу револуционарног покрета, популарисаће ову странку у целој земљи.

У овом погледу окружни одбори – земство¹⁸ – одиграће врло важну улогу. Овога тренутка земство је једина организована сила, на коју се може ослонити револуционарна влада. На њему је почивала и снага досадашње државне власти у снабдевању војске храном и другим потребама. Због овога Думски Комитет и назначио је Кнеза Љвова на челу владе и поверио му најтежи положај Министра Унутрашњих дела, јер он стоји на челу земске организације. По својим политичким убеђењима, он је ближи октобристима, него кадетима. Оваква је и већина земаца.

Страх од других народности, не-Руса, да ће својом већином (90:80) изменити руски карактер државе, знатно ће зближити и спојити велики део руске интелигенције и октобристи, на челу са Гучковим и Родзјанком, јављају се као природни центар таквог руског груписања.

Што се тиче руског сељака, који ће, ако револуционарна влада буде консеквентна, имати већину у Думи, он ће пре бити на страни октобрита, него на страни кадета. Поред тога што су они и по својој природи и по својој некултурности конзервативни, они ће бити против кадета, из органске мржње према Јеврејима и домашњим немцима. Саблазњиви аграрни пројекат кадета, неће сами кадети смети скоро изнети пред парламенат, али ако то и учине, сељаци ће у огромној већини само то једно акцептирати из кадетског програма, а иначе остаће у националистичким групама не левије од октобрита¹⁹.

У унутрашњој политици, дакле, у изгледу је, да пре може победити Гучков, него Миљуков. Највероватније је, да ни кадети, ни октобристи неће имати

апсолутне већине и најприродније је, да ће до краја рата, без обзира на изборни резултат, бити коалициона влада.

И у нашем питању, дакле, пресудну ће улогу одиграти Гучков и Миљуков, ако се утврди нови режим.

Обојицу познајем и могу Вам рећи, да је у овом или другом правцу лакше утицати на Миљукова него на Гучкова. Једну једину заједничку црту имају – оба су несумњиво патриоте, сваки на свој начин и по своме схватању. Кажем, да се на Миљукова може утицати и ако је често упорни инација. Као што сам Вам у последњем извештају јавио, он је у Децембру, пре два месеца, радо, врло радо прихватио мој предлог да држи говор у Думи о нашим стварима.

Он нас несумњиво не воле, не воли нас као народ, не воли нас што је одавно у борби против нас због својих појмова о Бугарској и Македонији, не воли нас, што смо му наносили ударце у јавности и увек били непредусретљиви према њему у Србији, али све ово не значи, да се с њиме не може радити и да се на њега једним или другим путем не може утицати. Он је и у политици и у личном животу, не гледећи на спољашње тврдоглавство и чести инатлук, ипак опортуниста. Кад сам му се пре два месеца обратио био у Петрограду с молбом, да одржи у Государственој Думи говор о нашим мукама и идеалима, ја сам унапред знао, да ће он то радо учинити из личног опортунизма. Његова бугарофилска политика, коју је Бугарска сама демантовала, рђаво се била одазвала на његов ауторитет у међународним питањима по целој Русији. Његов говор у Думи о нама био би најватренији, јер је само тако могао загладити своју погрешку у очима јавног мњења.

Што се тиче других кадетских првака – до сад су они, изузимајући Маклакова²⁰, били у нашим питањима под искључивим утицајем Миљукова. „Руске Вједомости“, орган московских кадета, писао је о нама у спору с Бугарима горе, него „Рјеч“. Ми до сад међу кадетима доиста немамо пријатеља, изузимајући старог Родичева²¹, сада министра Финске, али нисмо ништа ни радили, да којег од њих задобијемо. Сад то морамо чинити и изгледа ће Вам чудновато моје мишљење, да ипак најпре можемо задобити самог Миљукова, ако само умеднемо, без наглих скокова подесити понашање према њему.

У нашим питањима с Румунима и Талијанима, у колико му допусте руски интереси, он је био и остаће на нашој страни.

Што се тиче Александра Гучкова, он нама несумњиво симпатише, као Родзјанко, Владимир Љвов и сви виђенији октобристи. И његова је најближа околина врло пријатељски расположена према нама. Његов, и ако недовољно озбиљан брат, Н. Гучков²², бивши председник Московске општине (Думе), одушевљен је наш пријатељ. Госпођа А. Гучкова једна је од врло енергичних руских дама политичарка, и она је одушевљена српским народом и преко ње увек можемо Гучкову дотурити што нам треба.

Добро је што су наша два одлична пријатеља интимни пријатељи А. Гучкова – генерал Алексејев²³ и ректор Одеског универзитета Кишенски²⁴, као и то, што су, као што рекох раније, сви виђенији октобристи наклоњени нама.

Упознавајући Вас са две странке и њиховим вођама, који имају да одиграју главне улоге у унутрашњој и спољашњој политици Русије, ја рачунам за потребно да Вам напоменем напоследку да особиту пажњу морамо поклонити сад јавном мњењу у Русији.

У револуционарним режимима у опште моћ јавнога мњења достиже увек свој врхунац. У толико пре ће одиграти оно велику улогу у увек идеалистички расположеном руском друштву. Један документован говор каквог идеалисте у Думи, као што је, напр., Керенски, или чланак у популарном листу каквог истакнутог писца у корист малих и потиштених народа, сад ће имати великог значаја, чак у извесним питањима и приликама може имати и одсудног значаја.

Као што знате, Господине Председниче, – ми немамо у Русији ни једнога листа и ни једнога од вредности публицисте, који би био наш. У најтежим нашим моментима, кад је интересовање нашим питањима изгледало потпуно природно, са тешком муком могао је који од нама расположених уредника пропустити какав чланак о нама и нашим стварима.

Ја добро познајем новинарске прилике и новинарске кругове у Русији. Руска је журналистика чиста, неподмитљива и баш због тога, што сваки публицист живи од пера и броја штампаних редова, тешко је штампати туђ, случајног сарадника чланак. У најинтересантнијем моменту моје полемике с Миљуковим о српско-бугарском питању, ја сам морао да прекинем писање чланка у „Новом Времену“, јер сам одузимао са њима редовну дневну зараду редовних сарадника, већином акционара.

У новим приликама нама је неопходно потребно да имамо најмање два своја листа, један у Петрограду, други у Москви. Ја не разумем покретање нових српских листова на руском језику, јер је ово немогуће и не би било целисходно кад би и било могућно, већ стварање могућности, да се у два што популарнија и што боља листа могу штампати сви чланци, који иду у нашу корист.

Ово се пак може достићи уласком наших људи у редакције као акционара, нарочито при покретању нових листова којих ће бити много. Са акцијама могу се чинити комбинације и са постојећим – крупним издањима. Одредити на ово кредит од милијуна динара, по мом мишљењу није много и несумњиво је, да ће тако утрошени новац донети велике плодове, уз то он може бити потпуно очуван за државу.

Ја стално дајем пресудан значај Русији у нашем питању, супротно многима нашим људима, који све очекују од Енглеске и Француске, нарочито Енглеске. Независно од свију других веза и интереса Русије са својим великим савезницама, нова, слободна и демократска Русија отвара својим савезницама, наро-

чито Енглеској неисцрпне економске добити. Никад и ни у каквом случају ни Енглеска ни Француска неће жртвовати руско пријатељство и с њиме везане своје велике интересе ни за једно словенско питање и Русија, као што је била, остаје за нас неопходни и природни заштитник.

Као што видите, Господине Председниче, нове прилике у Русији захтевају и нове методе рада, и, рекао бих, нове и људе. Ово мало наших јавних раденика, што се овамо случајно затекло, мало доцније дошло, и сувише је мало за овај нови рад, а међу њима свега њих два владају литературним руским језиком и ни један од њих није ни професионални публициста ни политичар. Требају, дакле, нове снаге и на основу мога познавања наших политичара и у земљи и ван ње, не устежем се рећи своје мишљење, да треба слати што мање професора с њиховим догматичким, обично неоснованим мишљењима и учитељским ауторитетом који убија код просвећених професионалних политичара вољу за третирање политичких питања о нама.

Овамо сад треба слати млађе политичаре који су довољно културни и истинито демократски расположени. Постаје апсолутна потреба, да и Југославенски Одбор пошаље у Русију што више и што јачих снага.

Долазак и наших социјалиста-посланика постаје врло потребан.

До јуче наша народна ствар била је под царском заштитом, од данас њу треба да штити демократска руска идеологија и нови људи, које треба задобити.

Изволите, Господине Председниче, примити уверење мога најдубљег поштовања

М[арко] П. Цемовић²⁵

Одеса, 6.III 1917.

Пов. Бр. 3565.

На полеђини: Одеса, 15.X [1]917. Извештај Марка Цемовића о политичком стању у Русији с обзиром на наше национално уједињење. У акта, 4. окт[обра 1]917.

Прегледао Н[икола] П. П[ашић]

АС, МИД, ПО, 1917, ФХ, ДШ, 173–181

3

Телеграм српског министра војног, генерала Б. Терзића, којим обавештава српски МИД о аудијенцији српског војног изасланика у Русији пуковника Б. Лонткијевића код бившег цара Николаја Романова

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

Отправљен из Солуна 10.ИИ у 19 сати _ мин. после подне

Примљен у Крфу 11.ИИ у 5 сати 30 мин. после подне

Војни изасланик из Русије јавља²⁶: 7. марта био сам примљен од Цара у засебној ауд[и]енцији као и остали изасланици. Захвалио сам Цару за све што је учинио за Србију и српску војску. Рече ми да је увек имао симпатије за братски српски народ и да ће нада се споразум²⁷ победити и српски народ остварити своје идеале. Рече да су прилике такве да [је] сматрао за потребно одрећи се престола желећи да се рат доведе до победничког краја. Молио [је] предати наследнику престола поздрав да ће савезници испунити свој дуг и обећања према Србији. Интересовао се за наш корпус²⁸ и молио предати му његов поздрав. Ја сам још једном захвалио Цару додајући да српски народ неће никад заборавити 1914. год[ину] кад је руски Цар дигао свој моћан глас у заштиту Србије. Захваливши ми за службу Цар ми пружи руку са речју: милостиви Бог нека заштити Српски Народ. По одобрењу владе Цар ће отпутовати кроз два дана у Царско Село. Колико ће тамо остати не зна се. Оправдано је мишљење да треба напустити Русију што пре.

Министар Војни Терзић

Стр. Пов. No. 280.

Јуришић

Јовановић

На полеђини: 11.ИИ [19]17. Солун. Мин[истарство] Вој[но] Опроштајна аудиенција нашег Вој[ног] Изасланика у Русији са Царем. Пов. No. 1232. 12.ИИ [1917].

Прочитао у седници [Никола П.] Пашић

АС, МИД, ПО, 1917, ФИХ, ДИ, 93

4

Телеграм српског министра војног, генерала Б. Терзића, којим се обавештава председник српске владе Н. Пашић о стању у руској војсци после Фебруарске револуције

Министарство Иностраних Дела
Политичко одељење
Отправљен из Солуна 12.ИИ у 7 сати _ после подне
Примљен у Крфу 13.ИИ у 6 сати _ после подне
Сматрајте као строго поверљиво

Војни изасланик у Русији јавља:

И ако на фронту мир последњи догађаји мораће одазвати се како на пројектоване операције тако и на војничку дисциплину, која трпи извесну кризу. Пројектована офанзива, ако не сасвим обустављена, мора бити одложена за извесно време јер су припреме знатно застале. Ма да команданти старају на фронту спречити утицај из позадине, ипак много што шта долази до фронта. Министар Војни заводи извесне новине које су у садашње време могле изостајати. У позадини више Команданата похапшено и замењено младим официрима. Многи војници носе црвене траке а трупе црвене заставе са натписом „слобода“. У неким пуковима сами војници бирали за команданта резервне потпучнике. Једина нада у долазак великог кнеза Николаја²⁹ који се овде нерадо очекује. У Петрограду влада јака струја између радничких депутација да му не треба дати Врховну Команду јер се боје његове популарности у војсци. Влада се енергично стара повратити ред у земљи и имала до сада успеха у томе. Но ипак војска и операције трпе извесну кризу и за сад донекле закашњавају.

Министар Војни Терзић

Пов. Но. 4794.

Јуришић

Јовановић

На полеђини: 13.ИИ [19]17. Солун, Мин[истарство] Вој[но].
Ситуација у Русији. Пов. Но. 1251.

Прочитао у седници [Никола П.] Пашић

АС, МИД, ПО, 1917, ФИХ, ДИ, 4

5

Телеграм којим М. Спалајковић јавља српском МИД-у садржаје поздравних говора које су чланови југословенске делегације разменили са председником руске владе Г.Ј. Лавовим и председником Државне думе М.В. Родзјанком

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

29.ИИ 191[7.]

Крф

Отправљен из Петрограда 27.ИИ у 5 сати 50 мин. после подне

Примљен у Крфу 28.ИИ у 7 сати 30 мин. после подне

У допуну телеграма Бр. 297.

На поздрав југословенске делегације Кнез Лавов је одговорио да се слобода осигурана осталим угњетеним народима, мора осигурати и србо-словеначко-хрватском народу у пуном смислу речи. *Али влади задаје бригу унутрашње стање. Истина, грозница је прошла, али треба се бојати језе. Руски је народ показао велики државнички смисао, али је ипак руски народ једно велико питање. За сад нема места песимизму, јер долазе добре вести из Москве, унутрашњости, Кавказа и са фронта. Али револуција је као море и не зна се шта се може десити на појединим местима. Немање путева помаже како на фронту, јер спречава наступање непријатеља, тако и у земљи, а зато време[ном] ће се ствари сталожити. Бог нам помогао³⁰.*

Председник Думе рекао је: Србију сви волимо; она је страдала више него ико; она мора бити не само васпостављена, већ знатно увећана и уједињена у велику Србију. Предајте поздрав свима вашим. Живела велика Србија.

[Мирослав] Спалајковић

На полеђини: 29.ИИ [19]17. Петроград. Пов. Но. 1480. Говори Љвова и Родзјанка југословенској делегацији.

Прочитао. Да се учини извод за пресбиоро, и да ми се покаже пре него што се даде штампати. 29.ИИ 1917.

[Никола П.] Пашић

АС, МИД, ПО, ФИХ, ДИ, 123–124

6

Телеграм којим М. Спалајковић јавља српском МИД-у садржај апела који су чланови југословенске делегације предали председнику руске владе Г.Ј. Лавову и председнику Државне думе М.В. Родзјанку

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

29.ИИ 1917.

Отправљен из Петрограда 27.ИИ у 5 сати 55 мин.

Примљен у Крфу 28.ИИ у 8 сати

Овдашња југословенска група са Белићем³¹ и Станојевићем³² поздравила Кнеза Лавова³³ и Родзјанку, којима су предали апел ове садржине:

Представници јавног мнења српске краљевине, југословенског комитета и српских официра, сматрају својим дугом поздравити у вашем лицу слободни руски народ. Српско-хрватски и словеначки народ, дубоко проникнут демократским духом, не може замислити успешно развиће руског народа без демократске владавине и само од слободне Русије очекује остварење својих националних идеала, који се састоје у потпуном уједињењу у једну државу Срба, Хрвата и Словенаца. Сада демократска Русија улива нам дубоко поверење у своју улогу заштитнице Словена. С тога се обраћамо вама, као једном од највиднијих представника народне Русије, са позивом од стране свог нашег народа помоћи му остварити законите жеље. Желимо да Русија, која је изашла на прави пут свога развића, увек по њему чврсто следује, а пуна победа, коју ће нова Русија пре достићи него стара, даће јој могућност да развије сву своју стварачку моћ, даће нашем народу слободу и живот.

[Мирослав] Спалајковић

Но. 297.

На полеђини: 29.ИИ [19]17. Петроград, К. Пов. Но. 1480. Говори Југословенске делегације Кнезу Лавову и Миљукову.

Прочитао Н[икола] П. П[ашић]

АС, МИД, ПО, 1917, ФИХ, ДИ, 125

7

Генерални конзул Краљевине Србије у Одеси М. Цемовић предлаже српском МИД-у отварање новог конзулата у Москви да би се парирало деловању хрватског друштва „Крижанић“

Министарство Иностраних Дела
Политичко одељење
Отправљен из Одеса у 10.IV [1917.]
Примљен у Крф
Одговорено

Услед промене режима отварање Консулата у Москви постаје за нас неопходно. Познато друштво „Кризанић“³⁴ које нашој одеској организацији наноси опасне ударце – ми имамо широко поље за националан рад у Москви и императивну потребу да одмах тамо отворимо Консулат.

[Марко П.] Цемовић

№. 359.

На полеђини: 12.IV [19]17. Одеса, Пов. 4938 – Служб[ено] Предлаже отварање Конзулата у Москви.

Прочитао. У акта. Н[икола] П. П[ашић]

АС, МИД, ПО, 1917, ФХ, ДШ, 213

8

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о изборима за Велику народну скупштину у Русији и о писању новина „Вечерње време“ о руско-српско-бугарским односима 1915. године

Министарство Иностраних Дела
Политичко одељење
25.VI 1917.
Крф
Отправљен из Петрограда 16.VI у 17 сати 30 мин.
Примљен у Крфу 25.VI у 11 сати 10 мин.

Изашао [је] Указ, којим одређени избори за Велику Народну Скупштину за 17. септембар, а сазив за 30. септембар.

„Вечерње Време“ доноси чланак о одласку Спалајковића из Петрограда и каже, да је он за кратко време бављења у Русији стекао опште поверење и сматран уваженим државником високе културе, углађеним државником и одушевљеним патриотом. Спалајковић је скренуо пажњу Сазонову³⁵ у више махова на издају, коју спрема Бугарска и пред катастрофу Србије саопштио му телеграм Пашића о пројекту Путника³⁶, да се брзим покретом српских трупа на Софију спречи ступање Бугарске на страну Аустро-немаца, али је Сазонов све то одбио и уверавао Спалајковића, да Бугарска неће никада напасти на Србију. Доцнији догађаји, показали су, да су Пашић, Путник и Спалајковић били на висини правог државничког оцењивања догађаја.

[Мирослав] Спалајковић

Но. 631.

На полеђини: 25.VI [1]1917. Петроград, П. Но. 5153. Службено. Указ о изборима и сазиву Велике Народне Скупштине. „Вечер[ње] Време“ о Спалајковићу.

Узео к знању [Никола П.] Пашић

АС, МИД, ПО, 1917, ФІХ, ДІІ, 219

9

Телеграм српског министра унутрашњих дела Љ. Јовановића српском министру иностраних дела Н. Пашићу у Париз поводом објављивања тајних међудржавних уговора од стране бољшевичке владе и реаговања руских дипломатских представника на тај поступак

Из Крфа 17.XI 1917.

За председника

У Паризу 18.XI 1917.

Руски отправник послова [је] предао мени данас ноту следеће садржине: Посланство Русије сматра за своју дужност да саопшти српској влади да оно сматра објављивање тајних уговора и дипломат[ске] преписке у Петрограду од стране учиниоца овог акта као повреду флагрантну обвеза, које Русија примила на себе. Дао да се ова нота публикује без икаквих коментара. Тражио упутства од заступника Министра иностр[аних] дела Јанковића³⁷ у Солуну о том да ли треба одговорити руском отправнику послова да примамо саопштење на знање. [Љубомир] Јовановић

[Велизар С.] Јанковић

Но. 3937.

АС, МИД, ПО, 1917, ФІХ, ДІ, 63

10

Телеграм са упутством председника српске владе Н. Пашића поводом изјаве руског отправника послова у Паризу Б.П. Пелехина о тајним међудржавним уговорима које су бољшевици објавили по заузимању власти у Петрограду

Министарство Иностраних Дела
Политичко одељење
19.ХИ 1917.
Крф
Отправљен из Париза 18.ХИ у 22 сати
Примљен у Крфу, 19.ХИ у 11 сати
У одговору на ваш телеграм бр. 3937

Руском отправнику послова не треба ништа одговарати. Преко српских новина може се објавити да већина руских представника на страни не признаје владу Ленина. Пашић

[Миленко Р.] Веснић³⁸

На полеђини: изјава Пелекина 20.ХИ [1]917. Пов. Но. 3955. Париз. Упуства поводом изјаве руског отправника послова после објављивања тај[них] уговора. Завести и сајузити. 19.ХИ Јов. Поступљено по наређењу. 21.ХИ [1]917. Јов.

АС, МИД, ПО, 1917, ФИХ, ДИ, 26

11

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића упућен српском министру иностраних дела Н. Пашићу у Париз о односу дипломатског кора у Петрограду према бољшевицима који су с Немачком отпочели преговоре о примирју

Из Петрограда 18.ХИ [19]17.
У Паризу 22.ХИ [19]17.

У овдашњим дипломатским круговима надају се да ће париска конференција³⁹ учинити руском народу умереним тоном декларацију да се не могу одобрити преговори о засебном миру, нити признаје влада, која напушта интересе савезника и руске, да ће савезници продужити борбу. На јучерашњој

конференцији⁴⁰ решили смо не одговорити ништа на ноту Троцког којом нас извештава и позива на заједнички споразум о примирју, али утицати на њега индиректно да руски услови буду што тежи у циљу отезати или покварати преговоре. У споразуму са савезницима радим на томе преко повереника.

[Мирослав] Спалајковић

№. 1110.

АС, МИД, ПО, 1917, ф IX, Д I, 62

12

Телеграм српског министра иностраних дела Н. Пашића поводом тајних међудржавних уговора које су бољшевици објавили по заузимању власти у Петрограду и „Меморандума“ народних посланика Т. Кацлеровића и Д. Поповића

Legation Serbe
Petrograd

Молим послати Министарству десет примерака „Црвене Књиге“⁴¹ о тајним документима која [је] изашла пре неколико дана, као и неколико примерака меморандума Кацлеровића и Поповића⁴². Хитно.

[Никола П.] Пашић

Шифр[овано]. 22.XII [19]17. Касидолац

На полеђини: 20.XII [1]917. Пов. №. 4304. Ово М[ини]ст[арст]во, Руска Црвена књига. V акта. 22.XII.

Јанковић

АС, МИД, ПО, 1917, Ф IX, Д I, 41

13

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о кнегињи Јелени и предстојећем потписивању Брест-Литовског мира

Hotel kamp.

Helsingfors⁴³

Etrangères Corfou

Шифре

Хелсингфорс

13. II 1918.

Лично

Са нама је Кнез Арсен⁴⁴ који ће продужити пут за Француску. Кнегиња Јелена [је] остала [у] Петроград[у] јер [је] политички незгодно члановима династије Романова остављати Русију. Бољшевици [су] решени потписати најтежи мир и званично [су] изјавили да примају и најновије немачке услове према којима Русија губи Карс Батум⁴⁵. Очекује се потпис мира у Бресту сутра [у] понедељак.

Одлазак савезника из Петрограда [је] потпуно оправдан догађаима горе наведеним а нарочито онима који наступиће у најближем времену. Обраћам Вам пажњу на телеграм агенције Reuter који шаљем отворено. Француски амбасадор саопштиће ми данас поверљиво план савезника о чему одмах известићу Вас.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: Прим. 18. II [19]18. Пов. Но. 197. Ситуација.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р32/1918

14

Новински чланак, који је пренео српски Пресбиро, о догађају у Петрограду, када је на дипломатском пријему српски посланик М. Спалајковић изврѐао В.И. Лењина због потписивања Брест-Литовског мира и иступања Русије из рата

Краљ[евски] Српски Пресбиро
Бр. 57.
Крф

22. фебруара 1918. г.

САВЕЗНИЦИ ИЗМЕЂУ СЕБЕ

„Локаланицајгер“⁴⁶ од 29. јануара н[о] н[овом календару]

Под тим насловом доноси ову вест: „Још приликом последњих расправа у главноме одбору Рајхстага било је код нас, као што је познато, посланика који нису могли никако да се умире због тона, који је на срећан начин пронашао генерал Хофман⁴⁷ у Брест Литовску према г. Троцком⁴⁸. Надамо се, да ће ову г[осподу] сада умирити интермецо што се одиграо између Ленина и преставника мале Србије, г. Спалајковића, у Петрограду. Било је то приликом демарша, што га је цео дипломатски кор учинио код Ленина због хапшења румунског посланика. Ленин је за своје извињење рекао, како је издајство Румуније према Русији очевидно. Код ових речи скочио је српски посланик према Ленину и довикнуо му:

„Шта? Ви се усуђујете да говорите о издаји Савезника, Ви који сте за навек изгубили част? Ја вам пљујем у лице! Мала демократска Србија, нападнута од стране једне милитаристичке царевине, поступала је са свим обзирима са послаником Аустрије и он је могао да напусти Србију, а да није ни од кога претрпео ни најнезнатнију увреду. Међутим, ви ћете кроз цео ваш живот морати да вучете за собом успомену на ову нискост коју сте починили!“⁴⁹

Белгијски посланик, Дестре, који је, као што је познато социјални демократа, довикнуо је Ленину:

„Ви немате никаква права да се зовете социјалистом, социјализам нема ништа заједничког са вашим поступком, који је дошао чак до хапшења једног савезничког посланика, који је потпуно невин“.

Када су дипломате одлазиле, приближио се Ленин Србину и покушао да га умири. „Ја схваћам, рекао је он, ваше очајање, али нашу политику диктира воља, да по сваку цену и што је пре могуће учинимо крај проливању крви у Европи“.

АС, НП, 2/III

15

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о последицама потписивања Брест-Литовског мира по унутрашње стање у Русији и политику Антанте према Русији

Hotel kamp. Helsingfors

Etrangères Corfou

Шифра

Хелсингфорс

18. II 1918.

Лично

Петроград по телефону јавља да је мир потписан јаче. Услови [су] ужасни и срамни за Русију. Све већа опозиција против Ленина и Троцког којих [су] дани избројани. Спрема се општи конгрес бољшевика из целе Русије у Москви. Ниједна странка неће ратификовати мир. Јавно мишљење се заталасава – Одлазак савезника из Петрограда протумачен [је] као демонстрација против народних комесара који [су] вређали савезнике и у најкритичнијем тренутку лишили Русију њихове помоћи која [је] била тако племенито понуђена. Француски амбасадор ми [је] рекао у поверењу да је споразум између Америке и Јапана за интервенцију постигнут и да су савезнички представници морали што пре напустити Петроград да их влада народних комесара не би задржала као таоце пошто ће акција Јапана и Америке почети скоро. Њихове прокламације руском народу већ [су] готове. У њима се каже да савезничке трупе долазе да спасу Русију од безумља бољшевика и прекомерног апетита Немачке. На тај начин створиће се нов фронт на Истоку[,] Русија узеће поново учешћа у рату и немачки план биће изигран.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: По.18. фебруара 1918. Пов. Бр. 198. Ситуација у Русији.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р32/1918

16

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у о догађајима који се очекују у Русији после потписивања Брест-Литовског мира

Hotel kamp. Helsingfors1

Etrangères Corfou

Шифре

Хелсингфорс

8.И 1918.

Лично

Јуче Цепелин бацао бомбе над Петроградом а у Бресту у исто време мир потписиван. Мир се неће моћи одржати и чим бољшевици падну Немци ће заузети Петроград.

Очекује се сваки час објава Јапана о интервенцији ради спасења Русије од бољшевика и Немачке. Јутрос допутовао овде секретар Станојевић⁵⁰ са породицом. Преплашио се од ситуације у Петрограду за коју каже да је ужасна. Наша колонија повукла се у Вологду. Савезнички представници остају овде најкраће време док не уреде питање о могућности прелаза у Шведску. Тамо ћемо решити према даљем развоју догађаја како и ко ће од савезника прећи у Русију ради даљег рада. Пошто је положај нас Срба изузетан вероватно да ћу се ја са мајорима [Војином] Максимовићем и [Томом] Павловићем вратити преко Мурманна. Француски амбасадор ми рече да ћемо то заједнички решити.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: Прим. 18.И [19]18. Пов. Но. 199. Ситуација.

АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф1, р32/1918

17

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о припремама бољшевика за ратификацију Брест-Литовског мира и предстојећој евакуацији савезничких дипломатских мисија и српског посланства у Шведску

Hotel kamp. Helsingfors
Etrangères Corfou
Хелсингфорс
20.И [19]18.

Немци су окупирали и Нарву. Непријатељства и са руске и са немачке стране обустављена су. Објављен је декрет руске владе о евакуацији Финландије и Украјине. С обзиром на поделу мишљења односно ратификације мира у крилу самих савета, од којих су једни за привремено примање мира у циљу што боље спреме за скори реванш, а други за безусловно одбацавање мира и продужење рата, у Москви сазива се изванредни скуп свих савета 27. фебруара да реши питање о ратификацији. Полазимо вероватно вечерас из Хелзингфорса у Шведску са свима осталим савезничким представницима.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: Прим. 20.И [19]18. Пов. Но. 201. Ситуација.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р32/1918

18

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о ситуацији у Русији у време немачког наступања

Helsingfors
Etrangères Corfou
18.И [19]18.

Према информацијама Рајтерове агенције, последњи догађаји у Русији изазивају најживљу забринутост у Јапану, где се улазак Немаца у Петроград сматра као угроза животних интереса Јапана, који то не може никако допустити.

Немци продужују наступање и на југу узели су Жлобин⁵¹. Свуда где долазе растурају радничке комитете а шефове стрељају.

Држање руске владе у главном исто. Ленин пише у Правди: кад би шта више немци узели Ростов и тражили 20 милијарди, па се потписао мир и онда озбиљно организовала армија и дао отпор, то би било боље, него покушати противити се сада када се нема армије. Опозиција у крилу саме владе појачава се: сам комесар правде написао оштар чланак против политике Ленина.

На полеђини: Прим. 18.И [19]18. Пов. Но. 196. Ситуација.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р30/1918

19

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Тампереу) послат српском МИД-у о ситуацији у Русији у време немачког наступања

Тамерфорс⁵²

Etrangères Corfou

22.И [19]18.

Публиковани су услови мира. Шаљем вам их отвореним телеграмом.

На руском фронту борба престала. На украјинском малаксава, ма да се овде онде води и ма да украј[инска] бољшев[ичка] делегација издала манифест украјинцима палити све на путу немаца. После пада Кијева, држање савета на Украјини почиње да се колеба.

Бољшевичка штампа води кампању у корист ратификације мира. Крајњи леви бољшевици покренули лист, у коме агитују против ратификације.

Поводом вести о могућности окупације Сибира од стране Јапана, бољшевички официоз и на то се резигнира. Према извештајима које имам из П[е]т[ербур-]га, отуда се селе м[инистар]ства због близине фронта. У П[е]т[ербур]гу анархија расте из дана у дан, и свет бежи масама из њега, шта више и пешке.

Кнез Јован ступио у чин ђакона.

Ми у Тамерфорсу, који у рукама црвене гарде водимо преговоре са белом [гардом] да нас пропусти за Шведску.

На полеђини: Прим. 22.И [19]18. Пов. Но. 207. Ситуација.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р36/1918

20

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Вологди) послат српском МИД-у, о интернирању руске царске породице у Јекатеринбург, о чему му је јавила кнегиња Јелена

Вологда

17. априла цар са породицом доведен под јаком стражом у Екатеринбург. Кнегиња Јелена јавила ми телеграмом из Вјатке⁵³ да се и они упућују тамо пошто им у Вјатки становништво сувише симпатише. Писмом јавила ми се с пута.

Па полеђини: Прим. 25.IV/8.V 1918. Пов. No. 292. Цар и кнегиња Јелена.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р85/1918

21

Телеграм кнегиње Јелене из Вјатке српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу (тада у Вологди) и његов одговор кнегињи

Срочно
Сербском посланику
[У] Вологду
[Из] Вјатки
Принята 25.IV 1918.

Когда приедете[?] Елена.

[На полеђини:] Ее Королевское Высочество Елена [Петровна, жена князя Иоанна] Константиновича. Вятка.

Примио сам писмо-телеграм, био сам у Петрограду. Сви здрави. Доћи ћу чим послови допусте.

[Мирослав] С[палајковић]

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р131/1918

22

Телеграм којим министар војни, генерал Б. Терзић, српском МИД-у преноси вест да је у Русији убијен припадник организације „Црна рука“ пуковник А. Срб

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

16.V 1918.

Крф

Отправљен из Солуна 15.V у 2 сати 30 мин. после подне

Примљен у Крфу 16.V у 11 сати 35 мин. после подне

Војни изасланик у Русији 8. маја јавља: „Добијен (извештај) да је у Таганрогу убијен пуковник Срб. Убили га његови војници“.

Министар Војни генерал Терзић

Пов. Бр. 17286.

Јовановић

[На полеђини:] 16.V [1]918. П. Но. 2009. Солун. Пуковник Срб убијен.
У акта 16.V 1918.

Прочитао [Никола П.] Пашић

АС, МИД, ПО, 1918, ФЦ, ДІV, 342

523

23

Телеграм српског посланства у Петрограду (тада у Вологди) српском министру иностраних дела Н. Пашићу, о покушају Антанте да српске добровољце у Русији употреби за борбу против немачких трупа у наступању

Из Крфа 1.VI [19]18. у 8 по[подне]

У Солуну 2.VI [19]18. у 11 пре[подне]

Делегату за Председника Министарства

Вологда јавља: (нејасно: реч је изгледа о ситуацији у Мурману⁵⁴ и парирању немачке акције употребом нашег батаљона).

Они би могли извести тај свој план и против воље наше изговарајући се на немогућан транспорт, са тога целисходно је непропустати у толико пре што предлаже савезничку акцију и васпостављање руског фронта. У одговор на Ваш телеграм Бр. 2124 у споразуму са српским војним аташеом и француским амбасадором утврдио сам следећи програм за прикупљање добровољаца: биће два центра за прикупљање: Владивосток и Архангелск⁵⁵. Већ су одређени официри и агитатори за прокупљање. Француски амбасадор даваће новчана средства српском војном аташеу. Сад радимо на том да се отклоне извесне сметње са стране бољшевика. [...]⁵⁶

[Никола П.] Пашић

Стр. Пов. No. 54.

На полеђини: Вологда о стању у Русији и раду на прикупљању добровољаца за Српску Војску. КП. No. 2277. Etrangeres. Corfou.

Молим тражите, да се понови депеша из Вологде, коју сте ми упутили 1. о.м. под Бр. 54, ако је неразумљива у првом делу, како смо је ми овде примили.

[Никола П.] Пашић

12.VI [1]918. Солун. Министарство Иностр[аних] Дела.

Делегат. Пов. No. сл[ужбено]

Експ. 3.VII [1]918.

АС, МИД, ФИХ, ДУ, 1918, 425

24

Телеграм српског посланства у Лондону којим се српском МИД-у преноси резиме извештаја професора Р. Јовановића из Мурманска, у коме се описује стање у Русији

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

10.VI 1918.

Крф

Отправљен из Лондона 9.VI у 9 сати 10 мин.

Примљен у Крфу 10.VI у 9 сати _ мин.

Професор Радослав Јовановић⁵⁷ из Мурманска пише 27-ог маја по старом: прво. Нипошто не допустити употребу наше војске против Руса. Друго: Упути-

ти Спалајковићу да не дражи бољшевице. Треће: бољшевизам у опадању. Четврто: руски царски кругови никад неће примити круну из руку Немаца. Пето: помоћи Керенског ако тражи нашу помоћ. Писмо Јовановића шаљем згодном приликом.

Јовановић

№. 663.

На полеђини: Лондон – 10.VI [1]1918.

Извештај Радослава Јовановића из Русије П. №. 2428.

Прочитао. Упуства дата[,] радити у споразуму са савезницима, ако ови доиста желе помоћи Русији да се ослободи Немаца.

Лозинка рата треба да буде за слободу и право и независност руског народа од Немаца.

[Никола П.] Пашић

Г. Антићу у одговору

АС, МИД, ФХ, ДV, 1918, 426

25

Телеграм српског министра иностраних дела Н. Пашића српском конзулу у Одеси М. Шајновићу (тада у Кандалакши) о кнегињи Јелени и њеној породици

Шифрована депеша Мин[истарства] Ин[остраних] Дела

Упућена Г-ну [Милану] Шајновићу

Експ[едовано] са Крфа 18.VII [19]18.

Прим[љено] у Кандалакши⁵⁸ 23.VII [19]18.

Гласи:

Молим јавите ми телеграмом где се налази Јелена Петровна са породицом.

Краљ је забринут.

[Никола П.] Пашић

№. 2960.

На полеђини: Пов. 23.VI 1918. Кнегиња Јелена. Пов. Бр. 365.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФI, р131/1918

26

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића Српском МИД-у о убиству бившег цара Николаја II

Архангелск

1.IX [19]18.

Шифра

Etrangeres Corfou

У вези са вашим телеграмом односно тога како је извршена смртна казна над царем, овде се имају извештаји из Јекатеринбурга, да је убиство у ствари учињено по наредби из Москве, а локални савет узео је привидно на себе одговорност за тај акт. Војници су одрекли извршење и убиство је извршио лично локални бољшевички комесар из револвера.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: По. 2.IX 1918. год. Архангелск. Царево убиство. Пов. Бр. 370 (а).

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р111/1918

27

Телеграм којим се српски министар финансија С. Протић распитује код српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Архангелску) о кнегињи Јелени и послаников одговор

Шиф[ровани] телеграм

Са Крфа, 9.IX 1918.

Примљен Архангелск, 13.IX 1918.

Молим јавите ми што пре да ли имате штогод о Кнегињи Јелени и деци бар по чувењу.

Краљ забринут.

[Стојан М.] Протић⁵⁹

Бр. 3797.

На полеђини: Пр. 13.IX 1918. Пов. Бр. 382. Кнегиња Јелена.

Etrangères Corfou (шифра)

Примио сам Ваш телеграм Бр. 3797. Кнегиња Јелена [је] остала у Екатаринбургу као и њен секретар Смирнов⁶⁰ и мајор Мићић, које сам послао у Јулу да је допрате до Петрограда али нису успели вратити се због прекида жељезничког саобраћаја. Бољшевици их затворили а после пустили. Замолио сам амери-

канског Амбасадора телеграфисати преко Вашингтона американском консулу у Екатаринбургу. Децу и новац за њихово издржавање оставио сам код Велике кнегиње Јелисавете у Петрограду.

[Мирослав] С[палајковић]

Ехр. 15.IX 1918.

АЗ, МИД, Пс, П-ПЦ, П, р131/1918

28

Телеграм којим се, путем српског МИД-а, краљ Петар I Карађорђевић распитује код српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Архангелску) о својој кћери кнегињи Јелени и њеној деци и послаников одговор

Шиф[ровани] телеграм
Из Стокхолма (без датума)
Примљен Архангелск, 21.IX 1918.

Молим јавите ми телеграмом, шта је са Кнегињом Јеленом и њеном децом. Краљ јако забринут и жели послати јој двадесет хиљада франака, на начин који бисмо могли доставити ту суму.

Чолак-Антић⁶¹

Бр. 266.

На полеђини: Пр. 21.IX 1918.
Архангелск. Кнегиња Јелена
Пов. Бр. 381.
(шифра)
Légation Serbe
Стокхолм

Кнегиња Јелена остала у Екатаринбургу а деца код бабе у Петрограду. О издржавању њиховом стара се тамошње наше Посланство где сам оставио Драгомана Анастасијевића с којим молим ступите у везу преко Вашег норвешког колеге пошто сам заштиту Посланства поверио норвешком Посланству у Петрограду. Молим јављајте ми с времена на време вести из Русије. Да ли су [Милан] Шајновић и [Бранислав] Лонткијевић још у Москви.

[Мирослав] С[палајковић]

Ехр. 22.IX 1918. (п.н.)

АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф1. р131/1918

29

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Архангелску) српском МИД-у којим јавља да бољшевици држе кнегињу Јелену као таоца у Јекатеринбургу

Etrangères (Шифра)
П. 22.X (п.н.) 1918.
Архангелск

Американски консул из Иркутска⁶² телеграфише да су бољшевици задржали Кнегињу Јелену у Екатеринбургу као таоца. Молим учинити у Москви потребне кораке преко норвешке владе за њено ослобођење и безбедност.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: По. 22.X 1918. Архангелск. Кнегиња Јелена. Пов. Бр. 394.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р131/1918

30

Телеграми српског вицеkonzула у Владивостоку В. Андоновића о вестима које је прикупио о кнегињи Јелени и корацима које је предузео за њено ослобађање од бољшевика

Королевское
Генеральное Консульство Сербии
11.XI 1918.
No. 1308.
Владивосток

Данас је Г. Пајкунић довео госпођу, Рибул, енглеска милосрдну сестру која је о Принцези Јелени дала ове податке:

15. јула ове године Госпођа Рабул последњи пут видела је Принцезу са којом је од раније била у затвору у Екатаринбургу, болшевици дали су Принцези дозволу да може у пратњи госпође Рибул отпутовати за Петроград, међу тим кад су 15. Јула били на станици Екатеринбурга и хтели отпутовати њима су бољшевици одузели дозволу и вратили их у затвор. 18. јула она је видела последњи пут Принцезу но није са њом говорила, а чула је да су је 20. јула одвели за Перм.

Док су били у Екатеринбургу, тамо је у затвору био један официр и два војника наша и шта је са њима било не зна.

Чула је у половини октобра од једног руса који је био у затвору у Перму⁶³, да је Принцеза још жива но да је у ужасном положају пошто бољшевици уводе све суровији режим.

Даље вели да су код мужа Принцезиног кад је убијен нашли две депеше које је добио од деце из Петрограда.

Од Принцезе зна да се сав новац њен лични налази у Француској.

Деца Принцезина су у Петроград где се такође пате без хране.

Налази госпођа Рибул да је потребно ако је могуће Принцези послати и то што пре, јер за бољшевице она не преставља велики интерес и можда би је пустили на некакве концесије.

Госпођа Рибо [тако!] нуди своје услуге, ако би могла што помоћи за ослобођење Принцезино.

Прилаже њену сталну адресу.

[Вицеконзул Влад.] Андон[овић]

15. јула

18. јула још вид[е]ла у Екатаренбургу.

20. одвели је у Перм од друге пол[овине] октобра.

Риббуљ Ribboul
mrs Ribboul

c/o mrs Goodsall

2. Somerville
Hereford Road
Monmouth
England

На полеђини: Королевское Генералное Консулство Србији. 7. IX 1918. г. No. 1308.

I

Преко француског консула послао депешу шифровану влади у Београд о Принцези.

II

Умолио чешког политичког преставника д-р Гирса да одмах телеграфски умоли д-р Гајду⁶⁴ коман[данта] фронта према Перму да предузме мере за њено ослобођење.

Вице Консул,
Влад. Андоновић

19.XI

АС, МИД, Пс, П-С, ФП, р178/1918

Глава 2.
ДОБРОВОЉАЧКИ КОРПУС У РУСИЈИ

31

Српски министар финансија М. Нинчић српском министру иностраних дела Н. Пашићу о преласку Српског добровољачког корпуса на руски буџет

Министарство Финансија
Краљевине Србије
Главно Државно Рачуноводство
Д. Р. Бр. 8657.

Господину Министру
Иностраних Дела
10. априла 1917.
у Крфу

Господине Министре,

Према обећању које нам је ранија учињено издржавање нашег добровољачког Корпуса у Русији има да пређе на руски буџет.

Част ми је замолити Вас, Господине Министре, за извештај: да ли је ово питање дефинитивно регулисано?

Изволите примити, Господине Министре, уверење о моме особитом поштовању.

Министар Финансија,

Д-р М[омчило] Нинчић⁶⁵

На полеђини: Мин[истарство] Фин[ансија]. Прелаз нашег Корпуса на руски буџет. Пов. Бр. 4937.

Последњи телеграм предат г. Председнику, којим јављено из Петрограда да је то свршена ствар. Завести, па у акта.

Јов[ановић]

АС, МИД, ПО, 1917, ФІХ, ДІІ, 212

32

Рапорт команданта II бригаде I добровољачке дивизије СХС, пуковника М. Станковића, српском војном изасланику у Петрограду, мајору В. Максимовићу, у вези са транспортом добровољаца за Солунски фронт преко Мурманска

О. Бр. 1034.

Краљевском Српском Посланству у Петрограду

Мени је част умолити Краљевско Посланство, да оно подејствује, да се поверена ми бригада отпрати одавде што пре у Француску, а то из ових разлога:

1. Што је код г.г. официра и војника велика забринутост, да их садање руске власти предаду Аустро-Германцима као ратне заробљенике, због чега су у једном пуку два официра, у име осталих официра, молили свог команданта пука, да им он објасни, шта је са нашим путем за Француску, а пуковски комитет, од стране војника, тражио је слично обавештење; због овога могу врло лако и брзо наступити бегства у већој мери.

2. Што је храна врло слаба, јер фунта и по хлеба на дан на војника, и за ручак и вечеру чорба без меса, мало је, а они се тако хране четрдесет дана до сад. Овако слабу исхрану, поред највећег старања свију надлежних старешина, немогуће је побољшати, јер сад у руским војним магацинима нема хране и како ова команда не може вршити реквизицију хране, то се мора задовољити са оним, што од руских власти добије. Услед слабе исхране почело је веће разбољевање војника, но кад смо били у Етулеји.

3. Што војници до сад непрекидно станују по вагонима четрдесет дана, где због збијености не могу се држати чисто, за шта је најјачи доказ приличан број шугавих војника. Потребну количину сапуна за прање рубља и тела војничког не могу команде да добију и купе, јер га нема; а осим тога војници немају новача да плаћају купатила, јер овог бесплатног нема.

4. Што је војницима хладно, јер они за север Русије немају ни одело ни обућу.

Да би се духови умирили, мени је част умолити Посланство, да, чим добије извештај о поласку лађа из Француске, извести ме хитном телеграмом ради саопштења исте целој команди, и даједновремено издејствује код руских железничких власти да нас оне без одлагања отправе. По приватном сазнању од Јарослава до Мурманска требаће овој команди најмање 15–16 дана. Молим да се ово провери, и да се према овоме, и трајању вожње лађа од Француске до Мурманска, нареди полазак одавде, како не би ни ова команда, а ни лађе, једно на друго излишно чекале у Мурманску, где нема хране а где је хладно.

Овај рапорт шаљем по г. Жиману Завојану, који, са супругом, по одобрењу путује са овом командом у Француску.

Благајници (пуковски) са новцем повољно су допутовали овде 9. т.м. изјутра.

Командант пуковник
Милош Ђ. Станковић

9. децембра 1917.

жел[езничка] стан[ица] Јарослављ

На полеђини: Пр[имљено] 11. децембра 1917. Наш Корпус у Русији.

Пов. Бр. 1238.

По овоме 10. XII мајор [Војин] Максимовић са Г. Завојаном био у франц[уској] мисији и тамо од мајора Декастела, коме Завојан све реферисао, дознали да још ништа нема о пошилици бродова но да ће се одговор добити за који дан.

У вече (у 6) Завојан из посланства отпратио депешу команданту II бригаде у Јарослављ (на франц[уском] језику) о учињеној преставци и обећању франц[уске] мисије за одговор о путовању бригаде.

19. XII пак преко дана послате су биле и депеше Пов. No. 1235 Etrangeres i Ministre Guerre – Salonique a 17. XII – депеша ком[анданту] 2 бриг[аде].

Мајор Вој[ин] Максимовић

Пов. No. 1237.

12. XII [19]17. Петроград

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р79/1917

33

Извештај команданта II бригаде I добровољачке дивизије СХС пуковника М. Станковића српском посланству у Петрограду о бројном стању, ешалонском распореду јединице и припремама за њен транспорт преко Сибира за Порт-Артур

II Бригада I Дивизије
Добров[ољачког] Корп[уса] СХС
О. Бр. 1045.

Краљ[евском] Српском Посланству
у Петрограду

Пошто се од 2. децембра т.г. т.ј. од мог последњег послатог бројног стања, до сад исто мало променило, то част ми је послати за евентуалну употребу бројно стање за 15. децембра т.г. – Састав ешелона који је у прилогу такође шиљем, исти је као и ранији, јер ма да је бројно стање нешто мање, ипак је боље да остане овај ранији састав, да би војници, због дужег борављења у вагонима, били нешто удобније

смештени, и да би се имао на сваки ешелон по један вагон више за евентуалну већу количину понете хране у резерви. По кап[етану] г. Михаилу Голубовићу шиљем шифру с молбом за дозволу, да се у њу упише недостајући а сад важећи кључ.

Ако се оствари комбинација да ова команда путује кроз Сибир на Порт-Артур⁶⁶ и даље морем, онда молим, да се издејствује пролаз кроз Сибир и да се на граници, ако се буде прелазило из воза у воз, за ове предузму мере, те да се не мора чекати на састав воза, као и да се ван руске територије обезбеди правилна исхрана и уредно снабдевање новцем, као и пријем и нега наших болесника у онамошње болнице. А за путовање морем, молим још да лађе буду велике и путничке, а не товарне и да буду снабдевене довољном и добром храном.

У прилогу је копија телеграма послате комесару Троцком на руском језику 15. овог м[есе]ца.

Упућује се и депутација из оба пуковска комитета у циљу, да умоли Троцког, да ова команда што пре изађе из Русије и да јој се побољша исхрана. Њу води капетан г. Михаилу Голубовић.

Пошто из Москве начелник превоза војске Коновалов тражи, да се ешелони ове команде испразне и да се војници разместе по касарнама у Јарославу, зашто сам ја већ предузео потребне мере, то част ми је умолити Краљ[евско] Посланство, за извештај кад ће се приближно одавде моћи кренути ова команда к' пристаништу, како бих се према томе могао управљати односно становања војника. Но неминовно је потребно да се ова команда одавде што пре крене ка пристаништу, јер је овде и сад врло велика оскудица у брашну, пошто га не могу ни одакле добавити (Сибири, Украина и Дон не даду брашно, а московски и петроградски округ немају га).

Па како се војници и сад слабо хране, то ако останемо овде по дуже и разместимо се по касарнама, а глад наступи, то би војници у масама напуштали команду, тражећи по заводима и економијама рада, где би дневно зарађивали по 10–20 руб[аља] и тако би могао наступити случај да се команда растопи, јер и сад сваким даном – осим болесних, војника је све мање и што се дуже будемо бавили у Русији, све ће их мање бити, а то је само на штету наше опште народне ствари.

Командант пуковник
Милош Ђ. Станковић

15. децембра 1917. г.

Стан[ица] Јарослављ⁶⁷

На полеђини: 17.XII [19]17. Пр[имљено] 13. Децембра 1917. Наш корпус у Русији. Пов. Бр. 1181.

По овоме у ноти посланства Н. _____ од 16. децембра додирнуто је питање о правилном снабдевању бригаде на путу кроз Русију и Сибир. За остало по овоме предузеће се кораци код јапанског и америчког посланства у вези са дејством преко овдашње Француске војне мисије, Француске и Енглеске амбасаде.

Командант бригаде извештен је приватним писмом о мерама предузетим код комесара Троцког (нота од 16 ов. мес.). Бројно пак стање бригаде измењено је у сравњењу са стањем, које је већ предато Француској в[ојној] мисији и то у корист нашег размештаја смањеног бројног стања људства у истом броју вагона.

Мајор
Војин Максимовић

18.XII [19]17.
Петроград

Бројно Стање

II бригаде I дивизије добров. корпуса СХС на 15. децембра 1917.

Команда	Виших официра	Нижих официра и чиновника	Јункера српских поданика	Подофицира и војника	Свега	Осталих официра	Официрских жена и сес[гара] милосрђа	Војничких жена срп[ских] поданица	Студената српских поданика	Примедба
Штаб II Бригаде	2	2	-	2	73	1	-	-	-	
III п[ешадијски] пук	3	115	1	2242	2361	3	4	2	-	
IV п[ешадијски] пук	4	105	-	2138	2247	1	4	-	10	
I. лазарет	-	3	-	81	84	-	-	-	-	
Свега на лицу	9	225	1	4488	4723	4	8	2	10	

15.XII 1917.
Ст[аница] Јарослављ

Командант пуковник:
Милош Ђ. Станковић

Састав ешелона II бригаде I дивизије
добровољачког корпуса СХС

Категорије вагона	I ешелон	II ешелон	III ешелон	IV ешелон	Укупно	Примедба
Вагона I класе за више официре	1	1	1	1	4	Да буду пулмановски вагони
Вагона II класе за ниже официре	3	3	4	3	13	
Вагона теплушки за војнике	42	46	43	47	178	
Вагона затворених за кујне и багаж	4	4	4	4	16	
Вагона платформи	1	1	1	1	4	
	51	55	53	56	215	

Командант пуковник:
Милош Ђ. Станковић

15.XII 1917. год.
Ст[аница] Јарослављ

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФI, р64/1917

34

Телеграм команданта II бригаде I добровољачке дивизије СХС пуковника М. Станковића српском министру војном, генералу Б. Терзићу, у Солун о поласку његове бригаде из Јарославља ка Порт-Артуру и о односима са руском војском и народом

К. О. Бр. 1062.

Министру Војном
за I добровољачку дивизију

Бригада у четири ешелона полази из Јарославља 23. па закључно са 26. децембром и путује кроз Сибир ка Порт-Артуру.

Морално и здравствено стање задовољавајуће. Никаких конфликта са руском војском и народом није бригада имала.

Свега: 231 официра и чиновника; 4073 војника.

Командант, пуковник:
[Милош Ђ.] Станковић

23.XII 1917.

Ст[аница] Јарослављ

На полеђини: По. 29.XII 1917. Наш корпус. Бр. Службено. В.Ф. Consulat Serbe (шифра) Salonique.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р64/1917

35

Проглас Југословенског друштва у Петрограду са почетка 1918. године, којим се позивају Срби, Хрвати и Словенци, ратни заробљеници у Русији, да се као добровољци прикључе српским трупама на Солунском фронту

Свима Србима, Хрватима и Словенцима,
ратним заробљеницима у Русији

Браћо Југословени!

Руска револуција затекла вас је у овој земљи, далеко од вашег завичаја, ваших милих и драгих, у тешком стању ратних робова. Оборивши вековну тиранију царизма и бирократије, давши земљу и слободу целом једном народу од 180 милиона душа, Руска Револуција је својим великим принципима „мир без анексије и контрибуције,

на основу самоопредељења народа“ зажегла и у вама наду да ће скоро настати крај овом страшном четворогодишњем клању међу људима и да ће најзад и наш народ постати господар у својој кући и стрести се турског и тираније Немаца и Маџара. Исписавши на својим заставама тако велика начела руска револуционарна демократија повела је у борбу за мир. И почели су преговори за мир, и ваша су се напаћена срца испунила и загрејала надом на скори повратак у свој мили завичај. Ко да одоли милом погледу сузама исплаканих очију остављених жена, нежном загрљају драгих малишана и миловању слабих, сухих руку остарелих родитеља!

Преговори о миру су већ одавно почели, и ви сте с напрегнутом пажњом пратили њихов ток. Али сваким даном постаје све нејасније кад ће и како ће бити закључен толико жељени мир. Дошао је и Божић, и место да се разлеже химна о миру међу свима људима на земљи, хиљадама топова грме на разним фронтима и милиони људи хватају се у коштац и кољу као дивљи зверови. Можда напори руске демократије неће уродити општим миром, ослабљена грађанским ратом, можда ће бити принуђена да закључи сепаратан мир, а то германски империјализам и жели, и то би било највеће зло за човечанство. Уместо да то буде корак ближе к свеопштем миру, рат би се тиме с још већим огорчењем и ужасима наставио. Аустро-немачки милитаризам, искористивши привремену слабост руске демократије, бацио би се свом силом на западне демократије, да их сломи, уништи, па да се онда врати и доврши с руском.

Шта би било с вама, у случају закључења сепаратног мира? Вас би позвали да се вратите у Аустро-Угарску, ту тамницу нашега народа али не зато да видите давно остављене домове, да пољубите жену и загрлите децу, да се најзад одморите после толиких страдања. Не, браћо, ви својих кућа ни видети нећете, или ћете их видети само мимоходом, да вам растанак још тежи буде, јер ће вас одмах обући у одело аустро-маџарских пандура и бацити вас на неки други фронт, да помогнете вашим сопственим утњетачима да лише слободе и друге, вековима слободне народе.

Питање је, шта треба да радите у том случају. Зар ћете моћи бити крвници слободе целог света, можете ли бити слепо оруђе у рукама аустро-немачких јункера, попова и капиталиста и топовско месо њихових генерала?

Зар има неког међу вама ко би мирне душе пристао да својим рукама копа гроб рођене слободе, која тек што се почела да рађа на крви толике ваше браће, погинуле за ваше ослобођење? Зар ћете, најзад ићи да помажете германском империјализму да уништи Руску Револуцију? Па шта треба да радите?

Прва је ваша дужност да се не враћате у земљу ропства, земљу глади, земљу смрти. Ако хоћете да не жртвујете своје животе немачкоме богу рата и да лишавате живота своју слободну српску, италијанску, француску, белгијску, енглеску па американску браћу, тада се не враћајте! Остајте овде, у земљи једнакости и слободе, јер тиме чините услугу своме народу, светској слободи и демократији!

Али германски империјализам већ скида овчју кожу и показује свој ненасити вучји апетит: користећи се тешким руским унутрашњим приликама. Немци већ износе такве захтеве на које руска револуционарна демократија неће моћи пристати, а у том случају рат ће се и на овом фронту продужити, али то више неће бити фронт царистичке, империјалистичке Русије, већ фронт слободног руског народа, барикада руске револуције. Вама, синовима нашег слободољубивог народа, чији један део већ пет година лије крв за слободу свију нас, вама је место за тим барикадама слободе, ви треба с пушком у руци да станете раме уз раме са слободном руском браћом и да се покажете достојни слободе, коју ће руска заједно са осталим светским демократијама донети у ваш напаћени завичај на врховима својих бајонета.

Али револуциони фронт, барикаде слободе није само овде у Русији. Има један приснији, вама ближи, има један наш, југословенски, револуциони фронт, а ТО ЈЕ СРПСКИ ФРОНТ У МАКЕДОНИЈИ. Ви знате да је Србија увек била земља слободе, револуционо гнездо свега Балкана, као што је Француска била колевка слободе и револуције за осталу Европу. У борби за одбрану од ненаситне хабсбуршке монархије и прождрљиве „братске“ Бугарске, и за ослобођење своје подјармљене браће, Србија је с Црном Гором изгубила своју слободу, и те слободне делове нашег троименог народа постигла је иста судбина са вашим завичајем, јер је и њима сунце слободе заклоњено црним крилима хабсбуршке орлушине и мрском шапом бугарског лава. Србија је покорена, али њени најбољи синови нису положили оружје, јер човек одрастао у слободи никад се не може приклонити пред насиљем. Они нису изгубили наду у крајњу победу правде и слободе, и зато су и поред свих несрећа, остали верни својим савезницима у борби за те велике идеале!

Иако нам ова година није донела мир, иако је германски империјализам привидно победио, ипак је његов пораз неизбежан. Велики, слободни американски народ притекао је у помоћ европским демократијама и ускоро задаће се смртни удар пруском милитаризму и бугарској ненаситности и онда ће бити и крај наказној аустро-угарској монархији. Свако ко је за слободу, а против угњетача сваке врсте, дужан је тих великих дана да буде на страни правде и слободе, да и сам допринесе поразу највећег зла човечанства, германског империјализма. И ви не смете бити на њеној страни, нити можете гледати скрштених руку, како вам други ослобађа ваше домове! Ваша је братска, ваша човечанска дужност да устанете против тирана, да притекнете у помоћ својој српској браћи на македонском војишту, које са толико пожртвовања помажу храбри француски, енглески, италијански и руски војници. Туда се непрестано стичу ваши земљаци, добровољци из Америке, похитајте да сви заједно отуда унесете заставе слободе у поробљени завичај.

Напред! Свој своме! Свака птица своме јату! Југословенским соколовима није место међу аустријским орлушинама и мацарским гавранима, а ни међу

подлим вранама, већ међу својом српском браћом, на светом земљишту Македоније. На посао! Потеците у помоћ!

Одма бирајте своје одборе, договарајте се шта и како да радите, и ступајте у везу са Југословенским Друштвом у Петрограду, (Сименовская ул. No. 1) преко његових повереника, који ће вам дати савет и указати помоћ. У договору са Српском Владом и уз помоћ руских и савезничких власти, Друштво узима на себе бригу о вама.

Југословенско Друштво у Петрограду⁶⁸

АС, МИД, Пс, П, ФІ, р84/1918

36

Телеграм српског потпуковника С. Маринковића упућен српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу о примању тројице руских официра у Добровољачки корпус СХС и послаников одговор

Из Одесе 9.І 1918.

Петроград 15.І 1918.

Главни штаб упутио је на службу у овај батаљон руске прапоршчике: Александрова, Љубина и Вороњецкога с извештајем да се Српско посланство сагласило с тим. Молим за решење да се ови официри приме код нас и зачисле⁶⁹ на припадљности. Пов. Бр. 17.

Потпуковник
[Свет.] Маринковић

На полеђини: Пр[имљено] 15. јануара 1918. Наш Корпус. Пов. Бр. 69.

Доб[ровољачког] кор[пуса] СХС Команданту допунског батаљона.

Неколико млађих руских официра преведени су од стране Главног Штаба привремено, на службу при том батаљону. Ово је урађено по предходном питању посланства у смислу томе: „Не налази ли се од стране посланства каква сметња овоме прикомандовању?“ Пошто је оваква превођена у праву био вршити Главни Штаб, то посланство није налазило никакве препреке у овом придавању руских официра нашем допунском батаљону на службу.

Према овоме, ако са административног гледишта ови официри могу бити зачислени на руске припадљности, из руске касе, при томе батаљону,

у колико је за ово надлежна доскорашња највиша распоређајна војна комисија руске војске (Гл[авни] Штаб), то их и зачислити на припадности које им припадају према прописима које овај батаљон има за управљање и према осталим руским војним функционерима, на служби при батаљону.

Ако пак батаљон нема никакве могућности за ово онда саопштити дотичној г.г. руским официрима, како би одмах тражили да буду откомандовани из батаљона, прикомандовање при коме имало је поглавиту циљ дати им могућности да оду из Петрограда, где су услови за живот официра врло тешки.

Св. Бр. 17. тога батаљона. Експед. 17. I 1918.

Посланик [Мирослав] С[палајковић]

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р22/1918

37

Телеграм српског министра иностраних послова Н. Пашића српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу у вези примања нових официра у српску војску

Ш[ифровани] Телеграм

Са Крфа, 30. I 1918.

Петроград, 3. II 1918.

У одговор на Ваш телеграм Бр. 100. Примили смо изванредан број руских официра и незгодно је примати више него што је потребно. Ипак тражено мишљење Министра војног које ће се саопштити Вама накнадно.

[Никола П.] Пашић

Пов. Бр. 465.

На полеђини: Пр. 3. II 1918. Примање руских официра у нашу војску.

Пов. Бр. 146.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р22/1918

38

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића француском амбасадору у вези могућности да се у српску војску примају бивши руски официри српске националности

Г. Амбасадору Француске⁷⁰

У циљу појачања акције за прикупљање добровољаца од заробљених југословена у Русији као и за добровољачке инструкторе корисно би се могао употребити и извесан број руских официра српске народности а који су сада разрешени службе у руској војсци.

Молим г. амбасадора за решење, да ове руске официре могу примати на службу у југословенске добровољачке одреде, с тим, да им се издаје плата саобразно платама српских официра и то из новчаних средстава, које ми г. амбасадор буде ставио на расположење, у вези мога тражења No _____ од и то за време док моја влада не реши питање о пријему ових официра у српску војску.

Број ових официра износи око 30.

Посланик Србије
[Мирослав Спалајковић]

31. I 1918.

Петрогр[ад]

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р22/1918

541

39

Телеграм српског министра иностраних послова Н. Пашића српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу у вези са могућношћу пријема нових официра у српску војску и послаников одговор министру

Ш[ифровани] Телеграм

Са Крфа, 4. II 1918.

Петроград, 7. II 1918.

У одговор на Ваш телеграм Бр. 100, а у вези са својим телеграмом Пов. Бр. 465. Јављам Вам да имамо за сад довољан број официра, али при свем том, допустиће се поједино примање и то само нижих официра а никако виших официра. Како за сваког страног официра мора да се учини засебан предлог

Министарском Савету, то ако налазите да којег треба примити, учините поједине предлоге.

[Никола П.] Пашић

К. П. Бр. 465.

На полеђини: Пр. 7.И 1918. Пријем страних официра у нашу војску. Пов. Бр. 167. Etrangeres. Депеша. Шифра.

Обзиром на овдашње прилике а у вези ваше депеше бр. 465. молим одмах примити у нашу војску ове руске официре Србе и Црногорце:

пешадиског капетана I кл[асе]	Дејана Ђурковића
пешадиског капетана II кл[асе]	Балшу Ђурковића
пешадиског капетана II кл[асе]	Спиридона Ђурковића
пешадиског потпоручника	Петра Лопушина
артиљер[ијског] поручника	Радојицу Меденицу
пешадиског пуковника	Радована Кусовца,

који моли за чин пешадиског капетана прве класе.
Ехр. 9.И 1918.

АС, МИД, Пс, П-Пб, ФІ, р22/1918

40

Телеграм српског војног представника у Русији Б. Лонкијевића из Вологде српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу о статусу српских добровољаца у Русији

Дешифрована депеша
Сербском посланику
Вологда-вокзал⁷¹

Комесар војних дела Троцки није одобрио послати у Вологду тражени вод нашег допунског батаљона јер находи да на територији Русије не може вршити стражарску службу страна војска, с тога ако је стража потребна онда да буде руска или наш вод, али да претходно пређе у Красну руску гарду. Има много начелних питања претрести са Вама. Д.Н. 137.

[Бранислав] Лонткијевић

На полеђини: Пр. 21.ИИ 1918. Вологда. Наш корпус. Пов. Бр. 230.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р52/1918

41

Телеграм српског министра војног, генерала Б. Терзића, којим се одобрава женидба српског мајора Т. Павловића и руске држављанке В. Орлове и одговор српског посланика у Петрограду М. Спалајковића

Легатион Србе
Петроград
Прин[јато] 5.III 1918.
Из 856 Corfou ON35 34
4 3 7 ПМ

Мајору [Томи] Павловићу одобрена женидба у начелу⁷². Јавите да ли [Тома] Павловић има личних дугова или дугова на плати. Уверење о владању веренице није примљено. Св. 1134.

Министер генерал Терзић

ФАО No. 33936.

На полеђини: Пов. Бр. 215. Ministre generre Serbe. Corfou.

Мајор [Тома] Павловић нема дугова личних и на плати. Уверење о владању веренице послано са рапортом. Молим одговорите о коначном одобрењу женидбе.

[Мирослав] Спалајковић

Св. ФАО No. 32926.

АС, МИД, Пс, П-По, ФІ, р127/1918

42

Телеграм српског конзула у Одеси М. Шајновића српском посланству у Петрограду (тада у Вологди) којим јавља да је српски министар војни, генерал Б. Терзић, одобрио венчање српског мајора Т. Павловића и руске држављанке В. Орлове

Србском Посолству, Вологда
Москва
23.IV 1918.

Министар војни јавља мајору [Томи] Павловићу: одобрена коначна женидба са госпођицом Валентином Орловом.

Шајнович

На полеђини: Пр. 10.IV 1918. Женидба мајора Томе Павловића.

Пов. Бр. 267.

Саопштено ми је.

Арт[иљеријски] мајор Тома Павловић

АС, МИД, Пс, П-По, Пир127/1918

43

Писмо мајора Т. Павловића српском посланству у Петрограду о његовим приходима и телеграм посланика М. Спалајковића српском министарству војном о истој теми

Краљевско Српском посланику у Русији

Према платним списковима које је Министарство војно послало посланству, за првих шест месеци 1916. год. ја имам да примим само систематску плату, без икаквог додатка, у суми од по 333 дин. месечно. Међутим по саопштењу посланства а на основу телеграма Министарства Иностраних дела No. 285. од 12. јануара 1916. год. мени је и за то време следовао месечни додатак од по 900 франака као и до тог времена, пошто сам тада имао највише послова око скупљања заробљеника и њиховог формирања у Одеси, у чему сам морао примити најактивнијег учешћа.

На основу више поменутог решења посланство ми је и издавало приближно такву суму, због чега част ми је замолити Господина Посланика да телеграмом потражи да ми се задржани додатак за првих 6 месеци 1916. год. пошаље, те да бих могао да извршим коначан обрачун са посланством.

На служби при посланству
Артилер[ијски] мајор Тома Павловић

28. маја 1918.

Вологда

На полеђини: Шифра. Etrangers. Corfou.

На основу телеграма министарства No. 285. од 19. јануара 1916. год. посланство издавало мајору Томи Павловићу за првих 6 месеци 1916. год. месечни додатак од по 900 франака, што је било неопходно потребно за учињени рад на скупљању и формирању добровољаца I дивизије. Молим да Министарство војно исплати овај додатак да бих могао с [Томом] Павловићем извршити обрачун.

[Мирослав] С[палајковић]

Додатак мајора [Томе] Павловића:

Прим. 29.V 1918. Пов. No. 326. Експ. 29.V 1918. Телеграм поновљен 12.VI [19]18.

АС, МИД, Пс, П-По, ФІ, р127/1918

44

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о слању добровољачких ешалона на Солунски фронт

Вологда

25.IV/8.V 1918.

Etrangères. Corfou.

Овуда су већ прошла наша 2 ешелона за Мурман на путу за солунски фронт а рећи стигао данас. Војници су на жалост деморалисани, и добро је што одлазе из Русије. У Солуну где ће бити помешани са нашим трупима врло брзо повратиће им се дисциплина и одушевљење.

[Бранислав] Лонткијевић и [Милан] Шајновић допутовали овде утврдити са мном програм даљег рада.

На полеђини: Допунски батаљон. Прим. 25.IV/8.V 1918. Пов. No. 293.

Ехр. 25.IV/8.V [19]18.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФI, р86/1918

45

Извештај команданта Допунског батаљона СХС, потпуковника С. Маринковића, српском војном изасланику у Русији, пуковнику Б. Лонткијевићу, о односима српских трупа са представницима Антанте и стању у Мурманској области

Допунски Батаљон
Срба, Хрвата и Словенаца

О. No. 44.

Веза No. 222.

Војном Изасланику у Русији

25. јуна [1]918 г.

Част ми је известити Изасланика да сам после примљеног наређења Д. No 509 од 1. јуна 1918. год., да се стављам под команду енглеског Ђенерала Пула, а према одобрењу Ђенераловом отпутовао [сам] у Мурманск, ради преставке и регулисања мог положаја у односу на савезничке војне власти.

Том приликом изнео сам Ђенералу потребу да би било добро да се сви наши војници у колико то садања политичка и војничка ситуација дозвољава,

пребаце на Солунски Фронт, пошто је то била жеља наше владе, а у смислу рапорта који сам имао част послати Изасланику, односно незгодних појава, које су у два маха биле избиле у батаљону.

Ђенерал Пул је изјавио да је за сад немогуће због више узрока пребацивати батаљон за Солун, а главни узроци су:

Потреба да се мурманска пруга одржи у савезничким рукама где главну снагу представља наш батаљон, и недостатак транспортних средстава, који су у ово време јако заузети око превоза америчких трупа за Француску.

Но после 3–4 месеца ђенерал мисли да ће моћи Србе транспортовати за Солун.

После тога Ђенерал је изјавио да ће свима војницима и официрима, који остају у Русији дати, без обзира на то шта примају од српске државе, новчане принадлежности енглеских официра и војника, и исхрана ће бити као код енглеских војника. Истог дана добио сам и писмено наређење о томе, које сам имао част послати Изасланику по [от]пор[учнику] г. Стефановићу.

15. јуна добио сам наређење од Ђенерала Пула, које шаљем под No. 222, којим се за команданта трупа у Кандалакши ођређује енглески пуковник Марш, и од тог дана сва наређења добијам од пуковника Марша.

Истог дана добио сам наређење да са батаљоном будем спреман да помогнем француске трупе, које су требале да задрже један ешалон железничке страже, која је на позив бољшевика из Мурманска требала тамо да путује, за појачање тамошњих њихових трупа, и противстајање савезницима.

Воз је задржат без инцидента, но ипак је батаљон цео дан морао бити у приправности под оружјем, јер је од стране руса било протеста.

Услед овога а с обзиром на целокупну ситуацију, био сам принуђен да издам командирима упут, који прилажем под /Г⁷³.

16. овог месеца по наређењу пуковника Марша упућена је у Кем⁷⁴ једна чета са два митраљеза.

17. овог месеца, пуковник Марш је наредио да се једна наша чета премести са станице Кандалакша у село на стално становање у скоро испражњене бараке, а истога дана по подне послао је једног енглеског официра са 2 официра овог батаљона и 50 војника ради разоружања железничке охране и красне армије, који су се овди налазили, а њихови шефови су поапшени и послати за Мурманск.

И овај је посао извршен без икаквог отпора, довољна је била појава наших војника и присуство чете, па да руси без икаквог протеста почну давати оружје.

У току од 15. до 25. јуна разоружане су све руске части, које се налазе на прузи од Кема до Мурманска, и енглески Ђенерал је објавио у име савезника, да је цео тај део Русије, привремено под командом савезника.

У Мурманску је образован савет Мурманског Краја као највиша власт, и тај је савет издао проглас да он позива Савезнике, да га помогну морално и материјално у борби против Немаца и Финаца. Овај проглас упућен је становништву овог краја, позивајући све способне у борбу против општег непријатеља, а за продужење рата са Германцима и њиховим савезницима.

Сем тога у Мурманску, Кнажевој Губи и Кему, почели су формирати „СЛАВЈАНСКО БРИТАНСКИ ЛЕГИОНИ“.

У Кандалакши се образује I. руска чета, тога Слав[јанско]-Британског легиона и она ће у погледу обуке, дисциплине и исхране бити под нашим батаљоном.

Према свему изложеном јасно је, да су савезничке војне власти па следствено и овај батаљон узели непријатељско држање према централним руским властима.

Изванредни комесар мурманског краја, као орган Советске власти (бољшевика) протествоао је против оваквог поступка Савезника, и отпутовао је из Мурманска с намером, да са довољно јаком Советском војском, предузме операције против Савезника.

Савезници су предузели потребну организацију одбране железн[ичке] пруге од Кема до Мурманска, и може се рећи да су пругу потпуно огарантовали на том делу.

Покушај Изванредног Комесара, да предузме силом што против савезника, изгледа да је потпуно пропао, јер по сигурним извештајима ешалон у јачини 1500 људи, са митраљезима и артиљеријом, који су кренули из Петрограда, задржали су се Јужно од Петрозаводска⁷⁵ у Лаћеином Пољу где их већ сад има око 600 људи, а остали су се растурили.

Према даљем развоју гогађаја, имаћу част да повремено о свему извештавам Изасланика.

Командант

П[от]пуковник Свет. Маринковић

25. јуна 1918. г.

Кандалакша

АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф1, р135/1918

46

Извештај команданта Допунског батаљона СХС, потпуковника С. Маринковића, српском војном изасланику у Русији, пуковнику Б. Лонткијевићу, о транспортовању добровољаца на Солунски фронт и положају преосталих српских трупа у Мурманској области

Допунски Батаљон
Срба, Хрвата и Словенаца
О. Но. 43.

Војном изасланику у Русији

27. јуна [1]918. г.

Командант транспорта из Мурманска пуковник Г. Младен Лукићевић ме је приватним писмом известио о ситуацији српских војника који су упућени за Солунски фронт, и молио ме да ту ситуацију доставим Изасланику, пошто он нема за сад са изаслаником никакву везу.

20. Јуна тек. год. укрцано је у лађу „Марсел“ и отпутовало: 4 виша официра: пуковник Г.Ђ. Крстић, потпуковник Г. Живорад Лазаревић, и мајори Г.Г. Живојин Пејовић и Милорад Петровић, 40 нижих официра и чиновника, и 400 војника.

Од остатка пројектованог транспорта у Мурманску је остало инвалидска команда од 227 људи, а 10 официра и 240 војника наоружани су пушкама и упућени су 16. ов. мес. у Печенгу⁷⁶.

Остали официри су остали у Мурманску, где се спремају у обуци и руковању митраљезима, машинским пушкама и.т.д. и они ће послужити доцније као инструктори новим руским јединицама, које се имају образовати у северном делу Русије.

Свега је остало у Мурманску и Печенги 34 нижа официра, 9 ђака-наредника и 467 војника.

По писму Команданта Транспорта велика већина ових осталих официра су десиденти и они који нису смели ићи на Солунски фронт из разних узрока⁷⁷.

О предњем част ми је извести Иасланика.

Командант

П[от]пуковник Свет. Маринковић

23. јуна 1918. г.

Кандалакша

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р135/1918

47

Извештај команданта Допунског батаљона СХС, потпуковника С. Маринковића, српском војном изасланику у Русији о транспортовању добровољаца на Солунски фронт и односима са представницима Антанте у Мурманској области

Допунски батаљон
24. јуна [1]918. г.
Срба, Хрвата и Словенаца
О. No. 44.

Војном изасланику у Русији

24. јуна [1]918 г. по старом

Част ми је известити изасланика да сам после примљеног наређења Д. No. 509. од 1.VI [1]918 г. да се ставим под команду енглеског ђенерала Пула, а према одобрењу Ђенераловом отпутовао у Мурманску ради преставке и регулисања мог положаја у односу на савезничке војне власти.

Том приликом изнео сам Ђенералу потребу да би било добро да се сви наши војници у колико то садања политичка и војничка ситуација дозвољава, пребаце на Солунски фронт, пошто је то била жеља наше владе, а у смислу рапорта који сам имао част послати Изасланику односно незгодних појава, које су у два маха биле избиле у батаљону.

Ђенерал Пул је изјавио да је за сад немогуће због више узрока пребацити батаљон за Солун а главни узроци су: потреба да се мурманска пруга одржи у савезничким рукама, где главну снагу преставља наш батаљон и недостатак транспортних средстава, који су у ово време јако заузети око превоза америчких трупа за Француску.

Но после 3–4 месеца Ђенерал мисли да ће моћи Србе транспортовати за Солунски фронт.

После тога Ђенерал је изјавио да ће свима војницима и официрима који остају у Русији дати без обзира на то шта примају од српске државе и новчане принадлежности енглеских официра и војника, и исхрана ће бити као код енглеских војника.

Истог дана добио сам и писмено наређење о томе које сам имао част послати Изасланику по потпоручнику г. Стефановићу.

Остало се односи на рад и операције на простору Мурманск–Кем.

Команд[ант] п[от]пуков[ник]
Свет. Маринковић

27.VI [1]918. г.
Канд[алакша]

Извештај вој[ном] Изасланику о мом службеном разговору са Ђен[ера-
лом] Пулом.

Прилог No. 8⁷⁸.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФI, p135/1918

48

*Акт српског министра војног, генерала М. Рашића, упућен
заступнику српског министра иностраних дела С. Протићу, у вези
са тражењем Антанте да се француском батаљону у Сибиру ставе
на располагање бивши припадници Српског добровољачког корпуса
који се налазе у Шангају и одговор српске владе*

Кабинет Министра Војног
Пов. Ф.Ђ.О. No. 12125.

Заступнику Министра Иностранних Дела,
Министру Финансија
Г. Стојану Протићу

Господине Министре,

Главни Командант Савезничких Војсака јавља:

„У Шангају има два Српска официра и 17 војника који се траже од Фран-
цуског Изасланика [у] Пекинг[у] ићи са француским батаљоном у Сибир
ради интервенције. Молим најхитнији одговор пристајете ли ове да примимо
у Француски батаљон, који одмах полази за Владивосток.“

По извештајима нашег војног Изасланика у Русији и Команданта ешалона
Добровољачког Корпуса приликом транспортовања из Русије, у Китају⁷⁹ има
наших официра сем дисидената, а дуж сибирске пруге остало је неколико на-
ших официра као болесни.

Официри и војници, које помиње Командант Савезничких Војсака, веро-
ватно су дисиденти – наши бегунци.

Молим за Ваше мишљење по овоме што хитније.

Примите, Господине Министре, уверење о моме дубоком поштовању.

Министар Војни,
19. јула 1918. год.
Крф

Ђенерал Мих[аило] Рашић

На полеђини: 20.VII [19]18. М[инистар]ство Војно.

Да ли да франц[уски] батаљон који одлази у Сибир поведе и српске официре и војнике из Шангаја.

Министарство Иностраних Дела

Политичко Одељење

Пов. Бр. 3035. В. Бр.

Хитно

Прочитано у Мин[истарској] седници. 22.VII.

Решено: да се поменути официри и војници уврсте у франц[уски] батаљон.
Мих[аило] Гавриловић

Г. Антићу. Молим у одговору на овај акт одговорити телеграфски г. Мин[истру] Војном да поменути официри и војници могу бити уврштени у франц[уски] батаљон.

22.VII

АС, МИД, ПО, 1918, ФП, ДИВ, 331

49

Уверење о статусу командира Краљевског српског партизанског одреда у Сибиру, „војводе“ В. Михаиловића Воскара, издато од стране српског генералног конзула у Сибиру Ј. Миланковића

Королевское Генералное Консулство
1018. Поверљиво

16. окт[обра] 1918. г.
Чељабинск

Свидетельство

Генерални Консулат Србије овим тврди да је г. Владимир Михаиловић⁸⁰, звани „Воскар“ на служби при Краљ[евској] српској армији и да му је од стране потписатога, као и од Команде војних јединица одређена мисија да оснује партизански одред из ратника српске народности, како би са одабраном јединицом допринео општем циљу Русије, Србије и Савезника у борби против нашег заједничког непријатеља и ради ослобођења потлачених Народа за њихну слободу и самосталност.

Владимир Михаиловић у том правцу већ ужива сваку помоћ и потпору братске нам Чехословачке славне војске у Русији и Сибиру.

Умољавају се све руске власти и Врховне Команда руских братских нам армија, да Владимиру Михаиловићу, који је стари и опробани ратник и који је сав свој живот посветио на одбрану Отаџбине, благоволе указати сваку могућну

потпору и пружити му могућност да с успехом делује на нашу општу корист и на славу нашег оружја.

Генерални Консул Србије,
[Јован Д. Миланковић]⁸¹

На полеђини: Сербское Королевское Консулство. Но. 1018. Чељабинск, 10. окт[обра] 1918. год. Издати овакво уверење Влад[имиру] Михаиловићу на руском[,] а друга констатација поверљива.

[Јован] Д. М[иланковић]

16.X 1918.
Чељабинск

АС, МИД, Пс, П-С, ФП, р29/1918

50

Акт министра војске и морнарице Краљевине СХС, генерала С. Хаџића, упућен Врховној команди Краљевине СХС о бољшевичкој пропаганди у добровољачким јединицама III армијске области

Бр. Ф.Д.О. 24600. Поверљиво.
Београд

Врховној команди

21. маја 1919. г.

По извештајима команданта III армијске области, добровољци у јединицама које су под његовом командом главни су извор незадовољства; међу њима има их и с бољшевичким идејама које су донели из Русије.

Добровољаца по јединицама на територији III армијске области имало је 18. прошлог месеца по списку 7170, а на лицу 2196.

Поменути командат је 18. пр. месеца предложио да се ови добровољци који су на лицу упуте под командом и без оружја командантима дивизијских области којима по новој територијалној подели припадају, па тамо да се распореде по јединицама или да се пусте на одсуство, а они пак који су сад тамо на одсуству да се не враћају у њихове садашње јединице, већ да се позову од стране њихових дивизијских команданата на службу или да се сасвим ослободе.

Депешом пак од 11. тек. месеца извештава да мере које се предузимају за сузбијање бољшевичких идеја не дају никакав резултат и да је једини излаз што пре отпустити све добровољце на неодређено одсуство.

Изволеће Врховна команда доставити ми што пре своје мишљење по горњем предлогу команданта III армијске области.

Министар војни и морнарице
ђенерал Стев[ан] С. Хаџић⁸²

ВА, ПЗ, К28, Ф1, бр1/82

51

Акт Министарства унутрашњих дела упућен министру војске и морнарице Краљевине СХС, генералу С. Хаџићу, којим се предлаже изолација повратника из Русије и Мађарске сумњивих због бољшевизма

Бр. 793. Поверљиво

Београд
1. фебруара 1920. г.

Господине Министре,

Према подацима које имам, многи бољшевици дошли су из Русије и Мађарске у наше Краљевство. Једни су дошли ради пропагирања бољшевичких идеја и тровање нашег народа овим идејама, а други су побегли, да избегну казну која их од осталих бољшевика у њиховој отаџбини очекује.

Сва ова лица или су запослена као радници или се лађају других послова, при којима искоришћавају сваки моменат за своје идеје.

Да би се овом злу стало на пут, наредио сам потчињеним ми органима да на сва ова и оваква лица и на њихово кретање и понашање обрате строгу пажњу и да противу сваког оваквог лица предузму строге законске мере.

Многа од ових лица био сам интернирао у Ваљево⁸³, где су имала бити под надзором полиц[ијских] власти и из вароши се без њихова одобрења нису сме-ла удаљавати. Међутим, највећи део од ових је ишчезао у друге крајеве наше земље, где су откривани под другим именима.

И кад бих хтео многе од ових бољшевика са стране не бих могао протерати, као што су они из Русије, јер их ниједна држава не би примила.

Ми их, међутим, морамо учинити безопасним, јер се њихов утицај све више осећа, те се испољава неопходна и хитна потреба њиховом изоловању у каквом простору одакле не би могли бежати и где би били одвојени од са-обраћаја са спољним светом.

Такво место било би згодно у смедеревском граду, где су раније интер-нирања с успехом вршена, или у Петроварадину. Ако су ови простори сада

заузети и не би се могли употребљавати за ову сврху, онда Вас молим да видите и јавите ми има ли где у Краљевству у подручју војних власти какво згодно место за интернирање, на пример у бившим аустријским тврђавама у Херцеговини и другде, или не би ли се за то могло употребити које далматинско острво⁸⁴.

Очекујући хитан извештај по овоме, молим Вас, господине министре, да примите уверење да Вас одлично поштује

Министар унутрашњих дела П. Јанковић⁸⁵

На полеђини: Краљевство Срба, Хрвата и Словенаца. Министарство војске и морнарице. Опште војно одељење. Пов. Бр. 49000. 2. фебруара 1920. године у Београду.

Врховној команди: с молбом за хитан извештај могу ли се интернирање вршити где на новој територији, јер је Смедерево неподесно због оскудице у становима.

По заповести министра војног и морнарице,
начелник пуковник Мих.М. Јовановић

ВА, ПЗ, К177, Ф5, бр5/29

Глава 3.

РУСИ И СРБИ У РЕВОЛУЦИЈИ И ГРАЂАНСКОМ РАТУ

52

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском министру иностраних дела Н. Пашићу о лажним гласинама да су српски војници пуцали у руски народ за време револуције у Петрограду

Министарство Иностранних Дела

Политичко одељење

Отправљен из Петрограда 9.ИИ у 17 сати 20 мин. после подне

Примљен у Крфу 10.ИИ у 9 сати _ мин. преподне

Живковић⁸⁶ телеграфише ми да непријатељски агенти разносе лажне гласове у Одеси да је српска војска пуцала на руски народ за време револуције у Петрограду кад је руска војска отказала то чинити. Миљуков индигниран том клеветом. Наредио демантовати. Известио сам о том Рожђанка⁸⁷.

[Мирослав] Спалајковић

Но. 222.

На полеђини: 10.III [19]17. Петроград. Лажни гласови о улози српског корпуса за време револуције. Пов. No. 1214.

Прочитао [Никола П.] Пашић

АС, МИД, ПО, 1917, ФІХ, ДІІІ, 232

53

Писмо председника Југословенског друштва у Москви А. Настовића српском посланству у Петрограду у вези са решавањем формалног статуса Срба, Хрвата и Словенаца који су се као заробљеници налазили у Русији

Краљевско-Српском Посланству у Петрограду

Као делегат и Председник Југословенског Друштва у Москви част ми је у име истога замолити Посланство о следећем:

1. Ако нађе Посланство за могуће, да се издаду Српски пасоши, на основу Крфске Декларације, Србима, Хрватима и Словенцима, који су узети Русима у пљен, затим ступили као добровољци у Српски Одред у Русији и као инвалиди доведени у Москву Југословенским Друштвом да се обуче раду на пољопривредним машинама. Исти инвалиди кроз кратко време свршиће учење и не могу се никуда кретати, нити ступити у службу, јер имају разрешење да живе само у Москви или Петровско-Разумовском, где се уче.

2. Да се Србима, Хрватима и Словенцима, који су узети Русима у пљен и сада раде на фабрикама у Москви, издају такођер пасоши, да би могли слободно живети и ступити у посао где им то згодније буде.

Ако Посланство разреши ова питања у позитивном смислу, то овим Посланством молим, да о истоме извести Југословенско Друштво у Москви, на адресу: Б[аљшаја] Дмитровка, дом No. 26, Домоваја Контора. Југословенско ће друштво тада послати списак лица за које оно гарантира да би Посланство исписало пасош.

У случају да Посланство не нађе за могуће да ово питање позитивно реши, Југословенско друштво у Москви моли Посланство да оно неким путем створи могућност, да власти руске признају уверења југословенских друштва као докуменат по којима би могли да живе у Русији она лица којима Друштво иста изда.

Делегат и Председник Југословенског друштва у Москви
А. Настовић, архитекта

4.XII 1917.

Петроград

АС, МИД, Пс, П, ФІ, р119/1918

54

*Писмо председника управе Југословенског друштва у Москви
Б. Јеремића српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу
у вези могућности заједничког рада на организовању и заштити
Југословена, ратних заробљеника у Русији*

Инженер-механик
Божидар Иванович Јеремић
Петровское-Разумовское
Выселки, д. Калинина
(Москва, 8-ог почт. отд.)

Краљевском Српском Посланику
Г. Мирославу Спалајковићу
у Петроград

19. јануара 1918. г.

Поводом Ваше окружнице Пов. No. 1281, послате 31.XII 1917. Југословенском Друштву у Москви – односно агитације међу заробљеницима-југословенима у Русији, част ми је изложити Вам ово мишљење.

Имајући пред очима савремено стање у Русији, одавде из Москве могло би се за заробљеничку ствар учинити далеко не све оно, што би у нормалним приликама било могуће; но ипак могло би се учинити доста. У опсегу фактичке власти данашњих народних комисара, отворена агитација за националне југословенске добровољачке одреде сасвим је немогућа. Но могло би се радити у смислу провођења организације међу заробљеницима, хватати с њима везу и задобијати их уопће за нашу националну ствар, ако би се у исти мах могло пружити им и неку, било моралну, било материјалну помоћ у данашњим тешким и опасним за њих приликама.

Југословенско Друштво у Москви организовало је секцију за наше заробљенике у Русији, која би имала да служи за обавештавање и за налажење рада нашој браћи заробљеницима. Пропаганда требала би отуд да се развије као природна последица. Ми смо почели радити скромно, али с искреном жељом, да помогнемо браћи и користимо општој ствари. Али да се такав рад омогући трајно, морају се имати нека новчана средства. На та средства можемо рачунати само преко Краљевског Српског Посланства.

Пита се, да ли би се евентуални трошкови исплатили? А у вези с тим пита се: шта се уопће у Москви и из Москве може урадити?

Москва је средиште и главна раскрсница руске железничке мреже. У исто време, ово је центар руске индустрије. На подuzeћима у Москви и око Москве раде многи и многи заробљеници, час једни, час други. Многи пролазе кроз московске болнице. А кроз московски логор ратних заробљеника у Кожухову пролазе и мењају се непрестано гомиле Срба и Хрвата, стотинама људи. Једни долазе с радова, други иду на радове, трећи су у пролазу за концентрацио-

не логоре у унутрашњости. Ако ништа друго, а оно бар добро организовани контакт са заробљеничким логором у Кожухову, дао би у руке један моћан извор за податке о нашим заробљеним сународницима у Русији. Ја сам тај логор у Кожухову посетио. Уверио сам се, да би се међу чиновницима у канцеларији логора могле наћи неофицијалне везе за добијање потребних података. Официјално пак може се данас овде имати успеха само у правцу интернационалне социјал-револуционе агитације. Московски „Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов“ и његов „Комиссар по делам военнопленных“, исто као и „Комитет военнопленных“ који постоји као официјална установа код „Совјета“ – не трпе апсолутно ништа, што се не поклапа с горе реченом социјал-револуционом агитацијом у духу међународног пролетаријата. И баш ови дани критични су у том смислу, јер се данас ради из све снаге на мобилизацији заробљеника и формирању из њих интернационално-пролетарских дивизија, које имају да се боре на „опћем револуционом фронту“ против буржуазије, како у Русији (пре свега против Каледина и малоруске Раде), тако (потом) и изван Русије. Овде у Москви највише су у том послу ангажовани пољаци и немци, али има и чеха, па чак и југословена, који као изасланици „заробљеничког комитета“ агитују у горе реченом правцу међу својим изгладнелим заробљеним сународницима. Из дана у дан нове и нове заробљеничке чете ступају у „црвену гарду“. Данас њима се обећава једна фунта леба, два пут на дан месо и пет рубља дневнице. Овака агитација, мора се признати, може данас имати сигуран успех. У црвеној гарди заробљеници биће одједа ред и одевени и обувени и сити и плаћени. Кад сам ја на дан Св. Саве изјутра био у заробљеничком логору у Кожухову и тамо позвао људе да иду самном у српску цркву, један ми је казао: „Све једно не ће дати хлеба!“ Том приликом уверио сам се између осталог и у томе, да се наши Срби у заробљеничким логорима крију. На мој позив изишли су само Хрвати, и ако је ту било и Срба. Срби се боје, да се јаве као Срби. Често се дешава, да се Срби пријављују као мађари, румуни и т.д. Могуће је да се Срби у руским логорима данас боје свога заробљеничког друштва. Али се, изгледа, још више боје југословенских агитатора. То потврђују и изјаве заробљеника, с којима сам дошао у додир. Види се, да је у своје време било потешака у врвовању добровољаца. А можда је било и других потешака. Али да се вратим на ствар!

Као што рекох, у оквиру граница, докле допире уплив бољшевика – данас не може се радити у смислу добровољачке југословенске агитације. Може се радити само у смислу опћенационалне пропаганде, и то врле опрезно. У вези с тим, дакако, може се радити против повратка у Аустро-Угарску, за случај сепаратног мира. А главно је: треба радити у смислу грађанске организације заробљеника југословена. Потребна је статистика наших заробљеника у Русији и обавештајан за њих рад. Москва је за такав посао врло подесна. Ту би добро

дошли у помоћ нашем друштву агенти, које бисмо лако могли наћи баш из контингента заробљеничког. Ти би људи морали бити ослобођени и, дакако, награђени.

Пита се, може ли Краљ[евско] Српско Посланство на препоруку Југословенског Друштва у Москви издавати оваквим заробљеницима документе и на који начин би се то што пре и што лакше механички остварило. Да ли је могуће, да нам Кр[аљевско] Срп[ско] Посланство пошаље готове бланкете с печатом, које бисмо ми овде само испуњавали (име и презиме).

Може ли Посланство ставити на расположење новчана средства, да се у нашем Друштву финансира организација једног ужег агитацијоно-обавештајног одбора, који би под фирмом „Бюро Труда для военно-пленных югославян“ могао успешно радити.

Врло је потребно да Посланство изволи што пре дати стварна упутства у одговор на ова питања. Из окружнице Пов. бр. 1281 види се, да Краљ[евско] Српско Посланство налази могуће, да се наши заробљеници у Русији организују као слободни грађани. А пошто ми овде на помоћ руских власти данас рачунати не можемо, потребно је знати, на који ће начин са стране Посланства преко нашег Друштва остварена бити заштита заробљеничких удружења и њихових чланова, о којој се заштити говори у тачци IV поменуте окружнице Пов. Бр. 1281.

Осим питања заробљеничког, част ми је обратити Вашу пажњу, Господине Министре, на питање Српског Консулата у Москви и уопште на питање званичног Српског Преставништва овде. Ово је за нас московске југословене једно животно, но једно заиста болесно питање.

Завршујући ово писмо Господину Краљевском Српском Посланику, молим, да Господин Министар прими изложено у њему, као моје лично мишљење. А ја сам се старао, да у мом писму допуним приложени званичан реферат, образложим га и останем увек веран израз Југословенског Збора од 14. о.м. и Југословенског Друштва у Москви, које ми је дало своје поверење, изабрав ме недавно за председника своје Управе.

Примите, Господине Министре, изразе мога одличног поштовања.

Божидар Јеремић⁸⁸

Москва, Петровское-Разумовское.
Но. 265. Максимовић
19. I 1918.

АС, МИД, ПО, П, ФІ, р119/1918

Писмо председника Југословенског друштва у Москви Б. Јеремића српском посланству у Петрограду са предлозима за организовање и заштиту Југословена, ратних заробљеника у Русији (у прилогу: пуномоћје, списак заробљеника у Москви и три поздравне депеше)

Москва

Краљевском Српском Посланству
у Петроград
19. јануара 1918. г.

На Југословенском Збору одржаном у Москви 14. о.м. опуномоћен сам заједно са г. В[ојиславом] Антонијевићем⁸⁹, да ступим у везу са Краљевским Српским Посланством у питању заробљеника-југословена у Русији и другим питањима, која се тичу савремених прилика и положаја Југословенске Колоније у Москви. Пуномоћ прилажем (бр. 1). Поменути Збор организован је Југослов[енским] Друштвом у Москви, био је приређен као прослава Светог Саве, а искоришћен је био за националну пропаганду међу заробљеним југословенима у Москви, који су збор посетили у лепом броју и били су заступљени у президијуму збора, заједно са преставницима московских организација: југословенске, ђачке, руско-хрватске и црногорске. После мога поздрава збору, коме сам изабран био за председника, и после сходних говора г. Антонијевића и Голубовића, прочитан је био проглас „Словенског Југа“ (бр. 45) о организацији заробљених југословена у Русији. Тај проглас узет је затим у основу претресања заробљеничког питања. Збор је текао у најлепшем реду и имао је јак моралан успех. Част ми је изложити, шта је на збору одлучено.

I. Да се у Москви и околици одмах организују југословенски комитети – свугде, гдегод се нађе неколико, ма и најмање, наших заробљеника. Ти Комитети да буду у сталној вези с Југосл[овенским] Друштвом у Москви и преко њега са целокупном Југослов[енском] организацијом у Русији.

II. Да се у најкраћем року замоле од Кр[аљевског] Срп[ског] Посланства уверења за оне заробљене Југословене у Москви, који су пребројени у приложеном (бр. 2) списку тридесетпеторице. То су свесни и већином отресити људи, били су досад овде у Москви на разним фабрикама, а 11. фебруара о.г. морају се вратити у заробљеничке логоре. Они моле, да им се у том правцу помогне, те да узмогну остати на слободи.

III. У сврху даљег ослобођења из плена има се у Југослов[енском] Друштву одмах створити обавештајни орган, који ће хватати везу с нашим браћом у плену и налазити за њих сходне радове код појединих фабриканата и предузимача, а по могућности и самостално организовати радничке дружине у оквиру којих

и кроз које ће се наша браћа спашавати из тешког и опасног у савременим приликама положаја.

IV. Да се створи новчани фонд, којим ће рад Југосл[овенског] Друштва у томе правцу бити омогућен.

V. Да се у Петроград одмах изашаљу два делегата: гг. [Божидар] Јеремић и [Војислав] Антонијевић, који ће реферирати о стању ствари и о овим закључцима, како Краљевском Српском Посланству, тако и Југословенском Друштву у Петрограду, те ће израдити поменуте у тачци I. документе за 35-цу, по могућности што пре.

VI. Ови делегати имаће осим тога, да изнесу пред Кр[аљевског] Срп[ског] Посланством крајњу потребу Московске Југословенске колоније, да Српски Конзулат у Москви буде у стању штитити наше овде интересе, како у смислу опћем српском и југословенском, тако и према појединцима. Истина је за сад то, да московски Југословени, па чак и српски грађани као такви посебно, не могу овде у Москви рачунати на потребну им у данашњим приликама заштиту са стране локалних званичних српских установа. Да би се пак то могло остварити, потребно је, по мишљењу Збора, да секретар Српског Консула у Москви (ако би овај последњи морао остати на свом месту, као што је) буде свакако личност из нашег Југословенског Друштва, коју би сви ми овде знали и која би знала наше прилике.

Ово су главне тачке, о којима је на Збору речено. Осим тога донесене су две депеше: једна Врховноме команданту Српске Војске у Солун и друга Југословенском комитету у Лондон. Осим тога израђен је један поздрав Рускоме Народу. Част ми је у прилогу (бр. 3) саопштити те депеше и поздрав с молбом, да Краљ[евско] Срп[ско] Посланство изволи саопштити депеше адресатима.

Лично ја врло жалим, што због техничких потешкоћа немам могућности, да у данашњим приликама учиним пут у Петроград и натраг у Москву. Зато молим Кр[аљевско] Срп[ско] Посланство, да, узимајући те тешкоће у обзир, прими ово писмо као лични мој обавештај, с надом, да ће Кр[аљевско] Срп[ско] Посланство што пре одговорити ми на адресу: Москва, восьмое почт[овое] отд[еление] – инженеру Б. Јеремичу.

Опуномоћени члан и председник управе Југословенског Друштва

Божидар Јеремић

Москва, 14. јануара 1918. г.

Прилог бр. 1

Југославянское Общество в Москве

№. 311.

Пуномоћ

Југословенски Збор Срба, Хрвата и Словенаца у Москви 14. јануара 1918. год., опуномоћава гг. Божидара Јеремића и Војислава Антонијевића, као своје

делегате, којима се поручује да у најкраћем року одпутују у Петроград ради преговора са Краљ[евским] Срп[ским] Посланством и Југословенским Друштвом у Петрограду, односно уверења за Југословене, који се налазе у руском плену и о њиховој организацији, а исто тако односно заштите чланова Југословенске комисије у Москви и свима осталим питањима, која су у вези са савременим приликама.

За Управу Југословенског Друштва у Москви:

(М.П.)
No. 265.

Коста Сандић
Миодраг М. Пешић
Ж.Р. Саранов

Прилог бр. 2

Списак заробљеника-југословена у Москви, које препоручујемо Краљевском Српском Посланству с молбом, да им се израду уверења за слободно кретање у Русији:

1. Станишић Драгутин, 30 г.	20. Богдановић Стојан, 27 г.
2. Токмановић Радивој, 25 г.	21. Новаковић Милан, 43 г.
3. Станојев Јефта, 32 г.	22. Јуричић Михајло, 22 г.
4. Чонкић Стеван, 23 г.	23. Витасовић Мартин, 23 г.
5. Недељковић Димитрије, 34 г.	24. Кнежевић Милан, 27 г.
6. Николић Светозар, 32 г.	25. Грујин Груја, 37 г.
7. Пошмуга Ђуро, 34 г.	26. Брадашевић Живан, 29 г.
8. Топић Милан, 32 г.	27. Брчић Ђоро, 24 г.
9. Вукићевић Коста, 33 г.	28. Атанацковић Душан, 28 г.
10. Којић Светислав, 28 г.	29. Галета Цвитко, 24 г.
11. Поповић Вита, 34 г.	30. Николић Никола, 41 г.
12. Кнежевић Драгомир, 22 г.	31. Брежина Стеван, 24 г.
13. Лакота Милан, 24 г.	32. Судар Лазар, 32 г.
14. Крањац Вељко, 24 г.	33. Шумања Буде, 35 г.
15. Јаконић Михајло, 24 г.	34. Јелић Васо, 40 г.
16. Гилецак Риста, 23 г.	35. Јурић Карло, 41 г.
17. Шупица Мане, 27 г.	36. Бођин Димитрије, 33 г.
18. Адамовић Стева, 30 г.	37. Узелац Дане, 33 г.
19. Вукмановић Илија, 23 г.	

No. 265.

Врховном Команданту Српске Војске у Солун

Југословени у Москви, уједињени идејом слободне, заједничке и нераздрвојне државе Срба, Хрвата и Словенаца, на дан Светога Саве шаљу борцима те идеје поздрав у нади за њено остварење. Кличемно Здраво! и Живели!

Југословенском Комитету у Лондон

У дан Светог Саве сакупљени на Југословенском Збору у Москви шаљемо Југословенском Комитету, а преко њега свима Југословенским Организацијама, наше најбоље жеље. Да живи Југословенски Комитет на срећу и успех коначног остварења југословенске идеје – Срби, Хрвати и Словенци у Москви.

Московская Югославская колония, мы, Сербы, Хорваты и Словенцы, собравшиеся в день Св. Саввы 14-го января 1918 г. отпраздновать память отца сербского просвещения, считаем долгом послать русскому народу свой искренний братский привет. Раздавленные, ограбленные и разогнанные по всему миру, но духом все же сильные, сплоченные югославыне – мы верим в триумф высоких начал справедливости, в свободу и самоопределение народов, начал, выдвинутых Русским народом. В тяжелый час возрождения и искания новых путей к человеческому счастью пусть будет услышан наш голос в России, голос подлинной любви и братской верности. Сейчас, больше [чем] когда-либо, мы чувствуем себя заодно с вами. Мы твердо верим в прочную взаимную связь русского и югославянского народов. Нашим народам мы вместе с вами желаем мира, счастья и процветания.

АС, МИД, Пс, П, ФІ, р 119/1918

Писмо Привременог управног одбора Југословенског друштва у Москви српском посланству у Петрограду са предлозима за организовање и заштиту Југословена, ратних заробљеника у Русији

П. Бр. 4.
Од Привременог
Управног Одбора
Југословенског
Друштва у Москви
и од војно-политичке
секције тога Друштва

Краљевском Српском
посланству у Петрограду

31. јануара 1918. г.
Москва

У одговор на допис Краљевског Српског Посланства од 26. јануара о.г. под бр. 213. у вези с циркуларом Кр[аљевског] Срп[ског] Посланства од 24. децембра 1917. год. пов. бр. 1281, који је наше Друштво исто тако примило, част нам је саопштити ово:

На изванредној скупштини Југословенског Друштва у Москви, одржаној 29-ог о.м., једнодушно прихваћен је позив Кр[аљевског] Срп[ског] Посланства на сарадњу свих југословенских организација у Русији, као што је то изложено у пет тачака поменутог циркулара, који се у писму No. 213 назива инструкцијом. Југословенско Друштво у Москви потпуно се слаже с тим, да је преко потребно, да се наша браћа заробљеници Југословени у Русији што пре и што енергичније задрже од повратка у Аустро-Угарску, да се организују и да се одрже морално и материјално, што би се имало остварити путем 1) добровољачких одреда и 2) радничких дружина. На истој скупштини 29-ог о.м. основана је војно-политичка секција, која је одмах узела у претрес програм рада, план своје организације и друга питања, која су с њима у вези. Војно-политичка секција Југословенског Друштва у Москви дошла је до ових закључака:

I. Москва је средиште железничке мреже у Русији и по своме положају као најкрупнија раскрсница, има огроман значај за изналажење наших заробљеника, за додир с њима, њихову организацију, за рад и агитацију међу њима.

II. По своме саставу Московска Југословенска Колонија одликује се и академском омладином и групом свесних, подузетних инвалида и заробљеника, који су овде на радовима већ организовани, у контакту с нашим Друштвом. Наша се омладина веома заузела за оснивање војно-политичке секције нашег Југословенског Друштва, и свакако могла би бити од велике користи за Југословенску народну ствар овде, а особито за ствар пропаганде међу нашим заробљеницима и дисидентима⁹⁰.

III. Да би се у смислу инструкције No. 1281. (пов. бр.) могао предузети овај благородан националан рад, потребна је Југословенском Друштву у Москви новчана субвенција, и у том смислу Друштво се обраћа Кр[аљевском] Срп[ском] Посланству сагласно буџету који ниже следуј.

План Организације

Војно-Политичке секције Југословенског Друштва у Москви

Општи је задатак секције у раду за Југословенску народну ствар међу Југословенима, заробљеницима у Русији, а пре свега у Московском Војном Округу. Тај рад распада се у два основна правца: 1) прикупљање добровољаца и 2) организација радничких дружина. Према томе секција се дели пре свега на ове подсекције: а) добровољачку (војну) и б) радничку. Али, за изналажење заробљеника, њихову организацију и њихово размештање потребна је помоћна подсекција в) за обавештење и регистратуру. Најпосле, за материјални део рада војно-политичке секције потребна је г) домаћинска и интендантска подсекција.

Свака подсекција има свога шефа, и сваки шеф има свога помоћника (заменика). Четири шефа (или њихови заменици) заједно са тројицом из Друштвене Управе (изборни Чланови) – састављају Управни Одбор Војно-политичке секције. У томе одбору обједињује се и њиме се управља целокупан рад појединих подсекција и читаве секције. Управни Одбор седморице одговоран је пред Скупштином Југословенског Друштва у Москви, који ће преко свога органа „Надзорног Одбора“ стално водити рачуна о свему, што се у Војно-политичкој секцији и њеним подсекцијама ради.

Имајући пред очима акутну и безусловну потребу, да се радни чланови Војно-политичке секције и њених подсекција материјално осигурају, те да рад ове секције узмогне да буде сталан, правилан и продуктиван, предлаже се овакав приближан новчани предрачун:

Месечна плата за четири шефа и њихове помоћнике у подсекцијама, за једног деловођу и једног књиговођу у секцију за опште ствари, свакоме по 500 руб. месечно, свега 5.000 руб. месечно осим изванредних трошкова, који бивају у вези са службеним функцијама и осим дневница на путу за агитаторе и изасланике (ови трошкови у буџету нису предвиђени). Даље има се урачунати плата за локал организације, огрев, осветлење, телефон и служитеље; трошкови на канцелариски материјал и поштарину. Према томе месечни буџет Војно-политичке секције Југословенског Друштва у Москви износио би од прилике 8.000 рубаља по најскромнијем рачуну.

Само се по себи разуме, да би осим овог буџета морао бити предвиђен неки почетни трошак на инвентар и неки резервни фонд на непредвиђене расходе.

Хитно достављајући овај пројекат са предрачуном Краљ[евском] Срп[ском] Посланству у Петрограду, молимо за исто тако хитан одговор у интересу ствари о којој се ради.

Исто тако молимо, да нам се што пре пошаље агитацијона и уопште југословенска литература, као и прогласи за заробљенике.

Молимо Кр[аљевско] Срп[ско] Посланство примити уверење, да је Југословенско Друштво у Москви потпуно солидарно с мислима и директивама изложеним у писмима пов. бр. 1281. и бр. 213.

Чим се приме и добију средства рад ће се одмах отпочети.

Секретар

В. Антонијевић

(М.П.)

Председник Привремене Управе

А. Настовић

Адреса Управе:

Москва, Болшаја Дмитровка, Но 26.

Домоваја Кантора

АС, МИД, Пс, П, ФІ р119/1918

57

Шифровани телеграм српског војног представника у Русији, пуковника Б. Лонткијевића, српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу о стању српских трупа у Русији после Брест-Литовског мира

[Рукописна белешка текст телеграма на који одговара горе наведени телеграм].

Депеша. Шифра. Но 224.

Москва, Сербское консулство.

Сербскому военному агенту

полковнику Лонткиевичу

Сегодня прибыл [в] Вологду. Вашу телеграмму получил⁹¹. Прошу прислать немедленно в Вологду для охраны дипломатического поезда один взвод солдат силою одного офицера, три отборных унтер-офицера и тридцать таких же солдат с оружием, хорошо одетых и снабженных принадлежностями, на один месяц; помещаться будут в Вологде; довольствоваться будут попечением посылства. Корреспонденцию посылайте на вокзал в Вологде. Донесите, как наш батальон и его численность.

Посланник Сербии. 16.ІІІ 1918. г. Вологда.

Телеграмма
принята 31.III 1918.
Из Москвы № 427

Положение наших частей следующее. Я считал, что главная моя задача во время последней военной акции германо-австрийцев и украинцев – это вывести все наши части и организации, а также и всех пленных югославян из опасной зоны возможно дальше на восток. Достигли нижеследующего: запасный батальон с слабосильной [командой] в городе Самаре. Также большинство пленных югославян успели уйти из опасной зоны на восток. [Беженцы] и дети из Одессы также в Самаре. В связи с заключенным миром наше положение должно измениться. После нескольких совещаний с комиссаром по военным и иностранным⁹² делам дошли до такого результата.

На русской территории не могут оставаться никакие официальные военные части и организации других государств. Следовательно, и сербский запасный батальон. Между тем советская власть желала бы, чтобы мы продолжали нашу добровольческую организацию, и ищет модус[ов], на основании которых мы, в связи с новым положением, могли работать. На предложение, чтобы части вошли в состав русской армии и при таких условиях могли бы продолжать работу, я ответил, что мы очень нуждаемся в пополнении наших войск на Салоникском фронте и что пленные югославы в России служат главным резервом для этого, и поэтому предложил, чтобы наш батальон со всеми добровольцами немедленно выслали в Салоники. А для дальнейшей работы в составе русской армии формировать новый кадр, для чего задержать в России нужное число офицеров и солдат. На это они согласились, и в этом смысле я телеграфировал военному министру, но ответа еще не получил. Я получил впечатление, что в дальнейшем деятельность наших официальных представителей должна уйти на второй план, а вся работа – формирование добровольцев, а также политико-культурная и агитационная деятельность – должна проводиться и руководиться главным управлением Югославянского союза в России. Здесь находятся Колумбатович и остальные члены. Обо всем поговорили, и необходимо нам повидаться с нашим посланником, чтобы обсудить и утвердить план. Это дело не терпит отлагательства, потому если [пропуск].

Майор Мичич приехал позавчера в Москву. Относительно нашего взвода вчера отдал командиру батальона распоряжение, чтобы все подготовил, но вместе с тем обратился для разрешения к комиссару по военным делам. Это нужно, потому что существует решение советской власти о разоружении наших частей. Поводом к этому было полученное официальное известие комиссариатом по иностранным делам, что будто бы некоторые сербские части на границе Ман[ь-]чжурии участвовали против советских войск. Я по поводу этого дал заверение, что никакие официальные сербские власти не могли участвовать, и выразил

свой протест, что до известной степени уладило инцидент – детали объясню при встрече. Необходимо, чтобы и вы сюда приехали с посланником.

АС, МИД, Пс, П-По, ФІ, к48/1918

58

Извештај о стању у редовима добровољаца Срба, Хрвата и Словенаца, који је председник Југословенског националног савета у Русији Б. Јеремић поднео Сверуској привременој влади у Омску, 30. октобра 1918. године

От председателя
Временного Югославянского
Национального Совета в России
Б.И. Еремича

Г-ну Председателю
Всероссийского
Временного Правительства

Докладная записка

об организации воинских частей из добровольцев Сербов, Хорватов
и Словенцев в освобожденной части России (и Сибири)

Главным предметом внимания Временного Югославянского Национального Совета являются те югославыне, т.е. Сербы, Хорваты и Словенцы, бывшие подданные Австро-Венгрии, которые сдавались в плен русским для того, чтобы вместе с русскими армиями сражаться за освобождение и объединение своего народа.

Действительно, многие из них поступили в сформированный в 1916 г. Добровольческий корпус Сербов, Хорватов и Словенцев и таким образом в составе официальной сербской армии сражались на стороне русских войск, в частности же – участвовали в походе на Добруджу осенью 1916 г. В 1917 г. под влиянием ослабления воинской дисциплины, коснувшейся и наших войск, Корпус был частично расформирован; остальная часть Корпуса выехала с юга России на север по направлению Архангельска и Мурманска. В общем итоге осталось от Корпуса более десяти тысяч солдат, которые разбрелись по всем концам российской территории. Эти солдаты стремятся теперь вновь к собственным воинским группировкам, что наблюдается преимущественно в разных городах Сибири, как напр. Челябинск, Омск, Томск, Тюмень, Харбин, Иркутск, Владивосток, не говоря о других многочисленных отрядах, входящих

в состав русских или чехословацких войск. Самой многочисленной из этих групп является «Добровольческий полк Сербов, Хорватов и Словенцев имени майора М. Благодича», формирующийся в Челябинске, Троицке и Златоусте, насчитывающий уже более 2500 человек. В деле формирования этой боевой части принимает ближайшее участие Врем[енный] Югославянский Национальный Совет в России с ведома и одобрения дипломатического представителя Сербии в пределах Сибири, Генерального консула И.Д. Миланковича, единственного сейчас официального представителя сербского правительства. Однако, как уже сказано, Временный Югославянский Национальный Совет задается более широкой целью втянуть постепенно в свою организацию и все остальные, все еще многочисленные, распыленные здесь боевые элементы Добровольческого нашего Корпуса. Работа эта чрезвычайно затруднена ввиду отсутствия связей с ядром Корпуса, находящимся теперь на Мурманском фронте. Посему ВЮН Совет и официальное здесь Представительство Сербии нуждаются в этом деле в содействии, всемерной поддержке и помощи со стороны Временного всероссийского правительства и русских властей, также и со стороны остальных наших союзников.

Самым печальным и опасным обстоятельством, учитываемым нами, является тот факт, что вследствие ненормальных для ведения войны в России условий конца 1917 и начала 1918 г., значительная часть помянутых выше наших боевых элементов деморализована в смысле воинской дисциплины. Нужна большая внимательность, осторожность и понимание национальной психологии этой массы, чтобы вновь получить из нее тот ценный боевой элемент, каким два года назад были солдаты нашего Добровольческого корпуса. Интересы Сербии и всего югославянства требуют их оздоровления и воссоединения в одну единую боеспособную воинскую часть. Того же требуют интересы России, так же, как и всех наших союзников. Военная организация Сербов, Хорватов и Словенцев (югославян) в России могла бы оказать в близком будущем важные услуги союзному фронту.

Для достижения поставленных себе вышеизложенных первоочередных задач Временный Югославянский Национальный Совет предполагает в дальнейшем:

I. Продолжать привлекать разрозненные и распыленные боевые элементы бывшего Добровольческого корпуса Сербов, Хорватов и Словенцев (югославян) в общую военную организацию путем культурно-агитационной и иных видов пропаганды.

II. По возможности немедленно формировать из них отряды для фронта.

III. В случае неподготовленности или недостаточной надежности для несения службы на фронте применять в виде переходной ступени, как средство воспитания, гарнизоны, службу в тылу, формируя отдельные, не очень числен-

ные команды в разных городах. Эти команды будут, конечно, входить составными частями в общую военную организацию Сербов, Хорватов и Словенцев в России, а в момент достаточной подготовленности и надежности, по мере надобности, будут применяться для фронтовой службы.

IV. Наряду с деятельностью, обрисованной в пунктах I–III, остается еще одно весьма обширное и ответственное поле деятельности, а именно: агитация среди военнопленных и вербовка их в ряды добровольцев. В настоящее время в концентрационных лагерях Сибири югославы все еще насчитываются десятками тысяч.

Временный Югославянский Национальный Совет считает своим непрелюдным долгом настаивать на создании условий, без которых немыслима такая деятельность. Согласно подписанному уже «меморандуму» Агентам и Эмиссарам Временного Югославянского Национального Совета должен быть обеспечен свободный доступ в лагеря военнопленных для регистрации югославян и агитации среди них для поступления в ряды добровольцев. Для облегчения этой работы необходимо провести окончательную концентрацию военнопленных югославян в национальные лагеря при ближайшем участии в этом деле Времен[ного] Югославянского Национального Совета.

V. На проведение в жизнь вышеизложенного плана работ, а также на содержание самой организации Времен[ного] Югославянского Национального Совета истребуются финансовые средства. По предварительному расчету ежемесячный расход Совета выразится круглой суммой в 60.000 рублей; считая с 15 сентября по 1 января 1919 г. это составит сумму в 210.000 руб. На печатание газет и агитационной литературы за это же время потребуется 90.000 руб. Если, наконец, на непредвиденные расходы и пополнение инвалидного фонда предположить сумму в 200.000 руб., то общая смета Временного Югославянского Национального Совета по 1 января 1919 г. выразится круглым счетом в полмиллиона рублей.

Председатель ЮНС
Божидар Еремич

Подано в Омске 30 октября 1918 г.

АС, Пс, П-С, ФП, р70/1918

Телеграм посланства Краљевине СХС у Вашингтону послат МИД-у Краљевине СХС, у вези са бројним стањем, организованошћу и могућностима за репатријацију из Сибира војника и избеглица, држављана Краљевине СХС

Министарство Иностраних Дела
 Политичко одељење
 Отправљен из Вашингтона 8.ИИ [19]19.
 Примљен у Београду 10.ИИ [19]19.

Професор гимназије [Милош] Московљевић⁹³ и потпоручник Пљесковић дошли [су] овамо из Сибира као делегати југословенског Одбора у Русији обавестити Владу о југословенској војсци у Сибиру. Број организованих војника два пука свега пет хиљада неорганизованих војника око пет хиљада који су још регистровани заробљеници; има их затим растурених у Сибиру. У почетку групе биле су с Чесима против Болшевика а сад [врше] службу у позадини у Томску и другим местима. У септембру образован југословенски Одбор у Чељабинску успео [је] створити један пук под руском Врховној Команди [тако!].

Поред осталог, Одбор организује југословенску команду под чешком да ради да има свој пук у Томску и вероватно је успео до сад. Наши желе вратити се кући. Адмирал Колчек [тако!] пристао концентрисати наше трупе око Владивостока ради евентуалне евакуације а Французи желе [их] послати онамо против Болшевика.

У Владивостоку четири хиљаде избеглица чекају.

Молим поново одговорите ми на мој телеграм о путним трошковима за повратак ових делегата.

Грујић

Бр. 232.

Саопштити Мин[истарству] Војном. 10.ИИ [19]19.

АЈ, 334, Ф17, 398

Проглас генералног конзула Краљевине СХС у Сибиру и Уралском крају Ј. Миланковића упућен руским властима и савезничким представницима у Русији, којим их он обавештава да је Југословенско народно веће у Русији једина организација надлежна за све Југословене и да оно делује по његовим упутствима

Дипломатски Представник
Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца
у Сибирији и Уралском Крају

Има част дати на знање Руским Властима и Савезничким преставницима ово:
После Брест-Литовског мирног договора у пролеће 1918. године, српским и југословенским војничким одредима у Русији била је опасност са све стране: немци су могли узети их у плен, а бољшевици, хтели су, да их узму у црвену армију. Због тога су се ти одреди кренули, на исток, прво на Волгу, а затим на Урал и даље у Сибирију.

Ненормалне прилике у Русији и разне потешкоће, које су болшевици чинили нашим одредима и транспртима, спречили су евакуацију свих војничких контингента наших из Русије за западни фронт: много их је заостало било на територији Советских власти, не рачунајући дакако оне, који су се концентровали на Мурману. Остали елементи, спашавајући се од болшевика, груповали су се и организовали онако, како је било могуће према савременим приликама. Једни су то чинили самостално, други пак прикључивали су се разним другим организацијама, као што су биле руске и чешко-словачке.

На разним местима Великог и Уралског фронта, у Западној и Источној Сибирији – наши војнички одреди учествовали су у многим борбама против болшевика и стекли су знатне и опћеприпознате заслуге, како са стране Руса, тако са стране Чехо-Словака, и осталих наших савезника. Но разбацани по читавој Сибирији и Уралском Крају, наши елементи ипак без престанка тежили су да се окупе око једног заједничког средишта. Али прилике су биле такве, да су се у првом почетку сами од себе створила два југословенска организациона центра у ослобођеном делу Русије: један у Чељабинску, где се је формирао прво батаљон, а затим пук „Мајора Благотића“, као саставни део српске војске и продужење рада допунског батаљона Добровољачког Корпуса Срба, Хрвата и Словенаца, и други центар, у оквиру чешко-словачке организације, који се груписао у Томску, формирао је Југословенски пук „Матије Губца“⁹⁴.

Немајући везе са својом врховном командом и својом владом, једна и друга организација имале су потребу да створе себи неки централни орган, који би имао организовати и ујединити све југословенске елементе у слободном делу Русије у једну целину, да их што боље припреми за даљу службу домовини,

а између осталог и зато, да заједно са савезницима послуже братској Русији, те да ова што пре буде успостављена.

Такови органи били су Привремени Југословенски Народни Одбор у Русији, који је био под заштитом званичног овде преставника Краљевине Србије, и Југословенска Комисија код чешко-словачке Народне Раде, одељење за Русију (потоње Војно Министарство Чешко-Словачке Републике). Али чим је, услед заједничких савезничких победа, коначно решено питање уједињења свих Срба, Хрвата и Словенаца у једну државу, приступило се и овде у Сибирији уједињењу обадвеју југословенских организација у једну једину, на челу са Дипломатским Преставником Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца.

Дело југословенског уједињења у Сибирији увенчало се је стварањем Југословенског Народног Већа у Русији⁹⁵, одсад јединог, централног народног органа за све Србе, Хрвате и Словенце у Сибирији и Уралском Крају. Приложени правилник тога Већа потврђен је овим Дипломатским Преставником Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, а исто тако потврђује се и састав Већа, чији чланови су под тим правилником потписани. Југословенско народно Веће у Русији руководи се у сваком погледу мојим упутама и уз мој пристанак има право официјалних одношаја с Руским државаним установама и савезничким преставницима у Русији. Никакав други орган, или установа, у опсегу Сибирије и Уралског Краја нема права ступати пред јавност у име Срба, Хрвата и Словенаца, или пак ступати у одношаје с надлежним властима и званичним установама мимо Југословенског Народног Већа у Русији.

Задаћа је овога Већа, да помогне формирању југословенске војске у Сибирији и Уралском Крају, да уреди стање југословена-заробљеника, да информира Југословене о приликама у отаџбини и овде у Русији, да се брине о инвалидима, да се бави културно-просветним радом и националном пропагандом југословенског јединства међу нашим људима. Уопће, Југословенско Народно Веће у Русији, учествоваће заједно са мном и под мојом управом у свима пословима, који се тичу интереса свих Срба, Хрвата и Словенаца, у стварима политичке војне и грађанске природе. Само по себи се разуме, да ће Југословенско Народно Веће у Русији деловати у духу програма и правца рада Краљевске Владе Срба, Хрвата и Словенаца.

Омск, 7. априла 1919.

Дипломатски Преставник и Генерални конзул:
Ј[ована] Д. Миланковић в.р.

За тачност превода из руског оригинала:
За тајника: Шустерсић в.р.

Омск, 10. априла 1919.
(печат.)

АЈ, 375, Ф4

61

Питање народног посланика М. Прибићевића упућено министру иностраних дела Краљевине СХС Н. Пашићу о положају држављана Краљевине СХС у Русији и на Далеком истоку, мерама које је Влада предузела за њихову репатријацију

Уставотворна Скупштина
Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца
Бр. 6903.

Господину Министру
Спољних Послова
24. маја 1921. г.
у Београду

Господине Министре, част ми је на основу члана 60. Пословника за Уставотворну Скупштину доставити Вам под /1 а под бр. 6903. у препису питање које је на Вас упутио народни посланик г. Милан Прибичевић о стању наших држављана који се још увек налазе на истоку као заостали иза великог рата с молбом на Ваш даљи поступак према члану 49 поменутог Пословника.

Господин посланик жели усмен одговор.

Примите и овом приликом Господине Министре уверење о мом одличном поштовању.

Председник Уставотворне Скупштине
[д-р Иван Рибар]⁹⁶

На полеђини: Кр. питање нар[одног] посл[аника] г. М[илана] Прибићевића⁹⁷ о заосталим Југословенима у Китају.

Краљ[евско] Министарство Иностраних Дела
Политичко одељење. Пов. Бр. 6727.
25.V [1]921. у Београду

М[инистар]ству за Социјал[ну] Пол[итику]

М[инистар]ству Ин[остраних] Дела је част умолити то М[инистар]ство, да му изволити послати што пре, извештај нашег Делегата у Трсту, о доласку наших држављана с крајњег Истока у Трст, који Вам је достављен писмом овог М[инистар]ству Пов. Бр. 6569. од 22. ов. мес.

М[инистар]ству је потребан овај документ, да би могао поступити по чл. 60. Пословника за Устав[отворну] Скупштину. По употреби акт ће се вратити.

Хитно је.

По наређењу М[ини]стра
Дир[ектор] Пол[итичког] Одел[ења]
Експ. 26.V [1]921.

Види приложени одговор

Питање

народног посланика Милана Прибићевића на Министра Спољних Послова
г. Николу Пашића о стању наших држављана који се још увек налазе
на далеком Истоку као заостали из великог светског рата

На основу жалбе добивене од капетана Саве Војновића, родом из Двора (Хрватска), који се са 25 другова у највећој беди налази у граду Чучучаке (Китајска Република), као бегунац из једног разбивеног руског одреда, потписани посланик има част замолити г. Министра да изволи у Скупштини дати одговор на питање ове садржине

1. Да ли је г. Министру познато и шта о броју наших држављана војника и добровољаца који су вољни да се врате у домовину, а налазе се још увек као заостали из великог светског рата и борби по Русији у Сибиру, Северном Китају и даље на истоку?

2. Да ли наша држава пружа тима несретним нашим људима некакву помоћ и заштиту и на који начин?

3. Какве је мере предузела наша држава да се тај последњи остатак наше браће поврати са далеког истока у домовину од које су ти наши људи растављени већ 6 година.

Милан Прибићевић с.р.
нар[одни] посланик

25. маја 1921. г.
Београд

На полеђини: Уставотворна Скупштина Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Бр. 6903. 24. маја 1921. г. у Београду.

Услед сувише велике удаљености земаља на крајњем Истоку, хрђавих комуникација, и због тога што немамо наших дипломатских и консуларних представника у тим државама Министарству Иностранних Дела није било могуће утврдити тачан број наших држављана, војника и добровољаца, који су заостали после светског рата и још се и сада тамо налазе.

Кад код је Министарство било извештавано, да се ма у којој од тих земаља налазе наши држављани, оно је одмах предузимало потребне кораке код савезничких влада у циљу њиховог рапатрирања⁹⁸.

По једној вести коју је Министарство Иностранних Дела добило у августу пр[ошле] год[ине] у Индији у Ахмеднагару било је наших сународника који су тражили рапатрирање. Ми смо се обратили Форез Офису и он је одговорио да су сви заробљеници рапатрирани из Индије у децембру 1919. г.

У новембру пр[ошле] год[ине] добили смо обавештење да су Енглези укрцали 27 наших сународника 18. септембра за рапатрирање.

Одмах по закључењу ратних операција Краљ[евско] Министарство Војно и Краљ[евско] Министарство Иностраних Дела издала су наредбе нашој дипломатској и војној мисији код адмирала Колчака⁹⁹ у Западном Сибиру, генерала Деникина¹⁰⁰ у Јужној Русији и нашим властима дипломатским и војним у Источном Сибиру, као и у Владивостоку да врше рапатрирање свих наших сународника из Русије. Поред тих наших власти и француске власти биле су специјално овлашћене за тај посао рапатрирања, јер су оне још 1917. г. биле умољене да заступају интересе и сународнике у Сибиру. Поред овога и сви остали савезници рапатрирали су сваког нашег сународника, који се био за то јавио и који је желео.

Да би рад на томе послу био што ефикасније мес[ец]а јануара 1919. г. Министарски Савет је преко Министарства Унутрашњих Дела послао у Јужну Русију нарочита изасланства за прикупљање и рапатрирање наших суграђана, снабдевши их потребним сумама новаца.

Све су те власти радиле на проналажењу наших сународника, њиховом издржавању и рапатрирању.

Кад су саме мисије почетком прошле године (фебруара) известиле да нема више наших сународника ван совјетске Русије и тражиле повраћај, Краљевска Влада је наредила њихов повраћај. Тако су пошле натраг у отаџбину дипломатска и војна мисија које су биле не крајњем Истоку.

Још те мисије нису биле ни стигле у отаџбину, а опет су се били почели појављивати наши сународници са Крајњег Истока за повратак. Краљ[евска] Влада је онда у марту месецу пр[ошле] год[ине] била послала поново једну мешовиту дипломатско-војну мисију на Крајњи Исток, у Владивосток, у циљу рапатрирања наших сународника. Та је мисија тамо остала до октобра месеца пр[ошле] год[ине] и како је сама предложила да се врати пошто је завршила своју мисију, јер није било више наших сународника за рапатрирање, њој је био наређен повратак.

Што се тиче Јужне Русије тамо је била наша војно-дипломатска мисија стално све до јуна месеца пр[ошле] год[ине] па је затим и она повучена оставивши само једну мању војну мисију све до пропасти генерала Врангела, после чега се и она повукла.

Што се тиче совјетске Русије Краљ[евска] Влада је могла отуда да врши рапатрирање наших сународника само посредством Црвеног Крста. Она је прво слала намирнице и вршила рапатрирање у колико се могло и у колико је Совјетска Влада то допуштала, преко Данског Црвеног Крста, а затим од априла прошле године преко Међународног Комитета Црвеног Крста у Женеви, коме је и ставила била на расположење потребне кредите. Сем тога наш Црвени Крст се био обраћао Совјетској Влади и тражио одобрење за рапатрирање али без успеха.

Кад је јуна пр[ошле] год[ине] рапатрирање свих ратних заробљеника и интернираних из Русије, Совјетске и остале, Лига Народа узела у руке и одредила била д-р Нансена¹⁰¹ за овај посао, Краљ[евска] Влада му је одмах ставила била на расположење 70.000 фунти стерлинга и нудила и нове кредите ако је то потребно. Напомињем да су све остале интересоване државе дале 170.000 фунти стерлинга, а ми сами 70.000 фунти стерлинга.

Одтада тај посао врши само д-р Нансен. Тај је посао сада у току и д-р Нансен га врши у мери у којој се јављају наши сународници за рапатрирање.

То су мере које је Краљ[евска] Влада предузела за рапатрирање наших поданика из Русије.

Краљ[евска] Влада је дакле предузела мере за рапатрирање наших сународника ма где они били.

Према извештају Међународног Бироа Црвеног Крста последњи транспорт заробљеника, који се рапатрирају преко Владивостока, напустио је ову варош. Исти транспорт је већ стигао почетком маја ове год. у Трст. Према извештају нашег Делегата у Трсту допутовали су тада 485 наших сународника и из Трста превезени на територију наше Краљевине.

Они бивши заробљеници из Сибира који не би дошли овим транспортом биће у будуће транспортовани сувим т.ј. преко Москве и Нарве.

AJ, 354, Ф2, 212–215

62

Препис акта великог жупана града Суботице у вези са бившим српским добровољцима Ж. Магарашевићем и М. Урошевићем, које су Францизи оптуживали да су у Сибиру предводили пљачкашку банду у чији повратак се очекивао у Краљевини СХС

Препис

Министарство Унутрашњих Дела
Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца
Београд
Одељење за Банат, Бачку и Барању
Пов. Бр. 2480/[1]921.

Великим Жупанима и
Градским Начелницима
Са Жупанским Правима

Министарство је примило од војне мисије у Источној Русији под Пов. Бр. 893. од 10. јуна т.г. акт ове садржине: „У вези извештаја ове мисије од 13. априла о.г. под Пов. Бр. 850. част ми је спровести Министарству на надлежност судска акта по кривици бивших наших добровољаца-војних бегунаца Жарка Магарашевића

и Милијана Урошевића¹⁰². Обојица бавили су се у Сибиру најпрљавијим делима, издавали се за српске официре, и носили српску официрску униформу, ма да нису на то имали никаквог права. Магарашевић[ев] одред био је познат у Сибиру као организирана плачкашка банда, која је плачкала на Сибирској главној прузи товарне возове, због чега је Савезничка Врховна Команда у Сибиру издала наређење, да се овај одред разоружа. Том приликом је дошло до оружаног конфликта, пошто је Магарашевић са својом коњицом бежао и рушио на путу телеграфне и телефонске везе. Врховни Командант савезничких трупа у Сибиру француски генерал Јанин је неколико пута слао жалбе своје Министарству у Париз о кривичком раду Магарашевића и његовог одреда састављеног из најпоқваренијег нашег елемента у Сибирији. Магарашевић и Урошевић остали су на Далеком Истоку али је вероватно да ће се вратити којим транспортом Лиге Народа¹⁰³, као што су се вратили већ многи у последње време и с обзиром на то требало би скренути пажњу полицијским властима, како би се ова двојица, у своје време ухапсили и ставили под суд. Детаљније податке о њима могао би дати један од главних помоћника Магарашевића подофицир бив[шег] добровољачког Корпуса у Русији Саво Лалошевић, који је допутовао у нашу земљу једним из наших транспорта која је Мисија упутила у домовину у прошлости году из Владивостока. Спискови поменутих транспората бродом налазе се код Министарства Војног и Морнарице (рапорт ове мисије од 16. фебруара 1921. год. под Пов. Бр. 829.) Милиан Урошевић је из Србије и био је у I. добровољачкој Дивизији. Предње се доставља ради знања с тим, да их власт, у чијем би се подручју исти евентуално појавили, ухапси и о том извести Министарство, које ће упутити акта ради вођења кривичне истраге. Власт пак у чијем се подручју буде налазио Саво Лалошевић има истога саслушати, о том шта му је о именованом познато, па то доставити овом Министарству. Београд 2. септембра 1921. год.

По наредби Министра Унутрашњих Дела Инспектор: д-р Влашкалин с.р.
М.П.

Пов. Бр. 522.
В.3.1921.

Доставља се Великом Капетану, Држ[авној] Тајној Полицији (Комесару Жељ[езничке] Полиције и Ком[есару] Погр[аничних] Трупа с тим да обрати највећу пажњу на поменуте особе при њиховом повратку из Русије, и у случају проналаска ухапсе и Саву Лалошевића саслушају и о свему извести моје звање.

Велики Жупан Града Суботице
Паја Добановачки

Суботица, 12. септембра 1921.

AJ, 507, Ф175, 270–271

Део II. Руска емиграција у Југославији

Глава 1. ДРУШТВЕНИ ЖИВОТ

63

Одлука Одељења за средњошколску наставу Министарства просвете Краљевине СХС, упућена Државној комисији за Руске избеглице, о начину рада руских средњих школа у Краљевини

Ц. Н. Бр. 19354.

23. октобра 1923. г.
у Београду

Част ми је известити Комисију ради знања и управљања да је Господин Министар Просвете донео ову одлуку о руским средњим школама у нашој Краљевини:

1. Све руске средње школе, како оне које издржава Државна Комисија, тако и школе Градскога Сојуза, имају се обраћати Министарству Просвете преко Школског Руског Савета, организованог при Државној Комисији.

2. Школски Руски Савет дужан је извештавати Министарство Просвете о стању у тим школама у почетку и на крају сваке школске године.

3. Све промене у програму, као и сами програми, све промене у наставном особљу у поменутим школама саопштава ће се Министарству преко поменутог Школског Руског Савета, са његовим образложењем. Без пристанка Шк[олског] Руск[ог] Савета и без саопштења Министарству не сме се ниједна промена такве врсте чинити.

4. Све наредбе Министарства Просвете свима поменутим школама вршиће се опет преко Школског Руског Савета при Државној Комисији. Он је дужан разаслати те наредбе увек у најкраћем времену.

5. Финансиско-економским издржавањем тих школа управља Државна Комисија, односно она установа која им даје сретства.

Молим за потврду пријема ове одлуке.

По наредби Министарства Просвете
Начелник Одељ[ења] за Средњу Наставу

(потпис)

Да је овај препис веран своје оригиналу тврди:

Секретар Школског Руског Савета

[нечитак потпис]

НБС, Смирнов¹⁰⁴

1. децембра 1927. г.

Вероятно, одним из самых больших грехов русских правых кругов, руководящих беженской массой в Югославии, является то безучастное, даже холодное отношение к местной жизни и интересам. Впрочем, этого и следовало ожидать от русских монархистов, которые в большинстве случаев питают «влечение рода недуга» к кайзеровской Германии и, наоборот, исполнены самых недобрых чувств в отношении к славянам. Достаточно прочесть статьи проф. Погодина, чтобы увидеть враждебность по отношению к полякам, ненависть к чехам и злорадство по адресу болгарских землерадников.

Сербское общество чувствует всю фальшь и неискренность русских правых, подобострастных и заискивающих в лицо, а за глаза дико глумящихся над всеми славянами.

Немудрено, что белградской прессой и обществом исключительно тепло было приветствовано участие передовой русской общественности в праздновании Дня объединения сербов, хорватов и словенцев.

1 декабря с.г. Русская студия искусств, состоящая под покровительством представительства ЗЕМГОРА, совместно с последним устроила концерт в большом зале Университета, при участии премьеров Белградской Оперы г-на Л. Зиновьева и Е. Поповой и первоклассного виртуоза на скрипке г-на Володарского.

Художественная сторона вечера, вне сомнения, заслужила бурю восторгов многочисленной публики, горячо приветствовавшей блестящую манифестацию русского искусства.

Вместе с тем на концерте были произнесены речи, которые явились естественным выражением настроения, охватившего переполненный зал, где было свыше 1500 человек. Председатель Студии, он же Секретарь представительства ЗЕМГОРА, открыл торжество приветственной речью по адресу братьев-сербов. Он указал, что объединение сербов, хорватов и словенцев является одним из самых важных событий в деле объединения всех славян. Вполне понятно, что русские передовые круги не могут оставаться равнодушными свидетелями празднования дня объединения. «Ваши несчастья в прошлом, – сказал оратор, – причиняли и нам душевную боль. Ваша радость и счастье веселят нас. Мы не сомневаемся, что братский сербский народ отвечает нам взаимным чувством, мы уверены, что он вместе с нами и с одинаковым воодушевлением будет праздновать день освобождения России, который уже недалек».

Проф. Рад. Коштуич в своей задушевной речи отметил заслуги русской передовой интеллигенции. Вожди и рядовые члены сербской демократии были учениками русских революционеров. Русские левые круги искренно помогали делу освобождения сербского племени. «Русская демократия знала, что общественных реформ и прогресса не может быть там, где человек душил человека, что рабство развращает душу и что нужно помочь каждому, кто борется за свободу... В некоторой части русского общества создалось мнение, что Сербия, уважая царя, уважает и внутренний строй царской России и что, следовательно, Сербия, а с нею и южное славянство, были поклонниками царящих в России порядков. Понятно, этот взгляд был ошибочным и, к сожалению, он лишил нас симпатии многих прогрессивных умов России... Многие общественные деятели слева и из центра поставили знак равенства между понятиями: реакция и славянство, и вследствие этого относились к нам с недоверием, к нам, „сбрасывавшим с престола королей в борьбе за права народа“. Русские... уверяются, что мы выше всего ставим гражданские свободы».

Россия воскреснет. «И опять мир ощутит дыхание великой русской души. Как осиротел мир, когда она исчезла. И какой грязной сделалась жизнь с ее эгоизмом и материализмом. Дай нам, Боже, скорее прийти на праздник освобождения России».

Г-н Мита Димитриевич, б. депутат Скупщины, с захватывающим энтузиазмом говорил о культурной роли русской эмиграции и о победном шествии русской культуры. Русские в своем несчастье имеют утешение в том, что их народ и культура показывают великую душу. Эмиграция, а в особенности передовая ее часть, сослужили великую службу России и всему человечеству, благодаря ей русское искусство, наука и литература с триумфом осваивают целые народы и государства.

Для эмигранта родина еще не совсем потеряна, ибо для него таковой является русская культура.

Речь г-на Димитриевича настолько приподняла настроение всего зала, что естественным разряжением такого настроения явилось выступление полк. А. Поповича, редактора «Военного Альбома», который с непередаваемым подъемом прочел свои стихи, посвященные России.

Публика бурно приветствовала выступления всех исполнителей и ораторов, причем чувствовалось нарастание настроения, выражавшегося в несмолкаемых овациях.

Концерт превратился в грандиозную манифестацию русско-сербского братства, тем более что публика была наполовину из сербов и наполовину из русских.

Нелишне отметить, что из русских общественных организаций одно лишь представительство ЗЕМГОРА приняло участие в праздновании дня объединения, что имело своим последствием сочувственные заметки в местной прессе.

На концерте бросалось в глаза присутствие многих видных представителей государственной власти и белградских общественных кругов.

АС, ММА¹⁰⁵

Чланак Е. Захарова о животу девет хиљада руских емиграната у Београду објављен у београдским Општинским новинама од 15. јануара 1930. године

Пописом престоничког становништва, извршеним 16. априла прошле године утврђено је да у Београду живи 9.432 лица, којима је матерњи језик руски. То значи, да се у престоници налази око трећина укупног броја Руса, настањених у Југославији, пошто се, са приближном тачношћу, може сматрати да их има око тридесет хиљада. Београд је, сасвим природно, највећи центар „југословенских Руса“, који су у њему развили интензивну делатност на свим пољима позитивног рада. Овом напису је циљ да ту делатност, у најосновнијим потезима, прикаже, с обзиром на велики број руских становника Београда.

Историјат доласка руских емиграната

Руска емиграција у Београду старијег је датума но што се то обично мисли. Још у јесен 1918. године дошла је у југословенску престоницу једна група Руса емиграната, која је, предвиђајући бољшевичке страхоте, решила да напусти своју домовину и пре слома антибољшевичких трупа. У овој првој групи било је много угледних личности, од којих ваља поменути бившег председника московске општине г. Челнокова и сенатора г. Смољанинова.

После евакуације јужне Русије, коју су Французи извршили почетком 1919. године, дошла је и друга група, тако да се број Руса у Београду знатно повећао, и ако су се неки од њих вратили у отаџбину, примамљени успехом антибољшевичких трупа генерала Деникина. Касније, пошто су ове трупе претрпеле слом, долази још једна група почетком 1920. године. Приликом напуштања отаџбине један део Руса задржан је на Принчевим острвима и острву Лемносу, па су се и они касније махом доселили у Југославију.

Најосетније је повећано руско становништво у Београду такозваном „кримском евакуацијом“. Пред офанзивом бројно надмоћнијих бољшевика, трупе генерала Врангела напуштају у јесен 1920. године полуострво Крим и том приликом долази у Југославију преко двадесет хиљада Руса, од којих знатан део остаје у Београду. У почетку су руске избеглице прихватане и помагане приватном иницијативом, и то веома топло и братски, а у јулу 1920. године основана је у Београду Државна Комисија за помоћ Русима.

Мушко руско становништво Београда у осетној је бројној надмоћности у поређењу са женским: 5645 мушкараца и 3787 жена, што се објашњава евакуисањем читавих војних одељења приликом напуштања отаџбине од стране руских избеглица.

Смештај у Београду

Материјалне прилике Руса у Београду биле су у прво време страховито тешке, пошто су се они нашли ван домовине, и ако у братски расположеној средини. Невоље су ублажене помоћима, које је издавала Државна Комисија у суми до четири стотине динара месечно на сваког избеглицу, примајући у замену за ову суму руске рубље, које нису готово ништа вределе. Али и поред ове помоћи, осећала се потреба да невољни и незапослени Руси у Београду буду помогнути док се не снађу у приликама и док не створе себи погодну ситуацију за живот у Југославији. Нарочито интензивна била је ова потреба у првим месецима емиграције.

Стога је трамвајски депо у Александровој улици, бр. 130 претворен у неку врсту азила за Русе. Мора се напоменути да овај азил није изгледао ни најмање удобно и хигијенски, али су кроз „број 130“ прошле многе и многе стотине Руса, од којих неки заузимају у Београду данас врло лепе и велике положаје.

Овај азил егзистирао је до 1923. године, када се претворио поново у трамвајски депо, пошто су прилике Руса у престоници биле тада знатно побољшане, али не још и потпуно решене. Да би се ипак изашло у сусрет материјално неосигураним и немоћним Русима, Државна Комисија створила је у Лозничкој улици, број 5 склониште, у коме су они добијали стан уз минимално плаћање. Касније је склониште затворено, а у истим просторијама отворен је, заузимањем угледног и заслужног русофила г. Милана Ненадића дом за руске старице. Са ретком и похвалном енергијом г. Ненадић се брине за одржавање овог дома, који постоји и данас и у коме живе многе личности од угледа и сјајне прошлости. Међу њима је г. Остафјев, који се борио пре много година у трупама генерала Черњајева.

Руске гимназије

Брига о васпитању емигрантског руског подмлатка у традицијама руске школе и у везаности за славне традиције Русије била је веома актуелна. Државна комисија свесрдно је прихватила ову бригу. У Београду постоје две руске гимназије: мушка и женска. Мушка броји око 260 ученика. Настава се врши после подне у згради Реалке, а у Новопазарској улици налази се интернат ове гимназије, чији је директор г. Иван Малинин, познати педагог.

Женска гимназија (око 200 ученица) налази се у улици Милоша Великог, број 69. Сада је, међутим, постигнут споразум са управом Учитељског Дома, према коме ће се целокупна настава руских гимназија обављати у домским просторијама. Женска гимназија имаће часове пре подне, а мушка после подне. Директорка женске гимназије је г-ђа Серафима Ледњева.

Ове су се две гимназије развиле из мешане гимназије, коју је 1920. године Државна Комисија отворила у Београду. Исто тако постоји у престоници руска „припремна» дечија школа са забавиштем, коју похађа око 180 деце.

До сада су руске гимназије у Београду дале велики број спремних младића и девојака, надахнутих подједнаком љубављу према својој отаџбини и Југославији.

Руска културна друштва

Руска друштва у Београду веома су многобројна. То нису махом чисто престоничка друштва, већ центри, чија је мрежа делатности распростире на целу Југославију. Од друштвених организација у Београду имају своја представништва Сверуски Земски Савез и Сверуски Савез Градова. Хуманитарне су организације: Амбулаторија Руског Друштва Црвеног Крста, Топчидерско Руско Опоравилиште, које носи име генерала Врангела, Руски Дом, Друштво за Узајамну Помоћ.

Професионална друштва одликују се планом и интензивном делатношћу. Следеће професије имају своје организације у Београду, проширене по обиму своје активности на целу земљу: педагози, инжењери, агрономи, привредници и т.д. Председник друштва руских лекара је г. д-р Александар Игњатовски, декан медицинског факултета у Београду.

Руски студенти Београдског Универзитета такође имају свој савез. Поједине гране бившег стручног и управног руског чиновништва такође су организоване у савезе и друштва.

Југославија је примила велики број руских ратника и стога је потпуно разумљиво што у Београду постоји више организација, чији су чланови официри руске војске. На челу Руског Ратничког Савеза („Обшчеје Војинскоје Обједине-није») стоји армијски генерал г. Ек. Председник друштва бивших руских генералштабних официра је генерал од инфантерије г. Флуг.

Друге организације ове врсте су: друштво Артилериста (председник генерал г. Илкевич), Друштво Војних Инжењера, Друштво Официра Инжењерских, Техничких и Саобраћајних Трупа (председник г. Баумгартен, пројектант и инжењер зграде Главног Генералштаба), Друштво Авијатичара (председник генерал г. Ткачев).

Имају такође своја друштва војни топографи и интенданци, као и васпитаници појединих руских војних школа, чија је традиција стара и славна, као и официри разних пукова. Руска војна друштва смештена су добрим делом у улици Краљице Наталије, број 33, у комплексу грађевина руског посланства.

Руских инвалида у Београду има око стотину. Извесну месечну помоћ добијају они од Министарства Социјалне Политике и Народног Здравља. На челу организације ових заслужних људи налази се кнез г. Вадболски.

Делатност руских друштава везана је за видне успехе. Ваља поменути организацију инжењера, чији је председник г. Пио-Улски, професор Београд[ског] Универзитета у пензији.

Руски књижевници и новинари организовани су у Савез, коме је на челу г. Александар Ксјуњин, ерудитивни и плодни публициста. Сем тога, у Београду се налази представништво заједничке организације свих руских књижевника и новинара у емиграцији, који су нашу престоницу изабрали због тога што је најсрдачније и најтоплије прихватила руску емиграцију. Представништву је на челу г. Тодор Тарановски, професор правног факултета Београдског Универзитета.

Друштво руских ликовних уметника баш сада се налази у пуној кулминацији своје делатности, припремајући велику изложбу сликара и вајара из целе емиграције. Биће изложени радови најславнијих и најизразитијих представника савременог сликарства и вајарства. Изложба ће се одржати у Београду, а касније ће она, вероватно, обићи и остала велика места Југославије. Ово друштво води талентовани архитекта г. Баумгартен. Оно је пре годину и по дана приредило у павиљону Официрског Дома одлично успелу изложбу руских уметника из Београда и других места.

Руских сокола у престоници има око пет стотина. Њихов је старешина г. Борис Орешков, иначе енергични и искусни секретар Државне Комисије, док је старешина целокупног руског соколства у Југославији генерал г. Виктор Артамонов, бивши руски војни изасланик. Питање сталних просторија за руске соколе у престоници сада се налази пред дефинитивним решењем.

Земгор

Земгор је удружење одборника руских обласних и градских самоуправа. У емиграцији има три центра: београдски, париски и прашки. У Београду Земгор је основан 1925. године као одељење прашке установе, али је од прошле године добило пуну самосталност.

Канцеларије Земгора налазе се у Београдској улици, број 35. Његов циљ је да пружи помоћ руским емигрантима ради одржања њиховог културно-моралног нивоа, да штити њихове правне интересе и да им материјалне услове побољша.

Београдским Земгором руководи вредни и у престоници необично омиљени г. Ф. Махин. При овој установи функционише институт за проучавање Русије и Југославије, коме је циљ да учвршћује културне везе Руса са Југословенима. Институт располаже са 2.500 књига од велике вредности, док библиотека Земгора броји око 13.000 свезака.

Земгор издаје у двомесечним размацима „Руски Архив“, часопис за политику, културу и привреду Русије. Часопис излази у великим свескама, на српско-хрватском језику и доноси прилоге из пера познатих и ауторитативних писаца. Ова установа приступа, у циљу упознавања Руса са културним и уметничким вредностима Југославије, издавању серије зборника на руском

језику, уз сарадњу најугледнијих научника. Први зборник „Југославије“ ускоро ће изаћи из штампе. Остварујући своје задатке, Земгор је у Београду отворио више течајева, радионица и створио неколико културно-уметничких кружока од вредности.

Руски Културни Одбор

Конгрес руских научника из емиграције, а одмах за њим конгрес књижевника и новинара, дали су у јесен 1927. године подстрека једној значајној делатности, која је нашла пуног израза у оснивању Руског Културног Одбора. Председник овог одбора, у коме су чланови многе најуваженије личности, јесте г. д-р Александар Белић, професор Београдског Универзитета и председник Државне Комисије, коме руски емигранти у Београду и у целој Југославији дугоју веома велику и топлу захвалност.

Органи Руског Културног Одбора јесу:

Научни Институт, основан за време конгреса руских научника. Најугледнији руски научници и књижевници, који живе у емиграцији ван Југославије позивају се од стране Научног Института да одрже сваки по један или више циклуса предавања. Досадашња предавања држана су на Београдском Универзитету. Председник Института је г. Евгеније Спекторски, професор Београдског Универзитета. На дневном реду је низ едиција, од којих ће прва бити – радови конгреса руских научника, одржаног у септембру 1927. године.

Јавна библиотека, која се налази у палати Академије Наука. Библиотека је ванредно богата и разноврсна. Располаже како старим, тако и новим издањима и има велики број претплатника. (Ова библиотека броји око педесет хиљада свезака. Ако се узму у обзир добро уређена библиотека Савеза Руских Књижевника и Новинара, која се стално попуњава, а затим обилна библиотека Земгора, коју смо већ споменули, приватне библиотеке и београдске руске књижаре, може се поуздано веровати да у Београду има око сто хиљада руских књига).

Издавачки Комитет, са г. Виктором Брјанским на челу. Овај комитет штампа на руском језику, у лепим и солидним издањима дела савремених руских писаца од великог талента и популарности. До сада су изашла дела Мерешковског, Чирикова, Амфитеатрова, Зајцева, Куприна, Хипијус, а у припреми су приче Шмељова, Буњина и Ремизова и песме Баљмонта. Издато је и неколико дечијих књига.

Како живе Руси у Београду

Од девет и по хиљада Руса у Београду (рачунајући представнике руских мањина, овај би број изнео преко десет хиљада) око осамдесет од сто припадају интелектуалним професијама. Они су се махом запослили у својим струкама, док су бивши официри нашли добрим делом запослења, у којима су оцењени

махом као добри, савесни и марљиви чиновници, што је више пута подвучено од стране надлежних.

Невоље и тешкоће првих дана емиграције отклоњене су и отишле у прошлост као и онај грозни азил у Александровој улици, број 130. Очевидно је ипак да старим и немоћним Русима нису слатки избеглички дани, и поред искреног братског пријема од стране Југословена. Очевидно је и то да, лишени широких рођачких веза и познанства од старине, многи Руси тешко се сналазе у изненадним невољама, као што су болест, губитак службе и тражење нове. За људе скромних средстава овакве су невоље понекад катастрофалне.

Стога Државна Комисија и дан дањи излази многим Русима у сусрет, кад се укаже потреба. Ове тренутне помоћи пењу се до три стотине динара. Комисија и дан дањи помаже неколико стотина Руса у Београду, водећи о томе специјалну евиденциону картотеку. Раније је она држала многобројне занатске течајеве, који су успешно оспособили велики број Руса за улазак у нове професије, способне да осигурају „хлеб свакидашњи“.

Узимајући у обзир материјалне прилике руских емиграната у другим земљама (богатијим од Југославије!), може се рећи да они овде живе више него добро. Задовољство Руса огледа се у њиховом честом преласку у југословенско поданство.

Културна улога руске емиграције

Културни значај руске емиграције за Београд оцениће се у пуној важности само гледан из даље временске перспективе. За сада ваља истаћи само знатно учешће Руса наставника на Београдском Универзитету, њихову активност у опери београдског Народног Позоришта, њихову сликарску делатност.

Универзитет и Позориште – то су била и остају два „најзначајнија огњишта њихове делатности“. За Београдски Универзитет везала су се ауторитативна имена, као штосу г. г. Куљбакин, Спекторски, Тарановски, Игњатовски, Пио-Уљски, Фармаковски и многи други. Престонички позоришни летопис такође је неодојив од руских имена и утицаја. Међу сликарима се нарочито истиче славни т. Стјепан Колесников, чији радови уживају светски глас.

И ако цењени са разних гледишта, сви ће ови утицаји са правом рефлектирати на опсежно помињање у будућем културном летопису Београда.

Руска издања и приредбе

У Београду излази дневни лист „Ново Време“ („Новоје Времја“), који има у прошлости традицију истоименог великог петроградског листа. Лист уређује г. М.А. Суворин, син славног оснивача.

Као недељни лист излази „Царски Весник“, који уређује г. Рклицки.

Повремено се штампа солидни „Војнички Зборник“ од кога је до сада изашло десет свезака.

Соколи издају, шест пута годишње, свој часопис.

Остала издања поменута су већ раније.

Руско Уметничко Друштво приређује с времена на време успеле и лепе позоришне представе, као и Савез Руских Књижевника и Новинара. Истиче се симпатичан рад руског певачког друштва „Глинка“. Позоришна и филмска школа г. Черепова пружила је за сада једну велику јавну приредбу, изневши на даске позоришта на Врачару „Смрт Ивана Грозног“ од грофа Алексија Толстоја.

Општинске новине. Службени орган општине града Београда.

Година XLVIII. 15. јануара 1930. Бр. 2. С. 80–83

66

Јавни позив у борбу за очување руског језика у емиграцији

Воззвание

Русский язык находится в опасности. Берегите его. Мы все должны немедленно принять ряд мер к сохранению его чистоты.

Уже более десяти лет несколько миллионов русских вынуждены жить вне своей родины, рассеянными между разными приютившими их народами. За истекшие годы выросло целое поколение русских детей, родившихся на чужбине и ставших маленькими людьми среди народов не русского языка. Местный государственный язык все русские, и большие и малые, должны знать хорошо, это язык постоянных служебных, деловых общений, и для многих детей даже и язык школьного образования. И неудивительно, если постоянное вынужденное пользование данным местным языком с течением времени становится привычкою настолько, что многие взрослые начинают отвыкать от своего родного языка, путаются в русских словах и оборотах, вставляют в русскую речь множество иностранных слов, даже не всегда замечая это.

Неудивительно и то, что многие русские дети не научаются правильно говорить на языке своего народа, что большинство выросших на чужбине русских детей начинают думать на более близком и лучше им знакомом местном языке, что, играя между собой, русские дети говорят не по-русски, что даже те дети, которые имеют редкое счастье учиться за рубежом в русской школе, все же говорят по-русски не свободно, не без ошибок, не без обильного засорения русского языка словами и выражениями нерусскими.

Миллионы русских в тяжелых условиях беженства борются за свое существование, не желая сливаться с другими народностями, твердо зная, что их дело сохранить себя и своих детей русскими, что их ожидает, быть может уже и не столь далекое, возвращение в Россию, что в счастливый день возвращения в освобожденную и возрождающуюся родину они должны прийти к ней и отдать ей свои силы как русские, что они должны привезти на родину здоровых духом русских детей, а не маленьких чужестранцев.

Одним из первых условий сохранения своей национальности, конечно, является родной язык. Человек, плохо говорящий по-русски, едва ли русский, ребенок, думающий не по-русски, вероятно, уже утерян для русской культуры.

Русский язык среди рассеянных на чужбине русских людей явно находится в опасности. Надо сознательно принять ряд мер к сохранению его чистоты. Это необходимо и это вполне осуществимо. Для этого нужно:

1) чтобы все мы начали внимательно следить за собою, всемерно стараясь в устной и письменной речи избегать неправильностей и, в особенности, засорения языка ненужными иностранными словами;

2) чтобы мы все начали внимательно следить за правильностью речи русских детей, всячески помогая им научиться говорить правильно и чисто;

3) чтобы особенным вниманием были окружены самые маленькие русские дети в раннем возрасте, когда слагается у ребенка чувство родного языка; необходимо, чтобы этим родным языком для него стал русский;

4) чтобы, по возможности, русские дети учились в школах с преподаванием на русском языке. Следует всемерно поддерживать русские школы и детские сады и стремиться к увеличению их числа. Преподаватели русского языка должны глубоко проникнуться сознанием исключительной важности и ответственности своей задачи;

5) чтобы подрастающее на чужбине юное поколение русских ознакомилось с русской культурой во всех ее видах, и особенно с помощью русской книги. Надо цепко держаться хорошей русской книги, великой русской художественной литературы. Детские библиотеки должны быть живым, любимым учреждением русских детей;

6) чтобы русские журналисты, работники повременных зарубежных изданий обратили большее внимание на правильность и чистоту русского языка во всем, что печатается в газетах и журналах;

7) чтобы, по возможности, всюду возникали союзы, общества и кружки по охране чистоты русского языка и чтобы в них деятельное участие принимали учащиеся.

Союз ревнителей чистоты русского языка в Белграде, отнюдь не приписывая себе чести почина в этом деле, горячо взывает ко всем русским, находя-

щимся за рубежом, приглашая их безотлагательно приступить к действенной борьбе за сохранение в нас всех чистоты нашего бесценного общего достояния – великого, могучего и свободного русского языка. Союз твердо верит, что более его авторитетные лица и учреждения, и прежде всего русские писатели, публицисты, профессора словесности и учащие[ся], своим веским словом укрепят в сознании русской общественности необходимость борьбы за язык и укажут лучшие способы этой борьбы. Но только пусть каждый на своем месте сделает все, что может и что подскажет ему сознание и национальное чувство.

Февраль 1930 г.

Правление Союза ревнителей чистоты русского языка в Югославии.

Адрес Союза: Белград. Хилендарская, 14.

НБС, Смирнов

67

Предавање М. Илић-Агапове „Ђедушкина смрт у емиграцији“

Уз предавање од 4. I 1931: „Скице из живота руске емиграције“

Д-р Марија Илић-Агапова

*„За далью, за синею далью
Земля весела и красна.
Там солнце победы ликует,
В чужой лучезарной дали
Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли...“*

[Ф.К.] Сологуб

У С. није било живе душе, која није познавала старог емигранта, некадашњег преседника „миравово“ суда у Житомиру – Константина Фјодоровића. Висок, нешто погрбљен, лети увек у својој руској кошуљи, а зими у тешкој, олињалој крзненој шуби с нераздруживом својом лулицом у зубима, светло сивим очима, које су се једва виделе испод густих обрва, великим брковима, брадом и бакенбардима-осамдесетогодишњи је старао за становнике С. у себи синтетизирао сву руску емиграцију; његова потпуна самохраност привлачила му је особито расположење и опште симпатије мирних, провинцијских грађана, који би – да није било руске револуције – једва икад могли сањати, да ће у својој средини видети правог правцатог Руса. На особито велику љубав налазио је стари емигрант, ког су из симпатије опћенито називали „Ђедушком“,

у кући барона Г. Није било дана, да уважени барон није обилазио или да се није раснитивао за ђедушку. У бароновој је кући ђедушка, у његовој породици, на часове осећао онај стари осећај спокојства и мира, који је у његовој иначе веселој души владао све до оног часа, кад је за њим далеко остала стара, добра Русија, како је он познавао: Русија неупоредиво веселог живота и – нарочито – дивних и паметних жена.

Сам преживио је ђедушка у С. осам година. У колико се није налазио у посети код барона, седио је у својој соби, пио чај и својом дрхтавом руком у малој, приземној, влажној собици уз мало прозорче сељачке куће писао своје мемоаре и писма у драгу Русију: жени, ћеркама и сину, који је као емигрант живио и радио негде у Француској као надзорник на жељезничкој прузи. Кад би се уморио, загледао би се кроз прозор на тиха, једнолична поља кроз која се вијугавом пругом испод густих врба извијала река. Није никад мислио на смрт. Био је чврсто уверен, да ће се још вратити у Русију. Смрт је дошла сама.

Умро је једне ране пролетње ноћи након кратке болести. Од срчане капи. Умро је ђедушка с молбом, да га закопају на највишем делу гробља малог славенског градића С. окренутог у правцу према Русији.

Док су ђедушку носили на место погребља, падао је ситни снег, но како су се у зраку већ осећале прве љубице, чинило се, да не пада снег, већ да се круни ситно, рано процвало јабуково и бадемово цвеће. За гробом је ишао на првом месту стари козачки генерал са женом. Над њиховим је главама ветар ковитлао и високо као неку злослутну птицу уздизао празне рукаве генералове козачке униформе. За њима су ишли озбиљни и шутљиви, свака са својим мислима, остали емигранти градића С. и пријатељи из суседног места. Месни грађани нису улазили у саму поворку. Они као да су осећали нешто од ове велике трагике, видели у овом тужном спроводу далеко од домовине индивидуалну бол емиграната у коју се они у овом моменту нису хтели ни смели мешати. На крају поворке ступао је дечак од осам година, дедушкина маза Петја, испружена врата и очију упрти у мртвачки лес. Кад су ђедушку стали спуштати у гроб, дете се узрујало, узвртило, а тешке сузе наврле су у ње ове очи:

– Не тако, не тако, – викало је дете гушећи се од силног плача. Госпођи Р. једва је и с муком дете објаснило зашто плаче: Гробари су криво спуштали ђедушкин лес у гроб, ђедушка је хтео да му лице окрену према Русији, са овог места он је у том правцу с Петјом много пута и дуго гледао Кроз шачицу људи искупљену око отворене раке и кроз цео онај присутни свет, који је штучући туђу бол стајао по страни, прошао је дрхтави осећај, који нагони сузе, а очи су се у исти мах упрле у истом правцу, у правцу Русије, добре, ђедушкине матушке Русије!..

АС, МАА

4. јанвара 1931. г.

Велики политички догађаји вежу од увек уза се мање или веће таласање маса, изазивају опће или појединачно одобравање, протесте, који заузимају сад већу, а сад мању вањску форму налазећи један од својих најоштријих израза у напуштању рођене земље.

Од француске револуције, која је између осталог проузроковала, да су неколико десетина хиљада Француза – већином племства – оставили Француску и емигрирали у Немачку, Енглеску, Русију, највећи је емигрантски покрет уско-витлала руска револуција, која је собом донела читаву сеобу и одвела Русе свих слојева у огромном броју у све крајеве света уносећи с тим и у њихов живот и у живот нове средине у коју су се доселили велике промене.

У последње време све се више обраћа пажња руској емиграцији. Једни у њој виде неку врсту руског послаништва у појединим земљама, које ће као некадашњи изасланици Петра Великог, бити од огромне користи будућој Русији, други велики културни и економски фактор. Ма како гледали на руску емиграцију, у сваком случају она привлачи нашу пажњу. Увек блиски, Руси су данас тако рекући постали саставни део нашег народа, само део чији су животни услови често много тежи, и психичке и физичке патње много веће.

Прва појава Руса код нас била је читава сензација. Кад су у пречанским крајевима за време рата стигли први транспорти руских заробљеника, наши сељаци, особито у крајевима с православним елементом, купили су се око њихових логора, а наше мале сеоске цркве су руским заробљеницима, руским црквеним хорovima, добиле су нови живот, нови импулс. Власти су давале руске заробљенике појединим нашим посједницима за обраду имања. Наш и руски сељак и војник, који су се на тај начин нашли на једној њиви, нису се подвајали, већ су се осећали и звали браћом. Руске песме и руске игре остале су у успомени и далеко касније након њихова одласка и остали и до данас предмет разговора по нашим скромним сеоским кућама.

Појава руске интелигенције по нашим радовима није изазвала мањи интерес од појаве руских заробљеника по нашим селима и ако је њезин положај био и остао много тежи услед неразвијености наших економских прилика и материјалне немогућности да се успркос фактичних потреба адекватно запосле нове силе. У градовима је утакмица грубља, грубља је и општа борба. По нарави ствари, они су у себи прикупили све елементе руске емиграције, међу којим је било и таквих чија је појава на површини одбијала и будила анимозитет и антипатију.

Код дубљег и савеснијег проучавања наше руске емиграције показује се једна чињеница, која се управо намеће. То је њезина велика отпорност и издржљивост. Те две особине, више од свега другога, осигуравају њезин успех. Оне, чини се, да су се у латентном стању налазиле у дубини душе сваког Руса, јер је њихова појава општа, а код жена најјача и то код свих жена без изнимке. Самоубиства су скоро искључена, постоји једна огромна, беспримерна енергија, рад и напредовање уз најтеже услове.

Не упуштајући се у специјалну анализу наше руске емиграције, но будући с њом у контакту према личним сирапатијама од самог почетка, између неколике кратке скице из њезина живота.

* * *

Било је касно вече пред божићње празнике 1921. г., кад је нетко сасвим тихо и лагано закуцао на вратима моје собе. Чудновато је било то куцање у божићњем штимунгу, кад је фантазија склон да прави највеће скокове и комбинације. Кад сам отворила врата, виђела сам пред њима девојку срећњег стаса, одевену у сиву спортску кабаницу. На левој је руци имала велики знак црвеног крста, а у другој мали путни ковчег. Не знам ни сама како, ал одмах сам помислила на књегињу Трубецкују, Соњу Ковалевску, Софију Перовску. Благог поглед чистих сивих очију, лице типичних црта и израза и цело држање јасније су говорили од сваке друге легитимације, да преда мном стоји Русиња. Има посета, које ма како биле чудновате и ненадне, не чуде нас. Изглеђа као да је сама човекова унутрашњост за њих приправљена.

Тек кад је ушла у собу и села, рекла ми је Евгенија Александровна ко је: руска болничарка за време рата, а сад студентка фармацеутике на нашем факултету. Док је била на лечењу у Перасту, неко је упозорио на мене као бившу руску институтку, којој се може поверити ако јој што затреба. Поверила ми је, да су јој материјалне прилике тешке и да би волила да скупа са мном станује.

Психологија наших студентских газдарица после рата била је веома незгодна. И ако сам имала у соби празан канапе, нисам јој смела понудити да ту ноћ код мене остане, но договцоиле смо се да ћу ја мој стан отказати и да ћемо на другом месту узети скромну заједничку собу.

Ни тад ни касније није ми у души никла никаква сумња у вези са Евгенију Александровном. У њојзи је било толико човечанског, духовног, не материјалног, да је то и код најскептичније нарави било немогуће. Доброта која се цртала на њезином лицу, обавијала је целу њезину личност и падала на све предмете; њезина систематичност и упорност читавале су се на сваком њезином кораку.

Правила је утисак жене, која је у себи спајала неколико типова, неколико генерација.

Наша соба, коју смо узели у огромној жутој згради градске штедионице, наскоро је постала место на ком се састајао велики број и руских студената и других руских емиграната. Евгенија је увек седела у том друштву на свој карактеристични начин с рукама спуштеним на крило, нешто погнуте главе око које су биле троструко обавијене њезине густе плаве косе. Тихо, без раздражења говорила је о првим данима револуције, без хвалисања и лажне скромности о напорима своје истинске службе, а Русија је била почетак и свршетак свих разговора ове групе чији су чланови чврсто веровали, да ће се вратити у Русију и да се у том циљу морају спремати. Но колико год, да су поједина лица била интересантна, сви су погледи инстинктивно увек били уперени према Евгенији Александровној. По целе смо сате слушали фрагменте из књига старих руских класика, које је она читала својим мелодичним гласом, или прве нове совјетске и заграничне руске писце. Док је она давала своју критику, није било могуће отети се осећају дубоког задовољства, што га даје присутност савршеног човека.

У неком куту наше огромне зграде пронашао се и један стари, одбачени гласовир. На нашу молбу ставио нам га је власник на располагање. Кад се ова „Црна Суза“ први пут појавила у нашој соби, скупили су се сви студенти у полукругу на тајну консултацију, како да се стари гласовир поновно доведе у живот. И ако је Пантелемон Романов у једној од својих лепих прича згодно карикирао способност руских емиграната, да буду специјалисти у сваком послу, ипак је наш гласовир доскоро био толико оправљен, да смо ми с њим могли приређивати концерте. Број наших гостију бивао је из дана у дан већи. Студенти у старим, олињалим капутима, студентике у малим, јефтиним шубарицама осећали су потребу, да к нама наврате и да испричају, што се десило ново, да донесу коју нову књигу, или просто да се мало угрију поред наше пећи у којој је на срећу увек било дрва.

Једног дана појавила се међу нама бледа, мршава студентика медицине Евдокија Димитријевна с молбом, да је на неколико дана примимо у нашу собу док она не нађе себи други стан.

Евдокија, или скраћено Дуња, је до тог доба становала у руском женском „опћежитју“¹⁰⁶. То бедно опћежиће, које се налазило у дну главне улице, у гету у ком су живели разни старетинари и паљарице, није могло да поднесе никакву критику. Главна његова слава била је војска стеница. Сва истрзана, изгладњела, пушећи једну цигарету за другом, Дуња нам је приповедала, како се у опћежићу у ноћи удешава хајка на те проклете стенице.

„Ја сам сама“ – рекла је Дуња – „једне ноћи убила преко двеста стеница“. Своје речи није попрадила ни осећајем гађења, ни ничим. Само је слегла раменима и почела још интензивније увлачити дим своје цигарете.

Импровизирали смо кревет на нашем старом гласовиру, који је био таман толико дугачак, да је она њему могла слободно спавати. Дуња се доселила са

свим својим стварима, које су одавале њезину крајњу беду. Док смо на вече седиле за чајем, Дуња нам је својим полуфлегматичним полурезигнираним гласом приповедала свој живот од оног часа, кад је револуција присилила, да иступи из Харковског Института. Живела је једно време као гувернанта у кући неког богатог туземца, ког револуција није дотакла. Једног дана ушао је он у њену собу и без сваког устежања почео говорити како је Дуња дужна пристати на његове љубавне понуде, јер је он спасио од беде револуције. Дуња му је том згодом ударила шамар и исти се дан поновно нашла на улици. Касније је Дуња, после нових мука, с Харковским и Донским институтом преко Новоросијска, Црног Мора и Бугарске дошла у нашу земљу. У 3. је дошла пре три године. Кад је стигла на станицу града у ком није никога познавала, имала је свега двеста динара.

И ту се нашао један љубезан господин, који је лепој Дуњи нудио своје услуге, но Дуња је већ била зрео човек. После кратке оријентације по граду, ступила је иза неколика дана у једну од многобројних руских сталовоја и тако почела каријеру великог броја руских студената и студентика, који се издржавају од тако званог „пособија“ од 400 динара, које им издаје Државна Комисија, и зараде, које им дају руске сталовоје, објед, а некад и вечеру за услуге код сервирања гостима.

Дуња је мрзила тај посао сервирања. Особито се срдилa на неког старог генерала, који је вечито гунђао, да му Дуња доноси најмање порције. Дуњина је и генералова мржња потицала и из других узрока. Генерал је био Кириловац, легитимиста, а Дуња Николајевац и тако није било дана кад се Дуња није с генералом свађала о томе ко од великих књажева има више права на руски царски престо.

Из своје сталовоје Дуња је долазила често веома касно.

Често смо је опомињали и прекоравале и Евгенија Александровна и ја, но Дуња је била човек, ког више није било могуће од ничег одвратити. Још једино није била индиферентна према Русији. Онако изморена и слаба, кад би се враћала из своје сталовоје, она је узимала у руке своје дебеле медицинске књиге и учила на памет све досадне називе појединих лигамената и делова људског тела. На сваки начин хтела је завршити своје студије. – „Ведь, надо будет для России!“ – говорила је Дуња и седила и даље сваку ноћ скупљена над својим књигама.

И код Дуње, као и код све ове групе руских емиграната, који су к нама одлазили, пријатно је деловао онај велики интерес према свим тековинама човечијег духа, а особито према душевним тековинама. Уз своје студије и рад у сталовоји, Дуња није никад занемаривала ни гласбу, ни литературу, ни уметност уопће, но између ње и Евгеније Александровне била је велика разлика. Код Жење су упоредо ишли и дух и тело, а Дуња је већ била изморена, ослабила. Често је у ноћи по читаве сате давио неки сухи, опасни кашаљ. Једне је ноћи дуго кашљала,

а затим је затихла. Жења и ја, чиниле смо се, да не чујемо њезин кашаљ, а кад је притихла и кад се у соби чуло само њезино тешко, равномерно дисање, пришле смо њезином кревету. На столици је стајао растворен Толдов медицински атлас и мале лаковане ципелице, које смо јој купили као божићни поклон. Дуња је лежала као мртва на свом кревету. Са лица јој је текао хладан зној, с једном је руком чврсто држала покривач, а друга је висила над сто лицом, над Толдовим атласом и малим ципелицама. Жења и ја погледале смо се, но тешко нам је икад у животу било што теже гледати од ове младости која је пропадала.

Као да је осетила наше погледе, Дуња је наједанпут растворила очи, погледала нас, насмешила се, показала нам на своје ципеле, а онда се окренула на другу страну и тихо и необично почела плакати.... Да је утеши, Жења јој је почела читати стару Тургењевљевицу песму „О руском језику“, коју је Дуња писала по свим књигама. Полако се умирила, обрисала сузе, а онда се наједанпут почела смијати и причати, како се опет свађала са старим генералом у својој сталовоји.

Из старијих чланова руске емигрантске колоније у 3. сви смо највише волели Софију Ивановну, коју смо опћенито називали: „бабушка“. То је доиста била ретка жена, која је вршила добротина на све стране. Од својих часова, језика и гласбе, имала је леп приход, но она на себе није скоро ништа трошила. Помагала је, помагала је свима: и својим рођацима у Русији и целом низу месних емиграната, који су живели у тешким приликама. Кад је где ситуација постајала тако тешка, да се чинило да нема никаква излаза, људи су одлазили бабушки, а она је за сваког налазила и утешно слово и помоћ. Благодаревши својим познаствима и великом ауторитету што га је уживала код свих својих ученика, њезина је мучна самарићанска дужност у неколико била олакшана.

Бабушка је особито волела децу.

У сталовоји у којој смо се хранили, долазила је и једна мала девојчица и дечак. Девојчицу су звали Љуљуша, а дечака Николај. Једном згодом поклонила је бабушка Николају дрвеног коња. У својој радости није хтео ни погледати јело, само је дражио Љуљушу што је остала празних руку. Да би умирила девојчицу, бабушка је њој поклонила срећку. Све до дана вучења, дете је живело у сталном узбуђеном стању. Правдању с Николајем није било ни краја ни конца, јер је Николај тврдио, да Љуљина срећка неће ништа изиграти. Кад је Љуља ипак добила петсто динара, мали Николај, који је поред свих својих једва навршених шест година смело тврдио, да Бог не воли емигрантску децу, признао је сестрици, да је променио своје мишљење...

Бабушка, која је с толико љубави помагала све чланове руске емиграције, била је пореклом аристократкиња, но, за то су од њезиних ученика знали само најинтимнији. За друге је она била само учитељица страних језика и гласбе.

Једног сам је дана пратила до њезине пријатељице, госпође Вере Ивановне, која је становала на мансарди старе виле једног од наших професора. Једва

замалтерисана мансарда, није никако могла да се загрије. Седили смо сви у нашим капутима. Две старе пријатељице, две старе даме експатриране емиграције, седећи једна према другој чиниле су се као људи који су некуд забасали и сели на кратки час да се одморе; ја сам седла и мислила шта се све морало догодити да стара, влажна мансарда нашег професора чује њихов разговор о старим бившим временима, о лепотама Кијева, Петрограда, о великим и бесконачним пољима за којим су ови људи туговали...

Мислила сам, кад сви људи нису изгубили смисао за: лепо, племенито и узвишено, да им то даје право на будућност, а најбоље да је у њима, што и ако физички изван отаџбине – душевно ипак представљају не само знатан већ и позитивни део велике Русије.

АС, МАА

69

Предавање М. Илић-Агапове „Имендан Зинајиде Павловне у емиграцији“

Dico, che, guande l'anima mal nata

Li vien dinanzi, tutta si confessa...

Dante (Inf. C. V. 7-8)

Чим смо сели запазила сам, како пепео од цигарете мог суседа пада на моју хаљину. До њега је седла дама, којој се он непрестано уносио у очи, док је она с муком настојала, да схвати његову мешавину руско-српског језика, доказивала му, да и сама радо – ех, врло радо! – пије вотку, да може попити десет до петнајест чашица на душак, све једну за другом. Она је била Београђанка, права Београђанка са станом у малој приземној кућици у оној старој београдској улици што поред Делинијеве апотеке стрмо води у Босанску улицу, где Београд још верно чува: стару турску калдрму, свакове потлоушице пред којим трговци држе изложене: цинково посуђе, кошаре ђинђуве, а једна стара просјакиња седи с увек испруженом празном руком. Упознала се с грофом Галенбергом док се у трамвају возила од Калемегдана. Пале су јој рукавице, он их је придигао с кретњом старог центелмена, а онда је већ ишло само по себи. Састајали су се свагде по мало, ал нигде нису ништа мислили. Он је престао мислити давно. Још прије нег му је неки пијани морнар црноморске флоте отргао с рамена златне царске еполете, а она није просто могла мислити откад је упознала грофа Галенберга; била је пред њим немоћна као пред неким болесним дететом.

Сва је њена пажња била уперена на то како би му угодила, а што ће од свега тога бити, то није било од никакова значаја.

Грофа Галенберга, Виктор Иванића, докотрљали су у Београд валови руске револуције још прије осам година. Још у Цариграду продао је: златни сат, диамантни прстен, а кад је стигао у Београд, остала му је само жена. Кад је приповедао о својим првим подвизима међу браћом Србима за које је – по географској карти и по приповедању једног Бугарина – знао још у Русији, њему се одмах почињало мутити у глави и као у неком калеидоскопу излазиле су му пред очи слике: државне комисије за заштиту емиграната, руског посланства у Београду, бесконачног рада хуманих друштава, и разних добрих госпођа, које су од његове жене Софије Владимировне куповале шарене абажуре, а њему на крају крајева помогле да нађе место у државном монопољу дувана.

Факт је, да Виктор Иванић радо пије. То је много доприносило овом његовом каламбурном стању. Друкчије није могао. Вино је највише помагало, да се све заборави. А много се морало заборавити: Петроград, Москва, Новоросијск, богатство, младост, поморски живот и нада, да ће некад доћи „на велику ли нију“...

Са женом се давно разишао. Живели су и сад у једној соби, ал свако на свој начин, за свој рачун. Кад се једне вечери у Цариграду вратио с неког тешког излета, рекла му је Софија Владимировна, како осећа, да се међу њима раскинула она некадашња душевна веза, која је у њихове односе уносила онај нарочити штимунг. Виктор Иванић је знао, да би сваки покушај за успостављање тога штимунга био узалудан и покорио се Софија Владимировна била, је у свему таква: кратка, брза у својим одлукама. Удала се за њ прије десет година трећи дан после њихова познанства, јер је Виктор Иванић сличио на неког уметника, њезиног познаника из ране младости. Како се брзо за њ удала, тако се брзо с њим и растала. Што се ту може.

Истина је, ал је Виктору Иванићу ипак досадио овакав живот и док је Софија Владимировна кројила своје абажуре из свиленог креп-папира, читала: Леонова и Пастернака, дотле је он желио, да у Београду пронађе младу удовицу или распуштеницу, која би га узела на стан и с којом би можда могао обновити оно што ге негда било.

Мала, дебелкаста девојка, блеђог лица и црвених хаљина из старе улице крај Делинијеве апотеке није улазила у ове његове озбиљне комбинације. Он је просто задовољавао њезину знатижељу и приповедао јој о животу на Црном Мору, учио је основним правилима руског језика, а она се за реванш силила да пије вотку...

Те вечери био је имендан Зинајиде Павловне. У емиграцији није више ништа ни остало осим: Ускрса и имендана, који Руси славе у част свеца чије име носе. Иначе „серая, пустая жизнь!“ Још још ко је могао отпутовати у Париз.

Овде се заправо и живот досадио. Генерал Атаманов на Цветном Тргу продаје млеко и сир; Софија Владимировна, ћерка заслужног сенатора, ето, продаје абажуре и млађа генерација се завукла по свакојаким опшежићима и бира час овог вођу међу „старцима“, а час се револуционарно цепа и тражи свој пут, иде на универзитет и муку мучи са српским језиком...

Виктор Иванић био је и ове вечери нешто напит. Зато није ни чудо, да је пепео с његове цигарете непрестано падао на моју хаљину.

– И ви сте Рускиња. – Ословио ме је Виктор Иванић у једном часу, кад се млада београђанка придигла, сигурно, јер је видела, да се језик Виктора Иванића сасвим заплеће.

– Знао сам то чим сам вас угледао. Рускиња и то „старове закала“. Да, да. – Понављао је, као сам за себе Виктор Иванић, а онда се нешто замислио и стао гледати у неодређеном правцу.

Међутим је именица Зинаида Павловна метала на наше тањире: руску салату, телећу паштету, кобасице, шунку, хладну телетину и нудила ускршњим колачима, који је на велико чудо и дивљење гостију остао сасвим свеж. Зинајдин муж Михајило Лукијанић нудио је вотку и пиво; Серафима Ивановна приповедала о својим студијама на иркутском факултету, млеку и другој течној храни, која се у Сибиру продаје у смрзнутом стању на килограме; Сидор Антоновић је по стоти пут преко стола постављао питање: да ли реч циник значи исто на српском језику што и на руском.

– Убићу га, верујте, убићу га! На руском језику „циник“ значи безобразник...

– Зар он мени тако, мени! – Силно увређен узвикивао је Сидор Антоновић и тврдио, да ће позвати на дуел свог „саслуживца“, неког Владу Поповића с којим је скупа служио код државних железница у Београду.

Сидор Антоновић био је добро познат у целом свом друштву. Зинајиди Павловној долазио је он сваке године на честитање неизоставно, а исто је тако сваке године неизоставно постављао питање о семасијологији појединих речи, које су му се чиниле нарочито значајне. Припадао је некад клубу тројице београдских „јогиста“, који су своје јогијске покусе започели дугим, непомичним седењем на истом месту и нетремичним гледањем у свој сопствени трбух. Далеко нису отишли, јер је наскоро један члан умро, други је полудио, а Сидор Антоновић оћелавио, повукао се сам у се показујући се у друштву једино у нарочитим згодама, кад је могао наћи довољан круг у ком је проналазио жртву за своја упорна питања.

У косо према Сидору Антоновићу седио је професор Висарион Аполинарић, ког су добро познавали сви становници Господар Јованове улице. По свом менталитету сличио је на Савонаролу или на руског протопопа Авакума. Његова подрумска соба у коју је посетиоц једва смео ући ради великог броја паса,

који су се увек врзли по степеницама, била је сва облепљена разним мудрим изрекама. Седале се било на расклимани кревет или на расклимане столице, ал соба је ипак увек била пуна света. Професор је сам себи сугерисао своју судбину за случај да му умре жена, а исто су му претсказале и визионарне слике под дејством екструкта познате америчке биљке пејотл, који је потпуно нешкодљив, а има велику моћ, и ако то жена препоштованог Висариона Аполинарића, која је крадом окушала екстрат, није могла установити, јер, ма колико да је затварала очи и мучила се, није ништа ни видела ни чула, већ једноставно само заспала, а на следеће јутро осећала извесно гађење као после морске болести.

– Јест Рускиња сте. – Поновио је наједанпут као иза сна крај мог левог уха Виктор Иванић. – Ми смо морнари добри психолози. Море, самоћа, тишина, све нас то привикава на размишљање, на проучавање људи и околине.

Друштво је постајало све живахније. Непрестано су надлазили нови гости. Говорили су сви на једанпут. Зинајида Павловна доносила је непрестано све нове и нове резерве: чаја с варењем, колача, бонбона.

Виктор Иванић се сасвим разбистрио и окренуо према мени.

– Кад сам као поморски поручник путовао на Црно Море, осећао сам, да ме тамо нешто чека. А знате што је било? – Жена! Да, жена, жена, свагде нас чекају жене. Срео сам је у једном кабарету. Није била лепа, ал је била истерична. Шта мислите такова жена! Видио сам да ћу пропасти. После године дана отпутовао сам у Москву, да се помолим чудотворцима. Друго ми није помагало. Ишао сам од цркве до цркве. У првој цркви кад сам клекао пред икону наједанпут је све око мене нестало, а све до пред саме моје очи испружио се: огроман, велики свечев нос. Скочио сам као опарен. У цркви Василија Блаженог догодило ми се друго чудо. Светац је сишао с иконе, дотакао се мог рамена и лепо сам чуо како ми је рекао: „Викторе Иванићу, не плаши се, ослободићеш се!“... Ослободићеш се! Да, да, ослободићеш се, вели... – Из Москве сам отпутовао у Турску. Нашло ме је и тамо. – После три месеца добио сам у једној кавани брзојав на руском језику, писан француским словима: „Отровала се“... Знао сам, да, је то она. Колико сам тај пут попио, чашу за чашом.

– Отровала се, а ако остане жива? Жена вреди док сама нешто даје; жена, која се тровала не може бити оно што је била, она губи душевну свежину, она сву своју пажњу усредоточује на свом оздрављењу. Ипак сам се вратио. Да је само видим. Чекала ме на обали. Остала је жива! Како ми се тад на обали обесила о руку тако две године дана, ружна и болесна...

Виктор Иванић ни је био такц слабе конструкци је, ал то се догађа, па тако и код њега, виделе су се заправо само очи, плаве очи дубоко усађене под доста високим округлим челом. Кад је приповедао једино су му очи жевеле. Иначе је на његовом телу привлачила пажњу његова десна рука, бледа, мршава као у мртваца, а међу прстима увек грчевито стиснута цигарета из

које је за време његова приповедања сав пепео падао искључиво на моју хаљину.

– Викторe Иванићу, хоћете ли још мало хладне телетине. Пијте, гледајте мене, – узвикивао је муж Зинајиде Павловне, смешећи се обешечачки и држећи у рукама стаклени врч са зеленкастом, прозирном текућином.

– Ја сам стари мајстор. Нека каже Висарион Аполинарић, шта смо радили у Криму. Није нам могао стати на крај и ако смо га сви волели. Свеједно увек смо пили. У седмом разреду гимназије најволели смо: варати полицију и красти вино из подрума. А каква није било вина на Криму! Старо тридесет до педесет година. Тврдило се, да је боље од онога што је пио Франц Јосип, а он је знао што је добро вино!..

Виктор Иванић је довршавао своју исповед у општој галами.

– Две године, а онда сам је ипак оставио. Додијала ми. Срео сам моју жену, то је оно. Зачарала ме погледом. Тврдила је, да не може живети без мене, да сличим на неког глумца, који је био њезина велика љубав у младости. Сад сам развалина: револуција, емиграција, сиромаштво, служба у државном монополу, ал онда!..

– Дакле, велите, да „циник“ српски не значи то исто – настављао је с другог краја стола Сидор Антоновић – док су му дугачки, велики бркови, као у неког старог козачког атамана слична Тарас Буљби, омлитавили од топлоте и чудновато падали преко уста. Серафима Ивановна јадала се што у Београду не може наћи „интелигентног рада“, све у статистици, не може ни универзитет довршити. Њезине светло плаве косе, заковрчане и уздигнуте на темену, давале су јој изглед малих пупета, који се њишу по ваздуху на невидљивом кончићу. Чинило се, да ће и она сад скупа с мужем, који је поред ње седио, полетити над столом, кроз прозор у пространство над поспалим Београдом.

Зинајида Павловна, без сваког трага уморности, досаде, са својим доброћудним смешком гостила је непрестано госте и приповедала Висариону Аполинарићу о својим штићеницима, малим кадетима у руском корпусу крај Боке Которске.

Тридесет их се убило за две године. Основали су клуб самоубојица. Затварали су се у тамну собу и онда је један пуцао најпре у једног члана, а онда у сама себе. Причало се, да је свему крив дух покојног грофа у чијем се дворцу налазио корпус. Морали су преселити децу, ал је било касно, никако нису могли доћи у нормално стање.

Од цигарете Виктора Иванића остала је још само погашена чика. Видело се, да га мучи потреба исповедања. Уопште сви су овде осећали ту исту потребу. Можда за то, да спомену оно што су оставили, можда да се на извесан начин сами пред собом оправдају за извесне пропусте, можда за то да се преко своје исповести са степена емигранта, што понекад поприма карактер: затвореника бр. један, бр. два, подигну до индивидуалних личности...

– Мој први роман има и свој епилог – настављао је Виктор Иванић. И она је дошла у Београд. Срео сам је, ал ме није препознала... Да, емиграција... Дивна је моја жена, не ја бих се развео, оженио поновно, да нађем некога ко ће ме пазити, а можда и волети...

Наједанпут се нагло, без икакова претходна знака, спустила киша. Проломили су се облаци. Велике, огромне капље падале су у собу, док је ударао гром за громом. То је био као неки знак за разлаз. Сви су се стали полако дизати. Гроф Галенберг је ступао први. Водио је под руку малу пријатељицу из стрме улице крај Делинијеве апотеке, опрезно испружао сад једну, па другу ногу и стајао на шиљке камените калдрме у Смиљанићевој улици.

На расстанку је заостао, погледао ме и рекао:

– А знате, моја ме жена само преварила, а ја сам волио само ону прву и ако сам од ње бежао. Љубав је као и емиграција, што више од ње бежиш, све више у њу падаш...

Кад се опраштао, испала му је из прстију погашена цигарета са које је целу вече падао пепео на моју хаљину.

АС, МАА

70

Предавање М. Илић-Агапове „Госпођа Лариса Шрамченко“

Интимна приредба Комитета изложбе

О г-ђи Лариси Шрамченко, на чијој се колективној изложби налазимо, говорили су с дубоким симпатијама, о њој и као личности и као уметници, г. Штрандтман и г. Одавић приликом отварања изложбе. На позив г-ђе Агатоновић и госпођа из Комитета, да говорим на овом интимном вечеру, које је приређено у оквиру ове изложбе, одавала сам се не само због искрене симпатије и поштовања према г-ђе Агатоновић, већ исто тако и због дубоког поштовања, што сам га увек осећала према руској жени, њеном раду, интелигенцији, интелектуалним и моралним особинама.

Судбина је сасвим случајно, на посебан начин, приближила руску и југословенску жену. Психика и рад руске жене престављају с тога за нас проблем од посебног интереса. Ми живимо и радимо скупа, упоредно, на истом делу земље!

Професор Жил Легра у својој књизи „L'âme Russe“, која је објављена 1934. године, наводи извесне особине за које сматра, да су нарочито својствене природи руског човека; исконски, неодвисне од било ког вањског утицаја, које имају свој корен у оном што је најдубље у руској природи. Као такве, између осталог, означаје: интелигенцију, хуманост и ширину природе руског човека.

Достојевски је рекао: „Човек је само онда прави Рус, ако воли све људе, читаво човечанство“. У том је битност руске хуманости. Ширина природе руског човека, која стоји у вези с огромношћу руске земље, руском природом као таквом, делује, да се и сама природа руског човека увек испољује у великим димензијама. Руска жена има све те особине. Између ње и руског мушкарца нема оних великих разлика на које смо иначе научени. Овде су се оба пола прилично изједначила, изгладила. Госпођа Шрамченко, на овој изложби, за све ово пружа довољно примера. Све те особине у довољној мери провејавају кроз њено целокупно уметничко стварање, као и кроз општи животни став ове уметнице.

Странци су на разне начине гледали на Русију. Познаваоци руске уметности имају један посебан став према њој, било да се ради о архитектури, сликарству или скулптури. Старо црквено сликарство задивљује својом дубоком емоционалношћу и у исто време везом са животом; уметно сликарство, које се развије почињући од XVIII века, задивљује и величином уметничке замисли, начинорн којим се изражује и циљем ког жели постићи. Лепе сликарске особине г-ђе Шрамченко подвукао је г. Одавић. Повлачећи само једну пројекцију унатраг, ако се тако може изразити, ја бих само повукла црту од слика према души г-ђе Шрамченко, нарочито како се она изражава у сликању деце, љупких руских девојчица. Професор Легра, увршћује међу оне споменуте особине природе руског човека, које он назива исконским особинама руске душе, љубав према детету. Она се јавља и као особина широких маса и као особина појединаца, без обзира на друштвене слојеве, очигујући се нарочито у оној слободи и самосталности мишљења, која се дозвољава руском детету и која ствара тако упадљиву разлику између руског и сваког другог детета. Лепи портрети ове врсте, које је изложила г-ђа Шрамченко, свакако су и одраз те посебне предиспозиције душе руског човека, бескрајње љубави према детету, која се код ње, као сликара педагога, развила до нарочито високе мере.

Г. Штрандтман подвукао је једну другу, нарочито значајну чињеницу из живота и делатности г-ђе Шрамченко, њено учествовање у Светском рату, у улози сестре милосрђе.

Нек ми буде дозвољено, да у вези с тим кажем неколико посебних речи. Славенски су народи дубоко патриотични. Руски патриотизам, уз све своје посебне особине, безграничан је. Често смо сведоци потресних чињеница како погрешке, било ког руског човека, изазивају дубоке реперкусије у души свих осталих. То је осећај националне гордости, националног самосазнања у чије је лабиринте тешко продрети и које је смртни грех вређати. У борби за слободу, права свога народа, руска жена је кроз векове била исто тако активна, као и сваки други члан те велике славенске земље. Примери из Светског рата само су то потврдили. Позив болничарке у време рата је једна посебна врста службе свом народу. И кад не би иначе знали величину ове службе, она би нам се јасно

указивала и с оних великих и потресних страница монументалне књиге, коју је издала женска секција *Fidaka – Femina patrie defenzor*, која је тако сјајно комплетирала оно што је раније у том правцу писано.

Кримски рат, ратови на Балкану, показали су нам и раније руску жену у овој улози. Сликар, г-ђа Шрамченко показала је својим пожртвованим радом на овом пољу, да је свом својом душом Русиња, наставила је старе велике традиције, којима су пошле и многе друге руске жене које се налазе у нашој средини, традицији које руску жену тако високо уздижу на свим пољима људске делатности.

У једном од последњих бројева познатог руског књижевног листа „Современија записки“, у културној кроници, писац истиче све оне неизмерно тешке услове у којима ради и у којима се развија руска стваралачка мисао. Но, ма како били тешки ти услови, мора се истаћи, да руска жена, у својој великој већини, настоји, да и у овим тешким условима живота ствара и ради и нарочито да подржава дух млађих генерација. Скромне мансарде, често још скромнији подрумски станови у великим и малим кућама безбројних светских градова, далеко у туђини, као и код нас, сахраниће у том погледу многу неписану историју руске жене, њених достигнућа, снова и патњи. Тој великој групи припада и г-ђа Шрамченко.

Данашња времена траже од сваке жене нарочито велико срце, енергију, спокојство и самосавлађивање. Њихов рад и резултате рада треба ценити под том посебном призмом. Свако настојање наше жене, које иде за ублаживањем тог стања, има своју дубоку етичку вредност.

АС, МАА

603

71

Јавни позив за помоћ Друштва за помоћ породицама и сирочади погинулих руских ратника под високом заштитом Њ.К.В. Кнегиње Јелене

№ 4898

Београд, Бирчанинова, 34

Г. Председнику Руског Одбора

22. априла 1932. г.

Друштво за помоћ породицама и сирочади погинулих руских војника, које стоји под Високим покровитељством Њеног Краљевског Височанства Кнегиње Јелене, сваке године обраћа се свима добрим и хуманим људима за помоћ. И све до сада, ево већ 9 година, тако дарезљиво пружана помоћ нарочито руској невиној дечици, омогућила је, да Друштво у својим обитавалиштима у манастиру Хопову

и Белој Цркви храни, одева, негује и васпитава руску децу, која су остала без родитеља и старатеља, или која и поред ових, због беде и невоље, остала би на улици.

Та деца, једном изведена на пут са највећом благодарношћу сећаће се наше отаџбине, наше браће и сестара Срба, Хрвата и Словенаца, који су их својим скромним прилозима прихватили, однеговали и школовали. Не заборавимо, да прилоге дајемо за децу великог руског народа, који је вазда чинио и у будуће ће чинити за добро и срећу нашег народа и наше отаџбине. Не заборавимо такође, да је приличан број деце из источне Србије за време прошлог рата избегао и пребачен у Русију, где су наша деца братски и очински прихваћена и спасена од сигурне пропасти.

Због тога друштво се обраћа са овим апелом, и моли, да се досадашња помоћ и даље указује све дотле, докле год околности буду захтевале, да та руска сирочад у нашој отаџбини траже уточишта.

Само на тај начин Друштво је и до сада, а тако исто и у будуће ће са највећом вољом моћи вршити своју хуману задаћу.

Тога ради, Друштво Вас најучтивije моли, са великом надом, да ћете се искрено одазвати молби: да са Ваше стране у своме делокругу изволите предузети све шта треба за образовање нарочитих одбора по градовима, селима, општинама, школама, ради прикупљања прилога односно у војсци: по штабовима, командама, установама, школама, официрским домовима и т.д.

Тај дан, прикупљања прилога „Дан руске сирочади“, треба по примеру прошлих година да буде приређен на имендан Високе Заштитнице Принцезе Јелене 3-ћег Јуна т. г. по нов. стилу на дан цара Константина и Царице Јелене.

Ако би ма из којих разлога било незгодно или немогуће да се на тај дан прилози прикупљају може се изабрати и један од ранијих или познијих дана од назначеног, како је то за дотично место погодније.

Рачунајући, да ће се наша браћа и сестре и наша деца без обзира које вере били, и у овој прилици сетити наше браће Руса и њихове сирочади. Друштво моли, да се сви прикупљени прилози шаљу у Београд само на адресу Претседника Друштва за помоћ породицама и сирочади погинулих руских војника, пуковнику у пензији г. Свет. Н. Стајевићу, Београд, Бирчанинова, 34.

Благодарећи срдечно унапред, част нам је уверити Вас о нашем одличном поштовању.

Претседник Управног Одбора

пуковник у пензији,

Свет. Н. Стајевић

Почасни Претседник Арм.

Ђенерал, Драг. Ж. Стојановић,

Министар Војске и Морнарице

Да су горњи потписи оригинални, тврди: Претседник Упр. Одбора (М.П.)

Свет. Н. Стајевић пуковник у пензији.

НБС, Смирнов

С.М.

Када су пре пуних двадесет година, аустријски монитори заплвили Савом и Дунавом, и када су на Београд и Београђане сипали читаве лавине усијаног челика, када је небо над престоницом ондашње Краљевине Србије било крваво и мрачно, зрачак светлости и наде у срца Београђана унела је вест, која се невероватном брзином пронела кроз варош:

– Стигли су руски минери!

Сви су похитали да их виде. Једна чета младих, снажних, крепких и одважних руских морнара-минера залогорила је на Чукарици, у фабрици шећера.

Свуда, на сваком кораку, кадгод би се срели са Русима, и народ и војска, клицали би им:

– Живели браћа Руси!

– Спасибо, братушке! – одговарали би Руси и одмах ступили са њима у разговор.

Доласком ових руских минера, ове прве помоћи наших савезника, нестало је и честих посета аустријских монитора, јер су их Руси гађали специјалним торпедима, које су из Русије са собом донели, а и Сава и Дунав такође су били посејани минама и од наше стране.

Куражан и храбар још првих дана пао је од непријатељског зрна са монитора један млад руски поднаредник – „старши“, баш када је са обале Саве посматрао дејство торпеда који је био пуштен на аустријски монитор.

Сахрана овог руског јунака обављена је, пре 20 година, свечано, уз све војничке почести...

Признање после 20 година

Од тога доба, од доба кржаве и болне трагедије, коју је Београд са својим грађанима преживљавао 1914–1915. год., прошло је и нешто више од 20 година. Многи сведоци ове трагедије изгинули су и помрли за време повлачења кроз албанске гудуре, а они који су остали у животу, скоро се и не виде и не чују. Јер кроз Београд сад тече један нов живот, по њему газе нови људи, који и не слуте да врло често, ходајући београдским улицама, газе по костима најхрабријих јунака, који своје животе узидаше у праг своје отаџбине, а које сада покривају, ако не сасвим заборав, а оно бар црни слојеви асфалта...

Па, ипак, они који су остали у животу, сетили су се својих изгинулих другова, те им подигли спомен-костурницу на Новом Гробљу, у коју су смештене кости изгинулих бранилаца Београда.

Трагови минулог рата још се једино у Београду виде по раштрканим гробљима. Тако су Београђани, у знак захвалности и признања, подигли гробља и уредили гробове савезничких изгинулих и умрлих војника: француских, италијанских, па су чак уредили гробове и непријатељских војника. Само, до скоро, није било уређено гробље руских изгинулих војника на нашем фронту, као да се они са нама заједно нису борили и за нашу општу ствар...

Али, ипак, по оној Толстојевој изреци: „Правда је спора али достижна“, и изгинули руски ратници на нашем фронту, макар и после 20 год., добили су од своје браће, југословенског народа, достојно и заслужено признање.

Спомен-костурница изгинулих руских ратника

Пре извесног времена, на челу са г. Доброславом Богдановићем, бив. потпредседником а сада већником Поглаварства града Београда, основан је Одбор за подизање Спомен-костурнице и пренос костурова изгинулих руских официра и војника у одбрани Београда, на Солунском фронту и на целој територији Краљевине Југославије. У Одбору су г. Добру Богдановића свесрдно помогли г. пуковник у пенз. Тасавац, Скородумов, Никола Богдановић и други.

Преданошћу и радом ових неколицине вредних чланова Одбора, костурница на Новом Гробљу подигнута је још у току ове године. Костурницу је радио руски вајар г. Верховски, по чијем је моделу израђена и костурница изгинулих бранилаца Београда.

Дан преноса костурова и њихову свечану сахрану Одбор је везао за велики словенски празник Св. Ђирила и Методија.

Костурови су се имали пренети са железничке станице у костурницу на Новом Гробљу.

Београд се дубоко поклонιο сенима изгинулих руских ратника.

Још у рано јутро, и ако је час погребња био заказан за 10 часова, Београђани су заузели цео простор пред железничком станицом. Разна друштва и корпорације запосели су просторе дуж Карађорђевог и Немањине улице и преко целог Вилзоновог Трга.

На тротоару испред чекаонице, а према лафету и камиону са костурима изгинулих руских официра и војника, чији су ковчези били покривени руским и југословенским заставама, била је постављена говорница за Њ. Св. Патријарха.

Нешто пре 10 часова стигли су и заузели места према лафету: командант Београда арм. генерал г. Војислав Томић са генералитетом и руским генералима г. г. Апухтином, Артомановом и Прошитовом, и пуковницима г. г. Скородумовом и Базаревићем.

Београдску општину заступао је председник г. Влада Илић, са градским већницима: г.г. Душаном Николајевићем, Јеремијом Протићем, Стев. Милутиновићем, Милошом Радојловићем, Јованом Симићем, Бож. Бановићем, Гојком Новитовићем и др. Сенат је претстављао г. Свет. Томић, Краљевску академију наука г. д-р Александар Белић, а руску емиграцију у Југославији г. Штрандтман са секретаром г. Урсатијем.

Тачно у 10 часова дошао је изасланик Њ.В.Краља, пуковник г. Иван Божић, којег је дочекао председник одбора г. Доброслав Богдановић.

Свечано опело и говор Њ. Св. Патријарха

Чим је стигао изасланик Њ.В. Краља, трубач је засвирао „мирно“ и војна музика је интонирала молитву, па је Њ. Св. Патријарх, уз асистенцију епископа г. Викентија, и три руска архијереја: г.г. Гермогена, Феофана и Јоана, и преко тридесет наших и руских свештеника, отпочео молитву, на коју је одговарао хор састављен од свију руских београдских певачких друштава.

После опела Њ. Св. Патријарх одржао је величанствен говор, који су преносила на све стране три велика звучника, а у коме је између осталог рекао и ово:

„Никада се престоница није могла боље одужити сенима оних који падоше за нашу слободу, за наше Уједињење него данас. Очекивали смо ову манифестацију захвалности, очекивали смо је, јер су наше душе вековима повезане са душама браће Руса. За нас су незаборавни они историјски тренуци када се милионски, велики руски народ, као један човек диже да заштити малену, православну Србију, од насртаја непријатеља. Они су падали, на нашим бојиштима, падали су да би показали колико су велики у концепцији хришћанског милосрђа и човечанске љубави. Па и сама престоница, Београд, у одбрани тврђава стародревног града, имала је за прве жртве, поред наших бранилаца, – Русе.

Та помоћ није долазила из било каквих претензија на наше територије. Она је била часна, братска, искрена, права словенска љубав велике Русије према православном Српству.

Сетимо се само оног историјског телеграма Мученичког Краља Александра Ујединитеља...

– Слава Му!

...када је молио Цара Мученика Николаја Другог за помоћ.

– Слава му!

...Цар се није дао молити. Ставио је целу своју оружану силу у покрет...

– Када данас помињемо те хероје, завршава Њ. Св. Патријарх, ми се молимо Богу за силу и моћ, да обнови народну Русију, јер то захтева спас словенског рода и спас целог човечанства“.

Говор већника г. Душана С. Николајевића

После говора Њ. Св. Патријарха на говорницу је ступио г. Душан С. Николајевић, већник и председник Културног одбора града Београда, који је у своме снажном и мисаоном говору, између осталог рекао и ово:

„У име председника и поглаварства главног југословенског града полажем венац на овај свети словенски катафалк. Ја сам одређен да у овом часу словенске религије, изразим све оно што осећају сви живи словенски становници овога града и што, још више и још дубље од њих, осећају наши мртви, Одређен сам да изразим оно што је немогућно речима казати. Када нашу душу походе часови великих мистерија онда осећамо страх да речи не затраже право на своју профаност. И човек би онда желео, или да звучне речи занеме у предубоком ћутању или да се претворе у ноте.

У име председника и Поглаварства града Београда изјављујем захвалност одбору за пренос костију наше једнокрвне браће Руса. Овај одбор, над којим бди узвишени главар свете нам православне цркве, а чији је председник, мој колега из већа, Добросав Богдановић уносио толике напоре у један узвишен посао; овај словенски одбор спроводио је два захтева: захтев југословенске историје и захтев свеславенске фамилије.

Спроводио је одбор захтев југословенске историје, јер југословенске државе не би било да није било словенске Русије. Југословенска држава је резултат еволуције српске државе грађене на освиту XIX века кроз два циновска и конструктивна устанка. Револуционисану рају Београдског пашалука, која се дигла да стресе са себе ропство и срам и да дође до свога људског достојанства, до своје државе; несрећну али титанску рају прихвата Русија. Гради се држава Србија и та држава се све више оспособљава за своју улогу Пијемонта Југословена.

Када је тај југословенски Пијемонт био доведен у питање, када је Аустро-Угарска монархија својим ултиматумом насрнула на сувереност Краљевине Србије; тада, у том, од Косова најсудбоносијем, часу наше историје Русија прихвата нашу и целу словенску ствар.

Одбор за пренос костију руских бораца спроводи и захтев свеславенске фамилије. Фамилија је неразлучна веза мртвих и живих, а тајна бића фамилије најјаче се показује у жељи да сви њени мртви почивају у истој гробници.

Одбор је показао пијетет према заслужним мртвима. Пијетет према мртвима, то је животодавна сила једнога народа. У нашем Пијетету наши мртви, који живе у нашим крвотоцима, радују једну неземаљску срећу. Надземаљски су срећни наши мртви, али у исто време бодре они нас, живе, да истрајемо на нашим историјским путевима. Ми смо народ који треба будућности, Треба овде, у овом тренутку словенске религиозне свечаности, отворено рећи да је тешко замислити југословенску будућност без једне велике и словенске

Русије. Русија је имала нагон мучеништва, али Русија, пролазећи кроз све кризе, постаје све прекаљенија у болу. Прекаљена у болу, она се оспособљава за радост мисије, коју Словенство треба да изврши у човечанству. С њом, са том будућом, прекаљеном Русијом и Југославија ће доспети до своје будућности и узети учешћа у изграђивању једног бољег човечанства“.

Говор председника Одбора и градског већника г. Добре Богдановића

После г. Душана Николајевића са костуровима изгинулих руских ратника, у име Одбора за подизање спомен-костурнице, опростио се г. Доброслав Богдановић сажетим и узбудљивим патриотским говором, у коме је, између осталог, нарочито подвукао ово:

„Ови хероји нису жалили своју крв и просули су је бујицом по врлетима и висовима наше кршне Маћедоније. Њихове кости биле су расејане по гудурама Кајмакчалана и равницама Пелагоније. Следовали су позиву свога врховног команданта, племенитог цара Николе II, који је, на крик нашег народа нападног од надмоћног непријатеља, упутио своје пукове у одбрану наше домовине, и они се борили под командом нашег Витешког Краља Ујединитеља...“

На крају говора г. Д. Богдановића присутни су се прекрстили и са упереним погледима у плаво небо упутили мисли на свете жртве за нашу слободу и уједињење, које падоше у Светском рату, прошаптавши тихо и побожно:

– Слава им!

Кретање поворке кроз масе света које су прекриле београдске улице

За време поворке на железничкој станици кружио је један аероплан, који се одједном звао невидљиви дух спустио сасвим ниско и на лафет је из аероплана пао леп ловоров венац.

Затим је поворка кренула кроз варош на Ново Гробље.

Напред су ношена три крста, два руска и један наш, на коме је писало: „387 руских хероја палих за величину Југославије 1916. и 1917. год.“, док је на другој страни писало: „Битољско бојиште на Солунском фронту“. На крсту који је носио један руски подофицир било је урезано: „Руски хероји 1914. и 1918. године“. Лафет и камион са костурима били су прекривени венцима разних друштава, установа и корпорација, међу којима се нарочито истицао венац Београдске општине.

За све време док се поворка кретала улицама, народ је побожно скидао мапе и тихо у себи шапутао молитве.

На гробљу је опет извршено опело, па су после говора г. г. Николе Богдановића, почасног председника Удружења руских активних царских официра, и руског пуковника Скородумова, уз звуке посмртног марша и песму „Вјечнаја памјат“, костури спуштени у спомен-костурницу.

Са костуровима је сахрањена и једна нежна материнска жеља

Са костурима је у Костурницу спуштен и један сандук са стварчицама које су нађене на врху Кајмакчалана, поред ископаних костурова руских хероја. Међу овим стварчицама налази се и једно нежно материнско писмо, које је мајка из Русије послала своме сину на Кајмакчалан, руском поднареднику пок. Николи Вовилов, а које гласи:

„...Сањала сам те, сине, као што сам сањала и твога брата Анастасија пред његову погибију. Чувај се сине, рђав сам сан снила. Шаљем ти икону Св. Ђорђа. Моли му се и носи је о врату. Моли се и буди јунак на српском бојишту...“

И Никола Вавилов није се оглушио о речи своје мајке. Постао је јунак...

Нека је слава и хвала и њему и његовим друговима који дођоше добровољно са бескрајних руских степа да своје животе за величину Југославије положе на врху нашег историјског Кајмакчалана!

[Уз текст је објављено неколико фотографија које не објављујемо јер су у лошој резолуцији: Изасланик Њ. В. Краља, пуковник г. Иван Божић, са председником Београдске општине, г. Владом Илићем, и градским већницима, присуствују свечаном опелу изгинулих руских хероја. Представник Београдске општине, већник г. Душан Николајевић опрашта се пред лафетом са сенима изгинулих руских јунака. Већник града Београда, г. Добра Богдановић, опрашта се са сенима изгинулих руских хероја, као председник Одбора за подизање Спомен-костурнице и пренос костурова са Кајмакчалана у Београд. Лафет и камион са костуровима изгинулих руских официра и војника, у поворци.]

Београдске општинске новине.

Службени орган општине града Београда.

Година LIII. Мај 1935. Бр. 2. С. 328–331

73

Извештај „Стање руске емиграције у Југославији“ који је написао члан Државне комисије С.Н. Смирнов

1936 (?)

Положение русской эмиграции в Югославии, как и в других странах, таково, что невольно испытываешь чувство тревоги за ее будущее.

Русская пресса, естественно, занята крупными политическими вопросами, и если она посвящает свое внимание материальному, моральному и юри-

дическому положению эмиграции, то крайне мало, что является до известной степени отражением слабости наших общественных организаций.

Прежде всего обращает на себя внимание юридическое положение. В первые годы нашего пребывания в Югославии власти и югославянское общество ничем не отличали русских от граждан государства. Это объяснялось исключительным вниманием к русским со стороны Короля-Витязя Александра I, властей и населения, а также и тем, что стране нужны были те силы, которые были в эмиграции, в огромной работе по обновлению и созданию государственного аппарата и нормальной экономической жизни.

Но прошли годы, и новое государство создало большие кадры своих интеллигентных сил, которых в нынешних условиях кризиса не в состоянии использовать. В возникшей конкуренции русских и местных сил русским стали ставить ограничения, например, в виде требования иметь подданство, предъявления оригинальных дипломов по образованию и профессиональной специальности, применяется норма предельного возраста и другие. Условие о подданстве еще два-три года тому назад было сравнительно легко выполнимо, теперь же принятие подданства значительно затруднено, и получить его удастся лишь в виде исключения.

В иных странах такое требование казалось бы естественным, здесь же требование подданства ставит русских и эмигрантов в особо тяжелое положение не только материальное, но и моральное, ввиду памяти о тех отношениях, которые были у Сербии и России; болезненнее других это ощущают участники войны, а также молодежь, выросшая в Югославии и, конечно, чрезвычайно сроднившаяся не только с местными условиями, но и с интересами государства, принимая их столь же близко к сердцу, как и граждане этого государства, хотя и несет все последствия бесправного положения.

Есть молодые инженеры, врачи, педагоги, юристы, по два-три года не могущие получить труда, хотя бы для голодного существования. Наряду с ними есть значительное число русских интеллигентных сил, медленно погибающих в условиях нищеты.

Все эти лица увеличивают ряды нуждающихся в помощи: кризис еще более затрудняет устройство на работу, а между тем средств для оказания им материальной поддержки едва хватает для основной группы опекаемых: стариков, больных и детей.

В последнее время размер правительственной помощи сократился и она, можно сказать, уже не обеспечивает опекаемого беженца от нищеты; еще два-три года тому назад одинокий старик получал в месяц примерно 400 дин. (около 135 французских франков), теперь эта сумма снижена до 200–250 дин. (около 100 французских франков), получавшим от 250 дин. до 100 дин. (около 35 французских франков).

К этому надо добавить, что солдаты и казаки армии ген. Врангеля по прибытии в Югославию легко устраивались на физические работы, обычно группами на постройках железных дорог, шоссе, мостов и т.п.; теперь, по прошествии 15 лет пребывания в эмиграции, прибывшие сюда здоровыми и трудоспособными эти русские люди достигли возраста 50–52 лет и, утомленные к тому же жизнью сезонного бездомного рабочего, более непригодны для тяжелой работы: их не берут там, где раньше они были желанным здоровым, работоспособным элементом.

Понижение уровня материального положения русской эмиграции вызвано не только кризисом и увеличением местных интеллигентных сил, но и тем, что участники Великой войны после 10–15 лет работы в братской стране пришли в тот возраст, когда человек физически не может работать так, как молодой, а с другой стороны, их 10–15-летний труд не обеспечил их старости, даже если они работали в государственных учреждениях.

То, что для местного населения назвалось бы кризисом, для русских явилось последним безысходным бедствием.

Вот почему русская эмиграция в Югославии с такой страстностью и интересом в последние два года подвергала обсуждению деятельность русских учреждений, возлагая на них ответственность за все переживаемые ею беды.

Невольно память обращается к прошлым годам и к работе указанных учреждений.

В первые годы нашего пребывания в Югославии, благодаря покровительству короля и содействию крупных государственных деятелей-русофилов, была создана Государственная комиссия с председателем, известным сербским деятелем, председателем палаты депутатов Л. Йовановичем; в состав ее был приглашен ряд виднейших сербских общественных и политических деятелей, в первую очередь нынешний председатель Державной комиссии профессор и академик А.И. Белич, а также русский посланник В.Н. Штрандтман, русский правительственный (от ген. Врангеля) уполномоченный С.Н. Палеолог, ныне покойный М.В. Челноков (б. московский городской голова), инженер С.Н. Смирнов (секретарь Великой княгини Елены Петровны).

Государственная комиссия получала крупные средства, и это позволило установить на длительный срок ею месячную помощь безработным, старикам и больным, а также дало возможность создать сеть начальных школ, семь средних школ и помощь студентам. Можно сказать – все нуждающиеся получали пособия, все дети учились за счет государственных средств в школах и интернатах, и все студенты, проявлявшие хотя бы скромную успешность, имели стипендии.

В этот лучший период пребывания русских в Югославии число их подвергалось большим колебаниям. До прибытия войсковых частей в 1921 г.

насчитывалось беженцев около 25.000 человек, с прибытием войск число русских увеличилось примерно до 50.000 и больше человек. Вскоре начался отъезд русских за границу, главным образом во Францию и друг[ие] страны, и в настоящее время цифра русских равна 25–28 тысячам человек.

Соответственно уменьшению числа эмигрантов сокращались численно школы, интернаты, потребность в медицинской помощи и т.п.

Были годы, когда в Югославии существовало семь средних русских школ, в настоящее время их только четыре, причем обучается в них всего 850 детей: в двух гимназиях в Белграде (мужской и женской) 538, в кадетском корпусе 180 и в институте 110; остальные русские дети обучаются в югославянских школах. Вокруг вопроса о дальнейшем сохранении корпуса и института год тому назад разгорелись страсти – предложение закрыть эти две школы ввиду сокращения кредитов Государственной комиссии возбудило волнение среди беженцев; в целях сохранения их было принято среднее решение: школы эти и далее содержать, возложив на родителей обязанность в некоторой доле оплачивать содержание детей, что, однако, не замедлило сказаться на уменьшении числа учащихся.

Существует в настоящее время 10 основных (начальных) школ с детскими садами; число детей в них – свыше 700.

Небезынтересны цифры, касающиеся окончивших Университет и Военное югославянское училище: первых свыше 1000 человек, вторых свыше 300 человек.

В большом числе устроенными оказались лица, закончившие образование в России: есть немало русских, занимающих видное положение в югославянских судах в качестве судей, прокуроров, адвокатов, в административном аппарате, не считая большого числа русских, занимающих скромное положение в министерствах, где оплата труда иногда бывает весьма низка, а положение непрочно, без надежды в будущем, к старости, получить пенсию за долготелую службу.

Внимание югославян к материальному благополучию русских распространилось и на иную сферу.

Руководящие русофильские круги желали более тесной связи между представителями русского и сербского общества на почве общекультурных, общеславянских и, хотя и в меньшей мере, политических интересов. Появилось желание посвятить особое внимание руководящим русским группам: представителям церкви, армии, науки, по отношению к русским писателям журналистам, людям искусства и т.п.

В результате этих стремлений мы видим покровительство русским церковным соборам, съездам ученых, писателей и журналистов, русские выставки, русский театр. Был создан Русский Культурный комитет, в состав которого вошли крупнейшие политические и национальные деятели.

Дальнейшее расширение русской акции выразилось в создании Русского научного института, в постройке Русского Дома имени императора Николая II, в расширении Русской публичной библиотеки, создании крупного книгоиздательства и т.п.

Чтобы оценить размах этого расширения акции, достаточно сказать, что она обошлась во много миллионов.

Казалось, не было сферы интересов русской эмиграции, которой не коснулась бы Государственная комиссия. Самая трудная область устройства на работы также не была оставлена без внимания; здесь необходимо указать на то, что в течение деятельности ее было открыто около 50 разнообразных временных курсов, через которые прошло около 2500 эмигрантов. В этих курсах они получили специальные знания, а по окончании и службу; таковыми были землемерные курсы, слесарно-монтажные, автомобильные, учительские и другие. Осуществлена попытка устройства земледельческой колонии в небольших, к сожалению, размерах; оказывалась помощь при переездах в поисках работы и т.п.

Деятельность Государственной комиссии приняла чрезвычайно широкий характер, но эта ширина охвата интересов эмиграции была доступна лишь до тех пор, пока правительственные ассигнования были велики, а также пока была уверенность, что с течением времени русская эмиграция материально окрепнет и ее нужды примут иной характер, а именно: нужда в опеке и помощи будет постепенно отпадать, а потребность в национальной работе (школы, медицинская помощь, культурно-национальное воспитание нового поколения) будет возрастать.

Между тем случилось худшее – наступил экономический кризис с его последствиями, а параллельно с этим правительство стало быстро снижать размеры помощи. В течение прошлых лет шло сравнительно регулярное уменьшение государственных ассигнований; в 1935 г. оно стало катастрофическим: в течение этого года три раза был уменьшен размер ежемесячных выдач на русское дело, к осени оказавшийся вдвое меньше, чем в начале того же года.

Эти сокращения происходили в крайне неблагоприятные для этого моменты – в разгар учебного года, когда немислимо было ни закрыть школы, ни сократить расход на содержание их; еще более катастрофически действовало то обстоятельство, что о сокращении кредита сообщалось с большим запозданием, когда школы приюты, больницы, санатории и другие учреждения, пользующиеся кредитом для своего хозяйства, задолжали у частных лиц и фирм.

При этих условиях неизбежно должны были пострадать все отрасли деятельности Государственной комиссии: на этот путь не стала она сразу и, не сокращая размеров ежемесячных выдач нуждающимся беженцам, стала замедлять выплату их, даже назначая вновь пособия, но также запаздывая с их

выдачей на все более долгие сроки: так стал возрастать не столь материальный долг Государственной комиссии по отношению к беженцам, сколь моральный (в смысле нравственного обязательства выполнить обещанное), но для беженцев он имеет, конечно, вполне реальное значение, так как беженец кредитуются под обещанное пособие у частных лиц, лавочников, крестьян.

На этом тягостном пути долг Государственной комиссии значительно возрос, и комиссия должна была пойти по пути свертывания своей работы.

Первым движением наших друзей-югославян, в частности, председателя комиссии, академика, б. ректора университета А.И. Белича, было исхлопотать у правительства дополнительные средства для урегулирования дел комиссии. Это в известной степени А.И. Беличу удалось, однако потребности были много выше полученных ресурсов, а упомянутое свертывание разнообразия деятельности комиссии стало неизбежным.

В это же время обнаружилось конкурирующие интересы покровительствуемых групп и учреждений. Группы нетрудоспособных заинтересованы в сохранении старых ставок денежной помощи, родители учащихся – в сохранении интернатов и средних русских школ, старики и больные – в сохранении больницы, санатория и приютов; возник вопрос о содержании обширного, недавно построенного Русского Дома, рассчитанного на культурно-национальные потребности, вопрос о кредитах на публичную библиотеку, научный институт, книгоиздательство и т.п.

Как указано выше, правительственные ассигнования сокращались и ранее, поэтому и ранее ощущался недостаток средств, и возник вследствие этого дефицит, который неблагоприятно отразился на беженском положении: это, в свою очередь, вызвало в русском обществе неудовольствия, перешедшие на страницы газет, с обвинениями в нерациональном ведении дела, в пассивном отношении к нужде и т.п.

К началу текущего года наступила кульминация кризиса, и наши друзья-югославыне в лице председателя комиссии А.И. Белича, членов комиссии: государственного контролера С. Тешича, профессора университета П.С. Стевановича вместе с членами комиссии – делегатом В.Н. Штрандтманом и инженером С.Н. Смирновым приняли ряд решений к урегулированию создавшегося положения.

Государственная комиссия выделила из своего состава члена комиссии С.Н. Смирнова и уполномочила его принять непосредственное руководство русским аппаратом комиссии под своим наблюдением.

Первой мерой явилось составление бюджета в пределах фактически получаемых средств, прекращение создания новых долгов у комиссии, а также намечены меры к погашению и уменьшению старой задолженности.

Эта мера по истечении известного времени приведет к тому, что комиссия будет назначать выдачу помощи в тех размерах, которые позволяет ее бюджет

и фактически имеющиеся средства; это, в свою очередь, должно привести к тому, что помощь будет высылаться исправнее.

Одновременно обращено внимание на обвинения беженцев в бюрократизме аппарата Государственной комиссии, сложности и медленности канцелярской процедуры, которая всякому представлялась несовместимой с благотворительными задачами учреждения.

Эта сторона работы подверглась радикальному изменению, и обращено внимание на срочность работы и необходимость быстрого отзыва на каждое обращение в комиссию каждого эмигранта, особенно в срочных случаях.

Еще с осени был значительно сокращен численно канцелярский аппарат комиссии в целях экономии средств, а кроме того, дважды были уменьшены ставки его вознаграждения.

Неизменным явится сокращение покровительства Государственной комиссии некоторым культурно-национальным начинаниям, чтобы в описанной выше конкуренции интересов разных групп эмигрантов возможно было бы больше пойти навстречу элементам совершенно беспомощным, т.е. старикам и нетрудоспособным. Только при этом условии удалось бы поднять чрезмерно снижаемую для них помощь.

К числу мер улучшения дела комиссии надо отнести и попытку ее, наряду с описанными и осуществляемыми ею другими мерами, выгоднее эксплуатировать Русский Дом. В настоящее время в нем помещаются две русские гимназии, библиотека, научный институт, обширные помещения для студий (для артистов, хоров, музыкантов и художников) и выставок, одно из лучших в городе театральных помещений, обширная сокольня¹⁰⁷, залы для собраний и для канцелярий Государственной комиссии. Такой дом является для русской эмиграции драгоценностью, но содержание его оказалось непосильным для Государственной комиссии и, хотя он мало приспособлен для эксплуатации, но таковая является единственным средством для его поддержания, так как наряду с общебеженской нуждой комиссия не может выделить каких-либо денег на нужды Дома.

В связи с этой задачей русская основная школа в Белграде (более чем 350 детей) переводится из дорого оплачиваемого частного помещения в Русский Дом, так что все русские белградские школы будут сосредоточены в нем.

Кроме того, Государственная комиссия решила пригласить в свой состав председателя самой многочисленной русской колонии, именно Белградской, в которой проживает около половины всех русских беженцев в Югославии; в настоящее время председателем этой колонии является всеми уважаемый Е.Е. Ковалевский.

Надо сказать, однако, что прочность всего русского дела в Югославии зависит не только от общеполитического и экономического положения страны. В этом вопросе имеет громадное значение отношение руководителя югославянской жизни.

Вот почему во всех неустанных хлопотах ближайших опекунов русского дела – профессора А.И. Белича, а также и профессора П.С. Стевановича, решающее значение имеет также и отношение их друзей по общественной их линии – югославян. Именно им приходится создавать разнообразные, часто временного характера, объединения, комитеты, собрания для успешного разрешения того или иного беженского дела.

Им приходится отстаивать и доказывать необходимость увеличения или сохранения тех или иных казенных ассигнований и преодолевать препятствия, особенно значительные в периоды кризиса.

Даже нынешнее ассигнование, столько уменьшенное, что произошел описанный выше специально русский кризис, только после усиленных забот было, к счастью, сохранено, но пока лишь на 6 месяцев.

Во всей русской акции в прежние годы невидимо, а иногда и очень очевидно, влиял незабвенный для всех русских король Александр I. Об его отношении к русским писала вся русская пресса, особенно в связи с его трагической смертью. Е.К.В. Вдовствующая королева Мария продолжает благородное покровительство русским учреждениям – Российскому Обществу Красного Креста и [Русскому научному] институту, проявляя трогательный интерес к русскому делу.

Е.К.В. Наместник, князь Павел, всегда, еще до вступления на нынешнее свое высокое положение, был известен в русских кругах своим сердечным отношением к русским.

Неудивительно слышать, когда отчаивающийся русский беженец в минуты, когда теряется последняя надежда, говорит: «Я напишу князю Павлу». Супруга князя, Е.К.В. Княгиня Ольга, является дочерью Великой княгини Елены Владимировны.

Совершенно независимо от государственных учреждений, ведающих делом помощи русской эмиграции, и от ряда видных государственных и общественных югославянских деятелей, отдающих свое внимание этому делу, стоит в сознании всех русских людей высокая личность Его Святейшества Патриарха Сербского Варнавы.

Русская эмиграция видит в нем своего покровителя и высший для нее религиозный авторитет. Значение Патриарха Варнавы в настоящее время стоит вне всяких сравнений и распространяется на все пространство рассеяния русской эмиграции: дело Патриарха – примирение отдельных частей Зарубежной русской церкви – приобрело исключительное значение, а имя Патриарха читается русскими не только в Югославии, но и в Америке, и в Ман[ь]чжурии, во Франции и всюду, где есть русская церковь.

С необычайной сердечностью Его Святейшество принимает к сердцу и материальные нужды русских беженцев: его поддержка в случаях бедности

или необходимости получить заработок или службу помогла многим и многим эмигрантам.

В начале статьи упомянуто было о русских учреждениях, существующих в Югославии. Их нет в других странах.

Здесь несколько лет тому назад интенсивно работавшая Российская миссия, возглавляемая В.Н. Штрандтманом, была превращена в Делегацию, ведающую интересами русской эмиграции.

Это учреждение, в лице делегата, является местом, куда каждый эмигрант в затруднительных случаях обращается, что вполне соответствует необычайно широкой функции делегации: ведать интересами эмиграции, а их, конечно, весьма много. Можно сказать, что устройство русского эмигранта в Югославии всегда проходит через Делегацию. Прежде всего, оформление документов о личности, об образовании, о семейном положении, о материальном положении, о происхождении.

Каждый русский, намеревающийся открыть любое торговое дело, прибегает к содействию Делегации, которая выдает документы, требуемые местными властями; каждый ищущий службы в правительственном учреждении получает в той или иной форме содействие; неприятное и сложное паспортное дело каждый эмигрант выполняет также при содействии Делегации.

Наконец, во всех случаях, когда требуется защита интересов эмигрантов, делегат, как официальное лицо, может это сделать, и вмешательство его часто оказывает благотворное влияние на русские дела. В.Н. Штрандтман является также главноуполномоченным Российского Общества Красного Креста. Учреждения Красного Креста пользуются особым почитанием русских беженцев. Действительно, число пользовавшихся прекрасной больницей в Панчево, обслуживаемой выдающимися врачами; санаторией в Вр[нячкой] Бане, известной своей отличной постановкой дела не только среди русских, но и югославян; образцовым приютом для престарелых в Великой Кикинде и большой амбулаторией в Белграде таково, что сохранение их является важнейшей задачей как Красного Креста, так и всего русского общества.

И действительно, к русским общественным кругам приходится все чаще обращаться всем нуждающимся. Сокращение русской акции со стороны югославян обязывает русскую эмиграцию принять на свои, правда очень слабые, плечи заботу о многих и многих общерусских делах.

В создании благоприятной для русской эмиграции обстановки значительное влияние имеет пресса. Именно к ее возможностям относится осведомление местного общества о русских делах, а оно крайне необходимо; даже такой вопрос, как о вынужденности и необходимости появления в Европе русской эмиграции, не вызывающий у нас никаких сомнений, требует за границей настойчивых разъяснений, что наше пребывание за границей является

результатом борьбы за национальную Россию, а не следствием иных стремлений. В этом отношении немало сделали в Югославии статьи А.И. Ксюнина, одного из немногих русских журналистов, установивших прочные связи в среде местной прессы; его статьи о большевизме с удовольствием читаются всеми русскими.

Если до сих пор Делегация и Государственная комиссия были в состоянии вести свое широкое дело, то в настоящее время все более обозначается необходимость постепенного перенесения на общество ряда забот. Это было осознано давно, и с давнего времени начало действовать в Белграде Общество помощи старцам и учащимся под руководством незабвенного для многих русских бывшего советника Сербского посольства в Петрограде, ныне покойного М.М. Ненадича, человека, чья любовь к России была исключительной. Его стараниями в Белграде существует дом для престарелых русских, в провинции – приют. Его же стараниями поддерживалось общежитие студентов в Белграде. Наконец, почти все благотворительные начинания русских всегда встречали с его стороны поддержку.

Его сменила г-жа Симич, выдающаяся благотворительная деятельница и горячая русофилка. Ее стараниями крупное дело Общества успешно продолжается.

Наряду с этими именами надо назвать имя генерала Бошковица, возглавляющего военный географический институт и являющегося председателем старейшего русско-сербского клуба.

Его заботами в югославянских военных учреждениях устроено на службу значительное число русских офицеров. Трудно представить себе любое русское торжество или печальное событие или русское благотворительное дело, чтобы генерал Бошковиц не отозвался на обращение к нему по такому случаю русских людей.

Во всех центрах расселения русских беженцев основаны организованные и узаконенные русские колонии. Существуют и действуют многочисленные русские общества. Их много, но общей чертой их является крайняя бедность. Они работают, но как-то не растут с годами, не крепнут; нередко удачно начав работу, они от внутренней слабости замирают и даже сходят с поля общественной жизни.

Кассы их часто пусты: что сегодня собрано, то завтра уже израсходовано. Общества действуют разрозненно, и это дает неправильные результаты в оценке той или иной нужды. В наших обществах отсутствует идея накопления средств, идея фондов.

Между тем совершенно неизбежно, что постепенно роль русских обществ должна увеличиваться, восполнять слабеющую деятельность Государственной комиссии.

Вот почему чрезвычайно важно придать общественным учреждениям большую устойчивость, создать большую заинтересованность эмигрантов к их деятельности, достигнуть положения, когда каждый эмигрант будет лично заинтересован в поддержке своей организации; необходима, конечно, большая солидарность в деятельности разных обществ, большая публичность, быть может, иное направление их деятельности, не столько механическое распределение денег, сколько устройство нуждающихся беженцев.

В этом деле помощи и устройства остаются маловыясненные возможности от сотрудничества с югославянскими обществами «Коло Српских Сестара», «Женско Друштво», «Српска Мајка», Материнско удружење Књегиње Зорке, Књегиње Љубице и другими, югославянскими городскими общинами, а также и с представителями нансеновского присутствия.

Во всех подобных начинаниях должно сказаться прежде всего то авторитетное положение, которое заняли многие русские в югославянском обществе и русском. На них лежат и долг, и ответственность.

Делом помощи занимаются многие общества, имеющие и иные основные цели: общества инженеров, врачей, офицеров, объединения по русским учебным заведениям. Таких объединений можно насчитать свыше ста. Вместе с другими обществами они образуют ценную ткань объединения русских, мало, к сожалению, использованную для желанного устройства своих сочленов.

НБС, Смирнов

	VIII	IX	X	XI	XII
Бачко-Градиште	–	450	900	900	900
Баня-Лука	1875	1950	1875	1875	1875
Битола	–	675	475	475	475
Белград	–	–	–	33 990	34 500
Белая Церковь	–	–	1975	15 850	15 700
Вараждин	–	725	725	725	725
Вараждинска Топлица	–	650	650	650	650
Велика-Кикинда	3750	3575	3500	3500	3500
Винковци	–	725	525	525	525
Вранье	–	875	800	800	800
Врњачка-Баня	2590	2690	2590	2590	2590
Вршац	–	4325	4475	4625	4625
Горни-Милановац	1075	1075	1075	1075	1075
Дарувар	–	275	275	275	275
Дебеляча	1525	1525	1175	1175	1175
Дубровник	–	4825	4825	4825	4825
Херцегнови	–	1753	10 560	10 410	10 560
Загреб	5050	4550	4225	4025	4025
Заечар	–	725	500	850	850
Земун	–	–	4900	4975	4975
Камник	450	450	450	450	450
Карловци-Сремски	–	500	1000	1000	1000
Крагуевац	1975	1725	1775	1775	1775
Кралево	2275	1875	1200	1425	1425
Крушевац	1025	1200	1025	1200	1200
Лесковац	–	1200	1100	1100	1100
Любљана	1400	1475	1100	1100	1100
Марибор	–	300	300	300	300
Митровица-Сремска	–	500	950	950	950
Мокри луг	–	–	2225	2225	2750
Ниш	3175	2950	2650	2775	2775
Новый-Бечей	1825	1625	1750	1750	1750
Нова-Градишка	850	750	600	600	600
Нови-Сад	8275	8175	7275	7275	7275
Огулим	–	300	675	675	675
Осиек	–	4220	3970	4120	4120
Палич	–	600	1325	1325	1325
Петровград	2975	2725	2425	2425	2425

	VIII	IX	X	XI	XII
Пожаревац	–	700	700	825	825
Разные колонии № 1	9025	9300	9325	9175	8975
Разные колонии № 2	–	4750	4750	3550	4325
Разные колонии № 3	–	6515	6265	6090	6090
Сараево	2725	2625	2250	2250	2250
Србобран	–	425	250	250	250
Скопле	–	810	1425	1425	1425
Смедерево	2650	2800	2525	2550	2550
Сомбор	–	450	650	650	650
Сплит	–	775	775	775	775
Старая Канижа	–	275	275	275	275
Субботица	–	2000	4865	4525	4525
Сухополье	–	500	500	500	500
Тител	700	700	700	375	575
Томашевац	–	450	900	900	900
Ужице	–	275	575	575	575
Цре[<i>нечитко</i>]	1325	1225	1225	1325	1425
Чачак	–	625	650	650	650
Шабац	7525	7250	7225	7225	7225
Ягодина	–	350	350	350	350
Духовные лица	1050	1050	1050	1050	1050
Первоочередное ([<i>нечитко</i>])					
[Итого]	65 090	121 770 ¹⁰⁸	146 525	179 475	225 440
Приюты 1935 г.:					
	VIII	IX	X	XI	XII
1) Велика Кикинда	2220	2250	1850	1850	1850
2) Хоповский и Бело-Церковский	–	–	–	9300	9300
3) Детский дом Русского общества Красного Креста	–	4500	4185	4185	4185
4) Интернат Союза городов	–	–	–	4325	4325
	2220	4500	6035	19 660	19 660

[Белешка: Прошу П.Л. Мичурина составить и дать мне с возвращением этого списка колоний с суммами за I, II и III. 24.II 1936. С. Смирнов]

НБС, Смирнов

Финансовый план учебного отдела Державной комиссии на 1936/37 учебный год с 1.IX 1936 г. (утвержден Державной комиссией в заседании)

Название учебного заведения или расхода	Содержание школы	Содержание интерната			Полное содержание учебного заведения	Должно поступить на содержание всех штатных воспитанников	Максимум отпуска от Державной комиссии	Стоимость содержания 1 воспитанника в интернате		
		Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего				Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего
А. Средние учебные заведения	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Русский кадетский корпус	27 310	1450	49 770	64 277	91 587	44 140	47 447	80,50	276,50	357
Русско-Сербская мужская гимназия	33 969	7245	18 640	25 885	59 854	19 000	40 854	131,75	339	470
Русский девичий институт	21 193	11 006	34 230	45 236	66 429	26 350	40 079	91,50	285,25	376,75
Русская женская гимназия	33 431	-	-	-	33 431	-	33 431	-	-	-

Название учебного заведения или расхода	Содержание школы	Содержание интерната			Полное содержание учебного заведения	Должно поступить на содержание всех штатных воспитанников	Максимум отпуска от Державной комиссии	Стоимость содержания 1 воспитанника в интернате		
		Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего				Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего
Школьное помещение Белградской гимназии	10 150	-	-	-	10 150	-	10 150			
Итого	126 053	32 758	102 640	135 398	261 451	89 490	171 961			
Б. Детские дома ¹⁰⁹										
1. В Белграде	15 927				15 927		15 927			
2. В Субботице	1023				1023		1023			
3. В Скопле	1023				1023		1023			
4. В Новом Саде	1116				1116		1116			

Название учебного заведения или расхода	Содержание школы	Содержание интерната			Полное содержание учебного заведения	Должно поступить на содержание всех штатных воспитанников	Максимум отпуска от Державной комиссии	Стоимость содержания 1 воспитанника в интернате		
		Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего				Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего
5. В Панчево	1116				1116		1116			
6. В Земуне	930				930		930			
7. В Крагуевце	930				930		930			
8. В Руднике Бор	930				930		930			
9. В Петровграде	930				930		930			
10. В Сараево	930				930		930			
Итого:	24 855				24 855		24 855			

Название учебного заведения или расхода	Содержание школы	Содержание интерната			Полное содержание учебного заведения	Должно поступить на содержание всех штатных воспитанников	Максимум отпуска от Державной комиссии	Стоимость содержания 1 воспитанника в интернате		
		Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего				Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего
4. Пособие престарелым педагогам					8000		8000			
3. Уреду за служащих 9 пров. детдом.					400		400			
2. Семейная прибавка к содержанию служащим					1800		1800			
1. Амбулатория русских учебных заведений в Белграде					1101		1101			
В. Разные расходы										

Название учебного заведения или расхода	Содержание школы	Содержание интерната			Полное содержание учебного заведения	Должно поступить на содержание всех штатных воспитанников	Максимум отпуска от Державной комиссии	Стоимость содержания 1 воспитанника в интернате		
		Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего				Общие расходы	Питание и обмундирование	Всего
5. Изасланицы Министерства просвещения на матурнском испите					750		750			
6. Пособие на содержание интерната женской гимназии					3000		3000			
7. Пособие бывшим институткам, проживающим в интернате женской гимназии					2450		2450			
Всего:					303 807	89 490	303 807			

НБС, Смирнов

1950 (?)

І. Оснивање и састав Института

Руски научници у емиграцији од самог почетка оснивали су неколико професионалних организација. Још 1920. године у Београду било је организовано „Друштво руских научника“ (Общество русских ученых), а у Паризу „Руска академска група“ (Русская академическая группа). На првом академском конгресу 1921. године у Прагу ове организације сјединиле су се у „Савез руских академских организација у иностранству“.

Сем чисто научних циљева те организације водиле су бригу о школској спреми руске омладине и у том циљу оснивале су руске више школе, на прим. Правне факултете у Прагу и Харбину, Народне универзитете (у Београду, Прагу, Риму, Софија), неколико научних друштава, различите курсеве и течајеве и интервенисале су поводом примања руских ђака у постојеће више и средње школе.

У циљу научног развитка, а такође развитка руске књижевности и уметности били су оснивани и руски институти. Први такав институт био је основан од Другог академског конгреса 1922. године у Прагу. Његов председник био је проф. П.И. Новгородцев. После његове смрти 1924. год. заменио га је чувени слависта академик П.А. Францев. У институту су се одржавали научни реферати и јавни скупови. Сем тога Институт 1929. и 1932. године издао је два велика зборника научних чланака и 1929. год. Пушкински зборник. По примеру Прашког института касније су били организовани институти у Берлину и у Београду. Руски научни институт у Београду био је основан 16. септембра 1928. године за време Четвртог конгреса руских научника. Од 21 оснивача Института сада у Југославији остали су само 6: А. Билимовић, А. Косицки, В. Ласкарев, Л. Салтиков, Б. Тројицки и В. Фармаковски.

Институт је имао два задатка: научно истраживање и просвету. Сем општих научних питања особиту пажњу Институт је показивао проучавању Русије и Југославије. Сем тога Институт је водио бригу отпремању младих научника и штампању научних радова. чланови Института делили су се на редовне чланове и Чланове сараднике.

До јануара 1928. године редовни чланови Института могли су бити само професори виших школа у Русији и Југославији, а после тог датума и уопште сви наставници ових школа и лица која су имала научни степен Магистра и Доктора руских универзитета. Чланови сарадници били су лица која су узимала учешћа

у науци истраживања. Број редовних чланова био је од 49 до 58, број сарадника мало по мало се повећавао и од 19 дошао је до 50. За учешће у његовим радовима Институт је звао и руске научнике из других држава, при чему до 1932. године давао је њима и материјалну помоћ. На тај начин су били позвани на прим. П. Струве, А. Кизеветер, Д. Рјабушински, И. Лапшин, И. Лоски, В. Ипатјев, Е. Љацки, Н. Головин, В. Тотомјанц и др. Били су позвани и неки познати руски књижевници: К. Балмонд, З. Гипиус, Д. Мерешковски, Игор Северјанин и И. Чириков. Понекад у радовима Института узимали су учешће и српски научници, на пр. Бр. Петронијевић, Ђ. Тасић, Бр. Милутиновић, Б. Трухолка и др. Млади руски научници примали су од Института стипендију.

II. Организација Института

Организација Института била је одређена у његовом Уставу. Главни орган Института био је његов Савет, у који су улазили само његови редовни чланови. Савет је бирао функционере Института, његове нове чланове, санкционисао је план рада, буџет и рачуне Института, издавао је инструкцију за редакциону комисију и решавао најважнија питања која му је предлагала управа Института.

Као извршни орган Института била је Управа (Правление) Института у чији састав су улазили председник, његов помоћник (товариш) и три члана. Председници Института су били: 1/ од 1928. до 1930. бив. ректор Кијевског универзитета Е.В. Спекторски, који је напустио ту дужност кад је био изабран за професора Љубљанског универзитета; 2/ 1930. до 1936. год. академик Ф.В. Тарановски који је умро 23. јануара 1936. год.; 3/ 1936. до 1937. бив. проф. Новоросијског универзитета А.П. Доброклонски који је умро децембра 1937. године; 4/ 1937. год. до 1941. год. бив. професор Донскога, а сада Београдског универзитета А.И. Игнатовски.

Издавачким радом Института управљала је редакциона комисија, чији је председник читаво време био бив. професор Новоросијског а сада Београдског универзитета В.Д. Лоскарјов.

Ревизиона комисија института постојала је само три године, после чега функцију контроле су вршили југословенски контролни органи.

Материјална средства Институт је црпео делом од Државне комисије за руске избеглице, делом од организованог по иницијативи академика А. Белића Руског Културног Одбора, делом од чланских улога и продаје својих издања. Чланови руског Културног Одбора били су А. Белић, Богдан Гавриловић, Милан Грол и Милош Трифуновић. Уз Институт је постојала библиотека, која је имала близу 1000 књига.

Институт је имао четири одељка: 1/ филозофски, 2/ језика и књижевности, 3/ социјалних и историјских наука са војничком секцијом и 4/ наука природних, агрономских и медицинских. Институт се налазио испочетка у згради Српске

академије наука на улици Ђуре Јакшића, а 1933. године је прешао у Руски Дом на улици Краљица Наталије (сада улица Народног фронта).

III. Рад Института

Рад Института је имао следеће облике: 1/ организација различитих научних седница, скупова и конгреса, 2/ организација курсева, семинара и јавних предавања, 3/ издавање научних радова.

1. Научне седнице института биле су или јавне и свечане или не јавне, заједничке или по одељцима, посвећене рефератима и истраживањима. У току првих десет година постојања Института свечаних седница било је 24. Оне су биле посвећене важним годишњицама и чувеним радницима науке и културе. Од првих можемо споменути седницу од 16. јануара 1933. године поводом стогодишњице Руске академије генералног штаба, 1. фебруара 1933. год. поводом стогодишњице «Свода закона», 26. децембар 1934. год. поводом стогодишњице Кијевског универзитета, 17. децембра 1935. године поводом стогодишњице «Училища правоведения».

Од научника и књижевника којима су били посвећени седнице Института можемо споменути: Б. Чичерина, К. Кадлеца, И. Добровског, А. Грибоједова, С. Соловјова, Б. Достојевског, А. Пипина, В. Ламанскога, Д. Мендељева, Ф. Тарановског, И. Павлова, М. Љубавског, Декарта, итд. На свакој таквој седници чланови Института читали су неколико реферата.

На редовним унутрашњим седницама Института читали су се реферати после чега се водила дискусија поводом прочитаног. У дискусијама су имали право учешћа само чланови Института. Преглед свих реферата наштампан је у томовима XI, XIII и XIV издања Института: „Записки русског научног института в Белграде“. У току првих десет година постојања Института било је прочитано 670 реферата од којих 255 су била посвећена Русији, 34 Југославији, 94 хуманитарним наукама, 65 биологији и медицини, 53 математици, механици и физици, 47 војним наукама, 47 филозофији и 32 техници.

2. Систематски курсеви у току првих десет година читали су 12 чланова Института из различитих научних области, почев од математике, технике и биологије и до историје и филозофије. На пример, С. Метаљников 1929. године држао је курс: „Проблем бесмртности и смрти у модерној биологији“; А. Кизеветер „Московска Русија, њено државно и социјално уређење“, П. Струве „Економска историја Русије“ и „Социјална и политичка идеја и погледи у Русији у XIX веку“, Н. Лоски „Чулна интелектуална и мистичка интуиција“ итд.

Семинари су били организовани у циљу спремања почетника у науци и њиховог обавештавања на методима научног рада. На томе су радили 17 чланова Института.

Јавна предавања држали су чланови Института у Београду обично у Коларчевом универзитету а такође и у другим већим варошима Југославије, већина на позив месних руских организација.

3. Издавања Института. Руски научници у иностранству често су имали тешкоћа у погледу штампања својих радова и руски научни институт је ишао усусрет овој потреби, особито у погледу Штампања малих чланака. Издање Института можемо поделити на периодична и непериодична. Периодични часописи Института били су „Записки Русског научног института в Белграде“. Парни бројеви овог часописа били су посвећени наукама математичким природним и техничким, непарни хуманитарним. За време од 1930–1941. год. били су издати 17 свезака (последња 16–17 дупла). Од 190 чланака који су били наштампани у „Запискама“ 107 били су посвећени хуманитарним наукама и 83 математичким, природним и техничким. Русији су били посвећени 72 чланка, Југославији – 10. Од чланака хуманитарног садржаја можемо споменути на пр. следеће: О. Маков, „Статут града Котора“ (свеска I), А. Макљецов „Мере заштите у југословенском праву“ (св. IX), С. Тројицки „Правни положај руске цркве у Југославији“ (св. XVII). Од чланака посвећеним природним и техничким наукама можемо споменути чланке академика В. Фармаковског (св. II, IV, VI и VIII), проф. П. Ришкова (св. X) о најбољем искоришћавању железница Југославије Т. Локотја и Н. Муравјова о биљкама у Југославији (св. XII) и низ чланака Б. Петрова и В. Мартино о екологији и зоографији сисара у Југославији (св. II, X, XII, XIV и XVI) и др.

Непериодичка издања Института била су:

а) „Труды четвертого съезда русских академических организаций за границей в Белграде 16–23 сентября 1928. года“, који су били штампани 1929. године у две дебеле свеске. Прва свеска била је посвећена хуманитарним наукама, при чему од 43 чланка 23 су говорили о Русији и 8 о Југославији. Наиме о Југославији имамо следеће чланке: Ан. Билимовић „Београдски универзитет“ (стр. 29–36), М. Јасински „Из историје Катарског статута“ (стр. 175–194), В. Розов „Срби у Палестини и на Синају“ (стр. 195–200), А. Макљецов „Смањена урачунљивост у пројекту кривичног законика краљевине СХС“ (стр. 305–318), В. Соловјов „Статут острва Корчуле“ (стр. 343–356), Ал. Билимовић „Преглед народне привреде краљевине СХС“ (стр. 401–410), А. Погодин „Руски писци у српским преводима“ (стр. 467–468).

Друга свеска садржи чланке математичког, медицинског, агрономског и биолошког садржаја и има 36 чланака од којих два говоре о Русији и четири о Југославији, наиме: В. Мартино „О зоолошкој подели Југославије према проширивању сисара“ (стр. 121–128), Т. Локотја „О пшеницама у Југославији“ (стр. 143–144), Шћербакова „О Врњачкој бањи“ (стр. 193–202). На четвртом конгресу руских научника у Београду било је покренуто питање о издавању

библиографије радова руских научника! Овај задатак био је остварен путем издања двају свезака „Грађе за библиографију руских научних радова у иностранству“ (Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом). Прва свеска која је изашла 1931. год. има 394 стр. и садржи наслове 7038 радова, 472 писаца, који су били штампани 1920–1930. год. Први део друге свеске, који је изашао 1941. год. има 384 стране и садржи наслове 6333 рада, које су написали 339 писаца и који су били штампани 1930–1940. године. Други део ове свеске није изашао услед окупације. Пада у очи да из међу радова наведених у другој свесци има много више радова који су били штампани на страним језицима него у првој свесци. Уопште рад Института је био толико интензиван и плодан да је његов председник проф. и академик Ф. Тарановски у своме говору од 9. априла 1933. године могао изјавити да је Руски научни институт у Београду постао заједнички научни центар за целу руску емиграцију.

О политичком карактеру Института може се рећи следеће:

Треба признати да је велики део руских научника у емиграцији у првима годинама револуције био непријатељски расположен према совјетској власти и ово расположење је утицало и на рад академских организација. Али, Руски научни институт у Београду био је основан већ 10 година после почетка руске револуције, кад се овај непријатељски став већ знатно ублажио. Са једне стране утисци од личних непријатности и жалосне судбине неких колега током времена изгубили су своју оштрину, а истовремено руска емиграција у овом периоду могла је да дође до помисли да руска револуција није нека кратковремена, летимична појава. Стога рад Руског научног института у Београду имао је карактер научне објективности и аполитичности и у томе раду су узимали учешће научници различитог политичког правца, како монархисти, тако и републиканци и социјалисти (на пр. П. Миљуков, С. Прокоповић). Овај правац Института није се допао десничарским круговима у емиграцији и немачком окупатору и стога за време окупације Институт је био приморан да прекине свој рад.

Литература

1. Четвертый съезд русских академических организаций за границей в Белграде (16–23 сентября 1928 г.). Белград, 1929.
2. Е.В. Спекторский, Русский институт в Белграде („Новое Время“, 1928, № 2213).
3. Исти, Руска наука у емиграцији (Српски Књижевни Гласник, 1930 г. 1. децембар, стр. 547–551).
4. Исти, Десятилетие Русского научного института в Белграде 1928–1938 гг. (Записки Русского научного института, выпуск 14, стр. 1–35).
5. Ф.В. Тарановски, Руска књижевност и наука у емиграцији, (Летопис Матице српске, књ. 325, 1930. год. стр. 217–221).

6. А.В. Макљецов, Русские юристы в Югославии, „Закон и суд“ (Рига), 1931, № 40, стр. 1357–1362).

7. Исти, Руски правни часописи у иностранству, „Архив за правне и друштвене науке“, 1933, стр. 531–532 и 1939, стр. 284–286.

8. Руски дом имени императора Николаја II, Београд, 1933, стр. 7–14.

9. А. Флоровский, Русская историческая наука в эмиграции (Труды V съезда русских академических организаций за границей, в Софии 14–21 сентября 1930 года, часть I, София, 1932 год., стр. 467–484).

10. Исти, La litterature historique russe (emigration), Comptes-rendus, 926. Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orient, I, fasc. 1–2, Varsovie, 1926, p.p. 81–121.

11. Исти, La Litterature historique russe (emigration), Comptes-rendus, 1927–1929, ibid. t. III, fasc. I–II, Varsovie, 1930, p.p. 25–79.

12. А. Kisewetter, Histoire de Russie. Travaux des savants russes emigres Revue historique», Paris, 1930, t. 143.

13. Устав Союза русских академических организаций за границей, Положение о приобретении ученых о фонде взаимопомощи, Прага, 1928.

14. Деловое объединение русской эмиграции, Прага, 1928.

15. Проф. В.Г. Коренчевский, Почему нужно деловое объединение русской эмиграции, Прага, 1929.

Архив Војводине, Нови Сад, фонд С. Троицког (522), д. 31

633

77

Рукопис предавања М. Илић-Агапове „О познавању Русије код нас. Што смо знали и што знамо о Русији“, одржаног у просторијама Друштва Словенска мисао

21. марта и 9. априла 1938. г.

Председник руског научног крушка у Београду, „Беседа“, врло уважени професор нашег Универзитета у пензији господин Чубински, предложио ми је да у овом друштву одржим једно предавање, али ми је оставио потпуно на вољу да тему сама одаберем.

Одазвала сам се позиву, јер је тешко одбити овако частан предлог, само морам признати да сам се око избора теме доста колебала. На крају сам одабрала да говорим о нашем познавању Русије и као питању које у наше дане постаје све актуалније и које у исто време овај учени круг може највише занимати.

На љубазан позив претседнице Културне секције друштва Словенска мисао ово предавање вечерас понављам у друштву Словенска мисао уз извесне измене и надопуне.

Има једна прича, боље речено скица једне страховито тужне визије данског песника-приповедача Андерсена, која на немачком језику носи наслов: „Nach Jahrtausenden”. У њој овај неупоредиво дубоки писац, који кроз приче често спроводи мисли дубоко философске садржине и велике социјално-етичке вредности, – предвиђа како ће читава Европа кроз неколико стољећа постати пуста земља у којој ће ту и тамо стршити из земље остаци њених некадашњих огромних градова, и оних који су у Андерсеново доба већ постојали, као и оних којих још није ни било. Американци ће – вели прича – у ваздушним лађама долетати са свог континента, у року од седам до осам дана прегледаће све те рушевине, а онда ће се задовољени враћати натраг причајући својим суграђанима: „In Europa ist viel zu sehen, und wir haben es in acht Tage gesehen!”

Живот великог данског песника одиграо се у оквиру прошлог века – 1805–1875. Иако испуњен ратовима, упоређен с временом које ми данас прешивљавамо, он ипак није давао толико разлога за овако песимистичне закључке. Данас је опасност још много већа, и за то ниге чудо што упоредо с негативностима нашег времена иде и једна јасно изражена жеља за међусобним познавањем и зближењем.

Потребу тог међусобног познавања и зближавања ми Словени осећамо још јаче и дубље од осталих народа. У том се правцу врше велики и знатни напори. Сваки дан они се усавршавају и продубљују.

У Западној Европи Русија је дуго била непозната земља. У Француској научник и слависта Louis Leger, Мицкијевићев наследник на катедри за славистику у Славенском институту у Паризу, подвлачи то непознавање и истиче у вези с француским сломом 1870. сву огромну штету за француски народ и француску државу речима: „Que cette Russie tant calomniée aural pu, en y jettant son épee, fair de notre côté pancher is plateau de la balance“. Историк Lery Bolieu, психолог и социјолог Jules Legras ушли су доста дубоко у проблем Русије њеном већем и дубљем познавању у иностранству, а нарочито у својој земљи, али и данас још кроз поједина чак и научна дела промичу мишљења, која у суштини значе једно дубоко непознавање Славена и њихових основних карактерних и моралних особина. У том је погледу врло занимљива књига психолога Jules Rayot, који свим негативностима које приписује немачком народу, тражи извор у њиховој вези са Славенима, нарочито Русима. За нас, међутим, премда је Русија дуго била магловит појам, нема свесног периода у нашем животу у ком ми нисмо тежили за Русијом и за тим да је упознамо. Православни, без обзира где и у ком су делу државе живели, имали су увек једно своје чисто ортодоксно-национално мишљење о Русији, дубоко искристалисано и мирно, као и све представе које

се стварају дугим периодом времена. Оно је не само увек било позитивног, већ и чисто религиозног карактера. Историја развоја наше социјалнополитичке и културне мисли јасно то доказује. Код осталог дела нашег народа, разлика није била у интензитету, снази и јачини вере, већ више у ширини круга ког је обухватала и то има своје објашњење у оним посебним приликама, које су раније у тим крајевима владале.

Извори за наше познавање Русије били су разни. Међу основне и главне факторе нашег познавања Русије треба убројити:

- 1) руску књижевност и уметност;
- 2) међусобни лични контакт било између појединаца с једне и с друге стране или већих социјалних група;
- 3) руску револуцију;
- 4) руску емиграцију.

Први фактор – Руска књижевност и уметност

Заустављајући се на руској књижевности као основном фактору у нашем познавању Русије, поставља се питање: Шта смо могли познати о Русији преко руске литературе?!

Рекла бих да одговор даје сама руска литература, јер ако постоји нека књижевност која је у целости или делимично апстрактна, која се развија независно од земље и људи где је поникла, која се креће у области сасвим произвољних фикција, потпуно иреалних људи и крајева, онда се мора одмах подвући да то не вреди за руску књижевност у никојем случају.

Онаква каква јест, Русија се сва одразује кроз своју књижевност: Пишући и величајући Киплинга познати француски писац Caude Farrere истакао је у својој монографији о овом великом енглеском приповедачу да никакав лични контакт ни са земљом ни са људима не датје оно знање о крајевима које је Киплинг описивао до ког долазимо читајући Киплингова дела. Русија се види и осећа из сваке странице своје велике литературе, прозе као и поезије у једнакој мери. Она је подједнако и у најфантастичнијој бајци, као и у најскромнијем делу регијалног карактера. Обухватајући целу руску земљу, све крајеве и све друштвене слојеве, преко ње и онај који никад није видео Русију упознаје подједнако и руског интелегента са свим његовим манама и врлинама, чиновника, студента, као и руског бившег племића, радника, сељака, руске главне као и провинцијске градове са њиховим индивидуалним темпом и начином живота, руски север као и руски југ, руске стопе као и њене горе са тајанственим крајевима и чудесним рекама и ноћима, које су инспирисале описе и приче којима нема равних у свету.

Све је то израђено и приказано у руској литератури многостране, дубоке зналачки. Људи и људски типови изнети су у светлу једне скоро

лабораторијске анализе, микроскопског прегледа ком није умакао ниједан па ни најскровитији душевни моменат, ни једна физичка или психичка реакција. Уметничка синтеза у приказивању пеизажа и природних елемената потврђује у пуној мери у историји литературе опште запажени ванредни дар опажања којим владају руски књижевници. Овај дар подвукао је и већ споменути француски научник Logrus у својој књизи: „La littérature en Russie”, 1929. На ту је особину мислио и одлични Тургењевљев биограф Борис Зајцев, кад говорећи о његовој уметности каже и ове лепе речи: „Он је просто, поетично и заљубљено приказао Русију, руска поља, лугове, шуме, зору, руске прекрасне народне људе.“

Али то исто што Зајцев истиче за Тургењева, може се у пуној мери рећи и за Гогоља, Чехова, Гребеншчикова. Једнако су радили и Пушкин и Љермонтов и Кољцов, Јесењин. Островски у својој дивној симфонији заостатака нашег паганског обожавања сунца – Сњегуречки – која је тако генијално инспирисала одличног либретисту Бијелског и великог композитора Римског-Корсакова, иде истим овим великим путевима. Кад се описује «метељ», онда је то уистину страшна снежна вејавица, специфично руска, која изазива предоцбу бедне избе руског сељака, звук тројке, снегом завејани лик каквог «страника» којих је руска земља увек била пуна, у описима пролећа илузија реалности није ништа мања. Осећамо се ношени као на крилима неке божанске симфоније. Све тамо пева, све тамо мирише. Осећа се младост људи, природе, руска младост којој нема равне на свету, која је сва у лудој фути Маљавина и руских „хоровода“, веселих народних игара. Ово је чудо које се није поновило у литератури ниједног другог народа, а можда се и неће никад поновити, јер је оно специфично и ексклузивно – руско.

Социјални став руске литературе исто је тако давно и опште запажена појава. Преко своје литературе Русија је с једним дотад невиђеним разоткривањем и разголићивањем изнела пред цео свет решавање свих својих унутрашњих проблема и цео свет се пожурio да их решава страствено учествујући у борби.

Кроз ту и такву литературу ми смо се приближили Русији примајући срцу све о чем нам је та литература говорила.

Велики је недостатак наше научне књижевности што ми до данас немарно једне хронолошке руско-српске библиографи је, која би нам тачно и прегледно показала како су поједина руска књижевна дела долазила к нама, кад и којим редом су поједини писци превођени, али и из онога што је досад у том правцу код нас урађено, јасно се види да интерес за руску књижевност иде упоредо с развојем наше новије културе, да га други утицаји нису могли сузбити и да се он једнако јасно испољује код читалачке публике као и на књижевном формирању наших највећих и најпознатијих југословенских књижевника почињући од деветнаестог века па све до најновијег времена.

Тај је уплив нарочито запажен код нас Срба и код Лукијана Мушицког – Державин, индиректно и код самог Његоша – Пушкин, осећајући се у нарочито великој мери код Војислава [Илића – АТ], ранијим песмама Јована Дучића, код нашег великог приповедаћа Лазе Лазаревића. Код Хрвата тај уплив иде од великог песника илирског покрета Врза, драмског писца Деметра, новелисте Боговића до Љубомира Бабића-Ђалског, Козарца, Фрање Мажура-нића. Код Словенаца је руски утицај нарочито био велик код Цанкара. Али нико можда од наших књижевника није тако искрено и срдечно одао признање својим руским учитељима, као наша позната књижевница Милица Јанковић, која у својим „Исповестима“ захваљује Богу што живи, јер тако може читати: Достојевског, Толстоја, Горког, Чехова, Гогоља, Чернишевског, као што у причи „Калуђер из Русије“ сва гори жељом да види земљу по којој су ти људи ходали.

О упливу руске литературе данас говоре све историје књижевности. Ми смо се овом великом Антеју подвргли пре нег други, јер смо га пре упознали. У том је само наша предност. Али, све није увек ишло тако глатко. Било је и код нас критичних гласова против руске литературе. Нарочито се истицала опасност великих контраста те књижевно сти, која у исто време даје Арцибашевљевог Ландеа и Санина, Гончаровљевог Марка Волохова из романа „Понор“ и Достојевског Аљошу Карамазова. (Исидора Секулић: „Руска књижевност и студенти“, Дело, 1910, стр. 4–29), али ти критични гласови никад нису били у стању да умање интерес за руску књижевност.

Други фактор – Лични контакт, персонални елем[ент]

Историја нашег упознавања Русије путем личног контакта је ванредно поучна и занимљива. Она с једне стране показује, колико је тачна опаска нашег великог научника Цвијића, да се наша општа тежња за упознавањем Русије изражавала у настојањима наших најболиих синова, а с друге стране сву благотворност таковог контакта и по наше опште друштвене прилике и развој нашег државног организма. Међу првим личностима које овде треба споменути долази наш добро познати Петар Крижанић о ком је речено толико добра и зла, али који за то ипак остаје једна од најинтересантнијих фигура у нашој народној историји тако тужног и трагичног седамнаестог века. Србија је била под Турцима, по Хрватској су њихови насртаји били све чешћи и страшнији, је ли онда чудо, да се у Крижанићевој души, ком никако не мошемо порећи дубоку националну свест рађа мисао о јединству свих словенских народа у окриљу највећег и најмоћнијег међу њима... Био је ванредно учен, познавао неколико језика, с Русима је дошао у контакт још као ђак теологије у Риму. Видети Русију и отићи у њу постао је сан његова живота. Русија постаје његова опсесија, као што ће и

касније бити за многе наше људе. Кад први пут долази до њених граница, враћа се тужна срца натраг, јер га нису пропустили. Тек 1659. успева му да дође у Москву, где га прима сам цар Алексије Михајловић, поверавају му се разне научне задаће, али су и у Русији у то доба времена била бурна, осумњичен Петар Крижанић је прогнан у Сибир и ту у самоћи, у заточењу борави пуних петнаест година, а кад је ослобођен, после извесног времена још увек с дубоком вером у ову зераљу, напушта је, да 1685. погине под Бечом борећи се против Турака у војсци великог пољског краља Јована Собјејског. То је у неколико речи живот овога човека, који је од почетка до краја испуњен борбом и страдањима, али за то ипак остаје један од најинтересантнијих. Лично он је подлегао, али је његова идеја остала. Ту се још једном потврдила велика истина, да и царства и краљевства могу пропасти, као и највећа материјална блага, али да је мисао човекова вечна, да је ништа не може уништити. „Дон Кихот“ из Сибира својим делом може бити задовољан. Истакнути хрватски слависта унив. проф. Бранко Водник назива Крижанића највећим мислиоцем и политичарем што га је дала Хрватска у 17. веку, одлични драмски писац и есејиста Крлежа написао је о Крижанићу есеј, који је можда остао у нешто конспективном облику, али који за то ипак с дубоком поетском интуицијом износи пред очи његову фигуру. Описујући његов боравак у Сибиру, Крлежа спомиње да му је тад било 40 година и каже да је уз сву трагедију која га је постигла, иако без књига и научних помагала, по реминисценцијама своје богате лектире, рпу трактата, разних компилација из подручја теологије, филозофије, политике, филологије и историје. Уз све то „код светла уљанице, кад је вани урлао ветар и пуцала зима од петнаест ступњева, Крижанић петнаест година сања о Славенству и победи Словенства...“

На молбу српских досељеника у Угарској Петар Велики послао је 1722. прве руске учитеље; успркос свих обећања прогањани Срби у Војводини траже спас у Русији и у три маха 100.000 Срба под вођством пуковника: Хорвата, Шевића и Прерадовића селе се у Русију. Како је познато ови српски емигранти насељавају у Русији крајеве око Дњепра и ту „в задњепровских крајих“ оснивају „Нову Србију“¹¹⁰.

У XIX век ми смо ушли гигантском брбом за ослобођење нашег народа. И тад лик Русије лебди пред нашим очима. Прота Матија Ненадовић путује у Русију сто педесет година након Крижанића. Класично је оно место из његових дивних „Мемуара“ у ком описује свој полазак на тај далеки пут. С једним сапутником сео је на лађицу која их је понела широким водама Дунава. Гледајући београдске бедеме, Прота Ненадовић, у недоумици да ли ће их икад више видети, каже: „Некад се Коломбо отпремио на сиње море са својом дружином, да нађе Америку и да њоме упозна Европу, а сад се пушта-

мо ми низ тихи Дунав, да нађемо Русију, о којој ми ништа не знамо, па ни где она лежи, само смо у народној песми чули да она постоји и да Србију њома упознамо“.

Резултати овог пута били су учествовање руске војске у нашем Устанку, веће међусобно познавање и подизање оног Светионика између нашег и руског народа, који ће горити тако јарким пламеном кроз сав даљи период нашег народног, политичког и културног живота.

Овом првом персоналном елементу нашег међусобног упознавања треба додати настојање словенских препородитеља на чијем челу стоје од стране Срба владика Стратимировић и Рајачић, од стране Хрвата Враз и Гај, од стране Словенаца песник Водник.

Стратимировић и Рајачић су руски ученици; Гај је два пута путовао у Русију тражећи помоћ, која му је сваки пут обилно указана. За овај период времена од ванредног је значаја дело нашег неуморног славенског пропагатора унив. проф. пок. Прелога, који је у књизи: „Словенска ренесанса, 1780–1848“ с огромном стрпљивошћу научника и ерудита целокупни развој овог покрета, који је унео ново светло у живот словенских народа иако није дао све оне резултате који су се од њега очекивали. У то доба пада и пут првих руских научника у нашу средину: Кајисарова и Тургењева, који су боравили у Карловцу и Загребу. Развија се са свих страна једна племенита активност тако да је изгледао, да се послужимо речима Др. Прелога „да су се Славени у свему споразумели“.

Кад се говори о персоналној фактору нашег међусобног познавања, има једно име које се никад не може изоставити, то је име великог руског филозофа, песника и хуманисте Владимира Соловјова. Као гост нашег владике Штросмајера он је боравио у нашој средини и скупа с нашира великим Штросмајером сањао велики сан о уједињењу наших цркава. То ће бити свакако и разлог, уз све остале личне особине филозофа Соловјова, да се његово име тако свеже очувало у успомени у католичком делу нашег народа. У вези са Штросмајером и Соловјовим истиче се и рад ученог сарадника владике Штросмајера, дугогодишњег претседника Хрватске академије наука, Рачког, који је по налогу Штросмајеровом и лично био у Русији.

Сасвим засебно месту у историји нашег међусобног упознавања заузима 1876. година, кад је нова борба нашег народа за ослобођење од турске власти довела у нашу земљу хиљаде руских добровољаца, који су излажући се свесно најтежим и највећим ратним опасностима похитали у помоћ својој јужно-словенској браћи. Вредно је потсетити се, да и Толстојев јунак из „Ане Карењине“ после Анине трагичне смрти, одлази у добровољце за Србију. Велики руски проповедач и песник Владимир Гаршин, ком је у то доба било свега 21 година, и који само за то јер још није био отслужио

војни рок, не може похитати у редове бораца, испевао је тим поводом своју познату песму, која почиње дирљивим речима:

Друзья, мы собрались перед разлукой,
Одни – на смерть идут,
Другие, с затаенной в сердце мукой,
Прощанья часа ждут.
и свршава:
Мы победим или в бою погибнем,
Как вождь наш обещал,
И доблести славянской столп воздвигнем,
Какого мир не знал...

А тај вођа који се с оволиким поверењем спомиње, то је наш добро познати ондашњи командант Српске армије на Морави, велики панслависта Черњајев, чије је име за вечна времена остало за навек здружено с најлепшим именима наше народне историје.

Русо-јапански рат заталасо је наше народне масе, и то не само у нашим национално слободним крајевима, већ по читавој нашој земљи пратили су се догађаји с интересом, који је најјасније сведочи колико су наше везе с Русијом у то време већ дубоко продрле у срце народа. Светски рат заузео је сасвим посебно место у нашем међусобном упознавању и за то смо га ми издвојили као засебан фактор.

Трећи фактор – Светски рат

Као медији овде долазе у обзир на првом месту заробљеници и то с једне и с друге стране. Сама ратна зона на којој је Русија ратовала била је далеко од наше, али је велики број данашњих југословенских грађана тад морао служити у аустријској војсци, која је господарила на добром делу југословенске територије. Сви ти национално освештени војници предавали су се Русима код прве добре згоде. Ратна несрећа хтела је с друге стране да су многи Руси као аустријски заробљеници доспевали у њене заробљеничке логоре у којима су доста јадно таворили своје дане у извесним случајевима Аустрија је поједине заробљеничке руске одреде одређивала у крајеве у којима се услед рата осећала одвећ велико помањкање радне снаге. Тако су многи доспели и у чисто југословенске крајеве насељене с чистим нашим народним елементом. Упознавање земље и народа предпоставља могућност мирног саобраћаја међу људима, што је за време рата искључено, па ипак је и овај наш међусобни контакт много допринео нашем бољем познавању.

С једне стране Југословени су имали прилике да у Русима, аустријским заробљеницима упознају Русе у већем броју, да их „доживе“ не само на основу литературе или приповедања, већ да их сами виде, а што је главно ту је и наш

народ имао прилике да види Руса своје социјалне средине: сељака, радника, малог занатлију поред руског господина. Сви, па и најстрожи прописи строгих војничких закона нису могли спречити да се ови људи међусобно не приближе, разумеју и осете.

Слушајући певање руских заробљеника по својим малим сеоским црквама, наш је сељак својим очима видео и својим ушима чуо да нитко други, већ баш руски заробљеник с црквеног хора на њему добро познатом старословенском црквеном језику пева побожне црквене песме, оне исте које је он слушао од свог најранијег детињства. Нашли су се заједно на пољима на сопственим њивама нашег сељака или на њивама његовог суседа господина. Русија је тако и нашем сељаку постала још ближа, постао му је ближи и сам појам Русије, географска удаљеност између наше земље и Русије није му више изгледала тако непромостива.

Слично је било и с нашим људима који су за време рата дошли као заробљеници у Русију. Утисци свега онога што су видели и доживели остали су незаборавни и усекли се у памћење и осећање као највећи доживљаји.

Боравак једне групе Руса, аустријских заробљеника, у једном од наших села с периферије тадашње аустријске државе остао је и мени у сећању. Иако потпуно заостало и примитивно, оно је било ипак напредније од других околних села, јер у колико сами сељаци нису били претплаћени на новине и нису читали књиге, они су се окупљали око оних који су новине примали и који су читали књиге, сатима запиткивали и слушали све што им се говорило. Како је село било насељено искључиво Србима православне вере, међу књигама чији се садржај најрадије препричавао спадале су књиге: „Живот и дела Карађорђа“ и познато дело великог руског приповедача Гогоља: „Тарас Буљба.“ Национално потпуно свесни, кроз Тарас Буљбу на посебан начин срођени с Русијом, сељани овог села ни за време рата нису скривали своја осећања макар да су за то често били прогањани од стране туђинске им власти.

Много је рат донео невоља. Сељани су упознали и што то значи: реквизирање жита, као и стоке и свега што су имали све до старих металних делова свог алата. Упознали су систем изхрањивања на мале оброке по картама, студен и глад, болест и невољу сваку које је рат собом донио, али је једва што пре тога изазвало у селу толику грозничаву узрујаност као прва вест да ће наскоро стићи један транспорт Руса, који је ођређен да ради на пољима. Макар да су била издата строга наређења о држању према заробљеницима, кад се приближио дан њиховог доласка, ниједан старац, ниједна жена, дете нису остали код куће, сви су изашли да их дочекају. Ниједна их сила није могла зауставити јер их је покретало срце, један дубоки унутрашњи осећај, ког је повећавала свест да Руси, тај идол њихових снова, долазе у њихово село као заробљеници, дакле његови сапатници у тешким ратним приликама. Најхрабрији су изашли

на цесту којом су заробљеници морали наићи, други су се поставили уздуж оближњих зидова који су ограђивали њихове њиве и ливаде. Свагде је вирила по нека глава, млађа или стара, одасвуда је гледало по неко око у ком се светлила у исто време и мисао и осећај.

Најпре се из далеке даљине зачула сетна пестна заробљених војника, видео облак прашине, потмуо тутањ њихових корака, док се нису указали сасвим јасно прилазећи сиромашним становницима забаченог српског села све ближе и ближе. Тужан је ово био сусрет, иако је дан на смирају био леп и обећавао топлу звездану ноћ, деца су гледала задивљена, старци укочено, а жене са сузама у очима... Дани су пролазили, заробљењаци су радили неуморно на сеоским њивама и пољима. Строга заробљеничка дисциплина је тамо сама од себе попуштала. Људи су се приближавали један другом, упознавали, поверавали се, тако да кад је дошао час расанка, изгледало је као да одлази нешто рођено, нешто с чим се село сасвим срасло и сродило. Дуго се причало о њима и кад су отишли. Нарочито је сељаци задивљавала њихова умешност на послу и радност. И одиста су били сви ванредно вредни, осим једнога малог војника, који се никако није могао помирити с мишљу да ради на пољу, па је свакојако тражио начина да се од тог посла извуче. Њему је успело да се прикаже као специјалиста за оправку машина и тако је пуна три месеца провео поправљајући једну стару машину у кући у којој су били додељени на рад. Био је симпатичан и весео, па му се ово отезање на послу није могло замерити. А несретан је био много на свом послу: кад би му прорадило коло, није радила игла, кад је радила игла, није се окретало коло, или је пуцао конач, и тако се увек све морало почињати испочетка. Па, ипак као добар говорник, он је на крају све оставио у уверењу, да би он машину ипак био поправио, само да је било више времена!..

Било је и таквих заробљеника који су искључиво били ограничени на своје заробљеничке логоре. Они су много мање и теже долазили у додир са становништвом. Дане су проводили тужно суморно. У колико нису слушали фијукање ветра око слабих прозора својих барака, или ударање капи кише о оловна кровове, израђивали су с пословичном руском стрпљивошћу безбројне ситнице из дрвета и палидрваца: кутије, крстове, змије, што се све радо куповало и дуго после њиховог одласка задржало по домовима као успомена на њихов боравак. Недељом и о празницима имали право да иду у цркву. Тад се за њима дизало и цело село пратећи их све до цркве и присуствујући преко целе службе на којој су заробљеници певали. Црквени ктитори махали су главом и говорили: „Ето, што смо доживели да у нашем јадном селу певају Руси“. А свештеник који је већ био и сувише стар да јасно схвати ствари задовољно је гледао цркву испуњену својим сељанима у уверењу да су постали побожнији. Мало је где што остало забележено шта је било са овим заробљеницима после слома, али се лако може претпоставити да ни њихова судбина није била много боља од оног

села заробљених Руса које је слом Аустрије затекао у Тиролу, а чија се тужне судбине дотакла госпођа Јулка Хлапец Ђерђевић у својој књижици: „Цртице из последњих година царевине Аустрије, 1814–1918“. У тој књижици писао спомиње, да су у Тиролу заробљени Руси после слома пуштени на слободу, али боси, гладни и без средстава, сасвим препуштени самим себи на милост и немилост судбине... Југословени који су били заробљени у Русији већином су још за време светског рата као југословенски добровољци пребачени на Солунски фронт где су се борили за нашу општу националну ствар.

Тек мали број остао је и након тога, али и он се постепено вратио.

До револуције живот наших људи у Русији био је такав да су имали могућност за рад под релативно повољним приликама, али кад је дошло до руске револуције, кад се, да се послужимо речима књижевнице Сејфулине, „Руска земља нагнула“, јер је нестао један од китова на чијима је леђима почивала настале су и за наше заробљенике мучне прилике чије је перипетије тешко пратити и које често сличе на сасвим измишљене приче најчудноватије фантазије која се било кад манифестовала. Како су ове прилике деловале нарочито на наше млађе људе, то се најбоље могло видети првих година нашег новог државног и народног живота кад су и наши универзитети поново оживели и сва та омладина која је била по разним фронтovima и поднела толике патње, – вратила да што је могуће пре заврши своје студије и оспособи за живот. Но Светски рат није деловао у правцу нашег међусобног већег упознавања само путем персоналног контакта. Револуција која се у вези са Светским ратом разиграла у Русији деловала је и сама по себи као једна огромна загонетка коју је свако решавао на свој начин, али за коју је сваком требала једна бар извесна количина знања. Изненађивало је по који пут слушати тако супротна образлагања, која су поједнако долазила и са универзитетских катедара, као и из студентске, грађанске и других наших друштвених средина.

Наједанпут као да је нестало препреке у непознавању језика, тако се често спомињала и позната песма Александра Блока „Дванесторица“, стихови Јесењина, први руски романи и приче с мотивима узетим из револуционарне периоде, као што су били романи и приче: Леонова, Катаева, Зошћенка... Посред овог интереса дошле су и књиге аустријског писца Füllepa Mullera, које су, иако у публицистичком тону и без дубље научне апаратуре, давале објашњење за нове појмове које је револуција собом донела: идеју колективног човека, НЕПа и све оно ново у општој друштвеној и економској организацији што је она собом донела. Предавања руских и страних научника у којима се предавачи макар и индиректно дотичу новонасталих прилика у Русији, посећују се у додат невиђеном броју. Први системи новог советског права који су се појавили на немачком језику такођер се проучавају с нативеоира интересора. Све је то било нешто ново. Књижевна дела као што су „Сунце мртвих“ од Шмелјова, или

„Сличице из револуције“ од Илије Еренбурга, односно поразна расправа Зинзинова „Беспризорније“, разни путописи и извештаји, тек су постепено бацали сенку сумње на прве представе и предоцбе...

Четврти фактор – Руска емиграција

Из персоналног елемента као фактора нашег познавања Русије, ми смо издвојили руску емиграцију и обзиром на њену бројну снагу, њен састав и време у ком се протеже њено деловање у нашој средини.

Руска емиграција јавља се код нас тр.са самом руском револуцијом и у вези с ново насталим државним поретком у Русији.

Код одређивања доприноса руске емиграције у нашем познавању Русије, као прво истиче се питање: у колико је руски емигрант у туђини сачувао своје личне особине, а као друго: КОЛИКО ЈЕ БИО ЗАИНТЕРЕСОВАН ДА ПРОДУБИ НАШЕ ЗНАЊЕ О РУСИЈИ?! У вези с првим питањем мени су спонтано изашли пред очи „французирани“ типови руске омладине која живи у емиграцији у Паризу, Лиону и другим градовима француским онако како су их изнели и описали „французирани“ руски писци. У свима њима препознају се Руси чак и онда кад не говоре ни једне речи руски, кад се код њих сећање на далеку отаџбину губи у магловитим представма првих дечјих импресија ране младости, или о њој нема никакве реалне представе, јер су у питању деца руских емиграната коју су се родили у туђини и постали чак и поданици те нове земље. Из експерираента ког је показала руска емиграција, може се слободно утврдити: да колико год Русија ванредно лако и брзо асимилира све нас остале Словене, да су исто у толикој мери Руси отпорни против сваке асимилације и у другој па чак и у трећој генерацији. Зато, макар и отргнути од своје родне земље, живећи у већини случајева у најтежим материјалним и моралним приликама, подносећи емигрантски живот, који више од свих осталих испија све животне сокове у човеку – за руске емигранте и после двадесет година мора се рећи да нам они и као појединци и као целина самим својим присуством, путем личног контакта олакшавају познавање Русије. Основне особине карактера руског човека, руског народа, које је тако зналачки установио и анализирао већ споменути француски научник у свом запаженом делу: „L' âme Russe“ чине да њен сваки добар познавалац мора руској емиграцији одати пуно признање. Радиноћ, енергичност, издржљивост, ванредна способност, културна и друштвена активност, отменост – све те опште познате особине руског човека оличене су и у руској емиграцији. Пишући о Светозару Марковићу, наш књижевни историк Јован Скерлић истакао је како је Гледстон говорио за руску омладину да је најдивнија омладина што је свет икад видео. Руска омладина у емиграцији у ничем није заостала за том омладином прошлог века на коју се односе Гледстонове речи. Уз колике огромне напоре она учи и ради и то у већини случајева

у име једног вишег принципа, принципа Русије!.. Што вреди за Руса емигранта, вреди и за руску жену. Maurice Maeterlink у књизи: „Le tresor des humbles”, у чланку „Sur les femmes”, каже: „It semble que la femme soit plus que nous sujette aux destinées. Elle les subit avec une simplicité bien plus grande. Elle en lutte jamais sincèrement centre elle.”

Ова се тврдња не може односити на славенску жену, а најмање руску жену, која је од свог уласка у историју показала једну ванредну отпорност, енергичност и борбеност наместо пасивног подношења догађаја и прилика. Ми смо већ одавно имали једну нашу предоцбу о руској жени, која се сложила на основу литературе, познавања оних великих типова руских жена што их је изнела општа руска историја и историја борбе идеја у Русији у којима је руска жена играла ванредно велику улогу. Наш велики песник и приповедач романтичног периода, чија се шездесетогодишњица код нас слави ове године, Ђура Јакшић у својој романтичној причи „Рускиња“ дао је у извесној мери синтезу тог нашег схватања руске жене. То се схватање оснивало и кроз историјску скицу пуковника Николе Љ. Крстића, која је под називом: „Дарја Александровна“ објављена у „Вардару“ за 1929. годину (стр. 127–135). Оба су писца описала руску жену код нас, један у времену ратова 1876. и 1877–1878. други у доба светског рата 1914. У оба случаја тај лик високо отскаче од оног вулгаризовања имена руске жене, које је по кадлат неизбежно и које с именом праве руске жене нема ништа заједничко.

Друго питање: да ли су и уколико руски емигранти показали интерес да продубе наше знање о Русији, стоји у вези с целокупном активношћу руске емиграције, која нас тако често изненађује. Почињући од хорова по црквама наших већих и мањих градова, па до великих уметничких приредаба, сјајних предавања првокласних предавача, појединих популарних и стручних публикација као и великих научних дела – све су то били путови којима је руска емиграција, с планом и смислом, продубљивала наше знање о Русији улазећи често врло дубоко и у области чисто нашег истраживачког рада. Колико она доприноси на тај начин општем формирању нашег културног и друштвеног живота то је више пута истицано од стране наших најкомпетентнијих људи, признатих и много вољених првака наше научне мисли и највећих књижевника, као што су унив. професори Слободан Јовановић, Милан Нешић, књижевник Душан Николајевић.

Истакнути фактори нису били једини у правцу нашег познавања Русије, али су били главни, или међу главнима. На уметности, нарочито позоришној уметности, као опште познатом медијуму кроз који је цео свет назрео велику душу руског народа и његову велику стваралачку моћ у овај *par excellence* руској области, нисам ни улазила. Сад, ако се осврнемо на прошлост, онда ћу да поновим Скерлићеве речи, у сваком случају истиче константна тежња „да се

Русији што више приближимо и то преко наших најбољих синова“ у садашњости то је настојање добило много шире размере обухватајући далеко већи круг лица међу којима нашој омладини у њеном великом полету у проучавању руске књижевности припада велико место. Да би се за будућност отворили што шири хоризонти у том правцу делују многи фактори почињући од универзитетских катедара за славистику, па идући преко нашег старог руско-српског клуба па све до овог друштва Свеславенске мисли, које је младе по времену оснивања, али по идеји које га покрећу веома старе! Међу препрекама које су чешће пута подвлачене истиче се и наше релативно слабо познавање руског језика. Иако се то не може убројити у апсолутну запреку обзиром на основну сродност свих словенских језика, питање темељитијег познавања руског језика остаје код нас од примарног значаја. Њему је већ огромну пажњу посвећивао наш одушевљени русофил Светозар Марковић, који је истицао да наш „Нови човек“ мора знати руски. Познати хрватски политичар Стјепан Радић, за ког слависта д-р Будалић у књизи о „Пушкину“ каже да му је Русија кроз цео живот БИЛА ЗЕМЉА ЊЕГОВИХ НАЈЛЕПШИХ САЊА И НАЈВЕЋИХ МАШТАЊА, – чим је постао југословенски министар просвете наговестио је уважање руског језика у наше средње школе онако како је то раније било у Краљевини Србији. Да је код нас још давно схваћена и дубока естетска вредност руског језика, која је свакако једно од најмоћнијих „чарујућих“ средстава руског народа, о томе сведоче и речи словеначког песника Аскерца, који је за руски језик говорио да је „СРЕБРЕНА ХАРФА КОЈА ПОТСЕЂА НА ЈЕЗИК НЕЖНЕ МАЈКЕ“.

У питању наше преводне књижевности с руског језика осећа се један знатан недостатак ком се тек у новије време посвећује већа пажња, а то је упознавање наших најмлађих читалаца с оним делима те књижевности која су њима намењена или која се за њих могу прилагодити, мислим на руску ДЕЧЈУ И ОМЛАДИНСКУ КЊИЖЕВНОСТ. У Загребу „Удружење за унапређење дечје књижевности“, издало је 1926. за омладину од Достојевског „Иљушу Сњегирова“, 1927. приче Афанасева и Чехова. Код нас издање књижаре Рајковић и Ђуковић издало је „Међу осморцима“ од Стањуковића и „Збирку прича“ у којој су заступљени: Чехов, Тургеев, Данченко, Куприн, Лукашевић. Осим тога изашле су две књиге у издању „Златне књиге“ Бате Вукадиновића: Пушкинова „Капетанова кћи“ и „Збирка прича“ (Толстој, Тургеев, Крилов).

Говорећи о Русији гроф Сфорца је у својој новој књизи: „Synthèse de l'Europe“ (1937) да братство међу људима и социјална правда могу владати на земљи само у атмосфери слободе. Без братства, без социјалне правде нема човеку места на земљи. Без тога она постаје поприште за мрачна предвиђања која су нашли тако мучан израз и у оној уводно споменутој причи великог данског приповедача. Ми кад тежимо за Русијом, за словенском заједницом уопште, вођени смо у првом реду дубоким убеђењем, да је у овом општем светском хаосу Словенима с Ру-

сијом и уз Русију, да опет завршим Скерлићевим речима – намењен задатак стварања државе високог политичког и грађанског морала, морално и духовно савршеног човека који једнако цени и поштује и права индивидуе као и права целине.

АС, МАА

78

Тестамент А.П. Курчанинова о његовој књизи о братству Српског, Руског и Црногорског народа у прошлости

Препис

У име оца, сина и светог Духа. Ја сам доле потписати руски избеглица Александар Петровић Курчанинов, звани „деда рус“ Александар 76 година старости, у здравом уму и тврдом памћењу на случај моје смрти изјављујем следећу своју последњу вољу: Рукописи моји на српском језику под насловом „Књига о братству Српског, Руског и Црногорског народа у прошлости“¹¹¹ са сто четрдесет клишеа изготовљених за штампање ове књиге и две стотине већ одштампане књиге дајем у сопственост Владимиру Владимировићу Крејтер професору трговачке Академије у Нишу са станом у улици Југовића, Бр. 26, – с тим да продужење штампањем моје књиге буде од мога имена и са тим истим насловом. За извршиоца овога тестаментa постављам: I. Пуковника Александра Андреевича Татарченoва са станом у Нишу у улици Пријездиној, Бр. 12. II. Господина Сергија Николајевича Смирнова са станом у Београду Пожаревачка улица, Бр. 26. III. Проту Стевана Поповића са станом у Нишу Поенкарева улица, Бр. 24. IV. Господина Милана Радојчића, професора мушке Нишке гимназије са станом у Нишу у улици Љешанина, Бр. 40. Све горње означене моје рукописе и клишеа налазе се у соби Бр. 4. Нишке народне библиотеке. Овим тестаментом замењујем мој тестамент од 11. фебруара 1934. год. Овај је тестамент својеручно написао сам и потписао тeстaтoр Александар Петровић Курчанинов, звани „Деда РусАлександар“.

18. јуна 1937. год. Ниш. Амин.

Оригинални тестамент налази се у рукама протe Стевана Поповића.

О смрти мојој молим да известите препорученим писмом са повратним рецеписом.

Mr Lazar Feodoroff 3. hitkis Athenes Grec

Да је овај препис веран своме оригиналу тврдим
Александар Курчанинов

НБС, Смирнов

„Русское собрание“, Краля Милана, 8, против Дворца. 26.V 1938. г.

Обеды от 12 час. Ужины от 6½ час.

Банкеты – вне конкуренции. За услуги – 0.50 с персоны

Супы:

Щи зимние – 2.50.

Суп фасольный – 2.50.

Бульон – 2.

2-е блюда:

Пирожки с мясом – 2.

Окрошка – 4.

Ленивые вареники – 5.50.

Молодая картошка в сметане – 7.40.

Горошек – 7.40.

Макароны с маслом – 4.

Руллет вегетарианский из шпината – 7.40.

Омлет с горошком – 6.

Котлеты – 5.30.

Пельмени – 5.50.

Битки в томате – 5.30.

Беф-бургиньон – 5.50.

Штуфат с макаронами – 6.40.

Бефстроганов – 6.40.

Ђувећ из свинины – 7.

Свинина жареная с кольраби – 7.40.

Барашек жареный – 85.

Молодой цыпленок в душист[ых травах] – 10.70.

Куриная котлета – 7.40.

Царская котлета – 8.50.

Венский шницель – 8.

Натуральный шницель – 10.

Парижский шницель – 10.

Эскалоп à la crèmeuse – 12.

Телячий стейк с яйцом – 12.

Барашек отв. – 10.70.

Бифштекс – 10.80.

Бифштекс Гамбург – 12.70.

Филе де-воляй – 12.

Медальоны de volaille – 12.

Киевская котлета – 14.

Скобянка – 12.

Рыба:

Паприкаш из шарана – 6.

Карась в сметане – 7.

Щука фри – 7.

Щука по-польски – 8.

Сладкое:

Вареники с черешней – 3.

Мус – 3.

Пирог с клубникой – 4.50.

Закуски:

Меню – 7:

1. Щи. Суп. 2. Биточки.

Штуфат. 3. Кисель. Ватрушка.

Вечером:

Чебуреки – 10. Шашлыки – 12.

Јогурт – 2. Кислое молоко – 2. Чай –

1.50. Кофе – 1.50.

[На обороте] Меню чашки чая 1 К[адетского] К[орпуса] 7.VI 1938.

По ½ деци¹¹² [ракии фруктовой] (все равно какой – 4 сорта).

Закуска: селедка, редиска, салат помидорный, салат огурцовый, жаренная чайная колбаса в сухарях.

Блюдо: филе с грибками.

Вино: бутылка на 4-х (белое или красное) ¼ литра на человека – 15–20 динаров.

Гарантировать¹¹³ прислугу отдельно 10%.

НБС, Смирнов

80

Говор позоришног редитеља и глумца, Б. Николића, који је био прочитан на свечаности посвећеној позоришном редитељу Ј.Љ. Ракитину

Редитељски методи Ј. Ракитина¹¹⁴

Г. Божидар Николић, редитељ и драмски првак Српског народног позоришта, раније дугогодишњи претседник Глумачког удружења, баш данас је запошљен на нашој Сцени у једној од својих веома занимљивих улога. Стога нас је замолио да у његово име прочитамо ове његове утиске из присне сарадње са редитељем Јуријем Љвовићем Ракитином:

Вечерас одајемо дужно признање Јурију Љвовичу Ракитину, дугогодишњем редитељу Српског народног позоришта. Болешћу одавно већ везан за постељу, он је у овоме тренутку ипак духом с нама и са грозничавим узбуђењем мисли на своје глумачке другове који су се искупили на овом месту да му још једном кажу своје искрено, топло и непосредно: Хвала! Та благодарност је природна и спонтана, јер је заслужена. Ракитин је провео на нашој сцени више од две деценије у овом мучном и невидљивом уметничком раду који се зове позоришна режија. Његова редитељска делатност пада између два светска рата и обухвата цео низ српских и страних позоришних дела. Поред младих српских драматичарских имена, оних која су се тек ишчаурила из овога књижевног ембриона, ту су и имена светског значаја, старокласична, класична и нова. И драмски родови, од трагедије и психолошке драме до комада с музиком, комедије класичне и салонске, лакрдије, водвиља и фарсе. У сву ту драмску многообразност умео је Ракитин да унесе свој особен, лични стил с једном маестријом која служи за пример и углед. Његов редитељски метод само је споља метод, ако покушамо да одређеније дефинишемо суштину његових редитељских напора. Јер, он никад не заснива своју редитељску концепцију неког позоришног дела само

на редитељском знању и искуству и на савесном и проученом познавању даног глумачког материјала. Он је од оних редитеља-уметника који се и текстом и глумцем испиришу у току самог рада за сопствену сценску визију. Отуд код њега смисао за све драмске облике и толика разноврсност у методу, отуд толика диференцираност у физиономијама његових режија. Он свако дело најпре духовно доживи, најпре га „види“, да би га после могао сценски расчланити, визуално, глумачки и просторно, и потом редитељски компоновати као архитектонску целину. Према томе, механички редитељски, поступак, онај чисто сценско-технички и сценско-практични, код Ракитина је увек подређен процесу неограничене слободе уметничког стварања. Отуд је он и модеран редитељ у пуном значењу речи, слободан, према Хагеманову рецепту, од сваке схеме.

За Ракитина је речено да је редитељ од темперамента који ради крвљу и живцима. То је, без сумње, једна од обележенијих карактеристика правог сценског уметника. Само, трошећи се непоштедно у послу који воли, он мајсторски троши и поверени му глурначки материјал све дотле, докле из њега не прокључа права људска крв и не бојадише собом једну улогу за другом до праве сценске животодавности. Отуд све његове режије носе печат правог сценског живота. То је једна од оних великих и чудесних сугестија које су особене само изузетним редитељима, овим „образованим деспотима“ који су, у исти мах, и „извршни, одговорни министри Његовог Песничког Величанства“.

Речено је, даље, за Ракитина да ради у великим блоковима. За разлику од редитеља који сваку улогу дробе у парчад, у детаље, или се задржава на спољним, визуалним утисцима даног комада, Ракитин одмах сагледа целину и сврстава у њу избрани глумачки материјал да би тек после тога прешао на тесање[,] на брушење, на fine цизелације тонске и глумачка карактерисања, на одвајање у паузама и одвајања психолошка, на такозвана психолошка бојадисања. За такву врсту рсжије потребна је велика уобразиља у моћна ватра, интуиција која непосредно продире у суштину ствари, у магновењу надахнућа, и снажан темперамент који се сугестивно преноси на сараднике. И велик аукторитет који је у могућности да доведе у склад све елементе унутарње глумачке дисциплине, поступно развијање на основима уметничке самокритике. Редитељу Ракитинова кова увек је била јасна једна од основних позоришних норми да је сваки утисак у позоришту увек утисак групе, а сценска уметност ансамбла. Отуд његово хармонично спајање режије садржине са режијом форме, које је дало толико видних резултата.

Рођен 1882. године у Харкову, Ракитин је добио стручно позоришно образовање у Царском конзерваторијуму у Петрограду, а усавршавао се даље код познатих светских редитељских мајстора, између осталих и код Станиславског. Првој Српској сцени припада од 1. новембра 1920. године. Овде је режирао и Драму и Оперу. Прве његове драмске режије у Београду вежу у једном вечеру

два истакнута страна писца: Метерлинка са „Тентажиловом смрћу“ и класичног Молијера са „Скапеновим подвалама“. У Опери је то „Травијата“.

Поред редитељског рада, који обухвата више од 30 позоришних дела, Ракићин је активно деловао и као педагог у Глумачкој школи при Српском народном позоришту. Цела средња генерација београдске глуме прошла је испред његова посматрачког ока и користила се његовим обимним, теориским и практичним, сценским знањем и искуством. Али су се овим знањем и овим искуством користили и глумци индивидуално израђени и уметнички формисани. Из многих је он извукао скривене квалитете, или их упутио поступно на измену фаха, по цену експеримента који је обично имао успеха.

Велик сценски визионар, редитељски стилизатор у линији продоховљена сценског реализма, лишена сваког патоса, сценски архитекта од мере и у гротески, Јурије Љвович Ракићин дао је најбоље и најзрелије године своје уметничке снаге српској позоришној култури. Она му је за то благодарна, јер је свесна његова реформаторског дела које је првој српској сцени дало обележје модерне Европске сцене и њене несумњиве глумачке даровитости везало особеном уметничком дисциплином. Ако је редитељ онај позоришни чаробњак који ствара уметничку целину из мртвих предмета, а људе упућује на ритмично деловање у одређену правцу, у тесној вези са даним песничким текстом, онда је Ракићин такав чаробњак по превасходству, драг и мио и близак нашим душама. С њиме смо ми будни просањали многе магичне илузије, преносили се са задовољством из света стварности у свет поезије, оне трагичне, тешке као земља, и оне необуздано комичне, загушене великим безбрижним смехом. Подржава нас нада да ће Јурије Љвович Ракићин, поново здрав и богат, још једном, и веома скоро, поново покренути наше душе и наша срца тајним кључем своје велике сценске магије.

АС, НПБ, 3775

Глава 2. ПОЛИТИЧКИ ЖИВОТ

81

Акт начелника штаба Врховне команде Краљевине СХС војводе Ж. Мишића, упућен министру војном и морнарице генералу М. Рашићу, у вези са репатријацијом Руса, бивших аустроугарских заробљеника

Г. Мин[истру] Војном

Молим да се похита што пре са решењем питања о одласку Руса са наших територија преко Румуније у Русију. Њихово бављење на нашој територији може имати врло штетних последица.

Има везе са наређењем пов. ФЂОН: 15489.

Начелник штаба
Војвода [Живојин] Мишић

О. Бр. 34043.

20.XII 1918. год.

Штаб Врховне Команде

Оперативно одељење

ВА, ПЗ, К146, Ф9, Бр. 9/2

82

Наређење команданта II армије Краљевине СХС, војводе С. Степановића, у вези са репатријацијом Руса, бивших аустроугарских заробљеника, са територије Краљевине СХС преко Румуније у Совјетску Русију

Штаб II Армије

О. Бр. 24096.

Команданту Тимочке дивизије

Врховна Команда наредила је следеће:

„Како је питање даљег транспортовања заробљених руских официра и војника за Русију решено и наређењем К.С.В. Но. 3257/СЂ и К.Ф.И. Војске Но. 4720/1 Ћ регулисано, да се сви они упућују ка Темишвару, одакле ће даље њихов транспорт бити брига француских војних власти,

Н а р е ђ у ј е м :

1. Да се сви руски официри и војници, који су се вратили из ропства, а сакупљени по мом наређењу О. Бр. 33518 од 7. децембра 1918. год. на појединим местима наше територије, упуте одмах у Темишвар и тамо предаду команданту француске етапе. Формирана оделења и чете упутити по спроводнику, а у будуће сваку нову партију ових заробљеника спроводити одмах непосредно за Темишвар.

О свакој упућеној партији за Темишвар благовремено извести ти команданта Француске етапе, преко нашег команданта места у Темишвару са назначењем броја официра и осталих.

2. Руски официри и војници, од доласка свог на нашу територију, па до предаје Французима у Темишвару, биће код нас на храни, и храна ће им следовати као нашим официрима и војницима, но с тим, да официри имају само оброк у натури. Главни Интендант регулисаће даље њихову исхрану и начин вођења евиденције о кантину ових заробљеника.

3. Команданти армија, команданти Дунавске и Тимочке дивизијске области, поступиће одмах према овом наређењу и наредити даље шта је потребно, за заробљене руске официре и војнике, прикупљене на нашој територији, а Начелници Саобраћајног и Инжињерског оделења регулисаће даље питање њиховог пребацивања и транспортовања за Темишвар.

Част ми је предње доставити ради знања и даље надлежности“.

Достављајући ово, наређујем: да се сви заробљени руски официри и војници, који су у захвату ове армије, спроведу команданту места у Босански Брод. Овај ће их упућивати по спроводницима у Темишвар, у свему по горњем наређењу, сваких десет дана, како би се уштедило на спроводницима и дала могућност прикупљања ради спровода што већег броја заробљеника руских.

Командант,
Почасни Ађутант Њ.В. Краља,
Степ[а] Степановић

11. јануара 1919. год.

Сарајево

Војвода,

Достављено:

Команданту Тимочке дивизије,

« Јадранских трупа,

« места у Сарајеву

« « у Босан[ском] Броду.

На полеђини: Команда Тимочке дивизије.

О. Бр. 14533.

11. I [1] 1919.

Команданту XIII пука, XIV и XV пука, Вишеград. Одрета, 1-ог батаљ. XIII пука, Места у Сарајеву, Дубровнику Сплету и Зеници

Преписати од / до /

Достављајући ово, на основу наређења команданта II армије О. Бр. 24096 од 1. тек[ућег] месеца наређујем: да се сви заробљени руски официри и војници који се налазе на рејону надлежности тога команданта па било да они желе или не желе да остану где су сад, одмах спроведу команданту места у Босански Брод с позивом на предње наређење ком[ан]д[ан]та II армије, који је добио потребно наређење за ово.

И у будуће овако поступати са заробљеним руским официрима и војницима за које се дозна да се налазе на додељеном вам рејону.

Св[еза] О. Бр. 14109 од 13/XII пр[ошле] год[ине] ове ком[ан]нде.

Преписати

12/1 [1]919. год.

Сарајево

Заст[упник]

Команданта, Помоћник

Пуковник Милош Ђ. Станковић

ВА, П6, К265, Ф12, Бр. 18/78

83

Акт министра унутрашњих дела Краљевине СХС М. Драшковића упућен председнику Покрајинске владе за Далмацију И. Крстељу у вези са присуством бољшевика међу руским избеглицама и методама борбе против њих

Министарство Унутрашњих Дела

Одељење Јавне Безбедности

Пов. Ј.Б. Бр. 10234

II.XII 1920.

у Београду. Најхитније

Шифра

Председнику Покр[ајинске] Владе

г. Дру Крстељу¹¹⁵

Сплит

Извештен сам, да се међу руским избеглицама, које су дошле лађом „Естери Виктор“ у Котор, налази око 50 бољшевика. Ако се зна који су, молим одредите једно специално место које сматрате најзгодније за смештај ових бољшевика, где би пол[ицијске] власти обратиле особиту пажњу на њихове везе и кретање или – што би још боље било – ако је то могуће пребаците их на које острво, где би се њихов рад такође морао строго контролисати.

Имена ових бољшевика можете сазнати од делегата руске комисије у Котору.

Министар
[Милорад Драшковић]¹¹⁶

10.XII [19]20.

Б[еоград]

Отправити Инспектор

Шифр[овано] и отпр[ављено]

11.XII [1]920. у 10.30 с[ати] Ђ. Божић

На полеђини: Преко Мирка Комненовића¹¹⁷ да ступи у везу са руским делегатом.

AJ, 14, Ф224, 291

84

Извод из списка политички сумњивих лица који је сасвило Одељење за заштиту државе Министарства унутрашњих дела Краљевине СХС

Јули 1921. год.
у Београду

655

[...]

14. **Александровић-Дубарев Паво**, – рудар. раденик, рођен и живио у Могилу, губернија Могилув (Русија), стар 25 година, стаса вишњег, бркова подрезаних, косе смеђе, носа шпицастог, ушију великих. ...

Радио је у руднику „Сисавац“, и међу радницима рудника ширио бољшевичке идеје и причао је како је лепо у Русији и да је добро служити у црвеним армијама, као што је он служио. Кад су бољшевици тучени од стране Пољске, Александровић је био интерниран у Немачкој, одакле је покушао да оде преко Врангеловог фронта натраг у Русију. Интерниран је био у фору „Хум“ код Мостара, одакле је после протеран у Совјетску Русију. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 4) ...

41. **Бабановски Борис**, – родом и живео у Москви (Русија), стар 34 година, висок 179 см, коса жута, очи смеђе, лице округло, нос обичан, има једну рану од сабље на десном оку. Занимање доктор права. Становао у Београду. Један од најопаснијих пропагатора бољшевичких идеја и тровања нашег народа овим идејама, као такав био је интерниран у Фору „Хум“ код Мостара, одакле је после прогнан из наше државе за бољшевичку Русију. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 8)...

43. **Бандаренко Симеон**, – родом и живео у Изницу, Харковско (Русија), стар 21 година, коса жута, очи зелене, нос обичан, лице дуго, бледо. Живео у Београду. Један од опаснијих бољшевичких пропагатора, послат од стране Лењина. Био је служио у бољшевичкој армији у Русији; као по све штетан по интересе наше државе, интерниран је био у фору „Хум“ код Мостара, одакле је прогнан из наше земље за бољшевичку Русију. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 9) ...

244. **Виакман Владимир**, – рођен и живео у Русији. Становао у Београду и као бољшевички агент и пропагатор бољшевичких и других разорних идеја, штетних по наше државне интересе, интерниран је био у фору „Хум“, а одатле после протеран је за Совјетску Русију. Р. Бр. 4733 (стр. 32) ...

358. **Голдштајн Јефин**, – из Одесе, Јеврејин, кројачки радник, стар 26 година, средњег раста, добро развијен, плав, косе плаве, ковчасте, обријаних бркова; као опасан бољшевички агитатор био интерниран у фору „Хум“ у Мостару. Са осталим Русима интерниранима, пребачен је преко Цариброда у Бугарску. Р. Бр. 2345 (стр. 47) ...

364. **Гординко Георги**, – рођен и живео у Полтави (Русија), гимназиста, стар 22 година, висок, лице дугуљасто, очи тамно-смеђе, брије бркове, косе плаве. Становао у Златару (Хрватска). Опасан бољшевички агитатор. Интерниран је у фору „Хум“, одакле је после протеран за Совјетску Русију. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 47–48) ...

399. **Дворжак-Франчевић Јулије**, – родом и живи у Теодосију (Русија), стар 26 година, стаса високог, косе тамне, очију кестењавих, бркова малих плавих, нос и уста обични. Капетан I класе у Русији. Живео у Панчеву и код себе имао документе ческога мајора. Опасан је бољшевички агитатор. Интерниран је био у фору „Хум“ код Мостара, одакле је протеран у Совјетску Русију. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 1836 (стр. 52) ...

401. **Дворжаков Јосип**, – руски генералштабни капетан, као бољшевички агитатор пребачен преко границе; после тога био се повратио у Марибор, али је био поново ухваћен и предат Окрајном Главарству у Марибору, би је интерниран у фору „Хум“, одакле је преко Цариброда пребачен у Бугарску. Р. Бр. 1836 (стр. 53) ...

452. **Дубарев-Александровић Павле**, – Рус, као опасан бољшевички агитатор био интерниран у фору „Хум“. Са осталим Русима, бољшевицима, пребачен је преко Цариброда у Бугарску. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 2409 (стр. 59) ...

522. **Зверјев Ивановић Николај**, – родом и живео у Москви. Студент права, висок 173 см., округлог лица, смеђе очи, смеђа коса, мале плаве бркове. Био је потпуковник у црвеној совјетској армији у Русији. Живео је у Доњем Милановцу и јавно ширио бољшевичке и друге разорне идеје, штетне по наше државне интересе. Причао, да би, чим би му се указала прилика, побегао у Ру-

сију. Био је интерниран у фору „Хум“ код Мостара, одакле је после протеран за Совјетску Русију, (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 72) ...

673. **Кипер Никита**, – рођен и живео у Херсону – губернија Херсон, стар 27 година, висок, плавих бркова, кестењаве косе. Становао у Београду. Опасан комунистички пропагатор; био је у црвеној гарди у Мађарској, а раније био у совјетским трупима у Русији. Интерниран био у фору „Хум“, одакле је протеран из наше државе за Совјетску Русију. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 96) ...

701. **Кључански Наум**, – родом и живео у Поћену (губернија Герниковскаја – Русија), стар 26 година, средњег стаса, косе и очију црних, дугуљастог лица. Опасан бољшевички агитатор. Често је одлазио у комунистички дом у Београду и радио у редакцији „Радничких Новина“. Интерниран био у фору „Хум“, одакле је протеран за Совјетску Русију. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 99) ...

791. **Кухаљевски Константин**, – студент медицине, родом из Шавли (Русија), стар 25 година, висок, коса и очи плаве. Становао у Београду. Ухваћен је са пасошима: руским, литванским, украјинским и шпанским. Прелазео више пута у бугарску и два пута у Аустрију у циљу бољшевичке пропаганде. Интерниран био у фору „Хум“ одакле протеран у Совјетску Русију. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 112–113) ...

978. **Молин Боровски (Теодор)**, – родом из Парњитскара, губернија Кијев (Русија). Стар 27 година, по занимању монтер, стаса средњег, лица бледог дугуљастог, плавих малих бркова, плаве косе, очију тамно-смеђих. Једно време је становао у Београду и ради ширења бољшевичких и револуционарних идеја био интерниран у фору „Хум“ код Мостара. Пребачен је у Бугарску. (Извештај из 1920. и 1921. г.). Р. Бр. 4738 (стр. 144) ...

1010. **Невски Павловић-Александар**, – бивши руски официр. Врло немиран тип и авантуриста. Стајао у уским везама и радио споразно са нашим комунистима. Интерниран у Ваљеву. (Извештај из 1921. г.). Р. Бр. 2275 (стр. 149.) ...

1181. **Прокоповић Симон**, – из Русије. Као официр служио у совјетској црвеној армији. Становао у Београду па је ради ширења бољшев. идеја био интерниран у фору „Хум“. Пребачен у Бугарску. (Извештај из 1920. и 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 171) ...

1271. **Ромотан Никифор**, – Рус, опасан бољшевички агитатор. Побегло из затвора мостарке болнице. За њим издана потерница. (Извештај из 1920. г.). Р. Бр. 2279 (стр. 182) ...

1379. **Степановић Варобијев Иван**, – родом из Одесе. Живео у Загребу и као бољшевички агенат ширио бољшевичке идеје, те је ради тога био интерниран у фору „Хум“. Пребачен у Бугарску. (Изв[ештај] из 1920. и 1921. г.). Р. Бр. 4866 (стр. 195) ...

1467. **Уљанов Сергеј**, – родом из Москве. Живео у Београду, где је ширио комунистичке идеје и ради тога је био интерниран у фору „Хум“. Протеран је у Совјетску Русију. По занимању бравар. Лични опис: стар 28 година, висок 178 см., коса црна, очи тамно смеђе, бркови мали, плави, нос обичан. (Извештај из 1920. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 208) ...

1506. **Фридман Јосиф**, – рођен и живео у Давидороку, губернија Минска. Живео у Београду као избеглица, где је почео, да шири бољшевичке идеје и ради тога био интерниран у фору „Хум“ код Мостара. Пребачен у Бугарску. По занату је обућар. Вере Мојсијеве. Лични опис: 27 година, стар, стаса високог, лица дебелог облог, очију зелених, уши велике. (Извештај из 1920. и 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 213) ...

1599. **Черников Ђенис**, – Рус. као руски избеглица становао у Београду, где је почео да шири бољшевичке идеје и ради тога, био интерниран у фору „Хум“ код Мостара. Протеран у Бугарску. (Изв[ештај] из 1920. и 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 227) ...

1629. **Шварцман Мирон**, – родом из Кијева. Као руски избеглица становао у Загребу и оданде чешће путовао у Беч, где се састајао са сумњивим елементима. Имао је код себе и шпањолски пасош. При путовању чешће се издавао за војног агента. Стајао у вези са нашим комунистичким круговима, а и сам је ширио комунистичке идеје, па је ради тога био интерниран у фору „Хум“ код Мостара. Пребачен у Бугарску. (Извештај из 1920. и 1921. г.). Р. Бр. 4733 (стр. 233) [...]

АЈ, 507, МУД КЈ, Ф2 (Књига: Комунисти I, Београд, 1921)

85

Чланак „Против сумњивих и опасних странаца“ објављен у Политици 4. августа 1920. године

Према решењу наше владе, сви странци настањени привремено у нашој земљи, за које се буде утврдило да ма у ком правцу раде против државних интереса, биће интернирани по логорима нарочито за то одређеним, одатле ће се доцније претеривати преко границе. Први такав логор већ је образован у Мостару.

Политика, 4. августа 1920, бр. 4411, стр. 3

Пре извесног времена ми смо јавили да Министарство Унутрашњих Дела намерава да образује нарочите логоре у који би се имали упутити сви они елементи који раде на рушењу нашег државног поретка. Ту своју намеру Министарство је сад спровело и у дело.

Први такав логор основан је у Мостару и у њему су затворена најреволуционарнија лица, нарочито она која долазе са стране. Међу осталим затвореницима у Мостару се налази и изванредан број руских избеглица нарочито оних који су дошли у првој партији и који су одмах почели проповедати комунизам. Поред тога тамо се налази и неколико бугарских, мађарских и аустријских агитатора, од чије је пропаганде претила велика опасност нашем унутрашњем уређењу. Међу Русима, затвореницима, појавио се пре неколико дана покрет да штрајкују глађу, али су само њих петорица почела стварно да штрајкују.

Други такав логор, образован је у Ваљеву, али је тамо интерниранима, с обзиром на њихово владање, дозвољено кретање по вароши, разуме се ипак под полицијским надзором.

Како су међутим затвореници и из једног и другог логора покушали у неколико махова да беже министарство се носи мишљу да их све интернира на неком од усамљених далматинских острва.

Политика, 13. новембра 1920, бр. 4542, стр. 3

(Извештај Политици)

Мостар, 20. децембра

Међу руским избеглицама које су као комунисте интерниране у мостарској тврђави, дошло је у неколико махова до отвореног бунтовног држања. Тако је поред оне тројице, који штрајкују глађу, једна група напала чувара затвора и пошто га је свезала, свукла га је до голе коже. Затим је један од затвореника обукао жандармску униформу, и кренуо тако кроз варош терајући тобоже стражарно своје другове.

Када су били измакли далеко од вароши затвореници су се разбегли. Одмах је за њима послата потера. Али бегунци ни до сада нису могли бити пронађени.

Политика, 22. децембра 1920, бр. 4551, стр. 1

88

Акт Министарства војног и морнарице Краљевине СХС упућен шефу тајне полиције у Суботици, којим се решава да се одбијају молбе за долазак породица оних Руса који се већ налазе у Краљевини СХС, јер за то нема правне основе

Штаб
Потиске Дивизијске Области
Пов. О. Бр. 1091.

Шефу тај[не] пол[иције]
за Б[ачку] Б[анат и]
Б[арању] у Суботици

17. децембра 1921. г.
Суботица

Командант I. Армијске Области са Пов. Ђ. Бр. 649 од 13.XII доставља следеће објашњење Г. Министра Војног и Морнарице (Пов. Ф.Ђ. Бр. 24881 од 9.XII 1921. год).

На упућено питање Министарству Спољних Послова да ли се може дозволити долазак породица из Русије, оних Руса, који се налазе у нашој Краљевини добијен је одговор:

„Да се молбе за долазак породица из Русије не узимају у поступак, јер се по њима ништа не може поступити из разлога што су они Руски поданици, а не наше Краљевине, а друго што Министарство Спољних Послова нема могућности, ни за своје поданике интервенисати, јер их бољшевичка влада не пушта“.

По Заповести команданта,
Начелник Ђенералштаба,
Ђенералштабни Мајор,
Пантић Богомир

Достављено: Вел[иком] Жупану Сомбор, Суботица, Вел[иком] Жупану Нови Сад, Вел[иком] Жупану В[елики] Бечкерек, Шефу тај[не] полиције за БББ у Суботици, К[оман]данту I граничног одсека, К[оман]данту 3/1 граничног подсека, К[оман]данту 7.27.34 п[ешадијског] пука, места Сомбор, В[елика] Кикинда.

АЈ, 14, Ф101, 680

Циркуларно писмо Представништва Земгора (Уједињење часника руских самоуправних тела) у Краљевини СХС уредницима новина о раду Земгора

Земгор

[1924. год.]

Београд

Велештовани господине уредниче!

Уједињење часника руских самоуправних тела у Чехо-Словачкој републици, а скраћено „Земгор“, на молбу напредних Руса и с одобрења владе кр[аљевине] СХС утемељило је своје Представништво у Београду.

Да Вам буде јасно, што је „Земгор“ и какве су његове задаће, морам Вам саопштити следеће: „Земгор“ је основан 1921. г. у Чехо-Словачкој републици баш у то време када су почели у републику долазити руске избеглице и када је било неопходно потребно организирати хитну помоћ готово свима. У тој ствари преузели су на себе иницијативу часници руских самоуправних тела, који су се налазили у Чехо-Словакији. На то њих је највише понукало схваћање своје дужности пред народом, који њих је бирао и овластио да врше његову вољу. Наравна је ствар народни поузданици нису могли нити хтели да се одрекну свог друштвеног рада у иноземству, поготово, када су видели своје сутрађане у великој беди и невољи.

Чехословачка влада, упознавши још од пријашњих времена улогу часника самоуправних тела у социално-економском животу Русије, исказала њима потпуно поверење: сву своју помоћ руским емигрантима пружила је искључиво преко „Земгора“.

„Земгор“, како је започео свој рад, тако и сада ради, ослањајући се на јавно мњење и контролу друштва. Он приређује на годину дана 4 скупштине, на које се позивају заступнике и руске и иноземске штампе. Скупштине имају својим задатком, да израде програм рада, да изнесу своје мишлење о раду егзекутивних органа. Главни је извршни одбор Комитет „Земгора“ састављен по избору Скупштине од 6 чланова, сваки од којих руководи којом год граном делатаости „Земгора“. Делатност Комитета контролира Одбор за ревизију, који се бира на Скупштини од чланова Ујединења. Кад његов спада такођер под контролу владе. А и иначе сав рад Комитета пролази пред очима руске и иноземне јавности.

У својој делатности „Земгор“ се руководи следећима принципима:

1. Осигурати руским емигрантираа, да најмање поднашају невоља, док бораве у прогонству, да се прилагоде новира приликама, да нађе им зараду, да не буду на терет братском гостопримном народу, код којег су нашли склониште.

2. Пружити руским емигрантима моралну помоћ, сачувати њих од тешких разочарања, укрепити њихову веру у саме себе и човечанство, да не клону духом и да се чак придигну у свом културног развитку.

3. Искористити боравак у иноземству, напосе код славенских народа у сврху упознавања њихове културе, учврстити везе славенског јединења и створити много хиљада људи, који би у будуће у Русији били носиоци општеславенске идеје.

4. Ударити темељ не само душевним него и практичним везама са славенском јавношћу, што ће дати главну улогу у препорођеној и ослобођеној Русији славенској индустрији, словенској трговини и словенској интелигенцији.

За три године свог боравка у Чехо-Словакији „Земгор“ је основао много установа и с културним и с практичним задацима. Од установа прве врсте треба споменути:

1. Народни (пучки) универзитет, где раде најбољи руски професори.

2. Библиотека, која је у 3. Европи прва по својој величини и значењу руска книжница.

3. Руски историјски Архив, који води важни научни рад.

4. Институт Сеоско-господарске културе, који се бави знанственим истраживањима у области сеоско-господарске економије, агрономије и др.

Ове су културне установе претворили Прагу у славенски културни центар, јер сваки славен налази у Прази не само што спада на Чехословакију, него и материале високе знанствене вредности, који се тичу Русије и руског народа. Свима овима установама ударен је темељ Институту општеславенске културе.

Од установа практичног карактера вреди особито споменути:

1. Вишу техничку школу за железничаре,

2. Ауто-тракторски курсеве

и многобројне курсеве, где се обучавају избеглице разним стручним стварима.

Ове установе дају руским емигрантима могућност, да си осигурају пристојан опстанак изван домовине.

Свој успех у раду „Земгор“ дугује својој демократичној структури, демократичним методама рада, који се налази изван политиканства и странчарства. Демократична основа „Земгора“ осигурала му је благонаклоност чешке јавности, која му је пружала а и сада пружа своју моралну потпору.

Будући да је састављен од представника руске демократије, која се је борила у најтежим условима за високе идеале демократије, „Земгор“ остаје веран овим идеалима и с тога радо иде у сусрет демократичком покрету у руској емиграцији.

Рад „Земгора“ није остао незапажен са стране господина Представника кр. СХС у Чехо-Словакији, који да је најтоплије препоручио високој влади кр. СХС.

Дозволом владе сада „Земгор“ је утемељио своје Представништво у Београду за читаву краљевину. Представништво „Земгора“ започиње свој рад доста

скромно, јер још нема на располагању потребних средстава. Стога оно ствара за сада само ембрионе будуће своје делатности. Ових дана се отварају бесплатне: Амбулаторија, Библиотека и Биро Рада. Уједно с тим Представништво сматра за своју дужност, да окупи око себе демократични део руске емиграције.

Представништво „Земгора“ добро схваћа, да није лака његова задаћа.

Руске су установе, који до сада овде постоје, на жалост, заступани по елементима старе руске аристократије и бирократије. Отворење „Земгора“ изазвало је код њих љубомору, мржњу и бојазан, да ће пасти њихов монопол на заступање руског народа.

Овај део руских избеглица у својој борби против „Земгора“ на несрећу не зауставља се пред клеветом и денунцијацијама, чак преко Руса, који служе, као чиновници у полицији, изабљују у своје ниске сврхе државне уреде краљевине.

Рад „Земгора“ може се развијати само у том случају, ако буде подупрт српским јавним мњењем, којим руководи штампа.

Знајући високо значење штампане речи, Представништво се обраћа на Вас дубоко поштовани господине уредниче, да изађете у сусрет „Земгору“ и његовом раду и да свратите на њ пажњу јавности, као на орган праве руске демократије.

Свака, чак и најмања спремност изаћи у сусрет „Земгору“ и заступаној по њему руској демократији биће најсрдачније и најзахвалније поздрављена и са стране „Земгора“ и са стране напредних Руса.

Учтив Предст.
[Ф. Махин]

АС, МАА

90

Успомене М. Агапова о раду југословенског огранка Земгора

(Наставак 1)¹¹⁸

...У свим партијама, главни фактор није идејне, него је чисто субјективне односно психолошке природе: то је таштина која служи као главна погонска снага у остварењу претераних личних амбиција. У тим личним амбицијама највећу улогу играју, мада се брижљиво крију и маскирају, тежња за важењем (изражава се у борби за виши положај у партиској хијерархији) и стремљење к власти (Wille zur Macht).

И ова тежња и ово стремљење потхрањују се параноидном вером у сопствене способности.

Нема сумње да је Лебедев оптерећен параноидним тенденцијама. Да не буде кривог тумачења ове констатације мора се одмах приметити да овде није у питању душевна болест – параноја, већ се мисли на параноидне тенденције, а то су особине карактера које у већој или мањој мери постоје у у сасвим нормалних људи. Дакако између параноје и параноидности има извесне сличности, о томе говоре и сами називи (грчки суфикс „ид“ показује или порекло и сродност или сличност). Ова се сличност очитује у симптомима једне и друге појаве, разлика ће бити у јачини симптома и у томе, што код паранојика ови симптоми не стоје под контролом интелекта, док параноидна особа испољавање симптома подређује директивама интелекта, односно крије их, маскира, даје им лепше спољашње обелешје.

Како се зна, параноидне тенденције изражавају се у следећим основним цртама или својствима карактера: 1– уображеност (мегаломанија) и тежња за важењем, које су нераздрживо везане за 2 – потенцирани егоизам, 3 – склоност к искоришћавању спољашних сретстава ради стварања код других људи односа дивљења и поштовања (ова особина често прелази у мистифицирање или „бацање прашине у очи“), 4 – велика агилност, односно активност само не у облику позитивног и конструктивног рада, него, то је активност која мора приказати дотичног као неуморног јавног радника, надахнутог кроз идеалним и идејним побудама; 5 – сумничење других људи да раде против интереса дотичног, да раде нарочито на обарању његова угледа (то је блажи облик маније прогањања).

Сопственик свих ових особина за разлику од правог паранојика зна да оне нису нимало лепе и да би њихово отворено испољавање одбијало друге људе, зато их брижљиво маскира, тим више што и иначе има склоност к мистификацији. Из овог извора потиче лицемерство, неискреност у држању, говору и активности. Параноидне су особе, као и хистероидни, прави глумци: они се у највећој мери служе позама, гестовима, фразама и свим другим подесним сретствима за опсењивање људи, како би што успешније постигли циљеве које им намеће њихова таштина. Пошто су сувише себични, параноидне особе обично нису сентиментални, а шта је још негативније у њиховом карактеру: нису нимало социјални. Труде се да се прикажу као жртве свог свесрдног несебичног залагања за интересе друштвене заједнице, док у ствари имају у виду само своје личне интересе. То су виртуози у лицемерству и лажи, спремни да сами себе лажу.

Овај екскурс у област психологије потпуно расветљује побуде В.И. Лебедева у његовом јавном раду, у држању према људима а дакако и у његовом партиском раду.

Сујета, таштина, уображеност (све једно како да назовемо доминантну црту његова карактера) терала га је да се дочепа командних положаја у пар-

тиској хијерархији и у јавном животу. Али на путу томе стајале су велике препреке. Како да се истакне, када у ствари никада није био прави партиски радник. С народним масама није био у контакту. Радници нису га познавали. Војници нису били одушевљени за њега и нису показивали спрерност да га следе. Теориским радом није се бавио: није имао за то ни знања, ни смисла, ни стрпљења или, како то кажу Руси, „усидчивости“ („Sitzfleisch-a“).

Међутим догађаји низали су се један за другим, револуција је била у току, сваки изгубљени моменат могао је бити од пресудног значаја. Требало је да се жури и да поступа безобзирно, иначе не би могао да направи политичку каријеру која би одговарала његовим незајажљивим апетитима.

Па шта је урадио В. Лебедев?! Знао је да у доба револуције, демократије, буђења народних маса, не импонују никакве значке, еполетушке, ордење, сјајне униформе, а ни чин у војној или ранг у чиновничкој хијерархији. Требало је да предузме нешто што би одговарало духу времена и било у складу с реалним чињеницама и појавама живота. И ево бивши капетан царске војске прихвата се публицистике, улази у јавни живот и ствара своју фракцију у партији социјалиста-револуционара.

Али на пут фракционаштва ступа тек у емиграцији. У Русији њему није падало на памет да ствара фракцију. Шта би тамо значило – 12 његових пријатеља истомишљеника (заправо и ортака), када су у партији били зачлањени стотине и стотине хиљада људи (на изборима за „Учредитељное собрание“ с-р-и добили су 20 милиона гласова од 28 милиона предатих гласова). Друго је ствар иностранство и емиграција. У емиграцији су се нашли углавном партијски врхови. Ту већ могла одиграти извесну улогу и фракција од 10–12 људи, тим више што су врхови били врло осетљиви на свако развијање јединства и слоге у врло малобројном саставу емиграната партијаца.

Дакле публицистика, јавни рад и фракција „Воља Русије“, то су били за В. Лебедева трамплини или даске отскочнике које ће му помоћи да избије у прве редове и да себи обезбеди довољне приходе за подмирење свих својих не баш тако малих и скромних потреба.

Публицистички рад В. Лебедева, особито издавање часописа „Воља Русије“ и „Руског архива“ имао је задатака не само да га афирмира као реномираног публициста, већ и да га доведе у везу са свим знаменитим савременицима, а и с претставницима штампе. Уређивање једног и другог часописа давало му је прилике и могућности да ступи у везу с истакнутим државницима и политичарима (д-р Е. Бенеш, Т. Масарик, А. Бијан, Р. Макдоналд и др.), с признатим чувеним научницима (Ал. Олар, Н. Рубакин, И. Лапшин и др.), с писцима (Бл. Ибањес М. Пруст, К. Баљмонт, А. Семизов и др.), с реномираним публицистима и т.д.

Оваквим својим везама В. Лебедев постигао је то да га је упознала шира јавност и да су га истакнути личности почели сматрати некаквом величином,

о којој треба водити рачуна. Исто тако тиме је афирмирао своју фракцију и подигао њен углед у партијским круговима. Ништа њему није сметало да су његови часописи „Воља Русије“ у Прагу и „Руски архив“ у Београду личили на шарене јоргане руских сељакиња које су правиле те своје јоргане од разнобојних крпица. Наиме у једном и другом часопису поред правоверних партијаца (В. Чернов, Е. Лазарев, В. Архангелискиј) објављују своје чланке анти-социјалисти као што је В. Фалчиков или отпадници од социјализма (К.Р. Кочаровскиј), који су изразито антисовјетски расположени или њихови антиподи – совјетофили попут С. Верешћака и Ал. Елачића. За Лебедева је било најважније то, да помоћу својих часописа (које су финансирала министарства иностраних дела ЧСР и Југославије) и помоћу својих познанства и веза направи каријеру и да обезбеди „пристојну“ егзистенцију. А то је и постигао!

У суштини Лебедев није био никакав партијац, његова је улога у партији, ако се оцени сасвим објективно (без обзира на то, како да гледамо на партију с-р-а, скроз негативне природе. Никада и нигде није он објавио какву расправу, која би се односила на теорију или догме партије, није писац ни о њеном програму, конкретним задацима и тактици. Па у свим тим питањима не би се снашао, недостајало му знање материје а и стрпљивост. У Београдском Земгору била је једна група правих и тобожњих с-р-а. Мислим да ни група ни поједини њени чланови никада нису чули од В. Лебедева какво расправљање на партиске теме, али с Ф. Махином он је често разговарао о питањима тактике на партијским конференцијама: како ће иступити против десног крила партије, како ће опонирати групи В. Чернова и т.д. Дакле то није био политички рад у правом смислу, то није било политизирање, то је било политиканство, односно шпекулација и интриганство.

Све што је речено о В. Лебедеву као члану партије с-р-а и „партиском раднику“ важи у извесној мери и за Ф. Махина. Могло би се казати да је сувише динамична, живахна, окретна а и прилично интелигентна личност В. Лебедева импонирала Ф. Махину. В. Лебедев био је његов узор и пример тога, шта све може да постигне једна енергична, еластична и довитљива личност. Махин је био свестан да у које чему није дорастао да В. Лебедева: био је још еластичнији, али и спорији. Спорије је мислио, спорије се сналазио, спорије радио односно спроводио своје планове, уз то још није имао толиких веза, није био толико упућен у „закулисну политику“. А амбиција је имао ништа мање од В. Лебедева. Шта је могао да уради у овом случају? Решење је било једноставно: треба да се уортачи с В. Лебедевом и да дејствују *viribus unitis*.

Придруживши се В.Лебедеву Ф.Махин дакако није имао разлога да не подупире „рад“ свог ортака у партији, баш напротив, и он је преко В. Лебедева и преко фракције могао да продре на комадне позиције у партиској хијерархији, тим више што водеће личности у партији нису показивали нимало енер-

гије, одлучности, а да не говоримо о каквој борбености. Истакнути чланови партија, као што су Јек. Брешно-Брешковска („Бабушка руске револуције“), Јегор Јег. Лазарев, Осип Минор, нису били борбени, јер су већ поодмакли у годинама (имали су заједно око 260 година), В.Чернов је био теоретичар и није се сналазио у „ситницама“, А. Керенски, В. Зензинов и Аргунов, као десно крило партије, нису имали подршке код већине. Партија још није била у расулу, али је животарила, била у стању анабиода. Вођство се плашило сваке „историје“, сваког потреса. Грлати и дрски људи, као што је В. Лебедев, лако су могли вршити притисак и уцењивати. То је знао В. Лебедев и то искористио, а уз њега се тиме користио и Ф. Махин. Дакле принципијелности ту није било ни за пребијену пару – стварање фракције било је средство за задовољење личних амбиција и за шпекулације које су се завршиле на велику штету партије с-р-а.

17. Личност Ф. Махина у казивању његових познаника из Русије

Ако чак и површна анализа „партиског рада“ В. Лебедева и Ф. Махина доводи до закључка да оба нису били у правом смислу партиски радници и да су преко партије настојали да остваре своје личне циљеве и да задовоље своје нескромне амбиције. А то значи да нису били у својом делатности нимало искрени и да су били далеки од сваке несебичности и поготово пожртвованости. То се морало раније или касније осетити, истина је морала кад тад изаћи на површину. Стварне праве особине обојице нису остале непознате. Дакако, познавали су их људи који су с њима још у Русији годинама били у контакту. У Београду је било неколико таквих људи. Пре свега долазе у обзир школски другови Ф. Махина из Академије Генералног штаба: б. пуковник В.М. Пронин и б. генерал-мајор Б.С. Стелецки. В.М. Пронин дуже време је ћутао, није му ишло у рачун да му замери Ф. Махин, па овај последњи крстио је његову ћерку и био врло пажљив према читавој фамилији Пронина. Махин је доста често био гост, па чак и жељени гост (обично није долазио празних руку) у кући Пронина. Глава породице био је шеф канцеларије Државне комисије за руске избеглице и уредник листа „Руски глас“ (зато је овај лист није нападао на П. Махина). Доцније В. Пронин отворено се декларисао као велики пријатељ Немаца и одушевљени поштовалац национал-социјализма. Док није дошло до окупације то није сметало школским друговима да одржавају односе. Тек за време окупације В. Пронин почео је говорити о Ф. Махину оно, што је годинама држао за себе.

Из његових изјава видело се да није веровао у левичарство Ф. Махина, сматрајући да се, као врло амбициозан и еластичан човек, Ф. Махин прилагођавао приликама, али једино у ту сврху да из тога извуче личну корист. В. Пронин, чак и до одласка свог из Југославије, није волио да износи некакве конкретне податке о Ф. Махину. Да ли му је сметало кумство или што друго, то није било јасно. Занимљиво је да је скоро до свог одласка из Југославије избегавао да се одређено

изјасни пвodom тога што су причали други познаници Ф. Махина: Б. Стелецки и ген. Крејтер, – није хтео ни да потврди нити да побије оно, што су ови последњи износили. Из оваквог његовог држања могло би се закључити: 1 – да није хтео раскинути односе с Ф. Махином сматрајући да ће одржавање пријатељских односа бити и даље од неке користи, 2 – да му нимало није сметао „факт“ припадности Ф. Махина партији с-р-а. За њега је тај факт био фикција, једно маскирање и ништа више. По свој прилици ово своје гледиште саопштио је и својим претпостављеним, јер с њихове стране никада није долазило до пребацивања и замерки поводом његових присних односа с кумом његове кћери (т.ј. с Махином).

Али други школски друг Ф. Махина није ни из далека био тако уздржљив и закопчан. Генерал-мајор Генералног штаба – Борис С. Стелецки био је врло интеллигентан, способни и духовит човек. У Југославији годинама и годинама радио је у Управи државних монопола, и то у својству шефа и организатора статистике. Имао је ванредно много смисла за рационализацију, новаторство, планирање и т.д., али у предратној Југославији његови пројекти и предлози нису наилазили на разумевање, а у колико би његови пројекти били прихваћени и остварени, он од тога није имао користи; свакако није имао ни малог делића оне користи коју су други знали извући. Стелецки је гледао на људе, на ствари, на догађаје и појаве сасвим трезно и критички, али и с иронијом.

С Бор. Стелецкијем упознао сам се у Земгору, где је у почетку био чести гост Ф. Махина. Пало ми је у очи, да Ф. Махин није био одушевљен појавом свог колеге и школског друга, мада се за време њихових сусрета држао врло љубазно. Исто тако сам одмах запазио да је Ф. Махин, иако не радо, ипак увек чинио све, што је тражио Б. Стелецки. Стелецки у то доба (1924–1926. гг.) имао је доста потешкоћа у материјалном погледу, те је тражио од Ф. Махина позајмице или новчану помоћ из сретстава Земгора. Махин је у свим тим стварима излазио у сусрет, ма да је по одласку колеге био ван себе и није крио од мене свог нерасположења. Једна млада и лепа жена, у којој је Б. Стелецки био јако заинтересован и која је живела код њега као домаћица, била је сместа примљена у службу као дактилографкиња. Дакле видело се јасно да Ф. Махин држи много до тога да буде с Б. Стелецкијем у добрим односима. Штићеница Б. Стелецкија није била само лепа лутка, као што се то могло очекивати, напротив, она се показала у послу као интеллигентна, способна и вредна службеница. Брзо је упознала све људе, прилике и атмосферу у Земгору. Преко ње је њен покровитељ знао све до најмањих ситница, за њега није било тајни у Земгору.

Ова је околност деловала нањ у том смислу што је током времена све отвореније испољавао свој критички став према Ф. Махину и што показивао све веће расположење према мени. Ускоро је постао мој чести гост. Обично за време шаха причао је о свему и о свачем, спонтано је долазио на тему о Земгору, Махину, социјалистима и т.д.

Ево, шта је причао о Ф. Махину: у академији Генералног штаба Ф. Махин је био врло марљив, прилежан ђак, врло дисциплинован, трудио се да задобије благонаклоност свих од кога је зависила његова будућност. За друговима није био у присним односима: с једне стране ваљда није осећао у томе потребе, с друге стране и другови нису били одушевљени појавом врло амбициозног, препреденог и сервилног козака.

Кад је Махин завршио академију, онда га је Б. Стелецки изгубио из вида. Махин је служио и у Туркестану и Прибалтиском крају и т.д. Срели су се опет само за време 1. Светског рата. Оба су за време рата били „везисти“ (служба везе). 1916. г., да ли је послом, да ли је приликом лечења или одмора, Махин се нашао у Кијеву. Овде је у официрском дому дошло до оштрог сукоба између Махина и једног официра који се врло неповољно изразио о режиму и који је тврдио да за ратне неуспехе одговорност пада у првом реду на неспособне управљаче. Махин се јако увредио због ових изјава и хтео да достави случај обавештајном одељењу, јер је био повређен његов осећај као монархиста и „исправног“ официра. Једва су га други официри наговорили да одустане од тужбе.

1917. г. револуција је поставила пред Махином задаћу да се некако снађе у новој ситуацији. У фебруару, марту, априлу и мају 1917. г. још није била јасно, како ће се даље развијати ситуација. Међутим је у армији настало расуло, дисциплина пала на најнижи могући ступањ. Војници су се обрачунавали с непоћудним официрима. И тим и таквим приликама Махин је сматрао за најбоље да се прогласи за толстојевца, дакле за следбеника принципа: „не противи се злу“. С једне стране то је било признање сопствене немоћи да се бори против стихије, с друге стране то је била у неку руку заштитна формула (ја никога не дирам, никоме не сметам, па немојте ни ви да у мене дирате, пустите ме на миру!), с треће стране, то је давало могућност да се сачека даљи развој догађаја, односно да се добије у времену, најзад, и кад би доцније напустио своје толстојевство, нико за то не би га позвао на одговорност, не би се светио (толстојевци нису сачињавали ни странку, ни удружење, ни било какву организацију).

Проглашење за толстојевца било је привремено решење. Али Махин чим се прибрао, оријентисао, оценио ситуацију, напушта принципе Л. Толстоја. Он је знао да не ваља закаснити.

Ко закасни на воз историје, тај неће направити каријере, неће уопште имати прилике за „пристојну“ егзистенцију. „Они, који задоцњавају, увек се чуде видећи да су боља места заузета“. Махин је циљао на боље место. Требало је да се определи за оно што отвара перспективе и даје наду да ће испливати на површину. У оно доба (мај, јуни, јули 1917. г.) звезда А. Керенскија била је у кулминацији. Изгледало да ће с-р-и постати господари ситуације и управљачи

Русије. Махин је постао социјалиста-револуционар (с-р), присталица начела: „В борбе обрешеш ты право свое“ („У борби ћеш стећи своје право“).

Али с-р-и, односно њихово вођство, показали су се као доктирнари, идеалисти, непрактични људи, а главно нису имали довољно енергије, борбености и смисла за власт. Власт су заправо без нарочитих потешкоћа (отпор у Ленинграду и Москви не може се сматрати као отпор целе земље) преузели бољшевици. Шта ће сада Махин?!

Он је брзо нашао решење. С једне стране није веровао да ће се бољшевици одржати (нису веровали у то ни многе водеће личности у бољшевичкој партији), с друге стране је сматрао да повратак к староме нема и не може бити, по свој прилици да ће у будуће опет играти улогу с-р-и и мењшевици. У прилог овој претпоставци говорила је чињеница да су на изборима у „Учредитељное собрание“ (Уставотворна скупштина), с-р-и добили 20 милиона гласова од 22 милиона, колико их је свега било предато. И ево је решења Махина: Ставио се на расположење Совјетској власти и сместа је добио положај заменика московског „военрука“ (војног руководиоца московског војног округа који је обухватао сву централну Русију). Истовремено, дакако потајно ставио се на расположење с-р-има, односно Уфимској дирекцији, која се у левичарским антисовјетским круговима сматрала као наследница оборене Провизорне владе („Временного Правитељства“). Ову последњу чињеницу Махин је причао Б. Стелецкоме, како би објаснио да је остао с-р и да је у емиграцији заузео положај експонента партије с-р-а. Б. Стелецки је поводом тога приметио, да заправо Махин није никакав с-р, већ је припадник партије „к-в-д“ („куда ветар дува“). Шта је даље било с његовим школским другом, то је Стелецки сазнао из причања Махина. Само је Махин прећутао да му је, док је био „замвоенрук“ у Москви, Уфимска директорија односно њен потајни штаб доделио улогу обичног обавештајног агента (а не функционера штаба, како је хтео Махин).

Готово се у свему причање Б. Стелецког слаже с казивањем б. генерала Крејтера. Нисам познавао Крејтера, нисам га ни видио, али, о томе шта је причао о Махину, чуо сам углавном од генерала В.Н. Кољубакина, а и од других. Према казивању Кољубакина и других Крејтер је био сведок инцидента у Официрском дому у Кијеву и то је одредило његов став према Махину.

Било је и још неколико колега Махина који су га добро познавали још и пре I. Светског рата, као што, на пример, неки пуковник Манакин, човек, који је у многоме личио на Махина, исто тако уображен, амбициозан, агилан и т.д. Манакин је више пута долазио к Махину. Сигурно је мислио да преко колеге дође до каквог положаја и пристојне зараде. Доцније се видело да се Манакин ослонио на ултранационалистичке и профашистичке елементе, углавном на соколе: покушао је да створи некакву политичку организацију. С Манакином нисам видио приватних разговора ни у Земгору, ни доцније, кад сам напустио

Земгор. Он се држао врло обазриво: није хтео да квари односе с Махином ни онда када је створио неку полуфашистичку организацију, мада се могло претпоставити да није задовољан Махином, који за њега није хтео да макар нешто учини. Можда је Манакин и даље ћутао о свом колеги, а можда и није?

Некако, баш ускоро после његова доласка у Београд, у руском савезу писаца и новинара („Сојуз писатељ и журналистов“) почели су причати, у почетку тако рећи поверљиво, у четири ока, а касније сасвим гласно и јавно (ту се нарочито истицао А. Ксјунин), да је Махин, као врло млад официр, добио одликовање – орден св. Ане са мачевима који се давао за ратне заслуге. Добио је то одликовање за своје суделовање у угушивању устанка односно револуционарног покрета у Прибалтиском крају. Тамо је број жртава међу домороцима који су настрадали од царских казних експедиција био врло велик (рачуна се да више од 50.000).

Скренуо сам Махину пажњу на ове гласине и предложио да А. Ксјунина и друге надаче позове на одговорност за увреде и клевете. Махин је у почетку чукао и ништа није реагирао. Доцније, кад су се гласови ширили све више и више, на моје наваљивање одговорио је да не би било опортуно да изведе клеветнике пред суд, јер би му замерило Министарство иностраних дела. Сем тога неби ваљало допустити да сва та ствар дође на странице новина. Иначе он зна, ко би могао први да лансира те гласове и он ће дотичнога и друге ућуткати и без посредовања суда. Није рекао, на кога мисли и шта ће предузети. Добио сам утисак да ништа није предузео, а да је сумњао на неког из својих бивших другова. Ово последње закључујем на основу тога што је Махин оних дана говорио врло огорчено да међу генералштабним официрима има много опасних поварењака, каријериста, смутљиваца, интригана и т.д.

Иначе б. генералштабни официри држали су се као прилично компактна група, где је осећај солидарности и повезаности био доста јак. Али, изгледа, Махину су завидели, па од раније нису гајили према њему другарских осећаја. Нарочито су се завист и нерасположење испољили кад је Махин добио одликовање Белог Орла III степена са мачевима. Како се зна, такав се орден давао за ратне заслуге. Махин је био на Румунском фронту начелник некаквог одељења за везу (телефон, телеграф и т.д.).

Његови су критичари питали какве су то биле заслуге? Сматрали су да су му помогле „везе“. И то је било тачно. На Румунском фронту Махин се упознао с ген. Ст. Хаџићем¹¹⁹ и спријатељио с инжењ. потпуковником Андром П. Поповићем¹²⁰ (доцније познат као уредник Ратног албума и један од врло агилних „борбаша“ Св. Хођере). Андра Поповић је одржавао и после рата присне односе с ген. Хаџићем. Пријатељи су чинили један другоме доста крупне услуге. И ево једног дана је А. Поповићу дошла идеја да рекомпензира свог пријатеља... орденом! Одвратио сам Махина од тога, истичући да једном социјалисту не

доликује да прима, а камоли да тражи ордење и то од краљевске владе. Свратио сам његову пажњу да ће му тај орден окрњити углед у свим напредним српским и руским круговима. Махин ми је на то одговорио да такви преговори могу бити учињени кад бих ја добио орден Св. Саве (у Мин. иностр. посл. предлагали су и то), али поводом војничког одликовања за заслуге на војном пољу нико не може ништа приговорити па ни од стране социјалиста. Што више, кад је добио Белог орла, он је наредио да се на највиднијем месту у Земгору истакне плакат у коме је великим и масним словима калиграфски исписаним било стављено свима (*urbi et orbi*) на знање ове награде за ратне заслуге.

Чини ми се да се нисам преварио у томе, што ће ово одликовање бити повод за још веће и жешће нападе на одликованог, али је Махин искрено уживао у том „високом признању“ његових „ратних заслуга“.

Некако и та чињеница уверила ме је да је Махин у души остао типични царски генералштабни официр, коме је највише стало до каријере и до задовољења претерано великих амбиција. Нерасположење његових другова било је у већини случајева изазвано завишћу према спретнијем и срећнијем колеги-конкуренту. Само су овакви, као што је ген. Стелецки, коме су рат и револуција отворили очи на много што шта, били руковођени не толико завишћу, колико својим критичким ставом према опортунизму.

Свакако, стоји та чињеница да сви који су познавали Махин још из Русије, нису веровали у његову принципијелност и искрену оданост социјализму, за њих је Махин био опортунист, кога је у великој мери послужила срећа, а у извесном степену и његова умешност. Сви су они такође предвидели и проричали да ће Махин на крају крајева изневерити партију с-р-и и да ће се опет ставити на расположење Совјетима.

18. „Велики комбинатор“ – В.И. Лебедев¹²¹

Махин је био врло високог мишљења о својој особи и о својим способностима. У врло ретким часовима расположења и искрености, а и у тренуцима озлојеђености и разочарења говорио је, да је гадно насео, грдно промашио, кад се везао за с-р-е, а да је остац у Москви, већ би био у Црвеној Армији највећа зверка, већа и од Тухачевског (то је говорио 1925–1928. гг. када је каријера Тухачевског изгледала сјајна). Као и сви људи с јако израженим параноиднира тенденцијама није радо признавао друге ауторитете, сем сопственог; међутим, била је особа чији је ауторитет признавао без икаквог колебања, то је био његов пријатељ Владимир Ив. Лебедев. Махин се искрено дивио В. Лебедеву и трудио да задржи благонаклоност овог последњег. У суштини В. Лебедев био је његов *spiritus rector*, и, на жалост, кроз то или захваљујући тој околности постао зао дух београдског „Земгора“. Обзиром на то треба о њему говорити, иако у почетку односно све до 1923. г. В. Лебедев није био ни у каквом званичном односу према београдском Земгору.

Не знам биографију В. Лебедева¹²². Годинама сам био у непосредном контакту с њим, често сам био у кругу његових пријатеља, али никада ни од В. Лебедева ни од његових најприснијих пријатеља нисам чуо макар нешто, што би се односило на његов живот до 1917. г. Изгледа да ово ћутање није било случајно, јер иначе Лебедев није ћутао о својим доживљајима који се датирају од 1917. г. Можда се ово ћутање може донекле објаснити оним, што сам чуо од б. царског пуковника Шестова који је годинама радио за библиотеку Земгора као књиговезац. Пуковник Шестов је био врло сталожен, паметан и вредан човек, није се одликовао речитошћу, баш, напротив, мало је и нерадо говорио. Сматрао да је његов исказ веродостојан.

Према његовом казивању он је упознао породицу В. Лебедева у Тифлису (сада Тбилиси) на Кавказу. Отац В. Лебедева био је војни лекар. Мајка је његова јерменског порекла. Оба су уживали репутацију мирних и пристожних људи, иначе нису се истицали ни у којера погледу. Бринули су се да син добије све што му је потребно у погледу образовања, васпитања, исхране, одевања и т.д. Свакако би многи вршњаци малог Владимира могли да му завиде. Али, Владимир је био врло немиран дечак, склон скитању и пустиловинама, уз то пргав, и осоран. Једног дана, када су њему родитељи нешто замерили, мали Владимир је побегао од куће, узевши из фиоке очеве писаћег стола 10.000 рубаља (у оно доба то одговарало 5.000 америчких долара). Било му је онда само 10 година. Ишчезао је без трага и гласа о себи. Тек се много касније сазнало да се после дужег лутања скрасио код једне тетке и то у вароши (не сећам се у којој вароши негде између Волге и Урала), која је била удаљена од Тифлиса више од 1500 километара. Прошло је доста времена кад је најзад пристао да се врати кући и то под условом да буде амнестиран.

Ова прича пук. Шестова у довољној мери карактеризује личност В. Лебедова. Већ као дечак испојио је главне црте свог карактера: склоност к промени места боравка (1924–1928. вечито путује: из Париза у Београд, из Београда у Праг, из Прага у Лондон или Женеу и т.д.), авантуризам, немирну природу – експанзивност, али и енергију (само то није енергија претворена у рад, пре би се могло казати да је то одлучност хазардера) и сналажљивост, а и препреденост. Свакоме би морала упасти у очи чињеница, да 10-годишњи дечак путује возовима, бродовима и колима, лута недељама и месецима и нико га није задржао, нико га није предао полицији, нико од њега није затражио исказницу или легитимацију и то у земљи, где је владао крути полицијски режим. Ту је била потребна велика одлучност, а уз то и још већа способност обрлатити људе.

Малог Владимира, као и већ и сасвим формираног В.И. Лебедева карактеризује још једна особина коју пук. Шестов није уочио али за чије постојање има доста података и у његовом причању.

Ту особину карактера француски психијатри зову *tendances instables*, у нашој стручној литератури она се зове „душевна неуравнотеженост“ или несталност. Шта је заправо ова особина, која су њена битна обе лежја? Главно је обележје у томе што неуравнотежене особе немају трајног интересовања за нешто, уз то њихови прелазни интереси нису ни дубоки ни јаки. Овакве су особе доста ћудљиве, другим речима, њихово је расположење врло променљиво, они бирају и мењају објекте свог интересовања под утицајем разних, често сасвим случајних побуда, чији су корени у подсвести и у сфери емоционалног живота. Такви људи немају смисла за апстрактни, теренски, односно научни рад, немају ни потребног за то стрпљења и сталожности. Нај виши је домет њихових покушаја у области апстрактног умног рада дилетантизам, чија је слабост и површност маскирана бујном фразеологијом, поготово кад се несталности и ћудљивости придружи импулсивност.

По свој прилици В. Лебедев је био донекле и свестан тих својих особина, јер је избегавао дискусије, које би се односиле на питања научне, теориске или уопште апстрактне природе. Додуше избегавао је такве дискусије и из тог разлога, што би могле да га доведу у неугодну ситуацију, наиме, могло би се брзо утврдити да не располаже довољним знањем, чак и у оним областима, где би се морала очекивати и претпоставити солиднија спрема (на пример, по питањима програма партије с-р-а).

Лебедев није волео апстракције, оне су за њега фикције. Он је сав у свету конкретних чињеница и реалних односа, другим речима, има пре свега и највише практичну интелигенцију. Он поставља себи само конкретне задаће и решава их према приликама и околностима, али увек на практичан начин, не водећи нимало рачуна о каквим прописима и постулатима морала (па моралисање и то је упадање у апстракцију). Лебедев је „велики комбинатор“, њему би могао позавидети и сам јунак „12 столица“ Остап Бендер. За Лебедева се не може казати да је у својим поступцима неморалан, не, правилније би било казати да је он индиферентан према моралу, не води о њему рачуна. За њега је главно да циљ буде постигнут, на који начин, помоћу каквих средстава – па то овиси од прилика и околности!.. Он је, тако рећи, с оне стране добра и зла, изван тих категорија.

Али, како је раније било споменуто, Лебедев је у великој мери под утицајем својих параноидних тенденција. Оне су га потстицале да се истакне, да се попе на врх социјалне пирамиде, да опсењује све и свакога, да препредено ради против сваког конкурента или против онога, ко би покушао да науди његовом ауторитету. Лебедева не интересују науке, уметност, природа, чак не интересују сами по себи разни предмети (одело, намештај, јело и т.д.), он има смисла само за неке сфере људских односа и за новац, уколико он служи као сретство за стицање угледа, власти, положаја. Он је највише одушевљен за политику,

тачније речено, за политиканство. То је његова сфера, ту он највише ужива, ако постигне некакав успех. Али, могло би се поставити питање, па како је то могуће да Лебедев, имајући у инвентару својих душевних особину душевну неуравнотеженост, има и изразито јако и стално интересовање за политиканство? На то се може само тако одговорити, да је ипак код њега најјача особина параноидност (односно мегаломанија), која одређује његов правац и карактер његових настојања. Уз то, политиканство, односно бављење политиком у личном интересу не захтева никаквог апстрактног умног рада, не захтева уопште сталног озбиљног умног рада и уопште не изискује великог напрезања интелигенције и других виших способности (говоримо о политичарима буржујаског типа, са ситно буржуаском природом и интересима), јер интригирање, комбинирање и фракцијашење не захтевају много труда и муке. А главно, што ваљда мало коме пада на памет, овакво политизирање ништа друго није но је једна интересантна хазардна игра.

Ваља имати у виду да није нимало тачна уобичајена претстава лаичког света да човек игра само у детињству. У ствари елеменат игре налазимо у свим фазама човекова живота. Ја како у разним фазама живота постоје специфични узроци који нагоне на игра, и не само то, постоје и различити облици, садржаји, а и циљеви игре. Наравна је ствар, да у зрелим годинама игра обично и не изгледа као игра, она се маскира или се уопште не сматра игром. Посећивање фудбалских утакмица, кибицирање на њима, клађење на коњским тркама, па и флерт не сматрају се игром, међутим они то јесу. Нећемо говорити о спорту или шаху који се доживљавају као нешто, што је везано за игру. Али су и односи између људи у приватном и јавном животу у знатној мери проткани елементима игре. Интриге, сплетке, роварења, супарништво, а врло често и бављење политиком (утолико има циљ да се постигну лични интереси и да се задовољи лична амбиција) претстављају специфичне облике игре у зрелим годинама. Игра није рад, она не ствара вредности, она је забава, она има циљ да њеном извођачу даје осећај задовољства.

Мислим после овог екскурса у психологију игре може постати јасно, зашто се В. Лебедев, иако у великој мери оптерећен душевном неуравнотеженошћу, ипак стално бави тобоше политичким и јавним „радом“. У ствари то није никакав рад, поготово његово интригирање у партији с-р-а, стварање фракције „Воља Русије“, то је за њега врло занимљива хазардна игра, где су у питању и такви добити, као част, власт па и сласт (обзирора на могућност добити уносан положај – баш уносан положај, а не запослење или прави рад).

Многи су људи били у сталном контакту с Лебедевим, али нису га прозрели, нису схватили његову праву природу, нису уочили оно, што је најбитније, да тај човек у току целог живота није радио као прави радник (у ширем значењу ове речи), није створио нешто што би претстављало праву вредност. Не

сматрам да би чланци разних стручњака и знаменитих људи, које је тако рећи или купио за новац или измамио на било који начин за часопис „Воља России“, претстављају вредности, које би се могле уписати на рачун његове особе или које би доказивале његове личне способности. Да ствар буде јасније потсећам на оно што је било већ раније изнесено. Наиме, чланци објављени у „Вољи Русије“ и „Руском архиву“ не чине никакву целину, не изражавају једну те исту идеологију, нису уједињени макар у привидну целину некаквим планом или програмом. Па и како би могли сачињавати целину чланци Е. Бенеша и К. Кочаровскога с изразито актиколојнистичком идеологијом заједно са чланцима С. Верешћака, совјетског човека, и А. Јелачића, совјетофила? Исто тако шарену слику пружају и оне стране и једног и другог часописа које су посвећене књижевности и уметности: дела Е. Замјатина, А. Ремизова, М. Цветајеве и К. Балмонта и др. претстављају врло неприродну мешавину творевина различите вредности и разних књижевних праваца. Баш из ових часописа се види, како је В. Лебедев био далек не само од принципијелности, већ и од доследности и плановости. Оно што је давало јединство његовом раду, као уредника часописа, није било јединство идејне природе, већ се то јединство изражавало искључиво у његовом настојању да се повеже с ауторитетима, са знаменитим савременицима, како би и његово име добило од тога, што се стално спомиње у друштву са именима чувених људи. Руска изрека вели: „скажи мне с кем ты знаком, скажу я тебе, кто ты таков“ („реци ми с ким се познајеш, па ћу ти казати какав си“). В. Лебедев је очигледно рачунао да ће то важити и у његовом случају: да ће одсјај туђе славе пружити прилику да обасја већом светлошћу и његово име.

Дајем карактеристику В. Лебедева на основу познанства с њим, на основу мишљења о њему људи који су га још више познавали, а и на основу анализе његовог „рада“, односно његових дела и поступака. Како осим раније поминутог тешко је ту карактеристику заснивати на подацима из његове прошлости, а баш би ти подаци могли много што шта расветлити, као што се то може закључити из онога што је о њему причао пук. Шатров. Имао сам утисак да В. Лебедев није нимало био склон да макар нешто прича о свом детињству, о годинама младости, о служби у војсци и т.д. Ко би га чешће слушао, тај је могао добити утисак да се његова биографија почиње за мало да не од момента када је постао заменик А. Керенскога у министарству морине. Али опет нисам чуо никада на основу чега добио је овај положај, какве су то биле заслуге које су га довеле на тај положај?

Из оног, што је причао о свом раду и држању у својству заменика А. Керенског у министарству морине, нарочито у данима В. Октобарске револуције, могао сам закључити да, А. Керенски није био нимало срећан у избору заменика, па баш можда В. Лебедеву дугује губитак власти и положаја!..

После пада Провизорне владе („Временнаго Правитељства“) В. Лебедев побегао, је на исток под заштиту Уфимске директорије. Како се све то одиграло не знам. Лебедев о торне ништа није причао. Знам само то да Лебедев није постао члан Директорије и није био чак ни у резиденцији владе, у граду Уфа. Он је добио под своју команду једну војну јединицу, која је заузимала положаје негде на источној обали Волге и баш та околност, како сам раније навео, дала му је прилику да се упозна с Ф. Махиним (кад је овај последњи пребегао на страну Уфимске директорије). Није ми познат ни даљи развој догађаја, кад су официри Колчака (који су дошли у Уфу као тобоже делегати овлашћени да воде преговоре с Уфимском директоријом) извршили преврат: поубијали су једне чланове Директорије, друге су похапсили и прогласили власт сибирског диктатора (или узурпатора) над територијом Уфимске директорије. Како се спасио В. Лебедев, којим је путем побегао, где је био до свог доласка у Француску, – о свему томе В. Лебедев није причао (сигурно из разлога, да све то није било у складу с његовом сталном тежњом да своју особу прикаже у најлепшим бојама и херојском облику).

Али, Лебедев је с особитим задовољства причао о томе, како је најзад доспео у Бугарску и то баш у оно доба, када је А. Стамболиски постао претседник владе и најмоћнија и најауторитетнија личност у целој Бугарској. Лебедев је у том свом причању давао разумети да је заправо он – Владимир Лебедев и нитко други био *spiritus rector*, односно, главни инспиратор А. Стамболиског и бугарске земљорадничке странке.

И опет, не знам, како се спасио Лебедев, када је А. Стамболиски био оборен и зверски убијен. Како се зна, оних црних дана погинуло је у Бугарској више од 30.000 људи, углавном сељака. Лебедева је послушила срећа, али како се он извукао, то нисам чуо ни од његових пријатеља: Косте Тодорова, Александра Обова, Недељка Атанасова и др.

Било како било Лебедев је остао жив и даљи његов живот одвија се у Паризу, Прагу и Београду. Свуда врло вешто искоришћује своје везе, познанства и пријатељства. Брзо добије сретства за издавање часописа „Воља Русије“ и то му је скоро одмах послужило за стварање своје фракције у емигрантском делу партије с-р-а. Пошто је придобио на своју страну Ф. Махина, тиме је добио прилике и могућност да утиче на рад и целокупну делатност Београдског „Земгора“. Само тај његов утицај није био нимало позитивне нарави. Он је и овде унео дух интрига, борбе, личне заинтересованости, он се је и у овом случају показао као велики мајстор у погледу извлачења материјалне користи. Доста да се укаже на чињеницу да је било каткад таква ситуација да је из месечне субвенције Земгора готово половина одлазила у џепове В. Лебедева, Ф. Махина и С. Верешћака¹²³. Тако је било кад су Ф. Махин и В. Лебедев одвојили београдски Земгор од његове матице Прашког Земгора. Нешто детаљније о томе биће

речено даље. Свакако је најнегативније Лебедев деловао на београдски Земгор захваљујући тој околности, што је Ф. Махин без икакве критике, без икаквих резерви и отпора усвајао све сугестије „чернобородог“ („црне браде“, како су Лебедева називали неки службеници Земгора и емигранти). В. Лебедев никада није био прави радник и конструктивна личност, није био у правом смислу социјалан, али је био „велики комбинатор“ и „професионалац“ у игри (односно у политичком и јавном животу), специјалиста за стварање фракција и т.д. Кад је тако, разумљиво је да је његов утицај на Ф. Махина раније или касније морао одиграти кобну улогу и нанети непоправљиву штету београдском Земгору као јавној установи и као друштвеној организацији.

*19. Лични циљеви, тајни послови и еластична тактика
руководилаца Земгора*

Ни Лебедев, ни Махин нису патили од човекољубља, уопште далеки су били од сваке сентираенталности. Фактички су се руководили само двома побудама: 1 – задовољити тежњу за важењем и влашћу (*Wille zur Macht*), 2 – обезбедити себи угодан живот. Али, ко би у наше доба отворено признао да се руководи само овим стремљењима? Сигурно, нико. Најмање би се могло очекивати такво признање од руководиоца Београдског Земгора, који су и иначе једно мислили, друго говорили, треће радили. Мислили су само на себе, говорили о славенској солидарности, о помоћи демократским елементима руске емиграције и т.д. и радили свашта, што нема никакве везе ни са словенском идејом ни са задатком хуманитарног и каритативног карактера (а такав је био задатак Земгора).

Није на одмет да се мало зауставимо на неким „словима“ Махина и Лебедева, који немају никакве везе са Земгором, мада су се обављали или под његовом фирмом или у његовим просторијама.

А у вези с овим словима ваља нешто проговорити и о тактици ових великих мајстора маскирања и камуфлаже. О овим словима нисам имао појма све док случајно нисам сазнао о њима и то већ *post factum*. Исто тако јасну преставу о тактици Ф. Махина и В. Лебедева добио сам прилично касно и те још како касно (кад се ствари нису могле поправити). Дуго нисам веровао у то да имам посла с врло препреденим људима, чија је препреденост превазилази све оно, што би нашли у Тартифа Мољера, Жиљена Сорела, Стендала („Црвени и црни“ и у Макиавелија у његовом „*Il principe*“). Али стварност, односно истина је била много гора од сваког очекивања и свих претпоставки.

Једног дана срео сам на улици једног младића, који је 1924. и 1925. г. често долазио у Земгор. Знао сам да је 1925. г. отишао заједно с неким другим пустоловима у Албанију, где су ступили у службу Ахмед Зогу-а. Албански пустолов тражио је чак и у Југославији људе који би му помогли да савлада своје против-

нике (углавном људе Фан-Нолија) и да се без већих сметњи прогласи за краља. Заправо, цела је та ствар, иако можда није покренута из Београда, ипак потпо-
могнута од стране тадашње југословенске владе, односно од њеног претседни-
ка Николе Пашића. Италија је вршила безобзиран притисак на Југославију и
хтела да још више продре на балканско тле. Пашић се надао, да ће помажући
Ахмед-Зогу у остварењу његових честохлепних замисли, везати тог авантури-
ста за Југославију. У најмању руку ишао је за тим да Албанија пружи одлучан
отпор продирању Италије на њено тло. Како се зна, планови Пашића нису се
остварили. Ахмед Зогу искористио је материјалну и сваку другу помоћ, што
му је пружила београдска влада, прогласио се за краља и... опет се предао или
продао Италији. Кад је већ дошло до тога, плаћеници из Југославије нису били
више потребни, њима је била дата отпремнина и предложено да се врате онамо
откуда су дошли.

Све ово ми је испречао младић, кога сам срео на Теразијама.

Поставио сам питање: па како је дошло до тога да и ви будете ангажовани
за личну „гарду“ Ахмед Зогу? Откуда су Албанци сазнали за Вас? Никада ни-
сам мислио да и ви имате везе с Албанцима. На то ми је младић мирно и без
предомишљања одговори: „Па ја сам био ангажован баш преко Земгора“...

Кад је запазио да гледам на њ с неверицом, онда додао: „Па то је баш, г-н Ма-
хин удесио. Он је ту посредовао“... Махин – социјалиста-револуционар у улози
поверљиве личности Николе Пашића бави се прикупљањем разних пустолова
и пробисвета и то ради тога да такав човек као што је Ахмед Зогу стави себи
круну на главу!.. Мене се то чинило невероватно. Запазивши уз то ироничан
осмех бившег гардиста албанског „краља“ прекинуо сам разговор. Али, изне-
нада ми је дошло у главу, да је Махин заиста одлазио у Црну Гору.

Овом одласку су претходили његови чести разговори с његовим прија-
тељем Андром П. Поповићем (познат као уредник „Ратног албума“) у којима су
се спомињали Ахмед Зогу, Албанија, Италија и њено продирање у Албанију¹²⁴.

Када је Махин одлазио у Црну Гору, тога се не сећам, али то је било свака-
ко 1925. г. Ово његово путовање било је за све службенике Земгора обавијено
велом тајне. А и мени је у почетку рекао да путује у... Париз. После се са неком
нелагодношћу говорио да не може у Париз, већ мора на неколико дана отићи
у Црну Гору, али ради чега, то није хтео да каже. Дакле, ја и дан-данашњи не
знам, где је он заправо био, шта радио. И по повратку с путовања није ништа
причао...

Али ево што ме наводи на мисао да је доиста Махин хтео да учини услугу
Н. Пашићу, рачунајући дакако да ће стари Баја пружити рекомпензацију. Наи-
ме Ф. Махин био је у посети код Н. Пашића барем 2 пута. Први пут он је јако
наваљивао на мене да и ја идем с њим. Кад је ишао по други пут, онда је катего-
рички изјавио, да мора бити сам. Пре одласка дуго дуго је разговарао с Андром

Поповићем и пало ми је уочи да никако није хтео да неко буде присутан за време разговора и због тога сам замолио неке угледне личности да га извине што не може да их лично прими.

Исто тако једна друга афера показује у коликој је мери Махин имао смисла и воље да се прихвати потхвата који нису имали везе са циљевима и задацима Земгора.

Једног дана улазим у кабинет Махина (датума се не сећара али се може установити по бугарским новинама), хтео сам да разговарам с њим о текућим пословима, али он ме сместа прекине и, пружајући хрпу новина, рече с некаквим чудноватим осмехом: „Ево Вам софијских новина... Дед прочитајте шта оне о нама пишу“.

Брзо прегледам „Камбану“, „Зору“ и неке друге софијске новине. Био сам запрепашћен... У њима се црним по белому писало да су бивши царски пуковници Махин и Агапов (никада нисам био у царској војсци ни пуковник, ни у каквом другом својству!) на тражење избеглих присталица А. Стамболиског саставили и израдили до у танчини план упада у Бугарску једне велике војничке формације, којој би се сместа придружили сељаци из неких граничних срезова. Ову би формацију сачињавали добровољци-избеглице и то не само бугарски већ и још више руски и нарочито козаци. План је предвиђао брзо заузимање Софије и т.д.

„Шта кажете на то?“ упита Махин. Одговорио сам: шта могу да кажем, када ништа не знам о тој ствари. Једино што могу претпоставити то је да се радило необазриво, није се водило рачуна да се увек између избеглица може наћи човек, који ће целу ствар издати бугарском посланству. Али није важно што ја мислим, што ја могу да кажем. Ви, сигурно више знате и по свој прилици јасније престављате какве последице може да изазове овакво писање софијских листова?

Махин ми је испричао да је заиста радио на плану, да су га Александар Обов, Недељко Атанасов, Коста Тодоров и други молили да за ту ствар ангажује козаке и да је ствар пропала због тога, што је краљ Александар упознат са планом и намерама вођа бугарске емиграције оклевао да да пристанак (да као незваничан.). Краљ Александар је отишао на десетак дана у Румуњску и обећао да ће по повратку из Букурешта дати дефинитивни одговор, а у међувремену се нашао издајник. Објављивање саопштења у софијским новинама упропастило је целу ствар. Ништа не остаје него да се демантују вести о замишљеном преврату. Штета да је тако испало! Била је могућност да се створи ударна песница од 10.000 људи, вичних ратовању (углавном од козака, јер бугарских емиграната није било ни $\frac{1}{3}$ од овог броја).

Као и у случају с Ахмед Зогу-ом, тако и у овом случају Махину „не повезло“ (није послужила срећа). Узалуд је толико времена провео над картама, разрађи-

вао план у свим детаљима и одержао безброј састанака с А. Обовим, К. Тодоровим и другима. Све се то радило не само са знањем и благословом В.И. Лебедева, већ и свакако на његов потстицај. Такав сам утисак добио из разговора с вођама бугарске емиграције. Било како било, ту се мора приметити једно: Махин и Лебедев у Земгору и преко Земгора радили су свашта, то није имало никакве везе са циљевима и задацима Земгора и о чему руководиоци Прашког Земгора појма нису имали и на што свакако не би дали свог пристанка.

Нису знали у Прашком Земгору ни о посредничкој улози В. Лебедева и Ф. Махина између Министарства спољних послова и неких листова на Западу. Ову посредничку улогу Ф. Махин сматрао је као врло важан и деликатан задатак. 1927. и 1928. г. он ми је често говорио, да Мин. спољних послова мора сматрати ову његову услугу као особито важну и драгоцену и ево зашто: Када је Министарство из својих диспозиционих фондова давало субвенције западним листовима, то би макако се то дискретно радило, изашло на видело. Увек би мађарске и талијанске новине објавиле тачан списак листова, који су били подмићивани. Дакако то није билс нимало пријатна ствар. А неки су листови били и сасвим безобразни: ако задоцни субвенција или ако су рефлектирали на већу дотацију, онда објаве какав неповољан чланак сензационалног карактера. То је јако љутило високе функционаре југослов. Министарства спољних послова, али шта су могли... Другог излаза није било – требало је излазити у сусрет незаситним редакторима корумпираних листова. Ситуација се битно променила када су почели делити субвенције преко Лебедева и Ф. Махина. Ниједан мађарски лист, ниједан мађарски или талијански шпијун није могао сазнати коме се и колико даје?.. Махин имао је чиме да се хвали. Није ту начело – „дискреција је чашћу зајамчена“, ту је био пословни принцип – *do ut des* – („ја дајем исто тако као што и ти мени дајеш“). Не знам ни ја, колико и коме се давало, јер Махин никада није износио неке конкретне податке. Знам само то, да рекомпенсација је уследила у облику повећања месечне субвенције београдском Земгору. Доцније, када је генерал П. Живковић хтео да ухапси Ф. Махина (1929), генерални директор Мин. спољних послова Станоје А. Пеливановић једва га је одбранио, између осталог наводећи између осталих баш и ту драгоцену услугу, наиме врло успешно и сасвим дискретно обављано подмићивање западне прогресивне штампе.

Знам преко кога су почели В. Лебедев и Ф. Махин да „обрађују“ западну напредну штампу у корист Југославије, то је био редактор познатог паришког листа *Quotidien* м-р Лебрун, иначе руски емигрант Вас. Сухомлин. Сумњам да би то Левчин, односно В. Сухомлин, радио за некакву новчану награду. По свој прилици чинио је то сасвим *gratis* (бесплатно) да учини пријатељску услугу тобожњим партиским истомишљеницима, који су ту услугу знали и те још како лепо искористити. Захваљујући В. Сухомлину не само *Quotidien* већ

и 2 интернационала нису се бавили шкакљивим питањима, као што, је био, например, положај националних мањина у Југославији. Дакако неке друге редакције нису заузеле повољан став према Југославији из несебичних побуда „Regina pecunia” (цар-новац) играла је ту одлучујућу улогу.

Дакле Лебедев и Махин показали су и доказали да могу чинити врло важне услуге, али коме – ненародном, чак противународном режиму, који је у свом шовинизму, заслепљености, себичности, корумпираности и т.д. гурао Југославију у пропаст. Али што се то тицало Махина и Лебедева, њима је највише стало до тога да себи осигурају лагодан живот и што веће приходе (новац нема мириса!).

Давид Соскис (високи функционер *Trepcha Mines Limited*, који је боравио у Лондону, Марк Слоним (књижевник који је живио у Паризу и у Прагу), или људи из редова партије есера И. Марков и П. Шимченко, или најзад они људи из Београда и унутрашњости које је одабрао Махин по свом личном укусу и нахођењу, а то су били Николај Алекс. Чернишов, професор руске гимназије у Београду, В. Ираклиди, б. судија, банкарски чиновник у Београду, Алексеј Кир. Елачић, професор у Скопљу, Сергеј Н. Наумов професор богословије у Битољу.

Из овог набројавања види се да су јавно мњење напредне руске емиграције у Југославији претстављали све у свему 10–11 особа, од којих два нису живели у Југославији и двоје су били из унутрашњости. Зар је доиста тако мало било честитих, ауторитетних и напредних јавних радника-Руса и то баш у Београду, где је у то доба живело 10.000 емиграната. Није било много људи с таквим квалификацијама, а ипак било је их неколико десетина, а можда и стотина. Било је међу њима и правих земаљских и градских часника, као што је например, честита старина Астафјев, било је и ван редно даровитих и иначе врло симпатичних интелектуалаца, као што је био Александар Н. Лазаренко, истакнути правник, јавни и научни радник. Било је чак и таквих који су били доста умерених политичких назора, али су могли да постану несебични, поштени и компетентни сарадници. Овде мислим на заслуженог професора Федора Ив. Титова и професора Пољопривредног факултета Маркова. Дакле било их је доста, али они нису конвенирали Махину и Лебедеву, јер би могли покварити њихове планове.

Махин и Лебедев осећали су да им у Прагу гори тле под ногама.

22. Везе и пријатељи Ф. Махина

Планови Ф. Махина и В. Лебедева нису се могли остварити у релативно кратком времену и њихово остварење није овисило само од њихове жеље, настојања и снажљивости. Требало је радити стрпљиво и истрајно, а и тако рећи у етапама: постепено уклањајући препреке и припремајући терен. Потешкоћа је било доста, али Ф. Махин није узалуд био официр царског Генералног

штаба и добро је знао да више пута фронтална атака (напад) претрпи неуспех или доноси Пирове победе, зато је више волио да се приближи „циљу“ „тихој сапой“ (кријући се, полагао да нико то не запази). Овај израз употребио је Сталин у свом говору 11.1 1933). Био је у том погледу, ненадмашив; више пута знао је да нешто уради не сам, не непосредно, већ преко других трећих и четвртних људи и да заметне сваки траг својих прстију. Знао је дакако, колико вреди вештина маскирања у рату. Па зашто се не би искористила та вештина и у мирнодопским приликама.

Да припреме терен за своје далекосежне циљеве оба су мајстора маскирања, камуфлирања, минирања и т.д. настојали да ухвате што више веза дакако с веома угледним личностима, угледним или по свом положају или по свом ауторитету стеченом на било који начин. У овом случају није било нимало важно јесу ли то истомишљеници (односно социјалисти) или либерали или конзерватори или чак симпатизери фашизма. Најзад, то су могли да буду и особе с врло сумњивом репутацијом само да буду утицајни на „највишем месту“.

Кад је Ф. Махин стигао у Београд (1924) прва је његова веза, први и главни његов саветодавац био инжењерски пуковник Андра П. Поповић, у јавности више познат као уредник „Ратног албума“ и доцније као један од најватренијих срадника и навијача С. Хођере (у т.зв. покрету „борбаша“). Баш је Андра Поповић издејствовао да Ф. Махин буде одликован орденом Белог Орла са мачевима III степена и то за војне заслуге (не на бојном пољу, већ у команди за везу).

Врло бистар, живахан и окретан Андра Поповић имао је много смисла за практичке потхвате, знао је свуда извући материјалну корист, али није постао капиталиста. Сметала му је једна његова страст – претерано одушевљење за жене. Знао је зарадити новац, али би га брзо потрошио. Спријатељио се с Махиним још у Добруци (подкрај I Светског рата). Махин је врло благодан (снисходљиво) гледао на незгодне особине свог пријатеља: главно му је било да је Андра био у врло присним односима с генералом С. Хаџићем, дугогодишњим министром војске, а и са неким личностима из двора. Андра Поповић заиста је брзо оријентисао Махина и упознао с људима који су били додуше из разних кругова, али су сви ови људи, из дворских, војних кругова, књижевници, новинари, политичари, дипломати и т.д. били за Махина врло важни и потребни као (иако несвесни и неупућени) његови сарадници и помагачи у остварењу његових планова.

Само се по себе разуме да Ф. Махин није остао незахвалан, не, он је без приговора и поговора испуњавао жеље свог пријатеља, дакако у оквиру оних могућности које је пружао буџет Београдског претставништва Земгора. Да почнем од тога, што се Претставништво, чим је било основано, уселило у стан А. Поповића и плаћало пристојну и то још како пристојну за оно време кирију (Теразија, палата Извозне банке)¹²⁵. Сећам се да је било исплаћено око 5000 дин.

за коришћење намештајем г. пуковника, а тај су намештај сачињавали: мали окургао сточић и две клупице-штокерли, који су се стално налазили у купатилу, а и тамо ничему нису служили. Не, заиста Махин није био незахвалан човек: према пријатељима и „нужним“ људима више пута био је врло пажљив и галантан (дакако од тога није страдао његов цеп него благајна Земгора).

Други присни пријатељ Махина био је Мита Димитријевић. Заправо он је сам по својој личној жељи и иницијативи дошао у Земгор и сместа очитовао велико интересовање а и одушевљење за појаву и рад Земгора. Андра Поповић другачије је тумачио појаву и интересовање г-на Мите: објаснио је Махину да је г-н Мита поверљива личност краља те има задатак да информише краља о природи, људима и раду ове социјалистичке установе. Е па кад већ тако ствари стоје, онда је Махин тако рећи сместа створио одлуку да се што више сблизи с г-ном Митом (нека се краљ увери да није он Махин, нимало страшна и опасна личност, мада се сматра као претставник и изасланик руских социјалиста-револуционараца). Онда није ни чудо, да се краљ није опирао томе да Ф. Махин у његово име буде одликован орденом Белог Орла III степена са мачевима „за ратне заслуге“.

Дакако је Махин врло добро знао шта људи мисле и причају о г-ну Мити, али му то није нимало сметало да с њим одржава најприсније односе, мада је више пута у свом ужем кругу изражавао незадовољство због учестаних посета г-на Мите. Па и овај пријатељ Махина имао извесне користи од Земгора: Махин би каткад (ма да врло нерадо) посуђивао новац, дакако из благајне Земгора, и није знао како да оправда овакав издатак. Издатак није био убележаван у рубрику расхода, него је цедуљица о таквом издатку лежала у благајни као „готов новац“(!!!). Не знам да ли је и једна од ових позајмица била враћена?!

Сигуран сам да у души Махин није био много одушевљен за г. Миту, али се није усуђивао да то покаже, само мени би покаткад рекао са изразом досаде или нерасполошења: „опет овај Мита“! Свакако, скоро је од почетка, а могло би се казати и до краја Земгора у Београду, г-н Мита играо врло велику улогу у животу и судбини Земгора. Доста да кажем да само захваљујући г-ну Мити Пера Живковић није извршио својих намера (чак причају – и издатих наређења) да се Земгор ликвидира а да Махин буде ухапшен и изведен пред суд (али не као политичка личност или због политичких кривица).

Додуше б. генерални директор Министарства спољних послова, доцније пуномощни министар и посланик у прибалтским земљама, доцније у Мадриду, стални кандидат за амбасадора у Москву Станоје А. Пеливановић уписивао је искључиво себи у заслугу што је спасио Махина и Земгор од проскрипција Пера Живковића. Свакако стоји и то да се Пеливановић својски заложиио да спаси Махина, али је и непобитна истина да је г-н Мита интервенисао и тора приликом предао Пери Живковићу писмену претставку, који су потписали он,

Мирко Комненовић (бивши министар физичког васпитања) и д-р Драгутин Костић, очни лекар. Шта је у очима П. Живковића имало веће значење, да ли је интервенција С. Пеливановића или заузимање г-на Мите, то не знам, али је тачно једно – Махин није био ухапшен (4 часа седео је у кабинету г-на генералног директора – чекао резултата интервенције Пеливановића, а тај је, кад се вратио, био сав узнојен – није лако разговарати с диктатором! Оносно није лако једној затуцаној „чизми“ растумачити зашто није у интересу Министарства спољних послова да Махин буде ухапшен).

Ст. Пеливановић био је једна од најјачих „веза“ и један од најкориснијих пријатеља Махина и несумњиви заштитник Земгора.

Махин је раније, до познанства с Пеливановићем, настојао да створи јаке везе у Министарству спољних послова. Али и Александар Цинцар Марковић (доцније министар спољних послова у влади Драгише Цветковића) и Саковић (бивши у оно доба начелник балканског одељења) и Илија Јунић, радићевац (доцније пом. министра спољних послова), маколико су се држали љубазно и предусретљиво, нису били ни издалека оно, што је био за Махина С. Пеливановић. Не треба мислити да је С. Пеливановића толико очарала личност Ф. Махина или опсенила појава и наступ В. Лебедева (додуше, у извесној мери било је и тога!), пре свега је и главну улогу играо лични интерес подгријаван незајажљивом амбицијом једног иначе скроз просечног човека.

С. Пеливановић је хтео да направи велику каријеру: његова је врућа жеља била да постане амбасадор у Москви.

Махин и В. Лебедев уверили су С. Пеливановића да нико од других кандидата за овај положај (Мита Димитријевић, Балугџић, Шајкевић) није у стању да му буде раван. Ст. Пеливановић имао је и „своју“ концепцију, која би му добро послужила и као амбасадору у Москви и доцније као министру спољних послова. Ова концепција углавном се сводила на то да признање Совјетског Савеза да је могућност Југославији да учини крај њеној вазалној зависности од Француске и Велике Британије. А та зависност тим је јача што се; Југославија налази под сталним притиском агресивних држава – Мусолинијеве Италије и нацистичке Германије (у овој последњој нацистички дух је родио Хитлера...). Играјући на супротностима између ових великих сила и ослањајући се на ЧСР и Румуњску Југославија може увек да добије нешто више а да не буде везана. А није искључено да би се могла издејствовати и добити ефикасна помоћ од стране Совјетског Савеза. То су биле идеје које су се у просторијама Земгора не једанпут вентилрале и формулисале. Једном ја сам лично имао прилику о томе да говорим на скупу, када су били присутни и С. Пеливановић и М. Димитријевић и К. Кочаровски (руски научник) и др. Пеливановић се радо користило не само сугестијама већ и радом сарадника Земгора. Махин је био код њега нека врста консултанта за совјетске ствари, па зато је из Министарства

примао совјетске новине и реферисао г-ну генералном директору о свему што је сматрао за значајно и важно. Ја сам био умољен да подносем елаборате који су се односили или на прилике у емиграцији или на лимитрофе (Естонију, Латвију, Литванију). Чак су тражили од мене да израдим елаборат о руској православној цркви у иностранству (израдио га је проф. Ф.И. Титов). Тражили су такође да расветлим украјинско питање.

Није на одмет споменути да сам поводом тога имао један занимљив разговор у Минист. спољних послова. Срео ме је једанпут један виши чиновник Министарства (заборавио сам његово презиме, памтим само да је био пре тога генерални консул у Грчкој, чини ми се у Атини). Упита ме у присуству других: Јесте ли ви саставили елаборате по тим и тим питањима. Одговорио сам да сам неке лично израдио, друге је израдио по мојој молби проф. Ф.И. Титов. „Па шта вам је рекао Станоје“. – „Примио их је, велим, али се љутио да пишем хрваштином“. – „Е па то није чудо, јер је требало да се хрваштине уклоне и да елаборати буду преписани, иначе би сместа ставио свој потпис, као да је он то лично израдио. Ви му помажете да прави каријеру, али шта ви имате од тога?“ – „Ништа, па чак ни честито – хвала лепа“.

Сећам се добро да једног дана, када нисам био у канцеларији Земгора, растрчали су се на све стране курири и жандари Министарства, чиновници и служитељи Земгора: тражили су ме. Шеф кабинета стално је телефонирао. Једва дођем у Земгор, мени кажу да ме хитно, најхитније тражи Генерални директор. Ауто Министарства сместа се створио. Лифтација у Министарству саопштио ми је да је добио наређење да ме сместа постави на спрат где је био кабинет г-на Генералнога, вратар ми је рекао да не треба да се пријавим у пријавно одељење и т.д. А шта је било у ствари?

Министар В. Маринковић морао је реферисати краљу по питању признања лимитрофа (Финске, Естоније, Латвије и Литваније) и отварања дипломатских претставништва у овим земљама. Пошто о њима није имао јасне претставе, затражио је од Генералног директора да му сутрадан у 17 ч. поднесе исцрпан реферат, који би расветлио сва питања која се односе на те државе, наиме њихов политички живот (партије и лидери), социјалне и економске прилике, па чак уметност и култура, а дакако везе и односи са другим државама. Генерални директор није имао ни једног чиновника који би могао припремити „материјал“ за реферат, поготово у року од свега 24 сата. Е па онда нека то изради секретар Земгора и заменик Ф. Махина (који му је исто тако препоручио С. Пеливановићу да повери задатак његову заменику, пошто сам то не би могао урадити).

Упитао сам С. Пеливановића да ли он себи јасно претставља да се такав материјал не може припремити за 24 сата. Он је на то одговорио, да ја себи у помоћ могу ангажирати особље Земгора и онолико чиновника и дактилографкиња из Министарства, колико сматрам за потребно. Нећу овде износити како и што

сам радио, али је сутрадан у 16 сати аутомобил Генералног директора одвезао и мене и материјал. Око $\frac{3}{4}$ сата употребио сам на то да г-на Генералног директора упознам са елаборатом и да дам још неке информације. Било ми је јасно да С. Пеливановић није имао јасних претстава и некаквих знања о прибалтским земљама (на пример, бркао је Естонију и Летонску, односно Латвију).

У 17 ч. он је отишао у кабинет Министра и поднео реферат кћи је усмено допунио свим оним подацима које је чуо од мене. В. Маринковић отишао је краљу и т.д. и т.д. А ускоро је уследило признање Естоније, Латвије и Литваније. А нешто касније г-н С. Пеливановић је био именован за пуномоћног министра и посланика у свим тим државама. Он се већ сматрао као стручњак за те земље. Он ми се врло љубазно захвалио на услузи, и то је било све!.. Никакве користи од свог напорног рада нисам имао...

Наводим овај случај (у мојој пракси тај случај није био ни први ни последњи!) само ради тога да се види да везе Земгора, односно Махина, нису биле чак ни за високу господу неке узвишене или, да једноставније кажем, несебичне природе, не, у њиховој основи лежао је принцип: „do ut des” („дајем као што ћеш и ти мени дати“). Пак не треба мислити да су услуге које је чинио Ф. Махин (и В. Лебедев) увек биле изабљивачке природе, то јест на рачун подређеног и експлоатисаног особља београдског Земгора. Неке услуге чинили су лично Ф. Махин и В. Лебедев, чак су их крили од особља Земгора. Такав је случај је био са подмићивањем западне штампе. Сваке године Мин. спољних послова трошило је приличне своте из диспозиционог фонда за подмићивање разних листова у иностранству. Мада је то чинило преко поверљивих личности, ипак су талијанске и мађарске новине знале објавити списак листова које су добијале субвенције од југословенског Министарства спољних послова...

АС, МАА

91

Најава и садржај политичких предавања које је на позив Савеза руских писаца и новинара у Краљевини Југославији одржао професор Иван Иљин

Известный русский философ и общественный деятель, редактор журнала „Русский Колокол“, профессор И.А. Ильин¹²⁶ по приглашению Союза русских писателей и журналистов прочтет в Белграде в Русском Доме им. Императора Николая II серию лекций, посвященных вопросам, волнующим русскую эмиграцию.

Лекция I-я в пятницу, 5 октября 1934 г. – „Русский национальный характер“: Государство строится характером народа, укладом его души, силою его духа. Что дала природа русскому народу? Что послала ему история? Объем страны. Пространство. Равнина. Горы. Климат. Племена. Войны. Основные черты русского национального характера: его сила; его слабость. Силою его мы построили Россию. Слабость его затруднила нам борьбу с революцией. Свобода и дисциплина в русском характере. Свобода дана нам от природы: дисциплина задана нам нашей историей. Монархия и республика в истории России. Колонизация и оборона в истории России. Культура и импровизация в истории России. Количество и качество в истории России. В чем спасение России.

Лекция II-я в понедельник, 8 октября 1934 г. – „Творческая идея нашего будущего. (Как восстановить и укрепить Россию)“: России предстоит воскресение и обновление. Новой России нужна новая творческая идея на века. Эта идея есть идея воспитания в русском народе национального духовного характера. Русский народ вернется к священной глубине своего духа, из которой он построил свою страну. Что такое духовный характер? Где его основы? Как он воспитывается? Борьба между волком и ангелом? Борьба между рассудком и сердцем. Борьба между страстями и волей. Мы исходим из любви и веры: они ведут к Богу, Родине и Вождю. Идея духовной очевидности. Идея неопалимой купины. Идея собственного духовного достоинства. Идея волевого характера. Идея предметного служения. Идея преданности и верности до смерти. Создание и укрепление русского национального рыцарства.

Лекция III-я в четверг, 11 октября 1934 г. – „Монархия и республика. Новая идея монархии“: С точки зрения юридической формы монархия неотличима от республики. Монархический строй предполагает в душе человека особый уклад чувства и воли. Монархическое правосознание глубоко отличается от республиканского правосознания. Олицетворение государственной власти и государства. Религиозно-мистическое понимание государственного единения. Культ ранга. Пафос доверия и верности. Культ семьи и рода. Начало родовой солидарности. Сосредоточение лучшего. Органическое единение. Значение традиции. Скромность в суждении. Дисциплина. Закон или договор? Авторитет или развенчание? Подчинение или соглашение? Назначение или выборы? Учреждение или корпорация? Соблазны и опасности республиканского правосознания. Вопрос о республиканских добродетелях. Углубление и возрождение монархического начала.

Начало лекций в 7 часов 30 минут вечера. Билеты от 2 динар до 15 (с приложением одного динара за гардероб) – в кассе Русского Дома и в Библиотеке Союза русских писателей и журналистов (Косовская, 13).

АС, ММА

Најава јавне политичке расправе „Међународна ситуација и Русија“ у Руском дому, коју је организовао Савез руских писаца и новинара у Краљевини Југославији

В понедељник, 5 марта 1934 г., в театралном зале Русского Дома Императора Николая II (ул. Кр. Наталије, 33) состоится публичное собрание на тему „Международное положение и Россия“.

I. Доклад академика П.Б. Струве: „Современное международное положение и национальные русские интересы“.

Положения:

1. В свете исторического понимания современное международное положение представляет чрезвычайно сложную картину, в которой обнаруживается своеобразный переплет внутривполитических и внешнеполитических противоречий.

2. Своеобразие положения России определяется тем, что ее постигла неслыханная внутренняя катастрофа, не только политическая, но культурная и моральная, и что все проблемы внешнеполитического положения России не только прямо ничтожны, но и совершенно исчезают перед этой внутренней катастрофой.

3. Непонимание и игнорирование этого основного соотношения есть проявление самого дурного и ложного вида „патриотизма“, мнимого по своему объекту и абсолютно безыдейного по своему содержанию. Такова позиция П.Н. Милюкова, прикрываемая исторически и политически несообразной ссылкой на „преходящее“ значение большевизма и „вечность“ России.

4. Конечно, Россия, как духовное начало и национальная личность, вечна, поскольку можно говорить о вечности земных и человеческих дел, но она является таковою не как территория и не как собрание людей, населяющих эту территорию, а как живое целое неразрывно и непрерывно связанных великими историческими традициями (историческою памятью) поколений.

5. Как такое живое целое, национальная Россия имеет перед собою только одну, все преобладающую задачу: побороть политически, культурно и морально язву большевизма, преодолеть ее глубочайшим образом и беспощадно.

6. В ходе развития мировой культуры это есть величайшая историческая задача из всех выпадавших на долю России и русского сознания.

7. Этими общими соображениями должно определяться наше отношение ко всем конкретным вопросам текущей политики: у национальной России есть только один враг – большевизм и советская власть.

8. Исторически совершенно ясно, что первый раздел России произвели большевики, но помимо этого, совершенно непрекаемого, так сказать

однократного соотношения, существует еще другое, длительное соотношение, не менее бесспорное, столь же существенное и столь же разительное; своим социально-экономическим, политическим и культурным режимом большевики заставляют население стремиться к отделению от советского государства. Это они воспитывают и разжигают в самом населении тягу к отделению, тем содействуя идее и делу расчленения России.

II. После доклада, под председательством В.Х. Даватца, состоится прения, в которых любезно согласились участвовать (по алфавиту): Н.Е. Бабкин и М.А. Георгиевский (Нац. Союз Нового Поколения), Б.Р. Гершельман (общественный деятель-легитимист), Е.А. Жуков (публицист), К.В. Жухина („Земгор“), А.И. Ксюнин (публицист), граф И.И. Толстой (Союз Младороссов), Г.И. Царик („Крестьянская Россия“) и В.В. Шульгин (публицист).

Цены местам от 2 до 10 динар на покрытие расходов по собранию. Вешалка – бесплатно. Билеты продаются в кассе Русского Дома. Начало ровно в 7 часов 30 минут вечера.

АС, ММА

93

Јавни проглас Национално-трудоов савеза новог покољенја о провокацији НКВД-а против Савеза у Београду

5 ноября 1937 г.
Белград

После похищения генерала Е.К. Миллера в ряде русских и иностранных газет появились статьи и заметки с нападками на Национально-Трудовой Союз Нового Поколения и злонамеренным извращением характера его деятельности вообще, и по разоблачению советских агентов во „Внутренней линии“ в частности.

В этих нападках произошло объединение и создан некий „единый фронт“, от „Известий“ (Москва), „Юманите“ (Париж) через „Последние Новости“ (Париж) до „Русского Голоса“ (Белград) и „Голоса России“ (София), не считая ряда анонимных и неанонимных листовок.

Не имея ни времени, ни желания отвечать на все нападки и инсинуации порознь и не входя в оценку мотивов создания „единого фронта“ (где глупость, а где тонкий расчет), Союз считает нужным сразу ответить на все поднятые „вопросы“ одновременно.

Почему мы выступили публично?

Публичное выступление в Париже сделано потому:

– что генерала Миллера похитил генерал Скоблин (по признанию ген. Шатилова – глава „Внутренней линии“);

– что в свое время, два года тому назад, все наши обращения к руководителям РОВС-а и лицам, близко к его возглавлению стоящим (ген. Миллер, ген. Головин, адм. Кедров, ген. Суворов, ген. Барбович), с указанием на характер работы „Внутренней линии“ – были тщетны, что Союз не нашел отклика на свое дружеское предупреждение со стороны лиц, коим надлежало заботиться об охране русского Обще-Воинского Союза от опасной деятельности „Внутренней линии“.

После же похищения главой „Внутренней линии“ главы РОВС-а мы сочли своим долгом открыто указать широкой русской национальной общественности (состоящей в большинстве из рядовых членов РОВС-а или его друзей) на наличие и характер деятельности „Внутренней линии“.

Было ли наше выступление выпадом против РОВС-а?

Ни на Парижском выступлении и никогда вообще никакого „поношения“ РОВС-а не было. Было выступление в защиту и для охранения РОВС-а от деятельности „Внутр. линии“. Русский Обще-Воинский Союз есть общенациональное российское достояние, и судьбы его не могут быть безразличны русским людям. Если бы наше выступление было „против РОВС-а“ и если бы мы были ему „враждебны“, мы бы, конечно, злорадно ограничились констатацией, что „генерал украл генерала“, а существование и деятельность неизвестной широких кругам эмиграции „Вн. линии“ не предавали бы огласке, предоставив ей и дальше беспрепятственно продолжать свою преступную работу. Мы считаем, что указание соседу, что в его рядах существует тайная организация, возглавитель которой оказался предателем, есть позиция дружеского содействия.

Мы сделали это два года тому назад, сообщили лицам, возглавляющим РОВС, о сомнительной работе „Вн. линии“. О том, как отнеслись к нашим словам, можно судить по похищению ген. Е.К. Миллера, дававшего „на марки“ ген. Скоблину, который вел и „Вн. линию“, и сектор закрытой „Работы на Россию“, и подготовку похищения благородного и доверчивого председателя РОВС-а.

Русский Обще-Воинский Союз, повторяем, есть достояние общенациональное, и его судьбы нам не безразличны, – вот почему мы, желая РОВС-у в целом оказать дружеское содействие, предали огласке дело „Вн. линии“, чтобы о ней знали и те, кто до нашего выступления не подозревал о ее существовании. Мы уверены, что теперь, когда каждый член РОВС-а знает о существовании в его рядах тайной организации, во главе которой был предатель, он сумеет сделать выводы, которые принесут несомненную пользу РОВС-у, а тем и всему национальному делу.

После нашего выступления в Париже никакого „взятия слов обратно“ не было и не могло быть. Если газета „Последние Новости“ Милюкова, чье отношение к национальным организациям давно известно, так толкует разъяснения, данные членом Союза С.П. Рождественским, то нас удивляет легкость, с которой национальная пресса восприняла толкование Милюковского сотрудника.

Отклонили ли мы следствие с правильного пути?

Обвинение, брошенное нам об отклонении следствия по делу ген. Миллера с правильного пути, не соответствует действительности. Если глава какой-нибудь организации похищает главу другой организации, стоит ли заинтересоваться деятельностью той организации, глава которой оказался похитителем? Мы думаем, что стоит. Вот почему мы, не желая отклонять следствие, а ему помочь, и сказали громко о „Вн. линии“.

Господин Закржевский в „Последних Новостях“ открыто заявляет, что он в свое время возглавлял „Вн. линию“, которая, по его словам, служит „ушами и глазами возглавителя РОВС-а“. Случилось так, что „глаза и уши“ украли того, кому должны были служить. Мы на это и обратили внимание широкой общественности. Не потому, что думаем, что все „глаза и уши“ — вся „Вн. линия“ способны к предательству, а потому, что случай ее сбежавшего возглавителя и характер дела дают основание предполагать, что он был не один.

Добросовестное и явное расследование деятельности „Вн. линии“ ничуть не отклонит внимание ни русской общественности, ни французской полиции, а будущих возглавителей РОВС-а, если они пожелают сохранить „глаза и уши“, предохранит от возможности быть похищенными собственной охраной.

О провокации в НТСНП

Отвечая на поднятый в печати вопрос, можем ли мы утверждать, что „большевики не имеют в НТСНП своих ушей, а может быть и языка“, мы напомним тем, кто это забыл, историю первого нашего конфликта с „Вн. линией“, прикрывавшейся РОВС-ом. Он, как известно, произошел из-за запрещения входа в помещение Союза командированному к нам для связи с РОВС-ом капитану Шклярову, который за свою провокационную коммунистическую деятельность был арестован, судим и осужден. Большевики таким путем (через РОВС) пытались проникнуть в наш Союз. Тот факт, что мы даже под угрозой испортить хорошее отношение с РОВС-ом, всячески тогда защищавшим Шклярова, его все-таки не пустили к себе, свидетельствует о известной осведомленности и осторожности. Несомненно, попытки большевиков проникнуть в наш Союз по пути капитана Шклярова или секр[етаря] Галлип[олийского] землячества д-ра Линицкого¹²⁷ (сидящего сейчас на каторге за шпионаж

и коммунизм) на этом не ограничились. Поэтому мы зорко следим за всякой попыткой и утверждаем, что все их пресекаем в корне, не боясь выносить сор из избы и не считаясь ни с чьим прошлым, званием и чином.

О главе 15-й курса общетехнической подготовки

Из всякой книги можно подобрать тенденциозные выдержки, которые сами по себе, без связи с предыдущим и последующим текстом, могут дать совершенно превратное мнение о характере самой книги, а если еще и произвольно исказить самое заглавие, тогда можно вообще получить что угодно.

В ряде газет, опубликовавших главу 15-ю, вместо „разложение организации“ без каких бы то ни было добавлений напечатано: „разложение организаций“ и от себя прибавлено „враждебных“. Для всякого грамотного человека ясно значение этого изменения и прибавления. Одно говорить об организации в единственном числе, о которой неоднократно упоминается и до и после тенденциозно выхваченного текста (см. стр. 20, 27), когда говорится об арестах (которых ни одна эмигрантская организация производить в эмиграции не может), или о впечатлении подрывной работы на население (которого эмиграция не имеет), или об уличных боях (которых мы в эмиграции вести не собираемся), ясно, что та одна организация, о которой идет речь, – Коминтерн. Совсем другой смысл получается от передержки, допущенной в газетах, поместивших отрывки и исказивших заглавие. Вместо одной говорится о многих организациях, а тем самым допускаясь и злонамеренное толкование текста.

При печатании отрывка из главы 15 нашего курса общетехнической подготовки намеренно выпускается целый ряд фраз до и после отрывка, из которых совершенно ясно, что ни о какой борьбе с эмигрантскими организациями не может быть и речи, а дело идет о подготовке людей, готовящихся вести активную работу на родной земле.

Для примера приводим некоторые из этих, намеренно упущенных фраз:

„В случае физических пыток лучше оказать сопротивление – лучше тебя сразу убьют в схватке, чем замучают“.

Или:

„В тюрьме ничего никогда не рассказывай заключенным о своем деле: часто "подсаживают" специальных осведомителей“.

Или:

„Физическое мучение. Самым распространенным является воздействие жаждой, голодом, карцером, иногда применяется избивание, в редком случае пытка. Здесь, если нет надежды и уверенности снести все до конца – лучший способ (выход) взбесить следователей и вызвать их на убийство“.

Совершенно очевидно, что к деятельности зарубежных организаций они относиться не могут. В зарубежье НТСНП ведет борьбу исключительно

с организациями явно большевистского толка, с агентами Коминтерна, в какую бы личину они не рядились.

Ни одна из антибольшевистских организаций и группировок зарубежья не может утверждать, что Союз когда-нибудь в нее посылал своих людей для ее захвата и разложения и инструктировал их работу, ибо этого никогда не было.

В момент, когда мы печатаем это сообщение, пришел № 6065 „Последних Новостей“ от 3 ноября. В нем опять путем передергиваний мест из украденных документов пытаются приписать руководству Союза ряд вздорных обвинений до связи с иностранными штабами включительно. По поводу этой гнусной статьи Исполнительное Бюро даст свои опровержения особо.

Исполнительное Бюро Национально-Трудового Союза
Нового Поколения

НБС, Смирнов

94

Позивница на обележаванье десетогодишњице смрти П.Н. Врангела

Русский Дом Императора Николая II (ул. Кр. Наталии, 33)

День памяти генерала барона П.Н. Врангеля

В воскресенье, 8 мая 1938 г., в 4 часа дня

Генерал Врангель: „Помогите мне, русские люди, спасти Родину“

Отдел Русского Обще-Воинского Союза, Комитет по увековечению памяти ген. Врангеля и имени ген. Врангеля, Галлиполийский Отдел Союза Русских Военных Инвалидов в Югославии устраивают торжественное собрание по случаю 10-летия со дня кончины Главнокомандующего Русской Армии генерала барона П.Н. Врангеля. Вход свободный и бесплатный. Первые семь рядов предоставлены представителям организаций по особому приглашению.

Программа докладов:

Вступительное слово. Ген. штаба генерал-майор Б.В. Гернгросс.

- 1) Ген. штаба полк. С.Н. Сергеевский: „Генерал Врангель – военачальник“.
- 2) Инженер В.П. Шмит: „Генерал Врангель – как государственный человек и администратор“.
- 3) Профессор В.Х. Даватц: „Пути Врангеля“.
- 4) Полковник П.С. Савченко: „Генерал Врангель и молодежь“.

НБС, Смирнов

Братцев Сергей Андреевич,
инженер, XII секција.
Ђенерал Ханри¹²⁸ – Скопље

Инженеру Смирнову
Сергею Николаевичу,
Белград,
Пожаревачка, 26

15 марта 1938 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Давненько собираюсь тебе написать, ясно ощущаю потребность, и все что-то мешает. А что? И сам не знаю.

Чемоданов для обратного переселения на Родину я еще не увязываю, по службе не обременен и никакими общественными делами не занимаюсь. Даже не ухаживаю! Но наконец-то начинаю.

Во-первых, борюсь с холодом, точнее, с холодными ветрами. Комната у меня летняя: большая, светлая. В окне рама одна, двери отворяются прямо на волю и затворяются отнюдь не плотно. И потому вентиляция. Я уже сжег 1000 кило хорошего „трбовлянского“ угля и 6 куб. м буковых дров, а ветер „једнако дува“.

Нехорошо, что я простужаюсь и потому кисну, мало двигаюсь и даже в Скопле за кифлями не езжу. К моему великому счастью, меня очень часто навещает А.А. Иванов. Он-то меня и снабжает кифлями, сливочным маслом, „Возрождением“ и берлинским „Новым словом“.

Чтение этих газет наводит на приятные размышления, например: сколько еще осталось „недострелянных негодяев“? Напрягаю свою отличную память и выговариваю: „Сталин, Литвинов“. Ибо Ворошилов, Ежов, Смирнов, Мехлис – это додаток, как и Блюхер, и Будённый.

Из чистокровных задержался еще Димитров – болгарин и очень подлый. Вроде Бела Куна.

Но кто же прирежет Сталина? Неужели Керенский? В этом я не заметил бы никакой радости.

Вообще сейчас для размышлений материала очень много.

В „Возрождении“ отлично пишет инженер путей сообщения Макшеев. В национальной газетке „Сигнал“ он поместил статью с упоминанием „Отрока Михаила Романова“.

Уж не хочет ли он сейчас предложить „отрока“ без прошлого, без связей с какими-нибудь определенными группировками, но с большими корнями в России.

Макшеев говорит, что должна быть „наследственность“.

Может быть надо желать Владимира Кирилловича Романова?

На Кирилле Владимировиче объединиться трудно, а время подходит, когда уже надо переставать во всяком углу свою газету издавать, хотя бы даже и очень хорошую.

Наладить жизнь после большевиков [будет] очень трудно. У одних чересчур аппетит разыгрался, а другие от голода так обалдели, что еще долго-долго будут набивать пазуху сухим хлебом. Долго никому верить не будут.

Нужен какой-то чуть не фантастический авторитет, а способен ли наш замученный народ поверить в авторитет?

Ведь столько разочарований?!

Триста лет Дома Романовых. Потом гнилой Ленин с плеядой махровых освободителей и спасителей народов.

Ленина прострелили и отравили, махровых перестреляли. Землю отобрали. Хлеба не дают. Бога не отняли, потому что Его отнять нельзя! Но кроме Бога ведь ничего и не осталось.

Несмотря на серьезность, ответственность момента, какая масса лиц, уверенных, что именно они владеют истиной!

Когда читаешь о предстоящем чествовании Виктории Феодоровны, невольно начинаешь считать, сколько русских организаций желают себя представлять на этом торжестве. Зачем их столько?

Как хорошо бы все эти организации объединить на одном единственном великом слове – Россия!

А пока довольно! Привет супруге и сыновьям.

Шлет свой поклон Александр Александрович, крепко целую.

Твой Сергей Братцев

НБС, Смирнов

96

Одговор С.Н. Смирнова С.А. Братцеву на писмо погледима на политичку ситуацију у емиграцији

Инженер Смирнов Сергей Николаевич,
Пожаревачка, 26, Белград

Братцеву Сергею Андреевичу,
инженеру, XII секција.
Ђенерал Ханри – Скопље
3 апреля 1938 г.

Дорогой Сергей Андреевич, уже довольно давно получил я Твое последнее письмо и очень извиняюсь, что не ответил до сих пор. Все что-нибудь является срочнее всего. Но вот сегодня воскресенье, и я спешу использовать

несколько свободных часов, чтобы ответить на несколько писем и в том числе № I – Твое.

Твои мысли о том, что же именно нас ожидает ввиду всех этих процессов в России и событий в Европе, – мысли, приходящие, конечно, очень и очень часто и в мою черепную коробку, и хотя она не всегда была совершенно пустая, все же я не нахожу в ней запаса мозга, способного уразуметь грядущее. Пытаешься проводить аналогию между проклятой Французской революцией, никому ничего не давшей, по моему глубокому убеждению, и между нашей еще более нелепой, тоже пока что, кроме какой-нибудь кучки негодяев, наверно набившей себе карманы (а всякая революция, по-моему, просто финансовая чья-нибудь афера, построенная на использовании совпадающего по времени чьего-нибудь недовольства), – никому не принесшая пользы. Мне возражают, что что-то полезное останется от большевиков, например, какие-то каналы. Но разве для этого надо было пройти через революцию. Разве нельзя было эти полезные начинания выполнить и без резни, казней и издевательств. Правда, что трудно в настоящее время найти похвалы государственным деятелям последних годов до революции, но ведь и напряжение напало на них значительное: японская война, революция 1905 года, учреждение Государственной Думы и проч. и проч. Ну, справился ли бы Ты или я, если бы нас назначили министром внутренних дел или вообще ответственным административным лицом в то время. Бедный государь, на Него валят, что Он не умел выбирать Себе помощников, а где их было брать? И это неверно, именно Он последнее время отходил от практики назначения губернаторов из гвардейских офицеров или просто рожденных от родовитых папы и мамы. Просто бедному не из кого было выбирать. Верхи еще так мало научились трудиться, так мало были стойки. Чуть находился человек типа Стишинского или Дурново, против него начинался поход. Разве мало вытерпел бедный Столыпин.

Я всего больше боюсь после большевиков вот именно этого безлюдья. В эмиграции оно особенно сказалось. Ну разве Миллер был хоть чуточку равноценен Кутепову? А там, закалились ли у кого-нибудь характер и любовь к родному? Мы, увы, ничего об этом не знаем. Проскакивают иногда книги, описывающие русскую старину. Недавно читал здесь одну книгу одной русской о грузинской старине, где даже есть указание, что по желанию Царской Семьи (напечатанно конечно с малой буквы) был сохранен какой грузинский памятник. И не побоялась сделать это эта русская, видимо, культурная женщина. Но боюсь, что не сразу же освободятся тамошние патриоты от страха за жизнь. Ведь сколько будет настоящих большевиков, которые перекараются в надежде, что делают это на время. Я помню, как в чека в Москве были прежние царские околоточные и они же после милиционеры. А при мне они были

преданнейшие чекисты. Я даже отметил это в своих записках, которые все еще не печатал, ибо не хотел кое-кого подвести там, ибо в моих записках приходилось касаться и ”наших“ людей.

Самое лучшее в эмиграции было, конечно, сторониться всяких организаций, примеры РОВС-а, увы, так назидательны: в них несомненно были (а может быть и остались) предатели и шпионы большевиков. Лично я вхожу лишь в очень небольшое число организаций: I Кад[етский] корп[ус], где все мы друг друга знаем, в Собрание путейцев (тоже), в Общество памяти Государя (тоже), в Союз Русских Инженеров, где никогда не бываю, но плачú, чтобы помочь неимущим коллегам. Никогда не бываю в Русско-Сербском клубе, но плачú, ибо цель хорошая и на будущее время, да и грешно мне, начавшему ездить сюда с 1899 г., не участвовать там. На лето я ловчусь опять в аналогичную командировку, как в прошлом году. Привет А.А. Иванову.

Надеюсь увидеться с Вами обоими. Пока до свидания. Крепко жму руку.

Твой Сергей Смирнов

НБС, Смирнов

97

Позивница на редовну седницу Меморијалног друштва Николаја II у Руском дому у Београду

Под Высочайшим покровительством Его Величества Короля Югославии Петра II Общество памяти Государя Императора Николая II в воскресенье, 12 ноября с.г., в Русском Доме Императора Николая II (ул. Кр. Наталии, 33), состоится годовое Общее Собрание Членов Общества. Первое собрание назначается в 4 часа, а вторичное, согласно ст. 15 устава общества, действительное при всяком числе собравшихся, в 5 часов пополудни.

Повестка собрания:

1. Отчет Совета и Правления.
2. Финансовый отчет.
3. Доклад Ревизионной Комиссии.
4. О внесении в устав новой статьи.
5. Выборы в Ревизионную Комиссию.

Вход в Собрание свободный не только для гг. Членов Общества, но и для всех, чтущих священную память Царя-Мученика и сочувствующих преследуемым Обществом целям.

Гг. Членам Общества предоставляется пригласить в Собрание таких лиц из числа своих знакомых. Во время Собрания будут выставлены для обозрения некоторые из вновь полученных для Музея памяти Императора Николая II

предметов и показаны на экране, посредством проекционного фонаря, снимки нескольких редких фотографий.

Белград, 1939 г.

НБС, Смирнов

98

Позив на јавну дискусију „Да ли ће Русија бити јединствена?“ коју је организовао монархистички комитет у Руском дому

Русский Дом имени Императора Николая II (Кр. Наталии, 33).
Вторник, 28 февраля 1940 (?), начало 8 часов вечера.

Комитет монархического единения устраивает открытое собрание на тему „Быть ли России единой?“

С докладами выступят: А.М. Вахрушев „Исторические пути России и ее единство (как строилось единство России и что его разрушает)“. Тезисы: Историческое развитие России до XVII в.; Россия и Славянство; Первая русская смута. Историческое развитие России до XX века; Германия и Славянство; Вторая русская смута; Внутреннее положение СССР; Международное положение России; Полтава. Кого ждет Россия – Мазепу или Петра? Объединение эмиграции и его значение.

Н.Е. Бабкин „Международное положение СССР и зарубежье“. Тезисы: 1. С кем наши симпатии и с кем наши интересы? Кто заинтересован в сильной России? Как надо ставить вопрос об оборончестве и пораженчестве? Украинский миф. Ненависть украинцев галичан к России. 2. Изоляция СССР извне и изоляция власти внутри страны. В чем нуждается Россия – демократия, фашизм, монархизм. Империя и монархия. 3. Что несет зарубежье России? Кандидаты во Всероссийские вожди и отсутствие всеобъемлющей организации. Значение Династии и ответственность тех, кто против единения вокруг нее. В чем наш долг.

После докладов обмен мнений. С заключительной речью выступит Е.Е. Ковалевский.

Билеты от 2 до 10 дин. в кассе Русского Дома, которая открыта от 10 до 1 часов дня и от 5 до 7 часов вечера. Телефон кассы 22-416.

От Комитета Монархического Единения

Комитет Монархического Единения есть организация широкого общественно-политического характера, ставящая себе целью распространение монархической идеи за пределами партийных идеологий и программ.

Не предугадывая конкретного оформления монархической власти, могущей определиться только на территории возрожденного Государства Российского, КМЕ проникнут уверенностью, что духовное и культурное возрождение России и цельность ее территории и возможность социально-экономического прогресса в обстановке дружного сожительства всех народностей в рамках единого Государства, как и представление каждому гражданину неотъемлемых прав, носителем которых является каждая человеческая личность, могут быть длительно обеспечены только монархией.

Констатируя неуспех большинства эмигрантских начинаний, КМЕ считает, что трехсотлетнее служение России Дома Романовых, несмотря на всеобщее крушение, сохраняет только за Ним облик носителя Российской истории, воплощает в Нем принцип исторической преемственности поколений и дает ему подлинное право выражать и осуществлять народные чаяния.

Комитет обращает свой призыв ко всем русским людям, уже послужившим России, и к молодежи, на которую ее силы и отсутствие жертв в прошлом накладывают особо ответственный долг, к объединению всех национальных сил вокруг Главы Династии, к поддержанию Его начинаний во имя борьбы с коммунизмом, во имя спасения России от распада на составные части во имя воскрешения нашей тысячелетней славы.

Комитет Монархического Единения

В Театральном зале Русского Дома имени Императора Николая II в понедельник, 4 марта 1940 (?), под председательством Е.Е. Ковалевского большое открытое собрание на тему „Что ожидает Россию?“

С докладами выступят:

Н.К. Николаев – „Будущее России“.

Н.Е. Бабкин – „Задачи эмиграции (Международное положение, СССР и мы)“.

В обмене мнений изъявили согласие участвовать: Б.Р. Гершельман (КМЕ), А.М. Вахрушев (КМЕ), М.В. Голубев (Корпус Императ. Армии и Флота), Н.П. Рклицкий („Царский Вестник“), В.А. Подгаецкий („Русское согласие“) и И.В. Рычков (фашисты).

Начало в 7 часов 30 минут вечера.

Цена билетов, включая гардероб, 11, 6, 3 и 2 динара.

НБС, Смирнов

I

Если можно утверждать с большой дозой уверенности, то переживаемый нами период эмиграции, столь характерный для России XX в., оставит глубокий след в судьбах нашего отечества (а отчасти и всего человечества), то одним из весьма важных явлений, связанных с этим периодом, необходимо будет признать возрождение за границей русского масонства¹²⁹.

Русское масонство никогда не умирало. Но после того, как [оно] прошло период развития, а затем блестящего расцвета во второй половине XVIII и первой четверти XIX в. (оказав высоко теперь оцениваемое нами в профанской литературе культурное и моральное влияние на развитие русского общества), на него обрушился ряд ударов. Указами 1822 г., затем 1827 г. все масонские ложи были запрещены, после чего их деятельность замерла. Лишь немногие из избранных в последовавшее тяжкое для масонства время остались верными озарившему их Свету и в глубокой тишине продолжали трудиться. И хотя пока очень мало опубликовано относящихся к этому времени материалов, касающихся Братства Вольных Каменщиков, но уже то, что известно, заставляет предполагать, что с годами уходили с житейской сцены более старые братья, а на смену им почти не приходили новые, и так шло угасание великого дела. Благодаря этому в последнее время лишь единицы из числа наших соотечественников получали посвящение (и притом почти исключительно за границей) и масонство не являлось влиятельным фактором русской жизни.

Даже революция, открывшая полную возможность (в ее начальные периоды) свободного развития организации и деятельности масонства, почти не повлекла за собой реализации указанной возможности. У них повторилось почти то же, что отмечено историками французского масонства относительно великой французской революции: с одной стороны, успеху масонства мешало появление террора против всех инакомыслящих, возведенное в систему большевиками после захвата ими власти, а с другой, как и всегда в революционные эпохи, „духу времени и потребностям более активных элементов более соответствовали политические организации, чем ложи, сохраняющие широкий дух терпимости и человечности и служение духовно-философским влечениям своих братьев“. А у нас в это время даже и самих лож почти не было. Но вот настал час великого исхода из России. Явилась новая, еще невиданная ни по количеству, ни по своему составу русская эмиграция. По всему миру оказалось разделенным (по подсчетам многих) около 3 миллионов русских граждан, в большинстве своем принадлежащих к интеллигенции и в больших и важнейших городах образовавших в связи с этим русские центры не только

политической, но и духовной жизни, и мы явились свидетелями возрождения русского масонства.

Главным пунктом и средоточием этого возрождения, как и можно было по многим причинам ожидать, стал Париж. Не говоря уже об исторических связях русского масонства с французским, тут соединился ряд благоприятных особых условий, и прежде всего широкое развитие, влияние и авторитет французского масонства, его готовность открыть двери ищущим истинного света из русской беженской среды, а также наличность разных основных течений, из коих экосизм явился для многих особенно желанным прибежищем, благодаря его проникновению деизмом и особому уважению к старым традициям и символам Ордена, которое особенно импонирует людям, ищущим духовного усовершенствования и важнейших вопросов нашего бытия, неразрешимых на почве т. наз. позитивной науки.

И мы видим, что за короткое время просвящения и общества наших старших братьев делаются большие и плодотворные результаты: под верховным водительством Великой ложи Франции создаются русские ложи, и непрерывно растет это великое дело, обещающее в будущем, когда мы вернемся на родину, новый пышный расцвет Братства Вольных Каменщиков; пока же здесь ширятся кадры работников и под согревающим лучом братской любви, поддерживая ослабевающий иногда дух, сея „разумное, доброе, вечное“, и указывается пункт к самоусовершенствованию и служению высшим и лучшим идеалам человечества.

II

Далеко не так благоприятно складываются дела русского масонства в других местах и, в частности, в той стране, где нашли себе приют многие активные борцы за нашу родину, многие энергичные интеллигентные труженики на разных поприщах и в то же время многие экономически слабые и уже надорвавшие свои силы в тяжелой борьбе за существование. Мы подразумеваем Югославию и ее центр Белград. В этих местах работает пишущий эти строки; в близком будущем он туда возвращается; условия тамошней жизни ему достаточно знакомы, и потому туда, естественно, прежде всего устремляется его мысль, когда он останавливается на возможных перспективах дальнейших работ нашего Братства.

Здесь не только нет еще ни одной ложи, но пока и почти нет в русской среде масонства вообще; на местах не установлены связи с сербскими братьями. Если во Франции давно уже существующее и играющее огромную роль в жизни страны масонство является широко известным, то в Югославии, и в частности в Сербии, дело обстоит далеко не так, ибо многие даже из интеллигентных сербов не знают о существовании своего масонства, русским же масонам оно

совершенно неизвестно. Таким образом, если и имеются в русской среде единицы, которые интересуются масонством и хотели бы к нему приблизиться, они не могли до сих пор этого сделать ввиду отсутствия необходимой связи, тем более что, как можно предположить, сербское масонство не является многочисленным и держится особо конспиративно. Существует и еще ряд причин, неблагоприятных для русской беженской среды. Еще более имеется причин, повелительно требующих изменения сложившегося неблагоприятного положения. На тех и других мы теперь остановимся.

III

Нельзя не указать прежде всего, что в русских эмигрантских массах царило полное невежество в отношении нашего Братства, а потому существует против него громадное предубеждение. Если, как это справедливо отметил один из историков русского масонства, „в понятиях грубейшей массы общества (в конце XVIII и начале XIX в.) франкмасон казался врагом религии и врагом общества“, если тогда „фармазонство“ было „синонимом какой-то злонамеренности“, хотя ее и „не умели ясно определить противники масонства“, то сейчас на наших глазах история повторяется: и теперь в делах понимания характера и задач масонства русские массы мало ушли вперед. Тогда говорили о вредных фармазонах, теперь говорят о „жидомасонах“ с прибавкой, обычно гласящей, что именно жидомасонство разложило и умышленно погубило Россию, творя, якобы, волю своего верховного тайного совета. Как и прежде, „невежество, относящееся враждебно ко всяким нововведениям“, не понимает, что для высших поисков духа необходимы особые пути, а потому или с грубой насмешкой, или с псевдоблагочестивым ужасом и отвращением относится к неведомым ему обрядам и символике масонства; как и прежде, масса не верит тому, что наше братство преследует высокие моральные задачи.

К неблагоприятным условиям относится даже общее положение и настроения широких эмигрантских масс в Сербии. Прежде всего, здесь необходимо указать на материальную сторону. Громадное большинство наших эмигрантов имеет едва лишь экзистенц-минимум, а часто не имеет и того. Немного и лиц, находящихся в такой степени нужды, что, если бы не помощь, оказываемая сербским правительством (которым постепенно сокращается), этим лицам грозила бы голодная смерть.

В связи с этим все помыслы массы направлены почти исключительно на дело борьбы за существование, а потому сосредотачиваются на вопросах материального характера. Замечается большой упадок умственных интересов и каких бы то ни было нравственных идеалов, несмотря на увеличивающееся по сравнению с прежним временем религиозное чувство. Нам представляется возможным объяснить это тем, что религиозное чувство у интеллигенции,

составляющей преобладающее большинство эмигрантской массы, явилось в гораздо большей степени результатом пережитого эпического крушения и испытанных безмерных потерь и страданий, чем результатом глубокого и сознательного духовного обновления. Ужасы же мировой войны и последовавшие за ними ужасы войны междоусобной ярко выявили общие отрицательные последствия всякой войны, ибо всегда за войной следует огрубление, ожесточение, падение нравственного уровня, сознание великой ценности человеческой жизни и важности общечеловеческой солидарности, понижения неверующим [так!] и т.д. и т.п.

Если единение и проявляется успешно, то почти исключительно это имеет место в таких организациях, как кооперативы, профессиональные союзы и другие организации, имеющие чисто материальную основу и преследующие главным образом материальные цели, единения же иной природы являются редкими и сравнительно слабыми. Это относится в значительной мере и к организациям политическим. Политические партии и даже лиги охватывают лишь небольшую более активную часть эмиграции. Массы – в общем инертны. В известных случаях они, правда, идут за вожаками тех направлений, которые наиболее энергичны в деле пропаганды и более представлены на поверхности (в частности, в Сербии в русской среде преобладают правые течения в отличие от ее соседки Чехо-Словакии, где господствуют левые и притом социалистические); но во всем этом мало устойчивости и той убежденности, которая является результатом глубокой и длительной рефлексии своего „я“ и сознания великой ответственности каждого мыслящего гражданина за настоящее и грядущее своей родины. Все еще, несмотря на безмерные испытания, мало произведено „переоценки ценностей“, много сохранилось трафаретов, повторяемых и хранимых по инерции, и в то же время нет уверенности в том, что теперешние политические настроения устойчивы, и что русские массы отрешились от легкости, с которой они в прошлом так часто откатывались быстро от одного идейного берега к другому...

В общем, получается невеселая картинка. Даже на чужбине в русской эмигрантской массе не выросло сознание солидарности. В большинстве колоний мы видим разобщенность, низменную обывательщину, сплетни, дразги, борьбу как политическую, так и (это гораздо чаще) вокруг мелких местных и личных интересов, и не видим почти ничего возвышающего душу и говорящего о стремлении в область высших ценностей человеческой жизни.

Конечно, тут во многом виноваты внешние условия, и главное – нужда и отсутствие в ближайшем будущем лучших перспектив. Конечно, попадают и отдельные лица и группы, иначе настроенные и иначе мыслящие и поступающие, но, к сожалению, доминируют выше нами описанные нерадостные явления.

Все описанные условия не могут не затруднять работу в русской среде Братства Вольных Каменщиков на территории Сербии. Мы говорим „Сербия“, а не „Югославия“ вообще, потому что сложные политические причины требуют особой осторожности при какой бы то ни было идейной деятельности русских во вновь присоединенных к Сербии землях и повелительно диктуется, чтобы масонская работа, особенно на ближайшее время, была сосредоточена в т[ак] наз[ываемой] Старой Сербии и присоединенных к ней чисто сербских областях. Здесь играют роль и историческая рознь между Сербией и Хорватией, снова достигшая высокого напряжения, и религиозная рознь между православными – сербами и католиками – словенцами, хорватами и буньевцами, и наличность во многих вновь присоединенных краях инородного населения (мадьяры, немцы и др.), которые враждебно относятся к Сербии, и многие другие важные обстоятельства, в силу которых сербы самым подозрительным образом отнеслись бы к попыткам русского беженства искать на территории Югославии связи с представителями Братства, раз последние не являются Сербами и работают на чисто сербской территории.

Как ни трудны работы и на этой последней территории, она является, безусловно, необходимой; ее успех представит собою счастливое сочетание благоприятных результатов и для нашего Братства, и для находящейся в Сербии русской эмиграции, и для всей нашей многострадальной родины. Если, по верному замечанию одного из русских историков масонства, деятельность старых русских масонов была велика тем, что они заключали в себе идеалы (при всех своих недостатках) пробуждения общественного сознания и общественной инициативы, проникнутые глубокими убеждениями, а также производство более высоких нравственных требований; если для успехов гражданственности тогда явилось важное и плодотворное, заключающееся в масонстве начало глубокой „серьезности и независимости“, то в наше время, после нашей великой разрухи и всех глубоко отрицательных ее последствий, деятельность Братства при новых условиях может и должна явиться еще более важной и плодотворной.

И пусть пока мало можно сделать в смысле материальном; при тяжком положении русской эмиграции в Сербии и это малое будет иметь значение, и может со временем увеличиться, если явится поддержка сербских братьев. Для нашего Братства главной является не материальная, а духовная сторона, и в этом направлении можно сделать многое. Чрезмерной партийности, раздробленности, моральному упадку, новому торжеству материальных начал, нетерпимости и эгоизму ныне, более чем когда-либо, необходимо противопоставить организованную и духовную силу Братства Вольных Каменщиков, которое проявляется и должно проявляться как плодотворное влияние в мире,

основываясь (как это прекрасно формулировал досточтимый мастер нашей ложи) на „создании коллективными усилиями идей – сил, которые, проникая в других людей, заставляли бы их мыслить и действовать в определенном направлении“, в направлении высоковажном и плодотворном, благодаря тому, что масонство проникнуто началами объединения и известной дисциплины, и с помощью этих начал стремится к „усовершенствованию человечества не только в материальном, но и в духовном смысле“, ибо в каждом отдельном посвящении оно имеет целью „улучшить человека, и развивая его (положительные) качества, искоренить его недостатки“, и в своей общей работе оно руководится не только знанием, но и тем творческим вдохновением, которое „двигая вперед человечество, открывает ему новые пути и перспективы“.

Идя этим путем, отыскивая избранных и достойных доверия, объединяя силы, готовые самоотверженно работать и стремиться к Свету и Истине, Братство Вольных Каменщиков может достичь великих результатов, способствующих духовному и моральному возрождению более слабых и опустившихся, пробуждая деятельность, проникнутую истинным просвещением, и служа сознательному и истинному единению во имя бессмертных начал Свободы, Равенства и Братства. Отсюда может получиться рост солидарности, проникнутой высокими моральными началами, серьезная дисциплина воли и духа, подъем энергии, способность более спокойно бороться с невзгодами жизни и, наконец, то торжество духа над материей, без которого нет выхода из периода упадка и распыления.

И если все это важно вообще, то оно особенно важно для освобождения и возрождения нашей великой родины, ибо таким образом открываются надлежащие пути для ее будущего правильного развития, для излечения разных эксцессов и для бодрой одухотворенной работы.

Мы верим, что уже к концу идет наш великий исход, и что скоро грянет новое великое строительство, предначертанное для нашей родной земли Великим Архитектором Вселенной. В процессе этого строительства в первых рядах, служа своей верховной задаче, должно будет потрудиться наше Братство, и оно ему послужит в духе своей древней организации, подготавливая новых, проникнутых сознанием своей высокой миссии мастеров, компаньонов и учеников. Как заповедовали нам наши благородные предшественники, старые русские масоны времен Александра I, „каждому из нас предстоит обтесывание своего дикого камня, и вместе с сим всем нам вообще приготовление и других камней, к строению сему годных“.

В частности, в Сербии трудна будет эта подготовительная работа, и нельзя надеяться на ее быстрые успехи. Мы не знаем, насколько окажется возможным справиться с тем предубеждением и непониманием истинного характера нашего Братства, о котором мы выше говорили. Не знаем мы и того, насколько

широко наши сербские братья распахнут свои двери для русских неопитов. В силу особо сложной и запутанной общей ситуации своей державы сербские братья особо замкнуты и осторожны, в особенности же в отношении представителей живущей в Югославии русской эмиграции.

Поэтому автор этих строк полагает, что лишь в течение сравнительно долгого периода может сложиться настолько благоприятная обстановка и настолько может возрасти число русских посвященных, чтобы явилась возможность открытия в Сербии Русской ложи под высшим водительством Главной ложи Сербии. Здесь каждый шаг русских братьев требует величайшей осмотрительности; здесь начинающим работу, более чем где-либо, необходимы помощь старших братьев, находящихся в Париже, и их руководящие указания.

Но все же никакие трудности не могут и не должны останавливать нас там, где впереди великая цель. Как бы ни было это тяжело, мы должны идти вперед на Восток, к Великому Источнику Света, и мы твердо верим, что этот Свет, хотя бы и после долгих испытаний, озарит всех этого достойных, во славу нашего братства и во благо нашей родины.

Может быть, никогда еще не подтверждалось так ясно слово Писания, гласящее, что „мир возлежит“. Мы наблюдаем небывалый рост темных сил и попрание всего высокого, светлого и прекрасного. Растут темные союзы, проникнутые ненавистью и духом разрушения. Но могущественно начало Света, и „тьма его не объяла“. Мы верим, что все выше и выше будут расти стены нашего Храма. Началам Братства ненависти и разрушения наше Братство противопоставляет великие начала единения, любви и созидания. В них его сила и его победа. В них и только в них может быть надежда на успех и в предстоящей работе русских братьев в Сербии.

АJ, Масонске ложе у Југославији (100), д. 12, с. 565–576

Део III. Међудржавни односи

Глава 1. ОДНОСИ СА РЕВОЛУЦИОНИМ ВЛАДАМА

100

Поверљиве инструкције српског министра иностраних дела Н. Пашића српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу у вези са будућим односима према новом руском министру иностраних дела П.Н. Миљукову (концепт)

Лично поверљиво за посланика Спалајковића
Петроград

Шаљем вам одговор Г. Миљукову да га лично предате, како би имали прилике да говорите с њим о стању у Русији, кад мисле да приступе новом уставном устројству, или ће то питање одложити до коначне победе.

Према новом стању ви сте дужни да подесите и своје држање и свој говор и своја општења са руским политичарима, који су добро обавештени не само о ономе, што је на дневном реду, већ и о ономе што се иза кулиса спрема. И шаљите чешћа извешћа.

Исто тако разберите преко наших опробаних пријатеља да ли ће умесно бити да учинимо корак код Руске Владе да пошље посланика свога на Крф, старога или кога другог, само мотрите да нам не пошљу кога Бугарофила, те да почну нас опет пресирати да се споразумевамо с Бугарском – јер сада после свега што су Бугари извршили у Старој Србији и Македонији није могуће ни помислити на какав споразум с Бугарима, сем ако би нам дали оне границе, које смо означили у акту послатом.

Са Миљуковим одржавај добре односе, али пази добро на његов закулисни рад, а нарочито нећели му Бугари послати кога свога повереника да с њим измења мисли о томе, како би се Бугарска имала држати, па да помогне да је може гдегод се укаже подесна прилика подржавати а себе сачувати од компромитирања у очима руског народа. Може бити да ће кадети нагнати Миљукова да каквом изјавом у Думи поправи своје односе према Србији и на то мотрите да не би што горе наступило.

[Никола П.] Пашић

На полеђини: 10. марта 1917. Пов. No. 1118, 31.III [19]17. Инструкције г. Спалајковићу о његовом држању у новој ситуацији.

АС, МИД, ПО, 1917, ФІХ, ДЦ, 128

101

Нота српског министра иностраних дела Н. Пашића упућена као одговор на циркуларно писмо руског министра иностраних дела П.Н. Миљукова, којим је српска влада званично обавештена о промени власти у Русији (концепт)

Српском Посланику
Петроград

Молим саопштите лично Министру Спољних послова Г. Миљукову: „Руски отпражник послова саопштио ми је и у препису дао посланицу новог руског Министарства; Г. Министру Миљукову изјављујем од своје стране као Срп[ски] Мин[истар] Ин[остраних] Дела захвалност на саопштењу, и нашу радост што преврат није повукао за собом многе жртве, него се је свршио брзо и без потре-са моћи и престижа братске нам Русије.

Овом приликом молим да ми буде дозвољено да дам израза осећањима и надама Србије, која је тако тесно и нераздвојно везала своју судбу с братском нам Русијом.

Узвишени пример патриотизма, који је Цар својим одрицањем показао целом свету, а у првом реду Славенима, да би се, у интересу отаџбине, постигла слога и прибрала сва снага руских грађана, те да се опасни непријатељ слободе и права осталих народности, што пре и што одсудније победио¹³⁰, испуњава насладом да ће велики руски народ ради одржања величине Русије и ради утврђења новог демократског режима, сав једнодушно пренути, непријатеља из земље изагнати, и за увек онемогућити му такве зверске нападе на слободу других нација¹³¹.

Српски народ, који је увек у добру и злу остајао веран и својој крви и својој части, – па и у оним временима, кад је руска дипломатија, руковођена политиком поделе свера са Аустро-Угарском *грешила према његовим националним интересима* и упутила краља Милана Аустрији, српски народ није се одвојио од Русије, дубоко верујући да ће праведна руска душа увидити, кад-тад, погрешку и временом је исправити, – па и сад држећи се чврсто Русије жели јој да организована на демократским основима, *надмаши својом славом, својом моћи*

и својим цивилизаторским радом сва своја стара славна времена и свету пружи доказа да су славенски народи, углавном, по својој природи мирољубиви народи, да не желе вређати туђе слободе и права, да су њихова душа, морал и погледи на свет, сагласни са принципима слободе и права, ради којих се води овај страшни светски рат. *Славени, (са незнатним изузетком) чезну за мирним и слободним животом, те да покажу осталом свету, шта све могу придонети општој човечанској култури.*

Српски народ, који је вековима живио у непрестаној самоодбрани, и третирао своју физичку и духовну снагу, бранећи се час од источног непријатеља а час од западног *много опаснијег* непријатеља, чезнуо је за слободним мирним животом, и црпео је вековима веру у бољу и слободнију будућност у братској и једноверној Русији, а у последње време и у западним европским демократским народима, *које је исто зло притискивало*, кад су ови схватили и познали српски народ, и кад су оценили да уједињени и слободни српски народ може служити само правди, слободи и напретку човечанства.

Србија је најчистија славенска демократска држава, *српски народ, који се је прекалио у непрестаној борби са спољним непријатељем, најчистији је духом демократизма задахнут* – и таква Србија поздравља демократску Русију и жели јој да надмаши стару аутократску Русију у слави, моћи, култури и напретку, – и уверена је да ће демократска Русија својим симпатијама и својом братском потпором, надмашити у благодети и потпори, стару аутократску Русију.

Посланица, коју је Руски Министар Спољних послова упутио пријатељским и савезним државама, поред осталог, особито нас је обрадовала, кад је у њој свечано изјављено да нова демократска Русија остаје верна својим *пријатељима и савезницима*, и да ће часно одржати дату реч и примљене обавезе, и да ће заједно са савезницима испунити дуг до краја и све силе уложити да непријатеље, који су унели у овај светски рат никад у историји не бивана зверства, насиља и неверства, казнити и за навеки обезбедити човечанству трајни мир, личну и националну слободу“.

Овлашћујем вас да према приликама можете учинити измене у овој ноти.

Ник[ола] П. Пашић

На полеђини: 10.III [19]17. Ово Министар[ство]. Одговор на циркулар Миљуконљев. Пов. Но. 1224.

АС, МИД, ПО, 1917, ФІХ, ДІІ, 90–92

102

Телеграм којим се престолонаследник Александар и председник српске владе Н. Пашић саглашавају да признају нову револуционарну владу у Русији

Министарство Иностранних Дела

Политичко одељење

Отправљен из Солуна 14.ИИ у 23 сати 10 мин. после подне

Примљен у Крфу 15.ИИ у 17 сати _ мин. после подне

У одговор на ваш телеграм Наследник Престола одобрава да Српска влада призна нову Руску владу. Јуришић

[Рајко] Винтровић¹³²

На полеђини: 15.ИИ [19]17. Из Солуна. Пов. Но. 1284. Н[аследник] престола одобрава да Српска влада призна нову Руску владу. Узео к знању.

[Никола П.] Пашић

Да се г. Спалајковићу јави да учини декларацију да Срп[ска влада] признаје Руску владу, и да сматра да је то унут[рашња] руска ствар како ће се уредити. Само желимо и то због рата, да се што пре сврши искрсло питање и желимо новој демократској Русији напредак и величину на свима пољима народног руског живота.

Н[икола] П. П[ашић]

Експ. 16.ИИ [1]917.

АС, МИД, ПО, 1917, ФИХ, ДИ, 94

103

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о томе да се однос нове, револуционарне руске владе према Србији неће мењати

Министарство Иностранних Дела

Политичко одељење

Отправљен из Петрограда 22.ИИ у 8 сати 20 мин. после подне

Примљен у Крфу 24.ИИ у 12 сати 30 мин. после подне

Ради вашег умирења Миљуков наредио тамошњем отправнику изјавити да промена режима неће изменити политику Русије према Србији и да ће и садашња Руска

влада помоћи остварење српских идеала. Данас одговорио отпратник послова да је та изјава на вас најбоље дејствовала. Додајем да сам стекао уверење да ће Миљуков бити за нас мање опасан као Министар Иност[раних] Дела него као опозиционар. За сад га штедим са разговорима јер [је] сав заузет унутрашњим пословима[,] али првом приликом изменићемо мисли. У Петрајеву имамо увек снажан ослонац.

[Мирослав] Спалајковић

№. 274.

На полеђини: 24.III [19]17. Петроград. О нашим односима са Миљуковом.

Прочитао Никола П. Пашић

Пов. №. 1415. 25.III 1917.

АС, МИД, ПО, 1917, ФХ, ДП, 110

104

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о признавању привремене владе у Русији и текстови поздравних говора М. Спалајковића и руског министра иностраних дела П.Н. Миљуква

Министарство Иностранних Дела

Политичко одељење

Отправљен из Петрограда 25.III у _ сати

Примљен у 26.III

Данас [је] привремена влада примила преставнике Јапана, Белгије, Србије, Португалије, Румуније, који [су јој] саопштили изјаве својих влада. Наша декларација [је] оваква: „Господо! Признајући у вашој личности нову руску владу, Србија вам шаље свој братски поздрав са жељом, коју рат чини још оправданијом, да ваши патриотски напори доведу што пре до дефинитивне организације нове Русије, чије је уређење чисто унутрашња руска ствар. Српски народ, код кога трагична судбина није умањила поверење у братске везе и осећаје части и правде велике руске нације, остаће јој увек у срећи као и у несрећи непоколебљиво одан и веран, са најискренијим жељама за срећу и величину нове демократске Русије на свима пољима националног рада“.

Миљуков [је] одговорио најсрдачнијим тоном, пуним пријатељства за наш народ; „Драги Спалајковићу, обраћам се сада вама, представнику Србије, која је, по расним и верским везама, тако блиска нашем срцу и која је толико пропатила за општу ствар. Могу Вас уверити да ће се Србији повратити не само све што јој је

припадало у прошлости, већ и да ће све њене националне аспирације бити остварене. То ће бити за Русију дуг захвалности. Интерес Европе захтева да из овога рата нова Србија изиђе слободна, велика, уједињена, која ће нам служити као бредом против германске експанзије и која ће својим демократским духом и установама бити драгоцен потпора за развиће слободоумне Русије. Србији ће се дати границе, које ће бити у стању да је заштите од сваке непријатељске навале“.

[Мирослав] Спалајковић

Но. 259.

На полеђини: 25.III [19]17. Петроград. Савезнички преставници признају колективно нову владу у Русији. Пов. Но. 1427. Саопштио у седници.

[Никола П.] Пашић

АС, МИД, ПО, 1917, ФІХ, ДІІ, 115–116

105

Телеграм српског посланства у Хагу српском МИД-у у вези вести о хапшењу команданта српске добровољачке дивизије у Одеси од стране војничког комитета

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

Отправљен из Хага 19.V у 1 сати 20 мин. после подне

Примљен у Крфу 20.V у 19 сати _ мин. после подне

Овдашње новине доносе немачки извор:

Војнички комитет у Одеси ухапсио команданта дивизије Српске и цело његов ђенералштаб. Командант у Одеси скренуо пажњу комитету да је ово затварање, противно међународном праву и раду комитета, у толико пре непријатно, јер српска војска већ усвојила руско уређење и почела установљавати војнички комитет као у Русији.

Милојевић

Но. 278.

На полеђини: 21.V [1]917. г. Хаг. Извештава, према немачким вестима, о хапшењу Команданта Српске дивизије и Штаба му у Одеси. П. Но. 2091. Прочитао. У акта.

Н[икола] П. П.[ашић]

АС, МИД, ПЦ, 1917, ФІХ, ДV, 382

Глава 2. УСПОСТАВЉАЊЕ И ПРЕКИД ОДНОСА СА БОЉШЕВИЦИМА

106

Телеграм руског посланства на Крфу којим се српски МИД обавештава о ставу руског посланства у Вашингтону да не призна нову бољшевичку власт

Ministère des Affaires étrangères
Du Royaume de Serbie
Крф
1.XI 1917.

Овдашње Руско Посланство спровело је Министарству Иностранних Дела Краљевине Србије ниже цитирану депешу, коју је добило од руског амбасадора у Вашингтону, изјављујући, да се у свему слаже са погледима изнесеним у том телеграму.

„У вези са догађајима, који се сада одигравају у Русији, сматрао сам императивном потребом, да јасно дефинујем држање које је заузела ова амбасада с обзиром на свој даљи рад. Још од првог почетка преврата у Петрограду Амбасада је сматрала Максималистичку Владу¹³³ за антинационалну и као Владу, која не представља праву вољу Рускога Народа. Амбасада с тога није признала њену власт и није ступила у никакве везе са групом људи који су сада на власти у Петрограду. И у будуће нећу признавати ни максималистичку нити њој сличну Владу, која би кршила лојалност према Савезницима Русије и водила земљу неучешћу у рату. Ма како да је ова непоправима радња за земљу опасна, јер ју дезорганизује, дубока и активна опозиција здравих и конструктивних елемената у Русији мораће искрснути и открити нам позитивном акцијом прави дух лојалне и националне Русије. Ипак је очевидно да до промене прилика у Русији ова Амбасада не може вршити у пуној мери најхитније своје дужности, које су засноване на активној ратној сарадњи са Владом Савезних Држава Америчких. За то сам овластио чиновнике Амбасаде, да се руководе својим сопственим нахођењем у својој жељи да нађу себи друго поље рада. Што се мене тиче, сматрам, да ми је дужност, да останем на свом месту ради одржавања достојанства националне и лојалне Русије, као и ради одговорности, коју ми налажу уговори и обавезе, које је склопила законита Влада Русије, а које су ми поверене. Ја ћу продужити да вршим те своје дужности, док год не буде постављен други законити представник, којег би признала Влада Савезних Америчких Држава и прими све ове

дужности, функције и обавезе. Међутим, бранећи символ националног руског Заступништва, ја ћу вршити текуће послове, који се тичу разноврсних ствари, по којима је у току ратне кооперације са Владом Савезних Држава и другим институцијама у овој земљи Руска Влада повезала тесне везе. Ја ћу настати такође, да пружим сву потребну заштиту руским поданицима овде и потпомагаћу све радње појединаца и институција у Русији, којима је циљ, да осујете владу антинационалних елемената како би придонео васкрснућу правог духа руског народа. Број чиновника, који ми је потребан за извршење тога задатка, остаће у Амбасади и у другим руским институцијама у Савезним Државама Америке, које врше тешку отаџбеничку дужност доприносећи својим ревносим радом напорима, који се стварно данас предузимају у Русији од стране разних одељења и институција, које не признају максималистичку Владу и чине све могуће, да оборе њену деструктивну моћ одржавајући с највећим тешкоћама ратни механизам Русије и спречавајући распарчање свих елемената Руске Државе“.

АС, МИД, ПО, 1917, ФІХ, ДІ, 25

107

Поверљиве инструкције српског министра иностраних дела Н. Пашића српском посланству у Петрограду да нађу угледног Босанца и Херцеговца који би код народног комесара иностраних дела Л.Д. Троцког протествовали због аустроугарске анексије Босне и Херцеговине против воље њених становника

Мин[истарство] Ин[остраних] Дела
Пов. Бр. 4389.
25.ХІІ 1917.
Крф

Legation Serbe
Петроград

Добро би било наћи неког угледнијег Босанца и Херцеговца који би изјавили Троцком, да се недавна анексија Босне и Херцеговине не може никако урачунати у застареле анексије и да они протестују против тога, ако би Босна и Херцеговина, као чисто српске земље које су противно одредбама Берлинског уговора и жељи њиховог становништва насилно анектиране, и даље остале под туђинском управом¹³⁴.

Нек изјаве наду, да ће демократска Русија, која прокламовала принципе слободе и самоопредељења народа, ослободити их ропства и помоћи да се сједине са својом браћом у Србији и осталим југословенима.

[Никола П.] Пашић

На полеђини: 25. децембра 1917. Босанци да протестују код Троцког.
П. No. 4389. У акта 26.XII. Јанковић

АС, МИД, ПО, 1917, ФХ, ДШ, 199

108

Писмо којим српски војни изасланик у Москви пуковник Б. Лонткијевић јавља српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу о разговорима које је водио са начелником бољшевичке Врховне команде, генералом М.Д. Бонч-Брујевићем

29. децембра 1917. г.
Ставка¹³⁵

Господине Посланиче,

Користим одлазак француског курира да Вам се јавим са неколико речи.

Синоћ сам имао подужи разговор са начелником штаба Врх[овне] К[о-ман]де ђенералом Бонч-Брујевићем¹³⁶, а вечерас ћу се видети и са Криленком¹³⁷.

Поводом јучерашњег приказа Криленка о мобилизацији, Начал[ник] штаба ми рече: Да је мобилизација доказ да су преговори о миру претрпели фијаско. Сад меродавни виде да је потребно имати поуздану снагу на фронту – значи треба саздати армију. А како? На садашњу армију не може се рачунати. Са њом треба ликвидирати, а на место ње створити нову армију, што може бити једино од добровољаца – добровољачку армију. Ова добровољ[ачка] армија треба да буде готова к концу Априла идуће године. Нач[алник] Штаба ме уверава да ће организацију ове армије он руководити само у том случају, ако његови принципи и гледиште буде усвојено, а његово је гледиште: повратити права и ауторитет официрског кадра; дисциплину, не искључујући као средство за то и увођење смртне казне. Једном речи створити армију на старим и свуда признатим принципима. Упису добровољаца је већ приступљено; вели да је лозунг-идеја за прилив добровољаца морала бити мало демагошка – на демократско-социјалистичкој подлози, али то се тиче само прилива – да би се лакше придобили добровољци, – а кад се добровољци скупе и отпочне обука и васпитање, онда престаје са сваким демагоштвом и опитима, који су дали тако несретне резултате – и све ће се поставити на здравим и освештаним војним начелима. Ако га у томе не буду сметали, начал[ник] штаба рачуна да ће у почетку маја имати солидну снагу на фронту. Он се нада да ће цела Русија

поћи тим путем, јер без озбиљне армије – војне снаге – нема се могућности закључити повољан мир.

Ово гледиште о стварању добровољаца ја сам довео у везу за стварањем добровољач[ких] трупа и од заробљеника Југословена, Чеха, Пољака и т.д. Он сам увиђа ту потребу, и готов је такве организације подржавати.

Са Криленком ћу се видети и дотаћићу сва ова питања да би чуо и његово мишлење, о чему ћу Вам одмах написати.

Ја намеравам сутра кренути за Кијев, одмах, по доласку јавићу се.

Молим Вас да Војин¹³⁸ из овог разговора састави мали извод и достави га Министру војном од моје стране, јер одавде не примају шифроване депеше.

Поздравља Вас и све Ваше

Ваш
Бран[ислав] Лонткијевић

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р7/1918

109

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића команданту II бригаде I добровољачке дивизије СХС пуковнику М. Станковићу у Ярослављ о разговорима који су вођени са народним комесаром иностраних дела РСФСР Л.Д. Троцким (крај децембра 1917)

Ярослављ¹³⁹
Вокзал

Командиру Сербской бригады

Делегация сегодня принята Троцким, который завтра даст ответ. Оставайтесь [в] вагонах.

[Мирослав] Спалајкович

№. 1180.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р64/1917

Приватно писмо српског војног изасланика у Москви пуковника Б. Лонткијевића извесном Војину у српском посланству у Петрограду о разговору који је водио са главнокомандујућим Врховне команде Н.В. Криленком у вези политике бољшевика према Србији

31. децембра 1917. г.
Ставка

Драги Војине¹⁴⁰

Да Ти се јавим са неколико речи пред полазак за Кијев.

Јуче сам био код Криленка. Он такође гледа песимистички на преговоре о миру. Вели Немци тумаче на свој специјални начин принцип „самоопредељење народа“, а ми – Руски – само онамо камо смо то и објавили и од тога не можемо одустати.

Даље вели да је потребно имати поуздану демократску армију на коју се можемо ослонити у времену решавајућих момената за преговоре. Он се нада да ће објављена мобилизација дати добровољачку армију од 800.000 људи – што треба у почетку пролећа бити готово.

Говорили смо о многим стварима и увек се показао предусретљив.

Обећао ми са своје стране подржати наше даље прикупљање и формирање добровољаца. Вели мој приказ¹⁴¹ за образовање добровољ[ачке] армије даје право сваким добровољачким формирањима. У опште обећао да ће излазити на сусрет нашим потребама у том погледу.

Говорили смо о њиховим принципима истакнутим за преговоре о миру: самоопредељење народа и т.д. Он вели: чуди се да Србија, која је толико пролила крви и дала све што је могла дати савезницима, није приступила њиховом кораку за мир. Вели нико па ни савезници немају права тражити од Србије још жртава. Србија и Српски народ има право на самоопредељење без даљег проливања крви и т.д. Ја му рекох да је наша судба везана за остале савезнике и Русију, и да морамо остати лојални до краја, а да се надамо да ће савезници умети оценити наше жртве и наше национално право. Он рече да су претензије Српског народа заиста оправдане и да се поклапају са принципима које је истакла руска револуција. Он мисли 4-ог да се крене за Петроград на „открытие“ учредитељнаго Собрања¹⁴².

Говорили смо и о мојим украденим стварима. Наредио је начал[нику] штаба да се предузме енергично ислеђење, и вероватно да ће проводник вагона бити стављен под револуц[ионарни] суд, јер се види да он у исказима врда, а по свему је он крив, јер признаје да су ствари остале код њега и да је видио кад је изнео војник, који не припада караулу ввоза; међутим војници из карауле

тврде да ниједан туђ војник није долазио у вагоне, и сви сумњају да је сам проводник, или са његовим знањем, изнешене ствари. Проводник и два војника биће упућени у Петроград ради даљег ислеђења. Видећемо шта ће бити.

По [Милану] Шајновићу сам поручио да нека питања г. Посланик што пре реши, нарочито финансијско питање. Чим стигнем у Кијев отпочећу посао и послати Посланству извештај.

Замоли г. Посланика да ђенерал Нисел телеграфира шефу Франц[уске] мисије у Кијеву, да ме подржава у пословима.

Поздрави г. Посланика¹⁴³, Ненадића¹⁴⁴, Шарца и остале, а тебе срдечно поздравље.

Твој пуков[ник] Брана [Лонткијевић]

АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф1, р7/1918

111

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском министру војном, генералу Б. Терзићу, о плановима за формирање Црвене армије

Депеша
Шифра
Ministre Guerre Serbe
Salonique

Пуковник [Бранислав] Лонткијевић писмом од 31. децембра прошле године из Ставке саопштава у Могиљеву¹⁴⁵ јавио се Криленку, који песимистички гледа на преговоре за мир. За то Русија мора имати поуздану демократску армију за стварање које бољшевичка влада објавила мобилизацију. Он се нада у пролеће добити 800.000 добровољаца. Обећао помоћи прикупљање наших добровољаца од заробљеника. Ово извештавам на молбу пуковника [Бранислава] Лонткијевића јер му шифром не допуштају јавити из Ставке.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: По. 11. јануара 1918. Прикупљање добровољаца. Пов. Бр. 48.

АС, МИД, Пс, П-ПО, П I р 7/1918

112

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у у вези са протестом који шефови савезничких војних мисија у Русији упутили бољшевичким властима су због немачког непоштовања услова примирја закљученог између Русије и Централних сила

Депеша
Шифра
Etrangeres

Због непрестаног пребацивања непријатељских трупа и ратног материјала са руског фронта на западни и на остале фронтове, што се противи условима примирја закљученог између Русије и централних сила, – сви шефови савезничких војних мисија у Петрограду уложили су деветог јануара колективни писмени протест. Протест предат Начелнику штаба руске врховне команде ђенералу Бонч-Брујевићу и законом вршиоцу дужности војног министра, ђенералу Потапову у Петрограду.

До сада пребачено на западни фронт 12 дивизија, на италијански две и на палестински две дивизије, свега шеснајест дивизија и то од 4 децембра до 7 јануара.

За шефа Српске војне мисије протест потписао мајор Војин Максимовић јер пуковник [Бранислав] Лонткијевић у Кијеву. Молим ово саопштити и министру војном.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: По. 11. јануара 1918. Корак савезни[чких] војних агената, Руској влади. Пов. Бр. 53.

АС, МИД, Пс, П-ПО, Ф1, р9/1918

113

Телеграм секретара српског посланства у Петрограду Ф. Станојевића, којим српском посланику М. Спалајковићу јавља у Пајалу и Шведској садржај разговора који је водио са заступником комесара за иностране послове РСФСР Жуковим

Петроград, 2. III 1918.

Примљено у Тајала¹⁴⁶, 4. III 1918.

Извршио сам Ваш налог заступнику комесара за Иностране послове Жукову да сте отпутовали из Петрограда да оставите своју породицу у санаторијуму, као и да ћете се у Русију вратити да и даље продужите радити у корист Србије и братске Русије. Жуков са радошћу примио то саопштење и изјавио да ће нас искрено помагати. При расстанку рече [да је] Русија увек била за Србију и да ће увек остати са њом.

[Фотије] Станојевић

Бр. 2.

На полеђини: Пр. 4. марта 1918. Тајала. Пов. Бр. 217.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р42/1918

114

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Вологди) српском МИД-у којим јавља да РСФСР отказује телеграфску конвенцију са Краљевином Србијом из 1903. године

Etrangères Corfu

Шифра

В. 5. VI 1918.

Комесаријат Иностранних дела замолио ме нотом известити хитно нашу владу да влада Руске републике отказује телеграфску конвенцију 7. јула 1903. која престаје важити по истеку три месеца од дана саопштења Српској влади и моли за одговор. Копију ноте послаћу писмом.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: Руско-српска телеграфска конвенција. Прим. 7. VI [19]18. Пов. No. 336.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р138/1918

115

Телеграм српског посланика у Штокхолму Б. Чолак-Антића српском МИД-у у вези хапшења и пуштања из затвора српског војног изасланика у Русији пуковника Б. Лонткијевића и других особа

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

Отправљен из Штокхолма 31.VIII у 5 сати 40 мин. после подне

Примљен у Крфу 2.IX у 9 сати _ мин. пре подне

У допуну телеграма Бр. 257. Накнадно дознали од талијанског генерала Ромеја, да је на основу протеста норвешког посланика пуковник [Бранислав] Лонткијевић био пуштен из затвора, али не и сви остали који са њиме били у затвору. Саопштено Председнику.

Чолак Антић

Но. 261.

На полеђини: 2.IX [1]918. Штокхолм. П. Но. 3712. Пуковник [Бранислав] Лонткијевић.

Саопштити Солуну. Саопштити Мин[истру] Војном 4.IX 1918.

АС, МИД, ФИХ, ДV, 1918, 436

116

Телеграм српског посланика у Штокхолму Б. Чолак-Антића српском МИД-у у вези са хапшењем чланова српске војне мисије у Русији и претње њиховим стрељањем

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

Отправљен из Штокхолма 29.VIII

Примљен у [Крфу] 30.VIII

Шеф талијанске војне мисије из Москве стигао овде и потврђује, да су чланови српске војне мисије били поново ухапшени, кад је он напустио Москву, 13. августа. Овде се претпоставља да је јучерашњи петроградски телеграм о извршеној смртној казни над револуционарним социалистима, великим кнежевима и српским официрима само нека врста претње. Преко овдашњег норвешког посланика поново

сам молио норвешког посланика у Русији, који штити српске интересе, да ме извести о судби наше војне мисије у Москви. Извештен Председник¹⁴⁷.

Чолак-Антић

№. 257.

На полеђини: 30.VIII [1]918. Штокхолм. П. №. 3736. Наша војна мисија у Русији.

1. Саопштено Солуну.
2. Спалајковић поново питан да ли он има извештаја о овоме.
3. Саопштено у Мин[истарству] Војном 31.VIII 1918.

АС, МИД, ФХ, ДV, 1918, 437

117

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Архангелску) српском МИД-у у вези са изолацијом страних посланстава од њихових војних и конзуларних представника у Русији, коју спроводе бољшевици

Министарство Иностранних Дела

Политичко одељење

31.VIII 1918.

Крф

Отправљен из Архангелска 28.VIII у 17 сати 55 мин.

Примљен у Крфу 31.VIII у 3 сати 47 мин.

Примио сам Ваш јучерашњи телеграм Бр. 3460 везу са нашим војним изаслаником немам. Овдашњи савезнички представници потпуно одсечени од својих војних и конзуларних мисија, које остале у Москви. Бољшевици тамо нарочито се окомили на Енглеze и Француze. Пошто сам поверио норвешком посланству наше интересе у Русији, можете покушати преко норвешке владе доћи у додир са војним изаслаником.

[Мирослав] Спалајковић

№. 375.

На полеђини: 31.VIII [1]918. Архангелск. П. №. 4185. Нема везе са војним изаслаником. Извештен Солун г. М[инистар] Војни преко[...]¹⁴⁸.

АС, МИД, ФХ, ДV, 1918, 443

118

Телеграм српског посланика у Штокхолму Б. Чолак-Антића српском МИД-у у вези са претресом просторија српског посланства у Петрограду и конфискацијом новца од стране бољшевика

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

Крф

Отправљен из Штокхолма 3. IX у 7 сати 30 мин. после подне

Примљен у Крфу 4. IX у 8 сати 20 мин. пре подне

Норвешки посланик извештава ме да је у српском посланству у Петрограду извршена преметачина за то што се сумњало да има оружја и да је одузета сва новчана храна која је нађена у посланству и у стану посланика. Посланик норвешки протествовао најенергичније. Петроградска „Краснаја газета“ у листи ухапшених у Петрограду таоца доноси имена „српских официра“ Сергија Никерића и Цајкина. Извештен Председник Министарства.

Чолаковић¹⁴⁹

Бр. 263.

На полеђини: 4. IX 1918. Штокхолм. П. No. 3773. Преметачина Српског Посланства у Петрограду. 4. IX Саопштено у Мин[истарској] Седници.

АС, МИД, ФИХ, ДУ, 1918, 439

119

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о затварању српских дипломатских представника у Москви пуковника Б. Лонткијевића и М. Шајновића

Etrangères Corfou

(Шифра)

По. 15. IX 1918.

Архангелск

Американски официр који [је] успео доћи из Москве овамо каже ми да су бољшевици затворили Ло[н]ткијевића и [Милана] Шајновића, али на протест савезничких представника пустили [су] их. Поред наших у Москви су још

французи[,] енглези и американци. Само последњим бољшевици не праве тешкоће за одлазак из Русије, али американци остаће тамо док се питање не реши повољно за све.

[Мирослав] С[палајковић]

На полеђини: По. 15. септембра 1918. Архангелск. Ситуација у Русији. Пов. Бр. 386.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р126/1918

120

Телеграм посланика Краљевине СХС у Штокхолму Б. Чолак-Антића, којим преноси МИД-у у Београду информације добијене од секретара српског посланства у Петрограду Ф. Станојевића, о броју Срба који су остали у Москви и Петрограду, стању српских институција и ситуацији у Русији

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

19.ХИ 1918.

Отправљен из Штокхолма 17.[ХИ]

Примљен у Београду 19.ХИ

У Москви остали архимандрит Михаило, Винавер¹⁵⁰, Пиштељи, Јовановић¹⁵¹ и 5 питомаца¹⁵². Оставио сам им 40.000 рубаља. Буџет за њихове плате 6.000 рубаља месечно. Консулат у Москви чува Бошњакковић. Подворје у Москви ослобођено, дао сам му позајмицу од 5.000 рубаља и допуштење да му се по потреби може позајмити још 5.000. Посланство у Петрограду чува Бранислав Јегер. У Петрограду остало 53 Срба, већином староседеоца. Посланство позајмilo од норвешког Посланства 20.000 рубаља. Због прекида односа са Норвешком и по савету отправника послова Норвешке дошао сам овамо. Покушаћу удесити са Црв[еним] Крстом Норвешке да се шаљу намирнице Србима у Петрограду. За ово биће потребна и ваша новчана помоћ. У Петрограду се умире од глади и зиме. Чекам ваше наредбе; служба захтева да останем у Фи[н]ландији до ослобођења Петрограда.

Фотије Станојевић

No. 462.

На полеђини: Пр. 27.ХИ [1]918. Штокхолм. П. Но. 6231. Г. Протићу. Здружити, ако има још што по овоме и реферисати с предлогом како поступити. 22.ХИ. [1]918.

Ст.

АС, МИД, ФИХ, ДУ, 1918, 451

121

Одговор председника владе Краљевине СХС С. Протића на интерпелацију народног посланика В. Кораћа због забране прослављања 1 маја. У одговору, изнетом на 26. редовном заседању Привременог народног представништва Краљевине СХС 27. маја 1919, објашњава се карактер бољшевичке идеологије

[...]

Председник д-р Драг[ољуб] Павловић¹⁵³: Реч има господин председник министарства.

Председник министарства Стојан Протић¹⁵⁴: Ова је интерпелација¹⁵⁵, господо, као што видите, упућена на мене као председника владе и на господина министра унутрашњих дела. Господин министар унутрашњих дела одговорит ће нам на питања и делове интерпелације који се тичу фактичног стања појединих момената, које је господин интерпелант овде изнео. Ја ћу у своме говору гледати да вам изнесем опште разлоге, који су руководили владу да предузме ову меру, која њој самој није била пријатна. Ми смо и до сада у Србији имали прослављивања 1. маја и допуштали смо га. Сада га нисмо допустили ни у Србији а ни у осталим деловима нашега краљевства сигурно стога, што је било нарочитих разлога за то. Ви, господо, знате, да се наша држава налази у ненормалним приликама као и свака друга. Ми смо ако не у ратном, а то у полуратном стању. То је већ један моменат, који на нашу одлуку мора утицати. Други је разлог господо, да се је догодио пре недавног времена у нашем судству један преврат државни, наиме у Мађарској, и то преврат такве природе, који је на површини истакао људе, који отворено кажу, да су присталице бољшевизма, да су другови г. Лењина и г. Троцкога¹⁵⁶. Тај догођај сам по себи морао нам је наложити нову опрезност, јер смо ми комшије, нас једна танка линија дели од њих. Али тамо није био само тај преврат, него су иза њега настале појаве и знаци, који очевидно показују тенденцију, да се из Мађарске пренесе на нашу земљу то исто семе, да се у наше краљевство пренесе тај бољшевизам,

који се био зацарио у Пешти и коме је прва тачка и први параграф закона био тај да сваког без суда суди, који се слепо не покори онима, који заседају на челу владе.

Ми смо господо, и у рукама имали дела агитатора из тог нашег комшилука, где се наши војници, наши грађани упућују на то, да овде стварају неред, или како они зову социјалну револуцију. Тражи се од наших војника, да бацају оружје и да иду кућама и каже им се, како је та идеја већ освојила цео свет и задобила победу на свим странама. Осим тога, ми смо и овде у Београду и на још другим тачкама нашег краљевства добили податке, који несумњиво утврђују, не ћу да кажем ништа више, него јасне тенденције, да се спреми једна манифестација, која се противи свим погодбама једног доброг реда у земљи. Представници тога т. зв. новог покрета бољшевистичког, нама су сасма отворено рекли, – а то ће вам још јаче и опширније потврдити господин министар унутрашњих дела, – што ће они тога дана да раде у Београду, какве ће узвике да шаљу публици, и што ће да препоручују народу. Ми смо их питали, господо, могу ли они нама јамчити, да ће та процесија ићи мирно и тихо, и могу ли се они одрећи таквих узвика, које ми допустити не смемо и не ћемо. Они нам те гаранције нису могли дати. Ми смо раније сваки пут, кад смо одобравали овакву прославу 1. маја увек тражили такве гаранције и споразумевали се с представницима радничког света о томе. Кад смо такав споразум постигли, ми смо онда прославу и допуштали. Кад ми, господо, немамо уверења или кад је наше поверење поколебано, да можемо 1. маја, данас у полуратном стању имати ред у земљи, кад ми страхујемо, да тога дана може бити нереда, а кад у исто време знамо, да се ми налазимо, не само у полуратном стању, него да се баш данас у Паризу решава наше народно питање¹⁵⁷, где имамо и таквих непријатеља, који сваки поремећај реда код нас хоће да употребе у своју корист, а против наше државе, ми смо, господо, морали да примимо на себе ту одговорност, да се пре замеримо и г. Кораћу и његовим пријатељима, него да изложимо државу ризику, па да тога дана имамо у земљи нереде, које може непријатељ употребити против нас. (*Одобравања.*) Тај наш народни непријатељ не само да би се користио каквим фактичним нередом, да га употреби против наше државе, него ми већ имамо опипљиве доказе, како он сваки дан у нашој земљи измишља нереде, па их употребљује против нас код необавештеног света, који је подаље од нас, па не може непосредно да зна, што је и како у нашој држави.

И кад је такво расположење код тог нашег непријатеља; да измишља нереде у нашој држави, ја како би тек употребио оне, који би се фактички догодили? То, господо, можете замислити и ви сами.

То су, господо, били општи разлози, који су руководили владу, да ову меру употреби за овај мах а која је мера, као што вам рекох, и за њу саму била непријатна, јер је она већ унапред могла знати шта ће на то рећи и г. Кораћ

и сви његови пријатељи. Било је, господо, доказа, да међу радништвом нашим има, као што је сасвим лојално признао и г. Кораћ, људи, који збиља нису добри или прави социјалисти, него су људи, како се оно сада зову, комунисти, бољшевици, и неznam каква све имена још имају. Господин Кораћ за препоруку нама, а за оправдање своје интерпелације каже да таквих елемената има, али да их је мало. Јесте, господо, они су, може бити, бројно мањи него други, али ти су елементи врло живахни, врло агилни, врло енергични; они су отели маха у социјалистичким редовима. (Гласови: *И у Русији их је било мало.*) Да, и тамо их је било мање и обично се каже, да мањина влада над већином а не бива обрнуто, да већина влада над мањином. Ми смо овде, господо, у Београду имали такво стање, да су баш ти нови елементи са таквим, по нашим схватањима, наopakим идејама преовладали и отели маха, па су они друге отерали с места на коме су били, и сами засели на та највиша места, узевши крму у своје руке.

Сам орган, господо, који у Београду излази и који заступа наше радништво и који се звао „Радничке Новине“¹⁵⁸, он се сам из основа променио: он се пре звао „Радничке Новине“, орган социјал-демократске странке, а сад се зове: орган социјалистичке радничке партије – комунистичке – да се не би што посумњало и да би се што јасније обележило, да то нису старе „Радничке Новине“ него нове „Радничке Новине“. Тај исти орган, господо, који се сада на жалбу наших другова из социјалистичке странке тако често забрањује, није, господо, био у почетку тако често и тако много забрањиван, и тек кад сам се ја лично уверио какве се идеје кроз „Радничке Новине“ протурају, проносе и проповедају, тек онда је са наше стране следовала наредба, да се оне строже и јаче цензуришу. Ја сам се сам лично уверио, како се ту проповеда нелегалан пут и како се сви они, који хоће легално да се боре за своје социјалистичке идеје у данашњем друштву, називају издајницима социјализма.

Ово, господо, што ја кажем то су факта и тек на основу ових факата следовале су наше одлуке. Ми смо, господо, ипак у извођењу наших мера трудили се да будемо колико је год могуће блажи и сад зато што смо ми сад н. пр. у Београду употребили најблаже мере према њима, г. Кораћ нас кори и каже: ако је легално оно што је рађено нисте их требали дирати, а ако је нелегално требали сте да их изведете пред суд. Међутим ми нисмо учинили ни једно ни друго. Ми смо учинили оно што ће и нама и њима најмање шкодити. (Смех.)

Сад ми, господо, допустите кад је већ г. Кораћ ушао у расправу тога питања, да ја неколико речи кажем о тим руским бољшевицима, и ако Вам морам одмах признати да немам свих потребних података и много материјала да би могао коначно своје мишљење о томе формулирати. Али ипак са онолико колико имам, ја мислим, да ћу моћи да Вам дам мало правилнију слику о томе него што је она коју Вам је дао г. Кораћ. Јесте, господо, у Русији се догодио

један заиста велики догађај који је налик на француску револуцију, али је ипак врло далеко од француске револуције, и то г. Кораћ може бити уверен, ако није сад уверен, сигурно ће се кроз кратко време уверити. Несрећа је и за нас и за наш народ, и за Русију и руски народ, као и за целу Европу, господо, што се тај велики догађај догодио у најстрашнијем рату који је досад Европа имала. То је ствар компликовало, то је ствар погоршало и за Русију и за све нас. (*Чује се: зато је крив царизам.*) И на то ћете добити одговор. Али правда захтева да кажемо, да је руски царизам нама помогао (*Чује се: тако је.*) Ми смо са свим били тако скромни, да оставимо Русима самим да своје унутарње ствари разправљају, а ми се у то нисмо никако мешали. Руски царизам, господо и руски аутократизам јесте једна нарочита, особена појава – социјална појава, зато је баш и руска револуција, и оно што се у Русији види један специјалитет. И сам руски социјализам баш зато што се на томе терену развио он је другачији од онога социјализма који се у другом свету развијао и за који други свет зна, па се само на томе терену и могао развити бољшевизам. Ово не можете да видите ни у теорији ни у пракси на другом месту осим у Русији, и у оним земљама које су на њеној периферији и које имају исту структуру социјалну коју имају и они. То је збиља један специјалитет, једна нарочита појава, господо, због чега она и не може имати ни утицаја, нити ће га имати као што је имала француска револуција у Француској, зато што се терен на коме је он постао разликује од базе и основа на коме се развија социјализам у другим земљама. Руски су социјалисте још 60-тих година створили теорију наслањајући се на њемачкога филозофа Хегла [тако!] како се поједини ступњеви развитка могу да прескоче, и они доказују свима, како су они прави преставници социјализма, и како ће они њих научити шта је социјализам и њима однети ново руско стање у западну Европу.

И они су створили ту теорију у социјализму, која у ствари није тако сасвим нова, то је стара јакобинска теорија, да за себе тражи диктатуру, само за себе, не признајући то никоме другоме, па су мислили да они диктаторским декретом, они могу да реше социјално питање. И ослањајући се на средину у којој су живели и у којој су радили и у којој су се развијали, они су изнели у тим декретима, збиља наказне идеје, којих нигде ни на каквом другом крају земљине кугле нема. Они су чак измислили социјализирање жена, изгледа да г. Кораћ у то не верује кад каже да је то баук. Није то баук.

Антон Кристан¹⁵⁹: Буржоазија то давно чини.

Стојан Протић (наставља): Треба да одете господине Кристане, у Русију па да видите, да ли је то буржоазија направила или Троцки. По мом дубоком уверењу, господо, руски бољшевизам то је карикатура социјализма и једино специјална појава у Русији, због тога не ће она никад ни имати оне последице, за које мисли, да ће их имати г. Кораћ.

Француска, господо, у 18. веку била је једна од најнапреднијих земаља, и према томе француска револуција имала је читаву чету енциклопедиста, а Русија, господо, далеко је и далеко да може да предњачи другим државама у Европи. И према томе она не може да предњачи ни на овоме пољу. *(Тако је).*

Тако стоји ствар господо, ја мислим да ће и сами господи другови Кораћа, као и он сам веровати, да ми ни из каквих других побуда овај корак нисмо узели, нити нам је до тога, да ми слободу у нашој земљи гњавимо и гушимо. Ми сви, што смо господо у влади, ко више, ко мање, целога свога века за то смо се борили, и нећемо никад казати да ми имамо сад ма каквих особитих разлога, да ми то наше веровање и наш рад изневеримо и да идемо другим путем. Али господо, имајући то велико бreme на својим леђима, да се бринемо и да се старамо докле имамо поверење ваше о реду, миру и будућности наше младе краљевине, која сад тек постаје, која се тек сад ствара, за коју још немамо крова над главом, пре свега, господо, мислим, да морамо бити веома опрезни, и да морамо и ту непријатну меру предузети само да постигнемо тај задатак, да очувамо мир и ред, да можемо сигурним кораком ићи даље к добру будућности наше државе.

Што се тиче бојазни, да ће ове мере, можда бити употребљене и код избора за уставотворну скупштину, ја држим, господо, да је за то сад и сувише рано говорити о томе. За то никаквога разлога нема, а надам се, да их не ће ни бити.

Кад се буду, господо, избори за уставотворну скупштину расписали, то ће бити време, када ћемо ми бити у сасвим другој политичкој и међународној ситуацији, него што је ова, у којој се сада налазимо.

То је, господо, што сам мислио, да вам дам на интерпелацију г. Кораћа, и да поводом његове прве речи кажем. *(Гласови: Живео и пљескање.)*

[...]

*Стенографске белешке ПНП Краљевства СХС,
св. II, Загреб 1920, стр. 692–694*

122

Телеграм секретара српског посланства у Петрограду Ј. Тадића (тада у Архангелску) српском МИД-у о томе да посланство 2. септембра 1919. полази за Београд

Архангелск. Пов. No. 43.
Etrangeres
Belgrade

Посланство сутра одлази одавде за Београд. Молим у будуће чинити саопштења овдашњим руским и савезн[ичким] властима преко команданта нашег батаљона.

[Јеврем] В. Т[адић]¹⁶⁰

На полеђини: Прим. 1.IX [19]19. Пов. No. 43. Евакуација Посланства.
Експ. 1.IX [19]19.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФI, p18/1919

123

Телеграм председника владе Краљевине СХС М. Веснића министру иностраних послова Краљевине СХС А. Трумбићу, којим се тражи да Трумбић не наставља разговоре са представницима Совјетске Русије

26.VIII [1]920.
Пов. Бр. 87(а).
Ехредован из Београда 26.VIII [19]20.
Примљено у Лондону 27.VIII [19]20.

За Министра Иностранних Дела
г. Трумбића¹⁶¹

Примио сам са благодарношћу ваш телеграм бр. 81. Министарски Савет данас решио умолити вас доћи одмах, најдаље до краја овог месеца.

Поводом ваших разговора са пуномоћницима Совјетске Русије, Влада вас моли не настављати их.

[Миленко Р.] Веснић¹⁶²
[Момчило А.] Нинчић

No. 279.

AJ, 334, ФI, 689

124

Телеграм министра иностраних послова Краљевине СХС А. Трумбића председнику владе Краљевине СХС М. Веснићу, којим јавља да разговоре са представницима Совјетске Русије није настављао и да ће се вратити у земљу чим буде позван

Лондон, 27.VIII 1920.

Etrangeres

Белграде

За Председника Владе

Примио сам Ваш телеграм број 279.

Како сам јавио под бр. 81. желим повратити се у Београд што пре. У питању јадранских лађа изгледа да савезничке Владе пристају да их поделимо ми и Талијани. С овима спремамо поделу коју ћемо у понедеоник моћи приказати Комисији за поморске ствари. Држим да је овде моја присутност потребна док се ово сврши. Ако Влада мисли да је мој повратак тако хитно потребан да треба напустити овај посао, молим јавити ми и кренућу се одмах. Чекам Ваш одговор. Са пуномоћницима Совјетске Русије нисам више разговарао.

[Анте] Трумбић

Бр. 87.

АЈ, 334, Ф1, 690

125

Програмски чланак „Комунистички атентати“, српског политичара и дипломате М. Спалајковића, објављен у гласилу Радикалне партије „Српска ријеч“, са циљем упознавања јавности са комунистичком идеологијом и праксом, као и ради политичке мобилизације против ње

Кад је био први атентат на Лењина, бољшевици су стрељали одмах хиљаду и пет стотина најугледнијих грађана – „буржуја“ – у Москви, да би застрашили становништво и једном за свагда пресекли даље покушаје. Кад су, 29. јуна о.г. у Београду, комунисти извршили атентат на Престолонаследника Александра, Народна Скупштина је издала властима само тројицу њихових посланика, директно умешаних у то дело. „Крајње је време да се грађанске странке, и код нас и на страни, угледају на комунисте, и да прибегну њиховим методама у за-

штити своје и државне безбедности. Наше или њихове главе! Тако се сад поставља проблем, који су нам они сами наметнули, проповедајући стално о безобзирној класној борби као о основној догми комунистичког јеванђеља“. Ти се гласови све јаче чују у круговима озлојеђеног грађанства.

Бранећи се ономад, у Народној Скупштини, комунистички лидери (Качлеровић, Пилиповић и други), истицали су нарочито два момента као доказ комунистичке „исправности“ у политичкој борби. Прво, они су наводили да они никад нису убијали владаоце, и друго, да они нису никад прибегавали бомбама, атентатима и, у опште, анархистичким методама.

На прво тврђење одговоримо им само тиме, што ћемо их потсетити на зверско убиство руског цара Николе II, његове жене, његових четири кћери и његовог синчића, које су извршили бољшевици 16. јула 1918. г. у Екатеринбургу. У исто време и на још гори начин, они су побили, у Алопајевску, кнеза Јована Константиновића, супруга Кнегиње Јелене, и његову браћу, а у Петрограду друге чланове царске породице.

Поводом другог тврђења, указаћемо на извесна најновија факта, из којих се види, да је бољшевизам или комунизам – као што се логично могло и очекивати – еволуисао у прави анархизам, како у погледу циљева тако и у погледу метода.

После потпуног и политичког и економског банкротства у Русији, извршни комитет треће интернационале у Москви одлучио је, у последње време, да употреби сва, али апсолутно сва средства, којима се могу најбрже створити потреси у осталим европским државама и изазвати, вештачким путем, покрет који би могао до јесени довести до опште социјалне револуције. Ради тога је, за последња два месеца, из Русије разаслано преко пет хиљада агената, снабдених средствима и упутствима за пропаганду у новом, анархистичком, духу. Они су се размилели по свима европским главним центрима, где имају да дејствују на патолошке елементе становништва и, помоћу њих и њихових злочина, да застраше буржоазију и ослабе њен отпор. Овај последњи психолошки моменат увек је играо велику улогу у свима бољшевичким заверама и превратима. Тако су бољшевици радили за време руске револуције, тако раде и сад. Своје успехе дугују само својој бескрајној дрскости, а нимало својим доктринама ни победи својих идеја. Они сматрају да је буржоазија трула, кукавичка и неотпорна. То је њихова прва полазачка тачка. Руска буржоазија их је у том уверењу само још више учврстила.

Као што рекосмо, листа бољшевичких агената је, у иностранству, велика. Централа њихове пропаганде налази се у Берлину. Извештаји се шаљу преко Штетина и Нарве. Бољшевички посланик у Берлину, Виктор Коп, стоји на челу шпијунске службе. Курирска служба врши се већином преко Јевреја. Друге важне централе бољшевичког делања су Штетин, Праг, Беч, Рига и Ковно.

По наредби Лењина, израђен је у Москви један општи план за ликвидирање контрареволуционарних предузећа у иностранству и за уништење сваке

могућности једне буржоаске организације или мере, наперене против комунизма (као, на пр. Фашисти у Италији, Обзнана код нас, и т.д.). Тај план израдили су „другови“ Держински¹⁶³ и Зиновјев (Апфелбаум)¹⁶⁴ и као „строго поверљив циркулар“, разаслали свима секцијама треће интернационале и њиховим одговорним представницима, у иностранству. Из садржине тога циркулара поменућемо ове две тачке: организација једног систематског терора против најистакнутијих личности и пропаганда код омладинских, шпортских и гимнастичких друштава у земљама, које се граниче Русијом, у намери да се придобију за бољшевичке авангарде.

Ових се дана на више места обелоданила комунистичка акција, у исто време и у разним облицима, на северу, западу и југу Европе, све по директиви главнога штаба у Москви. Крајем прошлога месеца откривена је велика бољшевичка завера у Штокхолму, која је имала за задатак да изведе преврат у скандинавским краљевинама, да изврши низ атентата на државне управљаче и политичке личности и изазове социјалну револуцију у Шведској, Норвешкој и Данској. Резултати истраге показали су, да је завера у Штокхолму била само један огранак велике бољшевичке пропагандистичке лиге, са седиштем у Москви. У завери су компромитовани многи, а главни кривци су похватани и затворени. Код њих су нађени списи и упутства, подељени у три категорије: ратно извиђање, шпијунска служба и средства. Шведски листови саопштавају, да су огромни злочини били на прагу извршења у Шведској, и да их је ова завера открила. У Норвешкој је такође ових дана био приређен велики штрајк, по налогу из Москве, као главна проба за револуцију која је спремана за јесен. То је утврђено истрагом у Штокхолму.

И док се ово догађа на северу Европе, на западу комунистичка терористичка организација није такође седела скрштених руку. По налогу бољшевичке централе за атентате, извршен је покушај на жељезничкој прузи Париз-Орлеан саботирањем пруге на дужини од седамнаест километара.

За овим је дошао и атентат у Београду¹⁶⁵, чији ће се прави значај разумети само ако се доведе у везу са комунистичком акцијом у другим деловима Европе. По своме пореклу, тај атентат није локалне ни националне већ интернационалне природе. Ко су ти људи, који су га инспирисали и припремили? Дегенерисани типови, апаши и разбојници, који су свршили и нижи в[ојно] ш[колски] курс комунизма на самом врелу – у Русији. Они су опљачкали српско Посланство у Петрограду, српски Консулат и српско Подворје у Москви. Они су починили и масу других злочина од почетка руске револуције па све до краја свога бављења у Русији. Они су бунили војнике у нашем добровољачком корпусу, наговарали их на дезертерство и одвраћали их да иду на Солунски Фронт. Таква је прошлост комунистичких представника у нашем Парламенту – Чопића¹⁶⁶, Ковачевића¹⁶⁷ и других. Она је позната свима Србима, који су у то време били

у Русији и који их знају лично. Она је нарочито позната оним полу-бољшевицима који су се заједно са њима вратили из Русије и који су нашли заклона у државној служби, одакле, као иза бусије, путем усмене или писмене пропаганде, мучки туку државу и њене представнике у леђа. Тај су занат они научили, док су били у Русији, као чланови бољшевичког одсека за штампу и пропаганду.

* * *

Приликом дебате о издавању окривљених комунистичких посланика, ја сам хтео изнети у Парламенту све горње податке, али на жалост, за то није било времена. Саопштавајући их овде, држим да треба нарочито нагласити потребу за међународну организацију борбе против бољшевичке терористичке акције. Ради тога је неопходан споразум међу државама, као некад против анархиста, кад је за успешну борбу против њих, била склопљена и нарочита међународна конвенција.

Али, на првом месту, треба само становноштво, или бар његови најздравији и најсвеснији делови, да указују најактивнију помоћ држави и државним властима у сузбијању комунистичког зла. У Енглеској, а тако исто и у Америци, радничка странке одбиле су, готово једногласно, спајање са комунистичким фракцијама, јер их сматрају као најопасније непријатеље радника због њиховог разорног програма и терористичког делања. Талијани и Немци иду још и даље. На терор одговарају терором, а са комунистима и њиховим представницима расправљају се непосредно, као у парламентима тако и по улицама. У том погледу нарочито су Немци без обзира и без милости. За Немачку се може слободно рећи, да је постала земља политичких убистава, којих је, од 1918. до 1921, почињено тамо око шест стотина, већих и мањих (Либкнехт, Роза Луксенбург, Хуго Хазе, Курт Ајснер, и т.д.)¹⁶⁸. Кад је, у мају 1919, угушена друга револуција у Минхену, више од пет стотина комуниста било је одмах стрељано, а виртембершки војници стрељали су 53 руска бољшевика. Пре месец дана у Минхену је убијен комунистички вођ и посланик у немачком парламенту, Гарајс. Истрага се води, али без резултата; изгледа да је то убиство извршено од стране грађанских кругова, као излив гњева против превратних планова комуниста.

Сви ти примери, и ако не могу да послуже за углед, ипак показују докле су велики просвећени народи спремни да иду против комунистичке опасности. Борба није више идејна, него физичка. Она је разумном и радном грађанству наметнута комунистичким тероризмом. Бољшевици и њихове методе у Русији отворили су очи осталој Европи, која још није престала да мисли и да се брани.

Српска ријеч. Радикални лист, бр. 145, год. XVII, Сарајево,
21. јула 1921, стр. 1

AJ, 63-0A, Ф74, 144, 1920

Глава 3. УСПОСТАВЉАЊЕ ОДНОСА СА ЦАРИСТИЧКОМ ВЛА- ДОМ У СИБИРУ

126

*Акт српског министра војног, генерала М. Рашића, упућен
заступнику министра иностраних послова С. Протићу, у вези
са статусом и местом боравка руског војног агента при српској
Врховној команди генерала В.А. Артамонова*

Министарство Војно
Опште Војно Одељење
Пов. ФАО. Бр. 19343.

Господине Министре,

Начелник Штаба Врховне Команде са О. Бр. 26598 од 6. јула текуће године доставио ми је следеће:

„Генерал г. Артаманов¹⁶⁹ [тако!], руски војни агент, отишао је пре дужег времена на одсуство у Француску и сада жели да се врати у Солун, на своју дужност при Врховној Команди. Међутим, из једне депеше коју је Делегат Министра Иностранних Дела при Врховној Команди добио од Посланства у Паризу, види се да француске власти не допуштају генералу Артаманову да се врати у Солун. Он је преко Посланства у Паризу молио, да Врховна Команда поради код Главне Команде Савезничких Војсака у Солуну, да му се дозволи повратак у Солун преко Италије.

У том циљу Врховна Команда је учинила представку генералу Франше д'Епере, који ми је данас са Но. 10531/2 одговорио следеће:

”У одговору на ваше писмо О. Бр. 26443 од 22. јуна т.г., част ми је извести вас да услед садашњих прилика није могуће примити једног руског генерала на Солунски фронт.

Жалим што не могу учинити по вашој жељи односно генерала Артаманова“.

Из усменог обавештења у штабу генерала Франше д'Епере¹⁷⁰ види се, да они не желе да се генерал Артаманов враћа у Солун, наговештавајући да су у свима савезничким земљама, руски војни делегати повучени са фронта и да се налазе у Престоницама.

Достављајући вам ово до знања, имам част умолити вас, да се одреди положај генерала Артаманова, с обзиром на садање прилике у Русији.

Моје је мишљење, да неби требало инсистирати за његов повратак у Солун, већ би се дипломатским путем могло радити да се он врати на Крф, где су и остали чланови руског посланства.

Овом приликом част ми је обавестити вас, да је Ђенерал Артманов при поласку оставио свога помоћника капетана Шуберта, да га заступа у дужности. Према томе, треба и његов положај регулисати“.

Достављајући предње част ми је молити, да се по предњој преставци Начелника Штаба Врховне Команде, са којом се и ја слажем, донесе потребно решење и о томе будем и ја извештен.

Изволите Господине Министре, примити и овом приликом уверење мога особитог поштовања.

18. јула 1918. године
Крф

Министар Војни,
Ђенерал, М[ихаило] Рашић

На полеђини: 20.VII [19]18. М[инистар]ство Војно. Да се регулише положај Генерала Артаманова и капетана Шуберта.

Министарство Иностраних Дела.
Политичко Одељење.
Пов. Бр. 3036, В. Бр. 3141.
За Министарску Седницу
Саопштено у Мин[истарској]
Седници 22.VII.

Решено: Да се о овоме обавести г. Пашић и да је влада мишљења да Артаманов дође на Крф, ако он – Г. Пашић – нема ништа против тога.

Мих[аило] Гавр[иловић]¹⁷¹

Ђенерал Артаманов жели да се са одсуства из Француске врати у Солун код наше Врх[овне] Команде. Француске власти то не допуштају, он моли да ми порадимо да му се дозволи повратак у Солун преко Италије. Наша Врх[овна] Команда учинила преставку Команданту источне војске. Но и овај то одбио.

Мишљење Ђенерала Хаџића да не треба инсистирати на повратку Артаманова у Солун већ му издејствовати долазак Крф где су и остали чланови Посланства. Артаманов оставио био за свог замењеника [тако!] капетан Шуберта чији положај треба исто тако регулисати.

Министарски Савет је мишљења да Артаманов дође [на] Крф ако Ви немате ништа против тога.

Моли за Ваше мишљење Марковић

[Стојан М.] Протић

22.VII

Екс. 23.VII

Г. Антићу, шиф[ровано]

Consulat Serbe

pour S.E. Mons[ieur] Pachitch Ministre President, Nice.

АС, МИД, ПО, 1918, ФЦ, ДШ, 262

127

Телеграм српског председника владе Н. Пашића из Француске српском МИД-у, којим се саглашава са решењем српске владе у вези са статусом и местом боравка руског војног представника при српској Врховној команди, генерала В.А. Артамонова

Министарство Иностраних Дела

Политичко одељење

26.VII 1918.

Крф

Отправљен из Еза, 24.VII у 9 сати 35 мин.

Примљен у Крфу, 26.VII у 17 сати _ мин. после подне

У одговору на ваш телеграм Бр. 3036. Слажем се са мишљењем Министарског Савета да Арт[а]манов дође [на] Крф.

[Никола П.] Пашић

Но. 16.

На полеђини: Ез. 27.VII [1]918. Артаманов П. Но. 3141, В. 3036. Известити кога треба о доласку и претходно сојузити. Ј.

Прочитано у Мин[истарској] Седници 31.VII 1918. Као горе.

АС, МИД, ПО, 1918, ФЦ, ДШ, 270

128

Телеграм српског МИД-а српском посланству у Паризу којим их обавештавају да је руски отп[равник] послова на Крфу сагласан да руски војни представник при српској Врховној команди, генерал В.А. Артаманов, дође у руско посланство

Legation Serbe
Paris
Артаманов

Шуберт. С обзиром на садање време Отпр[авник] Послова мисли да би војни аташе требао бити овде.

На полеђини: 22.VIII [19]18.
Генерал Артаманов
П. No. 3464. В. 3141, 3036.
Г. В. К.

Да ли има шта у политич[ком] одељењу о Артаманову?

19.VIII J.

1. Известити актом М[инистар]ство војно – у вези са ФАО бр. 19343 да је М[инистар]ски савет мишљења да Артаманов дође [на] Крф.

2. Паризу да је Влада мишљења да генерал Артаманов дође [на] Крф пошто му је немогућно ићи [у] Солун из познатих разлога и руски Отпр[авник] Послова моли да се саопшти Артаманову да он налази да генерал треба да је при П[ослан]ству у садашњ[им] приликама где му је и архива коју је донео Шуберт.

Експед. 22.VIII [19]18.

АС, МИД, ПО, 1918, ФП, ДП, 280

Глава 4. ПОНОВНО УСПОСТАВЉАЊЕ ОДНОСА ЈУГОСЛАВИЈЕ И СССР-а

129

*Одломци из књиге „СССР“, српског новинара В. Драговића, посвећени
обнови политичких односа СССР и Југославије током 1940. године*

[...]

За илустровање једнодушност у гледању на потребу обнове односа са СССР, а и као доказ да та једнодушност не варира кроз године и деценије, веома је карактеристичан говор којим се др. Милан Гавриловић¹⁷² пред београдском Саборном црквом (крајем јуна 1939) опростио с дотадашњом земљорадничким шефом, покојним Јованом Јовановићем¹⁷³. Над ковчегом с телом Јована Јовановића његов следбеник на челу земљорадничког покрета изнео је своје и своје странке гледиште које, углавном, овако изгледа:

„Наш народ није питао године 1914, какав је режим у Русији. Није питао да ли је у Русији режим демократски или какав други, него хоће ли велика Русија да помогне малу, далеку сестру Србију. И када је пала реч, одлучна реч цара Николаја, свако срце, овде, у Србији, – ми то добро памтимо, – задрхтало је вером у победу своје праведне ствари и благодарношћу према руском народу. Нису онда наши људи који су водили земљу, није велики краљ Петар, није велики Никола Пашић, није Љуба Давидовић¹⁷⁴, нису се ти људи који су значили Србију питали, тада, који режим влада у Русији. А ја питам, данас, који је тај државник, који би смео, ако треба, да одбије помоћ Русије због тога што тамо влада режим који се њему не свиђа? И Јоца Јовановић, са целим овим народом, идући увек за здравим инстинктом свога народа у чијој је души дубоко укорено поштовање према Русији, веровао је у Русију и ту веру пренео је на све нас; управо је био глас, одјек народне душе...“

На становиште странака и страначких првака не утиче, видимо, чињеница да ли су у опозицији или у влади када је реч о потреби васпостављања односа са великом Северном Републиком. Могло би се рећи, не излажући се опасности да то тврђење каснији догађаји демантују, да питање обнове односа са Совјетском Русијом није никада експлоатисано у ситне партијске сврхе. У једној земљи где су темпераменти прилично бујни, то је довољан доказ са колико се озбиљности, а и поштовања, томе питању приступа.

Велика српска опозициона странка – демократска – исто тако је имала свој јасно одређен став према питању редовних односа са Совјетском Русијом. Пре неколико година већ, њен шеф и творац Љубомир Давидовић, својим гласом

који је уживао неспоран ауторитет, јавно је констатовао да необнављање односа са Совјетском Русијом представља једну аномалију. А демократски говорници у народу, у небројено прилика, тражили су, као веома хитно, поновно ступање у односе, редовне и пријатељске, са Совјетском Русијом.

Нови шеф демократске странке Милан Грол¹⁷⁵, неколико дана по одласку југословенског изасланства у Москву, у шумадиском органу своје странке (који излази у Крагујевцу), на прво место проблема наше данашњице ставља обнову веза са Совјетском Русијом. Улазећи у оцену поступка владе (одашиљања преговарача у Москву) Милан Грол каже:

„...Оно што се може рећи, то је, да је тај акт као манифестација имао добар одјек у земљи и споља. У најмању руку, споља, он наглашава један интерес који, укрштањем интереса три велике силе у правцу Балкана, Балкану повећава изгледе мира. Повећава, али, наивно би било рећи, — обезбеђује. Па и када се тај оптимизам сведе на праву меру, он је народу у Југославији ободрио осећања. Од тога оптимизма, доле, у народу обхрваном бригама, не може бити штете...”

[...]

У влади Цветковић-Мачек¹⁷⁶ питање васпостављања односа са Совјетском Русијом на дневном је реду већ неколико месеци. На дневном је реду у свој хитности.

Министар иностраних послова Александар Цинцар-Марковић¹⁷⁷ реализовао је оно што његови претходници нису урадили: упутио је односе Југославије и Совјетске Русије ка једном нормалном, природном решењу.

Нема сумње да би одвећ рано било улазити у појединости које су претходиле одашиљању наше делегације у Москву. Било би, вероватно, и нецелисходно. Од важности је да су напори око уређења односа са Совјетском Русијом довели већ до једног конкретног, позитивног и озбиљног резултата.

Ти напори држани су у највећој дискрецији, у најужем кругу сарадника на овом крупном послу. Тако да је званична вест о постигнутој сагласности с владом Совјетске Русије о отпочињању трговинских преговора (17. априла) изазвала у јавности стварно изненађење. Изненађење изванредно повољно.

Кратки текст коминикеа који је цела штампа објавила и који репродукује мо као историски докуменат, гласио је: „Београд, 17. априла. Краљевска влада постигла је споразум са владом Савеза Совјетских Република да се поведу преговори о стварању привредних веза између две земље. У том циљу имао би се закључити један трговински споразум, као и споразум о плаћању. Преговори ће се водити у Москви, где ће ускоро отпутовати југословенска делегација, којој ће на челу бити г. д-р Милорад Ђорђевић, бивши министар финансија. Три дана касније (20. марта) југословенска делегација отпутовала је у Москву у следећем саставу: д-р Милорад Ђорђевић, бивши министар финансија

и председник Београдске Задруге, д-р Сава Обрадовић, помоћник министра трговине и индустрије, д-р Љубиша Микић, вицегувернер Народне Банке, д-р Рудолф Бићанић, директор Дирекције за спољну трговину, Иван Авсенек, индустријалац и члан извршног одбора Народне Банке и Владислав Марковић, саветник Министарства иностраних дела, а као секретар д-р Драго Залар, писар Министарства Иностранних дела“.

Одјек у југословенској јавности био је најповољнији.

Штампа је указала, између осталог, на саопштење московске агенције ТАСС, да су претходни преговори вођени преко Анкаре, још од марта месеца и да ће одлазак ове делегације имати, ускоро, и политичких последица, при чему се, на сваки начин, мислило на васпостављање редовних дипломатских односа између Совјетске Русије и Југославије.

[...]

Повољан одзив совјетско-југословенског зближења у нашој јавности предмет је којим се баве и совјетски листови и друга инострана штампа. Међутим вестима од најинтересантнијих су коментари турске штампе која налази да је обнова директних веза између Југославије и СССР један од најважнијих услова за одржање мира на Балкану; држи се такође да обнова односа између две словенске земље може имати — и опсежнији значај него што је мир на Балкану!

Тако стање ствари изгледа маја 1940.

По завршетку штампања ове књиге московска радио-станица објавила је широм света следећа два званична саопштења:

„Москва, 12 маја. Агенција ТАСС јавља: Једанаестог маја 1940. године у Москви између Совјетског Савеза и Југославије потписан је уговор о трговини и морепловству, протокол за њега о трговинском представништву Совјетског Савеза у Југославији и о привременој трговинској делегацији Југославије у Совјетском Савезу и споразум о размени робе и начину плаћања за 1940–1941. годину. Општа размена робе између Совјетског Савеза и Југославије у 1940–1941. години на основу споразумна о робном промету и начину плаћања предвиђа се у вредности од 176 милиона динара. Совјетски Савез намерава извозити из Југославије бакар, концентрате оловне и цинкове, руде, свињску маст и другу робу и лиферовати Југославији пољопривредне и друге машине, петролеј, памук и другу робу. Са совјетске стране поменути уговор је потписао народни комесар за спољну трговину Совјетског Савеза Микојан, а од стране Југославије бивши министар финансија г. Ђорђевић и заменик министра трговине и индустрије г. Обрадовић“.

„Москва, 12 маја. ТАСС јавља: Преговори који су вођени завршени су са успехом и брзо, благодарећи обостраном разумевању. За време свог боравка југословенској делегацији приређен је свуда срдачан пријем“.

Вук Драговић¹⁷⁸, СССР.

Савез Совјетских Социјалистичких Република,

Београд; Нолит, 1940, стр. 121–123, 125–126, 129–130

130

Инструкција министра иностраних послова Југославије А. Цинцар-Марковића посланику И. Шуменковићу о згради бившег руског посланства у Београду

Министарство Иностранних Послова
Краљевине Југославије
Стр. Пов. Бр. 1842.
Предмет: Питање зграде бившег руског
Посланства у Београду.

Г-ну д-ру Илији Шуменковићу¹⁷⁹,
Краљевском Амбасадору,
Анкара
Београд, 8. јуна 1940. г.

Господине Амбасадоре,

Приликом преговора у Москви са совјетске стране било је покренуто и уређење питања зграде бившег руског Посланства у Београду. Са совјетске стране пристали су да се решење овог питања одложи, али су изјавили жељу да то питање буде регулисано пре доласка њиховог трговинског изасланика у Београд.

Кад је г. Лаврантијев¹⁸⁰ био овде, питали смо га да ли жели да разговарамо и по том питању. Међутим, он нам је изјавио да нема за то никакве инструкције ни овлашћење.

Молим Вас изложите ово г. Терентијеву и молите га да код своје владе види са ким ћемо ово питање регулисати.

Ради Ваше личне информације, а о том можете обавестити и г. Терентијева, излажем Вам наше следеће гледиште на питање зграде бившег руског Посланства у Београду:

Као што Вам је познато, то имање се простире између улице Краља Милана и улице Краљице Наталије. На имању, и са улице Краља Милана налази се стара зграда бившег руског Посланства, у којој је до сад била смештена делегација за заштиту интереса руске емиграције, којој је на челу био г. Штрандтман¹⁸¹. По налогу Министарства ова зграда ће ових дана бити испражњена и Министарство нема ништа против да она пређе у руке представника совјетске владе који буде дошао у Београд.

Међутим, зграде које постоје у таквом су стању да нису више за смештај једног представништва.

На једном делу имања са улице Краљице Наталије подигнут је пре десет година Дом руске културе, који је посвећен успоми бившег цара Николе. Дом је подигао руски културни Одбор, коме је наша држава пружила потребна средства. Између руског културног Одбора и Делегације за заштиту интереса руске емиграције, која се сматрала као наследник бившег руског Посланства, закључен је уговор о закупу имања на ком је овај Дом подигнут.

С обзиром на све те околности, сматрали смо да треба повести преговоре са совјетском владом и покушати придобити је за неко друго решење овог питања, а наиме да ово имање, на ком совјетска влада тешко да би могла подићи пристојну зграду за Посланство, пошто је имање врло стрмог пада, а налази се у центру града у једној доста стешњеној и живој улици, откупи Општина или држава, а да се совјетској влади уступи један други терен, који би био подеснији за подизање зграде Посланства. Евентуалне разлике у процени имања држава би била готова да надокнади, као и евентуално да се обавезе да сама подигне зграду Посланства.

Уколико са совјетске стране не би пристали на ово решење, можда би се питање могло решити на тај начин што би се терен, на ком се налази Дом руске културе, одвојио од осталог, с тим да Дом пређе у руке или наше Општине или наше државе, дајући му другу намену од оне коју данас има.

Ако совјетска влада не би пристала ни на ово решење, које ми предлагемо у сасвим пријатељској форми, не би друго остало него да јој се преда цео терен, а да се грађевине, које је наша држава подигла на једном делу терена, пренесу на друго место.

Изволите примити, Господине Амбасадоре, уверење о мом особитом поштовању.

Министар Иностраних Послова
[Александар] Цинцар Марковић

АЈ, Посланство у Турској, д. 4, 648–649

Телеграм посланика И. Шуменковића министру иностраних послова Југославије А. Цинцар-Марковићу о резултатима преговора са совјетском страном о проналажењу локације за смештај совјетског посланства у Београду

Анкара, 20.VI 1940.

Пов. Бр. 1051.

Београд Етранжер

Молим да дешифрује лично шеф шифре.

У вези вашег телеграма стр. Пов. Бр. 1850. и писма 1842.

Терентијев ме је данас обавестио, да му је Молотов¹⁸² наложио учинити ми следеће саопштење за југословенску владу:

1. Совјетска влада прима предлог југословенске владе за установу дипломатских односа из међу Уније Совјетских социјалистичких република и Југославије.

2. Совјетска влада назначује као свога пуномоћног министра у Југославији Виктора Андрејевића Плотникова¹⁸³, садашњег пуномоћног министра у Норвешкој. Плотников се овог момента налази у Москви и може одмах доћи у Београд.

3. Совјетска влада прима предлог југословенске владе да јој се за терен на коме се сада налази старо руско посланство уступи у другом крају подеснији терен под условом потпуне материјалне накнаде евентуалне разлике у процени имања, као и да јој југословенска влада укаже помоћ приликом подизања нове зграде посланства.

4. У исто време Совјетска влада моли Југословенску владу да јој моментално стави на расположење зграду где би се могло сместити совјетско посланство пошто оно не може становати у хотелу.

5. Питање лиферовања ратног материјала може се размотрити и решити кад совјетско посланство стигне у Београду.

Терентијев моли што бржи пристанак југословенске владе на тачку 2 и 4 и дефинитивну конфирмацију по осталим тачкама.

Шуменковић

[Белешка – 1051. Телефоном у 14.45. 20. јуна]

АЈ, Посланство у Турској, д. 34, 658

Глава 1.
ШКОЛОВАЊЕ СРБА У РУСИЈИ ДО КРАЈА
ГРАЂАНСКОГ РАТА

132

Извештај српског конзула у Одеси М. Цемовића српском МИД-у о положају деце српских избеглица у Русији и проблемима са њиховим смештајем, издржавањем и школовањем

Извештај о избеглој деци у Русији
Србское Королевское Консулство
No. 1104.
Одеса

Краљ[евском] Срп[ском]
Министарству Иностр[аних] Дела
Крф

15. августа 1917. г.

746

Деца наших избеглица смештена су у три пансионата: два у Одеси и један у Јелисаветграду. Свега је смештено у Јелисаветградском пансионату мушке и женске деце 145, у два одсека 196. У Јелисаветграду код својих родитеља има око 180 дечице, коју би требало такође сместити у пансионате.

Са издржавањем ствар стоји овако. Прву партију деце, њих 176 упутио је био из Турн-Северина у Одесу адмирал Веселкин. Користећи се благовољењем бившега Цара, он је био наредио преко Министарства Народне просвете Попечитељству у Одесу да децу смести у руским азилима. Брига о деци била је поверена Инспектору Попечитељства Знајку. Овај на првој седници српскога Комитета под председништвом адмирала Акимова изнео је свој предлог, да се деца тако разместе по азилима како би се коначно русифицирала. Мотив: не треба ништа трошити на балканске „братушке“. Он, његова жена и његова рођака економка одмах су почели да експлоатишу материјално децу, која су била привремено смештена у једном санаторијуму ван Одесе.

Консулат штитећи децу, морао је стати овоме на пут. Ја сам се обратио попечитељу округа с изјавом, да ћу одмах децу преместити у касарну српских добровољаца и лично се обратити цару за заштиту српске деце. Пошто сам имао телеграфски одговор Царев на поздрав мој у име деце и ње-

гову изричну жељу, да Русија има да замени деци многострадалну Србију моја претња подејствовала је. Одмах је био образован одбор под председништвом Попечитеља Соковнина у који сам и ја ушао. Ја сам захтевао, да српске учитељице и учитељи остану у пансионатима и пролазе с децом курс наше основне школе; и да наши учитељице остану под влашћу и надзором Консулата, да Попечитељ води рачуна о руском наставничком особљу и да се образује нарочити Одбор који ће водити контролу над Знајко и његовом женом. Ово је било усвојено и доцније Знајко и његова жена, за које говоре да су Бугари, били су устрањени, а за попечитељицу била је изабрана жена попечитеља Соковнина. Он и она показали су много добре воље и љубави према деци и пансионати су били доведени потпуно у ред.

По замисли адмирала Веселкина издржавање деце требало је да падне на терет Татијанскога Комитета, али суме које је давао Комитет нису биле довољне и морало се прибећи добровољним прилозима и њих је било у довољној мери. Пошто је бивши министар просвете гроф Игњатијев у вези с једним мојим телеграмом, био известио Соковнина, да треба сву српску децу сместити и да ће Министарство Просвете наћи потребна средства, ја сам молио Соковнина да и у Јелисаветграду отвори мушки и женски пансионат на истим начелима као и у Одеси. Кад је овај ради тога прошле јесени отишао у Јелисаветградски руски Комитет [...] ¹⁸⁴ у Јелисаветграду, Комитет убедио га је, да они имају све што им треба да отворе српске пансионате тамо. У ствари ово је била једна превара. Ова превара имала је два инспиратора: примиритељног судију Журовског, који је хтео из нечистих побуда да дограби пансионат у своје руке и Ђорђа Ђорђевића, наставника московске духовне семинарије, који је, уздајући се на Веселкина, хтео да отвори себи какав посао.

Пошто је руски јелисаветградски Комитет њима веровао и пошто Попечитељ Соковнин никако није хтео да долази у сукоб са јелисаветградским одбором, ја закључим исти споразум с одбором као са одбором у Одеси и назначим наше учитеље и учитељице за пансионат. Кад су Журовски и Ђорђевић одпочели борбу против нашега избегличког одбора, огласили су да пансионат нема никакве везе ни с Консулатом ни с Посланством већ да је то „одборски пансионат“.

Треба имати на уму, да јелисаветградски комитет није ни изборан ни добровољан и да ниједан грош није скупио ни за избеглице ни за децу. То су одборници који су по своме службеном положају морали ући у организацију Татијанскога Комитета. Осим избегличке дневнице коју деца добивају (50 копејака дневно) до сад су расходи овога пансионата покривани прилозима који су добијани преко принцезе Јелене, Посланства, Консулата и других установа.

Сада, 15. августа, неодређено је. Попечитељ Соковнин смењен је и његову дужност привремено испуњава онај исти Знајко. Услед тога што одбор функционише он није могао узети пансионат у своје руке, али је како ми јавља

госпођа Соковнина, предузео мере да се зграде где су деца смештена реквизирују за румунске болнице – и оне су реквизиране. Ја сам предузео мере да деца остану у истим зградама и питање још није решено. Исто тако није решено питање о даљем издржавању пансионата, али су у Петрограду предузете мере и надам се да ћемо добити све што нам треба.

Консул,
М[арко] П. Цемовић

На полеђини: Министарство Иностраних Дела. Политичко одељење. Примљено 4.V 1917. Пов. No. 3252. Консулат Одеса. Извештај о пансионатима за децу у Одеси и Јелисаветграду.

Министарству Просвете и Црквених Послова
Крф

Министарству Иностраних Дела је част послати томе Министарству предњи извештај г. Консула Марка Цемовића, с молбом за даљи надлежан поступак.

По наредби Министра вд. Начелника Админ[истративног] од[елења]

Генерални Консул, Јован Ј. Вуковић

П. Бр. 7106, 6.XI 1917.

Узети податке за статистику, па да чека повратак г. Министра. 9.XI 1917.

Узео податке К. Урошевић

Н[икола] П. П[ашић]

АС, МПС, Ф5, р5, 1917

133

Телеграм српског министра иностраних послова Н. Пашића којим овлашћује српског конзула у Одеси М. Шајновића да води бригу о српским избеглицама у Русији и школи за њихову децу

Ш[ифровани] Телеграм

Са Крфа, 8.II 1918.

Петроград, 11.II [1918.]

Овлашћујем [Милана] Шајновића да води бригу о избеглицама и школи. Молим известите њега.

[Никола П.] Пашић

Бр. 595.

На полеђини: Пр. 11. фебруара 1918.
Наше избеглице у Русији Пов. Бр. 185.
Шајновићу
Одеса

Добио следећи телеграм[:] Овлашћујем Шајновића да води бригу о избеглицама и школи. Молим известите га. Но. 595. Пашић. Тражите од Цемовића рачуне о сумама које досад добио са Крфа. Но. 185.

[Никола П.] Пашић

12.П [19]18.

Г. Шајновићу. Одеса. Поновљена му садржина телеграма писмом. 12.П 1918.

[Никола П.] Пашић

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФІ, р26/1918

134

Писмо Средишњег одбора Уједињене Југословенске омладине у изгнанству упућено српској влади у вези положаја југословенских студената у Русији током рата

Средишњи Одбор „Југ[ословенске]
Омладине“
Бр. 30.

Краљевско Српској Влади,
Крф

Знајући, да је Руска револуција затекла на руским универзитетима многе наше студенте, ми смо се обратили Г. Станоју Станојевићу, професору београд[ског] Универзитета с питањем, у каквом се материјалном стању налазе ти наши другови, чији је живот после толико покошених, тако потребан будућности нашег народа.

„Живот је (у Русији) тако скуп и тако ничега нема, да ће наши студенти буквално поумирати од глади и зиме. Још, кад сам ја тамо био, неки су се наши студенти јављали за стражаре, неки за кондуктере, а неки за рад у фабрикама...“ Ово су речи Г. Станојевића¹⁸⁵.

Средишњи Управни Одбор „Уједињене Југословенске Омладине у изгнанству“, осећајући сву трагичност положаја својих другова и сматрајући за своју дужност, да учини све што је могуће да спречи пропаст ма и једног Југословенског Омладинца, моли Краљ[евску] Српску Владу, да одмах, док још није

доцкан, предузме све мере, да се ти студенти врате овамо к нама, како би могли наставити своје студије у интересу будуће Југословенске Државе.

Министарство Просвете и Црквених
Послова Краљевине Србије П. Бр. 3205.
у Крфу
30. марта 1918.
Association des Etudiants Comite No. 90.

За Средишњи Управни Одбор
М. Ивеша, студ[ент] права
Милан Симић студ[ент] права
29. марта 1918. г.

АС, МПС, Ф22, р10, 1918

135

Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском конзулу у Одеси М. Шајновићу (тада у Москви) о евакуацији српске деце избегле у Русију

[Милану] Шајновићу
Москва

Американски амбасадор моли питати Московљевића колико има српске деце која би се без родитеља могла упутити на школовање [у] Америку јер саму децу [је] лако тамо сместити код појединих породица, а с родитељима тешко.

[Мирослав] С[палајковић]

Ехп. 12. IV [19]17¹⁸⁶. Пов. Бр. 271.

АС, МИД, Пс, П-ПО, ФI, р131/1918

Меморандум инспектора српских избеглица, професора М. Московљевића, и његовог помоћника Д. Костића, упућен српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу, у вези са стањем српских избеглица у Сибиру и могућностима да им се помогне

Краљевско-Српском Посланику у Русији д-ру
г. М. Спалајковићу

Част нам је поднети овај меморандум о избегличком питању. Као што Вам је познато, дошавши у Самару избеглице су биле остале без икакве помоћи пред опасношћу да умру од глади, зиме и болештина. У том тешком моменту њима је притекло у помоћ Американско друштво „Young Men Christian Association“, одредивши кредит за прву потребу и обративши се представнику американског Црвеног Крста у Москви за стално издржавање српских избеглица. Како у то време није било никакве везе с Вама, а под утицајем трагичних руских унутарњих прилика и очајног стања избеглица дошло се на идеју, да се избеглице по могућности ради њихова спасења сасвим извуку из Русије и одведу у Америку, што је и предложено Американцима. Поводом тога је делегат Краљевске владе г. д-р Милан Шајновић послао генералном консулу у Самари г. Миланковићу телеграм, у коме он у име Краљ[евско]-српске владе захваљује Американцима на пријему српских избеглица, а избеглицама саопштава, да се под руководством г. проф. М. Московљевића, који је одређен за инспектора избеглица, имају кренути на далеки пут. Акт ген[ералног] консула г. Миланковића проф. Московљевићу Бр. 534 од 22 марта.

Због немања места и намирница у Самари, *resp.* Kinelu, избеглице су кренуте даље на Исток и са истих разлога нигде се нису могле задржати до Бијска, мале варошице у подножију Алтаја. Уз пут смо у Омску срели представника американског Црвеног Крста Капетана Webster-а, кога смо упознали са стањем и нуждама избеглица, а он нам је рекао, да ће тешко бити превести избеглице у Америку, али да ће се предузети потребни кораци да се, ако не сви, а оно бар ђаци преведу у Америку, засад пак добро би било зауставити се у Бијску и ту по могућности основати избегличку колонију.

За то време, као што Вам је познато, у Москви је урађено ово: одржата је конференција између американског генералног консула у Москви Селерса, представника американског Црвеног Крста и друштва „Young Men Christian Association“ Церома Девиса и г.г. д-р Шајновића и д-р Костића. Резултати конференције били су повољни по одлазак избеглица у Америку и одмах истога дана по „примому проводу“ Вама саопштени с молбом, да Ви потпомогнете поменути идеју, коју сте били одобрили, пред американским амбасадором у Русији Френсисом. Кроз два дана после тога у Москви је добивена Ваша депеша из Вологде, у којој јављате, да је американски амбасадор

Френсис по Вашем предлогу учинио представку својој влади, да се наше избеглице у Америку приме. Поред тога био је још један резултат Вашег рада. Американски амбасадор позвао је себи у Вологду американског генералног консула у Москви Селерса ради реферисања о питању српских избеглица. Генерални консул Селерс вратио се из Вологде у Москву, добивши потребне инструкције од свог амбасадора, и одмах је по повратку сазвао поменута лица на конференцију и саопштио им, да му је амбасадор наредио да предузме даље кораке о српском избегличком питању. Резултат те конференције био је следећи: Генер[ални] консул Селерс послао је опширну депешу-меморандум својој влади, у којој је енергично тражено да се наше избеглице у Америку приме и да се одреди кредит од 12 милијона рубаља за њихово путовање.

У то доба Ви сте дошли у Москву и резултат Вашег доласка био је овај: Актом Бр. 44 од 5. априла 1918. извештен сам, да је за лекара избегличког и помоћника инспектора одређен г. д-р Драг[утин] Костић и да се по његову доласку имамо кренути за Владивосток и тамо сачекати одговор Американске владе. У истом смислу добио сам и депешу од г. консула Миланковића под Бр. 612. На основу тога ми смо се 19. априла кренули из Бијска, али смо се зауставили у Ново-Николајевску, чекајући да чланови американске мисије, који прате избеглице, добију инструкције од својих централних органа из Москве. Чекајући тамо, добили смо депешу од г. Шајновића, у којој јавља, да није наређивао покрет и да избеглице потпуно предаје Американцима. Чланови американске мисије, који прате избеглице, чинили су неколико пута телеграфске представке својим органима у Москви и тражили одобрење за даљи покрет на Исток. Одговорено је, да засад чекају у Ново-Николајевску и у исто време да од чланова своје организације у Владивостоку затраже податке о животним намирницама и смештају у тој вароши.

Дани су за данима пролазили. Несносан тромесечни живот у вагонима, убиствен по здравље избеглица а нарочито деце, тешко снабдевање намирницама уз несавесну агитацију заинтересованих људи и неодређеност избегличког питања, све је то учинило, да се инспектор и његов помоћник, у споразуму са члановима Американске мисије, крену за Вологду, да Вас, представнике американске владе и американског Црвеног Крста свестрано упознаду са избегличким питањем и личним додиром ускоре његово решење. У Ново-Николајевску избеглице немогу дуго остати, пошто их у вагонима неће трпети на станици, где већ толико времена запремају место, у вароши тим пре, јер тамо за њих места нема. У Бијску се такође немогу сраестити, пошто је тамо могло бити њима представљено само неколико летњих кућица – „дача“, у којима би се у току 70-дневног сибирског лета могао сместити незнатан број избеглица. Даље на исток услови смештаја и намирница још су лошији, тим пре кад се узме у обзир, да су многе и многе хиљаде руских избеглица, бежећи испред глади у европској Русији, препуниле Сибир, тешко налазећи у њему хлеба, а никако крова.

Али, кад би се, што је неверовати, нашло такво место у Сибиру, где има станова и хране за избеглице, ипак они не смеју остати у Сибиру из ових разлога:

1. И ако је највећи број избеглица са севера Србије, ипак живот у Сибиру, где је средња температура од 30–40° R¹⁸⁷, за њих био од фаталних последица, чак и онда, кад не би њихов организам услед трогодишњег лутања ван своје земље по туђини био тако изнурен као сада. Кад се томе дода, да је ова евакуација избеглицима трећа – 1915. евакуисали су се зими из Србије у Румунију, 1916. опет зими, из Румуније у Европску Русију, 1918. опет зими, из Ев[ропске] Русије у Сибир, – да су избеглице врло рђаво одевене и готово све босе, онда је јасно, да би останак у Сибиру био њихова смрт. Здравствено је стање код избеглица ужасно, смртност, особито код деце, врло велика. Од избеглица, које су из Србије пребегле, умрло је досад више од $\frac{1}{4}$. Само у току бављења у Румунији умрло их је, по податцима њихових свештеника, око 400. Само из Петрова Села умрло је око 80 деце. Сада уз пут од 19. априла до 5. маја умрло је 5. Анемија је достигла колосалних размера и у тешкој форми (anaemia gravis) има 157, са јавним знацима туберкулозе у јаком степену (у форми туберкулозе плућа, очију, костију, скрофула и др. форма) има 93. Поред тога, услед силне слабости почело се је развијати кокошије слепило (Haemeralopia) – нађено је 27 случајева.

Оваквом физичком стању избеглица одговара и њихово морално стање, – људи, одвојених од своје отаџбине – које чини организам необично слабо отпорним за сваку болест. Лечење избеглица, које би дало иоле позитивне резултате, у Сибиру је немогуће, пошто лекова нити има, нити ће их бити.

2. У Сибиру нема ни одећа, ни обуће, ни материјала за једно и друго, – немогуће је наћи конач и закрпити се, те се због тога нема могућности, да им се у том погледу помогне.

3. Са појмом „избеглица“ треба једанпут на свагда прекинути, јер избеглица може да постоји само у земљи неуређеној, каква је у овом времену Русија. Српске избеглице треба довести у земљу културну, са одлично развијеном како земљорадњом, тако и индустријом. У такој би земљи једино војни обвезници отишли у војску, а сви способни за рад били би упућени да раде онај посао, од којег би и они, и отаџбина по повратку њихову имала фактичке користи. Наћи ма каква рада за избеглице у Русији сада, кад су њу преплавили њени сопствени „безработне“¹⁸⁸, апсолутно је немогуће.

4. Утицај хаотичне руске средине на избеглице од ужасних је последица. Три године специфички „избегличког“ живота о туђем руху и круху, потпуно паразитарног, учиниле су своје. Руске су прилике допустиле, а и румунске потпомогле, да се уз избеглице не само прилепи, већ међу њима жари, пали и терорише више од 200 дезертера, од којих су многи побегли испред дужности према отаџбини у Румунију још 1912. године. Поред тих 6-годишњих дезертера има и млађих. Сви ти дезертери живе паразитским и неморалним животом, краду и срамоте српско име, тероришу избеглице и помажу најјаче поједине људе, њихове другове, који спекулишу са избеглицима. И Одбор Избеглички број[и] међу својим члановима $\frac{2}{3}$ дезертира различите врсте.

5. Кад би се неким чудом могли ослободити свега поменутога, ипак остаје један врло важан узрок за одлазак из Русије, а то је питање о школовању и васпитању деце, која се налазе међу избеглицама. Од 6–18 година има 502 детета и то мушких 263, женских 239; основне школе 237, гимназије 100, за професионалне школе 165. Сем тога има 6 студената, 4 муш[ка] и 2 жен[ска]. Сва та деца већ три године не добијају никакво васпитање и школовање. Ако даље остану у том положају, она ће бити морално упропашћена. У интересу те деце, а још више у интересу културног и материјалног подизања наше упропашћене отаџбине, њих треба одмах спашавати и одмах послати из Русије, где нису могли ни досад а камо ли одсад добити ма какво школовање и васпитање. Њих треба одмах послати у неку културну земљу – Америку, где ће се од њих моћи створити културни пионери.

6. Смртни је грех оставити избеглице и њихову децу у Русији, где ће бити морално и физички живи сахрањени. Имајући у виду врло заплетено политичко стање на далеком истоку, неопходно је потребно послати избеглице из Русије што пре, док веза жељезничка са далеким истоком није још прекинута.

7. Наше је мишљење, да би требало послати у Америку децу с тога, што ми већ имамо извесан број деце, која се уче у Француској и Енглеској, која ће бити довољна спона између нас и тих двеју земаља. Исто толико потребно је за нашу будућност културна веза између нас и Америке. Поред тога упозоравамо Вас, да су американске школе у многим погледу одмакле од Енглеских и Француских.

8. Међу избеглицама био је један Одбор, који је изгубио сваки *raison d'être*, чим су Американци предузели бригу и старање око избеглица. Тај Одбор и данас постоји, ма да су у Чељабинску пред Американцима изабрани други људи за помоћ у раду. Сматра себе неком влашћу, смета у раду и нама и Американцима и, потпомогнут дезертирима ($2/3$ чланова тог одбора су војни обвезници), подбада и буни избеглице стварајући међу њима расцеп. У томе прву реч води бивши њихов делегат свештеник Ђорђе Поповић, чије су функције одавно престале. Чим су Американци дошли у непосредни додир са избеглицама, одмах је престала ма каква потреба у делегату. Да би било мира, реда и успешног рада међу избеглицама, потребно је једном за свагда ослободити избеглице свих тих дезертира, паразита и спекуланата, који су досад трговали са избеглицама и којима се избеглице никако не пуштају из руку.

9. Докле год се прецизно и тачно не одреди делокруг власти и рада инспектора избеглица и његова помоћника и док се не уклоне или стукну ови штетни и непотребни људи, који демагошки обмањују свет, немогућ је икакав рад и ми ћемо, као и Американци, бити принуђени да дигнемо руке од свега. Видећи тешке прилике у којима су биле избеглице, ми смо обадва драговољно пошли с њима, да им будемо у помоћи до последњег момента, у што ћемо уложити сво наше знање, старање и труд.

Молим Вас, Господине Посланиче, да овај наш меморандум изволите при-
мити и, по могућности, остварити. У противном случају морамо Вам изјавити,
да ми не смемо узети на себе таку тешку моралну одговорност и пред својом
савешћу, и пред избеглицама, и пред Отацбином, јер у питању су животи
1200 душа и будућност 500 српске деце.

12. маја 1918. г.
Вологда

Инспектор српских избеглица,
Проф. Милош С. Московљевић
Пом[оћник] Инспектора,
Д-р Драгутин П. Костић

На полеђини: г.г. Московљевић и Костић о избеглицама пр. 12.V [1]918.

АС, МИД, ПС, П, ФП, р8, 1918

137

*Пуномоћје које је српски посланик у Петрограду М. Спалајковић
(тада у Вологди) издао професору М. Московљевићу, именујући
га за инспектора српских избеглица у Русији, са описом његових
дужности и овлашћења*

Краљевско-Српско Посланство у Русији издаје ово пуномоћје г. професо-
ру Милошу С. Московљевићу.

Американски Црвени Крст примио се да издржава наше избеглице, које се
налазе на путу за Америку. Ради посредовања између Американско-српске ми-
сије, која представља Американски Црвени Крст, и избеглица, одређује се за ин-
спектора избеглица професор Милош С. Московљевић. Он ће се, у споразуму са
истом мисијом, бринути о избеглицама: о њихову транспорту, исхрани, смеш-
тају, безбедности и унутрашњем реду. Он ће, као званични представник Српског
Посланства, заступати интересе српских грађана-избеглица код руских, амери-
канских и других власти. При том послу руководиће се овим упутствима:

1. Стари Одбор Избеглица, изабран по захтеву руских власти у Јелисавет-
граду, стварно је престао да функционише од дана кад су Американци почели
непосредно да се старају о избеглицама. Према томе он више нема никако пра-
во ни власт над избеглицама, нити се сме мешати у односе између њих и Аме-
риканаца.

Чим стари одбор престаје да функционише, из истих разлога престаје по-
треба у његову нарочиту делегату, с тога г. Ђорђе Поповић свештеник нема
права више да се назива делегатом избеглица.

2. Стари одбор има да преда жигове и одборску канцеларију инспектору, а све непрегледане рачуне и непотрошене суме предаће, према ранијој наредби, надлежним руским властима, односно г. д-ру Милану Шајновићу.

3. У договору са Американско-српском мисијом и према њеном упутству избеглице могу изабрати из своје средине способне и честите људе, који ће, подељени у разне секције, према својој способности и врсти посла, помагати мисији у њену раду око избеглица. За тај свој рад одборници не могу захтевати никаку нарочиту награду, а избеглице их могу у свако доба сменити и на њихово место изабрати друге.

4. Све трошкове око избеглица подносиће Американски Црвени Крст, а за изванредне потребе, уколико их Црвени Крст не би могао подмиривати, инспектор ће, у споразуму са Американцима и избеглицама, моћи издавати потребне суме из резервне суме којом ће сам руковати. Он ће, исто тако, руковати и новцем који би се евентуално добио на име избеглица од стране добротворних друштава и приватних људи, ван Црвеног Крста.

Фонд од 15.000 рубаља, који припада „Одеском Пријуту“, трошиће се искључиво на потребе ђака истог Пријута, као и других сиромашних ученика, а доцније, по доласку на стално место борављења, школа и ђачки интернат издржаваће се из општих избегличких средстава и из евентуалних прилога намењених нарочито школи. У колико те суме не би биле довољне Инспектор ће тражити потребан кредит од дотичног Посланика, одн[осно] Министарства Просвете.

За све издатке, и на избеглице и на школу, Инспектор ће бити дужан накнадно поднети рачуне најближем представнику Српске Владе.

5. Према наређењу г. Министра Војног и Акту Војног Изасланика у Русији Бр. 468. од 23. маја 1918. Инспектор ће образовати комисију, која ће прегледати све избеглице, па све војне бегунце и оне који су способни за макакву војну службу, ако од ње нису уредно ослобођени, – упутити војним властима. Викоко је војни обвезник и кога комисија огласи за способног не може примати избегличку помоћ нити бити међу избеглицама, ако тамо није нарочито упућен на службу.

Сви други здрави и за рад способни људи дужни су бесплатно радити све послове око снабдевања и издржавања избеглица.

6. По доласку у Америку или неку другу земљу, инспектор ће са Американско-српском мисијом, уз помоћ тамошњих власти, друштава и приватних људи, постарати се да се избеглице настане у климатски погодном крају и да свако нађе посла и зараде, према својој моћи, спреми и способности, тако да свако ко је кадар нешто радити часно зарађује свој хлеб, а не да пада на терет другоме.

Сви који су за школу, и мушки и женске, треба да буду дати у разне школе, према узрасту и наклоностима, пошто су већина избеглица сељаци и занат-

лије. Треба се постарати да и стари и млади искористе своје бављење у културној средини, те стекну корисна практична знања, да би по повратку што брже и успешније могли подићи своју упропашћену отаџбину.

Све избеглице, нарочито оне с породицом, треба да се по могућству сместе у истом месту, да би се могла образовати српска основна школа за малу децу, у коју ће се образовати интернат за сирочад и децу чији родитељи не живе ту. И сви остали одрасли ђаци, који се буду учили по американским школама, треба да живе у интернату, где ће под надзором наставника и васпитача добијати национално васпитање, да се не би у туђој средини одродили. Ако ученици буду распоређени по групама у разним местима, у сваком месту одредиће се по један шеф групе са потребним бројем васпитача.

Цео тај рад Инспектор ће, према упутствима Министарства Просвете, организовати са учитељима избеглицама и придоданим студентима-васпитачима, а по потреби тражиће од Министарства Просвете и друге снаге, због чега ће са истим одмах ступити у везу.

7. За помоћника Инспектору и избегличког лекара одређен је актом г. д-ра Милана Шајновића Бр. 44 од 5. априла 1918 г. д-р Драгутин Костић са дневницом од 20 рубаља на руској територији, која сума ће му се издавати из средстава одређених за потребе избеглица.

Помоћник Инспектора помагаће Инспектору у раду и по потреби замењивати га у Инспекторској дужности.

8. За другог избегличког лекара одређује се д-р Јелисавета Д. Костић са платом од 400 рубаља месечно, која ће се издавати из суме одређене за избеглице, почев од 4. маја о.г.

9. За администативне и друге званичне послове око избеглица и за рад у школи и интернату на помоћ инспектору одређена су ова лица: г.г. Замуровић и Гавранчић, учитељи заробљеници за васпитаче, Милан Илић, свештеник за школског свештеника, Мића Правица, чиновник Срп[ског] Бродар[ског] Друштва, за књиговођу и студенте: Мирка Јовановића, Кирила Јањића, Светозара Богићевића и Андреју Ипекчића за васпитаче – све са платом од 100 рубаља месечно, што ће им се издавати из Школског фонда, сем Правници, који ће примати плату из суме одређене за избеглице.

Рад свих лица придодатих на службу код избеглица у погледу савесности и тачности испуњавања поверене им дужности подлежи надзору Инспектора. За неспособност и нерад Инспектор има права сва ова лица, изузев лекара, сменили и на место њихово тражити друга.

10. Свима другим чиновницима, пензионерима, примаоцима инвалидске помоћи, који се налазе међу избеглицама, Инспектор ће, док су у Русији, издавати плату, пензију одн[осно] инвалидску помоћ на личне признанице, са потписом двају јемаца, који ће потврдити да дотични заиста толико прима, по

одбитку порезе, приреза и других одбитака, а према ранијој наредби г. Министра Финансија и по списку г. д-ра Милана Шајновића. Те исплате Инспектор ће вршити на руској територији из суме коју му је Владин Повереник ставио на расположење. При доласку пак у другу земљу потребни кредит тражиће од дотичног представника Српске владе.

[Мирослав Спалајковић]

Посланик Србије
25. маја 1918. г.
у Вологди
Бр. 479.

АС, МИД, ПС, П, ФЦ, р8, 1918

138

Акт српског МИД-а упућен српском Министарству просвете, о броју и положају српске деце избеглица у Русији и могућностима да она буду пребачена у Америку

Ministère des Affaires Etrangères
du Royaume de Serbie
Corfou, No. 2765.

Министарству Просвете
и Црквених Послова

7. јула 1918. г.

Министарству Иностранних Дела част је известити то Министарство да је од г. Станојевића, краљ[евског] срп[ског] Посланика¹⁸⁹ у Вологди примило депешу следеће садржине:

„120 наших избеглица пре три вечери били принуђени кренути испред Немаца из Јелизаветграда и Одесе дубље у Русију. Но због климатских, економских и политичких прилика немогуће [им је] нигде [се] настанити већ иду пут Владивостока одакле их треба извести. Американски Црвени Крст издржава избеглице – кредит одобрен до септембра. Одредио сам професора Московљевића за инспектора избеглица пошто он зна енглески а међу избеглицама има око 500 деце: за основну 257/ гимназију 100/ професионалне школе 165/ студената 7/. Предузети кораци да се избеглице приме у Америку; чека се одговор; молим јавите Посланику [у] Вашингтон да се лично заузме код Америчке Владе, Црв[еног] Крста Срп[ског] Релиф фонда за пријем и настањивање избеглица у климатски погодном месту за организацију школовања деце“.

Чим је ту депешу примило Министарство Иностранних Дела известило је Краљ[евско] Посланство у Вашингтону и замолило га, да учини потребни корак за пријем ове деце у Америци. Краљ[евско] Посланство одговорило је депешом следеће садржине:

„Учинио корак за пријем избеглице и деце из Русије. Закон... забрањује улазак деци и избеглицама у Америку, америчка влада учинила корак донети кроз конгрес потребну допуну, да наше избеглице може примити. То питање биће решено пре него избеглице стигну, али за то време потребно је предузети мере за превоз деце из Владивостока до Америке. Како за време док се не донесе законска допуна влада америчка не може ништа предузети било би добро молити енглеску Владу постарати се о превозу. Молим јавите ми кад буду кренули из Владивостока. Исто тако потребно је послати једног професора, који зна енглески и који би се даље старао о деци и избеглицама, јер ће око тога бити много посла као и у Француској и Енглеској“.

У смислу овог телеграма Министарство Иностранних Дела замолило је Краљ[евско] Посланство у Вологди за извештај, када деца стигну у Владивосток; Краљ[евско] Посланство у Лондону, да издејствује превоз деце у Америку енглеским лађама и Краљ[евско] Посланство у Вашингтону, да заинтересује јавно америчко мишљење за ову нашу избегличку децу.

О предњем, Министарству Иностранних Дела част је извести то Министарство ради знања.

По наредби Министра
За Шефа Админ[истративног] Одељења
Секретар, Мирко Печар

Министарство Просвете и Црквених послова Краљевине Србије.
7. јула 1918. у Крфу. П. Бр. 7424.

Прим[едба] г. Мин[истра]

Пошто се сада налаже овим ђацима проф. Московљевић, то сачекати његов долазак у Америку и онда даље радити шта буде требало. Не објављивати у Срп[ским] Нов[инама].

Н[икола] П. П[ашић]

АС, МПС, Ф11, р57, 1918

Кад се пред непријатељском најездом, уз војску, и велики део наших ђака повукао из Отаџбине и разишао по белом свету, да се, наоружан знањем и обогашен искуством стеченим у културним земљама, по ослобођењу Отаџбине стави на службу њој – мислило се да ће најсрећнији бити они који су отишли у Русију. Сматрало се да ће велика и богата словенска Русија заиста бити друга мајка нашој деци, да ће их пригрлити и одгајити на својим широким грудима, па нам их вратити као добро васпитане и спремне младиће и девојке, способне и да лече своју тешко рањену Отаџбину и да буду јака спона између два братска народа. Али је испало сасвим другачије. Поред свег срдачног пријема указаног нашим избеглицама и ђацима, Русија је била у немогућности да им да све оно што се од ње очекивало, оно што су они нашли у Француској, Енглеској и Швајцарској. И пре револуције руски државни организам био је, нарочито под утицајем рата, врло болестан, а кад је избила револуција, анархична и хаотична руска средина није била ни мало погодна да васпита и образује нашу омладину у духу позитивног и конструктивног рада. Али, чини ми се, више него несрећне прилике, за негативни резултат криви су наши надлежни, који се скоро нису ништа бринули о организацији школског рада са нашим ђацима. Код толиких наших универзитетских и средњошколских професора који су се бавили у Петрограду, ниједан се није спустио доле до наших избеглица да виде чиме се бави неколико стотина наше омладине. Нико их није слао, а сами се нису сетили да оду. Док су свугда другде били нарочити инспектори и шефови група, дотле су ђаци у Русији били остављени самим себи и случају. Резултат свега тога је, да за три и по године велика већина деце није ништа учила, мањина је с прекидима нешто мало посећивала школе, а сви заједно нису добили никакво васпитање. Уосталом, колико и како су радили видеће се из даљег излагања.

У септембру 1915. године, кад је српска војска пред навалом Аустро-Немаца и Бугара била принуђена да напусти крајински округ, један део становништва Текије, Кладова, Неготина и села на Дунаву прешао је у Румунију и настанио се у Турни-Северину. Ту су, на домаку својих домова, доста добро проживели безмало годину дана, а издржавао их је један руски одбор, на челу са пуковником Ратмановим. У истој вароши има стална српска основна школа, па су избегличка деца посећивала основну школу, а радили су с њима избегли учитељи, којих је било преко 10. За све то време ученици средњих школа нису могли посећивати никакве школе.

Кад је Румунија заратила, августа 1916, наше избеглице морале су напустити Турну-Северин, па отићи чак у Русију. Око 2.000 избеглица настањено је у вароши Јелизаветграду, који су основали српски насељеници у 18 веку, око 300 километара

на север од Одесе. Варош је здрава, богата, благог климата и српска колонија је ту пријатно провела годину и по дана. Још пре одласка избеглице из Румуније, око 100 деце разних година одвео је у Одесу г. Ђорђе Ђорђевић, професор из Москве, која су у почетку била смештена у једној болници, а после су хтели да их разместе по разним азилима за сирочад, рачунајући да су они већ пропали за српски народ, пошто су то била већином деца без родитеља. Наш конзулат није за њих могао ништа учинити, јер није имао ни гроша, али, пошто је генерални конзул, г. М. Цемовић, послао цару телеграфски поздрав деце, цар је наредио да се за српску децу оснује засебан интернат. Тако је помоћу добровољних прилога, заузимљивошћу неколико племенитих Руса и Русиња, образован у Одеси „Српски пансионат“, који је доцније пао на терет т. зв. Татјанског Комитета. Поред деце која су раније дошла из Румуније, у пансионат су послата и нека деца из Јелизаветграда, већином сирочад или без родитеља. Број ђака у пансионату варирао је између 70 и 150, од којих скоро једна половина основаца а друга половина средњешколаца са неколико ученика и ученица занатских школа. При крају је у Одеси било 50–70 основаца, 60–80 средњо школаца и то 40–50 муш[ких] и 15–20 женских и око 10 девојака и младића који су посећивали занатске школе. Број ученика се мењао зато што су једне ученике узимали родитељи и водили у Јелизаветграда нови су ступали у пансионат. Пансионат је имао два одељења: женско за све ученице и за основце оба пола, и мушко за одрасле мушкарце. Управитељ пансионата био је г. Светислав Николић учитељ из Књажевца; наставници и васпитачи у мушком одељењу били су гг. Константин Замуровић и Милован Гавранчић, учитељи из Војводине, који су као аустријски заробљеници ступили у Добровољачки Корпус, па их је командант корпуса упутио на рад у српски пансионат; у женском одељењу као наставнице и васпитачице радиле су госпође Анка Величковићка и Живка Петровићка, које су за децу биле праве мајке, а треба имати на уму да је било неколико сирочића од 3–6 год[ина]. При пансионату је радила пуна српска основна школа, са 4 разреда, а остала деца посећивала су I, II и IV одеску гимназију, реалку Св. Павла и занатске школе. У пансионату су добијали стан, храну, одео, васпитање и националну наставу: српски језик, српску историју са земљописом, певање и гимнастику.

У Јелизаветграду, о руском трошку, такође је установљен пансионат, у којем су сви ђаци добијали храну, а сирочад и деца сиромашних родитеља су и становали у њему, док су остали ђаци становали код својих родитеља. Пансионатом је управљала г-ђа Живковићка, учитељица из Неготина. И тамо је радила српска основна школа са око 160 ђака. Старијих ученика у Јелизаветграду било је мало: око 10 ученица и 5 ученика, а посећивали су тамошњу гимназију или реалку. Рад са ученицима основне школе био је тежак и непотпун, јер се није имало никаквих српских уџбеника, чак ни најобичније лектуре.

У фебруару 1918. год. Аустро-Немци су били почели нагло продирати у јужну Русију, тако да су се наша војска и колонија морале уклањати из Одесе. Заједно

са т. зв. „Допунским Батаљоном“ и војном организацијом, 15. или 16. фебруара кренуо се и „Српски Пансионат“, а истовремено кренуле су се и српске избеглице из Јелисаветграда, па су се сви састали у Самари, на Волги. Дошавши тамо избеглице су биле у врло јадним приликама: натрпани као сардине њих 1.200 у 40 теретних вагона, без новца, без хране, рђавог здравственог стања, не знајући шта ће и куда ће. У то време стигла је из Петрограда југословенска колонија, у којој је био и професор Милош С. Московљевић. Како се тада у Самари налазила и управа американског друштва Young Mens' Christian Association, проф. Московљевић, знајући енглески, заједно са г. П. Никезићем, чиновником филијале Њујоршке Банке, обрати се Американцима за помоћ. Они после дужих преговора одреде неколико хиљада рубаља за подмирење најпречих потреба, а за даљу помоћ обрате се Американском Црвеном Крсту; они исто тако обећају заузети се да, ако не све избеглице барем ђаци буду примљени у Америку. После дугог чекања одговора од Црв[еног] Крста избеглице су се 25. марта кренуле на исток, у Сибир; са њима су пошла два Американца, као представници Американског Црвеног Крста, и проф. Московљевић, као представник српских власти, кога је посланик поставио за инспектора избеглица нарочито зато да руководи што правилнијим образовањем омладине у Америци.

До тог времена још је било изгледа да ће ешелони наших добровољаца кренути у Европу преко Владивостока, те би и избеглице с њима, али кад се дознало да они иду на Мурманск, а избеглице се биле издвојиле од њих и отишле дубоко у Сибир, инспектор се, 4. априла, крене у Москву и Вологду, да ургира избегличко питање. Да није било наде на одлазак у Америку, цео одески пензионат продужио би с војском на Мурманск, а отуд у Француску или Енглеску; овако се није знало куд да се иде и била је опасност да око 500 деце школског доба пропадну физички и морално и закржљају интелектуално у несрећној Русији. А у то време било је међу избеглицама: за средње школе 100 (мушких 72, женских 28), за стручне школе 165 (мушких 68, женских 97, већином сеоска деца), за основну школу 237 (мушких 123, женских 114) и студената 7 (мушких 5, женских 2). Инспектор је представио америчком амбасадору у Вологди, г. Франсису, очајно стање избеглица, а нарочито је истакао потребу да се 500 српске деце спасу за културу и српски народ. Упознао га је са оним што су наши савезници учинили за нашу омладину, па је изјавио наду да ће и најновији савезник, Америка, са своје стране учинити штогод на културној обнови Србије спасавајући и образујући толики број српске деце. За обнову Србије потребно је баш практично образовање које Америка даје, и инспектор је свакојако гледао да ову децу-луталице одведе у Америку. Ради тога инспектор је ишао у Москву и саветовао се са тамошњим американским генералним консулом, шефом Америчког Црвеног Крста и представником Young Mens' Christian Association. Сви ови Американци су говорили да ће ђаци вероватно моћи бити примљени у Америку, али не и све избеглице, јер то закон не допушта. А пошто многе избеглице не би хтеле да се растану од своје

деце, инспектор је наваљивао да се све избеглице приме. Најзад је амбасадор обећао препоручити својој влади да промени закон и прими наше избеглице; на његову препоруку и на заузимање нашег посланика у Вашингтону, Американски Конгрес донео је нарочити закон да се наше избеглице 1.500 ђака приме у Америку. Али њима није било суђено да оду у Америку, чак нису ни сазнале да им је то одобрено и да је у Америци све било спремно за њихов дочек, јер кад су после дугих сметњи, стигле у Владивосток, њихова отаџбина је већ била ослобођена и оне су на једној енглеској лађи, после 50 дана путовања, стигле у Дубровник. Једини је инспектор прошао кроз Америку, јер се он једно време, због других послова, био одвојио од избеглица, а кад је стигао у Владивосток избеглице су већ биле отишле и он је био принуђен да се крене најближим путем – преко Америке.

Крајем маја месеца ешелони чешких добровољаца, расути на огромном пространству од Волге до Владивостока, устали су против бољшевичке власти, да би отворили себи слободан пут ка Владивостоку. Убрзо је сав западни Сибир био ослобођен, и тамо су се нашле наше избеглице, од којих је инспектор по повратку из Вологде, био одсечен чешко-бољшевичким фронтом на Уралу. После више покушаја инспектор је успео да прође кроз фронт и стигне избеглице источно од Томска, па је с њима полако ишао за чехословачком војском, која је крчила пут на исток. Како је било лето и у многим местима се дуго чекало, инспектор је у договору са учитељима, организовао школски рад у отвореном простору, под дрвећем, јер су избеглице стално живеље у вагонима. Рад је отпочео 11/24. јула 1918. год. на малој сибирској станици Тирет, и трајао ту до 25. истог месеца, а када смо се преместили у ст. Маљту, око 70 км западно од Иркутца, где је рад продужен до краја августа, када су се већ и дани скратили и захладнели, јер је у Сибиру лето врло кратко. У основној школи радили су г.г. Стеван Дадић и Јаков Пасковић, а после његове смрти (5. авг[уста]) Светислав Николић и госпође Милева Гагићка и Цаја Урошевићка (добровољно као бивша учитељица), а у забавишту г-ђа Драга Брабек. Одески пансионат је и даље функционисао са истим наставницима само сад у два вагона IV класе, а сва сирочад је покупљена у један вагон, где су се о њима старале две жене, под надзором једног наставника. Уз пансионат биле су обућарска и кројачка радионица, које су радиле и крпиле деци одело и обућу, пошто им је набављен материјал у вароши Бијску, под Алтајем. Па и са ученицима средњих школа, и ван пансионата, понешто се радило: Американац г. Хамфрис и професор Московљевић предавали су енглески, а г. Мирко Јовановић, сврш[ени] студент Петрогр[адске] Духовне Академије, предавао им је српску књижевност и српску историју са земљописом. Француски је требала да предаје г-ђа Ана Ђаковићка (рођ. Несторовић), наставница Беогр[адске] Женске Гимназије, али је она једина, иако најмлађа, одбила да ради, одговоривши на инспекторову наредбу врло неуљудно и увредљиво. У последње време у Иркутцу је добивена и црква-вагон, у којој су 4 свештеника по реду, сваке недеље и празника служили службу Божју, а било је и венчања.

Ма колико да је ова путујућа школа, ваљда јединствена у историји наше просвете, била непотпуна и кратковремена, она је ипак вршила бар неки васпитни утицај на ђаке, дајући им стално и корисно занимање и одвраћајући их од штетног беспосличења и заразног утицаја доста неморалне средине, каква је гранично влашко становништво крајинског округа. Ђаци су били пажљиви и радо су учили, нарочито енглески језик, надајући се ићи у Америку. Али уместо у Америку они су дошли у своју ослобођену отаџбину, и после трогодишњег лутања по свету наставили су школовање, богатији искуством него ма који други од њихових другова.

Милош С. Московљевић

*Наставник – лист професорскога друштва,
Београд 1919, 79–84*

Глава 2. УТИЦАЈ РУСКИХ ЕМИГРАНАТА НА СРПСКУ ПРОСВЕТУ

140

Заклетва суплента реалне гимназије у Дубровнику, руског емигранта И.Н. Голенишчев-Кутузова, коју је положио влади Краљевине Југославије

Ја, Голенишчев-Кутузов Илија¹⁹⁰, заклињем се јединим Богом да ћу Краљу и отаџбини бити веран, да ћу се у раду придржавати земаљских закона и наредаба; да ћу све дужности свога звања савесно и тачно вршити и просветне и државне интересе заступати и бранити. Тако ми Бог помогао!

У Дубровнику, 22. априла 1929.

Голенишчев-Кутузов Илија
контр[актуални] суплент реалне гимназије

Сравнили:

Д-р Н. Орлов

Зд. Поповић, проф.

(М.П.)

Да је овај препис веран оригиналу:

В. д. директора,

Милован Арсенијевић

АС, Г-183, Г-ХИ, 61

141

Упитник који је професор Београдског универзитета, руски емигрант В.А. Соловјев, попунио 5. јуна 1941. године, на захтев Комесарске управе М. Аћимовића

Универзитет¹⁹¹

	Надлештво	Бановина
1	Група (звање) и године ефективне службе	II гр. 2; година службе 11 (односно 27)
2	Година и место, општина, срез и земља рођења	18.IX 1890. г., гр. Калиш (Русија-Пољска)
3	Народност и вероисповест	рус, православни; југословенски држављанин
4	Где је раније служио (цео ток службовања по местима)	од 21. јануара 1914. – професорски кандидат Варшавског Ун[иверзитета] од 15. априла 1916. асистент Варшав[ског] Унив[ерзитета] (и пр[иват]-доцент) од 7. априла 1920. – хонор[арни] професор Београдског Унив[ерзитета] од 25. марта 1930. – ванредни професор Београд[ског] Ун[иверзитета] од 24. јула 1937. – редовни професор Београдског Универзитета
5	Брачно стање (као удате сматрају се жене које живе одвојено услед брачних размирица, а као неожењени и неудате сматрају се удовци, удовице и надлежно разведени без деце)	ожењен
6	Колико чланова породице има и колико су стари (удате и ожењене чланове не наводи). У породицу се рачунају: муж, жена, деца у законитом браку рођена и позаконена и родитељи који немају срестава за живот	3 – жена Наталија, 40 год. син Александар 8 год. ташта Нат[алија] Рајевска, 69 г. – без средстава за живот
7	Има ли какву имовину , у чему се састоји и колико износи приход у новцу односно колико износи приход који по Закону о непосредним порезима служи као пореска основица	плац од 2.000 кв[адратних] метара на Умци, не даје прихода
8	Има ли своју кућу. Ако станује у закупљеном стану колику кирију плаћа	нема, плаћа 1.200 дин[ара] кирије
9	Има ли каква споредна примања, колико и по ком основу рачунајући и припадности у натури	нема

	Надлештво	Бановина
10	Да ли који члан породице (муж, жена, деца или родитељи) има имовине и колико износи приход у новцу односно колики је приход који по Закону о непосредним порезима служи као пореска основица	нема
11	Да ли је који члан породице (муж, жена, деца или родитељи) запослен у државној, самоуправној или којој другој служби односно приватној професији и колики им је месечни бруто доходак од овога рада	није
12	Да ли са рођеном браћом или сестрама има заједничко кућанство и да ли ови имају какав доходак, иакога извора и у ком износу	нема
13	Да ли на селу има какво имање, колико је и како га ужива	нема
14	Где се затекао на дан 6. априла 1941.	у Београду
15	Када се поново јавио на дужност и где је дотле био и шта је радио	19. априла, био је цело време у Београду
16	Да ли је у овом рату имао жртава у крви или имовини	није имао

Предње податке дајем под материјалном и кривичном одговорношћу, и одричем се сваке употребе правног средства, ако би услед неистинито поднете пријаве била донета одлука о престанку моје службе.

Датум и место:
у Београду,
5. јуни 1941.

Презиме, име и звање подносиоца:
Соловјев В. Александар¹⁹²,
ред[овни] проф[есор] Унив[ерзитета]

[М.П.]

Оверава надлежни старешина
Декан, Ђ.Ј. Тасић¹⁹³

АС(Ж), Г-183, С-XXI, 29

Извештај доцента Београдског универзитета, руског емигранта В.А.Мошина, деканату Филозофског факултета у Београду о околностима његовог напуштања радног места на факултету у Скопљу

Деканат Филозофског Факултета
Примљено: 14. нов[ембра] 1941.
Бр. 5551.

Господину Декану
Филозофског факултета¹⁹⁴
у Београду

Част ми је известити Вас да у априлу ове год., скоро после рата, било ми је понуђено од стране бугарских научника који познају моје научне радове из византологије, да примим службу у Бугарској као директор једног од музеја. Пошто у то доба још се није знало да ли ће Скопски филозофски факултет бити пресељен у Београд, и да ли ће се наставници задржати у државној служби, то сам одговорио да бих се примио понуђеног места само у случају ако Србија неће да ме задржи у служби. Како питање, тако и мој одговор били су учињени усмено. Пошто одмах иза тога дошла је из Београда одлука да се особље Скопског факултета задржава у држ[авној] служби Србије, то сам одмах отпутовао у Београд и јавио се на дужност. Од једног колеге који је дошао из Скопља после мене, чуо сам да је у бугарским новинама изашла нека вест о мом постављењу за директора музеја у Кавали, али никаквих званичних саопштења о томе ја нисам примио.

767

Пред полазак из Скопља ја сам известио г. д-ра Димитрова, доцента Софијског универзитета, да се враћам у Београд, пошто је све особље факултета задржано у служби.

С одличним поштовањем
Д-р Владимир А. Мошин¹⁹⁵, доцент

18. новембра 1941.
у Београду

АС, Г-3, Ф138, Пов. 51/42

143

Акт министра просвете и вера у Влади народног спаса, В. Јонића, којим предлаже министру финансија Љ. Микићу, да доцент Филозофског факултета у Београду, руски емигрант В.А. Мошин, буде пензионисан

Министарство Просвете и Вера
Опште одељење
I Пов. Бр. 81.
Београд

Господину Министру Финансија¹⁹⁶,
Београд

10. јуна 1942. г.

Господине Министре,

Намеран сам ставити у пензију Мошина др. Владимира, доцента Филозофског факултета Универзитета у Београду, чиновника VI (шесте) положајне групе, на основу тач. 16 пар. 104 у вези пар. 110 Закона о чиновницима.

Д-р Мошин има преко 20 г. ефективне државне службе.

У смислу пар. 128 Закона о чиновницима и упутства Претседника Министарског савета М.с.р. 1616 од 28. октобра 1941. године, част ми је умолит Вас, Господине Министре, да се са овим пензионисањем изволите сагласити и приложену одлуку у два примерка доставити непосредно Претседништву Министарског савета.

Изволите примити, Господине Министре, и овом приликом уверење мог одличног поштовања.

Министар просвете, В[елибор] Ј[онић]¹⁹⁷

АС, Г-3, Ф138, Пов. 51/42

144

Акт В. Јонића, министра просвете и вера у Влади народног спаса, којим се од председника владе, генерала М. Недића, тражи да одобри запошљавање Руса као наставника немачког језика у школама у Србији

Министарство Просвете и Вера
Одељење за немачку наставу
VI Бр. 1065.

Господину Претседнику
Министарског Савета

6. априла 1943. г.
у Београду

Септембра 1940. године уведен је у свима средњим, средњим стручним и грађанским школама као главни страни живи језик немачки језик, на место француског. Исте школске године, пред сам рат, почело је извођење наставе по овој одлуци.

Али се одмах наишло на тешкоће услед недостатка наставника немачког језика. Повећање броја разреда и одељења, као и повећање броја недељних часова захтевало је двоструки број стручних наставника. Међутим то повећање броја наставника могло се добити само приливом са универзитета у току дужег времена.

Убрзо потом услед ратних прилика, стање наставника немачког језика још се више погоршало. Отварањем немачких средњих и средњих стручних школа у Банату, наставници немачке народности, а таквих је међу наставницима немачког језика био знатан број, прешли су у немачке приватне школе. Известан број наставника немачког језика налази се у заробљеничким логорима, неки су запослени као тумачи и преводиоци у Министарствима и Окружним начелствима.

Министарство просвете и вера, Одељење за немачку наставу, учинило је са своје стране све, да се број наставника повећа, а несташница умањи. Сви наставници других струка, који су више или мање знали немачки језик и могли се употребити за наставнике немачког језика, прошли су кроз нарочите наставничке течајеве које је Министарство просвете и вера приређивало у споразуму са Немачким научним институтом у Београду, и оспособљени су за наставнике немачког језика. Упослени су сви студенти који су током последње две године дипломирали – али је тај број био веома мали.

Међутим одлив наставника био је ипак већи од прилива. Услед смрти, а нарочито често пензионисања, отпуштања из службе и других узрока, изгубљен је од августа 1941. до данас 91 наставник немачког језика, као што се види из приложеног списка.

У последње време наступило је учестано пензионисање и отпуштање из службе наставника неспрске народности, нарочито Руса, по Вашој наредби Стр. пов. бр. 16/45. Тако се број наставника све више смањује, поједине школе остале су без иједног стручног наставника, а у многим школама морају се часови редуцирати од 4 на 3, па и на 2 недељно.

Стање наставника немачког језика у нашим школама види се из следеће табеле:

	Потребно стручних наст[авника]	Има стручних наст[авника]
Гимназије и учитељске школе	280	111
Грађанске школе	42	22
Трговачке академије	20	7
Средње техничке школе	6	1
Средње пољопривредне школе	3	–
	<hr/> 351	<hr/> 141

Попуњавање 210 празних наставничких места врши се из редова полу-стручних наставника, којих има 140, а 70 наставничких места или су без наставника, или се попуњавају нестручним наставницима.

При овој оскудици у наставницима сваки је наставник потребан, јер ће иначе наше школе остати без наставника.

Стога ми је част предложити да се обуставе даља отпуштања и пензионисања наставника немачког језика, и да се врате у службу у последње време отпуштени и пензионисани наставници:

Ивањук Ива, проф[есор] гимн[азије] у Књажевцу
Сенкезић Евгенија, проф[есор] гимн[азије] у Ваљеву
Мењников Евгенија, супл[ент] гимн[азије] у Горњем Милановцу
Чубин Људмила, супл[ент] гимн[азије] у Смедереву
Менцингер Стеван, проф[есор] I м[ушке] гимн[азије] у Београду
Илић др Пера, проф[есор] гимн[азије] у Нишу
Ујчић Тугомил, проф[есор] гимн[азије] у Крагујевцу.

Молим за Вашу претходну начелну сагласност, као и за наведена лица.

Министар просвете и вера,
В[елибор] Ј[онић]

АС, Г-3, Ф207, 1065

145

Акт В. Јонића, министра просвете и вера у Влади народног спаса, којим од Изванредног комесара за персоналне послове, Т. Динића, тражи да одобри запошљавање професора Г. Острогорског и Д. Страњаковића, када Београдски универзитет буде обновљен

Министарство просвете и вера
Одељење за високо образовање
и народну културу
IV Бр. 3426.
2.VI 1943. Београд

Господину Изванредном Комесару
за персоналне послове¹⁹⁸
Београд

2. јули 1943. г.

Господине Комесаре,

Услед великог броја непреузетог наставног особља на реорганизованом Универзитету остале су многе катедре без стручних наставника који би по свом научном угледу и својим умним способностима могли да поведу нашу омладину здравим путем националне духовне обнове. Стога ми је част умо-

лити Вас, Господине Комесаре, да изволите узети поново у разматрање могућност преузимања на Универзитет д-ра Георгија Острогорског¹⁹⁹ и д-ра Драгослава Страњаковића²⁰⁰.

Д-р Георгије Острогорски предложен је за ванредног професора Филозофског факултета, на катедри: Балканистика. Он је за Византологију наш најпризнатији стручњак, научник светског ранга, и као такав на нашем Универзитету незаменљив и неопходан. Што се тиче сумње о његовом јеврејском пореклу, напомињем да су немачке власти испитале цео тај случај и утврдиле да је његов деда по оцу истина био Јеврејин, али да ни овај ни његова родбина по оцу нису имали готово никаквог утицаја на његово васпитање. Стога су немачке власти прешле преко тога и сагласиле се са његовим преузимањем на Универзитету.

Д-р Драгослав Страњаковић предложен је за ванредног професора Филозофског факултета на катедри: Српска историја (Политичка историја српског народа у новом веку). На тој важној катедри он је такође незаменљив, јер је једини од наших преосталих научника који са успехом обрађују модерну српску политичку историју. Ако он не би био постављен, катедра модерне српске историје остала би незаступљена, на велику штету Универзитета и наше историске науке. Што се тиче чланства у Српском клубу, утврђено је да је он био више ангажован у антихрватској делатности него у масонерији Клуба, тако да су и немачке власти прешле преко тога и дале свој пристанак за његово преузимање.

Изволите примити, Господине Комесаре, и овом приликом уверење о мом особитом поштовању.

В.д. начелника,
Министар просвете и вера
В[елибор] Ј[онић]

АС, Г-3, Ф765, 3426

Део V. Културни односи

Глава 1.

ВЕЗЕ РУСКЕ И СРПСКЕ УМЕТНИЧКЕ АВАНГАРДЕ

146

*Апел српског књижевника и уредника часописа „Зенит“ Љ. Мицића
„За будућу Русију“, којим се од јавности Краљевине СХС захтева
пружање помоћи гладнима у Совјетској Русији*

Посланица „Зенита“ народу југославенском²⁰¹

Нема политике у ономе часу кад умире човек

Крик

Крик кржаве колевке у којој се рађа будући нови човек!

Чујете ли крик Русије – крик наших душа што вапи у Европу?

Руске губерније гробнице су уочених лешева.

На истоку умире од глади милијуне људи.

Умиру деца великога народа народе југославенски!

Зар си бесћутан кад не чујеш крик понижене земље?

Не заборави земљо наша да су и твоја деца оставила кости на острву смрти.

Не заборави острво крви и Крф и море Јадранско чији су понори гутали безброј твојих гладних лешева.

Живот твоје деце био је само крик над океаном: спасите! Помозите!

А богате лађе пловиле су сите површином твојих лешева.

Земљо југославенска – не буди богата и сита лађа што плови изнад руских гладних лешева!

Не буди широка пустиња у којој гласови вапијућих празно одјекују и руше се на слабе груди самртника!

Чујеш ли очајни крик рускога народа?

Максим Горки има само голи крик: помозите!

Чујеш ли глас крви њихове, а из ње се родила и твоја слобода!

Ви црне мајке што сте децу изгубиле загрлите нову своју руску гладну децу на груди и дајте им млека за спас душе ваших малих покојника!

Хлеба траже руска невина деца!

Не оглушите се, јер Русија је у очају пала на колена пред Европом!

Морате помоћи људима што умиру од глади.

То није помоћ Советској Русији (циничче господине Мерешковски!²⁰²) то је помоћ гладној Русији.

Злочинац је био и сваки непријатељ који је пустио да од глади умре и један човек или дете Србије на обали Јадрана.

Злочинац је и онај брат и син који лаже да је брат а не пружи помоћи гладним људима и деци Русије.

Мора се помоћи онима што умиру од глади, јер такви спашени извршиће дело живота, љубави и братства.

Мора се помоћи онима што су понижени пали на колена, јер такви уздигнути даће живота великим и будућим.

Човек је брат и народи морају постати браћа.

Југославија – гладне руске губерније и степе умиру од глади и вапе криком црвеним.

Народе југославенски – пружи своју руку сестри-мајци Русији и помози белим хлебом да се роди геније

За будуће човечанство

Љубомир Мицић²⁰³

Зенит, бр. 7. г. 1. септембар 1921, стр. 2

773

147

Чланак српског књижевника и уредника часописа „Зенит“ Љ. Мицића „Против југославенског антирусизма“, написан у име групе авангардних уметника-зенитиста, којим се протестује због осуде Совјетске Русије од стране културне јавности Краљевине СХС и дела руских емиграната

Нема сумње да у питању данашњег односа према Русији сви најједнодушније протегоше своје (француско!) политичко гледиште и његове методе на културно поље што највише презиремо и осуђујемо. Морало би се безуветно знати, да је култура неовисна од сваког политичког маневра било које државе на свету. Култура и политика никад нису биле рођене сестре. Штавише: два непомирљива противника. Вечно и пролазно не може имати заједнице.

На нашу славенску срамоту ми смо и културно одељени од Русије. Ми још увек имамо прилике да читамо у једном загребачком дневнику („Riječ“) неукусне испаде

једне хистеријне жене која је написала у свом животу и неколико добрих стихова (Зинаида Хипиус²⁰⁴ жена папинског нунција у Паризу М.Д. Мерешковскога²⁰⁵). Она у свом фамозном дневнику баш хришћански крсти М. Горкога²⁰⁶ с придевком протуха А. Луначарски²⁰⁷ је за њу исто тако нешто – још и горе. Ми се тога бескрајно стидимо и као зенитисти дужни смо протестовати против овакове злоупотребе слободе штампе из било каквих политичких мотива. Надаље протестујемо:

1. Против „Народног казалишта“ у Загребу које је дозволило једном Аверченку²⁰⁸ да приреди своју антируску и неуметничку матинеју вређајући наш славенски и свечовјечји осећај за патњу руског и братског народа. Ради овога чина као и ради посвемашње недораслости нашим данима захтевамо да управа „Н. К.“ положи оставку.

2. Против свију часописа и дневника у нашој земљи који допуштају врло сумњивим „књижевницима“ – „уметницима“ – „филозофима“ – да у било којој форми раде на завађању и мржњи двају братских народа и да неквалификовано просипљу своју мржњу на културне претставнике данашње Русије, били они под којим год политичким режимом. Њихово легално поље за културну а и политичку борбу је само Русија а не држава Срба Хрвата Словенаца или ма која друга држава ван руских граница.

Напротив: нама се намеће дужност, да свим снагама убрзамо корак културног зближења између Русије и Југославије не чекајући на њихово политичко зближење које је у скорој будућности нужност и неопозиви закон историје.

Уметност – односно све што се заједнички зове култура – течевина је векова и целог човечанства. Никоја политика на свету нема моралнога права рушити или спречавати прогрес највећег јединства: **КУЛТУРА ЧОВЕЧАНСТВА!**

Ваша дужност је да у питању културног зближења и јединства чините оно исто што и ми чинимо:

УМЕТНИЦИ СВИЈУ ЗЕМАЉА – УЈЕДИНИТЕ СЕ!

Љубомир Мицић
у име свију зенитиста

Зенит, бр. 15. г. II, јуни 1922, стр. 36

148

Ауторски чланак И. Еренбурга и Е. Лисицког „Руска нова уметност“, у коме објашњавају порекло и најважније карактеристике руске авангардне уметности 20-их година XX века, објављен у авангардном часопису „Зенит“

У Русији, постојала је, у њезином оригиналном средовечном периоду, висока сликарска култура: иконосликарство. Обзиром на пуноћу боје, руске ико-

не представљају ванредну појаву и значајно је, да је европски уметник Матис²⁰⁹, који је на западу култивирао интензивност боје био дубоко потресен кад их је угледао. Ово напето истицање није значајно само за иконе него и за целокупно народно стварање (одећа, орнаменат и т. д.)

Како у иконосликарству тако и у свима потоњим етапама руске уметности види се судар, некада мешавина, некада синтеза двају поларних уплива: истока и запада. Први дао је Русији апстрактну Нирвану боја, а други материјализацију форме од времена револуције коју је у Русији провео Петар Велики. Западни упливи почели су играти одлучујућу улогу. У то време сам Запад међутим налазио се у фази уметничког опадања. Он никако није могао да делује на развитак руског сликарства. С друге стране продашње традиције су ишчезле. Догодио се прелом – почео је други период руске уметности. Она није више расла из густих народних маса него је била наметнута од стране државне академије.

Прву побуну против академије дигли су т. зв. „передвижници“ (учесници помичних изложби) проповедници натуралистичког просветног сликарства. У то време руски уметници већ су у толикој мери изгубили осећај сликарске културе, да један од најзнаменитијих передвижника Рјепин²¹⁰ кога је академија отпустила у Париз у време расцвета француског импресионизма, није у њему видео сасвим ништа, те вративши се настављао је своје асликарско сликарство.

Типично је како сликарство као такво није занимало передвижнике. На пр. Рјепин, у настојању да искаже своје социјалне симпатије према радницима, насликао је своје „бурлаке“ на стоном линолеуму.

Народне передвижнике наследио је аристократизам групе познате под именом „Мир искуства“ (Свет уметности). Карактеристична црта групе „Свет уметности“ био је ретроспективизам сижеја и још већи прелом са сликарством – замена са илуминираном графиком. Почетком 20. века рађа се у Москви нова сликарска култура. Место рођења је значајно – Москва није била тако измождена од петроградске Академије и очувала је здраву народну крв. Тај смер, а осим тога зближење са међународним расадником нове уметности Паризом – породиле су нову чисто-сликарску групу „Бубновљев валет“. У почетним радовима тога смера налазимо конгломерат руског иконосликарства, народног „лубока“²¹¹ перзијских и индијских минијатура те западних уметника Гогена Ван-Гога и др. Упоредо с лепотом „Света уметности“ слике уметника бубновљеваца фрапирале су оштрином линија и боје.

Почетком уједињени ти млади уметници доскора су се разделили у две природне групе. Једни су тежили декоративном чисто-колоритном принципу а други машинском сликарству. Док се је у то време прва половина крај све хаотичности начелних настојања даље развијала и еволуционирала, друга се укочила на полазној тачци т. ј. око изучавања проблема које је поставио Сезан²¹² – изражени у култивисању „nature morte“. Један од највиђенијих представника те групе јест Кончаловски²¹³. Радови његови и његових другова стоје близу сликама

француских сезаниста, разликујући се од њих у грубом баратању с бојама. То је могло постати њихова величина али је остало само њиховом осебујношћу. И значајно је да је Кончаловски иза 15 година рада у истом смеру кад је угледао своје платно које је висело упоредо са Сезановим ускликнуо „како сам ја груб“. Неки из групе „Бубновљевог валета“ као што је на пр. Рождественски нису се ограничавали на изучавање Сезанових принципа него су их настојали у даље развијати.

Најтипичнији за почетак друге групе чисто декоративног периода били су Гончарова и Ларионов²¹⁴. Они нису искористили народни живот као сиже него као богатство боја. Иза тога хаотичног и инстинктивног тражења настала је потреба анализе. У то доба на Западу појављује се кубизам и футуризам. Истодобно тим проблемима приступају и руски уметници. Природа почиње се подвргавати анализи, растварању, деформацији – у име самосталног живота слике. Задаће на којима су радили руски уметници тих година, биле су у разном време стављене готово пред целу Европу, те може се рећи, да је аналитички период – први светли пример интернационализовања нове уметности.

Уметници, који су се назвали „Бубновљев валет“ приређују борбене изложбе „Магарећи реп“, „Нишан“, „0.10“, „Трамвај V“ и др. Извргавајући се тиме прогонима колико идеолошким толико и административним. На тим изложбама налазимо чисте кубистичке радове (Удаљцова, Попова и др.) кубо-футуристичке т.ј. кубизам + урбанистички сижеј (Лентулов, Јакулов²¹⁵ и др.) који свуда проводе декоративни принцип и напакон алогичне радове. Последње се може објаснити на следећи начин: уметник хтео је да покаже разлику логике разума и логике сликарства, дајући на кубистичкој подлози сликарску целину састављену од алогизама (Малевич²¹⁶, Моргунов и др.). Аналитички период довео је уметнике до уништења предоцбеног сликарства. Ларионов ствара теорију „лучизма“ т.ј. не приказивања ствари него зрака које из њих излазе. Кандински долази до „музичког сликања“ – безгранично субјективно – емоционалног. Малевич предочује „супрематизам“.

Почиње рат, везе између Русије и Запада прекидају се све до наших дана.

Далња еволуција руске уметности иде према вани изолованим путевима. Погледајмо тло на коме се развијало руско сликарство у последњих десет година. Две супротне силе карактеришу савремену Русију и избијају у њезиној уметности: земљано, пуно боје и још средовековно потпуно село и град који још није ојачао. Но благодаревћи тенденцији за идеологијом американизације град се проширује у огромним димензијама те концентрише пажњу не на боју него на материјал. Суштина села, препуно боје, полагани ритми живота који свраћају на разматрање, рађају сликарство чисте боје и апстрактних форма. Те су се црте коначно искристализовале у чисто руској сликарској школи „супрематизма“ о којој ће још бити говора. Уплив града био је разумео се посве другачији, приближавајући руске уметнике западно-европским нарочито

Паризу, који у томе периоду завршава кубизам и траже његово логичко реализовање. И у Русији прелазе од сликарства на плохама ка сликарству у простору, т.ј. сликарском рељефу и контра-рељефу. Но у Русији брзо прелази позорност са сликарских особина материјала на његова органичка својства. Тако на пр. настају две форме које се међусобно секу: железна и дрвена, т.ј. уметник познавајући својства материјала, пререзао је железом дрво али не обрнуто. Зачетник тога покрета и његов најугледни представник јест Татлин²¹⁷. У 1914. години он и прави рељефе који су испрва још кубистички али су већ састављени из гипса, стакла, железа и дрвета. Надаље он сасвим кида са свиме што је имало близу плоснатој слици. 1916. г. он ствара „углати контрарељеф“. Те су ствари на Западу погрешно називали „машинска уметност“, ради површне сличности а заборављајући при томе да се ту не ради о техничком него о пластичком решавању проблема. Заслуга је Татлинова и његових другова да су они приучили уметника на рад у реалноме простору и то са модерним материјалом. Тако су они дошли до конструктивне уметности.

Али та „градска“ група дошла је до неке врсти фетијизма материјала, заборављајући потребу стварања новог типа. То је понекад подсећало на градњу железно бетонске станице по готском плану. Нужна напомена дошла је од „супрематизма“.

Супрематизам ишао је путем очишћења сликарства од свију наслага на његову суштину т.ј. за циљем непосредног деловања боје и форме на око. 1913. г. уметник Малевич насликао је на белом пољу црни квадрат, желећи тиме истакнути предност чисте непомешане боје и прости геометричке форме као неких речи сликарског језика које сви подједнако разумију. На супрематским платнима где је боја била доведена до максималне интензивности испољава се пунобојност руског села. Потребно је истаћи да је сада и само село препознало себе у супрематизму. Тако је омот албума „Слет сељачке невоље“ из 1918. г. што га је по жељи самих делегата израдио Малевич, висео у многим сељачким избама северних губернија заједно с иконом: „лубком“.

Декоративна својства супрематичког сликарства створила су свој стил који је нашао израза у везиву, у прикованом уресу и чак у сликања кућа. Али супрематизам није се тиме задовољио и није хтео да остане декоративан стил те је пошао даље путем уништавања сликарства. Он је такорећи почео попримати безбојност града место пунобојнога села. То се испољава у последњим делима супрематиста те 1918. г. излаже Малевич „бело на белом“. Он оставља страну боје те прелазећи безбојности концентрише пажњу на спајање плосних геометричких планова. У томе је његов допринос у свеопшти конструктивни смер који је произашао из двију основних група обележених Татлином и Малевичем.

Упоредо са споменутиим догађајима јављају се „безпредметници“. Они су тежили ка чисто субјективном изражају својих емоција, посредством

комбинација боја. Њихове слике у поређењу са супрематистима подсећале су на гомилу крхотина постављену упоредо са правилним кристалима. Типичан представник те групе био је Кандински²¹⁸, који је унео сликарску формулу сувремене немачке метафизике и ради тога остао је у Русији чисто епизодном појавом. Но потребност поретка, која је избијала као основа целе уметности и толико се осећала међу младим руским уметницима, склонила је друге безпредметнике – Розанову²¹⁹ у њеним предсмртним радовима, Родченка²²⁰ и др. – да оду од субјективизације и да пођу трећим путем у онај исти Рим т.ј. конструктивној уметности.

А погледајмо сада како је био саздан тај Рим. Његов је темељ руска Револуција. Она је започела као огромни елементарни покрет сељаштва, али се разрасла у жеђ за организацијом и подизањем. С друге стране млади уметници који су били осуђени до 1917. г. на улогу уске секте задобише први пут прилику да претворе лабораториј у фабрику, те је њихова основна тенденција постала раширење базе и улажење уметности у живот. Живот је поставио питање које је тражило безодвлачни одговор: каква има да буде улога уметности у новом друштву у којем стварање постаје опште власништво? Као први одговор чула се лозинка „производна уметност“, т.ј. пренос уметничког рада из атељеа у фабрике и у подузећа. Уметник није више требао да украшава учињене предмете него суделовати у њиховом стварању. Тим начином отпала је пређашња подела на „чисту“ и „примењену“ уметност. Нажалост расклимана руска индустрија и недостатак материјала нису могли погодовати успешном provedeњу те кампање.

Немогућност безодвлачног остварења и потреба јаснијег определења своје улоге нагнала је уметнике да се замисле над честим мешањем појмова „сврсисходности“ и „утилитарности“ прављених предмета. Присташе непосредне утилитарности дошли су до потпуног одрицања уметности и посветили су своје силе чистој техници у настојању да постану проналазачи (изумитељи). Други су излучили појам „сврсисходности“ т.ј. потребу стварања нових форма ван питања по њиховом непосредном примењивању. Они су држали, да је нова форма – основана на сврсисхоћности материјала и економије – као нека полуга која покреће живот. Та нова форма развија већ друге чисто утилитарне вредности но тиме што се с њима обогачује она се сама мења и расте. Тако је пре уметник одељен од света занимао се композицијом т.ј. комбинацијом разних даних предмета. Сада он конструише т.ј. гради једно тело. Композиција је букет различног цвећа – а конструкција је бритва „jillete“. Под лозинком конструктивизма нашли су се на окупу доиста сви напредни руски мајстори без обзира на разлику преваљених путева и мимоилажења у погледима на свет: Лисицки, Родченко, Габо²²¹, Штер[е]нберг²²² и др.

Погледајмо сада како се сликарско искуство последњих десет година истакло у животу преко позоришта, јавних свечаности, украшавања градова

итд. За ново руско позориште карактеристична је првенствена улог уметника. У почетку су се уметници обрадовали позоришту као могућности: сликати у великим димензијама своја платна, обogaћујући их ефектима уметног светла. Такве су биле сцене Лентунова²²³ и др. Но доскора то је престало задовољавати те се у размеру еволуције самог сликарства истакао појам тродимензионалних (обујмених) декорација. Уметник је дошао до архитектуре. „Коморно позориште“ дало је могућности да се оствари неколико таквих сцена – (Екстер²²⁴ и др.). Позориште Мејерхолда²²⁵ посве је забацило кулисе те је архитектонски изградио цели сценски простор излазећи и у гледалиште (сцене Јакулова и групе „конструктивиста“). У Петрограду су при грандиозним сценама на слободном ваздуху, у којима је суделовало десетке тисућа, биле искоришћене у декоративне сврхе готове градске архитектуре надопуњене засебним зградама. У првим годинама револуције, када се још придавала пажња и средства народним свечаностима, уметници су били употребљавани за украшавање градова. Многи се већ у почетку нису задовољили ма и кубистичким сликањем, него су настојали да их граде. Тако на пр. у Петрограду Алтман²²⁶ и др. узимајући постојеће тргове, куће и т.д. – дали су им сасвим други облик уводећи нове архитектонске елементе. У Москви се започео грандиозан рад око украшења града за конгрес, који је нажалост услед недостатка материјала само у нацртима и скицама. У свим местима Русије уметници су на различите начине остваривали украшење градова. Надаље они су осликавали лађе, пароброде, трамваје и ограде. Занимљиво је да су радници у многим градовима сами подизали споменике употребљавајући делове машина, железa, дрвета и т.д.

У подручју саме архитектуре услед потпуне грађевне парализе главни се посао обављао у теоретском плану. Та претходна настојања налазе данас фактично остварење у државним радионицама о којима ћемо ми још говорити. Једна од ретких архитектонских појава последњих година јест нацрт споменика треће интернационале што га је уаправио Татлин, дакле не архитект него уметник. То је нов доказ органичности пута који води од сликарства путем обрађивања материјала, путем конструкције ка стварању утилитарног предмета. Споменик се има саградити из два материјала: железa и стакла. То је кула у облику чуња којој је темељ спој косе полуге и двеју спирала. На томе подножју почивају три форме из стакла: кубус, пирамида и цилиндар. У железној спирали има се сместити музеј а у стакленим деловима дворане за скупштине и т.д. Висина куле је 400 мт. Готов је само модел у висини од 5 мт.

Скулптура у Русији као и свуда иде за сликарством. Државна наруџба великог броја агитационих споменика изазвала је многа тражења за новом пластичком формом. Али сви ти покушаји одликовали су се површним поступком кубизма – не као метода него као манира. Примена расечене форме код неких скулптура по узору контра-рељефа изменило је сам карактер скулптуре (Габо).

У даљњем раду ти скулптори ујединили су се с конструктивистима погледом на потпуну заједницу задаће.

Сва настојања и резултати што смо их набројали нашли су свој развитак и наставак у радовима т. зв. „виших државних уметничких радионица“. У почетку револуције, непосредно иза уништења званичне академије наметнуло се питање о новим методама уметничког обучавања. Прва је етапа „слободне индивидуалне радионице“ где је сваки онај који је хтео изучити уметност без икаквих испита и ограничења изабирао себи учитеља под чијим је личним руководством радио. То се претворило у индивидуалну уметничку самовољу и хаос. Тада је постало јасно да за изградњу квалификованих мајстора треба створити неки општи строго научни план. При томе се под мајсторима нису разумевали сликари који обвезно праве слике него људи кадри да улију уметност у разне гране производње. Радионе се деле на следеће факултете: сликарски, скулпторски, архитектонски, дрводелски, металургички, полиграфски, текстилни, керамички и позоришни. Сликарски факултет подељен је на дисциплине где се изучавају – боја, плоштина, обујам конструкција и сл. кроз које треба да пођу и радници других факултета. Проводећи производни план, радионице су извршивале државне наруџбе: штампање књига, израђивање прикованих украса, посуда и т.д. Архитектонски факултет извежава кадре нових градитеља који ће у повољнијим условима преобразити архитектонски облик Русије. У данашње време, где у Русији тако рећи наново диже главу академска уметност, те радионе остају искуство и нада у ново мајсторство.

На крају треба напоменути следеће. Радови нових руских и западно-европских уметника у многоме су слични. Али оно што је остало на Западу у Ђелији и лабораторију приведено је у Русији вољом историје у огромним димензијама – у дело.

Ово је била нека хаотична демонстрација у неразуму са могућностима улоге уметности у будућем друштву. И у томе плану не само многи прекрасни резултати него и неуспеси имају плодносног значаја за свесне мајсторе свију земаља.

Еренбург²²⁷ – Лисицки²²⁸

Писано за „Зенит“²²⁹

Зенит, бр. 17–18. г. II, септембар – октобар 1922, стр. 50–52

Приказ изложбе руске авангардне уметности 1922. године „Кроз руску изложбу у Берлину“, који је у часопису „Зенит“ објавио књижевник и критичар В. Пољански

Ве Пољански²³⁰.

Опростио сам се од Марка Шагала²³¹. Једар, млад човек као дечак. Налазим се поново у руској изложби²³². О старима нећу говорити – мало нас интересују.

Најбројнији и најјачи су овде несумњиво супрематисти.

Малевич. Велики стваралац супрематизма. Уметник математичар, физичар, сликар, вајар, револуционер контрабуржуј – Рус без душе – Рус са духом.

Велика уметничка личност Русије, која има духа. Он поставља нове темеље – са новим елементима за конструкцију новог света – света уметности.

Сликарство прошлости, сликарство је религије калуђера и фратара – рађе-но је за цркве.

Сликарство Малевича, креирано је по највишем прохтеву данашњег времена – стварано је за фабрике! Мементо! Оно што су до данас створили руски уметници ван европског утицаја од велике је важности за европску уметност и културу. Најјачи репрезентант тога неовиснога, неевропског – рускога баш је Малевич. Најелементарнији у боји конструише форму оштру, јасну, мобилну и вечну. Форма нема објекта по коме је створена. Највиши степен чистота делавања постигао је на елементарној супрема-слици: „Црвени квадрат“.

Оквир, црвени квадрат и ништа више. Ово је слика, пред којом сам увидео, како је црвена боја добила свој најинтензивнији израз. Та боја је працрвена и вечно црвена.

На овој изложби Малевич има велику реч не само са својим делима, него и са делима осталих супрематиста, који су највећим делом, (готово сви) створени из његовог ребра. Нови светови, који чудним случајем историје висе овде на влажном немачком зиду очекују немачку „самаританску“ руку, да их скине, а у замену да пружи корицу „хљеба, хљебца, хљебушка“. (Чист приход намењен је у корист гладних у Русији!) Чорт вазми! Не купује нико ништа.

Очи се моје укочиле. Зашто ја не могу помоћи?

(Сећам се, пред пола часа одвезао се Мајаковски за Парис.)

Ево после Малевича, долази цела авангарда супрематиста и конструктивиста. (Сви не пристају да их се назива првим именом из чистих разлога – личне таштине!)

Лисицки. Други супрематиста, конструктор, спектрални специјалиста и истраживач ултравиолетних зрака. Тражи извесни пут, како да примени супрема-сликарство правој реализацији визионарних светова, који би били могућни као конкретни објекти; тражи пут, како да примени то сликарство

у животу као предмет: мост, споменик, подморница, аероплан, зракоплов, железница, и др.

Свака конструктивистичка слика мајстора Лисицкога, чини дојам, као да је то нацрт за зрачне возове у 55. веку. Психолошку генезе овога конструисања налазимо у томе, што је Русија доиста она земља, која највише треба возова – зрачних, надземних и подземних. Лисицки проширује Малевичев супрематизам и даје му огромну концепцију и замах. На његовим сликама види се толико полу-га, траверза, лукова, колотура, као да ће овога часа почети градња великог света будућности. А нигде и није тако порушено, као у отаџбини Лисицкога – у Русији.

Розанова. Трећи супрематиста, жена, која поседује много талента, већ и ради тога што је умела применити и на своју женску снагу супрематизам. Дала је приличан број радова, који улевају у нас поверење, али није елементарна. Нагиње декорацији. Несумњиво, према овоме што је оставила иза себе, имала је у себи много мушкога. Она је нажалост већ мртва.

Конструктивизам могао би се назвати – супрема-вајарство.

Татлин. Први такав (сензационални!) конструктивиста, уједно и монументалан, дематеријализује вредности злата. Ствара предмет, који су свеопшта сопственост. Дела су му пластика, коју ниједан онанистички естетичар неби могао употребити за било какovu декорацију. Једна велика декорација, коју је створио Татлин (сем позоришних декорација!) биће декорација свију Руса. То је нама већ познати споменик (види руску свеску „Зенита“ бр. 17–18)²³³. Татлин је створио тип своје пластике: контрарељеф.

Велико панкозмичко весеље прострелило је моју душу. Доживљавајући ритам ваздуха са конструкцијом простора, који постаје тело на једном Татлиновом контра-рељефу. Помоћу њега осетио сам како тугњи прасак револуције, како су исмејане декорације старих кулоара и како нови уметнички предмети делују својом механиком, серпентином линије, покретом плохе и енергијом вечне егзистенције. Иза Татлина веома јака је личност.

Родченко. Нарочито је интересантна конструкција у простору (види руски број „Зенита“). Родченко је руски Архимед. Символички узето (макар је овде искључена свака симболика) то је тезуља савремене Русије. На Родченковој конструкцији тиха је равнотежа. По свим козмичким законима уветована, те ниједна вештачки продуктована сила, не може уздрмати ову равнотежу. Нема више тако честих метеора.

Габо. Конструктор-десткриптивни скулптор. Вајар у стаклу. Организација дијагонала, кругова, елипса, парабола, хипербола – а све ове линије стварају својим покретом у простору компактну форму велике конструкције – пројектине. Конструктор успева да створи у нама ритам предмета, који има и своје време. Ова дела нису само просторна, димензионална. Дела су пластичне машине са сопственоин снагом и ритмом своје атмосфере.

Види се велика база за будуће стварање монументалне дескриптивне пластике. Та пластика будућности служиће као мостови, радиотелеграфске куле, споменици, брзи електрични возови и т.д.

Сем супрематиста и конструктивиста (исто тако само мало другачије!) који су на изложби најјачи и најрускији, заступана је и цела плејада сезаниста, вангововаца, ходлероваца, кубиста, пикасоваца, браковаца, експресиониста, импресиониста, депресиониста, дадаиста и др.

Шагал²³⁴. Један од најјачих репрезентаната немачког и општег сликарског експресионизма има у овој изложби само 5 малих акварела и цртежа. О њему није нужно говорити у вези са овом изложбом, пошто после ње отвара своју колективну [тако!] изложбу на „Unter den Linden“²³⁴.

Бурљук²³⁵ као експресиониста заостаје помало иза вредности Марка Шагала, а исто тако.

Богуславскаја²³⁶ декоратер је и љубитељ шаренила, које има нарочити женски карактер. Можда све то нема много заједнице са новом уметношћу.

Архипенко²³⁷ изложио је само четири скуптуре. Зато, пошто је ова изложба приређена са намером, да се даде преглед онога што је у последње време створено у Русији а не ван ње. Архипенко живе [тако!] већ дуго времена ван Русије а данас се налази у Берлину. Има и своју приватну академију, у којој сам често посећивао овог великог мајстора, који има најновију слабост да наглашава како није Рус него – Украјинац. Најважнији акценат у његовом стварању је свестрано искориштавање материјала (стакло, железо, дрво, лим, боја). Помоћу свега тога ефектан, оптички утисак у кубном простору. Он је изредао толико ефеката, да си постали чак његов стил – конкавно вајарство.

Надаље, већ доста је познато његово вајарско сликарство – „skulptomalerei“, помоћу кога је дошао до једне доста сретне синтезе вајарства и сликарства. Укратко ћу да завршим. „Зенит“ мора економисати – изложене су и позоришне декорације; главну „реч“ имају: Татлин, Алтман и Екстер. Алтман је најјачи по броју и по концепцији, јер му је то ваљда и главни занат. Конструирате сцену као свет ван кога не постоји ништа више.

Господи помилуј! Господи помилуј!

Р. С. Доносимо овај допис Ве Пољанскога из Берлина, који је требао изаћи још прошле године. Али пошто је било техничких запрека око часописа, који има ту несрећу да постепено услед материјалног притиска мора да мршава – доносимо га у овом броју и ако нам се чини, да опет, ради мало простора, није довољно пластичан. Нека се у мору Латина, чује мало више и о Славенима. – уредништво.

Зенит, бр. 22. г. III, март 1923, б.с.

150

Страница из каталога изложбе "Революционарна уметност Запада", где су наведена дела представника југословенске уметничке групе Зенит, Москва 1926. године

ЮГОСЛАВСКИЙ ЗЕНИТИЗМ

1247. *Зенит*, журн. (*Zenit*, NoNo 3, 10, 14, 17, 18, 23, 34–40, 1921–1926 г.г.).

1248. *Выставка Зенита*, плакат (*Zenit-Exposition*).

Л. Мицич – L. Micich, p. 1895.

1249. Портреты поэта (фотогр.).

1250. Ни о ком – ничего, или моя автобиография, рукоп. перев. с сербского (*Von niemanqem Nichts odermine Antibiografie*).

1251. Аэроплан без мотора, антиевропейская поэма (Аэроплан без мотора).

1252. Спасительная колесница (Кола за спасавање).

М. Микац – M. Mikatz

1253. Эффектный дефект. Илл. И. Клэк (Эфект на дефекту, 1923).

1254. Обезьяна-феномен. ром. Илл. И. Клэк (Феномен Мајмун, 1925).

Б.В. Полянский – B.V. Poljanski

1255. Портрет поэта (Репрод. рис. С. Петрова²³⁸).

1256. 77 самоубийц (77 samoubica, 1923).

1257. Паника под солнцем, поэма (Паника под сунцем).

Каталог выставки революционного искусства Запада. Москва, 1926, стр. 76

151

Интервју који је са књижевником Љ. Мицићем, који је направио историчар уметности З. Маркуш, објављен у сарајевском часопису „Одјек“ 1971. године

Више од четири деценије провлачио се податак о учешћу Петрова²³⁹ на Међународној изложби револуционарне уметности Запада, у Москви 1926. Петров није имао каталог у руци, а своје уверење о излагању заснивао је на усменом саопштењу Бранка В. Пољанског, једног од излагача.

Мицић ми је показао каталог, отворио одговарајућу страницу не допуштајући ни једног тренутка да га сам узмем у руке²⁴⁰. Једино ми је показао

посвету Организационог комитета на чијем је челу био П. Коган, председник Академије наука и уметности СССР-а²⁴¹. Та књижица, на свој начин израз немаштине кроз коју је тих година пролазио СССР, чија скромност стоји у обрнутој сразмери са историјским значајем, изазвала је у мени низ питања: какве су то биле Мицићеве везе и репутација да се одбор једне међународне изложбе под патронатом Академије и ВОКС-а²⁴² обраћао директно њему?

[...]

Био је још један светски песник и књижевник²⁴³ према коме је Мицић гајио крајњу аверзију: Иља Еренбург. У роману „Витезови с Монпарнаса“²⁴⁴ Мицић га је описао у нимало ружичастим бојама. У својим ауторизованим свескама, писаним на писаћој машини неколико година пред смрт, Мицић Еренбурга назива Стаљинновим „слугом“ и „шпијуном“.

Који су овде били разлози да Мицић измени став према „другу“ и „товаришу“ Еренбургу с којим су „Зенит“ и његов уредник имали толико пријатељских веза? Еренбург је био један од првих и плодних сарадника „Зенита“, а, у заједници са Лисицким, припремио је материјал за 17/18 број „Зенита“, посвећен „новој руској уметности“.

Када је Мајаковски последњи пут био у Паризу²⁴⁵ посетио је, заједно са Елзом Триоле, Мицића у хотелу и позвао да присуствује рециталу његове поезије у „Одеону“. То је, свакако, био знак пажње великог песника према уреднику часописа који је међу првима у свету штампао његову постреволуционарну поезију. Сусрет је био, по Мицићевим речима, врло топао, али после првог виђења Мајаковски се нагло охладио. Мицић ми је говорио да су у то били умешани прсти Еренбурга, који је Мајаковског непрестано држао „на оку“.

Овај догађај не би, ипак, морао да буде пресудан за формирање мишљења о Еренбургу. Мислим да је било других, много значајнијих. Од 1928. па до слома Француске Еренбург је боравио у Паризу као дописик „Правде“. Некако тих година у СССР-у је почео идеолошки погром Еренбургових истомишљеника. Неки ће прерано завршити своју каријеру (Маљевич и Татлин), док су је други завршили у Стаљиновим логорима (Мајерхолд). За то време Еренбург је удобно живео у Паризу. То је, свакако, давало повода за подозрење и резерве, поготово што је зенитизам свој идеолошки програм изграђивао на акцији са руском авангардном уметношћу, проистеклом из револуције и њеним саставним делом. Мицић се морао и духовно и морално осећати везаним са својим руским истомишљеницима.

[...]

Zoran Markuš, Razgovori sa Ljubomirom Micićem,
Odjek 1–15. novembar 1971, стр. 22

Глава 2. УДРУЖЕЊА И МЕЂУСОБНЕ ПОСЕТЕ

152

*Одломак из књиге „СССР“, српског новинара В. Драговића, посвећен
обнови културних веза Југославије и Совјетског Савеза у периоду
1927–1933. година*

[...]

Значило би неверно приказати догађаје ако бисмо се задржали само на изношењу гледишта политичких личности и на званичне додире наших дипломатских представника у иностранство с дипломатским представницима СССР.

Јер било је и других додира, да говоримо само о јавним, легалним и од наших власти допуштеним додирима. И то не од јуче.

Године 1927, јула месеца, једна група наших студената из Прага (два Србина, два Хрвата, два Словенца и један наш Словак) путовала је у Русију по одобрењу наших власти. То су били махом млађи техничари. Провели су у Русији месец и по дана, као гости Совјетске владе. У Москви им је приређен свечан дочек. Заседању Савеза совјетских студената, држаном у њихову част, присуствовали су претставници Народног комесаријата иностраних дела, Професионалног савеза и града Москве. А затим су наши студенти путовали по целој европској Русији, од Кавказа до Лењинграда.

Ускоро за овим ишла је у Москву и друга једна група наших путника: један књижевник (Драгиша Васић²⁴⁶), један новинар (Владислав Рибникар²⁴⁷) и један вајар (Сретен Стојановић²⁴⁸). Они су такође били совјетски гости, поводом прославе десетогодишњице Октобарске Револуције. Остали су два месеца. На повратку књижевник је написао књигу, новинар репортажу, а вајар начинио – такође књигу. Разуме се да су и један, и други, и трећи, имали одобрење наших власти и уредне путне исправе.

Трећи по реду покушај културног додира био је наредне године: позвани су у Москву, на прославу Художественог театра, управник Народног Позоришта (Милан Предић²⁴⁹) и директор драме (др. Бранко Гавела²⁵⁰). Путовао је само директор драме. Из новинских вести тога времена (1928) види се да је др. Гавела путовао у СССР „по одобрењу владе и њеном помоћу“.

Када је реч о културним додирима, да споменемо и један, не толико, можда, крупан, колико изразит: године 1933 појавио се у Београду један Пушкинов рукопис. Ускоро се за њ, као купац, заинтересовао Централни Музеј уметничке литературе, критике и публицистике²⁵¹ у Москви. Три имена (поред власни-

ка) спомињана су у нашој јавности: В. Довгалевског²⁵², совјетског амбасадора у Паризу, К. Фотића²⁵³, југословенског сталног делегата при Друштву Народа и Владимира Бонч-Брујевича²⁵⁴, директора Музеја. Рукопис је купљен. Али то није важно. Важна је преписка која је око њега вођена. Довгалевски и Фотић старали су се свим силама да та културна драгоценост доспе у Москву, на своје право место (с једног београдског тавана).

„Не брините, молим вас, о потпуно тачном испуњењу свих наших обавеза...“ – умирује Бонч-Брујевич продавца. – „Али морамо да размислимо како да обавимо исплату... На жалост, до сада у Југославији нема нашега посланства... Будите добри, научите нас како најбоље да урадимо“.

Али стари директор московског музеја (који је, уз то, и члан Академије) не брине само пословне бриге: „Ја вам веома захваљујем за истински словенски однос према књижевној драгоцености нашег заједничког генијалног писца, који је поштован и вољен како од стране нас, житеља СССР, тако и од житеља ваше дивне земље Југославије“.

Да би се многи још више зачудили, тај Владимир Бонч-Брујевич, који је истеран био из гимназије због ђачких немира и још 1903. пришао бољшевицима, уз своје писмо додаје следећи, по мало дирљиви *post scriptum*: „Опростите ми, молим вас, што вам пишем руски, не прибегавајући француском језику, на коме ми је теже писати, али ја сам дубоко уверен, да ћете ви, чији су претци били тако блиски нашој књижевности, добро разумети наш заједнички словенски језик, као што и ја доста добро разумем, када ми се укаже прилика да читам, древне језике Србије и других наших братских народа који су населили Балканско Полуострво“.

А да не би било двоумице треба знати да Владимир Бонч-Брујевич душом и разумом припада (иако стар) Новој Русији, да је цео свој дуги век био ватрен револуционар, бавио се питањима штампе, да је био у Сибиру и да је бежао у иностранство. Па ипак тај врло угледни научник (историчар руског секташтва и етнограф) и револуционар – говори о Србији с примесом нежности, како се у његовој земљи о Србима увек говорило...

Није нам био циљ да правимо регистар свих оваквих покушаја додире. Тај регистар, уосталом, био би много опширнији. Хтели смо, само, да зебележимо да их је у више махова било.

Јер и то, држимо, осветљава оно што је имало да дође и што је дошло.

[...]

Вук Драговић²⁵⁵, СССР

Савез Совјетских Социјалистичких Република,

Београд: Нолит, 1940, стр. 123–125

Документ Управе града Београда, који садржи вест о оснивању Друштво пријатеља Совјетског Савеза, која је била намењена дневном листу „Политика“, али није објављена јер Министарство унутрашњих дела није одобрило Правила удружења

20. августа 1940. године

ПОЛИТИКА²⁵⁶

У Београду се оснива друштво пријатеља Совјетског Савеза

Већи број истакнутих београдских јавних радника, научника и привредника поднео је Министарству унутрашњих послова пријаву и Правила Удружења пријатеља Совјетског Савеза у Београду ради одобрења. Делокрут рада Удружења по Правилима која су поднета обухвата целу територију Краљевине, сем Бановине Хрватске и Дравске бановине у којима су већ раније пријављена слична удружења.

Према поднетима Правилима циљ Удружења је да нашу јавност на објективан начин обавештава о приликама у Совјетском Савезу, да успоставља и одржава пријатељске, привредне, књижевне, уметничке, научне и спортске везе између припадника и установа Совјетског Савеза и наше земље, као и да пропагира упознавање језика, културе и привреде народа Совјетског Савеза код нас.

Пријаву за оснивање овог Удружења потписали су г.г.:

1. д-р Иван Рибар, адвокат и бивши председник Народне скупштине
2. д-р Сениша Станковић, професор Универзитета
3. д-р Ђорђе Тасић, професор Универзитета
4. д-р Сима Милошевић, професор Универзитета
5. д-р Лазар Генчић, лекар
6. Владимир Симић, председник Адвокатске коморе
7. Миодраг П. Поповић, адвокат
8. д-р Владан Благојевић, адвокат
9. д-р Петар Раичковић, адвокат
10. Светислав Мародић, главни секретар Трговинске коморе
11. Стеван Миловановић, генерални директор Осигуравајућег друштва „Србија“
12. Милош Штиблер, председник Набављачке задруге државних службеника
13. Борислав Стојанкић, трговац
14. Александар Јовановић, трговац
15. Марко Шуменковић, трговац
16. Раша Плаовић, редитељ Народног позоришта
17. Чедомир Р. Милосављевић, учитељ

На полеђини: Г. Николићу, наредити хапшење ових лица, али тако да не прими само један агент све особе већ колико лица толико агената. Привођење не вршити по ноћи већ у 7 часова изјутра. Даља истрага према овоме састојаће се у откривању позадине акције за оснивање овог друштва.

[Божидар] Бећаревић²⁵⁷

28. XII [1]1941.

ИАБ, УГБ, Док. 117, 2

154

Записник саслушања професора С. Станковића у Управи града Београда крајем децембра 1941. године, у вези са покушајем оснивања Удружења пријатеља Совјетског Савеза у Београду, августа 1940. године

Записник²⁵⁸ о саслушању Станковића д-р Синише²⁵⁹, професора Универзитета из Београда, са станом у Стојана Новаковића ул., бр. 24.

[...]

I

Зовем се д-р Синиша Станковић, редовни професор биологије на Филозофском факултету Универзитета у Београду, рођен сам 26. марта 1892. године у Зајечару, од оца Ђорђа и мајке Драгиње, рођ. Ђурић; Србин по народности, православне вере; ожењен, отац двоје деце; регулисао војну обавезу као добровољац у прошлом рату; неосуђиван, нисам под истрагом, полициски некажњаван. Душевно здрав, али телесно оболео од чира у цреву.

II

Ви се, господине професоре, узимате на испит да кажете, како је дошло до потписивања молбе за оснивање Удружења пријатеља Совјетског Савеза у Београду; да ли сте ви иницијатор, или од кога је потекла иницијатива за оснивање овог Удружења; да изложите позадину и мотиве акције за оснивање, као и да изнесете своје односе са осталим потписницима.

У августу месецу 1940. године дошао је код мене у Зоолошки институт у новој згради универзитета д-р Иван Рибар, адвокат и предложио ми, да потпишем молбу за оснивање Удружења пријатеља Совјетског Савеза у Београду, рекавши ми том приликом да код мене долази као код претставника професора културних радника, а да ће затим ићи и код претставника привредника, како би ова молба потицала из редова културно привредних. Д-р Рибара сам иначе пре тога

познавао из виђења и, пошто до тада нисам са њим имао уопште додира, а најмање по овом питању, запитао сам га, да ли намеравано Удружење неће имати политички карактер. На то ми је д-р Рибар енергично одговорио, да ће Удружење имати искључиво културно-привредни карактер. На то сам га запитао за личности са којима рачуна у својој ствари и он ми је поменуо, између осталих којих се не сећам, и: мога личног давнашњег пријатеља професора д-р Ђорђа Тасића, Владимира Симића, претседника адвокатске коморе и мог ратног друга – добровољца из прошлог рата; Светислава Мародића, Секретара трговинске коморе и још неке претставнике привредних кругова; д-р Лазара Генчића²⁶⁰ и друге којих се не сећам. Видећи, да се међу потписницима налазе виђене личности нашег друштва пристао сам да се ја такође прикључим потписницима молбе, али сам том приликом рекао д-р Рибару, да пристајем да дам свој потпис једино под условом, да друштво носи искључиво културно-привредни карактер и да буде јавно и од надлежних власти одобрено. Ово сам учинио још и због тога, што су са Совјетском унијом већ биле успостављене дипломатске везе, та сам сматрао да би наша земља од једне овакве акције могла да има само користи на културно-привредном пољу. Том приликом д-р Рибар ми је предочио и пројекат правила намераваног Удружења и ја сам, прочитавши их, установио да у њима апсолутно нема никакве политичке тенденције. После извесног времена, око месец ипо дана, срео сам д-р Рибара на улици и запитао га, како стоји ствар са одобрењем Удружења и он ми је на то одговорио, да су тешкоће врло велике и да Удружење вероватно неће бити одобрено, те да ме због тога није ни обавештавао, мислећи да ме обавести тек кад друштво буде одобрено. Према изнетом види се, да иницијатива није од мене потекла, а сматрам да је иницијатор тога могао бити једино д-р Рибар, с обзиром на то да код осталих потписника нисам наишао на интересовање по овој ствари, нити се о томе нарочито разговарало.

Мени лично није познато, да је намеравано Удружење могло да има какву позадинску страну која није била предвиђена пројектованим правилима. Ово не могу да тврдим и због тога, што је ствар око оснивања застала тако-рећи на првом кораку и ја се нисам интересовао за даљи развитак ствари. Као што сам и горе напоменуо, са осталим потписницима нисам имао какве присне односе, изузет са д-р Тасићем и у мало мањој мери са адвокатом Симићем. Са колегом д-р Тасићем сам по неки пут водио разговоре о догађајима у свету, посматрајући ток тих догађаја са чисто научног становишта, не уносећи своја лична убеђења у то. Ово могу да објасним и тиме, што као културни радник немам довољно времена ни могућности да се бавим политиком, за коју сматрам да јој такође треба поклонити пуно времена ако се жели да се ствари посматрају правилно.

[...]

Све у истакнутом питању колеге познајем, али апсолутно не знам где се налазе, изузев г. д-р Тасића, нити могу да о њима дам било какве податке. Овоме

је сигурно допринело и то, што сам био 50 дана у логору, па сам изгубио везу са најближим својим познаницима и сродницима, а камо ли не бих са колегама, особито сада када су све школе распуштене. За д-р Тасића и власти знају где се налази, пошто је данас био у Управи града Београда.

На крају изјављујем, да је мој 20-годишњи научни и јавни рад свакако допринео подизању културног живота код нас и нарочито културном престижу у иностранству, где су моји научни радови познати, особито у Немачкој, одакле и сад добијам позиве за сарадњу не једној споменици чувеном немачком научнику проф. Тинеману из плена. Сматрам, да се целокупан мој рад може у пуној мери означити као истинити националан рад и да он у првом реду демантује све инкриминације које ми се приписују.

То је мој исказ по предњој ствари. Испит ми је прочитан и моје су речи верно записане.

Синиша Станковић
Саслушао и оверава,
[нечитко]

Записничар,
[нечитко]

ИАБ, УГБ, Док. 117, 3-5

155

Смернице за оснивање и привремени рад Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР, које је Повереништво унутрашњих послова НКОЈ-а потврдило 10. фебруара 1945. године

Друштво за културну сарадњу
Југославије са СССР
Београд, Теразије, 35/II. Тел. 21-258
Чек[овни] рачун Пошт[анске] штед[ионице], Београд, 62-335

Оснивачи, међу којима се налазе и оснивачи „Друштва пријатеља СССР“, чија Правила, од тадањих власти, нису била пре 27. марта 1941 год., одобрена и то:

1) д-р Иван Рибар, претседник АВНОЈ-а, 2) д-р Синиша Станковић, претседник АСНОС-а, 3) д-р Јеврем Недељковић, ректор Универзитета, 4) д-р Вид. Гаковић, управник Савеза здравствених задруга, 5) Даца Симић, 6) Бисенија Лукић, 7) Сретен Стојановић, вајар, 8) д-р Борислав П. Стевановић, професор Универзитета, 9) д-р Павле Савић, професор Универзитета, 10) Милан Ж.

Живановић, секретар Трговинске коморе, 11) д-р Бисенија Ђорђевић, 12) Милован Ђилас, ђенерал-лојтнант, 13) Трифун М. Туцаковић, судија Трговачког суда, 14) Родољуб Чолаковић, секретар АВНОЈ-а, 15) Ђорђе Крстић, касациони судија, 16) д-р Милош Ђ. Поповић, 17) Радован Зоговић, професор и књижевник, 18) д-р Михајло Вучковић, секретар Главног задружног пословног одбора, 19) Радован Лалић, новинар, 20) Милица Б. Продановић, управник Универзитетске библиотеке, 21) Марко Ристић, књижевник, 22) Исидора Секулић, 23) Светислав Мародић, ген[ерални] секретар Трговинске коморе, 24) Лазар Стефановић, 25) Лазар Павковић, 26) Божидар Масларић, 27) д-р Јован Максимовић, књижевник, 28) Рад. Кошутић, 29) Стеван М. Миловановић, директор [осигуравајућег] друштва „Србија“, 30) Борислан Т. Стојанкић, трговац, 31) Раша М. Ђуковић, трговац, 32) Милица Кићевац-Дедијер, потпретседница АФЖ-а за Београд, 33) д-р Владислав Рибникар, потпретседник НКОЈ-е, 34) Методије Анастасијевић, адвокат, 35) Вељко Ковачевић, адвокат, 36) д-р Милорад Драгић, 37) Светислав Рајковић, књиџар, 38) д-р Кирило Савић, професор Универзитета у пензији, 39) Милан Д. Смиљанић, прота и повереник АСНОС-а за пољопривреду, 40) Павле Пазловић, 41) арх. Раша Плаовић, редитељ Народног позоришта, 42) Ђуро Салај, 43) Душан Шијан, 44) Милаш Штиблер, пензионер, 45) Оскар Данон, директор опере, 46) Радош Новакровић, 47) Рато Дугоњић, 48) Борис Зихерл, 49) Борис Вогелник, 50) Лојзе Долинар, књижевник, 51) Антон Августинчић, вајар, 52) д-р Златан Сремец, 53) Миодраг П. Поповић, адвокат, 54) Бане Андрејеџ-Ронката, 55) Јосип Рус, потпретседник АВНОЈ-а, 56) Јара Рибникар, 57) Моша Пијаде, потпретседник АВНОЈ-а, 58) Лепосава Нешић-Пијаде, шеф одељења за штампу АСНОС-а, 59) Миодраг Ристић, директор гимназије у пензији,

на овоме састанку одржаном на дан 14. јануара 1945. год. одлучили су, да се оснује:

„Друштво за културну сарадњу Југославије са СССР“ са седиштем у Београду.

На истом састанку, оснивачи су изабрали Акциони одбор, у који су ушли:

1) д-р Михајло Вучковић, 2) Милица Продановић, 3) Светислав Мародић, 4) д-р Вид. Гаковић, 5) Јосип Рус, 6) Милан Смиљанић, 7) Бисенија Лукић, 8) Сретен Стојановић, 9) Радован Зоговић, 10) Бане Андрејеџ-Ронката, 11) Миодраг Поповић. 12) д-р Златан Сремец, 13) Раша Плаовић, 14) Борис Зихерл, 15) Лазар Стефановић, 16) Борислав Стојанкић, 17) Вељко Ковачевић, 18) Родољуб Чолаковић, 19) Милан Ж. Живановић.

Оснивачи су Акционом одбору ставили у дужност, да изради: „Смернице за оснивање и привремени рад Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР“, и да их у њихово име поднесе на одобрење надлежној власти.

Поступајући по овој одлуци оснивача, Акциони одбор израдио је и даје ове

С м е р н и ц е

За оснивање и привремени рад Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР

I

Оснива се „Друштво за културну сарадњу Југославије са СССР“ са седиштем у Београду.

Подручје делатности Друштва је цела територија Демократске федеративне Југославије.

II

Задатак је Друштва, да свим прикладним сретствима ради на упознавању земље СССР и на стварању и одржавању културне сарадње између народа Демократске Федеративне Југославије и народа Савеза Совјетских Социјалистичких Република, а нарочито:

1) Да организује и помаже организовање учења руског језика путем курсава, школа итд.;

2) Да набавља и растура по целој земљи књиге, часописе, новине и све друге публикације, које се издају и штампају у СССР, првенствено на руском језику и да оснује своју јавну библиотеку са читаоницом у Београду;

3) Да набавља књиге, часописе, новине и све друге публикације, које се издају и штампају на свим народним језицима у нашој земљи и да их ставља на расположење одговарајућим и заинтересованим друштвима, организацијама, установама, итд. у СССР;

4) Да организује и помаже организовање јавних предавања из свих области културнога живота и активности народа СССР, ради тога, поред предавања наших научника и осталих јавних радника, организоваће и помагаће организовање предавања научника и других јавних радника из СССР у нашој земљи, односно наших научника и других јавних радника у СССР;

5) Да организује и помаже организовање: музичких концерата, позоришних претстава, књижевних предавања и академија, уметничких изложби и свих осталих уметничких манифестација, на којима ће се изводити или излагати дела уметника СССР, посретством наших уметника, уметничких група или организација, као и долазак уметника, уметничких група или организација из СССР у нашу земљу и одлазак наших у СССР; ради извођења и излагања дела наших уметника;

6) Да организује и помаже организовање путовања група наших радника, сељака, привредника, научника, уметника, лекара и других јавних радника, њихових друштава и организација из свих крајева наше земље у СССР, ради упознавања или студија земље, живота и рада у СССР, као и долазак одговарајућих група, друштава и организација из СССР у истоме циљу у нашу земљу, и

7) Да организује и помаже организовање обостраних манифестација из области физичке културе и других манифестација, културнога значаја, које нису изрично поменуте и набројане.

III

Своје задатке Друштво остварује преко секција и стога ће одмах основати следеће секције за: 1) руски језик и књижевност, 2) проучавање рада и радништва, 3) проучавање села и сељаштва, 4) просвету, 5) музику, 6) ликовну уметност, 7) позориште, 9) урбанизам, 9) егзактне науке, 10) друштвене науке, 11) право, 12) социјалне установе и акције, 13) медицину, (хигијена и здравство), 14) привреду, 15) филм, и 16) физичку културу.

Друштво ће основати и друге секције за којима се потреба укаже.

IV

Акциони одбор овога Друштва преузеће на себе иницијативу, да се у свима седиштима појединих федералних јединица за њену територију оснују Друштва за културну сарадњу са СССР. Са овако основаним друштвима Акциони одбор ступиће у најтешњу сарадњу.

V

Када се организују друштва за културну сарадњу са СССР у свима или у већини седишта федералних јединица, Акциони одбор Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР са седиштем у Београду, позваће делегате тих федералних друштава, на оснивачку скупштину у Београду, која ће донети „Статут Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР“. Тим Статутом биће дефинитивно одређени задаци овога Друштва, његов однос према осталим оваквим друштвима за федералне јединице, и Статутом ће се одредити потпуна и дефинитивна организација овога Друштва.

VI

Док се не донесе Статут овога Друштва, Акциони одбор конституисаће се бирајући из своје средине претседника, три потпретседника, главног секретара и два секретара, благајника и библиотекара Друштва. Акциони одбор водиће све послове овог Друштва као његова управа, све док се не донесе Статут у смислу става V ових Смерница.

VII

Ове Смернице поднеће се на одобрење Повереништву унутрашних послова НКОЈ и ступају на снагу, када их оно одобри.

Рађено у Београду 1. фебруара 1945. године.

Чланови Акционог одбора,

1) д-р Михајло Вучковић;	12) д-р Златан Сремец;
2) Милица Продановић;	13) Раша Плаовић;
3) Светислав Мародић;	14) Борис Зихерл;
4) д-р Вид. Гаковић;	15) Лазар Стефановић;
5) Јосип Рус;	16) Борислав Стојанкић;
6) Милан Смиљанић;	17) Вељко Ковачевић;
7) Бисенија Лукић;	18) Родољуб Чолаковић;
8) Сретен Стојановић;	19) Милан Ж. Живановић;
9) Радован Зоговић;	20) Адем Каменица;
10) Бане Андрејевић-Ронката;	21) д-р Мехмед Беговић;
11) Миодраг Поповић;	22) Драгаш Денковић

Повереништво Унутрашњих послова НКОЈ-а потврђује „Смернице за оснивање и привремени рад друштва за културну сарадњу Југославије са СССР“, као што стоји у нашем решењу број 212/45 од 10. II 1945. год.

М.П.

Помоћник Повереника
Унутрашњих послова
Потпуковник М. Радовић, с.р.

10. фебруара 1945. г.
Београд

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 530. Л. 15–16 об.

795

156

Извештај ВОКС-у о делатности Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР-ом од 14. I до 31. III 1945. године

I

Еще в средине 1940 г. група белградских общественных и культурных деятелей во главе с д-ром Иваном Рибаром, нынешним председателем Антифашистского Совета Народного освобождения Югославии, сделала попытку основать общество друзей Советского Союза с центром в Белграде. Деятельность общества должна была распространяться на всю территорию Югославии. Вслед за тем последовали попытки основать такие же общества в Сараеве (для Боснии и Герцеговины), в Люблянах (для Словении) и в Загребе (для Хорватии).

Несмотря на то что в то время уже существовали дипломатические отношения между Югославией и Советским Союзом, тогдашний профашистский и антинародный режим пресек в корне такую акцию и запретил основание этих обществ. Вследствии этого, кроме высказанного желания основателей, которые представляли широкие народные слои, искренне преданные этой акции, никакого другого успеха не оказалось.

II

В течение войны все народы Югославии своим видным участием в вооруженной борьбе против фашистских захватчиков доказали свою искреннюю дружбу Советскому Союзу. Поэтому новая Югославия под водительством своего Маршала Иосифа Броз Тито не имела потребности создавать Общество друзей Советского Союза, ибо в таком обществе членами был бы весь народ. В связи с этим по освобождении Белграда, после нормализации жизни, по инициативе активных представителей народно-освободительной борьбы, 14 января этого года состоялось собрание для обмена мнениями в связи с основанием Общества для культурного сотрудничества Югославии с СССР. Сейчас народы Югославии ощущают потребность такой организации, которая бы через соответствующих культурных работников СССР и Югославии работала на ознакомление, сближение и взаимное использование достигнутых культурных успехов братских народов Югославии и СССР, соединенных общностью борьбы. На этом собрании в качестве основателей присутствовали не только прежние основатели Общества друзей СССР, но и целый ряд других видных культурных работников, между ними много писателей, музыкантов, художников, артистов и других, которые не могли из-за фашистского террора, дабы не повредить всей акции, принять участие при создании Общества друзей СССР, т.к. вся акция была бы объявлена коммунистической и все члены были бы подвергнуты арестам и преследованию.

Ввиду того, что еще не вся территория Югославии освобождена (части Боснии и Герцеговины, Хорватия и Словения), то не было возможности сейчас же выработать окончательный статут Общества, и вместо этого были составлены временные правила. Так как Югославия ныне делится на 6 федеративных единиц (1 – Словения, 2 – Хорватия, 3 – Босния и Герцеговина, 4 – Сербия, 5 – Черногория и 6 – Македония), то предполагается основать в каждой из этих единиц общество культурного сотрудничества (например, Сербии) с СССР. Кроме того, предполагается и Общество культурного сотрудничества Воеводины с СССР. Эта значительная область северо-восточной части Югославии, которая по своему этническому, географическому, экономическому и культурному индивидуалитету представляет отдельную часть Югославии и как область будет, вероятно, в границах федеративной Сербии. Таким образом,

в Югославии будет 7 обществ, каждое с центром в главном городе соответствующей федеральной единицы, и, кроме того, Общество для культурного сотрудничества Югославии с СССР, чья деятельность будет распространена на территории всей Югославии, с центром в Белграде, и которое одно будет представлять Югославию перед Советским Союзом. До сих пор основаны общества: 20 февраля э.г. в Новом Саде для Воеводины во главе с проф. д-ром Миланом Петровичем, 11 марта э.г. в Скоплье для Македонии во главе с Павлом Шатовым и 18 марта э.г. в Белграде для Сербии во главе с Владимиром Рибником, министром просвещения. Сейчас основывается общество в Цетинье для Черногории, а как только будут освобождены от немецких захватчиков Сараево, Загреб и Любляны, то и там будут основаны такие же общества.

III

Наше общество в Белграде все еще находится в организационном фазисе своей работы, которая затруднена тем, что германские фашисты, убегая перед Красной Армией и Народно-освободительной Армией, уничтожили технические средства. Но все же общество уже провело целый ряд акций, кроме основания вышеназванных обществ в провинции, а именно:

1) 21.I э.г. устроено траурное заседание, посвященное памяти Владимира Ильича Ленина, с лекцией, декламациями и участием филармонии. Это заседание состоялось в самом большом белградском зале (Коларчева задужбина) в присутствии 1500 лиц.

2) Между 2 и 26 февраля э.г. состоялись в Белграде гастроли советских артистов: Валерии Владимировны Барсовой, Георгия Васильевича Брюшкова, Ильи Петровича Богданова, Владимира Димитревича Голубина, Алексея Александровича Иконникова, Галины Семеновны Козолуповой, Суламифи Михайловны Месерер, Николая Андреевича Миронова, Сергея Владимировича Образцова, Ольги Александровны Образцовой, Анатолия Ивановича Орфенова и Николая Федоровича Першина. Находясь в Белграде, они были гостями нашего общества и Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии. Свой первый концерт они устроили для Маршала Тито, правительства, культурных деятелей и антифашистских организаций. Затем ими были устроены три концерта для молодежи, армии, синдикатов и для женщин-антифашисток. Все эти концерты были бесплатными, а весь приход от своего последнего концерта в субботу, 24 февраля э.г., передали синдикату рабочих Белградского народного театра. Кроме того, ими был устроен один концерт для раненых бойцов Красной Армии и Югославской Армии. Артист Анатолий Иванович Арфенов гастролировал в опере „Евгений Онегин“. Артистам устроили сердечный прием и встречи с югославскими артистическими кругами в Музыкальной академии, Белградской радиостанции, в Исполнительном

народно-освободительном комитете города Белграда, Сербском комитете женщин-антифашисток, банкетах нашего общества и Всеславянского комитета. Они были приняты Маршалом Тито, который выразил желание лично с ними познакомиться как с представителями советского искусства. Все артисты награждены орденом Братства и Единства со стороны нашего правительства. Они посетили Новый Сад между 18 и 21 марта и там устроили два концерта. Вследствие плохих путей сообщения пришлось отказаться от гастролей в Сплите (Далмация), вместо этого артисты уехали в Скопье, а оттуда уехали в Битолю и Прилеп (Македония). Это первое посещение видными советскими артистами было крупным событием для нас, послужившим воодушевленным манифестациям братства наших славянских народов и для настоящего наслаждения советским искусством. Все встречи советских артистов с публикой были необыкновенно сердечны, а интерес к ним со стороны публики был необычайно большой. Так как мы не имеем в Белграде больших концертных залов, то слышать советских артистов могли только около 5000 человек.

3) Наше общество 23 февраля э.г. открыло выставку в художественном павильоне в Белграде, посвященную борьбе Красной Армии и зверскому уничтожению германскими фашистами культурных памятников в СССР. На торжественном открытии выставки присутствовали представители Верховного штаба Югославянской армии, АВНОЮ, правительства, антифашистских организаций артистов, рабочих, и молодежи. Материал для выставки общество получило от Военной миссии СССР и Югославянской Армии. Было выставлено около 300 фотографий. Выставка продолжалась 16 дней, и ее посетило около 31.000 человек. Особый интерес вызвали части выставки, посвященные Сталинградской эпопее и варварскому уничтожению культурных ценностей германскими фашистами. Общество предполагает устроить такую же выставку и в других городах Югославии, и в самом скором времени подобная выставка будет открыта в Новом Саде. Общий приход от выставки в Белграде составил дин. 187.000, по покрытии расходов обществу остался чистый приход в сумме дин. 103.000.

4) Между 8 и 15 марта этого года в Белград прибыла вторая группа советских артистов, и именно: Елена Кругликова, Ольга Лепешинская, Давид Бадридзе, Петр Киричек, Петр Гусев, т. Задорски, Лев Оборин, Давид Ойстрах, Эммануил Каминка, Алексей Зыбцев и Абрам Макаров.

Этими артистами был устроен торжественный концерт для представителей власти и организаций и 4 концерта для публики. Приход от этих концертов артисты передали раненым югославским бойцам, Белградской филармонии и нашему обществу. Ими же был устроен концерт для красноармейцев и для наших бойцов и второй концерт – для раненых. Артистка Елена Кругликова и артист Давид Бадридзе солировали в опере „Евгений Онегин“. Встречи

с артистическими кругами Белграда состоялись на приеме у нашего Маршала Тито, на приеме в Народном театре и на банкете. Все артисты по предложению нашего правительства получили от АВНОЮ ордена Братства и Единства. Вся белградская печать с огромными симпатиями отмечала большие успехи этой группы советских артистов, которые с огромным усердием, преодолевая самые большие трудности, за короткий промежуток времени устроили несколько выдающихся концертов, которые посетили 7000 человек. Из Белграда артисты вернулись в Москву; при встрече советских артистов и их чествовании в Белграде участвовало и наше общество в сотрудничестве с Всеславянским комитетом.

5) Наше общество устроило торжественную демонстрацию фильма „Чапаев“ 20 марта э.г. в присутствии советских режиссеров, братьев Васильевых. Братьев Васильевых приветствовал товарищ председателя нашего общества, а после фильма братья Васильевы приветствовали публику. Сам фильм, который из-за своего героя и одноименного романа очень популярен, вызвал огромное воодушевление и восторги. В течение речи режиссера Васильева около 1200 присутствующих устроили бурные овации величественной победе славянских народов над германскими захватчиками и вождям наших народов т. Сталину и т. Тито. На следующий день демонстрировали в присутствии правительства, дипломатического корпуса и артистических кругов кинокартину „В 6 часов вечера после войны“, а 28 марта э.г. – фильм „Иван Грозный“. Эти две кинокартины были восторженно приняты публикой и имели огромный успех и при их дальнейшем показе белградскими кинотеатрами.

IV

Наше общество предполагает проводить свою деятельность при помощи 17 секций, а именно: 1) Русского языка и литературы, как и языков и литературы других народов СССР; 2) Изучение рабочего вопроса; 3) Изучение крестьянского вопроса; 4) Просвещение; 5) Музыка; 6) Художественная секция; 7) Театральная секция; 8) Секция урбанизма; 9) Секция естественных наук; 10) Секция общественно-политических наук; 11) Юридическая секция; 12) Секция социальных учреждений и акций; 13) Медицинская секция (гигиена и здоровье); 14) Экономическая секция; 15) Фильмы; 16) Физкультура и здоровье; 17) Техника. В каждую из этих секций будут избираться все члены, которые могут активно участвовать в реализации задач, поставленных [перед каждой] секцией. Общество предполагает дать каждой секции до такой степени автономный характер, что она будет почти самостоятельной организацией общества для сотрудничества на том или ином секторе культурного строительства, но, конечно, под общим руководством правления нашего общества. Общество надеется, что достигнет полного успеха, т.к. в кругах наших лучших

культурных работников существует огромный интерес и каждый из них старается дать максимум возможного.

Мы считаем необходимым срочную посылку крупным советским библиотекам (напр., Библиотеке имени Ленина, при Московском университете) всех книг, периодических изданий и газет, вышедших после освобождения Югославии. Позже мы будем высылать и довоенные издания, которые сейчас очень трудно найти. Для нашей работы нам тоже нужна была бы литература, в смысле работы отдельных секций. Такую литературу мы не можем найти, а поскольку и могли бы, то, откровенно говоря, при наших стесненных материальных обстоятельствах такая литература для нас недоступна. Ввиду того что наше государство из-за войны переживает тяжелый экономический кризис и все денежные средства идут на борьбу против неприятеля, который все еще держит в своих руках часть нашей территории, то наше правительство не может в достаточной мере оказать [нам] финансовую поддержку. Но зато мы пользуемся со стороны этого правительства полной моральной помощью, большими симпатиями и полной готовностью пойти нам навстречу во всех отношениях. Через нашу делегацию, которая недавно была в Москве, мы получили от ВОКС-а книги и 7-ю симфонию Шостаковича. Белградская филармония уже репетирует эту симфонию, и мы надеемся что еще в течение этой весны она будет исполнена в Белграде.

Таков в главных чертах отчет о трехмесячной деятельности нашего общества. Результат работы нас не вполне удовлетворяет, мы бы хотели большего, но в эту работу было вложено максимум напряжения. Лучшего результата нельзя было получить из-за того, что мы не имели своего помещения, а когда таковое получили, то за неимением технических средств и дров не имели возможности пользоваться этим помещением. Мы уверены, тем не менее, что сможем развить в самом недалеком будущем деятельность нашего общества благодаря воодушевленному приему со стороны самых широких кругов факта основания нашего общества. Особенно расцветет деятельность общества по окончании войны, которая все еще терзает отдельные части нашей родины.

Друштво за културну сарадњу Југославије са СССР
Акциони одбор

Секретар, Миодраг Попович
Претседник, Р. Чолакович

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 530. Л. 8–14

Глава 3. СОВЈЕТСКИ ФИЛМОВИ У ЈУГОСЛАВИЈИ

157

Чланак „Руски филмови код нас“; о совјетским филмовима откупљеним за приказивање у Југославији, који је филмски критичар М. Микаџ објавио 1935. године у часопису „Нова Европа“

Руски тонфилмови стигоше, најзад, и к нама, након много година нестрпљива чекања, након тога што су на јуриш освојили многе друге мале и велике земље, након тога што су нашој лаковјерној јавности разни пољски или чешки филмови (са пар руских реченица и у руским униформама) несавјесно сервирани као прави и непатворени совјетски филмови. Данас и код нас пише на рекламним плакатима и у новинским огласима: „Made in Moskva“, или у Лењинграду!

Први совјетски тонфилм „Пут у живот“ – први који је прешао границе Русије, и први који је прешао границе Југославије, – није био најсусретљивије примљен од наших надлежних. Процес цензурирања трајао је неприродно дуго: филм је неколико пута забрањиван; а кад је ипак дозвољен за приказивање, поново је забрањен, а затим опет дозвољен. Тако је пред очи наше јавности дошао са приличним закашњењем и прилично искасапљен. Његова појава код нас изгледала је, због свега тога, случајна. Али су се за посљедњих мјесеца прилике у том погледу поправиле. Неколико совјетских филмова, без нарочитих сметња, шетају се по нашим кинематографским платнима, на велико задовољство и власника кинематографа и јавности. Једно домаће предузеће објавило је и продукцију која се састоји само од руских филмова, и увјерено је да ће успјети да је изнесе неокрњену. О овим филмовима писаћемо други пут; овом приликом желимо само да саопћимо своје дојмове поводом оних руских филмова који се сада приказују у нашим кинематографима. Ти филмови јесу: „Гроза“ (код нас „Бура“), „Чељускинци“, „Пастир Костја“ (који је реклама, сасвим погрешно, прогласила „првом совјетском оперетом“), „Пјесма на Волги“, и „Господа Головљеви“.

Руски тонфилмови дошли су к нама касно, како рекосмо, али не прекасно. Напротив, да се нису појавили тек сад, можда не би била толика сензација. Овако, они долазе у часу кад је јавност, с једне стране, засићена њемачким и америчким филмовима, који у идејном погледу само изузетно доносе нешто ново; с друге стране, наша грађанска штампа, и поред своје очигледне несклоности према словенској браћи у Совјетској Русији, каткад ипак не може да сакрије своје задовољство што су извјесни руски филмови негдје у великом

свијету били дочекани не можда са случајним или купљеним успјехом, већ са правим правцатим одушевљењем, па су и овакве вијести домаће, а још више стране, штампе током посљедњих година створиле код јавности мишљење да ти филмови представљају нешто нарочито. Осим тога, за руске филмове говори и стално будан интерес за Совјетску Русију на цијелом свијету. Кад су дакле руски тонфилмови, најзад, стигли, одушевљење за њих ухватило је још дубљи корјен. Али, ово одушевљење, зато што је слијепо, заблуда је од које би могли да трпе штету у првом реду баш руски филмови!

Заблуда је, слијепо се одушевљавати сваким совјетским филмом, и свим оним што видимо у једном таквом филму, јер совјетски филмови квалитативно нису једнаки! Узмимо „Пут у живот“, који се бави судбином запуштених, приказујући покушај совјетске власти да спасе младе скитнице. Колико критичкога духа, психолошке вјерности, вјештине у изражавању и сугестивне моћи, колико једноставности и заноса! Ако у кино не идемо само зато да се забављамо, или да некритички примамо оно што је режисер хтио (или није хтио) да изрази, онда се морамо добро чувати да с истим задовољством, као несвршено и непогешно, примимо, напримјер, филм „Гроза“. Ни име Островског, по чијем је дјелу рађен, ни награда на међународној филмској изложби у Венецији, ни његов руско-совјетски извор, не смију бити разлогом да не видимо да је овај филм једна доста безначајна слика сеоског живота, не нарочито оригиналан, са много патоса и неуспјелог симболизма. Са „Чељускинцима“ напротив (филмом о чувеној експедицији совјетског брода „Чељускин“), не може се мјерити ниједан од многобројних експедиционих филмова који су у другим земљама снимљени прије њега, па ни најозбиљнији од њих, јер у њему нема режијске намјештености, већ је сав гола стварност.

Посебно мјесто међу совјетским филмовима, и међу филмовима уопће, заузима „Пастир Костја“, тобоже „прва руска оперета“, а – у ствари – филм далеко од сваке оперете, тобоже „прилагођен“ и „стабилизиран“, па и „компромисан“ и „нетенденциозан“ филм, а – у ствари – дјело које је логично морало да никне у земљи која руши грађанске традиције, и у доба кад су Нијемци (и прије доласка националних социјалиста на власт) преобилним продуцирањем оперета, и још к томе рђавих, ову врсту филмова учинили непробављивом за људе и са мало укуса и здрава разума. „Пастир Костја“ је, бесумње, необично оригиналан филм; и исто тако нема сумње да ће га на стотине начина опонашати и у Русији и на западу Европе, и у Америци, и да ће га опонашати и нови Руси и њихови симпатизери, па чак и они које овај филм жигоше. Али све то још не смије да буде поводом да се о „Пастиру Костји“ говори и пише само у суперлативима; или да се најивно вјерује, да је због тога што је духовито персифлирао оперету уједно и покопао оперету; или да се тврди, да је технички „надмашио чак и Американце“. У овом филму двоје је изван дискусије: идејна и музичка

оригиналност; али је темпо (фотографски) у самом почетку нешто и сувише брз, а фотографија при том упадљиво слаба. Сцене на плажи су, с обиром на режију и глуму, тако слабе и почетничке да их не може да извини ни то што би требало да буду гротескне. Ни сцене у панзијону, које су можда зато и преопширне да би што упадљивије иронизирале малограђанске забаве, нису духовите. Ако је све ово снимљено зато да прикаже плиткост и глупост малограђанског начина забављања, онда је циљ промашен, јер се публика најслађе смије баш овим сценама, неопажавујући жалац; а ако је то снимљено само зато да позабави публику, онда му нема мјеста у овом филму, јер и сувише потсјећа на старе (нијеме) америчке шале! Тек кад радња прелази у град, „Пастир Костја“ се толико диже да се лако опраштају замјерке које се морају учинити у почетку.

У посљедње вријеме све чешће се чита, како је руски филм изгубио своју оштрину, како је постао нетенденцијозан и зато „умјетничкији“, како је – ријечју – учинио извјесне концесије грађанском схватању. Ако ово мишљење развијемо даље, доћи ћемо до тога да је руски филм, упоређен са филмовима других народа, а можда и због њих (да би им трговачки могао конкурисати), постао компромисан. Прије свега, заблуда је уопће потезати питање о тенденцијозности, т.ј. тенденцију коју филм има саму по себи узимати као доказ да филм не ваља и да није „за све“; све зависи од ствараоца, т.ј. од тога како је тенденцијом „зачињен“ филм. Тенденцијозност филма може да буде узроком неприказивања једног филма у неким земљама, може да створи нерасположење код цензуре и код противника, али нема никакву везу са самом вриједношћу филма. То доказује успјех (и умјетнички) првих совјетских (нијемих) филмова, који су готово без изузетка били тенденцијозни, и још к томе револуционарни. Стање у ком се данас налази руски филм јесте, по себи, резумљива еволуција: у доба кад су престали грађански ратови, и кад је ратовање замијенио конструктиван рад, филм, који је у Русији све прије него празна забава, или средство обичне пропаганде, није могао остати на ранијој степеници. И да није потегнуто питање „тенденциозности“, да једни нису величали „тенденције“ руских филмова а други их нападали и плашили их се, совјетски филмови би још много раније нашли били пут у све земље.

Данас, кад послје много година чекања можемо и у нашим кинематографима да гледамо руске тонфилмове несамо као случајне метеоре, потребно је да сачувамо своју хладнокрвност и да их, с једне стране, не прецјењујемо; а с друге стране, да не потцјењујемо оне филмове који не носе ознаку „Made in Russia“, кад то не заслужују. У противном, ако одмах од почетка не будемо довољно критични, лако би се могло догодити да широка јавност послје првог одушевљења сасвим охладни за руске филмове, да их се засити, као што је данас сита разних њемачких оперета. Ако јавност већ сада не научи да у руским филмовима цијени оно што је несамо ново већ и вриједно, оно

по чему се руски филмови разликују од производа других народа и што им даје трајну вриједност, а не чини их само пролазном модом, ти филмови ће за масе и сувише брзо изгубити своју драж и привлачност. А то би била штета, јер је досада само руским филмовима успјело да извојште побједу духа и разбора, у доба кад се позитивне вриједности у филмском свијету тако често запостављају ради трговине. Широка јавност треба руске филмове да научи гледати другим очима него велику већину филмова осталих народа, јер су руски филмови друкчије стварани: оно што је најбоље у њима није техника и рутина, већ здрав разум и најужи контакт са земљом, односно са реалним животом.

Маријан Микац

Нова Европа, књ. XXVIII, бр. 3, март 1935, стр. 88–91

158

Чланак „Нови руски филмови“, о совјетским филмовима уочи њиховог откупа за приказивање у Југославији, који је филмски критичар М. Микац објавио 1935. године у часопису „Нова Европа“

У прошлој филмској и кинематографској сезони (која је започела у јесен 1934. а завршила са прољећем 1935.), први пут је једно наше домаће подuzeће за изнајмљивање филмова објавило и изнијело на југославенско „тржиште“ своју продукцију која се састојала искључиво од руско-совјетских филмова. То наше подuzeће (Atlantis film) поднијело је, у прошлој сезони, на цензуру осам руско-совјетских филмова, од којих су шест дозвољени за приказивање у Југославији, док су два забрањена. Цензурирани су слиједећи филмови: „Бура“ („Гроза“), „Чељускинци“, „Пастир Костја“²⁶¹. „Пјесма на Волги“, „Господа Головљеви“, и „Петроградске бијеле ноћи“; а забрањени су: „Златне горе“, и „Хармоника“. Успјех, несамо моралан, већ и материјалан, а у посљедње вријеме и сусретљивије држање наших цензурних власти према совјетским филмовима, потакли су исто предузеће да и за нову сезону (1935/36) састави продукцију такођер искључиво од руско-совјетских филмова; њихов број повећан је најприје на четрнаест, а онда и на петнаест филмова, а није искључено да се у току сезоне још повећа. Ови су филмови изабрани између већег броја филмова које су Руси спремили за експорт, те према томе представљају оне производе руско-совјетскога филма који – по мишљењу увозника – највише одговарају укусу југословенске јавности; али за које има и највише изгледа да ће их код нас цензура одобрити за приказивање.

Овлаштени смо да већ сада саопћимо наслове ових нових руских филмова, и да о њима пружимо прве, најосновније, информације. „Летећи људи“ је први филм на списку атлантисове продукције; то је, наводно, „комедија из живота авијатичара“. За њим слиједи: „Под куполом циркуса“, о којем и сам увозник за сада зна само толико, да режију води Александров, а да главну улогу игра Орлова (позната из филма „Пастир Костја“), док је музику компоновао Дунајевски. „Љубав и завист“ је драма у којој глуме готово саме жене; главну улогу игра Цесарскаја. „Пепо“ је фолклористички филм. Драма „Граница“ одиграва се на руско-пољској граници. „Златно језеро“ је први совјетски пустоловни филм, и то из живота руских копача злата. „Чапајев“²⁶² (по роману Фурманова) приказује револуционарно доба година 1919–1921. Од историјског филма „Петар Велики“ очекује се да ће бити један од највећих руских филмова. „Аероград“ отвара сасвим ново поглавље руског стваралачког духа, то је фантастичан филм са далеког истока. „Руски славуј“ је филм у бојама, који сами руси непретенцијозно називају „музичком комедијом, док ће га реклама, бесумње, прекрстити у „оперету“ (као што је то погрешно учинила и са филмом „Пастир Костја“, који је за Русе исто тек „музичка jazz-комедија“). Један филм – „Једном љети“ – потјече од познатих руских писаца Иљфа и Петрова (писци сатиричних романа „Златно теленце“ и „12 столица“; овај посљедњи филмовали су Чеси). „Љубавне заблуде“ је филм са „много љубавних заплета, плесова, пјевања“, како каже увозник. Најзад: „Посљедњи крижари“ и „Предстража“, о којима засада недостају и најмршавији подаци; и петнаести филм, којем је непознат и наслов, али се зна да је снимљен по једном роману Шолохова, а главну улогу игра Цесарскаја. – Маколико мршави, непотпуни, и неодређени били ови подаци о новим руским филмовима који ће бити приказивани код нас, они ће бити довољан мамац за наше кинематографе и за јавност. Руски филм се кроз ово кратко вријеме тако добро увео код нас, да већ сам по себи представља вриједност и заслужује повјерење; поближе ознаке су готово сувишне. Само зато и може „Atlantis film“, у објави своје продукције за 1935/36, да сумарно наброји наслове филмова, глумце (Илински, Ема Цесарскаја, (Ањута) Орлова, Тарасова, Утјесов, Гардин, Москвин, Добронравов, Царев), режисере (Александров, Пудовкин, Петров, Ајзенштајн, Довјенко [тако!], Васиљеви, Шнајдеров), писце (Толстој, Достојевски, Иљф и Петров, Шолохов, Горки, Шчедрин, Салтиков²⁶³), док музичаре, пјеваче, плесаче, техничаре, и „остале умјетнике“, нити именом не спомиње; само зато може и да остане у границама скромности, необичне за наше прилике, те да похвали своју „робу“ без много рјечитости: „ови филмови су добри!“... Јер и власницима наших кинематографа, и широј јавности, једино је важно: – да је филм руски!

Ипак, фронт јавности, фронт редовних посјетилаца кинематографа, већ послје прве „руске“ сезоне, која нам је донијела само неколико филмова, није

јединствен! Публика се већ почела опредељивати и према руским филмовима; она има својих већих и мањих симпатија за њих, иако је још равнодушна према именима њихових стваралаца и учесника. Али није равнодушна према карактеру руских филмова! Прошла сезона је – у бројкама – показала, да наша публика претпоставља руску „оперету“ руској драми, и није случај да је најбољи материјалан успех у прошлој сезони постигао „Пастир Костја“, а најслабији „Господа Головљеви“. На овај начин, широке масе гледалаца односе се према руским филмовима баш као и према филмовима сваке друге провенијенције, код којих такођер оперету претпостављају драми, једино што руска марка сада више привлачи. Ми смо уосталом (у „Новој Европи“ од марта ове године) већ истакли, како је потребно, да наша јавност научи по чему се руски филмови разликују од других филмова, да их гледа „другим очима него велику већину филмова осталих народа“. Али наш просјечни посјетилац кинематографа и од руског филма тражи у првом реду разоноду, и само разоноду, и он зато руску „оперету“ претпоставља руској драми, као што и њемачку оперету претпоставља њемачкој драми, и т.д. он још не види да у совјетским филмовима има нешто типично руско (и то руско-совјетско), што руску драму везује са руском „оперетом“, а што руску „оперету“ (у ствари руску музичку комедију) никада неће приближити њемачкој. Због тога би требало обратити пажњу, да руски филмови не буду тек обична роба за продају, зараду, забаву; па је у том смислу занимљива изјава коју је један од шефова „Atlantis filma“ у Загребу дао једном нашем стручном листу, а у којој има и ово:

Прије свега смо посве избацили из нашег програма такозване „тешке“ филмове. Током прошле сезоне доказало се, да ти „тешки“ филмови, који обрађују један озбиљан, и да се тако изразим, крвав проблем, нису наишли на онај пријем код публике који се може очекивати с обзиром на велик културни значај и на умјетничку вриједност тих филмова. Изгледа да су то увидјели и сами руси, јер ове године доносе они и за своју употребу готово искључиво веселе и забавне филмове, без икаквих проблема и пропаганде. То је, мора се признати, здрав темељ за филмску продукцију, а осим тога значи одлично и корисно везивање умјетничког схватања руских режисера са захтјевима наше публике. Дакле, ове године ћемо имати саме веселе филмове у манири „западних“ шлагера, са много глазбе, хумора, и интересантном радњом.

Истина је, да су многи руски филмови изгубили своју револуционарну тенденцију; али они при свем том немају ништа заједничко са њемачким, француским, енглеским, или америчким филмовима. Руска филмска комедија друго је него „западни шлагери“, баш као што се и руска књижевна сатира и хумореска разликују од сличних производа западно-европске књижевности. То су два

различита свијета! Руска хумореска, као и руска филмска „оперета“ (или тачно комедија), „тешка“ је на свој начин; па као у филму „Пастир Костја“ тако и у новим руским комедијама има много дубине и „тежине“, више него у најмутнијим западним драмама. Треба само умјети гледати и осјетити!

Слично, иако у много мањој мјери, дешава се и са чешким филмом, бар са појединима. Тако, на примјер, судбина чешког филма „Хо-рук!“ (са Восковецом и Верихом) показује јасно колико је за трговачки успјех филма потребна, више од доброг квалитета, „добра марка“. „Хо-рук!“ има све одлике добрих руских филмова, и, кад би био совјетске провенијенције, он би привлачио масе посетилаца. Овако, будући да чешки филмови немају тако велик реноме као руски, одзив публике није био најбољи ни у Београду (гдје је приказиван у премијерном кинематографу „Касина“, који је у реклами исправно истакнуо социјални карактер овог филма) ни у Загребу (у другоразредном „Олимп“-кину, који га је донио као обичну комедију). А „Хо-рук!“ је одличан филм, ријетко духовит, па и оригиналан, иако мјестимично потсећа на неке руске филмове (при крају, идејно, на „Пут у живот“), иако је – у неким сценама – амерканској комици Харолда Лојда дао дубље значење. Тема је актуелна и интересантна, режија необично добра, глумци на висини; методе капиталистичке борбе жигосане су довољном количином сарказма; хумора – с обзиром на озбиљност теме – нема превише, али ни – с обзиром на тако потребни оптимизам – премало. Послије филмова „Пред матуром“, „Екстаза“, „Река“ и „Хо-рук!“ – школско доба чешког филма је прошло: чешки филм је зрео за међународан промет, а мале техничке недостатке надокнађује оригиналност стваралаца.

Наша филмска публика још нема компаса. Она у филму тражи задовољење својих ситних жеља, и хоће да јој филм пржи само краткотрајно „уживање“. Зато му она не пролази просто и без предрасуда, не пушта га да јој говори својим језиком, – она вјерује да ће му наметнути свој језик! Можда би добро било да штампа, особито дневна, помогне јавности да нађе тако потребни компас. Нама свакако још недостаје озбиљна, неплаћена, и огласима неподмићена, филмска критика, која би, макар лагано и посредно, отварала очи нашој широј јавности и филмски је одгајала. Нашим дневницима потребни су непристрасни, културно уређивани, филмски прегледи, који би све – и „немјеродавне“ и „мјеродавне“ – поучили, да кино и филм нису тек обичне „ситничарске радње“, радње на мало, већ трговина и индустрија великог стила; и несамо да је филм умјетност своје врсте, већ да је бар исто толико потребна као и казалиште, а свакако моћнија и дјелотворнија од казалишта.

Маријан Микац

Нова Европа, књ. XXVIII, бр. 8, август 1935, стр. 265–268

159

Списак совјетских филмова који су били приказивани на редовном биоскопском репертоару у Београду, од марта 1927. до априла 1941. године

Датум приказивања филма ²⁶⁴	Назив филма и име режисера	Назив биоскопа
24. 3 – 28. 3. 1927.	„Поштарева кћи“ (В. Гончуков)	Корзо
7. 6 – 11. 6. 1927.	„Поштарева кћи“ (В. Гончуков)	Корзо
1. 8 – 4. 8. 1927.	„Поштарева кћи“ (В. Гончуков)	Луксор
12. 12 – 13. 12. 1927.	„Медвеђа свадба“ (К. Егерт)	Колосеум
28. 12. 1927 – 5. 1. 1928.	„Поштарева кћи“ (В. Гончуков)	Корзо
26. 11 – 4. 12. 1928.	„Медвеђа свадба“ (К. Егерт)	Шарло
7. 2 – 13. 2. 1929.	„Медвеђа свадба“ (К. Егерт)	Париз
4. 3 – 8. 3. 1929.	„Село греха“ (И. Правов)	Коларац
4. 3 – 13. 3. 1929.	„Живи леш“ (Ф. Оцеп)	Корзо
9. 3 – 10. 3. 1929.	„Бура над Азијом“ (В. Пудовкин)	Коларац
15. 3 – 21. 3. 1929.	„Село греха“ (И. Правов)	Коларац
22. 3 – 24. 3. 1929.	„Село греха“ (И. Правов)	Колосеум
24. 3 – 2. 4. 1929.	„Жута књижица“ (Ф. Оцеп)	Корзо
10. 4 – 11. 4. 1929.	Предвечерје руске револуције	Париз
21. 4 – 26. 4. 1929.	„Елисо“ (Н. Шенгелаја)	Коларац
27. 4 – 28. 4. 1929.	„Елисо“ (Н. Шенгелаја)	Колосеум
23. 5 – 28. 5. 1929.	„Мој син – дете друго“ (Ј. Червјаков)	Корзо

29. 5. – 2. 6. 1929.	„Они који живе од улице“ (В. Карин)	Коларац
10. 7 – 14. 7. 1929.	„Живи леш“ (Ф. Оцеп)	Колосеум
17. 8 – 19. 8. 1929.	„Село греха“ (И. Правов)	Коларац
23. 8 – 25. 8. 1929.	„Елисо“ (Н. Шенгелаја)	Колосеум
5. 9 – 8. 9. 1929.	„Жута књижица“ (Ф. Оцеп)	Колосеум
20. 9 – 23. 9. 1929.	„Москва како се смеје и плаче“ (Б. Барнет)	Корзо
14. 10 – 20. 10. 1929.	„Татарска крв“	Колосеум
31. 10 – 3. 11. 1929.	„Жута књижица“ (Ф. Оцеп)	Корзо
16. 11 – 19. 11. 1929.	„Родио се човек“ (Ј. Жељабужскиј)	Луксор
6. 12 – 11. 12. 1929.	„На раскршћу страсти“ (К. Егерт)	Коларац
30. 12. 1929 – 1. 1. 1930.	„Живи леш“ (Ф. Оцеп)	Балкан
17. 2 – 23. 2. 1930.	„Живи леш“ (Ф. Оцеп)	Корзо
24. 2 – 28. 2. 1930.	„Село греха“ (И. Правов)	Новаковић
6. 3 – 9. 3. 1930.	„Елисо“ (Н. Шенгелаја)	Новаковић
26. 4 – 30. 4. 1930.	„Кира Киралина“ (Б. Глаголин)	Корзо
23. 6 – 26. 6. 1930.	„На раскршћу страсти“ (К. Егерт)	Колосеум
23. 6 – 25. 6. 1930.	„Мој син – дете друго“ (Ј. Червјаков)	Новаковић
24. 7 – 30. 7. 1930.	„Москва како се смеје и плаче“ (Б. Барнет)	Новаковић
7. 8 – 11. 8. 1930.	„Кира Киралина“ (Б. Глаголин)	Новаковић
6. 9 – 8. 9. 1930.	„Татарска крв“	Новаковић
11. 9 – 14. 9. 1930.	„Село греха“ (И. Правов)	Балкан

14. 9 – 15. 9. 1930.	„Они који живе од улице“ (В. Карин)	Адрија
7. 10 – 8. 10. 1930.	„Родио се човек“ (Ј. Жељабужскиј)	Новаковић
1. 12 – 4. 12. 1930.	„Они који живе од улице“ (В. Карин)	Новаковић
15. 12 – 16. 12. 1931.	„Село греха“ (И. Правов)	Балкан
5. 12 – 8. 12. 1932.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Касина
1. 1 – 5. 1. 1933.	„На раскршћу страсти“ (К. Егерт)	Просветни тонбиоскоп
27. 3 – 2. 4. 1933.	„Шпијунажа (Москва 1921.)“	Новаковић
18. 9 – 24. 9. 1933.	„Шпијунажа (Москва 1921.)“	Новаковић
3. 1 – 14. 1. 1934.	„Тихи Дон“ (И. Правов)	Корзо
12. 1 – 28. 1. 1934.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Касина
23. 4 – 25. 4. 1934.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Касина
12. 7 – 18. 7. 1934.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Касина
15. 7 – 22. 7. 1934.	Москва	Коларац
13. 8 – 14. 8. 1934.	Дочек Чељускинаца у Москви	Коларац
15. 8 – 21. 8. 1934.	Петроград	Коларац
12. 9 – 22. 9. 1934.	„Гроза/Бура“ (В. Петров)	Коларац
25. 9 – 2. 10. 1934.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Новаковић
26. 10 – 1. 11. 1934.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Колосеум
3. 11 – 4. 11. 1934.	„Чељускинци“ (Ј. Посељскиј)	Коларац
11. 12 – 20. 12. 1934.	„Чељускинци“ (Ј. Посељскиј)	Коларац
28. 12. 1934 – 11. 1. 1935.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Коларац
31. 12. 1934 – 6. 1. 1935.	„Тихи Дон“ (И. Правов)	Луксор

23. 1 – 25. 1. 1935	„Песма на Волги“ (М. Донској)	Коларац
14. 2 – 22. 2. 1935.	„Господа Головљеви“ (А. Ивановски)	Коларац
22. 2 – 26. 2. 1935.	„Тихи Дон“ (И. Правов)	Авала
25. 2 – 3. 3. 1935.	„Чељускинци“ (Ј. Посељскиј)	Метропол
11. 3 – 17. 03. 1935.	„Одна/Сама“ (Г. Козинцев)	Луксор
25. 3 – 31. 3. 1935.	„Гроза/Бура“ (В. Петров)	Метропол
10. 4 – 16. 4. 1935.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Земун, „Централ-кино“
11. 5 – 18. 5. 1935.	„Петроградске беле ноћи“ (Г. Рошаљ)	Врачар
20. 6 – 28. 6. 1935.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Коларац
2. 9 – 8. 9. 1935.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Метропол
8. 11 – 11. 11. 1935.	„Златно језеро“ (В. Шнајдеров)	Касина
13. 1 – 19. 1. 1936.	„Петроградске беле ноћи“ (Г. Рошаљ)	Метропол
13. 1 – 19. 1. 1936.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Метропол
20. 1 – 21. 1. 1936.	„Жена за хиљаду рубаља“ (Х. Бекназарјан)	Коларац
29. 7 – 5. 8. 1936.	„Жена за хиљаду рубаља“ (Х. Бекназарјан)	Коларац
27. 8 – 1. 9. 1936.	„Песма на Волги“ (М. Донској)	Врачар
27. 8 – 1. 9. 1936.	„Песма на Волги“ (М. Донској)	Коларац
12. 10 – 18. 10. 1936.	„Цигански закон“ (М. Голдблат)	Коларац
22. 10 – 30. 10. 1936.	„Чељускинци“ (Ј. Посељскиј)	Балкан
23. 10 – 30. 10. 1936.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Балкан

30. 11 – 4. 12. 1936.	„Петроградске беле ноћи“ (Г. Рошаљ)	Триглав
28. 12. 1936 – 5. 1. 1937.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Балкан
11. 1 – 18. 1. 1937.	„Жена за хиљаду рубаља“ (Х. Бекназарјан)	Метропол
11. 1 – 18. 1. 1937.	„Господа Головљеви“ (А. Ивановски)	Метропол
6. 3 – 8. 3. 1937.	„Гроза/Бура“ (В. Петров)	Балкан
26. 3 – 27. 3. 1937.	„Петроградске беле ноћи“ (Г. Рошаљ)	Балкан
20. 6 – 21. 6. 1937.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Балкан
16. 8 – 22. 8. 1937.	„Жена за хиљаду рубаља“ (Х. Бекназарјан)	Балкан
23. 8 – 29. 8. 1937.	„Господа Головљеви“ (А. Ивановски)	Балкан
21. 7 – 25. 7. 1938.	„Наталка Полтавка“ (И. Кавалеридзе)	Коларац
17. 12 – 18. 12. 1938.	„Наталка Полтавка“ (И. Кавалеридзе)	Панчево, „Трубач“
19. 12 – 23. 12. 1938.	„Наталка Полтавка“ (И. Кавалеридзе)	Триглав
25. 8 – 31. 8. 1939.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Касина
4. 9 – 10. 9. 1939.	„Одна/Сама“ (Г. Козинцев)	Рекс
28. 9 – 1. 10. 1939.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Панчево, „Трубач“
12. 10 – 15. 10. 1939.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Земун, „Централ“
6. 11 – 12. 11. 1939.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Дрина
13. 11 – 15. 11. 1939.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Метропол
19. 12 – 24. 12. 1939.	„Одна/Сама“ (Г. Козинцев)	Дрина
28. 3 – 4. 4. 1940.	„Бура над Азијом“ (В. Пудовкин)	Земун, „Гатер“

9. 5 – 16. 5. 1940.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Сити
20. 5 – 26. 5. 1940.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Метропол
1. 6 – 11. 6. 1940.	Додатак: Долазак совјетске делегације у Београд	Сити
9. 7 – 16. 7. 1940.	Додатак: Долазак првог совјетског посланика у Београд	Сити
8. 8 – 14. 8. 1940.	Парада на Црвеном тргу у Москви 1933.	Луксор
10. 8 – 14. 8. 1940.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Славија
10. 8 – 14. 8. 1940.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Нови Корзо
16. 8 – 17. 8. 1940.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Славија
16. 8 – 17. 8. 1940.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Нови Корзо
16. 8 – 20. 8. 1940.	Парада на Црвеном тргу у Москви 1933.	Луксор
16. 8 – 23. 8. 1940.	„Одна/Сама“ (Г. Козинцев)	Сити
31. 8 – 20. 9. 1940.	„Волга, Волга“ (Г. Александров)	Уранија
14. 9 – 24. 9. 1940.	„Мињин и Пожарски“ (В. Пудовкин)	Касина
14. 9 – 24. 9. 1940.	„Мињин и Пожарски“ (В. Пудовкин)	Врачар
22. 9 – 2. 10. 1940.	„Волга, Волга“ (Г. Александров)	Земун, „Корзо“
25. 9 – 2. 10. 1940.	„Без мираза“ (Ј. Протазанов)	Врачар
25. 9 – 4. 10. 1940.	„Без мираза“ (Ј. Протазанов)	Коларац
29. 9 – 6. 10. 1940.	„Бура над Азијом“ (В. Пудовкин)	Панчево, „Трубач“
3. 10 – 24. 10. 1940.	„Петар Велики“ (В. Петров)	Уранија
14. 10 – 20. 10. 1940.	„Волга, Волга“ (Г. Александров)	Панчево, „Трубач“

20. 10 – 28. 10. 1940.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Триглав
21. 10 – 28. 10. 1940.	„Пастир Костја“ (Г. Александров)	Унион
24. 10 – 28. 10. 1940.	„Петар Велики“ (В. Петров)	Земун, „Корзо“
29. 10 – 3. 11. 1940.	„Бура над Азијом“ (В. Пудовкин)	Новаковић
14. 11 – 4. 12. 1940.	„Петар Велики II“ („Петар и Катарина“) (В. Петров)	Уранија
15. 11 – 20. 11. 1940.	„Без мираза“ (Ј. Протазанов)	Нови Корзо
16. 11 – 20. 11. 1940.	„Без мираза“ (Ј. Протазанов)	Славија
18. 11 – 24. 11. 1940.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Унион
18. 11 – 24. 11. 1940.	„Пут у живот“ (Н. Ек)	Триглав
20. 11 – 30. 11. 1940.	„Мињин и Пожарски“ (В. Пудовкин)	Луксор
27. 11 – 8. 12. 1940.	„Волга, Волга“ (Г. Александров)	Славија
28. 11 – 8. 12. 1940.	„Волга, Волга“ (Г. Александров)	Нови Корзо
18. 12 – 28. 12. 1941.	„Мињин и Пожарски“ (В. Пудовкин)	Земун, „Централ“
25. 12 1940. – 6. 1. 1941.	„Нахоче“ (Т. Лукашевич)	Уранија
7. 1 – 22. 1. 1941.	„Стењка Разин“ (И. Правов)	Уранија
7. 1 – 23. 1. 1941.	„Циркус“ (Г. Александров)	Београд
20. 1 – 26. 1. 1941.	„Волга, Волга“ (Г. Александров)	Унион
20. 1 – 26. 1. 1941.	„Волга, Волга“ (Г. Александров)	Триглав
22. 1 – 29. 1. 1941.	„Манерхајмова линија“ Документарни филм	Касина
23. 1 – 29. 1. 1941.	„Манерхајмова линија“ Документарни филм	Врачар

28. 1 – 4. 2. 1941.	„Петар Велики“ (В. Петров)	Славија
28. 1 – 21. 2. 1941.	„Петар Велики“ (В. Петров)	Нови Корзо
29. 1 – 5. 2. 1941.	„Циркус“ (Г. Александров)	Земун, „Централ“
29. 1 – 6. 2. 1941.	„Зачарана лепотица Василиса прекрасна“ (А. Роу)	Коларац
30. 1 – 13. 2. 1941.	„Зачарана лепотица Василиса прекрасна“ (А. Роу)	Врачар
5. 2 – 18. 2. 1941.	„Петар Велики II“ („Петар и Катарина“) (В. Петров)	Славија
10. 2 – 18. 2. 1941.	„Петар Велики“ (В. Петров)	Славија
12. 2 – 24. 2. 1941.	„Њих тринаестица“ (М. Ром)	Касина
21. 2 – 24. 2. 1941.	„Њих тринаестица“ (М. Ром)	Врачар
15. 2 – 16. 2. 1941.	„Петар Велики“ (В. Петров)	Панчево, „Трубач“
27. 2 – 20. 3. 1941.	„Сорочински сајам“ (Н. Ек)	Уранија
24. 3 – 30. 3. 1941.	„Волга, Волга“ (Г. Александров)	Метропол
26. 3 – 1. 4. 1941.	„Непослушни Ћира“ (А. Птушко)	Касина
26. 3 – 1. 4. 1941.	„Непослушни Ћира“ (А. Птушко)	Врачар
29. 3 – 5. 4. 1941.	„Циркус“ (Г. Александров)	Луксор
29. 3 – 5. 4. 1941.	„Песмом кроз живот“ (А. Ивановски)	Београд

Списак је саставила Ма Милана Живановић, на основу прегледа 5.083 броја дневног листа „Политика“. На основу филмског репертоара тих новина утврђено је да су у периоду од 1. јануара 1927. до 6. априла 1941. године у главном граду Краљевине Југославије била приказана 43 совјетска филма.

Део VI. Црквени односи

Глава 1. ЦРКВА И РЕВОЛУЦИЈА

160

Писмо Главног Државног Рачуноводства Министарства Финансија Краљевине Србије српском посланику М. Спалајковићу у вези стипендирања српских семинариста у Русији

Министарство Финансија
Краљевине Србије
Главно Државно Рачуноводство
Д.Р.Бр. 3907.
у Крфу

Краљевско Српском
Посланству
Петроград
17. фебруара 1917 г.

На основу одлуке г. Министра Просвете од 8. текућег месеца П. No 1025, и одобрен г. Министра Финансија ДР Бр. 3907. од 14. текућег месеца, овлашћујемо Вас, да почев од 1. јануара 1917 год. па у будуће можете издавати на име помоћи следећим ученицима Богословије Светога Саве, који се налазе у Русији на Школовање месечно по Динара 40. – (четрдесет)

и то:

г. Драгомиру Марићу, г. Браниславу Плавшићу, г. Миодрагу Пешићу, г. Живојину Живковићу, г. Владимиру Поповићу, г. Живојину Ростановићу, г. Миодрагу Туфегџићу.

Исплате ове можете вршити у руској монети по утврђеном курсу.

По наредби Мин. Финансија

заст[упник] Начелника Шеф

На полеђини: Семинаристи Мих. Протић. пр. 14.VI [1]1917.

Бр. 1926. Исплата је по струци Мин. просвете партија бр. 81 буџета за 1917, ДР No 7227.

АС, МИД-Пс, ПФ IV, р. 61, 1917

161

Писмо митрополита Србије Димитрија српском посланику М. Спалајковићу у вези наставка студија српских семинариста у Русији

Архиепископ Београдски
и Митрополит Србије
АЕ Бр. 41.

Изванредном Посланику
и Опуномоћеном Министру
Краљевине Србије
на Петроградском Двору,
Господину Др. М. Спалајковићу

21. II 1917. г.
Крф

Господине Министре,

Наш акт од 6. ов. мес. под АЕБр. 35 упутили смо Вам пре него што смо примили Ваш извештај No 2129/916., и тако су се ови наши акти размимоишли.

Веома смо задовољни радом ученика – питомаца Архијерејског Сабора, – које у овом свом акту помињете. Изјавите им због тога Нашу похвалу, предочивши им, да су цркви нарочито сада врло потребни озбиљни и карактерни радници, те да би због тога требало да они даље остану на своје раду у Русији, и кад ферије настану и док се не сврше ратни догађаји.

Монаси Јован и Павле налазе се без одобрења Нашег у Лондону, тако и Ђустин, чији смо ми патриотски захтев да иде нашој војсци одобрили.

С благословом и поштовањем

Архиепископ Београдски и Митрополит Србије, Димитрије

На полеђини: Монаси, Јерођакони. Пр. 14.VI [1]917.
Бр. 1037. В No 2129/916.

АС, МИД-Пс, ПФ IV, р. 61, 1917

162

Телеграм српског посланика М. Спалајковића српском Министарству спољних послова на Крфу у вези семинариста Драгољуба Цонића и др.

Пр. 15.III [1]917. Бр. 371.

Драгољуб Пејић и јерођакон Дионисије Буркић дошли из Лондона и ступили Семинарије Чернигов, Житомир и Симферопољ. Молим могу ли и њима издавати по 20 рубаља на име стипендије почев од јануара.

16.III 1917.

АС, МИД-Пс, ПФП, р. 185, 1917

163

Телеграм заступника секретара српског генералног конзула у Москви И. Вукосављевића српском посланству у Петрограду у вези ослобођења семинариста од регрутске обавезе

Consulat General
de Serbie a Moscou

Кр. Српском Посланству у Петрограду

Почетком м. марта с.г. Конзулат је извешћен Г. Командантом Српског Добровољачког Корпуса у Одеси, што према наређењу Кр. Министарства Војног од 24 новембра 1916. бр. 38919 имају се подврћи медицинском прегледу у основаној у Одеси Регрутној Комисији сви они Српски поданици, који су навршили 18 г. старости до навршене 54 г.

С обзиром на обиљежено, Конзулату је част при овом акту спровести том Ср. Кр. Посланству молбу тројице ђака Владимирске семинарије, с молбом извољети потврдити истинитост њиховог ослобођења, а такођер указати начин поступања с осталим ђацима и студентима.

За Секретара Генералног Конзулата
И. Вукосављевић

Москва, 1. маја 1917. г.

На полеђини: Семинаристи:
Живковић, Пешић и Поповић
Пр. 10.V [1]917.
Бр. 726/В No 715. Краљ

Конзулату Србије у Москви

Одговарајући на писмо Краљ.Конзулата од 1. овог месеца без нумере, Посланству је част вратити молбу семинариста Живојина Живковића и осталих и известити га да су именовани ђаци, који заслужују сваку пажњу, ослобођени војне обавезе. Исто су тако ослобођени засад и сви други ђаци који се налазе у Русији на школовању.

12.V 1917.

Посланик

АС, МИД-Пс, ПФII, р. 101, 1917

164

Писмо архимандрита српског подворја Михаила српском посланику М. Спалајковићу у вези развоја ситуације у Русији

6. јуна 1917. г.

Подворје Королевско-Сербској Митрополији
в Москве, на Солянке

Поштовани и Драги Господине Милане,

У прилогу шаљем Вам признаницу г. Данила, јеромонаха. Отац Данило се врло извињава што је са пошиљком задржао, он је био болестан, но сада је поздравно. Новац у 192 примио сам за о. Данила.

Ова наша луда браћа изгледа неће се опаметити, стање све црње и горе. Овде је као и код Вас страх и ужас.

Господина Фотија и Вас срдачно поздравља и грли

Архимандрит Михаил

На полеђини: Јеромонаси. Пр. 22.X [1]1917.

Бр. 2360. Послат г. Министру посебан извештај. С.

АС, МИД-Пс, ПФ IV, р. 61, 1917

*Писмо митрополита Србије Димитрија српском посланику
М. Спалајковићу у вези стипендирања српских семинариста у Русији*

Архиепископ Београдски
и Митрополит Србије
АЕ Бр. 272.
Крф

Краљевско Српском
Посланику
Петроград

5. септембра 1917. г.

Господине Посланиче,

Добили смо извештај, да су сви старији стипендисти Архијерејског Сабора у Русији довршили своје студије. С тога ће бити нужно да има се у своје време омогући повратак у Отаџбину. У садашње време ризично је да се отуд крећу, али да би могли још за које време у Русији опстати, треба и њима издавати стипендију све до дана кретања отуд.

Од млађих стипендиста за сада је тамо само јерођакон Кирил, са чијим смо радом и успехом веома задовољни. Али он се жали да му је веома недовољна сума, која му се из црквеног Фонда шаље на име стипендије. Ми мислимо да је сума од сто франака, колико се за сада шаље свима стипендистима, довољна поред онога што од Синода примају. Стога Вас молимо да Нас хитно известите, да је ли им се та Саборска помоћ у францима како им се шаље, или у рубљама, чија је вредност знатно пала? Уједно Вас молимо, да им се та помоћ у будуће даје у монети, која се Посланству шаље, а они нека је мењају према курсу који тамо влада.

Скрећемо Вам пажњу на факт, да Архијерејски Сабор нема у Русији других питомаца до тих, који су као монаси изабрани за питомце, и који сада свршавају Духовну Академију, а од новијих јерођакона Кирила Јанића. Другима који се тамо налазе, и за које није Посланство актом извештено да су Саборски питомци или су и као питомци напустили школу и отишли на другу страну, не може се давати никаква помоћ на рачун црквенога фонда.

Јерођакону Кирилу препоручујемо, да и даље остане у Петрограду, ако Академија буде радила, а Вас молимо да Нас о томе известите.

С благословом и високопоштовањем,

Архиепископ Београдски Митрополит Србије, Димитрије

АС, МИД-Пс, ПФ IV, р. 61, 1917

166

Одговор српског министра спољних послова Н. Пашића српском посланику М. Спалајковићу у вези српских семинариста у Русији

Телеграмма No SNo-36.

Пров. No 2607

Подана из Corfu 16.X у 8 час. 10 мин.

Прињата у Петрограде 7.X 1917 г. в. 5 ч. 30 мин.

Прин. 20/1648

Legation Serbe

Сербское посольство

Petrograd

Заузмите се да наши семинаристи отиду у Лондон тамо одмах да отиду као наставници Демостен Дамаскин, Јосиф Цвијовић. Кирил да настави студије у Московској Академији. Новац шаљемо за прву двојицу.

Митрополит Србије Димитрије

No 2841.

Pachitch Min. Etrangeres

На полеђини: Пр. 7.X 1917, Монаси из Крф. No 2161.

Etrangeres Corfou

За митрополита. Дамаскин и Цвијовић отишли са другом дивизијом. Дамаскин отишао за Лондон пре доласка. Телеграма. Број 2841.

АС, МИД-Пс, ПФИ, р. 101, 1917

167

Акт којим српски МИД обавештава српско Министарство просвете да је на црквеном сабору у Москви решено да се установи патријаршија у Руској православној цркви и да је за њеног поглавара изабран митрополит Тихон

Ministere des Affaires Etrangeres

du Rojaume de Serbie

Пов. No 3868.

Министарству Просвете,

Крф

11. новембра 1917.

Крф

Министарству Иностранних Дела част је известити, да Краљ[евско] Посланство у Петрограду јавља, да је Црквени Сабор у Москви, после дугог

расправљања, решио да се установи Патријаршија у руској цркви. Пре два дана изабран је у храму Христовог Спаса за сверуског патријарха Московски Митрополит Тихон.

По наредби Министра,
Начелник,
Јов. Т. Марковић

АС, МПС, Пов. р. 8., 1917

168

Извештај Министарства просвете и црквених дела канцеларији Београдске митрополије о избору руског патријарха Тихона

Министарство Просвете
и Црквених Послова
Пов. П. Бр. 107.

Канцеларији Митрополије
13. новембра 1917 г.
Крф

Министарству Просвете и Црквених Послова част је известити Канцеларију Митрополије, да је од Министарства Иностраних Дела добило акт Пов. Но 3868 од 11 ов. мца, којим извештава да му Краљевско Посланство из Петрограда јавља, да је Црквени Сабор у Москви, после дугог расправљања, решио да се установи Патријаршија у руској цркви. Пре пет дана изабран је у храму Христовог Спаса за сверуског патријарха Московски митрополит Тихон.

Инспектор

13. XI [1] 917 г.
Крф
Пов. П. Бр. 107.
Експед. 14 Нов. [1] 917 Св. Митровић

АС, МПС, Пов. р. 8, 1917

169

Честитка митрополита Србије Димитрија сверуском патријарху Тихону због избора

Телеграмма No SNo-128

Прин. 53/4149

Подана из Corfu 30.XI в 11 час. 10 мин.

Разряд: CN 173 32 N

Legation Serbe

Сербское посольство

Petrograd

За Архимандрита Михаила. Српско подворје Москва. Лично саопштите моје честитање и добре жеље Његовој Светости изабраном Патријарху Господину Тихону.

АЕ Митрополит Србије Димитрије

No 3421. Jankovitch Min. Etrangeres.

На полеђини: 30. XI [1]917 год. No 2577: 25.XI 1917 г. учињено телеграмом.

АС, МИД-Пс, ПФШ, р. 84, 1917

170

Предлог Епископа Велешко-Дебарског Варнаве Црквеном оделењу Министарства Просвете и Црквених Послова Краљевине Србије о откупу ствари, одела и књига од руских манастира у Св. Гори

Православни Епископ

Велешко-Дебарски

Е.Бр. 226.

Солун

Министарство Просвете и

Црквених Послова –

Црквено Одељење

11. јула 1918. г.

Услед политичке несређености у Русији почели су и руски манастири у Св. Гори материјално да падају и своје богате ризнице, стоваришта одела и књига, продају грчким и другим манастирима некад по врло ниској цени ради сопственог издржавања, јер због прекинутих веза са Русијом немају могућности за прикупљање прилога који су раније врло обилни били. Међутим наше цркве на реокупираној територији непријатељ је опљачкао и по ослобођењу остале су без најнужнијих потреба, услед чега ми често пишу и траже најпотребније књиге и утвари за богослужења и друге обреде, јер немају новца да те потребе купе нити имају где да их набаве. Свакојако да је материјално стање црква које су још у ропству непријатељском још горе и да су непријатељи имали времена да их сасвим опљачкају. Тако,

када их будемо ослободили, на многим местима неће се ни знати да је била црква или ће саме руине означавати богомољна места. Сада би се могло набавити много што-шта за опљачкане српске цркве, нарочито нових области, црквене књиге и одјејања, ако ми министарство буде ставило на расположење извесну суму новца из црквених капитала, ако не из државних достава, па да се одреди једна свештеничка комисија, која би из руских манастира купила све ове потребе под врло повољним условима. Доцније се не могу црквене потребе за дуго набављати и много већа сума би била потребна за ствари које би се сада набавиле по нижој цени.

Молим да се по овоме предлогу донесе хитно решење о чему ме известити ради даљег мог поступка.

С благословом,

Епископ Велешко-Дебарски,

Варнава

На полеђини: Министарство Просвете и Црквених Послова Краљевине Србије – Црквено одељење. ЦБр. 415. 17. јула 1918. године у Крфу.

АС, МПС, 1918, Из - В/1

171

Предлог Епископа Велешко-Дебарског Варнаве Митрополиту Србије Димитрију, на Крф о откупну ствари, одела и књига од руских манастира у Св. Гори

Министарство Просвете и Црквених Послова

Краљевине Србије,

Његов. Високопреосвешт. Архијеп. Београд. и Митропол.

Србије Г. Димитрију,

Крф

Ц. Бр. 415.

21. јула 1918. г.

Ваше Високопреосвештенство,

Његово Преосвештенство Епископ Велешко-Дебарски Господ. Варнава актом својим ЕБр. 226. од 11. ов. лица известио ме је, да руски манастири у Св. Гори, усљед политичке несређености и прекинутих веза с Русијом, немају могућности за прикупљање прилога, који су раније врло обилни били, те су принуђени да своје богате ризнице стоваришта одела и књига продају грчким и др. Манастирима по врло ниској цени, па предлаже да му се стави на распо-

жење извесна сума новаца из црквено-манастирских капитала и одреди једна свештеничка комисија, која би из руских манастира купила све потребне ствари за наше цркве на једној лицитацији, које је непријатељ сасвим опљачкао.

Како је ово питање од веће важности и ширег обима и од значаја за целу нашу државу и кад би се правилно решило могло би задовољити потребе наших опљачканих цркава у целој земљи, то ми је част замолити Вас као црквеног поглавара Србије, за мишљење Ваше по овој ствари, како са погледом на разлоге, у којима би куповину горе речених ствари требало извршити тако и на начин за ову куповину.

У очекивању истог, мени је част, умолити Вас. В. Госп. да изволите и овом приликом примити и т.д.

[потпис Ин...]

АС, МПС, 1918, Из – В/1

172

Писмо грофа В. Бобринског митрополиту Димитрију да се заузме за ослобађање митрополита Антонија Храповицког и руских архијереја из пољског заробљеништва

Ваше Високопреосвештенство,

Добио сам сигуран извештај да се у Пољској налазе у тешком положају кијевски митрополит Антоније, волински архиепископ Јевлогије и епископ Никодим, викарни кијевског митрополита. Сви ти јерарси били су у Кијеву од Петљураца затворени у децембру 1918. г. Кад су Пољаци заузели Источну Галицију ови архијереји пали су у руке Пољака, а сад се налазе у манастиру Камалдулском на Бјелјанама код Кракова.

Из Одесе је у децембру прошле године митрополит Платон телеграфисао кентаберијском архиепископу, примасу Енглеске и молио да учини све да се ове владике ослободе и архиепископ је одговорио да ће предузети све мере за њихово ослобођење.

Ја се усуђујем молити Ваше Високопреосвештенство да изволи телеграфисати архиепископу кентаберијском, да се понова заузме преко енглеске владе да она учини потребне кораке, да се поменути црквени великодостојници ослободе, и да им се да могућност да преко Чешке, Беча дођу у Србију.

Препоручујући себе Вашим светим молитвама

Београд

Понизан, Граф Владимир Бобрински

27. јули 1918. г.

Архив СПЦ, несређена грађа

Глава 2.
РУСКА ПРАВОСЛАВНА ЦРКВА (ЗАГРАНИЧНА)
И СРПСКА ПРАВОСЛАВНА ЦРКВА

173

Предлог викарног епископа Максимилијана за решавање положаја избеглих руских монахиња у манастиру Хопово

Ад број 393 / през. арх. ех 1921.

Ваша Светости, Свети Архијерејски Саборе,

Спровађајући у прилогу под ./ с препоруком на уважање представку Сабора руских монахиња у општежителном манастиру Хопову, којом се моли измена досадашњег карактера истога манастира претварањем у женски манастир као и одређивање положаја смештених тамо руских монахиња имам част Вашој Светости и Светом Архијерејском Сабору о тој ствари, иза стеченог личног искуства као и на основу званичних података и обављених досада у том манастиру званичних инспекција, поднети ово своје

Мишљење и Предлог:

Потребу женских инокиња, које се у старом незнабожачком верском култу признавала и одржавала (весталинке) осећају од вајкада па све до данас све хришћанске цркве и верске заједнице (код протестаната ђаконисе).

У Српској православној цркви услед политичких и још више државноправних прилика не видимо додуше већ давно женске манастире као у свима другим самосталним православним црквеним подручјима, али се зато узвишена и благотворна идеја монаштва и код женскиња и у Српској Цркви стално одржава и препоручује.

Недавно је у црквено-народном Сабору бивше карловачке Митрополије подигнут глас у сврху оснивања и код нас женскога манастира и тај предлог, који је и сам тај црквенонародни Сабор у начелу прихватио, примљен је у широј јавности, па чак у верски индиферентним круговима, повољно и без приговора.

Прилика се ево дала да се та стално у нас одржавана идеја женскога монаштва оствари.

Актом Преосвећенога Господина епископа темишварског Георгија као администратора митрополије карловачке од 17. октобра 1920. бр. М. 304/1920. смештене су у манастиру Хопову монахиње руског женског Љеснинског манастира. У акту том спомиње се само да им се само ствари манастирске као и сам манастир предају на употребу и руковање према прописима, који за то у подручју бивше карловачке митрополије вреде. О унутарњем пак уређењу самога

манастира и начина живота у манастирском реду није том приликом било ни говора. То је остављено за касније, свакако у очекивању, да ће се и прилике у Русији брзо изменити, а тиме и сама ствар заузети други ток. Ово се међутим ни до данас није догодило тако да које услед тога, које услед брзог развијања догађаја у нашој Српској православној цркви оста то питање нерешено све до данас. Међутим баш из овога неодређенога положаја тих монахиња и њихова одношаја према овдашњим црквено-управним и надзорним властима и лежи најглавнија, управо **једина** тешкоћа читавог тог питања, јер услед тог неодређеног одношаја није тачно фиксиран делокруг и овлаштење неукинуте још досада управе мушкога манастира и делокруг и рад управе те женске монашке обитељи, а тиме је отежано и право надзора врховних надзорних власти, успорен напредак самога манастира, неспоразум и колизије на дневном реду, непотребне тужбе, жаљења, протести и препоруке не скидају се са дневнога реда. Да се услед тога не постизава ни горе означена – толико жељена – сврха изван сваке је сумње. Осим тога тиме се и нехотице загорчава монахињама њихов и онако тежак положај, оне губе воље и одушевљења за рад и у очима неупућене јавности приказују се без ичије кривице као вечито незадовољне. Позванима на то властима немогуће је ово стање поправити, јер немају исходне тачке, одакле би при решавању ових спорова изазиле, није одређен правни положај, а тиме и принцип, по којем би се ово питање на опће задовољство решило и скинуло тако с дневног реда. У интересу је дакле не само само установе женских манастира, која код нас тек сада започиње овим живот свој, него је у интересу и опћега реда, да се карактер женским руским монахињама уступљенога манастира Хопова тачно и несумњиво утврди и да се правни положај, а тим овлаштење и круг рада монахиња тачно установи и надлежном одлуком нормира.

Ово питање је могуће на два начина решити:

I. Или да се остави досадањи карактер мушкога манастира, а тиме и досадашња мушка управа (настојатељ, намесник, економ, еклисијарх), а руске монахиње приме и сместе само као гости, те да се оне ни у чему у управу самога манастира и вођење манастирске економије не мешају; или

II. Да се досада мушки манастир Хопово надлежном одлуком Св. Архијерејског Сабора прогласи за женски Манастир уз редован надзор надлежних црквених власти и по прописима, коју у овом црквеном подручју, где се манастир Хопово налази, за све остале манастире како у погледу самога устројства управе, тако и у погледу руковања и манипулације са манастирском имовином вреде, у којем би случају досадања (мушка) манастирска управа имала сасвим престати и досадањи једини представник те управе, манастирски намесник, из манастира изаћи.

Унутрашње пак уређење самога манастира, начин живота, и манастирски ред имао би се такође нормирати надлежном одлуком Св. Архијерејског Сабора у колико

статут можда већ не постоји, у којем би случају имао Св. Архијерејски Сабор тај статут ипак прегледати, евентуално ревидирати и своје одобрење истоме поделити.

Добро би било обвезати при том садање сословије монахиња у манастиру Хопову, да за случај када са Божијом вољом промену прилике у Русији исте онамо почну враћати, оставе у тада већ основану женску монашку св. обитељ потребан број искусних и понајбољих монахиња, у колико би то било потребно, т. ј. у колико већ дотле не би било српског женског монашког подмладка, да би могла наставити и утврдити женски монашки ред.

Са горе наведених разлога најтоплије бих препоручио, да Св. Архијерејски Сабор изволи прићи овом другом решењу, а осим горњега напосе из ових разлога:

1) Несумњиво узвишена и несравњено благотворна идеја монаштва, ограничена у нас само на мушке, почиње, нарочито услед ратом промењених прилика, да малаксава. Та идеја нашла би одушевљена одзива код женских и одржала би се и напредовала стално за добро Цркве и морално образовање друштва.

2) Оснивањем женскога манастира нашле би заштите многе напуштене или само себи и без заштите остављене женскиње, па би им Црква требала да прискочи у помоћ, нарочито још када би оне радо сву своју снагу поклониле добру и напретку ближњих, када и онако немају никога свога.

3) Разне невоље, које као именована последица светскога овога рата притискају земљу и друштво, захтевају журно свестрано лечење и поправак, а коме би се то могло боље поверити, него баш женскињама спремнима на одрицање и жртву које би врло радо и како ваља замениле мајчину негу и сестринску бригу око наше ратом опустеле сирочади. Оне би попуниле и многа празна места разних наставница, а преузеле би и више образовање наше младежи, да не би морали тражити туђе заводе или слати децу своју чак у католичке манастире.

4) Опће је познато како велики верско-морални утецај врше у свима другим хришћанским црквама калуђерице, обављајући дужности болничарки, васпитачица, учитељица и т. д. и т. д. Па зашто да се наша Црква тога јакога средства, које народ све више привлачи Цркви и црквеној заједници одрече.

5) Потребу ову осећају не само црквени кругови, него и они изван Цркве и кадгод је искрсло питање о оснивању женских манастира са сада означеном сврхом нашло је оно одобравања у свима, па чак и верски индиферентним круговима широке наше (јавности) публике.

6) Напосе за манастир Хопово, претварањем у женски манастир уклонила би се тзв. двострука управа, која је до сада не само сметала економији манастирској, изазивала разне сукобе, уплетања разних непозваних – највише и неинформисаних – фактора у живот манастирски, и стварала непотребна посла, а надзорној власти задавала нежељених брига и неприлика.

7) Оснивањем женскога манастира у Хопову могле би се све до сада овде примљене монахиње на једно место сместити, нарочито ако би им се сав, аграр-

ном реформом одузети иметак, вратио, иначе би се услед несташнице средстава морале оне и по другим манастирима размештати, а тиме би био онемогућен надзор над њима, стварали би се силом прилика тзв. „мешовити манастири“ и изазивале би се неприлике, које би услед тога морале неминовно наступити.

8) Остављањем и надаље мушкога манастира у Хопову долази се већ а priori у сукоб са устројством и уставом женских манастира, а такве сукобе врховна црквена власт нити хоће нити може трпети.

Са свих тих разлога част ми је предложити, да Свети Архијерејски Сабор изволи досадањи мушки манастир Хопово женским манастиром прогласити према погодбама, приликама, условима и за време, које за сходно нађе.

Светом Архијерејском Сабору одани:
Епископ Максимилијан,
викар архијидијецезе сремскокарловачке

У Сремским Карловцима
12. септембра 1921. године.

Архив СПЦ, несређена грађа

174

Писмо Друштва за бригу о духовним потребама православних Руса у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца Св. Синоду СПЦ о потреби изградње руског храма у Београду

Общество попечения о духовных нуждах
Православных русских в Королевстве СХС
№ 81.

25 июня (8 июля) 1922 г.
г. Белград

СВЕТОМ СИНОДУ ПАТРИЈАРШИЈЕ СРПСКЕ

Овдашња руска колонија у великим патњама својим и болу за отаџбином, чијим данашњим страдањима нема границе ни краја, тражи утехе у молитви и црквеној служби. И ако су нам наручја и срца браће Срба отворена за све, па и богомоље њихове искоришћене у пуној мери, опет има момената, када болна душа тражи усамљени свој кутић, да у сузама и својим говором на свој начин чује реч утехе и бодрења духа. Зато смо имали и одвојено своје богослужење час у сали, час у ходнику овдашње Треће Гимназије, а сада нам је привремено уступљена капела овдашње Цркве Светог Марка. Да не би сачекали зиму без богомоље и били даље на досади, добили смо благослов до Његове Светости Патријарха Господина

Димитрија, да на земљишту овдашњег руског Посланства подигнемо свети храм, који би ближе задовољио религиозне потребе овдашње колоније руске, а, кад Бог донесе, да се вратимо у своју отаџбину, храм би овај остао да служи овашњој браћи Србима и суседној Женској Гимназији, коју су Аустријанци лишили њене домаће цркве Св. Наталије. Београд и иначе не обликује многим црквама, те би богомоља нова била не само један од споменика видних нашег међусобног братства, него би још практично задовољила једну религиозну потребу места.

Ми међу собом сакупљамо прилоге за овај циљ, али код наших слабих новчаних средстава дуго би чекали на остварење своје побожне жеље без братске помоћи Срба. Како се на све стране и готово свакодневно траже прилози за разне нужде и потребе, те нисмо намерни досађивати и ми јавним апелом за помоћ овом богоугодном делу, али мислимо, да би нас прилозима својим могле потпомоћи имућније цркве и манастири братског српског народа, и ако се и од њих много тражи.

У тој цељи понизно молимо Свети Синод, да изволи препоручити црквама и манастирима, да према средствима и могућности својој учине прилог за подизање овог Божијег дома.

Обавезни и сувише Српској Цркви за њену бригу и старање о духовенству и народу руском, који је у подручје њено дошао, ми молимо за опроштај, што смо се, осмељени њеним истинским материнством према нама, усудили молити и за ову помоћ.

У име овдашње руске колоније моле за свети благослов уз целивање свете деснице Преосвећених чланова Светог Синода.

Председатель Общества

Афанасій В. Васильев

Председник Одбора за зидање цркве

Алексије Ј. Шчербаков

Деловођа Јуденић

На полеђини:

Свети Синод Српске Православне Цркве. Инв. Бр. 994

5/18. јула 1922 г. у Срем. Карловцима

Ваше В.Преосв.,

Общество попечения о духовных нуждах православных Русских упутило је под бр. 81 Св. Арх. Синоду акт следеће садржине: „од–до“.

Св. Арх. Синод је на данашњем свом састанку саслушао предњу молбу, па је побуђен узвишеном намером браће Руса, да себи подигну богомољу донео одлуку, да се умоле отачаствени Архијереји, за наређење црквама и манастирима, да приступе прикупљању прилога за подизање руског храма у Београду.

Архив СПЦ, несређена грађа

175

Писмо епископа нишког Доситеја Св. Архијерејском Синоду по питању помагања руских манастира на Светој Гори

Православни епископ нишки
Примљено 14. VI 1923.
Е. Бр. службено

Светом Архијерејском Синоду
Београд

Спроводимо Св. Синоду писмо братства руских обитељи из Св. Горе атонске, које су Нам они упутили.

У писму овоме Братство захваљује нашој цркви на досадашњој помоћи, указује на тешко стање обитељи и моли да их и даље по могућности помажемо. Моле, даље да дозволимо јеромонаху Никону (Штрандтману) да може прикупљати прилоге за њих по нашим црквама и манастирима.

Пошто питање о помоћи манастирима руским има и значај за целу нашу цркву то спроводимо ово писмо Св. Архијерејском Синоду с молбом да да своје мишљење о њему.

Понизан Св. Синоду

Епископ нишки Доситеј

Архив СПЦ, несређена грађа

831

176

Извештај Св. Архијерејског Синода Св. Архијерејском Сабору Српске Православне Цркве о канонском положају Руске православне заграничне цркве на њеној територији

Свети Архијерејски Синод
Српске Православне Цркве
Син. Бр. 2141 / зап. 1450.

Светом Архијерејском Сабору
Српске Православне Цркве

10/23. новембра 1927. г.

Свети Архијерејски Сабор актом АС Бр. 31. од 31. VIII 1921. одобрио је Св. Арх. Синоду Руске Православне Цркве у иностранству овај делокруг:

„1/ јурисдикција над руским свештенством у нашој држави, које није у парохијском и државно-правној служби, као и над војним свештенством у руској армији, које није у Српској Црквеној служби;

2/ за бракоразводне спорове руских избеглица“.

На поднесене ове одлуке под Син. Бр. 427/ из 1925. Св. Арх. Синод добио је од Господина Министра Вера ВБр. 6255/ 925 одговор „да је нашао да горња одлука нема снагу проширења надлежности једног надлештва, које је на нашој територији већ постоји, већ се истом одлуком оснива нова установа, која према својим функцијама има ранг и дужност државног надлештва, у судском и административном погледу.

Како је оснивање државних надлештава, и установљење судова, на територији наше Краљевине, регулисано чл. 104 и 109. Устава, то је одлука Светог Архијерејског Сабора, о признавању једног страног тела, и одобрење да исто може вршити функције државног надлештва, регулишући правни положај и однос појединих лица на нашој територији, незаконита, иста решења донета од Светог Синода Руске Православне Цркве на нашој територији немају правне вредности пошто су донета и издата од тела које правно не постоји. Но ако би се узела у обзир претпоставка, да одлуке Светог Архијерејског Сабора Бр. 31 од 31. августа 1921. год. базира на чл. 238. Закона о црквеним властима и чл. 10 Уредбе о Светом Архијерејском Синоду и Светом Архијерејском Сабору, она и као таква није пуноважна, јер долази у ред одлука Светог Архијерејског Сабора „сложне природе“, које су извршене тек по одобрењу Министарског Савета.

Напомињем да одлуку Светог Архијерејског Сабора Бр. 31. од 31. августа 1921. године подручно ми Министарство није примило до данас, ради потребних санкција. Ако Свети Архијерејски Синод налази да је потребно на територији наше Краљевине образовати једно такво судско-административно тело, потребно је да ми се Саборска одлука достави ради даље надлежног поступка“.

На ово је Свети Архијерејски Синод Син. Бр. 743 из седнице од 16/ 29. марта о. г. поднео Министарству Вера извештај да је Свети Архијерејски Сабор АС Бр. 31 од 31. VIII. 1921. опуномоћио Руски Синод, који се у избеглиштву налази са својом паством код нас, а као саставни део аутокефалне Руске Цркве – да може у смислу Саборске одлуке и пуномоћија вршити извесне канонско-дисциплинских послова својој пастви и свештенству и управљати истина као руским поданицима. Према овоме Саборска је одлука потпуно канонски оправдана. Аналогично овоме и наша је црква и избеглиштву својој пастви обављала све судско-верске потребе према законима своје државе“.

Актом својим ВБр. 11665 од 20. октобра о. г. саопштио је Господин Министар свој одговор:

„На мој акт ВБр. 4186/ [1]927. године, којим сам доставио Господину Министру Правде гледиште Светог Архијерејског Синода изнето у акту Син. Бр. 743 / [1]927. године и моје гледиште по предмету признавања права Светог

Архијерејског Синода Руске Православне Цркве, да на нашој територији може вршити све судске и административне послове у питањима, где су заинтересовани Руси избеглице, страни држављани, Господин Министар Правде доставио је своје мишљење по овоме предмету актом својим Бр. 46690/[19]27. г., који у изводу гласи:

„На цењено Ваше писмо од 14. јула 1927. године ВБр. 4186. у ствари одлуке Светог Архијерејског Сабора Српске Православне Цркве, којом је одобрен делокруг рада Светом Синоду Руске Цркве, част ми је саопштити Вам, Господине Министре, да се слажем са Вашим мишљењем, да се одлука Светог Архијерејског Сабора Бр. 31 од 31. августа 1921. године не би могла одобрити. Решавање бракоразводних спорова мора се свакако сматрати као извршавање судства, које у највећем делу наше Државе врше за припаднике православне вере духовни судови. Ови су духовни судови установљени Законом, а Законом одређен је и поступак пред њима. Нови духовни судови, осим сада постојећих, једнако као и нови свјетовни суд, може се установити само Законом. То јасно следи из одредаба члан 104 и 109. Устава, како се то и Ви, Господине Министре, изволели напоменути. Никаквим другим решењем било које административне власти у Држави не може се установити нови суд или препустити којој власти суђење. Такав се суд не може на територији наше Државе основати ни за иностранце, јер би они у том случају били у нашој Држави на неки начин екстериторијални, што по законима, који код нас важе, не може да буде“.

Достављајући предње Светом Архијерејском Синоду ради знања, част ми је у исто време напоменути, да по овоме предмету и даље остајем на гледишту, које је изложено у акту мога претходника ВБр. 6255/ 25 од 25. јуна 1925. године. И у свима случајевима званични рад Св. Синода Руске Православне Цркве на нашој територији, у колико се он тиче судства и званичног администрирања, нећу признавати за ауторитативан“.

По рассмотрењу овога предмета Свети Архијерејски Синод под Син. Бр. 2141/ зап. од 10/23. новембра 1927. одлучио је уз пиклоп списак ./, известити Свети Архијерејски Сабор на даљу надлежност.

Председник
Архиепископ Пећски
Митрополит Београдско-Карловачки
и Патријарх Српски
Димитрије

Архив СПЦ, несређена грађа

Архијерејском Синоду
Београд

Руске организације у Југославији сматрају за своју свету дужност да се обрате савести цивилизованих народа приликом невероватног дивљаштва, са којим се трећа интернационала разрачунава са Русима не само у совјетској Русији, него и на туђем земљишту у Манџурском Троречју. После дугогодишњег терора и после таквог гоњења хришћанства и других вера, које, као што би изгледало, дошло је до крајњих граница, свет је постао сведоком покоља мирних људи у масама и таквог искорењења ма каквог трага вере, које не познаје историја. Не могу да остану равнодушни према таквој свирепости народи, који после светског рата заснивају нови и бољи живот на начелима слободе, солидарности и хуманости. Зар се руски народ искључује из човечанства? Не можео да то признамо тим пре што у Америци, Енглеској, Француској и другим земљама равнодушно ћутање уступа место негодовању против онаквог гажења Божанске и човечије правде. Ми поздрављамо од свега срца овај глас праве човечности и ми позивамо све оне, који још ћуте, да се придруже протесту против нечувеног насиља.

У име руских организација:
Евгеније Спекторски,
професор Београдског Универзитета

Братство Св. Крста
Одбор београдске руске колоније
Београдска црквена општина
Биро скупа представника емигрантских организација
Војно уједињење у Југославији и Грчкој
Група за указивање помоћи националном покрету на Далеком Истоку
Делегација за заштиту интереса руске емиграције у Југославији
Патриотско уједињење у иностранству
Савез руских књижевника и новинара у иностранству
Одбор земунске руске колоније
Козачка жупа ген. Краснова
Кијевско „земљачество“
Баронеса Л. С. Кноринг
Покрајински Савез Руског Соколства
Кубански козаци
Курско „земљачество“
Маријинско црквено уједињење сестара
Млада Русија
Монархично уједињење
Национално-демократско уједињење
Национални комитет

„Новоје Време“
Уједињење б. градских одборника
Уједињење б. земских одборника
Уједињење одесита
Уједињење чиновника руске царске полиције
Уједињење козака Дона, Кубана и Терска (?)
Окружни Савет уједињених монархичних организација
Јавно представништво козачких жупа и села
Друштво б. питомца царског Александровског лицеја
Друштво б. питомца царског лицеја Царевића Николе
Друштво б. чиновника надлежства Царице Марије
Друштво добровољаца српско-турског рата 1876. г.
Друштво кадета првог кадетског корпуса
Друштво за успомену Цара Николе II
Друштво попечења о духовним потребама православних Руса
Друштво пчелара
Друштво за ширење руске националне и патриотске литературе
Друштво старалаца војних знања (?)
Друштво руских војних правника
Друштво руских научењака
Друштво руских правника
Друштво словенске узајамности
Друштво „Саборна Русија – Саборни Исток“
Друштво чиновника руског Министарства Правде
Парламентска група б. депутата Государствене Думе и Државног Савета
Патриотско уједињење
Државни пуномоћник за смештај руских избеглица
Представништво Сверуског Земског Савеза
Представништво Сверуског Савеза Градова
Руско централно уједињење
Руска академска група
Руски комитет у Југославији
Руски кооператив
Руски научни институт у Београду
Руски одсек међународног савеза за борбу против III. интернационале
Руско-српско медицинско друштво
Серафимовско друштво
Савез агронома, ветеринара и шумара
Савез војних инвалида
Савез Васпостављања Отаџбине
Савез земаљских поседника
Савез књижевника и новинара
Савез руских инжењера
Савез руских жена-патриота
Савез руске националне омладине
Савез руских националиста
Савез руских педагога
Савез руских студената београдског универзитета
Савез руских трговаца, индустријалаца и финансиста
Савез официра учесника Светског рата
Трговачко-индустријски савез
Терски козаџи
Пуномоћник Руског Друштва Црвеног Крста
„Царски весник“
Парохијски савет

На полеђини:

„Свети Архијерејски Синод Српске Православне Цркве
Син. Бр. 175 10/23. I 1930. Београд“.

Архив СПЦ, несређена грађа

178

**Писмо потпредседника Друштва за неговање успомене на цара
Николаја II Василија Флуга Патријарху Српском Варнави у вези
подршке у раду друштва**

Друштво за успомену на цара Николу II²⁶⁵
Београд, ул. Краљице Наталије, бр. 33.

Его Святейшеству
Святейшему Варнаве,
Патриарху Сербскому
19 ноября (2 декабря) 1930 г.

Ваше Святейшество,

От имени Общества памяти Государя Императора Николая II счастлив принести Вашему Святейшеству всепреданнейшую благодарность за милостивое соизволение на принятие звания Почетного Председателя Общества, а также за щедрое пожертвование на усиление средств Общества.

Приемлю смелость доложить, что этот знак благоволения Вашего Святейшества к нашему Обществу всеми русскими людьми, нашедшими приют в братской Югославии и свято чтущими память своего Царя-Мученика, будет принят с чувствами глубочайшей признательности и сыновьего высокопочитания к Верховному Иерарху Православной Сербской Церкви в Лице Вашего Святейшества, в котором русские люди привыкли почитать друга России и Славянства и усердного Молитвенника за их ныне поработенную и поруганную Родину.

Поручая себя Святительским молитвам Вашего Святейшества, остаюсь глубокопочитающий Вас покорный слуга

В. Флуг,
Заместитель Председателя

[Белешка] Друштво за успомену на Цара Николу II захваљује Њ.С. на дару од 2.000 динара. Примљено 12. XII 1930. год. у Канц. Срп. Прав. Патријаршије. П. Бр. 508.

Архив СПЦ, несређена грађа

*Извештај Г. Грабеа, вршиоца дужности управника Канцеларије
Архијерејског Синода РПЦ (з), Патријарху српском Варнави о при-
временом смештају малтешких реликвија Руске цркве у Београду*

Његовој Светости Патријарху Српском
Архиепископу Пећском,
Митрополиту Београдско-Карловачком
Господину Варнави

Ваша Светости!

Према жељи Ваше Светости, а са благословом Њ. Блаженства Претседника Архијерејског Синода Руске Православне Заграничне Цркве, част ми је поднети Вашој Светости извештај о светим реликвијама, које су по Божјој вољи спасене од злочинаца и које су из престонице Руске Царевине стигле у престоницу Краљевине Југославије.

1799. г. Малтешки витешки ред је предао свом Великом Мајстору цару Павлу I следеће свете реликвије: 1) честице од дрва Живоносног Крста Господња, 2) десну руку од моштију Св. Јована Крститеља и 3) чудотворну икону Пресв. Богородице Фалернске, коју је насликао Св. јевангелист Лука. Ове свете реликвије су се чувале у саборној цркви Зимног Двора, те се сваке године 12. октобра пренасхале ради свенародног клањања и целивања у саборну цркву г. Гатчине. Ту су се оне налазиле месец дана, после чега су их преносили поново у Зимни Двор у Петрограду.

За време пребивања св. реликвија у Гатчини у октобру 1917. г., десио се у Петрограду бољшевички преврат, те оне нису биле пренете у Петроград, него остале даље у Гатчини. Одавде их је узела Царица-мајка Марија Феодоровна и однела са собом у Данску, где их је чувала до своје смрти. Пред саму смрт Царица предала је св. реликвије својој кћери Великој Књегињи Ксенији Александровни, а Њено Височанство предала је их на чување Митрополиту Антонију по кнезу Долгорукову, који је био ађутант почивше Царице Марије Феодоровне. О примопредаји ових св. реликвија био је састављен протокол, у којем стоји да честице Живоносног Крста и десна рука од моштују Св. Јована Крститеља почивају у златним ковчезима, украшеним драгоценим камењем, и да чудотворна икона такође је украшена златним покровом (ризом). Како ковчези тако и златан покров на икони су у потпуном реду, изузев то, што на нимбу иконе фали један рубин, а на ковчегу са руком Св. Јована Крститеља сломљен је малтешки крст; одломљени део овог крста смештен је у футролу.

Материјална вредност ових драгоцености износи одприлике милијон динара.

Актом од 27. октобра – 9. новембра 1928. г. све ове именоване св. реликвије биле су привремено предате од Митрополита Антонија на чување у руски храм у Берлину. Али када је овом храму почела да прети опасност да буде продат на лицитацији, онда су ове св. реликвије на захтев Архијерејског Синода Руске Православне Заграничне Цркве биле предате у Југославију са дипломатском вализом Краљевског Југословенског Посланства у Берлину. Тај пренос св. реликвија Краљевско Посланство је извршило на основу милостиве дозволе Његовог Величанства Краља добивене после писменог извештаја, који је Њег. Блаженство Митрополит Антоније поднео Његовом Величанству Краљу приликом аудијенције у јануару 1929. г. Његово Величанство благоизволело изјавити свој пристанак како на то да поменуте св. реликвије буду смештене на чување у Дворском храму и да се надокнаде сви трошкови око грађења сефа, тако и на то да се оне три пута годишње преносе у руску цркву у Београду ради клањања и целивања.

Св. реликвије су стигле у Београд у октобру 1929. г. и биле су показане Митрополиту Антонију у Министарству Спољних Послова, где су и остале дотле док Његово Величанство Краљ не изјави жељу да оне буду пренете у Дворски храм. Да би што пре дошло до овога Митрополит Антоније је одмах замолио за аудијенцију код Његовог Величанства Краља својим писмом г. Маршалу Двора од 12/25. октобра 1929. г., али на то писмо није добио до сада никакав одговор. Према томе велике св. реликвије још до сада се налазе у сефу Министарства Спољних Послова.

16/29. септембра о. г. ја сам посетио г. Дворског проту и он ми је обећао да ће још ове недеље поново реферисати о св. реликвијама Господину Министру Краљевског Двора.

Љубећи св. десницу Ваше Светости и препоручујући себе Вашим молитвама остајем Ваше Светости покорни син

Гроф Георгије Грабе,
вршилац дужности управника
Канцеларије Руског Архијерејског
Синода

У Сремским Карловцима
18. септембра / 1. октобра 1931. г.

Архив СПЦ, несређена грађа

180

Резолуција Збора хришћана донета на Београдском универзитету против верских прогона у Русији

Резолуција која је једногласно примљена на многобројном збору хришћана одржаном у Београду, у Великој дворани Универзитета, на дан 9. фебруара 1930. године.

„По саслушању детаљних реферата о гоњењу цркве у Совјетској Русији, које се по својој свирепости може упоредити, а чак и превазилази оно из доба Нерона и Диоклециана, скуп хришћана одржан у Београду 9. фебруара 1930. године, доноси једногласну одлуку да се једним апелом обрати верницима свих вера и свима земљама, позивајући их да дижу свој глас у одбрану слободног исповедања веру у Господа Христа, на коју су се безумници у Москви усудили подићи своје крваве руке“.

Архив СПЦ, несређена грађа

181

Молба Одбора за подизање Спомен-храма посвећеног успомени на цара Николаја II упућена парохијалним свештеницима СПЦ

Одбор за подизање Православног Храма посвећеног успомени Цара Николе II под почасним претседништвом Његове Светости Господина Варнаве, Патријарха Српског.
Канцеларија Одбора : Београд, Кр. Наталије ул., 33

24. децембра 1930 г.

ПРЕЧАСНИ ОЧЕ,

У Београду је основан под Претседништвом Његове Светости Господина Варнаве Патријарха Српског Одбор за подизање Цркве-Споменика Руском Цару Мученику Николи II, који је погинуо за слободу Словенства и до краја својих дана стајао на страни интереса Србије и спасао нашу Отаџбину у годинама Светског рата.

Та Црква-Споменик мора бити дело опште-словенске захвалности, стога је Његова Светост Патријарх Варнава благословио издање уметничког портрета Цара Николе II, с тим, да свака парохија Краљевине Југославије, као православног центар Словенског становништва, мора обавезно учествовати у делу

подизања Цркве-Споменика, путем растурања у свакој парохији по 10 портрета Цара Николе II, по цени динара 10 за сваки комад, т. ј. уз доплату од динара 100.

Портрет је одлично израђен на тврдом картону и представља најбољи лик Спаситеља и Добротвора Словенског Цара Николе II. Стога Одбор се нада, да ћете Ви, пошто будете растурили ових 10 портрета, наручити још извесну количину истих. Имена свих добротвора биће штампана у новинама и урезана на зидовима Цркве-Споменика.

Надајући се на Вашу свесрдну помоћ у делу подизања Цркве-Споменика и широког растурања по благослову Његове Светости Патријарха Варнаве портрета Цара-Мученика, Одбор моли Ваше молитве за успех његове акције.

По наредби претседника
Секретар Н. Рклицки

Архив СПЦ, несређена грађа

182

Писмо потпредседника Друштва за неговање успомене на цара Николаја II, В. Флуга, Патријарху српском Варнави у вези прикупљања прилога

Друштво за успомену на цара Николу II
Под Највишим Покровитељством Блаженопочившег
Његовог Величанства Краља Југославије Александра I
Под почасним претседништвом Његове Светости
Патријарха Српског Варнаве
Београд, Дом Цара Николе II, ул. Краљице Наталије, бр. 33.

Његовој Светости Патријарху Српском
Господину Варнави
12. новембра 1934. г.

ВАША СВЕТОСТ
МИЛОСТИВИ ВЛАДИКО,

Управа Друштва за успомену на Цара Николу II приступа ка скупљању дозвољених њој прилога од стране Министарства унутрашњих послова (дозвола бр. 8712 од 19 марта 1934 г.) на целој територији Краљевине Југославије, да би су се повећала њена сретства, ради ширења њеног добротворног и идејног рада.

Будући, да тај збор може имати успеха само при услову његовог најширег распрострањења у свима друштвеним слојевима, Управа Друштва узимају у обзир факат великог поштовања према покојном Цару Мученику, овластила је мене, да се обратим Вашој Светости, дубокопоштованом почасном Претседнику Друштва, са понизном молбом, да Ваша Светост дозволи и благослови тај збор између православних људи и обрати пажњу архијереја српско-православне цркве на тај збор.

Потпретседник Друштва
За успомену на Цара Николу II.,
армијски ђенерал, Василије Е. Флуг

Архив СПЦ, несређена грађа

183

Програм обележавања 950-година крштења Русије у руским школама у граду Бела Црква

Программа прославления 950-летия крещения Руси русскими средними школами в г. Белая Церковь (первый русский В. К. К. Кадетский корпус и Русский девичий институт)

24 октябрия (6 ноября) 1938 г.
В 4 часа дня в зале „Бург“

Программа:

1. Гимны русский и югославянский – оркестр Кадетского корпуса и смешанный хор Девичьего института и корпуса.
2. „К 950-летию крещения Руси“ – препод. К.Д. Красовский.
3. Хвалебная песнь св. равноап. кн. Владимиру – муз. Д. Соловьева.
4. Гимн св. равноап. кн. Владимиру – муз. Главача – смешанный хор Института и Корпуса в сопровождении оркестра Корпуса.
5. Премированное классное сочинение воспит[анницы] VII кл[асса] Института Т. Широковой на тему „Роль православной Церкви в истории русской культуры и государственности“, написанное 23 мая 1938 г., – прочтет автор.
6. „Благослови, душе моя, Господи“ – муз. Ипполитова-Иванова.
7. „Отче наш“ – муз. Слонова – хор Института.
8. Премированное классное сочинение кадета VII кл[асса] Корпуса Р. Обера на тему, указанную в п. 5, – прочтет автор.

9. „Тебе поем“ – муз. Виноградова.
10. „Небесный Царь“ – хор Корпуса.
11. „Коль Славен“ – муз. Бортнянского – оркестр Корпуса и смешанный хор Института и Корпуса.

Године 988 Св. кнез Владимир је, преневши православну веру из Византије, покристио цео руски народ. Ове године, године 1938, Руси, икако растурени по целом свету, прослављају 950 годишњицу тог највећег догађаја у историји руског народа. Овај догађај је толико велики и толико значајан, да је ова година, 1938, названа у част Св. Владимира „Владимирском».

Покрштавање Руса је духовно ујединило раније разједињена племена источних Словена у један народ и довео их до заједничке националне свести у духу Христова учења. Тиме је обележен правац будућем државном и културном развоју руског народа. Захваљујући том развоју, на државном напретку дошло се до стварања једне велике и моћне државе, која собом покрива 1/6 земљине површине, а на духовном напретку – до дубоке проицљивости руске културе, обасјане светлошћу узвишених хришћанских идеала.

Са вером у милост Божију и у скоро ускрснуће своје велике отаџбине, Руси сада прослављају успомену на Св. Владимира, духовног оца руског народа, и клањају се пред. величином његовог дела.

НБС, Смирнов

184

Обавештење о испаду свештеника В. Некљудова против портрета цара Николаја II у спомен-костурници

От Русског Народного Ополчения

По законам все военные памятники и кладбища находятся в ведении и содержатся теми государствами, героям которых эти памятники воздвигнуты, обыкновенно через своих военных агентов.

Ввиду того, что Царской России и ее официальных представителей в данное время не существует, Памятник русским воинам на новом кладбище в Белграде, на законном основании (чл. 91 и 97 Зак. о општинама и чл. 2 и 3 Зак. О изменама и допунама у истом закону од 1929 год. реш. Бр. 10343 од 13/IV 1934 г.) – находится в ведении и содержится Русским Народным Ополчением.

Русское Народное Ополчение с большими трудами изыскивает средства на содержание Памятника, ибо постоянной помощи ни от кого не имеет, а со-

держание его (чистка, мелкие оправки и жалование сторожу) обходится от 600 до 1000 динар в месяц – 10–12 тысяч дин. в год.

За содержание Памятника на должной высоте Русское Нар. Ополчение отвечает не только перед будущей Россией, но и перед мест[ной] властью.

Для пресечения всевозможных слухов и разговоров, в интересах истины, Русское Нар. Ополчение вынуждено оповестить русских людей о нижеследующем.

17 апреля с.г., в поминальный понедельник, в 9 ч. утра священник Владислав Неклюдов²⁶⁶ после панихиды в Иверской церкви с крестным ходом вошел в часовню-музей Памятника русским воинам и по поводу имеющегося в часовне изображения Императора Николая II вступил в пререкания с ополченцем-сторожем, ст. унтер-офицером Петром Типеком²⁶⁷, и, несмотря на его категорическое запрещение, пользуясь своим священническим саном (был в облачении и с крестом в руке), взял бумагу и с помощью воск[овой] свечи залепил изображение Царя-Мученика.

Как всем известно, у нас в настоящее время не имеется официальных представителей России, ни гражданских, ни духовных, которые могли бы защитить честь России. С точки же зрения местных законов возмутительный поступок свящ. В. Неклюдова является тяжким уголовным преступлением, так как в нем заключаются:

1) Умышленное оскорбление изображения покойного Царя-Мученика, так как свящ. Неклюдов отлично знал о том, что в часовне находится это изображение.

2) Оскорбление, нанесенное всем чинам Русского Народного Ополчения и всем русским, чтущим память покойного Императора.

3) Самоуправство и производство беспорядка [в] часовне-памятнике, который ни в каком отношении не находится в ведении Русской Церкви и русского духовенства, а состоит в исключительном ведении Русского Народного Ополчения.

4) Осквернение святыни, через производство в часовне беспорядка, шума и пререкания с ополченцем-сторожем в освященной часовне на могиле убитых русских воинов.

5) Насильственное закрытие бумагой изображения Царя-Мученика, пользуясь своим священническим саном.

Все это по югославянским законам по § 395, 297 и 163 *Кривичног Закона* карается тюремным заключением сроком до 3 лет.

Русское Народное Ополчение считает, что священник Неклюдов нанес оскорбление покойному Императору с преднамеренным желанием, произвел в часовне беспорядок и бросил вызов Русскому Народному Ополчению, так как:

- 1) священника Неклюдова никто не приглашал служить панихиду в часовне;
- 2) если бы он только желал отслужить панихиду по убитым воинам, то, зная, что в часовне находится изображение покойного Царя-Мученика, мог бы отслужить панихиду перед памятником, не входя в часовню.

За этот недопустимый злонамеренный поступок Русское Народное Ополчение должно было бы обратиться к Коронному Суду, но, имея в виду, что при этом неизбежно вокруг имени Царя-Мученика создастся в иностранной печати и обществе шум и спор, воздержалось от возбуждения дела в Коронном Суде, но, не имея нравственного права оставить этот возмутительный поступок без внимания, дабы он не послужил поводом и примером чего-либо еще худшего, вынуждено было обратиться к местным властям и через полицию под личную расписку священника Неклюдова воспретить ему навсегда вход в часовню-памятник русским воинам (№ 5471 од 22.IV 1939 г. XI кварт УГБ).

Ополченец-сторож, ст. унт.-офицер Петр Типек, за допущение закрытия изображения покойного Императора и беспорядок в часовне-памятнике, Русским Народным Ополчением оштрафован на 100 динар.

В сербском монастыре Св. Наума местное духовенство поместило икону Царя-Мученика даже как святого, т. е. с венчиком вокруг головы. Однако никто из местного населения не додумался закрыть ее бумагой.

В Свято-Савской церкви до последних дней находится изображение покойного Патриарха с возженной лампадой, однако никто не дерзнул закрывать его бумагой.

Вокруг Памятника русским воинам на новом кладбище находится 60 000 могил умерших жителей Белграда, и почти на половине из них прямо на крестах в центральном месте помещены фотографии умерших женщин, детей и мужчин, однако ни один сербский священник, служа панихиды, не позволит себе закрыть эти изображения, каковы бы они не были. По югославянским законам это было бы оскорблением покойника. Если на всех участках, и даже на русском, на многих памятниках и крестах перед лампадами в центральном месте помещены изображения умерших, то тем более в памятнике Русским воинам, посвященном покойному Императору Николаю II и 2 миллионам русских воинов, погибших в Великую войну, должно быть в центральном месте – изображение покойного Императора.

К стыду и сожалению, после 20 лет изгнания, многие из русских, и даже священники, которые, казалось бы, все прелести революционного произвола испытали на себе, все еще продолжают обретаться в угаре революции, беспринципности и беззакония и никак не могут забыть, как в дни „великой бескровной“ подонки рода человеческого завешивали красными тряпками иконы в Кремле или зашивали тряпками икону нерукотворного Спаса на седых Императорских знаменах.

Они своими поступками вынуждают обращаться к местн. власти, дабы полиция вразумила их и разъяснила им, что священник должен показывать пример уважения к покойникам, к святому месту, к законности, к чужому праву, а тем более к своему же русскому покойному Императору.

Русское Народное Ополчение, несмотря ни на какие нападки и прискорбные факты, и впредь будет бережно содержать нашу воинскую святыню за границей – Памятник русским воинам – на должной высоте, дабы в будущем, как достояние всех русских в Югославии, передать ее возрожденной Царской России.

Начальник Русского Народного Ополчения

М. Скородумов

НБС, Смирнов

185

Обавештење о служењу у Руском дому помена мучки убијеном цару Николају II, његовој породици и свим руским људима страдалим у смутњи

2–15 марта 1939 г., в день ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕЧАЛИ, в 7 часов вечера, в Русском Доме Императора Николая II (Кр. Наталии, 33) имеет быть отслужена панихида по злодейски убиенном Императоре Николае II, Его Августейшей Семье и всем русским людям, в смуте погибшим.

После панихиды там же состоится собрание, посвященное памяти Царя-Мученика, на котором Н.Д. Тальберг прочтет отрывки из Истории Царствования Императора Николая II, недавно законченной С.С. Ольденбургом.

Об изложенном имеют честь довести до всеобщего сведения: Русский Комитет в Югославии, IV Отдел Русского Обще-Воинского Союза и Русское Монархическое Объединение в Югославии.

Вход на собрание свободный.

На расходы и гардероб – 3 динара. Входные билеты можно получить в кассе Русского Дома.

Добровольные пожертвования на издание „Истории“ принимаются с благодарностью.

НБС, Смирнов

Глава 3.
РУСКА ПРАВОСЛАВНА ЦРКВА (ЗАГРАНИЧНА) У РАТУ

186

*Извештај С. Смирнова митрополиту Анастасију (Грибановском)
о томе да је бивши шеф Државне комисије В.Н. Штрандтман
ослобођен*

1 мая 1941 г.
Белград

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, В.И. Базаревич, к сожалению захворал и не может сегодня явиться к Вашему Высокопреосвященству. Я же лишен возможности отлучиться из Державной комиссии, будучи осаждаем многочисленными нашими соотечественниками по разнообразным их просьбам.

Спешу поделиться с Вашим Высокопреосвященством радостной вестью: вчера в 8½ часов вечера В.Н. Штрандтман вернулся на автомобиле к себе домой в Красный Крест, в сопровождении двух германских офицеров, которые, прощаясь с ним, принесли ему извинения за его задержание.

Испрашивая святых молитв и благословения, прошу Вас, Высокопреосвященнейший Владыко, верить чувствам моего глубокого почитания и сыновней преданности.

НБС, Смирнов

187

*Извештај С. Смирнова митрополиту Анастасију (Грибановском)
о одношењу малтешких реликвија Руске цркве из Београда
у манастир Острог*

Копия
Строго доверительно №1

1. Митрополиту Анастасию
2. В.Н. Штрандтману
2 мая 1941 г.

Вчера в числе лиц, которые пришли ко мне на прием в Державной Комиссии, был есаул Леонтий Иванович Попов, живущий [на ул.] Добринска, 7. Он

заявил, что его направил ко мне мой старый сослуживец по Управе Двора Его Величества Короля б. царский офицер Павел Иванович Акимов, который и поныне на службе в этом учреждении, именно на Дединье, заведующим там центральным отоплением, водопроводом, канализацией, электрическим освещением и т.д.

П.И. Акимов поручил есаулу Попову сообщить мне, что на 2-ю или 3-ю ночь после первой бомбардировки²⁶⁸, по поручению Управляющего резиденцией на Дединье, морского технич. подполковника Добровника (поступил еще при мне), несколько человек младших служащих, а именно: црквеняк [церковный сторож] Ефта, ложач (истопник) Милан Йованович, дворски момак (лакей) Павле Вандул и другие, проникли в Дворцовую церковь на Дединье, в которой хранились Русские (мальтийские) три святыни, известные Вам и принятые блаженнопочившим Е.В. Королем Александром на хранение от И.И.В. Великих княгинь Ксении Александровны и Ольги Александровны через покойного Митрополита Антония.

В церковь ведут 2 входа: один, главный, в северной стене, который был заперт; другой, маленький, ведущий по спиральной лестнице внутри стены на хоры. Проникли эти люди по этой лестнице на хоры, с которых на веревке спустили некоторых из них в церковь. Эти люди извлекли из „скрвиници“ русские святыни, погрузили их в приготовленный грузовой автомобиль, который тотчас же направился, по словам П.И. Акимова, на Опленец.

На Опленце, близ усыпальницы, имеется дом, прежде занимавшийся Управляющим имением Н.Н. Хариным и последующими после него управляющими, а с 1935 г. занятый Музеем, при котором хранились многочисленные серебряные и золотые венки с могилы Короля Александра. По слухам, дошедшим до П.И. Акимова, эти ценные предметы разграблены.

Дошел ли до Опленца грузовик с русскими святынями и какая их судьба после отправления из Дединьской дворцовой церкви, П.И. Акимову неизвестно²⁶⁹.

Последний убедительно просит никогда и нигде не называть его фамилии, как осведомителя по этому делу. Он и поныне служит на Дединье, обслуживая Белый двор, где помещается Штаб германских войск.

НБС, Смирнов

*Извештај С. Смирнова митрополиту Анастасију (Грибановском)
о одласку руских и српских монаха из манастира Дечане услед
албанског зулума након повлачења југословенских трупа*

Копија
№2

1. Митрополиту Анастасију
2. В.Н. Штрандтману
2 мая 1941 г.

Сего числа ја встретил у Белграде отца игумена Иоанна Кухтина, б. казачьего офицера, заведовавшего у манастире Дечане монашеской школой.

Он расказао ми, да епископ Митрофан и све монахи и ученици школе принуждены были оставити манастир Дечане. Епископ Митрофан поселился у манастире Боговоджа близ Лазареваца. Отец Кухтин с 9 монахами получили распоряжение поселиться у манастире Фенек на Дунае близ Фрушкогорской горы, куда они завтра и отправляются. Отец Феодосий один остался у манастире Дечане.

Оставление Дечан, по словам о. Кухтина, вызвано было тем, да разбитая армия бросала ружья, пулеметы, пушки и т.д. и разбегалась. Многочисленные у Метохии арнауты подбирали брошенное оружие, нападали и сжигали созданные за последние 20 лет многочисленные поселки по Метохии, преимущественно заселенные черногорцами. При отступлении армии эти черногорцы ушли у горы, и их поселки погибли. Ограбили арнауты и Детскую Здравницу у сосновом лесу близ Дечан.

Следующей ночью несколько арнаутов подошли к запертым воротам манастиря, желая разузнать, нет ли там оружия. Защищали манастир всего лишь 6 верных арнаутов. На следующий день пришли немцы и посоветовали всей братии покинуть манастир, пока немцы могут ей обеспечить путь до Печи (14 километров) до поезда, каковым они и прибыли благополучно у Белград.

НБС, Смирнов

189

Извештај С. Смирнова митрополиту Анастасију (Грибановском) о жељи руске колоније из Пећи да руски монаси поново дођу у Дечански манастир, 15. јуна 1941. године

15 јуна 1941 г.
Белград

Из Печи прибыл сюда давно там живущий Георгий Николаевич Кирилин, лично мне хорошо известный по частым моим поездкам в Патриархию, и брата которого я знал еще по совместной службе по Министерству Императорского Двора в Петербурге.

Г.Н. Кирилин считает своим нравственным долгом доложить Вам о том, что делается в Дечанах и в Печи и, между прочим, доложить, что было бы очень удобно вновь водворить в Дечанах, для охранения Дечан, русских монахов, покинувших монастырь при бывших там опасных днях.

Долгом считаю засвидетельствовать, что лично давно с лучшей стороны знаю г. Кирилина.

Вашего Высокопреосвященства
Всепреданнейший слуга

Архив СПЦ, несређена грађа

849

190

Писмо митрополита Анастасија (Грибановског) архиепископу Берлинском и Немачком Серафиму (Ладе) о неопходности додатне сагласности за његов пут у Немачку

10/23 јула 1941 г.
Белград

Ваше Высокопреосвященство,

По получении Вашего письма от 12 июля²⁷⁰ нами были предприняты шаги у местных властей для получения мне и графу Граббе разрешения на проезд в Берлин. Однако нам было сказано, что поездка наша не может состояться, причем было указано на то, что Министерство Церковных Дел только не усматривает препятствий для нашего приезда, но, насколько видно из Вашего письма, не пишет о том, что со своей стороны признает мой приезд

желательным. Поэтому для осуществления моей поездки было бы очень важно, чтобы Министерство Церковных Дел согласилось с тем, что приезд мой действительно нужен и в скорейшем времени, ибо важно уже сейчас подготовить разрешение вопросов удовлетворения духовных нужд освобожденного русского населения.

Конечно, одновременно нужно упомянуть и о графе Граббе, который будет сопровождать меня в качестве секретаря.

Синодальный архив Русской Православной Церкви
за границей в Нью-Йорке (СА), д. 15/41, л. 3,
документ из коллекции М.В. Шкаровског

191

*Письмо митрополита Анастасија шефу војне управе Србије
Х. Турнеру са молбом да се дозволи сакупљање зимске помоћи за
становништво Русије*

11 ноября 1941 г.
Белград

850

Глубокоуважаемый господин штаатсрат,

По полученным из Берлина сведениям, там дано разрешение Русской Церкви производить сбор вещей для населения освобожденных частей России, в которых ощущается полный недостаток в самой необходимой одежде. Русский приход в Белграде тоже желал бы прийти на помощь своим страждущим братьям, а потому я прошу Вас не отказать в предоставлении и нам аналогичного разрешения, а затем оказании содействия к отправлению этих вещей по назначению. За исполнение этой просьбы я был бы Вам глубоко признателен.

При сем прилагаю вырезку из берлинской русской газеты „Новое Слово“ от 9 ноября 1941 г. с переводом ее на немецкий язык:

„Зимняя православная русская помощь 1941 г.

Сестричество св. кн. Ольги (Берлин, Находштрассе, 10) получило от германских властей разрешение собирать все необходимое для русского населения занятых областей восточнее и севернее Смоленска. Сестрам будет предоставлена возможность отвезти собранное в эти области и раздать населению. Первый транспорт надо отправить в начале ноября. Сбор начался. Пожертвования деньгами, медикаментами, носильными и всякими другими вещами, как

и продуктами питания принимаются ежедневно до и после вечерних и утренних богослужений (Находштрассе, 10) и во Владимирской библиотеке (Прагерштрассе, 29), вход с улицы с 2 до 5 часов. Подписные листы можно получить у уполномоченной сестричества фрау Н. Зигель (Кайзераллее, 26) и в храме [...]”.

СА, д. 15/41, л. 14–15,
документ из коллекции М.В. Шкаровског

192

Письмо митрополита Анастасија (Грибановског) архиепископу Берлинском и Немачком Серафиму (Ладе) о слању црквених предмета свештенству у Русији

22 августа 1942 г.
Белград

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь.

Ваше письмо от 12 августа с.г. за № 91 мною получено, и я благодарю Вас за сообщенные в нем сведения.

В ближайшее время я пришлю Вам 30 неосвященных антиминовых платов. Они уже отпечатаны, но надо их еще подшить, что, по-видимому, в данное время легче сделать здесь, чем у Вас, ибо мы имеем возможность достать нитки.

В скором времени надеюсь прислать Вам и нательных крестиков. Нами заказано 100.000, и заказ уже почти выполнен. Не исключается возможность, что и крестики я смогу послать Вам через о. Матвеева.

С радостью посылая через Ваше посредство то, что возможно, я прошу Вас, чтобы получатели в будущем были осведомляемы, от кого именно будут поступать эти священные предметы, приобретаемые Архиерейским Синодом на добротные даяния белградских прихожан.

СА, д. 17/41, л. 23,
документ из коллекции М.В. Шкаровског

Писмо архиепископа Гермогена (Максимова) митрополиту Анастасију (Грибановском) у коме обећава да неће подржавати делатност тзв. Хрватске православне цркве

29 априла 1942 г.

Хопово

Вы совершенно правы, когда пишете, что среди наших Епископов не найдется ни одного, кто решился бы возглавить Православную Церковь в Хорватии без надлежащего благословения со стороны Русской Церковной Власти, а равным образом со стороны Сербской Церкви, ибо по церковным канонам такое действие недопустимо, ибо таковой Епископ навлек бы на себя не только нравственную, но и каноническую ответственность.

Я хорошо помню, Св[ятейший] Патриарх Московский совершенно отрицательно высказался против автокефалии Польской Православной Церкви, когда при таких же условиях возникла автокефалия Польской Православной Церкви.

Доселе предложения об учреждении автокефалии от подлежащего правительства к нам не поступало, а если бы таковое поступило, тогда мы сочли бы себя обязанными обратиться за разрешением и благословением к Русскому Заграничному Синоду, и лишь по его указанию могли бы принять соответствующие меры. Правда, частно нам известно было, что означенное предложение ожидается, но и только, и на извещение из Карловцев по этому делу я запросил сообщить мне подробности, чтобы затем доложить Синоду. Ответа на мою просьбу еще не получено, а когда получится, немедленно буду писать Вам.

Во всяком случае, успокойте м[итрополита] Иосифа, что мы²⁷¹, ценя услуги Сербской Патриархии для Церкви нашей Заграничной, не сделаем ничего для него обидного.

Прошу Ваших св. молитв, с глубоким почтением и братскою любовью остаюсь усердным Вашим слугою

Архиепископ Гермоген

СА, д. 23/40, б/л,

документ из колекције М.В. Шкаровског

194

Письмо митрополита Анастасија (Грибановског) архиепископу Богучарском Серафиму (Соболеву) о делатности тзв. Хрватске православне цркве

9 июня 1942 г.
Белград

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь,

Из прилагаемых при сем документов²⁷² Вы усмотрите, какое новое испытание постигло нашу Церковь вследствие антиканонического поступка Высокопреосвященного архиепископа Гермогена.

Необходимость принять срочные меры для предотвращения дальнейшего соблазна и сохранения братских отношений с Сербской Церковью вынудила меня принять решение, изложенное в моей резолюции от 24 мая / 6 июня с.г.

О всем происшедшем я прошу Вас поставить в известность Св. Синод Болгарской Православной Церкви, а также высказать мне свое суждение, а также сообщить мне, не представится ли Вам возможность получить разрешение на проезд сюда для участия в заседании Синода²⁷³.

[Митрополит Анастасий]

СА, д. 23/40, б/л,
документ из коллекции М.В. Шкаровског

195

Белешка митрополита Анастасија (Грибановског) Епископалном савету управника руских православних парохија на простору Југославије

11 июня 1942 г.
Белград

По полученным сведениям, в Хорватии образована автокефальная Церковь без согласия Церкви-Матери. Во главе этой новой Церкви, вопреки священным правилам, встал Архиепископ Екатеринославский и Новомосковский Гермоген. Ввиду нарушения им целого ряда священных правил и выхода из подчинения своей канонической власти в лице Архиерейского Синода, мною резолюцией от 24 мая/6 июня с.г. наложены на него прещения. Вследствие сего

русскому духовенству, находящемуся в Хорватии, должно воздерживаться от всякого молитвенного канонического общения с ним, о чем Епископский Совет даст сему духовенству соответствующие указания.

[Митрополит Анастасий]

СА, д. 23/40, б/л,

документ из коллекции М.В. Шкаровског

196

Предлог команданта 1. бригаде Руског заштитног корпуса Д.П. Драценка команданту корпуса Б.А. Штејфону о престанку молитве у корпусу за српског Краља и Патријарха

23 июня 1942 г.

Аранджеловац

В Аранджеловац прибыл священник 1-го Отряда и в субботу 20.VI служил вечерню, а в воскресенье 21.VI – литургию. Во время службы на эктеньях и во время выноса Св. Даров он молился за Патриарха Сербского Гавриила, короля и королеву.

Является странным, что наши отрядные священники молятся за тех, кто поддерживает безбожников большевиков – разрушителей России, за тех, кто по радио поддерживает восстания в Сербии, т.е. против немцев и нас.

Мы не можем требовать, чтобы русское духовенство, служащее в сербских церквах, не молилось за Патриарха, короля и королеву, т.к. они на службе в Сербии, но полагаю, что священники, входящие в состав Охранной Группы, борющейся против коммунизма и его сторонников, не могут молиться за подстрекателей к убийству пяти русских добровольцев, замученных на линии жел[езной] дор[оги] Парачин – Заечар.

Этот вопрос тяжелый, но разрешить его необходимо.

Командир Бригады Ген. Штаба
Генерал-майор Драценко²⁷⁴

СА, д. 17/41, л. 36,

документ из коллекции М.В. Шкаровског

Письмо митрополита Анастасија (Грибановског) команданту Руског заштитног корпуса Б.А. Штејфону о обавезном помену српског Краља и Патријарха на молитвама у корпусу

16 июля 1942 г.
Белград

Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Борис Александрович, Начальник штаба Охранной Группы препроводил мне возвращаемый при сем рапорт командира 1-й бригады генерал-майора Драценко по вопросу о поминовении за богослужениями Патриарха Сербского Гавриила, короля и королев.

По содержанию этого рапорта считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее:

1. Наша Церковь в Сербии по церковным правилам может существовать самостоятельно только с разрешения Сербской Церковной власти. По тем же правилам каждый епископ и священник обязаны помянуть за богослужением местное священноначалие. Святейший Патриарх Гавриил, который, кстати сказать, за время своего управления Церковью всегда оказывал любовь и внимание к Русской Церкви и эмиграции и неоднократно резко выступал против коммунизма, если сейчас и не управляет Церковью фактически, остается ее каноническим Главою, и потому на ее территории мы не имеем права его не помянуть.

2. Что касается Королевского Дома, то он не низложен и оккупационные власти не только разрешили поминовение короля за богослужениями, но и разрешили празднование дня рождения короля Петра. Имея в виду это обстоятельство и то, что Сербский Королевский Дом неизменно оказывал русской эмиграции свое высокое покровительство, а также был всегда известен своим непримиримым отношением к коммунизму, мы не имеем основания преступные призывы английской пропаганды приписывать личности короля Петра II и делать его за них ответственным. Принимая во внимание все вышеизложенное, я нахожу совершенно невозможным делать распоряжение о прекращении его поминовения в русских церквях, доколе оккупационные власти допускают вообще таковое поминовение на территории Сербии. Такое распоряжение, не вызываясь необходимостью, только осложнило бы и без того неудовлетворительные отношения между местным населением и русской эмиграцией.

СА, д. 18/41, л. 37,

документ из коллекции М.В. Шкаровског

198

Писмо С.Н. Смирнова начелнику представништва руске емиграције у НДХ Г.Ј. Ферхмину у вези руских свештеника страдалих у НДХ

Его превосходительству Г.Ю. Ферхмину
Дежеличева улица, 52а, Загреб
12 апреля 1943 г.

Глубокоуважаемый Георгий Юльевич,

Пользуюсь случаем, чтобы вновь просить Вас не отказать прислать, если возможно, поскорее сведения о русских священниках, так или иначе пострадавших в Ваших нынешних краях.

Вы мне писали, что передали эту нашу просьбу полковнику Мартынову, если я не ошибаюсь, не имея здесь, на службе, под рукой Ваш ответ.

Любезный офицер, едущий в Загреб, обещал зайти за ответом Вашим, а пока крепко жму Вашу руку и шлю наилучшие пожелания Лидии Андреевне и Вам.

Преданный Вам

Может быть, можно пока прислать хоть то, что у г. М. уже подобрано?

[Оловком] Повез сотник Мих. Ник.

Архив СПЦ, несређена грађа

199

Одговор начелника представништва руске емиграције у НДХ Г.Ј. Ферхмина С.Н. Смирнову у вези руских свештеника страдалих у НДХ

Представништво руске емиграције
у Независној држави Хрватској
Загреб, Дежелићева, 52/II. No 757.

Его превосходительству
С.Н. Смирнову

19 апреля 1943 г.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич,

Вследствие Вашего письма от 12-го сего апреля сообщаю, что мною установлено из совершенно достоверного источника, что от партизанов²⁷⁵ погибли в НДХ нижеследующие русские священники²⁷⁶:

1. О. Аристоклий Яропольский, парох из Бос. Дољяни; убит в мае или июне 1941 г.;

2. О. протоиерей Борис Мулев, парох из Скадра, котар Войнич; убит в декабре 1941 г.;

3. О. Андрей Семилуцкий, парох из Пакраца, убит в декабре 1942 г.

Других достоверных сведений здесь не имеется. Само собой разумеется при этом, что на представительство ссылаться Вам не следует.

Прошу принять наилучшие поздравления к наступающим праздникам Светлого Христова Воскресения и остаюсь

Преданный Вам Г. Ферхмин

[Оловком]

Дољани место, Липска општина, Бихачки срез, Врбаска бановина

Скрада место, Плашка општина, Огулински срез,

Пакрац, општина Пакрац, Савска бановина

Архив СПЦ, несређена грађа

200

Извештај дивизијског свеиштеника 1. козачке кавалеријске дивизије протојереја Јевгенија (Јаржемског) митрополиту Анастасију (Грибановском)

25 мая 1944 г.

Хорватия

Считаю своей обязанностью донести Вашему Высокопреосвященству, что 16 мая я был приглашен в штаб дивизии, где мне было предложено на прочтение письмо арх. Гермогена, в котором он пишет, что ему стало известно, что в дивизии есть священники, которые обслуживают дивизию. Он требует, чтобы все эти священники подали прошение на его имя для утверждения их в должности, а до утверждения их они должны совершать богослужения по новому стилю, во время богослужения поминать его и поглавника; в случае неисполнения этих его требований, он предпримет меры к выполнению его требований. Прочитав письмо, я заявил, что эти требования невыполнимы, и в случае, если бы немецкое командование настаивало на исполнении этих требований, я принужден уйти из дивизии, и думаю, также поступят и остальные священники.

Тон письма настолько грубый и вызывающий, что буквально всех чинов дивизии, читавших письмо, возмутил.

Письмо было датировано 14 апреля, а здесь принято 13 мая. Вчера – 24 мая, меня пригласил к себе майор Эльс – докладчик по этому делу. Он подробно интересовался этим делом, отношению к этому вопросу Православных Церквей и пришел к выводу, что требования арх. Гермогена незаконны. На его письмо решено ответить, что ввиду того, что армия немецкая экстерриториальная, то ничье вмешательство в ее дела не допустимо. По-видимому, этот инцидент на этом и закончится.

Испрашиваю Вашего Святительского благословения, смиренный послушник

Протоиерей Евгений Яржемский

СА, д. 41/43, б/л,

документ из коллекции М.В. Шкаровског

201

Письмо команданта Руског заштитног корпуса Б.А. Штејфона митрополиту Анастасију (Грибановском) о организовању духовне власти у корпусу

25 сентября 1944 г.

Белград

Ваше Высокопреосвящество, милостивый Архипастырь и отец,

С отбытием Вашего Высокопреосвященства из пределов Сербии по обстоятельствам военного времени и с переходом оставшихся здесь русских приходов и возглавляющего их Епископского Совета в ведение Сербской церковной юрисдикции, полковые церкви вверенного мне Корпуса остаются вне церковного объединения и возглавления.

Ввиду настоятельной необходимости объединенного действия полковых церквей и должного обоснования их церковного положения, прошу Ваше Высокопреосвященство, применительно к положению о русском военном духовенстве, полковые церкви вверенного мне Корпуса, как несвязанные с населением определенной территории и обслуживающие исключительно чинов Корпуса, подчинить непосредственно возглавляемому Вашим Высокопреосвященством Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви через Главного Священника Русского Охранного Корпуса.

Для этой цели священник Штаба Корпуса будет назначен Главным Священником Русского Охранного Корпуса.

Прошу это утвердить, предоставив Главному Священнику сан Архимандрита, что считаю необходимым для его авторитета. На должность Главного Священника прошу назначить иеромонаха Никона, с которым я давно работаю, с возведением его в сан Архимандрита²⁷⁷.

Главный Священник, по соглашению со мной, разработает проект положения о корпусном духовенстве, который будет представлен на Ваше утверждение.

С глубоким почитанием и преданностью прошу Ваших молитв

Б. Штейфон

СА, д. 51/44, б/л,

документ из коллекции М.В. Шкаровског

Део VII. Партијски односи

202

Сећања Димитрија Георгијевића, генерал-потпуковника ЈНА у пензији на сусрет у Атаманском Хутору 1920, када је Јосип Броз Тито постао члан Руске комунистичке партије (бољшевика)

У купеу прве класе експресног воза који је секао Немачку од Минхена према истоку, седео је путник с пасошем совјетског држављанина у џепу. Ћутао је и неодређено гледао немачки пејзаж. После толико дана неизвесности и зебње осетио је први пут истински мир.

„Ипак није провокација“ – помислио је с олакшањем.

Неколико дана раније, у француском логору шпанских заробљеника, у место Сен Сипријен, стигла је вест да су за њега и неколико другова приспели совјетски пасоши и да, као совјетски грађани, треба да се врате у домовину. Били су веома изненађени.

Откуда то сад? Зар није одбијао сваку сумњу да је икада био у Москви или у Совјетском Савезу уопште? Зар му се није чинило да је био довољно убедљив, пред логорским властима када је то доказивао и тражио, као и многи други, да иде у Мексико? Баш у Мексико и нигде другде.

Ако је Партија организовала ту ствар, зар није било потребније да иде други, а не он?

Ипак, Гошњак је први прекинуо таква нагађања и зебње. „Није провокација, – рекао је он – то је организовала Партија. Треба да се иде“.

Тако је друг Д.Г., шпански заробљеник с новим пасошем совјетског држављанина, кренуо у Москву.

У Москви су га чекали послови, рад и једно „ново“ познанство – Друг Копинић (Јосип Копинић „Ваздух“ сада је директор бродоградилница „Уљаник“ у Пули) који му је био прва партијска веза, предао му је поруку: „Треба да се јавиш другу Валтеру, хотел „Лукс“, соба 128“.

Валтер? Ко би то могао бити? Улазећи у хотел, никако није могао себи да предочи ко је тај нови друг. Познавао је и чуо за многе активисте наше Партије, али за Валтера не.

У соби број 128 московског хотела пошао му је усусрет елегантно обучен човек.

– Зар ме не знаш? – срдачно му је стегао руку друг Валтер и тим стиском руке, гласом и осмехом, распршио први неодређени утисак.

Погледао га је мало пажљивије и одговорио:

– Не, не знам.

– Како то? Примаш људе у Партију, а послије их не познајеш – смешио се и даље друг Валтер.

Тако је почео разговор о данима Револуције, Сибиру, Атаманском Хутору. О млину у томе месту, у коме је тада формирана и једна хелија КПЈ чији је члан био и друг Јосип Броз–Валтер.

Посетилац хотела „Лукс“ у Москви није тада још имао ни појма да се налази пред генералним секретаром Југословенске Комунистичке партије. Прошло је отада више од осамнаест година, али се Димитрије Георгијевић, „совјетски грађанин“, који је посетио друга Валтера у Москви, сада генерал-потпуковник ЈНА у пензији, тога и данас радо сећа.

Нашли смо га у његовом стану у Београду у Улици цара Лазара, број 15, на четвртој спрату, како се одмара после излета. Крепак и веома живахан за своје године, није сасвим радо прихватио наш предлог да нам нешто каже о тим тренуцима.

– Тешко је да се и сада тачно сетим свега тога. Судите и сами: јануар 1920. и мај 1957. године...

Ипак – инсистирали смо – макар нешто о тој првој хелији, о сусрету с Титом у Хутору, о његовом примању у КП.

– Ех, ви, као да је то јуче било. Осим тога, све је то некако повезано.

– ... Сећам се – Лењин је тада био дозволио свим јединицама и групама страних националности да формирају своје партијске организације и да организују своје биро, при одговарајућим комитетима СКП(б). Ми смо, на пример, у дивизији којом је командовао Тимошенко код Царицина, имали пук југословенских добровољаца. У тој дивизији постојао је и југословенски биро при дивизијском комитету СКП(б). И у Москви је, при ЦК СКП(б), постојао један политички биро, који је и мене упутио у Сибир да, после протеривања Колчака, помогнем формирање партијских хелија.

– Морам рећи да ми тада нисмо довољно схватали значај тог посла. Сматрали смо да је доста ако се људи бију заједно с црвеноармејцима, а када се вратимо кући, лако ћемо.

– Када смо, ипак, почели да радимо, наши су услови били веома тешки. Лик комунисте, члана Партије, био је у нашим очима нешто сувише идеално. Морао си добро да окржавиш, па да дођеш у обзир. Ми тада нисмо разумели сав значај Лењиновог савета: „Свако поврће које се сади у исто време – не сазрева у исто време“. Ми смо тада били чистунци, помало и сањалице.

У Омску је те, 1920. године, и по том критеријуму био велики број бораца за пријем у Партију. У месту Атамански Хутор, железничкој станици недалеко од Омска, живео је тада и Јосип Броз.

– Тај наш сусрет био је у јануару или фебруару 1920. године. Не сећам се тачно. Био је снег, веома хладно. Кренули смо из Омска раније, јер се због снега

није могло ићи брзо. Заједно са мном био је и друг Матковић (*умро у Москви 1932. г.*), један од радника који је тада био партијски активист на терену.

– Сећам се само да смо морали журити, да смо прешли неку железничку станицу, па онда мост и окренули уз реку. Ишли смо неко време узводно, док нисмо наишли на млин у коме је седамнаест другова чекало на састанак.

– Сви су они имали за собом две године борбе и лишавања. Основно питање: колико су били спремни да се жртвују за Партију, било је у овом случају потпуно јасно.

– Разговор са другом Титом у Москви, о коме сам вам говорио, оживео је у мени сећање на те другове. Међу њима запамтио сам Титово лице по томе што је било свеже и лепо. Уредан, с енергичним и маркантним цртама, привлачио је пажњу.

– Другови су говорили о његовој борби, о храбрости и искуству. Примање у Партију била је само формалност. Као, уосталом и за све присутне другове. Од седамнаест примљених чланова створена је тада партијска ћелија. У њој је своју револуционарну борбу продужио и Јосип Броз Тито.

– Наравно, нисам у оно време могао слутити да присуствујем пријему у Партију будућег генералног секретара КПЈ и вође југословенске Револуције, али данас сам на то веома, веома поносан.

Ђуро Ђурашковић

„Комунист“, *Орган Савеза Комуниста Југославије*,
Београд, 24. мај 1957.

203

Сећања о Коминтерни К. Мразовића, делегата Пете земаљске конференције КПЈ, одржане октобра 1940. у Загребу

Неки детаљи из рада југословенског одељења на КУНМЗ

Био сам у Москви шеф југословенског одељења на Комунистичком универзитету националних мањина Запада. Секретно одељење овога Универзитета имало је картотеку студената-слушалаца, њихове биографије, анкетне листове и фотографије. Шеф секретног одељења био је један из ГПУ-у – по народности Мађар. Био је мали растом. После рата овај се вратио у Мађарску и тамо сам се са њиме срео.

Картотека је чувана у највећој тајности и нико није могао да се њоме служи, изузев у неким случајевима шефови одељења по одобрењу овога Мађара из ГПУ-а. Студенти на КУНМЗ имали су псеудониме и нико није знао њихова права имена. Међутим, картотека је поред псеудонима садржала и права имена слушалаца.

Приликом доласка наших-Југословена на КУНМЗ ја сам им помагао у писању биографија и испуњавању анкетних листова. Поред тога ја сам људима давао псеудониме, тако да сам у ствари знао све људе који су били на КУНМЗ по псеудонимима и правим именима, јер сам се понекад служио и картотеком, која је чувана у посебним касама запечаћеним...

Поред КУНМЗ и аспирантуре завршио сам у СССР и Војну академију и имао сам чин потпуковника. Када је избио шпанско-грађански рат желео сам да идем у Шпанију. Живот емигранта-револуционара веома је тежак, па чак и ако се налазио у СССР. Било је нормално да је сваки револуционар желио да се врати у земљу и да стечено знање пренесе на рад у радничком покрету и КП своје земље. Нисмо ми у СССР ишли да тамо себи обезбедимо миран живот – да пронађемо запослење, стан, оснујемо породицу и без икаквих брига живимо. Поред тога ситуација у СССР нагонила те је на стално размишљање на који начин би отишао одатле.

Ја сам индискретно напоменуо да бих желео да идем у Шпанију. Уосталом ситуација је била таква да се није смело изричито тражити да се иде, јер би постали сумњиви.

После добивене сагласности да идем у Шпанију отишао сам и то преко Москве-Лењинграда-Стокхолма-Амстердама-Париза и то већи део пута прешао сам авионом. То је било 1936. године...

На основу података које сам прикупљао у Шпанији је било југословенских добровољаца 1200–1300. Од овога броја погинуло је 50%, чак и нешто више 51–52%. У Мадриду сам покушао да израдим картотеку Југословена-добровољаца. Прикупио сам податке за 1000 добровољаца. Прикупљао сам следеће податке за југословенске добровољце: име и презиме, година старости, занимање, партијска припадност и др. После мога одласка ова је картотека пропала (предао је Централном комитету КП Шпаније). Незнатан је број преживелих шпанских добровољаца-Југословена који нису бар једном рањени у борбама. Интересантна су размишљања о политици Коминтерне у вези одашиљања комуниста-политичких емиграната из СССР у Шпанију.

Велики број ових људи завршио је у СССР политичке школе и поред њих и кроз војне школе стекли висока војна образовања. Највећи број је имао више војне чиновне. Међутим у Шпанији већина се борила у јединицама као обични борци, мада републиканска војска у то време није располагала бројним руководећим војним кадром. Поставља се питање због чега је Коминтерна тако неорганизовано слала кадрове у Шпанију – добар део њих је погинуо а они који су се вратили у СССР били су ликвидирани у чисткама. Чињеница је да је на школовање ових људи Коминтерна потрошила милионске своте. У неправилној кадровској политици и резултатима који су постигнути у Шпанији лежи дијалектичка противуречност. Шпански добровољци су кроз борбе и све

оно што су преживели постали заклетим непријатељима фашизма. Прекалили се и стекли војна искуства, која су пренели у своје земље. Југословени-шпански добровољци у току НОБ и револуције били су политички и војни кадар своје партије и народа.

Приликом одласка у Шпанију ми смо имали јасан циљ а то је борити се за победу републиканске-шпанске војске, за уништење фашизма на овоме тлу, стећи искуства и пренети их у своје земље. Ову концепцију потврђује и састанак шпанских добровољаца-Југословена, који је одржан 1936. године по моме доласку у Шпанију. На томе састанку ја сам говорио, да је наш задатак да се пожртвовано и бескомпромисно боримо, да се трудимо да што више научимо, да се обогатимо искуством, мада смо свесни да сви нећемо преживети.

Из Шпаније сам дошао у Париз. У Паризу сам се нашао са другом Титом. Молио сам друга Тита да се вратим кући у Југославију. Међутим, било је планирано да се вратим у СССР. Био сам кадар Коминтерне и одлуку о мом даљем раду и боравку требало је да донесе Коминтерна. Молио сам друга Тита да види са њима о могућностима мога повратка у земљу...

[Белешка и печат: – састанак организовали у име Историјског архива ЦК СКЈ и сећања забележили: Лазаревић Драгица и Васић Мирољуб. Састанак одржан у Загребу 14.VII 1960.]

АЈ, МГ, 2020

864

204

Сећања о Коминтерни и боравку у Совјетском Савезу В. Беговића

1. Пут из Француске у СССР²⁷⁸

Представник нашег Централног комитета у Француској Ловро Кухар (Прешихов Воранц) и Ришар, главни уредник листа «La correspondans balcanic» саопштили су ми да путујем на лечење у Совјетски Савез, где ћу затим остати годину-две на студијама. ~~Чије је то решење обично се то не каже, али сам знао да за то потребна сагласност и ЦК КПЈ и Коминтерне...~~

Километри и минути су се одужили. Већ сам видео совјетску границу: жице преко снежних поља и капија кроз коју пролази пруга. Пред самом границом воз је успорио брзину и фински жандарми су поискакали.

Чим је воз прошао кроз капију, у њега су онако у вожњи, ускочили совјетски граничари у дугим сивим шињелима, са капама црвеноармејаца и зеленим ознакама граничне службе НКВД (Народног комесаријата унутрашњих послова). Ти моменти се не могу никад заборавити. Воз је затим убрзо појурио кроз

снежну равницу и брезове шуме. У Совјетском сам Савезу, иза границе су остали глад, илегални живот, прогони, полиција и затвори, а и другови, са својим тешким животом.

2. У Лењинграду.

Покушавао сам да успоставим везу с граничарима. Но они су избегавали разговор. Детаљно су прегледали вагоне, завирујући и подвирјујући на сва места. Већина њих је имала доста груб, па и примитиван изглед. Мислим: радни људи, врше тешку дужност, штите совјетске границе. На првој станици смо ми путници морали сићи са стварима, па је извршен темељит преглед, и онда је воз кренуо даље.

Приближавали смо се Лењинграду, где су живели и радили толики велики синови руског народа, међу њима и моји омиљени руски писци. Ту су декабристи подигли устанак, ту су створене прве радничке револуционарне организације, ту је био центар руског радничког покрета. Ту је радио Лењин. Ту су почеле прва руска револуција 1905. и, Велика Октобарска револуција и створена је прва совјетска влада. Осећао сам да то мора бити величанствен град, нарочито сада, 18 година после Револуције.

Стигли смо у Лењинград на Финску станицу. Стара, запуштена и неуредна зграда. Гардероба још гора – пуна завежљаја, сандука, понеки похабани кофер. Ниједног бољег кофера. Спор, незаинтересован и неуредан гардеробер. Као да га однекуд знам из приповедака Горкога. Свратио сам у пограничну службу НКВД, да упитам где се налази МОПР (Међународна организација помоћи револуционарима). Канцеларија неудобна, као у нашим провинцијским општинама. Испитују ме, траже ми пасош. Чекам, а онда ми саопштавају да треба да идем у Смољни, трамвајем.

Пред станицом разгажен, прљав снег, около запуштене зграде. И мушкарци и жене доста лоше обучени, сви у неким руским вуненим чизмама („ваљенкама“), преко којих су навукли каљаче. Долазе препуни трамваји, са гроздом људи на улазу. Ту, на Финску станицу, стигао је Лењин у априлу 1917. враћајући се из дугогодишњег изгнанства и ту је одржао свој познати говор. Место знам из многих фотографија и слика. Па ипак сад мало изгледа друкчије но што сам замишљао.

Пропустио сам неколико трамваја чекајући бољу прилику да уђем; а кад се та није појавила, пустио сам се у борбу за место. Гурање и псовке.

Пред Смољним сам. Преда мном је зграда у којој је 1917. заседао петроградски Совјет и био Централни комитет бољшевика, штаб Октобарске револуције с Лењином.

На главном улазу два крупна црвеноармејца с бајонетима на пушкама. Поздрављам и хоћу да прођем. Они укрстише пушке:

– „Пропусницу!“

Упутили су ме у биро за пропуснице, десно од улаза. У бироу гужва. Много људи гура се око шалтера и телефонског апарата обешеног на зид. Доспео сам најзад до шалтера. Објаснили су ми да морам телефонирати ономе коме желим ићи, а он треба да јави нека ми се изда пропусница. Поставио сам се у ред за телефон, доспео до телефона; али ми централа није хтела дати везу док не кажем који број хоћу и кога лично треба у МОПР. Узалуд сам покушавао да се објасним. Људи иза мене у реду су се стали бунити што задржавам телефон. Повукох се, опет се пробих до шалтера и замолих да ме пријаве горе у МОПР. Рекоше да они то немају право, па ми дадоше број.

Опет сам у реду за телефон. За централе опет траже име особе којој идем. Објашњавам да сам управо стигао из Париза и никог не познајем. Јавља се неко други, и опет објашњавам. Понавља ми да ми не могу дати пропусницу ако не кажем коме хоћу и ако тај не допусти. Никакво убеђивање и логика не помажу. Било је то два и по месеца после убиства Кирова. Заведене су биле мере безбедности које су већ биле довеле и до овакве деформације. ~~Крута примена мере безбедности и „перестраховка“ (уклањање од одговорности) које сам касније све чешће сусретао у СССР-у.~~

Требало је предузети нешто друго. На Финској станици, па у трамвају и овде опет, стално сам видео једну исту жену, у чизмама, с повезачом на глави и актен-ташном у руци. Учинило ми се да је то моја пратња, па покушах да успоставим с њом директну везу. Затражих да ми помогне да уђем у Смољни и дођем до МОПР. Каже да то није њена ствар. Онда је замолих да ме одведе у Градски комитет Партије, но она предложи Комитет Финског рејона.

Одвела ме је тамо, ушла без пропуснице, а мене оставила у бироу за пропуснице, иза шалтера. Отпратили су ме у „тајно одељење“ рејонског комитета. Касније сам видео да сва предузећа, установе и организације имају такво „тајно одељење“ НКВД. Опет дуго испитивање, телефонирање у Москву и чекање на одговор. Одвели су ме најзад у Дом МОПР, с тим да навече кренем возом у Москву.

У Дому су ми дали ручак и око 30 рубаља, а ја њима, као прилог за МОПР, сву страну валуту која ми је још била остала.

Желео сам да до вечере погледам бар важније знаменитости Лењинграда. Добио сам пратиоца.

Отишао сам до Зимског дворца, до места одакле је отворила ватру оклопњача „Аурора“, на Невски проспект, Петро-Павловску тврђаву, **Нутиловски завод**²⁷⁹ и др. „Укључио“ сам се већ добро у трамвајску гужву. Путем сам изгубио пратиоца и продужио сам. Величанствен је Лењинград, по својем општем изгледу и својој историји. Све ми се чинило да ћу срести позната лица из руске књижевности и Октобарске револуције. само улице и зграде су сада биле тако напуштене, још су се свуда видели трагови грађанског рата. У трговини мало

робе, неукусне и управо бедне, од хране се у излозима види једино црни ражани хлеб, кисели краставци и пиће квас. Наишао сам на трговину «Торгсин». Ту је било много прехрамбених артикала; али су се продавали само за страну валуту. Свуда људи слабо обучени, запушеног изгледа, необријани.

Увече сам био у возу за Москву, уморан од већ пређеног пута, утисака и од сукоба из међу мојих ранијих представа о Совјетском Савезу и његове стварности.

Воз је био препун. Људи су се гурали с врећама и завежљајима. Сео сам у угао великог купеа, који одговара нашем III разреду, и посматрам: сместили се и припремају се за вечеру. Иду с чајницима и однекуд доносе врелу воду. Неки праве чај; а већина пије чисту врућу воду. Из врећа, завежљаја, не знам откуда све, ваде ражани хлеб и најчешће сољену рибу, отресају со и једу. Први утисак је да је њихов животни стандард нижи не само од стандарда француских неквалификованих радника, већ и од стандарда наших радника у Француској, који спадају међу слабије плаћене.

Увукли су ме у разговор, понудили ме чајем и својом храном. Брзо смо се зближили. То су већином били радници и службеници, ситни функционери, који су ишли послом у Москву. Причали су ми о Лењинграду, жалили су што нисам видео његове нове фабрике и нове грађевине у предграђима. Причали су ми сећања из прошлости. То су били ванредни људи – волели су свој Лењинград, поносили се његовом прошлошћу и изградњом и веровали у бољу будућност. Мало су били наивни у својим представама о Западу.

Тај први дан у Совјетском Савезу потресао је из темеља моја дотадашња схватања о њему. Ствари нису стајале онако како сам ја мислио и веровао. Неки које смо прогласили „агентима капитализма“ и „издајцима“ што су неповољно писали о Совјетском Савезу – изнели су у ствари поштено много од овога што сам сада сагледао.

Посумњао сам у своје прве утиске и потражио сам грешке у својим гледањима и схватањима. Велика прошлост Лењинграда и ови совјетски људи у возу помогли су ми да потражим излаза из забуне изазване првим утисцима.

3. У Москви у Доми политичких емиграната.

Кад сам ујутро стигао у Москву, растао сам се са својим сапутницима као са старим пријатељима.

Пронашао сам Коминтерну. Опет изненађен! Мислио сам да је зграда Комунистичке интернационале, „штаба светске револуције“, једна од најмодернијих и најлепших у Москви; а оно тамо – старинска зграда, једноспратница у Моховој улици.

У бироу за пропуснице исти поступак као у Смољном. Не знам како се овде конспиративно зове представник наше Партије Владо Ћопић и не могу да добијем ни везу с њим ни пропусницу. У бироу за пропуснице у Коминтерни, где

раде и камо долазе људи из целог света, седео је један човек који није знао није-дан језик до руског. Најђе срећом један мој познаник који је радио у Коминтерни и поможе ми да успоставим везу с Ђопићем. Добио сам ново немачко-јеврејско име и смештен сам у Дом политичких емиграната, да сачекам да се моја ствар реши.

Дом политичких емиграната је доста неудобна приземна зграда са сутереном, некада кућа кнеза Воронцова. Политички емигранти су били из разних западних земаља, највише из Немачке, Аустрије и Италије. Смештени су били у великим заједничким собама, са креветима постављеним један поред другог као у болници. Била је једна сала за читање, а у сутерену трпезарија, ту се добивала доста једнолична храна, која није одговарала укусу људи са Запада. Ту су политички емигранти чекали дуго времена да се реши њихово питање да пођу на посао, да продуже стручно школовање или ступе у политичке школе. Атмосфера у Дому била је слаба. Људи су дошли са илузијама о обиљу и срећном животу у Совјетском Савезу, очекивали су да се њихово питање брзо и повољно реши, а сукобили су се са невеселом стварношћу. Тај сукоб је био нарочито тежак код другова са Запада: они су били навикли на боље животне услове, бољу организацију рада и бољи ред. ~~Ми са Балкана лакше смо се адаптирали.~~

Дом је био у надлежности Извршног комитета МОПР, којим је у то време руководила Елена Стасова, стари члан Централног комитета Бољшевичке партије, веома паметна и културна жена. Људи су стално одлазили у МОПР Стасовој и опседали су своја национална представништва у Коминтерни не би ли решили своје питање. Ни у МОПР ни Стасова ни у Коминтерни нико им није могао нешто конкретно и одређено одговорити, јер они ни сви заједно то нису могли сами решавати, Неко је веома споро решавао њихово питање, па и њихову судбину, ~~а они нису могли знати ко је то.~~

Нисмо имали право да успостављамо везе са совјетским грађанима, да идемо у фабрике и установе. То се објашњавало конспирацијом. Као и совјетски грађани, и ми смо били слабо информисани о догађајима у свету, па и у Совјетском Савезу. Штампана потчињава цели живот одређеној политичкој линији и информисала само онолико колико је било потребно и одговарало тој линији. Нама, који смо дошли са Запада то је у почетку јако сметало. Неки су се вратили са посла у предузећима и дискретно причали о веома тешким условима рада и живота. У Дому је владала опрезност у разговорима. Људи су се бојали да заузму «неправилан» став, да не покажу сувише радозналости и постану сумњиви, да их не позову на одговорност због кршења конспирације, брбљивости и небудности.

Крутост у спровођењу конспирације и настојање да сви људи буду „на линији“ отежавали су развијање приснијих другарских односа између политичких емиграната, отежавали су да се узајамно информишемо, упознајемо си-

туацију и проблеме и револуционарне покрете разних земаља, да међу собом мењамо искуства и мишљења. У Дому, где су се били сабрали искусни револуционари из целог света, владала је затвореност у себе и опрезност и било је прилично досадно. Стварала се тешка атмосфера живота политичке ситуације.

Многи политички емигранти су у већој или мањој мери преживљавали кризу, нарочито они из развијенијих земаља. Нама из заосталијих земаља, који смо и код куће живели и радили под тешким условима, било је лакше.

Совјетски Савез је у то време био завршио своју I петолетку и у току је била II. Била је спроведена колективизација, објављивали су се проценти који су говорили о веома брзом привредном развјетку, говорило се о почетку сретног живота радних људи. Међутим неразвијену земљу какав је био Совјетски Савез сви ти резултати још нису извучили из заосталости. Саграђена модерна индустријска предузећа и механизација пољопривреде користили су се само за $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ капацитета услед неумешности радних људи и њиховог ниског техничког и културног нивоа, што је потврдио и Стаљин у једном свом тадашњем говору.

Руски радни људи су ипак видели успехе, а већина и бољи живот, иако можда не у тој мери као што им се говорило, а надали су се да ће убрзо доћи још бољи. Али за политичке емигранте из развијених земаља, који су техничку и привредну развијеност, организацију рада и услове живота мерили мерилом своје земље, то је све било доста слабо, скоро бедно. Услови живота, посебно храна, у Дому политичких емиграната за појмове совјетских радних људи били су чак на веома високом, њима још недостижном нивоу, а за политичке емигранте испод просечног нивоа пролетаријата у њиховим земљама. Емигранти су као радници (до доласка фашизма) у својим земљама имали боље радне услове, боље плате и више грађанских, личних слобода него совјетски радници. Поред тога, задаци совјетске Партије, услови и метод политичког рада били су неминовно другачији него на Западу.

Зато је њихов судар са совјетском стварношћу био неминован. Но место да им се конкретно објасни стварност и убедљивим аргументима образложи пут којим се иде, њима се сервирала мало убедљива унутрашња и спољна совјетска пропаганда.

С друге стране, ни совјетски другови нису њих схватили.

При оцени њиховог држања, поступака и мишљења они су полазили од своје ситуације и мерили их својим мерилом. Многе њихове навике, поступке и схватања сматрали су „малограђанским“, па и „буржоаским“, а нека њихова реаговања и гунђање антисовјетским, па и непријатељским. Створила се ситуација која је убрзо имала тешке последице по политичку емиграцију.

3. Сусрет са НКВД

Једног дана ме је позвао управник Дома и упознао ме с „човеком из Коминтерне“. Овај ми се, међутим, касније у разговору, представио као сарадник

НКВД Иванов, затраживши од мене да се укључим у мрежу њихове обавештајне службе, да радим међу политичким емигрантима (тврдио је чак да је већина расположена антисовјетски) и рекао је да се нема поверења у све чланове у представништву наше Партије. Покушавао сам да се извучем; али се нисам усудио да енергично одбијем. Он је, пак, упорно инсистирао и дао ми „везу“.

Половином марта сам упућен на лечење у Сибир, у околину Омска, у санаториј „Боровоје“. Путовао сам возом 6 дана и 6 ноћи, борећи се са стеницама.

Санаториј је лежао на малом брегу у боровој шуми, окруженој степом равном као море и покривеном дубоким снегом. Над степом купола плавог неба – данима без иједног облака. Неколико других придошлих и ја прихваћени смо били као да је ратно стање: морали смо се свући голи, све рубље и одело предали на парење, окупали се, а затим изићи на темељит лекарски преглед.

Смештен сам у собу са једним службеником НКВД, Казакстанцем. Био је то прилично груб и примитиван човек, ноћу је хркао, шкрипао зубима, викао, урлао. Причао је највише о томе како је заробљавао и уништавао непријатеље. О томе је причао, мислио и сањао. После Казахстанца убрзо је дошао нови „цимер-колега“ Коља, радник из Лењинграда. Ванредан човек. Причао је веома сликовито и занимљиво о свом животу, о животу, борби и раду лењинградских радника, нарочито о убиству Кирова. Читао сам доста о томе, па ипак нигде нисам нашао тако сликовито, живо и убедљиво изнесену ситуацију у Лењинграду за време и после убиства Кирова. Некада радни људи непосредним посматрањем разумеју и једноставним речима искажу оно до чега учени људи долазе компликованим анализама и што излажу тешко разумљивим језиком.

Храна у санаторију је била доста слаба и једнолична. Једино месо је било камиље, неукусно и тврђе од коњског. Пило се веома добро кобиље млеко, тзв. кумис. Неколико другова и другарица, Коља и ја створили смо пријатељску групу, често смо били заједно. Скијама смо ишли у шетње по степи.

Кад сам одлазио, пријатељи су скупили средства и приредили ми опрштајну вечеру. Спремили су једно традиционално сибирско јело, тзв. пелимени. Но нигде нису могли набавити нешто за пиће, па су направили вотку од алкохола из амбуланте, које им је директор дао кришом. То се, гледајући с формалне стране, може оценити као крађа државне имовине, антисоцијалистички поступак, па и криминал.

Па ипак су ови људи били ванредни другови, комунисти, добронамерни, а због слабости совјетске трговине, су били присиљени на такве поступке да би учинили гест пријатељства. Такве противуречности сам често сретао у совјетском животу. Кад неко хоће, он може такве људе прогласити саботерима, криминалцима итд. И то се дешавало.

4. У затвору

Вратио сам се из „Боровог“ у Москву, опет у Дом политичких емиграната. Лекарска комисија је сматрала да треба да продужим лечење, и предложили су Кавказ.

Нисам се јавио ниједанпут НКВД на дану «везу». Налазио сам се у непријатној ситуацији. Веровао сам да НКВД стварно има тешке задатке и да непријатељ шаље на све стране своје агенте да шпијунирају и саботирају изградњу социјализма. Зато нисам могао енергично одбити помоћ у том раду. Али, опет, нисам могао ни прихватити рад који се односио на моје другове и моје руководиоце.

Док сам чекао да пођем на Кавказ, био сам затворен у „Љубљанци“ [тако!], централном затвору НКВД. Затворили су ме преваром. Позвали ме с молбом да им учиним неку услугу, па ме ставили у ћелију. Пролазио сам кроз процедуру и стављан сам био под режим којима се подвргавају опасни непријатељи.

Оптужили су ме де сам националист, терорист, агент Светозара Прибићевића, шефа југословенске Самосталне демократске странке и бившег министра унутрашњих послова. При истрази су поступали са мном као да је непобитно да сам то и такав, само још треба да утврде да ли сам тим кривим путем пошао свесно или несвесно. Ако сам то радио несвесно, па увидим и признам, они ми могу помоћи да се спасем. Наступају као да хоће да ми помогну да разумем какве сам политичке преступе несвесно радио или хтео радити. Ако, пак, не увидим и не признам, значи да сам то радио свесно и сада сакривам своја непријатељска дела, па ће се са мном обрачунати као с непријатељем.

Испитивање је трајало целу ноћ. Иследници су радили на смену, а ја сам био сам и осећао се усамљен. Био сам под тешким физичким, нервним, моралним и политичким притиском. Дању нисам имао могућности да се одморим; а ноћу се продужавала истрага окривљеног, свакако онако како предлажу они који воде истрагу. Углавном очекују да ће бити послати у Сибир. Њима је, изгледа, требало моје признање, па да ме онда употребе како хоће и зашто хоће. А ја сам био чврсто решио, наивно и одлучно, да им докажем да су на погрешном путу и да таквим «признањем» нећу да заведем ни њих ни своју Партију, па ма ме то стало и живота.

После неког времена су ме пребацили у други затвор, у „Бутирку“. Превезли су ме ноћу, око 2 часа, у затворској камионети. Имао сам осећање као да ме воде на стрељање.

„Љубљанка“ је у погледу ~~услова~~ живота – реда, хигијене и хране – била много боља од „Бутирке“, само у „Љубљанци“ сте имали непријатан утисак као да вам неко цело време држи руку на грлу; „Бутирка“ је, пак, била масовни затвор; тамо није било оног страшног истражног притиска; али су зато били прилично нељудски животни услови. Велике собе су биле тако препуњене затвореницима да је кретање било тешко. А ухапшени „контрареволуционари“

су углавном били радници и интелектуалци, у великој већини добри људи. Затворени су зато што су рекли своје мишљење које се није слагало с мишљењем руководства, што се сумњало да су у прошлости имали везу с опозицијом, што су критиковали, „саботирали“ итд. или – просто на доставу неког несавесног човека. У затвору се водила истрага. Није било суђења, ни одбране ни бранилаца; пресуду је изрицао прокурор и не видевши оптуженог, и то свакако онако како предложе они који су водили истрагу. Ухапшени су углавном очекивали да ће бити послати у Сибир.

Један професор из Швајцарске и ја смо били једини странци у соби међу близу сто затворених. Из разговора сам видео да затвореници воле своју земљу, поносе се својом Револуцијом, изградњом и Црвеном армијом. Има свакако, међу њима и таквих који немају то мишљење; али то не смеју у овој средини да кажу.

За 1 мај су затвореници организовали веома леп програм, а управа затвора није учинила ништа: свакодневни затворски режим, са топлим водом и кофом ражаног хлеба за доручак, а са увек истом чорбом од кисела купуса тзв. шчија, за ручак и вечеру. Ти људи су патили због неправде која им се наноси, тешко су патили што не могу да се бране и докажу истину, а нарочито што због њих страдају и њихове породице и пријатељи. Своју тешку судбину су ипак носили мирно и достојанствено, ~~како то зна и може руски човек.~~

Мене су после неколико недеље ослободили. Један функционер НКВД који је вршио истрагу објаснио ми је да сам био затворен на оптужбу руководиоца наше Партије; али истрага је утврдила да сам невин и обуставила је гоњење. Не смем међутим ником казати да сам био у затвору. А они ће ми помоћи да се лечим, да ступим у школу; а ако будем имао неких сметњи, нека само њему јавим. Опет су од мене тражили сарадњу.

Ипак сам све испричао Влади Чопићу. Он ми је рекао да су приметили да ме је нестало, помислили стварно да сам затворен; али се нису усудили да питају. Они мене нису били оптужили. Додао је да ми не може ништа рећи о мојој даљој судбини. На крају ми је рекао: – О свему томе ми ниси ништа говорио. Положај представника стране Партије у Москви није био онакав како сам га то замишљао. ~~Срео сам у Дому Уткину. Био сам у неприлици. Не смем да јој кажем, а не могу да сакријем. Позвала ме кући на чај. Покушао сам да избегнем. Каже ми да све знају и јако им је жао и непријатно им је што ми се то десило у Совјетском Савезу и што се такве ствари дешавају у Совјетском Савезу. Код куће мајка и она нису ништа о затварању говорили нити су мени дале да говорим. Биле су према мени веома љубазне.~~

5. На Комунистичком универзитету

Опет сам се нашао у Дому политичких емиграната, одакле сам послат на Кавказ. После неколико дана упућен сам на лечење на Кавказ у Кисловодск.

~~Природа, услови, лечење, особље санаторијума и људи с којима сам се срео, све је било пријатно и како се може пожељети. Брзо сам се опорављао. Срео сам тамо више старијих. Кад сам се у јуну вратио, речено ми је у Коминтерни да ћу се у октобру уписати на IV годину Комунистичког универзитета западних народа. Упознавши се са програмом IV године, решио сам да преко лета учим, положим IV годину, дипломирам и ступим на универзитет као аспирант. Тако је и било. Определио сам се за економију. После године дана рада постао сам и предавач економије на истом универзитету.~~

Студенти су били углавном Немци, Аустријанци, Пољаци, Мађари, Румуни, Југословени, Бугари, затим из балтичких земаља и др., углавном из западних суседних земаља.

Услови за рад су у школи били добри; али рад је био веома напоран и није био добро оријентисан с обзиром на наше потребе. Студирали смо углавном радове Маркса, Енгелса, Лењина и Стаљина, затим историју Русије, Историју ВКП(б), проучавали актуелну линију ВКП(б) и Коминтерне и учили руски језик. Веома мало самосталног рада! И ми аспиранти смо учили као ђаци и испитивали су нас. Важно место је заузимала критика гледишта буржоазије, социјал-демократа, а нарочито опозиције у Совјетском Савезу, троцкиста, бухаринаца и др. Њихова гледишта су се износила прилично произвољно, деформисана, одвојена од времена и стварности у којој су настала, па онда побијају с „позиција марксизма-лењинизма“, углавном цитатима Стаљина. Те „критичке анализе“ су се вршиле по одређеној церемонији, као у кинеској опери. Студент на испиту, поред осталог, увек добије и поставке социјал-демократа и опозиције, па има с њима да се „обрачуна“. Велика брига наставника који предаје и студента који одговара јесте да буде „на линији“.

Такав систем политичке школе нама странцима није одговарао. Он је сужавао пут нашег политичког развитака, одвајајући нас прилично од стварности и у нашој земљи и осталим у свету и дајући нам мало могућности да се оспособљавамо за самостално у расуђивање и одлучивање. Они који су долазили из праксе и враћали се на партијски рад у своју земљу још су и могли савладати ту ускост политичког образовања; али они који су остајали, одвојени од практичног рада у домовини, били су мало у стању да се политички самостално оријентишу.

Па ипак нам је, и поред свега тога, школовање у Совјетском Савезу било корисно. Живели смо једну до две године у људским условима, имали могућности да се упознамо с класицима социјализма, склопили смо другарство с људима из наше и других земаља с којима ћемо касније радити, упознали се бар донекле са Совјетским Савезом, осетили проблеме који долазе после револуције, у току социјалистичке изградње, научили смо руски језик у томе нам је Совјетски Савез учинио велике услуге и помогао је нашој Партији.

Били смо укључени и у рад партијске организације ВКП(б) на нашем Универзитету. На рад партијских организација је јако утицала тадашња ситуација у Совјетском Савезу. После убиства Кирова (1. децембра 1934.) почело је гоњење, затварање и суђење опозиционих елемената. То се вршило заједно с проверавањем партијских докумената, па и самих чланова партије. Искључивали су се из Партије и Комесаријата сви они који су сматрани несигурним. Стотине хиљада чланова Партије и Комесаријата искључене су из организације, а многи су и затворени. То је изазвало деформације у партијском раду. Потенцирана су питања будности, скретања с линије и борбе против унутрашњег непријатеља.

Главна активност наше партијске организације састојала се у „прорађивању“ директива, резолуција, реферата и чланака руководиоца, пре свега Стаљина. „Дискусија“ се састојала најчешће у изјашњавању за добивену линију, директиву или став, у кртици од стране партијског секретара свега оног што није на тој линији и што је против тог става, у подржавању те критике и самокритике од стране чланова партијске организације. Сви треба да се на неки начин изјасне и онда да се једногласно прихвати добивена линија, директива или став. Посебно треба да иступају они који имају неког „путера на глави“. Они се у својем иступању морају на неки начин „самокритички“ осврнути на своју грешку. Партијски састанци су били веома дуги и често незанимљиви.

Једном нашем старијем другу је у трамвају украден новчаник и у њему партијска књижица. То је оцењено као небудност и помагање непријатељу. Био је партијски кажњен. Сада је он приликом свих иступања морао понављати своју, увек исту причу:

– Ја сам један од оних који су својом небудношћу допринели непријатељу да се дочепа њихових партијских књижица.

Али да би поправио свој положај и углед, он објашњавао да није био баш тако небудан. Ушао је у трамвај, тамо је била гужва, и он је мислио пре свега на партијску књижицу у новчанику у задњем џепу панталона. Пазио је како ће се поставити; видео је једну бабу, па је рачунао да од ње не прети опасност и окренуо се леђима према њој. Али се показало да његова будност није била довољна: и баба је била непријатељ. Месецима и месецима смо, скоро на сваком партијском састанку слушали ту причу.

Неки је, опет, као гимназијалац подржао став неке опозиционе групе, и сада је понављао да је помагао непријатеље Партије. Није то радио дуго, затворен је.

Један, пак, који је нешто „забрљао“ „по женској линији“ – понавља своју „самокритику“: да је тим показао небудност и нашкодио угледу Партије итд. итд.

Партијски састанци, који су иначе организационо били веома добро вођени, често су се тако отезали до дубоко у ноћ, често и до 2 и 4 часа ујутро, а дешавало се и да смо с партијског састанка ишли право на доручак!

Становао сам у соби с једним другом из Литваније и студирали смо заједно. Договорили смо се да одемо партијском секретару и објаснимо му да желимо што боље искористити време на Универзитету за студије. Међутим слабог смо здравља и после оваквих дугих састанака нисмо сутрадан способни за рад. Замолићемо га за допуштење да можемо отићи са састанка када се састанак продужи преко пола ноћи, а дискусија није нарочито важна. Саслушао нас је мирно, а онда узео да нас енергично „обрађује“. Објаснио нам је да ми показујемо мало разумевања за рад Бољшевичке Партије, да то нећемо научити из књига, да су овакви састанци за нас школа итд. Изишли смо од њега прилично „убеђени“ да смо погрешили.

После краћег времена је дошла директива Централног комитета, да се прекрати с дугим партијским састанцима, на којима се ствари понављају и који ометају нормалан рад људи. Секретар је сада на партијском састанку одржао дуго излагање против дугих састанака, а за њим су десетине људи то понављале. Нас двојица, задовољни, ћутали смо.

Сутрадан нас је позвао секретар и упитао нас зашто се нисмо изјаснили о директиви Централног комитета. Рекли смо му да он зна да је прихватамо и да смо му већ пре тога казали своје мишљење. На то нас је он опет стао „обрађивати“, ударајући шаком по столу.

Ми не смемо да мешамо своја малограђанска гледишта и нераумевање рада Бољшевичке партије са директивама Централног комитета ВКП(б). То су два различита гледања на рад партијске организације итд. итд. Отишли смо збуњени и у сумњи да можда ипак нисмо схватили суштину ствари.

У 1936. години је на брзину, пре времена, завршен летњи семестар, и Комунистички универзитет је ликвидирао. Дошао је и Кнорин, члан Политбироа ВКП(б), износећи разне разлоге затварања. Ми смо, међутим, осећали, да после се и потврдило, – да је главни разлог био: што је наш универзитет постао сметња совјетској спољној политици. Свакако да није било нормално, са међународног гледишта, да у једној земљи постоји школа у којој се спремају револуционарни кадрови за илегалан рад у другим земљама, поготову кад се Совјетски Савез у то време био оријентисао ка политици успостављања бољих односа са појединим западним земљама.

НКВД ми је предложио да одем у иностранство да радим за њега. Потражио сам начина да то избегнем и да одем на политички рад. У представништву наше Партије су ми рекли да би ме они желели послати кући на партијски рад; али да не могу супротставити захтеву НКВД, па ми препоручују да ја некако сам то са НКВД решим.

Привремено сам радио у „Главлиту“, у одељењу за страну штампу. Задатак одељења је био да прати стране новине и часописе који стижу у Совјетски Савез. Цела пошиљка би била задржана на пошти док ми не прочитамо по

један примерак и не одредимо коме од претплатника се може доставити. Сви претплатници су били сврстани у 4 категорије. Тако је, на пример, у I категорију улазио Политбиро ВКП и више руководство НКВД, у II – ЦК ВКП(б) и Коминтерна, у III – научне установе, а у IV – сви остали претплатници који су опште имали право да примају страну штампу. Према свом садржају – поједини бројеви новина и часописа су се исто тако сврставали у IV категорије. Кад је неки број листа био сврстан у IV категорију, могли су га примити сви; кад је био у III категорији, само прве 3 категорије претплатника итд. Основни задатак одељења је био да не пропушта у Совјетски Савез антисовјетску пропаганду, под којом се подразумевала свака критика Совјетског Савеза и његове политике, а нарочито критика Стаљинових представки и Стаљина лично, затим троцкистички и други опозициони погледи. Прегледала се исто тако и страна комунистичка штампа, јер је она у полемикама, износила и гледишта противника, која се у Совјетском Савезу нису износила. Претплатници су зато примали страну штампу с великим закашњењем и – изузев прве категорије – често не примају све бројеве, већ само оне који су добили сагласност ове контроле. Радили смо 6 часова дневно, имали плату професора универзитета и ресторан I категорије; али зато ако у раду учинимо пропуст, могли смо dospети и у Сибир.

Потпуно су нас укључили у тадашњи садржај и методе рада Бољшевичке партије. Међутим оваква партијска активност, која је одражавала тадашњу ситуацију и оријентацију руководства Партије у Совјетском Савезу, мало је одговарала нама кадровима страних партија. У Лењиново време су се руководиоце других Комунистичких партија сматрани као равноправни са совјетским, имали су право и да дају критичка мишљења о совјетској унутрашњости и спољној политици. Сада не само да од тога права није било остало ништа већ се нису смела ни да се интересују за судбину својих кадрова...

АЈ, МГ, 2020

Део VIII. Други светски рат у Југославији

Глава 1. РУСКИ ЕМИГРАНТИ И РАТ

205

Тестамент руског емигранта В. Борисова написан у првом дану Априлског рата

Если я буду убит, если умру от ран, то все деньги, все вещи завещаю генералу Николаю Ивановичу Аранджеловичу, с искренней благодарностью за все сделанное им для меня. После меня нет никого моих [родных ни] здесь, ни в России; я абсолютно одинок, а потому претензий ни у кого быть не может.

Русского Генерального штаба генерал-лейтенант

Вячеслав Евгеньевич Борисов

Белград. 6.IV 1941.

АС, НА, 125

877

206

Одговор А. Курчанинова С. Смирнову на прво писмо после бомбардовања Београда

31 мая 1941 г.

Белград

Дорогой Сергей Иванович,

Ваше письмо получил, но не знаю, как оно до моего почтового ящика допутовало. До сих пор мы жили с 6 апреля без одного почтового получения. Спасибо, что вспомнили нас. Поблагодарите Наталию Александровну и Вашу belle mere за внимание к нам. Ну что сказать Вам про нас. Сразу даже не себе решься. Пришлось сразу же после бомбардировки подхватить русское дело, ибо Е.Е. Ковалевский бесследно исчез; уйдя домой из Русского дома, он до

квартиры не дошел. А там его сестра думала, что он намеренно остался в Русском доме. Узнав случайно 9 об этом, я 10 уже взял на себя его обязанности, и порядочно-таки намучился, так как деньги были получены для Державной Комиссии последний раз 3 марта. И вот ни в апреле, ни в мае мы ни динара не получили ни на беженцев, ни на Корпус, или Институт, или Гимназию, ни вообще ни на что. Все наши учреждения влезли в необъятные долги, все слали чуть ли не ходоков, пешеходов сюда, умоляя о деньгах. И ничем помочь не мог, кроме грошей из небольшого остатка в кассе после Евграфа Евграфовича. А ведь так недавно было так уютно у Вас, и в Девиче. После Девича я обошел всю Метохию, Шар-Планину, Средачку Жупу, потом перекинулся на Морачу, Тару и Лим, где набрал огромную коллекцию орнаментов и старинных надписей. Дивные мои коллекции, и так обидно, что сейчас не могу закончить мои многогодные путешествия. Я не успел обойти Боснию, Херцеговину, Приморье и Черногорию. То есть я там всюду бывал, но не вел-таки систематически собирания орнаментов и надписей, как делал это последние 4 года по всей остальной области. И так больно слышать, что в Скопле и на востоке от него – болгары. Ведь я там не встретил ни одного древнего болгарского памятника. До какого места немецкие войска по линии Митровица – Скопье? Мне бы следовало еще обойти церкви в Сириначской области, на восток от линии Урошевац – Призрен, в горах.

Жена, Николка и я вполне благополучно перенесли 6 и 7 апреля. Дом наш трясся, как овечий хвост, бомбы падали поблизости, но даже стекла наши не пострадали. Миша, призванный как резервный подпоручик, попал в плен, хотя его часть (мастерская по починке авионосов) не воевала. Он в эшелоне увезен через Брод, Осиек в Германию. Еще не установили с ним связь. Я очень хвалю его, что имевши возможность переодеться в статское в Сараеве, он не воспользовался этим и не отделился от своих товарищей-сербов и делит их участь. Так должен был поступить мой сын. Не знаю, не подействовал ли на него пример мой с моей Уральской эпопеей, когда я тоже добровольно присоединился к Е.К.В. Княгине Елене Петровне и Ее больному Супругу, Вашему однополчанину. Если же не по этому примеру, то тем более я доволен сыном. Говорят, что когда будут составлены списки пленных в Германии, будут освобождены все резервные офицеры. Что касается моей новой работы, т.е. прежней работы, но в новом учреждении, то она очень напряженная, ибо полная неизвестность в денежном смысле. Каковы будут кредиты у нового учреждения, и поэтому какие части нашей работы (учебные заведения, краснокрестные больницы и т. п.) удастся сохранить – неизвестно. Постепенно и эта часть войдет в колею, но много нетерпения у тех лиц, которые нуждаются в срочной, непосредственной помощи. Да оно и понятно. Ведь выпали целые министерства, как Военное с несколькими сотнями русских кормильцев. На одном заводе в Кра-

гуевце выбыло 324 русских. В самом Военном министерстве 712 кормильцев. Что-то затихло с как будто узаконенным пособием для русских инвалидов. Конечно, и это постепенно выяснится. Но очевидно, что нынешнее государство, т.е. в нынешних границах, не в состоянии давать на эту цель – русскую эмиграцию – все то, что давала Югославия. Словом, много вопросительных знаков. Николка кончает гимназию, будет сдавать большую матуру. Но и тут поток вопросов, в смысле существования университетов. Много говорят, что будто бы они не так скоро откроются. Вы говорите, что рады нам помочь в новом нашем учреждении. Начальник намеревается уничтожить выборные правления колоний и всюду иметь начальников колоний, назначенных им лично. Это, конечно, хорошо, и если бы так было с самого начала, то многие скандалы бы не были погашены, а выведены на чистую воду. Централизация – хорошая вещь. Ответственность еще лучше. А то помню пословицу: „Общее дело – ничье дело“. Так это во всех городских думах, земстве и т.п. Вообще жаль, что новая эра не началась в этом смысле много раньше.

Очень рад был получить Ваше письмо. Еще раз спасибо, что вспомнили именно в такое время. Крепко жму Вашу руку, целую ручки Вашим милым дамам и шлю привет сыну. Ваш от души

[Смирнов]

НБС, Смирнов

207

Письмо о немачким обећањима руским емигрантима после 22. јуна 1941. С. Смирнов књезињи Нини Владимировној

29. јуна 1941 г.

Милая княгиня Нина Владимировна!

Мне лишь вчера передали (не знаю кто) Ваше письмо от 17 июня, и я спешу ответить Вам по порядку поставленных вопросов. Державной Комиссии больше нет, она уничтожена приказом Немецкой команды, поставившей вместо нее, но с гораздо более широкими полномочиями, Бюро по защите интересов Русской Эмиграции. Во главе Бюро с совершенно диктаторскими полномочиями поставлен генерал Михаил Львович Скородумов, про которого Вы, наверное, много слышали. Работает он как вол, с утра до вечера, а потом с вечера до утра дома, куда берет каждый день массу дел, не законченных днем в Бюро.

Задача генерала Скородумова – вести все то, что было до него, но это, конечно, при условии, если сербы будут давать те же суммы, что и раньше. Пока

что они до вчерашнего дня не давали ни копейки. Во всех учреждениях, особенно в учебных заведениях и т.д., начался уже давно голод. О беженцах и говорить не приходится: они давно, месяца три, не знают, что такое сытость. Есть просто потрясающие случаи голодовки. Из Кикинды и Белой Церкви, где особенно много немцев среди поставщиков русских учреждений, были уже здесь депутации, комиссары и т.д., которые приезжали с упреками нам, но скоро, узнав обстановку, помогли нам всюду, в том числе у немцев. Но, увы, до вчерашнего дня мы ничего не могли получить от сербов вместо обычных 800.000 динар. Накопился за три месяца долг в 2.400.000 динар, да и инвалидам за тот же срок еще 1.500.000 динар. Прибавились все те, кого редуцировали за это время без прав на пенсию или подпорный фонд. 22-го, в день объявления Германией войны Советам, произошла перемена: на другой день Главнокомандующий вызвал к себе генерала Скородумова и назначил его Дипломатическим представителем Национальной России, т.е. вроде Посланника. Как такового, принял его в тот же день, 23 июня, Ачимович, был очень любезен, назначил на утро 24-го экстренное заседание Совета Комиссаров, на которое пригласил и ген. Скородумова. Там, во вторник 24-го, генерала уже звали „Господине Министре“, и назначили нам наконец первую выдачу в 400.000 дин. Вскоре обещали еще такую же сумму. Итого будет получено столько, сколько недополучено еще за апрель. Но считается ли эта выдача за какой-нибудь месяц или на неопределенный срок, никто сейчас сказать не может. Заведующий финансовой частью, Н.Л. Неелов, сейчас занят распределением полученных 400.000 динар, т.е. $\frac{1}{6}$ того, то мы не додали и что, по существу, уже давно прожито и учреждениями, и беженцами.

На беженцев будет выдано, вероятно, тоже $\frac{1}{6}$ всего того, что они за это время получили от Державной Комиссии. Иначе говоря, если разослать деньги всем тем, кто получал ежемесячно от Державной Комиссии, каждый сможет получить лишь $\frac{1}{6}$ того, что он мечтает получить. Само собою разумеется, что Бюро никогда не сможет дать беженцам, а и учреждениям все то, что беженцы привыкли получать, ибо Комиссия в мирное время регулярно получала то, о чем теперь Бюро и мечтать не может. Дело это не так просто еще и потому, что кроме неполучения денег несколько месяцев, предстоит, по-видимому, скорый отъезд всей эмиграции домой. Главнокомандующий сказал генералу Скородумову, что через несколько недель немцы отправят всю эмиграцию на Родину, причем о способе переезда мы не должны задумываться, ибо все организуют немцы. Беженство, особенно после тех упреков, которые посыпались на русских после бомбардировки и разгрома армий, готово сняться с насиженных мест без всякой проволочки. Немцы уже предложили около 200 молодым русским людям (от 20 до 35 лет) проехать на особые курсы в Прагу, где [их будут] готов[ить] на должности административно-пропагандные в освобожденных

русских краях. Уже первая партия на этих курсах. Готовится и национальное правительство, которое должно явиться в Петроград или Москву, как только там будет устроен переворот, вероятно сопровождающийся гражданской войной, результат которой, по-видимому, немцев нисколько не беспокоит. Уже заранее известно, что результат будет – успех национальных элементов.

Обо всем этом генерал Скородумов рассказал нам, служащим Бюро для распространения дальше среди наших соотечественников. Особенно воспылали наши молодые люди. Конечно, много сложных вопросов: на что прибыть туда? На какую жизнь? На каких условиях? Лично я еще не могу решить вопрос, поеду ли я вперед один, или же заберу всю семью, т.е. жену и сына, только что сдавшего велику матуру. Оставаться здесь, когда можешь быть полезен там – грешно. Раз жизнь там не будет подвергаться каждый день опасности, как под большевиками, задерживаться вне родины грешно. Вопрос, как организовать здесь свои дела, пенсии, дом и т.д. Старший мой сын в плену, и неизвестно, когда именно наши соотечественники будут освобождены из лагерей за границей. Сын, пославший карточку из лагеря бл[из] Нюрнберга (я это место узнал случайно) 8 мая, дал нам весточку лишь 18 июня: карточка шла 41 день.

Оставлять его здесь, а самим уехать, тоже не хочется, но ведь нельзя даже предположить, когда он будет освобожден. Французские офицеры (из русских) сидят уже год по лагерям в Германии. Вероятно, будет то же и с югославянскими офицерами из русских. Жена его [сына] служит в гимназии в Земуне и, как и все сербки там, отказалась присягать хорватам. Потеряла место, но назначена в Горный Милановац. Значит, если сын вернется сюда, опять у него не будет семейной жизни. Словом, масса сложного. Ну вот, кажется, ответил Вам на все Ваши вопросы. Целую Ваши ручки и буду всегда рад быть Вам полезным.

Смирнов

НБС, Смирнов

208

Письмо С. Смирнова П.Н. Чижову о хатшеню М. Скородумова и променама у Бироу за заштиту руских эмигранта

15 октября 1941 г.

Белград

Глубокоуважаемый Павел Николаевич,

Пользуюсь случаем написать Вам пару строк в ответ на Ваше письмо. У нас междуцарствие и, конечно, временное начальство никого нового на службу

не берет. Денег нет совершенно. Арест бывшего начальника подорвал доверие жертвователей в Национальный Фонд. Прилив сербских средств иссяк давным-давно, прилива немецких сумм нет никуда, кроме Русского корпуса. Словом, ждем не дождемся прихода нового начальника, моля Бога, чтобы он остался во главе до конца нашего беженства. Пока что хлопочем у немцев, но результата денежного для Бюро нет.

Я отнюдь не забыл Вашего желания, но время не такое, чтобы что-нибудь провести как требуется.

Надеюсь, что скоро это урегулируется. Преданный Вам

[Смирнов]

НБС, Смирнов

209

Письмо С. Смирнова своим сестрићу Е.Е. Герцеништејну о разочарењу у деловању Руског заштитног корпуса

1 октября 1941 г.

Белград

Дорогой Женя, послаю Тебе ответ на твое письмо, которое вчера [получил] от Тебя. Во первых, благодарю за письмо по двум причинам: что дал знать о себе, и что это сделал как раз, когда я изводился, что ничего не знаю, что именно сообщить о Тебе Милке. Она, как я Тебе писал несколько дней назад, писала мне и запрашивала о Тебе. Об этом повез Тебе мое письмо П.Н. Туржанский, который был короткое время здесь, отказавшись от Начальствования в Заечаре, вследствие угроз его ликвидировать.

Во-вторых, благодарю за книгу для Николки, которую я, вероятно, уже сегодня передам ему в Гвардейские казармы, где находится наш Русский корпус, наделавший столько шума и разговоров.

Ты спрашиваешь через Твоего приятеля, не пойти ли Тебе в Корпус. Должен Тебе сказать совершенно откровенно, что по такому же вопросу от Николки я ему дал ответ: поступай в этом вопросе, как Тебе велит совесть, но прими во внимание, что еще далеко не известно назначение корпуса: есть разговоры, что он идет в Россию, чтобы там, в тылу у немецкой армии, быть помощным органом, т.е. держать гарнизоны и т.п. Это национальное дело, и каждый должен в нем участвовать. Но есть или, вернее, была определенно другая версия: что это для работы против повстанцев. В таком случае, мое мнение, что это не наше дело, не русских гостей здесь в течение 20 лет. Из моих знакомых пошли

главным образом те, кто нуждался в заработке. Те, кто имел службу, да еще многолетнюю, меньше пошли туда, ибо, будучи людьми семейными, не могли потерять обеспечение семьи, пенсии и тому подобное. К сожалению, приходится признаться, что туда пошло все русское дно из Белграда, кроме той части, которая уже профильтровалась в Германию. Кое-кто из таких господ уже вернулся из Германии, где ведь не работать не полагается. Слышал, что из „дна“ ушедшего в Корпус, есть уже исключенные оттуда. Слышал, что немцы очень довольны составом из молодежи. Поэтому дай мне некоторое время для ответа, после более точного информирования. Крепко жму руку. Твой

[Смирнов]

НБС, Смирнов

210

Письмо Е.Е. Герцеништејна С. Смирнову о убийствах и нападениях на русские эмигранты

Октябрь 1941 г.

Дорогой дядя,

Получил Твое письмо через Петрашевича, но ответить не смог, одно письмо, в котором я писал подробности о пострадавших русских, мне вернули из Ниша, т.к. дальше проехать было невозможно. Я сейчас зарегистрировался в Русском инженерном союзе на всякий случай, относительно корпуса для меня вопрос сейчас отпадает, т.к. мне несколько раз категорически заявили, что отсюда не пустят. В Белград я в ближайшее время не попаду, т.к. не могу бросить работу, на мне сейчас выдача всех объяв и ведение учета рабочих, и работать приходится по 11–12 часов в день. У нас теперь все спокойно, после ликвидации банды, которая месяц сидела в районе Салаш-Сиколе под красным знаменем и ограбила кассы общин в Крайинском и соседних срезях.

Убитых русских в этом районе трое: (слышал еще, что недавно убит в Сокобане русский судья). При нападении на рудник Ртань вечером 20 августа убит инженер Юрий Матвеевич Филлипов – инициаторы убийства – мальчишка-черногорец Ружић и шахтер-словенец Алојз Хиршл. Тогда же легко ранен Сергей Ольденборгер (теперь служит у нас) револьверной пулей и штыком и у Андрея Куксина пуля задела одежду. Во время второго налета на Рготину, где убит председатель и зверски замучен деловођа, т.к. накануне призывал на четничком сборе народ к борьбе против коммунизма,

убит Тимофей Шевченко (кажется, поручик), проведенный в Рготине 20 лет, главный организатор Тимочкой Млекарской Задруги. Он выскакивал в окно, и в него выстрелил 18-летний Драгољуб Голубовић из Копривницы (соседнее село), впоследствии рассказавший перед немецким военным судом, что руса нужно было по приказу увести с собой в лес, и лишь при попытке к бегству убить. В то время банда была уже разгромлена, Салаш взят, и нападение совершено небольшой кучкой. Голубовић расстрелян в числе прочих на главной площади Бора. Другой погибший тогда – какой-то Прокофий, старик, он жил в Рготине временно, как надзорник вывоза песка. Фамилию его постараюсь узнать и пришлю, думаю, что Заечар Вам уже прислал. В Злотской банде было двое русских: подпоручик Машевский и Виталий Полетика, наверное, тот самый, что со мной в 1930 г. кончил землемерные курсы и был в последнее время главным маркшейдером на руднике Равна-Река. Куда они потом делись, не знаю.

Случаев издевательства было больше – над полк. Шабельским, начальником станции Метовница (там у рудника своя станция), над о. Вячеславом Зейном, священником во Влаоле (Хомольск[ог] среза). В Лознице около Жагубицы, где и сейчас никакой власти нет, стреляли в о. Иосифа Брагина, и он уехал в Белград. В Злоте, где банда была уже чисто коммунистическая и очень долго сидела, русских не тронули.

Вообще здесь народ везде против бандитов, и если им покорялся, то лишь потому, что по месяцу и больше был под их властью без всяких вмешательств немцев или четников. Так из Злота один наш рабочий привел в Бор 62 человека, которые вместе с немцами участвовали в ликвидации банды (в сентябре). Кадры банды – селяки из Злоты и Подгорци стали четниками и участвовали потом при взятии Салаша и в других походах в горы, а вожди – студенты, адвокаты и учителя бежали за Тимок, где и сейчас действуют между Соко-Баней и Сврлигом с новой бандой. Село Горњане (Поречког среза) своими силами уничтожило одну банду, то же самое сделали несколько сел в Параћинском срезе.

Есть ли известия от Миши? Как себя чувствует Коля в Корпусе? Очень тебя прошу, если будет возможность, сообщи маме, что я живу хорошо и служу пока по-прежнему в Бору. Мила искала меня через газету, я ей напишу.

Целую Вас всех,
Женя

НБС, Смирнов

2. октобра 1941. г.

Драги Тата, Мама,

Добио сам Вашу карту од 20.IX и одмах Вам одговарам. Много ми је жао што сте остали сами и да нема нико од синова да Вас чува и да Вам помогне. Коља је увек био паметан дечко, не знам шта му је требало да напушта школу. Неверујем да није могао другачије и једва чекам објашњења. У сваком случају морао је да мисли на родитеље. Видим да је моја Рушка хвала Богу добро и да само није добила моја писам зато што је у Милановцу. Већ сам јој тамо писао и надам се да јој је тамо добро. Како сте Ви? Како је Мама са здрављем? Да ли сте добро с парама? Да ли примаш нешто од Мирковића и од комисије? Како станови? Бићу вам захвалан за сваки пакет, хлеб, лук, маст, макарони, гриз итд. Шаљите што пре и преко Црвеног Крста. По могућству што редовније али свакако не жртвујући ништа од свог. Молио сам Вас за макар мало рибљег зејтина јер сам много ослабио, а Мама са њеним апотекарским везама можда може да добије. Тикете за пакете сам послао и Moussi Polechko у Шведску само нисам знао њену тачну адресу – ако је знате – јавите као и адресу Тетке Соње. Послао сам и Николи Јаковлеву у Загреб – просто не верујем да је сутра 12 год. од Ленине смрти. Карте морамо писати немачки, док писма можемо српски. Рушка ми је обећала да пошље пакет и верујем да ће јој из Милановца бити лакше да шаље. Главно је да буде више мање редовно. Радујем се што је Рушка у Милановцу, тамо су рођаци и лакше ће да се пребрине и прехране. Послао сам јој нешто пара и сад сам мало мирнији за њу. Сада би хтео и Вама да помогнем знајући да Вам није лако па да Вам се мало одужим за све добро које сте ми у животу чинили. Да ли сте добили моју карту од 20.IX? Тамо сам Вам све објаснио и послао неке савете уколико уопште смем нешто да саветујем. За мене не брините надам се чврто да ће све добро да буде. Главно је да чувате здравље и да не чините наглих промена које би могле да шкоде здрављу. Много радим – читам књиге из Саобр[аћајног] права које сам овде набавио, учим немачки, читам много француски, али мислима сам увек са мојом Рушком и са Вама који сте сви заједно једина моја срећа и утеха. Тебе и Маму љуби пуно, а Кољу љуби и поручује му да никад не заборавља и не брука брата. Пишите Руски и пољубите њу и маму пуно од мене.

Ваш син који Вас много воли

[На 1. печати] Oflag IV C 17 F. U. Geprüft; [На 2. печати] Oflag IV C 15 F. U. Geprüft; 4 [датум на 3. печати] 9.X. [19]41-12.

Absender: *Mihailo S. Smirnov* Gefangenenummer: 5718

Lage-Bezeichnung: Oflag IV C 14 *komp* Deutschland (Allemangne)

НБС, Смирнов

212

Письмо С. Смирнова Н.Е. Филимонову о тешком стању русских эмиграната у Србији

26 декабря 1941 г.

Белград

Дорогой Николай Евгеньевич [*Филимонов*],

Я очень виноват перед Тобой, что так долго не ответил на Твое письмо, но очень прошу Тебя верить, что я не пропустил ни одного случая, чтобы попросить об удовлетворении Твоей просьбы о пособии. Но, увы, все это время касса Бюро страдала такой пустотой, что мы здесь просто стыдились даже отвечать просителям одно и то же: пособий выдавать не в состоянии. Если Ты к этому прибавишь, что есть очень много новых нуждающихся, которые никогда не брали никаких пособий, а теперь очутились без жалования, без пенсий, без потпорного фонда и т.д., то ты можешь себе представить, в каком неловком и тяжелом положении я был все это время.

Причина этого в том, что уже с 1 апреля сербы ни динара не дали на русскую эмиграцию. Даже те 800.000 динар, которые были у Державной комиссии на ее счету, они сняли сразу же, как только возвратились из бегства из Белграда в провинцию от бомбардировки, и лишь под большим давлением они эти деньги нам вернули; уже Бюро вернули по половинкам в июле и августе. Просто чудо, что Бюро смогло все же что-то как-то платить и выдавать. От немцев мы тоже не получили ни динара. Словом, состояние все это время было просто отчаянное, в смысле денежном.

От ген. А.Г. Попова я слышал, что у Тебя родилась дочка. От души порадовался за Тебя, это такое счастье. Нынче, когда одни горести, видеть дома это маленькое существо и наблюдать за пробуждением у него все больше и больше признаков человека – Царя природы, да ради одного этого стоит жить.

У меня с детьми, к сожалению, не так радостно, как бы могло быть. Старший, подпоручик резерва, воевал с сербами против немцев, и разумеется, ныне в плену у немцев. Младший, когда стали образовывать Корпус, пошел туда, движимый побуждениями быть полезным родине. Но очутился с немцами против сербов. Так формулирует положение Корпуса наша сная. И вот, когда обо всех

наших военных, очутившихся в плену у немцев, Бюро стало хлопотать об их освобождении, наша сная категорически воспротивилась освобождению Миши, говоря: не хочу, чтобы мой муж стрелял против сербов. Убеждения наши, жены и мои, что ведь это не по сербам, а по врагам сербства, не убедили ее.

Такая точка зрения довольно-таки распространена среди сербов. Они не понимают, что русские воины попали здесь в Русский корпус на такую задачу, которая прежде всего идет на пользу сербов и Сербии, а уже только потом вообще на пользу славян и всего мира. Но они, видимо, прежде всего думают о себе, а не о всем мире, и не о русских. Это надо помнить.

Не откажи поздравить жену, падчерицу и стариков. Крепко жму Твою руку и шлю наилучшие пожелания на Новый год. Лично я уверен, что он наш последний год здесь, что мы в очень скором будущем поедем в Россию, где все мы будем на вес золота. Это убеждение не основано на словах болтунов, а на сведениях очень серьезных. Но об этом как-нибудь при свидании. Во всяком случае, можешь очень бодро смотреть на ближайшее будущее – на весну или начало лета.

Еще раз жму Твою руку. Привет Жуковскому-Волынскому. Здесь среди I.K.K. ничего нового, кроме тяжелой операции Измайловичу, причем хирург Новиков очень «забринут» его состоянием после операции. Дело в его предстательной железе и мочевом пузыре. Кажется придется через известный срок проделать новую операцию. Был небольшой удар у Филатьева, который переехал после пензионисанья в Земун, так что мы его редко видим. Шликкер в Русском Корпусе переживает сытость после стольких лет недоедания. Там же, в Ветлице, Лучанинов, Мышлаевский, кажется, наших там человек 20, так что и тут наш Корпус впереди других. Ну вот Тебе наши новости и по объединению.

Твой [С. Смирнов]

НБС, Смирнов

213

*Извештај професора Шенишина југословенској емигрантској влади
о стању руске емиграције у окупираној Југославији*

Новембар, 1943.

Цариград

Професор се бавио у Београду маја ове године. Дошао у додир са малим бројем емиграната и признаје да му извештај није исцрпан. Највише има података о емигрантима који живе на територији данашње Србији, где се налази гро емиграције.

За време кратког рата у Југославији погинуло 12% Руса официра и војника. Има их много у ропству. Он зна само за један случај преласка руског официра из југословенске војске на служби код Немца – капетан Котљаревски, који ступио у обавештајну службу.

Руска делегација у Београду укинута. Штрандтман био ухапшен, сада дневничар у министарству привреде. Немци су отворили комесаријат за руске избеглице на чије цело дошао проф. београдског Универзитета д-р Никола Краински и неки књиџар Иванов. На чело руских емиграната био постављен генерал Скородумов. Од ранијих руских организација дозвољене су: војна, грађанска, инвалидска и омладинска. Постоје засебне организације за Козаке и Украјинце.

На челу Козачке организације налази се Петар Пољаков, који специјално доведен из Прага, а његов помоћник члан кубанске Раде В.Кургански.

На челу украјинске организације налази се Никола Барановскиј, бивши руски официр.

Генерал Скородумов, био је смењен због неспособности, а на његово место одређен генерал Креитор. У руској организацији неку улогу игра још и генерал Иван Свишчев, проф. београдског Универзитета.

Група Козака је највише заступљена и појачана је Козацима из Прага и Бугарске. Она је најактивнија и највише помогнута од стране Немаца. Поред Пољакова његови помоћници су у Београду – сотник Морозов, у Банату – пуковник П. Недбајевски, у Љубљани – пуковник А. Јермаков, у Скопљу – агроном И. Евсиков.

У Београду постоји још и Козачки савет. У ствари комисија за скупљање добровољаца за војску и указивање помоћи Немцима. Састав савета: претседник, д-р Димитрије Коњев (проф. Универзитета у Београду, у пензији, донски Козак), Чланови: Алферов Захариј (генерал, донски Козак), Алферов Северијан (син првога, инжењер), Бојко Андреј (кубански Козак), Гавриленков Леонид (инг, власник цвећарске радње у Београду, донски Козак), Генералов Василиј (правник, терски Козак), Калиновскиј Константин (генерал, кубански Козак), Софронов Митрофан (пуковник, донски Козак), Костин Александар (инг., кубански Козак), Чекмасов Александар (инг., био на служби у Борском руднику, у ствари није Козак).

Украјинци и Козаци имају право да опште директно са својим организацијама у Прагу и Берлину, док Руси то право немају и потчињени су немачким властима у Србији. Украјинци и Козаци имају своју доста раширену штампу, док Руси имају само један лист Новоје слово, који излази у Берлину, а издаје га један Грк.

Од руских школа остало:

У Београду: 1 гимназија и 1 основна школа.

У Белој Цркви: женски интернат, сада у ликвидацији.

У Белој Цркви: кадетски корпус, који је требало да буде ликвидирао ове јесени.

Руске установе у Београду налазе се у Руском дому.

Руска Православна Црква и даље ради у Београду. Има два архијереја: митрополита Анастасија и архиепископа Теофана. Епископ Гермоген постао је епископ код Павелића и јавно био анатемисан у Руској цркви у Београду.

У Загребу, на чело руских емиграната постављен је Григориј Миткевич, који се обогатио у Београду помоћу комисионог магацина.

Пре рата, на целој територији Југославије било 50.000 руских емиграната. Сада рачуна да на целој територији има око 20.000 и то Руса свих врста.

После пораза нашло се изненада у Београду и Србији око 30.000 Руса, који су тамо стигли из разних наших покрајина. Одатле су почели одлазити у Немачку и друге земље на радове. Доста их је побијено од стране комуниста приликом устанка у Србији, а доста и од стране Немаца приликом репресалија у Мачви, Краљеву и Крагујевцу. Неколико стотина погинуло приликом бомбардовања Београда. Рачуна да је у свему побијено 6.000 емиграната или 10%.

С обзиром на антикомунистички став емиграната, њихову беду и неизвесност у којој су били, један део емиграната одазвао се позиву генерала Штејфона да организује бригаду за борбу против бољшевизма у саставу немачке војске. Тако су материјалне користи биле велике, одзив није био нарочито велики. Омладина руска отишла је на радове у Немачку, код царских официра одзив релативно слаб. Упис је добро прошао код Козака, који су нарочито страдали од комуниста у Србији. Руски корпус Немци су доцније претворили у три пука своје војске и војнике натерали да положи заклетву Хитлеру. Пукови су били попуњени са 3.500 козака из Бугарске и 400 совјетских заробљеника. Укупан број војника износио је маја месеца 5.600 а распоређени су: Ваљево, Косовска Митровица и Пожаревац. Очекује се попуна од совјетских заробљеника.

Ако се не узме у обзир овај корпус, онда сада на територији Србије и Баната има 12–15.000 руских емиграната. У току године иселило још неколико хиљада, јер иду за запослењем, а поред тога постоји велика бојазан да не дође до покоља од стране комуниста ако би Немци отишли и Недић пао.

Врло мали број Руса налази се у српској државној служби. Већина пропада, а један део живи од помоћи коју им шаљу рођаци из Немачке са радова.

Међу руском емиграцијом у Југославији и Европи мишљења су подељена у погледу будућности. Један део верује да ће Русија полако враћати национализму, док други део сматра да су верске концесије, национална нота и други поступци Стаљинови само маневар за време рата.

Однос између Срба и Руса, који је био затегнут, постао је срдачан, нарочито од како је српски сељак на својој кожи осетио притисак комуниста.

АЈ, Емигрантска влада Краљевине
Југославије (103), 164–587²⁸⁰

Глава 2. РУСИ, ОКУПАЦИЈА И ГРАЂАНСКИ РАТ У ЈУГОСЛАВИЈИ

214

Писмо П. Авчињикова супрузи о служби у Руском заштитном корпусу

5. јануара 1942. г.
Кржава

Мило моје и драго Сунашце,

Ноч је, два сата је прошло. Дошао сам са дежурства, сви спавају, а још морам цео сат да будем будан и тек онда, када будем послао другара да смени на врху брда стражу, могу и ја да легнем на сламу да се мало одморим. Данас је врло лепа и на чудо дивна ноћ, са места где стоји стража види се одлично цео предео обасјан месечином, предео сав покривен снегом и тек понегде црном мрљом лежи по нека шумица или црном тачком у даљини стоји по нека кућа или штала за волове. Тишина је, тек по неки пут пролепрша ветрић, усковитла грање дрвећа и поново тишина, по неки пут из даљине се чује лај паса. Стојиш тако и пазиш, слушаш и чуваш своје другове од напада изненадног комуниста, али мислим да ова ноћ биће мирна јер два и по дана ми смо били ту – ишли смо да обиђемо оближња села и наша експедиција била плодна. Пошли смо у поноћ према Мачковом Камњу, (а то је најопасније место и по своме положају, а и по томе што тамо имаде пуно тајника где се скривају разбијене банде), газили смо снег по појас и у неким местима западали смо и до врата, те смо морали један другог да извлачимо. Пошли смо без капута, да лакше идемо по брдима, морали смо завирити у сваку кућу, у сваку шталу и колибу и тражили одбегле комунисте. Народ сам нама помагао и указивао на одметнике, тако смо накупили већ првог дана њих 32 бивших партизана, али другог дана наишли смо на банду која пружила отпор. Вођа банде Хрват неки „Шпанац“ – Влатко Ковач (бивши ратник комуниста у Шпанији) био је погођен првим плотуном из митралеза у главу, те своју душу отпослао ђаволу у пакао и тиме олакшао наш даљи посао, ранили смо још четворицу а осталих 11 заробили, била је то хајко врло тешка, јурећи по снегу кроз дољине и брда, сваки час чекајући да ће једног од нас погодити зрно комунистичке пушке, али Господ Бог нас сачувао, сви смо остали цели; замисли наш повратак – нас 18 терамо 43 заробљеника а четворицу рањеника носимо на импровизованим носилама, рањенике смо сами превијали и они чуће, јер ране нису тешке. Сада замисли ноћ, месец се још није изашао – тамо идемо кроз шуму по брдима и долинама, нас је 18 а њих 43 а ми још носимо целокупну

заплећену муницију и пушке, поново газимо по појас кроз снег, рањеник испада из носила, намештамо га, пазимо на ову гомилу људи која сваког тренутка може да побегне или да нас нападне њихове растеране другови. Брр! гадно је то било, али ипак све добро завршило. Када смо дошли у нашу караулу, позвали смо наше сељане и на њихову одговорност пустили смо све оне 32 код којих у кућама нашли оружје а који су били мобилисани комунисти, а осталих једанаесторицу и четворицу рањеника пошто исте са оружјем у рукама заробљени – отераше у Крупањ, где смо њих предали команди на ислеђење и даље за Шабац – Немцима на одлуку. Ниједну кућу комунистичку нисмо запалили нити једног сељака казнили, већина заробљеника су дошљаци из Црне Горе, Мачве и Хрватске – Босне, људи заведени несвесним плаћеним агитаторима, који у већини случајева благовремено успели побећи. Народ пак сав сретан када види наше овако опхођење и у већини случајева сам траћи казну овим одметницима за све зло које они чине, одузимајући народу храну, живину, прасад и свиње. Дошли смо у своју караулу, мокри, гладни, назебли и уморни од неспавања и скитања по овим проклетим планинама. То ти је само једна мала слика нашег свакодањег живота, пуног опасности и напора – за кога? и зашта? коме све ово потребно?

Код нас овде расположење свакојако. Чекамо да што пре буде решено питање нашег одласка на руски фронт. Синоћ смо добили извешће да је смењен ген. Штејфон и да на његово место одређен ген. Зборовски и т.д., али све то само вести, још сигурно ништа не знамо. Говори се да ће, о у фебруару отићи у Шабац, где ћемо извршити реорганизацију, попуњене и добићемо ново одело и тек онда ћемо у Немачку а оданде на руски фронт. Бог свети зна како и шта ће бити. Упали смо у један омут, а имали смо лепе жеље и наде, сада нама ништа друго не остаје само да чекамо како ће се развијати ситуација даље. Ја лично хоћу веровати у леп излаз, јер сам пошао са идеалом и чистом намером у души, па ћу бити стрпљив, док будем могао.

Када ти пишем ове редове сматрам да си већ добила писма која сам ти отпослао преко Барона и Костје Литвинова, интересира ме како си иста добила и дали успела да нађеш оне са којима сам делио и зло и добро да бих могла из њихових устију чути о нашем животу. Барон наравно све описивао у ружичастим бојама јер друкчије и није смео, Костја? – не знам. Верујем да си већ спремила и предала одговор по њима и сада морам само чекати њихов повратак, нарочито Баронов јер верујем да ће ми он израдити да добијем неко „службено путовање“ у Београд, те мораћу да долетим у твој загрљај. Ох, колико сам те жељан, те ма то било само на неколико тренутака... Ех, Судбино! Тебе пак Свевишња и Матер Бога нашега, молим – помози ми! научи сахрани, уједини заједницу моју, сачувај жену ми моју.

Данас сам, када смо се вратили из експедиције, добио твој пакет, ја ти на њему најтоплије захваљујем, а нарочито за цигаре и чарапе, баш добро су дошле, јер од преке потребе и једно и друго, као и новац који сам у реду примио. Кекс и остале

слаткише издробили а и измешали те сам све то дао жени у замену за цигарете које он ми стално уступа када ми добијамо следовање. Наушници нису за употребу, јер нису zgodне, вратићу ти њих, али хвала ти што мислиш на ме и бринеш, кад будем добио стару шајкачу и шубару сасвим ће ми бити довољно. Јави ми дал мама била задовољна са сланином и ако за кућу потребно ја ћу и на даље побринути да ти пошаљем колико будем могао, јер ови су остали нису могли отпослати више од 2 кг, а ја ти послао много више, једино што Жења послао мало прасе, али имао са њиме пуно комедија и неприлика, ја пак много лакше пролазим јер некако умем са народом да говорим, те они иако знају да у Београду папрене цене а у Крупњу све страшно скупо, ја ипак надам се да ћу скупити за идући пакет опет понешто.

Ово писмо настављам ти писати на Други дан Божића јер сам исто морао прекинути због нове експедиције у коју смо пошли уочи Бадњег дана у нади да ће у селима Рујавцу и Бановцу за празнике повратити одбегле комунисте. Лутали смо по планинама на Бадњи дан и на први дан Божића, тражећи одметнике вере Христове. Била је то најтежа експедиција. Ишли смо кроз маглу где за два корака ниси видела ништа пред собом. Био је то пакао. Снег, јаруге, брдски потоци из под снега покривене снегом па кад коракнеш провалиш се у њега и западнеш по колена и напуниш ципеле водом, а чакшире до бута мокри. Тако кораћамо од куће до штале од штале до друге куће и вршимо претрес и потрагу; гледамо тај сиротињски живот и муку нашег планинског сељака. Како ко, али мени је то тешко а и одвратно, јер нисам се родио, учио и спремао се за живот да будем неки жандар и истраживач комунистичког зла. Тешко је то. Али сигурно ми је тако Богом суђено, па нека буде Његова света Воља.

Данас смо јели мало прасетине и пили вино, али шта ће ми све то кад ми срце вуће к теби. Ех, Сунашце! Само да знадеш колико сам ти жељан, само да ти моја безгранична љубав буде добродошла, само да 100% верујем да ме волиш како и ја тебе, да као и за мене ништа нема у овом свету драгог сем тебе, да тако и ти мислиш и осећаш...

Ми по свему судећи око 26. јануара требало да се кренемо за Шабац и оданде за Немачку и на пролеће у Русију, али за сада су то само разговори, колико у њима имаде истине Бог свети зна. За нас Русе врло добро што је смењен са положаја Розенберг који био против централизацији Русије, сада изгледа да су и Немци променили политику према нама, па ми чекамо да се наш положај побољша.

Имао би ти тако много шта да кажем, али на срцу лежи толика тежина. Било и Бадње веће, био је и Божић, ти си обукла па си ишла без мене у Цркву и свуда, а ја нисам био уз те Па се сетим само оног лепог обичаја на Бадње веће, са рибом, орасима, медом и т.д., седате сви за сто... а ја нисам уз тебе. Дочек Нове године, забава и т.д. – а ја нисам уз тебе. Много што шта – а ја нисам уз тебе – већ са пушком у руци морам чувати мир народа који знадем никада неће казати хвала. Бори се Павле, старај се да створиш гнездо, спреми све у том гнез-

ду да буде лепо и красно – а кад будеш све свршио – Голубица твоја за који си то све радио и трудио се – одлетела је, јер предуго јој је било чекати.

Али, неисповедими су путеви твоји, Господе!

Ја лично сада чекам на повратак Барона, па гледаћу да се на сваки начин извучем одавде бар на неколико дана код тебе мила моја радост живота.

Како си ти, како сте провели празнике? Вама ипак било свима лакше јер отац, мати и кћи били су заједно, а ја...

Завршавајући ово писмо ја ти шаљем своје најтоплије жеље у овој 1942. години верујући да ће она донети нама добро.

Нама је одавде тешко слати писма јер морамо ухватити прилику са киме ћемо послати, а веруј ми неки дам ама апсолутно нема и могућности да пишем, зато и испада тако да ти по три до четири дада не пишем. Од тебе данас добио и карту писану на Божић, хвала ти на пажњи. Пиши ми о свему, лакше ће ми бити, ваљда толико можеш да седнеш и да опишеш шта радиш и како живиш.

Сада чекам барона и Костју да примим писма која си по њима послала.

Даљ одлазиш код Јуре, шта они раде? Како си добила писмо и пакет, даљ дошао Јура да ти јави или су теби јавили телефоном јави ми све то.

Како је тата, спремам и њему да пошаљем нешто одавде, када будем првом приликом слао први пакет.

Како је мама, даљ сте добили моје писмо њима писано? Како је мамино расположење, нарочито према мени у вези са општом ситуацијом?

Шта ради Ујна, Ујка и Сава?

Свима њима испоручи мој најтопли рукољуб и поздрав, а тебе безгранично воли, грли и безброј врелих пољубаца шаље.

Само твој Павлић

ИАБ, VdS, A-188

215

Проглас команданта дивизије генерала Панвица о насилничком понашању козачке дивизије за време операција у Срему

Обращение!

Наша дивизия находится две недели в районе своих действий, и за это время ряд казаков, и в том числе некоторые офицеры не оправдали себя и показали, что не осваивают ту прочную дисциплину, которая является фундаментом каждого успеха.

Случаи подрыва и разложения дисциплины участились до невероятных размеров. Даже и в мирных селах, где не было военных действий, казаки ведут

себя как грабители и мародеры. Врываясь в дома, требуют водку и в пьяном виде чинят дальнейшие преступления, как то: изнасилование женщин, совершая это часто зверским способом, грабеж часов, белья и тому подобных вещей, подрыв авторитета и непослушание своих командиров.

Для немецких кадров является непосредственным долгом и обязанностью противодействовать этому явлению и быть примером своим поведением, но я ожидаю кроме того, что казачий младший и средний комсостав будет вести себя примерно и пресечет энергично малейший подрыв дисциплины в корне или о нем доложит.

Больше нестерпимо, чтобы пропал весь труд и самопожертвование, отданное положительным элементом для формирования 1-й Казачьей дивизии, которая теперь, заражаясь примерами отдельных преступников, могла бы стать грабящей бандой. При этом надо учитывать, что обыкновенно выдаются из общей среды лишь только отрицательные примеры. Поэтому [тем], кто в будущем будет подвержен высшей мере наказания – расстрелу (включая также изнасилование задержанных женщин), приговоры будут выноситься казачьими судами, состав которых будет комплектоваться из казачьей среды.

В мирных населенных пунктах или на полях частям строго запрещается самовольная реквизиция лошадей, только по специальному приказу командира полка разрешается производить таковые.

Также каждому вменяется в обязанность не беспокоить и не принуждать немецкое местное население к несению излишних трудностей.

По отношению к братанию казаков с сербско-хорватским населением, основанному на пьянке, надо соблюдать крайнюю осторожность, так как таковые при помощи алкоголя часто пытаются достичь необдуманных информаций служащих – впоследствии партизанам – или разлагающе действуя на казаков, способствуя дезертирству.

Я обращаюсь с этим воззванием последний раз к положительным качествам каждого казака, рассчитывая, что он себя и других перевоспитает.

Продажа оружия и обмундирования будет караться смертной казнью как крупнейшее преступление. Кто разбазаривает свое оружие, тот недостойн больше быть честным казаком.

Я ожидаю от моих казаков, что каждый на своем месте исполнит свой долг и будет стараться изъять из наших рядов вредный элемент.

Только таким образом сохранятся прочные и хорошие отношения в деле общей борьбы нашей 1-й Казачьей дивизии, которой мы гордимся и честь которой не должна быть запятнанной.

Паннвиц

25.X 1943. г.

VA, Militärarchiv in Freiburg, r. 31, str. 522

* * *

Савез Совјетских Патриота (скраћено: ССП) поникао је из редова руске емиграције у Југославији.

Мада се руска емиграција, већ по своме историјском смислу и пореклу, манифестовала као профашистички расположена, ипак, постојала, је у њеним редовима једна група људи који су се одлучно дигли на борбу против немачких агресора и њихових помагача. Ту групу људи сачињавали су у главном:

I. Они који су 1919–1920. год. били одведени, као несвесна деца, из отаџбине.

II. Мања група људи који су услед тренутних политичких неспоразума или услед политичке незрелости напустили домовину.

О томе је ССП детаљно обавештавао НОП својим „црвеним летком“ (види прилог бр. 1²⁸¹).

На дан Хитлеровог напада на Југославију антифашистички расположени руски емигранти сачињавали су следеће групације:

1. Просовјетски расположени елеменат.
2. „Земгор“ (као околина и сарадници Фјодора Махина).
3. Евразијци.
4. Свеславенски расположени елеменат.

Из ових се редова издвајају први они који су 6. априла 1941. год., на дан Хитлеровог напада на Југославију, ступили као добровољци у Југославенску војску да би се борили против немачких агресора.

Из истих се редова издвајају касније и будући чланови ССП.

* * *

Делатност ССП води порекло још из 1941. године. Одмах по слому Југославије антифашистички расположени појединци образују веће или мање групације-ћелије везајући се за чланове Народно-ослободилачког покрета. Они се називају совјетским патриотима.

Тако је једна од најпознатијих група била група која се састала у јуну 1941. год. На том састанку донета је резолуција да се одмах пређе у активност у споразуму са Комунистичким партијама Југославије и Бугарске. Групу су сачињавали: Тумим-Петрова Нина, Тумим Всеволод, Дураков Алексије, Дуракова Љуба, д-р Ошанин Димитрије, Ошанин Јелена, д-р Голенишчев-Кутузов Илија, Голенишчев-Кутузов Олга. Касније је Нина Тумим-Петрова осуђена као комунисткиња на 15 година робије у Бугарској. Кутузови Илија и Олга, Тумим

Всеволод и Дуракови Алексије и Љуба отишли су касније у Војвођанске партизанске одреде.

Везу са НОП одржавали су и појединци као што су: д-р Лебедев, Висторопски, Одишелидзе, Тумим Зоја, Лобачев, Матвејев и други. Лобачев је, на пример, одржавао везу са Алексом Маркишићем, вођом одреда у Соко Бањи, код кога је тамо лично ишао 1941. год. Зоја Тумим је била ухапшена 12. јула 1941. год. у конспиративном стану глумице Миле Величковић па је остала у логору на Бањици 15 месеци. О делатности главних функционера: д-р Лебедева, Висторопског, Одишелидзе и других који су моментално у редовима НОВ и ПОЈ или који су нестали, нема тренутно довољних података.

Напомена: Детаљне податке о делатности и везама разних група и појединаца који су и међусобно били повезани, немогућно је изнети у целости на овоме месту услед строге конспирације у ранијем пословању, као и услед чињенице да се велики број тих чланова још налази у ПОЈ-у или су депортовани од Гестапо-а у Немачку. Поред тога 5 чланова погинули су у редовима НОВ и ПОЈ или су нестали.

Детаљни извештај о раду ССП и његових чланова је у припреми. Чим се преброде тешкоће око сакупљања исцрпних података исти ће се објавити.

1942. година била је у знаку великих провала и хапшења. Услед тога све везе су биле изгубљене. Осећа се да је услед терора и рад НОП-а сведен на најмању меру. Конспирација је проширена до максимума. Гестапо и полиција будно посматрају свако и најмање антифашистичко испољавање.

Слободњачки елеменат Југославије имао је да се бори поред немачког окупатора и са његовим слугама: Љотићевцима, Недићевцима и Дражиновцима. Међутим руски антифашисти имали су да се боре још и против руске емиграције која је имала специјално одељење руског Гестапо-а, који је поименце и лично познавао све руске емигранте. Већина руских антифашиста силом прилика кретала се у миљеу профашистичке руске емиграције, што је њену делатност још више спутавало. Сваки онај који би се из тога миљеа повукао, већ би самим тим био обележен као предмет општег посматрања и тајне истраге. Надзор руског гестапоа ишао је тако далеко да се чак контролисало позајмљивање књига из руске библиотеке. Али и поред тога осетно се шири пропаганда против руског Корпуса, а у корист НОВ и ПОЈ, као и Совјетског Савеза. Ово даје повода да руски Гестапо припрема спискове људи које треба ухапсити у одлучном тренутку.

Без обзира на ове тешкоће ССП осећа преку потребу активног рада. Јавља се потреба стварање чврсте везе са НОП-ом. Старе везе су биле изгубљене, а стварању нових стоји на путу опште неповерење услед профашистичког држања великог дела руске емиграције. Осећа се да НОП одбија сарадњу са појединцима, јер корист од придобијања једног или неколицине чланова Руса не оправдава ризик провале.

Стога чланови ССП одлучују да на своју руку створе самосталну, разгранату и строго конспиративну организацију, која би као целина могла и морала претстављати за НОП извесан интерес и корист. Ова реорганизација је спроведена почетком 1943. год. На чело те организације стао је иницијативни ЦК (ЦК ССП), кога су сачињавали: д-р Лебедев, Висторопски, Одишелидзе. Сваки од чланова ССП добио је свој број, а организација је спроведена према шеми прилога бр. 2²⁸².

Приликом ове реорганизације појавило се оправдано питање о правној основици ССП. Та организација по замисли је требала да служи антифашистичкој борби коју воде СССР и КПЈ преко НОП. Стога би та организација морала имати начелно одобрење и упуте преко НОП од КПЈ или од владе СССР.

Такво одобрење ССП је угледало у следећем:

I. Дневна заповест Маршала Сталина поводом прославе 1. маја 1943. год., која истиче неопходност безкомпромисне борбе против немачког окупатора. Маршал Сталин позива све совјетске грађане на територији окупираној од Немаца да покрену партизанску делатност у циљу слабљења организације и саобраћаја непријатељске позадине.

II. Одредба Извршног комитета Коминтерне о распуштању исте, као и познати Коментар томе Маршала Сталина, који указују на потребу да КП различитих земаља у заједничкој борби против немачког окупатора морају прилагодити своју делатност локалним приликама и националним могућностима и интересима, а да при томе сарађују са свима родољубима на брзом протеривању, свргнућу и уништењу фашизма.

Тиме су биле одређене смернице даљег рада ССП.

По извршењу реорганизације, ССП је саопштио ово своје становиште свим одборима НОП-а са којима је успевао да дође у додир. То је учињено путем једног меморандума на „плавој хартији“, Чији се препис налази у прилогу под бр. 3²⁸³. Овај је меморандум достављен поред осталог и Земунској организацији (веза преко Инж. Сисојева), и Загребачкој организацији (преко Инж. Одишелидзе), и Београдској организацији (веза Влада Кориолија).

Веза са Београдском организацијом НОП одржавана је преко друга Владе Кориолија (а од стране ССП преко друга Бориса Заболоцког). Та веза је била проширена почетком 1944. године и на непосредан контакт између једног опуномоћеног члана Београдске организације НОП-а и члана ЦК ССП друга Висторопског. Том приликом је било опет потврђено да ССП остаје и даље као целина у својству пододбора Београдског одбора НОП-а. Ова веза се прекида новим провалама у Београду: хапшењем друга Кориолије, а неколико месеци доцније и друга Висторопског.

Даљу везу са НОП одржава ССП преко д-р Лебедева са групом „Драган“ (друг Радослав Бошковић), веза „Миша“ (Михајло Божовић). Овом приликом

један део оних чланова ССП који још није био отишао у партизанске одреде, ушао је колективно у групу „Драган-Миша“ под вођством „д-р Јанковића“ (конспиративно име д-р Лебедева). У списку прилога под бр. 4²⁸⁴ чланови ове групе ССП сачињавају 17 особа и сви имају прописно шифриране легитимације НОП-а.

Од њих су 13 редовни чланови ССП-а, а 4 су кандидати-сарадници.

Остали чланови су били другачије распоређени, или другчије повезани (види даље).

У таквој је ситуацији ССП дочекао ослобођење Београда.

* * *

Делатност ССП је била врло разнолика, а у главном се равнала према смеровима НОП-а.

Пропаганда се у главном водила у руским круговима са намером да се спречи приступање руском Корпусу и да се омета сарадња са окупатором. Чланови ССП су систематски прикупљали и ширили радио-вести Слободне Југославије и Москве. На све могуће начине рушен је углед руског профашистичког бироа.

У српским круговима пропаганда ССП је била уперена на првом месту против делатности Драже Михајловића поред редовне пропаганде против Љотића и Недића. Народно-ослободилачки покрет је био свакад истицан као једини национални, антифашистички и родољубиви смер.

Насупрот фашистичкој пропаганди ширило се право обавештење о приликама у Совјетском Савезу.

Унутарњи рад састајао се у томе да су се чланови обавештавали о политичкој ситуацији. Давани су смерови пропаганде. У предавањима и дискусијама подизао се политички ниво појединих чланова.

Спољни рад управља се у главном према упутима који су стизали из околних одреда ПОЈ.

Највећи успеси су постигнути у пребацивању људи за партизанске јединице Србије и Војводине. Поред пребацивања чланова ССП и другова Југославена преко наших веза, радило се у главном на организације бегства руских војних заробљеника (црвеноармејаца) и њиховом пребацивању у Војвођански, Космајски, па чак и Пожаревачки одреде. У ту сврху су поједини чланови ставили на расположење своје станове (на пример: у Београду – Висторопски, Татјана Арефјева, Комаров, Бискупски и други, а у Земуну – Петар Тумим). Црвеноармејци у тим становима остајали су понекад по више дана, па чак и недеља док се не би указала прилика за њихово даље пребацивање.

У тим становима добијали су цивилно одело, исхрану и фалсификоване исправе обично на формуларима „свекозачког савеза у Србији“. Затим су би-

вали пребацивани у Земун или у Јастребачки одред (преко друга Петровића Милана, адв. прип., Ранкова, 13, Београд, – веза д-р Пеца).

У Земуну илегалци су се скупљали у стану Петра Тумима, Нишка бр. 2, где их је прихватио између осталих друг Степа – електричар, партизанско име „Звонко“, веза „Јоле“, – и спроводио их је у Војвођанске одреде.

[У документу недостаје једна страна – АТ]

...и учествовали у борбама за ослобођење Београда. О овоме су појединци добили писмене потврде.

Рад ССП у 1944. год. био је толико активан да је изазвао будно мотрење полиције и Гестапо-а. Средином августа дошло је до провале. Иако нема довољно доказа, сматра се да је до провале дошло услед тога, што се међу пребациваним илегалцима налазио и један провокатор. У тој провали су били ухапшени чланови ЦК Др. Лебедев и Висторопски. Поред тога ухапшени су још у Београду Синељшиков Коста (звани „Коста-шофер“), Синељшикова Анастасија, Заболотска Ксенија, Висторопска Олга, а у Петровцу-на-Млави инж. Борис Рјабов, Николајев, Тоша Ђорђевић и други. Ова провала је постала чувена у Специјалној полицији под именом „Свекозачке афере“ (услед горепоменутих легитимација). Иако је то био велики ударац за организацију, ипак организација ускоро наставља свој рад, јер је д-р Лебедеву пошло за руком да се вешто, већ у хапсу, договори са Висторопским, те да се ослободи оптужбе.

Такав свој рад ССП продужује до ослобођења Београда. Међутим, пошто је ССП скоро истовремено изгубио два своја члана ЦК (друг Висторопски је депортиран у Немачку, а друг Одишелидзе је нестало у партизанским одредима), у ЦК ССП улазе два наредна заслужна друга и то: д-р Голенишчев-Кутузов Илија и Тумим Всеволод.

На дан ослобођења Београд ССП је бројао 53 активних чланова (види прилог бр. 5²⁸⁵). Хапшења тих чланова по редним бројевима из прилога бр. 5 је следећа:

1. Славно погинулих у партизанским редовима или несталих: бр.бр. 2, 11, 15, 26, 27, 33 ... 6 чланова.

2. Налазило се у разним партизанским јединицама: бр.бр. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 16, 22, 42, 43, 47, 48, 49, 51, 54... 17 чланова. Свега је отишло у НОВ и ПОЈ: 23 члана.

3. Ухапшених и депортираних у Немачку: бр.бр. 1, 17, 19... 3 члана.

4. У групи НОП – „д-р Јанковић“ у Београду: бр.бр. 3, 12, 21, 23, 24, 25, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 55... 13 чланова.

5. Чланови настањени у Земуну: бр.бр. 32, 45... 2 члана.

6. Женска група у саставу НОП (Зоја Лебедев – веза Милица Грујић): бр.бр. 20, 28, 29, 30, 31... 5 чланова.

7. Остали чланови, другчије везани или распоређени: бр.бр. 10, 18, 40, 41, 44, 46, 50, 52, 53, 56, 57, 58... 12 чланова.

Свега чланова ССП према списку у прилогу: 58 чланова.

Ови подаци приказују следећу слику:

а) у партизанским одредима... 40%;

б) од тога погинуло... 26%;

ц) депортирано услед провала свега... 5%.

Поред активних чланова ССП броји још и 80 кандидата-сарадника (види прилог бр. 6²⁸⁶), од којих су четворица били чланови НОП, те су уписани у списку чланова групе „Драган-Миша“ (прилог бр. 4). То су: д-р А. Сакаљ, В. Полховској, Гребеншћиков и Комаров.

* * *

Ови горе изнесени подаци о организацији и делатности ССП доказују да је ССП радио у присној сарадњи са НОП-ом, а под вођством и према упутима београдске организације Народно-ослободилачког покрета. Водила се непрекидна и бескомпромисна борба против фашистичких агресора, било у одреди-ма НОВ и ПОЈ, било у позадини. ССП је у целости испуњавао оне задатке ради којих је био организован.

Смрт фашизму – слобода народу!

У Београду, дне 27. новембра 1944. год.

АС, БИА, зб. III-98

217

Предлог С. Голубјева – ухапшеника УДБ по предмету „Савез совјетских патриота“

Група 1/1

19. новембра 1952. г.

Срем. Митровица

У низу разних питања везаних за пенетрацију совјетског утицаја и совјетске обавештајне службе у нашу земљу, питање „Савеза совјетских патриота“ је једно од најзанимљивијих и најзначајнијих, поготову, када се узме у обзир да је овај савез управо један од ранијих покушаја совјетске шпијунаже да продре у Југославију и да тамо отпочне са припремањем терена за њену будућу инвазију.

Ако проблематику овога питања посматрамо са те тачке гледишта т.ј. у светлости совјетске обавештајне агентуре, – онда видимо да вођенима досада истрагама и уопште проучавањем овога проблема од ослобођења па до данас, није баш учињено много. Наиме, утврђено је да је постојао савез који је у својим

редовима окупио изванредан број беломиграната – припадника напреднијих политичких струја, да је имао извесну везу са ССП-ом, да је на неки мистериозан начин дошло до провале у ову организацију и да је она, напослетку, била реактивизирана као друштво за сарадњу са СССР да би на крају – 1946. године престала да егзистира.

Поводом ове организације саслушано је неколико њених припадника који су у штурим цртама изнели делатност ССП, без икаквог плана и неког хронолошког реда.

Међутим, овоме питању, ма да је оно унеколико већ изгубило од свога значаја, – требало би посветити намного већу пажњу, јер није искључено да би се на тај начин дошло до открића не само у историском смислу, већ и у политичко-обавештајном.

Према томе, с обзиром на напред изложено, стављам следеће предлоге који би евентуално потпомогли да се делатност „Савеза Совјетских Патриота“ разоткрије у ширим размерама, те се пронађу и они агенти НКВД-а из редова ове бивше организације који су се до сада закамуфлирали односно није ни било покушано да се дође до њиховог раскривања.

1. Пре свега још није расветљено питање; на чију [је] иницијативу, када и под каквим околностима основан „Савез Совјетских Патриота“? Ни из једног саслушања или изјаве или других материјала у вези са ССП, не видимо како је дошло до формирања овога друштва. Додуше у једном меморандуму о својој делатности, ССП наводи да је „Савез Совјетских Патриота“ поникао из редова руске емиграције у Југославији. Баш из ове реченице можемо осетити да је савез у своје меморандуму једноставно заобишао питање свога оснивања, а то је учинио свакако из неких конспиративних разлога, ма да зато није имао видљивих аргумената, с обзиром да је меморандум израђен и потписан 27. XI 1944. године тј. по ослобођењу Београда.

Говорећи о ССП и његовом оснивању, без обзира на ћутање кругова из ове организације, морамо се сетити да је постојала ужа веза између „Земгора“, који је данас демаскиран као совјетска обавештајна агентура у Југославији, и оснивања „Савеза совјетских патриота“ у Југославији.

Несумњиво да је „Земгор“ узео енергичног учешћа у политичко-идеолошком изграђивању напреднијих беломигрантских елемената, а нарочито омладине, али би се морало претпоставити да је до формирања савеза, који је требао да ради у срцу белогардејске реакције у Београду, и да уз то ради илегално, имајући одговорне задатке, морало доћи на интервенцију неког ауторитативнијег форума, а такав би био само совјетска амбасада, односно неко од совјетских претставника у Београду.

О томе, као што смо већ и напред навели, нико не говори ништа, а то, је врло важно питање које се може расправити и које би дало сасвим другу физиономију овој „патриотској“ организацији.

Ово би се могло у првом реду постићи саслушањем бивших функционера из овога савеза, од којих су поједини, као: Заболоцки, Крат, Голенишћев-Кутузов и други налазе у затвору, осуђени због своје шпијунске делатности у корист СССР-а.

2. У непосредној вези са овим питањем је и питање повезивања руководства ССП са руководством истога типа у иностранству. Нама је познато да су слични односно идентични „Савези совјетских патриота“ постојали и у другим земљама. Такав је савез био, на пример, у Паризу, односно у Француској, а и у другим земљама (Бугарска).

Ту мора да постоји нека веза, неко руководеће тело које се побринуло да истовремено у разним земљама, где су била средишта руске емиграције, формира овакве илегалне организације. Тешко је претпоставити да је у питању била нека случајност или спонтана манифестација „патриотских“ дужности према СССР-у.

Ово би се питање, такође, могло расветлити путем саслушања припадника ССП којих има приличан број не само у затвору већ и на слободи, а од њих би свакако бар неко знао: да ли је и у којој мери било повезаности између припадника ССП у Београду и у другим европским центрима.

3. Ако би се путем саслушања бивших чланова ССП утврдила и конкретно разоткрила веза ове организације са совјетском обавештајном службом – тим самим би се ово друштво објавило као једна од совјетских обавештајних агентура у Југославији, која је била формирана још пре рата, евентуално 1940. године, када је совјетско претставништво дошло у Београд.

У вези тога поставило би се онда питање веза чланова ове организације са совјетским претставницима, конкретни задаци који су се постављали и извршавали, везе са разним југословенским круговима, а евентуално и са београдском полицијом.

Није искључено да би се ту могло пронаћи нешто ново, односно да се демаскирају поједине личности, које су радиле за рачун совјетске обавештајне службе, а вероватно раде и сада. Напошетку могле би се пронаћи и везе односно курири са другим земљама.

У већ цитираном меморандуму руководство наводи да делатност ССП води порекло из 1941. године, али о раду ове организације не говори у целини, већ наводећи имена неколико појединаца за које касније каже да су изгубили везе због великих провала и хапшења.

С друге стране тамо се говори и о томе да нема довољних података о делатности главних функционера од којих је у животу још д-р Лебедев који се налази у затвору. Све ово правда строгом конспирацијом у ранијем пословању, што нема никаквог оправдања у условима ослобођеног Београда и тадашњих пријатељских веза између Југославије и СССР-а.

Ове констатације у меморандуму још више потенцирају могућност да је у питању не рад „Савеза совјетских патриота“, већ делатност совјетске обавештајне службе усмерена против наше земље.

4. Ако је тачно оно што је горе наведено, онда остаје потпуно отворено питање делатности „Савеза совјетских патриота“ у времену од оснивања организације до 1944. године. У саслушањима припадника ССП, за које чак и сам меморандум тврди да су отпочели са радом још 1941. године, ово питање уопште није расветљено, а свакако да је рада морало бити кроз ових неколико година.

5. Исто тако нико од саслушаних лица не говори, нити је питан о везама са совјетском обавештајном службом од почетка формирања савеза, па до ослобођења. Уколико је дошло касније до провале бивших чланова савеза – функционера, – ова провала је дошла по другој линији и на други начин.

6. Као посебно и врло важно питање појављује се питање веза организације са Народноослободилачким покретом у Југославији. Поједини чланови савеза, као и меморандум, говоре о тесним везама овога друштва, чак наводећи и то да је још 1942. године цео актив био примљен у чланство КПЈ с тим што је руководство тражило спискове чланова актива, који нису били достављени из разлога конспирације? Сдруге стране помињу се везе д-р Лебедева са групом „Драган“ (Радослав Бошковић) и везом „Миша“ (Михајло Божовић), Тумима и Кутузова са друговима Абинуном и Браном Ђорђевићем, Заболоцког са Војом Ранђеловићем у Зајечару, Бискупског и Драгољуба Вељковића, чиновника жељезничке станице у Београду итд.

Међутим о тим везама ми не знамо ништа конкретније, односно како је дошло до тих веза, како су се одржавале и шта је све учињено.

Такође ништа се не зна о учешћу чланова ССП у борбама и организовању „руског партизанског батаљона“ у саставу VII војвођанске бригаде.

Све ово би се морало разјаснити путем саслушања напред поменутих „другова“ који би могли дати детаљније и прецизније податке о својим везама и сарадњи са ССП.

7. У достављеном материјалу постоји списак 47 лица од којих су 16 или 17 Руси, а тај списак носи наслов Списак чланов организације НОП Београд – група „Драган-Миша“ – стање групе „Д-р Јанковић“ на дан 1. октобра 1944. године. „Д-р Јанковић“ је конспиративно име д-ра Лебедева, те према томе ово је мешовита југословенско-руска група која је наводно прва дошла у везу са јединицама ЦА приликом ослобођења Београда, а чланови исте послужили су као водичи јединице гардијског пуковника ЦА Загребина²⁸⁷.

Уколико то до сада није учињено, требало би ова лица саслушати, према приложеном списку и она би свакако дала интересантне податке о везама припадника ССП са НОП-ом и Црвеном Армијом. Пада у очи да су међу лицама у овоме списку, поред д-ра Лебедева, позивају још Крат, Мартино, Бискупски, Комаров и други Руси који су касније откривени као органи и агенти НКВД.

8. Врло је важно питање: да ли су сви чланови „Савеза совјетских патриота“, уколико [су] остали у животу, ступили масовно у службу НКВД по ослобођењу Београда. Што би се могло претпоставити с обзиром на утврђену праксу и познату тактику ове совјетске шпијунске институције. Ако је то тако, онда још увек има на слободи пуно таквих лица из редова белоемиграната а евентуално и њихових пријатеља Југословена, који су радили а евентуално раде и сада против наше земље.

9. „Савез совјетских патриота“ у току свога постојања имао је доста времена и доста могућности да се повеже са белоемигрантима и појединим Југословенима и у другим градовима и крајевима наше земље. У својем меморандуму ССП помиње везу у току рата са земунском, загребачком и београдском организацијом НОП-а, али не наводи никакве појединости о томе, нити начин на који је дошло до повезивања.

Ако пак претпоставимо да је ССП функционисао још пре рата онда би се могло рачунати на то да су чланови истога ухватили везу са својим земљацима по другим центрима и средиштима руске емиграције, тим пре што су појединци због личних разлога морали напуштати Београд и селити се у унутрашњост, дочим је веза остајала и даље бар понекада. С друге стране овакви чланови организације окупљали су око себе веће или мање групе оних белоемиграната који су се подударали у својим симпатијама према СССР-у. У току окупације и рата белоемигранти су и даље били у могућности да одржавају везу и они су је и одржавали, чему је доказ и ово површно спомињање веза са Загребом и Земуну.

Инж. Сисојев, који је мени лично познат и који је још пре рата био у служби југословенског војног ваздухопловства у Земуну, кога помиње меморандум као везу са земунском организацијом, уколико се налази у земљи, могао би дати о томе податке, а он међутим до сада није саслушан.

10. Из саслушања Рудакова Михајла, техничара из Београда, и других лица, као и осталог материјала у вези са ССП, утврђујемо да је ова организација располагала прилично великим новчанима средствима и да је била у могућности да издржава функционере савеза, њихове породице, па чак и да помаже новчано и разним потребштинама појединце организације НОП-а. Поставља се питање одакле су ова средства и чиме се може објаснити да један Рудаков у неколико махова даје близу пола милиона динара, што је за оно време претстављало знатну суму новаца. Вероватно да је таквих приложника било више, о чему, нажалост, немамо података.

Било би важно расправити не само величину материјалних средстава којима је располагала организација и не само имена приложника, већ и начин на који се прилазило овим приложницима, те од њих узимало у тако великим свотама.

11. Још увек остаје као нерасветљено питање веза организације са специјалном полицијом, а нарочито веза Заболотског и Висторопског, који је још у гимназији важио као левичар, а касније био обележен као комуниста и сарадник „Земгора“, са Губаревим.

У вези тога поставља се питање и провале у организацију о чему би свакоко знао рећи Бећаревић или неко ко је водио истрагу по овој афери.

12. Марков Сергије, Марков Борис, Крат Павле, д-р Лебедев, Голенишћев-Кутузов, Федосејев Димитрије, Гребеншћиков Олег и други били су бивши ђаци I руско-српске гимназије, у којој сам и ја био, и где је постојала јака струја левичарске тенденције. Наводим ово са претпоставком да је међу друговима односно другим ученицима ове гимназије морао постојати читав низ других лица која су директно или индиректно учествовала у раду ССП. До сада пак ништа није учињено да се по овоме спроведе нека истрага, која би свакако дала позитивне резултате.

С друге стране Прокофјев Всеволод, који се под редним бројем 5 помиње као професор у списку групе „Д-р Јанковић“, такође је био ученик ове гимназије, а по завршетку студија на универзитету постао професор у истој. Као припадник ССП он би у томе правцу могао дати најдетаљније податке.

Није искључено да би по овој ствари дао неке податке и бивши директор I руско-српске гимназије Иван Малинин, који је иначе и сам био сумњив због својих веза са мајором Опарином из „СМЕРША“.

13. Петроцки Анатолије, бивши наставник гимназије у Брчком, у своме са слушању између осталог наводи да је дошао у сукоб са Заболотским Борисом који га је хтео по његовом доласку у Петровац на Млави, да пошаље на неку везу у шуму. Према његовим наводима до конфликта је дошло услед тога што је Петроцки добио сигурне податке да би био послат у неки четнички одред а не код партизана, те се енергично успротивио таквој „вези“. Требало би расправити и ово питање веза Заболотског односно ССП.

14. Према подацима, којима располажемо, ССП је отпочео своју легалну акцију одмах по ослобођењу, а та акција је трајала све до 1946. године, када је савез ликвидирао. Међутим, поједине групе чланова и даље су се држале организовано, а њихова активност се показала нарочито у јесен 1948. године тј. по изласку Резолуције ИБ. Свакако да је ова акција била усмерена противу нашег руководства и наше земље и свакако да је била у вези са НКВД, што међутим није расветљено, као што није расветљено ни питање веза „Савеза совјетских патриота“ са НКВД одмах по ослобођењу па све до ликвидације односно до изласка Резолуције ИБ, као и после тога.

Савченко Игор у своме са слушању наводи да су се тада у јесен 1948. године око Крата, Лебедева, Сергија Маркова и инж. Израилова окупљали су се још: Свечников, Заболотски, Борис Марков, Ростислав Зилов, Лобачев, Жеребков, Апухтин, Петрова, Кутузов и други.

Ова лица су већином у затвору или протерана из наше земље, али ипак могло би се нешто предузети у томе правцу те доћи до нових сазнања.

У раду поменуте организације могао би се испитати и Лепјохин Фјодор, бивши књижар из Београда, који је извесно време био потпретседник ССП после ослобођења.

15. Напошетку из достављених материјала не види се да је предузето нешто да се цела организација ССП компактно разоткрије односно да се утврде имена свих чланова и кандидата у овој организацији, којих треба да буде, узимајући у обзир Београд, око 150, како то наводи инж. Шепченко Никола и већ неколико пута цитирани меморандум.

Сматрам да би се на основу горе изнетих тачака могло доста постићи да би се улога и делатност ССП ка просовјетске организације и совјетске обавештајне агентуре, разоткрила у много већој мери него што је то било до сада учињено и на тај начин практично би се похватили могуће још заостали конци совјетске шпијунаже у нашој земљи која се служила организацијом „Совјетских патриота“ у својој субверзивној акцији против наше земље.

У прилогу доставља се у дупликату препис списка групе „Д-р Јанковића“, који садржи 47 имена. Поред тога доставља се списак оних чланова ССП који се помињу у достављеном материјалу а евентуално још нису саслушани, нити поменути у предњим тачкама.

Смрт фашизму – слобода народу!

С. Голубјев

АС, БИА, зб. III-98

Глава 3.

ГРАЂАНСКИ РАТ МЕЂУ СРБИМА И СОВЈЕТСКА РУСИЈА

218

Сећање представника КПЈ у СССР-у В. Влаховића на почетак рата у Москви

22. јуни 1941. г.

Москва је вече уочи рата провела безбрижно, чак би се могло рећи у веселом расположењу. Пријатно, ведро вече, најдуже дана у години, измамило је

на улице и тргове велики број шетача. Неки познаници су отишли у околину града, да у „дачама“ проведу недељни одмор. Ја сам имао договор са друговима из Омладинске интернационале да се у девет нађемо код „Мањежа“. Организовали смо разгледање Кремљовског музеја. Легао сам касно, слушајући емисију Лондонског радија на српском. Вијести из Лондона су биле ратне. Атмосфера сасвим различита од московске. Пробудио сам се око седам сати. По навици окренуо сам дугме на радио-апарату. Опет је проговорио Лондон. И овог пута на српском. Обувао сам ципелу и остао дуже времена са укоченим рукама које су држале крајеве везица.

Нисам могао да вјерујем. Њемачка напала СССР. Проглас Хитлера, говор Гебелса. Ратне операције су почеле у четири часа ујутру. Значи ратује се већ три сата. Окрећем скалу на радиу. На свим језицима исте вијести. Рат. Само Московска радио станица преноси уобичајени програм као да се ништа не дешава. Због чега Москва ћути о рату? Да није то нека забуна, подвала, дезинформација? Русија је крупна ствар да се од ње могу правити подвале. Телефонирам дежурном у КИМ-у. На другом крају је Павликов. Нема појма ни о чему. Одлучујем да будем опрезнији. Може се протумачити да ширим „алармантне“ вијести. Ипак решавам да одем у канцеларију. У Ростokino стижем тролејбусом тек око девет сати. Посматрам сапутнике. Људи су ћутљиви као и обично. Понашају се као и других дана. Двије домаћице са завежљајима се гласно препиру. Кондуктерка их умирује.

Совјетски грађани су дознали да се налазе у рату, тек у 12 часова, када је преко радија говорио Молотов. Људи се погледом питају зашто Молотов, а не Стаљин?

Прва три дана рата колале су по Москви најразличитије вијести. Највише их је било веома оптимистичких. Понављале су се фразе из некадашњег Ворошиловљевог говора, да ће непријатељ ако нападне Совјетски Савез бити тучен на сопственој територији. С тим у вези се говорило да Црвена армија маршира према Варшави, да је заузет Кенигсберг, и т.д. Међутим, 26. јуна смо дознали да се борбе воде око Минска, а то је значило да је велики део совјетских трупа опкољен. Изашла је наредба да се предају сви радио апарати.

Ја сам мој предао већ 23-ћег и добио прописно овјерен и потврђен реверс.

По низу детаља могло се одмах видјети да је за Совјетско руководство рат представљао велико изненађење. У Коминтерни се зуцкало да је Стаљин прије неколико недеља говорио класи питомаца војне академије, која де завршавала школовање, да је то класа која из учioniца може да се обрете у ситуацију која ће од њих захтијевати не само напоре већ и жртве. Међутим, тај говор не само да никада није био објављен, него њега нико није ни касније помињао. Била су Черчилова упозорења о којима се говорило као о провокацији. Биле су и информације које је слао друг Тито, али их изгледа нико није узимао за озбиљно.

Мобилизација није била извршена. Замрачење Москве изводило се на брзину. Пропуснице за ноћно кретање су штампане тек пошто је рат почео. Одсуства нису била заустављена. Људи су се масовно спремали за љетни одмор...

АЈ, ЦК СКЈ, ЛФВВ, П/3-32

219

Сећање представника КПЈ у СССР-у В. Влаховића на Свесловенски митинг у Москви

12 августа 1941 г.

Завршио се Свесловенски митинг. Извукао сам што се тиче посла – дебљи крај. Од формирања радне групе до синоћног рада у „Правди“ на објављивању говора и прогласа имао сам доста посла.

У радној групи налазили су се Мануилски, Коларов, Ђержинска, Туермо и ја. Као најмлађи добио сам задужење да предложим нацрт прогласа и да помогнем у одабирању наших другова који треба јавно да иступе на митингу, као и приликом састављања њихових говора.

Претходно сам имао дужи разговор са Мануилским од кога сам добио задатке. Поставио сам питање карактера митинга, и обзиром на Лењинову оцену панславизма. Није вријеме за такве дискусије – гласио је одговор. „Треба радити“.

И радио сам колико сам знао.

Око учешћа наших представника било је повуци потегни.

Коларов је инсистирао да од Словенаца иступа Густинчић. Ја сам упорно инсистирао да то буде Регент. Успио сам.

Око учешћа Македонаца такође се водила дужа дискусија. Мануилски је на крају прихватио моје аргументе. Тако је дошло до иступања Димитра Влахова.

Мој нацрт прогласа претрпео је знатне измене. Жао ми је неких формулација. Ипак ми је најжалије што су приликом набрајања у тексту словенских народа испали Македонци и Црногорци²⁸⁸. Остали су потписи из којих се види да има више словенских народа, него што пише у тексту.

Успио да остане текст из нацрта о карактеру Свесловенског митинга. Ево тог пасуса: ц. „Уједињујемо се као једнаки с једнаким. Један нам је задатак и један циљ – разбијање хитлеровских армија и уништење хитлеризма. Обузима нас подједнако свеобухватно пламено стремљење – да се славенски исто тако као и сви други народи мирно и слободно развијају у оквирима своје држав-

ности. Ми одлучно и чврсто одбацујемо саму идеју панславизма, као дубоко реакционарни правац и дубоко непријатељски високим задацима равноправности народа и националног развитка свих држава, коју је у својим империјалистичким циљевима користио руски царизам“.

Без овакве оградe испали би смијешни. Негирали би све оно што су о панславизму рекли класици Марксизма-Лењинизма.

Једанаестог увече Мануилски ме послао у „Правду“ да извршим скраћивање и редакцију говора, како би у сутрашњем броју изашао што цјеловитији материјал.

Упознао сам се с главним уредником „Правде“ Поспјеловим. У кошуљама, са засуканим рукавима уз неколико чајева, обављали смо посао. Наједанпут завијање сирена. Још је дан – напад Хитлерове „Luftwaffe“. Поспјелов је предложио да се склонимо у подрумско „бомбоубежиште“. Одбио сам, јер ми је мука било да са протезом бројим степенице од трећег спрата до подрума. Ни у Мадриду нисам то радио.

Кроз петнаестак минута Москва је била у грмљавини и ватри. Читав град се тресао од противавионске артиљерије. Не вјерујем да је већи отсјај на небу био ни за вријеме Наполеновог уласка у Москву, чију је појаву тако пластично опјевао Љермонтов.

Ипак неколико авиона се пробило. Један је ударио у челичне конопце који су висили из многобројних ваздушних балона, који су се у сваком вечерњем сумраку подизали изнад Москве у облику шаховских поља. Авион се стрмоглавио у ријеку Москву.

Појединачни апарати који су се пробили бацали су поред тешких бомби и велику количину запаљивих и то у сандуцима. Неколико сандука прошиштало је поред нашег прозора и пало на „Правдину“ гаражу. Ватра је брзо угашена, али неколико стотина метара од нас, гореле су дрвене куће у једној улици. Пламен је лизао високо према небу.

Митинг свих Славена завршио се ратним ватрометом.

Москва – август 1941. Узбуна

Послије одржавања Свесловенског митинга, нека врста социјалистичког панславизма заузела је истакнуто мјесто у совјетској политици и пропаганди. Преконоћ је никла читава армија „специјалиста“ који су намирисали конјунктуру и убацивали своју робу на тржиште. Међу њима био је и мој земљак Пипер Радуре Марковић-СТИЈЕНСКИ. Дошао је са стрицем Вукашином у СССР, као дечак. Природна ленштина и одређена средина, извитоперили су сељачко поштење: створили од њега неку врсту литерарног лакташа. Избјегавао је партијски рад. Било је одлучено да иде за Шпанију, али је изврдао. Измишљао је неке болести, иако је могао топ да повуче. Када је почео рат звао сам га да га укључим у списак

за слање у земљу, ако се укажу могућности. Није пристао. Разлог – појава реуматизма. Међутим, по свеславенској линији постао је велики активиста. Чланци, пјесме, иступања и т.д. Понудио је редакцији московског радија, да пјева уз гусле.

Ручак овог врелог августовског дана затекао ме у ресторану у улици Горкога. Сви ресторани су били препуни, па и овај. Звучници су били непрекидно укључени. Мијешали су се жамор људи, звецкање тањира, кашика и виљушака са музиком или гласом спикера. Наједанпут звук гусала и продоран глас... „гусле моје овамо те мало“. Људи су били изненађени. Неко викну „тревога“ узбуна. Тих дана су узбуне биле честе. Сала се брзо испразни. Сви су затражили склониште. Остао сам ја и пет-шест равнодушних, којима је важније било да поједу топло јело, па макар им бомба пала усред тањира. Поред мене се димио остављен украјински боршч, или напола поједена шницла, а гуслар је пустио грло да виче колико га воља. Сигуран сам да оваквог гуслара не би нико слушао ни у Стијени пиперској, али дошла су таква времена, да га у духу словенства слушају милиони совјетских грађана. Пошто се испоставило да је узбуна била лажна, људи су се враћали и настављали прекинути посао...

АЈ, ЦК СКЈ, ЛФВВ, II/3-33

220

Сећање представника КПЈ у СССР-у В. Влаховића на спорна питања између СКП(б) и КПЈ која су се испојила током Другог светског рата

1. Однос према Дражи Михаиловићу.
2. Питање назива „Пролетерске бригаде“ и увођење петокраких звијезда.
3. Порицање улоге Народноослободилачке војске.
4. Однос према одлукама Другог засиједања АВНОЈ-а.
5. Формирање Југословенске бригаде у СССР-у.
6. Сумњичење у погледу „троцкиста“ у КП Југославији.
7. Врбовање чланова Партије за совјетску обавештајну службу.
8. Одбрана Жујовића и Хебранга у писмима ЦК СКП(б) и Резолуцији Информбироа²⁸⁹.

1. Однос према Дражи Михаиловићу

У пролеће 1942. године, друг Тито је преко неколико депеша инсистирао да се објаве подаци о правој улози Драже Михаиловића. Тих дана у разговорима са Димитровим и Мануилским инсистирао сам да се почне објављивање докумената, али дозволу нису добијао. Тада сам одлучио да на своју руку објавим прве документе.

Прошло је недељу дана. У међувремену прислушна служба радио Лондона, хватала је емисије „Слободне Југославије“, а билтен прислушне службе добијао је и дописник ТАСС-а у Лондону. Он је то пренео централи у Москви, тако је дошло до руку Молотова, који ме је позвао, изгрдио, понављајући: „Шта ви Југословени мислите?“ Од тога дана уведена је цензура на емисије „Слободне Југославије“, на тај начин што су све емисије морале да буду преведене на руски и тек послје парафа, могле да се објаве. То је трајало неколико мјесеци, док совјетско министарство спољних послова, није на крају дозволило да се може нападати Дража Михаиловић. Сјећам се да је послје обустављања кампање друг Лола Рибар послао депешу у којој подвлачи да је обустављање кампање изазвало забуну у партијској организацији Србије.

Влаховић

3. Порицање улоге Народноослободилачке војске

У совјетској штампи и пропаганди почетком рата систематски је избегавано да се помене Народноослободилачка војска и то у току 1942. и почетком 1943. године.

У коментарима преко московског радија, које сам неколико мјесеци 1942. г. држао сваке недеље, систематски ми је брисала цензура спољних послова ријечи „народноослободилачка војска“ тако да сам октобра 1942. одустао од давања коментара, пошто су ми сви протести остали узалудни.

Из чланака које сам писао за совјетску штампу такође су брисали ријечи „четник“ и „народноослободилачка војска“.

Ја сам упорно писао, а они су упорно брисали.

Прилог факсимил отиска случајно сачуваног чланка, који је изашао у „Комсомолској правди“ 23.XI 1943 г. са исправкама цензуре.

Влаховић

4. Однос према одлукама Другог засиједања АВНОЈ-а

Првог децембра у један сат после поноћи звао ме Мануилски у ЦК СКП(б), поводом депеше из Јајца. Разговарао је телефоном са Молотовом. Послје разговора рекао ми је:

„Ето, љути се и Хозјајин (тако су звали Стаљина). Молотов ове одлуке тумачи као забијање ножа у леђа политици СССР-а. Одлуку о забрани повратка краља Петра не можете објавити у емисијама "Слободна Југославија"“.

(Из чланка „Ноћна узбуна“, Борба од 29.XI 1953 г.)

Влаховић

5. Формирање Југословенске бригаде у СССР-у²⁹⁰

Бригада је формирана по узору на сличне пољске и чехословачке јединице. Бригада је формирана без икаквих консултација. Једино су се консултовали по питању слања друга Георгијевића за политички рад.

Бригаду су организовали по узору на стару Југословенску војску. Од Георгијевића сам дознао да су увели еполете и кокарде са двоглавим орлом. Одмах сам отишао код Мануилског да му изложим погрешност таквог рада. Савјетовао је да напишем писмо Маљенкову, које сам упутио 1. децембра 1943. год.

Писмо гласи (у преводу):

„Данас сам случајно дознао, да се на шапкама југословенске јединице, која се формира, налази двоглави бели орао, исти као код четника Недића и Михаиловића.

Сматрам својом дужношћу да Вам на то скренем пажњу.

Мене веома чуди такође, због чега се макар и по таквим ситницама другови не посавјетују с нама, да би се избегле могуће непријатности.

Шаљем Вам у прилог фотографије из Недићеве новине "Ново време", на којима се виде два четника, које су убили партизани, као и оца и ћерку Недићевих четника, са истим орловима“.

Маљенков ме звао у вези са овим писмом и послје усменог објашњења, наредио неком генералу Жукову (из Министарства Државне безбједности) да скине орлове. Том приликом је изгрдио Жукова, који га је питао: „Шта ћемо са 17.000 рубаља које смо потрошили за двоглаве орлове?“

Влаховић

6. Сумњичење у погледу „троцкиста“ у КП Југославији

Превод писма које сам 8. II 1944. г. писао Молотову.

„Другу Молотову,

У црвеном ТАСС-у (бр. 32 од 1. фебр. 1944. г.) под насловом: "Неки подаци о југословенској емиграцији у Лондону" (од дописника ТАСС-а у Лондону) на петој страници штампана је информација о Лондонској групи "Слободна Југославија". Дописник ТАСС-а пише о тој групи као "троцкистичкој организацији" и додаје:

"Да ту групу припадају бивши интербригадисти Петар Дапчевић, Благоје Нешковић, Нађ. То су отворени троцкисти и о њима међу југословенским новинарима говоре као о агентима полиције".

Ова три друга које помиње дописник чланови су КП Југославије и ниједан од њих не налази се у Лондону. Сви су они до сада били поштени борци и комунисти.

Петар Дапчевић, као што је познато, командант је другог корпуса НОВЈ. Благоје Нешковић, лекар НОВЈ и члан Председништва АВНОЈ-а и Коста Нађ, командант III корпуса НОВЈ. Скрећем Вашу пажњу на ову прљавштину, скрпљену у Лондону, и молим да Ви интервенишете да се исправе ове нетачне тврдње“.

Влаховић

АЈ, ЦК СКЈ, ЛФВВ, II/3-39

Шеф сигурносне полиције и сигурносне службе
Ајнацкоманда Београд. Одел[ење] III/Хуеб[нер]²⁹¹

12. јуна 1941. г.
Београд

Записник: 7.VI 1941. г. био је ухапшен код Вишњевац Тихомира у Београду, Миријевски пут, бр. 97. Мустафа Голубић, студент права, неожењен, рођен 24.I 1891. у Столцу (Херцеговина) и упућен у полицијски затвор. Он [је] ухапшен под лажним именом Лука Ђерић. Дана 11.VI [19]41. био је у затвору саслушан и изјавио је следеће:

Рођен сам у Столцу. Моја мајка се зове Нура Голубић.

Она живи у Дубрави код Столца. Имам две сестре удате: једна Зулка у Мостару, а друга Хабиба у Чапљини. Основну школу похађао сам у Столцу. Пошто сам био најбољи ђак општина ме је упутила у реалну гимназију у Сарајево. Ту сам похађао 5 разреда, затим сам прешао у Београд, где сам 1913. г. матурирао.

Исте године отпутовао сам за Швајцарску, у Лозану, пошто сам од српске државе добио стипендију. Уписао сам се на универзитет у Женеви ради студирања права.

Касније сам прешао у Париз да би тамо наставио студије.

У Паризу сам ступио у тајну организацију „Црна рука“. Када је избио Светски рат био сам ухапшен зато што је организација „Црна рука“ припремила и спровела у дело атентат на престолонаследника у Сарајево. Чланови ове организације били су углавном југословенски студенти и официри. Вођа „Црне руке“ био је Драгутин Димитријевић – надимак Апис. Он је истовремено био и шеф генералштаба и организатор атентата. Ја лично нисам узимао учешћа у атентату већ је мој задатак био пропагандистичке природе. Ја сам требао да вршим пропаганду за уједињене Срба, Хрвата и Словенаца у једну слободну државу. У време атентата ја сам се налазио у Лозани. Стварни атентатор био је Гаврило Принцип кога ја познајем из школе из Београда – он је умро у затвору.

У току рата отпочео је чувени солунски процес. Био сам осуђен на годину дана затвора у Солуну, затим годину дана интерниран на Крфу и у Африци. Цео процес је био инсцениран, све је било подбачено и од српске полиције подметнуто. Тиме су Александар и тадашњи председник Пашић хтели да набаце кривицу за рад „Црној руци“.

Крајем 1918. године био сам пуштен из интернације и отишао сам за Француску у Париз. Радио сам у самостану „Ecole Jersonne“ као надзорник.

Септембра 1918. г. вратио сам се у Београд да бих ту наставио студије. Моје студије нисам никада завршио зато што сам био лакомислен. Српска полиција протерала ме ускоро из Београда с тим да морам да се задржавам у свом родном месту Столцу. Остао сам ту око 15 дана а затим се вратио тајно у Београд. Године 1921. поново ме ухапсише под сумњом да сам учествовао у припремању атентата на краља Александра. Сумња је била неоснована, јер ја никада нисам имао намеру да уклоним Александра. Био сам интерниран у манастир Раковица где сам требао да останем 5–6 месеци. Међутим у то време мој познаник Љуба Давидовић постаде министар председник и ослободи ме из интернације.

Г. 1920. поново сам отишао за Париз. Било ми је јако рђаво, био сам потпуно без средстава за живот тако да сам упола био скапао од глади. Године 1921, када је Александар дошао у Париз, ухапсила ме је француска полиција и истерала из Француске.

Затим ја одем у Беч где сам 8 година живео потпомогнут од Удружења југословенских студената. Нико ми није хтео дати рада већ су се сви бојали мене. Становао сам у Бечу у улици Хицингер, у Кохово улици, док се последњег стана не сећам.

У Бечу сам био 3 пута ухапшен по налогу југословенских власти док ме и оданде нису протерали. Отпутовао сам за Берлин. Овде сам се обратио „Црвеној Помоћи“ која ме је потпомагала са 10 РМ недељно. Становао сам у западном Берлину у близини Витемберговог трга, 3 до 4 улице навише. Мој познаник Коста Новаковић, који је био сарадник у Балканској Федерацији, потпомагао ме је разним даљним сретствима. Он је познавао и шефа „Црвене помоћи“ који се звао Алфред или Алберт. Ја лично сам се такође састајао са шефом „Црвене помоћи“. Биро „Црвене помоћи“ налазио се на каналу Спрее. Од марта 1929. до децембра 1930. године или јануара 1931. г. задржавао сам се у Берлину.

По налогу „Црвене помоћи“ отпутовао сам за Париз да бих тамо радио за њу. Од тог времена набављао сам пасоше. Мој посао је био да набављам пасоше и документа. Ово сам предавао неком Charl-у, чије право име ми није познато. Биро „Црвене помоћи“ у Паризу налази се у близини „Lafayette-a“. Набављао сам испуњене пасоше углавном од студената. У Паризу сам био од 1933. до 1934. године, до убиства краља Александра.

Онда сам побегао за Праг. Моје име је било тада Поповић или Ђорђевић. Имао сам толико разних имена да једва знам како ми је рођено име. Од „Црвене помоћи“ добијао сам храну и стан, а за настале трошкове око 20 до 30 франака дневно. Када се слегло узбуђење око убиства, вратио сам се у Париз.

Мој повратак уследио је крајем новембра или почетком децембра 1934. године. Опет сам започео исту активност до септембра 1939. г. када је избио садашњи рат.

Тада сам побегао за Италију и преко Милана дошао у Рим.

Ту сам се пријавио Совјетском посланству, замолио да ми дозволе одлазак у Совјетски Савез. Добио сам руски пасош на име Иван Иванов.

У Москви сам се пријавио централу „Црвене помоћи“ где сам добио налог да се вратим за Југославију и да набављам пасоше. Ради болести био сам приморан да се задржим у Кавказу, а када сам се вратио, радо сам прихватио тај налог и отпутовао за Београд са једним швајцарским пасошем, али се не сећам под којим именом.

У Београду становао сам испрва код Поповића. Са њим сам отишао код Др. Кусовца, који ми је доделио једног младог човека, који ми је нашао стан код неке старе пензионисане учитељице у Господара Вучића бр. 158 (?). Ја сам се, представио као Лука и нигде нисам био пријављен. Ту сам живео до краја 1940. г., а затим сам живео до мог хапшења код Вишњевца.

Саслушање прекинуто 11.VI 1941. г.

ЕК Београд, одјел. III/ Dey[erler]²⁹². Београд, 15.VI 1941. г.

Саслушање Голубића настављено је 13.VI 1941. у затвору. Он је даље изјавио:[...]

ЕК Београд, одјел. III/ Dey[erler]. Београд, 17.VI 1941.

Сходно извештају Српске полиције, Голубић је био 17.VI 1941. у затвору саслушан и изјавио је следеће:

У мојој младости био сам члан националне организације „Млада Босна“ и то од 1908. до 1919. године када сам приступио Комунистичкој Партији. „Млада Босна“ је 1911. године комплетна прешла у организацију „Црна рука“. Име „Црна рука“ ова је организација добила од штампе. Уствари она се звала „Уједињење или смрт“. Циљ ове организације био је уједињење Срба у једну државу. У овој организацији ја сам радио као пропагандиста, објашњавајући смисао уједињења.

Сарајевски атентат био је организован у Београду од Димитријевића „Апис“-а и изведен од организације овог човека. За време атентата ја сам се налазио у Лозани, где сам студирао право.

О припремању овог ударца сазнао сам од главног вође Владимира Гађиновића, који је тада живео у Швајцарској, и који је умро 1917. године.

Крајем 1914. године вратио сам се у Србију и од Аписа био сам позван у штаб ужичке Армије као писар. Тамо сам имао задатак да свршавам само полове војне природе. Са Апис-ом био сам заједно до повлачења на Крф. Отуда сам отишао за Париз и хтео сам да наставим студије. Међутим тамо сам био ухапшен и одведен награг на Крф, затим сам био неко време у Африци а касније у Солуну где сам сам наступао на процесу као сведок, а за читаво то време био сам у затвору.

После рата ступио сам у Комунистичку Партију као члан, али тамо нисам имао никакве функције. То ми тим пре није било могуће јер ми је Српска полиција ради атентата била стално за петама. Из истог разлога године 1920. емигрирао сам за Париз. Међутим 1921. године био сам од тамо протјеран те одох у Беч где сам радио у Балканској Комунистичкој Федерацији и писао чланке о Солунском процесу и Сарајевском атентату. Надаље, написао сам један чланак: „Ко сноси кривицу за рат?“ Из тог разлога био сам од Српске полиције непрестано прогањан, јер су се они љутили због ових објављивања, јер сам изнео пред јавност да је ово убиство припремила српска влада, а не „Црна рука“ којој су то на Процесу хтели приписати.

Групи Косте Новаковића нисам припадао и нисам јој ни могао припадати пошто се нисам задржавао у Југославији, али сам је симпатисао. Лично са овом групом нисам имао ништа.

На пребацивање да сам радио за ГПУ морам рећи да то у ником случају не одговара истини. Уосталом то ми није ни било могуће, јер ми је, као што већ рекох, полиција била стално за петама. То ми је сигурно подметнуто од српске полиције. Она је огорчена што сам случај о атентату изнео на јавност и при томе Савезнике означио као кривце за избијање светског рата, мада нисам био ни за Немачку.

Баш тако је ономад била политичка ситуација. Такође ми је непознато да су новине у Паризу мене и Кусовца биле означиле као шпијуне и провокаторе. Сем тога, са тим човеком радио сам у Бечу заједно, а не у Паризу. Познајемо се уосталом тек из Беча. Надаље, о д-р Исају Голдштејну још нисам чуо, а још мање сам припадао тој групи. То све треба да је скомбинирала Српска полиција. Последњи пут био сам илегално у Загребу 1924. године, а у Босни пре 22 године. То је доказ да то није истина. Како сам ономад тамо видео да постојећа власт неће дуго трајати, након 20 дана сам напустио Загреб и отпутовао за Беч.

Једно даље слободно откриће је да сам у Москви похађао политички Институт и да сам својим радом за ГПУ избегао стрељање.

К томе могу да кажем да сам 1937. године био у Паризу и да сам први и последњи пут био у Москви 1939. године, где сам од „Црвене помоћи“ био задужен да отпутујем у Југославију и да тамо набављам пасоше, што сам и радио. Са ГПУ-ом нисам долазио у додир пошто сам радио само за „МОПР“ – Интернационалну Црвену помоћ.

Протоколирао: *Deyerler, c.p. SS-Hauptscharfuhrer...*

[Превод са немачког направљен за потребе УДБ за НР Србију 1950-их.]

ИАБ, BDS, G-714, с. 10–23

Заклети непријатељи српског народа стављају поново све у покрет да омету и упропасте родољубиви труд генерала Недића, коме се данас пружају повољне могућности за обнову Србије и испуњавање њене улоге у овом делу Европе. „Ђаво не оре нити копа, већ све о злу мисли и зло ради“. Крвави сатрап из Кремља покушава, уз помоћ својих англоамериканских савезника, да поново распламти у Србији пожар који би убрзо обухватио цео Балкан. Са сатанском лукавошћу Стаљин искоришћује сваку погрешку својих противника. Бодољово издајство је једна од најнеморалнијих али не и од психолошки најтежих погрешака. Од тога издајства насртљивост совјетског комунизма расте из дана у дан. Србија је највећа сметња извођењу совјетског пакленог плана на Балкану. „Србија је данас најснажнија антикомунистичка ћелија Балкана. Она је већ пре две године угушила сопственим снагама партизански устанак“. Тако се изражава, у свом последњем броју, берлински обавештајни билтен „Антикоминтерна“ о значају Србије у садашњој борби против комунизма. Стаљинов главни повереник за Балкан „генерал Тито“ и његови приврженици добили су наређење из Москве да по сваку цену, не презајући ни од чега, поново угрозе мир и ред у Србији.

Срби се данас налазе пред истим тешкоћама као и у јесен 1941., али само с том разликом што сад имају више искуства и више средстава да се боре са њима. Генерал Недић је и данас на челу Срба. И само је он у стању да смрви бољшевичку неман у Србији.

Он би то већ и у прошлој години потпуно постигао, не само у Србији него и у околини Србије, да је само од њега зависило.

Да ли ће после овога пада српски народ наћи довољно снаге у себи, да се поново уздигне, – да се обнови. Проблем је дубљи и сложенији него што многима изгледа. Ја размишљам непрекидно о томе питању и тражим одговоре. Признајем да бих мучно до њега дошао, кад ми у томе не би помогли мали и незнатни људи. Велики не беже од својих дужности и знају да ће успети. Од малих ипак најбоље сазнајемо о тешкоћама садашњег живота и о њиховим најближим узроцима. И онда се више за нас не поставља питање, да ли ће српски народ наћи у себи довољно снаге да савлада те тешкоће, него како су се оне у животу српског народа могле уопште и појавити.

Мали људи не потцењују те тешкоће, али прозру одмах и њихов главни извор који је сав у лукавству. И они нагонски осећају да их голо лукавство, ма како да је оно препредено, не може победити. Комунистичко зло, ма како лукаво било, кад се људима открије, није тешко од њега се одбранити.

Активни комунисти у свима земљама где их има, било да делају колективно као политичке странке по градовима или као „партизани“ по шумама, било да оперишу појединачно као терористи: или као детективи и достављачи, увек раде по истим методама које су им строго прописане из Москве. Њихова упутства су брижљиво израђена до најмањих ситница и основана су на необично дубоком и свестраном познавању психологије не само грађанског сталежа (буржоазије) него и сељаштва у свакој земљи.

На Балкану комунистичка пропаганда се служи „националним“ геслима, партизани се издају за народне ослободитеље. На тај начин они привлаче српске националисте ван Србије. Та њихова камуфлажа је олакшана радио-рекламама из Лондона, а још и више антисрпским нападима извесне шовинистичке штампе која непрестано тврди да се партизани боре за велико-српску идеју. Можда у Босни и Херцеговини њихов вођа Тито оперише са „патриотским“ паролама, али у Ужицком округу његове чете, састављене већином од страних неправославних елемената, измешаних са понеким српским марксистима, боре се против српских добровољачких Одред, убијају највиђеније српске националисте и уништавају српске православне цркве и манастире...

Како изгледа та војска Стаљиновог генерала Тита? То је лако себи представити. Ко су ти људи који сад тероришу српска села у ужичком крају? Међу старијима – они су нам познати има већ четврт века – то су они исти анархични елементи (већином из Славоније, Хрватске и Босне) који су крајем 1917. године, као ратни заробљеници из некадашње аустроугарске војске, пришли одмах бољшевичкој револуцији у Русији и рушили „добровољачки корпус Срба, Хрвата и Словенаца“ у Одеси, а по повратку у домовину покушавали организацију комунистичког покрета у Југославији. Међу млађима, има сад, поред пропалих универзитетских студената из бивше Југославије, још и београдских, загребачких и бугарских Јевреја. Ето, од каквих је типова састављена „ослободилачка војска“ генерала Тита.

Уочи саме конференције у Москви, лондонска радио-станица је објавила да је „једини прави представник ослободилачке борбе на Балкану генерал Тито“. Пре тога Лондон је недвосмислено нагласио да ће се питање Југославије у Москви решавати према правом односу снага између „генерала Тита и Драже Михаиловића“... Ко сад међу Србима може још да сумња у искрену љубав и пријатељство Енглеске према српском народу? После генерала Симовића генерал Тито! Зар се та два „славна“ генерала неће спомињати у светској историји као главни лиферанти српске крви за Енглеску? Већ сад сав црвен од толике туђе крви, Британски камелеон црвенеће, после свога срамног слома, још и више од – вечнога стида. Божја казна је неизбежна.

Д-р М. Спалајковић

(Јесен 1943.)

АС, М. Спалајковић, д. 66

Извештај команданта поречке четничке бригаде М. Ратковића команданту крајинског четничког корпуса ЈВуО В. Пилетићу о sukобима са Руским заштитним корпусом

Штаб Поречке бригаде

Команданту Штаба 67²⁹³

14. јуна 1943. г.

Положај

После упућивања на терен команданта 4 батаљона потпоручника г. Војковића Томе исти је стигао у Бољетин на дан 9 ов. мес. увече. На дан 10 ов. мес. потпоручник Војковић са штабном групом отишао је на брдо зв. „Главчина“ где се налазио салаш за смештај штаба изабрат од стране наредника Жике Николића. И ако се овај салаш налазио 2 часа удаљен од села и на добром терену али како са истог није била добра прегледност то је потпоручник Војковић имао намеру да пронађе други салаш и да се одмах сутрадан исели. На томе салашу остао је и преноћио 10/11. ов. мес. и 11. ујутру око 7.15 часова изненада су приметили Немце и Русе²⁹⁴ на даљини око 120 метара у стрељачком строју. Како није имао могућности да прими борбу он је одмах улетео у салаш узео своју пушку и одступио у супротном правцу од непријатеља. То су исто урадила и два војника која су била поред њега сем што нису узели своје оружје већ су оружје оставили у салашу у ком су преноћили. Чим су их приметили Немци и Руси викнули су неки „халт“ а неки „стани“ и одмах отворили на њих ватру из пушака и 2 пуш-комитраљеза. Наредник Жика Николић са једним војником налазио се ван штаба ради набавке хране за исхрану и када су исти чули ватру и напад на штаб и они су одступили у шуму.

Поред овог стрељачког строја који је вршио напад на сам штаб био је још један стрељачки строј у потоку где Немци и Руси сматрали да ће потпоручник са својим људима одступати у том правцу, међутим срећа им је била наклоњена те и ако је терен преко кога су одступали био чист одступили су тим правцем а не у правцу њихових заседа где је терен био пошумљен и где је било и најприродније да одступе.

Потпоручник Војковић после овог напада провео је цео дан у шуми и пред мрак отишао је са два војника у циљу преноћишта који је био удаљен од места напада око 1 сата. Ујутро 12 ов. мес. око 4 часа једна група око 40 Немаца-Русе била је прикупљена у потоку и вршила претресе салаша због чега је морао одмах да напусти овај салаш и отишао дубље у шуму. После његовог одласка са салаша сусрео је једног сељака и сељанку који су ишли у правцу где се налазе Немци и највероватније да су њих двоје обавестили Немце-Русе где се

потпоручник са војницима налази јер су после одласка сељака и сељанке након пола часа отворили митраљеску ватру у правцу где се је налазио потпоручник са људством.

После овога потпоручник Војковић је продужио одмах пут преко Капетанске и дошао је у овај штаб 13 ов. мес. преко ноћи.

Од оружја и муниције Немци су запленили 2 пушке, 5 бомби, и око 200 метака.

Достављајући предњи извештај мишљења сам а и сам потпоручник Војковић је истог мишљења да је овај напад од стране Немаца-Руса уследио само издајством мештана, јер се ни на који други начин не може ово тумачити да су Немци-Руси сазнали о његовом боравку на томе салашу после неколико часа од доласка на тај салаш. Напомињем да до тога јутра никада Немци и Руси нису се удаљавали из Бољетина на тој даљини а нарочито у овом правцу. Доказ да су били обавештени је и тај што су се салашу у коме се налазио штаб приближавали у стрељачком строју.

Уједно извештавам да су из овога штаба побегла 2 муслимана, 1 Словенац и 1 граничарски наредник Митић Тадија који је пре 15 дана био ухваћен од стране поручника Милојковића. Ова су сва четворица под вођством наредника Тадије побегли када је потписати био на терену и отишли у Мајданпек и предали се Русима. Приликом бекства наредник Тадија успео је да једном од војника украде пушку и са истом побегне. По сазнању исти се налази у Мајданпеку и то наредник Тадија слободан и ови остали тројица затворени. Када су исти стигли у Мајданпек после бекства пријавили су се одмах Русима који су се налазили на пијаци који су их одмах почели да испитују и том приликом су исти изјавили следеће: „како у Рудној Глави нема човека који није наоружан, како је сваки други наоружан машинком, како је организација одлична нарочито све у циљу да преставе како су и поред тога успели да побегну. Чак сам извештен да је један од њих био са завијеном главом и исти су изјавили Русима да овај рањен од стране страже у моменту кад су почели да беже“.

III

Обавештен сам да су 4 Руса нестала из Мајданпека. Највероватније је да су исти побегли, јер по сазнању стање код Руса како у Милановцу тако и у Мајданпеку и није искључено да ли ће се ово у будуће дешавати чешће и у нашем крају²⁹⁵. Од стране овога штаба пре извесног времена послате су позиви Русима у Милановцу, Мајданпеку и Бољетину у коме се исти позивају да напусте службу и да се са оружјем предаду. После овог обавештен сам да код њих наступило очајно стање и верујем, ако је ово тачно што још нисам проверио, да и ова четворица баш због тога и побегла.

IV

Има података да се у Д. Милановцу налазе 2 немачка бојна брода који редовно патролирају из међу Милановца и Свињице а с времена на време и до Дунава. Највероватније ови се бродови налазе ради обезбеђења саобраћаја Дунавом на овом делу и за одбрану Милановца од евентуалног нашег напада.

Још сам обавештен да се на пристаништу налази 1 противаероплански топ и 1 противаероплански митраљез.

V

Према наређењима тога штаба која се односе на давање намирница од стране општина окупатору, а и спречавање улаза странцима за куповину хране на територији среза Поречког издао сам потребна наређења и по томе се већ од пре два дана поступа.

Прилог: издата наређења у погледу давања хране.

Командант, капетан I класе, Рашид (Миодраг Ратковић)

ВА, ЈВуО, к. 96, 45/4

224

Летак који је ЈВуО упутио војницима Руског заштитног корпуса у јесен 1943. године

ДОРОГИЕ БРАТЯ РУСКИЕ²⁹⁶,

ВАШИ ТОВАРИЩИ КОТОРИЕ ПРИШЛИ К ЮГОСЛОВЕНСКОЙ ВОЙСКАМ ДРАЖЕ МИХАИЛОВИЧА В РЕОНУ ГОЛУБАЧКОМ ОТЛИЧНО ЧУВСТВУЮТ. МЕЖДУ НАМИ ОНИ ОТЛИЧНО ИМЕЮТ ЗАДОВОЛСТВИЕ МЕЖДУ СВОИМ БРАТЯМ КОТОРИЕ НАХОДЯТСЯ В СЛОБОДНИХ ВСЕСЛОВЕНСКИХ ЛЕСАХ. МЫ ЖАЛЕЕМ ЧТО И ВЫ НЕ ПОШЛИ ТОЙ ЖЕ ДОРОГИЕ, А МОЖЕТ БИТ ТО ДЕЛО БУДЕТ КОРИСНЕЕ ЗА ЕТО ВРЕМЯ ЕСЛИ ВЫ БУДЕТЕ ДЕРЖАТСЯ ЕТИХ НАШИХ СОВЕТОВ, ВЫ МОЖЕТЕ ЗДЕЛАТ БОЛШЕ ЗА НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО:

1. СМОТРИТЕ НА ВСАКОГО РУСА ЕМИГРАНТА, ПРОЦЕНИТЕ КАЖДОГО КАКОЙ БЫ МОГЛЫ СПАСТИ ТЕХ, КОТОРИЕ НЕ ВИНОВНИ СЕРБСКОМУ НАРОДУ И КОТОРИЕ САБОТИРАЮТ НАШЕГО ВЕКОВНОГО НЕПРИЯТЕЛЯ СЛОВЕНСТВА – НЕМЦЕВ.

2. ПОТРУДИТЕ СЕ ДА НЕПРИЯТЕЛЮ ДОКАЖИТЕ ПРАВДУ, ЧТО ГЕРМАНИЯ ГУБИТ ВОЙНУ И ЧТО СЛАВЯНИ БУДУТ НА ВЕРХУ И БУДУТ ВЛАДЕТ СВЕТОМ.

3. НЕ ПОЗВОЛИТЕ ИМ ЧТОБЫ ОНИ УНИШТЮЖАЮТ СЕРБСКИЙ НАРОД.

4. БУДИТЕ ЛОВКИМИ МЕЖДУ РУССКИМ ЕМИГРАНТИМА, ПОТОМУ ЧТО ОНИ ВАС ПРЕДАДУТ НЕМЦОМ. МЫ ЖЕЛАЕМ ДА БЫ ВЫ ОСТАЛИС ЖИВИ, А ПОТОМ ДАДИМ МЗДУ ЗА ВСИ ЗЛО КОТОРОЕ ОНИ ВАМ ЗДЕЛАЛИ И ВСЕМ СЛАВЯНОМ.

5. НЕ ВЫПИНАЙТЕС ПОТОМУ [...] [...] ТРЕСТСКОЕ СЕЛО. ПОСТАРАЙТЕС ДА [...]

ПОШЛИТЕ ЗНАТ ВСЕ ЭТО НАМ [...] [...]

6. ПОСТАРАЙТЕС ДА У [...] [...]

СТРАЖИ ВСЕ ЧТО У ИНТЕРЕСУ ЗА ВСЕ [...] [...]

7. КОГДА БУДИТЕ МЕЖ [...] [...]

НИЕ [...] [...]

ВЫ ИДИТЕ К НАМ НА ЮГ, А МЫ В [...] [...]

8. ПОТРУДИТЕС ДА У ТОМ СЛУЧАЮ ВОЗЬМИТЕ ЧТО БОЛЬШЕ МУНИЦИЙ И ПУЛЕМЛОТОВ.

9. БУДИТЕ ТОВАРИЩИ СЕРБАМ У Д. МИЛАНОВЦУ, БУДИТЕ ИМ ПРИЯТЕЛИ НЕ ГОВОРИТЕ НИЧЕГО НЕПРИЯТЕЛЯМ.

10. СМОТРИТЕ И БОЙТЕС НАШИХ СЕРБОВ ПОТОМУ ЧТО МНОГИЕ ОТ НИХ ПРОГОВОРИЛИС НЕ ПОТОМУ ЧТО ОНИ ДУМАЛИ ЗЛО, НО ВООБЩЕ ИЗ СВОЕГО ПРОСТОГО СМИСЛА, И ПОТОМ ЛУЧШЕ РУГАТ СЕРБОВ КОГДА БЫ ТО БЫЛО НУЖНО, А НА ДЕЛУ ИХ ЗАЩИЩАТЬ.

ЧЕРЕЗ 10 ДНЕЙ МЫ ВАМ ПРИНЕСЕМ ПИСМО ВАШИХ ТОВАРИЩЕЙ КОТОРИЕ НАХОДЯТСЯ С НАМИ В ЛЕСУ.

ДЕН КОГДА ВЫ НАМ БУДЕТЕ НУЖНЫ МЫ ВАС ИЗВЕСТИМ ВО ВРЕМЯ КАК БЫ ВЫ МОГЛИ БЫТЬ ГОТОВЫ.

СЕЙЧАС УВЕРИТЕ НЕМЦЕ И РУСЕ ЕМИГРНАТЕ КАК БЫ ОНИ НЕ МОГЛИ ВАС ОСУЕТИТ У ВАШЕМ ДЕЛУ.

ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС ГЕНЕРАЛШТАБНИЙ ПУКОВНИК

ВЕЛ. J. ПИЛЕТИЪ.

ПИСМО СОХРАНИТ КАК ИСТОРИЙСКИ ДОКУМЕНТ!

СИНОВИ СЛОБОДНИХ ЮГОСЛОВЕНСКИХ ЛЕСОВ

ВА, JByO, к. 128, 11/13

225

Наредба команданта групе трстеничких бригада ЈВуО Ј. Гордића о дочеку "савезничке руске војске"

Команда
Групе Трстеничких Бригада
Бр. Служб.
Слободне Српске Планине

Команданту VI батаљона II Трст. бригаде

13. октобра 1944. г.

Одмах упутите тројку на ваш терен са наређењем да народ сутра изиђе на пут са цвећем и заставама, по могућству и савезничким, и поздрави савезничку Руску и нашег Краља. Војска ће проћи главним друмом.

Свим обавезницима саопштите да сутра безусловно и најхитније дођу у састав својих јединица јер ћемо вероватно и у име Бога кренути да запоседнемо нашу границу према Италији, Мађарској и Немачкој.

Савезничка Руска војска је 14. о.м. ушла у Крушевац и братски дочекана од војске и народа српског, који је после дугог ропства дочекао их као ослободиоце. Све улице су окићене нашим и савезничким заставама љубљењу и грљењу није било краја. Исто тако ноћас око 21 час. савезници Руски стигли су и у Стопању где су наше снаге тек дочекали борбу са Немцима где су 500 Немаца погинули, а наши огроман плен у оружју и осталом заробили.

С вером у Бога за Краља и Отаџбину.

Живео Краљ Петар II!

Живео Дража,

Живели савезници.

Командант Јов. Ник. Гордић с.р.

ВА, ЈВуО, к. 110, 12/7

923

226

Одговор Извршног одбора Централног националног комитета Свесловенском одбору у Москви

Крајем 1942. године

I

У последње време, путем лондонске радио емисије, наш је народ имао прилике да саслуша поновљене апеле Свесловенског одбора у Москви, упућене малим словенским народима о потреби јединства њихових снага у тешкој борби

коју удружене савезничке силе воде противу хитлеровске тираније. У тим апелима, Свесловенски одбор у Москви, изражавајући дивљење борцима за њихове доприносе заједничкој борби, приговорио је, између осталог, како извесне реакционарне струје сметају ову борбу.

Из досадашњег става који је Москва сматрала за потребно да заузме према нашем националном покрету, као и оне изјаве Свесловенског одбора, имамо пуно повода да се не двоумимо на кога би овај приговор имао да се односи. Уверени да је до овог неоснованог и непотребног приговора могло доћи једино из необавештености и крајњег непознавања прилика код нас, ми смо сматрали да треба да се осврнемо на овај неоправдани приговор са искреним жаљењем због тешке и неопростиве заблуде у којој се поменути Свесловенски одбор о нама и нашим приликама налази. Недаће наше отаџбине иначе раздиру наша срца, а неправде које нам се чине, од онога од кога их је наш народ најмање могао да очекује, још више продубљују наше патње. Јер наш народ, који је у осећањима према мајци Русији остао чврст и непоколебљив, и који ни часа није престао да са разумевањем прати њену стварност стоји данас зачуђен крајњом неупућеношћу у његову стварност.

Још велику руску револуцију схватио је српски народ од почетка правилно као стихијску одмазду једној од најнеувиђавнијих владавина новије историје, разумевајућа да је она, као и све револуције, оставила трагове ужаса и величине. Знао је, сем тога, да револуције и нису историјски догађаји смишљених и брижљивих планова и прорачуна, већ плиме без међе; да се историја и не гради другачије него људским страстима и да, иза неизбежног хаоса, може да наступи много бржи напредак, пошто револуције савлађују иначе непремостиве препреке и предрасуде; а потом: да настају њене благотворне реперкусије кад револуција постаје најпоучнији пример, јер под њеним утицајем долази до преображаја схватања првенствено код оних који се одликују способностима инстинктивног прилагођавања. Нашем народу је, исто тако, да и мирне револуције могу бити извршене у земљама, где би се, без руске револуције, још за дуго чекало на преображај схватања које увиђа и осуђује старе неједнакости у друштвеним заједницама и према коме схватању треба да управља човечност уместо материјални интереси (Крипс) као и да ће до ових преображаја неминуовно доћи од једне земље до друге, захваљујући само жртвама руске револуције, све док се не роди нов и правичнији свет; као што јасно осећа: да мали словенски народи, огранци словенског стабла, морају бити колико поносни, толико благодарни мајци Русији за болове које је поднела и само она могла да поднесе, да би родила бољи и нови свет, као и да је Словен који то не може да осети, одређен, да он то више није, да се као Словен утасио.

Нашој браћи Русима морају до сада свакако бити јасни узроци нашег пораза од априла 1941. године. Поред небратског издајства, о коме већ постоји

потпуно јасно признање самог хрватског издајника, храброст нашег народа скрхало је, исто тако, издајство баш оних које данас тако благонаклоно прими под своје окриље Москва. У самом часу када је, још пун наде, био ступио у тешку и неравну борбу са непријатељем о коме је знао да му не би признао национално постојање у случају да победи, задобио је од њих најснажнији мучки ударац у леђа. Бестидност свих страхаота које су ови починили у почетку рата били би невероватни да о томе не постоје најсигурнији документи који то доказују. Они ће несумњиво потврдити и о фрателизирању њиховом са окупатором све до 22. јуна 1941. године. После слома, до кога је дошло без његове кривице, наш народ, дотле моћан, поштован и чувен, осетио се неправедно понижен. У њему скупљала се сва озлојеђеност, сво незадовољство, сва горчина, његово бунтовништво појачало се још више неправдама које су починили режими у Југославији из међу два Светска рата. У таквој атмосфери у којој је његов гнев кипео и превирао, испуњен, у исти мах духом своје славне прошлости, прошлости пуне дражи, пуне сјаја, њеним предањима и њеним искуством, он је знао да неће изостати час његове одмазде и тај час хтео је чекати. Народ устаничких традиција, он је најбоље знао и умео да води самога себе, свестан да општи устанак може бити ефикасан само ако је благовремен. И зато је са четничким формацијама веома смишљено ушао у герилску акцију, коју је водио од самог почетка рата и коју никад није мислио да напусти. Али они који су почели са велеиздајом нису му дали мира. Они су га бруталном силом наморали да пружани устанак предузме у невреме и да ступи у превремену акцију која је унапред била осуђена на неуспех. Оне који су га на то натерали он непоправимо безазлен, није ни познавао. Он је био испуњен непоколебивом отпорношћу, бескрајном мржњом према непријатељу и бунтовништвом, он је хтео да се ослободи окова, а они су то искористили.

Боље него икоме нашој великој браћи Русима мора бити познато: да увек има странаца у мрачним дубинама револуције. Ти сумњиви странци отпочели су са велеиздајом, узроком незаслуженог пораза нашег народа, по чијем схватању нема страшнијег злочина, нема грознијег богохуљења него подићи оружје против своје отаџбине. Последица неблагоприятног устанка била је следећа: на привремено очишћеној територији ови странци организовали су неку врсту државне власти, и у циљу да ту власт, која им је била главна, за себе осигурају не само за сада него и за будућност, они су предузели да физички уништавају не само своје активне него чак и своје потенцијалне непријатеље. Ништа није природније него да је овакав њихов рад неизбежно морао довести до братоубилачког рата. Тако је, за кратко време, на територији где се та власт простирала, имало само две врсте људи: крволока помрачених мозгова и жртава. Тада је настала пустош какву дотле нико није био упамтио. Земља је постала поприште жестоких нереда и насиља, жртве су биране међу

најбољим и најплеменитијим, терор је беснео шилом оркана, док су казнене експедиције, које је непријатељ предузео, претварале у згаришта читава насеља и читаве крајеве.

Неосетљивост ових странаца према незапамћеним, а излишним жртвама српског народа, њихова лакомисленост и неозбиљност, њихов кукавичлук, њихово уклањање из борбе у позадину и истовремено излагање војске највећем ризику, немилосрдно извођење омладине на кланицу, њихова војничка неспособност, у најодлучнијим моментима, претварала партизанске одреде у неорганизовану руљу, као и лудачко револуционарно крвопролиће, које су они, без потребе и изазвали, отворило је, после тога, очи и оном делу нашег народа који се, у почетку, обмањиван циљевима борбе које су они поставили, и који су у њему одговарали био за њима повео.

Тада је дошло до огорчења побуне здраве памети, тада их је и тај део народа за сва зла, за све кржаве неправде и сву свирепост коју су му учинили, за свагда прогласио правим и највећим непријатељем.

Доиста, да ли је све ово неком моћном, нашем великом и братском руском народу тако невероватно? На основу чега се то Свесловенски одбор у Москви тако лако залетео и тако брзо определио, стајући на страну једне шаке странаца, а противу читавог, њему тамо вернога и тако блиског народа. Потиче ли ово опредељење на основу свестраног, савесног и стрпљивог истраживања и разумевања наше стварности, или просто на основу безочне пропаганде која се држи онога: клеветај, клеветај, нешто ће ипак да остане, или легенде. Треба ли да ми сместа послушамо, један савет или да прихватимо осуду некога који не располаже ни сенком озбиљног доказа и који се није потрудио ни да нас саслуша. Ко од нас није очекивао да ће наша страдања наићи на најживљи бол наше браће, а шта смо, уместо тога дочекали. Дочекали смо то: да се под окриље примају они који са српским народом уопште нису имали везе и који су учинили све да искорене моралне појмове и природне осећања и срца и главе (криминално васпитање омладине). Основно правило: увући омладинца у крв, па он нема затим куд него да остане с партизанима до краја.

А затим, да ли за нашу велику руску браћу збиља природно, да један народ, њима толико близак и одан, предводе странци. Да ли је исто тако било и са великим руским народом. Нама се чини да није. Велика руска револуција имала је на своме челу Руса Владимира Илића Лењина. Она је, дакле, знала ко је води, можда и куда. Јесмо ли уверени да би без њега, овога чистог Руса, и само са Лавом Бронштајном на челу, руски народ био пошао за њом. Да ли Свесловенски одбор у Москви заиста зна шта је рекао кад од једног народа као што је наш, са историјом као што је наша са наслеђем као што је наше, захтева да га, уместо ђенерала Драже Михаиловића, који се на његово чело ставио његовом вољом, води Неко (јер после годину и по дана пустоши по нашој земљи²⁹⁷ још нико не

зна право име шефа врховног штаба партизанског), кад га позива да га води један непознати, чији је први доглавник, први помоћник и начелник штаба београдски боем Моша Пијаде.

Хвала мајци Русији на таквим саветима, али је српски народ не може послушати и никад је у овом неће послушати. Истина је, да су српском народу врло добро познати интереси његове велике руске браће. Са гледишта тих интереса било је појмљиво што је Русија, заративши, позвала поробљене народе на оружани устанак против окупатора, а у циљу да ангажује његову снагу и разори његову позадину. Али је разумљиво исто тако, што су поробљени народи, опет с правом гледајући на овај руски позив, са својих садашњих и будућих националних интереса, задржали себи право, да сами одлуче о моменту оружане борбе против окупатора. Бар ово право не може им нико оспорити, јер у историји нема примера да се један народ жртвовао до самоуништење ради интереса неког другог народа, или ради неких општечовечанских интереса, који не би били најкрупнији интереси тог народа.

И зато да би спречио своје уништење, да би себе спасао наш је народ устао да отклони, он се подигао да одстрани, пре свега, утицај оног насилног, вратоломног и дивљег духа, који му је нанео толико зла, и који је чинио све да му душу учини болесном. Решен да, са пуном свешћу и сазнањем, своју историју као и до сад, изграђује сам, и да и од сад, као и до сад, живи само за себе, из свог сопственог живота и вредности што их је сам створио, као и од свог духовног дизања, он се и ухватио у коштац са хаосом да своју револуцију очисти од корова, а, сем тога, да је спасе од њених опасних апстракција.

Онима који су му од некуд донели идеју о презирању отаџбине, који са Словенством никакве везе немају, који су прихватили не идеал ослобођења од мрског хитлеризма, већ напротив његов сопствени који је он дао своме немачком народу, идеал крви, *gloriae sanguinis*, он је већ изрекао своју неумитну пресуду. Немајући ништа против интернационалне солидарности наш је народ пригрлио пре свега идеју нације. Ово утолико пре, што интернационална свест о солидарности у име човечанства, кога се намеће силом, није у стању да надвлада национално осећање и заједничку судбу. И тако, у овом великом хрвању народа, он добро зна шта хоће, као што му није први пут да је изразио јачину своје вере, јер је он знао да се нада и упркос свакој нади и да савлађује и што је несавладљиво. Он је свестан да се ратови и револуције састоје из криза великог напора. Али је он дубоко и непоколебљиво уверен да ће их пребродити, као и да ће их прекаљен, у несрећи и опасности, надживети патње које подноси.

Извршни одбор Централног националног комитета

(Пролеће 1943. (?))

ВА, ЈВуО, к. 50, 15/2

227

Структура Прве југословенске бригаде према прегледу садржаја несачуваног историјата бригаде формиране у СССР-у

Састављено дана 22. фебруара 1950. г.

А) Штаб и приштапске јединице:		ХИ. Извиђачки <u>вод</u>	– 12
I. Команда бригаде	– 5		661
II. Штаб –	23	Ц) II. батаљон	
III. Информ. одељење	– 12	I. Штаб батаљона	– 11
IV. Заштитни вод информ. одељење	– 34	II. 4. чета	– 143
V. Културно-просв. одељење	– 12	III. 5. чета	– 140
VI. Командни вод штаба бригаде	– 19	IV. 6. чета	– 138
VII. Команда Позадине	– 14	V. Митраљеска чета	– 77
VIII. Радионица О.В.	– 3	VI. Минобацачка чета	– 42
IX. Одељ. за артиљ. снабдевање	– 3	VII. Противтенковска чета	– 49
X. Оруж. радионица	– 8	VIII. Вод за везе	– 20
XI. Чета за везу	– 89	IX. Вод за снабдевање	– 14
XII. Хозјајствени взвод (комора)	– 10	X. Санитетски вод	– 11
XIII. Ауто-чета	– 63	XI. Извиђачки <u>вод</u>	– 12
XIV. Понтонерска чета	– 65		657
XV. Извиђачки вод	– 27	Д) Артилеријски дивизион	
XVI. Санитетски вод	– 30	I. Штаб дивизиона	– 9
XVII. Музички вод	– 17	II. 1. Батерија	– 73
XVIII. Јуришна чета	– 63	III. 2. Батерија	– 71
XIX. Пекара	– 25	IV. Вод за везу	– 28
XX. Извидница <u>на коњима</u>	– 12	V. Вод за снабд. муницијом	– 9
	534	VI. Извиђачко одељење	– 7
Б) I. батаљон		VII. Топографско <u>одељење</u>	– 3
I. Штаб батаљона	– 10		200
II. 1. чета	– 138	Е) Људство из непознатих <u>јединица</u>	
III. 2. чета	– 141		348
IV. 3. чета	– 145	Рекапитулација	
V. Митраљеска чета	– 77	А) Штаб и пришт. јед.	– 534
VI. Минобацачка чета	– 44	Б) I. Батаљон	– 661
VII. Противтенковска чета	– 48	Ц) II. Батаљон	– 657
VIII. Вод за снабдевање	– 12	Д) <u>Артилеријски дивизион</u>	– 200
IX. Санитетски вод	– 14		Укупно 2.052
X. Вод за везу	– 20	Е) Из непознатих јединица –	348
			Свега – 2.400

АС, БИА, зб. III-98

I. Југословенска /Месићева/ бригада

Формирање бригаде:

У Другом светском рату, а нарочито током 1942. и 1943. године долази на територију СССР већи број Југословена и то углавном као припадници хрватских јединица које су се бориле на Источном фронту, а затим као припадници немачких, италијанских и мађарских јединица или као интернирци у разним кажњеничким радничким формацијама.

Доласком у СССР код већег броја ових, а нарочито бивших политичких криваца и припадника радних батаљона као и код мобилисаног људства појављује се тежња предаје јединицама ЦА, тако да је крајем 1943. године број Југословена доспелих у совјетско заробљеништво постао знатан, те органи апарата НКВД узимају иницијативу организовања и коришћења ових југословенских елемената сматрајући то врло погодном платформом за далековиде циљеве совјетске империјалистичке политике.

Опуномоћеник за формирање „Југословенске бригаде“ био је генерал-лајтнант Жуков, начелник НКВД у Москви. Он је лично ступио у контакт са заробљеним усташким пуковником Марком Месићем и другим официрима, те су ови према његовом настојању поднели претставку Влади СССР и образложили потребу формирања југословенске јединице у СССР-у. Тако је средином децембра 1943. године формирана војна јединица под именом „I. Југословенски самостални одред у СССР-у“, који је затим прерастао у бригаду.

Састав одреда:

У састав овога одреда чији је командант био потпуковник Марко Месић, а заменик потпуковник Егон Житник, ушли су припадници бивших легија, мађарских радних и кажњеничких батаљона, немачких и других регуларних трупа и изванредан број политемиграната који су већ деценијама живели у СССР и били опробани сарадници НКВД-а.

Нешто касније почеле су да пристижу и групе југословенских заробљеника који су на разне начине доспели у совјетске заробљеничке логоре.

Одред је преформиран у „I. југословенску бригаду формирану у СССР-у“ 1.VI 1944. године и тада је у бригаду стигла и група наших грађана из Персије позната под именом „Техеранци“.

Групе које су се одабирале за формирање Бригаде претходно су долазиле у I. зону логора 27. у Красногорску и тек одатле су упућиване у бригаду пошто је претходно вршена провера а што није ометало да се у саставу бригаде нађе велики број непријатеља наше земље па чак и ратних злочинаца,

јер је НКВД примајући ове у бригаду желео да од њих створи слуге и по-служно оруђе.

Устројство бригаде:

По коначном формирању бригада је бројала 2300 људи и била је смештена код села Карашева близу Коломно-града.

Бригада је формирана по угледу на јединице бив[ше] југ[ословенское] војске, а што је било учињено по изричитој жељи совјетске команде. На челу бригаде били су махом бивши југословенски официри или официри „НДХ“.

У бригади је била уведена униформа према старом југословенском обрасцу са кокардом. Официри су се ословљавали са „господине“ уз додатак чина, а војнички поздрав је био „Бог ти помогао.“ Заклетва је полагана пред свештеницима.

Тек касније доласком наше делегације на челу са друговима Ђиласом и генералом Терзићем стање се је у бригади променило и отпочео је политичко-идеолошки рад у духу НОБ. Тада је за политичког комесара постављен Георгијевић а уведени су и политички комесари по четата, батаљонима, дивизиону и приштапским јединицама чим је била донета одлука о формирању југословенске јединице на територији СССР-а, у бригаду је одмах стигла једна већа гарнитура официра НКВД који су формирали тзв. „Информ одјел“ – информационо одељење на чијем је челу био потпуковник Никитин коме је било придодато још 11 официра НКВД-а.

Одмах по доласку у бригаду Никитин је сву власт узео у своје руке и без његовог се знања и одобрења у бригади није смело ништа догодити.

а) Информативни вод НКВД-а:

Имајући за циљ да што пре створи масовну агентуру међу припадницима бригаде, Никитин је од проверених људи створио „информативни вод НКВД“ чији је задатак био: да чува „Информ одјел“, да врши полициску функцију у бригади, да чува затвор, да контролише кретање припадника бригаде и разне специјалне задатке – као припреме за врбовања.

Одмах по доласку у бригаду Никитин је са својом групом официра НКВД пришао масовној врбовци. Овај посао није био тежак јер се је приликом врбовања сарадника апеловало на свест, патриотизам и љубав према СССР, а непријатељским лицима скретана је пажња да треба да оперу своје грехе, а у крајњим случајевима прибегавало се је претњама. У случају непослушности или одрицања сарадње вршено је удаљивање из бригаде и терање на тешке физичке радове по логорима.

У циљу формирања што масовније агентуре, официри НКВД користили су и совјетске инструкторе којима је улога у бригади омогућавала приближавање борцима. Број инструктора је нарочито у почетку био врло велики и сви су они били потчињени Никитину.

Рад на врбовању агената био је непрекидан па чак и на путу за Југославију. Утврђено је, да су многи агенти изврбовани у путу кроз Румунију, што је још један доказ, да су спремани са задатком помагања субверзивне акције НКВД противу нове Југославије.

Важна напомена:

Важно је напоменути, да су многа лица још док су се налазила у логорима где су такође били официри НКВД била још тада врбована од НКВД и одласком у бригаду предавана су на везу Никитину. Углавном су врбована лица која су извесно време провела у совјетским партизанима.

Такође важно напоменути и рад официра НКВД на Антифашистичкој школи у логору 27-б у Красногорску, кроз коју је прошао већи број будућих припадника бригаде. Руководиоци ове школе на челу са Живојином Пецарским Војновом, били су сарадници НКВД и као такви повезани са Никитином. Одлазећи из школе ова су лица повезивана са Никитином и тиме попуњавали апарат НКВД у бригади.

Састав мреже:

Имајући у својим рукама податке о свима припадницима бригаде, органи НКВД су без изузетка ангажовали за свој рад све што се је могло искористити.

У првом реду за рад по обавештајној линији били су искоришћени политички и командни кадрови којима је објашњено, да је њихова дужност да обавештавају и помажу НКВД. У исту сврху коришћени су и политемигранти који су због тога и дошли у бригаду да послуже циљевима политике НКВД-а.

Карактеристичан је и случај са тзв. „Техеранцима“ који су стигли из Персије као добровољци у броју око 150 лица и који су скоро тотално били ангажовани за рад у корист НКВД-а, тим пре што су многи од њих радили за совјетску обавештајну службу још у Персији као и другим земљама Блиског Истока.

Рад са мрежом:

Углавном су сви потписивали обавезе о сарадњи и конспирацији и махом су добијали псеудониме.

Задаци су били разне природе. Углавном се ишло к томе, да се у корену сузбије свака могућност критике СССР-а. У истом циљу органи НКВД у бригади увели су најстрожију дисциплину, те су у неколико случајева за незнатне прекршаје наредили стрељање неколико бораца .

Наш рад на откривању агентуре НКВД у бригади:

У досадашњем раду на откривању агентуре НКВД у бригади постигнути су значајни резултати. Откривено је преко 100 сарадника НКВД који су признали свој рад, а такође је откривен и већи број лица која спадају у категорију сумњивих, али чија делатност још није доказана.

Међу откривеним агентима имамо и неколико лица која су потписала обавезу о сарадњи са НКВД по повратку у нашу земљу.

АС, БИА, зб. III-98

229

Преглед делатности лица рођених у Аутономној покрајини Војводини која су се налазила у совјетским војно-обавештајним структурама 1941–1945. године

Совјетски партизани:

Са територије АПВ у совјетским партизанима било. 34 лица, а од тога је до сада саслушано само 15 лица. Није проваљен ниједан сарадник НКВД-а.

Бечка бригада

Са територије АПВ било 3 лица од којих је саслушано само једно.

Падобранско-диверзантска школа „ШОН“:

Слушалаца за територије АПВ – 9.

Од тога саслушано – 8 (службеника – 7, земљорадник – 1).

Сарадника НКВД-а – 4.

Авијатичарски курсеви и школе:

Слушалаца са територије АПВ – 16.

Од тога саслушано – 10 (службеника – 7, земљорадника – 1, занатлија – 2).

Сарадника НКВД – 7.

Политички курсеви и школе:

Саслушано – 35.

Сарадника НКВД-а – 12.

„Мађарска Демократска Легија“:

Припадника са територије АПВ – 7.

Саслушано – 1.

Совјетски об[авештајни] курсеви у Мађарској:

Слушалаца – 8.

Саслушано – 3.

Тумачи по Мађарској и Аустрији:

Тумача – 32 (саслушано – 20).

Тумачи и сарадници НКВД у земљи:

Тумача – 3; курира – 1; сарадника – 4.

[Рукописна белешка - П.С. Немамо преглед хапшених и преврбованих]

I. Југословенска бригада /Месићева/:

Припадника бригаде са територије АПВ – 263.

Од тога попунило упитнике и саслушано – 202.

У овај број урачунати су и 9 лица из Информативног вода НКВД-а (сви саслушани) и 24 слушалаца радио-телеграфског курса а затим везиста бригаде (саслушано – 19).

Социјални састав саслушаних:

земљорадника – 85, радника – 14,

службеника – 38, студената – 1,

занатлија – 30, у ЈА – 3.

Од овога се у државном и задружном сектору налази 119 лица.

Сарадника НКВД-а – 65 лица.

II. Југословенска бригада (Житникова):

Припадника бригаде са територије АПВ – 31.

У овај број су укључени и 3 лица из Информативног вода НКВД-а.

Социјални састав:

земљорадника – 15, службеника – 7,

радника – 3, занатлија – 5.

Од овога се у државном и задружном сектору налази 13 лица.

Сарадника НКВД-а – 11 лица.

Тенковска бригада (Воје Радића):

Припадника бригаде са територије АПВ – 51.

Од тога попунило упитнике и саслушано – 35.

Социјални састав:

службеника – 10 (5 интелектуалаца) – сви у државном сектору,

земљорад[ника] – 13 (5 у задружном сектору),

занатлија – 3 (сви у државном сектору),

радника – 9 (сви у државном сектору).

Сарадника НКВД-а – 4 лица.

Борци Црвене Армије:

На територији АПВ 54 лица, а од тога је саслушано 30 лица:

радника – 7, службеника – 9,

занатлије – 5, земљорадника – 9.

У државном и задружном сектору – 20 лица. Сарадника НКВД-а – 5 лица.

АС, БИА, зб. III-98

Глава 4. ЦРВЕНА АРМИЈА И ОСЛОБОЂЕЊЕ ИСТОЧНИХ ПРЕДЕЛА ЈУГОСЛАВИЈЕ

230

Упутство борцу Црвене армије у Југославији

Товариш боец, сержант и офицер!

Ты вступил на территорию родной по духу и крови нам Югославии, – вступил для того, чтобы настичь и добить раненого фашистского зверя, уползающего под твоими ударами в свою берлогу.

Неиссякаемая мощь Советского Союза, сила духа советского народа определили окончательный исход войны против гитлеровской Германии. Под могучими ударами Красной Армии затрещала германская военная машина. И теперь Красная Армия с востока, наши союзники – англичане и американцы – с запада и юга беспощадно громят черные силы фашизма. Смертельное кольцо неумолимо сжимается вокруг логова немецкого зверя. Победа уже близка. Но фашистский зверь все еще сопротивляется. И он будет огрызаться до тех пор, пока мы его окончательно не добьем.

Твоя задача, товарищ, состоит в том, чтобы перехватить отступающие по югославским дорогам немецко-фашистские войска, разбитые тобою в Румынии и Болгарии, а также и те, которые пытаются прорваться в Германию из Греции, Албании и самой Югославии.

Три с лишним года народы Югославии во главе со своим верным сыном маршалом Тито ведут священную борьбу с немецкими оккупантами за честь, свободу и независимость своей родины. Едиными, сплоченными рядами поднялись на борьбу сербы, хорваты, словенцы, поднялись все народы Югославии.

В ожесточенных схватках с ненавистными немецко-фашистскими захватчиками родилась славная Народно-Освободительная армия Югославии. Три года войны народов Югославии – это три года замечательных подвигов, примеров героизма и самопожертвования. Им приходилось вести героическую борьбу не только против немецких разбойников, но также против военных соединений, организованных предателями народа: домобранцев (хорватские части Павелича), жандармов и стражников Недича, а также против отрядов четников, возглавляемых предателем народа – генералом Дражей Михайловичем. Семь генеральных наступлений фашистских банд и сотни мелких походов были отбиты отважными югославскими воинами. Оккупанты за это время потеряли только убитыми около одной трети миллиона солдат и офицеров.

Немцы жестоко расправляются с народами Югославии, не желающими жить под фашистским игом. Они сжигают города и села, расстреливают жителей. Никогда не забудут народы Югославии сотен тысяч замученных и расстрелянных своих отцов, матерей, жен, детей в долине реки Дрина, под Белградом, в Боснии и Герцеговине.

Вся Югославия пылает священной ненавистью к фашистам и ведет кровавую борьбу против немецких извергов. Вступление Красной Армии на территорию Югославии вызвало новый подъем духа в народе и в рядах ее славной армии.

Весь народ с радостью встречает части Красной Армии – встречает приветственными возгласами, колокольным звоном, с хлебом-солью.

Воин Красной Армии! Высоко и почетно имя твое в Югославии как представителя великого русского народа, как представителя Советского Союза. Ты окружен любовью и уважением всего югославского народа, как воин-победитель, воин-освободитель.

Высоко неси это почетное звание воина Красной Армии!

Помни, товарищ, что кроме миллионов друзей, есть и враги, которые могут использовать ту или иную твою ошибку и неправильный поступок во вред нашей Родине и Красной Армии, во вред тебе.

Храни военную тайну!

Будь всегда и везде дисциплинирован, культурен, подтянут, как представитель самой передовой в мире армии!

Беспощадно борись с теми, кто своим поведением позорит Красную Армию!

Будь начеку! Будь бдителен! Враг может попытаться толкнуть тебя на поступки, позорящие Красную Армию. Враг может попытаться склонить тебя к пьянству, дебошу, оскорблению чести женщины и семьи, к нарушению частной собственности югослава.

Будь зорек и беспощадно разоблачай немецких агентов, в какую бы личину они не рядились.

Будь беспощаден к мародерам, насильникам, нарушителям порядка и дисциплины!

Береги любовь и уважение югославского народа, которому принес ты освобождение.

Уважай его обычаи, законы и семью!

Всегда и везде помни, что ты пришел в Югославию не для того, чтобы навязывать Югославии свои законы и порядки, а для того, чтобы настичь и уничтожить бегущих под твоими ударами немецких разбойников.

Оказывай содействие и помощь югославскому населению, солдатам и офицерам Народно-Освободительной армии Югославии во всем, что помогает нашей борьбе против общего врага – немецко-фашистских захватчиков!

Воин Красной Армии! Недалек день окончательного разгрома гитлеровской Германии. Но борьба предстоит еще упорная и трудная. Напряги, товарищ, свои силы, свою волю, мобилизуй всего себя для того, чтобы окончательно добить раненого фашистского зверя в его собственной берлоге!

Высоко неси знамя твоей Родины! Пусть повсюду, где ты пройдешь, уничтожая врагов человечества – гитлеровцев и освобождая поработанные ими народы, – пусть на веки веков останется в сердцах миллионов людей глубокая благодарность, любовь и уважение к тебе, воин Красной Армии!

АС, МАА,
Ежедневная красноармейская газета
4-го механизированного корпуса
„Сталинградец“ 21 октября 1944 г.

231

Белешка Г. Дедова о освобожденном Београду

Георгий Дедов

После штурма крепости

На рассвете наши подразделения рука об руку с югославской пехотой командира Дабчевича штурмом овладели крепостью.

Прошло несколько часов и вот мы на территории крепости. Наш генерал встречает командира Югославской армии, жмет ему руку, целует.

– Поздравляю с одержанной победой! Сейчас ни минуты покоя немцу. Все время вперед!

В стороне от крепости немецкое кладбище. Генерал обращает наше внимание:

– Смотрите, они уже не успевали кресты ставить.

На могилах торчат палочки с бумажкой: на бумажках – фамилии и имена погибших. Таких могил десятки. Но еще больше совершенно без знаков.

Идем дальше. В бывшем Военном музее, где, подобно скоту, жили гитлеровцы, валяются брошенные ими рюкзаки с одеждой, бельем и прочим награбленным у югославского народа имуществом.

– Вот это бегство, – говорит генерал, – они даже не успели рюкзаки свои унести.

На обратном пути к генералу подбегает лейтенант Сичкар и докладывает об обнаружении в крепости мин. Генерал с благодарностью жмет руку лейтенанту, советует:

– Будьте внимательны здесь!
У выхода из крепости нас встречает ликующее население города.
– Живели руски војници, ослободиоци!
Этот возглас подхватывает вся улица, весь город.

Салют в честь освобождения города

Вчера, после многодневных, ожесточенных уличных боев войска Красной Армии, действуя совместно с частями Народно-Освободительной армии Югославии, уничтожили немецкий гарнизон города и освободили город от гитлеровских захватчиков. В честь этого радостного события был дан салют. Над городом и его окрестностями взвились тысячи ракет. Вечерняя тишина огласилась гулками пулеметными и автоматными очередями. Ударил артиллерия. Словно огненные ленты прочертили многочисленные трассы темный осенний небосвод. Город ликовавал.

АС, МАА,
Ежедневная красноармейская газета
4-го механизированного корпуса
„Сталинградец“ 21 октября 1944 г.

232

Молба Савеза совјетских патриота да се ослободе недужни руски емигранти похапшени после ослобођења Београда

Ових дана [стигло] наређење од стране Команде града Београда регистрација Руса-емиграната у оквиру регистрације страних држављана.

Сви Руси који су се јавили били су задржани и отерани у затвор без икаквог претходног саслушања и испитивања. Тамо је било старих људи и жена од 60 и више година. Ова мера изазвала је пометњу и оправдано огорчење у редовима руских емиграната, нарочито онда када се је пронела вест да су сви Руси проглашени ратним злочинцима.

Узимамо на себе, и у име једне руске групе која је била уједињена у илегалној под окупаторском влашћу, организацији – Савез совјетских патриота, у име једне обичне човечности и правичности да Вам се обратимо са једним разјашњењем по овоме питању.

Сматрамо да сви Руси који се могу сматрати ратним злочинцима побегли су заједно са окупатором, јер нису смели да дочекају долазак Народно-Ослободилачке војске и Црвене Армије. Они који су остали сматрали су да

немају никаквих грехова према Српском и Руском народу, јер су били увек лојални, а многи чак и изразито антифашистички расположени. Већи број њих по доласку окупатора био је отпуштен из службе и имао да бира или да иде у Немачку на рад или на ма који други начин служи Немцима, или да гладује. Многи су изабрали последње и не само делили судбину хлеба са Србима, већ и у свему другом. Свима је познато да је на Јајинцима стрељано много Руса за Совјетску пропаганду или Србовање. Много Руса је отерано у Немачку на принудан рад. Много их је лежало и мучено у специјалној полицији и у логору на Бањици. Мора се додати да у немачком заробљеништву има много Руса, официра и војника, који су остали верни заклетви и заједно са Југословенима деле тешку судбину робовања.

И сада се је догодило то да су сви они проглашени ратним злочинцима и да су затворени. Знамо за случај затварања једне честите Рускиње и њеног брата који су тек на дан-два пред ослобођење пуштени из логора на Бањици, где су лежали због рада у илегалној месној организацији, а чији је муж из логора упућен последњи дана за Немачку. Догодиће се још таквих и сличних случајева ако се продужи овако. Затвараће се породице заробљеника или људи који активно сарађивали са организацијом месних Родољуба, већ да не говоримо о лојалним емигрантима који се нису истакли ничим.

Свакако да је међу онима који су остали – нису побегли са Немцима од народног суда има и таквих који требају да одговарају за своја недела и који се вешто прикривају и склањају. Њих треба пронаћи и они треба да искусе казну коју заслужују, то је жеља свих поштених емиграната да из своје средине искорене тај злочиначки елемент, али свакако није начин масовно хапшење свих без разлике да би се доцније утврдило ко је крив, а ко није.

Ми смо чврсто убеђени да ће поступак испитивања бити брз, одлучан и праведан, али ипак морамо скренути пажњу у интересу човечности којом се нарочито одликује Нови поредак на психолошки афекат таквог поступања.

Ми Вас најлепше молимо да се заинтересујете за изложену ствар, уколико је то у Вашој могућности.

Смрт фашизму – слобода народу.

Д-р Лебедев

Н. Чернишов

[Печат: „Месни одбор. Савез Совјетских Патриота. Народно-ослободилачки покрет Србије“.]

АС, БИА, зб. III-98

Ослобођење Белграда

Дмитриј Воронец

14 октобра, када ја встала, с папой изашао на балкон; околу Авале било зарево и снажна стрелба. Када мама встала, ми пошли у погреб. У 10 часова ја пошла с нашим суседима на терасу. На Пашином Брдо су били видни руске војске, које опрежно пролазиле кроз кукурузу, а околу Аутокоманде шле танке. Једну ноћ ми не спали у себи у квартири, а у нашем дому у првом етажу. Наша собака оставала се дома, она такође бојала се изстрелова и кријала се под диваном. Када нешто стихло, ми изашли во двор. У то време мимо нашег дома пролазиле руске офицери и војници. Ми их позвали, поговорили с њима, и папа им предложио папире. Они сада же дужни су бити даље. Потом ми пошли погледати руску артиљерију, која стојала блиско од нас. Један офицер показао ми „Катјушу“. Када ослободили Белград, то пушале ракете, било веома интересно.

Елена Полховскаја

Један пут, ноћу, ја проснула се од изстрелова. Мама и папа такође не спали. Ја оде се и избежала на терасу. Околу Авале вело се бој. Ја погледала, како испљивају огњи од пушака, и слушала свист снаряда. Све хоризонт околу Авале испљивало.

Мама и папа одвели ме у погреб. У погребу нашег дома била така толкотња, да нам неможе бити да улазимо. Све наши суседи сабрали су се у њему. Мега зато устроили су дугачак коридор првог етажа. Околу нас вело се бој. Сви падали снаряди, и све веома бојали се.

Папа често спушала се до доле и причао нам о томе, што видио са терасе.

Дошло утро. Ја играо са децом. А околу нас уже почео ружични бој. Како раз пролазио кроз нашу улицу. К нама у дому донели раненог. То био први руски војник, који се појавио на нашеј улици, он бежао, питајући: „Где немци, где немци?“ Ему показали на суседни дому, он улазио тамо. Одједном одатуда послышали су изстрели, а потом его изнесли тешкораненог. У нас ему повезали рану, а папа и још троје од нашег дома на самоделаним носилацима донели и дали его у болницу.

У други дан, у поподне, када ја подијала се на горе појести, ја изашао на терасу и увидела, што суседна улица пуна немца. Ја позвала маму и папу. Све немци били вооружени.

Не прошло и пет минута, како само испод почео бој. Немци разбио и узели у плен.

Все это продолжалось несколько дней. Потом в развалинах соседнего дома, играя с детьми, я находила массу немецких шлемов, патронов, снарядов и все, что они там побросали.

Веселый день в моей жизни

Дмитрий Воронеж

Были мои именины. Утром, когда я проснулся, на моем столе лежал подарок. Это были часы, которые я давно хотел иметь. Когда я встал и выпил кофе, я пошел к бабушке, чтобы идти в церковь. Бабушка подарила мне книжку „Сын полка“ и журнал „Пионер“. Мы с бабушкой пошли в церковь причащаться. Бабушка по дороге упала. На причастие мы опоздали. Когда возвращались домой, я себе купил марки. После обеда ко мне пришли гости. Первая пришла одна маленькая девочка, Верочка. Потом пришли Леночка и Андрюша. Самыми последними пришли мои сербские друзья Мита и Олга. Мы очень весело играли до позднего вечера. Дольше всех могли остаться Мита и Олга, потому что они живут в нашем доме. С ними я всегда весело играю.

Александр Яхонтов

Веселый день в моей жизни был мой рождения первого мая 1945 г., когда мне исполнилось десять лет.

Утром, когда я проснулся, увидел на столике подарки. Папа подарил мне автомобильчик, мама марки, а бабушка альбом для марок. До полдня я разбираю марки и перемещал их в альбом. Потом вышел на улицу и стал смотреть парад войск. Весь город был украшен флагами и цветами. Пообедавши, я стал ждать гостей.

В четыре часа ко мне пришел Митя и привел Юру и Алика Садовниковых. Митя мне подарил книгу „Дунайские гусары“, а Алик и Юра по книжечке. Юра и Алик играли в солдатики, а Митя смотрел книгу, которую подарила мне одна мамина подруга.

Скоро пришел Сергей и подарил мне десять оловянных солдатиков и десять марок. Тогда мы все стали играть в гангстеров. Потом пришла и Ляля, и мы стали играть в ковбоев и индейцев. К восьми часам Митя, Юра и Алик пошли домой. Мы играли в разные игры, и к десяти часам пошли со взрослыми на „Теразию“. Когда пришли на „Теразию“, то увидели, как бил фонтан. На „Албании“ горела большая звезда. Народ всюду танцевал. Пускали фейерверк. Ракеты разных цветов взлетали на небо и потухали. Потом мы вернулись назад, и в двенадцать часов я лег спать.

Елена Полховская

Часто мы, я, мама и папа, ездили купаться на реку Саву, живописно протекавшую около города Белграда, в котором мы живем.

В этом году у нас не было собственной лодки, и нас перевозили на остров. Однажды, как только нас перевезли на остров, я вылезла из лодки и побежала по берегу.

После некоторого времени мы увидели красивую полянку, окруженную со всех сторон кустами ежевики и ивы. На этой полянке мы и остановились.

Пришел полдень. Накупавшись и наплававшись вдоволь, мы пообедали и легли отдохнуть.

Вдруг я услышала какой-то визг в кустах.

Я сейчас же отправилась на разведку, но ничего не нашла. Когда я вернулась, я села и смотрела в кусты, чтобы увидеть, кто это визжал. Вдруг из кустов высунулась маленькая мордочка. Я сидела смирно, чтобы не испугать животное.

Из кустов появилась маленькая серенькая мышь с коричневой полоской на спине. Я встала и потихоньку, боясь испугать ее, принесла кусочек хлеба. Хлеб я положила около себя. Мышь прибежала, взяла хлеб и скрылась в кустах.

Потом мама хотела что-то взять из сумки, где лежал хлеб, но нашла там мышь. Мышь хотела съесть хлеб. Мама выгнала ее и дала мне яблоко. Я съела его, дав и мышатам, которые как будто ожидали этого огрызка. Они съели его на моих глазах.

Так и прошел вечер. Я начала одеваться и хотела одеть мои ботинки, но и оттуда выскочили две мышки.

Мы вернулись к перевозу, и нас перевезли на другую сторону.

В эту ночь, когда я заснула, мне приснились две мышки, которых я кормила на Саве.

Пасха

Дмитрий Воронец

В этом году я опять собирался к заутрене²⁹⁹. Вечером я рано лег потому, что я должен был встать в половине 11, чтобы зайти за бабушкой и идти вместе в церковь. В церкви было много народу, было жарко и душно. Когда пропели „Христос Воскресе“, мы решили идти домой, но, едва вышли из церкви, пошел дождь и мы все промокли. Когда пришли домой, сели разговляться. Все получили подарки. Я получил пакет, перочинный нож, пятьдесят динар и книжку „Взятие Берлина“. В 4 часа мы легли спать.

Утром, когда я проснулся, вышел во двор. Около нашего дома цыгане трубили в трубы. Потом я пошел позвать Алика к себе в гости, но после обеда, когда Алик пришел, мы сначала строили из [немецкого конструктора] „Матадора“. А все остальное время мы боролись, кувыркались и бросались подушками. Два раза мы сорвали ковер и перевернули диван. За Аликом пришел папа и увел его домой. В понедельник папа был свободен, и мы решили идти в Топчидер. Мы взяли с собой нашу собаку. Пошли пешком через Дединье. В Топчидере я пускал лодочки. Вдруг пошел дождь, и мы вернулись домой.

„Журнал старых друзей“. Личный архив Д. Воронца

- ¹ Кнегиња Јелена Петровна (1884–1962), кћер краља Петра I Карађорђевића, супруга кнеза Иоана Константиновича Романова (1886–1918).
- ² Генерал Михаило Живковић (1856–1930), командант Српског добровољачког корпуса у Русији.
- ³ Велики кнез Георгије Михаилович (1863–1919), син великог кнеза Михаила Николајевића, унук цара Николаја I.
- ⁴ Василије Јосифович Гурко (1864–1937), руски генерал, начелник штаба Врховне команде до 17. фебруара 1917. године.
- ⁵ Др Мирослав Спалајковић (1869–1951), српски дипломата, политичар, министар без портфеља и заступник министра спољних послова 1920. Од 1913. до 1919. године био је посланик Србије у Русији.
- ⁶ Никола П. Пашић (1845–1926), српски и југословенски политичар, дугогодишњи председник владе Краљевине Србије и Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, оснивач и вођа Народне радикалне странке. Током рата био председник владе и министар иностраних дела.
- ⁷ Мисли се на декларацију Народне скупштине Краљевине Србије, донету у Нишу 23. августа 1915. године. Видети: Српске новине, бр. 320, 11. август 1915, стр. 1 (према старом календару).
- ⁸ Черносотенцы, рус. – збирни назив за припаднике крајње десних организација у Русији 1905–1917. године.
- ⁹ Државна дума (Государственная дума), изабрано законодавно тело које је заједно са Државним саветом доносило законе Руског Царства 1906–1917. године.
- ¹⁰ Александар Фјодорович Керенски (1881–1970), руски политичар и друштвени радник, министар, потом председник Привремене владе 1917.
- ¹¹ Александар Иванович Гучков (1862–1936), руски политичар, вођа партије „Союз 17. октябра”. Председник III Државне думе (1910–1911), посланик у Думи (1907–1912), члан Државног савета Руске империје (1907 и 1915–1917), министар војске и морнарице Привремене владе Русије.
- ¹² Имена тада актуелних политичара разних идеолошких усмерења.
- ¹³ Павел Николајевић Миљуков (1859–1943), руски политичар, оснивач и вођа Конститутивне демократске партије; министар иностраних послова у Привременој влади Русије.
- ¹⁴ Гроф Владимир Алексејевич Бобрински (1867–1927), руски политичар, монархиста, члан Думе у три сазива.
- ¹⁵ Гроф Николај Павлович Игнатијев (1832–1908), руски државник, посланик у Пекингу и Цариграду, министар унутрашњих дела, присталица идеје панславизма.
- ¹⁶ Екзарх Јосиф I (Лазар Јовчев, 1840–1915), епископ Бугарске православне цркве (1877–1915), њен екзарх и друштвено политички делатник.
- ¹⁷ Михаил Владимирович Родзјанко (1859–1924), руски политичар, вођа партије Савез 17 октобра, председник Државне думе, један од вођа Фебруарске револуције, када је био на челу Привременог комитета Државне думе. Емигрирао у Краљевину СХС, где је и умро.
- ¹⁸ Земства – изборни органи месне самоуправе у Русији 1864–1919. у губернијама, округима и (од 1917) општинама.

- ¹⁹ Из данашњег прогласа владе видим, да ће и војска примити учешће у изборима што осигурава пуно изборну победу Гучкову и Родзјанку, т.ј. октобримима. МПЦ (напомена у извору, прим. прир.).
- ²⁰ Николај Алексејевич Маклаков (1871–1918), дворјанин, крајњи конзервативац, од 1913. био министар унутрашњих послова, а од 1915. члан Државног савета. Ухапшен после Фебруарске револуције, стрељан 1918. од большевика. Нејасно је зашто га Цемовић сврстава међу конституционалне демократе.
- ²¹ Фјодор Измаилович Родичев (1854–1933), руски политичар, један од оснивача партије Конституционалних демократа, члан Државне думе 1906–1917.
- ²² Николај Иванович Гучков (1860–1935), руски предузетник и политичар.
- ²³ Михаил Васиљевич Алексејев (1857–1918), руски генерал, током Првог светског рата начелник штаба Врховне команде. Уживао пуно поверење цара Николаја II.
- ²⁴ Дмитриј Павлович Кишенски (1858–1933), руски патолог; од 1913. до 1917. ректор Новоросијског универзитета у Одеси. Од 1919. емиграцији, до 1923 у Југославији, потом у Прагу.
- ²⁵ Марко П. Цемовић (1874–1941), дипломата, политичар и публициста. Завршио Духовну академију у Кијеву 1899. и Правни факултет у Петрограду 1903. Од 1917. године генерални конзул Србије у Одеси.
- ²⁶ Војни изасланик Краљевине Србије у Руској царевини био је пуковник Бранислав Лонткијевић.
- ²⁷ „Споразум“ – мисли се на силе Антанте.
- ²⁸ „Наш корпус“ – мисли се на Српски добровољачки корпус формиран у Русији 1916. године.
- ²⁹ Велики кнез Николај Николајевич (1856–1929), унук цара Николаја I, главнокомандујући оружаним снагама Руске царевине 1914–1915, а од 1915. до 1917. главнокомандујући Кавкаске армије.
- ³⁰ Део текста телеграма који је дат курзивом је у оригиналу прецртан, јер је Пашић наложио да се избаци пре него што телеграм буде публикован преко Прес-бироа.
- ³¹ Александар Белић (1876–1960), српски филолог, професор и ректор Београдског универзитета, председник САНУ и члан бројних академија у Југославији и иностранству, а од 1910. и Петербуршке. Школовао се, поред осталог, и у Русији. Белића и Станојевића је у Русију послала српска влада, да организују пропагандне активности и утичу на политичко расположење у интелектуалним круговима. Њихов извештај с краја 1916. г. је објављен: Милорадовић Горан, Борба за душе: српска пропаганда у Русији 1916. године, Историјске свеске, бр. 14, фебруар 2015, Вишеград, стр. 15–25.
- ³² Станоје Станојевић (1874–1937), српски историчар, први српски енциклопедиста, члан Српске краљевске академије и редовни професор Београдског универзитета.
- ³³ Георгиј Јевгенијевич Лавов (1861–1925), руски кнез, политичар и први председник владе Русије после Фебруарске револуције од 15. марта до 21. јула 1917. године.
- ³⁴ Мисли се на хрватско-руско друштво „Јурај Крижанић“, које је 1915. године у Москви основао Крунослав Херуц (1859–1928?). Друштво се бавило културно-просветним и политичким радом.
- ³⁵ Сергеј Дмитријевич Сазонов (1860–1927), руски државник, министар иностраних дела Руске царевине 1910–1916. године.

- ³⁶ Војвода Радомир Путник (1847–1917), начелник штаба српске Врховне команде у Првом светском рату.
- ³⁷ Велизар С. Јанковић (1880–1966), професор економије, министар народне привреде, члан Народне радикалне странке.
- ³⁸ Миленко Р. Веснић (1863–1921), српски дипломата, министар правде. Посланик Србије у Паризу 1903–1920. године, председник Владе и министар спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца 1920–1921. године.
- ³⁹ Конференција о којој је реч одржана је у Паризу 16. (29.) новембра–20. новембра (3. децембра 1917.) на највишем државном нивоу. На њој су учествовале силе Антанте и друге државе које су ратовале на њеној страни. Србију је представљао Н. Пашић, тако да му Спајајковић пише непосредн после конференције. Пашићев извештај са тог скупа је објављен у: Станковић, Ђорђе, Никола Пашић. Прилози за биографију, Београд, 2006, стр. 492–511.
- ⁴⁰ Мисли се на конференцију дипломатских претставника Антанте и других савезничких земаља у Петрограду, на којој је усаглашен њихов однос према бољшевичкој влади.
- ⁴¹ Мисли се на прво издање међународних уговора из архиве руског Министарства иностраних дела, које су бољшевици штампали одмах по освајању власти у Петрограду.
- ⁴² Народни посланици, социјалисти, Трифун Триша Кацлеровић (1879–1964) и Душан Поповић (1884–1918), емигрирали су из окупирани Србије 1917. године. Меморандумом у иностраној штампи подржали су бољшевице, па их је Српска влада сматрала за отпаднике. Видети: Митровић, Андреј, Србија у Првом светском рату, Београд, 1984, стр. 319, 540–542; Екмечић, Милорад, Стварање Југославије 1790–1918, 2, Београд, 1989, стр. 785–786.
- ⁴³ Хелсингфорс – шведски назив за Хелсинки.
- ⁴⁴ Кнез Арсен Карађорђевић (1859–1938), син кнеза Александра Карађорђевића, брат краља Петра I.
- ⁴⁵ Мисли се на грузијску луку Батуми на Црном мору и погранични град Карс у данашњој Турској.
- ⁴⁶ У питању је немачки дневни лист *Der Berliner Lokal-Anzeiger*, који излази од 1883. године.
- ⁴⁷ Макс Хофман (*Carl Adolf Maximilian Hoffmann*, 1869–1927), немачки генерал и дипломата, начелник штаба Источног фронта. Представљао је Немачку током преговора о миру у Брест-Литовску, заузимајући крајње агресивну и тврдокорну позицију.
- ⁴⁸ Лав Давидович Троцки (Бронштајн) (1879–1940), руски револуционар и политичар, истакнути члан Политбироа. Као министар спољних послова у првој совјетској влади преговарао је с Хофманом.
- ⁴⁹ Посланик М. Спајајковић је ту говорио о сепаратном миру што су га бољшевици у Брест-Литовску недуго пре тога склопили са Немачком, изневеривши тиме савезнике Русије.
- ⁵⁰ Фотије Станојевић, српски дипломата, секретар у посланству у Петрограду.
- ⁵¹ Град у источном делу Белорусије.
- ⁵² Шведски назив за Тампере, град у Финској. Ту је привремено било евакуисано српско посланство током борби и анархије у Петрограду.
- ⁵³ Град на истоку европске Русије, данас Киров.
- ⁵⁴ Мурманск, лука на северу европске Русије.

- ⁵⁵ Владивосток, лука на Тихом океану, крајњем истоку Русије. Архангелск, лука на северу европске Русије.
- ⁵⁶ Нечитљив део текста.
- ⁵⁷ Радослав С. Јовановић (1886–1949), српски историчар, професор и дипломата. Аутор књиге: Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године: кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, Београд, 1925.
- ⁵⁸ Градић на обали Белог мора, у Мурманској области на крајњем северозападу Русије.
- ⁵⁹ Стојан М. Протић (1857–1923), српски политичар, државник и публициста, један од оснивача Народне радикалне странке. Више пута је био министар финансија. Образовао је прву владу Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Током рата био министар финансија, а крајем 1918. и заступник министра иностраних дела.
- ⁶⁰ Сергеј Николајевич Смирнов (1877–1958), инжењер, архитекта, археолог, историчар уметности. У Русији био управник Царског дворца у Павловску и секретар великог кнеза Јоана Константиновича. Помагао је спасавању кнегиње Јелене Петровне Романове (Карађорђевић) и њене деце из грађанским ратом захваћане Русије. У емиграцији у Краљевини СХС вршио низ функција у управи Двора и у организацијама задуженим за смештај и регулисање боравка руских емиграната, све до напуштања Београда у 1944. године. Умро је 1958. године у Монтевидеу (Уругвај). Његова архива се чува у Народној библиотеци у Београду.
- ⁶¹ Вероватно је у питању др Бошко И. Чолак-Антић (1871–1949), српски дипломата и правник.
- ⁶² Иркутск, град у Сибиру, центар Иркутске области.
- ⁶³ Перм, град на истоку европске Русије.
- ⁶⁴ Генерал Радола Гајда, псеудоним Рудолфа Гајдла (1892–1948), политичар и један од војних заповедника Чехословачког корпуса у Русији током грађанског рата. По струци је био фармацеут, а једно време је био и војни лекар у српском добровољачком пуку. Вероватно одатле титула доктора.
- ⁶⁵ Др Момчило Нинчић (1876–1949), српски правник, политичар и дипломата, био министар у више влада Србије и Краљевине СХС, претседник Лиге народа. Телеграм је послао као министар трговине и индустрије у Влади Краљевине СХС, уместо С. Протића.
- ⁶⁶ Лука на Тихом океану.
- ⁶⁷ Град на реци Волги, око 250 km североисточно од Москве. Транспорт добровољаца је тада боравио на градској железничкој станици.
- ⁶⁸ Проглас је штампан у типографији „Научное дело“ у Петрограду. По садржају се види да је настао почетком 1918. године. Плакат се састоји од три колоне: прва је на екавици и ћирилици (овде објављена), друга је на ијекавици и латиници, а трећа на словеначком језику и латиници.
- ⁶⁹ Зачислить, рус. – уписати, ставити на списак.
- ⁷⁰ Спалајковић се обраћа амбасадору Француске да би добио сагласност за пријем тих официра, јер је снабдевање српске војске зависило од Антанте, која је могла да ставља примедбе на бројност и састав те војске.
- ⁷¹ Вокзал, рус. – железничка станица.
- ⁷² Женидби мајора Томе Павловића претходило је двобој сабљама са руским потпоручником Осиповим, због њиховог ривалства око руке Валентине Орлове, кћери руског генерала.

Видети: Москва-Србија Београд-Русија: документа и материјали, том 3, Друштвене-политичке и културне везе 1878–1917, Москва/Београд, 2012, стр. 478–480.

⁷³ Документ не садржи поменути прилог.

⁷⁴ Место на обали Белог мора, наспрам Соловјецких острва на Крајњем Северу европске Русије.

⁷⁵ Велики град на северозападу Русије, на обали Оњежског језера, главни град Републике Карелије.

⁷⁶ Место на крајњем северозападу Русије, уз границу са Норвешком.

⁷⁷ „Дисиденти“ су отпадници из Српског добровољачког корпуса формираног у Русији, било из националних, било из идеолошких или политичких разлога. Међу онима који „нису смели ићи на Солунски фронт“ могли би бити припадници организације Црна рука, јер су били под сумњом у вези са Солунским процесом Д. Димитријевићу Апису и другима.

⁷⁸ Прилога нема.

⁷⁹ Кина.

⁸⁰ „Војвода“ Владимир Михаиловић – Воскар, командир добровољачког коњичког одреда, који је под називом Краљевски српски партизански одред деловао под окриљем српског генералног конзулата у Сибиру. Видети: Милорадовић, Горан, Карантин за идеје. Логори за изолацију сумњивих елемената у Краљевини СХС 1919–1922, Београд, 2004, стр. 171–176 (у даљем таксту: Г. Милорадовић, Карантин за идеје...), или на руском: Милорадович, Горан, Карантин идей: Лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг., Москва, 2010.

⁸¹ Јован Д. Миланковић (1871–1936), генерални конзул Краљевине Србије најпре у Одеси, касније у Сибиру и Уралском крају.

⁸² Стеван С. Хаџић (1868–1931), генерал српске и југословенске војске. Био командант Прве добровољачке дивизије у Русији. У Краљевини Југославији био је четири пута министар војске и морнарице и на тој дужности је преминуо.

⁸³ О интернирању у Ваљево: Г. Милорадовић, Карантин за идеје... стр. 203–207.

⁸⁴ О интернирању на острва: Исто, стр. 207–210.

⁸⁵ Није постојао министар са тим презименом. Тада је министар унутрашњих послова био Светозар Прибићевић. Вероватно је неки други службеник потписао документ уместо министра.

⁸⁶ Мисли се на генерала Михаила Живковића, команданта Српског добровољачког корпуса у Русији.

⁸⁷ Мисли се на Михаила Родзјанка, једног од вођа Фебруарске револуције и председника Привременог комитета Државне думе.

⁸⁸ Божидар Ј. Јеремић – Србин из Срема, инжењер-механичар. Живео је пре револуције у Москви. Изабран је 7. јануара 1918. за последњег претседника Југословенског друштва у Москви. Напустио је Москву са супругом Надеждом (Пјатницка) поред осталих 168 српских држављана, када је 28. фебруара 1918. добио дозволу за то од комесара за инострана дела В.М. Фриче. Његова супруга Надежда, лекарка, преминула је 1918. у Томску на радном месту у војној болници. Б. Јеремић и његова малолетна ћерка су погинули следеће године у бродолому, покушавајући да преко Владивостока напусте Русију.

⁸⁹ Вицеконзул Краљевине Србије на Далеком истоку.

- ⁹⁰ Дисиденти – овде се мисли на бивше заробљенике, Србе, Хрвате и Словенце, отпаднике из Српског добровољачког корпуса у Русији.
- ⁹¹ Одговор на претходни телеграм: „Москва – Вологда. Прошу сообщить адрес, куда Вам посылать почту. Телеграммы у нас. Все благополучно. Полковник Лонткиевич“.
- ⁹² Тада је то био Лав Троцки.
- ⁹³ Милош Московљевић (1884–1968), српски лингвиста, филолог, политичар, министар. Јуна 1917. послала га је српска влада у Петроград да ради на државној пропаганди. Потом је био делегат Југословенског одбора у Русији, а касније је именован за инспектора српских избеглица.
- ⁹⁴ Та два пука су била међусобно политички супротстављена, јер представљају покушаје стварања посебних војних организација Срба и Хрвата, насупротив концепту заједничке војске и државе, који је прихваћен Крфском декларацијом 1917. године. Видети више: Армија без государства. От сербског к југославянском добровољеском корпусу в России во время Первой мировой войны. Сборник документов / Војска без државе. Од српског до југословенског добровољачког корпуса у Русији за време Првог светског рата. Зборник докумената, (приредили: Вишняков Ярослав, Тимофеев Алексей, Милорадович Горан). Москва, 2014.
- ⁹⁵ Истакнуто у извору.
- ⁹⁶ Др Иван Рибар (1881–1968), хрватски правник, адвокат и политичар, члан Демократске странке. Касније био учесник Народноослободилачке борбе, члан Комунистичке партије од 1942, председник Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије.
- ⁹⁷ Милан Прибићевић (1877–1937), био је пуковник Српске војске, књижевник и политичар. За посланика Уставотворне скупштине изабран је 1920. године, на листи Демократске странке.
- ⁹⁸ Овде и другде у документу доследно се пише репатрирање, а не репатрирање.
- ⁹⁹ Александар Василевич Колчак (1874–1920), руски адмирал, политичар, океанограф. У време грађанског рата био главнокомандујући руске армије и шеф привремене владе.
- ¹⁰⁰ Антон Иванович Деникин (1872–1947), руски генерал, политичар и писац. Током грађанског рата био командант белих трупа на југу Русије.
- ¹⁰¹ Фритјоф Нансен (нор. Fridtjof Nansen, 1861–1930), норвешки истраживач, дипломата и хуманитарни радник. Лига народа га је именовала за Високог комесара за избеглице и помоћ настрадалима. Организовао је повратак око пола милиона бивших ратних заробљеника из Русије у њихове земље.
- ¹⁰² О том одреду писао је у свом поверљивом извештају Н. Пашићу генерални конзул Краљевине СХС у Сибиру, Ј. Миланковић. Видети: Армија без государства... стр. 380.
- ¹⁰³ То су били транспорти које је организовао Ф. Нансен.
- ¹⁰⁴ У НБС фонд С. Смирнова (1877–1958), истакнутог инжењера, архитекте и организатора живота руске емиграције у Југославији није дефинитивно сређен и зато наводимо само назив фонда.
- ¹⁰⁵ У АС фонд Марије Агапове (Илић) (1895–1984) и Максима Агапов (1890–1973), руско-српског брачног пара, Московљанина и девојке из Српске Крајине, питомца Московског универзитета и питомице Руског женског института, педагога-психолога и прве жене полицајца у Србији, истакнутог лидера руског скаутског покрета и једне од пионири

српског феминизма није до краја сређен и зато наводимо само назив фонд. Овај пар имао је више различитих успеха и занимања. Марија је постала не само доктор права, већ и врсна библиотекарка и историчарка Београда, а Максим је био један од првих секретара југословенског Земгора – левичарске организације руске емиграције.

¹⁰⁶ Опћегитје, рус. – заједничко становање.

¹⁰⁷ Спортска хала.

¹⁰⁸ Подаци у ступцима IX, X, XII накнадно су мењани (смањени) јер је дошло до фактичког смањивања исплата и на нивоу колонија, али збир није промењен. Зато збир у овим ступцима није тачан. Исправан збир је: IX (105788), X (132650), XII (181385).

¹⁰⁹ Основные (начальные) школы с интернатами.

¹¹⁰ Данас је то Славјаносербск и друге области на истоку Украјине захваћене грађанским ратом.

¹¹¹ Александр Петрович Курчанинов (1861/1863–?), руски официр оружаних снага Југа Русије, евакуисан је на острво Лемнос 1920, а после у емиграцији у Србији. Аутор је књиге: Деда Рус Александр, Књига о братству Српског, Руског и Црногорског народа у прошлости, Ниш, 1936.

¹¹² 50 мл.

¹¹³ Бакшиш.

¹¹⁴ Јуриј Ракин (1882–1952), псеудоним Георгија Јонина (Георгий Львович Ионин). Завршио је Царску позоришну академију, наступао у представама К.С. Станиславског и В.И. Немирович-Данченка. У Београду је од 1920. године у Народном позоришту режирао преко стотину представа. У Нови Сад је прешао 1947, где је радио у Српском народном позоришту. Није јасно када је и где свечаност одржана, нити ко је, у одсуству Б. Николића, текст изговорио.

¹¹⁵ Др Иван Крстељ (1867–1949), хрватски политичар, један од вођа Странке права у Далмацији. Током 1918–1920. био је председник привремене Земаљске владе за Далмацију, а потом министар у влади Краљевине СХС.

¹¹⁶ Милорад Драшковић (1873–1921), српски политичар из Демократске странке, министар унутрашњих дела. После предаје те дужности убијен је у атентату који је у Делницама извршио комуниста Алија Алијагић.

¹¹⁷ Мирко Комненовић (1870–1941), српски политичар из Херцег Новог. Био је делегат Владе Краљевине Србије у Русију 1915–1919. У међуратном периоду био је народни посланик и министар физичког васпитања.

¹¹⁸ У ф. АС, МАА нема свеске бр. 1.

¹¹⁹ Стеван Хаџић (Београд, 19. фебруар 1868 – Београд, 23. април 1931). У фебруару 1916. године Врховна команда на Крфу издаје директиву пуковнику Хаџићу (постављајући га за команданта) за одлазак у Русију, ради формирања I српске добровољачке дивизије. Марта 1917. године, по завршеним операцијама у Добруци, именован је за војног изасланика у Румунији, где је остао све до 1919. године.

¹²⁰ А. Поповић, Ратни албум 1914–1918, Београд, 1926.

¹²¹ М. Агапов. Београдски Земгор (2 наставак).

¹²² Лебедев Владимир Иванович (1883–1956), руски револуционар, есер.

- ¹²³ Верешћак Семјон Иванович (1889–1937) – есер, револуционар.
- ¹²⁴ О улози руске емиграције у „албанској епизоди“ (1924–1925.) види у ф. пуковника Милете Здравковића у Историјском музеју Србије.
- ¹²⁵ Палата Извозне банке – данас Теразије 5.
- ¹²⁶ Иљин Иван (1883–1954), чувени руски филозоф.
- ¹²⁷ 5. децембра 1935. за пљачку стана Бајдалакова српска полиција је ухапсила доктора Леонида Леополдовича Линицког, капитана Ивана Андреевича Шкљарова, војног чиновника Дракина и Албина Николаевича Коморовског, секретара генерала Барбовича, начелника IV Одеа РОВС-а, а 12. децембра, ухапсила је и пристиглог из Беча совјетског курира Самуила Јаковљевича Иншлихта. Ово је био највећи неуспех обавештајне мреже НКВД-а у предратној Југославији.
- ¹²⁸ Ђенерал Ханри/Ханријево (данас Ђорче Петров).
- ¹²⁹ Михаил Павлович Чубинский (1871–1943). Син аутора украјинске химне. Професор Београдског универзитета. Један од оснивача руске масонске ложе Максим Ковалевски, која је носила име по великом обновитељу слободног зидарства у Русији почетка XX века. Након оснивања 1920. руска ложа Максим Ковалевски имала 12 чланова. Хашпен је од стране српске Специјалне полиције 19.11.1941., као масон те је спроведен у логор, где је све време био у логорској болници, коју је водио руски лекар Ф. Вербицки. На интервенцију СД је пуштен на слободу 05.01.1942. јер је „сарађивао са Немцима још 1918. као министар правде у влади Независне државе Украјине“, а касније „није имао делатности штетне по немачке интересе“. ИАБ, VdS-C-128; Берберова Н.Н. Люди и ложи, Харьков-Москва, 1997.
- ¹³⁰ Подвучено у извору.
- ¹³¹ Поред овог пасуса стоји напомена да га је посланик Спалајковић, преносећи Пашићеву изјаву Миљукову, у целини изоставио. Пашић га је за то овластио на крају овог писма. Разлог за скраћивање је вероватно помињање бившег цара Николаја II, као и неких ранијих потеза руске спољне политике. Спалајковић је боље од Пашића знао какво политичко расположење је тада владало у Петрограду. Овде и даље делови које је Спалајковић изоставио дати су курзивом.
- ¹³² Рајко Винтровић (1870–1935), правник и дипломата, српски генерални конзул у Солуну.
- ¹³³ Руске (а понекад и српске) дипломате су изразима „Максималистичка влада“ и „максималисти“ означавале бољшевице, сматрајући их за најрадикалнији део руског политичког спектра.
- ¹³⁴ Мисли се на одлуку Берлинског конгреса 1878. године и анексију Босне и Херцеговине од стране Аустроугарске 5. октобра 1908. године, после чега је наступила анексиона криза у односима са Србијом.
- ¹³⁵ Ставка верховног главнокомандующего – рус. Штаб врховне команде.
- ¹³⁶ Михаил Дмитријевич Бонч-Брујевич (1870–1956), генерал, доктор војних и техничких наука. Од краја новембра 1917. до краја јануара 1918. он је био први совјетски начелник штаба Врховне команде. Под руководством Лава Троцког је од 4. марта до 27. августа 1918. био војни руководилац Врховног војног савета Црвене армије.
- ¹³⁷ Николај Васиљевич Криленко (1885–1938), советски државни и партијски радник, главнокомандујући Руске армије после Октобарске револуције.
- ¹³⁸ Вероватно се мисли на мајора Војина Максимовића, који се децембра 1917. налазио у Петрограду, бавећи се организовањем транспорта добровољаца на Солунски фронт.

- ¹³⁹ Телеграм не носи датум, али би га, на основу његовог садржаја и историјског контекста, требало датирати на сам крај децембра 1917. године.
- ¹⁴⁰ Писмо је вероватно упућено мајору Војину Максимовићу.
- ¹⁴¹ Приказ, рус. – наредба.
- ¹⁴² Открытие Учредительнаго собрания, рус. – отварање Уставотворне скупштине, тј. Конституанте.
- ¹⁴³ Мирослав Спалајковић.
- ¹⁴⁴ Милан Ненадић, један од секретара српског посланства у Петрограду.
- ¹⁴⁵ Град на истоку Белорусије.
- ¹⁴⁶ Треба да стоји: Пајала. То је градић у Шведској, у близини Финске границе.
- ¹⁴⁷ Мисли се на председника српске владе, Николу Пашића.
- ¹⁴⁸ Део текста нечитак.
- ¹⁴⁹ Вероватно погрешан потпис. Српски посланик у Штокхолму презивао се Чолак-Антић.
- ¹⁵⁰ Станислав Винавер (1891–1955), српски књижевник и преводилац. Н. Пашић је јуна 1917. поручника Винавера послао у српско посланство у Петрограду, да помогне у информативном и дипломатском раду.
- ¹⁵¹ Вероватно је у питању професор Радослав С. Јовановић (1886–1949), историчар и дипломата.
- ¹⁵² Мисли се на стипендисте који су слати у Петроград на школовање. Спискови питомаца објављени су у: Москва – Србија / Београд – Русија: документа и материјали, том III, Друштвено-политичке и културне везе, 1878–1917, Београд/Москва, 2012, стр. 662–668.
- ¹⁵³ Д-р Драгољуб Дража Павловић (1866–1920), историчар, професор Београдског универзитета. Био је председник Привременог народног представништва Краљевине СХС од 24. фебруара 1919. до 22. октобра 1920. године.
- ¹⁵⁴ Стојан М. Протић (1857–1923), политичар и публициста, један од оснивача Народне радикалне странке. Био је председник владе Краљевине СХС од децембра 1918. до августа 1919. године.
- ¹⁵⁵ Интерпелацију је поднео народни посланик Социјалдемократске странке Југославије, Витомир Кораћ (1877–1941), који је био министар за социјалну политику у влади С. Протића од 7. децембра 1918. до 2. априла 1919, када је поднео оставку. У овој расправи он напада владу чији је члан донедавно био.
- ¹⁵⁶ Мисли се на краткотрајну (март – август 1919) Мађарску совјетску републику под вођством Беле Куна.
- ¹⁵⁷ У току је била Париска мировна конференција (18. јануар 1919–21. јануар 1920).
- ¹⁵⁸ „Радничке новине“ (1897–1941), после рата то је дневни лист, орган Социјалдемократске партије, а од априла 1919. Социјалистичке радничке партија комуниста.
- ¹⁵⁹ Антон Кристан (1881–1930), словеначки политичар, привредник, публициста. Као представник Социјалдемократске странке био министар шума и руда у две владе Љ. Давидовића, током 1919. и 1920.
- ¹⁶⁰ Јеврем В. Тадић био је писар у Посланству Краљевине Србије у Петрограду од 1912. године, а секретар од 1914. па све до евакуације посланства 1919. године.

- ¹⁶¹ Анте Трумбић (1864–1938), хрватски и југословенски политичар, најпре праваш, потом председник Југословенског одбора. Министар иностраних дела у неколико влада Краљевине СХС 1918–1920.
- ¹⁶² Миленко Веснић (1863–1921), српски политичар и дипломата, члан Народне радикалне странке, министар у више влада Србије и Краљевине СХС. Телеграм је послао као председник владе Краљевине СХС.
- ¹⁶³ Феликс Едмундович Ђержински (Feliks Dzierżyński, 1877–1926), професионални револуционар, совјетски политичар, оснивач и шеф ВЧК, министар у неколико ресора.
- ¹⁶⁴ Григориј Јевсејевич Зиновјев (1883–1936), професионални револуционар, совјетски политичар, први председник Исполкома Коминтерне.
- ¹⁶⁵ Мисли се на агентат који је комуниста Спасоје Стејић (1904–1943) покушао против регента Александра 28. јуна 1921. у Београду.
- ¹⁶⁶ Владимир Ћопић Сењко (1891–1939), био члан правашке организације „Млада Хрватска“, у Првом светском рату заробљеник у Русији, био у Српском добровољачком корпусу, потом бољшевик. После рата посланик у Уставотворној скупштини Краљевине СХС.
- ¹⁶⁷ Никола Ковачевић (1890–1964), учесник Балканских ратова и Првог светског рата, члан КПЈ од 1920, професионални партијски радник, посланик у Уставотворној скупштини Краљевине СХС.
- ¹⁶⁸ Познати немачки комунисти који су били убијени током послератних политичких обрачуна.
- ¹⁶⁹ Виктор Алексејевич Артамонов (1873–1942), руски генерал, био војни представник у Србији од 1909. до 1918. године. Током 1919. и 1920. у Београду представљао генерала Деникина, затим команданта Руске армије барона Врангела, а потом је служио у армији Краљевине СХС.
- ¹⁷⁰ Луј Франше д'Епере (Louis Franchet d'Esperey, 1856–1942), генерал, командант савезничких снага на Солунском фронту 1918. Касније маршал француске и почасни војвода српске и југословенске војске.
- ¹⁷¹ Д-р Михаило Гавриловић (1868–1924), историчар, државник и дипломата. Заступник министра иностраних дела Н. Пашића од 10. марта до 3. новембра 1918. године.
- ¹⁷² Д-р Милан Гавриловић (1882–1976), доктор права, министар, вођа Савеза земљорадника, дипломата, новинар, четник-добровољац 1912. Од јуна 1940. био је посланик Краљевине Југославије у СССР-у.
- ¹⁷³ Јован М. Јовановић Пижон (1869–1939), српски дипломата, политичар, министар, писац, оснивач Земљорадничке странке.
- ¹⁷⁴ Љубомир Давидовић (1863–1940), српски политичар, државник, оснивач и председник Демократске странке од њеног оснивања 1919. до 1940. године.
- ¹⁷⁵ Милан Грол (1876–1952), српски књижевник и политичар, дугогодишњи драматург и управник Народног позоришта у Београду. После 1940. године председник Демократске странке.
- ¹⁷⁶ Драгиша Цветковић (1893–1969), југословенски новинар, политичар и председник владе, оснивач партије Југословенска радикална заједница (ЈРЗ). Владимир Владко Мачек (1879–1964.), југословенски политичар, предводио је Хрватску сељачку странку после смрти Стјепана Радића.
- ¹⁷⁷ Д-р Александар Цинцар-Марковић (1889–1947), југословенски дипломата и министар спољних послова Краљевине Југославије од 1939–1941. године.

- ¹⁷⁸ Вук Драговић (1900–1974), српски новинар, радио за „Београдске новости“, „Време“ и „Политику“. Отпуштен је из „Политике“ 1938, из политичких разлога, а после рата је био уредник у том листу.
- ¹⁷⁹ Илија Шуменковић (1881–19??), четовао у Старој Србији 1905–1912, потом југословенски политичар и дипломата. Посланик па амбасадор у Анкари 1939–1945. године.
- ¹⁸⁰ Анатолиј Јосифович Лаврентијев (1904–1984), совјетски дипломата, током 1939. руководиоц Источноевропског одељења НКВД СССР, 1939–1940. опуномоћени представник СССР у Бугарској, а 1940–1941. у Румунији.
- ¹⁸¹ Василиј Николајевич Штрандтман (1873–1963), руски дипломата. Од 1919. посланик Колчакове владе у Краљевини СХС, после рата живео у Београду.
- ¹⁸² Вјачеслав Михаилович Молотов (1890–1986), руски револуционар, совјетски политичар и државник. Председник Владе СССР 1930–1941, министар иностраних послова 1939–1949. и 1953–1956.
- ¹⁸³ Виктор Андрејевић Плотников (1898–1958), совјетски дипломата. Од 26. јуна 1940. до 8. маја 1941. био опуномоћени представник СССР у Југославији.
- ¹⁸⁴ Оштећен документ, недостаје једна или две речи.
- ¹⁸⁵ С. Станојевић је са А. Белићем током 1916. и 1917. године боравио у Петрограду бавећи се пропагандним радом, по задатку српске владе.
- ¹⁸⁶ На документу стоји напомена архивисте: „Погрешно заведено! (Не постоји у пов. дел. протоколу за 1917)“. Направљена је грешка приликом датирања телеграма, јер збивања о којима је реч су из 1918. године. Московљевић није стигао у Русију пре лета 1917, тако да је документ из априла 1918. године.
- ¹⁸⁷ Нејасно је на коју меру се мисли.
- ¹⁸⁸ Безработне, рус. – незапослени.
- ¹⁸⁹ Тада је секретар српског посланства у Русији, Фотије Станојевић, отправљао послове из Вологде. Посланик Мирослав Спалајковић је управо тада напустио Русију.
- ¹⁹⁰ Илија Николајевич Голенишчев-Кутузов (1904–1969), руски и совјетски филолог, песник, преводилац, специјалиста за романску и словенску филологију.
- ¹⁹¹ Упитник је попуњен у време када се још није знало да Београдски универзитет неће радити током рата.
- ¹⁹² Александар Васиљевич Соловјев (1890–1971), слависта, хералдичар, нумизматичар, археолог, преводилац, професор историје словенског и византијског права на Правном факултету у Београду и Сарајеву.
- ¹⁹³ Ђорђе Тасић (1892–1944), редовни професор Правног факултета у Београду. Почетком рата био је декан Правног факултета, али је одбио да држи наставу под окупацијом. Гестапо га је ухапсио новембра 1941. и затворио у логору на Бањици. После другог хапшења стрељан је августа 1943. на Сајмишту.
- ¹⁹⁴ Декан је тада био професор Милош Трувунац (1876–1944), оснивач катедре за немачки језик и књижевност. Претходно, Трувунац је био министар просвете у Недићевој влади, од августа до октобра 1941. године. После ослобођења Београда стрељан је као сарадник окупатора.
- ¹⁹⁵ Владимир Алексејевич Мошин (1894–1987), руски историчар, филолог и свештеник Руске православне цркве.

- ¹⁹⁶ Министар финансија био је др Љубиша Микић.
- ¹⁹⁷ Велибор Јонић (1892–1946), професор немачког на Војној академији, министар просвете и вера у Влади народног спаса генерала Недића. После рата је осуђен и стрељан.
- ¹⁹⁸ У питању је пуковник Танасије Таса Динић (1891–1946), предратни политичар. Био је 1942–1943. министар унутрашњих послова, а затим министар социјалне политике у Влади народног спаса.
- ¹⁹⁹ Георгије Александрович Острогорски (1902–1976), професор историје Византије на Београдском универзитету и оснивач Византолошког института САНУ.
- ²⁰⁰ Драгослав Страњаковић (1901–1966), историчар, ванредни професор Београдског универзитета. Током рата био је члан Централног националног комитета, највишег политичког тела Југословенске војске у отаџбини, због чега је после рата осуђен на казну затвора.
- ²⁰¹ Мицић овде помиње југославенски народ, а касније у тексту и Југославију, иако се држава тада звала Краљевина Срба, Хрвата и Словенаца. То је израз његовог тадашњег идеализма и политичког опредељења, које је временом напустио. Касније, Мицић иступа као изразити српски националиста.
- ²⁰² Димитрије Сергејевич Мерешковски (1865–1941), руски књижевник, филозоф и историчар, после револуције емигрант у Паризу. Мерешковски је у штампи иступао против пружања помоћи гладнима у Русији, сматрајући да новац неће стићи до угрожених.
- ²⁰³ Љубомир Мицић (1895–1971), српски авангардни књижевник, 20-их година XX века уредник часописа Зенит и идеолог авангардног уметничког покрета зенитизам.
- ²⁰⁴ Зинаида Николајевна Хипијус (1869–1945), руска књижевница, после револуције емигранткиња у Паризу.
- ²⁰⁵ Погрешни иницијали. Треба да стоји: Д.С. Мерешковски.
- ²⁰⁶ Максим Горки (1868–1936), руски књижевник.
- ²⁰⁷ Анатолиј Васиљевич Луначарски (1875–1933), руски револуционар, политичар, писац и критичар.
- ²⁰⁸ Аркадиј Тимофејевич Аверченко (1881–1925), руски писац и позоришни критичар.
- ²⁰⁹ Анри Матис (Henri Matisse, 1869–1954), француски сликар, графичар и вајар.
- ²¹⁰ Иља Јефимович Рјепин (1844–1930), руски сликар.
- ²¹¹ „Лубок“ је типична руска реч, која означава чисте народне примитивне сликарије, а за које се не може рећи да су уметност. – ред[акција] (примедба редакције Зенита).
- ²¹² Пол Сезан (Paul Cézanne 1839–1906), француски сликар.
- ²¹³ Петар Петровић Кончаловски (1876–1956), руски и совјетски сликар.
- ²¹⁴ Михаил Фјодоровић Ларионов (1881–1964), руски авангардни сликар.
- ²¹⁵ Георгиј Богдановић Јакулов (1884–1928), руски авангардни сликар, графичар, сценограф.
- ²¹⁶ Казимир Северинович Маљевич (1878–1935), руски и совјетски сликар и теоретичар уметности.
- ²¹⁷ Владимир Евграфовић Татлин (1885–1953), руски и совјетски сликар, графичар и дизајнер.
- ²¹⁸ Василиј Васиљевич Кандински (1866–1944), руски сликар, графичар и теоретичар уметности.

- ²¹⁹ Олга Владимировна Розанова (1886–1918), руска авангардна сликарка.
- ²²⁰ Александар Михајлович Родченко (1891–1956), руски и совјетски сликар, графичар, скулптор, фотограф, сценограф.
- ²²¹ Наум Габо (Наум Борисович Певзнер, 1890–1977), руски и амерички авангардни скулптор и архитекта, теоретичар уметности.
- ²²² Давид Петрович Штеренберг (1881–1948), руски и совјетски сликар и графичар.
- ²²³ Аристарх Васиљевич Лентулов (1882–1943), руски и совјетски авангардни сликар и сценограф.
- ²²⁴ Александра Александровна Екстер (1882–1949), руска и француска авангардна сликарка, графичар, сценограф и дизајнер.
- ²²⁵ Всеволод Емиљевич Мејерхолд (нем. Karl Kasimir Theodor Meyerhold, 1874–1940), руски и сојветски позоришни режисер, глумцац и педагог.
- ²²⁶ Натан Исајевич Алтман (1889–1970), руски и совјетски авангардни сликар, скулптор и сценограф.
- ²²⁷ Иља Григорјевич Еренбург (1891–1967), руски и совјетски писац, критичар, преводацац и друштвени радник.
- ²²⁸ Ел Лисицки (Лазар Маркович Лисицки, 1890–1941), руски и совјетски сликар, архитекта, графичар, типограф и фотограф. Са својим учитељем К. Маљевичем основао је уметнички правац супрематизам.
- ²²⁹ Напомена уредништва ”Зенита”.
- ²³⁰ Ве Пољански је псеудоним Бранка Мицића (1897–1947), српског авангардног песника и сликара, члана уметничке групе ”Зенит”, млађег брата Љубомира Мицића.
- ²³¹ Марк Захарович Шагал (Моисеј Хацкељевич, 1887–1985), руски и француски сликар, графичар и сценограф јеврејског порекла.
- ²³² То је била прва изложба руске авангардне уметности у иностранству. Интересантно је да је Пољански већ 1922. године познавао неке од уметника који су тада излагали.
- ²³³ Ради се о чувеном (нереализованом) споменику Трећој интернационали. Тај пројекат је Љ. Мицића толико фасцинирао, да је цртеж споменика неколико пута објавио у свом часопису „Зенит“.
- ²³⁴ Булевар у Берлину, избија на Бранденбуршку капију која је симболички центар тог града.
- ²³⁵ Давид Давидович Бурљук (1882–1967), руски песник и сликар.
- ²³⁶ Ксенија Леонидовна Богуславскаја (1892–1971), сликар, графичар, сценограф, дизајнер и песник.
- ²³⁷ Александар Порфирјевич Архипенко (1887–1964), руски и амерички скулптор и сликар украјинског порекла.
- ²³⁸ Грешка у Каталогу. Портрет је урадио Михаило С. Петров.
- ²³⁹ Михаило Петров (1902–1983), српски сликар, графичар, песник, критичар и професор универзитета.
- ²⁴⁰ Напомена З. Маркуша, који је месецима одлазио код већ старог Мицића на разговоре о авангардној уметности: „После неколико месеци дао ми је тај каталог и ја сам фотокопирао одговарајуће странице. Сличан случај био је са свим документима, писмима и сл. Није

их давао из руку, тако да сам једва успевао у полумраку да их погледам и прочитам. После више месеци носио сам их кући“.

²⁴¹ Грешка З. Маркуша. Није била у питању Академија наука и уметности СССР, него Државна академија наука о уметности (Государственная Академия художественных наук, ГАХН). Био је то научни институт за проучавање уметности, који је деловао од 1921. до 1930. године.

²⁴² ВОКС –Свесавезно друштво за културне везе са иностранством (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, 1925–1958).

²⁴³ У изостављеном одломку било је речи о Ивану Голу и Михајлу Петрову, сарадницима ”Зенита” са којима је Мицић касније дошао у сукоб и нерадо их помињао.

²⁴⁴ Роман на француском језику: Mitsitch, L.[Ljubomir], Les Chevaliers de Montparnasse, Paris [1932].

²⁴⁵ Владимир Мајаковски је у Паризу и Ници боравио од средине октобра 1928. до краја априла 1929. године.

²⁴⁶ Драгомир Драгиша Васић (1885–1945), српски и југословенски политичар, академик, адвокат, књижевник и новинар.

²⁴⁷ Владислав С. Рибникар (1900–1955), новинар, учесник НОР-а, члан президијума АВНОЈ-а, директор „Политике“ и ТАНЈУГ-а, министар културе.

²⁴⁸ Сретен Стојановић (1898–1960), српски вајар, ликовни критичар, професор Ликовне академије у Београду и члан САНУ.

²⁴⁹ Милан Предић (1881–1972), српски драматург, позоришни и ликовни критичар и преводилац, директор Народног позоришта у Београду.

²⁵⁰ Бранко Гавела (1885–1962), хрватски редитељ и театролог, директор драме у Хрватском народном казалишту у Загребу.

²⁵¹ Централный музей художественной литературы, критики и публицистики Наркомпроса РСФСР.

²⁵² Валеријан Савелевич Довгалевски (1885–1934), совјетски дипломата, народни комесар поште и телеграфа РСФСР, амбасадор у Француској.

²⁵³ Константин Фотић (1891–1959), правник, југословенски дипломата, посланик у Вашингтону од 1935.

²⁵⁴ Владимир Дмитријевић Бонч-Брујевић (1873–1955), совјетски политичар, доктор историјских наука, етнограф и писац.

²⁵⁵ Вук Драговић (1900–1974), српски новинар, радио за „Београдске новости“, „Време“ и „Политику“. Отпуштен је из „Политике“ 1938. из политичких разлога, а после рата је био уредник у том листу.

²⁵⁶ Документ је вероватно преписан из архиве дневног листа „Политика“. У питању је рукопис вести која није објављена 20. августа 1940, јер власти нису одобриле оснивање друштва.

²⁵⁷ Божидар Бошко Бећаревић (1910–1950), шеф IV „антикомунистичког“ одсека Специјалне полиције Управе града Београда за време Другог светског рата. Осуђен је као ратни злочинац.

²⁵⁸ Документ је због уштеде простора дат са скраћењима.

²⁵⁹ Сениша Станковић (1892–1974), српски биолог, професор Београдског универзитета, члан САНУ, директор Биолошког института Србије.

- ²⁶⁰ Д-р Лазар Генчић (1868–1942), српски лекар, пуковник, начелник санитета Врховне команде Србије 1912–1916.
- ²⁶¹ Филм Г. Александрова „Пастир Костја“ („Веселые ребята“, 1934) је много пута поменут у овом и наредном тексту, јер је својом популарношћу омогућио продор совјетског филма на тржиште Југославије. Та музичка комедија постала је мерило квалитета за генерације филмских гледалаца у Југославији.
- ²⁶² Према неким сведочењима, „Чапајев“ је био омиљени совјетски филм Јосифа Стаљина и Јосипа Броза Тита. Видети: Милорадовић, Горан, „Два филмска гледаоца: Стаљин и Тито, у: Зборник радова са Међународног округлог стола: Тито – Стаљин (Београд 25. октобар 2006), Београд, 2007, стр. 185–186.
- ²⁶³ Микаџ је, очито, сматрао да се ради о две особе! У питању је руски писац и новинар Михаил Салтиков-Шчедрин (1826–1889). Његово презиме је Салтиков, а псеудоним Николај Шчедрин.
- ²⁶⁴ Пре 1927. године совјетски филмови нису увожени у Југославију. Називи филмова у табели дати су у српском преводу, јер често није било могуће утврдити о ком совјетском филму се ради. Југословенски дистрибутери филма су из комерцијалних разлога смишљали називе за које су сматрали да ће бити привлачни домаћем гледаоцу, али који често немају много везе са оригиналним називима тих дела.
- ²⁶⁵ У прилогу овом документу постоји и Правилник Друштва који наводи следеће целеве постојања Друштва: „а) уједињење свих поштовалаца успомене Цара Николе Александровића; б) подизање икона Светитеља и Чудотворца Николаја са неугасним кандилама посвећеним успомени Цара-Мученика у православним црквама, као и подизање капела и споменика посвећених Његовом Светлом Имену; в) уређење стипендија (новчане потпоре) за успомену Цара Николе у школским заводима; г) отварање бесплатних кредита за успомену Цара Николе у болницама и опоравилиштима; д) прикупљање података о животу, влади и мученичкој смрти Цара Николе; е) штампање књига и брошира, посвећених успомени Цара Николе, Његовом животу и раду у корист Русије и Словенства, на руском, српском и страним језицима; е) борба путем штампе, јавних предавања и т.д. противу непријатеља Русије, Монархије и Словенства и њихових клеветничких напора, који имају циљ да оцрне име Цара Николе, Царице Александре и Царског Дома; ж) помагање и потпоре свим организацијама и појединцима, који имају сличне циљеве и задатке; з) а такођер путем других начина који буду одобрени од стране Скупштине Друштва“.
- ²⁶⁶ О. Владислав (Некљудов) (1899–1949) – свештеник цркве Св. Тројице у Београду од 1924.
- ²⁶⁷ Тыпек Петр Иванович (1889–1989).
- ²⁶⁸ Односно после почетка Априлског рата и бомбардовања Београда 6. априла 1941.
- ²⁶⁹ Светиње су биле сакривене у манастиру Св. Василија Острошког. УДБ-а их је однела 1951. из манастира. Временом оне су се нашле у локалном музеју. СПЦ је успела да добије две светиње 1993, и сместила их је у манастиру Св. Петра Цетињског. Икона Богородице Филермске се и дан-данас налази у музеју на Цетињу.
- ²⁷⁰ Архиепископ Серафим је 12. јула 1941. године написао митрополиту да његов долазак у Берлин не изазива противљење у министарству вера Рајха. Ипак, до путовања није дошло услед забране са стране немачких власти.
- ²⁷¹ „Ми“ – вероватно се мисли на архиепископа Гермогена (Максимова) и архиепископа Феофана (Гаврилова).
- ²⁷² Не објављујемо тај прилог.

- ²⁷³ Бугарска влада није дозволила то путовање архиепископа Серафима из Софије.
- ²⁷⁴ Данил Павлович Драценко (1876–1945), руски царски официр, учесник грађанског рата, официр Руског заштитног корпуса.
- ²⁷⁵ Подвучено у оригиналу.
- ²⁷⁶ Послератна истраживачи из СПЦ су сматрали да су четворицу руских свештеника у НДХ убили усташе (о. Бориса Муљева у августу 1941. код Слуња, о. Андреја Семилуцког у октобру 1941. код Пакраца, о. Ивана Књажева у децембру 1941. код Брчког, о. Михаила Гутовског 7. јануара 1942. код Карловца): Споменица православних свештеника – жртва фашистичког терора и палих у народноослободилачкој борби, Београд, 1960. Жртве пале од руку партизана (рецимо 6 руских свештеника у околини Браничева) споменица не наводи, али и не приписује „народним непријатељима“.
- ²⁷⁷ Касније је постао архиепископ РПЦ(з) Никон (Рклицки) (1892–1976).
- ²⁷⁸ У оригиналу има више избрисаног и исправљеног текста који преносимо.
- ²⁷⁹ Уместо тога је написано: Исакијевски сабор.
- ²⁸⁰ Објављивано у књизи: Јаковљевић Р., Руси у Србији, Београд, 2004.
- ²⁸¹ Изостављен је из ове публикације.
- ²⁸² Изостављен је из ове публикације.
- ²⁸³ Изостављен је из ове публикације.
- ²⁸⁴ Изостављен је из ове публикације.
- ²⁸⁵ Изостављен је из ове публикације.
- ²⁸⁶ Изостављен је из ове публикације.
- ²⁸⁷ Аполон Григорјевич Загребин, пуковник, командант 11-те јуришне инжењерске бригаде.
- ²⁸⁸ У својим белешкама В.Влаховић је дао пластични приказ свог схватања националног питања у Русији „Из Уфимске библиотеке добио сам књигу Ремезова "Цртице из живота дивље Башкирије". Читајући Лењинову студију "Развитак капитализма у Русији", видио сам колико се Лењин одушевио овом књигом. Због тога, а и због јаснијег схватања развитка Башкирије био сам упоран у потрази за књигом. Књига се лако чита али оставља тежак утисак. Колико грубости према Башкирским сељацима, какав нељудски однос према њима. У Лењиновом музеју у Уфи чува се његова забелешка, кратка оцјена књиге. Ево шта Лењин каже: "Живи опис тога како су 'колонизатори' сваљивали дрво за изградњу градова и претварали поља 'очишћена' од 'дивљих' Башкира у 'пшеничне фабрике'. То је такво парче националне политике које ће издржати упоређење с каквим било подвизима Њемаца у некаквој Африци". АЈ, ЦК СКЈ, ЛФВВ, II/3-35.
- ²⁸⁹ Поглавља 7. и 8. су изостављени.
- ²⁹⁰ У својим белешкама В. Влаховић је дао и бројчану карактеристику Југословенске бригаде у СССР-у: „Одлука владе СССР-а о формирању 17. новембра 1943. Засебан батаљон 1200 људи. Посебна артиљеријска батерија. Топови 76 мм. Резервна чета. Командант Месић. Помоћник за морално-политичко васпитање Георгијевић. Нач. штаба Милутин Перишић. Бригада је почетком маја 1944. бројала око 2.000 бораца, 46 топова и минобачача, 32 противтенковска оруђа, 96 митраљеза, 344 активиста, 1250 пушача...“ АЈ, ЦК СКЈ, ЛФВВ, II/3-54.
- ²⁹¹ СС-поручник Герхард Хубнер.

- ²⁹² СС-подофицир Адолф Деуерлер.
- ²⁹³ Горски штаб 67 – Крајински четнички корпус је основан 1942. године у Источној Србији чији је командант био Велимир Пилетић. Корпус је бројао око 5.000 бораца, а састајао се од 5 бригада: Поречка, Кључка, Брзопаланачка, Голубачка и Звишка бригада.
- ²⁹⁴ Руски заштитни корпус.
- ²⁹⁵ Командант места поручник.О. Огњановић је саставио списак руса из РЗК, који су прешли на страну ЈВуО: „Животовски Коста, год. рођ. 1898. Кубанска област, радни рудар. У Југославији од 1921. године; Симеон Земцов, год. рођ. 1901. Кубанска област, надзорник рудника. У Југославији од 1921 год; Шиловски Евгеније, 1880 год. рођ. Москва, машински инж. и грађевински. У Југославији од 1923 г.; Петар Дурников, рођ. у Кубанској области, по занимању рудар. У Југославији од 1921 год“ (ВА, ф. ЈВуО, к. 128, 9/13).
- ²⁹⁶ Оригинал је написан на руско-српској мешавини великим словима на српској ћириличној машини и има неколико нечитљивих места јер је папир веома изгледео, а преживео је и неуспешну конзервацију.
- ²⁹⁷ Податак за датирање настанка документа.
- ²⁹⁸ После ослобођења Београда осенью 1944 г. от немцев в жизни русской эмиграции произошли перемены. Около трети русских уехало, оставшиеся подвергались массовым арестам. Русские учреждения и школы были закрыты. Но взрослые еще пытались организовывать обучение своих детей частным образом, организовывая для них курсы русского языка. Тетрадь сочинений одной из таких групп сохранилась в семейном архиве Д. Воронца.
- ²⁹⁹ Ускрс је 1945. године био 6. маја, по новом календару.

ИЗЪ
БИБЛИО-
ТЕКИ

С. СМІРНОВА: N° 110

Перечень документов
/ Списак докумената

17. **ебруара 1917.** Писмо Главног Државног Рачуноводства Министарства Финансија Краљевине Србије српском посланику М. Спалајковићу у вези стипендирања српских семинариста у Русији 816
21. **ебруара 1917.** Писмо митрополита Србије Димитрија српском посланику М. Спалајковићу у вези наставка студија српских семинариста у Русији 820
25. **ебруара 1917.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском министру иностраних дела Н. Пашићу о аудијенцији кнегиње Јелене код цара Николаја II и царевом одликовању добровољца потпоручника Л. Ловрића 499
6. **марта 1917.** Извештај српског генералног конзула у Одеси М. Ђемовића српском министру иностраних дела Н. Пашићу о политичком стању у Русији после Фебруарске револуције, с обзиром на српско и југословенско национално уједињење и пропагандни рад у Русији 500
9. **марта 1917.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском министру иностраних дела Н. Пашићу о лажним гласинама да су српски војници пуцали у руски народ за време револуције у Петрограду 554
10. **марта 1917.** Поверљиве инструкције српског министра иностраних дела Н. Пашића српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу у вези са будућим односима према новом руском министру иностраних дела П.Н. Миљукову (концепт) 708
10. **марта 1917.** Нота српског министра иностраних дела Н. Пашића упућена као одговор на циркуларно писмо руског министра иностраних дела П.Н. Миљукова, којим је српска влада званично обавештена о промени власти у Русији (концепт) 709
10. **марта 1917.** Телеграм српског министра војног, генерала Б. Терзића, којим обавештава српски МИД о аудијенцији српског војног изасланика у Русији пуковника Б. Лонткијевића код бившег цара Николаја II Романова 508
12. **марта 1917.** Телеграм српског министра војног, генерала Б. Терзића, којим се обавештава председник српске владе Н. Пашић о стању у руској војсци после Фебруарске револуције 509
14. **марта 1917.** Телеграм којим се престолонаследник Александар и председник српске владе Н. Пашић саглашавају да признају нову револуционарну владу у Русији 711
15. **марта 1917.** Телеграм српског посланика М. Спалајковића српском Министарству спољних послова на Крфу у вези семинариста Драгољуба Ђонића и др. 818
22. **марта 1917.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о томе да се однос нове, револуционарне руске владе према Србији неће мењати 711
25. **марта 1917.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о признавању привремене владе у Русији и текстови поздравних говора М. Спалајковића и руског министра иностраних дела П.Н. Миљукова 712
27. **марта 1917.** Телеграм којим М. Спалајковић јавља српском МИД-у садржаје поздравних говора које су чланови југословенске делегације разменили са председником руске владе Г.Ј. Лавовим и председником Државне думе М.В. Родзјанком 510
27. **марта 1917.** Телеграм којим М. Спалајковић јавља српском МИД-у садржаје апела који су чланови југословенске делегације предали председнику руске владе Г.Ј. Лавову и председнику Државне думе М.В. Родзјанку 511
10. **а р ла 1917.** Генерални конзул Краљевине Србије у Одеси М. Ђемовић предлаже српском МИД-у отварање новог конзулата у Москви да би се парирало деловању хрватског друштва “Крижанић” 512
10. **а р ла 1917.** Српски министар финансија М. Нинчић српском министру иностраних дела Н. Пашићу о преласку Српског добровољачког корпуса на руски буџет 530
12. **а р ла 1917.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском конзулу у Одеси М. Ђајновићу (тада у Москви) о евакуацији српске деце избегле у Русију 750
- 30 **а р еља 1917 г.** Из заявления ст. врача 4-го полка 1-й Сербской армии, члена РСДРП(б)

Гавриила К. Константиновича в Совет офицерских и солдатских депутатов о фактах деморализации и разложения сербской армии в 1916–1917 гг. 242

1. маја 1917. Телеграм заступника секретара српског генералног конзула у Москви И. Вукосављевића српском посланству у Петрограду у вези ослобођења семинариста од регрутске обавезе 818

19. маја 1917. Телеграм српског посланства у Хагу српском МИД-у у вези вести о хапшењу команданта српске добровољачке дивизије у Одеси од стране војничког комитета 713

6. јуна 1917. Писмо архимандрита српског подворја Михаила српском посланику М. Спалајковићу у вези развоја ситуације у Русији 819

16. јуна 1917. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о изборима за Велику народну скупштину у Русији и о писању новина «Вечерње време» о руско-српско-бугарским односима 1915. године 512

15. августа 1917. Извештај српског конзула у Одеси М. Ђемовића српском МИД-у о положају деце српских избеглица у Русији и проблемима са њиховим смештајем, издржавањем и школовањем 746

5. се тембра 1917. Писмо митрополита Србије Димитрија српском посланику М. Спалајковићу у вези стипендирања српских семинариста у Русији 820

7. октобра 1917. Одговор српског министра спољних послова Н. Пашића српском посланику М. Спалајковићу у вези српских семинариста у Русији 821

1. новембра 1917. Телеграм руског посланства на Крфу којим се српски МИД обавештава о ставу руског посланства у Вашингтону да не призна нову бољшевичку власт 714

11. новембра 1917. Акт којим српски МИД обавештава српско Министарство просвете да је на црквеном сабору у Москви решено да се установи патријаршија у Руској православној цркви и да је за њеног поглавара изабран митрополит Тихон 821

13. новембра 1917. Извештај Министарства просвете и црквених дела канцеларији Београдске митрополије о избору руског патријарха Тихона 822

17. новембра 1917. Телеграм српског министра унутрашњих дела Ђ. Јовановића српском министру иностраних дела Н. Пашићу у Париз поводом објављивања тајних међудржавних уговора од стране бољшевичке владе и реаговања руских дипломатских представника на тај поступак 513

18. новембра 1917. Телеграм са упутством председника српске владе Н. Пашића поводом изјаве руског отправника послова у Паризу Б.П. Пелехина о тајним међудржавним уговорима које су бољшевици објавили по заузимању власти у Петрограду 514

18. новембра 1917. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића упућен српском министру иностраних дела Н. Пашићу у Париз о односу дипломатског кора у Петрограду према бољшевицима који су с Немачком отпочели преговоре о примирју 514

30. новембра 1917. Честитка митрополита Србије Димитрија сверуском Патријарху Тихону због избора 823

4. децембра 1917. Писмо председника Југословенског друштва у Москви А. Настовића српском посланству у Петрограду у вези са решавањем формалног статуса Срба, Хрвата и Словенаца који су се као заробљеници налазили у Русији 555

9. децембра 1917. Рапорт команданта II бригаде I добровољачке дивизије СХС, пуковника М. Станковића, српском војном изасланику у Петрограду, мајору В. Максимовићу, у вези са транспортом добровољаца за Солунски фронт преко Мурманска 531

15. децембра 1917. Извештај команданта II бригаде I добровољачке дивизије СХС пуковника М. Станковића српском посланству у Петрограду о бројном стању, ешалонском распореду јединице и припремама за њен транспорт преко Сибира за Порт-Артур 532

20. децембра 1917. Телеграм српског министра иностраних дела Н. Пашића поводом тајних међудржавних уговора које су бољшевици објавили по заузимању власти у Петрограду и «Меморандума» народних посланика Т. Кацлеровића и Д. Поповића 515

23. децембра 1917. Телеграм команданта II бригаде I добровољачке дивизије СХС пуков-

ника М. Станковића српском министру војном, генералу Б. Терзићу, у Солун о поласку његове бригаде из Јарославља ка Порт-Артуру и о односима са руском војском и народом 536

25. децембра 1917. Поверљиве инструкције српског министра иностраних дела Н. Пашића српском посланству у Петрограду да нађу угледног Босанца и Херцеговца који би код народног комесара иностраних дела Л.Д. Троцког протестовали због аустроугарске анексије Босне и Херцеговине против воље њених становника 715

29. децембра 1917. Писмо којим српски војни изасланик у Москви пуковник Б. Лонткијевић јавља српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу о разговорима које је водио са начелником бољшевичке Врховне команде, генералом М.Д. Бонч-Брујевичем 716

ра децембра 1917. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића команданту II бригаде I добровољачке дивизије СХС пуковнику М. Станковићу у Јарослављ о разговорима који су вођени са народним комесаром иностраних дела РСФСР Л.Д. Троцким 717

31. децембра 1917. Приватно писмо српског војног изасланика у Москви пуковника Б. Лонткијевића извесном Војину у српском посланству у Петрограду о разговору који је водио са главнокомандујућим Врховне команде Н.В. Криленком у вези политике бољшевика према Србији 718

9. јануара 1918. Телеграм српског потпуковника С. Маринковића упућен српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу о примању тројице руских официра у добровољачки корпус СХС и послаников одговор 539

11. јануара 1918. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у у вези са протестом који шефови савезничких војних мисија у Русији упутили бољшевичким властима су због немачког непоштовања услова примирја закљученог између Русије и њентралних сила 720

11. јануара 1918. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском министру војном, генералу Б. Терзићу, о плановима за формирање њрвене армије 719

19. јануара 1918. Писмо председника управе Југословенског друштва у Москви Б. Јеремића српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу у вези могућности заједничког рада на организовању и заштити југословена, ратних заробљеника у Русији 556

19. јануара 1918. Писмо председника Југословенског друштва у Москви Б. Јеремића српском посланству у Петрограду са предлозима за организовање и заштиту југословена, ратних заробљеника у Русији (у прилогу: пуномоћје, списак заробљеника у Москви и три поздравне депеше) 559

30. јануара 1918. Телеграм српског министра иностраних послова Н. Пашића српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу у вези примања нових официра у српску војску 540

31. јануара 1918. Писмо Привременог управног одбора Југословенског друштва у Москви српском посланству у Петрограду са предлозима за организовање и заштиту југословена, ратних заробљеника у Русији 563

31. јануара 1918. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића француском амбасадору у вези могућности да се у српску војску примају бивши руски официри српске националности 541

Јануар 1918. Проглас Југословенског друштва у Петрограду са почетка 1918. године, којим се позивају Срби, Хрвати и Словенци, ратни заробљеници у Русији, да се као добровољци прикључе српским трупима на Солунском фронту 536

4. ебруара 1918. Телеграм српског министра иностраних послова Н. Пашића српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу у вези са могућношћу пријема нових официра у српску војску и послаников одговор министру 541

8. ебруара 1918. Телеграм српског министра иностраних послова Н. Пашића којим овлашћује српског конзула у Одеси М. њајновића да води бригу о српским избеглицама у Русији и школи за њихову децу 748

- 13. ебруара 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о кнегињи Јелени и предстојећем потписивању Брест-Литовског мира 516
- 18. ебруара 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о последицама потписивања Брест-Литовског мира по унутрашње стање у Русији и политику Антанте према Русији 518
- 18. ебруара 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о ситуацији у Русији у време немачког наступања 520
- 18. ебруара 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о догађајима који се очекују у Русији после потписивања Брест-Литовског мира 519
- 20. ебруара 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Хелсинкију) послат српском МИД-у, о припремама бољшевика за ратификацију Брест-Литовског мира и престојећој евакуацији савезничких дипломатских мисија и српског посланства у \boxtimes ведску 520
- 22. ебруара 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Тампереу) послат српском МИД-у, о ситуацији у Русији у време немачког наступања 521
- 22. ебруара 1918.** Новински чланак, који је пренео српски Пресбиро, о догађају у Петрограду, када је на дипломатском пријему српски посланик М. Спалајковић изврешао В.И. Лењина због потписивања Брест-Литовског мира и иступања Русије из рата 517
- 2. марта 1918.** Телеграм секретара српског посланства у Петрограду Ф. Станојевића, којим српском посланику М. Спалајковићу јавља у Пајалу у \boxtimes ведској садржај разговора који је водио са заступником комесара за иностране послове РСФСР \boxtimes уквим 721
- 5. марта 1918.** Телеграм српског министра војног, генерала Б. Терзића, којим се одобрава женидба српског мајора Т. Павловића и руске држављанке В. Орлове и одговор српског посланика у Петрограду М. Спалајковића 543
- 16. марта 1918.** \boxtimes ифровани телеграм српског војног представника у Русији, пуковника Б. Лонткијевића, српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу о стању српских трупа у Русији после Брест-Литовског мира 565
- 21. марта 1918.** Телеграм српског војног представника у Русији пуковника Б. Лонткијевића из Вологде српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу о статусу српских добровољаца у Русији 542
- 29. марта 1918.** Писмо Средишњег одбора Уједињене Југословенске омладине у изгнанству упућено српској влади у вези положаја југословенских студената у Русији током рата 749
- 23. а р ла 1918.** Телеграм српског конзула у Одеси М. \boxtimes ајновића српском посланству у Петрограду (тада у Вологди) којим јавља да је српски министар војни, генерал Б. Терзић, одобрио венчање српског мајора Т. Павловића и руске држављанке В. Орлове 543
- 25. а р ла 1918.** Телеграм кнегиње Јелене из Вјатке (данас Киров) српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу (тада у Вологди) и његов одговор кнегињи 522
- 25. а р ла 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Вологди) послат српском МИД-у, о интернирању руске царске породице у Јекатеринбург, о чему му је јавила кнегиња Јелена 522
- 25. а р ла / 8. маја 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о слању добровољачких ешалона на Солунски фронт 545
- 12. маја 1918.** Меморандум инспектора српских избеглица, професора М. Московљевића, и његовог помоћника Д. Костића, упућен српском посланику у Петрограду М. Спалајковићу, у вези са стањем српских избеглица у Сибиру и могућностима да им се помогне 750
- 15. маја 1918.** Телеграм којим министар војни, генерал Б. Терзић, српском МИД-у преноси вест да је у Русији убијен припадник организације \boxtimes рна рука“ пуковник А. Срб 523

- 25. маја 1918.** Пуномоћје које је српски посланик у Петрограду М. Спалајковић (тада у Вологди) издао професору М. Московљевићу, именујући га за инспектора српских избеглица у Русији, са описом његових дужности и овлашћења 522
- 28. маја 1918.** Писмо мајора Т. Павловића српском посланству у Петрограду о његовим приходима и телеграм посланика М. Спалајковића српском министарству војном о истој теми 544
- 1. јуна 1918.** Телеграм српског посланства у Петрограду (тада у Вологди) српском министру иностраних дела Н. Пашићу, о покушају Антанте да српске добровољце у Русији употреби за борбу против немачких трупа у наступању 523
- 5. јуна 1918.** Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Вологди) српском МИД-у којим јавља да РСФСР отказује телеграфску конвенцију са Краљевином Србијом из 1903. године 721
- 9. јуна 1918.** Телеграм српског посланства у Лондону којим се српском МИД-у преноси резиме извештаја професора Р. Јовановића из Мурманска, у коме се описује стање у Русији 524
- 24. јуна 1918.** Извештај команданта Допунског батаљона СХС, потпуковника С. Маринковића, српском војном изасланику у Русији о транспортовању добровољаца на Солунски фронт и односима са представницима Антанте у Мурманској области 549
- 25. јуна 1918.** Извештај команданта Допунског батаљона СХС, потпуковника С. Маринковића, српском војном изасланику у Русији, пуковнику Б. Лонткијевићу, о односима српских трупа са представницима Антанте и стању у Мурманској области 545
- 27. јуна 1918.** Извештај команданта Допунског батаљона СХС, потпуковника С. Маринковића, српском војном изасланику у Русији, пуковнику Б. Лонткијевићу, о транспортовању добровољаца на Солунски фронт и положају преосталих српских трупа у Мурманској области 548
- 27. јуна 1918 г.** Телеграмма комиссара ☒ таба Беломорског военного округа Р.П. Куликова наркому по военным и морским делам Л.Д. Троцкому с просьбой дать указание о дальнейшем пребывании сербского отряда в Архангельске 108
- 7. јула 1918.** Акт српског МИД-а упућен српском Министарству просвете, о броју и положају српске деце избеглица у Русији и могућностима да она буду пребачена у Америку 758
- 11. јула 1918.** Предлог епископа Велешко-Дебарског Варнаве ☒ рквеном одељењу Министарства Просвете и ☒ рквених Послова Краљевине Србије о откупу ствари, одела и књига од руских манастира у Св. Гори 823
- 18. јула 1918.** Телеграм српског министра иностраних дела Н. Пашића српском конзулу у Одеси М. ☒ ајновићу (тада у Кандалакши) о кнегињи Јелени и њеној породици 525
- 18. јула 1918.** Акт српског министра војног, генерала М. Рашића, упућен заступнику министра иностраних послова С. Протићу, у вези са статусом и местом боравка руског војног агента при српској Врховној команди генерала В.А. Артамонова 736
- 19. јула 1918.** Акт српског министра војног, генерала М. Рашића, упућен заступнику српског министра иностраних дела С. Протићу, у вези са тражењем Антанте да се француском батаљону у Сибиру ставе на располагање бивши припадници Српског добровољачког корпуса који се налазе у ☒ ангају и одговор српске владе 550
- 21. јула 1918.** Предлог епископа Велешко-Дебарског Варнаве митрополиту Србије Димитрију, на Крф о откупу ствари, одела и књига од руских манастира у Св. Гори 824
- 24. јула 1918.** Телеграм српског председника владе Н. Пашића из Француске српском МИД-у, којим се саглашава са решењем српске владе у вези са статусом и местом боравка руског војног представника при српској Врховној команди, генерала В.А. Артамонова 738
- 27. јула 1918.** Писмо грофа В. Бобринског митрополиту Димитрију да се заузме за ослобађање митрополита Антонија Храповицког и руских архијереја из пољског заробљеништва 825

5 августа 1918 г. Представление генерального консула Сербии > ована Миланковича в Совет министров Временного сибирского правительства о создании отдельного югославянского Добровольческого корпуса на территории Сибири под чешским командованием 79

22. августа 1918. Телеграм српског МИД-а српском посланству у Паризу којим их обавештавају да је руски отправник послова на Крфу сагласан да руски војни представник при српској Врховној команди, генерал В.А. Артамонов, дође у руско посланство 739

29 августа 1918 г. Доклад товарища министра иностранных дел Временного сибирского правительства М.П. Головачева в Совет министров по поводу представления о создании югославянского Добровольческого корпуса, внесенного генеральным консулом Сербии > ованом Миланковичем 82

29. августа 1918. Телеграм српског посланика у ☒ токхолму Б. Чолак-Антића српском МИД-у у вези са хапшењем чланова српске војне мисије у Русији и претње њиховим стрељањем 722

31. августа 1918. Телеграм српског посланика у ☒ токхолму Б. Чолак-Антића српском МИД-у у вези са хапшења и пуштања из затвора српског војног изасланика у Русији пуковника Б. Лонткијевића и других особа 722

31. августа 1918. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Архангелску) српском МИД-у у вези са изолацијом страних посланстава од њихових војних и конзуларних представника у Русији, коју спроводе большевици 723

1. се тембра 1918. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о убиству бившег цара Николаја II 526

4. се тембра 1918. Телеграм српског посланика у ☒ токхолму Б. Чолак-Антића српском МИД-у у вези са претресом просторија српског посланства у Петрограду и конфискацијом новца од стране большевика 724

9. се тембра 1918. Телеграм којим се српски министар финансија С. Протић распитује код српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Архангелску) о кнегињи Јелени и послаников одговор 526

15. се тембра 1918. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића српском МИД-у о затварању српских дипломатских представника у Москви пуковника Б. Лонткијевића и М. ☒ ајновића 724

21. се тембра 1918. Телеграм којим се, путем српског МИД-а, краљ Петар I Карађорђевић распитује код српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Архангелску) о својој кћери кнегињи Јелени и њеној деци и послаников одговор 527

16. октобра 1918. Уверење о статусу командира Краљевског српског партизанског одреда у Сибиру, ☒војводе“ В. Михајловића Воскара, издато од стране српског генералног конзула у Сибиру Ј. Миланковића 551

22. октобра 1918. Телеграм српског посланика у Петрограду М. Спалајковића (тада у Архангелску) српском МИД-у којим јавља да большевици држе кнегињу Јелену као таоца у Јекатеринбургу 528

30. октобра 1918. Извештај о стању у редовима добровољаца Срба, Хрвата и Словенаца, који је председник Југословенског националног савета у Русији Б. Јеремић поднео Свердловској привременој влади у Омску 567

11. новембра 1918. Телеграми српског вицеконзула у Владивостоку В. Андоновића о вестима које је прикупио о кнегињи Јелени и корацима које је предузео за њено ослобађање од большевика 528

31 октябрия / 13 ноября 1918 г. Письмо > ована Миланковича в МИД Всероссийского временного правительства с сообщением о полученной телеграмме, подтверждающей его полномочия в качестве дипломатического представителя Сербского королевского правительства в России 83

1/14 ноября 1918 г. Докладная записка > ована Миланковича в 1-й политический отдел Всероссийского временного правительства о югославянских военных организациях на территории Сибири и необходимости координации их действий 85

17. декабря 1918. Телеграм посланика Краљевине СХС у Њ токхолму Б. Чолак-Антића, којим преноси МИД-у у Београду информације добијене од секретара српског посланства у Петрограду Ф. Станојевића, о броју Срба који су остали у Москви и Петрограду, стању српских институција и ситуацији у Русији 725

20. декабря 1918. Акт начелника штаба Врховне команде Краљевине СХС војводе Њ . Мишића упућен министру војном и морнарице генералу М. Рашићу у вези са репатријацијом Руса, бивших аустроугарских заробљеника 652

11. јануара 1919. Наређење команданта II армије Краљевине СХС, војводе С. Степановића, у вези са репатријацијом Руса, бивших аустроугарских заробљеника, са територије Краљевине СХС преко Румуније у Совјетску Русију 652

13. евраля 1919 г. Њ ифротелеграмма министра иностранных дел правительства адмирала А.В. Колчака И.И. Сукина поверенному в делах России в Белграде Б.П. Пелехину с просьбой регулярно информировать об отношении правительства Њ гласавии и ее общестственности к Белому движению и Российскому правительству в Омске 88

4 марта 1919 г. Телеграмма товарища министра иностранных дел правительства адмирала А.В. Колчака В.Г. Њ уковского диппредставителю во Владивостоке В.О. Клемму с просьбой организовать беспрепятственный проезд > овану Миланковичу из Маньчжурии в Омск 88

8. марта 1919. Телеграм посланства Краљевине СХС у Вашингтону послат МИД-у Краљевине СХС, у вези са бројним стањем, организованом и могућностима за репатријацију из Сибира војника и избеглица, држављана Краљевине СХС 570

е датума. Чланак Њ“Наши ђаци у Русији“, професора М. Московљевића, о школовању српске избегличке деце у Русији за време Првог светског рата 760

18 марта 1919 г. Телеграмма В.Г. Њ уковского представителю правительства адмирала А.В. Колчака в Париже С.Д. Сазонову с просьбой обратиться в посольство правительства Королевства СХС для подтверждения полномочий консула > ована Миланковича 89

20 марта 1919 г. Протокол собрания всех южных славян в Москве, делегатов с фронта и агитаторов из провинции о создании Њ жнославянского совета депутатов и о наделении его исполкома правами и функциями бывшего Сербского генерального консульства в России 248

5 а реля 1919 г. Њ ифротелеграмма В.Г. Њ уковского С.Д. Сазонову о состоявшемся приеме Верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком генерального консула Королевства СХС > ована Миланковича 89

8 а реля 1919 г. Секретная телеграмма посланника в Афинах Е.П. Демидова министру иностранных дел правительства адмирала А.В. Колчака И.И. Сукину о намерениях Королевства СХС признать правительство «обновленной и объединяющейся России» 90

10. а р ла 1919. Проглас генералног конзула Краљевине СХС у Сибиру и Уралском крају Ј. Миланковића упућен руским властима и савезничким представницима у Русији, којим их он обавештава да је Југословенско народно веће у Русији једина организација надлежна за све Југословене и да оно делује по његовим упутствима 571

21 а реля 1919 г. Секретная телеграмма С.Д. Сазонова временно управляющему МИД правительства адмирала А.В. Колчака В.Г. Њ уковскому о необходимости взаимопризнания правительства России и Королевства СХС и аккредитации их представителей 90

23 а реля 1919 г. Отношение Њ гласавянского совета рабочих и крестьянских депутатов в Наркоминдел с просьбой урегулировать с ВЧК вопрос об освобождении из Бутырской тюрьмы арестованных граждан Њ гласавии 250

3 мая 1919 г. Телеграмма > ована Миланковича С.Д. Сазонову с просьбой довести до сведения посланника Сербии в Париже Миленка Веснича о категорическом отказе союзного

командования признать полномочия его как дипломатического представителя Королевства СХС в России 91

21. маја 1919. Акт министра војске и морнарице Краљевине СХС, генерала С. Хаџића, упућен Врховној команди Краљевине СХС о большевичкој пропаганди у добровољачким јединицама III армијске области 552

22 маја 1919 г. Записка председателя Временного югославянского народного комитета в России Божидара Еремича, направленная в МИД правительства адмирала А.В. Колчака, о препятствовании Верховного главнокомандования союзническими силами объединению сербских отрядов, находящихся в Сибири, в общегославянское войско 91

27. маја 1919. Одговор председника владе Краљевине СХС С. Протића на интерпелацију народног посланика В. Кораћа због забране прослављања 1. маја. У одговору, изнетом на 26 редовном заседању Привременог народног представништва Краљевине СХС 27. маја 1919, објашњава се карактер большевичке идеологије 726

10. маја 1919 г. Сообщение МИД правительства адмирала А.В. Колчака в Югославянский национальный совет об официальном назначении г-на Миланковича посланником при Российском временном правительстве в Омске, а В.Н. Трандтмана – при правительстве Королевства СХС в Белграде 95

8/21. маја 1919 г. Из записки поверенного в делах Королевства СХС г-на Миланковича в МИД правительства адмирала А.В. Колчака с уведомлением о получении от управляющего министерством В.Г. Уковского подтверждения его полномочий в качестве диппредставителя Королевства СХС и с просьбой оказать содействие при переезде его семьи из Челябинска в Омск 96

13/26. маја 1919 г. Письмо поверенного в делах Королевства СХС г-на Миланковича Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку об официальном утверждении его полномочий как диппредставителя Королевства СХС в России 99

28. маја 1919 г. Письмо министра иностранных дел в правительстве адмирала А.В. Колчака И.И. Сукина г-ну Миланковичу с благодарностью за приветствие от братского югославского народа и с пожеланием установления дружеских отношений с правительством Королевства СХС 100

е о днее 23. маја 1919 г. Из письма члена Славянской миссии русских общественных деятелей Ф.И. Родичева члену Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР М.М. Федорову – о впечатлениях от агитационной поездки по Югославии 121

14/27. маја 1919 г. Докладная записка г-на Миланковича в МИД правительства адмирала А.В. Колчака с объяснением сути развернувшейся кампании против него самого и против создания независимой югославянской военной организации 101

10 августа 1919 г. Телеграмма г-на Миланковича в МИД правительства адмирала А.В. Колчака о предстоящей командировке во Владивосток для встречи прибывающей югославянской военной миссии 104

24 августа 1919 г. Телеграмма генерала Е.К. Миллера В.Н. Трандтману с просьбой согласовать вопрос с правительством Королевства СХС об отправке на Мурманский фронт батальона сербских добровольцев взамен покидающих фронт формирований союзников 109

1. септембра 1919. Телеграм секретара српског посланства у Петрограду Ј. Тадића (тада у Архангелску) српском МИД-у о томе да посланство 2. септембра 1919. полази за Београд 731

4 септембра 1919 г. Секретная шифротелеграмма российского посланника в Сербии В.Н. Трандтмана главнокомандующему войсками Северной области генералу Е.К. Миллеру по поводу набора сербских добровольцев для отправки их в г. Мурманск 110

22 септембра 1919 г. Телеграмма главнокомандующего войсками Северной области Е.К. Миллера российскому посланнику в Белграде В.Н. Трандтману с просьбой исходатайствовать разрешение у правительства Сербии на продление срока пребывания сербского батальона на Северном фронте до конца октября 1919 г. 111

26 сентября 1919 г. Телеграмма генерала Е.К. Миллера В.Н. ☒ трандтману о необходимости получения приказа Сербского правительства об оставлении сербского батальона на Северном фронте до конца октября 111

е ранее сентября 1919 г. Из аналитической записки и.д. советника 2-го политического отдела МИД правительства адмирала А.В. Колчака В.Г. ☒звичского представителю России в Париже С.Д. Сазонову – о мерах по созданию славянской коалиции и югославянских союзов на территории Сибири 105

1 октября 1919 г. Секретная шифротелеграмма В.Н. ☒ трандтмана генералу Е.К. Миллеру о согласии принца-регента Александра продлить срок пребывания сербского батальона на Северном фронте 112

2 октября 1919 г. Секретная телеграмма В.Н. ☒ трандтмана генералу Е.К. Миллеру об отправке военным министром Королевства СХС уведомления в Лондон о достигнутом согласовании вопроса в отношении сербского батальона 112

4 октября 1919 г. Секретная телеграмма генерала Е.К. Миллера С.Д. Сазонову в Париж и В.Н. ☒ трандтману в Белград о взятых Временным правительством Северной области обязательствах по содержанию сербского батальона и доставке его в Архангельск 113

25 октября 1919 г. Секретная телеграмма российского посланника в Белграде В.Н. ☒ трандтмана управляющему МИД правительства адмирала А.В. Колчака о поступившем запросе из Сербии по поводу рекомендуемой кандидатуры на место отозванного посланника > ована Миланковича 106

29 октября 1919 г. Секретная телеграмма российского посланника в Белграде В.Н. ☒ трандтмана в МИД правительства адмирала А.В. Колчака об отрешении от должности поверенного в делах Королевства СХС в России > ована Миланковича 107

4 ноября 1919 г. Секретная телеграмма В.Н. ☒ трандтмана зам. председателя Временного правительства Северной области П.☒ . Зубову о желательности награждения югославянских добровольцев медалями «В память освобождения Северной области от большевиков» 113

25 ноября 1919 г. Телеграмма зам. председателя Временного правительства Северной области П.☒ . Зубова В.Н. ☒ трандтману о согласии безвозмездно наградить солдат-югославян медалью «В память освобождения Северной области от большевиков» 114

10 декабря 1919 г. Заявление инструктора В☒ ИК Вукашина Марковича в ☒ ИК III Интернационала с просьбой выдать мандат на право агитации среди народов Западной Европы и Америки 357

15 декабря 1919 г. Из протокола ☒ 12 заседания Комитета ☒ гославянской группы при ☒ К РКП(б) – о проведенных ВЧК арестах югославян из числа военнопленных и о самоликвидации одесской группы югославянских коммунистов в связи с захватом Одессы белогвардейцами 251

Декабр 1919 г. Секретная телеграмма 2-го политического отдела МИД правительства адмирала А.В. Колчака российскому послу в Токио В.Н. Крупенскому с просьбой запросить вновь назначенного посланника Королевства СХС Божидара Пурича о предполагаемом дне его прибытия в Россию 107

1920. Сећања Димитрија Георгијевића, генерал-потпуковника ЈНА у пензији на сусрет у Атаманском хутору када је Јосип Броз постао члан Комунистичке партије 860

1. ебруара 1920. Акт Министарства унутрашњих дела упућен министру војске и морнарице Краљевине СХС, генералу С. Хаџићу, којим се предлаже изолација повратника из Русије и Мађарске сумњивих због большевизма 553

18 мая 1920 г. Мандат ☒ ентрального югославянского бюро при ☒ К РКП(б) Милану Радаковичу на сбор документальных материалов о контрреволюционных действиях югославянских войск Королевства СХС при правительстве адмирала А.В. Колчака 252

4. августа 1920. Чланак ☒Против сумњивих и опасних странаца“ објављен у Политици 4. августа 1920. године 658

26 августа 1920 г. Из протокола № 10 собрания партячейки № гославянской секции агитации и пропаганды при МК РКП(б) – о перевыборах бюро ячейки и обсуждении текущих дел 253

26. августа 1920. Телеграм председателя влады Краљевине СХС М. Веснића министру иностранных послова Краљевине СХС А. Трумбићу, којим се тражи да Трумбић не наставља разговоре са представницима Совјетске Русије 731

27. августа 1920. Телеграм министра иностранных послова Краљевине СХС А. Трумбића председнику влады Краљевине СХС М. Веснићу, којим јавља да разговоре са представницима Совјетске Русије није настављао и да ће се вратити у земљу чим буде позван 732

9 ноября 1920 г. Из донесения военно-морского агента правительства адмирала А.В. Колчака капитана 2-го ранга Б.П. Апрелева «Политические партии в Королевстве СХС, их борьба, роль коммунистов, влияние событий в России, пресса, роль партий в деревне и городах. Борьба по созыву Учредительного собрания» 123

13. новембра 1920. Чланак «Концентрациони логор за антидржавне елементе» објављен у Политици 13. новембра 1920. године 659

10. децембра 1920. Акт министра унутрашњих дела Краљевине СХС М. Драшковића упућен председнику Покрајинске влады за Далмацију И. Крстељу у вези са присуством большевика међу руским избеглицама и методама борбе против њих 654

20. децембра 1920. Чланак «Побуна русских коммуниста у мостарској тврђави» објављен у Политици 22. децембра 1920. године 659

1 а реља 1921 г. Докладная записка президиума № Б при № К РКП(б) в Политбюро № К о срочном прекращении эвакуирования офицеров-югославян с территории РСФСР и помещении их в один из концлагерей и о согласовании с Бюро любых санкций, касающихся эвакуации югославянских подданных 255

16 а реља 1921 г. Записка председателя № гославянского совета рабочих и крестьянских депутатов Драгутина Садуря в № Б при № К РКП(б) с просьбой направить опытного члена партии для отбора заложников из числа югославян, находящихся в концлагерях, с приложением выписки из протокола заседания президиума № гославянского совета 256

25 а реља 1921 г. Инструкция о порядке репатриации югославянских граждан, находящихся на территории РСФСР, направленная № гославянским советом в Москве в № Б при № К РКП(б) для ее утверждения и препровождения представителям № гославянского совета в Петрограде и Новороссийске 257

28 а реља 1921 г. Сообщение № Б при № К РКП(б), направленное в президиум № гославянского совета, об утверждении им инструкции по эвакуации югославянских граждан и о выборе заложников из числа югославян – заключенных концлагерей 259

5 мая 1921 г. Заметка «К возвращению югославянских граждан на родину», опубликованная в газете «Правда» 259

19 мая 1921 г. Служебная записка № Б при № К РКП(б) в конфликтный отдел № К с просьбой решить вопрос о правомерности пребывания югославян – бывших офицеров колчаковской армии в рядах РКП(б) и их использования на работе в качестве лекторов и переводчиков, с приложением списка бывших офицеров 261

24. маја 1921. Питање народног посланика М. Прибићевића упућено министру иностранных дела Краљевине СХС Н. Пашићу о положају држављана Краљевине СХС у Русији и на Далеком истоку, мерама које је Влада предузела за њихову репатриацију 573

е о днее ня 1921 г. Обращение российских общественных и политических деятелей, проживающих в Сербии, к председателю правительства Королевства СХС Николе Пашичу с просьбой принять и разместить покинувшие Россию части русской армии 129

9 ля 1921 г. Заявление Драгутина Видневича в № Б при № К РКП(б) об отказе работать в бюро до выяснения причин ареста сотрудниками ВЧК членом его бюро 267

10 ля 1921 г. – 30 а реља 1926 г. Из писем сербского ученого, филолога-русиста и общественно-политического деятеля Милоша Московлевича в Прагу одному из лидеров пар-

тии эсеров, «бабушке русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской, о сотрудничестве в ряде общественных изданий 131

21. јула 1921. Програмски чланак «Комунистички атентати» српског политичара и дипломате М. Спалајковића, објављен у гласилу Радикалне партије «Српска ријеч», са циљем упознавања јавности са комунистичком идеологијом и праксом, као и ради политичке мобилизације против ње 732

Јул . 1921. Извод из списка политички сумњивих лица направљеног од Одељења државне заштите Министарства унутрашњих дела Краљевине СХС 655

1. се тембра 1921. Апел српског књижевника и уредника часописа «Зенит» М. Мицића «За будућу Русију», којим се од јавности Краљевине СХС захтева пружање помоћи гладнима у Совјетској Русији 772

12. се тембра 1921. Препис акта великог жупана града Суботице у вези са бившим српским добровољцима М. Магарашевићем и М. Урошевићем, које су Французи оптуживали да су у Сибиру предводили пљачкашку банду и чији повратак се очекивао у Краљевини СХС 576

12. се тембра 1921. Предлог викарног епископа Максимилијана за решавање положаја избеглих руских монахиња у манастиру Хопово 826

17. децембра 1921. Акт Министарства војног и морнарице Краљевине СХС упућен шефу тајне полиције у Суботици, којим се решава да се одбијају молбе за долазак породица оних Руса који се већ налазе у Краљевини СХС, јер за то нема правне основе 660

1921–1925 г. Из воспоминаний агронома-селекционара Института агрономических исследований в г. Нови Саде С.А. Кисловского – о Белграде и годах учебы в Белградском университете 136

11. јуна 1922. Чланак српског књижевника и уредника часописа «Зенит» М. Мицића «Против југославенског антирусизма», написан у име групе авангардних уметника-зенитиста, којим се протестује због осуде Совјетске Русије од стране културне јавности Краљевине СХС и дела руских емиграната 773

25. јуна / 8. јула 1922. Писмо Друштва за бригу о духовним потребама православних Руса у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца Св. Синоду СПЦ о потребама постојања руског храма у Београду 829

12. јула 1922 г. Письмо редактора газеты «Политика» Миомира Миленковича А.Т. Аверченко о временных осложнениях, связанных с пересылкой в Прагу для него двух фельетонов, напечатанных в «Политике», и часов 147

1. септембра – октобар 1922. Ауторски чланак И. Еренбурга и Е. Лисицког «Руска нова уметност», у коме објашњавају порекло и најважније карактеристике руске авангардне уметности 20-их година XX века, објављен у авангардном часопису «Зенит» 771

арг. 1923. Приказ изложбе руске авангардне уметности 1922. године «Кроз руску изложбу у Берлину», који је у часопису «Зенит» објавио књижевник и критичар В. Пољански 781

14. јуна 1923. Писмо епископа нишког Доситеја Св. Архиепископском Синоду по питању помагања руских манастира на Светој Гори 831

9. јула 1923 г. Уведомление редакции газеты «Политика», направленное в Прагу А.Т. Аверченко, о решении приобрести его новый роман «Утка мецената» и о согласовании с ним вопроса валюты при перечислении гонорара 148

28 августа 1923 г. Очерк М. Л. Ракитина «Из македонской глуши», опубликованный в газете «Новое время» 149

23. октобра 1923. Одлука Одељења за средњошколску наставу Министарства просвете Краљевине СХС упућена Државној комисији за Руске избеглице о начину рада руских средњих школа у Краљевини 578

22. новембра 1923 г. Рассказ неустановленного автора «Из беженцев в “газды” (Силуэт)», опубликованный под псевдонимом Поликарп Талдыкин в газете «Новое время» 151

е ранее 26 ноября 1923 г. Из резолюции VI конференции Балканской коммунистической федерации по югославянскому вопросу – о проблеме национального угнетения, сербско-хорватско-словенском конфликте и о политике притеснения нацменьшинств 332

9 ля 1924 г. Из стенограммы заседаний VII конференции Балканской коммунистической федерации – доклад секретаря президиума БКФ члена К БКП Г.М. Димитрова о работе президиума и выступление члена ИККИ Н.И. Бухарина с критикой правого уклона в КП в решении национального вопроса 335

13 ля 1924 г. Статья Л. Ракитина «Откуда все началось», опубликованная в газете «Новое время» 154

1924 г. Из очерков писателя, поэта и переводчика Г.В. Виллиама «Русская эмиграция в Сербии» – о влиянии эмигрантов из России на культурную сферу жизни сербского общества 157

1924. Иркуларно писмо Представништва Земгора (Уједињење часника руских самоуправних тела) у Краљевини СХС уредницима новина о раду Земгора 661

8 евраля 1925 г. Поздравительное письмо писателя и драматурга Иво Войновича Вас. И. Немировичу-Данченко по случаю его 80-летнего юбилея 168

е ранее марта 1926 г. Из записки члена КП и ВКП(б) Брацана Брацановича и члена ИККИМ Милана Горкича в Балканский секретариат Коминтерна с просьбой о содействии в организации побега Вукашина Марковича из гoslавии в СССР 358

5. јун 1926. Интервју који је са књижевником М. Мицићем направио историчар уметности З. Маркуш, објављен у сарајевском часопису «Одјек» 1971. године 784

н 1926 г. Отчет о работе гoslавского сектора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. М. М. Мархлевского за 1925/26 учебный год, представленный зав. сектором Брацаном Брацановичем в ректорат университета 270

30 ля 1926 г. Из воспоминаний генерал-майора Генерального штаба В.В. Буняковского – об управлении русскими колониями в Сербии, о быте и отношении сербов к беженцам из России 168

13 септембра 1926 г. Поручительство, выданное посланником Королевства СХС в Праге русскому литератору Вас. И. Немировичу-Данченко, направляющемуся с научными целями в Королевство СХС, с просьбой югославянским пограничным службам и госучреждениям оказывать ему всяческую помощь и содействие 178

17 октябра 1926 г. Из протокола 3 общего собрания гoslавского сектора КУНМЗ – доклад преподавателя университета Анте Илиги об экономическом и политическом положении в гoslавии 338

9 ноября 1926 г. Из протокола 4 общего предвыборного собрания гoslавского сектора КУНМЗ – отчет зав. сектором Брацана Брацановича по итогам работы секторской ячейки ВКП(б), прения по докладу с приложением принятой собранием резолюции 273

20 декабря 1926 г. Из протокола собрания преподавателей и студентов 1-го курса гoslавского сектора КУНМЗ – отчет преподавателей об усвоении студентами материала за первый триместр 1926/27 учебного года с обсуждением недочетов в работе сектора 277

1926. Страница из каталога изложбе «Революционарна уметност Запада», где су наведена дела представника југословенске уметничке групе «Зенит», Москва 1926. године 784

21 января 1927 г. Из протокола 9 общего собрания гoslавского сектора КУНМЗ – обсуждение национальной принадлежности черногорцев 280

22 января 1927 г. Уведомление, направленное МИД Королевства СХС И.А. Персиани, о зачислении его на должность переводчика в протокольный отдел министерства 179

28 марта 1927 г. Из протокола общего собрания гoslавского сектора КУНМЗ – доклад преподавателя университета П.А. Задворного об организации быта студентов и прения по докладу 281

4 октября 1927 г. Заявление студентов ☒ гославского сектора КУНМЗ в ☒ К КП☒ о некоммунистических методах воспитательной работы зав. сектором Брацана Брацановича, приводящих к политическим распрям в коллективе 284

18 октября 1927 г. Автобиография члена КП☒, студента подготовительного курса ☒ гославского сектора КУНМЗ Киселева Е.Н. с просьбой принять его в ряды ВКП(б) 288

25 октября 1927 г. Из протокола общего собрания студентов ☒ гославского сектора КУНМЗ – отчет студентов 3-го курса университета о прохождении летней практики в подшефном совхозе 298

10/23. ноября 1927. Извештај Св. Архијерејског Синода Св. Архијерејском Сабору Српске Православне Цркве о канонском положају Руске православне заграничне цркве на њеној територији 831

29 ноября 1927 г. Заявление зав. ☒ гославским сектором КУНМЗ Брацана Брацановича ректору университета М.☒ Фрумкиной о необходимости рассмотрения на заседании секторской парттройки 15 заявлений студентов, обвиняющих друг друга во фракционности и других неблагоприятных поступках 291

1. декабря 1927. Извештај М. Агапова о Свечаној академији поводом дана уједињења Срба, Хрвата и Словенаца на којој се говорило о руско-српским односима 579

17 декабря 1927 г. Сопроводительное письмо журналиста и издателя М.А. Суворина к номеру газеты, посвященному дню рождения короля сербов, хорватов и словенцев Александра I, с благодарностью от русских беженцев, получивших приют в королевстве 180

1940. Одломак из књиге «СССР», српског новинара В. Драговића, посвећен обнови културних веза Југославије и Совјетског Савеза у периоду 1927–1933. година 786

15 января 1928 г. Письмо В.Н. ☒ трандтмана И.А. Персиани с передачей содержания письма вдовы С.Д. Сазонова А.Б. Сазоновой, признательной всем, кто выразил ей соболезнования по поводу смерти ее мужа 180

22 а реля, 20 мая 1928 г. Из протоколов заседаний комиссии ☒ К ВКП(б), КП☒ и Секретариата ИККИ по улаживанию конфликта между студентами и преподавателями ☒ гославского сектора КУНМЗ – выступления Бошко Бошковича и М.☒ Фрумкиной 293

14–16 сентября 1928 г. Из корреспонденций белградской газеты «Новое время», освещающих ход подготовки города к предстоящим русским зарубежным съездам: Четвертому съезду ученых и Первому съезду писателей и журналистов 181

23 сентября 1928 г. Корреспонденция прозаика и публициста А.А. ☒блоновского «Как нас встречали в Белграде» – о радушной встрече участников Первого съезда русских писателей и журналистов за рубежом на Белградском вокзале, опубликованная в газете «Возрождение» 183

25 сентября 1928 г. Корреспонденция А.А. ☒блоновского о первом дне работы Съезда русских писателей и журналистов, опубликованная в газете «Возрождение» под рубрикой «Русские дни в Белграде» 186

26 сентября 1928 г. Информация о мероприятиях, приуроченных к работе Съезда русских писателей и журналистов, опубликованная в газете «Возрождение» под рубрикой «Русские дни в Белграде» 190

27 сентября 1928 г. Очерк А.А. ☒блоновского «Прием у короля», опубликованный в газете «Возрождение» под рубрикой «Русские дни в Белграде» 191

28 сентября, 2 октября 1928 г. Списки югославских общественных организаций, учреждений и отдельных лиц, собранные сотрудником ВОКСа В. Поступальским для возможного установления научных и культурных контактов 384

1 октября 1928 г. Сообщение газеты «Возрождение» под рубрикой «Русские дни в Белграде» – о торжественном закрытии Первого съезда русских писателей и журналистов за рубежом и о состоявшемся вечере русской литературы 194

е ранее 20 ноября 1928 г. Из докладной записки ректора КУНМЗ М.Ф. Фрумкиной в бюро президиума КК ВКП(б) по поводу заявлений П.П. Драгачевца, обвиняющего зав. Ф. гославским сектором университета Брацана Брацановича в оппозиции к КПФ 297

1928–1934 гг. Из учебной программы по истории родного края для студентов 1-го курса КУНМЗ, подготовленной в соответствии с позицией Коминтерна по сербскому и югославянскому вопросам 343

17 января 1929 г. Из протокола собрания Ф. гославского сектора КУНМЗ – доклад секретаря КИМ Милана Горкича – о последствиях военного переворота в Ф. гославии 339

7 февраля 1929 г. Из протокола общего собрания Ф. гославского сектора КУНМЗ – о зимней практике в подшефных колхозах и о состоянии учебного процесса в секторе 301

20 марта 1929 г. Из отчета, представленного в ВОКС начальником лесостроительных работ 2-го района Уральской области Драгомиром Миловановичем, – о результатах месячного пребывания в Ф. гославии и о перспективах налаживания культурных контактов с югославской интеллигенцией 389

25 марта 1929 г. Информация, направленная в ВОКС Драгомиром Миловановичем по результатам его поездки в Ф. гославию, о возможности налаживания обмена научной и художественной литературой с югославскими учеными и литераторами 397

22. а р ла 1929. Заклетва суплента реалне гимназије у Дубровнику, руског емигранта И.Н. Голенишчев-Кутузова, коју је положио влади Краљевине Југославије 764

7 мая 1929 г. Из обращения Ф. гославского сектора КУНМЗ в Политсекретариат Исполкома Коминтерна с требованием отстранить от должности ректора университета М.Ф. Фрумкину 303

15 мая 1929 г. Из показаний студента Польского сектора КУНМЗ Ф. елинского в комиссию университета по обследованию политического климата в Ф. гославском секторе – о его взаимоотношениях со студентом-югославом Н.А. Ермоловым 306

14 сентября 1929 г. Из протокола общего собрания студентов-коммунистов Ф. гославского сектора – выступление М.Ф. Фрумкиной о недопустимости антипартийной фракционной работы в Ф. гославском секторе КУНМЗ, развернувшейся в ущерб учебному процессу, и о принятии решения об исключении из ВКП(б) и университета ряда студентов сектора 307

21, 25 сентября 1929 г. Заявления студента Ф. гославского сектора Е.Т. Мокаенко в бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗ о содержании бесед с бывшим преподавателем университета П.А. Задворным 309

22 декабря 1929 г. Из записки информатора Коминтерна под псевдонимом «Андрей» в Орготдел ИККИ о терроре, установившемся в Ф. гославской армии по отношению к нацменьшинствам, с приложением инструкции Ф. К КПФ по агитработе в армии и на флоте 341

1984 г. Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944 гг.) 197

е о днее 4 января 1930 г. Из лекции преподавателя КУНМЗ Б.Н. Андреева «Уклоны в КПФ» – о фракционной борьбе в партии и о правом уклоне в ней 346

15. јануара 1930. Чланак Е. Захарова о животу девет хиљада руских емиграната у Београду објављен у београдским “Општинским новинама» од 15. јануара 1930. године 581

10/23. јануара 1930. Писмо руских емигрантских организација Св. Синоду СПФ у вези протеста против большевичког терора и верског прогонства 834

9. ебруара 1930. Резолуција Збора хришћана донета на Београдском универзитету против верских прогона у Русији 839

Ф. ебруар. 1930. Јавни позив о борби за очување руског језика у емиграцији 587

8 а реля 1930 г. Из протокола собрания студентов Ф. гославского сектора КУНМЗ – отчет студентов 3–4-х курсов университета о весенней практике по проведению мероприятий, связанных с дальнейшей коллективизацией и ликвидацией кулачества в подшефных колхозах 312

3 мая 1930 г. Анонимное заявление, поступившее в бюро ячейки ВКП(б) КУНМЗ и переведенное зав. ☒ гославским сектором Николай Наковановичем, о взглядах бывшего преподавателя университета П.А. Задворного на политику, проводимую ВКП(б), Коминтерном и КП☒ 318

19. ноября / 2. декабря 1930. Письмо поппреда Друштва за успомену на цара Николаја II Василија Флуга патријарху српском Варнави у вези подршке у раду друштва 836

24. декабря 1930. Молба Одбора за подизање Спомен-храма посвећеног успомени на цара Николаја II парохиялним свештеницима СП☒ 839

рај 1930. Успомене М. Агапова о раду југословенског огранка Земгора 663

4. јануара 1931. Предавања М. Илић-Агапове ☒ едушкина смрт у емиграцији“, Скице из живота руске емиграције“, Имендан Зинајиде Павловне у емиграцији“, Госпођа Лариса ☒ рамченко“ 589, 591, 596, 601

16. евраля 1931 г. Из протокола собрания студентов ☒ гославского сектора КУНМЗ – отчет студентов 2-го курса университета о результатах практической работы 320

25 марта 1931 г. Из протокола собрания студентов ☒ гославского сектора КУНМЗ – отчеты студентов 3-го курса университета о весенней практике по вовлечению крестьян в колхозы 321

12 мая 1931 г. Записка ректора КУНМЗ М.☒. Фрумкиной в АПО ☒ К ВКП(б) о выпускниках ☒ гославского сектора университета, бывших фракционерх Компартии ☒ гослави, оставленных временно на работе в СССР, с приложением характеристик на них 326

27 мая 1931 г. Формулярный список священника Н.И. Арбузова, капеллана, настоятеля Барского прихода Браничевской епархии (Сербия) 196

18. се тембра / 1. октобра 1931. Извештај Г. Грабеа вршилаца дужности управника Канцеларије Архијерејског Синода РП☒ (з) патријарху српском Варнави о привременом смештају малтешких реликвија Руске цркве у Београду 837

22. а р ла 1932. Јавни позив за помоћ Друштва за помоћ породицама и сирочади погинулих руских ратника под високом заштитом © .К.В. Кнегиње Јелене 603

5 марта 1933 г. Из протокола собрания студентов и преподавателей ☒ гославского сектора КУНМЗ совместно с активом югославских политэмигрантов – резолюция по итогам проведенной чистки партийных рядов 328

13 октября 1933 г. Из протокола ☒ 6 заседания комиссии по чистке парторганизации Института красной профессуры – о прохождении чистки члена Компартии ☒ гослави Плетикоса А.М. 267

14 октября 1933 г. Письмо зав. редакцией «Литературного наследства» И.Е. Зильберштейна переводчику и литературоведу > овану Максимовичу о желании ☒ ЛМ приобрести рукопись пушкинских стихотворений 400

17, 19 октября 1933 г. Из протоколов ☒ 12 и 13 заседания комиссии по партийной чистке членов ячейки ☒ гославского сектора КУНМЗ 329

23 октября 1933 г. Письмо > ована Максимовича И.Е. Зильберштейну о возможной стоимости рукописи пушкинских стихотворений и о готовности содействия в деле возвращения ее на родину 401

27 октября 1933 г. Из письма директора ☒ центрального музея художественной литературы, критики и публицистики В.Д. Бонч-Бруевича > овану Максимовичу – о намерении музея приобрести рукопись А.С. Пушкина 402

30 октября 1933 г. Письмо владельца рукописи пушкинских стихотворений Миодрага Обрадовича В.Д. Бонч-Бруевичу с просьбой вести переговоры о покупке рукописи непосредственно с ним 403

1 ноября 1933 г. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича полпреду СССР во Франции В.С. Довгалевскому с просьбой о кредитовании недостающей суммы на покупку рукописи пушкинских стихотворений 404

1 ноября 1933 г. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича > овану Максимовичу о безоговорочном согласии приобрести рукопись А.С. Пушкина и о технической стороне осуществления купли-продажи 406

7 ноября 1933 г. Письмо > ована Максимовича В.Д. Бонч-Бруевичу о переговорах с семьей Обрадович об условиях приобретения рукописи А.С. Пушкина и ее стоимости, выраженной в валюте 407

8 ноября 1933 г. Письмо Миодрага Обрадовича В.Д. Бонч-Бруевичу о расторжении им контракта с проф. > ованом Максимовичем – посредником при продаже рукописи А.С. Пушкина 410

9 ноября 1933 г. Из письма В.Д. Бонч-Бруевича Миодрагу Обрадовичу – о возможных способах передачи рукописи пушкинских стихотворений и ее оплаты 411

14 ноября 1933 г. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича > овану Максимовичу о согласии оплатить покупку пушкинской рукописи стихов в валюте, оговоренной владельцем 412

21 ноября 1933 г. Из письма > ована Максимовича В.Д. Бонч-Бруевичу – о предложении сделать страховой экземпляр (фотокопию) с рукописи А.С. Пушкина с перечислением лиц и организаций в ☒ гославии, с помощью которых можно выйти на след рукописей русских писателей, находящихся за рубежом 414

25 ноября 1933 г. Из письма сотрудника Полпредства СССР во Франции Мерле директору ☒ МЛ В.Д. Бонч-Бруевичу – об отправке диппочтой в Москву писем И.С. Тургенева и о согласовании всех вопросов по доставке пушкинской рукописи из Белграда в Париж 417

25 ноября 1933 г. Письмо > ована Максимовича и Миодрага Обрадовича В.Д. Бонч-Бруевичу об окончательной стоимости рукописи пушкинских стихотворений и месте ее выплаты владельцам 418

20 декабря 1933 г. Статья «“Белградские” рукописи Пушкина», опубликованная в газете «Политика» 419

27 декабря 1933 г. Из заметки газеты «Политика» «Московский музей художественной литературы, критики и публицистики выкупил “белградскую» рукопись Пушкина за 38 тыс. франков» 422

4 января 1934 г. Из письма В.Д. Бонч-Бруевича сотруднику Полпредства СССР в Париже Мерле – о получении рукописи А.С. Пушкина 424

1 января 1934 г. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича > овану Максимовичу с просьбой ответить на вопросы, касающиеся истории рукописи пушкинских стихотворений 425

5 марта 1934. Најава јавне политичке расправе ☒Међународна ситуација и Русија“ у Руском дому коју организовао Савез руских писаца и новинара у Краљевини Југославији 689

5. октобра 1934. Најава и садржај политичких предавања у Руском дому које је држао на позив Савеза руских писаца и новинара у Краљевини Југославији професор Иван Ильин 687

22 октобра 1934 г. Письмо члена Славянского института в Праге, слависта В.А. Францева В.Д. Бонч-Бруевичу о возможной принадлежности рукописи пушкинских стихотворений к коллекции русских автографов, хранящихся в Архиве Сербии 426

12. новембра 1934. Писмо потпредседника Друштва за чување успомене на цара Николаја II, В. Флуга, патријарху српском Варнави у вези прикупања прилога 840

25 ноября 1934 г. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича премьер-министру ☒ гославии Николе Узуновичу с просьбой оказать ГЛМ помощь в получении от Госархива Сербии дополнительных сведений о прежних владельцах пушкинской рукописи, а также описи хранящихся в архиве автографов русских писателей, с разрешением сделать впоследствии с них фотокопии 428

4 января 1935 г. Заметка «Новая литературная находка в Белграде: обнаружена коллекция рукописей И.С. Тургенева и других русских и иностранных писателей», опубликованная в газете «Политика» 430

арт. 1935. Чланак "Руски филмови код нас", о совјетским филмовима откупљеним за приказивање у Југославији, који је филмски критичар М. Микац објавио 1935. године у часопису "Нова Европа" 801

ај. 1935. Чланак о свечаној сахрани на Новом гробљу посмртних остатака изгинулих руских ратника у одбрани Београда и на Солунском фронту 1914–1918 године 605

Вгуст. 1935. Чланак "Нови руски филмови", о совјетским филмовима уочи њиховог откупа за приказивање у Југославији, који је филмски критичар М. Микац објавио 1935. године у часопису "Нова Европа" 804

30 октобра 1935 г. Сообщение миссии Чехословацкой республики в Москве об ответе Госархива Сербии на запрос директора ГЛМ В.Д. Бонч-Бруевича об истории приобретенной рукописи А.С. Пушкина и о наличии в архиве автографов русских писателей 432

[ред ном 1930-году.] Говор М.П. Чубинского цильеви руских слободних зидара у Србији 701

24. ебруара 1936. Попис трошкова руских емигрантских колонија у Југославији 621

15 а реля 1936 г. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича полпреду СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольникову с просьбой провести переговоры с белградским антикварным магазином о реальной стоимости выставленной на продажу коллекции автографов с приложением перечня предлагаемых документов 433

9 мая 1936 г. Из письма В.Д. Бонч-Бруевича Ф.Ф. Раскольникову с напоминанием о предложении белградских антикваров Акционерного общества «Полет» 435

14 ня 1936 г. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича Ф.Ф. Раскольникову в ответ на телеграмму о достигнутой договоренности с белградскими антикварами и о решении финансовых вопросов, связанных с приобретением автографов 436

30 ня 1936 г. Из письма полпреда СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольникова В.Д. Бонч-Бруевичу – об отправке в ГЛМ коллекции автографов, приобретенных у белградских антикваров 437

1. се тембра 1936. Финансијски план рада Колског одсека Државне комисије 623

20 септембра 1936 г. Обязательства члена КП и ВКП(б), добровольца-интернационалиста Стефана Богдановского, взятые им на себя перед отправкой на войну в Испанию 350

1936 г. Из поэмы Радуде Стиенского «Колхозная оратория», посвященной его новой родине – СССР 365

1950 г. Автобиография революционера, поэта и писателя Радуде Марковича Стиенского 362

1936 (?) Извештај "Станье руске емиграције у Југославији" који је написао члан Државне комисије С.Н. Смирнов 610

18. јуна 1937. Тестаменат А.П. Курчанинова о његовој књизи о братству Српског, Руског и Рногорског народа у прошлости 647

5. новембра 1937. Јавни проглас Национално-трудоов савеза новог поколења о провокацији НКВД-а против Савеза у Београду 690

13 септембра 1963 г. Из биографической справки, составленной ст. уполномоченным отдела КГБ при СМ СССР Губановым – о состоянии здоровья Вукашина Марковича на период до июня 1937 г. 361

19 евраля 1938 г. Письмо итальянского историка Карло Сфорца редактору журнала «Иностранная литература» Т.А. Рокотову о возможности опубликования в СССР нескольких глав из его книги «Пашич и Славия: 50 лет войн и дипломатии» 437

15. марта 1938. Писмо С.А. Братцева С.Н. Смирнову о погледима на политичку ситуацију у СССР-у 695

21. марта, 9. а р ла 1938. Рукопис предавања М. Илић-Агапове "О познавању Русије код нас. Што смо знали и што знамо о Русији", одржаног у Друштву "Словенска мисао" 633

3. а р ла 1938. Одговор С.Н. Смирнова С.А. Братцеву о погледима на политичку ситуацију у емиграцији 696

- 8. маја 1938.** Позивница на обележавање десетогодишњице смрти П.Н. Врангела 694
- 26. маја 1938.** Јеловник ресторана «Русское собрание» 648
- е датума.** Говор позоришног редитеља и глумца, Б. Николића, који је био прочитан на свечаности посвећеној позоришном редитељу Ј.Љ. Ракићу 649
- 26. маја 1938 г.** Автобиографија Стефана Богдановског (о озефа Бареша), написанна им при постановке на учет в Компартии Испании 351
- 24. октобра / 6. новембра 1938.** Програм обележавања 950-години крштења Русије у руским школама у граду Бела Ркава 841
- е о днее 31 децембра 1938 г.** Отзыв сотрудника журнала «Историк-марксист» З.В. Мосиной на отрывок из книги Карло Сфорца «Пашич и Љ гославија: 50 лет войн и дипломатии», написанный по просьбе редакции журнала «Иностранная литература» 438
- 31 децембра 1938 г.** Письмо редактора журнала «Иностранная литература» Т.А. Рокотова Карло Сфорца о принятом редакцией решении по поводу публикации в СССР глав из его книги «Пашич и Љ гославија: 50 лет войн и дипломатии» 440
- 2–15. марта 1939.** Обавештење о служењу у Руском дому помена мучки убијеном цару Николају II, његовој породици и свим руским људима страдалим у смутњи 845
- 22 марта 1939 г.** Из аналитической записки «КПЉ и национальные требования хорватов и других народов Љ гославији» ст. референта Исполкома Коминтерна по балканским странам В.В. Громова в Секретариат ИККИ – о господствующем положении сербов в Љ гославији 348
- 9 мая 1939 г.** Письмо Стефана Богдановского первой жене, Р. Розенцвайг, по прибытии из Испании 352
- е о днее 19 септембра 1939 г.** Заявление Стефана Богдановского в Исполком Коминтерна об оказании содействия в переводе его детей на свою фамилию 353
- 19 септембра 1939 г.** Из служебной записки отдела кадров ИККИ в Управление кадров аппарата К ВКП(б) с просьбой рассмотреть вопрос о возвращении партбилета, сданного перед спецкомандировкой С.П. Богдановского, – характеристика Богдановского 354
- 12. новембра 1939.** Позивница на редовну седницу Меморијалног друштва Николаја II у Руском дому у Београду 698
- 1939.** Обавештење о испаду о. Владислава (Некљудова) против портрета цара Николаја II у спомен костурници 842
- 28. фебруара 1940.** Позив на јавну дискусију «Да ли ће Русија бити јединствена?» коју је организовао монархистички комитет у Руском дому 699
- 8. јуна 1940.** Инструкција министра иностраних послова Југославије А. Љ инцар-Марковића посланику И. Љ уменковићу о згради бившег руског посланства у Београду 743
- 20. јуна 1940.** Телеграм посланика И. Љ уменковића министру иностраних послова Југославије А. Љ инцар-Марковићу о резултатима преговора са совјетском страном о проналажењу локације за смештај совјетског посланства у Београду 745
- 20. августа 1940.** Документ Управе града Београда, који садржи вест о оснивању Друштво пријатеља Совјетског Савеза, која је била намењена дневном листу «Политика», али није објављена јер Министарство унутрашњих дела није прихватило Правила удружења 788
- Октобар. 1940.** Сећања о Коминтерни К.Мразовића, делегата Пете земаљске конференције КПЈ, одржане октобра 1940. у Загребу 82
- ред ном 1960-Љ год.** Сећања о Коминтерни и боравку у Совјетском Савезу В. Беговића 864
- 1940.** Одломци из књиге «СССР», српског новинара В. Драговића, посвећени обнови политичких односа СССР и Југославије током 1940. године 740
- 6. априла 1941.** Тестамент руског емигранта В. Борисова написан у првом дану Априлског рата 877
- 6. априла 1941.** Списак совјетских филмова који су били приказивани на редовном биоскопском репертоару у Београду, од марта 1927. до априла 1941. године 808

- 1. маја 1941.** Извештај С. Смирнова митрополиту Анастасију (Грибановском) о томе да је бивши шеф Државне комисије ослобођен 846
- 2. маја 1941.** Извештај С. Смирнова митрополиту Анастасију (Грибановском) о одношењу малтешких реликвија Руске цркве из Београда у манастир Острог 846
- 2. маја 1941.** Извештај С. Смирнова митрополиту Анастасију (Грибановском) о одласку руских и српских монаха из манастира Дечане услед албанског зулума након повлачења југословенских трупа 848
- 31. маја 1941.** Одговор А. Курчанинова С. Смирнову на прво писмо после бомбардовања 877
- 5. јуна 1941.** Упитник који је професор Београдског универзитета, руски емигрант В.А. Соловјев, попунио 5. јуна 1941. године, на захтев Комесарске управе М. Аћимовића 765
- 12. јуна 1941.** Иследни поступак БдС-а над ухваћеним совјетским обавештајцем М. Голубићем 913
- 15. јуна 1941.** Извештај С. Смирнова митрополиту Анастасију (Грибановском) о жељи руске колоније из Пећи да руски монаси поново дођу у Дечански манастир 849
- 22. јуна 1941.** Сећање представника КПЈ у СССР-у В. Влаховића на почетак рата у Москви 908
- 29. јуна 1941.** Писмо о немачким обећањима руским емигрантима после 22. јуна 1941. С. Смирнов књегињи Нини Владимировној 879
- 10/23. јула 1941.** Писмо митрополита Анастасија (Грибановског) архиепископу Берлинском и Немачком Серафиму (Ладе) о неопходности додатне сагласности за његов пут у Немачку 849
- 12. августа 1941.** Сећање представника КПЈ у СССР-у В. Влаховића на Свесловенски митинг у Москви 908
- 2 септембра 1941 г.** Из последнег писма Стефана Богдановског его второй жене, написаног перед вторжением в Киев фашистских войск 356
- 1. октобра 1941.** Писмо С. Смирнова свом сестрићу Е.Е. Герценштејну о разочарењу у деловање Руског заштитног корпуса 882
- 2. октобра 1941.** Писмо руског војника Краљевине Југославије у заробљеништву М. Смирнова родитељима 885
- 15. октобра 1941.** Писмо С. Смирнова П.Н. Чижову о хапшењу М. Скородумова и променама у Бироу за заштиту руске емиграције 881
- [**Октобар. 1941.**] Писмо Е.Е. Герценштејна С. Смирнову о убиствима и нападима на руске емигранте 883
- 11. новембра 1941.** Писмо митрополита Анастасија (Грибановског) шефу војне управе Србије Х. Турнеру са молбом да се дозволи сакупљање зимске помоћи за становништво Русије 850
- 14. новембра 1941.** Извештај доцента Београдског универзитета, руског емигранта В.А. Мошина, деканату Филозофског факултета у Београду о околностима његовог напуштања радног места на факултету у Скопљу 767
- 25 новембра 1941 г.** Из сообщения ТАСС об интервью югославского полковника Божина Симича газете «Дейли телеграф энд морнинг пост» о его высокой оценке Красной армии и ее Верховного командования 449
- 26. децембра 1941.** Писмо С. Смирнова Н.Е. Филимонову о тешком стању руских емиграната у Србији 886
- Децембар. 1941.** Записник саслушања професора С. Станковића у Управи града Београда крајем децембра 1941. године, у вези са покушајем оснивања Удружења пријатеља Совјетског Савеза у Београду, августа 1940. године 789
- 1950.** Елаборат о организацији делатности Руског научног института у Београду који је С.В. Троицки написао за Институт за историјска питања Управе за координацију рада научних института 628

5. јануара 1942. Писмо П. Авчиникова супрузи о служби у Руском заштитном корпусу 890
29. а р ла 1942. Писмо архиепископа Гермогена (Максимова) митрополиту Анастасију (Грибановском) у коме обећава да неће подржавати делатност тзв. Хрватске православне цркве 852

1 нја 1942 г. Рекомендацији генералног секретара ИККИ Георгија Димитрова генералном секретару КПФ Иосипу Броз Тито о развертыванији кампанији у заштиту политичкој платформи народно-освободителног движења у страни 450

9. јуна 1942. Писмо митрополита Анастасија (Грибановског) архиепископу Богучарском Серафиму (Соболеву) о делатности тзв. Хрватске православне цркве 853

10. јуна 1942. Акт министра просвете и вера у Влади народног спаса В. Јонића, којим предлаже министру финансија М. Микићу, да доцент Филозофског факултета у Београду, руски емигрант В.А. Мошин, буде пензионисан 768

11. јуна 1942. Белешка митрополита Анастасија (Грибановског) Епископалном савету управника руских православних парохија на простору Југославије 853

23. јуна 1942. Предлог команданта 1. бригаде Руског заштитног корпуса Д.П. Драценка команданту корпуса Б.А. М. тејфону о престанку молитве у корпусу за српског Краља и Патријарха 854

8 ла 1942 г. Из справки отдела кадрова ИККИ о Вукашине Марковиче 360

16. јула 1942. Писмо митрополита Анастасија (Грибановског) команданту Руског заштитног корпуса Б.А. М. тејфону о обавезном помену српског Краља и Патријарха на молитвама у корпусу 855

22. августа 1942. Писмо митрополита Анастасија (Грибановског) архиепископу Берлинском и Немачком Серафиму (Ладе) о слању црквених предмета свештенству у Русији 851

3 јанвара 1943 г. Записка зам. министра иностраних дела СССР А.Е. Корнейчука генералном секретару ИККИ Георгију Димитрову о недостатцима у транслируемих на М. гославию материјалима радиостаници «Свободна М. гославија» с предложеним мер по повишењу их информативности 453

6. а р ла 1943. Акт В. Јонића, министра просвете и вера у Влади народног спаса, којим се од председника владе, генерала М. Недича, тражи да одобри запошљавање Руса као наставника немачког језика у школама у Србији 768

12. а р ла 1943. Писмо С.Н. Смирнова начелнику представништва руске емиграције у НДХ Г.Ј. Ферхмину у вези руских свештеника страдалих у НДХ 856

19. а р ла 1943. Одговор начелника представништва руске емиграције у НДХ Г.Ј. Ферхмина С.Н. Смирнову у вези руских свештеника страдалих у НДХ 856

2. јуна 1943. Акт В. Јонића, министра просвете и вера у Влади народног спаса, којим од Изванредног комесара за персоналне послове, Т. Динића, тражи да одобри запошљавање професора Г. Острогорског и Д. Страњаковића, када Београдски универзитет буде обновљен 768

14. јуна 1943. Извештај команданта поречке четничке бригаде М. Ратковића команданту крајиног четничког корпуса ЈВуО В. Пилетићу о сукобима са Руским заштитним корпусом 919

е тембар. 1943. Летак који је ЈВуО упутио војницима Руског одбранбеног корпуса у јесен 1943. 921

25. октобра 1943. Проглас команданта дивизије генерала Панвица о насилничком понашању козачке дивизије за време операција у Срему 893

2 новембра 1943 г. Из соопштења ТАСС – об опубликованији газетой «Ново време» воззвания к сербскому народу премиер-министра «правительства народног спасения» Милана Недича об опасности коммунизма 454

7 новембра 1943 г. Из соопштења ТАСС – о негативной реакцији гитлеровског журнала «Нойе Орднунг» на отношение сербског православног духовенства к избранију Патријарха Московског и всея Руси 455

29 ноября 1943 г. План политбесед, разработанный по указанию Георгия Димитрова для 1-й югославской бригады и направленный им после утверждения уполномоченному СНК СССР и Ставке Верховного командования по иностранным военным формированиям на территории СССР Г.С. Жукову 456

октябрь. 1943. Извештај професора Жуковина југословенској емигрантској влади о стању руске емиграције у окупираној Југославији 887

11 а р е л я 1944 г. Записи, сделанные генерал-лейтенантом Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Жуковским Милованом Джиласом в Книге для почетных гостей Советского посольства в Тегеране после концерта, данного советскими артистами для югославской военной миссии 458

р а а р л а. 1944. Одговор Извршног одбора Централног националног комитета Свесловенском одбору у Москви 923

12 мая 1944 г. Из стенограммы совещания замзавотделом Международной информации Жуковским К ВКП(б) Д.З. Мануильского и зав. управлением пропаганды и агитации Жуковским К.Г.Ф. Александрова с членом Верховного штаба НОА Жуковским Милованом Джиласом о партизанском движении в Югославии против оккупантов 459

25. маја 1944. Извештај дивизијског свештеника 1 козачке кавалеријске дивизије протјереја о. Јевгенија (Јаржемског) митрополиту Анастасију (Грибановском) 857

1. уна. 1944. Преглед рада совјетских обавештајних органа у југословенским добровољачким јединицама формираним у СССР 929

1. уна. 1944. Структура 1 југословенске бригаде према прегледу садржаја несачуваног историјата бригаде 928

Жуковски роле е 1944. Пропагандни чланак пронедићевског публицисте М. Спалајковића “Нарцртљивост большевизма“ 917

25. се тембра 1944. Писмо команданта Руског заштитног корпуса Б.А. Жуковског митрополиту Анастасију (Грибановском) о организовању духовне власти у корпусу 858

30 септембра 1944 г. Телеграмма председателя СНК СССР И.В. Сталина премьер-министру королевского правительства в Лондоне Ивану Жуковскому с благодарностью за приветствие по случаю вступления Красной армии на территорию Югославии 474

13. октобра 1944. Наредба команданта групе трстеничких бригада ЈВуО Ј. Гордића о дочеку савезничке руске војске 923

20. октобра 1944. Упутство борцу Жуковском рвене армије у Југославији 934

20. октобра 1944. Белешка Г. Дедова о ослобођеном Београду 936

30 октобра – 26 новембра 1944 г. Письма члена советской военной миссии в Югославию Жуковским майора В.Н. Гаврикова жене и дочери из освобожденного от немецко-фашистских войск Белграда 474

Октобар 1944. Молба Савеза совјетских патриота да се ослободе недужни руски емигранти похапшени после ослобођења Београда 937

Октобар 1944. – ма 1945. Састави о свакодневници руске деце у ослобођеном Београду 939

27. новембра 1944. Меморандум о делатности Савеза совјетских патриота у оквиру борбе Народно-ослободилачког покрета Југославије 895

19. новембра 1952. Предлог С. Голубјева ухапшењика УДБ по предмету “Савез совјетских патриота“ 900

10. фебруара 1945. Смернице за оснивање и привремени рад Друштва за културну сарадњу Југославије са СССР, које је Повереништво унутрашњих послова НКОВ-а потврдило 10. фебруара 1945. године 791

арт 1945 г. Доклад ВОКС-у о деятельности Общества для культурного сотрудничества Югославии с СССР за время 14.I–31.III 1945 г. 795

13 а р е л я 1945 г. Информация Таганского РК ВКП(б) о проведении бесед и митингов на предприятиях района в связи с подписанием Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией 478

е ранее 13 а реля 1945 г. Из информации отдела пропаганды и агитации МК ВКП(б) о ходе обсуждения на предприятиях и в учреждениях Москвы договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией 481

е ранее 13 а реля 1945 г. Из черновиков «Маршал Тито и славянское движение» председателя Всеславянского комитета генерала-лейтенанта А.С. Гундорова о выступлении Иосипа Броз Тито на приеме Всеславянского комитета 483

7 мая 1945 г. Из письма В.Н. Гаврикова жене и дочери из освобожденного от немецко-фашистских войск Белграда – об окончании войны 484

23 октября 1945 г. Телеграмма исполнительных народных комитетов городов Белграда и Земунa Генералиссимусу И.В. Сталину с благодарностью за освобождение от немецко-фашистских захватчиков 485

11 ноября 1945 г. Из очерка Ильи Шренбурга «Второе рождение», опубликованного в газете «Известия», – о нарождающейся после освобождения от фашизма новой Югославии 486

1945. Преглед делатности лица рођених у Аутономној покрајини Војводини која су се налазила у совјетским војно-обавештајним структурама 1941–1945. године 932

ред ном 1960-Ю год. Сећање представника КПЈ у СССР-у В. Влаховића на спорна питања између СКП(б) и КПЈ која су се испољила током Другог светског рата 910

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or record.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or record.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or record.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or record.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or record.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or record.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or record.

Именной указатель
/ Именски регистар

- Абатесов** 289
Абинун 903
Абрамов Ф.Ф. 223
Абрамович Г. 369
Августинчић А. 792
Аверченко А.Т. 19, 147, 148, 229, 774
Авксентьев Н.Д. 114
Авсенек И. 742
Авчиников П. 890,893
Агабеков 302
Агапов М.И. 40, 57, 73, 579, 663, 680
Адамович Б.В. 155, 156, 231
Адамовић С. 561
Ајзенштајн С.М. 805
Ајснер К. 735
Айрапетова О. 75
Акимов П.И. 746, 847
Аксенов В.Н. 25, 459, 492
Алекса З.И., см. Ангаретис З.И. 329–331, 376
Александр I (Карагеоргиевич) 10, 12–14, 25, 38, 40, 43, 46, 49, 57, 89, 90, 96, 112, 116, 117, 120, 142, 156, 167, 180, 184, 191, 195, 201, 207–211, 223, 225, 228, 229, 231, 233, 238, 239, 347, 377, 378, 395, 442, 443, 446, 490, 491, 711, 732, 847, 913, 914
Александр I Обренович 55, 439, 448, 489
Александров, прапорщик 539
Александров Г.Ф. 25, 63, 459, 461–464, 467, 469, 470, 492, 805, 811–815
Александровић-Дубарев П. 655
Алексеев 506
Алексеев М.В. 210, 239
Алексеева А.Н. 239
Алексић Д. 61
Алиханов Г.С., см. Алиханян 267, 268, 370
Алиханян см. Алиханов Г.С.
Алтман Н.И. 779, 783
Алферов З. 888
Алферов С. 888
Анастасиј (Грибановски) 846, 848–855, 857, 858, 889
Анастасијевић М. 527, 792
Ангаретис, см. Алекса З.И.
Андонович В./ Андоновић В. 81, 528, 529
Андонович М. 141, 142, 228
Андреев 274, 282, 292, 329
Андреев Б.Н., см. Масларич Б. 344–346, 378, 792
Андрей (Семилуцкий) 857
Андрејев-Ронката Б. 792, 795
- Антић 551
Антоний (Храповицкий А.П.) 170, 203, 204, 234, 825, 837, 838, 847
Антонијевић В. 559, 560, 565
Анцупов 283, 288, 302
Апрелев Б.П. 19, 123, 222
Апухтин К.В. 606, 905
Арагон Л. 61
Аранджелович Н.И. 73, 877
Арбузов Н.И. 196
Аргунов 667
Арефјева Т. 898
Аристоклий (Яропольский) 857
Арсен (Карађорђевић) 516
Арсенијевић М. 764
Арсењев А. 75
Арсеньев А.Б. 29, 32, 230, 237
Артамонов 606
Артамонов В.А. 233, 736–739
Артемов 274, 275
Архангелскиј В. 666
Архипенко А.П. 783
Асеев 59
Асич 277, 279, 282, 283
Астафјев 682
Атанасиевич К. 398
Атанасов Н. 677, 680
Атанацковић Д. 561
Ачимович/Аћимовић М. 765
- Бабановски Б.** 655
Бабич 250
Бабич И.Ю. 280, 372
Бабкин Н.Е. 690, 699, 700
Бадридзе Д. 798
Базала А. 385, 441
Базаревич В.И. 606, 846
Базаров А.Ј. 63
Бакунин М.А. 123, 133, 222, 415
Бален И. 399
Балутчић 685
Бальмонт К./Балмонт К. 629, 665
Бановић Б. 607
Барабаш 246
Барановская 479, 481
Барановскиј Н. 888
Баратов Н.Н. 137, 226
Барбовић И.Г. 137, 226, 691
Барнет Б. 809
Барсова В.В. 797
Барту Л. 31, 208, 209

- Бауер Б. 248, 249
 Бауман 302
 Баумгартен В.Ф. 227, 395, 443, 583
 Беговић В. 45, 864
 Беговић М. 795
 Бекназарјан Х. 811
 Белич 247
 Белич А. 188, 195, 201, 224, 233, 235, 236, 511, 585, 612, 615, 617, 629
 Белкин 269
 Белов Г., см. Дамянов Г. 361, 381
 Белов М. 75
 Бенеш Е. 665, 676
 Бенцелевич А.А. 139, 146, 228
 Бећаревић Б.Б. 905
 Биба Д. 435, 437
 Бијан А. 665
 Билбија Ј. 63
 Билимовић А. 628
 Билль-Белоцерковский 398
 Биокович И.В. 275, 277, 278, 280–282, 286, 288, 291, 305
 Бискупски 898, 903
 Бићанић Р. 742
 Благојевић В. 788
 Благотич М. 97, 118
 Блаич 283, 292
 Блашковић Л. 75
 Блок А. 59, 396
 Блюхер В.К. 695
 Бобрински В.А. 502, 825
 Богданов И.П. 797
 Богданович 274, 275, 279, 291, 303, 308
 Богдановић Д. 606–610
 Богданович М. 188–190, 235
 Богдановић Н. 606
 Богдановић С. 561
 Богдановский С. (Йованович С.) 23, 24, 33, 324, 350–356, 379, 380
 Богићевић С. 757
 Богнина 314
 Боголепов А.А. 193, 236
 Богуславскаја К.Л. 783
 Богушевский М.Е. 202, 237
 Бођин Д. 561
 Божић И. 607, 610
 Божовић М. 897, 903
 Бойлович 193
 Бојко А. 888
 Бондаренко С. 656
 Бонч-Бруевич В.Д./Бонч-Брујевић В.Д. 27, 64, 402–407, 410–414, 417, 418, 423–428, 432, 433, 435–437, 787
 Бонч-Брујевић М.Д. 716, 720
 Борис (Муљев) 857
 Борисов В.Е. 877
 Боровац 246
 Бошкович 619
 Бошкович Б., см. Филипович Ф. 22, 250, 251, 271, 272, 285, 293, 298–300, 318, 371
 Бошковић Р. 619, 897, 903
 Бошњаковић 725
 Брабек Д. 763
 Брагина 321
 Брадашевић Ж. 561
 Браиловская Р.Н. 227
 Браиловский Л.М. 138, 227
 Брајер М.Е. 388
 Братцев С.А. 42, 695, 696
 Брацанович Б. 270, 273–277, 279–281, 284–287, 291, 293, 294, 297–300, 338, 358, 371–373
 Брежина С. 561
 Брешко-Брешковская Е.К. 19, 131, 224, 667
 Брјански В. 585
 Брусилов А.А. 244, 245, 367
 Бруцер Л. 329, 376
 Брчић Ћ. 561
 Брюшков Г.В. 797
 Бубнов 325
 Бубнов А.С. 404, 436, 445
 Бугарски Д., см. Георгиевич Д. 44, 256–258, 261, 370, 860, 930
 Буденный С.М. 695
 Бунин 396
 Буныковский В.В. 19, 168, 233
 Буркић Д. 818
 Бурлюк Д.Д./Бурљук Д.Д. 783
 Бухарин Н.И. 44, 310, 311, 335, 336, 377, 382
 Бычков 482

Вавилов Н. 610
 Вагнер Ю.Н. 137, 145, 158, 232
 Вадболски 583
 Вальгони 264
 Вальтер, см. Тито И. Броз
 Ван Гог 775
 Вандул П. 847
 Варнава 823, 824
 Варнава (Росич П.) 40, 43, 617, 836, 837, 839, 840
 Васильев 141

- Васильев А.А. 395, 443
 Васильев А.В. 830
 Васильев (Гольберг) Б.А. 299, 301, 374
 Васильевы 799
 Васић Д. 64, 786
 Васић М. 864
 Вахрушев А.М. 699, 700
 Webster 751
 Величковић М. 896
 Величковићка А. 761
 Вељковић Д. 903
 Вербицкий Ф.В. 139, 228
 Верешчагин А.А. 63
 Верешћак С.И. 666, 676, 677
 Верин П. 254, 264, 266
 Веселкин М.М. 747
 Веснич М./Веснић М. 89, 91, 116, 514, 731, 732
 Ветчинин В.Г. 130, 223
 Видневич Д. 248, 249, 251–253, 255, 267, 368, 369
 Викентиј 607
 Викинский А.Д. 232
 Викман В. 656
 Виктория Федоровна (Романова) 696
 Виллиам Г.Я. 19, 20, 57, 157, 231
 Винавер С. 725
 Винтровић Р. 711
 Висторопска О. 899
 Висторопски 896–899, 905
 Витасовић М. 561
 Вичевич О. 266
 Вишняков Я.В. 29, 75
 Вишнякова П.И. 267, 269, 370
 Владимир Кириллович (Романов) 695, 696
 Владимиров 320
 Владислав (Некљудов) 843
 Влайкович Д. 426–429, 432, 446
 Власов 361
 Влахов Д. 908
 Влахович В./Влаховић В. 73, 454, 491, 906, 910–912
 Влашкалин 577
 Вогелник Б. 792
 Водник Б. 638, 639
 Војковић Т. 919, 920
 Войнович И. 168, 233
 Волков 338
 Волков Е.Н. 156, 231
 Вологодский П.В. 118
 Воробијев И.С. 657
 Воронец Д. 74, 939–941
 Воронежский В.А./Вороњецки В.А. 139, 228
 Вороњецки 539
 Воронцова 323
 Ворошилов К.Е. 695
 Врангель П.Н./Врангел П.Н. 117, 126, 138, 201–203, 223, 230, 232, 234, 237, 255, 575, 581
 Вртел-Верчиньский С. 427, 447
 Всеволожский Н.В. 402, 404, 420, 421, 444
 Вуйович В. 274, 372
 Вуйович Г., см. Митрович Г.Д. 22, 329, 330, 376
 Вук И. 248, 249
 Вукићевић К. 561
 Вукмановић И. 561
 Вукосављевић И. 818
 Вучетич И. 415, 444
 Вучкович М. 792, 795
 Вячеслав (Зейн) 884
Габо Н. (Певзнер Н.Б.) 778, 782
 Гавела Б. 64, 786
 Гавранчић М. 757, 761
 Гавриил V (Дожић Ђ.) 854, 855
 Гавриил Константинович (Романов) 203, 238
 Гавриков В.Н. 26, 474, 484, 495
 Гавриленков Л. 888
 Гавриловић Б. 629
 Гаврилович М./Гавриловић М. 492, 551, 737, 740
 Гагићка М. 763
 Гај (Гајда) 529, 639
 Гаковић В. 791, 792, 795
 Галета Ц. 561
 Гарајс 735
 Гарашанин И. 118
 Гардин В. 805
 Гартвиг Н.Г. 117
 Гачић Д. 75
 Гачинович В. 915
 Генгросс Б.В. 694
 Генералов В. 888
 Генчић Л. 788
 Георгиев К. 50
 Георгиевич Д./Георгијевић Д., см. Бугарски Георгиевич Т. 399
 Георгиевский М.А. 690
 Георгий (Джордже) (Карагеоргиевич) 116, 207, 210, 211, 239

- Георгиј (Летић Ђ.) 826
 Гераси 250, 251
 Герасимов А.Т. 63
 Гербель 205
 Гердер И.Г. 416, 445
 Герен Ж. 230
 Геринг 211
 Германова (Красовская-Калитинская) М.Н. 166, 232
 Гермоген (Максимов Г.И.) 607, 852, 853, 857, 858, 889
 Герценштејн Е.Е. 882–884
 Гершельман Б.Р. 690, 700
 Гишман Е.В. 142, 229
 Гилецак Р. 561
 Гиока-Попович 246
 Гиппиус З.Н./Хиппиус З. 193, 195, 396, 629
 Гирса 529
 Гитлер А. 211, 456, 487
 Глаголин Б. 809
 Гладун 246
 Глишич Д. 143, 229
 Глумац М. 248, 249, 368
 Глуценко 144
 Гоген П. 775
 Гоголь Н.В. 444
 Годжевац 218
 Година А. 248
 Година К. 248
 Година М. 248
 Голдблат М. 811
 Голдштејн Ј. 656, 916
 Голев А.Д. 305
 Голенишчев-Кутузов И.Н. 764, 895, 899, 903, 905
 Голенишчев-Кутузов О. 895
 Головачев М.П. 82, 115
 Головачев П.М. 115
 Головин Н.Н. 629, 691
 Голубев М.В. 700
 Голубин В.Д. 797
 Голубић М., см. Поповић 913, 915
 Голубић Н. 913
 Голубјев С. 900, 906
 Голубовић Д. 884
 Голубовић М. 533, 559
 Гончаренко 478
 Гончарова Н.С. 776
 Гончуков В. 808
 Горди[е]нко Г. 656
 Гордић Ј. 923
 Горкич М./Горкић М., см. Чижински Ј. 25, 307, 318, 339, 358, 374
 Городецкии Б.П. 305, 315
 Горький Максим/Горки Максим 774
 Гошњак 860
 Граббе Г./Грабе Г. 293, 297, 837, 838, 849, 850
 Гранд П.И. 305
 Гранич З. 248, 249
 Гргец Й. 254, 369
 Гребеншћиков О. 900, 905
 Грегориц П. 264, 266
 Грей 327
 Гржетич С.П., см. Флейшер С. 352, 379
 Григорьев 324
 Грицкат-Радулович И.Г. 20, 27, 32, 57, 197, 236
 Гришин 481
 Гришина Р.П. 29
 Грол М. 188, 195, 235, 629, 741
 Громов В.В., см. Поптомов В. 348, 379
 Грот Я.К. 426, 446
 Грудман Р.Я., см. Розенцвайг Р.Я. 352, 353, 356, 379
 Груич Р./Грујић Р. 388, 442
 Грујић М. 570, 899
 Грујин Г. 561
 Губанов 361
 Губарев 905
 Губер 330, 331
 Гуков 291, 292, 315
 Гуляев П.В. 356, 380
 Гундоров А.С. 26, 483, 496
 Гурко В.Ј. 499
 Гусев П. 798
 Густинчић Д. 908
 Гучков А.И. 37, 501–505
 Гучков Н.И. 505
 Гучкова А. 505
Даватц В.Х. 149, 181, 234, 690, 694
 Давидовић Љ. 133, 222, 224, 740, 914
 Давидошвили С.С. 305
 Дадић С. 763
 Дамаскин Д. 821
 Дамянов Г., см. Белов Г.
 Данила 819
 Данон О. 792
 Дапчевић П. 912
 Дарсула В. 305, 312
 Дворжак-Францевић Ј. 656
 Дворжаков Ј. 656
 Девис Ц. 751

- Дедич М., см. Соловьев В. 283, 288, 305, 372, 639
 Дедов Г. 936
 Декастел 532
 Деклава 307, 312
 Демарин И. 264, 266
 Демидов Е.(Э.)П. 89, 90, 116
 Деникин А.И. 40, 116, 117, 121, 221, 223, 233, 234, 368, 575, 581
 Денковић Д. 795
 Державин Г.Р./Ђержавин Г.Р. 431
 Дестре 517
 Дзепаридзе 302
 Дзержинская/Ђержинска 908
 Дзержинский Ф.Э./Ђержински Ф. 33, 734
 Джилас М. 25, 364, 458–473, 491–493
 Джорджевич П. 142, 144, 145, 229
 Дзюбин Г.Ф. 305
 Диамандиј К. 39
 Димитрије (Павловић) 830, 833, 820
 Димитријевић Д. (Апис) 913, 915
 Димитриевич М. 580, 684, 685
 Димитров 767
 Димитров Г.М. 24, 25, 335, 337, 376, 377, 381, 450, 452, 456, 910
 Динич М. 399
 Динић Т. 770
 Дмитрий Павлович (Романов) 203, 238
 Дмитрије 817, 823–825
 Добановачки П. 577
 Добник А. 49, 248, 249, 368
 Добровник 847
 Доброклонски А.П. 629
 Добронравов Б.Г. 805
 Довгалевский В.С./Довгаљевски В.С. 27, 64, 404, 417, 423, 424, 444
 Дов[ж]енко А.П. 805
 Довьяненко А.Н. 305, 315
 Долгоруков С.А. 837
 Долинар Л. 792
 Донској М. 811
 Досифей (Васич)/Доситеј 188–190, 195, 235, 831
 Достоевский/Достојевски Ф.М. 158, 166, 396, 414, 444
 Дравич 361, 454
 Дравич А., см. Салај Д. 491, 792
 Драгачевац П.П., см. Новакович К. 287, 289, 291, 294, 297–301, 328, 329, 335, 336, 373, 914, 916
 Драгић М. 792
 Драгич С., см. Ковалев И.Б. 274, 280, 281, 286, 288, 305, 318, 320, 372
 Драгович В. 74, 740, 743, 786, 787
 Драценко Д.П. 854, 855
 Драшковић М. 49, 655
 Дроздов В.П. 305, 315
 Дубајић Д. 63
 Дубарев-Александровић П.А. 656
 Дугоњић Р. 792
 Дунајевски И.О. 805
 Дураков А. 895, 896
 Дуракова Љ. 895, 896
 Дурдеев 454
 Дурново П.Н. 697
 Ђаковићка А. 763
 Ђерић Л. 913
 Ђилас М. 792, 930
 Ђорђе Михајловић (Карађорђевић) 499
 Ђорђевић Б. 792, 903
 Ђорђевић Ђ. 761
 Ђорђевић М. 741, 742, 747
 Ђорђевић Т. 899
 Ђуковић Р.М. 792
 Ђурашковић Ђ. 862
 Ђурковић Б. 542
 Ђурковић Д. 542
 Ђурковић С. 542
- Евгений (Яржемский)/Јевгениј (Јаржемски) 857**
 Евсеенко 302
 Евсиков И. 888
 Евтич (Йевтич) Б. 27, 417, 446, 490
 Егерт К. 808
 Ежов Н.И. 695
 Ек Н. 583, 810, 812–814
 Экстер А.А. 779, 783
 Елачич А.К./Елачић А.К. 395, 443, 666, 676, 682
 Елена Владимировна (Карагеоргиевич) 617
 Елена Петровна (Романова) (урожд. Карагеоргиевич) 35, 39, 142, 229, 250, 369, 499, 500, 516, 522, 525–529, 603, 733, 747, 878
 д'Епере Л. 736
 Еремич Б.И./Јеремић Б. 86, 91, 98, 99, 115, 558–560, 567, 569
 Еренбург И.Г., см. Эренбург И.Г. 774, 780, 785
 Ермаков 288

Ермолов Н.А. 283, 305, 306, 374
Еропкин А.В. 148, 230
Есенин С.А./Јесењин С.А. 59, 396
Ефта 847

Жанен М. 91–94, 106, 117, 119
Жари 278
Жегалов И.П. 156, 231
Жељабуџски Ј. 809
Жеребков 905
Живановић М.Ж. 792, 795
Живанчевич 190
Живкович 554
Живкович Ж. 816, 818, 819
Живкович М. 244, 367
Живкович П. 378, 452, 681, 684, 685
Живковићка 761
Житник Е. 929, 932
Жуйович Ђ. 142, 190, 228, 415
Жуйович С. 494
Жујовић 910
Жуков 721
Жуков Г.С. 456, 491, 912, 929
Жуков Е.А. 690
Жуковский В.Г. 88–90, 95, 96, 116
Жуковский-Волынский 887
Журовски 747
Жухина К.В. 690

Заболоцка К. 899
Заболоцки Б. 897, 903, 905
Завадский С.В. 190, 236
Заварзин Ф.П. 292, 312, 314, 316, 375
Завојан Ж./Завојан Ж. 532
Загороднюк В.П. 138, 227
Загорский 313, 314, 316, 317, 326
Загребин А.Г. 903
Задворная Л., см. Цилига Л. 278, 279, 372
Задворный П.А., см. Цилига А. 22, 273,
276, 278, 280, 281, 284, 287, 294, 305, 309–
311, 318–320, 338, 371
Задорски 798
Зайцев 481
Зайцев Б.К. 195
Зайчи(е)к И. 102, 118
Закржевский 692
Залар Д. 742
Замуровић К. 757, 761
Захаров Е. 581
Зборовски В.Е. 891
Зверјев Н.И. 656
Звягин 289, 290, 292

Зелич 188
Зензинов В. 667
Зердески Ристо 63
Зигель Н. 851
Зилов Р. 905
Зильберштейн И.С. 400, 401, 443, 444
Зинич 269
Зиновьев Г.Е./Зиновјев (Апфелбаум) Г.Ј.
44, 358, 381, 734
Зиновьев (Гипс) Л.Б. 138, 227
Зихерл Б. 792, 795
Змай Ђ.И. 407, 413, 416, 441, 444, 445
Знајк 746, 747
Зоговић Р. 792, 795
Зогу А. 678–680
Зорич 103, 320
Зоценко М.М./Зошћенко М.М.
Зубов П.Ю. 113, 114, 120
Зыбцев А. 798

Ибањес Б. 665
Иванов 888
Иванов А.А. 695
Иванов В.А. 282, 288, 305
Ивановски А. 811, 815
Иванцов Д.Н. 158, 231
Ивањук И. 770
Ивеша М. 750
Ившич С. 388, 442
Игл 254
Игнатијев П.Н. 502, 747
Игнатовский А.И./Игнатовски А.И. 139,
395, 586, 629
Израилов 905
Иконников А.А. 797
Икраш 246
Илич И. 266
Илић В. 607, 610
Илић М. 757
Илић П. 770
Илић-Агапова М. 589–603, 633
Иљкевич Н.А./Илкевич 583
Иљин И.А. 687
Иљин 480
Иљински И. 805
Иоанн (Кухтин) 848
Иосиф 852
Иосиф (Брагин) 884
Ипатјев В. 629
Ипекчић А. 757
Ираклиди В. 682

- Исаченко К.Л. 232
 Яковлев Н. 885
 Якоњић М. 561
 Јакулов Г.Б. 776, 779
 Јангфелт Б. 68
 Јанковић В.С. 513, 515
 Јанкович П. 554
 Јањић К. 757
 Јевлогиј (Георгиевский В.С.) 825
 Јелић В. 561
 Јермаков А. 888
 Јефремов 503
 Јоан 607
 Јован 521, 817
 Јован Константиновић (Романов) 229, 369, 733
 Јованович 287
 Јовановић А. 788
 Јованович Д. 398, 443
 Јовановић Ј. 740
 Јовановић Љ. 233, 513, 514, 530, 612
 Јованович Милан 847
 Јовановић Мирко 9, 10, 17, 18, 29, 554, 757, 763
 Јованович Н. (Богдановская) 29, 33
 Јованович Р.С. 524, 725
 Јованович С., см. Богдановский С.
 Јованович Сл. 385, 441
 Јованович-Пижон Й.М./Јовановић-Пижон Ј.М. 222
 Јонић В. 768, 770, 771
 Јуденић 830
 Јурић К. 561
 Јуричић М. 561
 Јуришић 711
- Кавалеридзе И.** 812
 Каган (Брик) Л.Ю. 61
 Казанович Б.И. 137, 226
 Калевич 292
 Каледин А.М. 557
 Калиновски К. 888
 Каменев 311
 Каменица А. 795
 Каменский В. 150
 Каминка Э. 798
 Кандински В.В. 776, 778
 Капырин 329
 Карабчевский Н.П. 156, 231
 Карагеоргиевичи 9, 94, 210, 211, 239, 491
 Караджич В.С. 136, 224, 225
- Каракаш М.И. 138, 227
 Карамихов 268
 Карахан Л.М. 49
 Кариди 397
 Карин В. 809
 Каружа 274, 275, 278, 282, 288, 291, 292
 Катанян 314, 316, 317, 326
 Кацлеровић Т.Т. 515 733
 Качалов В.И. 232
 Качан П. 232
 Кашанин М. 399, 443
 Кедров М.А. 691
 Кедров М.С. 108, 109, 120
 Кейфиш 289
 Керенский А.Ф./Керенски А.Ф. 43, 224, 501, 506, 525, 667, 669, 676, 695
 Кизеветтер А.А./Кизеветер А. 190, 236, 629, 630
 Кипер Н. 657
 Кирил (Јанић) 820
 Кирилин Г.Н. 849
 Кирилл Владимирович (Романов) 203, 237
 Киричек П. 798
 Киров С.М. 874
 Киршон 398
 Киселев 326
 Киселев Е.Н., см. Яничевич П. 33, 288, 373
 Кисловский С.А. 20, 136, 225, 228, 229
 Кићевац-Дедијер М. 792
 Кишенский Д.П./Кишенски Д.П. 162, 163, 232, 506
 Клемм В.О. 88, 116
 Кључански Н. 657
 Кнежевић Д. 561
 Кнежевић М. 561
 Кнорин В.Г. 875
 Кноринг Л.С. 834
 Ковалевский Е.Е. 616, 700, 877
 Ковалев И.Б., см. Драгич С.
 Ковач В. 890
 Ковачевић В. 792, 795
 Ковачевић Н., см. Накванович Н. 301, 302, 307, 308, 316, 318, 344, 374, 734
 Коган 269
 Коган П.С. 60, 785
 Кодрня М. 254, 369, 370
 Козинцев Г.М. 811–813
 Козлов 482
 Козлов С.С. 268, 329, 330
 Козолупова Г.С. 797

- Којић В. 179
 Којић С. 561
 Коларов В. 319, 375, 908
 Колесников С.Ф. 138, 227, 586
 Колосова 481
 Колумбатович 566
 Колчак А.В. 18, 28, 32, 40, 88–91, 95–101, 103–107, 114–118, 121, 123, 221, 222, 252, 255, 256, 570, 575
 Колюбакин/Кољубакин В.Н. 156, 231, 586, 670
 Комаров 898, 900, 903
 Комненовић М. 655, 685
 Кон Г. 388
 Константин Константинович (Романов) 156, 432
 Константинович Г.К. 242
 Констанцев 381, 382
 Кончаловски П.П. 775, 776
 Коњев Д. 888
 Конькова 269
 Коп В. 733
 Копинић Ј. 860
 Кораћ В. 726–730
 Корнеев Н.В. 492
 Корнейчук А.Е. 24, 27, 452, 490
 Королић В. 897
 Корошец А. 339, 345, 378, 391
 Коршунова 483
 Кос-Вујовић А. 75
 Козицки А. 628
 Костин А. 888
 Костић Д.П. 81, 685, 751, 752, 755, 757
 Костић Ј.Д. 757
 Кочаровски К.Р. 666, 676, 685
 Кошанин Н. 399, 443
 Кошутић Р. 580, 792
 Кравченко 291
 Краински Н. 888
 Краљева Б. 63
 Крањац В. 561
 Красницкиј 246
 Краснов В.Н. 329, 331
 Красовский К.Д. 841
 Крат П. 903, 905
 Крејтер В.В./Крејтер В.В. 647, 670, 888
 Кремнева О. 480
 Кривченко 275, 279, 283
 Крижанић П. 637, 638
 Криленко Н.В. 717–719
 Кристан А. 729
 Крлежа М. 385, 389, 398, 441, 638
 Крстић Ђ. 548, 792
 Кругликова Е.Д. 798
 Крупенский В.Н. 107, 119
 Крупочкин 479
 Крупская Н.К. 21, 22, 156
 Ксения Александровна (Романова) 837, 847
 Ксюнин А.И./Ксјунин А. 234, 619, 671, 690
 Кудрявцева 481
 Кузнецов К. 288, 305, 316
 Куксин А. 883
 Куликов Р.П. 108, 119
 Кумануди К. 188, 235
 Кун Б. 319, 375, 695
 Куприн А.И. 193, 195, 396
 Кургански В. 888
 Курчанинов А.П. 647, 877
 Кусовавц Р. 542, 915
 Кутепов А.П. 120, 223, 697
 Кухаљевски К. 657
 Кухар Л., см. Прешихов В. 864
Лавов Г.Ј. 510
 Лавренев 398
 Лаврентијев А.Ј. 743
 Лаврентьев А.Г. 305, 315, 326
 Лазар Хребельнович 206, 238
 Лазарев Е.Ј. 666, 667
 Лазаревић Д. 864
 Лазаревић Ж. 548
 Лазаренко А.Н. 682
 Лазаренко М.П. 305, 326
 Лакота М. 561
 Лалић Р. 792
 Лалошевић С. 577
 Лапшин И. 629, 665
 Ларионов М.Ф. 776
 Ласкарев В. 628
 Лаушевич 273, 276, 277, 279, 281, 282, 284, 303, 338
 Лебедев В.И. 664–667, 672, 674–678, 680–682, 685, 687, 896–899, 903, 905, 938
 Лебедева З. 899
 Лебрун 681
 Леви Р., см. Михайлов 319, 375
 Ледњева С. 582
 Лентулов А.В. 776, 779
 Ленин В.И./Лењин В.И. 38, 108, 311, 373, 380, 381, 385, 444, 514, 517, 518, 521, 726, 733, 861, 864
 Леонов 481

- Лепешинская О.В. 798
 Лепјохин Ф. 906
 Лѣтич Д./Лјотић Д. 218, 241
 Либединский 398
 Либкнехт К. 735
 Линевич 314
 Линицкий Л.Л. 692
 Лиозин В.Ф. 142, 228, 229
 Лиотич 456
 Лисицки Е. (Эл) 59, 60, 774, 780, 781, 785
 Литвинов К. 891, 893
 Лобачев 896, 905
 Ловрич Л./Ловрић Л. 499, 450
 Лозанич М. 145, 146, 229
 Лозанич С. 142, 145, 146, 228
 Лозич 454
 Лојд Х. 807
 Лойко И.А. 232
 Локоть Т.В./Локотј Т. 144, 229
 Лонткиевич Б./Лонткијевић Б. 38, 102, 118, 508, 527, 542, 545, 548, 565, 716–720, 722, 724, 725
 Лопачев 308, 315, 316, 330, 331
 Лопушин П. 542
 Лоскарјов В.Д. 629
 Лоски И. 629
 Луканович Б. 264, 266
 Лукашевич Т. 814
 Лукић Б. 791, 795
 Лукићевић М. 548
 Луначарски А.В. 59, 156, 774
 Лучанинов 887
 Љацки Е. 629
 Љвов В. 504, 505
 Љескова А. 63
 Љубин 539
 Љвов Н.Н. 149
 Љвовская 480
- Мавер И.** 248, 249
 Магарашевић М. 576, 577
 Магнус М., фон 205
 Маяковский В.В./Мајаковски В.В. 59–61, 69, 150, 396, 781, 785
 Макаров 323
 Макаров А.Д. 119, 798
 Макаров И.С. 305
 Макарьянц П.Д. 305
 Макдоналд Р. 665
 Маклецов А.В. 130, 223
 Максимилијан 826
- Максимовић В. 519, 531, 532, 717, 718, 720
 Максимович Ђ./Максимовић Ј. 27, 400–407, 410–412, 414, 417–419, 422–426, 443, 444, 792
 Макшеев 695
 Малащак 247
 Малецкий 293, 297
 Малинин И. 582, 905
 Малова 480
 Малышич 293
 Маљевић К.С. 59, 776, 777, 781, 785
 Маљенков Г.М. 912
 Мальцев 482
 Манакин В.К. 670, 671
 Мандић С. 75
 Мануильский/Мануилски Д.З. 25, 319, 375, 459–473, 494, 908–912
 Мариенгоф 150
 Маринкович В./Маринковић В. 391, 442, 686, 687
 Маринкович М. 81, 115
 Маринкович С. 539, 545, 547–549
 Марич Д. 816
 Мария (Карагеоргиевич) 142, 210, 233, 617
 Мария Федоровна (Романова) 837
 Маркишић А. 896
 Марков 682
 Марков Б. 905
 Марков И.П. 143, 144, 145, 229, 682
 Марков С. 905
 Маркович В./Марковић В. 21–23, 357–361, 380–383, 738, 742, 909
 Маркович З. 288, 305, 315
 Марковић Ј.Т. 822
 Маркович М. 279, 283, 288, 305
 Маркович Р., см. Стийенский Р. 362, 364, 365, 909
 Маркович Св. 443
 Маркович Сима 118, 291, 292, 297–299, 305, 318, 335–337, 346, 347, 373
 Марковић Ст. 363
 Маркович Ф. 279
 Маркуш З. 60, 68, 784
 Мародић С. 65, 788, 792, 795
 Марти А. 378
 Мартино В. 903
 Мартынов 856
 Мархлевский Ю.Ю. 370
 Марш 546
 Марьянович М. 248, 249
 Марьяшец Е.С. 138, 156, 165, 231
 Масарик Т. 665

- Масларич Б., см. Андреев Б.Н.
 Маслобоева 321
 Матвеев 851
 Матвејев 896
 Матковић 862
 Матюшина 482
 Махин Ф.Е. 40, 227, 584, 663, 666–672, 677–687
 Мачек В. 340, 378, 488, 496
 Машевский 884
 Мгеладзе Ш.Г. 305, 315
 Медведева О.С. 482
 Меденица Р. 542
 Мејерхолд В.Е. 779, 785
 Менцингер С. 770
 Мењиков Е. 770
 Мережковский/Мерешковски Д.С. 193, 195, 396, 629
 Мерле 417, 424
 Месић М. 929, 933
 Мессерер С.М. 797
 Металников С. 630
 Мехлис Л.З. 695
 Микац М. 61, 62, 784, 801, 804, 807
 Микић Љ. 742, 768
 Микојан А.И. 742
 Милан I (Обреновић) 709
 Миланкович Ђ./Миланковић Ј. 18, 32, 79, 81–83, 85, 88, 89, 91, 92, 95, 96, 99–101, 104, 106–108, 114, 117, 119, 551, 552, 568, 571, 572, 751, 752
 Миленович М. 147
 Милкич И. 49, 248, 249, 251, 368, 370
 Миллер Е.К. 18, 109–113, 120, 690, 691, 697
 Милованович 250, 251
 Милованович Д.А. 389, 397
 Миловановић С. 65, 788, 792
 Милојевић 713
 Милојкович 920
 Милорадович Г. 29
 Милорадовић М. 75
 Милосављевић В. 75
 Милосављевић Ч. 788
 Милошевић М. 75
 Милошевић С. 65, 788
 Милутиновић Б. 629
 Милутиновић С. 607
 Милюков/Миљуков П.Н. 195, 501–506, 511, 554, 632, 708, 709, 711, 712
 Милютин 377
 Минор О. 667
 Мирковић 885
 Миронов Н.А. 797
 Митић Т. 920
 Миткевић Г. 889
 Митрович Г.Д., см. Вуйович Г.
 Митрофан 848
 Михаил 49, 368, 819, 823
 Михаил Михайлович (Романов) 202, 237
 Михайлов 293, 297
 Михайлов, см. Леви Р.
 Михајловић-Воскар В. 551
 Михайлович Д. (Дража)/Михајловић Д. 25, 46, 218, 219, 240, 241, 452, 454, 457, 464–471, 473, 494, 898, 910–912, 918, 926, 934
 Михайлович Драгутин 398
 Мицић Б., см. Пољански В. 61, 781, 783, 784
 Мицић Љ. 59–61, 772, 773, 784, 785
 Мичич Ж. 119, 369, 566, 652
 Мичурин П.Л. 619
 Мишин 282, 307
 Мишић Ж. 652
 Мокаенко Е.Т. 292, 309, 330, 373
 Молин-Боровски Т. 657
 Молотов В.М. 24, 293, 311, 479, 482, 492, 745, 912
 Моргунов А.А. 776
 Морозов 888
 Морозова 324
 Морфесси Ю.С. 138, 226
 Мосина З.В. 28, 438, 447
 Москвин И.М. 805
 Московлевич М./Московљевић М. 131, 224, 388, 570, 751, 755, 760, 762–764
 Мошин В.А. 767, 768
 Мразовић К. 862
 Муссолини Б. 493
 Мутовкина 480
 Мушицкий Л./Мушицки Л. 416, 445
 Мышлаевский 887
Накованович Н., см. Ковачевич Н.
 Нађ К. 912
 Нансен Ф. 236, 576
 Настовић А. 555, 565
 Наумов С.Н. 682
 Нахтигаль Р. 388, 442
 Наядин В. 264, 266
 Небо В. 203
 Невски А.П. 657
 Недбајевски П. 888

- Недељковић Д. 561
Недељковић Ј. 791
Недич Милан/Недић М. 46, 453–458, 463–465, 468, 469, 484, 490, 493, 494, 768, 889, 912, 917, 934
Недич Милутин 148, 229, 493
Некљудов/Некљудов В. 842–844
Немирович-Данченко Вас. И. 19, 168, 178, 187, 191, 193–195, 233
Ненадич М.М./Ненадић М. 582, 619, 719
Ненадич-Милошевић М. 75
Ненадовић П. 638
Нечаев 312
Нешић-Пијаде Л. 792
Нешковић Б. 912
Никаноров 302
Никатов 274, 275, 283, 288, 302
Никезић П. 762
Никерић С. 724
Никитин 930, 931
Никифоров К.В. 29
Никодијевић Д. 75
Никодим 825
Никодимов И.С. 288, 305
Николаев Н.К. 700
Николаева 320
Николаевич Д./Николајевић Д. 190, 236, 442
Николай Николаевич-мл. (Романов) 203, 238
Николай I (Петровић-Негош) 358, 381
Николай II Александровић (Романов) 37, 38, 41, 43, 203, 206, 209, 227, 242–244, 246, 367, 369, 396, 501, 508, 526, 609, 698, 733, 740
Николајевић Д. 607–609
Николич Б./Николић Б. 363, 649
Николић Ж. 919
Николић Н. 561
Николић С. 561, 761
Николовић 335
Никон (Штрандман) 831, 859
Нина Владимировна 879
Нинчић М. 530, 731
Новаковић К., см. Драгачевац П.П.
Новаковић М. 561
Новаковић Р. 792
Новгородцев П.И. 628
Новиков 887
Новитовић Г. 607
Ногин П.И. 305
Носков 280, 281, 288
Носков П.И. 289, 290, 292, 373
Носков Ц. 292
Обов А. 677, 680, 681
Оборин Л. 798
Обрадовић М. 402–404, 408–411, 417–420, 422–425, 428, 429
Обрадовић С. 742
Образ Р. 841
Образцов С.В. 797
Образцова О.А. 797
Овчинников 246
Одишелидзе 896, 897, 899
Ойстрах Д. 798
Олар А. 665
Ољром И. 49
Ольга Александровна (Романова) 617, 847
Ольденборгер С. 883
Ольденбург С.С. 845
Ољром И. 248, 249, 251, 252, 368
Ољхин А.А. 426–429, 446
Опарин 905
Орешкин П.М. 286, 288, 292, 305, 372
Орлов 205, 398
Орлова В. 543
Орлова Љ.П. 805
Орфенов А.И. 797
Остафјев 582
Островский А.Н. 158, 444
Острогорски Г.А. 770, 771
Оцеп Ф. 808
Ошанин Д. 895
Ошанина Ј. 895
Павел I (Карађорђевић) 13, 617
Павел Карагеоргиевић, принц, регент Југославији 13, 617
Павелич А./Павелић А. 453, 458, 462, 465, 484, 487, 490, 493, 496, 934
Павич 251, 252
Павковић Л. 792
Павле 817
Павликов 907
Павлов 321–323
Павлович 110, 247
Павловић Д. 726
Павловић Т. 519, 543
Павлюченко 326, 327
Пазловић П. 792
Пајкунић Г. 528
Палеолог С.Н. 169, 202, 233, 612
Панкевич (Панькович) 268, 275, 278, 279, 283, 338

Панновиц/Панвиц 893, 894
 Пантић Б. 660
 Пантич Н., см. Санданский-Оровчанац Н.
 274, 275, 277, 278, 280, 282, 288, 305, 371
 Пасковић Ј. 763
 Пастернак Б.Л. 59
 Паунович М. 248, 249
 Пашич Н./Пашић Н.П. 27, 37, 73, 102, 118,
 123, 129, 133, 135, 201, 222, 286, 339, 373,
 437–440, 442, 443, 491, 499, 500, 507–515,
 523–525, 530, 540, 541, 554, 555, 573, 574,
 679, 708–713, 715, 737, 738, 740, 748, 749,
 759, 821, 913
 Пејић Д. 818
 Пејовић Ж. 548
 Пекла 86
 Пекле Г. 115
 Пелехин Б.П. 88, 116, 514
 Пеливановић С. 40, 681, 684–687
 Перич 104
 Пернар 340
 Персиани И.А. 19, 179–181, 234, 442
 Першин Н.Ф. 797
 Петар I (Карађорђевић)
 Петин С.И. 103, 119
 Петкович Ж. 399
 Петр II (Карагеоргиевич) 14, 33, 93, 116,
 117, 156, 209, 210, 212, 218, 239, 240, 452,
 489, 493, 495, 855
 Петр II (Петрович Негош) 416, 445
 Петњиков 59
 Петрашевич 883
 Петров 323
 Петров В. 805, 814, 815
 Петров М. 784
 Петрова 905
 Петроваћка Ж. 761
 Петрович 250, 251
 Петрович И.М. 322–324, 376
 Петровић М. 548, 797, 899
 Петрович Н.М. 305
 Петронијевић Б. 629
 Петроцки А. 905
 Пеца 899
 Пецарски Ж. 931
 Печар М. 759
 Пешич 251
 Пешич М./Пешић М. 561, 816, 818
 Пилетић В. 919, 922
 Пилиповић Р. 74
 Пијаде М./Пијаде М. 364, 383, 792, 927
 Пилиповић 733
 Пио-Уљски Г.Н. 586, 583
 Пиштель 725
 Плавшић Б. 816
 Плаовић Р. 65, 788, 792, 795
 Платон 825
 Плетикос А.М. 267–269, 370
 Плетнев В.Д. 138, 226
 Плеханов Г.В. 133
 Плотников В.А. 745
 Погодин 419, 420
 Подгаецкий В.А. 700
 Полетика В. 884
 Полозов Б.Н. 43
 Полховская Е. 939, 940
 Полховскиј В. 900
 Пољаков П. 888
 Пољански Б.В. 59
 Полякова 206
 Попов 292, 302
 Попов А.Г. 886
 Попов Л.И. 846, 847
 Попова Е.И. 138, 227
 Попова Л.С. 776
 Попович А.П. 671, 683, 684
 Поповић, см. Голубић М.
 Поповић 915
 Поповић В. 561
 Поповић Вл. 816, 818
 Поповић Д. 515
 Поповић Ћ. 754, 755, 792
 Поповић М. 65, 788, 792, 795, 800
 Поповић П. 647
 Попович С. 647
 Поптомов В., см. Громов В.В.
 Посељски Ј. 810
 Поспјелов П.Н. 909
 Поступальский В. 384
 Пошмуга Ћ. 561
 Правица М. 757
 Правов И. 808
 Предић М. 786
 Премужич А. 86, 91, 103, 115
 Прерадовић 638
 Прешихов В., см. Кухар Л.
 Прибичевич 340
 Прибићевић М. 573, 574
 Прибичевич С. 40, 156, 231, 373, 871
 Принцип Г. 154, 155, 157, 230, 913
 Проданович Б. 398
 Продановић М. 792, 795

- Проданович Я. 398, 442, 443
 Прокоповић С. 632, 657
 Прокофјев В. 805
 Пронин В.М. 667
 Протазанов Ј. 813, 814
 Протић Ј. 607, 726, 729, 736, 738
 Протич М.И. 305, 315, 322, 323, 376
 Протич С./Протић С. 116, 123, 526, 550
 Прошитов 606
 Пруст М. 665
 Птушко А. 815
 Пудовкин В. 63, 805, 812–814
 Пул 546, 549
 Пулевич Р. 363
 Пурич Б. 107, 119
 Путник 513
 Пушкин 482
 Пушкин А.С. 27, 33, 158, 202, 237, 400, 402–407, 409, 410, 412–414, 417, 419–422, 424–429, 431–433, 443, 444, 446
 Пятницкий (Таршис) И.А. 299, 358, 374
- Радакович М.П.** 252, 253, 369
 Раденковић Д. 75
 Радич А./Радић А. 377
 Радић В. 933
 Радич С. 133–135, 224, 339, 377, 378
 Радовић М. 795
 Радојловић М. 607
 Радојчић М. 647
 Раич 321
 Раичковић П. 788
 Рајевска Н. 765
 Райкович Л. 248, 249, 251, 252
 Рајковић С. 792
 Рацитин (Ионин) Ю.Л./Рацитин Ј.Љ. 19, 57, 138, 149, 154, 206, 230, 649
 Ракич М. 148, 229, 230
 Ранђеловић В. 903
 Рашинов М. 59
 Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 27, 433, 435–437, 447
 Распопович С. 362, 363
 Ратковић М. 919, 921
 Ратманов 760
 Рачич П. 340, 378
 Рашић М. 550, 652, 736, 737
 Ревакин В.А. 288, 305
 Рейс 295
 Реммеле Г. 299, 374
 Рибар И. 65, 573, 788–791, 795, 911
- Рибникар В. 64, 229, 786, 792, 797
 Рибникар Ј. 792
 Рибникар С. 148, 229, 230
 Рибул (Риббуль) 528, 529
 Ризнич А. 420, 421
 Ристич Й. 118
 Ристић М. 792
 Ришар 864
 Рјабов Б. 899
 Рјабушински Д. 629
 Рјепин И.Е. 775
 Рклицки Н.П. 586, 700, 840
 Роговская-Христич К.Е. 138, 227
 Родзјанко М.В./Рожђанко М.В. 504, 510, 511, 554
 Родичев Ф.И. 19, 121, 221, 505
 Родченко А.М. 59, 778, 782
 Рождественски С.П. 692, 776
 Розанова О.В. 778, 782
 Розенцвайг, см. Грудман Р.Я.
 Рокотов Т.А. 28, 437, 440, 447
 Романько-Романовский Б.С. 206, 238
 Ром М.И. 815
 Ромотан Н. 657
 Ростановић Ж. 816
 Роу А.А. 815
 Рошаль Г.Л. 811
 Рубакин Н. 665
 Рудаков М. 904
 Рудзис И. 267, 269
 Руднев В.В. 193, 236
 Руднянский 382
 Рудченко П.И. 130, 223
 Ружић 883
 Рукавина Б. 86, 102, 103, 115
 Рупник Л. 484, 496
 Рус Ј. 792, 795
 Русин 483
 Рыбаков 481, 482
 Рыков А.И. 311
 Рычков И.В. 700
- Саввич** 273–276, 279, 284, 291
 Савич Д. 492
 Савић К. 792
 Савић П. 791
 Савченко П.С. 694
 Садура Д. 256, 258, 259, 261, 370
 Сазонов С.Д. 37, 89–91, 105, 110, 113, 116, 180, 234, 513
 Сазонова А.Б. 180, 234

- Сакаль А. 900
Саковић 685
Салај Д./Салај Ђ., см. Дравич А.
Саллер А. 266
Салтыков (Салтиков) Л. 628
Салтыков-Щедрин М.Е./Салтиков-Щедрин М.Е. 400
Самородич 454
Санданский-Оровчанц, см. Пантич Н.
Сандић К. 561
Сарайль М. 118
Саранов Ж.Р. 561
Сахаров В.В. 244, 367
Сацура 281, 284
Свечников 905
Свищев И. 888
Северјанин И. 629
Седлар Я. 254
Сезан П. 775
Секулич И. 275, 278, 283, 288, 298, 792
Секуловић М. 75
Селезнев И.С. 305, 326, 327
Селерс 751, 752
Селиванов 202
Селищев А.М. 386, 388, 441
Семашко Н.А. 399
Семизов А. 665
Сенкезић Е. 770
Сенютович 137
Серафим (Лада) 849, 851
Серафим (Соболев) 853
Сергеевский С.Н. 694
Сергий (Страгородский И.Н.) 491
Сертич Л. 254, 264, 266
Сикорский П.Л. 305
Силин 282, 291, 292, 330
Силкин А. 75
Симич 619
Симич Б. 26, 449, 450, 489, 492
Симич В. 788, 790
Симић Д. 791
Симић Ј. 607
Симић М. 750
Симович Д. 15, 212, 239, 240, 441, 446, 489, 495, 496, 918
Синељшиков К. 899
Синељшикова А. 899
Сисојев 897, 904
Скаржинский П.В. 130, 223
Скоблин Н.В. 691
Скородумов 606, 609
Скородумов М.Л. 845, 879–881, 888
Скородумов М.Ф. 238
Слатин А.И. 395, 443
Слатин В.И. 395, 443
Слатин И.И. 395, 443
Слоним М. 682
Смиљанић М. 792, 795
Смирнов А.П. 695
Смирнов М.С. 878, 887
Смирнов Н. 878
Смирнов С.Н. 41, 43, 49, 57, 74, 369, 526, 610, 612, 615, 622, 647, 695, 696, 698, 846, 848, 849, 856, 877, 879, 881–883, 885–887
Смирнова Н.А. 877, 878
Смољанинов 581
Смољчич И. 264, 266
Снисарева О.Д. 305
Собјески Ј. 639
Соковнин 747
Соковнина 747
Соколова 277
Соловьев В., см. Дедич М.
Соловјов В.А. 765, 766
Соловьев В.С. 188, 235, 416, 445
Соловјева Н. 765
Соловьева О. 63
Солодовников Г.И. 288, 305
Соломатин 326, 327
Сольц А.А. 23, 382
Сорокин А.П. 305, 326, 327
Сорников 283
Соскис Д. 682
Софронов М. 888
Спалайкович М./Спалајковић М. 38, 73, 110, 120, 180, 242, 510–513, 515–522, 526–529, 540–545, 554, 556, 565, 708, 711–713, 716, 717, 719–721, 723–725, 732, 750, 751, 759, 816–821, 917, 918
Спахо М. 391, 442
Спекторски Е.В. 585, 586, 629, 834
Спиридонова М. 33
Срб А. 523
Сремец З. 792, 795
Сретенович 398, 399
Стајевић С. 604
Сталин И.В./Стаљин И.В. 25, 43, 46, 311, 313, 316–319, 358, 374, 375, 381, 474, 477, 479–482, 484–486, 492, 695, 911
Стамболийский А.С./Стамболијски А. 134, 224, 677, 680
Станишич 252

- Станишић Д. 561
 Станковић Др. 789
 Станковић Ђ. 789
 Станковић М. 531–536, 654, 717
 Станковић С. 65, 788, 789, 791
 Станојев Ј. 561
 Станојевић 511, 519
 Станојевић С. 749
 Станојевич Ф. 721, 725, 758
 Старкова 479, 481
 Стасова Е.Д. 868
 Стебут А.И. 144, 229, 395
 Степа (Звонко) 899
 Стеванович П.С. 615, 617, 791
 Стелецки Б.С. 667–670, 672, 673
 Степанов 305
 Степановић С. 652, 653
 Стефан I (Неманя) 206, 238
 Стефановић 546, 549
 Стефановић Л. 792, 795
 Стийенский, см. Маркович Р.И.
 Стишинский 697
 Стојанкић Б. 65, 788, 792, 795
 Стојановић Д. 604
 Стојановић С. 64, 786, 791, 792, 795
 Стойкович 251, 252
 Стоядинович М. 456, 490
 Стоянович 302
 Страњаковић Д. 770, 771
 Стрелков 291, 292, 302
 Строганов 301, 308
 Стролова 479
 Струве П.Б. 195, 235, 629, 689
 Суворин А.С. 19, 180, 230, 234
 Суворин М.А. 180, 230, 234, 586
 Суворов 691
 Судар Л. 561
 Судимец Г. 75
 Сукин И.И. 88, 90, 100, 116
 Сундатов Т.Н. 274, 275, 288, 305
 Суслов В., см. Хеберлинг С. 274, 305, 372
 Сухомлин В. 681
 Сфорца К. 28, 437–440, 447
 Сыркин 263
- Тагач С.** 63
 Тадић Ј. 731
 Такач 283
 Тальберг Н.Д. 845
 Танненбаум 302
 Тарановский/Тарановски Ф.В. 182, 234, 586, 629, 632
 Тарасевич 140
 Тарасова А.К. 805
 Тасавац 606
 Тасић Ђ. 629, 766, 788, 790, 791
 Татарченко А.А. 647
 Татлин В.Е. 59, 150, 776, 777, 779, 782, 783, 785
 Теодорович Ф.П. 305
 Теофан 889
 Теревинский В.И. 139, 228
 Терентијев А.В. 743, 745
 Терзић Б. 508, 509, 523, 536, 543, 719, 930
 Терзич В. 491, 492
 Тешич С. 615
 Тимошенко С.К. 861
 Типек П. 843, 844
 Тито Броз Јосип 15, 25, 26, 32, 44, 46, 240, 241, 450, 464, 465, 467, 469, 471, 476, 477, 480–484, 486, 489, 490, 492–495, 796, 798, 799, 860–862, 864, 907, 918, 934
 Титов Ф.И. 682, 686
 Тихон 491, 821–823
 Ткачев В.М. 583
 Тодоров К. 677, 680, 681
 Тодорович М.И. 324, 376
 Токин Б. 61
 Токмановић Р. 561
 Толстој А. 587
 Толстой В.И. 140, 141, 158, 228
 Толстой И.И. 690
 Томац М. 254, 267, 369
 Томашевский Б.В. 33
 Томашич 385
 Томић В. 606
 Томић Н. 75
 Томић С. 607
 Топић М. 561
 Торош 248
 Тотомјанц В. 629
 Требинц 246
 Трилиссер М.А. 311
 Триоле Е. 61, 785
 Трифуновић М. 629
 Тројицки Б. 628
 Тројицки С.В. 74
 Трох Д. 254
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д./Троцки Л.Д. 108, 119, 313, 318, 371, 374, 381, 447, 515, 517, 518, 533, 534, 542, 715, 717, 726, 729
 Троян 246

Троянович С. 134, 225
Трумбич А. 40, 90, 117, 491, 731, 732
Трухолка Б. 629
Туермо 908
Туманский Ф.А. 419, 420, 425, 446
Тумим В. 895, 899
Тумим З. 896
Тумим П. 898
Тумим-Петрова Н. 895
Туржанский П.Н. 882
Туркин Н.В. 69
Турнер Х. 850
Туфегџић М. 816
Тухачевски М.Н. 672
Туцаковић Т. 255, 792

Удальцова Н.А. 776

Узелац Д. 561
Узунович Н. 391, 428, 442, 490
Ујчић Т. 770
Уљанов С. 658
Урошевић К. 748
Урошевић М. 577
Урсати 607
Урусов Л.В. 221
Утјесов Л.О. 805

Фан-Нолија 679

Фанцев Ф. 384
Фармаковски В.В. 586, 628
Фатанович И.С. 305, 312–314, 316, 375
Федоров М.М. 19, 121, 221
Федосејев Д. 905
Феодосий 848
Феофан 607
Ферхмин Г.Ю. 856
Филатъев 887
Филимонов Н.Е. 886
Филимонова 480
Филипович И. 248, 249
Филипович Ф., см. Бошкович Б.
Филиппов Ю.М. 883
Флейшер, см. Гржетич С.П.
Флуг В.Е. 583, 836, 840
Фостиков М.А. 223
Фотиј 819
Фотич К. 64, 417, 446, 787
Франц Фердинанд 154, 231
Францев В.А. 27, 426, 446, 628
Френсис 751, 752, 762
Фридман 293, 297
Фридман Ј. 658

Фркович И.Б. 275, 280, 281, 283
Фрумкина (Лившиц) М.Я. 21, 24, 291, 293,
294, 297, 303, 304, 307, 308, 310, 326, 327,
373, 382

Хаджич С./Хаџић С. 246, 368, 552, 553,
671, 683

Хадсон Д.Т. (Билл) 494
Хазе Х. 735
Хамфрис 763
Харамия В. 264, 266
Харин Н.Н. 847
Хеберлинг С., см. Суслов В.Е.
Хебранг 910
Хегла 729
Хиршл А. 883
Хитлер А. 685
Хлебников В. 150
Хлебников И.П. 305, 326
Ходасевич В.Ф. 235, 419–421, 446
Хођер С. 683
Холодков П.Ф. 138, 156, 231
Хорват 116, 638
Хофман 517
Хранилович 247
Хрибар 330

Цајкин 724

Царев М.И. 805
Царик Г.И. 690
Цветич 246
Цветкович 456
Цветкович Д. 496, 685
Цвијановић Б. 388
Цвијић 635
Цвијовић Ј. 821
Целинский 306
Цемович М. 37, 242, 367, 507, 512, 746, 748
Цесарская Е.В. 805
Цилига А., см. Задворный П.А.
Цилига Л., см. Задворная Л.
Цинцар-Маркович А. 685, 741, 743–745
Цонић Д. 818
Цявловский М.А. 33, 425, 446

Чекмасов А. 888

Челноков М.В. 122, 221, 581, 612
Червјаков Ј. 808
Черепов А.Ф. 63
Черников Ђ. 658
Чернишов Н.А. 682, 938
Чернов В. 666, 667

- Чернышевский 133
 Чернявский 293, 297
 Черняев М.Г./Черњајев М.Г. 202, 237, 582
 Чижинский Й., см. Горкич М.
 Чижов П.Н. 881
 Чириков Е.Н. 190, 195, 236, 396
 Чириков И. 629
 Чолак-Антић Б. 527, 722–725
 Чолаковић Р. 721, 792, 795, 800
 Чонкић С. 561
 Чопић В. 734, 867, 868, 872
 Чубин Љ. 770
 Чубинский М.П. 130, 158, 223, 231, 395, 633, 701
 Чуйкин 479
 Чукчаев 314
 Чулков Н.П. 427, 447
 Чурчин М. 384, 385, 441
- Шагал М.З.** 781, 783
 Шајкевић 685
 Шајновић М. 242, 367, 525, 527, 543, 545, 719, 724, 748–752, 756, 757
 Шарц 719
 Шатев П. 797
 Шатилов П.Н. 137, 226, 691
 Шатров 676
 Шаховские 205
 Шварцман М. 658
 Шевић 638
 Шевченко Т. 884
 Шемякин А.Л. 17, 29, 75
 Шенгелая Н. 808
 Шенгок В. 370
 Шеншин 887
 Шепченко Н. 906
 Шершеневич 150
 Шестов 673
 Шијан Д. 792
 Шимченко П. 682
 Широбокова Т. 841
 Шицер Б. 264, 266
 Шишич Ф. 385, 441
 Шкаровски М.В. 74, 75
 Шклярров И.А. 692
 Шликкер 887
 Шмелев/Шмељов И.С. 195
 Шмераль Б. 289, 297, 299, 374
 Шмит В.П. 694
 Шнајдеров В. 805
 Шнэ А. 140, 144, 228
- Шранцер Ф. 264, 266
 Штейнберг А.А. 382, 383
 Штейфон Б.А. 854, 855, 858, 891
 Штеренберг Д.П. 778
 Штиблер М. 650, 788, 792
 Штимац 248
 Штрандтман В.Н. 18, 90, 95, 106, 107, 109–114, 117, 169, 180, 607, 612, 615, 618, 743, 846, 888
 Штросмајер 639
 Штюрмер Б.В. 430, 447
 Штюрмер (Штирмер) Ю.Б. 430, 431, 437, 447
 Шубашич И. 26, 474, 480, 495
 Шуберт 737, 739
 Шульгин 275, 277, 278, 281, 282
 Шульгин В.В. 690
 Шумања Б. 561
 Шуменковић И. 743, 745
 Шуменковић М. 788
 Шупица М. 561
 Шуштершич 104
 Щербаков А./Щчербаков А.Ј. 830
 Шушак Т. 253–255
- Экк Э.В.** 63, 137, 202, 226
 Экстер 150
 Эльс 858
 Эренбург И.Г./Еренбург И. 26, 60, 61, 486, 496
 Эшмит-Бартлетт Э. 393, 443
- Юн М.** 266
 Юренев Г.М. 138, 227
 Юстинич Н. 264, 266
 Юян 292
- Яблоновский (Снадзский) А.А.** 19, 57, 183, 186, 191, 195, 234
 Яворский 320
 Ягода Г.Г. 311
 Язвицкий В.Г. 95, 105, 118
 Яковлевич 250, 251
 Яничевич П., см. Киселев Е.Н.
 Янчевецкая О.П. 138, 226
 Яхонтов А. 940

Список сокращений
/ Скраћенице

АВНОЮ – Антифашистское вече народного освобождения Югославии
АН СССР – Академия наук СССР
англ. – английский
АПО, Агитпропотдел – Агитационно-пропагандистский отдел
арх. – архитектор
БКФ – Балканская коммунистическая федерация
БКП – Болгарская коммунистическая партия
бывш. – бывший
БЭС – Большой энциклопедический словарь
ВАРЗ – Вагоноремонтный завод
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи
ВНП – Временное народное представительство
ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВСЮР – Вооруженные силы Юга России
вуз – высшее учебное заведение
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ВЮНК – Временный югославянский народный комитет в России
г.р. – год рождения
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ген. – генерал
Генштаб – Генеральный штаб
Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств (позднее – Главное управление по охране государственных тайн в печати)
г-н, г-да, г-жа – господин, господа, госпожа
горком – городской комитет
Горгубинститут – Московский городской научно-исследовательский туберкулезный институт
гос... – государственный
ГПЗ – Государственный подшипниковый завод
ГПУ – Государственное политическое управление
губ. – губерния
Д. – дело
дип... – дипломатический
Добармия – Добровольческая армия
док. – документ
д-р – доктор
ДФЮ – Демократическая Федеративная Югославия
е.в. – его величество
ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество
ЗАГС – отдел записи актов гражданского состояния
зав. – заведующий
зам. – заместитель
и.д. – исполняющий должность
и.о. – исполняющий обязанности

ИКК – Интернациональная контрольная комиссия (Коминтерна)
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИККИМ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала Молодежи
ИКП – Институт красной профессуры
им. – имени
интербригада – интернациональная бригада
исполком – исполнительный комитет
ист. – исторический
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
КА – Красная армия
КГБ – Комитет государственной безопасности
КДК (лат. – СДС) – Крестьянско-демократическая коалиция
КИМ – Коммунистический интернационал молодежи
ком... – коммунистический
...ком – комитет
Коминтерн, КИ – Коммунистический Интернационал
комн. – комната
комсостав – командный состав
Королевство СХС – Королевство сербов, хорватов и словенцев
КП, компартия – коммунистическая партия
КПЮ – Коммунистическая партия Югославии
культпросветработа – культурно-просветительная работа
КУНМЗ – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада
Л. – лист
лит... – литературный
м.б. – может быть
МВД – Министерство внутренних дел
МГК, МК – Московский городской комитет
МГУ – Московский государственный университет
мед... – медицинский
МИД – Министерство иностранных дел
мининдел – министр иностранных дел
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
МТС – машинно-тракторная станция
МХТ – Московский художественный театр
нарком – народный комиссар
наркомат – народный комиссариат
Наркоминдел, НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
наст. – настоящий
нац... – национальный
нацмен – представитель национального меньшинства
НГХ – Независимое Государство Хорватия
Немсектор – немецкий сектор
НИИ – научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКЗ – Народный комиссариат земледелия
 НКОЮ – Национальный комитет освобождения Югославии
 НОАЮ – Национально-освободительная армия Югославии
 ОАХ – см.: Осоавиахим
 об. – оборотный
 обком – областной комитет
 ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР
 окружком – окружной комитет
 Оп. – опись
 опубл. – опубликовано
 орг... – организационный
 ...орг – организатор
 отв. – ответственный
 Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
 ОЧНС – Отделение Чехословацкого национального совета в России
 п. – пункт
 парт... – партийный
 ПБ, политбюро – политическое бюро
 пед... – педагогический
 пер. – перевод
 полит... – политический
 полпред – полномочный представитель
 помкомроты – помощник командира роты
 пр. – прочий
 практ... – практический
 предсельсовета – председатель сельсовета
 проп... – пропагандистский
 проф. – профессор
 проф... – профессиональный
 псевд. – псевдоним
 рай... – районный
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 Реввоенсовет – Революционный военный совет
 ревком – революционный комитет
 РИК – районный исполнительный комитет
 РК – районный комитет
 РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия
 РКП, РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РОВС – Русский общевоинский союз
 РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
с., стр. – страница
с.г. – сего года
с.м. – сего месяца
сб. – сборник
св. – святой
СВАРЗ – Сокольнический вагоноремонтный завод
СДС (лат.) – см. КДК
сельсовет – сельский совет
семфонд – семенной фонд
серб. – сербский
СНК – Совет Народных Комиссаров СССР
СНП – Словенская народная партия
сов. – совершенно
сов... – советский
Совдеп, Совдепия – Советы депутатов
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
...строй – строительство
Т. – том
т.е. – то есть
т.к. – так как
т.н. – так называемый
т.п. – тому подобное
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
тур. – турецкий
Уд. – условное дело (архивное)
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
устар. – устарелый
Ф. – фонд
физ... – физический
фр. – французский
ФНРЮ – Федеративная Народная Республика Югославия
ХКП – Хорватская крестьянская партия
ЦГА – Центральный государственный архив
ЦБ – Центральное бюро
ЦИК – центральный исполнительный комитет
ЦК – центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦМЛ – Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики
ЦЮБ – Центральное югославянское бюро
Ч. – часть
ЧК, чрезвычайка – Чрезвычайная комиссия
ЮКСМ – Югославский Коммунистический Союз молодежи
ЮМО – Югославская мусульманская организация
яз. – язык

Москва – Сербия, Белград – Россия
Сборник документов и материалов
Том 4 / Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг.

Москва – Србија, Београд – Русија
Документа и материјали
Том 4 / Руско-српски односи. 1917–1945.

Ответственные редакторы / Одговорни уредници

Онопенко Я.А.
Перишић Мирослав

Авторы-составители / Приређивачи

Тимофејев Алексеј
Милорадовић Горан
Силкин А.А.

Археограф

Тесемникова Н.А.

Рецензенты / Рецензенти

Шемякин А.Л.
Вишняков Я.В.
Денда Далибор

Редакторы / Уредници

Гришина О.А.
Рафаиловић Александар

Корректоры / Коректори

Логачева Е.И.
Топычанова А.И.
Милорадовић Маша

Компьютерная верстка / Компјутерски слог

Горшкова Е.В.
Дикарева А.С.

Составление иллюстративного ряда

Костарева Л.Г.

Компьютерная подготовка текста

Пушков Л.В.

Ответственный за выпуск

Костарева Л.Г.

CIP - Каталогизacija у публикацији - Народна библиотека Србије, Београд
327(497.11:470)"1917/1945"(093.2)

316.73(497.11:470)"1917/1945"(093.2)

ТИМОФЕЈЕВ, Алексеј. 1977-

Москва - Србија, Белград - Россия : сборник документов и материалов.

Том 4, Русско-сербские отношения. 1917-1945 гг. = Москва - Србија,

Београд - Русија : документа и материјали. Том 4, Руско-српски односи.

1917-1945. / авторы-составители / приређивачи Алексеј Тимофејев, Горан

Милорадовић, Александр Силкин. - Београд : Архив Србије ; Москва : Главное

архивное управление города Москвы, 2017 (Москва: ООО «Алатырь»). - 1008 стр. : табеле ; 24 см

Рус. текст и срп. превод. - Тираж 300. - Стр. 9-33: Без России и Сербии :

Русско-сербские отношения. 1917-1945 / А. Силкин. - Стр. 34-53:

Сербско-русские общественно-политические отношения в период

национальной трагедии. 1917-1945 / А. Тимофеев. - Стр. 54-71: Культурные

связи крепче политических: Сербия и Россия. 1917-1945 гг. / Г.

Милорадович. - Напомене уз текст. - Скраћенице. стр. 1002-1006. -

Библиографија уз поједина поглавља. - Регистар.

ISBN 978-86-80786-02-5 (AC)

ISBN 978-5-7228-0262-0 (ЦГА Москвы)

1. Милорадовић, Горан, 1965- [аутор]

2. Силкин, Александар, 1977- [аутор]

а) Србија - Русија - 1917-1945 - Историјска грађа

COBISS.SR-ID 229144844

МОСКВА – СЕРБИЈА

Москва – Сербия / Белград – Россия
БЕОГРАД – РУСИЈА